РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

ISSN 2306-9015

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ–XXII

Материалы чтений, посвященных памяти
профессора Иосифа Моисеевича Тронского

INDO-EUROPEAN LINGUISTICS AND CLASSICAL PHILOLOGY–XXII

Proceedings of the 22nd Conference
in Memory of Professor Joseph M. Tronsky

18–20 июня 2018 г. – June 18–20, 2018

Первый полутом

Санкт-Петербург
Наука
2018

УДК 80/81
ББК 81.2
И 60

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ-XXII (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 18–20 июня 2018 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. Первый полутом (с. 1–794). СПб.: Наука, 2018. – 794 с.

INDO-EUROPEAN LINGUISTICS AND CLASSICAL PHILOLOGY-XXII (Joseph M. Tronsky memorial Conference). Proceedings of the International Conference, St. Petersburg, 18–20 June, 2018. / Edited by Nikolai N. Kazansky. Part I (pp. 1–794). St.Petersburg: Nauka, 2018. – 794 p.

ISSN 2306-9015 Indoevropejskoe âzykoznanie i klassičeskaâ filologiâ
DOI:10.30842/ielcp2306901522

РЕДКОЛЛЕГИЯ:
академик РАН Н. Н. Казанский (отв. редактор);
Prof. Dr. G. Blažienė (Vilnius), Prof. Dr. V. Blažek (Brno),
д. филол. н. Н. А. Бондарко, д. истор. н. Н. В. Брагинская,
д. филол. н. Н. П. Гринцер, д. филол. н. А. В. Грошева,
Prof. Dr. H. Eichner (Wien), к. филол. н. П. А. Кочаров,
к. филол. н. Е. Р. Крючкова (отв. секретарь),
Prof. Dr. D. Petit (Paris), д. истор. н. А. В. Подосинов,
д. филол. н. А. Н. Соболев, д. филол. н. А. И. Солопов,
д. филол. н. А. И. Фалилеев, к. филол. н. А. В. Шацков

Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН

Конференция проходит в рамках постоянно действующей
Школы индоевропейского сравнительно-исторического языкознания
при ИЛИ РАН

ISSN 2306-9015
ISBN 978-5-02-040351-2
DOI:10.30842/ielcp2306901522

© Коллектив авторов, 2018
© ИЛИ РАН, 2018
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ
первого полутома

Александров Б. Е. Статья 173b Хеттских законов в свете некоторых параллелей из правовых традиций древности и средних веков..... 9
Андреев А. В. Синтаксически управляемая разметка нестандартных текстов (на материале «Катехизиса» 1595 г. М. Даукши)..... 38
Архангельский Т. А., Кисилиер М. Л. Корпуса греческого языка: достижения, цели и задачи..... 50
Афиногенов Д. Е. Рассказ об осаде Константинополя в 717–718 г. в хронике Феофана Исповедника: следы редакторской работы..... 60
Ахунова (Левинская) О. Л. 12 Пифийская ода Пиндара: сестры-Горгоны и авлетика..... 68
Балашевич Д. Д. Дискурсивный анализ лексики в помакском диалектном нарративе о свадебном обряде..... 81
Беликов А. Е. Учение о статусах у Квинтилиана (ad inst. or. 3. 6.88, 94)..... 91
Белянкин Ю. С. Новонайденные рукописи XVIII в. по греческой и латинской филологии..... 102
Блажене Г. / Blažienė G. Zu den russischen Personennamen in den Folianten des Deutschen Ordens..... 109
Боброва О. Б. Языковые метафоры с семантикой артефакта в «Ταξιδεύοντας. Ρουσία» Н. Казандзакиса..... 125
Бодниеце Л., Кучинскиене А., Лотман М.-К. / Bodniece L., Kučinskienė A., Lotman M.-K. Greek proper names in ancient literature textbooks on the example of Baltic countries... 141
Бокова Н. С. О чем умолчал историк и рассказал камень: роль Гая Юлия Классициана в покорении Британии..... 161
Болотов С. Г. [Второй, «назально-кластерный»] закон Турнейзена, латинские герундивы, латинские nomina abstracta на *-ō*, *-inis* и... закон Клуге. Ч. IV. Сочетания с гуттуральными (продолжение)..... 170
Бондарко Н. А. Переводы и адаптации «Откровений» Бригитты Шведской в позднесредневековой Германии: постановка проблемы..... 182
Бондарь В. А. Перфект в современных британских диалектах..... 198
Брагинская Н. В., Шмаина-Великанова А. И. Символическая повесть. Часть II..... 211
Братухин А. Ю. Из чего Бог создал мир (к вопросу об использовании одного платоновского термина Климентом Александрийским)..... 240
Братухина Л. В. Постэллинизм Татиана..... 249
Буклагина И. С. Декрет в честь Диофанта в контексте скифо-боспорских отношений..... 258
Ванюков А. С. Почему огородника назвали несчастным. Два замечания о «Перриане» (VA G, 37)..... 267

Васильева И. Э., Кисилиер М. Л. «Греческий миф» у греков Приазовья..... 274
Васильков Я. В. О ключевом термине армянского эпоса «Сасунские безумцы» в связи с индо-армянскими эпическими параллелями..... 292
Верещагина А. В. К вопросу о суффиксальном способе образования древнегреческих антропонимов..... 302
Виноградов А. Ю., Каштанов Д. В., Понарядов В. В. Греческий текст и греческое письмо в Кабарде XVI–XIX веков..... 310
Волошина О. А. Ритуальные истоки лингвистического анализа в грамматике Панини..... 323
Воробьев Г. М. О природе латинского названия рыбы sargiacus (Arist. *Hist. An.* 610b6)..... 333
Ганина Н. А. / Ganina Natalija. Latein im Lübischen Recht..... 346
Гимадеев И. Р. Была ли известна жевательная резинка в эпоху Горация? (о значении слова *pastillus* у Hor. sat. I 2, 26; 4, 91) 355
Гнатишак М. / Hnatyshak M. Lexical-syntactical means of compensation of the elliptical simple sentences in the tragedies by Sophocles..... 362
Григорьева Е. В. / Grigoryeva E. V. David der Unbesiegbare, «Auslegung der Analytik des Aristoteles»: einige Beobachtungen zum Sprachgebrauch der armenischen Übersetzung..... 370
Грошева А. В. Эпитеты Гермеса в гомеровском эпосе («Илиада» и «Одиссея»)..... 379
Гусейнов Г.-Р. А.-К., Мугумова А. Л. Индоарийские миграции и проблема локализации индоевропейской прародины. К постановке вопроса..... 391
Дмитриева С. И. / Dmitrieva S. I. Nasal-infixed imperfects and their collateral aorists in Homeric Greek: a diachronic approach 397
Домосилецкая М. В. Название чайного растения *тимьян* (*Thymus*) в балканском лингвистическом контексте..... 415
Дувакин Е. Н. Греко-латинско-кавказские связи в области мифологии на евразийском фоне..... 452
Евдокимова А. А. К проблеме чтения византийских надписей плохой сохранности..... 464
Еселева А. А. / Eseleva A. A. The language of mystics in middle English texts by Julian of Norwich and Margery Kempe..... 467
Желтова Е. В. Косвенная засвидетельствованность в латинском языке..... 473
Жолудева Л. И. Прономинализация непереходных глаголов в итальянском языке..... 489
Жугра А. В. Dativus Ethicus в албанском эпическом тексте (некоторые наблюдения)..... 499
Забудская Я. Л. «Трагедийная» лексика в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха..... 518
Иваненко А. В. К проблеме этимологической интерпретации индоарийской гидронимии Северного Причерноморья: **mermada* : **mermoda*..... 528

Иванов С. В. / Ivanov S. V. Cat's brain and cryptography: Two notes on medieval recipes from the MS BNF NAL 693..... 540
Илиади А. И. Иранские языковые реликты в словацкой исторической топонимии..... 557
Илюшечкина Е. В. Из истории классической филологии – 2: гуманистические комментарии XV–XVI вв. к *Naturalis historia* Плиния Старшего..... 567
Исаенко Р. А. Обет Публия Сервилия..... 583
Казанская М. Н. / Kazanskaya M. N. What was the name of Mimnermus' father?..... 592
Казанскене В. П. Древнегреческие λειμών и λιμήν: история и происхождение..... 611
Кириллова М. Н. О чем был «закон божественного Августа»?..... 619
Клейнер С. Д. «Увидят царство Божие, пришедшее в силе»: греческие зависимые причастия в готском отражении..... 628
Корсо А. / Corso Antonio. *Opera nobilia* at Parion..... 634
Корчагин А. О. К вопросу о значении слова κεραία в Новом Завете..... 648
Котова А. В. Об источниках группы сравнений в «Аргонавтике» Валерия Флакка (6. 604–608, 609–612, 613–617)..... 656
Кочаров П. А. Этимология др.-арм. *sksanim* 'начинать(ся)'..... 666
Крючкова Е. Р. Прошедшее время в эдиктах Ашоки и в их греческих переводах..... 673
Кузьменко Ю. К. Особенности скандинавских надписей старшими рунами на камнях (II–VII вв. н. э.)..... 683
Курилова А. Д. Элементы политического красноречия в московской рукописной риторике "Diademma ex immarcessibilibus floribus Tullianae" (1745–1746)..... 707
Лебедев А. В. / Lebedev A. V. The Derveni papyrus and Prodicus of Ceos..... 713

CONTENTS
Part I

Alexandrov B. E. § 173b of the Hittite law code in the light of some Ancient Near Eastern and medieval parallels..... 9
Andreev A. V. A method of syntactically-constrained morphological annotation (as applied to «Katechismas» of 1595 by M. Daukša)..... 38
Arkhangelskiy T. A., Kisilier M. L. Corpora of Modern Greek: achievements and goals..... 50
Afinogenov D. E. The account of the siege of Constantinople (717–718) in the Chronicle of Theophanes Confessor: traces of editorial work..... 60
Akhunova (Levinskaja) O. L. Pindar's Twelfth Pythian: Gorgon-sisters and Auletics..... 68
Balashevich D. D. Discursive analysis of vocabulary in the Pomak dialect narrative about the wedding rite..... 81
Belikov A. E. Quintilian's doctrine of stasis (ad inst. or. 3. 6. 88, 94)... 91

Beliankin Y. S. Newly discovered XVIII century manuscripts on Greek and Latin philology..... 102
Blažienė G. On Russian Personal Names in the Folios of the Teutonic Order..... 109
Bobrova O. B. Language Metaphors of Artefact Semantics in Nikos Kazantzakis' «Ταξιδεύοντας. Ρουσία»..... 125
Bodniece L., Kučinskienė A., Lotman M.-K. Greek proper names in ancient literature textbooks on the example of Baltic countries... 141
Bokova N. S. The Historian conceals, the stone tells: the role of Gaius Julius Classicianus in the conquest of Britain..... 161
Bolotov S. G. [The second] Thurneysen's law (the law of the nasal clusters), Latin gerundives, Latin *nomina abstracta* in *-ō*, *-inis*, and… Kluge's law. Pt. IV. Clusters with the velars..... 170
Bondarko N. A. Translations and adaptations of St. Birgitta of Sweden's «Revelationes» in later medieval Germany: a statement of the problem..... 182
Bondar' V. A. Perfect in the dialects of the British variety of Present-Day English..... 198
Braginskaya N. V., Shmaina-Velikanova A. I. A Symbolical Tale. Part II..... 211
Bratukhin A. Yu. What did God create the world from (to the question of using one of Plato's terms by Clement of Alexandria)..... 240
Bratukhina L. V. Tatian's post-Hellenism..... 249
Buklagina I. S. Decree in honor of Diophantos in the context of Scythian-Bosporan relations..... 258
Vanyukov A. S. Why was the gardener called a miserable wretch. Two remarks on Perriana (VA G, 37)..... 267
Vasileva I. E., Kisilier M. L. «Greek myth» of Azov Greeks..... 274
Vassilkov Y. V. On the key term of the Armenian epic «The Daredevils of Sassoun» («Sasna c'rer») in connection with Indo-Armenian epic parallels..... 292
Vereshchagina A. V. On the issue of suffixal method of formation of ancient Greek anthroponyms..... 302
Vinogradov A. Yu., Kashtanov D. V., Ponaryadov V. V. Greek texts and Greek script in Kabardia (16th – 19th centuries)..... 301
Voloshina O. A. Ritual basis of linguistic analysis in the grammar of Panini..... 323
Vorobyev G. M. On the Latin fish name *sargiacus* (Arist. *Hist. An.* 610b6)..... 333
Ganina Natalija. Latin in the Lübeck Law..... 346
Gimadeev E. R. Chewing gum in the time of Horace (the semantics of the term *pastillus* in Hor. sat. I 2, 26; 4, 91)..... 355
Hnatyshak M. Lexico-syntactic means of compensation of the elliptical simple sentences in the tragedies of Sophocles..... 362
Grigoryeva E. V. Some remarks on word usage in the Armenian translation of the Commentary on the Prior Analytics..... 370
Grosheva A. V. Epithets of Hermes in Homer's epic poems «Iliad» and «Odyssey»..... 379

Guseynov G.-R. A.-K., Mugumova A. L. Indo-Aryan migrations and the problem of localization of the Indo-European homeland..... 391
Dmitrieva S. I. Nasal-infixed imperfects and their collateral aorists in Homeric Greek: a diachronic approach..... 397
Domosiletskaya M. V. The names of quasi-tea plants within the Balkan linguistic context. 3. Thymus (thyme)..... 415
Duvakin E. N. Ancient Greek – Latin – Caucasian mythological links in the Eurasian context..... 452
Evdokimova A. A. To the problem of reading Byzantine inscriptions of poor preservation..... 464
Eseleva A. A. The language of mystics in middle English texts by Julian of Norwich and Margery Kempe..... 467
Zheltova E. V. Indirect evidentiality in Latin..... 473
Zholudeva L. I. Pronominalization of intransitive verbs in the Italian language..... 489
Zhugra A. V. Dativus Ethicus in Albanian epic texts (some remarks)... 499
Zabudskaya Ya. L. «Tragic» vocabulary in Plutarch's *Lives*..... 518
Ivanenko A. V. Towards the etymology of Indo-Arian hydronymy of the Nothtern Black Sea Coast: **mermada* : **mermoda*..... 528
Ivanov S. V. Cat's brain and cryptography: Two notes on medieval recipes from the MS BNF NAL 693..... 540
Iliadi A. I. Iranian language relicts in Slovak Historical Toponymy..... 557
Ilyushechkina E. V. From the history of the Classical Philology-2: Humanistic Commentaries of the 15–16 centuries on the Naturalis historia by Pliny the Elder..... 567
Isaenko R. A. Publius Servilius' vow..... 583
Kazanskaya M. N. What was the name of Mimnermus' father?..... 592
Kazanskiene V. P. Greek λειμών and λιμήν: history and origin..... 611
Kirillova M. N. What was the content of *lex divi Augusti*?..... 619
Kleiner S. D. «... before they see the Kingdom of God arrive in great power». Greek dependent participles in Gothic translations..... 628
Corso A. *Opera nobilia* at Parion..... 634
Korchagin A. O. On the meaning of the Greek word κεραία in the New Testament..... 648
Kotova A. V. On sources of the group of similes in Valerius Flaccus' «Argonautica» (6. 604–608, 609–612, 613–617)..... 656
Kocharov P. A. The origin of Arm. *sksanim* 'begin'..... 666
Kryuchkova E. R. Past tenses in the Edicts of Ashoka and in their Greek translations..... 673
Kusmenko Ju. K. Peculiarities of North Germanic inscriptions in elder runes on stones (2nd-7th c. AD)..... 683
Kurilova A. D. Elements of political eloquence in the Moscow manuscript rhetoric «Diademma ex immarcessibilibus floribus Tullianae»..... 707
Lebedev A. V. The Derveni papyrus and Prodicus of Ceos..... 713

DOI:10.30842/ielcp230690152201

Б. Е. Александров

СТАТЬЯ 173B ХЕТТСКИХ ЗАКОНОВ В СВЕТЕ НЕКОТОРЫХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ ИЗ ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЙ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНИХ ВЕКОВ[1]

Интерпретация параграфа 173b Хеттских законов о строптивом рабе представляет собой одну из давних проблем в изучении хеттского клинописного права. Особые сложности связаны с пониманием пассажа, который в буквальном переводе означает «раб должен пойти в горшок». Большинство исследователей полагало, что параграф предусматривал смертную казнь или заключение. В статье предлагается обратить внимание на возможные параллели в других правовых традициях. Так, месопотамские и библейские источники, согласно реконструкции Д. Боди, сохранили свидетельства об особом типе расправы, который характеризуется чертами ордалии: человека бросали в яму или цистерну и оставляли без пищи на произвол судьбы. Поскольку место или средство наказания, упомянутое в хеттском законе, могло представлять собой большую емкость, то между месопотамско-библейскими и хеттскими данными можно провести аналогию. Другой возможной параллелью, проливающей свет на смысл параграфа 173b, может быть засвидетельствованный в древнегерманском праве обычай ордалии кипятком (*Lex Visigothorum, Lex Salica*). Эти параллели позволяют понимать хеттский текст как «Если раб заявит, что свободен от господина, то он должен пойти к котлу» и интерпретировать как ретенцию древней общеиндоевропейской традиции.

Ключевые слова: Хеттские законы, система наказания, смертная казнь, заключение, ордалия, рабство, рабы.

Введение

Сборник Хеттских законов принадлежит к числу важнейших памятников древневосточного права, история изучения которого насчитывает уже почти сто лет. Несмотря на значительный прогресс, достигнутый за этот период, некоторые положения судебника до сих пор не поддаются ясному тол-

[1] Статья написана при финансовой поддержке гранта РНФ 16-18-10343. Автор выражает искреннюю благодарность А. А. Немировскому за высказанные им замечания и предложения. Автор также признателен всем коллегам, принявшим участие в обсуждении первоначального варианта статьи в ходе VI Дьяконовских чтений в С.-Петербурге 17 апреля 2018 г.

кованию. Одним из них является статья 173b, в которой назначается наказание непокорному рабу[2]. В литературе высказывались различные точки зрения относительно того, в чем состоит вина раба, какова связь статьи с предыдущим параграфом 173a, посвященным сопротивлению воле царя или сановника. Наконец, особую сложность представляет интерпретация наказания, назначаемого рабу. В этой статье мы постараемся привести дополнительный материал, который, на наш взгляд, может пролить новый свет на этот непростой вопрос.

1. Текст статьи и его переводы

Текст статьи 173b гласит (Hoffner 1997a: 138):

(вариант *aa*) KUB 29.32: 6 + KBo 25.85: 2

[*ták-ku* ÌR-*aš iš-hi-iš-ši a-ra-*] ⌜*a*⌝*-u-ez-zi* [*A-NA* ^{DUG}ÚTUL] *pa-i*[*z-zi*]

(вариант *p*) KBo 6.26 II 14–15

ták-ku ÌR-*aš iš-hi-iš-ši a-ra*<*-u*>*-ez-zi A-NA* ^{DUG}ÚTUL *pa-iz-zi*

Этот текст переводился исследователями по-разному. Ниже приведены основные версии.

Б. Грозный (1922): «Si un esclave (contre) son maître s'élève dans le (grand) pot il va», с разъяснением в примечании, что под ^{DUG}ÚTUL 'pot' может пониматься «котел» (Hrozný 1922: 133).

Э. Нойфельд (1951): «If a slave rises against his master, he shall go to the pot», с разъяснением в примечании: «Probably he was potted, i.e. buried in the pot» (Neufeld 1951: 47).

И. М. Дунаевская (1952): «Если раб поднимется на своего господина, *то* он должен быть брошен в водоем» (*apud* Dyakonov 1952: 277). Значение 'водоем' для шумерограммы ^{DUG}ÚTUL (или DUG-KAM) И. М. Дунаевская предположила исходя из ее употребления в статье 25, где обозначаемое ей понятие поставлено в один ряд со словом *lula-* 'пруд' (ibid.: 261).

Вяч. Вс. Иванов (1963; 1980; 2002): «Если раб восстанет против своего хозяина, то он должен ... (букв. "пойти в

[2] Сразу оговоримся, что правовой статус социальной группы, обозначаемой в Хеттских законах как рабы (ÌR), представляет собой еще не решенный наукой вопрос. Поскольку он не имеет прямого отношения к задачам статьи, мы воздерживаемся от принятия какой-либо точки зрения в возникшей в связи с этим вопросом дискуссии. Употребление в статье слова «раб» без кавычек носит нейтральный характер.

горшок")» (Struve, Reder 1963: 323; Korostovtsev, Katsnel'son, Kuzishchin 1980: 287; Kuzishchin 2002: 341)[3].

Ф. Импарати (1964): «Se un servo contro il suo padrone si leva, in un calderone (?) sia gettato» (Imparati 1964: 160–161).

А. Гётце (1969): «If a slave rises against his master, he shall go into the *pit*» (Goetze 1969: 195)[4].

Й. Фридрих (1977): «Wenn sich ein Sklave gegen seinen Herrn erhebt, geht er zum Topfe» (Friedrich 1977: 77).

Р. Хазе (1979): «Wenn ein Sklave seinem Herrn (zu nahe) herankommt, geht er in den Topf» (Haase 1979: 87).

Э. фон Шулер (1982): «Wenn ein Sklave seinem Herrn [...-]t, geht er in den Topf» (von Schuler 1982: 119).

Этимологический словарь Я. Пухвела (1984) и Чикагский словарь хеттского языка (1997): «If a slave rises up against his master, he shall go into the pot» (Puhvel 1984: 123, только протасис; CHD P 1997: 40b). При этом авторы Чикагского словаря дополнительно разъясняют санкцию: «(That is) he shall be executed».

Х. Хоффнер, автор современного критического издания законов, (1997, 2000): «If a slave declares himself free from his owner, he shall go into a clay jar» (Hoffner 1997a: 139)[5].

2. Состав преступления

Понимание того, в чем состояла вина раба, зависит от интерпретации глагольной формы аподосиса (Hoffner 1997a: 219). Ранняя версия законов содержит глагол *a-ra-a-u-ez-zi*[6], который восходит к прилагательному *araweš-* 'свободный' и

[3] Как видим, автор последовательно отказывался от интерпретации санкции статьи, предлагая лишь ее буквальный перевод.

[4] §§ 173a и 173b объединены автором в одну статью. Аналогичный перевод дан и в более ранних изданиях антологии.

[5] Ср.: «If a slave rebels against his owner, he shall go into a clay jar» в Hoffner 1997b: 234, с пояснением к глагольной форме протасиса: "exempts/frees himself from", ibid, 240. Так же в Hoffner 2000: 117. Очевидно, перевод посредством *to rebel* представляет своего рода контаминацию версий, представленных в двух разных рукописях законов.

[6] Форма повреждена, и ее чтение было установлено только в издании Х. Хоффнера 1997 г. До этого исследователи воздерживались от заполнения лакуны, в которой должно было быть скрыто начало слова, ср. Imparati 1964: 160; Friedrich 1977: 76, Anm. 43: [..... *-h*]*a*?*-iz-zi*.

означает ‘быть или становиться свободным, освобождаться’[7]. В таком случае преступление раба заключается в отказе признавать над собой власть господина, оспаривании своего статуса. Х. Хоффнер допускает, что это могло находить выражение в отказе работать на господина, выполнять его поручения (Hoffner 1997a: 219). Написание глагола в поздней версии отличается: *a-ra-iz-zi*, что позволяет возводить его к другой основе, *arai-* ‘подниматься, восставать против кого-либо’[8]. Такое прочтение предполагает, что раб мог совершить в отношении господина действия, которые угрожали ему физически[9]. И. М. Дьяконов считал, что статья посвящена классовому протесту рабов (Dyakonov 1952: 308)[10]. Если при первой интерпретации, исходящей из того, что проступок раба не представляет опасности здоровью и жизни господина, логично ожидать достаточно мягкого наказания, то в рамках второго толкования скорее приходится думать о суровых мерах вплоть до смертной казни[11]. Автор новейшего критического издания законов, Х. Хоффнер, склонялся к тому, что первоначальная редакция статьи содержала форму глагола *araweš-*, что и нашло отражение в его переводе.

---

[7] См. об этом глаголе: Friedrich, Kammenhuber 1975–1984, 258; Hoffner 1998.

[8] См. Friedrich, Kammenhuber 1975–1984: 244, 245a; Puhvel 1984: 123. В рукописи *p* теоретически также нужно считаться с возможностью переходного глагола *mi*-спряжения *arai-* ‘останавливать, задерживать’ (Friedrich, Kammenhuber 1975–1984: 246), однако он не дает удовлетворительного смысла. Кроме того, употребленная в статье конструкция содержит не прямой, а косвенный объект (Hoffner 1997a: 219). Недостатком интерпретации глагольной формы как производной от *arai-* ‘восставать’ является то, что этот глагол относится к *hi*-спряжению и его базовая форма в презенсе 3 л. ед. ч. – *arāi*. Однако дело, по всей видимости, в том, что в новохеттский период данный глагол сменил класс спряжения, вероятно, под влиянием все того же омонимичного транзитивного *arai-*.

[9] См. Haase 1994: 225, где говорится, что преступление, описанное глаголом *arai-*, могло выражаться как в словах, так и в действиях.

[10] На это Р. Хазе возражал, что протест представляет собой экстраординарное событие, право же направлено на фиксацию нормы, а не исключительных случаев. По его мнению, статья трактовала более обычные, рутинные проявления отношений хозяина и раба. См. Haase 1994: 225.

[11] В литературе данная статья Хеттских законов уже сопоставлялась с положениями судебника Хаммурапи, карающими раба за строптивое поведение (Unbotmässigkeit). См. Haase 1994: 225, Anm. 22.

На наш взгляд, статья посвящена какой-то особой, исключительной ситуации. Ясно, что предусмотренная ей санкция могла быть применена только государством, иначе статья не вошла бы в законы. Меры, находящиеся в исключительной компетенции государства, наверняка применялись как последнее средство в решении конфликтов и для восстановления справедливости. По нашему мнению, в описанных в судебной статье обстоятельствах можно усмотреть ситуацию, когда раб последовательно и стойко, несмотря на все примененные к нему в частном порядке меры воздействия, отказывался выполнять волю хозяина. Допустимо представить, что статья могла быть посвящена и другой ситуации, а именно оспариванию рабом своего зависимого статуса. Если в первом случае он пассивно сопротивлялся, не ставя открыто под сомнение господскую власть над собой, то во втором добивался признания недействительными претензий на себя со стороны другого человека. В первом случае содержание статьи сведется к описанию проступка и наказания за него, во втором будет представлять констатацию правового конфликта и описание средств его разрешения..

3. Связь с предшествующими частями параграфа

В тексте KBo 6.26 параграф про непокорного раба не отделен разделительной линией от двух предшествующих законоположений (Hoffner 1997a: 138):

KBo 6.26 II 11–14

ták-ku DI-IN LU[GA]L *ku-iš-ki hu-u-ul-la-az-zi /* É-*SÚ pu-p*[*u-u*]*l-li ki-i-ša* [*t*]*ák-ku DI-IN* ^{LÚ}DUGUD / *ku-iš-ki hu-u-ul-li-ia-az-zi* SAG.DU-*SÚ I-NA-AK-KI-SÚ*

«Если кто-либо отвергнет судебное решение царя, его дом превратится в руины. Если кто-либо отвергнет[12] судебное решение сановника, то ему отрубят голову».

Поскольку в других местах этой рукописи разделительные черты присутствуют и они отделяют друг от друга параграфы, отмеченные таким же образом и в других манускриптах, напра-

[12] «Разобьет судебное решение» переводила И. М. Дунаевская в обоих случаях (*apud* Dyakonov 1952: 277). Однако, как показал более детальный филологический анализ законов, у глагола *hull$^{e}/_{a}$-* ‘поражать, одолевать’ есть специфическое правовое значение ‘отвергать’ (Hoffner 1997a: 217–218).

шивается вывод, что материал про непокорного раба мыслился законодателем как неотъемлемая часть единого параграфа, посвященного сопротивлению решениям властей. Будучи поставлено в один ряд с преступлениями, носящими политический характер, положение о рабе получает особое звучание. Жестокая кара рабу представляется в таком контексте весьма вероятной.

В то же время, как указал Р. Хазе, не вызывает сомнений, что сами преступления расположены внутри этой трехчастной группы по принципу уменьшения значимости, выделенному В. Корошецем на материале первой таблицы Хеттских законов (Korošec 1964: 181). Р. Хазе полагал, что наказания также подчиняются этому принципу: в случае сопротивления решению царя, сакральной фигуры, применялась коллективная ответственность, казнили преступника и всю его семью. За неисполнение решения сановника следовала смертная казнь, но наказывался только преступник (Haase 1994: 223). Во многом следуя этой логике, Р. Хазе предположил, что наказанием непослушного раба служила не смертная казнь, а более мягкая мера.

Однако у описанной выше гипотезы изначального единства всех трех положений в рамках одного параграфа с четкой логической структурой есть существенный недостаток. Как показало исследование Х. Хоффнера, рукопись KBo 6.26 (*p*) является поздней, а не ранней, как считал Р. Хазе. Она выполнена новохеттским дуктом, в то время как поврежденный текст, составленный из фрагментов KUB 29.32 + KBo 25.85 (*aa*), записан древнехеттским дуктом, а значит, ему принадлежит хронологический приоритет. В этой более ранней версии текст про строптивого раба выделен в самостоятельный параграф, что видно по разделительным линиям, помещенным в его начале и конце. Из этого следует, что эту статью следует рассматривать изолированно, вне тесной связи с положениями о сопротивлении решениям властей. Толкование преступления и санкции в § 173b нельзя ставить в зависимость от материала предшествующего параграфа. В своей первоначальной, древнехеттской версии эта статья имела собственную концепцию и входила в судебник на равных основаниях с другими параграфами.

На определенном этапе произошло переосмысление судебной статьи, и ее материал был включен в состав предыдущего параграфа. Это изменение требует объяснения, и на наш взгляд,

Х. Хоффнер предложил вполне убедительную версию того, как оно могло произойти. Глагольная форма в первоначальной версии статьи, *a-ra-a-u-ez-zi*, содержала, как видим, знак U, один из самых небольших по размеру знаков хеттского силлабария, который вполне можно не заметить при копировании, если в оригинале он был написан без достаточного нажима на глину. Видимо, это и произошло, знак был пропущен, после чего возникла форма *a-ra-a<-u>-ez-zi*, которую писец постфактум интерпретировал как *arāizzi*, возведя ее к нетранзитивному глаголу *arai-* ‘подниматься, восставать против’. После этого смысловая связь параграфа с предыдущей статьей усилилась, и, возможно, на следующем этапе копирования, материал двух статей был объединен.

Х. Хоффнер прямо не касается вопроса, могло ли соединение § 173b с предшествующей статьей вызвать содержательное переосмысление его санкции в сторону ужесточения. Судя по формулировкам исследователя, он в целом допускает такую возможность (ср. 4.1.). Нам же такой сценарий представляется маловероятным, так как в его рамках § 173b оказался бы единственным параграфом законов, древнехеттская версия которого отличалась бы от новохеттской большей суровостью. Смягчение наказаний – хорошо засвидетельствованная тенденция новохеттского права (Korošec 1980). В связи с этим мы рассматриваем объединение §§ 173a и b как чисто внешнюю, редакторскую правку, не затронувшую их юридической сути.

4. Интерпретация наказания

4.1. Обзор мнений

Большинство исследователей склонялось к интерпретации наказания в § 173b как особого вида смертной казни. Б. Грозный и Ф. Импарати не детализировали свое толкование[13], однако трактовали средство или место кары как «котел». Ф. Импарати считала, что раб не идет в сосуд, а его туда бросают. Э. Кюк был более последователен и прямо писал, что раб погибает от огня (Cuq 1929: 497). Очевидно, все трое относились к

[13] В комментариях Ф. Импарати осторожно писала, что речь идет о позорной смертной казни, суть которой остается неясной (Imparati 1964: 161, 305, n. 2).

той категории исследователей, которые, по Х. Хоффнеру, предполагали, что раба заживо варили в котле (Hoffner 1997a: 219).

Э. Нойфельд думал, что речь идет о позорном наказании и что оно, вероятно, заключалось в погребении заживо в большом сосуде (Neufeld 1951: 47, n. 160; 186). Такую же интерпретацию считал возможной и Й. Фридрих (Friedrich 1977: 77, Anm. 16; ср. ibid.: 111).

Для А. Гётце местом наказания раба служил не сосуд, а яма (Goetze 1969: 195).

Согласно реконструкции И. М. Дунаевской, раба бросали в водоем. На определенном этапе Р. Хазе допускал ее правоту[14]. Однако другие исследователи эту интерпретацию не поддержали. И действительно, как указывалось выше, отождествление объекта ^{DUG}ÚTUL с водоемом основано на параллели со статьей 25, где говорится об осквернении ^{DUG}ÚTUL и пруда. Однако осквернить можно не только природный или искусственный водный объект, но и контейнер с водой. Прочтение § 25 И. М. Дунаевской, предполагающее сочинение двух понятий одного ряда («водоем или пруд»), тавтологично, между тем альтернативная версия («сосуд или пруд») охватывает все возможные случаи осквернения воды и тем самым обладает большей обобщающей силой.

Ряд исследователей воздерживались от конкретной интерпретации наказания, ограничиваясь его самой общей характеристикой: смертная казнь[15], позорное наказание[16].

Особняком стоит последняя по времени статейная публикация, посвященная § 173, в которой Р. Хазе отвел распространенную точку зрения о смертной казни (Haase 1994). По мнению исследователя, раб представлял собой ценный актив хозяина, и казнь раба противоречила его экономическим интересам. Поэтому логичнее считать, что наказание, предусмотренное § 173b, не должно было лишать несвободного[17] жизни и нано-

[14] Ср. Imparati 1964: 305, n. 2.
[15] Такого понимания придерживался Х. Хоффнер в ряде своих переводов, оно же закреплено в Чикагском словаре, см. выше.
[16] Таково было мнение Р. Хазе. См. Imparati 1964: 305, n. 2. В. Корошец характеризовал наказание как устрашающее (Korošec 1980: 201).
[17] Термин Р. Хазе, который пишет, что фигура «раба в “строгом смысле”, живущего в “Хижине дяди Тома”, была бы анахронизмом» для времен Хеттского царства. См. Haase 1994: 224.

сить ущерб его здоровью и, в конечном счете, работоспособности. Р. Хазе полагал, что наказание состояло в своеобразном заключении, преследовавшем исправительные цели: раба сажали в пустую цистерну или пустую винную бочку, где, получая скудный рацион или вообще без еды, он должен был переосмыслить свое дерзкое поведение. Дополняя эту идею, Х. Хоффнер пишет о больших сосудах ^{DUG}*palhi*-, которые использовались в очистительных ритуальных действиях: в одном из таких контекстов, человек залезает в сосуд через одно отверстие и выбирается наружу через противоположное. Это прохождение сквозь сосуд как трубу, вероятно, сопровождалось произнесением заклинаний, которые очищали пациента от скверны и давали исцеление. В другом случае участники ритуала забирались в сосуд голыми и сидели там на корточках, пока жрец, проводивший обряд, лил им на спину пиво (Hoffner 1997a: 219)[18]. Вполне можно представить, что в наказании строптивого раба присутствовал сходный ритуальный аспект, и его целью было не только покарать, но и очистить преступника от греха. Сам Х. Хоффнер в комментарии занимает компромиссную позицию, продиктованную его реконструкцией истории § 173b: если для ранней стадии этой истории, Х. Хоффнер готов солидаризироваться с мнением Р. Хазе, то для поздней стадии, когда материал про строптивого раба был объединен с § 173a, на его взгляд, более вероятна точка зрения специалистов, полагавших, что наказанием рабу служила смертная казнь.

4.2. Проблема ^{DUG}ÚTUL

Особый интерес представляет более точное отождествление объекта ^{DUG}ÚTUL. Как мы только что видели, на этот счет высказывались различные точки зрения, и некоторые из них, например предположение И. М. Дунаевской, уже отведены. Р. Хазе полагал, что за шумерограммами ^{DUG}ÚTUL стоит аккадское чтение *KARPATU* ‘earthen container; pot’ (Haase 1994: 224). Однако Чикагский словарь аккадского языка, на который ссылается автор, не фиксирует такого написания в аккадском корпусе: обычно оно пишется слоговым образом или шумерограммой DUG, без знака ÚTUL (CAD K 1971: 219). Последователь-

[18] Со ссылками на: CHD P 1997: 67a и CHD L–N 1989: 81b.

ностью ^{DUG}ÚTUL отражается другое аккадское слово – *diqāru*, означающее, согласно CAD, кубок или чашу с круглым дном, которая служит для приготовления или подачи пищи (CAD D 1959: 157). Такой сосуд мог изготавливаться из разных материалов и прежде всего из глины, откуда перевод статьи в современном издании законов *clay jar*.

Представляется, однако, что данные аккадской лексикографии не должны служить решающим аргументом в идентификации рассматриваемого объекта. Хеттское слоговое чтение ^{DUG}ÚTUL остается неизвестным, а только оно, а также другие контексты употребления указанных логограмм могли бы дать удовлетворительный ответ. К сожалению, таких контекстов мало, и они недостаточно показательны. В этих условиях приходится во многом полагаться на соображения общего характера. Очевидно, что объект должен был быть достаточно большим, чтобы туда мог поместиться человек. Как было указано выше, такого рода большие сосуды существовали и использовались в ритуальных практиках. Также, если ^{DUG}ÚTUL действительно был глиняным сосудом, его стенки должны были быть достаточно крепкими или как-то защищены, чтобы наказуемый не мог их разбить. Кажется, что двум этим условиям удовлетворяют большие глиняные емкости, пифосы, которые вкапывали в землю для хранения зерна или других, в том числе жидких продуктов. Такого рода контейнеры, как отмечает Ю. Зеер, были устроены, например, в районе Большого храма в Нижнем городе (Seeher 2000: 287). Они отличались достаточной вместительностью (до 1750 л[19]). Можно обратить внимание также на

[19] При диаметре 1 м высота бочки такого объема составляла бы 2,2 м, при диаметре 0,86 м – уже 3 м. При рассмотрении различных вариантов отождествления ^{DUG}ÚTUL, вероятно, не стоило бы полностью сбрасывать со счетов и подземные зернохранилища по типу тех, что были обнаружены рядом с крепостной стеной в нижнем городе хеттской столицы (Seeher 2000: 278–287). Возможно, более убедительным было бы сопоставлять эти археологические объекты с термином ARÀH, которым, согласно Х. Хоффнеру, в хеттских текстах обозначали ямы для хранения зерна (Hoffner 1974: 34–37). Однако здесь принципиально важно, что в отношении ARÀH используются те же глаголы, что и для сосудов («открыть», «изготовить», «наполнить»), и что при обсуждении возможного хеттского чтения ARÀH, Х. Хоффнер допускает, что его запись могла содержать детерминатив DUG (ibid.: 35). Нельзя исключить, что ARÀH и ^{DUG}ÚTUL были близкими понятиями.

бочковидные цистерны (Neve 1982: 91) или, если следовать гипотезе Ю. Зеера (Seeher 2000: 290), силосные ямы почти 2 м в диаметре и 3 м глубиной, расположенные на холме Бююккале.

4.3. Символизм и параллели?

Наказание, предусмотренное § 173b, резко выделяется внутри Хеттских законов, да и всего массива хеттских текстов: оно не повторяется ни в одной статье судебника, ни в одном другом документе правового характера. Неизбежно возникают вопросы: почему именно за это преступление назначается такое странное наказание? Есть ли какая-то символическая связь между преступлением и санкцией в данной статье[20]? Проявились ли здесь какие-то особые аспекты архаического сознания[21]?

Поскольку данные хеттского корпуса не дают никаких убедительных параллелей к § 173b, правомерно искать параллели в других ближневосточных традициях. До недавнего времени поиски в этом направлении не давали результата: ни в одном из комментариев к данной статье не упоминаются аналогичные или в чем-то похожие наказания, применявшиеся в других странах древнего Ближнего Востока.

Однако в 2017 г. вышла статья французского ассириолога и библеиста Д. Боди, материал которой, как представляется, спо-

[20] Символическая связь между преступлением и наказанием – хорошо известное и изученное явление древневосточного права. Одним из ее проявлений служит принцип «символического или иронического талиона». См. о нем, например, Westbrook 2003: 74–75. Суть этого принципа заключалась в том, что преступник наказывался тем самым средством, которое он задействовал в своем преступлении. Например, сыну, ударившему своего отца, отрубали руку, а человека, совершившего кражу при тушении пожара в чужом доме, бросали в огонь (§§ 195 и 25 законов Хаммурапи). Также этот принцип называют принципом «зеркального наказания», mirror punishment, spiegelnde Strafe, peine réfléchissante в английской, немецкой и французской традиции соответственно, см. Charpin 2012: 13, n. 52; Charpin 2015: 185, n. 51 со ссылками на более раннюю литературу.

[21] Такими особыми представлениями иногда объясняют, например, смертную казнь через сожжение и утопление за некоторые виды преступлений в месопотамском праве, см. Driver, Miles 1952: 495, n. 6; 496. Очевидно, древние могли рассматривать огонь как очищающую стихию, а воде приписывать свойство одновременно очищать и скрывать скверну.

собен продвинуть изучение § 173b в указанном направлении (Bodi 2017). Сопоставив данные из старовавилонской Месопотамии и Библии, автор пришел к выводу, что в обеих культурах практиковался особый вид смертной казни, состоявший в том, что жертву бросали в яму или цистерну, где она умирала от голода и жажды. Важной особенностью этой практики было то, что кровь жертвы не проливалась, тем самым палачи избегали ритуальной скверны. По мнению Д. Боди, точнее было бы характеризовать данную практику как ордалию: жертве оставлялся шанс на спасение, поэтому конечный исход события осмысливался древними как реализация воли божества. Д. Боди не провел аналогий с наказанием раба в Хеттских законах, но нам такие аналогии представляются вполне оправданными. Рассмотрим соответствующие примеры из месопотамской и библейской традиции более подробно.

5. Данные архивов Мари

Первым документом, к которому обращается Д. Боди, является письмо из архивов древнего города Мари (совр. Телль-Харири на Среднем Евфрате), адресованное наместником области Терка Кибри-Даганом царю Мари Зимри-Лиму (1775–1762 гг. до н. э .) (Kupper 1964: 114–115). В этой табличке Кибри-Даган сообщает Зимри-Лиму, что не смог выполнить его поручение тайно погубить человека по имени Ярим-Даган и просит новых указаний по этому делу. Поскольку текст никогда не становился предметом специального анализа в отечественной литературе, ниже приводятся его транслитерация, перевод и краткий комментарий.

5.1. ARM XIII 107, транслитерация[22]

[*a-na be-lí-ia*]
2 *qí-b*[*í*]-*m*[*a*]
um-ma ki-ib-ri-[^{d}*da-g*]*an*
4 ìr-*ka-a-*[*m*]*a*
aš-šum ia-ri-im-[^{d}*d*]*a-gan*
6 *ša i-na pa-ni-tim i-*[*na*] *du-u*[*n-n*]*im*^{ki}
wa-ši-ib ù i-na-an-[*na*]
8 *a-na* dingir-*mu-lu-uk*^{ki} *i*[*t-ta*]-*al-kam*
[*be*]-*lí ki-a-am iš-pu-r*[*a-a*]*m*

[22] Дана с учетом коллаций, отраженных в: Durand 2000: 244 (№ 1069).

10 [*um-ma-a-mi*] lú *ša-a-t*[*u*]
[x x x x]-*ma šu*[*m-m*]*a h*[*u-ur*]-*rum*
T.12 [*ša ni*]-*ṣí-i*[*r-t*]*im*
[*i-na* a-]šà
14 [*ú-lu i*]-*na li-ib-bi a-lim*[ki]
R. [*i-ba*]-*aš-ši*
16 [l]ú *ša-a-tu hu-ul-li-i*[*q*]
a-na ša-me-e li-[*li*]
18 *a-na er-ṣé-tim* [*li-ri-id*]
ma-am-ma-an [*l*]*a i-ma-ar-šu*
20 *an-ni-tam be-lí iš-pu-ra-am*
i-na-an-na lú *šu-ú i-na* dingir-*mu-lu-uk*ki
22 *wa-ši-ib wa-ar-ka-tam ap-ru-ús-ma*
hu-ur-ru-um ša hu-ul-lu-qí-šu
24 *i-na* a-šà *ú-lu i-na li-ib-bi a-lim*k[i]
ú-ul i-ba-aš-ši ri-i[*t-t*]*a-*[*a*]*m*
26 *š*[*a*] *hu-ul-lu-qí-šu ás-hu-u*[*r-ma*] *ú-ul ú-ta*
[*ù i*]*š-tu ma-tum ka-lu-š*[*a*] x x [o?]
(*Лакуна приблизительно в три строки.*)
TL.1’ [*be-l*]*í ša šàr-ru-ti-š*[*u*]
2’ [*l*]*i-iš-ta-al-m*[*a*]
[*š*]*a qa-bé-e be-*[*lí*]-*ia lu-pu-ú*[*š*]

5.2. Перевод

Скажи моему господину. Так говорит Кибри-Даган, твой раб. Мой господин написал мне следующее относительно Ярим-Дагана[a], который раньше жил в Дуннуме[b], а сейчас перебрался в Илум-мулук[c]: «Этот человек ... Если есть секретная яма[d] в поле или в городе, избавься от этого человека. Поднимется ли он на небеса или спустится под землю[e], но пусть больше никто его не увидит!» Вот что мне написал мой господин. Сейчас этот человек находится в Илум-мулуке. Я навел справки. Но ямы, чтобы его погубить, нет ни в поле, ни в городе. Я искал подходящий момент его извести, но не нашел. После того как вся страна … (*Лакуна приблизительно в три строки.*) Пусть мой господин рассудит в соответствии со своим царским рангом, а я выполню его приказания.

5.3. Комментарий

a) Имя Ярим-Даган засвидетельствовано еще в ряде текстов из Мари. Например, известен придворный сановник Ярим-

Даган, участвовавший и бывший свидетелем ордалии в Хите (письма ARM XXVI/1 251 и 254). Однако убедительно отождествить Ярим-Дагана из ARM XIII 107 с другими одноименными персонажами из текстов Мари пока не представляется возможным. Соответственно, в отсутствие каких-либо внешних данных нельзя установить, почему Зимри-Лим хотел избавиться от этого человека. Поскольку Ярим-Даган связан с бинъяминитским поселением (см. ниже), можно лишь предположить, что общим контекстом возникновения вражды к нему со стороны Зимри-Лима послужили восстания бинъяминитов в начале правления этого царя.

b) Известны два топонима Дуннум на территории царства Мари (Ziegler, Langlois 2016: 83): один располагался на севере столичной области, второй в области Саггаратум, к северу от Терки, наместником которой служил Кибри-Даган. В тексте может подразумеваться любое из этих двух поселений. Например, саггаратумский Дуннум можно было бы предпочесть в виду его большей удаленности от Мари и близости к Терке. Дуннум округа Мари также хорошо впишется в логику письма, если считать, что царь обратился к начальнику области только после того, как Ярим-Даган, покинув столичный округ, переехал на территорию, подконтрольную Кибри-Дагану. Еще три города с тем же названием засвидетельствованы в Нижней Месопотамии.

c) Илум-мулук – город бинъяминитского племени упрапеев в области Терка. По предположению Ж.-М. Дюрана, тождествен античному Дура-Европос (Ziegler, Langlois 2016: 163–164).

d) Ж.-М. Дюран полагает, что выражения *hurrum ša niṣirtim* («тайная, секретная яма») и *hurrum ša hulluqī=šu* («яма его погибели») отсылают к замаскированной ловушке на зверей (Durand 2000: 244). Однако наличие такого объекта в городской черте кажется маловероятным.

e) Выражению «подняться на небеса или спуститься под землю» посвящена специальная работа Д. Боди (Bodi 2006). Предшествующие комментаторы рассматривали это выражение как поговорку. По мнению А. Фине, Зимри-Лим хочет сказать этими словами, что Ярим-Даган должен исчезнуть с лица земли любым способом (Finet 1974: 46, n. 5). Со своей стороны, Д. Боди характеризует фразу не как поговорку, а как устойчивый оборот в виду того, что он засвидетельствован в близкой, но не

идентичной форме в некоторых других месопотамских текстах. В библейских параллелях, которые также собрал автор (например, Ам 9: 2–3), сходное выражение подчеркивает идею всемогущества Яхве, которому подвластно всё мироздание, начиная с небес и заканчивая Шеолом. Так или иначе, все переводчики и комментаторы сходятся в понимании значения данного выражения в рассматриваемом письме: царь Мари эмоционально желает смерти своему противнику и заявляет, что от него нужно избавиться во что бы то ни стало.

5.4. Особенности данных из Мари

Наряду с эмоциональностью в поведении Зимри-Лима Д. Боди подчеркивает и другую важную особенность текста: царь приказывает не казнить, а тайно извести своего противника. Из этого можно заключить, что в распоряжении царя не было формальных оснований для осуждения и казни Ярим-Дагана. То, что эти основания были необходимы и ими нельзя было пренебречь даже носителю верховной власти, указывает на ограниченный характер этой власти. Аморейские цари были всего лишь *primi inter pares*, а не самодержцами, зависели от общественного мнения и не могли преступить в своих действиях очерченных этим мнением границ. Также обращает на себя внимание характер подготавливаемой тайной расправы: не только никто не должен узнать, кто ее организовал и устроил, но также не должна быть пролита кровь жертвы[23]. Ее смерть должна наступить от жажды, голода или других обстоятельств (см. ниже). Этим убийцы как бы снимали с себя ответственность за произошедшее и защищали себя от претензий как людей, так и богов. Сходная участь должна была постичь двух библейских персонажей. Их история отличается, однако, тем, что в ней, с одной стороны, более эксплицитно выражены мотивы злоумышленников, с другой, присутствуют интересные подробности относительно средства расправы, которые, как кажется, сближают ее с хеттскими реалиями.

[23] Д. Боди подчеркивает, что оба корреспондента используют глагол *hulluqum* ‘погубить, избавиться’, но не *dâkum* ‘убить’, см. Bodi 2017: 136.

6. Данные Библии

В качестве параллели к тексту из Мари Д. Боди ссылается на два известных ветхозаветных пассажа: первый, из Книги Бытия, где рассказывается о попытке братьев убить Иосифа **(1)**, второй о наказании пророка Иеремии, выступавшего за сдачу Иерусалима вавилонянам во время осады 587/586 г. до н.э. **(2)**.

(1) Быт 37: 17–23

«(17) Иосиф пошел за братьями – и нашел их в Дотане. (18) Те уже издали приметили Иосифа и, пока он приближался, сговорились его убить.
(19) – Вот и наш сновидец! – сказали они друг другу. – (20) Убьем его, бросим в яму, скажем, будто звери его загрызли. Вот и поглядим, как сбудутся его сны!
(21) Рувим это услышал и спас Иосифа.
– Не надо его убивать, – сказал Рувим. – (22) Зачем проливать кровь? Чем убивать его своими руками, бросьте его лучше вон в ту яму посреди пустыни.
(На самом деле он хотел спасти Иосифа и вернуть его отцу.)
(23) Как только Иосиф подошел к братьям, они сорвали с него цветную рубаху, схватили его и бросили в яму. Яма была пустая; воды в ней не было».

(Перевод М. Г. Селезнёва – Seleznyov 2000: 93–94)

(2) Иер 38: 1–13

«(1) Шефатия, сын Маттана, Гедалия, сын Пашхура, Иегухал, сын Шелемии, и Пашхур, сын Малкии, слышали, как Иеремия говорил всему народу такие слова:
(2) Так говорит Господь:
– Кто останется в этом городе, тот умрет – от меча, от голода и мора. Кто выйдет к халдеям, тот останется жив – жизнь и будет ему наградой, будет он жить!
(3) Так говорит Господь:
– Этот город будет отдан войску царя вавилонского, царь захватит город!
(4) Вельможи сказали царю:
– Надо убить этого человека, ибо он, говоря такие слова, ослабляет воинов, оставшихся в городе, и весь народ! Не добра он желает народу, а только зла.
(5) Царь Седекия сказал:
– Он в ваших руках, ибо царь перед вами бессилен!

(6) Иеремию схватили и бросили в яму для воды (эта яма на дворе стражи принадлежала царскому сыну Малкии). Иеремию спустили туда на веревках. В яме тогда не было воды, а только жидкая грязь, и в эту грязь Иеремия погрузился
(7) Эведмелех, эфиоп, евнух при царском дворе, услыхал, что Иеремию бросили в яму. Царь в это время сидел у Вениаминовых ворот. (8) Эведмелех вышел из царского дворца и сказал царю:
(9) Владыка мой, царь! То, что сделали эти люди с пророком Иеремией, – злодейство! Они бросили его в яму, и он умрет там от голода, ведь в городе нет уже хлеба.
(10) Царь приказал Эведмелеху, эфиопу:
– Возьми отсюда тридцать человек и подними пророка Иеремию из ямы, пока он не умер.
(11) Эведмелех взял с собою людей и пришел в царский дворец, в кладовую одежды. Он забрал оттуда старые тряпки и изношенную одежду и спустил всё это на веревках в яму к Иеремии. (12) Эведмелех, эфиоп, сказал Иеремии:
– Обвяжи себя веревкой под мышками, а под веревку подложи старые тряпки и изношенную одежду.
Иеремия так и сделал. (13) Стали поднимать Иеремию на веревках и вытащили его из ямы. И остался Иеремия на дворе стражи».

(Перевод Л. В. Маневича – Manevich 2004: 124–125)

Как видим, в истории Иосифа четко говорится, что братья, собираясь избавиться от него, в то же время не хотят пролить его кровь. Указание на отсутствие воды в конце отрывка, видимо, не случайно и сигнализирует, что Иосиф должен был неминуемо погибнуть от жажды.

Средневековый комментатор Танаха Раши интерпретировал эту деталь иначе, усматривая в факте отсутствия воды в яме, куда был брошен Иосиф, намек на наличие там змей и скорпионов (Noegel 2016: 257). О проникновении змей и ящериц в сосуды *diqāru* сообщают месопотамские гадательные тексты (CAD D 1959: 158). Смертная казнь в бочке с ядовитыми змеями засвидетельствована в европейском фольклоре, в частности, в сказках братьев Гримм (Grimm, Grimm 2012: 295). В «Старшей Эдде» описывается смерть короля Гуннара, сброшенного по приказу Аттилы в яму со змеями (Гренландская песнь об Атли: 31)[24]. Аналогичную смерть нашел предводитель датских викингов, напавших в IX в. на королевство Нортум-

[24] См. Korsun 1975: 315.

брию, Рагнар Лодброк (Saxo Gramm. Gesta Danorum. IX. 4. 38)[25].

Интересно слово, которым обозначается яма в данном библейском отрывке, – *bôr*[26]. У него есть также и второе значение – ‘цистерна, емкость’. И именно в таком значении эта лексема появляется в пассаже про Иеремию. Речь в нем ведется о такой емкости, находившейся в собственности конкретного царедворца[27]. Можно предполагать, что она предназначалась для сбора воды (Walton, Matthews, Chavalas 2003: 772).

В отличие от рассказа об Иосифе в нем не прописаны мотивы, которыми руководствуются знатные приближенные царя Седекии при выборе средства расправы. Однако вряд ли мы существенно исказим действительность, предположив, что

---

[25] Данный тип казни относится к казням с помощью животных. Стоит вспомнить, что в Хеттском судебнике есть статья, где в наказание за похищение нескольких ульев виновный становился добычей пчел (§ 92).

[26] Brown et al. 1999: 92 (‘pit, cistern, well’). Ср. Koehler, Baumgartner 1994–2000: 116: ‘(1) cistern, (2) pitfall, (3) entrance to Šə’ôl’ (4) wife’. Тексты хорошо засвидетельствовали практику, при которой объект, обозначаемый лексемой, использовался как место заключения («тюрьма» или «темница», ср., например, Быт 39: 20 и др.) Оба словаря сходятся в том, что слово передает значение углубления в земле, однако если BDB допускает как его естественное, так и рукотворное происхождение, то HALOT только рукотворное. Этимологическим соответствием этому древнееврейскому слову является аккадская лексема *būrtu*, в числе значений которой выделяются, в частности, well, cistern, hole, pit, (CAD B 1959: 335). Одним из идеографических написаний этого слова является знак TÚL, фонетически сходный с ÚTUL, задействованным в написании объекта из § 173b. Не развивая это наблюдение дальше и не придавая ему тем самым особого значения, отметим лишь, что копирование под диктовку – одна из хорошо засвидетельствованных практик хеттской писцовой традиции. При диктовке слова, записанные в оригинале гетерограммами, могли читаться не фонетически, по-хеттски, а в их шумерском или аккадском произношении. Результатом такой практики становились ошибки, когда писец либо неправильно расслышал знак, либо неправильно его интерпретировал. См. Hoffner, Melchert 2008: 22, n. 30.

[27] В предшествующей, 37-й главе, излагается другой эпизод ареста Иеремии. Поводом послужили подозрения в попытке бегства пророка к вавилонянам, а местом его заключения назван *bêt habbôr*, букв. ‘дом ямы’, т. е. подземная темница, находившаяся в домовладении писца Иегонатана. По одной из гипотез, 37-я и 38-я главы излагают две разные версии одного и того же события. См. Manevich 2004: 135, примеч. к 38: 6. Есть также комментаторы, которые делают акцент на различиях двух эпизодов, см., например, Allen 2008: 411–412.

они опасались публичной казни пророка, пользовавшегося популярностью в народе[28]. Пролитие его крови навлекло бы на них не только ритуальную скверну, но и народный гнев, многократно усиленный бедствиями осадного времени. Избегая широкой огласки, они решили заточить пророка, обрекая его тем самым на верную смерть, в месте, которое было доступно лишь узкому кругу дворцовых служащих.

Д. Боди реконструирует стоящий за двумя библейскими историями правовой обычай как ордалию[29]. В случае экстраординарных обстоятельств казнь заменялась тяжелым испытанием, в ходе которого испытуемый сохранял определенные, но в то же время достаточно низкие шансы на выживание[30]. С точки зрения правового сознания того времени, судьбу человека определяли боги. Смерть доказывала его вину, избавление очищало от обвинений. Организатор снимал за себя ответственность за исход процедуры. Прибегая к ней, власти могли сохранить свое лицо, сославшись на высшую волю. Эту реконструкцию Д. Боди распространяет и на месопотамский материал.

---

[28] Ср. Bodi 2017: 136.

[29] Интересно, что та версия смерти Иосифа, которую братья изложили своему отцу Иакову, а именно смерть через растерзание диким зверем (Быт 37: 31–33) также имеет в библейских описаниях отчетливые признаки ордалии, при которой судьбу человека решает воля верховного божества, см. Noegel 2016: 258, n. 8.

[30] О тяжести данной кары может свидетельствовать, например, такой факт, что при австрийской правительнице XVIII в. Марии-Терезии, бывшей сторонницей постепенной отмены смертной казни, смертная казнь последовательно заменялась заключением в яме (Kistyakovskiy 2000: 199). Также можно сослаться на древнеиндийский материал. Согласно «Запискам о западном крае» китайского путешественника Сюань Цзана (VII в.), в Индии времен Харши преступления против государя, т. е. наиболее опасные с точки зрения властей проступки, карались заключением в подземелье, при этом смертной казни как таковой не существовало: «Когда имеет место нарушение закона или покушение на власть государя, то дело тщательно расследуется и виновного в преступлении заключают в тюрьму. Телесных наказаний при этом не применяют, а человека перестают считать существующим и не заботятся, умрет он или будет жить» (Skazkin 1961: 157). О подземном характере индийских тюрем этого периода, см. Edwards 2005: 89.

7. Выводы

7.1. § 173b как отражение ближневосточных правовых обычаев

7.1.1. § 173b сквозь призму библейских и месопотамских данных

На наш взгляд, эта реконструкция обладает определенным потенциалом и для объяснения хеттских реалий. Нельзя исключить, что § 173 подразумевает аналогичное наказание или испытание, которому подвергал своего строптивого раба хозяин. Исчерпав все иные меры воздействия[31], хозяин обращался к государству, после чего представители власти отправляли подневольного в цистерну, оборудованную в земле или вкопанную в землю, и оставляли в ней на определенное время, лишая еды и, возможно, питья.

Безусловно, прямых доказательств в пользу такого сценария у нас нет. Однако совокупность косвенных данных нисколько не противоречит ему, а в чем-то и говорит в его пользу. Значение «цистерна, большой сосуд» для хеттских гетерограмм ^{DUG}ÚTUL вполне вероятно с точки зрения филологии и археологии. Наличие больших сосудов, в которые мог бы поместиться человек, подтверждено данными обеих дисциплин. Ритуальные тексты, кроме того, свидетельствуют, что использование больших сосудов могло носить не только чисто утилитарный, но и обрядовый характер.

Также можно сослаться на интуицию исследователей, занимавшихся Хеттскими законами. В том числе на мнение такого проницательного специалиста как А. Гётце, который единственный среди всех переводчиков считал, что санкция § 173b предполагала бросание в яму.

Не является абсолютно новым и предположение о том, что рассматриваемый параграф подразумевал ордалию. Если верить Х. Хоффнеру, такое предположение высказывал Х. Оттен (Hoffner 1997a: 219)[32] в беседе с Р. Хазе. Однако Р. Хазе не

[31] О том, насколько суровыми они могли быть, включая в том числе членовредительство и распространяясь не только на самого ослушника, но и на членов его семьи, см. Miller 2013: 248–249.

[32] Х. Оттен не употреблял термин «ордалия», а говорил о процессе (Gerichtsverfahren), который господин вел против раба. См. Haase 1994: 224.

упомянул о доводах, которыми ученый подкреплял свой тезис (Haase 1994: 224).

Предлагаемое нами понимание санкции статьи в своих основных деталях, касающихся физических реалий, очень близко интерпретации Р. Хазе. Мы лишь делаем акцент на параллелях с месопотамскими и библейскими данными и, опираясь на них, поддерживаем идею Х. Оттена о возможном испытательном характере описанной в статье процедуры.

Дополнительным косвенным аргументом в пользу ордалии служит тот факт, что при формулировке санкции в § 173b использован активный глагол *pai-* «идти», субъектом которого является сам раб. Очевидно, имеется в виду некая процедура, в которой раб является активным, а не пассивным участником. Расстановка таких акцентов вполне уместна при описании ордалии, но не наказания, когда обвиняемый претерпевает на себе действия палача.

Наконец, общая близость правовых систем Древней Анатолии и Месопотамии, несмотря на все их частные локальные различия, скорее говорит в пользу возможности проведения параллелей между рассмотренными в нашем исследовании источниками[33].

7.1.2. Библейские данные сквозь призму § 173b?

Если описанное выше решение для статьи 173b окажется верным, то возникнет возможность привлечь ее данные для интерпретации уже хорошо изученных библейских и месопотамских текстов. Так, например, обращаясь вновь к истории Иосифа, стоит вспомнить, что причиной, по которой братья решают расправиться с ним, становятся сны Иосифа, в которых

[33] Месопотамские и хеттские юристы использовали сходные приемы при компоновке законов (см. об этом Petschow 1965; Haase 2003: 622–623). Как и в Месопотамии, в Анатолии практиковалась водная ордалия (Laroche 1973). В качестве одного из недавно открытых примеров пересечения двух правовых традиций можно сослаться на реинтерпретацию глагола *šaku*(*wa*)- / *šakuwai-*, предложенную В. Вааль на последнем международном хеттологическом конгрессе в Чикаго (Waal 2017). Если раньше этот глагол понимали как ‘преследовать’ (см. Westbrook, Woodard 1990), то согласно В. Вааль, он значил ‘сажать на кол’, соответственно, хеттская система наказаний предполагала тот же тип смертной казни, который практиковался в Месопотамии и хорошо засвидетельствован в месопотамских текстах. Подобные примеры схождений можно без труда умножить.

он недвусмысленно отводит себе роль господина, а им – подчиненных. Согласно первому сну, Иосиф и братья вязали в поле снопы, и снопы братьев окружили сноп Иосифа и поклонились ему (Быт 37: 6–8). Во втором сне Иосиф принимает поклонение от солнца, луны и одиннадцати звезд, символизировавших членов его семьи (Быт 37: 8–11). Возможно, не лишено символизма и далеко не случайно, что в итоге братья решают избавиться от Иосифа тем самым способом, который в других культурах Ближнего Востока был зарезервирован для наказания хозяевами своих рабов.

Дальнейшее изучение древних корпусов, вероятно, выявит новые сближения хеттского обычая с традициями других древних народов[34]. Исключительно в порядке констатации можно отметить, что в обществах античного Средиземноморья в качестве меры наказания рабов практиковалось заключение в цистернах и подземных помещениях[35].

7.2. Или индоевропейских?

В параграфе 4.3. мы задались вопросом лишь о ближневосточных параллелях, однако совершенно правомерно рассмотреть и возможность исконно индоевропейского характера правового обычая, отраженного в § 173b. Пристального внимания в

[34] Античные и средневековые источники, а также тексты нового времени сохранили еще большое количество свидетельств о наказании при помощи ям и сосудов. Однако описанные в них случаи существенно отличаются от хеттской статьи как общими характеристиками ситуации, так и деталями наказания. Например, в средневековой Фландрии нарушителей общественной нравственности, прежде всего неверных супругов, сажали в бочку, так что из нее торчала только голова, после чего демонстрировали в таком беспомощном состоянии на улице (Darkevich 1992: 141). Во время Гражданской войны XIX в. в США аналогичным способом в армии наказывали пьяниц (Rejali 2007: 308). Другим распространенным видом наказания было сажание в бочку, утыканную внутри острыми предметами, например, гвоздями (Vyazigin 1891: 64; Monestier 2011: 142; Shalyapin 2013: 123). Также засвидетельствована практика сажания в бочку с последующим сожжением (Macek 1954: 99). Во время Второй мировой войны союзные японцам бирманцы подвергали военнопленных следующему наказанию: сажали в выставленную на солнце металлическую бочку и оставляли умирать от голода (Monestier 2011: 45).

[35] К заключению в тюрьме-колодце ср., например, Diog. Laert. VI. 52. О древнеримских эргастулах см. Col. R. R. I. 6. 3, I. 8. 16; Étienne 1974.

связи с этим, на наш взгляд, заслуживает интерпретация Б. Грозного, Э. Кюка и Ф. Импарати. Ни один из трех авторов не дал развернутого обоснования своему переводу, согласно которому раб шел в котел или его бросали в него. Сейчас, спустя более полувека после публикации последнего из этих переводов, лежащая в его основе идея может показаться странной. Наказание, при котором человека заживо зажаривают или варят в кипящей жидкости, представляется крайностью даже для таких архаичных правовых систем, как хеттская или месопотамская. Тем более что с хеттской правовой традицией в литературе, несмотря на все оговорки, прочно ассоциируется понятие гуманности[36].

Вместе с тем интерпретация, впервые предложенная Б. Грозным, вполне может иметь под собой основания. Во-первых, вид казни, при которой жертву зажаривали или варили, хорошо засвидетельствован на материале различных культур начиная с древнего Рима и заканчивая средневековой Японией (Monestier 2011: 132). Во-вторых, для индоевропейского и не только фольклора очень характерен мотив испытания господином своего слуги. Одним из таких испытаний может оказаться приказ окунуться в емкости с кипящей жидкостью[37]. В-третьих, в архаическом германском праве существовал особый вид ордалии – испытание кипятком. Сведения о нем сохранились, в частности, в произведении Григория Турского «О славе мучеников», в Вестготской и Салической правдах (Gregorius Turonensis. De Gloria martyrum. I. 81; Lex Visigothorum. I. 1. 3; Lex Salica. LIII, Capitulare. VI. 4. 1)[38]. Ордалия заключалась в том, что испытуемый, на которого было брошено обвинение, должен был опустить в котел с кипящей водой руку. Полученные при этом ожоги или неспособность терпеть рассматривались как свидетельства вины, а отсутствие всего этого, наоборот, снимало обвинение. Вполне вероятно, что упомянутые фольк-

[36] См., например, Archi 1979.

[37] В качестве, наверное, наиболее известного и близкого примера можно сослаться на сказку П. Ершова «Конёк-горбунок», которая полностью воспроизводит русское народное сказание. Исчерпывающую подборку известного материала см. в: Берёзкин, Дувакин 2017 (мотив K27G «Искупаться в кипятке»).

[38] См. Krusch 1885: 92; Aurov, Marey 2012: 355–356, 646–647; Gratsianskiy 1950: 51–52, 76, 130, 153.

лорные мотивы восходят к этой архаичной практике божьего суда.

В свете представленных фактов мы могли бы интерпретировать статью 173b Хеттского судебника как восходящую к древней индоевропейской традиции: спор между хозяином и рабом относительно статуса последнего решался с помощью ордалии, заключавшейся в том, что раб опускал руку в кипящую жидкость. Тогда текст статьи следовало бы понимать и переводить несколько иначе: «Если раб заявит, что он свободен от своего господина, он должен будет пойти к котлу[39]».

Изменение в переводе предлога с «в» на «к» выглядит вполне оправданным. Аккадский предлог *ANA*, употребленный в сочетании с ^{DUG}ÚTUL, равно как и соответствующий ему в хеттском дательный падеж, способен отражать разную направительную семантику: как иллативную (движение внутрь объекта), так и аллативную (движение к объекту).

Важно оговориться, что такая реконструкция вполне уместна, если считать, что в статье говорится об ордалии, но не о наказании. Опускание руки в кипяток могло существенно повредить работоспособности раба, поэтому вряд ли бы его стали *наказывать* таким способом. Характерно, что членовредительство, которое допускают в отношении раба другие статьи законов, а также знаменитая инструкция храмовому персоналу, касается лишь тех частей тела, которые никак не задействованы в рабочих операциях, это нос, глаза и уши[40]. Погружение в кипяток мыслимо как вид смертной казни. Однако при таком понимании санкции § 173b мы лишимся параллелей в виде данных варварских правд и будем целиком зависеть от свидетельств фольклора.

Возможно, в связи с этим бросание в яму, которое вполне допустимо и как ордалия и как наказание, обладает некоторым преимуществом перед изложенным в этом заключительном параграфе вариантом.

---

[39] Еще раз оговоримся, что сосуды ^{DUG}ÚTUL могли изготавливаться из разных материалов, в том числе из металлов (CAD D 1959: 158).

[40] См. текст по ссылке в примеч. 32.

Сокращения

ARM – Archives royales de Mari.
CAD – The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago, 1956–2010.
CHD – The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago, 1980–
DMOA – Documenta et monumenta orientis antiqui.
HdO – Handbuch der Orientalistik.
SBL WAW – Society of Biblical Literature Writings from the Ancient World.

Библиография

Allen, L. C., 2008: *Jeremiah. A Commentary*. Louiseville; London.

Archi, A. 1979: L'humanité des Hittites. In: E. Akurgal et al. (éd.), *Florilegium Anatolicum. Mélanges offerts à Emmanuel Laroche.* Paris. 37–48.

Aurov, O. V., Marey, A. V. (red.) [(ed.)] 2012: *Vestgotskaya pravda* (*Kniga prigovorov*). *Latinskiy teskt. Perevod. Issledovaniye* [*Visigothic Code* (*Book of verdicts*). *Latin text. Translation. Study*]. Moskva [Moscow].

Beryozkin, Yu. E., Duvakin, Ye. N., 2017: *Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredeleniye fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskiy katalog* [Thematic classification and distribution of folkoric and mythological motives across areas. Analytical catalogue]. http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin [consulted on 26.04.2018].
Берёзкин, Ю. Е., Дувакин, Е. Н. 2017: *Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог.*
http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin [дата обращ. 26.04.2018].

Bodi, D. 2006: Une locution proverbiale à Mari, El-Amarna et dans la Bible. *Journal asiatique* 294/1, 39–52.

Bodi, D. 2017: How to Execute a Person in Private and Preserve One's Face in Public: (ARMT 13, 107, Gen 37: 20–24, and Jer 38: 6–13). In: R. de Boer, J. G. Dercksen (ed.), *Private and State in the Ancient Near East. Proceedings of the 58th Rencontre Assyriologique Internationale at Leiden*, *16–20 July 2012.* Winona Lake. 133–143.

Brown, F. et al. 1999: *Hebrew and English Lexicon*. Peabody.

Charpin, D. 2012: Amendes et châtiments prévus dans les contrats paléo-babyloniens. In: J.-M. Durand et al. (éd.), *La faute et sa punition. Colloque Collège de France*, *CNRS*, *Société Asiatique de juin 2010*. Leuven; Paris; Walpole, MA. 1–21.

Charpin, D. 2015: *Gods*, *Kings*, *and Merchants in Old Babylonian Mesopotamia*. Leuven; Paris; Bristol, CT.

Cuq, E. 1929: *Études sur le droit babylonien*, *les lois assyriennes et les lois hittites*. Paris.

Darkevich, V. P. 1992: *Narodnaya kul'tura Srednevekovya: parodiya v literature i iskusstve IX–XVI vv.* [*Medieval folk culture: parody in literature and art of the IXth–XVIth centuries*]. Moskva [Moscow].

Даркевич, В. П. 1992: *Народная культура Средневековья: пародия в литературе и искусстве IX–XVI вв.* М.

Driver, G. R., Miles, J. C. 1952: *The Babylonian Laws. Vol. 1: Legal Commentary*. Oxford.

Durand, J.-M. 2000: *Documents épistolaires du palais de Mari. T. III*. Paris (Littératures anciennes du Proche Orient; 18).

Dyakonov, I. M. 1952: Zakony Vavilonii, Assirii i Khettskogo tsarstva [The Laws of Babylonia, Assyria and the Hittite Kingdom]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 206–323.
Дьяконов, И. М. 1952: Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства. *Вестник древней истории* 4, 206–323.

Edwards, M. 2005: *Drevnyaya Indiya. Byt*, *religiya*, *kul'tura* [Ancient India. Everyday life, religion, culture]. Moskva [Moscow]
Эдвардс, М. 2005: Древняя Индия. Быт, религия, культура. М.

Étienne, R. 1974: Recherches sur l'ergastule. In: *Actes du colloque 1972 sur l'esclavage. Besançon 2–3 mai 1972*. Paris. 249–266.

Finet, A. 1974: Citations littéraires dans la correspondance de Mari. *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale* 68, 35–47.

Friedrich, J. 1977: *Die hethitischen Gesetze*. Leiden. (DMOA; VII).

Friedrich, J., Kammenhuber, A. 1975–1984: *Hethitisches Handwörterbuch*. *2. Aufl. Bd. I*: *A.* Heidelberg.

Goetze, A. 1969: The Hittite Laws. In: J. B. Pritchard (ed.), *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament*. 3rd ed. Princeton. 188–197.

Grazianskiy, N. P. (per.) [transl.] 1950: *Salicheskaya pravda* [Salic law]. Moskva [Moscow].
Грацианский, Н. П. (пер.) 1950. *Салическая правда*. М.

Grimm J., Grimm W. 2012: *Skazki bratyev Grimm* [*Grimms' Fairy Tales*]. Moskva [Moscow].
Гримм Я., *Гримм В.* 2012: *Сказки братьев Гримм*. М.

Haase, R. 1979: *Die keilschriftlichen Rechtssammlungen in deutscher Fassung.* 2. Aufl. Wiesbaden.

Haase, R. 1994: Überlegungen zu § 173 (58*) der hethitischen Gesetze. *Anatolica* 20, 221–225.

Haase, R. 2003: The Hittite Kingdom. In: R. Westbrook (ed.), *A History of Ancient Near Eastern Law*. Leiden; Boston. (HdO; I/72.1). 691–656.

Hoffner, H. A. Jr. 1974: *Alimenta hethaeorum. Food Production in Hittite Asia Minor*. New Haven. (American Oriental Series; 55).

Hoffner, H. A. Jr. 1997(a): *The Laws of the Hittites. A Critical Edition*. Boston; Leiden; Köln. (DMOA XXIII).

Hoffner, H. A. Jr. 1997(b): Hittite laws. In: M. Roth, *Law Collections from Mesopotamia and Asia Minor*. Atlanta. (SBL WAW; 6). 213–240.

Hoffner, H. A. Jr. 1998: On the Denominative Verb *arāwe-*. In: J. Jasanoff et al. (ed), *Mír Curad: Studies in Honor of Calvert Watkins*. Innsbruck. 275–284.

Hoffner, H. A. Jr. 2000: Hittite Laws. In: W.W. Hallo (ed.), *Context of Scripture. Vol. II: Monumental Inscriptions from the Biblical World*. Leiden; Boston; Köln. 106–119.

Hoffner, H. A. Jr., Melchert, H. G. 2008: *A Grammar of the Hittite Language*. Winona Lake. (Languages of the Ancient Near East; 1).

Hrozný, F. 1922: *Code hittite provenant de l'Asie Mineure* (*vers 1350 av. J.-C.*). Paris.

Imparati, F. 1964: *Le legge ittiti*. Roma. (Incunabula graeca; 7).

Kistyakovskiy, A.F. 2000 ([1]1867): *Issledovaniye o smertnoy kazni* [*A study on death penalty*]. Moskva [Moscow].
Кистяковский, А.Ф. 2000 ([1]1867): *Исследование о смертной казни*. М.

Koehler, L., Baumgartner, W. 1994–2000: *The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament*. Leiden; New York; Köln.

Korostovtsev, M. A., Katsnel'son, I. S., Kuzishchin, V. I. (red.) [(ed.)] 1980: *Khrestomatiya po istorii Drevnego Vostoka* [*Sourcebook for the History of the Ancient Orient*]. Ch. 1. [Pt. 1.] Moskva [Moscow].
Коростовцев, М. А., Кацнельсон, И. С., Кузищин, В. И. (ред.) 1980: *Хрестоматия по истории Древнего Востока*. М. Ч. 1.

Korošec, V. 1964: Keilschriftrecht. In: B. Spuler (hrsg.), *Orientalisches Recht*. Leiden; Köln (HdO, I/3). 49–219.

Korošec, V. 1980: Die Todesstrafe in der Entwicklung des hethitischen Reiches. In: B. Alster (ed.), *Death in Mesopotamia. Papers read at the XXVIe Rencontre assyriologique internationale.*Copenhagen. 199–212.

Korsun, A. I. 1975: Starshaya Edda [Elder Edda] In: *Beovul'f. Starshaya Edda. Pesn' o Nibelungakh* [*Beowulf. Elder Edda. The Song of the Nibelungs*]. Moskva [Moscow]. 181–356.
Корсун, А. И. 1975: Старшая Эдда. В: *Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах.* М. 181–356.

Krusch, B. (ed.) 1885: Scriptores rerum merovingicarum. T. I. P. II: Gregorii episcopi turonensis miracula et opera minora. Hannoverae.

Kupper, J.-R. 1964: Lettres de Kibri-Dagan (Nos 102–138). In: G. Dossin et al., *Archives royales de Mari. XIII*: *Textes divers*. Paris. 104–136.

Kuzishchin, V. I. (red.) [(ed.)] 2002: *Istoriya Drevnego Vostoka*: *teksty i dokumenty* [*History of the Ancient Orient*: *texts and documents*]. Moskva [Moscow].
Кузищин, В. И. (ред.) 1980: *История Древнего Востока: тексты и документы*. М.

Laroche, E. 1973: Fleuve et ordalie en Asie Mineure hittite. In: E. Neu, Chr. Rüster (hrsg.), *Festschrift Heinrich Otten 27. Dezember 1973*. Wiesbaden. 179–189.

Macek, J. 1954: *Gusitskoye revolutsionnoye dvizheniye* [*Hussite revolutionary movement*]. Moskva [Moscow].
Мацек, Й. 1954: Гуситское революционное движение. М.

Manevich, L. V. (per.) [(transl.)] 2004: *Kniga Ieremii. Plach Ieremii. Vetkhiy Zavet. Perevod s drevneevreyskogo* [*The Book of Jeremy. Lamentations. The Old Testament. A Translation from Biblical Hebrew*]. Moskva [Moscow].
Маневич, Л. В. (пер.) 2004: *Книга Иеремии. Плач Иеремии. Ветхий Завет. Перевод с древнееврейского*. М.

Miller, J. 2013: *Royal Instructions and Related Administrative Texts*. Atlanta. (SBL WAW; 31)

Monestier, M. 2011: *Smertnaya kazn*'. *Istoriya i vidy vysshey mery nakazaniya ot nachala vremyon do nashikh dney* [*Peines de mort: Histoires et techniques des exécutions capitales des origines à nos jours*]. Moskva [Moscow].
Монестье, М. 2011: *Смертная казнь. История и виды высшей меры наказания от начала времен до наших дней*. М.

Neufeld, E. 1951: *The Hittite Laws*. London.

Neve, P. 1982: *Büyükkale. Die Bauwerke. Grabungen 1954–1966*. Berlin.

Noegel, S. B. 2016: Corpses, Cannibals, and Commensality: A Literary and Artistic Shaming Convention in the Ancient Near East. *Journal of Religion and Violence* 4/3, 255–303.

Petschow, H. 1965: Zur Systematik und Gesetzestechnik im Codex Hammurabi. *Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie* 23, 146–172.

Puhvel, J. 1984: *Hittite Etymological Dictionary. Vol. 1–2*: *A*, *E/I.* Berlin; New York; Amsterdam.

Rejali, D. 2007: *Torture and Democracy*. Princeton; Oxford.

Seeher, J. 2000: Getreidelagerung in unterirdischen Großspeichern: zur Methode und ihre Anwendung im 2. Jahrtausend v. Chr. am Beispiel der Befunde in Ḫattuša. In: *Studi micenei ed egeo-anatolici* 42, 261–301.

Seleznyov, M. G. (per.) [(transl.)] 2000: *Kniga Bytiya. Vetkhiy Zavet. Perevod s drevneevreyskogo* [*The Book of Genesis. Old Testament. A Translation from Biblical Hebrew*]. Moskva [Moscow].
Селезнёв, М. Г. (пер.) 2000: *Книга Бытия. Ветхий Завет. Перевод с древнееврейского*. М.

Shalyapin, S. O. 2013: *Tserkovno-penitentsiarnaya sistema v Rossii XV–XVIII vv.* [*Church penitentiary system in Russia of the XVth–XVIIIth centuries*]. Arkhangel'sk [Arkhangelsk].
Шаляпин, С. О. 2013: *Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII вв*. Архангельск.

Skazkin, S. D. (red.) [(ed.)] 1961: *Khrestomatiya po istorii srednikh vekov. T. 1: Ranneye srednevekovye* [*Sourcebook for the History of Middle Ages. Vol. 1: Early Middle Ages*]. Moskva [Moscow].
Сказкин, С. Д. (ред.) 1961: *Хрестоматия по истории средних веков. Т. 1: Раннее средневековье*. М.

Struve, V. V., Reder, D. G. (red.) [(ed.)] 1963: *Khrestomatiya po istorii Drevnego Vostoka* [*Sourcebook for the History of the Ancient Orient*]. Moskva [Moscow].
Струве, В. В., Редер, Д. Г. (ред.) 1963: *Хрестоматия по истории Древнего Востока*. М.

von Schuler, E. 1982: Die hethitische Gesetze. In: *Texte aus der Umwelt des Alten Testaments*. *Bd. I: Rechts- und Wirtschaftsurkunden*. *Historisch-chronologische Texte*. Gütersloh, 96–123.

Vyazigin, A. S. 1891: *Grigoriy VII. Yego zhizn*' *i obshchestvennaya deyatel*'*nost*'. *Biograficheskiy ocherk* [*Gregory VII. His live and public activity. A biographical essay*]. Sankt-Peterburg [Saint-Petersburg].
Вязигин, А. С. 1891: *Григорий VII. Его жизнь и общественная деятельность. Биографический очерк*. СПб.

Waal, W. 2017: Hittite Crime and Punishment. A New Interpretation of the Verb *šaku*(*wa*)- / *šakuwai*-. A Talk at the 10th International Congress of Hittitology, Chicago, August 28 – September 1, 2017. [Handout].

Walton, J., Matthews, V., Chavalas, M. 2003: *Bibleyskiy kul'turno-istoricheskiy kommentariy. Ch. 1: Vetkhiy Zavet* [*Bible Background Commentary. Pt. 1: Old Testament*]. Sankt-Peterburg [Saint-Petersburg].

Уолтон, Дж., Мэтьюз, В., Чавалес, М. 2003: *Библейский культурно-исторический комментарий. Ч. 1: Ветхий Завет*. СПб., 2003.

Westbrook, R. 2003: The Character of the Ancient Near Eastern Law. In: R. Westbrook (ed.), *A History of Ancient Near Eastern Law*. Leiden; Boston. (HdO; I/72.1). 1–90.

Westbrook, R., Woodard, R. D. 1990: The Edict of Tudhaliya IV. *Journal of the American Oriental Society* 110, 641–659.

Ziegler, N., Langlois, A.-I. 2016: *Les toponymes paléo-babyloniens de la Haute-Mésopotamie*. Antony (Matériaux pour l'étude de la toponymie et de la topographie; I/1).

B. E. Alexandrov. § 173b of the Hittite law code in the light of some Ancient Near Eastern and medieval parallels

The interpretation of § 173b of the Hittite law code presents one of the old problems in the study of cuneiform law. The main difficulties are connected with understanding its sanction which literally runs as "the slave must go to the jar". Most of the scholars claim that this was a specific form of death penalty or imprisonment. The present study seeks to find parallels in other judicial traditions which might shed light on this strange statement. Thus, according to the study of D. Bodi (2017), Mesopotamian and Biblical sources attest a special kind of death punishment which at the same time displays some characteristic features of ordeal: a victim was thrown into a pit or cistern and left there without food. Since the place or instrument of punishment in § 173b could have well represented a container installed beneath earth level, the analogy between Hittite, on the one hand, and Biblical and Mesopotamian material on the other, seems quite likely. Another possible parallel shedding light on the enigma of § 173b can be found in the ancient Germanic custom of boiling water ordeal attested, e.g., in *Lex Visigothorum* and *Lex Salica*. If this proves right, the article should be read: "If a slave declares himself free from his master, he shall go to the cauldron" and understood as retention of common ancient Indo-European tradition.

Key words: Hittite law code, system of punishment, death penalty, imprisonment, slavery, slaves.

DOI:10.30842/ielcp230690152202

А. В. Андреев

СИНТАКСИЧЕСКИ УПРАВЛЯЕМАЯ РАЗМЕТКА НЕСТАНДАРТНЫХ ТЕКСТОВ (на материале «Катехизиса» 1595 г. М. Даукши)[1]

В статье рассматривается метод бессловарного морфологического анализа, специально приспособленный для текстов на флективных языках с высокой вариативностью, в первую очередь – для разметки старинных текстов. Суть метода заключается в применении синтаксических ограничений к набору возможных морфологических интерпретаций финалей слов. Неоднозначность разбора также уменьшается посредством применения универсальных ограничений, таких как принцип проективности и минимизация набора возможных основ. Описываются результаты применения метода к разметке «Катехизиса» 1595 г. М. Даукши.

Ключевые слова: морфологическая разметка, исторические корпуса, литовский язык, языковая вариативностью.

В настоящее время при составлении корпусов текстов морфологическое аннотирование является практически обязательным этапом. В то время, как для современных стандартизованных языков задача автоматического аннотирования не представляет особой трудности, в других случаях (таких как исторические, диалектные, разговорные корпуса и т. п.) ситуация оказывается не столь определенной. Связано это с тем, что большинство современных методов автоматического морфологического разбора требует наличия формализованной модели морфологии анализируемого языка и, что самое главное, грамматического словаря. В случае древних текстов ни того, ни другого, как правило, не существует; более того, отсутствие жесткой языковой нормы и «несовершенство» орфографии делают создание словаря, аналогичного, допустим, «Грамматическому словарю русского языка» А. А. Зализняка, достаточно нетривиальной задачей. Впрочем, даже и в отношении «стандартных» текстов существует одна важная задача, решение которой далеко от окончательного, а именно – проблема разрешения морфологической омонимии, особенно актуальная для языков «клас-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 17-18-01624

сического» индоевропейского типа. Таким образом, если речь идет о разработке метода автоматической аннотации текста, то было бы желательно, чтобы механизмы снятия омонимии в нем уже были в том или ином виде изначально заложены.

Сейчас преобладают два основных подхода к автоматическому морфологическому анализу «нестандартного» языкового материала:

- полуавтоматический прецедентный разбор (Arkhangelsky, Mishina, Pichkhadze 2014). При этом анализатор предлагает пользователю выбор из возможных вариантов аннотации, основываясь на словаре, морфологической модели и информации о контекстах данной формы, но окончательное разрешение неоднозначностей, а также обработка нераспознанных или неправильно проанализированных форм остается целиком ответственностью пользователя-лингвиста. Этот подход в принципе позволяет добиться идеальной точности, поскольку и словарь, и модель развиваются по мере анализа текста, однако он требует значительных человеческих ресурсов и, по очевидным причинам, лучше всего работает на достаточно больших корпусах.
- искусственная стандартизация текста, т. е. сведéние его посредством некоторых формальных преобразований к тексту на языке с известной морфологической моделью и словарем, например, старолитовского к современному литовскому (Gelumbeckaitė, Šinkūnas, Zinkevičius 2012) или русского языка XVIII в. к современному русскому (Polyakov 2012). Разумеется, такой подход возможен только в том случае, если лексико-грамматические различия между языками не слишком велики. Достоинством данного метода является, прежде всего, то, что он позволяет получить хоть какую-то морфологическую аннотацию, не затрачивая больших усилий, однако исследователя здесь подстерегает существенная методологическая проблема: в процессе «осовременивания» текста существует большая вероятность устранить, собственно, те грамматические явления, изучение которых составляет основную цель создания исторических корпусов.

Что касается статистических методов морфологического анализа и снятия омонимии, то их применение к историческим корпусам несколько ограничено вследствие малого объема и высокой вариативности таких текстов; впрочем, есть и

успешные примеры использования этих методов, см. обзор в (Gavrilova, Shalganova, Lyashevskaya 2016).

Нами был предложен метод *бессловарной* автоматической морфологической разметки, который опирается на априорную приблизительную модель морфологии и синтаксиса (Andreev 2014). Ниже мы опишем дальнейшее развитие этого метода. Материалом для исследования послужило оцифрованное нами издание «Катехизиса» под ред. Й. Палёниса (DK 1995), с частичной ручной морфологической разметкой и подготовленный в Институте литовского языка цифровой корпус (DK 2006).

Первым этапом обработки текста является частичная орфографическая нормализация на основании недавних исследований орфографии М. Даукши (Andreev 2013; Hock 2014). Следует заметить, что целью такой нормализации является не полное устранение вариативности (как в случае словарных методов), а устранение тех элементов графики, которые, как нам представляется, несущественны для определения грамматического значения слов, что позволяет упростить описание морфологических правил. Таким образом, в принципе этап нормализации является факультативным; в том случае, если окажется, что те или иные графические признаки все-таки релевантны для грамматического описания, они могут быть легко учтены.

Орфографическая нормализация включает в себя следующие правила:

- упорядочиваются чисто графические варианты *u*/*v*/*w*, *i*/*j*, *s*/*ſ*;
- устраняются практически все диакритики над гласными и согласными, так как функция их во многом остается неясной (разумеется, кроме очевидных *č* и *ž*; в этом случае происходит только унификация нескольких вариантов диакритики, а также кроме точки над согласными в конце слова, которая имеет довольно четкую морфологическую значимость, например, *-ṫ* как показатель инфинитива);
- унифицируется также написание *s*/*ss*, *y*/*i*, трех способов записи звука /æ/ (*ia*, e^a, *ę*), назализованных *ą*, *ę*, *į*, *ų* в начале и середине слова;
- вводятся отдельные обозначения для *i* как показателя мягкости предыдущего согласного и для *i* и *u.* Таким образом, нормализованный текст приближается к грубой фонологической транскрипции.

Морфологическая модель опирается на описание грамматики языка Даукши в (Palionis 1995: 50–62; Zinkevičius 1988: 186–190). В первую очередь она состоит из набора стратифицированных правил вида:

Уровень: [Чередование] + Финаль → Набор морфологических тегов / Новый уровень

Набор всех возможных морфологических разборов получается последовательным применением к данной форме всех правил уровня 0 с совпадающей финалью (мы намеренно не употребляем здесь термина суффикс, потому что в правилах могут фигурировать не обязательно элементы, обладающие самостоятельным морфологическим статусом, но просто диагностически значимые сегменты). Финаль отсекается, к получившейся основе применяется правило чередования, если оно есть, и затем результат опять пропускается через набор правил на том же или следующем уровне, и так повторяется до тех пор, пока хотя бы одно правило может быть применено [2]. Полученный набор признаков затем сверяется с таблицей всех возможных морфологических граммем, и разборы, приводящие к невозможным сочетаниям отбрасываются.

Например, правило для возвратного постфикса выглядит следующим образом:

0: [*ie* → *i*; *ů* → *u*] + *s* → REFL / 0

что означает: «у формы, имеющей на конце -*s*, устранить его; затем применить закон Лескина[3]; добавить возвратность к списку грамматических значений; остаться на том же уровне». Последнее необходимо, чтобы можно было применить потом правило для невозвратных окончаний, например:

0: *u* → PERS1, SG, CONJ1 / 1

С другой стороны, например, правила для форманта -*k* повелительного наклонения отличаются на нулевом и первом уровне, потому что -*k* в конце слова без дополнительной финали означает именно 2 лицо ед. числа:

0: *k* → IMP, PERS2, SG / 2

1: *k* → IMP / 2

[2] В настоящее время префиксация в модели не учитывается; это чисто техническое ограничение, которое со временем будет устранено.

[3] По поводу соотношения между синхронными и диахронными правилами см., например, Antilla 1989: 130.

Отдельные служебные слова и неправильные формы (например, многие формы глагола ‘быть’ идентифицируются специальными правилами словарного типа, например:

0:*æst* = *bu*[4] → VERB, PRES, INDIC, PERSON3, COPULA, ATHEM.

Общая таблица граммем включает, помимо традиционных морфологических значений, также некоторые являения, которые обычно рассматриваются на синтаксическом уровне как клитики (Ambrazas 2006: 80, 87–89), в первую очередь, вопросительная частица *-gu* и усилительная частица *-ġ*, которым в нашей модели приписываются соотвестственно признаки interr и emph. Приведем здесь таблицу граммем целиком, отметив, что технически она устроена несколько сложнее, как набор теоретико-множественных выражений, так что граммемы разных классов могут влиять друг на друга (например, в настоящем времени возможны только окончания 1-3 спряжений (признаки CONJ1-3), в прошедшем – только 3 и 4 (признаки CONJ3-4), а в остальных временах – только CONJ2); в таблице это взаимовлияние отражено не полностью.

Отметим несколько ограничений данной модели. Во-первых, граммемы, выражаемые в литовском языке только аналитически (в первую очередь, перфект) не выделяются отдельно (возможно, в дальнейшем это ограничение будет снято). Во-вторых, нашей целью было прежде всего выделение грамматических значений, а не лемматизация, которая вообще вряд ли может быть надежно проведена автоматически в условиях значительной языковой вариативности. Поэтому леммой считается в контексте настоящей работы неразложимая по правилам цепочка графем + классифицирующие признаки (часть речи, тип склонения / спряжения). В силу формальных ограничений на вид чередований некоторые формы, логически относящиеся, безусловно, к одной лексеме будут представлены разными леммами; это касается в первую очередь глагольных форм прошедшего *vs.* настоящего времени.

[4] *bu* используется здесь исключительно как условная метка, объединяющая все формы глагола ‘быть’ в синхронном описании, а не как указание на и.-е. корень $*b^h\bar{u}$, который, по общему мнению, презентного значения не имел.

<table>
<tr><td rowspan="3">Части речи:
NOUN
PRON
ADJ</td><td rowspan="2">Падежи:
NOM
GEN
DAT
ACC
INSTR
LOC
ILL
ADESS
ALL
VOC</td><td rowspan="2">Число:
SG
PL
DUAL</td><td rowspan="3">Род:
M
F</td><td>Тип склонения:
DECL1-6</td><td colspan="3" rowspan="2"></td></tr>
<tr><td>DET</td></tr>
<tr><td colspan="3"></td><td>Причастия:
PART. ACT
PART. PASS.
SEMI-PART</td><td>Нескл. формы:
COMPAR
ADV</td></tr>
<tr><td rowspan="3">VERB</td><td colspan="2">Лицо:
PERS1
PERS2
PERS3</td><td>Модель управления ~ падеж
COPULA</td><td>Спряжение:
CONJ1-4
ATHEM</td><td>Наклонение:
IND
SUBJ
OPT
IMP</td><td>Время:
PRES
PRET
FUT</td><td>Клитики:
INTERR
EMPH
REFL</td></tr>
<tr><td colspan="2">Нелич. формы:
INF
SUP</td><td colspan="5"></td></tr>
<tr><td>PREP</td><td colspan="7"></td></tr>
<tr><td>ADV
CONJ</td><td colspan="7"></td></tr>
</table>

Синтаксическая модель претерпела значительные изменения по сравнению с предложенной нами ранее (Andreev 2014). Изначально мы опирались на подход контекстно-свободных грамматик, однако практика показала, что для наших целей гораздо удобнее использовать грамматики зависимостей, хотя в некоторых случаях они вынуждают прибегать к приемам, не вполне корректным с точки зрения строгой лингвистики. Следует заметить, что нашей целью не является получение автоматической синтаксической разметки в полном объеме, особенно в отношении синтаксиса целого предложения. Очевидно, что во многих случаях такая разметка не может быть получена без обращения к семантике. Нашей главной задачей является использование информации о синтаксических связях в качестве ограничений на возможные грамматические значения отдельных форм, поэтому полученное синтаксическое дерево

практически всегда будет *допустимым* с точки зрения грамматики, но не обязательно тем самым, которое уместно в данном контексте. Математически эта задача решается т. н. методом удовлетворения ограничений в конечных доменах (Triska 2012).

В рамках данной модели рассматривается один недифференцированный вид подчинительной синтаксической связи. Каждая форма имеет ровно одного синтаксического хозяина (за исключением формы-вершины) и произвольное число зависимых слов. Допустимые связи между формами, относящимися к тем или иным граммемам, описываются набором правил (в отличие от морфологических эти правила достаточно универсальны и могут с небольшими изменениями использоваться и для других языков индоевропейского типа. Правила могут быть трех разновидностей:

- обязательная валентность («если форма A обладает набором признаков *X*, то от нее должна зависеть хотя бы одна форма B с набором признаков *Y*»)
- факультативная валентность («если форма A с набором признаков *X* зависит от формы B, то форма B должна обладать одним из наборов признаков Y_1, Y_2, … Y_n
- созависимость («если форма A с набором признаком *X* зависит от того же хозяина, что и B, то форма B должна обладать одним из наборов признаков Y_1, Y_2, … Y_n

Все правила могут быть ограничены позиционно («хозяин слева/справа от зависимого слова», «хозяин непосредственно примыкает к зависимому слову»). Особенностью «Катехизиса» является вопросно-ответная структура текста, причем часто ответ является эллиптическим предложением по отношению к вопросу. Поэтому в нашей модели предусмотрено проведение синтаксических связей через границу предложения (это тоже представляется как позиционное ограничение особого рода).

Например, правила могут выглядеть следующем образом:

- PREP_X *requires rightward* NOUN, X, X ∈ {GEN, ACC, DAT, INSTR}, т. е. «за предлогом, требующим падежа X должно обязательно следовать существительное в форме этого падежа»
- VERB, GOVERN_X *requires following* X, X ∈ {NOM, GEN, ACC, DAT, INSTR, LOC, ILL}, т. е. «если глагол управляет каким-

либо падежом, то форма в этом падеже должна появиться в этом или следующем предложении»

- $\text{PERSON}_{1,2,3}$ *allows* NOM, т. е. «личная форма глагола допускает при себе зависимое слово в им. падеже в этом же предложении (подлежащее)»

Вершиной синтаксического дерева всегда предполагается глагол в личной форме, возможно, в другом предложении. Это делает разбор некоторых предложений невозможным, однако в нашем материале назывные предложение – это в основном разного рода заголовки, так что на практике это ограничение не очень существенно. Особого внимания требуют случаи, в которых вид и направление синтаксической связи не вполне однозначно определяются. Так, частицы всегда считаются синтаксически примыкающими к предыдущему слову, что для литовского языка практически всегда дает лингвистически осмысленный результат. Слово из эллиптического ответа связывается с вопросительным словом из предложения-вопроса, что не вполне традиционно, но кажется разумным решением. В случае сочинительных конструкций нам пришлось прибегнуть к техническому приему и предположить, что сочинительный союз наследует признаки соединяемых слов. Иными словами, например, для союза *ir* существует набор правил, требующих слева и справа от него слов с совпадающими наборами признаков:

CONJ(NOUN, X) *requires rightward* NOUN, X & *leftward* NOUN, X, X ∈ {NOM, GEN, ACC, DAT, INSTR...}

CONJ(ADJ, X, Y) *requires rightward* ADJ, X, Y & *leftward* ADJ X, Y, X ∈ {NOM, GEN, ACC, DAT, INSTR...}, Y ∈ {M, F}

CONJ(VERB, X) *requires rightward* VERB, X & *leftward* VERB, X, X ∈ {PERS1, PERS2, PERS3, INF}

После того, как возможные синтаксические деревья построены, лишние варианты убираются посредством применения дополнительных универсальных ограничений. Во-первых, мы используем принцип проективности, требующий, чтобы стрелки синтаксических зависимостей не пересекались (этот принцип, как известно, не всегда применим, но в текстах простой структуры отклонения от него чрезвычайно редки). Во-вторых, предполагается, что в одном предложении не могут встретиться два омонима, т. е. если какая-то форма встречается в предложении дважды, то она оба раза должна принадлежать к одной

лемме. В общем случае это, разумеется, неверно, но практически, особенно при отсутствии в тексте элементов языковой игры, применение такого ограничения позволяет значительно уменьшить число возможных разборов в случаях типа [*Jesus*] *ira tikras diewas ir tikras žmogus* ‘[Иисус] истинно бог и истинно человек’. Наконец, последнее правило, применяемое глобально ко всему анализируемому тексту, состоит в том, чтобы всегда предпочитать разборы, которые дают суммарно наименьшее количество лемм.

В завершение рассмотрим пример работы описанной процедуры:

M. *Kaiṕ iżpíldiſſime*^{a} *ke*^{a}*twîrtą priſsâkimą / apę miłêiimą téwo ír môtinos?*

Mo. *Túrime*^{a} *ių kłausíṫ / turéṫ iůs page*^{a}*rbime*^{a} */ tarnáuṫ iiemus / ir paßełpṫ iůs.*[DK 81.11–17, написание несколько упрощено по техническим причинам]

‘Как исполним четвертую заповедь о любви отца и матери? Должны их слушать, иметь их в почести, служить им и помогать им [в лит. – acc.]’

После применения процедур нормализации орфографии получаем:

kaĭp iżpildisimæ kætwirtą prisakimą apę mileĭimą tewo ir motinos?

turimæ ĭų klaŭsit^{j} *turet*^{j} *ĭůs pagærbimæ tarnaŭt*^{j} *iĭemus ir paßelpt*^{j} *ĭůs*

Применяя морфологические правила приходим к следующим результатам:

kaĭp (ADV, INTERR) *iżpildisimæ* (VERB, FUT, PERSON3, PL | NOUN, LOC, SG, DECL1) *kætwirtą* (ADJ|NOUN, ACC, SG, DECL1|DECL2) *prisakimą* (ADJ|NOUN, ACC, SG, DECL1|DECL2) *apę* (PREP(ACC)) *mileĭimą* (ADJ|NOUN, ACC, SG, DECL1|DECL2) *tewo* (NOUN, GEN, SG, DECL1 | VERB, PRES|PRET, CONJ3) *ir* (CONJ) *motinos* (NOUN GEN, SG | NOM, PL, DECL2 | VERB. PRES|PRET, CONJ3, REFL) *turimæ* (VERB, PRES, CONJ2, PERS1, PL | NOUN, LOC, SG, DECL1) *ĭų* (PRON, GEN,. PL) *klaŭsit*^{j} (VERB, INF) *turet*^{j} (VERB, INF) *ĭůs* (PRON, ACC, PL) *pagærbimæ* (VERB, PRES, PERS1, PL, CONJ2 | NOUN, LOC, SG, DECL1) *tarnaŭt*^{j} (INF.) *iĭemus* (PRON, DAT, PL) *ir* (CONJ) *paßelpt*^{j} (INF) *ĭůs* (PRON, DAT, PL).

Общее количество возможных разборов составляет, следовательно, 16384. Однако, к счастью, мы имеем здесь

много однозначно идентифицируемых слов (предлоги, союзы и инфинитивы). Это сразу же приводит к анализу *mileĭimą* как существительного, следующего за предлогом. После этого необходимость иметь единственный корень синтаксического дерева и требование, чтобы союз *ir* соединял однородные формы сразу дает анализ *tewo* и *motinos* как существительных. По тем же правилам *ižpildisimæ* оказывается глаголом. Таким образом, в этом предложении неоднозначным остается только выбор между существительным и прилагательным для *kætwirtą* и *prisakimą* и их тип склонения. Однако эта неоднозначность снимается минимизацией числа лемм, поскольку *prisakimas* ‘заповедь’ – очень частотное слово в «Катехизисе», так что его частеречная принадлежность и тип склонения определяются другими контекстами. Во втором предложении, так же руководствуясь правилом о союзе *ir*, идентифицируются однородные группы *tarnaĭtʲ iĭemus* и *paßelptʲ ĭůs*. После этого по остаточному принципу также выделяются группы *ĭų klaĭsitʲ* и *turetʲ ĭůs*, а также синтаксический корень: форма *turimæ*. Однако мы не можем сделать выбор между *pagerbimæ* VERB и *pagerbimæ* NOUN, поскольку в других местах текста от этого корня встречается и глагольные, и именные формы. Следовательно, первое предложение в конечном результате получает единственный разбор [[*kaĭp* (ADV, INTERR) *ižpildisimæ* (VERB, FUT, PERSON3, PL)] [*kætwirtą* (ADJ, ACC, SG, DECL1) *prisakimą*]] (NOUN, ACC, SG, DECL1) [*apę* (PREP(ACC)) [*mileĭimą* (NOUN, ACC, SG, DECL1) [*tewo* (NOUN, GEN, SG, DECL1) *ir* (CONJ) *motinos* (NOUN GEN, SG, DECL2)]]], а второе — два, корректный: *turimæ* (VERB, PRES, CONJ2, PERS1, PL) [*ĭų* (PRON, GEN,. PL) *klaĭsitʲ* (VERB, INF)] [*turetʲ* (VERB, INF) *ĭůs* (PRON, ACC, PL) *pagærbimæ* (NOUN, LOC, SG, DECL1)] [[*tarnaĭtʲ* (INF.) *iĭemus* (PRON, DAT, PL)] *ir* (CONJ) [*paßelptʲ* (INF) *ĭůs* (PRON, DAT, PL)]]] и паразитический: [*turimæ* (VERB, PRES, CONJ2, PERS1, PL) <…>] [**pagærbimæ* (VERB, PRES, PERS1, PL, CONJ2) [[*tarnaĭtʲ* (INF.) *iĭemus* (PRON, DAT, PL)] *ir* (CONJ) [*paßelptʲ* (INF) *ĭůs* (PRON, DAT, PL)]]. Отметим, что если добавить специальное морфологическое правило о моделях управления частотного *turét* ‘иметь’, то разбор станет однозначным.

Таким образом, мы можем видеть, что бессловарный морфологический анализ может давать результаты, не уступающими более распространенным словарно-ориентированным методам.

Литература

Ambrazas, V. 2006: Lietuvių kalbos istorine sintaksė. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.

Andreev A. V. 2014: [On a method of automatic morphosyntactic annotation of old texts], In: *Pismenoto nasledstvo i informacionnite tekhnologii. «El'Manuscript-2014». Materiali ot V mezhdunarodna nauchna konferentsiya* [*Proceedings of the 5th International Conference Textual Heritage and Information Technologies, «El'Manuscript-2014»*], Sophia, Izhevsk, 99–101.

Андреев А. В. 2014: Об одном методе автоматической грамматической разметки старопечатных текстов. В сб.: Баранов, В. А., Желязкова, В., Лаврентьев, А. М. (отг. ред.). *Писменото наследство и информационните технологии. «El'Manuscript–2014». Материали от V международна научна конференция*. София, Ижевск, 99–101.

Andreev, A. V. 2013: [Diacritic marks and orthography in M. Daukša's Catechism of 1595: a quantitative aspect], the analysis of the names]. *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*], 17, 16–25.

Андреев А. В. Знаки ударения в орфографии катехизиса М. Даукши 1595 г.: опыт количественного исследования. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 17, 16–25.

Antilla, R. 1989: *Historical and comparative linguistics*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Arkhangelsky, T. A., Mishina, E. A., Pichkhadze, A. A. 2014: [A system for digital morphological tagging for Old Russian and Church Slavonic texts]. *Palaeobulgarica*, 38 (4), 21–37.

Архангельский, Т .А., Мишина, Е. А., Пичхадзе, А. А. 2014: Система электронной грамматической разметки древнерусских и церковнославянских текстов. *Palaeobulgarica / Старобългаристика*, 38 (4), 21–37.

DK 1995: *Mikalojaus Daukšos 1595 katekizmas*. Red. J. Palionis. Vilnius: Moklso ir enciklopedijų leidykla.

DK 2006: Mikalojus Daukša. *Katekizmas,* 1595. Prepared by M. Šinkūnas, sponsored by Lithuanian State Science and Studies Foundation, 2006. (http://seniejirastai.lki.lt/db.php?source=1).

Gavrilova, T. S., Shalganova, T. A., Lyashevskaya, O. N. 2016: [Lexico-grammatical annotation of the middle russian corpus 1400–1700: a computational approach]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 3: Filologiya* [*Bulletin of the Orthodox St. Tikhon University of Humanities*], 47 (2) 7–25.

Гаврилова, Т. С., Шалганова, Т. А., Ляшевская, О. Н. 2016: К задаче автоматической лексико-грамматической разметки старорусского корпуса XV–XVII вв. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология.* 47 (2) 7–25.

Gelumbeckaitė, J., Šinkūnas, M., Zinkevičius,V. 2012: Old Lithuanian Reference Corpus (SLIEKKAS) and Automated Grammatical Annotation. *Journal for Language Technology and Computational Linguistics*, 27 (2). 83–96.

Hock, W. 2014: Untersuchungen zu Daukšas Postille – II. Doppelakzentuierungen, *Archivum Lithuanicum*, 16, 173–202.

Palionis, J. 1995: *Lietuvių rašomosios kalbos istorija*. Vilnius: Mokso ir enciklopediju leidykla.

Polyakov, A. E. 2012: [A stemmer for the pre-reform Russian orthography] In: *Informacionnye tekhnologii i pis'mennoe nasledie: materialy IV mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Petrozavodsk, 3–8 sentyabrya 2012 g.)* [*Proceedings of the international conference Information Technologies and Textual Heritage El'Manuscript-12*], Petrozavodsk, Izhevsk, 211–215.

Поляков, А. Е. 2012: Лемматизатор для дореформенной русской орфографии. В сб.: Баранов, В. А., Варфоломеев, А. Г. (отв. ред.) *Информационные технологии и письменное наследие: материалы IV международной научной конференции (Петрозаводск, 3–8 сентября 2012 г.).* Петрозаводск, Ижевск, 211–215.

Triska, M. 2012: The Finite Domain Constraint Solver of SWI-Prolog. In: Schrijvers T., Thiemann P. (eds) *Functional and Logic Programming. FLOPS 2012. Lecture Notes in Computer Science, vol 7294*. Berlin, Heidelberg: Springer, 307–316.

Zinkevičius, Z. 1988: *Lietuvių kalbos istorija.* T. 3. Vilnius: Moklso ir enciklopedijų leidykla.

A. V. Andreev. A method of syntactically-constrained morphological annotation (as applied to «Katechismas» of 1595 by M. Daukša)

In the article, the existing methods of morphological annotation for historical corpora are analysed. A new method of an unsupervised dictionary-free morphological tagging is proposed which is based on applying syntactical dependency constraints to a set of possible morphological interpretations of word finals. The procedure starts with a draft set of orthographical, morphological and syntactic rules that are adjusted and refined as the analysed text is processed. The method is specifically tailored to the highly-inflectionate languages of ‘classical’ Indo-European type. The ambiguity of annotation is further reduced by applying a set of language-neutral constraints, such as the well-known principle of projectivity or the minimization of possible word stems. The application of the method to tagging M. Daukša's Cathechism of 1595 is described.

Key words: morphological annotation, historical corpora, Lithuanian language, linguistic variation.

DOI:10.30842/ielcp230690152203

Т. А. Архангельский, М. Л. Кисилиер

КОРПУСА ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА: ДОСТИЖЕНИЯ, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ*

Принято считать, что эллинистика относится к наиболее консервативным областям гуманитарного знания. Тем не менее, одним из лучших на данный момент лингвистических корпусов заслуженно считается корпус древнегреческого языка, известный как Thesaurus Linguae Graecae. В то же время для новогреческого одновременно разрабатывается несколько корпусов, сильно отличающихся друг от друга по размерам, принципам работы и целям. В настоящей статье предпринимается попытка сопоставить разные корпуса и определить перспективы развития Корпуса греческого языка, разработанного на базе ИЛИ РАН и Греческого института СПбГУ.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, Thesaurus Linguae Graecae, корпуса новогреческого языка, греческая диглоссия.

1. Вводные замечания

Так сложилось, что научные дисциплины, которые можно объединить под общим названием «эллинистика», на фоне других гуманитарных дисциплин отличаются заметной консервативностью. Попытки использования современных методов исследования часто подвергаются безжалостной критике, и во-многом эта критика, действительно, справедлива. Тем более удивительным кажется тот факт, что именно в эллинистике, и ранее всего в классической филологии, стали использоваться корпусные методы исследования[1].

Корпусная лингвистика – относительно молодая область. Первые корпуса появились только 1960-е гг., например, корпус английского языка (Kučera, Nelson 1967). Их отличали небольшой размер и отсутствие технических средств поиска, поэтому они скорее могли использоваться для получения разнообразных статистических данных, нежели помочь при проведении линг-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00607 «Корпусные и полевые исследования сентенциальных дополнений в балканских языках и диалектах».

[1] Впрочем, вероятно, создание электронного корпуса как раз и соответствовало традициям классической филологии. Еще в 1572–1573 гг. Анри II Этьен (Стефанус) создал лексикон, известный как «Thesaurus Linguae Graecae». Подобные труды создавались и в XVIII в.

вистического/филологического анализа. Корпуса современного типа появились около 1990-х гг. Обычно величина «новых» корпусов варьирует между 1 млн. и 1 млрд. словоупотреблений[2], хотя встречаются и исключения.

В настоящей статье речь пойдет о корпусах, связанных с греческим языком. При обзоре существующих корпусов впервые будет представлено описание Корпуса греческого языка, разработанного ИЛИ РАН совместно с Греческим институтом СПбГУ.

2. Thesaurus Linguae Graecae (TLG)

Одним из наиболее успешных корпусов современного типа является знаменитый корпус древнегреческого языка TLG[3], созданный в университете Калифорнии (Berkowitz, Johnson 1990). Проект по подборке электронной библиотеки для корпуса начался в 1972 г.; первые версии TLG появились на кассетах в 1976 г., а компакт-диски вышли в 1985 (27 млн. слов)[4], 1988 (42 млн. слов), 1992 и 2000 гг. После успешного выхода второго диска в 1988 г. консультативный совет под председательством И. И. Шевченко одобрил расширение корпуса за счет схолий, а также византийской историографии и лексикографии. В 2001 г. стало ясно, что необходимо переходить от компакт-дисков к онлайн-версии, что открыло перед разработчиками TLG абсолютно новые перспективы. С одной стороны, перевод корпуса в интернет (2004 г.) позволил довести его до XIV в., а с другой стороны, дал возможность ввести с 2006 г. поиск по леммам. Сейчас TLG включает более 105 млн. словоупотреблений из более чем 12000 произведений и наглядно демонстрирует, что отличает корпус от электронной библиотеки – возможность настройки разнообразных параметров поиска, в том числе и синтактико-грамматических. К важнейшим особенностям TLG, помимо поиска лемм и словоформ с учетом метаданных текстов, таких как имя автора, название текста и хронологические рамки, можно отнести выход на словари древнегреческого (например, Liddell, Scott 1996) и новогреческого языков (например, Τριανταφυλλίδης

[2] Например, объем Национального корпуса русского языка (http://ruscorpora.ru/) превышает 600 млн. словоупотреблений.

[3] Полное название — Thesaurus Linguae Graecae: A Digital Library of Greek Literature, http://stephanus.tlg.uci.edu/.

[4] Этот диск стал первым в истории немузыкальным компакт-диском (http://stephanus.tlg.uci.edu/history.php, дата обращения: 07.05.18).

2009), возможность просмотреть все формы слова, представленные в корпусе, статистику употребления по векам и по авторам, а также географическую дистрибуцию.

Несмотря на очевидные достоинства, у TLG есть существенный недостаток – в нем использованы далеко не лучшие издания и не учитывается критический аппарат, крайне важный для исследований по классической филологии и по византинистике. Это не позволяет рассматривать TLG в качестве полноценного филологического корпуса (ср. Казанский 2016). С одной стороны, описанная проблема легко преодолима с помощью обращения к новейшим изданиям, по которым сверяются примеры, обнаруженные благодаря поиску в корпусе. Подобный подход, требуя некоторых усилий (поиск соответствующего издания, чаще всего недоступного онлайн), обладает, по крайней мере, одним несомненным достоинством — он заставляет исследователя обращаться к тексту, а не довольствоваться исключительно примером, предоставленным корпусом. С другой стороны, уже существуют положительные примеры того, как в корпусе могут быть учтены комментарии, схолии, рукописные варианты и конъектуры[5], что значительно повышает полезность корпуса, позволяя вести поиск не только по основному тексту произведения. К сожалению, подобная возможность едва ли реализуема в рамках TLG, который, будучи дорогим коммерческим проектом, не может претендовать на бесплатное использование чужих материалов. Важная особенность TLG – доступ по платной подписке.

3. Корпус греческих текстов (ΣΕΚ) и Корпус разговорного новогреческого языка (СПΛ)

Сейчас TLG является фактически единственным корпусом древнегреческого и средневекового греческого[6]. Для новогреческого же языка ситуация обстоит принципиально иначе. Нам известны, по крайней мере, пять корпусов, правда, не все из них функционируют на данный момент. О Корпусе греческих

[5] http://www.catullusonline.org/CatullusOnline/index.php (дата обращения: 08.05.18). Авторы статьи благодарят Н. Н. Казанского, познакомившего их с данным ресурсом.

[6] Мы сознательно избегаем здесь термина ‘среднегреческий язык’ в связи с высокой степенью языковой вариативности средневековых текстов, одни из которых очевидным образом ориентированы на древнегреческую традицию, а другие, напротив, очень похожи на новогреческое состояние (Eideneier 1972; 2005a; 2005b; Καπλάνης 2002).

текстов (Σώμα Ελληνικών Κειμένων)[7] известно из подробного описания Дионисиса Гуцоса (Goutsos 2010). Согласно этому описанию, Корпус греческих текстов достигает 30 млн. словоупотреблений; в нем представлены тексты разных жанров (в том числе значительное место занимают разговорные и устные тексты), а также тексты на кипрском диалекте.

Намного сложнее судить о Корпусе разговорного новогреческого языка (Corpus Προφορικού Λόγου)[8]. Согласно описанию, представленному на сайте корпуса, он был разработан в Институте новогреческих исследований Университета им. Аристотеля (Салоники, Греция) в рамках проекта, направленного на изучение речевой деятельности и диалогов с точки зрения дискурсивного анализа (рук. проекта Ф.-С. Павлиду). Значительную часть этого ресурса составляют оцифрованные аудио- и видеоматериалы (ок. 190000 Мб), а размер их дешифровок доходит до 1,9 млн. словоупотреблений. Материал для корпуса собирался в процессе записи живых диалогов между друзьями и родственниками, на учебных занятиях, во время разговоров по телефону, а также теле- и радиопередач.

4. Национальный тезарус греческого языка (ΕΘΕΓ)

Одним из старейших функционирующих корпусов является Национальный тезаурус греческого языка (Εθνικός Θησαυρός Ελληνικής Γλώσσας)[9], созданный в Институте обработки слова (Ινστιτούτο Επεξεργασίας του Λόγου) в Афинах. Сейчас он включает в себя ок. 47 млн. словоупотреблений и является корпусом исключительно письменных текстов. Все тексты, включенные в корпус, были написаны не ранее 1990 г. По большей части, это газеты и книги, имеющие широкий круг читателей. При создании поискового запроса можно учитывать метатекстовые категории, ориентирующиеся на жанр/тип текстов и на их тематику/содержание. В Национальном тезаурусе греческого языка предусмотрены несколько разновидностей поиска: по словоформам, по леммам и по довольно ограниченным грамматическим характеристикам, учитывающим частеречную принадлежность и некоторые дополнительные характеристики. Разные варианты поиска можно комбини-

[7] http://www.sek.edu.gr/index.php?el.
[8] http://ins.web.auth.gr/index.php?option=com_content&view=article&id=506:corpus-speech159&catid=40&lang =el&Itemid=165.
[9] http://hnc.ilsp.gr (дата обращения: 08.05.2018).

ровать. При поиске словосочетания лексемы, входящие в его состав, должны вводиться не в одно поисковое окно, а в разные. Корпус не позволяет искать словосочетания, состоящие более чем из трех слов. Также нельзя задавать расстояние между компонентами словосочетаний. Доступ в Национальный тезаурус греческого языка платный, однако существует бесплатная версия с ограниченным функционалом.

5. Греческий интернет-корпус (elTenTen)

Очень интересным проектом представляется Греческий интернет-корпус (The Greek Web Corpus, elTenTen)[10]. Он построен на текстах, собранных в интернете, и поражает своим объемом – 1,6 млрд. слов на август 2014 г. Греческий интернет-корпус открывает перед пользователем очень широкие возможности поиска: по словоформам, по леммам, по словосочетаниям, по синонимам и проч. При этом могут быть учтены и определенные грамматические характеристики. К сожалению, в корпусе практически отсутствует метатекстовая информация. При поисковом запросе нельзя установить ограничения по типу/жанру текста или указать хронологические рамки.

6. Корпус греческого языка (КГЯ)

В 2011–2015 гг. при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук «Корпусная лингвистика» возникли 14 корпусов[11], и среди них Албанский национальный корпус[12] и Корпус греческого языка[13]. Все эти корпуса работают на платформе, созданной для Восточноармянского национального корпуса (ВАНК)[14], и принципиально отличаются от прочих корпусов тем, что их целевой аудиторией являются люди, незнакомые с корпусной лингвистикой и решающие как сложные лингвистические, так и сугубо

[10] https://www.sketchengine.co.uk/eltenten-greek-corpus/ (дата обращения: 08.05.18).
[11] Большинство из них сейчас находятся по адресу web-corpora.net (дата обращения: 08.05.18).
[12] http://web-corpora.net/AlbanianCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 08.05.2018; подробнее см. Morozova, Rusakov 2014; Морозова и др. 2016).
[13] http://web-corpora.net/GreekCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 08.05.18).
[14] http://www.eanc.net/EANC/search/?interface_language=ru (дата обращения: 08.05.18)

практические задачи. Это стало возможным благодаря очень простому интерфейсу. Другая общая черта всех корпусов, созданных при поддержке Президиума РАН, – это свободный доступ для всех пользователей. Во избежание нарушения авторских прав пользователь не может просматривать тексты целиком; ему открыт контекст до трех предложений перед и после искомого слова.

Корпус греческого языка на данный момент составляет 37,5 млн. словоупотреблений. Коллекция используемых текстов состоит по большей части из газет, но также имеются произведения почти 50 греческих и иностранных авторов XIX–XX вв. В отдельном подкорпусе собрана переводная литература. Возможен поиск по отдельным авторам или даже произведениям. В корпусе предусмотрены довольно широкие параметры поиска: кроме поиска по словоформам и леммам, можно искать по грамматическим формам и даже по английскому переводу. Крайне полезной представляется опция поиска сочетаний слов с указанием любого расстояния между ними. При этом количество слов, входящих в словосочетание, неограничено.

Одной из важнейших проблем, связанных с историей греческого языка, является знаменитый греческий вопрос, частично отразившийся в греческой диглоссии. В Корпусе греческого языка впервые была предпринята попытка учесть проблематику греческого языкового вопроса. Так, пользователь может уточнить интересующий его языковой вариант (кафаревуса или димотика) и орфографию (монотоническая или политоническая).

7. Заключение

Очевидно, что ни один из рассмотренных выше корпусов не может пока претендовать на то, чтобы стать единственным/основным корпусом греческого языка. У каждого из них есть свои особенности, связанные с охватом материала и размерами, а также свои технические особенности, сопоставление которых представлено в Таблице 1

Таблица 1. Сопоставление корпусов

	TLG	**ΣΕΚ**	**ΣΠΛ**	**ΕΘΕΓ**	**elTenTen**	**ΚΓΗ**
Свободный доступ	–	+?	+?	–	–	+
Языки интерфейса	1	1?	2	1	1	3
Поиск по леммам	+	–?	–?	+	+	+
Грамматический поиск	–	+/–?	–?	+/–	+/–	+
Просмотр парадигмы	+	–?	–?	–	–	–
Поиск синонимов	–	–?	–?	–	+	–
Статистика	+	–?	–?	+	+	–
Конкорданс	+	–?	–?	+	+	–
Связь со словарем	+	–?	–?	–	–	–
Перевод лексем	–	–?	–?	–	–	+
География/диалекты	+	+?	–?	–	–	–
Метаданные	+	+?	+?	+/–	–	+
Расстояние между лексемами при поиске	–	–?	–?	–	–	+
Выбор языкового варианта	–	–?	–?	–	–	+
Выбор типа/жанра текста	–	–?	–?	–	–	+
Поиск по отдельным авторам	+	–?	–?	–	–	+
Поиск по отдельным текстам	+	–?	–?	–	–	+
Подкорпус переводных текстов	–	–?	–?	–	–	+
Грамматический разбор	–	–?	–?	–	–	+

Даже это весьма поверхностное сопоставление демонстрирует, что несомненным образцом для греческих корпусов (при всех своих минусах) является Thesaurus Linguae Graecae. Новогреческие же корпуса при всем своем многообразии практически не пересекаются друг с другом. Поскольку все они построены на разных платформах, а многие из них являются коммерческими проектами, их объединение в один корпус едва ли представляется возможным. Уместно предположить два варианта развития событий в будущем:

1. Все корпуса продолжат развиваться параллельно, и пользователь должен будет учитывать их все. Ничего особенно страшного в этом нет, однако, во-первых, будет невозможно получить надежную статистику, а во-вторых, часть текстов окажется вне сферы внимания существующих корпусов, что вполне вероятно приведет к увеличению количества корпусов новогреческого языка. Похожим образом складывается ситуация в новогреческой лексикографии, где существует несколько больших словарей (например, Μπαμπινιώτης 2002; Τριανταφυλλίδης 2009), однако остается широкий пласт лексики, в том числе из ключевых литературных произведений, не учтенный ни в одном из существующих словарей (ср. Mackridge 2002).

2. Один из корпусов постепенно включит в себя материалы, используемые остальными корпусами. Едва ли такими корпусами могут стать Корпус разговорного новогреческого языка (СПΛ), Национальный тезаурус греческого языка (ΕΘΕΓ) и Греческий интернет-корпус (elTenTen), поскольку у первого другие задачи, второй направлен исключительно на новые тексты и в нем не предусмотрены инструменты для решения многих проблем, связанных с анализом новогреческих текстов XIX–XX вв. Последний же, будучи интернет-корпусом, способен обрабатывать лишь тексты, выложенные в свободном доступе. Не имея доступа к Корпусу греческих текстов (ΣΕΚ), мы не станем рассуждать о перспективах его развития, и остановимся здесь лишь на Корпусе греческого языка.

Даже в современном своем состоянии, несмотря на многие серьезные недостатки, он может включить тексты любого типа/жанра, а при подготовке соответствующих грамматик его хронологические рамки могут быть значительно расширены. В 2017 г. была начата разработка новой платформы для корпуса. На данный момент новая платформа завершена и проходит тестирование. По окончании тестирования на нее будут переведены ряд корпусов, включая Корпус греческого языка и Албанский национальный корпус. Предполагается также, что на базе этой платформы будут созданы корпуса цаконского диалекта и диалекта приазовских греков, в которые наравне с письменными текстами войдут и аудиоматериалы. Ожидается, что в этих корпусах будет также возможен поиск по лексико-семантическим группам и выход на словари. Новая платформа, помимо повышенной производительности, позволяет получать разнообразные статистические данные, парадигмы словоформ, встречающихся в корпусе, с учетом их частотности. В ней будут применены новые методы для решения греческого языкового вопроса. Однако самым важным для успешного развития корпуса является увеличение его объема за счет включения новых текстов. Конечно, он никогда не сможет достигнуть размеров Греческого интернет-корпуса (elTenTen), однако для получения более или менее представительных результатов он должен включать как можно больше текстов.

Литература

Babiniotis, G. 2002: *Lexiko tis Neas Ellinikis glossas me skholia gia ti sosti skhesi ton lexeon* [*Dictionary of Modern Greek with comments on the correct word usage*]. 2nd ed. Athens: Centre of lingistics.

Μπαμπινιώτης, Γ. 2002: *Λεξικό της Νέας Ελληνικής γλώσσας με σχόλια για τη σωστή σχέση των λέξεων*. 2 εκδ. Αθήνα: Κέντρο γλωσσολογίας Ε.Π.Ε.

Berkowitz, L., Johnson, W. H. 1990: *Thesaurus Linguae Graecae Canon of Greek authors and works*. 3rd ed. New York: OUP.

Eideneier, H. 1972: [Thoughts on monotonic system]. *Mandatophoros* 14, 16–19.

Eideneier, H. 1972: Σκέψεις σχετικά με το μονοτονικό σύστημα. *Μαντατοφόρος* 14, 16–19.

Eideneier, H. 2005a: [Orthographic anarchy — lack of education? Orthographic problems in Post-Byzantine manuscripts]. *Studies in Greek linguistics* 25, 197–205.

Eideneier, H. 2005a: Ορθογραφική αναρχία — έλλειψη παιδείας; Ζητήματα ορθογραφίας σε μεταβυζαντινά χειρόγραφα. *Μελέτες για την Ελληνική γλώσσα* 25, 197–205.

Eideneier, H. 2005b: [Orthophony vs. Orthography]. In: Jeffreys, E. M., Jeffreys, M. J. (eds.). *Approaches to texts in early Modern Greek*. Oxford: Oxford University Press, 3–16. (Neograeca Medii Aevi. Anadromika kai Prodromika. Vol. 5).

Eideneier, H. 2005b: Ορθοφωνία vs. Ορθογραφία. In: Jeffreys, E. M., Jeffreys, M. J. (eds.). *Approaches to texts in early Modern Greek*. Oxford: Oxford University Press, 3–16. (Neograeca Medii Aevi. Αναδρομικά και Προδρομικά. Τ. 5).

Goutsos, D. 2010: The corpus of Greek texts: a reference corpus for Modern Greek. *Corpora* 5. 1, 29–44.

Kaplanis, T. A. 2002: [Editions of the texts of Modern Greek literature in vernacular and monotonic system]. *Kondylophoros* 1, 205–235.

Καπλάνης, Τ. Α. 2002: Εκδόσεις κειμένων της νεοελληνικής δημώδους γραμματείας και μονοτονικό σύστημα. *Κοντυλοφόρος* 1, 205–235.

Kazansky, N. N. 2016: [Problems of creation of philological corpus]. In: Tishkov V. A. (ed.). *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskih nauk. 2015*. Moscow: Nauka, 133–146.

Казанский, Н. Н. 2016: Проблемы создания филологического корпуса. В сб.: Тишков, В. А. (ред.). *Труды Отделения историко-филологических наук. 2015*. М.: Наука, 133–146.

Kučera, H., Nelson, F. W. 1967: *Computational analysis of present-day American English*. Providence: RI: Brown University press.

Liddell, H. G., Scott, R. 1996. *A Greek-English lexicon*. Oxford: Clarendon Press.

Mackridge, P. H. 2002: [G. Babiniotis, Dictionary of Modern Greek. Athens: Kentro Lexikologias, 1998. 2064 pages. Dictionary of Common Modern Greek. Thessaloniki: Aristoteleio Panepistimio Thessalonikis, Institouto Neoellinikon Spoudon [Idryma Manoli Triandafyllidi], 1998. xxxii + 1532 pages]. *Journal of Greek Linguistics* 2. 1, 254–259.

Mackridge, P. H. 2002: G. Babiniotis, Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας. Athens: Kentro Lexikologias, 1998. 2064 pages. Λεξικό της κοινής νεοελληνικής. Thessaloniki: Aristoteleio Panepistimio Thessalonikis, Institouto Neoellinikon Spoudon [Idryma Manoli Triandafyllidi], 1998. xxxii + 1532 pages. *Journal of Greek Linguistics* 2. 1, 254–259.

Morozova, M. S., Arkhangelskiy, T. A., Daniel, M. A., Rusakov, A. Yu. 2016. [Albanian National Corpus: main lines of work]. *Acta linguistica Petropolitana* XII. 3, 171–191.

Морозова, М. С., Архангельский, Т. А., Даниэль, М. А., Русаков, А. Ю. 2016: Албанский национальный корпус: основные направления работы. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* XII. 3, 171–191.

Morozova, M., Rusakov, A. 2015: Albanian National Corpus: composition, text processing and corpus-oriented grammar development. In: Demiraj, B. (hrsg.). *Sprache und Kultur der Albaner. Zeitliche und räumliche Dimensionen. Akten der 5. Deutsch-albanischen kulturwissenschaftlichen Tagung (5.–8. Juni 2014, Buçimas bei Pogradec, Albanien)*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 270–308..

Triantafyllidis, M. 2009: *Lexiko tis Koinis Neoellinikis* [*Dictionary of Common Modern Greek*]. 8th ed. Aristotle University of Thessaloniki: Institute of Modern Greek Studies.

Τριανταφυλλίδης, Μ. 2009: *Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής*. 8 εκδ. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης; Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών.

T. A. Arkhangelskiy, M. L. Kisilier. Corpora of Modern Greek: achievements and goals

Methods of corpus linguistics become more and more important in Modern Greek Studies. More than forty years ago appeared first versions of Thesaurus Linguae Graecae that has now become one of the most elaborated and functional corpora in the world despite some drawbacks. There are at least five corpora that are relevant for Modern Greek. Most of them have different types of data, different size (from 1.9 million tokens up to 1,6 billion) and are designed for different tasks. The comparison of these corpora demonstrates that none of them can now fully replace the others, however it is not likely that all these corpora may be developed simultaneously. In this article we tried to describe the Corpus of Modern Greek (http://web-corpora.net/GreekCorpus/search/?interface_language=en) and its unique features in order to demonstrate why and how it could undertake functions of the most corpora of Modern Greek, except, probably, the Greek Web Corpus, elTenTen. Unlike other Greek corpora, the Corpus of Modern Greek was created by linguists for linguists and for non-professional users and does not require any special registration. Its structure allows it to work with different types of texts including audio data. It possesses a powerful search engine which enables to take into account many detailed grammatical features. Apart from that, the user of the Corpus of Modern Greek can find here translations from English into Modern Greek. We hope that in the nearest future this option will be relevant for Russian as well.

Keywords: corpus linguistics, Thesaurus Linguae Graecae, Modern Greek Corpora, Corpus of Modern Greek, Greek diglossia.

DOI:10.30842/ielcp230690152204

Д. Е. Афиногенов

РАССКАЗ ОБ ОСАДЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ В 717–718 Г. В ХРОНИКЕ ФЕОФАНА ИСПОВЕДНИКА: СЛЕДЫ РЕДАКТОРСКОЙ РАБОТЫ

Рассказ Феофана Исповедника об осаде Константинополя арабами в 717–718 г. представляет собой многослойное повествование, комбинирующее элементы, заимствованные из различных источников. Разбор этого текста в соответствии с заранее определенным набором критериев позволяет отличить материал, восходящий к несохранившемуся источнику 718 г. (*Scriptor anni 718) от редакторских добавлений, привнесенных более поздним автором, который описывал события 718–775 г. примерно в 780–784 г. (*Historia Leonis). Эти добавления касаются в основном Божией помощи по молитвам Богородицы, что обнаруживает явную антииконоборческую тенденцию. Другой вывод состоит в том, что хронист Георгий Монах независимо от Феофана использовал оба вышеназванных источника.

Ключевые слова. Византийская историография, Феофан Исповедник, текстология, источниковедение.

Как недавно выяснилось, при описании событий византийской истории начиная с восшествия на престол Юстиниана II в 685 г. и вплоть до смерти Константина V в 775 г. Феофан Исповедник в своей «Хронографии» и патриарх Никифор в «Бревиарии» (до 767 г.) практически всецело опирались лишь на два источника (Afinogenov 2002; 2004; 2006). Впоследствии независимый доступ по крайней мере к одному из них (а возможно, и к обоим) имел Георгий Монах, писавший в 846/847 г. Первый из этих источников был благожелателен к императору Льву III, насыщен лексикой, в основном военной, заимствованной из латинского языка, и датировал события по годам царствования императоров. Он охватывал период примерно от 685 г. (возможно, от 668 г.) до 718 г. В этом произведении практически отсутствовали объяснения происходящего божественным вмешательством (гневом или милостью Божией). Условно предлагается называть данный источник *Scriptor anni 718, поскольку именно в этом году он, по всей вероятности, и был создан (далее S718). Второй источник, условно называемый *Historia Leonis (et Constantini), далее HL, скорее всего, появился между 780 и 784 г. Он был резко враждебен Льву III и Константину V,

прежде всего, как инициаторам иконоборчества. Композиционно HL делилась на две большие части, посвященные Льву и Константину соответственно. Каждая из частей состояла из главок, описывавших некое событие как законченный сюжет. Начиналось это сочинение с краткой (но тенденциозной) биографии Льва до воцарения. Даты указывались по годам индикта. Божественное вмешательство упоминается часто, и заинтересованность автора в церковной проблематике более чем очевидна.

Из вышеизложенного понятно, что в рассказе об осаде Константинополя в 717–718 г. S718 и HL могли перекрываться, поскольку в это время Лев был уже императором и историк этого периода не мог оставить без внимания столь важное событие его правления, да и вообще византийской истории. Вопрос заключается прежде всего в том, что представляет собой соответствующий фрагмент Хронографии Феофана – наиболее подробное сохранившееся изложение. Вариантов здесь может быть несколько.

Воспроизводил ли Феофан в данном случае S718 или HL? В каком отношении находились оба этих источника между собой, т.е. послужил ли первый источником для второго? Какова доля авторского вмешательства хрониста, и возможно ли ее определить? В этой статье я попытаюсь проанализировать повествование Феофана по уже указанным критериям: употребление специальной военной терминологии, упоминание божественного вмешательства, отношение ко Льву III и датировки.

С повествовательной точки зрения рассказ об осаде органически продолжает предыдущий сюжет о событиях 716 г. в Малой Азии, в центре которого находится Лев, будущий император, а тогда стратиг фемы Анатолик. В этой части Лев изображен весьма позитивно: он одурачил арабов и спас подведомственные ему земли от разграбления. Поэтому раздел об осаде начинается с фразы: «Масальма же, перезимовав в Азии, ожидал [исполнения] обещаний Льва» (Theophanis 1883: 395, 13). Однако уже через несколько строк появляется датировка: «Первого же сентября 1 индикта отплыл христоборец Сулейман с флотом...» (Theophanis 1883: 395, 22). Заметим, что индикт появляется впервые с 715 г., где имеется двойная датировка в формульно-протокольной ситуации перевода Германа I с Кизической кафедры на Константинопольскую (Theophanis 1883:

384, 20). Перед этим дата по индикту встречается в пассаже, который общепризнанно является интерполяцией (Theophanis 1883: 362, 2). Ни в одном из фрагментов, без сомнения восходящих к S718, такой датировки нет. Таким образом, уже здесь текст начинает «расслаиваться», причем дата по индикту явно указывает на HL, а не на самого Феофана, поскольку он, как известно, предпочитает хронологию «от сотворения мира». Кроме того, ему не требовалось отдельно указывать год, поскольку все повествование у него организовано по анналистическому принципу. Далее, эпитет «христоборец» совершенно нехарактерен для S718, который вообще не применяет к арабам пейоративные характеристики.

В последующем повествовании на этот последний источник указывают армейские латинизмы κατῆναι (грузовые суда, лат. catenae) и λωρικάτοι (буквально «воины в панцирях», лат. loricati). Первый термин только в рассматриваемом отрывке и встречается, а второй имеется во фрагменте, скопированном из S718 (Theophanis 1883: 387, 22). По-видимому, к нему же восходят вводные фразы: «а некоторые говорят (φασὶ δέ τινες, Theophanis 1883: 397, 25); «как говорят доподлинно знающие» (ὥς φασιν οἱ ἀκριβῶς ἐπιστάμενοι, Theophanis 1883: 397, 29). Очевидно, что использование устной информации гораздо более правдоподобно для написанного по горячим следам S718, нежели для столь отдаленного времени, как 780–784 г., когда писалась HL.

Таким образом, можно видеть, как в рассказе Феофана Исповедника переплетаются элементы, характерные для обоих главных источников хрониста. Такое положение могло возникнуть в двух случаях: либо автор HL использовал S718 как источник, а Феофан затем воспроизвел полученный результат, либо контаминацию осуществил сам хронист.

Чтобы оценить эту проблему, приведем следующий пример. В «Бревиарии» Никифора есть следующий пассаж:

> Итак, поскольку происходила частая смена императоров, и верх брала тирания, дела царства и Города были в небрежении и упадке, а еще исчезало словесное образование и разрушался воинский порядок (Nikephoros 1990: cap. 52, 1–3)[1].

[1] Ἐπεὶ οὖν πυκναὶ τῶν βασιλέων ἐπαναστάσεις ἐγένοντο καὶ ἡ τυραννὶς ἐκράτει τά τε τῆς βασιλείας καὶ τῆς πόλεως κατημελεῖτο καὶ διέπιπτε

А вот как выглядит соответствующее место у Феофана (говорится о репрессиях Льва III):

> ... так что и учебные заведения угасли, и благочестивое образование, продержавшееся от иже во святых великого Константина и доныне, ниспровергателем которого вместе со многими другими хорошими вещами стал этот сарацино-мудрствующий Лев (Theophanis 1883: 405, 11–14)[2].

Исходный текст явно представлен у Никифора. Местоположение отрывка указывает, что он восходит к S718, поскольку одной из задач этого произведения было показать, что восшествие на престол Льва III стало для Византии спасением от хаоса и анархии, господствовавшей в империи с первого свержения Юстиниана II в 695 г. Соответственно, у Никифора этот пассаж следует после известия о свержении Артемия-Анастасия и предваряет сообщение о походе арабов в 716 г. Однако необходимо учитывать, что стилистические установки Никифора исключают дословное копирование, так что перед нами, несомненно, пересказ источника. Напротив, Феофан очень часто воспроизводит свой источник с минимальной редактурой или вовсе без нее. Поэтому можно предположить, что в данном случае имеет место такая последовательность:

1. S718 пишет эту фразу, преследуя свои пропагандистские цели.
2. HL, решая собственные пропагандистские задачи, переставляет ее в другое место (726 г., после сообщения об извержении вулкана на острове Фира) и переформулирует так, чтобы возложить на Льва III вину за упадок просвещения.
3. Феофан воспроизводит без изменений то, что прочитал в HL.

Можно ли восстанавливать подобную последовательность и для рассказа об осаде? На первый взгляд, этому препятствует сопоставление Феофана и Георгия Монаха (в данном случае

πράγματα, ἔτι μὴν καὶ ἡ τῶν λόγων ἠφανίζετο παίδευσις καὶ τὰ τακτικὰ διελύετο.

[2] ὥστε καὶ τὰ παιδευτήρια σβεσθῆναι καὶ τὴν εὐσεβῆ παίδευσιν τὴν ἀπὸ τοῦ ἐν ἁγίοις Κωνσταντίνου τοῦ μεγάλου καὶ μέχρι νῦν κρατήσασαν, ἧς καὶ μετὰ ἄλλων πολλῶν καλῶν καθαιρέτης ὁ σαρακηνόφρων οὗτος Λέων γέγονεν.

сравнение с Никифором ничего не дает). Рассмотрим эту тему подробнее. Дело в том, что в повествовании Феофана очень сильно выражен мотив божественного заступничества. Приведем соответствующие пассажи:

> Но замысел их расточил Бог по молитвам пречистой Богородицы (Theophanis 1883: 396, 16–18)[3].
>
> Но так как Бог содействовал по молитвам пречистой Богородицы, враги потонули на месте (Theophanis 1883: 397, 12–13)[4].
>
> И много бедствий случилось с ними в ту пору, так что они познали на опыте, что Бог и пресвятая Дева и Богоматерь охраняют Град сей и христианское царство, и нет совершенного оставления Божия для призывающих Его в истине, пусть мы ненадолго и бываем наказаны за грехи наши (Theophanis 1883: 397, 30–398, 4)[5].
>
> ...буря, налетевшая на них от Бога по молитвам Богоматери (Theophanis 1883: 399, 8–9)[6].
>
> ...только десять из них (кораблей – Д. А.), и те спасенные промыслом Божиим, чтобы возвестить нам и арабам величия Божии, бывшие с ними (Theophanis 1883: 399, 15–17)[7].
>
> ...другие же пять спаслись в Сирии, возвещая владычество Божие (Theophanis 1883: 399, 18–19)[8].

Рассказ Георгия Монаха сокращен, однако по большей части дословно совпадает с Феофаном – но из цитированных фраз у Георгия нет ни одной, кроме такого чрезвычайно показательного фрагмента:

---

[3] ἀλλὰ τὴν βουλὴν αὐτῶν διεσκέδασεν ὁ θεὸς διὰ τῶν πρεσβειῶν τῆς πανάγνου θεοτόκου.

[4] τοῦ δὲ θεοῦ συνεργήσαντος διὰ τῶν πρεσβειῶν τῆς παναχράντου θεοτόκου.

[5] καὶ πολλὰ αὐτοῖς συνέβησαν δεινὰ ἐν τῷ καιρῷ ἐκείνῳ, ὥστε ἐπιγνῶναι αὐτοὺς τῇ πείρᾳ, ὅτι ὁ θεὸς καὶ ἡ παναγία παρθένος καὶ θεομήτωρ φρουροῦσι τὴν πόλιν ταύτην καὶ τὸ τῶν χριστιανῶν βασίλειον, καὶ οὐκ ἔστιν ἐγκατάλειψις τελεία θεοῦ ἐν τοῖς ἐπικαλουμένοις αὐτὸν ἐν ἀληθείᾳ, εἰ καὶ πρὸς βραχὺ παιδευόμεθα διὰ τὰς ἁμαρτίας ἡμῶν.

[6] λαῖλαψ ἐκ θεοῦ διὰ τῶν πρεσβειῶν τῆς θεομήτορος ἐνσκήψας εἰς αὐτούς.

[7] δέκα δὲ μόναι καὶ αὗται προνοίᾳ θεοῦ διασωθεῖσαι ἐξ αὐτῶν πρὸς τὸ ἀπαγγεῖλαι ἡμῖν τε καὶ τοῖς Ἄραψι τὰ μεγαλεῖα τοῦ θεοῦ τὰ γεγονότα εἰς αὐτούς.

[8] αἱ δὲ ἄλλαι πέντε ἀπεσώθησαν εἰς Συρίαν τὴν τοῦ θεοῦ δυναστείαν ἀναγγελοῦσαι.

> ...все потонули, за исключением только пяти судов, которые, чудесным образом спасшись из тысячи восьмисот, возвестили на родине победу и спасение римлян и собственное поражение и полную погибель (Coislinianus 305: fol. 326^{v})[9].

То, что Георгий Монах исключил все упоминания о вмешательстве свыше, и в особенности то, что он видоизменил последнюю фразу, представляется крайне маловероятным. Сравним его описание другой осады Константинополя, а именно Фомой Славянином в 821–822 г. (Georgii 1978: 793–797). Изобилующий библейскими цитатами текст буквально пронизан идеей божественного заступничества. Нет даже смысла приводить цитаты, поскольку оно упоминается там чуть ли не в каждой строке. Слова θεός, κύριος и τὸ κρεῖττον встречаются в этом отрывке, явно принадлежащем перу самого хрониста, 14 раз. Значит, текст, который обнаруживается у Георгия, был модифицирован редактором, и в таком виде сохранился у Феофана.

Итак, нужно ли думать, что все «божественные» вставки принадлежат самому Феофану? В монографии И.С. Чичурова показано, что этот хронист мог иногда привносить существенную долю самостоятельности в свою компиляцию (Чичуров 1983). Однако это не единственное возможное решение, и даже не предпочтительное ввиду даты по индикту, указывающей на то, что рассказ подвергся редактированию со стороны автора HL. Опять-таки, ключевое значение имеет приведенная выше фраза, в которой говорится, что спасшиеся корабли возвестили не «владычество Божие», а «победу и спасение римлян и собственное поражение и полную погибель». Георгий должен был откуда-то взять эту фразу, и естественно было бы заключить, что его источником послужил S718 непосредственно, без редакции. Между прочим, у Георгия дата по индикту отсутствует, хотя месяц и число в этом месте указаны. Таким образом, подтверждается ранее высказанное предположение о том, что Георгий пользовался независимо от Феофана не только HL, но и S718 (Афиногенов 2008).

---

[9] ὑποβρύχιοι πάντες ἐγένοντο παρεκτὸς ε΄ μόνα πλοῖα, ἃ καὶ παραδόξως ἐκ τῶν χιλίων ὀκτακοσίων περισωθέντα ἀπήγγειλαν εἰς τὰ ἴδια τὴν τῶν Ῥωμαίων νίκην τε καὶ σωτηρίαν καὶ τὴν ἑαυτῶν ἧτταν καὶ πανωλεθρίαν. Георгий Монах цитируется в данной части по неизданной оригинальной версии.

В таком случае последовательность будет такой:

S718 --------- HL---------Феофан

|

Георгий Монах.

Легко понять, почему изначально весьма деловой рассказ S718, вполне вероятно, написанный профессиональным военным, подвергся столь интенсивной обработке с целью придать ему богословски-назидательный характер. Победа византийцев в 718 г. была поистине эпической, но одержана она была под руководством того самого Льва, который впоследствии в представлении автора HL оказался злодеем и еретиком. Поэтому задачей писателя было показать, что по-настоящему триумф был дарован Богом, с особым акцентом на «молитвы Богородицы». Иконоборцев, в частности Константина V, обвиняли как раз в том, что они отрицают πρεσβεῖαι τῆς θεοτόκου. Именно этими соображениями, на мой взгляд, и объясняется эпитет εὐσεβής (благочестивый) применительно ко Льву (Theophanis 1883: 396, 8, 18). Лев в то время еще не уклонился в ересь, а стало быть, Бог даровал победу Своему благочестивому слуге. S718 употребляет этот эпитет лишь один раз, говоря о смерти Константина IV (Theophanis 1883: 361, 15), так что в данном случае это наверняка еще один след редакции со стороны HL.

Подводя итоги, можно сказать, что филологический разбор текста с учетом редакторской правки позволяет раскрыть крайне сложные взаимоотношения между теми немногими историческими сочинениями, которые донесли до нас историю Византии в самое «темное» столетие ее существования.

Литература

Afinogenov, D. E. 2002. A Lost 8th Century Pamphlet against Leo III and Constantine V? *Eranos* 100, 1–17.

Afinogenov, D. E. 2005. The source of Theophanes' Chronography and Nikephoros' Breviarium for the years 685–717. *Khristianskii Vostok* [*The Christian East*]. *Христианский Восток* 4, 3–14.

Afinogenov, D. E. 2006. The History of Justinian and Leo. In: C. Zuckerman (éd.). *La Crimée entre Byzance et le Khaganat khazar*. Paris, 181–200 (= Centre de recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance, Monographies, 25).

Afinogenov, D. E. 2008: [On one Latin borrowing in Byzantine chronicles. *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* 12 [*Indo-European Linguistics and Classical Philology* 12], 11–14. Афиногенов, Д. Е. 2008: Об одном латинизме в византийских

хрониках. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 12, 11–14.

de Boor, C. (ed.). 1883: *Theophanis* Chronographia. Lipsiae.

de Boor, C. (ed.). 1978: *Georgii Monachi chronicon*. Editio stereotypa correctior, cur. P. Wirth. Stuttgart.

Codex Coislinianus 305. Paris, Bibliothéque Nationale.

Mango, C. 1990: *Nikephoros Patriarch of Constantinople*. Short History. Text, translation and commentary. Washington (= Dumbarton Oaks Texts, 10; Corpus Fontium Historiae Byzantinae, 13).

Čičurov, I. S. 1983: [The place of Theophanes' Chronography in the Early Byzantine historiography (4th–early 9th c.)]. In: *Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovanija 1981* [*The Most Ancient States on the USSR territory. Materials and Studies 1981*]. Moscow, 5–146.

Чичуров, И. С. 1983: Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV – нач. IX в.). В кн.: *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1981*. М., 5–146.

D. E. Afinogenov. The account of the siege of Constantinople (717–718) in the Chronicle of Theophanes the Confessor: traces of editorial work

The chroniclers Theophanes the Confessor and Patriarch Nikephoros based their description of Byzantine history of 685–775 on two sources. One of them clearly favorable towards Leo III was dated by regnal years and covered the period 685–718. Its typical features were numerous Latin borrowings mostly pertaining to military sphere and lack of religious causation. Its conventional name is *Scriptor anni 718 (S718). The second source, covering the years 718–775 and conventionally called *Historia Leonis (HL), was fiercely inimical to Leo III and Constantine V on the base of Iconoclasm. It used indiction dating and frequently recurred to religious causation. Both sources overlapped for the account of the siege of Constantinople in 717–718. Careful analysis of Theophanes' text in comparison with George the Monk who evidently had independent access at least to HL shows that the basis of the narrative was sober and matter-of-fact account of S718, which was subsequently supplemented with numerous references to divine help and Virgin's prayers as well as one indiction date. George the Monk has nothing of that, which suggests that in this particular section he copied S718 directly. The conclusion is that here HL modified S718 in such a way that the major victory of the Byzantines would be ascribed not to military and political prowess of the future Iconoclast Leo III, but rather to God's assistance and πρεσβεῖαι τῆς θεοτόκου, which is what the Iconoclasts, especially Constantine V, allegedly denied. However, in order to underline that Leo III by that time had not yet lapsed into heresy, and thus was legitimately entitled to God's help, HL twice characterizes him as εὐσεβής (pious). Another important conclusion is that George the Monk used S718 independently as well as HL.

Keywords. Byzantine historiography, Theophanes the Confessor, textology, source criticism.

DOI:10.30842/ielcp230690152205

О. Л. Ахунова (Левинская)

12 ПИФИЙСКАЯ ОДА ПИНДАРА: СЕСТРЫ-ГОРГОНЫ И АВЛЕТИКА

В работе предлагаются интерпретации нескольких сложных мест в 12 Пифийской оде Пиндара, каждое из которых объяснимо, если рассматривать его как указание на технические особенности искусства авлетики.

Ключевые слова: Пиндар, Афина, Горгоны, звук, авлетика, амбушюр.

Среди эпиникиев Пиндара есть только один, адресатом которого оказывается не атлет, а музыкант – некий Мидас из Акраганта, победивший в состязаниях авлистов на Пифийских играх в 490 г. до н. э. Специфика состязания определяет и специфику содержания: центральную часть эпиникия (ст. 6–23) занимает рассказ о том, как Афина изобрела авлос и само искусство авлетики[1].

Естественно, что внимание комментаторов и исследователей так или иначе привлекают вопросы, связанные с музыкальным аспектом этого эпиникия. В одной из последних работ ее автор Д. Стайнер (Steiner 2013) стремится отыскать в пиндаровском тексте отражение событий музыкальной жизни Греции начала V в. до н. э. Стайнер солидаризируется с точкой зрения, согласно которой Пиндар был не консерватором и традиционалистом, но продолжал новаторскую деятельность авлистов VI в. до н. э. (Steiner 2013: 174)[2]. С такой точки зрения вполне разумно искать в Пиф. 12 поэтическое отражение тех новаций, которые производили современные Пиндару авлисты, расширяя технические возможности инструмента, а мифологическую историю об изобретении авлоса, которую рассказывает Пиндар, рассматривать как способ опрокинуть «в священное мифологическое время то, что ново (и спорно)», создав тем самым «налет старины» и обосновав новации «поступками богов и героев» (Steiner 2013: 175). Иными словами, Стайнер мотивирует

[1] По объему это составляет больше половины текста

[2] О возможных взглядах Пиндара на традицию и новаторство в музыкальном искусстве см. также: LeVen 2014: 81–83

мифологический рассказ Пиндара его стремлением сакрализовать то сложное и непривычное в музыке, что появилось в результате экспериментов в авлетике и могло вызывать сопротивление консервативно мыслящих музыкантов.

В идейно-программном ключе Стайнер объясняет и то обстоятельство, что Пиндар заменяет устойчивую фригийскую версию изобретения авлоса иной. Все источники помимо Пиндара говорят о фригийской версии изобретения авлоса и самой авлетики, так что отказ Пиндара от традиционной версии можно, считает Стайнер, объяснить его стремлением противостоять той ассоциированности авлоса с фригийским ладом, о которой позже напишет Аристотель в «Политике» (1342a32–b12). Как предполагает Стайнер, противостояние дорийского и фригийского лада могло возникнуть существенно раньше и войти в современной Пиндару музыкальную культуру (Steiner 2013: 196–198).

Таким образом, Пиф.12 рассматривается и как поэтическое высказывание Пиндара в пользу авангардной музыкальной «пойкилии», и как слово в «этнически-этическом» споре о музыкальных ладах (Steiner 2013: 175; 197).

Оставаясь в рамках интереса к музыкальному аспекту этой оды, я бы хотела вернуться к нескольким трудным, вызывающим противоречивые толкования и не до конца проясненным местам в ее тексте. Я предполагаю, что они имеют прямое отношение не просто к музыкальной стороне мифологической истории и, следовательно, к искусству авлетики, но к самым тонким техническим деталям этого искусства. При этом я оставляю в стороне а) все прочие, кроме музыкальных, мотивы этой истории, бесспорно связывающие адресата эпиникия с Персеем, одолевшим Горгону Медузу (победа, расправа с недругами, покровительство божества, и т. д.), б) весь спектр возможных культурологических и философских интерпретаций пиндаровского мифа.

Вкратце он таков: когда Персей поразил Медузу и забрал ее голову, Афина услышала, как оплакивают сестру две оставшиеся горгоны, и желая воспроизвести этот плач, придумала инструмент, способный звучать точно так же. Получившийся напев она назвала «многоглавым номом» и отдала свое изобретение людям.

Мифологический рассказ обрамляется мотивом изобретения, сделанного Афиной: ст.7 – ἐφεῦρε, ст. 22 – εὗρεν / εὑροῖσα). Комментаторы обратили на это внимание почти полтора столетия назад (Metzger 1880: 220), но, как уточняет С. А. Степанцов в комментарии к ст. 7, «речь идет об изобретении самого того делания, в котором состязаются на играх» (Степанцов 2017: 21). Действительно, мифологическую историю Пиндар начинает раскручивать именно со слова τέχνα, «ремесло/искусство», в котором авлист Мидас «победил Грецию», Ἑλλάδα νικάσαντα τέχνᾳ. К τέχνᾳ и относится придаточное τάν ποτε Παλλὰς ἐφεῦρε, «которое когда-то изобрела Паллада» (ст.6–7). Тем самым Пиндар подчеркивает, что собирается рассказать историю о том, как Афина изобрела само искусство авлетики, а не инструмент. Мотив изобретения в конце рассказа (ст. 22) возвращается повторением однокоренных εὗρεν – εὑροῖσα, «изобрела – изобретя», но тут Пиндар меняет объект: если глагол εὗρεν вообще не имеет формального объекта, то причастие εὑροῖσα имеет объектом универсальное νίν, указывающее на μέλος, который Афина передала людям под именем «многоглавого нома» (ст. 23 – ὠνύμασεν κεφαλᾶν πολλᾶν νόμον, «назвала номом многих голов»).

В начале рассказа, в ст. 7–8, Пиндар описывает обстоятельства, сопутствовавшие изобретению Афины: она создала искусство авлетики, «сплетя» (διαπλέξαισα) плач (θρῆνον) горгон по своей сестре Медузе, погубленной Персеем по воле царя Полидекта. Семантика самого глагола διαπλέκω в этом контексте объясняется по-разному. Некоторые комментаторы вслед за схолиастами понимают его как обозначение действия сплетения целого из нескольких компонентов (из каких именно, у Пиндара будет сказано уже в следующей, второй строфе). Но есть и другое мнение: семантическая доминанта глагола διαπλέκω – это не соединение разнородного, т. е. не переплетение, но изготовление целого, создание конечного продукта, т.е. выплетание (Steiner 2013: 176; ср. Степанцов 2017: 21–22).

В любом случае, рождение искусства авлетики Пиндар не только подает как результат слуховых впечатлений Афины, но в следующих четырех стихах (ст. 9-12) детально описывает, как именно звучал тот плач, которыму внимала богиня. Вот как выглядит весь интересующий нас отрывок:

6 τάν (scil. τέχναν) ποτε
Παλλὰς ἐφεῦρε θρασειᾶν <Γοργόνων>
οὔλιον θρῆνον διαπλέξαισ' Ἀθάνα·
τὸν παρθενίοις ὑπό τ' ἀπλάτοις ὀφίων κεφαλαῖς
10 ἄϊε λειβόμενον δυσπενθέϊ σὺν καμάτῳ,
Περσεὺς ὁπότε τρίτον ἄυσεν κασιγνητᾶν μέρος
ἐνναλίᾳ Σερῖφῳ λαοῖσί τε μοῖραν ἄγων.

Наше восприятие созданной в ст. 9–12 звуковой картины лишь в незначительной степени зависит от того, как мы понимаем смысл сочетания ὑπό τ' ἀπ᾽λάτοις ὀφίων κεφαλαῖς[3]. Если ὑπό с дательным обозначает здесь лицо, под воздействием которого/тот предмет, посредством которого совершается действие, то это означает, что Афина слушала (ἄϊε), как струится (λειβόμενον) плач (θρῆνον), букв. «*производимый* девичьими и зминными головами, к которым не подступиться». А если ὑπό с дательным имеет здесь другое, пространственное значение – «из-под», то в этом случае Афина слушала, как плач струится букв. «*из-под* девичьих и змеиных голов, к которым не подступиться», т.е. мы должны представить себе горгон лежащими на земле вниз лицами. Так или иначе, разнородными компонентами, которые «сплетает» воедино Афина, оказываются звуки, издаваемые и самими горгонами, и змеями, которые «росли» на их головах вместо волос. Так понимали это место схолиасты (Σ P.12 prae 8,16), но возможно и другое толкование: звуки, издаваемые горгонами, Афина «сплела» с воинственным кличем Персея (Clay 1992: 523). В обоих случаях эта деталь рассматривается как этиологическое объяснение разнородности звучания каждого из стволов двойного авлоса. Правда, второе толкование возможно лишь в том случае, если в ст. 11 принять чтение ἄυσεν, «закричал», и тогда ст. 11 выглядит так: «когда Персей *воззвал* к третьей части сестер» (т.е. к горгоне Медузе). Согласно другому чтению – ἄνυσσεν, которое является эмендацией приведенного схолиастом варианта ἄνυσεν (Boeckh 1811: 128), Персей «*погубил* третью часть сестер».

[3] Синтаксис стиха осложнен тем, что Пиндар опускает предлог ὑπό перед παρθενίοις (подразумевается κεφαλαῖς), и помещает его перед однородным ἀπλάτοις ὀφίων κεφαλαῖς. Такое перемещение комментаторы отмечают как пиндаровское обыкновение (Gildersleeve 1885: 209).

Наибольшую трудность и главный интерес представляет здесь сочетание δυσπενθέϊ σὺν καμάτῳ. Многое зависит от синтаксического членения ст. 10–11. Одни включают δυσπενθέϊ σὺν καμάτῳ в состав придаточного (Köhnken 1978: 92; cf. Segal 1996: 28, n 29), т. е. воспринимают это сочетание как характеристику действий Персея («воззвал», ἄυσεν, или «погубил», ἄνυσσεν). Другие рассматривают его в составе главного предложения и относят к λειβόμενον (Σ P.12.15, 1–4; Maehler 1984: 120; Gentili 1995: 674; Clay 1992: 523).

Но корень проблемы здесь – не синтаксический, а семантический. Слово κάματος как nomen actionis означает «усилие, напряжение сил, труд» – такова его семантическая доминанта. Прочие значения («усталость, утомление»; «страдание») фиксируются словарями как вторичные (Chantraine 1968: 490; ср. LSJ, κάματος), что вполне объяснимо: усталость/утомление – это результат усилия, а страдание – его побочный эффект. Контексты эпиникиев показывают, что значение «усилие, напряжение сил, труд» для слова κάματος остается основным и у Пиндара. Он всегда использует слово κάματος там, где речь идет о ситуации, требующей от человека или героя физического напряжения, будь то плавание по морю (Ол. 6, 103–104), сражение и война (Нем. 10, 78–79; Пиф. 1, 46), героические подвиги (Нем. 1, 70) или атлетические агоны – бег (Нем. 8, 50), многоборье (Истм. 8, 1) и колесничные гонки (Пиф. 5, 46–48). При этом у Пиндара очевидны отрицательные коннотации этого слова: то, что именуется κάματος, никогда не бывает предметом устремлений, напротив, от этого хотят избавиться, забыть об этом или хотя бы получить за это награду.

Что же касается прилагательного δυσπενθής, то согласно словарному описанию оно означает «bringing sore affliction; direful», «причиняющий тяжкое горе/печаль; ужасный» (LSJ).

У самого Пиндара δυσπενθής встречается еще один раз, в Пиф. 11(18), где об Оресте говорится, что кормилица Арсиноя «выхватила» (ἄνελε) его сильными руками букв. «из хитрости Клитемнестры» – эта хитрость и определяется как δυσπενθής (ἐκ δόλου… δυσπενθέος). Анализ семантики самого существительного πένθος у Пиндара заставляет думать, что оно для него было связано с обозначением не столько скорби, горя и печали, сколько страдания и боли.

Так, в Ол. 2 , 22–24 читаем:

ἕπεται δὲ λόγος εὐθρόνοις
Κάδμοιο κούραις, ἔπαθον αἶ μεγάλα·
πένθος δὲ πίτνει βαρύ
κρεσσόνων πρὸς ἀγαθῶν.

Здесь говорится о дочерях Кадма, которые, в конце концов, был избавлены от всех перенесенных тягот и страданий, в том числе и физических. И общий контекст истории кадмовых дочерей у Пиндара, и явно нарочитое сближение πένθος с ἔπαθον приводит к мысли, что πένθος здесь обозначает всю совокупность тягот и болезненных переживаний, выпавших на долю «кадмовых дев».

В Нем. 10 (76–77) Полидевк взывает к Зевсу около раненного, но еще живого Кастора:

‘Πάτερ Κρονίων, τίς δὴ λύσις
ἔσσεται πενθ<έω>ν;

И здесь под πένθη, об избавлении от которых просит герой, Пиндар подразумевает и собственные переживания Полидевка, и муки его раненного брата. Таким образом, и в этом, и в предшествующем случае πένθος для Пиндара – слово для обозначения боли, страдания, мучения как физического, так и душевного, что противоречит концепции словаря Шантрена, где идея физического страдания в семантике этого слова как раз исключается (Chantraine 1968: 874).

В Истм. 7 (37) πένθος служит обозначением скорби по умершему (ἔτλαν δὲ πένθος οὐ φατόν), но, на мой взгляд, из этого не следует, что πένθος означает «скорбь», – в данном случае речь идет о той разновидности душевной боли и страдания, которой является скорбь по умершему.

Таким образом, πένθος у Пиндара оказывается универсальным словом для обозначения страдания и боли. Возвращаясь к производному δυσπενθής, мы можем предположить, что у Пиндара оно должно иметь столь же универсальное значение – «исполненный боли, страданий; мучительный». Применительно к коварству Клитемнестры в Пиф. 11 (18) δυσπενθής характеризует его как «исполненное боли, мучительное», и такая характеристика заставляет увидеть во внутреннем состоянии Клитемнестры некоторую раздвоенность – ведь она строит коварные планы против собственного сына. Что же касается Персея, то он либо воззвал (ἄυσεν) к Медузе «с исполненным

боли, мучительным усилием», либо «с исполненным боли, мучительным усилием» погубил (ἄνυσσεν) ее. Такая характеристика действий Персея представляется вполне естественной – ведь речь идет о подвиге, который требует от героя невероятного напряжения. Именно как «усилие, напряжение» (Mühe, Antstrengung) понимали значение κάματος в этом контексте А. Кенкен (1971: 131) и Б. Джентили (Gentili 1995: 674). Кенкен усматривал здесь корреляцию с заключительной строфой оды, где слово κάματος повторяется в гномическом высказывании (ст.28-29): εἰ δέ τις ὄλβος ἐν ἀνθρώποισιν, ἄνευ καμάτου//οὐ φαίνεται (Köhnken 1971: 131). В таком случае подвиг Персея, считает Кенкен, – это образец того усилия (Mühe), без которого человек никогда не достигнет счастья и успеха.

Но если членить интересующий нас колон так, как это делает большинство, и вслед за схолиастами (Σ P. 12.15,1–4), издателями (Maehler 1984: 120), вместе с Дж. Клэй (Clay 1992: 523) и Б. Джентили (Gentili 1995: 674) рассматривать δυσπενθέϊ σὺν καμάτῳ в составе главного предложения, относя его к причастию λειβόμενον, то это выражение оказывается не характеристикой действий Персея, а характеристикой плача, производимого горгоньими головами и змеиными головками их волос. В этом случае комментаторы и исследователи по-иному воспринимают и семантику интересующего нас сочетания.

В одном из схолиев δυσπενθής понимается как «плачевный, скорбный» : <δυσπενθεῖ σὺν καμάτῳ:> τῷ τῶν Γοργόνων, ἀδελφὴν γὰρ ἐπένθουν κάμνουσαν, «... ибо они (Горгоны – О. Л.) оплакивали страдающую сестру». Из этого же контекста ясно, что схолиаст понимает κάματος не в прямом значении «усилие, напряжение», а в переносном – «страдание, мука» (Σ P.12.18,1). В другом схолии к этому месту уточняется, что σὺν καμάτῳ здесь следует понимать как σὺν μόχθῳ καὶ ὀδύνῃ, «с мукой и болью» (Σ P.12.15, 2). Таким образом, схолиасты понимали это место в том смысле, что плач сестер-Горгон по сестре сопровождался их «скорбной мукой». Иными словами, они вопринимали δυσπενθέϊ σὺν καμάτῳ как характеристику эмоционального состояния Горгон, чему, бесспорно, способствует контекст. Многие современные комементаторы и исследователи вполне солидарны со схолиастами: *with mournful suffering* (Clay 1992: 523); *with harshly painful suffering* (Segal 1998: 87); *in their mournful travail* (Steiner 2013: 206).

Многие, но не все. Так Джентили, считая, что сочетание δυσπενθέϊ σὺν καμάτῳ уточняет характер самого процесса, обозначенного причастием λειβόμενος, «струящийся, льющийся» (о плаче), вполне солидарен с Кенкеном в том, что κάματος здесь нужно понимать именно как «усилие» (Gentili 1995: 674). Здесь же он, ссылаясь на Кенкена, указывает, что πένθος / δυσπενθής у Пиндара вовсе не обязательно связано со скорбью по умершему.

Эти соображения, а также приведенные выше наблюдения над семантикой κάματος и δυσπενθής говорят в пользу того, что змеино-девичий плач Горгон изливался «с мучительным усилием, напряжением, с мучительным трудом». Остается вопрос, почему Горгонам звук их плача давался с таким трудом? Почему Пиндар вписал именно эту деталь в свою звуковую картину? Такая характеристика не вполне понятна и даже внутренне противоречива – ведь глагол λείβομαι, «литься», предполагает некий свободный процесс. Возможно, именно необъяснимость такой характеристики применительно к плачу Горгон и заставила отнести ее к действиям Персея.

Я бы предложила здесь сугубо музыкальное объяснение: характеризуя не эмоции, а усилия, производимые «исполнительницами» плача, Пиндар привлекает наше внимание к физической или, точнее, к технической стороне дела. Описывая плач Горгон, Пиндар акцентирует наше внимание на том, что можно назвать звукоизвлечением. Его мифологическая история действительно «опрокидывает в священное мифологическое время» (Steiner 2013: 175) реалии современной ему музыкальной жизни, но, как я предполагаю, не столько ее авангардные достижения, сколько вещи вполне традиционные и характерные для исполнительской практики авлистов. И таковой является, прежде всего, специфическая техника извлечения звука, требующая от музыканта именно напряжения и усилия.

Слово κάματος повторяется и в заключительной строфе оды, в гномическом высказывании (ст.28-29): εἰ δέ τις ὄλβος ἐν ἀνθρώποισιν, ἄνευ καμάτου//οὐ φαίνεται. Вопрос о том, как связана эта гнома с содержанием эпиникия и с его адресатом, решается по-разному. Очень многие видели ключ к пониманию гномы в рассказанной в схолиях истории: однажды у Мидаса во время выступления сломалась трость авлоса и прилипла к нёбу, так что Мидасу пришлось играть «на одних стволах (μόνοις τοῖς

καλάμοις)» авлоса, то есть без помощи трости; это поразило слушателей, а музыкант победил в состязании (Σ P.12.prae 8, 3-7). Джентили полагал, что гнома не только отсылает нас к этой истории, но одновременно предполагает и более широкий, универсальный смысл (Gentili 1995: 683).

Но если мое предположение верно и δυσπενθέϊ σὺν καμάτῳ в ст. 10 действительно характеризует специфическое звукоизвлечение при игре на авлосе, то эту сентенцию легко связать с победой Мидаса и без сомнительной истории о сломанной трости: звук плача горгон рождался с мучительным усилием; Афина воспроизвела это звучание, придумав авлос; следовательно, авлисту тоже приходится извлекать звук с усилием. На это усилие и намекает сентенция: без него счастье победы для авлиста невозможно. Впрочем, такое толкование соверешенно не исключает более широкого смысла, в том числе и универсального χαλεπὰ τὰ καλά.

Тема специфического звукоизвлечения, как мне представляется, возникает в мифологическом рассказе не только в самом его начале – она появляется и в самом его конце (ст. 20–21), тем самым, обрамляя рассказ. Здесь Пиндар уходит от темы деяний Персея к теме горгоньего плача и снова создает звуковую картину, которую восприняла Афина и воспроизвела (μιμήσαιτο) в звучании авлоса: τὸν Εὐρυάλας ἐκ καρπαλιμᾶν γενύων// χριμφθέντα …. ἐρικλάγκταν γόον. В этой картине тоже есть трудная для понимания деталь – это причастие χριμφθέντα. С одной стороны, в сочетании с ἐκ καρπαλιμᾶν γενύων, букв. «из быстрых челюстей», оно должно обозначать направленное движение. С другой стороны, χρίμπτω означает «близко подводить/подносить», «приближать вплотную», а χριμφθείς – «оказавшийся вплотную к чему-то» (ср. Од. 10. 516). Комментаторы и переводчики обходят эту сложность, игнорируя лексическое значение причастия и передавая его как «вырванный/вырвавшийся с силой (из челюстей)» (*strappato da* – Gentili 1995: 679; *forced from* – Steiner 2013: 206; *вырванный из* – Гаспаров 1980: 115, *pushed from* – Philips 2016: 262) или просто «выходящий из» (*that came… from* – Segal 1998: 89).

Но здесь возможно другое объяснение, учитывающее характерную для употребления предлогов ἐκ, ἀπό и παρά constructio praegnans. В этих случаях, как мы знаем, предложные сочетания обозначают не те пространственные отношения, которые

предполагаются значением глагола (например, приближение к какой-то точке пространства или нахождение в ней), но как бы опережают высказывание, предвосхищая идею удаления от этой точки, движения от нее. У Пиндара идея движения появляется только за счет пролептического ἐκ καρπαλιμᾶν γενύων, а не за счет семантики причастия χριμφθέντα, которое употребляется здесь в своем обычном значении «вплотную поднесенный». Таким образом, ст. 20–21 можно перевести: «плач, вплотную поднесенный [к быстрым челюстям] и [вышедший] из них». В каком смысле плач может быть «поднесен к челюстям вплотную»? Конечно, γόος следует понимать метонимически – речь идет о *звуке*, и поскольку γένυς во множественном числе обозначает обычно не собственно костную структуру, а весь рот вместе с зубами, то можно предположить, что Пиндар заставляет нас представить звук, который формируется в передней части рта и извлечение которого связано с особым его положением. Для него Пиндар использует эпитет καρπάλιμος. Значение этого прилагательного обычно понимается как «быстрый», «быстро движущийся», так что Пиндар, похоже, хочет показать, что формирование и выход звука горгоньего плача обусловлен неким специфическим движением рта. Таким образом, здесь, как и в ст. 9–10, Пиндар привлекает внимание к физической или, точнее, к технической стороне дела и опять вводит такие детали, которые заставляют нас думать о звукоизвлечении – в данном случае, об амбушюре, характерном для авлетики. О том, какие сложности он представлял для древних авлистов, известно достаточно хорошо (Mathiesen 1999: 219–222), хотя исследователи, насколько я могу судить, никогда не привлекал этого пиндаровского контекста в качестве еще одного свидетельства.

К числу технических деталей я бы отнесла и эпитет Медузы εὐπάραος, букв. «с хорошими щеками», который появляется в середине рассказа (ст. 16). Перекликаясь с гомеровско-гесиодовским похвальным эпитетом καλλιπάρηος, «с прекрасными щеками», этот эпитет в дорийской форме εὐπάραος помимо Пиндара не встречается, да и у самого Пиндара – только в этом месте, а в аттической форме εὐπάρειος – в «Ономастиконе» Поллукса (2.87 и 9.162): в одном случае «Ономастикон» приводит форму εὐπάρειος как образец производных от παρειά, а в другом – как образец сложных прилагательных с εὐ-. Есть

основания думать, что перед нами пиндаровский неологизм, образованный по эпической модели именно для этого контекста. Что же касается его значения, то схолиасты объясняли, что Медуза названа так не потому, что прекрасна от природы, но потому, что сама себя характеризовала так, соперничая с Афиной в красоте (Σ P.12. 24 b). О том, что Медуза пыталась состязаться в красоте с Афиной и была за это обезглавлена Персеем, сообщается и в «Мифологической библиотеке» (2.4, 3).

На мой взгляд, замена в эпическом, а потому знакомом прилагательном καλλι- на εὐ- демонстративна и призвана подчеркнуть, что речь идет не о красоте щек Медузы, а об их качестве. Джентили склоняется к тому, что εὐπάραος указывает на силу и объем этих щек, подкрепляя такое толкование особенностями иконографии Медузы, чье устрашающее щекастое изображение en face лишь в эллинистическую эпоху сменилось профильным (Gentili 1995: 677; ср. Степанцов 2017: 30–31).

Как заметила П. Ле Вен (LeVen 2014: 110), «слишком много щек на протяжении четырех стихов, чтобы не подумать об облике самого авлиста». Действительно, об этом уже думали и Ж.- П. Вернан, и Ч. Сигал: «из всех инструментов именно авлос, благодаря в его звучанию, мелодии и способу исполнения, – тот самый инструмент, с которым маска Горгоны имеет теснейшую связь» **(**Vernant 1991: 125); «игра на авлосе искажает лицо музыканта, превращая его в гримасу, подобную усмешке Медузы» (Segal 1998: 96). Вопрос только в том, как и насколько осознавалась эта связь в греческой традиции. Вернан полагал, что архаическая устрашающая Горгона должна была ассоциироваться с издаваемым ею устрашающим криком (Vernant 1991: 117–118). Эту мысль развивал и Сигал, считая что сам облик Горгоны – гримаса ее рта, высунутый язык, а во многих изобразительных версиях еще и острые выступающие зубы, – все это подразумевало некий издаваемый ею звук (Segal 1998: 86–87)

При всей правдоподобности это предположение трудно-доказуемо – во всяком случае, подтверждающих его надежных контекстов очень мало. В качестве довода приводится контекст из «Щита Геракла», где описываются ὀρυμαγδῷ//ὀξέα καὶ λιγέως). Правда, не вполне понятно, идет ли речь о крике Горгон или об их поступи, когда они несутся за Персеем. У Гомера ὀρυμαγδός – это обозначение нестройного шума, который

возникает, когда люди сталкиваются в сражении или бревна – в речном потоке. Во всяком случае, никакой специальной связи с криком это слово не имеет. Зато змеи, свисающие с пояса Горгон, издают вполне определенный звук – они скрипят зубами (ἐχάρασσον ὀδόντας).

Все остальные доказательства устойчивой связи облика Горгон с представлением об издаваемом ими крике имеют косвенный характер. Таковым, например, является имя одной из Грай, которые были сестрами Горгон, – Энио: у Гомера она упомянута как богиня войны и, следовательно (?), должна ассоциироваться с военным кличем (Vernant 1991: 123; Segal 1998: 86).

Но главным доводом в пользу сделанного предположения остается сам интересующий нас контекст Пиф. 12 (Vernan 1991: 117) Тут, бесспорно, все детали в описании Медузы и ее сестер связаны со звуком, но речь идет не об устрашающем крике Горгон, в устойчивости представления о котором мы так и не убедились. И даже если оно существовало, Пиндар поступил с ним специфическим образом: все детали в образе Горгон нацелены на то, чтобы заставить нас вспомнить о технических особенностях авлетики – об усилии, которое требуется от авлиста для извлечения звука, о положении и движении рта, о раздувающихся щеках авлиста. Последнюю особенность и отразил миф об Афине, которая бросила уродовавший ее авлос.

Есть некоторые основания подозревать, что Пиндар знал эту версию мифа (Le Ven 2014: 109, n. 98), но рассказал другую, которая позволила ему осветить (и освятить) техническую сторону авлетики со всеми ее неэстетическими особенностями. И на вопрос, поставленный Штейнер относительно этого мифа «Is the poet the originator here?» (Steiner 2013: 195), следует, на мой взгляд, ответить положительно.

Литература

Gasparov, M. L. 1980: *Pindar. Bacchylides. Odes. Fragments.* Moscow: Nauka.

Гаспаров, М. Л. 1980: *Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты*. Москва, Наука.

Stepantsov, S. 2017: *Uchebnyy kommentariy k dvenadtsatoy pifiyskoy ode Pindara* [*Commentary for students on the Twelfth Pythian Ode of Pindar*]. Toronto: Aeterna.

Степанцов, С. 2017: *Учебный комментарий к двенадцатой пифийской оде Пиндара*. Торонто: Aeterna.

Clay, J. S. 1992: Pindar's Twelfth Pythian: Reed and Bronze. *American Journal of Philology* 113 (4), 519–525.
Gildersleeve, B.L. 1885: *Pindar. The Olympian and Pythian Odes with an introductory essay, notes and indexes by Basil L. Goldersleeve*. New York, Cincinnati, Chicago.
Köhnken, A. 1971: *Die Funktion des Mythos bei Pindar: Interpretationen zu sechs Pindargedichten*. Berlin, New York: Walter de Gruyter
Köhnken, A. 1978: Two notes on Pindar. *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 25, 92–96.
LeVen, P. A. 2014: *The Many-Headed Muse: Tradition and Innovation in Late Classical Greek Lyric Poetry*. Cambridge University Press.
Maehler, H. 1984: *Pindari carmina cum fragmentis. Pars I. Epinicia. Post B. Snell edidit H. Maehler*. Lipsiae.
Mathiesen, Th. 1999: *Apollo's Lyre: Greek Music and Music Theory in Antiquity and the Middle Ages.* University of Nebraska Press.
Metzger, F. 1880: *Pindars Siegesgedichte erkl. von F. Metzger*. Leipzig.
Phillips, T. 2016: *Pindar's Library: Performance Poetry and Material Texts.* Oxford University Press.
Segal, C. P. 1998: *Aglaia: The Poetry of Alcman, Sappho, Pindar, Bacchylides and Corinna*. Rowman & Littlefield.
Steiner, D. 2013: The Gorgons' Lament: Auletics, Poetics, and Chorality in Pindar's Pythian 12. *American Journal of Philology* 134 (2), 173–208.
Vernant, J.-P. 1991: *Mortals and Immortals: Collected Essays*. Princeton University Press.

O. L. Akhunova (Levinskaja). Pindar's Twelfth Pythian: Gorgon-sisters and Auletics

This paper is an attempt to clarify a few puzzling contexts of 12 Pyth., taking into account some specific features of auletic techniques.

Key words: Pindar, Athena, Gorgons, sound, aulos, embouchure.

DOI:10.30842/ielcp230690152206

Д. Д. Балашевич

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ В ПОМАКСКОМ ДИАЛЕКТНОМ НАРРАТИВЕ О СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ[1]

Анализ речи родопских болгароговорящих мусульман о традиционном свадебном обряде позволяет выявить характерные семантические и морфологические парадигмы, сохранность персонажного кода и тенденцию к деабстрагированию наименований обрядовых комплексов. На сохранность языкового кода свадебного обряда в целом и разграничение отдельных кодов в частности в большой степени влияют лексико-семантические трансформации в диахроническом аспекте.

Ключевые слова: языковой код, свадебный обряд, болгары-мусульмане, помаки, дискурсивный анализ, этнолингвистика.

В настоящей статье представлен анализ диалектного нарратива о свадебном обряде болгароязычных мусульман, именующих себя в родопском регионе Болгарии помаки. Их традиционная культура, во многом идентичная культуре болгар-христиан, зачастую бытует в более архаичном варианте (Rodopi 1985), что объясняют конфессиональной и территориальной обособленностью, замкнутостью консервативного сообщества (VSN 1995). В XX в. помаки не без принуждения включаются в социальную жизнь всей Болгарии (Velcheva 1995; Stamenova 1995 и др.).

Свадебные обряды Родоп, бытующие у христиан и мусульман, достаточно хорошо исследованы как в комплексных монографиях (Rodopi 1985; Sobolev 2001b; Merakova 1995 и др.), так и в узкотематических статьях (Sharanska 1996 и др.). Языковой код свадебного обряда системно представлен в диалектных словарях и диалектологических атласах (Antonova-Vasileva, Mitrinov 2011; Stojchev 1965; Stojchev 1983; MDABYa 2005, Sobolev 2001a и др.), отражен в сборниках народного фольклора (Lubomirov 2007 и др.). Тем не менее, исследования отдельно взятого диалектного нарратива современными методами дискурсивного и этнолингвистического анализа одновре-

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 14-18-01405 «От сепарации до симбиоза: языки и культуры Юго-Восточной Европы в контакте».

менно еще не предпринималось. Такой анализ, по нашему мнению, позволит получить цельное и разностороннее представление как о самом свадебном обряде и его языковым коде, так и о речевом поведении и рефлексии носителя локальной традиции о своем языке и культуре.

Исследование имеет конечной целью установить дискурсивное позиционирование болгар-мусульман в инорелигиозном и иноязычном (инодиалектном и стандартном) окружении. Для этого языковой код свадебного обряда был нами рассмотрен с точки зрения «реконструкции»[2] цельности обряда и установления субъективного отношения информанта к предмету наррации. С опорой на (Danesi 2004; Sikimić 1998; Fairclough 1992 и др.) был проведен дескриптивный, компаративный, дискурсивный и этнолингвистический анализ. Материалом послужили записи диалектной речи, осуществленные в ходе полевого исследования в июле 2017 г. в г. Смолян, а именно нарратив продолжительностью 1 ч. 47 мин. информантки 85-ти лет (1932 г. рождения), жительницы квартала *Чо́къска махала* (сейчас *Каптажа*). Образец речи носительницы смолянского мусульманского говора приведен в традиционной болгарской диалектологической транскрипции в приложении.

По сообщению информантки, в 1950-е гг. в брак вступали в возрасте 20-30 лет. В первую очередь устраивались смотрины, на которых представитель стороны жениха определялся с выбором девушки. При положительном исходе в дом потенциальной невесты отправляли сватов и, в случае согласия стороны невесты, сразу же оговаривали детали проведения религиозного обряда бракосочетания и переезда невесты в дом жениха. Светская регистрация брака была возможна исключительно после религиозного бракосочетания, которое происходило в доме невесты в присутствии свидетелей.

Перед переездом невесты ее руки красили хной в качестве украшения и заплетали праздничную прическу в виде мно-

[2] Представленная статья не имеет задачи сопоставить исследуемый нарратив с «идеальным» нарративом, сконструированным на основе других исследований, архивных данных, статей и монографий. Тем не менее они послужили материалом для формирования вопросника для полевой работы, проведенной летом 2017 г., целью которой было исследовать наиболее релевантные сегменты комплекса свадебного обряда и их лексическое выражение.

жества косичек. В день переезда, когда представители дома жениха приходили ее забирать, невеста получала от них подарок. При переезде невеста шла пешком, тогда как приданое везли на ослах. При входе в дом жениха невеста вновь получала подарок в виде золотых украшений, а также сама одаривала сторону жениха.

Сразу после переезда невесты всем участникам свадебного поезда раздавалось угощение, а позже вечером проводился ужин в семейном кругу, после которого молодожены отправлялись в отдельную комнату для проведения брачной ночи. Пришедших на следующий день в гости близких угощали сладостями.

В середине XX в. свадебное застолье не проводили. Вместо этого устраивали *г^{у}осте*, что представляло собой застолье в доме родителей невесты спустя неделю после ее переезда, а еще спустя неделю – такое же застолье в доме жениха.

Методика московской этнолингвистической школы (Tolstoj, Tolstaja 1995; Plotnikova 2000 и др.) позволяет установить особенности распределения маркированного и немаркированного лексического материала по типам этнокультурных кодов с учетом типа денотата. По нашим данным, если принять разделение языкового кода на персонажный, предметный, акциональный (Uzeneva 2010) и вербальный[3], то наиболее сохранным[4] в речи нарратора оказывается персонажный (напр. *бу́лкᵩ* ‘невеста’, *сва́тов’ᵩ* ‘родители молодоженов по отношению один к другому’, *кᵩи́нч’ᵩ* ‘младший брат жены). На втором месте по степени представленности находится предметный код (напр. *спа́н* ‘приданое’, *ру́бᵩ* ‘приданое’, *ниш’е́н* ‘дар в виде украшения

[3] Под вербальным кодом подразумеваются а) названия комплексов обрядовых мероприятий, которые нельзя ограничить одним из вышеперечисленных кодов, или б) устное народное творчество, выраженное песнями, благопожеланиями, клише.

[4] При установлении степени сохранности языкового кода мы определяем объем инвентаря словоформ (в т. ч. устойчивых словосочетаний), эксплицитно выражающих ритуально маркированный денотат. Необходимым условием является его передача одно словоформой / устойчивым выражением (для разграничения с описательными построениями). Также мы рассматриваем частотность использования ритуально маркированной словоформы в нарративе в случае параллельного использования информантом иной лексемы (отличной морфологически) или описательных.

невесте со стороны жениха’). На третьем месте находится акциональный код (напр. *кънóсвам* ‘красить хной руки невесте накануне переезда’, *ожéн’а сę* ‘выйти замуж’, *в’ен’ч’ęę* ‘провести религиозное бракосочетание), но часто информантка прибегает к описанию посредством общеупотребительной лексики. Примеры вербального кода информантка припоминает с трудом, в основном в качестве ответа на наводящие вопросы (напр. *г*^{у}*óсти* ‘мероприятие, когда мать невесты на третий вечер после переезда невесты приглашает молодоженов к себе в дом, а потом мать жениха также приглашает родителей невесты’, *бра́:к* ‘бракосочетание’). В речи информантки сохраняли и сохраняют свою актуальность прежде всего диалектные наименования свадебных чинов, в то время как наименования предметов, по всей видимости, вслед за самими денотатами, утратили свою актуальность и релевантность для рассказчика. При этом акциональный код прямо связан с персонажным кодом (*на бра́тęвици бъ̨шта́ ми и ма́йка ми курди́съ̨хъ̨ по три́ ли́ри* ‘невестам братьев мои отец и мать подарили по три лиры’, *бу́лкъ̨нъ га и́де, седи́ еди́н ден’ пра́въ̨ фъф киш’она* ‘невеста, когда придет, целый день стоит в углу’). Таким образом, персонажный код представляется наиболее сохранным в этнолингвистическом смысле, в то время как лексика акционального и вербального кодов представлена в наименьшей степени в силу ее частого замещения описательными конструкциями и ее привязанности к персонажному коду.

В речи информантки один общий план выражения может объединять денотаты или же, напротив, дифференцировать их на основе различения их экстралингвистических функций. Лексемы, отражающие не единичные свадебные чины, в речевом потоке обычно представлены в формах мн. ч., несмотря на существование словоформы в единственном числе (*мума́ре* ‘сваты’ от *мумар; свид’е́т’ęли* ‘свидетели при религиозном бракосочетании’ от *свид’е́т’ęл*), что объясняется идентичностью выполняемых ими функций в обряде. Этим же можно объяснить наименование свекра и свекрови отдельными лексемами, когда их функции в обряде различны: *св’екърът* и *св’екървъта* – и объединение в единой лексеме (и, соответственно, единой семе) при совпадении их функций в противопоставлении иным свадебным чинам: *тва́ дойд’ę вре́м’ę зъ̨ спъ̨н’е́ и се ръ̨зд’ели́хм’ę: <u>ста́рти</u> си утиду̯^{х}ъ̨ нъ̨ дол’ниъ̨ ęта́ш и*

ни́е на го́рниа ѐта́ш оста́нахмѐ ‘тогда пришло время ложиться спать и мы разделились: старшие ушли на нижний этаж, а мы на верхнем этаже остались’.

Анализ речи информантки позволяет установить семантические основы формирования словообразовательных парадигм и возможные причины появления лексических лакун. Например, ожидаемо наличие однокоренных слов, вовлеченных в словообразовательные процессы (*ми́ж’у – ми́ж’ефца* ‘жена старшего брата мужа’; *пи́ти* ‘вид хлеба, который несет приглашенная сторона, отправляясь на *г*^{у}*о́сти*’ – *пита́рки* ‘сумки для *пи́ти*’). На этом фоне особый интерес вызывают случаи «нежелания» информанта сполна воспользоваться словообразовательной парадигмой, имеющейся в языке. Например, нарратор использует в живой речи элемент акционального кода *тр’ѐ́б*^{в}*а х*^{у}*о́джа да а* ***в’ѐнч’ѐ́ѐ*** ‘сперва ходжа должен совершить религиозный обряд бракосочетания по отношению к ней <невесте>’, но избегает употреблять однокоренную лексему-элемент вербального кода *венча́вка/венчи́ло/венча́ване* ‘религиозный обряд бракосочетания’ (Merakova 1995: 48); однако при прямом вопросе информант подтверждает наличие этих слов в его идиоме.

Интерес вызывают случаи отсутствия вариативности планов выражения одной семы (например, ‘жених’ на разных этапах свадебного обряда) на фоне плюрализма выражения семы ‘невеста’:

Двами́нъ свид’е́т’ѐли, и ъд <u>*мумч’е́ну*</u> *и ъд* <u>*муми́ч’ѐну*</u> ‘двое свидетелей, и со стороны юноши, и со стороны девушки’;

...тр’ѐ́б^{в}*а да сѐ в’ѐнч’ѐ́ѐ* <u>*бу́лкана*</u> *прѐди́ дъ и́д’ѐ на* <u>*мѐмч’е́ну*</u> ‘надо, чтобы сперва был совершен религиозный обряд бракосочетания, прежде чем невеста переедет к юноше’;

да и́ма еди́н ка́т ъга и́д’е <u>*нивѐ́стана*</u> *тр’ебва сп’ецие́лнѐ да гѐ даd’е́ нъ* <u>*мумч’е́нѐ*</u> ‘чтобы было одно <полотенце>, потому что когда невеста отправится, она должна специально дать его юноше’.

Синонимические связи между лексическими единицами могут возникать непосредственно в речи под влиянием контекста. Информант может избирать лексический аналог, переходя границы собственного культурного кода. Например, лексема *свид’ѐ́т’ѐли* была употреблена при ответе на вопрос о

наличии на традиционной свадьбе кумовьев[5]: *свид'е́т'ęлинę сą ку́мувę* ‘свидетели – это кумовья’. Для передачи одного и того же значения информант может использовать целый ряд лексем, которые он рассматривает как взаимозаменяемые (например, ‘приданое’ рассказчица называет *ру́бą*, *ч'ęи̯ꙋ* или *спа́п*[6]).

Исследуемый нарратив отчетливо демонстрирует диахроническое изменение языкового кода свадебного обряда, что, возможно, отражает обобщение нового языкового кода во всех типах речи болгар-мусульман. Утрата лексем и их отделение от означаемого явления/комплекса действий прослеживается на примере лексем *годе́ж/гла́веж* (Merakova 1995: 47) (*тǫ им'е́ш'ę нąкąкǫ*[м] ‘Что-то такое было’ → *те сę уду́михą ста́р'тę* ‘старшие договорились’). Если обратить внимание на рефлексию информантки о собственной речи, то часто это касается деактуализации турцизмов и их замещения общеболгарскими лексемами (напр. *бо́бу* > *д'е́дǫ* ‘свекр’; *ми́ж'у* ‘брат мужа’ > *ч'и́ч'у*[7]). Поскольку сама информантка без соответствующих вопросов-стимулов поясняет значение слова *бо́бу* (с семантикой ‘свекр’ или ‘отец’) посредством лексемы *бąща́* (с общеболгарским значнеием ‘отец’), постольку можно сделать вывод об осознании ею своего диалекта как потенциально непонятного постороннему человеку. Осмысление информантом этого разделения лексики на «старую» и более новую вызывает особый интерес. Также ярким примером сохранения реалии при утрате лексемы является отсутствие специфичного наименования для поваров, готовящих свадебное застолье; наблюдается утрата свадебного чина (перенос акцентирования на функцию члена семьи) при сохранении персонажа: *ма́гер* (Стойчев 1965) > *бли́с'ки* ‘близкие’.

Наконец, можно обратить внимание на вариативность выражения одной и той же семы, деабстрагирование, обобщение денотата путем выделения его ключевого семантического элемента и случаи смещения семантических акцентов. Вместо одной (ожидаемой) лексемы в речи может использоваться

[5] О типах ролей кумовьев у балканских славян-мусульман см.: Golo Bordo 2013: 91–93.

[6] Тем не менее, лексема *спа́п* используется реже прочих и, как мы полагаем, связана с транспортировкой приданого; также информант поясняет ее значение: *спа́пън ę бąга́ш.*

[7] В общеболгарском языке означает дядю по отцовской линии.

развернутое высказывание-толкование, как, например, в случае со словом *глáвеш*, которое замещается: *мǫмáрę дъ̀гá поúскąт и упредел'óт вр'éм'е когá да ą в^{у}óд'ąт…* ‘когда сваты посватаются и определят время, когда ее <невесту> поведут <в дом жениха>', где вербальный код замещен преимущественно акциональным. Элемент акционального кода в высказывании *т'е си йę* ***курдúсвъхą*** ‘они ее одаривали украшениями' (допускается указание чем: *плат нéкąф зą рóкл'а и зą рúзъ дъ úмą и к^{у}óрпą и хąвлúą*; *пǫ трú лúри*, ‘какой-то тканью, чтобы было для платья и рубахи, и платком, и полотенцем; и тремя лирами’, где *лира,* со слов информантки, подразумевает золото[8]) инофрмантка использует параллельно высказыванию ***дáвąт'*** *йе кóйну úмą* ***злáтǫ*** ‘дают ей золото, у кого есть’, где смысловым акцентом является ***злáтǫ,*** элемент предметного кода.

В заключение можно еще раз отметить относительную сохранность традиционного помакского свадебного обряда в 1950-х гг., хорошую сохранность языкового кода обряда на момент записи нарратива и наибольшую сохранность персонажного кода по отношению к кодам других типов. Очевидна речевая стратегия информантки, состоящая в стремлении «избавиться» от наименований, обозначающих целые ритуальные комплексы, посредством разложения последних на отдельные действия или вычленения ключевого действия (*глáвеш*, *венчáвка*). Для помакской речи свойственны «переходы» семы из одного языкового кода в другой (см. *глáвеш → мǫмáрę дъ̀гá поúскąт и упредел'óт вр'éм'е когá да ą в^{у}óд'ąт; курдúсвам →* ***дáвąт'*** *йе кóйну úмą* ***злáтǫ***), замещение диалектных / архаичных (часто – заимствованных из турецкого языка) лексем более новыми, часто общеболгарскими (*рýба – чеúз; мúжу – чúчу; бóбу – дéду*), нивелирование существовавших в прошлом семантических различий (см. *рýба, спап, чеúз*), несистемность в однокоренном выражении одной из составляющих семантических пар (см. *мúж'у – мúж'ефцą*), зависимость морфологических характеристик от экстралингвистического контекста (*св'екърът*, *св'екървътą – стáрти*). Наконец, фиксируется восприятие говорящим своего идиома как особого диалекта, а также способность обозначать реалии посредством лексических

[8] Аутентичное значение *лúрą* – золотая монета определенного номинала.

средств иноверного сообщества (см. *ку́мове – свиде́тели; бо́бу – баща́*).

Приложение. Образец диалектной речи

До́йд’ѧ ѧ[д]на́ жѧна́, ба́ба Да́нч’ев’ица, тѧ и ко́тът и т’а мно́гу пофа́ли те́х и и и та́ к’е ше мо́жѧ д дойдѧ и и́скат. ѧм т’а св’е́къръд до́йд’е тѧт[ъ] тѧ сѧ уду́миха и нъ нѧпра́вихме бра́к. Гъ[кх]. Кѧйа́ годи́нѧ бѣ́ше́? П’ѣтд’ес’е́ и тр’е́тѧ гади́нѧ ма тра́: б’ѣ́ше́. Нѧпра́вихм’ѧ брак п’ед’ѣсе́ и фто́ра нѧпра́вихм’ѧ, пѣ[т]дѣсе́ и тр’е́та до́йдѧх нѧ х’е́й т’у́[в]ѧ. Га: ъм до́йдах. И г[у]о́ст’е сйа́ нѧпра́[в]ихм’ѧ, цва́дбѧ н’ѧ пра́в’ѣхм’ѧ зѧ н’е́го и зѧ м’е́н’е. А́мѧ та́м с’е́тн’ѧ по́чнъхѧ сва́дбит’е мно́гу дѧ прав’ат. Та́м с’е́тн’ѧ. ... И́мѧхм’ѧ си са́ба[й]л’е ко́га́то гук ѧн’ѣко́вѧ, а ко́а́тѧ сино́с им’ѣ́хм’ѧ сва́дбѧ за на́с н’е м’е́шѧ, са́му г[у]о́стѧ. Е. О́кулу п’ѣтд’ѣс’е́ ду́ши, до сто́ ду́ши бли́скин’ѧ хо́ра́ кѧ пѫка́нихм’ѧ и: нива́ б’ѣ́ше́. И, и по́чнѧхм’е дъ дѧ жив’е́ѣм’ѧ ѣй фъй са́йѧ к[у]о́штѧ.

Пришла одна женщина, баба Данчевица, и она очень их похвалила, и в результате они смогут прийти ее сватать. Ну и тогда свекор пришел, и они договорились, и мы заключили брак. Какой это был год? Пятьдесят третий год, должно быть. Мы заключили брак, в пятьдесят втором заключили, в пятьдесят третьем я пришла вот сюда. Тогда я пришла. И *гостэ* провели, свадьбы не проводили для него и для меня. Но потом начали проводить много свадеб. Потом. ... У нас была утром когда это, когда у нас был сын – свадьба; у нас не было, только *гостэ*. Ну. Около пятидесяти человек, до ста человек близких людей мы пригласили, и всё. И мы начали жить вот в этом доме.

Литература

Antonova-Vasileva L., Mitrinov G. 2011: Rechnik na balgarskite govori v Iuzhni Rhodopi, Dramsko i Sjarsko [The dictionary of the Bulgarian dialects in the Southern Rhodopes, Drama and Serres]. Sofia.
Антонова-Василева Л., Митринов Г. 2011: Речник на българските говори в Южните Родопи, Драмско и Сярско. София.

Danesi, M. 2004: A basic course in anthropological linguistics. Toronto.

Fairclough, N. 1992: Discourse and Text: Linguistic and Intertextual Analysis within Discourse Analysis. In *Discourse Society* 3 (2), 193–217.

Golo Bordo 2013: [*Golo Bordo (Gollobordë), Albania. From the materials of a Balkan expedition of Russian Academy of Sciences and Saint Petersburg State University in 2008–2010*]. A. N. Sobolev, A. N. Novik (ed.). St. Petersburg: Nauka, München: Verlag.

Голо Бордо 2013: *Голо Бордо (Gollobordë), Албания. Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010*. Под ред. А. Н. Соболева, А. А. Новика. Санкт-Петербург: Наука, Мюнхен: Verlag Otto Sagner.

Ljubomirov, S. 2007: *Dimanovo. Razbudenata pamet* [*Dimanovo*. *The awoken member*]. Smoljan.

Любомиров С. 2007: *Диманово. Разбудената памет*. Смолян.

Merakova E. 1995: *Onomasiologichna i semaseologichna haracteristica na svatbenija obred v Srednite Rodopi* [*Onomasioligical and semasiological characteristic of the wedding ceremony in the Middle Rhodope*]. Plovdiv.

Меракова, Е. 1995: *Ономасиологична и семасиологична характеристика на сватбения обред в Средните Родопи*. Пловдив.

MDABYa 2005: [*The minor atlas of the Balkan languages. Lexical series. Vol. I. The lexics of the spiritual culture*]. A. N. Sobolev (ed.). München: Biblion Verlag, 2005.

МДАБЯ 2005: *Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Том I. Лексика духовной культуры*. Под ред. А. Н. Соболева. Мюнхен: Biblion Verlag.

Plotnikova, A. A. 2000: *Slovari i narodnaja cultura. Ocherki slavjanskoj lecsicografii* [*The dictionaries and the folk culture. The essayes of the Slavonic lexocography*]. Moskow.

Плотникова, А. А. 2000: *Словари и народная культура. Очерки славянской лексикографии*. М.

Rodopi 1985: [*The Rhodopes. The traditional folk culture and socionormative culture*]. R. Popov, S. Grebenarova (eds.). Sofia: BAN, 1985.

Родопи. *Традиционна народна духовна и социалнонормативна култура*. Под. ред. Попова Р., Гребенаровой С. София, БАН.

Sharanska, F. 1996: [Bulgarian-Muslim marriage in Jacoruda region]. In *Balgarska etnologija [Bulgarian etnology]* 4, 88–101.

Шаранска Ф. 1996: Българомохамеданската сватба в Якоруд-ско. В сб. *Българска етнология* 4, 88–101.

Sikimich, B. 1998: [Young untaught]. In: *Kodovi slovenskih cultura* [*The Slavonic culture codes*] 3, 163–185.

Сикимић, Б. 1998: Неука млада. В сб. *Кодови словенских култура*, 3, 163–185.

Sobolev, A. N. 2001a: [The Balcan Lexics in the areal and areal-typological analisys]. *Voprosy yazykoznaniya* [*Linguistics Problems*] 2, 59–93.

Соболев, А. Н. 2001: Балканская лексика в ареальном и ареально-типологическом освещении. *Вопросы языкознания* 2, 59–93.

Sobolev, A. N. 2001b: *Bolgarskij shirokolakskij govor. Sintaksis, lecsica duhovnoj cultury, teksty* [*The Bulgarian dialect of Shiroca Laca. Sintaxis, lexics of the spiritual culrute, texts*]. Marburg.

Соболев А. Н. 2001: *Болгарский широколыкский говор. Синтаксис, лексика духовной культуры, тексты*. Марбург.

Stamenova, Zh. 1995: *Etnosocialni aspecti na bita v iztochnite Rodopi prez 70-80 godini* [*Etnosocial aspects of the everyday life in the Southern Rhodopes in 70th-80th*]. Pernic.

Стаменова Ж. 1995: *Етносоциални аспекти на бита в източните Родопи през 70–80 години*. Перник.

Stojchev, T. 1965: *Rodopski rechnik* [*Rhodope dictionary*].Vol. 2, Sofia.
Стойчев Т. 1965: *Родопски речник*. Т. 2, София.

Stojchev, T. 1983: *Rodopski rechnik* [t*he Rhodope dictionary*] Vol. 5, Sofia.
Стойчев Т. 1983: *Родопски речник* Т. 5, София.

Tolstoy, N. I., Tolstaja S. M. 1995: [Introduction]. In: *Slavjanskie drevnosti [The slavnic antiquity]*. Moscow, 5–14.
Толстой Н. И., Толстая С. М. 1995: Введение. В сб.: *Славянские древности*. Москва, 5–14.

Uzeneva, E. S. 2010: *Bolgarskaja svadjba: etnolingvisticheskoe issledovanie* [*Bulgarian wedding: ethnolinguistic research*]. Moscow.
Узенева, Е. С. 2010: *Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование.* Москва.

Velcheva, N. 1995: [The ethnic processes in the Rhodopes]. In: *Balgarska etnologia [Bulgarian ethnology]* 21/2, 3–16.
Велчева, Н. 1995: Етническите процеси в Родопите. In: *Българска етнология* 21/2, 3–16.

VSN 1995: [*The links of compatibility and incompatibility between Christians and Muslims in Bulgaria*]. A. Želiazkova (ed.). Sofia: Mezhdunarodni centyr, 1995.
Връзки на съвместимост и несъвместимост между християни и мюсюлмани в България. Под ред. А. Желязковой. София: Международни център.

D. D. Balashevich. Discursive analysis of vocabulary in the Pomak dialect narrative on the wedding rite

The linguistic code of the wedding rite of the Pomaks (Muslim speakers of Bulgarian in the Rhodope Mountains), as reflected in the speech behavior of our informants, is marked by specific morpho-semantic paradigms, leading role of character code, and tendency to refer to the whole rites in precise terms. In the diachronic perspective, lexico-semantic transformations contribute to the preservation of the linguistic code of the wedding rite, along with the code boundaries.

Key words: language code, wedding rite, Muslim Bulgarians, Pomaks, discursive analysis, ethnolinguistics.

DOI:10.30842/ielcp230690152207

А. Е. Беликов

УЧЕНИЕ О СТАТУСАХ У КВИНТИЛИАНА[1] (AD INST. OR. 3.6. 88, 94)

В статье рассматриваются те модификации, которые Квинтилиан вносит в учение Гермагора о статусах с тем, чтобы подчеркнуть их значение для определения стратегии оратора. Исходя из этого предлагаются альтернативные интерпретации для 3.6.88 (simplicia VS mixta – как признак соотнесения вопросов закона и основных статусов) и 3.6.94 (neget duo [esse] crimina VS neget omnia – как пример двух пар одинаковых статусов, выбор которых зависит от стратегии оратора).

Ключевые слова: Квинтилиан, риторика, статусы, вопросы закона, negare.

Квинтилиан (глава 6 кн. 3, а также кн. 7 «Риторических наставлений»), наряду с Цицероном («О нахождении»), «Риторикой к Гереннию» и псевдо-Августином (RLM: 135–151), является одним из основных источников для реконструкции учения Гермагора о статусах (Adamietz: 110; Matthes: 102). Статусам посвящена значительная научная литература, но Квинтилиан и особенности его изложения затрагиваются гораздо реже, а анализируемые в данной статье места (3.6.88 и 94), хотя и вызывают определенные сложности (Адамиц ad loc. комментирует их как «недостаточно ясные» – Adamietz: 149, 152), насколько мне известно, специально не рассматривались. Но для их понимания представляется необходимым кратко вспомнить об основных положениях, выдвигаемых Квинтилианом.

Статус (στάσις, status, constitutio, *реже* quaestio) Квинтилиан определяет так: «Гермагор называет статусом то, из чего можно понять суть дела (subjecta res) и к чему относятся доказательства сторон[2]. Мое мнение всегда было следующим: хотя у

[1] Статья подготовлена в рамках исследования, проводимого при поддержке Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

[2] А. Е. Кузнецов в своем переводе «Топики» Цицерона использует слово «постановка» (25. 93): «Так как опровержение обвинения, содержащее отрицание вины, называется по-гречески στάσις, то по-латыни мы можем назвать его «постановка» (status); это – исходная точка, на которой стоит защита, готовясь к ответному нападению. Такие же постановки бывают и в совещательных, и в хвалебных

вопросов в деле часто бывают разные статусы, статус дела я полагаю в том, что наиболее значимо (potentissimum) и вокруг чего все вертится (in quo maxime res verteretur). Если кто-то назовет это “основным вопросом” (quaestio generalis) или “самым главным” (caput generale) , я не стану с ним спорить – как и в случае, если будет предложен еще какой-то термин, под которым будет пониматься то же самое, хотя знаю, что многие посвятили таким вопросам целые тома; но мне больше всего нравится слово “статус”» (3.6.21) (*здесь и далее пер. мой, если не оговорено иное*). Квинтилиан перечисляет различные теории о количестве статусов – от одного до восьми (3.6.29–55), но основным считает гермагоровское разделение на четыре логических статуса (56): установление, определение, перенесение[3], оценка, – и на «вопросы закона» (61): буква и смысл, умозаключение, двусмысленность, противоречие законов.

Систему статусов можно представить в следующем виде:

ζητήματα λογικά quaestiones rationales логические вопросы (статусы)	στοχασμός conjectura установление	Совершал ли деяние? Установление связи (или ее отсутствия) между обвиняемым и деянием
	στοχασμός conjectura установление	Что совершил? Определение деяния (которое само не отрицается) в соответствии с законом (изменение квалификации)
	κατὰ συμβεβηκός qualitas оценка («законности» у М. Л. Гаспарова[4])	Было это хорошо или дурно? Деяние не отрицается, но обсуждаются его качества (совершил по праву, во благо, по необходимости, по приказу, по неведению и др.)
	μετάληψις tra(ns)latio перенесение	Процесс не может рассматриваться в этом суде или против этого человека (в совр. терминологии – не по существу)

речах». При всех возможных выгодах от обыгрывания выражения «постановка вопроса» (напр., «Я не приемлю такую постановку вопроса») я предпочитаю держаться традиционного термина «статус».

[3] В некоторых переводах можно встретить вариант «отвод», что звучит значительно лучше, чем «перенесение», но терминологически неточно, так как отвод касается только участников процесса, тогда как рассмотрение дела может «переноситься» из-за нарушения юрисдикции, неподсудности обвиняемого и целого ряда других формальных нарушений, что в современной практике называется «не по существу».

[4] Статус законности (δικαιολογικός, juridicialis) является в гермагоровской системе одним из подвидов статуса оценки, но у М. Л. Гаспарова он фигурирует в числе основных (вероятно, из-за его большой значимости и частоты употребления).

ζητήματα νομικά quaestiones legales «вопросы закона» («статусы от закона» у М. Л. Гаспарова)	κατὰ ῥητὸν καὶ ὑπεξαίρεσιν scriptum et sententia буква и смысл	Соотнесение воли законодателя (или духа закона) с буквой закона (формально случай подпадает под закон, но это не соответствует воле законодателя или справедливости)
	ἀντινομία leges contrariae противоречие законов	Конфликт норм
	ἀμφιβολία ambiguitas двусмысленность	Сложность в понимании закона из-за языковых факторов
	συλλογισμός ratiocinatio силлогизм, умозаключение	Случай не описан в законе, поэтому решение логически выводится из других законов (аналогия права)

Наиболее показательным является пассаж Квинтилиана, начинающийся со следующих слов (63–64): «Что же касается меня, то должен признаться, что я теперь несколько изменил свое мнение. И, пожалуй, если бы я заботился только о своей репутации, наиболее надежным было бы не менять ничего из того, что я долгие годы не только полагал, но и доказывал. Однако совесть не позволяет притворяться и сокрыть какую-либо часть моих взглядов – особенно в сочинении, которое должно пойти на пользу достойным юношам». Далее Квинтилиан доказывает, что все вопросы можно свести к трем основным статусам: установления, определения, оценки (67), причем подчиняет им не только статус перенесения (с длительной дискуссией 68–79; во всех делах с «перенесением» можно определить и другой статус; позиция Квинтилиана, как представляется, весьма близка к современному выделению возражений «не по существу дела», тогда как статус относится именно к «существу дела»), но и «вопросы закона» (88): «Таким образом, получаются как бы подобия трех статусов, иногда – простые, иногда – смешанные, которые при этом имеют свой характерный вид: вопрос буквы и смысла закона, который без сомнения относится или к статусу оценки, или к статусу установления; силлогизм, который более всего соответствует статусу оценки; вопрос противоречия законов, который относится туда же, что и вопрос буквы и смысла; двусмысленность, которая всегда разрешается через установление».

На последнем разделении – на простые и смешанные – мне хотелось бы остановиться чуть подробнее, так как на деле переводчику обойти его оказывается проще, чем комментатору; сложность, смутившая Адамица, разрешается, на мой взгляд, следующим образом: «простые подобия» – это когда одному из видов «вопросов закона» соответствует только один из основных статусов, а «смешанные» – когда либо один, либо другой (получается, что они «смешиваются» в одном «вопросе закона». Исходя из примеров самого Квинтилиана можно построить такую таблицу:

simplicia простые	силлогизм	статус оценки («Справедливо ли из законов А и Б вывести такое умозаключение?»)
	двусмысленность	статус установления («Означает ли написанное это?»)
mixta смешанные	буква и смысл	статус установления («Имел ли в виду законодатель?»)
	противоречие законов (как бы удвоенный случай «буквы и смысла»)	статус оценки («Справедливо ли понимать закон(ы) так?»)

Этот, казалось бы, частный случай призван продемонстрировать общую логику Квинтилиана, пронизывающую всю главу о статусах и наиболее четко выраженную в 3.11.24–26: «Ведь, пожалуй, нет такого человека – если только он не глуп и не далек от какого-либо использования речи – который бы не знал, чтò образует тяжбу (то, что они называют «причиной» causa или «сущностью» continens), каков вопрос между спорящими, о чем нужно вынести суждение – и все это одно и то же: ведь вопрос ставится о том, что образует спор, и суждение выносится о том, в чем был вопрос. Но наш разум не будет вечно направлен только на эти проблемы, и иногда мы ради жажды славы любой ценой или из любви поговорить отвлекаемся, поскольку материал за пределами дела всегда обширнее: в разбирательстве не много предметов, а вне – все, и в первом случае мы говорим о том, что нам сообщили, а во втором – о чем захотим. Поэтому нужно учить не тому, как найти вопрос, сущность и предмет для обсуждения (ведь это несложно), а тому, чтобы мы все время об этом помнили, или, по крайней мере, если мы ушли в отступления, чтобы не выпало оружие из рук ищущих аплодисментов». Оратор должен понимать, что все

сводится к трем основным статусам, а корректное определение статуса необходимо не из исследовательской тяги к классификации, а из практической необходимости выбрать стратегию речи.

Это наблюдение нам понадобится и при рассмотрении следующего пассажа (3.6.91–94), который я процитирую по изданию Винтерботтома (Winterbottom: 158):

…Hoc inter omnes conuenit, in causis simplicibus singulos status esse causarum, quaestionum autem, quae uelut subiacent his et ad illud quo iudicium continetur referuntur, saepe in unam cadere plures posse <…> in coniunctis uero posse duos et tris inueniri, uel diuersos, ut si quis aliud se non fecisse, aliud recte fecisse defendat, uel generis eiusdem, ut si quis duo crimina uel omnia neget.

Интерпретация 1:

«Все сходятся в следующем: в простых делах только один статус дела, а вопросов, которые как бы подчинены статусам и которые как-то соотносятся с сущностью дела, в одном деле может содержаться много. <…> В сложных делах можно обнаружить два или три статуса – причем они могут быть различны – например, если кто-то оправдывается, что этого он не совершал, а другое он совершил по праву; или они могут быть одинаковыми – например, если обвиняемый отрицает два преступления или все».

В такой интерпретации получается членение:

neget → crimina ↕ duo / uel omnia

Этого варианта придерживается большинство переводчиков (Cousin: 185; Beta-Amadio: 339); Адамиц – не без колебаний – соглашается с этим, но также указывает, что в рукописи A отсутствуют слова uel omnia и, возможно, их стоит убрать (такое же предположение выдвигает Винтерботтом в аппарате), а Батлер публикует и переводит текст без этих слов (Butler: 457).

Адамиц приводит параллель (7.1.9): «Простое обвинение: Рабирий убил Сатурнина; сложное: по закону об убийцах Луций Варен совершил следующее: организовал убийство Гая Варена, нанесение раны Гнею Варену, а также убийство Салария. Таким образом определения (propositiones) будут различными. То же можно сказать и о гражданских исках (petitiones).

Но из сложного определения может возникнуть много вопросов и статусов, если обвиняемый одно отрицает, другое оправдывает, в третьем оспаривает законность рассмотрения (aliud negat reus, aliud defendit, aliud a iure actionis excludit)». Однако само по себе aliud … aliud в рассматриваемом месте не дает информации о количестве членов.

В пользу такой интерпретации также могут говорить слова duos et tris inueniri, которые можно понять так: если в деле два или три пункта обвинения, то в нем будет два или три статуса; судя по всему, именно такое толкование текста могло содержаться в рукописи A, которая в этом месте дает et duos et tres. В качестве возражения можно было бы подумать о разновидностях статусов – которых всего три в рамках новой концепции Квинтилиана – и в деле могут содержаться хоть две, хоть три из них, но такому толкованию противоречит дальнейший текст («различны – одинаковы»).

При всем том добавление uel omnia остается не очень понятным и нарушает симметрию: в первом примере – на разные статусы (дается два пункта обвинения), во втором – на одинаковые (их становится неопределенное количество). Кроме того, во втором примере различие получается только в количестве отрицаемых пунктов, то есть у всего пассажа получается следующая схема (здесь и далее: **C** – статус установления, **Q** – статус оценки, **F** – статус определения, **T** – статус перенесения, ? – неизвестно):

статусы могут быть разными	пример A	**C – Q**
статусы могут быть одинаковыми	пример B1	**C – C** – ?
	(uel) пример B2	**C – C – C**

Неопределенность количества пунктов обвинения не способствует ясности, а необходимость различать примеры B1 и B2 по количеству отрицаемого нуждается в дополнительном обосновании. Кроме того, если пример A можно с полной уверенностью назвать примером на разные статусы, а пример B2 – на одинаковые, то пример B1 должен подпадать сразу под обе категории (первые два его члена одинаковы, но они явно отличны от предполагаемых других). Само по себе такое разделение с логической точки зрения не бессмысленно, но мне не кажется правдоподобным, чтобы Квинтилиан, приводящий

примеры в иллюстративных целях, мог допустить такую сложность.

Более вероятным – в контексте сказанного выше об определении статуса как стратегии – мне кажется то, что Квинтилиан не обсуждает противопоставление «два – все», а перебирает различные варианты статусов, как он делает это в опущенном в цитате выше фрагменте 92–93: «Кроме того, я считаю, что иногда возможно колебание, к какому статусу дела прибегнуть, когда на одно обвинение можно ответить с разных сторон; и как в изложении событий наилучшим считается делать такие акценты, благодаря которым действующее лицо будет лучше всего оправдано, так и здесь можно сказать, что лучше всего выбрать такой статус, который оратор сможет защитить наиболее эффективно. Поэтому в деле Милона Цицерон при защите выбрал один статус, а Брут, написавший речь ради упражнения, – другой: если первый доказывал, что Клодий, готовивший покушение, был убит по праву, но при этом Милон этого не планировал, то второй дошел до похвальбы в связи с убийством дурного гражданина»[5], то есть в данном примере один пункт обвинения – один вопрос – и статус тоже один, но он может быть разным. А в 95–103 будет приведен самый запутанный случай с тремя действующими лицами и тремя статусами (опять же, при наличии этого примера зачем было бы приводить пример 94 – и особенно B1 – в интерпретации 1?). Таким образом, по моему предположению, в 94 дается пример с двумя пунктами обвинения – двумя вопросами – двумя статусами (различными или одинаковыми). Но что это за статусы и как интерпретировать uel omnia?

[5] Противопоставляются два подвида статуса оценки: Брут применяет сравнительный (ἀντίστασις, comparatio), а Цицерон – перекладывание преступления (ἀντέγκλημα, relatio criminis). Этот пример Квинтилиан еще раз подробно разбирает в 3.11.15 с целью показать, что хотя в деле могут возникать различные дополнительные вопросы (ср. 3.6.91; из основного вопроса – убил по праву, так как Клодий готовил засаду (**Q**) – возникает дополнительный вопрос: готовил ли Клодий засаду? (**C**), предмет обсуждения, относящийся к нему вопрос и статус вопроса – один. В данном случае – можно ли считать поступок Милона убийством по праву (**Q**).

Интерпретация 2:

«Все сходятся в следующем: в простых делах только один статус дела, а вопросов, которые как бы подчинены статусам и которые как-то соотносятся с сущностью дела, в одном деле может содержаться много. <…> В сложных делах можно обнаружить два или три статуса – причем они могут быть различны – например, если кто-то оправдывается, что этого он не совершал, а то он совершил по праву; или они могут быть одинаковыми – например, если по отношению к двум пунктам обвиняемый отрицает, что это были преступления, или отрицает совершение деяний целиком».

В такой интерпретации получается членение:

duo [esse] crimina
neget ↕
uel omnia

Структура примеров получается симметричная:

статусы могут быть разными	пример A	C – Q
статусы могут быть одинаковыми	пример B1	F – F
	(uel) пример B2	C – C

В качестве параллели – с опорой на глагол negare – я предлагаю вместо приводимого Адамицем 7.1.9 рассмотреть 5.13.7: «Было бы смешно давать советы по поводу признаний вины (confessum) перед судьями, собирающимися произнести приговор согласно закону. Поэтому то, что нельзя ни отрицать (negare, **C F**), ни перенести (transferre, **T**), нужно оправдывать (defendere, **Q**), каким бы оно ни было, или оставить дело. Мы показали, что у отрицания есть два вида (**C F**): или что предъявляемое не было совершено (**C**), или предъявляемое – это не то, что было совершено (**F**). А то, что нельзя ни оправдать (**Q**), ни перенести (**T**), нужно обязательно отрицать (**C F**), причем и в том случае, если изменение квалификации (finitio, **F**) может быть в нашу пользу, и в том случае, когда остается голое отрицание (infitiatio, **C**)».

Квинтилиан ясно говорит, что под отрицанием (negare) могут пониматься два разных статуса – установление (если отрицается совершение деяния) или определение (если отрицается квалификация), причем выбор статуса зависит от обстоятельств дела и стратегии оратора. Если применить это к

нашему примеру, то получится, что omnia negare – это отрицание первого рода, а duo [esse] crimina negare – второго.

Выражение omnia negare можно сравнить с русским «уйти в отказ», а его употребление лучше всего засвидетельствовано у Цицерона в речи «Против Верреса» (2.3.149): negare hoc, nisi forte negare omnia constituisti, nullo modo potes – «Отрицать это – если только ты не решил уйти в отказ – ты никак не можешь». Ср. также Цицерон «Об ораторе» (2.105): ac nostrae fere causae, quae quidem sunt criminum, plerumque infitiatione defenduntur; nam et de pecuniis repetundis quae maximae sunt, neganda fere sunt omnia, et de ambitu raro illud datur, ut possis liberalitatem atque benignitatem ab ambitu atque largitione seiungere; de sicariis, de veneficiis, de peculatu infitiari necesse est – «И почти во всех наших делах, во всяком случае уголовных, защита состоит по большей части в отрицании сделанного. Ибо и в делах о лихоимстве, самых крупных, надо почти все отрицать; и в делах о подкупе редко бывают данные, по которым можно было бы отличить щедрость и радушие от подкупа и взяток; а в делах об убийствах, об отравлениях, о хищениях отрицание вины и подавно необходимо» (пер. Ф. А. Петровского).

Несколько сложнее обстоит дело с duo [esse] crimina negare. Насколько мне удалось проследить по корпусу латинских текстов, до середины I века до н. э. Acc. Duplex при этом глаголе не используется – вместо него всегда стоит Acc.c.Inf. Однако дуплексные конструкции фиксируются начиная со второй «Филиппики» Цицерона (2.80): quem negant regem – «и еще отрицают, что он был царем» (пер. В. О. Горенштейна). Ср. также Prop. 1. 8b. 31sq.; 2. 26c. 51; 2. 28. 12 (все три случая – существительное + прилагательное); Ov. a.a. 2.631 quae uera negauit; Plin. n.h. 8.206.

Сам Квинтилиан использует такую конструкцию при negare еще как минимум в двух случаях: inst.or.12.1.23 concedamus sane, quod minime natura patitur, repertum esse aliquem malum uirum summe disertum, nihilo tamen minus oratorem eum negabo – «Допустим – хотя природа такого почти не терпит – что найдется некий красноречивый злодей, все равно я буду отрицать, что он – оратор»; decl.min.247.4 possumus enim dicere: 'ea quae viro per nuptias tradita in societatem vitae venit', sed non tantum haec uxor (sicut non negaremus uxorem si ita finiretur: 'uxor est quae per nuptias a parentibus in matrimonium tradita in societate

multis annis fuit'… ‘Можем сказать так: «Та, что, будучи отданной посредством свадьбы мужу, заключила пожизненный союз». Но ведь жена – не только это (как мы не станем отрицать такое определение жены: «Жена – та, что будучи отданной посредством свадьбы родителями замуж, много лет провела в союзе»…’. Последний пример – negaremus uxorem – показывает, насколько эллиптичной может быть конструкция при этом глаголе.

Как мне представляется, именно беглость и эллиптичность речи привела к неясности в рассматриваемом месте. К этому моменту уже подробно изложена и несколько раз повторена теория статусов, и приводимый Квинтилианом пример должен был просто проиллюстрировать возможность применения двух пар одинаковых статусов в зависимости от стратегии защиты (в ответ на обвинение по двум пунктам отрицать все или отрицать квалификацию обоих деяний), а вовсе не вводить походя сложную логическую проблематику «два из всех VS все».

Литература

Adamietz, M. F. 1966: *Quintiliani Institutionis Oratoriae Liber III*. Mit einem Kommentar herausgegeben von Joachim Adamietz. München.

Beta, S., Amadio, E. 2007: *Quintiliano Istituzione Oratoria.* Volume primo. A cura di Simone Beta ed Elena D’Incerti Amadio. Milano.

Butler, H. E. 1921: *The Institutio Oratoria of Quintilian* with an English translation by H. E. Butler. Vol. I. Cambridge (Mass.); London.

Cicero 1972: *Tri traktata ob oratorskom iskusstve* [*Three treatises about oratory*]. Moscow.

Цицерон, Марк Туллий. *Три трактата об ораторском искусстве.* Пер. с латин. Ф.А. Петровского; под ред. М. Л. Гаспарова. Москва: Наука.

Cicero 1962: *Rechi v dvuh tomah* [*Speeches in two volumes*]. T. II. Moscow.

Цицерон, Марк Туллий. *Речи в двух томах.* Т. II. годы 62–43 до н. э. Изд. подг. В.О. Горенштейн и М. Е. Грабарь-Пассек. Москва.

Cousin, J. 2003: Quintilien. Institution Oratoire. Tome II. Livres II et III. Texte établi et traduit par Jean Cousin. Paris.

Gasparov, M. L. 1972: [Cicero and rhetoric of antiquity]. In: Cicero 1972, 7–71.

Гаспаров М.Л. Цицерон и античная риторика. В кн.: Цицерон 1972, 7–71.

Kuznetsov, A. E. 1994: [Cicero. Topics]. In: Cicero. *Estetika: traktaty, rechi, pisma* [*Aesthetics: treatises, speeches, letters*]. Moscow.

Кузнецов, А. Е. (пер.). 1994: Топика [перевод]. В кн.: Цицерон. *Эстетика: трактаты, речи, письма*. Сост. Г. С. Кнабе. Москва.

Matthes, Dieter 1959: Hermagoras von Temnos 1904–1955. *Lustrum. Jahrgang 1958*. Bd. 3, 58–214.

RLM – *Rhetores Latini Minores*. Emendabat Carolus Halm. Lipsiae, 1863.

Winterbottom, M. 1970: *M. Fabi Quintiliani Institutionis Oratoriae Libri Duodecim*. Recognovit brevique adnotatione critica instruxit M. Winterbottom. Tomus I Libri I–VI. Oxonii.

A. E. Belikov. Quintilian's doctrine of stasis (ad inst. or. 3. 6. 88, 94).

In this paper, I analyze how Quintilian modifies the hermagorean *stasis* theory. He rearranges all subtypes of *stasis* and *tralatio* and subordinates them to three general *stasis* types: *conjectura, finitio, qualitas*. The same operation is done for *legales quaestiones*. Quintilian clarifies the classification and stresses the strategical importance of stasis. I suggest that in 3. 6. 88, *simulacra simplicia* denotes the case when one type of *legales quaestiones* correlates to one general *stasis* type, while *simulacra mixta* refers to the case when one type of *legales quaestione*s correlates to more than one general *stasis* type. In 3. 6. 94, Quintilian gives an example of two (or more) similar *stasis* used in *causa coniuncta*. I reject the traditional interpretation of *duo crimina uel omnia neget* as 'he will deny two or all crimes', and suggest a different translation: 'Considering two counts he will deny that they were crimes, or he will deny everything'. The opposition 'two VS all' in the former interpretation seems strange (and from the example given by Quintilian it is unclear how many counts are meant by 'all'). In my interpretation, there is a clear opposition of two instances of *finitio stasis* (*negare duo [esse] crimina*) vs. two instances of *conjectura stasis* (*negare omnia*). The double sense of *negare* is explained by Quintilian in 5. 13. 7; *negare omnia* as a complete denial is supported by Cic. Verr. 2.3.149, de or.2.105; Acc.Duplex instead of Acc.c.Inf. with *negare* is attested by Cic. Philipp. 2. 80; Prop. 1. 8b. 31sq., 2. 26c.51, 2. 28.12; Ov. a.a. 2.631; Plin. n.h. 8.206 and Quintilian himself inst. or. 12.1.23, decl. min. 247. 4.

Keywords: Quintilian, rhetoric, stasis, legales quaestiones, negare.

DOI:10.30842/ielcp230690152208

Ю. С. Белянкин

НОВОНАЙДЕННЫЕ РУКОПИСИ XVIII в. ПО ГРЕЧЕСКОЙ И ЛАТИНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

В работе рассматривается греческо-русский Лексикон (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки Ф. 209 № 519), составленный и переписанный известным книжником XVIII в. Мануилом Петровым. Обнаружение этой рукописи-автографа представляет существенный интерес и для истории выговской книжности, и для истории отечественной лексикографии. Кроме того, приведены сведения об археографических находках русско-латинских учебных материалах первой половины XVIII в.

Ключевые слова: греческо-русский лексикон, рукописи, Выг, лексикография, латинская филология.

В собрании рукописей П. А. Овчинникова (Ф. 209) Отдела рукописей Российской государственной библиотеки под № 519 хранится большой рукописный греческо-русский словарь второй четверти XVIII в. объемом 149 л., не привлекавший внимание исследователей (илл. 1). Словарь является автографом Мануила Петрова, одного из крупнейших книжников Выгореции, возглавлявшего Выго-Лексинское общежительство в 1740–1750-е гг. Мануил Петров провел на Выгу большую часть жизни, его наставником был сам Андрей Денисов.

Первый печатный словарь, в котором имелась и греческая составляющая (с русско-греческо-латинским словарем имен существительных), был опубликован в 1701 г. в Москве – известный «Букварь славенскими, греческими, римскими писмены» Федора Поликарпова. В 1704 г. вышел «Лексикон треязычный», первый словарь такого рода (Поликарпов 1704). Этим известные публикации русских словарей с греческим компонентом за первую половину XVIII в. исчерпываются. Словарь Мануила Петрова имеет заимствования из «Лексикона треязычного», но не является его копией. Среди других лексикографических трудов XVIII в. прототипы или источники для выговского словника не обнаруживаются.

На становление и развитие филологической культуры большое влияние оказали лексикографические труды выдающегося книжника, грекофила Епифания Славинецкого (3 четв. XVII в.),

несмотря на то, что они не были опубликованы в печатном виде. Речь идет, прежде всего, о его рукописном словаре «Лексикон еллино-славено-латинский», включавшая несколько тысяч лексических единиц. Однако первым по-настоящему общедоступным словником стал «Лексикон» Федора Поликарпова 1704 г.

Обнаруженный выговский словарь представляет определенную ценность для исторической лексикографии, для истории нормы русского языка. В изучаемом словнике сильна составляющая русского, а не только церковнославянского языка, в то время ставшего уже полноценным объектом кодификации в лексикографических трудах эпохи.

Мануил Петров неоднократно приезжал в Москву и Петербург по делам Выговского общежительства, а также совершал поездки в поисках необходимых книг и церковной утвари. Мануил Петров принимал участие в составлении известной выговской «Риторики-свода», для чего, среди прочего, мог понадобиться греческо-русский словарь. Мануил Петров известен благодаря своим гомилетическим и полемическим тестам. Однако обнаруженный словарь существенно дополняет информацию о его книжных интересах и кругозоре. На л. 144 об. писец настоящей рукописи, по-видимому сам Мануил Петров, оставил смешанную греческо-русскую запись с благодарственным поминанием своего современника, выговского киновиарха Никифора Семенова: «Благοδετел μοη Νικιφορ σημιωνοβηζ μνογολετνω χαιρε прошю твоего».

В рассматриваемом словаре отражена не только церковная лексика и специальная терминология, но и общеупотребительные, разговорные слова. В словаре прослеживается алфавитно-гнездовой принцип расположения лексических единиц. Слова расположены, как правило, в четыре столбца слева направо. Каждое слово или словосочетание записано последовательно одно под другим с соответствующим русским значением (как правило, единичным), а в случае групп близкородственных слов они отделяются писцом от окружающего текста киноварными линиями и скобками в самостоятельные столбцы, при этом каждая часть речи в таких словообразовательных гнездах дается отдельно, в греческом и соответствующем ему русском переводе одна под другой, по принципу алфавитной последовательности.

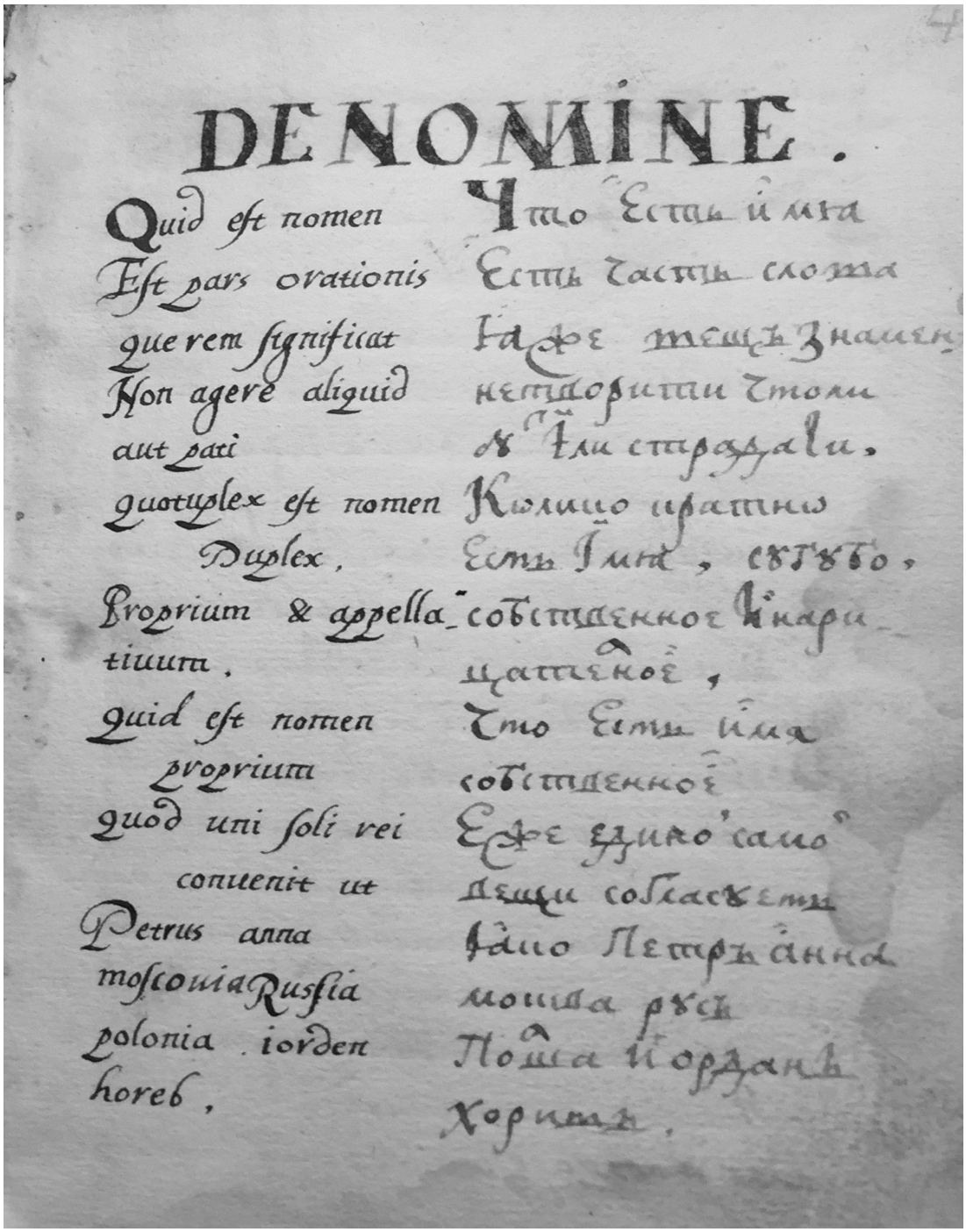
В словаре встречаются некоторые общие для лексики той эпохи неологизмы, как, например, составные прилагательные с начальным аэро- (аеровидный, аерошествую, аероходник, аерошарный и т. п. (см. Бабаева 1996: 136–153)), «звездозаконие», заимствования из «Лексикона» 1704 г. (в т. ч. грамматические толкования), присущи словарю и характерные для того времени композиты, калькирующие греческие лексемы, как в церковных, так и в обыденных новообразованиях. Толкований словарь практически не содержит, в словаре последовательно проведена корреляция лексема/лексема. Выговский словник стал, по-видимому, творческой переработкой преимущественно «Лексикона» 1704 г., потребовавшей от составителя много времени и достаточно уверенного владения материалом для получения необходимого ему справочника. Объектом описания в первую очередь является греческий языковой материал.

Кроме того, в процессе археографической работы нами был выявлен список книги Ильи Копиевича «Grammatica latina» (так в рукописи), вышедшей в Амстердаме в 1700 г., относящийся к началу XVIII в.[1] (илл. 2), объемом 236 л. Содержание грамматики, хотя и не дословно и с некоторыми сокращениями, повторяет издание знаменитой «Грамматики» Копиевича и является списком, весьма близким времени издания. Судя по следам бытования, рукопись активно использовалась и содержит владельческую запись того же времени: «Сентября в 21 день стал учить латинский с русским» (л. 33 об.). В том же собрании обнаружена рукописная латинская риторика (с небольшими русскими вставками) середины XVIII в[2]. (илл. 3). Рукопись (к сожалению, с утраченным началом и самоназванием) состоит из шести книг, первая из которых практически полностью утрачена, и содержит следующие главы: «Liber secundus. De periodis» в семи разделах, «Liber tertius. De inventione propositionum argumentorum et locis eorum» в четырех разделах, славянский именослов с толкованиями-переводами (этимологией) тех или иных славяно-русских имен личных (заимствованных) с датами памяти соименных святых, а также латинский именослов; «Liber quartus. De argumentationibus et modis uniusa cuique» в семи разделах, «Liber quintus. De offitiosis orationibus» в восьми

[1] Национальный музей республики Коми (НМРК). Р–14. КП–4125.
[2] НМРК. Р–16. КП–4127. 116 л.

разделах, и, наконец, «Liber 6-tus. De sacra bone in qua etiam de memoria et pronunciaone» в четырех разделах.

Илл. 1. Лексикон, ОР РГБ, Ф. 209, № 519. Л. 1.

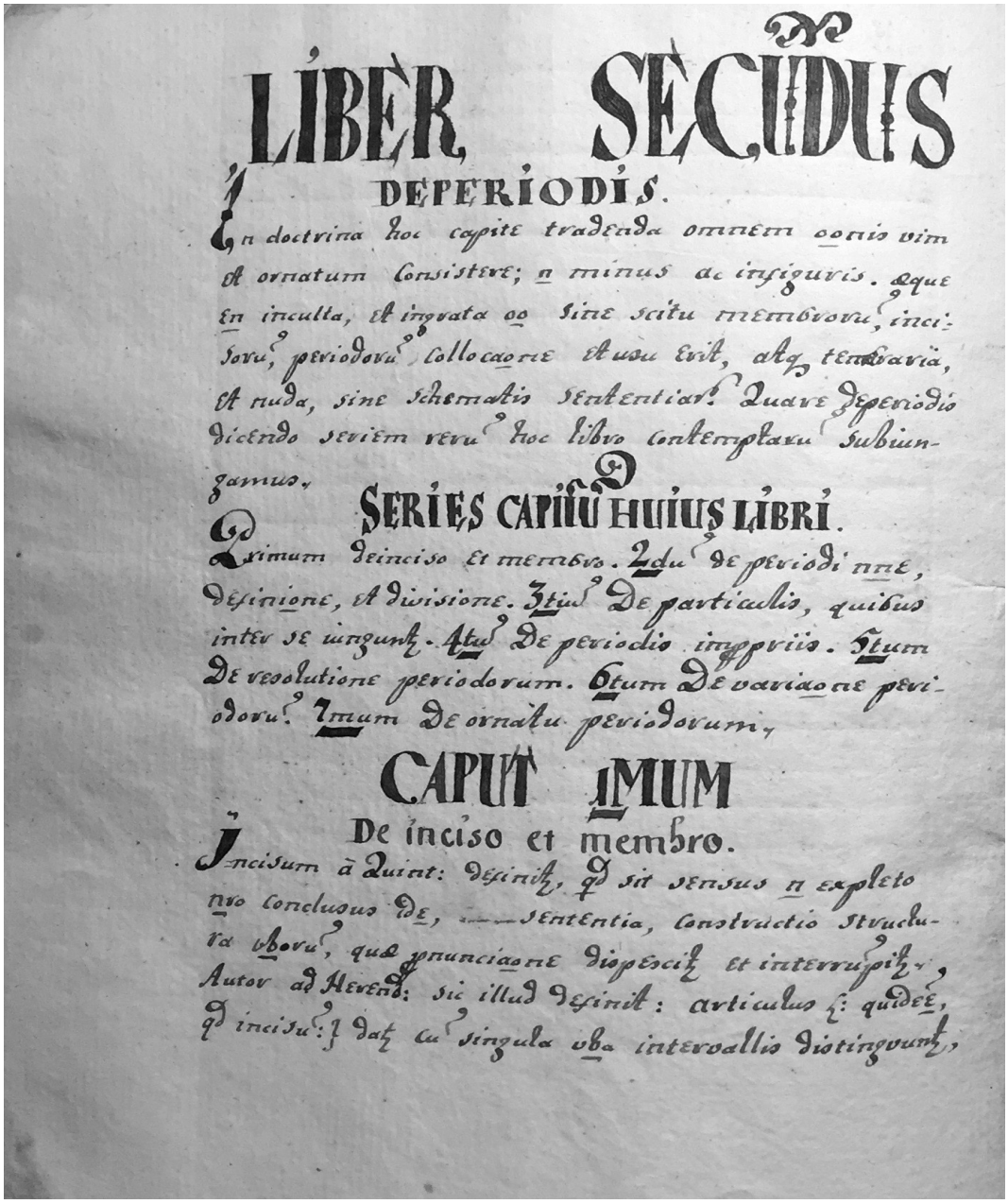


DE NOMINE.

Quid est nomen
Est pars orationis
quae rem significat
Non agere aliquid
aut pati
quotuplex est nomen
Duplex,
Proprium & appella-
tiuum,
Quid est nomen
proprium
quod uni soli rei
conuenit ut
Petrus anna
moscouia Russia
polonia iordan
horeb,

Что Есть имя
Есть часть слова
Яже вещь значит
не творити что ли
и ли страдати.
Колико пратно
Есть имя, сказано.
собственное нари-
цательное,
Что Есть имя
собственное
Еже едино само
вещи соответствует
яко Петръ анна
москва русь
Польша Иордань
Хорив.

Илл. 2. Грамматика, НМРК Р–14. КП–4125. Л. 4.



LIBER SECUNDUS

DE PERIODIS.

In doctrina hoc capite tradenda omnem eorum vim et ornatum consistere; ne minus ac insiguris. Aque en inculta, et ingrata eo sine scitu membrorum, incisorum, periodorum collocatione et usu evit, atq; tenebraria, et nuda, sine schematis sententiar. Quare de periodis dicendo seriem rerum hoc libro contemplatu subiungamus.

SERIES CAPITUM HUIUS LIBRI.

Primum de inciso et membro. 2du de periodi nne, definitione, et divisione. 3tium de particulis, quibus inter se iunguntur. 4tum de periodis imperfectis. 5tum de resolutione periodorum. 6tum de variatione periodorum. 7mum de ornatu periodorum.

CAPUT PRIMUM

De inciso et membro.

Incisum a Quint: definit, q sit sensus ne expleto nro concluso de, — sententia, constructio structura vborum, qua pronunciatione diopescit et interrupit, Autor ad Herenn: sic illud definit: articulus est: quidem, q incisum: Dat cu singula vba intervallis distinguunt,

Илл. 3. Риторика, НМРК Р–16. КП–4127. Л. 4 об.

Литература

Babaeva, E. E. 1996: [Slavonic-French Lexicon of Antioch Kantemir (Linguistic characteristics: conception, structure)]. *Voprosy yazykoznania* [*Question of Linguistics*] 1, 136–153. Бабаева Е. Э. 1996: Славяно-французский лексикон А. Кантемира (Филологическая характеристика: концепция, структура). *Вопросы языкознания* 1, 136–153.

Polikarpov, F. 1704: *Lexicon treyazychny, sirech rechenij slavenskih, ellino-grecheskih i latinskih sokrovishe* [*Trilingual Lexicon, or a Thesaurus of Slavic, Ancient Greek and Latin*]. Moscow.

Поликарпов, Ф. 1704: *Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллино-греческих и латинских сокровище*. М.

Y. S. Beliankin. Newly discovered XVIII century manuscripts on Greek and Latin philology

The paper discusses the newly discovered Greek-Russian Lexicon compiled and copied by the famous scribe of the eighteenth century Manuel Petrov. The discovery of this autograph represents a major interest for the history of Vyg literature and the history of the early Russian lexicography. In addition, new information is provided about archeographical findings of the Russian-Latin educational materials of the first half of the XVIII century.

Keywords: Greek-Russian lexicon, manuscripts, Vyg, lexicography, Latin philology.

DOI:10.30842/ielcp230690152209

G. Blažienė

ZU DEN RUSSISCHEN PERSONENNAMEN IN DEN FOLIANTEN DES DEUTSCHEN ORDENS

Г. Блажене. О русских антропонимах в фолиантах Тевтонского ордена

На материале неопубликованных фолиантов Тевтонского ордена автор анализирует антропонимы и связанные с ними экстралингвистические факторы, учет которых разрушает устоявшиеся представления о жителях древней Пруссии. Исследование проведено на основе двух фолиантов Ордена № 107 и 105, учтены также данные рукописей № 109, 111 и представлена краткая история указанных источников. Более всего сведений сохранилось о рукописи № 107, один из писцов которой был монах Ордена Петер фон Вормдитт (Peter von Wormditt), позднее ставший посланником в Апостольской канцелярии. Все упоминаемые рукописи Ордена были обнаружены в конце XIV в. В фолиантах помещены тексты привилегий с указаниями, каким жителям Пруссии были предоставлены наследственные земли. В документах упоминаются многие важные для прусского языка и истории всего региона топонимы и антропонимы, показывающие, что этнический состав Пруссии может быть охарактеризован как многонациональный. На этой территории проживали пруссы, немцы. В документах упоминаются литовцы, которые поселились в Самбии и других прусских землях уже в XIV веке, поскольку были вынуждены покинуть Литву. В Пруссии обрели убежище и куршские рыбаки. В упомянутых документах встречаются также русские имена с указанием национальности. Таких имен немного, но, по крайней мере, 6 человек обозначены как русские, и у нас нет оснований сомневаться в педантичности писцов Ордена. Для подтверждения вышесказанного в статье представлены редко упоминаемые в орденских документах женские имена, а также антропонимы, называющие пруссов, немцев, литовцев, жемайтийцев, русских. В статье рассмотрены русские антропонимы *Iwan*, *Gedor*, *Michil*, *Demyan*, *Radewayn*, *Carpe*, предоставлен исторический контекст документов и иные фактические данные. Автор полемизирует с историком Ордена Гришей Феркамером (Grischa Vercamer), который, предоставив записи данных антропонимов и их этническую принадлежность, все равно утверждал, что речь идет о бывших литовцах. Рассмотренные материалы основательно углубляют наши знания об истории жителей, его полиэтническом составе, и особенностях антропословника данных территорий.

Ключевые слова: Документы Тевтонского ордена, антропонимы, этнический состав населения, история населения, многонациональность края.

Auf der Grundlage von Quellen, gemeint werden die unpublizierten Dokumente des Deutschen Ordens in Preußen, in erster Linie die Ordensfolianten, wurde Versuch unternommen, aus diesen historischen Quellen einige Personenamen und damit verbundene extralingvistische Tatsachen, die in das gesamte Schema der ehemaligen Bevölkerung nicht passen, zu eruieren. Von den Ordensfolianten wurden zwei in Betracht gezogen – der Ordensfoliant 107 (im Text OF 107) und der Ordensfoliant 105 (im Text – OF 105). In einigen Fällen wurde auf die OF 109 und OF 111 gestützt. OF 107, das Exemplar des Marschallamtes, das die samländischen Handfesten ohne das Hochstift Samland umfasst, wurde Ende des 14. Jhs. am ehesten im Jahre 1397, angelegt. Sogar ein Name des Schreibers ist bekannt und zwar der von Peter von Wormditt. Peter von Wormditt, geboren um 1360 – verstorben um 1419, war ein deutscher Ordensbruder, betätigte sich von 1396 bis 1399 als Schreiber des Marschalls, in diesem Fall Werner von Tettingen (1392–1404), zwischen 1403 und 1419 war Peter von Wormditt Generalprokurator des Deutschen Ordens an der Kurie in Rom und auf dem Konstanzer Konzil, d.h. Gesandter des Deutschen Ordens am päpstlichen Hof (s. Krollmann 1967: 496–497; Koeppen 2000: 17–36, vgl. Vercamer 2010: 12). Die Frage der Anleger des Ordensfolianten ist kompliziert, weil viele Namen unbekannt sind und in den Folianten viele Hände vorkommen. Noch eine Tatsache ist von Bedeutung, dass Peter von Wormditt in Prag studiert hat[1], wo auch viele Prußen ihr Wissen und Kenntnisse schöpften. Jedenfalls wurde der OF 107 (Bl. 1–23v) von Peter von Wormditt angelegt. Daneben gibt es eine Reihe jüngerer Hände, die es noch zu bestimmt gilt. Auch der kodikologische Zusammenhang muss genau untersucht werden[2].

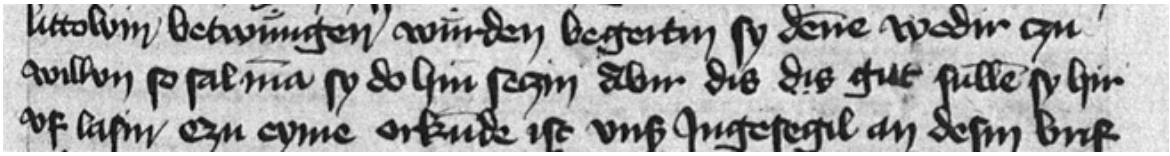
Das Exemplar des Marschallamtes des Ordensfolianten 105 ist verlorengegangen und der Forschung steht die Kopie aus dem Hochmeisterarchiv zur Verfügung. Die Datierung ist nicht möglich. Die beiden Folianten widerspiegeln die Agrar- und Vermessungsreform der Hochmeister Konrad von Wallenrode (1391–1393) und Konrad von Jungingen (1393–1407), unter denen die Handfestensammlungen entstanden sind, bevor die Beauftragten des Ordens die Dienst-

[1] Petrus de Wormditt, http://www.geschichtsquellen.de/repPers–102515115. html. Zutritt: 18.05.2018.

[2] Für diese Information danke ich dem Mitarbeiter des Geheimen Staatsarchivs „Preußischer Kulturbesitz“ Herrn Dr. Dieter Heckmann.

gutinhaber um Nachweis ihrer Originalhandfeste gebeten haben, um diese in die Register einzutragen (s. Vercamer 2010: 10ff., 185ff.). Die trefflichste Beschreibung der Handfeste hat Martin Armgart (1995: 16–17) vorgeschlagen: „Die Handfeste in ihrer preußischen Form lässt sich demnach beschreiben als eine in urkundlicher Form erfolgte Feststellung der mit einem Grundbesitz verbundenen Rechte und Pflichten“. In beiden Folianten wurden die zu dieser Zeit vorhandenen Eigennamen im Samland und in den Ämtern und Pflegen Tapiau, Gerdauen, Wohnsdorf, Nadrauen und Wehlau belegt. Das waren prußische, deutsche und litauische Personennamen und Ortsnamen. Der Deutsche Orden hat die prußischen Eigennamen gefunden und fing an sie, m.E. zuerst von den Sprechern, später auch von den Schreibern der eigenen Kanzlei aktiv und passiv zu beherrschen und zu verfassen. Selbstverständlich begleiteten auch die deutschen Eigennamen den Weg und die Geschichte des Deutschen Ordens im Preußenland. Im 14. Jahrhundert sind die ersten Litauer in Preußen erschienen (s. Jähnig 1999: 81–82, vgl. Wenskus 1975: 437, wo der Autor unterstreicht „Eine aus politischen Kontroversen gespeiste, jedoch zahlenmäßig begrenzte Wanderungsbewegung aus Litauen hat es auch im 14. Jahrhundert in das Ordensland gegeben“. Reinhard Wenskus (1975: 432) erwähnt polnische Fischer an der Südküste des Samlandes im Dorf *Peusort* (*Peyse*) (s. Urkunde Nr. 484 im SUB 330). Der Bischof von Samland Bartholomeus verleiht *Woyko* und seinen Nachkommen beiderlei Geschlechts Land in *acie silve Poys*, vgl. poln PN *Wojk* 1668, *Wojka* 1789 (AP VI: 186). Zu der multiethnischen Zusammensetzung unter den Freien der Komturei Königsberg hat sich auch Grischa Vercamer (2010: 281–287, 343–370) geäußert. Er unterstreicht, dass die in den OF als Litauer bezeichneten Personen Glaubensflüchtlinge aus dem litauischen Großfürstentum waren und kamen wahrscheinlich aus der Gegend von Vilnius, vgl. 1353 ... *und gegeben kirkle und wydemyns brudirn und iren beyden rechte erben ii koken uf deme velde gauladin an akir wesen und weyden*...;

<...> Ouch gebe got eyns tages das dy
lıttowin betwůngen wůrden begertın ſy de͡ne wedır cȝu
willvn ſo ſal m̄a ſy do hin ſecȝin abır dıs dıs gut ſū̄lle ſy hir
vf laſin cȝu eyme orku̇̄de ıſt vnſ[er] Ingeſegıl an deſın brıf
gehangin der g͡g ıſt cȝu Ma[r]ıenburg In vnſ[er]s h[er]ren Iaren
M^{O}CCC^{O}liii^{o}. <...>.



(GStA PK, XX. HA, OF, Nr. 105, Bl. 72r)

Aus dem angeführten Auszug wird ersichtlich, dass man die ethnische Zusammensetzung der Bevölkerung im 14. Jahrhundert, gestützt auf handschriftliches Material, näher ergründen kann (vgl. Vercamer 2010: 286).

Die litauischen Personennamen im OF 105 hat ausführlich Darius Ivoška (2015: 38–54) besprochen und festgestellt, dass 27 Flüchtlinge aus Litauen in den Urkunden der Jahre 1311, 1340, 1350, 1353, 1355, 1361 namentlich erwähnt wurden. Den Litauern wurden von dem Deutschen Orden zu preußischem Recht Grundstücke erbrechtlich verliehen (Ivoška 2015: 52). Im Grunde genommen hat man in den erwähnten Ordensfolianten in Betreff der Anthroponyme mit der Sphäre der deutschen Verwaltungsbehörden zu tun, auf die man sich verlassen muss, weil keine anderen historischen Quellen zu der Anthroponymie der Beliehenen vom deutschen Orden uns zugänglich sind. Der berühmte Forscher der sorbischen Anthroponymie Walter Wenzel (2009: 63) nennt diese Sphäre offizielle Kommunikationssphäre, obwohl bei den sorbischen Anthroponymen die Möglichkeit besteht, sie mit Hilfe der Kirchenbücher gründlicher zu erforschen. Diese Möglichkeit haben die Forscher der Anthroponymie, verzeichnet in den historischen Quellen des Preußenlandes, nicht. Ob der Name die nationale Zugehörigkeit widerspiegelt, ist auch eine sehr komplizierte Frage, obwohl in den Folianten des deutschen Ordens Verwandschaftsverhältnis sowie die Stellung in der Familie angegeben werden. Ohne jeglichen Zweifel kann man aufgrund des empirischen Materials behaupten, dass den Prußen deutsche Namen gegeben wurden. Hier entsteht auch die Frage der ethnischen Zusammensetzung der Beliehenen, unter denen auch russische Namen auftauchen. G. Vercamer gelangt zum Ergebnis „Der Orden unterschied zwischen Litauern und Russen, wobei die letzgenannten aus einem anderen Teil Litauens stammten“. Dabei führt er 1400 *Gedor ein Russe* aus dem OF 107 an (Vercamer 2010: 286) und verneint seine Behauptung, indem er im Registereintrag 309 (S. 488) angibt „Gedor ein Russe (Litauer)“. Der Forscher verzichtet auf seine eigene wichtige historische Erkenntnis, indem er das Vorhandensein der

Russen in den von ihm untersuchten Gebieten ausschließt. Ungeachtet dieser widersprüchlichen Ansicht des bekannten und im allgemeinen zuverlässigen Historikers ist die Autorin des vorliegenden Beitrags sicher, dass die Kanzlei des DO und ihre Schreiber ziemlich genau die anthroponymischen bzw. toponymischen und ethnischen Zustände und außersprachlichen Faktoren wiedergegeben haben. Mit Sicherheit läßt es sich sagen, dass man sich auf das Faktenmaterial der OF verlassen kann, ungeachtet der in vielen Fällen entstellten Wiedergabe der prußischen, litauischen und überhaupt dem deutschen Ohr fremden Eigennamen, weil sie im deutschprußischen oder deutschbaltischen, in einigen Fällen auch im deutschpolnischen Sprachkontaktraum lebendig waren und zwischen genannten Umgangssprachen und der deutschen Amtssprache existierten. Auf Namenforscher kommt zu, onymische Tatsachen für Siedlungs- und sogar Sozialgeschichte des Untersuchungsgebietes auszuwerten.

Im OF 107 sind die faktologischen Informationen überzeugend und man kann viele Erkenntnisse abgewinnen, die für uns interessierende Fragen von Belang sind. In diesem Foliant werden die Personen möglichst genau definiert, z.B. von großem Interesse sind sehr selten in Ordensdokumenten vorkommende Frauennamen: 1400 *kyne wytwe mit irem sone*... (OF 107 3v) im KA Kaymen; 1400 *Belawken villa* (Überschrift) *Tolnen wip von Wargen* (OF 107 36v) KA Kremitten, bekommt *funf hoken und eyne hube in Belawken und eyne hoken cзu Popelken*, mhd. *wip* ‘wib; gegensatz zu vrouwe’ (Lexers 1980: 324). M.E. ist *Tolnen* auch ein prußischer Frauenname, der bei Reinhold Trautmann in der berühmtesten Sammlung der altpreußischen Personennamen (1925) nicht fixiert ist. G. Vercamer (2010: 530) gibt keine nähere Erklärung der Person. 1386 *Mertyn eine frouwe cзu Slakalaux mit II hoken acker do selbest gelegen* (OF 107 183v). In diesem Fall trägt die begünstigste Frau einen deutschen Namen und bekommt Besitz im Dorf *Schlakalken* im KA Pobethen. Zu dem Ortsnamen s. Grasilda Blažienė (2000: 144), bei G. Vercamer (2010: 505) ist der ON *Slakalaux* nicht festgelegt. 1400 trifft man noch einen Namen der Frau im Registereintrag mit dem Hinweis, dass eine gewisse *Magdalene* den Sohn *Nicclos* hatte: *Nicclos Magdalenen* son (OF 107 208r) im Dorf Wittehnen, KA Rudau. Noch eine Frau ist im Registereintrag erwähnt 1400 *Elsebeth* (OF 107 234r), die Besitz im Dorf *Trömpau*, KA Schaaken hatte (s. Vercamer 2015: 515). Um

1400 wird der Name von Anna Jekels eingetragen: *Item Anna Jekels und ire Kinder* (OF 109 111), 1400 *Anna Jekels und ire Kynder* (OF 107 196v) im Dorf *Radnicken*, KA Pobethen. *Anna Jekels* war Witwe des prußischen Freien *Jocob Roteniten*: 1379 *Jocob Roteniten synen rechten Erben und nachkomelingen zwelf huben und VIII hoken czu Reteniten gelegen...*; 1381 *Jocob XII huben gelegen in dem velde czu Roteniken* (OF 107 196r–196v, 196v) (s. Vercammer (2010: 205), der *Roteniten* als Gründer des Dorfes späteres *Radnicken* betrachtet. M.E. stammt der Beiname *Roteniken* von dem Namen des Dorfes (Blažienė 2000 127–128; Blažienė 2011 105–129, wo bewiesen wird, dass viele Beinamen, später zu Familiennamen geworden, aus den prußischen Ortsnamen stammen. Im wichtigen Werk für deutsche Familiennamenkunde bezeichneten seine Bearbeiter Rosa und Volker Kohlheim diese Familiennamen als Herkunfstnamen zu dem gleichlautenden Ortsnamen in Ostpreußen, wie z.B. *Bludau* (FN 2005: 140).

Die Erwartungen der Forscher erfüllen die ethnische Aussagefähigkeit der Ordensschreiber, die genau die von ihnen beschriebenen Personen definiert haben mit Hinweis auf die Nationalität:

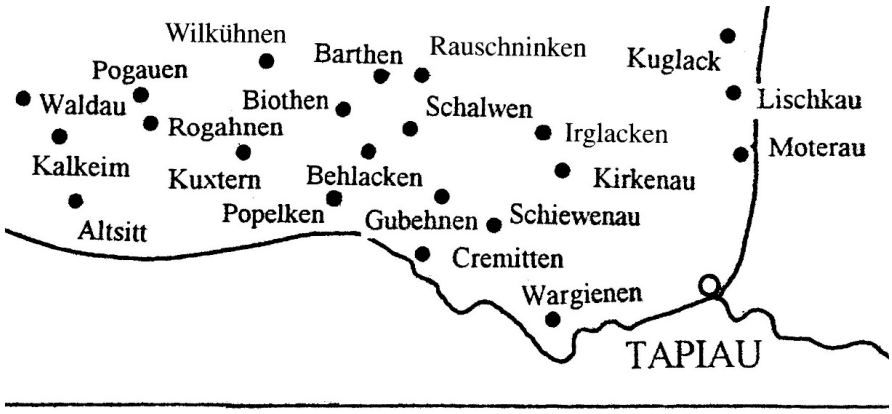
1372 *unsirn getruwen Sterken den littowen und synen rechten erben und nachkomelingen III hoken gelegen im velde czu Lankayme* (OF 107 120r) KA Wargen im späteren *Landkeim*; 1372 *Meisen den Littowen von Posseln... IIII hoken gelegen uff dem velde czu Sursen* (OF 107 125v–126r), KA Wargen, der verliehene Acker lag im späteren *Schorschehnen*; 1397 *Hannus Littow* (Überschrift) *unsirn getruwen Hannus Litowwen synen rechten erben und nachkommelingen III hoken gelegen im velde zu Godawkeym vor III hoken die hat zu Molseyn (Littauschdorf) gehat* (OF 107 77r), KA Waldau. Noch [1540] gab es im KA Waldau *Lyttausdorff* (Ostpr. Fol. 911 a XXX 24 2v, 10r) und 1540 *Lyttawßdorff*, *Littawsdorf* mit 4 Mann (Ostpr. Fol. 911 a XXX 1 41v, 43r), 1564/1565 *Littauschdorff* (Ostpr. Fol. 911 a XXX 22,2 1r, 2v), dessen Name von den ansässigen Litauern stammen könnte; 1400 *Hanke Littow* (Registereintrag) (OF 107 156r) im Dorfe *Strittkeim*, KA Wargen. Ohne auf alle Details einzugehen, kann man feststellen, dass in diesen Beispielen fast alle beliehenen Litauer im KA Wargen angesiedelt haben oder wurden, tief im Samland, im westlichen Teil des Gebietes. Nur einer wurde mit 3 Haken Acker im KA Waldau begünstigt, näher der Deime, der östlichen Grenze des Samlandes. Die Frage bleibt offen, ob die Deime wirklich die natürliche Grenze

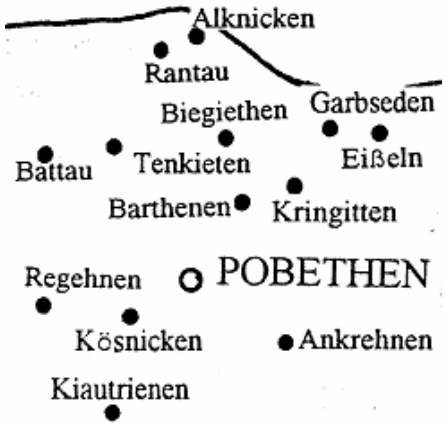
war (s. Blažienė 2000: 7; vgl. Vercamer 2010: 25), und bedarf noch weiterer Foschungen.

Der Orden unterschied auch zwischen Litauer und Samaiten (Žemaiten) 1400 wurden zwei Samaiten begünstigt: *Randyten villa* (Überschrift) ...*Kyntenne und Yone den Samayten im velde Randyten gelegen* (OF 107 149v–150r) KA Wargen; 1400 *Sageden villa* (Überschrift) ...*unsirn getruwen Niclaws Samayte von Saggeyden* (OF 107 151v–152r), späteres Dorf *Saggehnen* im KA Wargen. G. Vercamer (2010: 500) hat den PN als „Nicclaws Samanthen von saggeyden" gelesen. Die angeführten Beispiele zeigen zum einen die Genauigkeit der in den Handfesten dargelegten Tatsachen, zum anderen lassen sie neue Einsichten in die Bevölkerungsverhältnisse erhoffen.

Im OF 107 sind m.E. drei russische Begünstigste angeführt. Davon zeugen der Kontext der Handfesten und die Personennamen selbst. 1396 *Wylkene villa Iwan* (Überschrift) ...*unsirm getruwen ywan seynen rechten erben und nachkommelingen IIII hoken gelegen im velde czu Wilkene*...(OF 107 30r) KA Kremitten, Dorf *Willkühnen*. Diese Handfeste wurde von dem Ordensmarschall Werner von Tettingen ausgestellt. Die Nationalität des Empfängers ist nicht angegeben. Der Personenname könnte von russischen Ansiedlung zeugen, um so mehr, dass in einer anderen Handfeste die nationale Zugehörigkeit angegeben wird. Der treue *Iwan* wird erblich mit 4 Haken im Dorf *Wilkene*, späteres *Willkühnen* im KA Kremitten, begünstigt. Die historischen Belege des Ortsnamens, seine Bildung, besonders das Suffix, lassen den Einfluss des Litauischen vermuten (Blažienė 2000: 176). Das Dorf lag im östlichen Teil des Gebietes Samland, nicht weit von der östlichen Grenze. In demselben Jahr 1396 wurde dem treuen *Ywan* auch erblich 1 Haken im Dorf *Motren*, späteres *Moterau* KA Kremitten, direkt an der Ostgrenze des Gebietes zugeteilt: *unseren getruwen Ywan synen rechten Erben und nachkomelingen einen hoken gelegen im velde czu Motren* (OF 107 58v–59r). Am ehesten wird in beiden Privilegientexten dieselbe Person, eben *Iwan*, gemeint, obwohl die Dörfer weit auseinander lagen. Um das Jahr 1400 taucht im Ordensfoliant 109 „Hoken- und Hubenbuch uff Samland. Exemplar für Ordensleitung, entstanden 1396/97" und OF 111 „Hubenzal, zins, dinst und Handvesten auff Samlandt Komturei Königsberg, Bl- 1–118 1404 entstandenes Arbeitsexemplar des Obersten Marschalls" auf : *Roteniken hatte vor IX hoken Do selbist*

Ywon siß IIII huben und hat prusch recht (OF 109 111; OF 111 64). G. Vercamer (2010: 205) ist der Meinung, dass *Iwan* ein litauischer Freier war, der im Dorf angesiedelt wurde und vier Hufen bekam. Im Registereintrag des Dorfes 1400 *Rotenike villa* (Überschrift) wird *Ywan der Russe* (OF 107 195v) im Dorf späteres *Radnicken*, KA Pobethen erwähnt (vgl. Vercamer (2010: 508), wo die Angaben angeführt werden mit dem Hinweis, dass *Iwan* Litauer war). Im KA Laukischken im Dorf Kelladen hat es auch 1540 einen *Iwann* gegeben (Ostpr. Fol. 911 a XIV 5 42v). Zu der Herkunft von russ. *Iwan* (*Ива́н*) s. Aleksandra Superanskaja (2005: 115). Der Name ist hebräischen Ursprungs von *yōḥānān* „Jahwe hat Gnade erwiesen" (s. GVL 2014: 231–232).





Auszüge aus der Karte von Grasilda Blažienė

Die baltischen Orstnamen im Samland (2000), aus welchen ersichtlich wird, wo die Namenträger *Iwan* und *Gedor* gewohnt haben. Es werden Kirspiele angegeben.

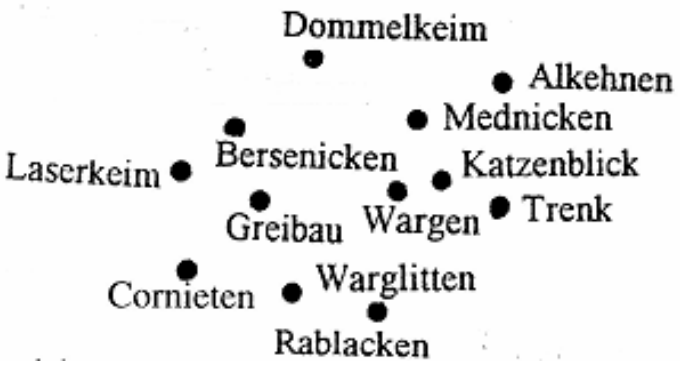
Der zweite Name mit der Bemerkung, dass der Namenträger Russe ist, wird auch im Registereintrag angeführt im Jahr 1400

Rogayn villa Gedor ein Russe (RE) (OF 107 75v) späteres *Rogahnen* im KA Waldau. Der Name des Dorfes wurde um 1400 erwähnt *Rogayn dy zwe dorffer sint zu samene geleget und haben gehat XIX hokin...* (OF 109 46). G.Vercamer (2010: 286) führt als Beispiel, gestützt auf seine eigene Behauptung, dass der Orden zwischen Litauer und Russen unterschieden hat, *Gedor ein Russe* an. Auf der Seite 488 seines Werkes erscheint schon „Gedor ein Russe (Litauer)". Mit dieser Ergänzung, verneint der Autor seine eigene Meinung.

Gedor ist ein biblischer Name, er kommt vor im Alten Testament, „Erstes Buch der Chronik" 8, 31 und 9, 37. Es wird nichts über ihn gesagt, der Name steht in einer langen Aufzählung der Nachkommen Benjamins. Der Name ist hebräisch und soll bedeuten: „Der Pockennarbige".

1364 *Michil Russen sinen rechten erben unde nachk-[omelingen] uf dem felde zu Eytwinne gelegen* (OF 107 155r). Laut G. Vercamer (2010: 501) „Michil Russen (Litauer)" hatte der Begünstigte den Besitz im späteren Dorf *Strittkeim*, KA Wargen. Die erwähnten Orte lagen dicht bei einander (Blažienė 2000: 34–35, 125–126, 155). Der Aussteller des Privilegs der Hochmeister des Deutschen Ordens Winrich von Knyprode verleiht *Michil Russen* erblich 10 1/2 Haken auf dem Felde zu *Eytwinne*, eingegangene prußische Ortschaft im KA Wargen. Die Verleihung erfolgt mit allen Pertinenzen von Zehnten und bäuerlicher Arbeit frei. Dazu bekommt er ein Wergeld vom 60 Mark und soll davon mit Pferden und Waffen wie landesüblich in Heeresfolge und Burgenbau dienen (PUB VI 1 188).

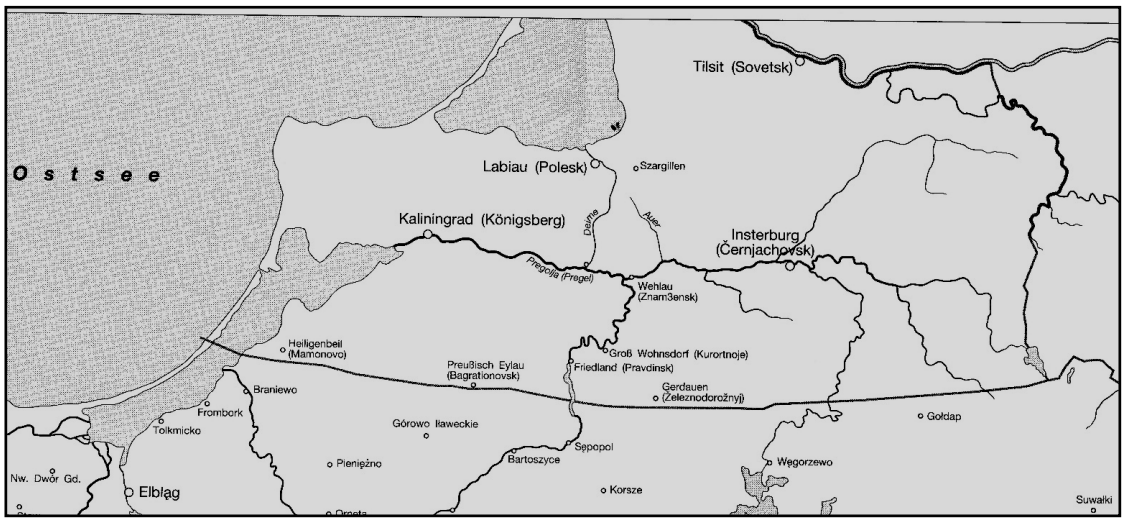
Der Name *Michil* (*Михаúл*) ist hebräischen Ursprungs zu *mīkāēl* „wer ist wie Gott?" (Superanskaja 2005: 160; GVL 2014: 295–296.



Schematisch wird das Kirschspiel Wargen gezeigt.

Besondere Beachtung verdienen drei russische Personennamen im OF 105. Die mit diesen Namen benannten Personen sind bei

Angerburg, 30 km von Gerdauen entfernt, zu finden. Das Haus *Angerburg* wurde 1335 erbaut, im Jahre 1365 zerstört und 1398 vom Obersten Marschall des DO Werner von Tettingen wiederaufgebaut (Toeppen 1870: 217; Kasiske 1934: 103). *Angerburg* (poln. *Węgorzewo*) liegt im Nordosten Polens, im Ermland-Masuren nahe der Grenze zum Kaliningrader Gebiet. Der deutsche Ortsname wird von dem prußischen Flussnamen *Angrapia*, dt. *Angerapp* abgeleitet, der seinerseits mit dem prußischen *angurgis* 'Aal' verbunden wird (s. DOB 2012: 33).



Auszug aus der Karte mit dem Ortsnamen *Angerburg* (poln. *Węgorzewo*). Blažienė 2005.

Des Weiteren werden die Abschriften der Handfesten des OF 105 vorgelegt, die für das Thema des Beitrages wohl am besten geeignet sind. M.E. stellen sie sich für die Zugehörigkeit der Personennamen zu einer oder anderen Schicht der Bevölkerung als aussagefähig heraus.

1402 [Überschrift der Urkunde] ***Demyan*** *Rewſʒe*[3].
1402 Wir brud[er] Wernher von Tettıngen / obırſt[er] Marſchalk des ordens der brud[er]
des Spıttalſʒ ſendte Marıen des dutſchen huſes von J[e]r[usa]l[e]m von vorhengniſſe des
Erwırdig͡e geıſtlıchin Mannes / Brud[er] Conrads von Jung̅ing̅e des ordens ho –
meıster vòd ouch mit Rate vnſ[er] Eldesùe Brud[er] / G̅e̅b̅n̅ vnd vorliy̆e unſ[er]m

[3] *Demyan dem Reuszen* (Litauer) (Vercamer 2010: 561).

getruwẽ / **Demyan** dem Reuſʒen ſyòe rechùe Erb̄n̄ vnd nochkomlingẽ
vıer hubẽ / an ackern / weıden /weſe / puſſchen vnd bruch[er]n / Im velde
bey Angerburg gelegẽ / bynnẽ den grenıſʒẽ / als In dıe von vnſ[er]n brud[er]n
beweıſt ſeyn / frey von ſʒenden vnd gebuwerlıchir arbeit mit xvı mr[a]ken[4]
wergeldes / erplıchin / vnd ewiclıch tʒu beſitſʒẽ, Dem ſelbẽ demyan vnd
ſynen erbẽ / vnd nochk[omlingen] / vorlyen wir vō ſunderlıchir gunſt / von der
gebunge deſes brifes / xıı ı vor freıheit des dınſtes / Abir noch der vorſchei
dungẽ der xıı ı yor / ſullẽ ſıe vns mıt pferdẽ vnd wopẽ /noch des landes
gewonheıt getrulıch tʒu dynẽ ſeyn vorbundẽ / tʒuallen herfertẽ vnd lant
w[er]n nuwe huβ tʒubuwẽ / alde tʒu beſſ[er]n adir tʒu brechẽ wenne wie dicke,
vnd wo hin / ſıe es von uns adir von unſ[er]n brud[er]n geheıſen werdẽ / Tʒu
groſſer ſicherheıt vnd merer beſtetıgunge / deſ[er] dınge / So haben wir unβ
Ingeſegil an deſen briff heıſen hengen der Geg[eben] ıſt tʒu Kō̄nig[sberg] nach
Gotes gebot M° vıerhundert yor / Im and[er]n yore dernoch /[5] am Sontage
vor Oculi / des ſyen getʒů̊g vnſ[er] vıl lıeben brude[r] Wılhelm vō Eppingẽ
vnſ[er] huſk[omtur] / her Nıcclaus Stenwig vnſ[er] Capelan Wılhelm Rosenberg /
pfleg[er] tʒu Girdeowẽ / Ulrich Tʒeng[er] vnd Cunſʒe von lymbav
vnſ[er] Compan / vnd ander vil erbar lute (OF 105 119r)

Radewayn

1402 [Überschrift der Urkunde] ***Radewayn*** *Reuszen*[6]

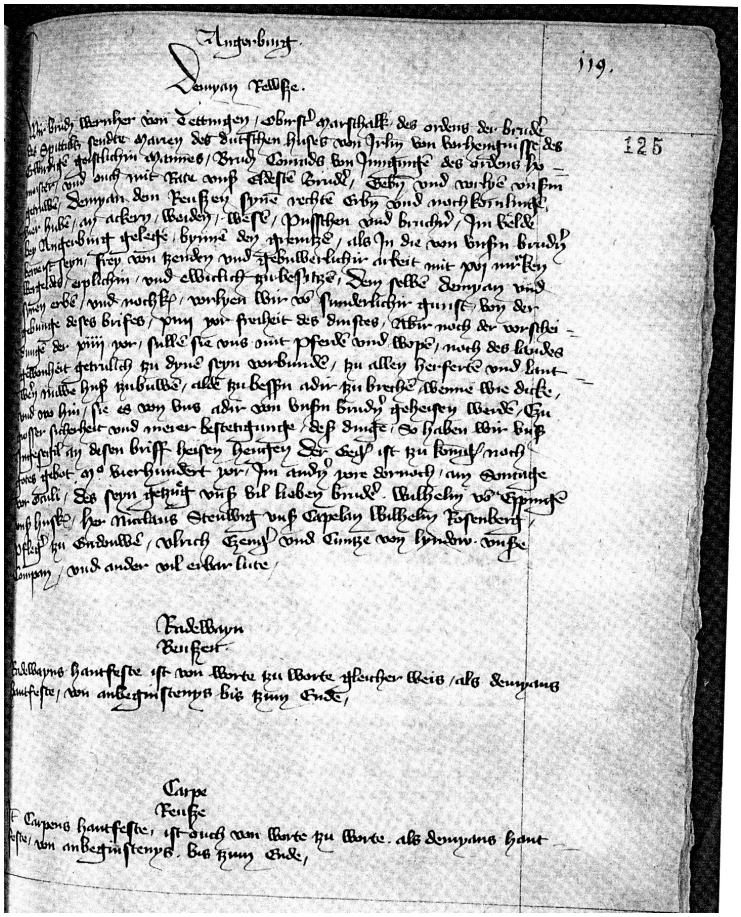
[4] „Marken“ werden gemeint, der ausgelassene ***a*** wurde aber nicht vor dem ***r*** **„**m[a]rken“ sondern nach dem ***r*** „mr[a]ken“ hinzugefügt.
[5] 1402
[6] *Radewayn dem Reuszen* (Litauer) (Vercamer 2010: 561).

1402 ***Radewayns*** *hantfeste ist von worte tzu worte gleicher weis / als demyans hantfeste /von anbeginstenys bis tzum Ende* (OF 105 119r).

Carpe

1402 [Überschrift der Urkunde] ***Carpe*** *Reusze* [7]

1402 *It*[*em*] ***Carpens*** *hantfeste / ist ouch von worte tzu worte als demyans hantfeste / von anbeginstenys bis tzum Ende* (OF 105r 119).



GStA PK, XX. HA, OF, Nr. 105, Bl. 119r

Nach Aussage von Karl Kasiske (1934: 128), der sogar das Datum der Ausstellung von Handfesten richtig angeführt hat, eben 1402 und nicht 1401, „wurden bei Angerburg erblich 1402 drei Dienstlehen von je 4 Hufen mit 14 Freijahren an Russen ausgetan“, obwohl G. Vercamer ständig in diesem Fall die Zuverlässigkeit des handschriftlichen Nachlasses des Deutschen Ordens bezweifelt und als Russen definierte Personen für Litauer hält. Also im OF 105 gibt es drei Begünstigte, deren Namen eindeutig davon zeugen, dass drei Grundstücke, jeder in Größe von 4 Huben, in der von Prußen

[7] *Carpe dem Reuszen* (Litauer) (Vercamer 2010: 561).

bewohnten Gegend an Russen verliehen wurden. Welche Schlussfolgerungen kann man aus dem Material von diesen drei Privilegienurkunden ziehen? Die Niederlassung von den Vertretern anderer Völker in Preußen kam zustande und hat einen großen Wert für die Siedelgeschichte. Vorstöße von Vertretern anderer Nationalitäten und nicht von Prußen und Deutschen, was keinem Zweifel unterlegen könnte, waren in Alt- und Neusiedelgebiete vorhanden. In Privilegienurkunden wird sehr deutlich darauf hingewiesen, welche Pflichten auf die Beliehenen zukommen. Ihnen werden erblich 4 Hufen Acker mit Weide, Wiesen, Wald und Brüchen wie angewiesen von Zehnten und bäuerlicher Arbeit frei mit einem Wergeld von 16 Mark. Sie sollen davon wie üblich mit Pferden und Waffen in Heeresfolge und Burgenbau treu dienen. Davon wurde schon angedeudet bei der Besprechung des Begünstigsten *Michil* im Samland. Im OF 105 wurden drei gleichlautende Urkundentexte nicht wiederholt, nur betont, dass alle Urkunden vom ersten Wort bis zum letzten Wort inhaltlich stimmen.

Demyan (*Демья́н*) nach A. Superanskaja (2005: 88) aus dem lat. *Damianus*. Die Namenforscherin führt auch den deutschen Vornamen *Damian* an, der zu griech *damázō* ‘bezwingen’ gestellt wird (GVL 114). In GVL 120 wird auch der männliche Vorname *Demian*, nach der russischen und ukrainischer Form von *Damian* besprochen. In Deutschland setzte die Vergabe dieses Vornamens in den achtzigen Jahren des 20. Jhs. ein.

Radewayn (vgl. rus. *Ра́довáн*) vom Verb *radovat*‘(*sia*) (Superanskaja 2005: 183).

Carpe (rus. *Ка́рп*) vom griech. καρπός ‘Frucht’ (Superanskaja 2005: 128). Nach langer Überlegung und dank dem Hinweis von Nikolai Kazansky könnte man doch diesen Namen anders interpretieren gestützt auf die Arbeit von Andrey Zalizniak (2004: 109–111), wo sehr ausführlich das *e* in der Endpositon statt ъ auch bei Personennamen von Nowgorod vorkommt. Im Fall von *Carpe* muss betont werden, dass der genannte Personenname von den deutschen Schreibern nach dem Gehör aus der gesprochenen Sprache niedergeschrieben wurde, wie der Schreiber diesen Namen verstanden hat (Blažienė 2015: 46–47). Der Name *Carpe* könnte einem Russen aus Nowgorod gehören.

Diese Untersuchung dürfte gezeigt haben, dass aus den zuverlässigsten historischen Quellen, d.h. aus den handschriftlichen Ordensfolianten, gewonnene Erkenntnisse wesentlich unser Wissen

über die Bevölkerungsgeschichte im Preußenland des 14.–15. Jhs. bereichern und wichtige Anhaltpunkte für die Beurteilung des Personennamengutes im Untersuchungsgebiet liefern. Erneute gründliche Studien des empirischen Materials sind eine der wichtigsten Aufgaben der historischen Namenforschung, um Lücken in der Quellenauswertung zu vermeiden.

Literatur

AP VI – Antroponimia polski od XVI do końca XVIII wieku. Tom VI: V–Ż, Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN, 2016.

Armgart, M. 1995: *Handfesten des preußischen Oberlandes bis 1410 und ihre Aussteller. Diplomatische und prosographische Untersuchungen zur Kanzleigeschichte des Deutschen Ordens in Preußen*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau (= Veröffentlichungen aus den Archiven Preußischer Kulturbesitz, Beihefte 2)

Blažienė, G. 2000: *Die baltischen Ortsnamen im Samland*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag (= Hydronymia Europaea, Sonderband II).

Blažienė, G. 2005: *Baltische Ortsnamen in Ostpreußen*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag (= Hydronymia Europaea, Sonderband III).

Blažienė, G. 2011: Familiennamen aus dem Altpreußischen im Deutschen. In: *Familiennamen im Deutschen. Erforschung und Nachschlagewerke. Familien aus fremden Sprachen im deutschen Sprachraum. Jürgen Udolph zum 65. Geburtstag zugeeignet*. Hrsg. Karlheinz Hengst, Dietlind Krüger, Leipzig: Leipziger Universitätsverlag GMBH, 105–129.

Blažienė, G. 2015: Altpreußische Toponymie als Gegenstand selbstständiger Untersuchungen. In: Casemir, K. (hrsg.). *Namen und Appelative der älteren Sprachchichten*. Hamburg:Verlag Dr. Kovač.

DOB – *Deutsches Ortsnamenbuch*. Hrsg. von Manfred Niemeyer, Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH&Co, 2012.

FN – *Duden. Familiennamen. Herkunft und Bedeutung*. Bearbeitet von Rosa und Volker Kohlheim. Mannheim, Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2005.

GVL – *Duden. Das große Vornamenlexikon*. Herkunft und Bedeutung von über 8000 Namen. 4., völlig neu bearbeitete Auflage, Bearbeitet von Rosa und Volker Kohlheim. Berlin, Mannheim, Zürich: Dudenverlag, 2014.

Ivoška, D. 2015: Litauische Personenamen in den Ordensdokumenten. *Acta Linguistica Lithuanica* LXXIII, 38–54.

Jähnig B. 1999: Litauische Einwanderung nach Preußen im 16. Jahrhundert. Ein Bericht zum „dritten Band“ von Hans und Gertrud Mortensen. In: *Zur Siedlungs-, Bevölkerungs- und Kirchengeschichte Preussens*. Hrsg. von Udo Arnold. Lüneburg: Institut Norddeutsches Kulturwerk.

Kasiske, K. 1934: *Die Siedlungstätigkeit des Deutschen Ordens im östlichen Preußen bis zum Jahre 1410*. Königsberg i. Pr.: Komissionsverlag Gräfe und Unzer.

Koeppen, H. 2000: Peter von Wormditt, Gesandter des Deutschen Ordens am päpstlichen Hof 1403–1419. In: *Das Preußenland als Forschungsaufgabe. Eine europäische Region in geistlichen Bezügen. Festschrift für Udo Arnold zum 60. Geburtstag gewidmet von den Mitgliedern der Historischen Kommision für ost- und westpreußische Landesforschung*. Einzelschriften der Historischen Kommission für ost- und westpreußische Landesforchung. Hrsg. Bernhard Jähnig, Lüneburg: Nordostdeutsches Kulturwerk, 17–36.

Krollmann, C. 1967: Peter von Vormditt. In: *Altpreussische Biographie* T. 2, 496–497.

Lexer, M. 1980: *Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch*. 36. Auflage. Leipzig: S. Hirzel Verlag.

OF – *Ordensfolianten* aus dem Geheimen Staatsarchiv „Preußischer Kulturbesitz".

Ostpr. Fol. – *Ostpreussische Folianten* aus dem Geheimen Staatsarchiv „Preußischer Kulturbesitz".

PUB VI 1 – *Preußisches Urkundenbuch*. Bd. VI, Lfg. 1 (1362–1366). Herausgegeben im Auftrage der Historischen Kommission för ost- und westpreußische Landesforschung von Klaus Conrad, Marburg: N. G. Elwert Verlag, 1986.

SUB – *Urkundenbuch des Bisthums Samland*, hrsg. von C. P. Woelky und H. Mendthal. Leipzig: Duncker & Humblot, 1891.I

Superanskaja, A.V. 2005: *Sovremennyy slovar' lichnych imyon. Sravnenie, proischozhdenie, napisanie* [*Modern dictionary of personal names. Comparison, origin, spelling*]. Moscow: Airis-press.
Суперанская, А. В. 2005: *Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание*. М.: Айрис-пресс.

Toeppen, M. 1870: *Geschichte Masurens. Ein Beitrag zur preußischen Landes- und Kulturgeschichte*. Nach gedruckten und ungedruckten Quellen dargestellt von Dr. M. Toeppen, Danzig: Verlag von Theodor Bertling.

Trautmann, R. 1925: *Die altpreußischen Personennamen*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Vercamer, G. 2010: *Siedlungs-, Verwaltungs- und Sozialgeschichte der Komturei Königsberg im Deutschordensland Preußen (13.–16. Jahrhundert)*. Marburg: fibre (= Einzelschriften der Historischen Kommission für ost- und westpreußische Landesforschung, Bd. 29).

Wenskus, R. 1975: Der deusche Orden und die nichtdeutsche Bevölkerung des Preußenlandes mit besonderer Berücksichtigung der Siedlung. In: *Die deutsche Ostsiedlung des Mittelalters als Problem der europäischen Geschichte*, hrsg. von Walter Schlesinger, Sigmaringen. Thorbecke, 417–438.

Wenzel, W. 2009: Das sorbische anthroponymische Nominationsmodell (Auf der Grundlage von Quellen des 14.–18. Jahrhunderts). In: *Slawen Deutsche Namen. Beiträge zur westslawischen Personen- und Ortsnamenforschung. Mit besonderer Berücksichtigung des Sorbischen.* Hrsg. von Silvio Brendler und Karlheinz Hengst. Hamburg: baar, 58–66.

Zaliznyak A. A. 2004: *Drevne-novgorodskiy dialekt*. 2-e pererabotannoye izdaniye s uchetom materiala nachodok 1995–2003 gg. [*Ancient*

Novgorod Dialect. 2nd revized edition]. Moscow: Jazyki slavyanskoy kul'tury.
Зализняк А. А. 2004: *Древненовгородский диалект*. 2-е изд., переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры.

G. Blažienė. On Russian Personal Names in the Folios of the Teutonic Order

Based on unpublished folios of the Teutonic Order, the study sets out to investigate certain personal names mentioned in these sources and the related extralinguistic factors disrupting the established scheme of residents in former Prussia. The research refers to two folios of the Order, i.e. folios 107 and 105, and also uses the material from folios 109 and 111 the discussion of the aforementioned sources. There are more facts about folio 107. Peter von Wormditt, a monk of the Teutonic Order who later served as the Order's procurator at the Roman Curia, was one of its scribes. All the folios of the Order mentioned date back to the end of the 14th century. They contain the texts of privileges and provide accurate information on the Prussian residents who received land by inheritance. The documents mention numerous place names and personal names important for the Prussian proper names and history and show that the Prussian composition of residents can be described as multiethnic. Prussian lands were inhabited by Prussians, Germans. Lithuanians who were forced to abandon Lithuania and settled in Sambia and other Prussian lands from the 14th century are also mentioned in the documents. Curonian fishermen found refuge in Prussian lands as well. The documents under discussion also include Russian names with the indication of nationality. Such names are not numerous; however, 6 of them are described as Russian, and there are no grounds to question the accuracy of the Order's scribes. Female names are seldom mentioned in the Order's documents as well as personal names referring to Prussians, Germans, Lithuanians, Samogitians, Russians. The present article discusses Russian personal names *Iwan*, *Gedor*, *Michil*, *Demyan*, *Radewayn*, *Carpe* by providing the context of documents and other factual material. The article opens a discussion with Grischa Vercamer, a historian of the Teutonic Order, who provided accurate spelling of the aforementioned personal names and their affiliation, and still noted that they were Lithuanian. The material under analysis enhances our knowledge about the history of residents, their multiethnic composition and the peculiarities of personal names in the territories under investigation.

Keywords: documents of the Teutonic Order, personal names, ethnic composition of residents, history of residents, multiethnicity of the region.

DOI:10.30842/ielcp230690152210

О. Б. Боброва

ЯЗЫКОВЫЕ МЕТАФОРЫ С СЕМАНТИКОЙ АРТЕФАКТА В «ΤΑΞΙΔΕΥΟΝΤΑΣ. ΡΟΥΣΙΑ» Н. КАЗАНДЗАКИСА

В современной лингвистике к исследованию метафоры нередко прибегают при изучении языковой и индивидуальной картины мира. В настоящей статье рассматривается роль языковых метафор с семантикой артефакта в тексте «Ταξιδεύοντας. Ρουσία» греческого писателя XX в. Никоса Казандзакиса. Метафорически употребленные лексемы анализируются и группируются исходя из их семантики. В результате предпринимается попытка проследить связь языковых метафор с концептуальной картиной мира автора, а также установить их соотношение с системой языковых метафор в новогреческом языке в целом.

Ключевые слова: языковая метафора, когнитивная метафора, метафорология, лексическая семантика, авторская публицистика, Никос Казандзакис, «Путешествуя».

В современной лингвистике метафора рассматривается как важный и вездесущий языковой элемент (Musolff, Zinken 2009: 1), а метафоризация – как «процесс, приводящий к получению нового знания о мире в ходе его оязыковления» (Teliya 1988: 46). История изучения метафоры в европейской словесности традиционно возводится к «Риторике» и «Поэтике» Аристотеля, где она описывается как художественный прием, характеризующий авторский стиль и сообщающий красоту и изящество тексту (Aristotle 2007: 128). Постепенно наполнение понятия ‘стиль’ менялось, и метафора, утратив свое первичное значение, стала восприниматься как универсальный способ описания, кодификации и категоризации действительности, а также и отражения языковой и индивидуальной картины мира (Arutyunova 1990: 16). Важную роль в формировании представления о метафоре как о необходимом и имманентном человеку инструменте мышления и познания мира сыграла сформулированная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном теория концептуальной метафоры (Lakoff, Johnson 2004: 25). Учитывая в той или иной степени теоретические установки Дж. Лакоффа и М. Джонсона, современные исследования метафоры рассматривают ее как

универсальный инструмент философского, логического, эстетического, семиотического исследования мира человеком (ср., например: Taverniers 2002; Musolff, Zinken 2009).

В противовес зарубежным исследованиям, в которых превалирует изучение логико-философских и когнитивно-психологических аспектов метафоры, в отечественной традиции она рассматривается прежде всего как языковое явление (Laguta 2003: 30). Осознание когнитивной роли метафоры выразилось в обосновании необходимости различения метафоры художественной и метафоры языковой, из которых первая представляет собой результат «целенаправленных и сознательных эстетических поисков» (Sklyarevskaya 1993: 31), а вторая автоматически воспроизводится в речи и является элементом лексической системы языка (Sklyarevskaya 1993: 31), в силу чего более тесно связана с когнитивной системой автора и его языковой картиной мира.

В настоящей работе метафора рассматривается как лексико-семантическое явление, непосредственно связанное с концептуальной сферой «человека говорящего». Представляя собой, в соответствии с когнитивной теорией метафоры, взаимодействие между двумя различными сферами концептуальной картины мира, метафора всегда имеет конкретную языковую реализацию. Эта реализация, в отличие от элементов когнитивной сферы человека, имеет материальное выражение. В связи с этим, анализ метафор любого типа в том или ином тексте по необходимости включает в себя рассмотрение метафоры одновременно и как лексико-семантического феномена, и как элемента когнитивной структуры языковой картины мира.

С когнитивной точки зрения метафора представляет собой двучленную структуру и отражает взаимодействие между сферой-целью А и сферой-источником В, а с позиций лексической семантики она является результатом «транспозиции… лексики, предназначенной для указания на предмет речи, в сферу предикатов, предназначенных для указания на его признаки и свойства» (Arutyunova 1990: 19).

Принципы семантического анализа метафоры, разработанные и описанные как отечественными (Basilaya 1971; Bessarabova 1986; Teliya 1988; Sklyarevskaya 1993; Moskvin 2012), так и зарубежными учеными (Lakoff, Johnson 2004) могут быть использованы при исследовании языковых метафор, построен-

ных на переносе значения между лексическими единицами конкретной семантики, в тексте сборника путевых заметок «Ταξιδεύοντας. Ρουσία» греческого писателя XX века Никоса Казандзакиса.

Указанный сборник можно считать своеобразным корпусом текстов, объединенных общей тематикой, и, рассматривая его, мы предприняли попытку с помощью анализа семантических компонентов метафоры определить, как языковые метафоры характеризуют определенный фрагмент языковой картины мира автора и на этом основании установить его позицию по отношению к описываемым событиям. Хотя, по мнению В. Н. Телия, «при метафоризации не следует обязательно искать общих схем, свойственных словарным определениям двух слов» (Teliya 1988: 15), именно выявление таких «общих схем» может стать ценным материалом для изучения авторской картины мира, отраженной в тексте сборника.

Выбор данного текста в качестве объекта исследования продиктован двумя причинами. Во-первых, по сравнению с художественными произведениями Н. Казандзакиса, цикл путевых заметок «Ταξιδεύοντας» вообще и «Ταξιδεύοντας. Ρουσία» в частности менее исследован и до настоящего момента не подвергался лингвистическому анализу. Во-вторых, на основании того, что примеры авторского словоупотребления – «столь же неотъемлемое достояние живого языка,как и нормативно фиксированная сочетаемость слов» (Teliya 1981: 12), можно заключить, что исследование языковых метафор в авторском тексте будет способствовать созданию более четкой и детализованной новогреческой языковой картины мира в целом.

Основу сборника заметок «Ταξιδεύοντας. Ρουσία» Н. Казандзакиса составили материалы, опубликованные им как корреспондентские заметки в греческих газетах в период с 1925 по 1930 гг. Сборник является одним из первых свидетельств о жизни молодой Советской России. Для изображения новой и еще не освоенной новогреческим языком советской действительности Казандзакис, оказавшись в данном случае в роли первопроходца, вынужден создать и новую образную систему, а зачастую и новый словарь. Описывая явления и объясняя их греческому читателю, писатель опосредовано представляет и

собственную точку зрения, что позволяет рассматривать метафоры как ключ к авторской картине мира.

Наиболее точное определение жанра «Ταξιδεύοντας. Ρουσία» – писательская журналистика, которая характеризуется исследователями как «переходное явление, объединяющее публицистичность и художественность как способы мышления» (Kaminsky 2007: 97). Однако способы репрезентации событий, организация текста (в соответствии с маршрутами перемещения автора), обращенность к читателю (и обусловленная этим явная диалогичность текста), а также насыщенность фактами, экономическими, политическими и историческими данными свидетельствуют о явном приоритете публицистического начала над художественным.

Исследование языковой метафоры в публицистическом дискурсе является ценным инструментом изучения картины мира говорящего, поскольку такая метафора в меньшей степени зависит «от стереотипности или, наоборот, нестандартности мировидения» (Teliya 1988: 41) автора.

Список анализируемого материала ограничен метафорами, с семантической точки зрения представляющими собой схему А–В, при этом сферы А и В обозначены «словами, способными обозначать и субъекты сравнения, и результаты компаративного анализа» (Moskvin 2012: 86), т. е. именами существительными конкретной и абстрактной семантики. Такие метафоры обозначаются как относящиеся к семантической группе ОБЪЕКТ – ОБЪЕКТ и затем классифицируются в зависимости от семантики первого и второго компонентов, формирующих, соответственно, сферу-цель и сферу-источник метафорического переноса (Lakoff, Johnson 2004: 28). В основе распределения метафор по семантическим категориям лежит семантика компонента, относящегося к сфере-источнику, поскольку представляется, что факт «частичного воспроизведения структуры источника в структуре цели» (Lakoff, Johnson 2004: 28), а также то, что сфера-источник содержит «знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью» (Lakoff, Johnson 2004: 10), указывает на первичность содержания сферы-источника для человеческого мышления и, в силу этого, на его определяющую роль при метафоризации.

Семантическая категория ОБЪЕКТ включает разнообразные классы предметов и явлений (предмет, животное, человек, абстракция и т. д.). Проведенный анализ показывает, что наиболее многочисленны в тексте Н. Казандзакиса метафорические переносы типа ПРЕДМЕТ – ПРЕДМЕТ (42 примера из 202, т. е. 20,8% от общего количества). Лексемы, образующие поле-источник каждой конкретной метафоры, формируют следующие группы: 1) природные объекты; 2) мифические и сказочные географические объекты; 3) предметы, созданные и используемые человеком, которые, в свою очередь, делятся на несколько групп: а) инструмент, орудие, оружие; б) произведение искусства, книга; в) общественные организации и объединения; 4) физически невоспринимаемые объекты реального мира (ядро, клетка и т. п.).

Предметом рассмотрения настоящей работы являются метафоры, отнесенные нами к пунктам а) и б) указанной выше классификации, т. е. такие, в которых сфера-цель представлена лексемой, обозначающей в широком смысле артефакт – нечто, созданное и используемое человеком в повседневной, хозяйственной или иной деятельности: орудие, оружие, инструмент, а также предмет культуры или искусства. Метафоры такого типа составляют более половины (25 из 43) всех метафор семантической группы ПРЕДМЕТ – ПРЕДМЕТ в тексте «Ταξιδεύοντας. Ρουσία».

В ряде случаев поле-источник обозначено лексическими единицами со значением оружия, что отражает авторское представление о том, что даже мирная жизнь в современной ему России – постоянная борьба со старым миром, с враждебным окружением, с несовершенной человеческой природой. На долю таких метафор приходится 17% от всего количества метафор типа ПРЕДМЕТ – ПРЕДМЕТ.

В качестве оружия может описываться любое явление или абстрактное понятие, например, право:

(1) Όπως ο στρατός, όμοια και **το Δίκαιο, είναι και αυτό όπλο πολεμικό** στα χέρια του προλεταριάτου.
‘и **армия**, и **право – боевое оружие** в руках пролетариата’[1],

[1] Все переводы, кроме особо оговоренных, выполнены автором статьи. Фрагменты текста цитируются по изданию Kazantzakis 2000 с сохранением орфографии источника.

промышленность:

(2) Το μεγαλύτερο **όπλο του κομμουνισμού είναι η βιομηχανία**.
‘Самое главное **оружие коммунизма – промышленность**’,

наука:

(3) **Η επιστήμη** πρέπει να γίνει **όργανο του Προλεταριάτου, ένα όπλο**…
‘**наука** должна **стать инструментом** Пролетариата, **оружием**…’,

просвещение:

(4) **Το Φως –** να **το σπαθί** μας!
‘**Свет –** вот наш **меч**!’,

пролетариат:

(5) Με τέτοιο **σπαθί** [το προλεταριάτο] η ρουσική επανάσταση επιχείρησε από τις πρώτες μέρες να λύσει όλα τα… προβλήματα.
‘Этим **мечом** русской революции удалось с первых дней решить все… проблемы’,

наконец, школа и школьники:

(6) Εδώ, στη Σοβιετική Ρουσία, σφυροκοπιέται **ένα** φοβερό **όπλο,** γυμνάζεται **ένας** φανατισμένος **στρατός**.
‘Здесь, в Советской России, куется новое страшное **оружие**, готовится новая фанатичная **армия**’.

В связи с последним примером отметим, что метафора ШКОЛА – ОРУЖИЕ дополняется метафорой ШКОЛА – АРМИЯ. Этот пример описания советской действительности в терминах военных действий не единичен. Так, коммунистическая партия характеризуется в тексте как

(7) **Το** πιο υπεύθυνο **τάγμα** της σοβιετικής Ρουσίας.
‘самый ответственный **батальон** советской России’.
И даже театр в России приобретает черты военного лагеря:

(8) Εντύπωση πως αναπνέω τον αγέρα χιονισμένου άγριου **στρατόπεδου**.
‘<…> впечатление, что я дышу воздухом заснеженного дикого **военного лагеря**’.

Обратим внимание на то, что во всех приведенных выше примерах как оружие автором мыслится то или иное общественное объединение или абстрактное понятие: φως ‘свет, просвещение’, επιστήμη ‘наука’, δίκαιο ‘право’ и т. д. Это в полной мере передает свойственное советской действительности представление об обществе как идеальном механизме, каждый элемент которого четко выполняет предписанную ему функцию. Поскольку в описываемый момент времени основная функция советского общества – война против капитализма за право на существование, метафора Х – ОРУЖИЕ применима

при описании многих сфер человеческой деятельности в советском государстве.

Отметим также, что значение лексемы όπλο ‘оружие’ в новогреческом языке определяется как средство защиты, решения проблемы, достижения желаемого результата или удовлетворения потребности (Dimitrakos 2008–2009: 5187), что, с одной стороны, еще раз указывает на то, что автор пытается передать в тексте советскую механистическую концепцию общественной жизни, с другой – свидетельствует, что для Н. Казандзакиса победа коммунизма является желаемым исходом политических потрясений и социальной борьбы в Советской России. Эту мысль подтверждает и употребление лексемы σπαθί ‘меч’ в одном из приведенных выше примеров. Если в большинстве случаев в метафоризации участвует лексема όπλο, обозначающая некий недифференцированный объект, употребляемый как инструмент в борьбе, достижении цели или решении проблем, то лексема σπαθί ‘меч’, обозначая также своеобразный военный «инструмент», имеет другой набор коннотаций. Помимо значения ‘оружие’, эта лексема в новогреческом языке приобрела метафорическое значение ‘достойный доверия человек, человек чести’ (Dimitrakos 2008–2009: 6615). Семы ‘честь’, ‘честность’ фигурируют, например, в таких устойчивых выражениях: [κέρδισα κάτι] με το σπαθί μου – букв. ‘[добился чего-л.] собственным мечом’ (т. е. достиг чего-либо сам, своим упорством и целеустремленностью); [αυτός] είναι σπαθί *букв*. ‘[он] меч’ (о человеке честном, прямом и открытом). Таким образом, метафора ПРОСВЕЩЕНИЕ – МЕЧ в тексте Н. Казандзакиса призвана в очередной раз подчеркнуть всю важность высокой миссии по просвещению граждан, взятой на себя советской властью, а также то, что ее борьба со «старым миром» является доблестной и священной.

Помимо метафор со сферой-источником ОРУЖИЕ, в тексте «Ταξιδεύοντας. Ρουσία» важную роль играют те метафоры, сферу-источник для которых формирует семантическое поле ОРУДИЕ. Основываясь на широкой трактовке понятия «орудие», рассматривающей его не только как инструмент, но и вообще как средство достижения какой-либо цели (Ozhegov, Shvedova 2006: 460), мы включаем в эту категорию любой предмет или сооружение, используемое человеком в повсе-

дневной деятельности, за исключением уже рассмотренной выше категории ОРУЖИЕ.

В метафорике Н. Казандзакиса в тексте «Ταξιδεύοντας. Ρουσία» важную роль играет описание России как сельскохозяйственного сооружения, связанного с представлениями о тяжелом крестьянском труде, или как лаборатории, где проводится некий эксперимент и идет химическая реакция.

Так, например, на напряженность политической и социальной жизни России указывает сопоставление ее с гумном:

(9) Κόκκινο **αλώνι** της Ρωσίας.
‘Красное **гумно** России’.

Лексема αλώνι ‘гумно’, обозначая место для молотьбы зерновых, имеет в новогреческом языке коннотацию ‘тяжелая, напряженная работа’, поскольку этот процесс в сельском хозяйстве приходится на самую напряженную пору года – период сбора урожая. В силу этого метафора РОССИЯ – ГУМНО указывает на лихорадочную напряженность производимой советской властью работы, цель которой – создание новой России и освобождение от груза пережитков старого строя, подобно тому, как зерно на току освобождается от твердой оболочки, непригодной в пищу.

Еще один пример употребления Н. Казандзакисом «сельскохозяйственной» метафоры – сопоставление Москвы с оживленным пчелиным ульем (κυψέλη). Языковая метафора МОСКВА – УЛЕЙ, как и рассмотренная выше, имеет целью продемонстрировать читателю, что напряженная работа является жизненной необходимостью для всех граждан Советской России, так как только она может гарантировать им выживание в новом мире победившего социализма. Отсюда и проистекает сопоставление Москвы с ульем, поскольку пчелы известны своей неутомимостью и нетерпимостью к трутням:

(10) Η λέξη που απ’όλες συχνότερα ακούς είναι η λέξη ραμπότ, «εργάζομαι» – σε όλους του χρόνους και σε όλα το πρόσωπα. Νιώθεις πως μπήκες σε **μιαν** εργατική ανήσυχη **κυψέλη…** Όλοι είναι κυριεμένοι από τον πυρετό της εργασίας. Από ανάγκη: όποιος εδώ δε δουλεύει είναι κάτι παρά φύση, δεν μπορεί σε κανένα θεσμό ν’ακουμπήσει και ν’ασφαλιστεί.
‘Слово, которое слышишь здесь чаще других – *работ*, «работать» – во всех временах и лицах. Кажется, что ты попал в беспокойный рабочий **улей**. Всех захватила горячка работы. Такова необходимость: здесь тот, кто не работает, является

чем-то неестественным, и нигде не найти ему пристанища и укрытия'.

Помимо «сельскохозяйственных» метафор, для описания советских реалий Н. Казандзакисом употребляются языковые метафоры, заимствованные из сферы науки, в частности, химии. Так, например, Византия, во многом сформировавшая, по мнению автора, мировосприятие и психологию русского человека, описывается как

(11) **Το** μέγα **χωνευτήρι** της Ανατολής και της Δύσης.
'огромный **тигель** Востока и Запада'.

В силу этого и сама Россия в глазах автора приобретает двойственность и способность примирять, казалось бы, непримиримые противоречия:

(12) Ο Ρούσος έχει το πρωτόγονο χάρισμα ν'αδερφώνει μέσα του αντίφασες ασυβίβαστες για τη λογική του Ευρωπαίου.
'Русский человек обладает первобытным даром объединять между собой противоречия, несовместимые для логики европейца'.

Отметим также, что слово χωνευτήρι 'тигель, плавильный котел, 'горнило' обозначает, прежде всего, металлургическую печь из огнеупорного материала, используемую для плавления и очищения металла (Dimitrakos 2008–2009: 7951). Употребляя эту лексему, автор показывает, что соединение разнородных и, казалось бы, несочетаемых между собой явлений в России, как и в Византии, даст неожиданный результат – нечто более совершенное, чем Восток и Запад, взятые по отдельности.

Эта «сельскохозяйственная» метафора дополняется другой, построенной на сопоставлении жизни советской России с химической лабораторией или мастерской:

(13) Η Ανατολή, **το** φλογερό τούτο **εργαστήρι**, ξυπνάει.
'Восток, эта пламенная **лаборатория**, пробуждается';

(14) Η ζωή **στο** σύγχρονο τούτο χημικό **εργαστήρι**.
'Жизнь в этой современной химической **лаборатории'**.

Идея о том, что происходящее в Советской России является огромным по масштабам социальным экспериментом, близка Н. Казандзакису и не раз высказывается им в тексте «Ταξιδεύοντας. Ρουσία»:

(15) … ένα **πείραμα** δύσκολο πολύ κι αιματερό επιχειρεί σήμερα ο άνθρωπος απάνω στα χώματα τούτα…
'…сложный и кровавый **эксперимент** ставит сегодня человек на этой земле…'.

Метафора РОССИЯ – ЛАБОРАТОРИЯ/МАСТЕРСКАЯ еще раз подчеркивает эту мысль, указывая на то, что Россия представляется автору источником созидательных сил, хотя исход социальных опытов советской власти сложно предугадать.

Употребление в метафорическом значении лексем, связанных со спортивными состязаниями, описывает происходящее в России как борьбу, причем не только в политической сфере. Напряженность политической жизни в России подчеркивается метафорой КРЕМЛЬ – АРЕНА (ПАЛЕСТРА). Лексема παλαίστρα ‘палестра, арена’ в новогреческом языке, помимо места для соревнований как такового, обозначает еще и сферу столкновения различных идей, мнений и разнонаправленных политических, духовных, социальных сил (Dimitrakos 2008–2009: 5350; ср. рус. *мировая арена*). В данном случае Кремль становится местом столкновения Духа, олицетворяемого Лениным, и Материи – крестьянина:

(16) Αναμαυλούσα στο νου μου την όλο φως και φλόγα σπιθόβολη μορφή του Λένιν και έβλεπα τώρα μπροστά μου τη σκοτεινή ζύμη που ζύμωσε – το μουζίκο. Τους δύο τούτους προαιώνιους αντιπάλους και συνεργάτες – το Πνέμα και την Ύλη – λαχτάριζα τώρα… να δω να παλεύουν μέσα στην κόκκινη κλειστή **παλαίστρα του Κρεμλίνου**.

‘Я размышлял и представлял себе полный света и пламени, искрящийся образ Ленина и видел перед собой темное тесто, которое он замесил, – мужика. И этих двух извечных противников и союзников, Дух и Материю, мне не терпелось увидеть борющимися на красной закрытой **арене Кремля**’.

Интересно, что Кремль в тексте также сопоставляется с колыбелью («κόκκινη τούτη **κούνια**… **το Κρεμλίνο**»). Эта метафора используется Н. Казандзакисом для создания интересного образа: описывая очередной юбилей Октябрьской революции, он сравнивает ее с маленькой хорошенькой девочкой. Именно эта девочка определит дальнейший путь развития человечества, и потому весь мир внимательно следит за ней, внимание приковано к ее красной колыбели (Кремлю). Сопоставляя Кремль с колыбелью, а революцию – с маленьким ребенком, Н. Казандзакис в очередной раз подчеркивает, что в его картине мира октябрьский переворот – это рождение новой жизни на месте гибели старого мира. Колыбель в данном случае обозначает, что, по мнению автора, этой новой жизни

предстоит пройти все стадии развития, а потому единственное, что нужно делать в данном случае – наблюдать и ждать.

Метафоры в тексте Н. Казандзакиса многократно подчеркивают мысль о том, что гибель старого мира и победа революции исторически закономерна в силу упадка и разложения, в котором находилось общество в России в последние годы существования царского режима. Одним из примеров такого рода метафор является метафора, построенная на сопоставлении судебной системы императорской России с сетью:

(17) **Το** πυκνό **δίκτυ των δικαστηρίων** τη τσαρικής εποχής.
‘Густая **сеть судов** царской эпохи’.

Лексема δίχτυ ‘сеть’ в новогреческом языке может обозначать еще и ловушку, уловку, т. е. сети, расставленные с подлыми, преступными целями. Именно такой сетью, по мнению автора, была судебная система царской России, построенная на «формальностях, которые душили суть». Революция же уничтожила этот скомпрометировавший себя институт и создала новый, основанный на новом, «красном», праве:

(18) «Ευτύς μετά την επανάσταση, όλοι οι πολύπλοκοι τύποι, που σιγά και Σίγουρα έπνιγαν την ουσία, καταργήθηκαν. Καταργήθηκε και εξαφανίστηκε όλο το πυκνό δίχτυ των δικαστηρίων της τσαρικής εποχής.
‘Сразу же после революции все сложные формальности, которые медленно и верно душили суть, были отменены. Была отменена и исчезла и вся густая сеть судов царской эпохи’.

Как видно, почти все рассмотренные метафоры противопоставляют старую Россию новой, показывая при этом моральное и историческое превосходство последней. Однако позиция автора несколько сложнее, чем бинарная оппозиция плохой – хороший. Так, например, описывая декорации представления в театре Мейерхольда, «машины, лестницы, железо», Н. Казандзакис отмечает:

(19) Τούτα τα σίδερα, τα ξύλα κι οι μηχανές… είναι… **τα κάγκελα** της φυλακής μας.
‘Все это железо, дерево и машины… – **решетка** нашей тюрьмы’.

Таким образом, в целом приветствуя победу «дивного нового мира» в советской России и понимая историческую необходимость непрестанного движения вперед «в нашу промышленную безжалостную эпоху», Н. Казандзакис не может все же

не отметить, что этот шум и спешка не должны застить человеку глаза: выше промышленности и прогресса всегда должен оставаться человек и его внутренняя жизнь.

Многочисленна в метафорических переносах лексика, обозначающая произведения искусства, в основном книги, а также организации и общественные объединения, связанные с человеческой деятельностью. Например, для описания жизни в России Н. Казандзакис использует метафору мозаики, описывая ее как «ρούσικο **μοσαϊκό**» или «ρούσικο **ψηφιδωτό**».

Лексемы μοσαϊκό ‘мозаика’ и ψηφιδωτό ‘мозаика’ используются автором как полные синонимы, хотя в новогреческом языке переносное значение имеет только первая из них, μωσαϊκό ‘мозаика’, обозначая не только изображение, полученное путем выкладывания фигур и узоров из мелких кусочков стекла, смальты, мрамора, глины, камня и т. д., но и неоднородную смесь элементов различного происхождения (Dimitrakos 2008–2009: 4834). Таким образом автором еще раз подчеркивается характерное для России, по его мнению, хаотичное брожение разнородных элементов, общественных сил и идей.

Метафоры типа ПРЕДМЕТ – ПРЕДМЕТ часто строятся на основе лексики, так или иначе связанной с религиозной сферой, и свидетельствуют, что для автора коммунизм – новая советская религия:

(20) όλο μυστικοπάθεια και δογματισμό **θρησκεία**: **η αθεΐα**.
‘Полная мистицизма и догматизма новая **религия – безбожие**’.

Эта концептуальная для автора метафора дополняется другими, которые вписывают явления советской действительности в созданную автором «религиозную» парадигму. Так, «Капитал» К. Маркса становится новым Евангелием:

(21) **του Κεφαλαίου**, **της** μαρξιστικής **Καινής Διαθήκης**.
‘**«Капитала»,** марксистского **Нового Завета**’,

(22) «να κηρύχνει **το** νέο **Ευαγγέλιο** και να φωτίζει ψυχές»
‘провозглашать **новое Евангелие** и просвещать души’,

партийные съезды – вселенские соборы:

(23) μια στιγμή πέρασαν από το νου μου **οι Οικουμενικές Σύνοδες** των πρώτων χριστιανών.
‘На мгновение мне пришли в голову **вселенские соборы** первых христиан’ (речь идет о партийном съезде).

Есть свой катехизис и заповеди:

(24) μα εμείς έχουμε **μια** νέα **κατήχηση** και νέες **εντολές**.
‘Но у нас новый **катехизис** и новые **заповеди**’,

а преображение Советской России сопоставляется с новым крестовым подходом (**ιερή σταυροφορία**)[2].

Таким образом, религиозные метафоры предметной семантики показывают, что, постоянно противопоставляя старую и новую Россию, Н. Казандзакис, тем не менее, признает, что в среде советского народа религиозное чувство и истинная вера не угасла, а лишь сменила объект:

(25) Η κορνίζα μένει, το κόνισμα μονάχα αλλάζει
'Рама остается, только изображение меняется'.

Находясь в сложных отношениях с церковью и своеобразно трактуя православие (Hatziapostolou 2013: 26), автор, возможно, видит в отношении к религии в России отголоски собственного синкретического видения Бога и божественного, что отражается в том числе и в языке его записок.

Анализ группы метафор с семантикой артефакта показывает, что в тексте «Ταξιδεύοντας. Ρουσία» принципиально значимой для автора является метафора оружия, при этом как оружие может восприниматься практически любое явление (искусство, школа, театр, просвещение и т. д.), а сама жизнь в советской России – не что иное как непрекращающаяся борьба между противоборствующими силами. На это, в частности, указывает метафора арены/ палестры.

Рассмотренный материал позволяет установить, что для осмысления происходящего большое значение имеют метафоры, связанные с совместной трудовой деятельностью (гумно, улей). Метафоры тигля и лаборатории/мастерской используются автором, чтобы показать, что советская действительность – огромный социальный эксперимент, цель которого – создание новой, более счастливой и справедливой человеческой жизни, отправной точкой которой является Октябрьская революция, описываемая как колыбель дальнейшего развития всего мира.

Многочисленны примеры метафор с семантикой артефакта, связанных с религиозной сферой, поскольку идея о том, что коммунизм по сути своей является новым христианством, принципиально важна для Н. Казандзакиса и часто

[2] При этом само строительство советской власти описывается автором как «боговдохновенный **крестовый поход**, в котором участвуют немногие в России» (ένθεη **σταυροφορία** που αναλαμβάνουν οι λίγοι στη Ρουσία).

иллюстрируется им метафорическими переносами, например, сопоставлением Нового Завета и «Капитала» К. Маркса или партийных вождей и христианских апостолов.

Описывая в том числе и с помощью метафор рассматриваемого нами типа разрыв между старой и новой Россией, Н. Казандзакис в то же время показывает, что нельзя пользоваться только черной и белой красками. Уподобление промышленного развития тюремной решетке, а также изображение коммунизма как нового христианства свидетельствует о том, что огромный экономический скачок и тотальная механизация не гарантируют человеческого счастья, а изменения в сознании простого советского гражданина пока не коснулись его глубинных убеждений и мотивов, а заключаются лишь в замене одного объекта почитания на другой.

Литература

Aristotle 2007: *Poetika. Ritorika* [*Rhetoric and poetics*]. Moscow: Azbuka.
Аристотель. 2007: *Риторика. Поэтика*. М.: Азбука.

Arutyunova, N. D. 1990: [Metaphor and discourse]. In: Arutyunova, N. D., Zhurinskaya, M. A. (eds.). *Teoriia metafory* [*Metaphor theory*]. Moscow: Profess, 8–32.
Арутюнова Н. Д. 1990: Метафора и дискурс. В кн.: Арутюнова Н. Д., Журинская М. А. (ред.). *Теория метафоры*. М.: Професс, 8–32.

Basilaya, N. A. 1971: *Semasiologitcheskiy analiz binarnykh metaforicheskikh slovosotchetaniy* [*Semasiological analysis of binary metaphorical phrases*]. Tbilisi: Tbilisi University Press.
Басилая Н. А. 1971: *Семасиологический анализ бинарных метафорических словосочетаний*. Тбилиси, Изд. Тбилисского ун-та.

Bessarabova, N. D. 1986: *Izobrazitelniye i vyrazitelniye vozmozhnosti metafor v gazetno-publitsisticheskoi rechi* [*Figural and expressive potential of metaphors in newspaper discourse*]. PhD thesis. Moscow: Moscow State University.
Бессарабова Н. Д. 2006: *Изобразительные и выразительные возможности метафор в газетно-публицистической речи*. Дис. …канд. филологич. наук. М.: МГУ.

Dimitrakos, D. 2008–2009: *Mega lexicon olis tis ellinikis glossis* [*Big dictionary of the Greek language*]. Athens: Proodos
Δημητράκος Δ. 2008–2009: *Μέγα λεξικόν όλης της ελληνικής γλώσσης*. Αθήνα: Πρόοδος.

Hatziapostolou, M. 2013: *To prosopo tou Hristoy sto Niko Kazantzaki* [*The face of Christ in Nikos Kazantzakis*]. Athens: Armos.
Χατζηαποστόλου Μ. 2013: *Το πρόσωπο του Χριστού στο Νίκο Καζαντζάκη*. Αθήνα: Εκδόσεις Αρμος.

Kaminsky, P. P. 2007: [Principles of research of publicism at the present stage]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Tomsk State University Journal of Philology*] 1, 97–105.
Каминский П. П. 2007: Принципы исследования публицистики на современном этапе. *Вестник Томского государственного университета. Филология* 1, 97–105.
Kazantzakis, N. 2000: *Taksidevontas. Rousia* [*While travelling. Russia*]. Athens: Kazantzakis editors.
Καζαντζάκης N. 2000: Ταξιδεύοντας. Ρουσία. Αθήνα: Εκδόσεις Καζαντζάκη.
Laguta, O. N. 2003. *Metaforologija: teoreticheskie aspekty* [*Metaphorology: theoretical aspects*]. Part 2. Novosibirsk: Novosibirsk University Press.
Лагута О. Н. 2003: *Метафорология: теоретические аспекты*. Ч. 2. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та.
Lakoff, G., Johnson, M. 2004: *Metafory, kotorymi my zhivem* [*Metaphors we live by*]. Moscow: URSS Editorial.
Лакофф Дж., Джонсон М. 2004: *Метафоры, которыми мы живем*. М.: УРСС Эдиториал.
Moskvin, V. P. 2012: *Russkaya metafora: Ocherk semioticheskoi teorii* [*Russian metaphor: A sketch of a semiotic theory*]. Moscow: Izdatelstvo LKI.
Москвин В. П. *Русская метафора: Очерк семиотической теории*. М.: Издательство ЛКИ.
Musolff, A., Zinken, J. (eds.). *Metaphor and Discourse*. London: Palgrave Macmillan, 2009.
Ozhegov, S. I, Shvedova, N. Y. 2006: *Tolkovy slovar russkogo yazika* [*Explanatory dictionary of Russian*]. Moscow: OOO “A TEMP”.
Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. М.: ООО «А ТЕМП».
Sklyarevskaya, G. N. 1993: *Metafora v sisteme yazika* [*Metaphor in the language system*]. St. Petersburg: Nauka.
Скляревская Г. Н. 1993: *Метафора в системе языка*. СПб: Наука.
Taverniers, M. 2002: Metaphor. In: Verschueren, J., Östman, J.-O., Blommaert, J., Bulcaen, C. (eds.). *Handbook of Pragmatics*. Benjamins, Amsterdam, 1–36.
Teliya, V. N. 1981: *Tipy yazikovykh znatcheniy: Svyazannoe znachenie slova v yazike* [*Types of language meanings: Associated meaning of the word in language*]. Moscow: Nauka.
Телия В. Н. *Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке*. М.: Наука.
Teliya, V. N. 1988: *Metafora v yazike i tekste* [*Metaphor in language and text*]. Moscow: Nauka.
Телия В. Н. 1988: *Метафора в языке и тексте*. М., Наука.

O. B. Bobrova. Language Metaphors of Artefact Semantics in Nikos Kazantzakis' «Ταξιδεύοντας. Ρουσία»

In contemporary linguistics the metaphor is widely used as a research instrument of the language picture of the world. In this paper an attempt was made to analyze the language picture of the world and the thinking style of a modern Greek prosaic Nikos Kazantzakis as reflected in his travelling writings «Ταξιδεύοντας. Ρουσία». The method of the research is based on the semantic analysis of language metaphors.

The research material is represented by metaphors of A–B semantic scheme based on concrete nouns of artefact semantics i.e. the nouns signifying an object created and used by the man in his everyday economic, social and other activities (an artefact). The categorization is based on the semantics of the source domain lexeme.

The analysis reveals that the source domain in «Ταξιδεύοντας. Ρουσία» is represented by lexemes denoting different classes of objects: weapon, instrument, piece of art.

Every phenomenon and abstract concept can be described as a weapon, e.g. law, industry, education, proletariat, school and pupils. This approach reveals the author's view that even the peaceful life in Russia is nothing but a continuous struggle with the old world, hostile environment and imperfect human nature.

A significant role in the text play the metaphors whose source domain is formed by the INSTRUMENT semantic field. This field is represented in «Ταξιδεύοντας. Ρουσία» by the lexemes *αλώνι* 'barn', *κυψέλη* 'beehive', *χωνευτήρι* 'melting pot', *εργαστήρι* 'workroom', *παλαίστρα* 'arena', *κούνια* 'cradle', *δίχτυ* 'net'.

The analysis reveals that for Nikos Kazantazis in his «Ταξιδεύοντας. Ρουσία» it is very important to describe Russia as an agricultural facility which symbolizes the peasant's toil, or alternatively as a laboratory where an experiment or chemical reaction is being processed.

Numerous lexemes in the text denote creative, not economic results of human activity, i. e. works of art (*μοσαϊκό*, *ψηφιδωτό* 'mosaic'), books and texts (*Καινή Διαθήκη* 'New Testament, *Ευαγγέλιο* 'Gospel', *κατήχηση* 'Catechism', *εντολές* 'commandments').

The lexemes *μοσαϊκό* 'mosaic' and *ψηφιδωτό* 'mosaic' are used by the author to emphasize the chaotic effervescence of heterogeneous elements, social forces and ideas, which was characteristic for Russia of his time. The other metaphors of this group are formed with the lexemes related to the religious sphere and reveal the author's view that communism was the new Soviet religion. By opposing the old and the new Russia Nikos Kazantzakis shows that the religious feeling and the true faith have not yet vanished in the Soviet people but have changed their object instead.

Keywords: language metaphor, cognitive metaphor, metaphorology, lexical semantics, author's journalism, Nikos Kazantzakis, Journeying.

DOI:10.30842/ielcp230690152211

L. Bodniece, A. Kučinskienė, M.-K.Lotman

GREEK PROPER NAMES IN ANCIENT LITERATURE TEXTBOOKS ON THE EXAMPLE OF BALTIC COUNTRIES[1]

Л. Бодниеце, А. Кучинскиене, М.-К. Лотман. Греческие имена собственные в учебниках по классической филологии на примере стран Балтии.

В статье рассматриваются процессы становления способов передачи (транслитерации) древнегреческих имен собственных в учебных пособиях на национальных языках в Латвии, Литве и Эстонии на протяжении последних ста лет, в том числе и влияние на эти процессы переводов с русского языка книг И. М. Тронского.

Ключевые слова: древнегреческий язык, имена собственные, классическая литература, «История античной литературы» И. М. Тронского.

0. Introduction

Although recently the importance of mapping and researching history of translation has been emphasized more and more, less attention has been paid to the need of doing it from the comparative perspective. Examining different traditions side by side makes it possible to notice significant features and regularities which would, perhaps, otherwise escape observation. Such an approach can also have practical advantages: it may help to provide a more precise and in-depth analysis of the translation norms and governing strategies. On the other hand, it can also have theoretical value from, for example, the points of view of the typology, evolutionary and conceptual studies, etc.

In addition to the most central questions such as «who translated?», «what was translated?», and «how it was translated?», the study of the history of translation has to take notice of narrower questions as well, including, for instance, renderings of puns, culture-specific items and terms, but also proper names. Proper

[1] The writing of this paper was supported by the Estonian Ministry of Education and Research, project no IUT20-1, and by the European Union through the European Regional Development Fund (Centre of Excellence in Estonian Studies). The research was supported by the Research Council of Lithuania (project: The Digital Data Basis of Ancient Proper Names, Principal Investigator: Audronė Kučinskienė).

names are often more than just simply reflectors of orthographic norms: they can also be signs of an era, expressing the governing cultural and ideological trends, and these can be more distinctly brought out with the use of comparative analysis.

In translating proper names, broadly speaking, there are two opposite approaches: foreignizing and domesticating ways of translation[2]. In the case of foreignizing translation, the name forms are presented as closely to the original as possible, while the domesticating translation attempts to change the name in a way that it would be familiar to the target culture, either by accommodating the name form to fit the target tradition or, for example, in the case of *nomina loquentia* (names with meaning) even replacing it with the target language equivalent (for instance, instead of Scipio Africanus, Scipio the African, or Hypnos as Sleep and Thanatos as Death). Yet even when the foreignizing method is chosen with the aim to render the names just like they are in the source culture, and in case of the chosen alphabet with the closest transcription possible, there is more nuances necessary to such an approach, as practice shows. For example, the stem of a name can be rendered following the original, but the morphological ending can be dropped or changed. On the other hand, variations can occur also in transcription rules and, as a result, the same name can be accurately transcribed but look entirely different.

The purpose of this paper is to compare the history of rendering Greek proper names in three countries with similar fate – Latvia, Lithuania and Estonia. In order to delimit the very broad material, we have chosen as our research subject literature study books, as one of the most professional and thought-out sources, on the one hand, but also because they are works which have considerable impact and serve as significant tools for popularizing the name forms.

1. Greek names in ancient literature textbooks: the case of the Latvian language

Rendering of ancient proper nouns in the Latvian language is an issue which becomes topical with every new publication within which such nouns are found. In this paper attention is paid to the

[2] For more distinct strategies see, for instance, Hermans 1988, where four main ways of translating proper names are presented, or Fernandes 2006, where as many as ten are listed.

versions of renderings in the ancient literature text-books and anthologies.

In short, the history of ancient literature text-books in Latvian can be divided into two periods – before and after the occupation of Latvia. The translation into Latvian of Joseph Tronsky's book *History of ancient literature* (*Antikās literaturas vēsture*) marks the transition between these two periods, showing quite clearly the set course for not only the representation of ancient culture but also for the development of The Latvian language. It should also be noted that this is the largest publication in volume about the history of ancient literature in Latvian. Although, an anthology of ancient literature was published shortly after the restoration of Latvia's independence, there has since not been any new book of the history of ancient literature.

Before the inclusion of Latvia into the Soviet Union, two voluminous books of the history of ancient literature were published – K. Straubergs's *Roman Literature* (*Romiešu literātūrai*) in 1936 and P. Ķiķauka's *The History of Greek Literature* (*Grieķu literātūras vēsture*) in 1944; that said, however, the first translations of ancient literature works in Latvian were made as early as mid-19th century (J. Alunāns, E. Veidenbaums, J. Rainis etc.). The era of the independent Latvia is also important for the popularization and research of ancient literature, because during this period the first philological translations of the ancient texts were made and several voluminous collections with translations and commentaries were published (K. Straubergs, *Greek Lyrics* (*Grieķu lirika*), 1922, *Poetry by Horace* (*Horātija dzejas*), 1924–1936, Homer's *Odyssey* translated by A. Ģiezens (1943) etc.). Also during this time, countless translations and articles on ancient literature, culture and history were made.

Today this material gives theorists an insight into the early stages and development of the academic tradition of classical philology in Latvia. It offers a chance to trace the history of several ever topical questions, such as the issues of rendering ancient proper nouns, translations of ancient literary works' titles and terms of literary theory, linguistics and philosophy, and to learn which influences have come from Ancient Greek and Latin. The issues of the rendering of terms and proper nouns of Greek and Latin origin in the Latvian language became topical with the very first translations in the 19th century. In that rendering it is possible to see influences

from intermediary languages, as well as versions, which resulted from the forming process of the Latvian literary language. Thus, at the start of the 20th century, several versions of rendering were used for one and the same word.

Inconsistency of the rendering of ancient proper nouns and terms has attracted the attention of linguists, which is demonstrated in a number of publications and polemics in scientific and popular-science issues (e.g. Garais 1930; Plāķis 1926; Felsbergs 1922, etc.).

As both of the books about the history of literature published in the period of independence show, their authors had concluded that in the rendering of Greek and Latin words (in this case it can also be applied to terms) one should as much as possible seek conformity with their classical pronunciations. However, the choice of this approach has not given strictly defined, unambiguous principles of rendering, especially, in the case of Greek words. There are issues which are argued about even now, for example, whether the stress in Greek should be rendered in Latvian as a long vowel, how to render the rough breathing and aspirated consonants, etc. Furthermore, alongside the academically guided discussion of the issue, there are versions which are created by the translators and renders in poetry form and come into everyday use.

The rich choice of materials, which were made until 1944, demonstrate that the start of the century had been a period in which different Ancient Greek and Latin word rendering principles were defined, as several rendering versions were being created at the same time.

The situation changed with the political landscape. Similarly to other areas of life, the new approach to language tried to eradicate diversity of thought and approaches in sciences. This can be seen particularly in the books, which were published at the start of the 50s, – in *Anthology of Ancient Literature* (*Antīkās literatūras antoloģijas*, 1951 and 1952), translation of Joseph Tronsky's *History of Ancient Literature* (1954) and *Latin-Latvian dictionary* (1955), the most voluminous source of renderings of Latin proper nouns in Latvian. Furthermore, the principles of proper noun rendering were subjected to the influence of Russian language: long vowels were not used in the rendering of proper nouns and terms (Homers, Horacijs, etc.).

Greek/Latin	**P.Ķiķauka 1944**	**I.Tronskis 1954**
Αἰνέας / Aenēās	**Ai**nejs	**E**nejs
Ἀχιλλεύς Achilleus	**Achillejs**	**Achiless**
Αἰσχύλος / Aeschylus	**Ai**schils	**E**schils
Αἴᾶς / Aiāx	**Aiants**	**Ajakss** (Ajants)
Ἀγχίσης / Anchīsēs	Anchī**s**s	Anchizs
Εὐρῑπίδης / Eurīpidēs	**Eu**r**ī**pids	**Eiri**pids
Ἰσοκράτης/ Īsocratēs	I**s**okrats	I**z**okrats
Καλλίμαχος / Callimachus	Ka**ll**imachs	Kalimachs
Λῡσίᾶς / Lȳsiās	Lī**s**ijs	Li**z**ijs
Ὀδυσσεύς / Odysseus	Odisejs	Odisejs
Οἰδίπους / Oedipūs	**Oi**dips	**E**dips
Προμηθεύς / Promētheus	Prom**ē**tejs	Prom**e**tejs
Σαπφώ / Sapphō	**Sapfoja**	**Sapfo**
Σοφοκλῆς / Sophoclēs	Sofokls	Sofokls
Τραχίνιαι / Trachiniai	Tr**ā**chī**n**ietes	Tr**a**ch**i**nietes

In the appendixes of Joseph Tronsky's *History of Ancient Literature,* indexes can be found which contain renderings of literature terms, proper nouns and titles. Most of them differ from those used in the previous books; as well, all of the titles of ancient literary works are translated into Latvian. Perhaps, this is because in the original book titles of the ancient works', the translations are given in Russian. This seems unsuitable in Latvian translation as most of the mentioned works have not been translated into Latvian. Separate works, which are translated into Latvian, had been published before the Soviet times and in these issues writing of the titles and rendering of author names differ considerably from the ones used in Tronsky's book. Similar solution can be found for the translations of the literary works quoted in this book, – perhaps, fragments from the existing translations were used but a great deal of the translations were made especially for this issue. The book does not contain translations of the classical philologists, who emigrated from the country; instead, in the bibliography only translations into Russian are shown.

It seems that these kinds of voluminous materials (history of literature, anthologies and dictionary) were published because the new power tried to set the course of the approach to language and the direction of the interpretation of cultural heritage. Even though the new ideas were shown through the previously mentioned issues,

which served throughout the Soviet times as the most important reading sources in Latvian about ancient literature and Latin language, they did not establish rendering principles of proper nouns. Macrons in the proper nouns had already returned, although not everywhere and not consistently, in 1959 with the translation from Russian language of N. Kun's *Ancient Greek Myths and Heroics* (*Sengrieķu mīti un varoņteikas*).

Later publications, such as L. Čerfase's and T. Fomina's *History of Ancient Literature* (1986) start a new peculiar «tradition» – republishing of already published translations, while changing the renderings of proper nouns and words of ancient languages' origins. This book of the history of literature structurally, and in content, follows the example of Tronsky's book. Several statements and examples have been taken straight out of it, but the rendering of proper nouns has been changed.

After the reestablishment of the independence of Latvia a new anthology of ancient literature was published in two books. The structure of the anthology is similar to the ones published in the 1950s; however, it shows the newest approaches in the rendering of proper nouns. Moreover, it continues the tradition of arbitrary correction of the writing of proper nouns and foreign words, republishing previously published translations of ancient literature. It should be noted that N. Kun's *Ancient Greek Myths and Heroics* gets a new issue in 2016 and in it the translation of 1959 is revised according to the standards of today's Latvian language and, of course, the rendering of proper nouns also has been altered.

The issue of rendering Greek and Latin origin proper nouns is ever topical and present in the arena of Latvian humanities. After the restoration of the independence, when classical philology was revived in Latvia, there have been several publications on this topic.

Insight into the rendering of proper nouns from books on the history of the ancient literature in the Latvian language confirm the thesis that there are no unambiguous and unchangeable solutions for this issue. Volumes of ancient literature from every century try to represent a scientifically reasoned, regulated and unified approach to it, but as soon as there are new materials made these approaches have already lost their topicality.

Even though the historical texts on the ancient literature should serve as the most reliable source for rendering of ancient proper nouns, it is not always so. N. Kun's translation of retellings of

myths, which was published soon after the translation of Tronsky's book, is a good example of that.

Today the previous materials cannot be ignored within scientific publications and resources about ancient authors and literature, as those texts are the only accessible materials in Latvian which can be included into bibliography. The renderings of terms and proper nouns, which are found in the appendixes of Joseph Tronsky's book, are without long vowels, so they are not used in modern Latvian language, but the content of the book has not lost its significance.

It is highly unlikely that a new history of ancient Latvian literature will be published in the nearest future. Right now, however, under the wing of National Library of Latvia, a new National encyclopaedia honouring the centenary of Latvia is being made with the plan to also contain entries on the ancient world. So, the writers of these entries have new challenges: What should be done with the rendering of the ancient proper nouns? How to render the terms of ancient literature? And, how to create and comment on the bibliography, which is accessible in Latvian?

2. Joseph Tronsky's «History of Ancient literature» in Lithuanian: between two traditions

The problem of Lithuanization of ancient names was and still is relevant, and not fully resolved. It is manifested by variation in spelling of names as well as by ongoing discussions and considerations on properly reconciling language and history in the media.

The history of Ancient Greek and Latin proper names in Lithuanian can be traced to the earliest scripts of 16th century, although some biblical names had come into spoken the Lithuanian language even earlier, with baptism in Lithuania, in 14th century. Nevertheless, we can easily conclude that from the 16–18th century usage and transcription of ancient names in Lithuanian were sporadic, without any rules or system. Sometimes the words are used as would be the spoken vulgar language, i.e. adapted to the rules of Lithuanian dialects. In other cases, however, they are influenced by Polish, or simply written in original Latin form with Lithuanian ending. The only clear tendency observed from the first Lithuanian writings and, in essence, maintained in modern use is writing Latin nouns according to the rules of medieval

pronunciation. In Lithuania, this was the case due to activity of the Catholic Church and other cultural institutions (Vilnius University in 16–18th c., etc.).

The first deliberate attempts to introduce some order in the writing of ancient nouns in Lithuanian showed at the end of the 19th and especially the beginning of 20th century. It was a time when Lithuanian nationalist movement led to the State's first independence, when Lithuanian press ban was ended (in 1904), and cultural identity in all its forms became more vigorous. In this period of the first state independence, before the Second World War, Kaunas University was established and continued the academic tradition of classical studies in Lithuania. It was an active period when textbooks for schools and university students were written or translated, and monographic studies in Greek literature and art history were written by professors of Kaunas University. In the press, discussions and book reviews identified the problem of writing ancient names in Lithuanian and both sides were very actively discussed and argued. In 1920s and 1930s the first fundamental translations made both by classical scholars and non-professionals who had an excellent command of ancient languages from classical gymnasium education came into acceptance. Among the most prominent were the translations of Homer's poems[3], several Plato's dialogues, Ancient Greek tragedies and comedies, as well as numerous excerpts from various Latin authors, such as Ovid, Virgil, Horace, Tibullus, Cicero, Caesar etc. can be mentioned[4]. Studies of ancient literature (V. Dubas, *Introduction to General Literature* (*Įvadas į bendrąją literatūrą*), Kaunas, 1923; Vladimiras Šilkarskis, *Homer and Greek Epic Poetry* (*Homeras ir graikų epinė poezija*), Kaunas, 1937; Vladimiras Šilkarskis, *The History of Greek Literature* (*Graikų literatūros istorija. Pirmas tomas: Klasikinis laikotarpis*, Kaunas,1938) as well as anthologies (*Visuotinės literatūros chrestomatija. I-ji dalis: Graikai ir Romėnai*, sudarė J.

[3] The most important were the translations of Homer's *Odyssey* and *Iliad* by Jeronimas Ralys. *Odyssey* was translated by Jeronimas Ralys and first published in 1921. The second edition, revised by Vladimiras Šilkarskis, followed in 1937. *Iliad*, translated by J. Ralys and others, and revised by was Vladimiras Šilkarskis, was published in 1930.

[4] Detailed bibliography of the translations from ancient Greek and Latin into Lithianian can be found in the Digital data base Index Lituanicus: www.indexlituanicus.flf.vu.lt/.

Talmantas, Kaunas, 1930), textbooks (*Parinktos Kvinto Horaciaus Flakko giesmės (odės) su komentarais ir žodžiais*, paruošė K. Kepalas, Kaunas, 1928), *Latin-Lithuanian dictionary* (Kazimieras Jokantas, *Lotyniškai lietuviškas žodynas*, Kaunas, 1936) were also important for rendering of ancient names into The Lithuanian language.

We can claim rather firmly that some more or less established tendencies of Lithuanization of Greek names following the original form can be observed during this period. These principles were worked out and used in practice by professors of the classics of Kaunas University including Franz Brender, Vladimiras Šilkarskis together with professors of the Lithuanian language Pranas Skardžius, Antanas Salys. We can suppose that it would have become an established tradition, if it had been further developed. These are the main principles of Lithuanization the Greek names:

1. Greek nouns of the 3rd declination are transcribed into Lithuanian on the root of *genitivus*: Artemida (Ἄρτεμις, ῐδος ἡ), Tetida (Θέτις, ιδος ἡ), Hellada (Ἑλλάς, άδος ἡ).

2. All Greek diphthongs are transcribed as Lithuanian correspondent diphthongs: **Ai**gistas (**Αἴ**γισθος), **Eu**majas (**Εὔ**μαιος), Hefaistas (Ἥφ**αι**στος), P**ei**sistratas (Π**ει**σίστρατος), Oidipas (**Οἰ**δίπους).

3. Greek *sigma* between two vowels is transcribed as Lithuanian s: Aisonas (Αἴ**σ**ων), Sisifas (Σί**σ**υφος), Aretūs**a** (Ἀρέθου**σ**α), Ja**s**onas (Ἰά**σ**ων).

4. Greek *dzeta* is transcribed as dz: **Dz**eusas (**Ζ**εύς), **Dz**akintas (**Ζ**άκυνθος).

5. Greek *kappa* in all positions transcribed as k: **K**irkė (**Κ**ίρκη), S**k**ila (Σ**κ**ύλλα), **K**erberas (**Κ**έρβερος), Ko**k**itas (Κω**κ**υτός).

6. Greek *theta* transcribed as t: **T**etida (**Θ**έτις), **T**emida (**Θ**έμις).

7. Greek geminates ar transcribed as doble consonants: Odi**ss**ejus (Ὀδυσ**σ**εύς), Apo**ll**onas (Ἀπό**λλ**ων), Hi**pp**odameja (Ἱ**ππ**οδάμεια), Achi**ll**as (Ἀχιλλεύς), O**ss**a (Ὄσσα).

The situation changes after the Second World War. Some professors and translators emigrated to the West, while others were banished to Soviet prison camps. Those who remained moved to Vilnius together with the Department of Classical Philology, after Vilnius University was reopened in 1940.

It is extremely interesting to observe how and when the influence of Soviet unification, politics and of the Russian language, started operating in the usage of the ancient names in Lithuanian. On

the one hand, the tendencies of rendering Ancient Greek names, mentioned above, continue well into the second and third decade of the Soviet occupation, especially in translations of ancient authors[5]. On the other hand, new translations from Russian, such as textbooks on ancient history *Senovės istorija*, red. A. V. Mišulinas (1946); V. Sergejevas, *Senovės Graikijos istorija* (1952), were influenced greatly by Russian and digressed from earlier principles of rendering Ancient Greek proper names.

The crucial break with the previously followed tendencies can be observed in the Joseph Tronsky's *History of ancient literature*, translated from Russian and published several times (Tronski 1951; 1955, 1961). This was the main textbook of Greek and Latin literature for university students until the new textbook *Ancient literature* (*Antikinė literatūra*) by Dalia Dilytė replaced it in 1998 (Dilytė 1998). A comparison of the two editions of 1951 and 1961 shows rather clearly the changes in main principles:

1. Greek diphthongs αι and οι are transcribed as Lithuanian diphthongs *ai*, *oi* in the first edition, and as a vowel *e*, peculiar to Russian, in the second.

	Tronsky 1951	**Tronsky 1961**
Αἴγισθος / Aegisthus	**Ai**gistas	**E**gistas
Αἰσχίνης / Aeschinēs	**Ai**schinas	**E**schinas
Αἰσχύλος / Aeschylus	**Ai**schilas	**E**schilas
Φαίδων / Phaedōn	F**ai**donas	F**e**donas
Κλυταιμνήστρα / Clytaemnestra	Klit**ai**mnestra	Klit**e**mnestra
Κροῖσος / Croesus	Kr**oi**sas	Kr**e**zas
Οἰδίπους / Oedipūs	**Oi**dipas	**E**dipas
Φοῖβος / Phoebus	F**oi**bas	F**e**bas

2. The geminate consonants disappear both from Latin and Greek proper names in Lithuanian rendering:

	Tronsky 1951	**Tronsky 1961**
Atta	A**tt**a	A**t**a
Ἄτταλος / Attalus	A**tt**alas	A**t**alas
Cinna	Ci**nn**a	Ci**n**a

[5] For instance, Aeschylus' *Prometheus Bound* (Aischilas, *Prikaltasis Prometėjas*, vertė R. Mironas, Vilnius: Valstybinė grožinės literatūros leidykla, 1947); new edition of Homer's *Odyssey*, translated by J. Ralys (1948) follows its earlier version (1937), rendered by prof. Vladimiras Šilkarskis.

Catullus	Katu**ll**as	Katu**l**as
Κόριννα / Corinna	Kori**nn**a	Kori**n**a
Ennius	E**nn**ijus	E**n**ijus
Gallus	Ga**ll**as	Ga**l**as
Gellius	Ge**ll**ijus	Ge**l**ijus

3. In the position between two vowels *j* is written to make clear division between two syllables in the first Tronky's edition, and it disappears in the second.

	Tronsky 1951	**Tronsky 1961**
Fabiānus	Fabi**j**anas	Fabianas
Ἰλιάς / Ilias	Ili**j**ada	Iliada
Ἴλιον / Īlion	Ili**j**onas	Ilionas
Λουκιανός / Lūcianus	Luki**j**anas	Lukianas
Ἀρίων / Arīōn	Ari**j**onas	Arionas

4. In several cases Greek *sigma* between two vowels is transcribed as Lithuanian *z* by the influence of the Medieval pronunciation of Latin. This becomes even more established tendency throughout the Soviet period.

	Tronsky 1951	**Tronsky 1961**
Βρῑ**σ**ηΐ́ς / Brīsēis	Bri**z**ejidė	Bri**z**eidė
Κροῖ**σ**ος / Croesus	Kroi**s**as	Kre**z**as
Ἡ**σ**ίοδος / Hēsiodus	He**z**iodas	He**z**iodas
Διόνῡ**σ**ος / Dionȳsus	Dioni**z**as	Dioni**z**as
Κροῖ**σ**ος / Croesus	Kroi**s**as	Kre**z**as

We could not affirm, that the translation of Tronsky's textbook had a significant influence on the rendering Ancient Greek and Latin names in Lithuanian. Rather to the contrary, the tendency to follow Russian as an example was forced upon the authors of this translation. Disagreements with the editors of the second edition made one of translators, Jonas Dumčius, start his fundamental research on the problem. As a result a voluminous thesis entitled *Ancient Proper Names in the Lithuanian Language* (VU, 1958) was written which comprises two volumes, totalling about 900 pages. Dumčius' study covers the history of biblical and Ancient Greek, and Latin proper names in Lithuanian starting with the very first Lithuanian scripts of 16th century and going to the 1950s (Dumčius, 1958).

After the restoration of the independence in Lithuania, some principles of the Lithuanization of Greek names following the original form, which prevailed before Soviet period, were more or less reestablished, for instance the transcription of Greek diphthongs as Lithuanian ai and oi. At the same time, the rendering of Latin names according to the medieval tradition remained unchanged. The problem usually occurred in those books or anthologies were both Greek and Latin proper names are included. The same name was written differently in accordance to its Latin or Greek context, for instance *Faidra*, *Aigistas* in Euripides' plays, and at the same time *Fedra*, *Egistas* in Seneca's.

A Digital Data Base of Ancient Proper Names was created in 2015[6]. Pooling proper nouns, both in Greek and Latin (totally about 12 thousands), in a single database, provides a more general view and allows establishing the criteria for Lithuanization of names as well as formulating general principles and specific rules, i.e. enables attempts to develop a theoretical Lithuanian transcription system. But a perfect system is hardly possible – each rule has exceptions, taking into account the established spelling of individual nouns. The main principle of the database is to maintain the phonetic and morphologic parameters of Greek and Latin nouns as close to the original as possible by harmonising them with the patterns of the Lithuanian language, and with regard to the prevalence of those Greek and Latin nouns in Modern Lithuanian.

3. Greek names in Estonian literature study books

Rendering ancient names in Estonia is not a unique; there are quite important features in common with those found with the other Baltic states. In the 19th century and at the beginning of 20th century, various forms of proper names were used completely unsystematically. Sometimes German name forms were applied, while at other times different principles of transcription; especially remarkable is the difference in the orthography of the words containing Greek consonants χ, θ, φ and ξ and vowel υ. There is also confusion in the name endings: sometimes Greek -os was used,

[6] The project «Digital Data Base of Ancient Proper Names» was founded by Research Council of Lithuania, 2013 June – 2015 July, and was finished by the group of scholars of Vilnius University. The data base is freely acceptable to all users: http://www.vardynas.flf.vu.lt/

sometimes latinized -us, while sometimes the ending was dropped entirely. There are also inconsistencies in rendering the vowel lengths: occasionally the long vowel was transcribed with the double vowel in Estonian, while on other occasions the length was not reflected at all in the name form. However, what was rare – especially in comparison with other Baltic languages – was the derivation of the name form from the genitive stem: usually the name was rendered from the nominative of the original.

However, in 1920s certain tendencies towards formation of rules can be noted, forming rules which at the time were also being popularized within literature study books. During that first period of independence, quite a few of these were published in texts: in 1926 appeared the first part of «Ancient Greek literature» by Tadeusz Zieliński, in the next year the second part as well. In rendering the Greek proper names the translator Linda Metslang adopted the following rules:

1. Greek proper names are transcribed to Estonian on the root of nominative: Artemis (Ἄρτεμις, ῐδος ἡ), Thetis (Θέτις, ιδος ἡ), Hellas (Ἑλλάς, άδος ἡ) etc.

2. All Greek diphthongs are transcribed as Estonian corresponding diphthongs: **Ai**gisthos (**Αῒ**γισθος), Eu**mai**os (**Εὔ**μαιος), Heph**ai**stos (Ἥφ**αι**στος), Herakl**ei**tos (Ἡράκλ**ει**τος), **Oi**dipus (**Οι**δίπους).

3. Greek ζ is transcribed using the foreign letter z: **Z**eus (**Ζ**εύς).

4. Greek κ is in all positions transcribed as k: **K**ir**k**e (**Κ**ίρκη), S**k**ylla (Σ**κ**ύλλα), Kreon (**K**ρέων).

5. Greek φ is transcribed as ph: Sap**ph**o (Σαπ**φ**ώ), **Ph**aidra (**Φ**αίδρα), So**ph**okles (Σο**φ**οκλῆς), Xeno**ph**on (Ξενο**φ**ῶν).

6. Greek θ is transcribed as th: **Th**etis (**Θ**έτις), **Th**ukydides (**Θ**ουκυδίδης).

7. Greek χ is transcribed as ch: Ais**ch**ylos (Αἰσ**χ**ύλος), A**ch**illeus (Ἀ**χ**ιλλεύς), Telema**ch**os (Τηλέμα**χ**ος).

8. Greek geminates are transcribed as double consonants: Ody**ss**eus (Ὀδυ**σσ**εύς), Apo**ll**on (Ἀπό**λλ**ων), Achi**ll**eus (Ἀχι**λλ**εύς).

9. Greek υ is transcribed as y: Od**y**sseus (Ὀδ**υ**σσεύς), Aisch**y**los (Αἰσχ**ύ**λος), Thuk**y**dides (Θουκ**υ**δίδης).

On the other hand, different approaches can be clearly seen with the rendering of proper names and toponyms: in toponyms, θ and φ are simplified to estonianized non-aspirated consonants (**T**eeba, E**f**esos), while instead of *y*, an Estonian vowel *ü* is used: K**ü**reene,

Sik**ü**oon. A double consonant is used only for the Greek χ: Achaia (Ἀχαΐα), Kolchis (Κολχίς). As for the titles of ancient literary works, we see certain inconsistencies: in some places these are transcribed following the rules of proper names, in other places these are simplified like toponyms. Still, Metslang's principles created a standard: the same rules were followed by Ervin Roos, who published his *Overview of ancient Greek literature* in 1935; the differences are revealed mostly in some titles, which were rendered with different rules than the proper names but were simplified in accordance with the simplifying principles of rendering the proper names, thus, «Odysseia» became «Odüsseia» and «Trachiniai» became «Trahhiinlannad». Still, some titles were foreignizing, like, for example, «Eirene» and «Thesmophoriazusai» by Aristophanes (Metslang's version is more simplified «Tesmoforiad»).

Quite soon after Estonia was occupied, already in 1949, Joseph Tronsky's *History of Ancient Literature* (*Antiikkirjanduse ajalugu*, translated by Aita Kurfeldt) was published in Estonian. In comparison with the prior republic's standards, certain changes can be seen in her transcription, which, first of all, concern the transcription of φ and υ – the first is rendered in proper names as f, the second as ü: Sap**f**o and Od**ü**sseus. Since θ and χ are rendered in accordance with earlier principles, we can see a certain inconsistency here. Compare the orthography of proper names in the study books by Zieliński and Tronsky:

Greek/Latin	**Zieliński 1926**	**Tronsky 1949**
Ἀχιλλεύς Achilleus	Achilleus	Achilleus
Αἰσχύλος / Aesch**y**lus	Aisch**y**los	Aisch**ü**los
Αἴᾱς / Aiāx	Aias	Aias
Εὐρῑπίδης / Eurīpidēs	Euripides	Euripides
Ἰσοκράτης/ Īsocratēs	Isokrates	Isokrates
Καλλίμαχος / Callimachus	Kallimachos	Kallimachos
Λῡσίᾱς / Lȳsiās	L**y**sias	L**ü**sias
Ὀδ**υ**σσεύς / Od**y**sseus	Odysseus	Od**ü**sseus
Οἰδίπους / Oedipūs	Oidipus	Oidipus
Προμηθεύς / Promētheus	Prometheus	Prometheus
Σαπ**φ**ώ / Sapphō	Sapp**h**o	Sap**f**o
Σο**φ**οκλῆς / Soph**o**clēs	Soph**o**kles	Sof**o**kles

The next table exemplifies the rendering of titles.

Greek	**Zieliński 1926**	**Tronsky 1949**
Αἴτια	Aitia	Põhjused
Ἀχαρνεῖς	A**ch**arnalased	A**hh**arnlased
Βάκχαι	Bak**ch**id	Bak**h**andid
Εἰρήνη	**Eirene**	**Rahu**
Ἑπτὰ ἐπὶ Θήβ**ας**	Seitse Teeb**a** vastu	Seitse Teeb**ai** vastu
Ἡρακλεῖδαι	Herakleid**ai**	Herakleid**id**
Θεσμοφοριάζουσαι	**Tesmoforiad**	**Naised tesmofooride pühal**
Κύκλωψ	**Küklops**	**Kükloop**
Ὀδύσσεια	Od**y**sseia	Od**ü**sseia
Οἰδίπους ἐπὶ Κολωνῷ	Oidipus Koloonoses	Oidipus Koloonoses
Χοηφόροι	Choefoor**id**	Choefor**oi**
Τραχίνιαι	Trachini**ai**	Tra**hh**iin**lannad**

Here we can see even more confusion than in the case of proper names: occasionally, there is a domesticating approach («Trahhiin-lannad»), in other places the titles are translated to Estonian («Põhjused», «Rahu»), and sometimes we can see a foreignizing approach («Choephoroi»). There are also inconsistencies in transcribing Greek words (cf «A**hh**arnlased» vs «**Ch**oeforoi»).

Soon after Tronsky's book was published, together with the compilation of *Big Estonian ortographic dictionary*, the problem of the orthography of ancient proper names resurfaced. The department of dictionaries and orthography in the Institute of the Estonian Language and Literature was engaged in this task and Ernst Nurm, a linguist and lexicologist, has to be recognized for his contribution: he developed specific instructions for rendering ancient names. These evoked ardent response and at the end of 1950s started heated discussions over the Estonification of proper names. There were two opposing sides, one of which was represented by Ernst Nurm, the other by Ain Kaalep, a young linguist at that time, later a distinguished poet and critic, and Johannes Veski, who was the head of the department of dictionaries and orthography, and also an esteemed linguist and a composer of dictionaries of the Estonian language. In 1958, Ernst Nurm published a paper where he mainly discussed how Greek names in Estonian have to be delatinized, that is, ξ has to be consistently rendered not as *x*, but as *ks*, φ not as *ph*, but as *f*, χ not as *ch*, but as *hh*, θ not as *th*, but as *t*, ῥ not as *rh*, but as

r, and υ not as *y*, but as *ü*. Evidently, his intention was to introduce the principles, earlier used for toponyms, also for rendering proper names, thus taking up and generalizing Kurfeldt's method of transcribing φ and υ in her Tronsky's translation.

Kaalep and Veski, however, fought against this approach, both in special discussion meetings and in their academic papers. Veski (1961) criticized Nurm for the lack of consistency (ξ is only sporadically transcribed as 'ks'), and also presented a number of linguistic arguments why he does not consider Nurm's approach suitable. Kaalep (1961) rebuked Nurm for creating confusion, but also brought a number of pragmatic and linguistic arguments why the latinized name forms should be preferred.

After these events we can see that the two different systems of transcriptions are used simultaneously for a period of time. The translations of the *Iliad* (1960) and the *Odyssey* (1963) popularized the republic's standards of proper names; however, when we take a look at newspaper articles, we see that the name forms proposed by Nurm are repeatedly used. In 1966, the State Orthography Committee discussed among other topics the problem of transcribing Greek proper names, but neither of the proposed systems achieved the necessary majority of votes to make a favouring ruling (Raiet 1966: 178).

Yet, the standards which were developed during the first period of the independence became prevailingly dominant, happening primarily through the prolific publishing of the supporters of this system. Here, for its early leadership, the project of *Estonian Soviet Encyclopedia* has to be mentioned: where the section of the articles about literature was supervised by Ain Kaalep and classicist Richard Kleis, who also favoured the latinized forms. Secondly, the anthologies of ancient literature (in 1964 the anthology of Greek literature and in 1971 the anthology of Roman literature) are certainly of relevance. And third, perhaps even the most important are the study materials composed by Richard Kleis, which widely popularized these standards at the higher educational level starting in 1964 with the first original Greek literature study book after Estonia was occupied. The orthography of proper names does not follow Nurms's suggestions here and when we compare again the orthography of the same names, we can conclude that Kleis returned completely to the republic's orthographic rules:

Greek/Latin	**Zieliński 1926**	**Kleis 1964**
Ἀχιλλεύς Achilleus	Achilleus	Achilleus
Αἰσχ**ύ**λος / Aesch**y**lus	Aischylos	Aischylos
Αἴᾱς / Aiāx	Aias	Aias
Εὐρῑπίδης / Eurīpidēs	Euripides	Euripides
Ἰσοκράτης/ Īsocratēs	Isokrates	Isokrates
Καλλίμαχος / Callimachus	Kallimachos	Kallimachos
Λῡσίᾱς / Lȳsiās	Lysias	Lysias
Ὀδ**υ**σσεύς / Od**y**sseus	Odysseus	Odysseus
Οἰδίπους / Oedipūs	Oidipus	Oidipus
Προμηθεύς / Promētheus	Prometheus	Prometheus
Σαπ**φ**ώ / Sap**ph**ō	Sappho	Sappho
Σο**φ**οκλῆς / So**ph**oclēs	Sophokles	Sophokles

However, some significant changes can be seen in renderings of the titles:

Kreeka	**Zieliński 1926**	**Kleis 1964**
Αἴτια	Aitia	Põhjused
Ἀ**χ**αρνεῖς	A**ch**arnalased	A**hh**arnlased
Εἰρήνη	**Eirene**	**Rahu**
Ἑπτὰ ἐπὶ Θήβ**ας**	Seitse Teeb**a** vastu	Seitse Teeb**a** vastu
Κύκλωψ	**Küklops**	**Kükloop**
Ὀδύσσεια	Od**y**sseia	Od**ü**sseia
Οἰδίπους ἐπὶ Κολ**ω**νῷ	Oidipus Kol**oo**noses	Oidipus Kol**o**noses
Xοη**φ**όρ**οι**	**Ch**oefoor**id**	**H**oefoor**id**
Τραχίνιαι	Trachini**ai**	Tra**hh**is**lannad**

Here Kleis followed the domesticating principles, which were taken up already by Aita Kurfeldt, but he executed them systematically and consistently, thus, «Choephoroi» became «Hoefoorid», «Trahhiinlannad» is rendered more accurately as «Trahhislannad». At the same time, the inconsistent attempts of the earlier authors to render Greek long vowels with Estonian double vowels are given up: for instance, the toponym for Troy (Trooja) follows the established tradition, while the Sophoclean tragedy «Oedipus at Colonus» is rendered consistently with short Estonian vowels «Oidipus Kolonoses».

The following are a summary of Kleis's principles: in proper names the latinized transcription is used, applying foreign letters *x*, *y*, *c* and *z* if necessary, but the morphological endings in the nominative form are still Greek (for instance, -*os* and -*on*); and, in

titles the Estonified forms are used. In 1980, Kleis published the study book on ancient literature and here the same principles are applied.

Such an orthography of proper names has been in effect up till now, although we sometimes see a certain tendency to name forms like «Odysseia», in which case the title has been influenced by the form of the proper name Odysseus. Yet currently the Press of the University of Tartu is preparing a publication of the collection *Literature in the Greek and Roman Worlds* (edited by Oliver Taplin), and there all the forms of ancient proper names follow the rules popularized by Ain Kaalep and Richard Kleis.

The classicists of the University of Tartu are currently preparing an online data base of ancient proper names (base funding project of the University of Tartu No. PHVLC16933, head of the project: Kadri Novikov). The purpose of the dictionary is to present the recommended renderings of ancient proper and geographical names to Estonian, adding also the parallel forms in different dictionaries and translations with the aim to serve as a tool for translators, editors, students, as well as the researchers of language and translation.

4. Summary

The history of orthography of ancient proper names in the three Baltic states reveals similar evolutionary patterns:

1) the period of diversity, when different renderings of proper names are used unsystematically;

2) first attempts of standardization and the beginning of establishing the norms;

3) the Soviet period, when the republic's standards are questioned and disputes over them were at least partially brought about by the publishing of Tronsky's book. As a result, several different systems can be used in parallel;

4) the period after the independence was gained and the standards of rendering the ancient proper names were again revised, by either reviving the old ones or creating the new ones

The standardization is not yet complete in any of the three Baltic states. Even if some of the general standards have been formulated, there is still a number of issues which are yet to be solved, like, for example, Greek names in Latin context, the titles of ancient works, place names and dilemmas between accuracy and tradition.

References

Antikās literatūras antoloģija I. Rīga: Latvijas Valsts izdevniecība, 1951.
Antikās literatūras antoloģija II. Rīga: Latvijas Valsts izdevniecība, 1952.
Aischylos 1947 = Aischilas. *Prikaltasis Prometėjas*. Tlk Ričardas Mironas. Vilnius: Valstybinė grožinės literatūros leidykla.
Čerfasa, L., Fomina, T. 1968: *Antīkās literatūras vēsture*. Rīga: Zvaigzne.
Dilytė, D. 1998: *Antikinė literatūra*. Vilnius: Jošara (kordustrükid: 1999, Vilnius: Jandrija, 2005, Vilniaus universiteto leidykla).
Дилите, Д. 2003: Античная литература. пер. с литовского Н. К. Малинаускене. М.: Греко-лат. кабинет Ю. А. Шичалина.
Dumčius, J. 1958: *Antičnyje imena sobstvennyje v litovskom jazyke*. Vilnius [käsikiri].
Felsbergs, E. 1922: *Grieķu īpašvārdu pareizrakstība latviešu valodā*. Rīga: Latvijas Universitātes izdevums.
Fernandes, L. 2006: Translation of names in children s fantasy literature: Bringing young reader into play. https://www.researchgate.net/publication/237246131
Garais, F. 1930 : *Daži latviešu valodas jautājumi*. Rīga: Autora izdevums.
Hermans, Th. 1988: On Translating Proper Names, with reference to De Witte and Max Havelaar. In: Wintle, M. J. (toim.). *Modern Dutch Studies. Essays in Honour of Prof.r P. King on the Occasion of his Retirement*. London; Atlantic Highlands: The Athlone Press, 11–24.
Homeros 1937 = Homeras. *Odisėja*. Tlk Vladimiras Šilkarskis. Kaunas: Švietimo ministerijos KLK-jos leidinys.
Homeros 1948 = Homeras. *Odisėja*. Tlk Jeronimas Ralys. Vilnius: Valstybinė grožinės literatūros leidykla.
Homeros 1943 = Homērs. *Odiseja*. Tlk Augusts Ģiezens. Rīga: Latviju grāmata.
Horatius 1924-1936 = Horatius. *Horātija dzejas*. Tlk Kārlis Straubergs. Rīga: A.Gulbis.
Kaalep, A. 1961: «Keele ja Kirjanduse» ringküsitlusest. *Keel ja Kirjandus*, nr 1, nr 2, lk 41–46, lk 109–115.
Ķiķauka, P. 1944: *Grieķu literātūras vēsture*. Rīga: Universitātes apgāds.
Kleis, R. 1964: *Vana-Kreeka kirjanduse põhijooni*. Tartu: Tartu Riiklik Ülikool (kordustrükid 1965, 1968, 1974).
Kleis, R. 1980: *Antiikkirjanduse ajalugu: kõrgkooli õpik filoloogia erialadel*. Tallinn: Valgus.
Kreeka kirjanduse antoloogia. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1964.
Kun, Nikolai 1959 = Kūns, Nikolajs. *Sengrieķu mīti un varoņteikas*. Rīga: Latvijas Valsts izdevniecība.
Kun, Nikolai 2016 = Kūns, Nikolajs. *Sengrieķu mīti un varoņteikas.* Rīga: Jumava.
Laizāns, M., Lāms, O. 2014: Sengrieķu īpašvārdu atveide latviešu valodā: paražas vs. paraugs lingvistikas un poētikas aspektos. In: Kalnača, A., Lokmane, I., Urbanoviča I. (toim.). *Alīse Laua (1914-1994). In honorem*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 98–105.
Latiņu-latviešu vārdnīca. Rīga: Latvijas Valsts izdevniecība, 1954.
Mišulinas, A. V. (koost.). 1946: *Senovės istorija*. Kaunas: Valstybinė pedagoginės literatūros leidykla.

Nurm, Ernst 1958. Kreeka pärisnimede edasiandmisest eesti keeles. – *Keele ja Kirjanduse Instituudi uurimused II*. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, lk 43–52.
Nurm, E., Raiet, E., Kindlam, M. 1961: «Õigekeelsuse sõnaraamatu» arvustuste puhul. *Keel ja Kirjandus* 9, 553–565.
Plāķis, J. 1929: Svešvārdu izruna un rakstība latviešu valodā. *Izglītības ministrijas mēnešraksts* 5, 477–480.
Raiet, Erich 1966. Vabariikliku õigekeelsuse komisjoni otsuseid. *Keel ja Kirjandus* 3, 178.
Rooma kirjanduse antoloogia. Tallinn: Eesti Raamat, 1971.
Roos, E. 1935: *Ülevaade vana-kreeka kirjandusest*. Tartu: Loodus.
Rūmniece, I. 2009: Par grieķu īpašvārdiem un grēcismiem latviešu valodas vidē. *Antiquitas Viva* 3. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 147–156.
Sengrieķu literatūras antoloģija. Rīga: Zvaigzne, 1990.
Senās Romas literatūras antoloģija. Rīga: Zvaigzne, 1994.
Sergejevas, V. 1952: *Senovės Graikijos istorija*. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla.
Straubergs, K. (koost.) 1922: *Grieķu lirika*. Rīga: Izglītības ministrijas izdevums.
Straubergs, K. 1936: *Romiešu literātūra*. Rīga: Valters un Rapa.
Taplin, O. (toim.) trükis. *Kirjandus Kreeka-Rooma maailmas*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
Tronski, J. 1949 : *Antiikkirjanduse ajalugu*. Tartu: Teaduslik Kirjandus.
Tronski 1951 = Tronskis, Josifas. *Antikinės literatūros istorija*. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla (kordustrükid 1955, 1961).
Tronski 1954 = Tronskis, Josifs. *Antikās literaturas vēsture*. Rīga: Latvijas Valsts izdevniecība.
Vecvagars, M. 2008: *Sengrieķu-latviešu īpašvārdu vārdnīca*. Rīga: Filozofijas un socioloģijas institūts.
Veski, J. V. 1961: Kreeka ja ladina sõnavara omavahelisest suhtumusest eesti keeles *Keel ja Kirjandus* 1, 37–41.
Zieliński, T. 1926–1927: *Vana-kreeka kirjandus*. Tlk Linda Metslang. Tartu: Eesti Kirjanduse Selts.

L. Bodniece, A. Kučinskienė, M.-K. Lotman. Greek proper names in ancient literature textbooks on the example of Baltic countries

The purpose of this paper is to compare the history of rendering Greek proper names in three countries with similar fate – Latvia, Lithuania and Estonia. In order to delimit the very broad material, we have chosen as our research subject literature study books, as one of the most professional and thought-out sources, on the one hand, but also because they are works which have considerable impact and serve as significant tools for popularizing the name forms.

Keywords: Greek proper names in Latvian, Lithuanian, Estonian.

DOI:10.30842/ielcp230690152212

Н. С. Бокова

О ЧЕМ УМОЛЧАЛ ИСТОРИК И РАССКАЗАЛ КАМЕНЬ: РОЛЬ ГАЯ ЮЛИЯ КЛАССИЦИАНА В ПОКОРЕНИИ БРИТАНИИ

В статье рассматривается личность римского прокуратора Гая Юлия Классициана, действия которого помогли разрешить кризис в Британии в I в. н. э. Это привело к новой волне романизации и ускорило процесс интеграции провинции в систему Римской империи. Тацит, упоминающий Классициана в своих сочинениях, невысоко оценивал личность чиновника и последствия его действий, хотя данные археологии и эпиграфики, в частности, полученные в результате источниковедческого анализа надгробного памятника самого Классициана, свидетельствуют об обратном. Цель статьи – составление более полного портрета британского прокуратора и оценка его влияния на обстановку в регионе.

*Ключевые слова***:** Римская Британия, Светоний Паулин, Классициан, Тацит, Нерон.

В истории Римской Британии существовала личность, которая упоминается исследователями как бы невзначай, а между тем роль этого человека в урегулировании острой политической ситуации после масштабных антиримских восстаний Каратака и Боудикки весьма велика. Речь идет о прокураторе Гае Юлии Классициане, чей надгробный памятник хранится в Британском Музее и по праву считается одним из важнейших экспонатов периода римского завоевания острова и национальным достоянием Британии.

Сведения о жизни Классициана скудны. У нас нет практически никакой информации о его карьере до назначения прокуратором Британии. Некоторые факты биографии Классициана сообщает Тацит, характеризуя прокуратора в самых резких выражениях. Поэтому надгробный памятник является важным источником, позволяющим пролить свет на некоторые аспекты жизни выдающегося римского чиновника, что делает его образ объемнее и выразительнее.

После подавления восстания Боудикки Британия не пришла в состояние покоя. Повсюду на территории новой провинции вспыхивали локальные мятежи. Карательные походы Светония Паулина продолжились: наместник пытался подавлять бунты

«огнем и мечом» (Tac. Ann., XIV, 38, 2), вызывая новые вспышки недовольства среди местных племен. Получался замкнутый круг, и ситуация требовала немедленного разрешения. Кроме того, региону грозил голод, так как из-за затянувшихся военных действий кельты не могли заниматься земледельческими работами и большая часть трудоспособного населения была задействована на полях сражения (Tac. Ann., XIV, 38, 3).

Римская администрация понимала, что мятежная провинция забирает слишком много военных ресурсов, а власть наместника выходит из-под контроля. Карательные походы Светония Паулина стали больше похожи на акты личной мести, чем на отстаивание интересов империи. В это непростое время в Британию и был направлен прокуратор Гай Юлий Классициан с целью оценить обстановку в регионе и предложить решение сложившихся проблем. От его доклада зависели как политические и экономические перспективы развития региона, так и карьера самого наместника. Кроме того, Классициан опасался, что дальнейшее разрушение провинции приведет к сокращению налоговых поступлений, и что в сложившейся неразберихе будет трудно отследить судьбу наследства Прасутага, которое по большей части должно было достаться императору Нерону (Alcock 2011).

После доклада Классициана с просьбой срочно отозвать из региона Светония и назначить наместником более уступчивого человека, способного проводить политику усмирения не столько оружием, сколько путем мирных договоров и компромиссов, в Британию отправилась специальная комиссия. Тацит полагал, что Классициан из личной неприязни к Светонию намеренно «препятствовал общему благу, сея слухи о том, что вскоре должен прибыть новый легат, который без злобы к противнику и свойственного победителю высокомерия милостиво отнесется к сдавшимся» (Tac. Ann., XIV, 38, 4). Под благом Тацит явно имеет в виду скорейшее разрешение ситуации, пусть даже и более суровыми методами. Действия нового прокуратора явно противоречили мнению Тацита о том, каким должен быть представитель римской власти в провинции, тем более, такой непокорной как Британия. И.М. Гревс пишет, что историк был патриотом своего отечества, но при этом прекрасно понимал, какие беды и несправедливость несли римляне завоеванным народам (Гревс 1946: 186). И хотя Тацит не отрицает перегибов

в отношении завоеванного населения (например, историк, не скрывая, описывает бесчинства, происходившие при попустительстве прокуратора Ката Дециана), он, по мнению И. М. Тронского, «остается апологетом римской экспансии» и всячески поддерживает сложившуюся историографическую традицию одобрения политики по расширению империи (Тронский 1993: 231).

Светонию было предписано прекратить карательные экспедиции, однако он отказался повиноваться, помня кровопролитные события недавнего прошлого и не видя иного способа урегулировать ситуацию. И хотя поначалу за ним сохранили возможность управлять делами провинции, позднее, под предлогом гибели вверенных ему военных кораблей, наместник был отозван в Рим, а на его место назначен Публий Петроний Турпиллиан (Gambash 2012: 6), который, по словам Тацита, «не раздражая врагов и не тревожимый ими, пребывал в ленивом бездействии, которому присвоил благопристойное наименование мира» (Tac. Ann., XIV, 39, 5). Однако, несмотря на столь отрицательную характеристику, данную Тацитом этому периоду, действия прокуратора и наместника не противоречили принятой политике мира, которая проводилась в провинциях еще со времени Августа. Г. С. Кнабе считает, что «она [политика мира] выражалась в отказе от больших завоевательных кампаний и в усиленной романизации покоренных областей» (Кнабе 1981: 86).

Классициан также выступает у Тацита антагонистом решительного и жесткого Светония, действия которого историк считал наиболее приемлемыми в сложившейся военной ситуации. Кроме того, автор как бы создает исторический фон, на котором действия его тестя, Гнея Юлия Агриколы, наместника Британии в 78–84 г. н.э., будут казаться еще более последовательными и эффективными[1].

[1] И. М. Гревс отмечает, что историк пользуется подобным противопоставлением еще в «Агриколе», играя на контрасте личностей наместника Британии и императора Домициана, так как «Агрикола был лишь честным, добросовестным работником на службе и храбрым и твердым в походе полководцем, возвести же его в герои было довольно трудно». А в «Анналах» этот же прием применяется, например, при противопоставлении характеров Германика и Тиберия (Гревс 1946: 122, 153).

Интересное мнение высказывает британский историк и популяризатор науки Ги де ля Бедойер. Он считает, что предвзятое отношение Тацита к новому прокуратору объясняется также его положением на относительно низких «социальных ступенях»: по знатности он как всадник уступал Светонию (Bédoyère 2015: 43).

Гай Юлий Классициан умер, вероятно, между 61 и 65 г. н. э. находясь в Британии на должности прокуратора. Считается, что в это же время был установлен и его надгробный памятник (Grasby Tomlin 2002: 43). В последующие века, когда из-за нехватки строительных материалов подобные надгробия использовались для возведения оборонительных сооружений, надгробие Классициана было использовано при строительстве Второго Бастиона римской городской стены в Лондоне (Trinity Place, Trinity Square in the City of London – раскопки 1852 и 1935 гг.). После реконструкции размер памятника принято считать следующим: высота: 2,18 м, ширина: 2,3 метра[2]. На двух фрагментах сохранились части надписи (RIB 12)[3]:

1). DIS
[..]ANIBVS
[..... ..]AB (TRIBV) ALPINI CLASSICIANI.
2). […]
PRO PROVINC BRITA[.....]
IVLIA INDI FILIA PACATA I[.....]
VXOR [.....]

В результате исследований текст был реконструирован следующим образом:

Dis | [M]anibus | [G(ai) Iul(i) G(ai) f(ili) F]ab(ia) (tribu) Alpini Classiciani | […] | […] | pro(curatoris) provinc(iae) Brita[nniae] | Iulia Indi filia Pacata I[ndiana(?)] | uxor [f(ecit)] [4]

[2] Данные указаны в соответствии с комментариями куратора Британского музея: http://www.britishmuseum.org/research/collection online/ search. aspx Номер находки в каталоге музея: 1852,0806.2

[3] Надпись и её реконструкция приводятся согласно сборнику надписей Римской Британии: https://romaninscriptionsofbritain.org/ inscriptions/12

[4] «Богам Манам Гая Юлия сына Гая Фабиевой трибы Альпина Классициана прокуратора провинции Британии его жена Юлия Паката, дочь Инда, поставила».

Рис. 1. Реконструкция надписи на надгробии Классициана. Британский музей.

Рис. 2. Реконструкция внешнего вида надгробия Классициана, Британский музей.

Именно благодаря этой надписи мы и знаем большую часть биографии Классициана, его семейное положение и происхождение.

После открытия первого фрагмента с надписью в британской исторической науке возникли споры о том, кому был посвящен найденный памятник. Еще в XIX в. Ч. Р. Смит предположил, что находка связана именно с тем самым «тацитовским» Классицианом. Однако выдающийся исследователь Римской Британии Р. Дж. Коллингвуд опроверг гипотезу Ч. Р. Смита. Он решил, что указанное в надписи имя связано со словом *classis*, т. е. ‘флот/корабли’, поэтому почивший имел отношение к морской службе. И только в 1935 году, после обнаружения второго фрагмента текста, стало понятно, что речь в надписи действительно шла о Гае Юлии Классициане, британском прокураторе, упомянутом у Тацита (Bédoyère 2015: 43).

Гай Юлий Альпин Классициан, вероятно, имел кельтские корни. Судя по имени, он происходил из семьи Альпинов, которая имела большое влияние в племени треверов, а его предки получили гражданство от Августа или даже от Цезаря. Он женился на Юлии Пакате, отец которой, Юлий Инд, представитель местной галльской аристократии, участвовал в подавлении восстания Флора в 21 г. н. э., и поднятый Индом кавалерийский полк Ala Indiana затем вошел в состав римского гарнизона в Британии (Широкова 2016: 119). Таким образом, Классициан был и представителем римской администрации, и имел тесную связь с местным кельтским населением. Дипломатия Классициана отражена у Тацита: историк обвиняет Классициана в подстрекательстве мятежников на затягивание военных действий для того, чтобы дождаться нового, более лояльного легата. В то же время «он [Классициан] писал в Рим, чтобы там не ждали скорого прекращения боевых действий, если не будет назначен преемник Светонию, чьи неудачи он объяснял его непригодностью, а успехи – благоприятствованием судьбы» (Tac. Ann., XIV, 38, 5).

Для Британии надгробие Классициана может считаться исключительным, т. к. другие сохранившиеся памятники скромнее по размерам и декору (Hope 1997: 247), что отчасти обусловлено нехваткой подходящих материалов. Возможно, обычно надгробные плиты делались, например, из дерева, поэтому не сохранились (Hope 1997: 248). Р. Д. Грэсби и Р.С. О. Томлин, опираясь на размеры букв, расположение строк и пробелов, а также на следы обработки камня предполагают, что в реальности надгробие могло быть масштабнее, чем его реконструи-

рованная версия в Британском музее (Grasby, Tomlin 2002: 71–74)[5].

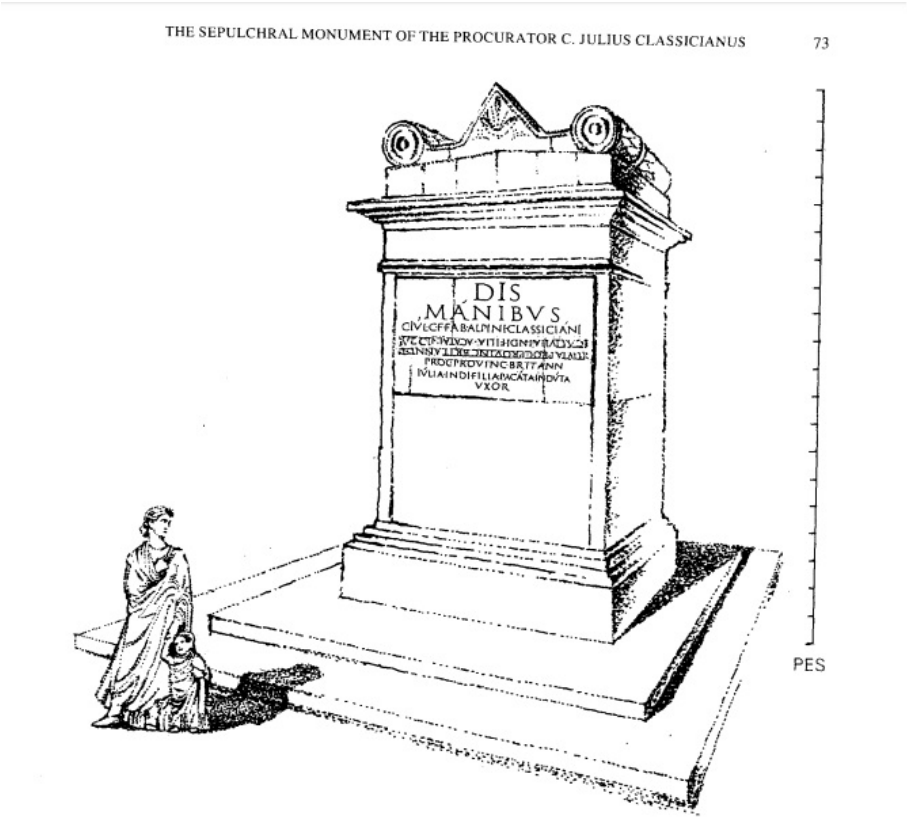


Рис. 3. Реконструкция надгробия, выполненная Р.Д. Грэсби и Р.С.О. Томлином.

В. Хоуп отмечает также, что после завоевания Британии надгробия воинов часто украшали скульптурными изображениями военной тематики, однако после стабилизации обстановки в провинции эта традиция прекращается (Hope 1997: 255). Реконструированное надгробие Классициана не содержит военной символики, может быть, потому что Классициан был чиновником, а не военным, но, возможно, это также указывает и на постепенное разрешение кризиса в регионе и переход к новой фазе взаимодействия с местным населением.

[5] Подробно описанный в этой статье процесс повторной авторской эпиграфической реконструкции читается как увлекательный детектив, все этапы восстановления и расшифровки представлены в мельчайших деталях, что служит примером по-настоящему профессиональной работы с источником и рекомендуется к ознакомлению всем интересующимся эпиграфикой.

Тот факт, что чиновник такого высокого ранга был похоронен в провинции, а не в Риме, свидетельствует о том, что Британия уже при нем прочно вошла в состав империи, а Лондон превратился из кельтского поселения в главный город провинции (Collingwood Myres 1937: 170).

Таким образом, Тацит был слишком суров в своей оценке неэффективности политики британского прокуратора. Действия Классициана позволили разрешить как экономический, так и военный кризисы. Британия встала на путь романизации, получила доступ к благам империи, и хотя усмирению провинции предшествовали кровавые войны, а местное население никогда не забывало свои корни и всегда чувствовало на себе груз несвободы, регион умело воспользовался своим новым положением. Развитие торговли, градостроительства, образования и привилегии римского гражданства – все шло в копилку формирования особой культуры острова.

Литература

Alcock, J. P. 2011: *A Brief History of Roman Britain*. Robinson; UK.

Bédoyère, de la G. 2015: *The Real Lives of Roman Britain*. Yale University Press.

Collingwood, R. G., Myres J. N. L. 1937: *Roman Britain and the English Settlements*. Oxford University Press.

Gambash, G. 2012: To Rule a Ferocious Province Roman Policy and the Aftermath of the Boudican Revolt. *Britannia* 43, 1–15.

Grasby, R. D., Tomlin, R. S. O. 2002: The Sepulchral Monument of the Procurator C. Julius Classicianus. *Britannia* 33, 43–75.

Grevs, I. M. 1946: *Tacit*. Moscow; Leningrad.
Гревс, И. М. 1946: *Тацит*. М.; Л.

Hope, V. M. 1997: Words and Pictures: the Interpretation of Romano-British Tombstones. *Britannia* 28, 245–258.

Knabe, G. S. 1981: *Cornelius Tacitus: Era. Life. Books*. Moscow.
Кнабе, Г. С. 1981: *Корнелий Тацит: Время. Жизнь. Книги*. М.

Tronsky, J. M. 1993: [Cornelius Tacitus]. In: *Cornelius Tacitus. The Complete Works of Tacitus in two volumes. Vol. II.* M. 203–248.
Тронский, И. М. 1993: Корнелий Тацит. В сб.: *Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том II.* М., 203–248.

Shirokova, N. S. 2016: The *Roman Britain: The essays of the history and culture*. St.-Petersburg.
Широкова, Н. С. 2016: *Римская Британия: Очерки истории и культуры*. СПб.

Utchenko, S. L. (ed.) 1993: Cornelius Tacitus. Works of Tacitus in two volumes. Vol. I. Moscow.
Утченко, С. Л. (ред.) 1993: *Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах*. Том I. «Анналы. Малые произведения». М.

Сокращения:
RIB - Roman Inscriptions of Britain.

Электронные ресурсы:
The Roman Inscriptions of Britain – https://romaninscriptionsofbritain.org
The British Museum – http://www.britishmuseum.org

N. S. Bokova. The historian conceals, the stone tells: the role of Gaius Julius Classicianus in the conquest of Britain.

The subject of the paper is the role of Classicianus, the procurator of Britain, in stabilization of the region in the 1st century AD. Tacitus describes him as a lazy and ineffective official. But the data obtained from his tomb stone shed a new light upon his personality.

Keywords: Roman Britain, Suetonius Paullinus, Nero, Tacitus, Classicianus.

DOI:10.30842/ielcp230690152213

С. Г. Болотов

[ВТОРОЙ, «НАЗАЛЬНО-КЛАСТЕРНЫЙ»] ЗАКОН ТУРНЕЙЗЕНА, ЛАТИНСКИЕ ГЕРУНДИВЫ, ЛАТИНСКИЕ NOMINA ABSTRACTA НА *-Ō*, *-INIS* И... ЗАКОН КЛУГЕ

Ч. IV. Сочетания с гуттуральными (продолжение).

Работа продолжает публикации Болотов 2015; 2016; 2017 («Второй, «назально-кластерный» закон Турнейзена...», ч. I–III). В ней разбираются примеры действия и не-действия II^{го} закона Турнейзена, т. е. перехода сочетаний *-Tn-* [= *-tn-*, *-dn-*, *-ϑn-* (< -«*dh*»*n*-)], *-Kn-* [= *-kn-*, *-gn-*, *-χn-* (< -«*gh*»*n*-)], *-Pn-* [= *-pn-*, *-bn-*, *-φn-* (< -«*bh*»*n*-)] в *-nd-*, *-ng-* (*-ŋg-*), *-mb-* или, наоборот, в *-nn-*, *-gn-* (*-ŋn-*), *-mn-*, и выдвигается тезис о зависимости такого выбора от (доисторического) разноместного латинского ударения: *-nd-*, *-ng-* (*-ŋg-*), *-mb-* после безударного (корневого), *-nn-*, *-gn-* (*-ŋn-*), *-mn-* после ударного (корневого) гласного; в суффиксах вместо *-nd-*, *-ng-*, *-mb-* выступают *-d-*, *-g-*, *-b-*, но исходные *-NCn-* [= *-nTn-*, *-ŋKn-*, *-mPn-*] всегда дают *-ND-* [= *-nd-*, *-ng-* (*-ŋg-*), *-mb-*].

Ключевые слова: латинский язык [латынь], (2-й) закон Турнейзена [закон сочетаний с носовым], правило [эффект] *pandō*, закон Клуге, закон Лахмана, сокращение (латинских) долгот по В. А. Дыбо, (шумные) смычные + *n*, (латинское, германское) разноместное [подвижное, свободное] ударение, закон Гримма, закон Вернера.

7. При сравнении, как и ранее, приводится только материал, критичный для диагностики ударения или реконструкции консонантизма, с сохранением его группировки в соответствии с диссертацией Й. Х. Ф. ван ден Хёвеля (vdH). Далее у него идёт список из дюжины глаголов на *-ngō*/*-ngor* (один на *-ngueō*), для которых затруднителен выбор между (исходно) инфигированной или же суффигированной (или даже «назально-циркумфигированной») формами; тем не менее, ниже мы рассмотрим для полноты сюжета также и эти глаголы (как далее будет видно, их количество даже несколько возрастёт):

*-gn- > -ng- [-ŋg-]

[*clin***g**|*ō**, *-ere* ‘cingere | cl(a)udere’ [ǎ.λ.: Pauli Diaconi *Excerpta ex Festo*, Lib. III (Qu. XII, 3): «*cingere* ⟨‘о(б)хватывать’; см. след. ст.⟩, *a Graeco κυκλοῦν* ⟨‘опоясывать’⟩ [~ *κλείειν* ⟨‘запирать’⟩ ~ *κιγκλίζειν* ≈ *κιγχλίζειν* ⟨‘махать’, ‘трясти’; ≠ *κιγχλίζειν* ‘(громко) хихикать’, cf. *κα*(*γ*)*χ*(*λ*)*άζειν* ‘хохотать’⟩] *dici manifestum est*» (D.v.s. 1474: sine p. [*211*s], 7); (Augulſtini 1559 [1560]: LVII, 25–26); (Scaliger 1575: XXXVI,

14); (Dacier 1699 [1700]: 82, 10 & Notæ [«Juvat Isidor. *clingit*, *cludit* ⟨'замыкает, запирает'⟩»]); (Valpy 1826, I: 162, 4 & Notæ [[g]: «'Clingit,' inquit, 'cludit.' *Jos. Scal.*»]); (Müller 1839: 56, 13 & Notae [«Isidori Glossae: *Clingit*, *cludit*»]); (Thewrewk 1889: 39, 26; Lindsay 1913: 49, 11)**]** [= ***kliŋg-*** < ***¿*****kleŋg≠n-* ¦ **kliŋg≠n-* (?) | **kleŋg-* ¦ **kliŋg-* (трад. к герм. **ĥlaŋk*|*-i-*, *|*-ja*(*n*)*-*: др.-скнд. *hlækk*|*r* m. [*-i-*] (Gen. *-s*, *-jar*, pl. *-ir*) 'кольцо, звено', мн. 'оковы, цепи'; др.-а. *hlęnċe* f. [*-n-*] ~ *hlęnċa* m. [*-n-*] 'кольчуга', 'звено; цепь (-и)'; и др.) – cf. рус. диал. *кля́га* 'колено; нога; бедро'; 'рука', *кляжка* 'ножка'; *скляжи́ны* 'узкие брюки' | **kleg≠n-′* ¦ **klig≠n-′* (?) | **kleŋk≠n-* ¦ **klink≠n-* (трад. к: лит. *klénk*|*ti*, *-ia*, *-ė* 'ковылять, тащиться, плестись', 'прихрамывать' (!LEW I: 269ℓ & ME II: 222r: „schnell gehen" – источник?), лтш. *kleñc*|*êt*, *-ẽju* (*-ẽ*, *-ẽ*), *-ẽju*, *kliñk*|*ât*, *-ãju* (*-ã*, *-ã*), *-ãju* '*ĭdd.*'; стсл. **клѧч|ати**, **-жⷭ**, **-иши / по≠клѧкн|жⷭти**, **-жⷭ**, **-єши** 'ста(ва)ть на колени'; и др.; скр. *çr̥ñkhal*|*ā* f., *-a-s* m., *-a-ṃ* n., *-aka-s* m. 'оковы, цепь (-и)') | **klek≠n-′* (¿cf.: лит. *kl*¦*èkti*, *-eñka*, *-ẽko* 'слёживаться, оседать *(о земле)*'?) | **klik≠n-′* (?)**?**] – ни одна из внешних параллелей не требует закона Турнейзена (в «лучшем» случае только присутствия группы *-nKn-*). Лучшими параллелями оказываются либо герм., либо рус. диал., поэтому закон Турнейзена можно смело отвести ‖ vDH: 25, [§] 2.3.2 (2.24.a); DV: 120–121 sub v. **cl⟨i⟩ngō**; EM: 127d sub v. **clingō**; WH I: 233–234 sub v. **clingō**; DÉLG II: 529d & GEW I: 849 sub v. **κίγκλος**; Donnegan 1846: 826m sub v. ΚΑΓ-ΧΑΖΩ; IED: 270ℓ sub v. **HLEKKR**; ASD: 542ℓ sub v. **hlenca**; CASD: 160ℓ sub v. **hlence**; HASD: 121ℓ sub v. «**hlence, hlenca**»; LEW I: 269ℓ sub v. ***klénkti***; LEW I: 268r & LRKŽ²: 344d, [3], [4], [5], [6]: 353k – оба sub v. ***klèkti***; ME II: 222r sub v. ***I klencêt***, 228r–229ℓ sub v. ***kliñkât***; SJS II: 33p sub v. **клѧчати** & III: 125ℓ sub v. **поклѧкнжⷭти**; ЭССЯ 10: 28–34 sub vv. ***klęčati**, ***klęčiti**, ***klęčь / *klęča**, ***klęka / *klękъ**, ***klękati**, ***klękavъ(jь)**, ***klękn̨ti**; Gerov 2: 377п–378л sub vv. «**Кля́камъ** (**кля́квамъ**, **да кля́кнжⷭ**, **кля́кнувамъ**)», **Кля́канє**, **Кля́каница**, (**Кля́квамъ**, **Кля́кнувамъ**, **Кля́кнжⷭ**,) **Клячёнє**, «**Клячьжⷭ**, **и́шь**»; БЕР II: 443 sub v. «***клеч**», «**клечà** 'стоян клекнал'**, клѝкам** (вж. ⟨'см.'⟩)**, клѐкам, клѐкна**» ⟨удар. рус. «*кля́кать*» – источник?⟩, 492 sub v. «**кл⟨ѝ⟩ка́м¹, клѐкна, клѐк(ну)вам**»; ESJČ: 252p– 253ℓ sub v. **klečeti**; ČES: 274p sub v. **klečet**; Vasmer II: 259 sub v. **клякать** ⟨укр. удар. ошибочно «*кля́кнути*, *кля́кну*»⟩; СРНГ 13: 328п– 329л sub vv. «**1. Кля́га**», «**1. Кля́жка**», 38: 33п sub v. **Скляжи́ны**; СУМ-11 IV: 194л & СУМ-20² 7: 1338 sub v[v]. «**КЛЯКА́ТИ, а́ю, а́єш**, *недок.* ⟨'*несов.*'⟩, **КЛЯКНУ́ТИ, ну́, не́ш**, *док.* ⟨'*сов.*'⟩», [**КЛЯКНУ́ТИ**] ⟨в УРС II: 345п sub vv. «**кляка́ти, ка́ю, ка́єш, кля́кнути, ну, неш**», «**кля́кнути²**» удар. на корне ошибочно, должно быть «...**клякну́ти, ну́, не́ш**», «**клякну́ти**»; ¡≠ *кля́кн*|*ути*, *-у*, *-еш* несов. 'коченеть'; 'засыхать *(о расте-*

ниях)'!⟩, СУМ-11 IV: 195л & СУМ-20² 7: 1339 sub v[v]. «**КЛЯЧА́ТИ** *і* **КЛЯЧИ́ТИ, чу́, чи́ш**, *недок.*, *діал.*», [**КЛЯЧИ́ТИ**]; ЕСУМ 2: 469л–п sub vv. «[**кляк**]», «[**кляка́ти**]» ⟨удар. рус. «[*кля́кать*]» – источник?⟩, 471л sub v. «[**кляч**]»[1]; EWA II: 652 & KEWA II: 368–369 sub v. ***śṛṅkhalā***]

[*(≠)ciŋ**g**|ō*, *-ere* (Pf. *(≠)cīŋxī*; Sup. *(≠)cīŋctum* [долгота *-ī-* по [B], [b], [L], [ℓ], (Дворецкий), тж. (LRW), pacè (REW³)]) ʻо(б)хватывать' – инфикс не только во всех глаг. основах, но и в именных производных, и при этом не перед глухим [*ciŋ**g**u̯l̥|a*, *-ae* f. ʻподпруга'; *ciŋ**g**u̯l̥|om* (*-um*), *-ī* n. ʻпояс' &c.; *ciŋ**g**u̯l̥|os* (*-us*), *-ī* m. ʻзона'; *ciŋ**g**i̯l̥l|om* (*-um*), *-ī* n. ʻпоясок'], что не оставляет места для закона Турнейзена; возможные внешние связи запутаны **[**трад. к: лит. *kiŋ**k**ýti*, *kiñ**k**|o*, *-ė* ʻзапрягать', *kìŋ**k**a* (1) f. ʻляжка'; *keŋ**k**lẽ* и ¹*kiŋ**k**lẽ* (4) f. ʻподляжка'; ʻподколенная ямка', ²*kiŋ**k**lẽ* (4) f. ʻпуты (*верёвка для спутывания крестнакрест передней и задней ноги лошади*)' (LKŽ), *keñ**k**lin|ti* (и *kiñ**k**lin|-ti*), *-a*, *-o* ʻидти, сгибая колени' (LRKŽ), ʻковылять' (LKŽ; тж. *kiñ**k**lio|-ti*, *-ja*, *-jo* – - удар.! [жемайтизм?]; итер. *kiñ**k**linė|ti*, *-ja*, *-jo*), *kiŋ**k**liúo|ti*, *-ja*, *-jo* ʻспутывать *(лошадь)*'; гр. *κιγ**κ**λίς*, *-δος* f. ʻперегородка', etc.; скр. *káñ**c**atē* (I); и др. – глухой исход корня отнюдь не способствует сближению**]** – но cf. лит. *kiŋ**g**|uóti*, *-uója*, *-ãvo* ʻкачать на ногах' (LKŽ); **¿**возм., как раз сюда же (а не к предыд., как обычно приводят) др.-в.-н. *hiŋ**k**an**, *hiŋ**c**an**, *hiŋ**ch**an*, *hiŋ**k**en*, *hiŋ**ch**en*, ср.-в.-н. *hiŋ**k**en* (сильн.), ср.-н.-н. *hiŋ**k**en*, *hiŋ**ck**en*, ср.-ндл., нв.-в.-нем., нв.-н.-нем. *hiŋ**k**en* (слаб.), нв.-ндл. *hiŋ**k**|en* (Praet. *-te*, Prt. Pf. *ge~|t*, и устар. Praet. *hoŋ**k**|te* ⟨sic!⟩, Prt. Pf. *ge~|en*), идиш הינק|ען *[híŋ**k**|ĕn]* (Prt. Pf. גע|~ען *[ge~|ĕn]* и גע|~ט *[ge~|t]*) [к ним трад.: гр. *σκάζω*; скр. *kháñjati* (I)] – всé ʻхромать'**?** ‖ vDH: 25, [§] 2.3.2 (2.24.a [глосса к предыд.]); DV: 114 sub v. **cingō**; EM: 121g–d sub v. **cingō**; WH I: 216–217 sub v. **cingō**; [B]: 57ℓ & [b]: 53r sub v. *cingō*; [L]: 126r & [ℓ]: 161ℓ sub vv. «**1. cīnctus**», «**2. cīnctus**», **cīnctūtus**; Дворецкий 1976: 181п sub v. **cingo**; LRW: 196ℓ sub vv. «1883) **cīnctūra**», «1884) **cīnctūro**», r sub v. «1888) **cĭngo**»; LRW²: 240r [³: 272r] sub vv. «2183) **cīnctūra**», «2184) **cīnctūro**», «2188) **cĭngo**», (хотя:) «2181) **cinctōrium**», «2182) **cīnctum**»; REW³: 181r, 182ℓ sub vv. «1921. **cĭnctum**», «1922. **cīnctūra**»; LEW I: 239r–240ℓ sub vv. **kenklẽ**, **keñklinti**, 255ℓ sub v[v]. [**kìnka**,] **kinkýti**; Köbler 1993: 221 sub v. «**hinkan***», Köbler 1995: 189ℓ sub v. **hin-**

[1] Первоначальные акцентные различия между *клáк|-а-*, *|-нжа-* ʻкоченеть, *&c.*' и *клá|к-á-*, *-к-нжá-*, *-чŕь-* ʻста(ва)ть на колени, корточки *и под.*' сохраняемые укр. и частично др. языками, явно уступают мощнейшему давлению паронимической аттракции, захватывающей вместе с языком, как показывают этимологические словари, и самих языковедов.

ken; Schützeichel 2012: 153ℓ sub v. **hinkan**; MndHw: 145r & MndW II: 272ℓ–r & NEW: 258r sub v. **hinken**; NdTW III: 292(–293) sub v. **HINKEN**; [H]: 193[r] sub v. הינקען; LSJ: 950r sub v. «**κιγκλί-ζω**» [**-ίς**], 1603r sub v. **σκάζω**; DÉLG II: 529g–d sub v. **κιγκλίς**, III: 1008d–1009g sub v. **σκάζω**; GEW I: 849 sub v. **κιγκλίς**, II: 714 sub v. **σκάζω**; EWA III: (43–) 44, [45] sub v[v]. ***kaca-***, [***KAÑC***], 134 sub v. ***KAÑJ***; KEWA I: 139–140 sub vv. [***káñcate***,] ***kañcukaḥ***, (***kañculikā***), 195 sub v. ***kāñcī***, 297 sub v. ***kháñjati***]

Сокращения

(кроме сводящихся к отсечению суффикса *-(ий)ский*)

ἅ.λ. – ἅπαξ λεγόμενον; а.п. – акцентная парадигма; а.- – англо-; -а. – -английский; арх. – архаический; атт. – аттический (греч.); афр. – африкаанс; блр. – белорусский; в.- – верхне-; вст.- – восточно-; герм. – германский; диал. – диалект, диалектный; др.- – древне-; з.- – западно-; зтл. – затерландский; и.-е. – индоевропейский; лат. – латынь, латинский; лит. – литовский; лтш. – латышский; мрум. – румынский; н.- – нижне-; -н., нем. – немецкий; нв.- – ново-; ндл. – нидерландский; порт. – португальский; рум. – румынский; -скс., сакс. – саксонский; сев.- – северно-; скнд. – скандинавский; скр. – санскрит; слав. – славяно-, славянский; ср.- – средне-; ст.- – старо-; стсл. – старославянский; трад. – традиционн|ый, -о; ю.- – южно-.
[Д] – сокращение безударных долгот по В. А. Дыбо (1961b); [з] – заимствование; [к] – компенсаторное удлинение; [м] – морфолотическое производство или/и преобразование; [L] – удлинение гласного по закону Лахмана; [σ] – синкопа; [т] – тематизация; [Th] – озвончение (Th_1) и метатеза с носовым (Th_2) по [$П^{му}$] закону Турнейзена (1883); [W] – удлинение гласного по закону Винтера.

Литература

AdW – Schade, O. 1882: *Altdeutsches Wörterbuch*. 2 Bde. 2.-e umgearbeitete und vermehrte Auflage (Neudruck). Halle a.d.S.: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses

ALDH – Georges, K. E. 1913; 1918: *Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch*. Bde. 1–2. Hannover: Hahnsche Buchhandlung.

Allen, F. D. 1899 [1908]: *Remnants of Early Latin*: *Selected and Explained for the Use of Students*. Boston; New York; Chicago; London: Ginn & Co.

AsHwb – Tiefenbach, H. 2010: *Altsächsisches Handwörterbuch. A Concise Old Saxon Dictionary*. Berlin; New York: Walter de Gruyter GmbH & Co.

ASD – *An Anglo-Saxon Dictionary* based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth / Edited and enlarged by T. Northcote Toller. Oxford University Press, 1898.

ASR – *An Anglo-Saxon Reader*. Edited, with notes, a complete glossary, a chapter on versification and an outline of Anglo-Saxon grammar, by James W. Bright. Fourth Edition. New York: Henry Holt and Company, 1917.

Auguſtini, A. (ed.) 1559 [1560]: M· Verrii Flacci Quæ extant. Et Sex. Pompei Feſti *De verborum ſignificatione*, lib<ri> XX. In eundem Feſtum annotationes. Index rerum obiter dictarum. / Ex bibliotheca Antonij Auguſtini. Cum priuiligijs. Venetijs: apud Ioannem Mariam Bonellum, 1559 [*ibid.*; ex officina Stellae Iordani Zilleti, 1560].

[b] – Bennett, Ch. E. 1895: *Appendix to Bennet's Latin Grammar* For teachers and advanced students. Boston and Chicago: Allyn and Bacon.

[B] – Bennett, Ch. E. 1907: *The Latin Language*: *A Historical Outline of Its Sounds, Inflections, and Syntax*. Boston: Allyn and Bacon.

[BER] – *Bŭlgarski eyimologichen rechnik*. Vol. I: A – Z / compilers Vl. İ. Georgiev & al. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publishers, 1971 [reprint: Sofia: Academic Publishers "Prof. Marin Drinov", 2007]; Vol. II: İ – krepyǎ / *îd.*, *ibid.*, 1979; Vol. III: kres¹ – mìngo¹ / *îd.*, *ibid.*, 1986; Vol. IV: mìngo² – pàdam / scient. eds. Vl. İ. Georgiev, İ. Duridanov, Sofia: Ac. Publ. "Prof. Marin Drinov", 1995; Vol. V: padèzh – pùska / respons. ed. İ. Duridanov, *ibid.*, 1996; Vol. VI: pùskam – slovàr² / ed. board: M. Racheva, Tod. At. Todorov, *ibid.*, 2002; Vol. VII: slòvo – teryà-svam / ed. Tod. At. Todorov, *ibid.*, 2010; Vol. VIII: tèsam – fyàkalka / ed. Lil. Doẏcheva Dimitrova-Todorova, [Lüd.] Petrov Selimski, *ibid.*, 2017.
БЕР – *Български етимологичен речник*. Т. I: А – З / съст. Вл. И. Георгиев & al., София: Издателство на Българската академия на науките, 1971 [репринт: София: Академично издателство „Проф. Марин Дринов", 2007]; Т. II: И – крепя̀ / *îd.*, *ibid.*, 1979; Т. III: крес¹ – мѝнго¹ / *îd.*, *ibid.*, 1986; Т. IV: мѝнго² – пàдам / научни ред. Вл. И. Георгиев, И. Дуриданов, София: Ак. изд-во „Проф. Марин Дринов", 1995; Т. V: падѐж – пѝска / отговорен ред. И. Дуриданов, *ibid.*, 1996; Т. VI: пѝскам – словàр² / ред. колегия: М. Рачева, Тод. Ат. Тодоров, *ibid.*, 2002; Т. VII: слòво – теря̀свам / ред. Тод. Ат. Тодоров, *ibid.*, 2010; Т. VIII: тѐсам – фя̀калка / ред. Ли. Дойчева Димитрова-Тодорова, Люд. Петров Селимски, *ibid.*, 2017.

Bernhardt (ed.) 1875: Vulfila *oder die gotische Bibel*: *mit dem entsprechenden griechischen Text*: *und mit kritischem und erklärendem Commentar*: *nebst dem Kalender, der Skeireins und den gotischen Urkunden* / hrsg. und erklärt von Ernst Bernhardt. Halle: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses.

Bernhardt (ed.) 1884: *Die Gotische Bibel des* Vulfila*: nebst der Skeireins, dem Kalender und den Urkunden*: Textabdruck mit Angabe der handschriftlichen Lesearten nebst Glossar / hrsg. von Ernst Bernhardt. Halle a/S.: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses.

Bessinger, J. B. 1960: *A Short Dictionary of Anglo-Saxon Poetry*: *In a Normalized Early West-Saxon Orthography*. University of Toronto Press; London: Oxford University Press [repr. 1961].

Bolotov, S. G. 2015: [The second] Thurneysen's law (the law of the nasal clusters), Latin gerundives, Latin *nomina abstracta* in *-ō*, *-inis*, and... Kluge's law. Pt. I. Clusters with the dentals. *Indoevropeẏskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* **[***Indo-European Linguistics and Classical Philology***]** 19, 62–71.
Болотов, С. Г. 2015: [Второй, «назально-кластерный»] закон Турнейзена, латинские герундивы, латинские nomina abstracta на *-ō*,

-inis и... закон Клуге. Ч. I: Сочетания с дентальными. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 19, 62–71.

Bolotov, S. G. 2016: [The second] Thurneysen's law (the law of the nasal clusters), Latin gerundives, Latin *nomina abstracta* in *-ō*, *-inis*, and... Kluge's law. Pt. II. Clusters with the gutturals (beginning). *Indoevropeĭskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European Linguistics and Classical Philology* 20 (1), 72–77.

Болотов, С. Г. 2016: [Второй, «назально-кластерный»] закон Турнейзена, латинские герундивы, латинские nomina abstracta на *-ō*, *-inis* и... закон Клуге. Ч. II: Сочетания с гуттуральными (начало). *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 20 (1), 72–77.

Bolotov, S. G. 2017: [The second] Thurneysen's law (the law of the nasal clusters), Latin gerundives, Latin *nomina abstracta* in *-ō*, *-inis*, and... Kluge's law. Pt. III. Clusters with the gutturals (resumption). *Indoevropeĭskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* **[***Indo-European Linguistics and Classical Philology*] 21, 78–94.

Болотов, С. Г. 2017: [Второй, «назально-кластерный»] закон Турнейзена, латинские герундивы, латинские nomina abstracta на *-ō*, *-inis* и... закон Клуге. Ч. II: Сочетания с гуттуральными (продолжение). *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 21, 78–94.

CASD – Clark-Hall, J. R. 1916: *A Concise Anglo-Saxon Dictionary*: *for the use of students*. 2nd ed.: revised and enlarged. New York: Macmullan Company.

ČES – Rejzek, J. 2001: *Český etymologický slovník* [Czech Etymological Dictiionary]. [Voznice:] Leda.

CGG – Balg, G. H. 1887−1889: *A Comparative Glossary of the Gothic Language*: *with especial reference to English and German* / With a preface by Francis A. March. Mayville (Wis.): *The author*; New York (N.Y.): Westermann & Co.; London: Truebner & Co.; Halle: Max Niemeyer.

Dacier, André (ed.) 1699 [1700]: Sex. Pompeĭ Festi et Mar. Verrii Flacci *De verborum significatione* lib≺ri> XX / Notis et emendationibus illustravit Andreas Dacerius // In usum serenissimi Delphini. Amstelodami: Huguetanorum.

DÉLG – Chantraine, P. 1960–1980: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*: *Histoire des mots*. T. I− IV. Paris: Éd. Klincksieck.

DER – Ciorănescu, A. 2002: *Dicționar etimologic al limbii române* / Ediție îngrejit și traducere din limba spaniolă, de T. Șandru Mehedinți și M. Popescu Marin. București: Saeculum I. O. [*Diccionario etimológico rumano*. Tenerife: Biblioteca filológica, 1966].

DGELC – Echegaray, E. de. 1887–1889 *Diccionario general etimológico de la lengua española*. T. I–V. Madrid: J. M. Faquineto.

Diehl, E. (ed.) 1924–1927: *Inscriptiones Latinae Christianae Veteres*. Vol. I– IV. Berolini: apud Weidmannos.

DMELP – Coelho, F. A. 1890: *Diccionario manual etymologico da lingua portugueza, contendo a significação e prosodia*. Lisboa: P. Plantier.

DOE – Stratmann, F. H. 1867: *A Dictionary of the Old English Language*: *Compiled from Writings of the XII, XIII, XIV, and XV Centuries*. Krefeld: Kramer and Baum. Cf. (SDOE).

Donnegan, J. 1846: *Greek and English Lexicon* ; The words alphabetically arranged ; <...>. 4th ed., Considerably enlarged, carefully revised, and materially improved throughout. London: Printed for the author.

DV – de Vaan, M. 2008: *Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages*. Leiden; Boston: Brill. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Vol. 7 / Ed. by A. Lubotsky).

Dvoretskiy, İ. Kh. 1976 [1986]: *Latinsko-russkiy slovar'* [*Latin-Russian Dictionary*]. Moscow: Russkiy Yazyk.
Дворецкий, И. Х. *Латинско-русский словарь*. М.: «Русский язык».

D.v.s. 1474: Sine titulo [*De verborum significatione*] // Sine titulo [M. T. Varro *de lingua latina*; Festus Pompeius]. Sine anno [ca. 1474], loco [Romæ] & typogr. [per Georgium Sachſel de Reichenbal et Bartholomium Golſch de Hohenbart] (URL: http://archive.org/details/ita-bnc-in1-00000470-001).

Dybo, V. A. 1961b: [Vowel shortening in Celtic-Italic Languages and its significance for Baltic-Slavic and Indo-European accentology]. In: *Voprosy slavyanskogo yazykoznaniya* [*Topics in the Slavic languages*] Issue 5. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 9–34.
Дыбо, В. А. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии. В сб.: *Вопросы славянского языкознания*. Вып. 5. М.: Изд-во АН СССР, 9–34.

ESJČ – Machek, V. 1957: *Etymologický slovník jazyka českého* / Československá akademie věd. Druhé, opravené a doplnené vydání. Praha: Academia.

EH – Endzelīns, J., Hauzenberga E. 1934–1946: *Papildinājumi un labojumi K. Mūlenbacha Latviešu valodas vārdnīcai* (*Ergänzungen und Berichtigungen zu K. Mühlenbachs Lettisch-deutschem Wörterbuch*). Sēj. I–II. Rīga.

EM – Ernout, A., Meillet, A. 2001: *Dictionnaire étymologique de la langue latine*: *Histoire des mot*s. Retir. de la 4e éd. augm. d'add. et de corr. par Jacques André. Paris: Éd. Klincksieck.

[ESUM] – Mel'nîchuk, O. S. (chief ed.) 1982–2012: *Etîmologîchnîy slovnîk ukraïns'koï movî* [*Etymological Dictiobary of the Ukrainian Language*]. In 7 vols. Vol. 7: Indices (in work). Kiev: Naukova dumka.
ЕСУМ – Мельничук, О. С. (голов. ред.) 1982–2012: *Етимологічний словник української мови*. У 7 т. Т. 7: Покажчики (в роботі). Київ: «Наукова думка».

EWA – Mayrhofer, M. 1992–2001: *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Bd. I–III. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter.

Froehde, F. 1890: Zur lateinischen lautlehre. *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen* XVI, 181–220.

Gaffiot, F. 1934 [1994]: *Dictionnaire illustré latin-français*. Paris: Hachette.

Gaffiot, F. 2016: *Dictionnaire latin-français*. Nouvelle édition revue et augmentée. Version V. M. Komarov. Établie sous la dir. de G. Gréco. Avec le concours spécial de M. De Wilde, B. Maréchal et Ka. Ôkubo (URLs: http://archive.org/download/Gaffiot2016/Gaffiot %20-%202016.pdf; http://gerardgreco.free.fr/IMG/pdf/Gaffiot_2016_-_komarov.pdf)

Gallée, J. H. 1910 – [VI.] *Altsächsische grammatik*. I-e Hälfte: Laut- und Formenlehre. II-e völlig umgearbeitete Auflage / Eingeleitet und mit Registern versehen von Johannes Lochner // Kurzer Grammatiken

germanischer Dialekte / hrsg. von Wilhelm Braune. Halle: Max Niemeyer; Leiden: Buchh. u. Druckerei vormals E. J. Brill.

Gerov″, N. 1895–1908: *Rėchnik″ na blŭgarskȳ̀ yazȳk″ s″ tlŭkuvanie rėchitȳ na blŭgarskȳ i na russkȳ* [*A Dictionary of the Bulgarian Language, with Words Explained in Bulgarian and in Russian*]. Pt. 1–6. Plovdiv. [Reprint: Sofia: «Bulgarian Writer», 1975–1978].
Геровъ, Н. 1895–1908: *Рѣчникъ на блъгарскъый язъикъ съ тлъкуване рѣчи-тъı на блъгарскъı и на русскъı*. Ч. 1–6. Пловдивъ [репринт: София: «Български писател», 1975–1978].

GEW – Frisk, Hj. 1960–1972. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I–III. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.

[H] – Harkavy, A. 1910: *Yiddish-English Dictionary. With a Treatise on Yiddish Reading, Orthography, and Dialectal Variations*. 6th Ed., Impr. and Enl. N.Y.: Hebrew Publishing Company.

HASD – *A Handy Anglo-Saxon Dictionary:* Based on Groschopp's Grein / Edited, revised, and corrected with grammatical appendix, list of irregular verbs, and brief etymological features by James A. Harrison... and W. M. Baskervill... New York and Chicago: A. S. Barnes & Co., 1885.

Heyne (ed.) 1866: [Th. I:] *Hêliand*. Bibliothek der ältesten deutschen Litteratur-Denkmäler. II Bd.: Altniederdeutsche Denkmäler / Mit ausführlichem Glossar hrsg. von Moritz Heyne. Padeborn: Verlag von Ferdinand Schöningh.

Heyne, M. 1873: *Kleine altsächsische und altniederfränkische Grammatik*. Ibid.

IED – *An Icelandic-English Dictionary* Chiefly founded on the Collections made from prose works of the 12th – 14th centuries by [based on the MS. Collections of] the late Richard Cleasby / Enlarged and completed by Gudbrand Vigfússon [with an Introduction and life of Richard Cleasby by George Webbe Dasent]. Oxford: At the Clarendon Press, 1869 [1874].

KEWA – Mayrhofer, M. 1956–1980: *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen* / *A Concise Etymological Sanskrit Dictionary*. Bd. I–IV. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.

Köbler, G. 1993: *Althochdeutsches Wörterbuch*. Göttingen; Gießen; Innsbruck.

Köbler, G. 1995: *Deutsches Etymologisches Wörterbuch*. s. l.

Körner, K. 1878–1880: *Einleitung in das Studium des Angelsächsischen. Grammatik, Text, Uebersetzung, Anmerkungen, Glossar*. Heilbronn: Verl. von Gebr. Henninger.

Kroonen, G. 2011: *The Proto-Germanic n-stems. A study in diachronic morphophonology*. Amsterdam: Rodopi (= Leiden Studies in Indo-European, 18).

Kroonen, G. 2013: *Etymological Dictionary of Proto-Germanic.* Leiden; Boston: Brill (= Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series / Ed. by A. Lubotsky. Vol. II).

[L] –Lewis, Ch. T. 1891: *An Elementary Latin Dictionary*. New York: Harper & Brothers. [1894, но не 1895, 1915, 1918!].

[ℓ] – Lewis, Ch. T. 1888: *A Latin Dictionary for Schools*. New York: Harper & Brothers.

LEV – Karulis, K. 1992: *Latviešu etimoloģijas vārdnīca*. S. I–II. Rīga: «Avots».

LEW – Fraenkel, E. 1962–1965: *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I–II. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Lindsay, W. M. (ed.). 1913: Sexti Pompei Festi *De verborum significatu quae supersunt* cum Pauli epitome / Thewrewkianis copiis usus edidit Wallace M. Lindsay. Lipsiae: in aed. B. G. Teubneri.

LKŽ – *Lietuvių kalbos žodynas*. T. 1−20. 1941−2002.

LRW – Körting, G. C. O. 1891: *Lateinisch-romanisches Wörterbuch* [LRW³: *Etymologisches Wörterbuch der romanischen Hauptsprachen*]. Paderborn: F. Schöningh. [2.-e, vermehrte u. verbess. Aufl.: 1901 (LRW²); 3.-e, vermehrte u. verbess. Aufl.: 1907 (LRW³)].

LRKŽ² [^{3}, ^{4}, ^{5}, ^{6}] – Lyberis, A. 1988: *Lietuvių–rusų kalbų žodynas* (*Литовско-русский словарь*). II [3-asis] pataisytas ir papildytas leidimas. Vilnius: Mokslas [Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2001 (^{4}2005; ^{5}2008; ^{6}2015)].

LSJ – Liddell, H. G., Scott R. 1996: *A Greek-English Lexicon* / Rev. and augm. by Sir Henry Stuart Jones with the ass. of Roderick McKenzie. Oxford: at the Clarendon Press.

LSh – *A Latin Dictionary. Founded on Andrews' Edition of Freund's Latin Dictionary*. Rev., Enl., and in Great Part Rewr. by Ch. T. Lewis, Ph.D. Oxford: at the Clarendon Press, 1789 [2002].

LVPPV – Ceplītis, L., Miķelsone, A., Porīte, T. Raģe S. 1995: *Latviešu Valodas Pareizrakstības un Pareizrunas Vārdnīca* [*Spelling and Pronunciation Dictionary of the Latvian Language*]. Rīga: «Avots» [на обл.: 1996]; (репр.: 2005).

LVV$_{93}$ – *Latviešu Valodas Vārdnīca*: *Vārdu pareizrakstība. Vārdu izruna. Vārdu formas. Vārdu nozīme* [*Dictionary of the Latvian Language*: *Words' spelling. Words' pronunciation. Words' forms. Words' meaning*(*s*)] / Valerija Bērziņa-Baltiņa, Jānis Bičolis / Latviešu valodas komisija. [Rockville, MD:] Amerikas Latviešu apvienība, 1993.

[M] – Marx, A. 1883: *Hülfsbüchlein für die Aussprache der lateinischen Vokale in positionslangen Silben* / Mit einem Vorwort von F. Bücheler. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, (= [M$_{83}$]) [2.-e Aufl.: 1889 (= [M$_{89}$])].

ME – Mūlenbachs, K. 1923−1932: *Latviešu valodas vārdnīca* / Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. Sēj. I–IV. Rīgā.

MED – Stratmann, F. H. 1891: *A Middle-English Dictionary*: *Containing words used by English writers from the twelfth to the fifteenth century*. A new edition, re-arranged, revised, and enlarged by Henry Bradley. Oxford: Clarendon Press.

MndHw – *Mittelniederdeutsches Handwörterbuch* / [bearb.] von August Lübben / nach dem Tode des Verfassers vollendet von Christoph Walther (= *Wörterbücher* / Hrsg. vom Verein für Niederdeutsche Sprachfprschung. Bd. II). Norden und Leipzig: Diedr. Soltau's Verlag, 1888.

MndW – Shiller, K., Lübben, A. 1875–1881: *Mittelniederdeutsches Wörterbuch* Bde. I–VI. Bremen.

Müller, K. O. (ed.) 1839: Sexti Pompei Festi *De verborum significatione quae supersunt*: cum Pauli epitome / Emendata et annotata a Carolo Odolfredo Muellero. Lipsiae: in libr. Weidmanniana.

NDLP – Figueiredo, C. de. 1899: *Nôvo diccionário da língua portuguêsa*: *comprehendendo: além do vocabulário commum aos mais modernos diccionários da língua*. V. I–II. Lisboa: Livraria Editôra Tavares Cardoso & Irmão.

NdTkW – Weiland, P. 1799–1811: *Nederduitsch Taalkundig Woordenboek*. T. I–XI. Te Amsteldam: bij Johannes Allart.

NEW – de Vries, J. 1992: *Nederlands Etymologisch Woordenboek* / Met aanvullingen, verbeteringen en woordregisters door F. de Tollenaere. Leiden; New York; Köln: E. J. Brill.

OLD – Oxford Latin Dictionary. Oxford: at the Clarendon Press, 1968 [1982].

PDGELC – Bárcia, Roque [Martí] 1880–1883: *Primer diccionario general etimológico de la lengua española*. T. I–V. Barcelona.

Piper, P. (ed.) 1897: [1. Bd.:] *Die Altſächſiſche Bibeldichtung*: *(Heliand und Geneſis)*. I-er T.: Text // Denkmäler der Aelteren deutſchen Litteratur / hrſg. von Paul Piper. Stuttgart: Verlag der J. G. Cott'ſchen Buchhandlung.

Plautus, T. Maccius 1878−1894: *Comoediae* / Recensuit, Instrumento critico et prolegomenes auxit Fr. Ritschelius; sociis operae adsumptis G. Loewe, G. Goetz, F. Schoell. T. I–IV. Lipsiae: in aed. B. G. Teubneri.

Plautus, T. Maccius 1895−1899: *Comoediae* / ex rec. G. Goetz et F. Schoell. T. 1–2. Lipsiae: in aed. B. G. Teubneri

REW³ – Meyer-Lübke, W. *Romanisches etymologisches Wörterbuch*. 3. vollst. neubearb. Aufl. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1930.

Scaliger, Jos. [Juste] (ed.) 1575: M. Verrij Flacci Quae extant. Sex· Pompei Feſti *De verborum ſignificatione* libri XX. Et in eos Ioſephi Scaligeri Iulij Caesaris Filij Caſtigationes nunc primum publicatae. [Ginevra:] Apud Petrum Santandreum.

Schmitz, Gu. 1893 (ed.): *Commentarii notarum tironianarum*: *cum prolegomenis, adnotationibus criticis et exegeticis notarumque indice alphabetico*. Lipsiae: in aed. B. G. Teubneri.

Schoell, R. 1866 (ed.): *Legis Duodecim tabularum*. Lipsiae: in aed. B. G. Teubneri.

Schützeichel, R 2012: Althochdeutsches Wörterbuch. 7., durchgesehene und verbesserte Auflage. Göttingen: de Gruyter.

SDOE – Stratmann, F. H. 1881: *A Supplement to the Dictionary of the Old English Language of the XII, XIII, XIV, and XV Centuries, Third Edition*. Krefeld: [Kramer and Baum,]. Cf. (DOE¹, ², ³).

Sihler, A. L. 1995: *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. N.Y.; Oxford: Oxford Univ. Press.

SJS – *Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae Palaeoslovenicae* / Československá akademie věd. Ústav jazyků a literatur. Svazek I (sešity 1–14): **ѧ – ѣ** / hlavní redaktor: J. Kurz (1956– 1966); Sv. II (seš. 15–24): **ѯ – ѳ** / hl. red.: *îd.* (1967– 1973); Sv. III (seš. 25–35): **ѱ – ҁ** / hl. red.: † J. Kurz (1973–1982); výkonná redaktorka: Z. Hauptová; Sv. IV (seš. 36– 52): **ҁ – ѵ** (1983– 1997) / hlavní redaktorka: Z. Hauptová; Sv. V (seš. 53– 60): Dodatky a opravy k 1. dílu / hl. red.: *ead.* (2010–2016). Praha: Academia [репринт (тт. 1–4): *Словарь старославянского языка* / Филологический фак-т. Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина. С.-Пб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006].

SRNG [СРНГ] – 1965–2016–: *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The dictionary of Russian folk dialects]. Issues] 1–49. Moscow; Leningrad (1–2); Leningrad (3–26); Saint-Petersburg (27–49): Nauka.

Словарь русских народных говоров. Вып. 1–49. М.; Л. (1–2); Л. (3–26); СПб. (27–49–): Наука.

Streitberg, W. (ed.): [III-er Bd.:] *Die gotische Bibel*. I-er T.: *Der gotische Text und seine griechische Vorlage*: *mit Einleitung, Lesarten und Quellennachweisen*: *sowie den kleinern Denkmälern als Anhang* (1908); II-er T.: *Gotisch-griechisch-deutsches Wörterbuch* (1910). Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung. (= Germanische bibliothek, II-e Abt.: Untersuchungen und Texte / hrsg. von Wilhelm Streitberg).

[SUM-11] – Bilodid, İ. K. (chief of the ed. board). 1970–1980: *Slovnîk ukraïns'koï movy* [*Dictionary of the Ukrainian Language*]. In 11 vols.]. Kiev: Naukova dumka.
СУМ-11 – Білодід, І. К. (голова ред. кол.). 1970–1980: *Словник української мови*. В 11 т. Київ: Наукова думка.

[SUM-20²] – 2010–2017: *Slovnîk ukraïns'koï movy* [*Dictionary of the Ukrainian Language*. 2nd version]. In 20 vols. Kiev. URL: http:// services . ulif. org. ua / expl / Entry / index
СУМ-20² – 2010–2017: *Словник української мови* [2-а ред.]. У 20 т. Київ. http://services.ulif.org.ua/expl/Entry/index

Thewrewk, E. (ed.) 1889: Sexti Pompei Festi *De verborum significatu quæ supersunt* com Pauli epitome / Edidit Æmilius Thewrewk de Ponor. Pars 1. Budapestini: Sumptibus academiae litterarum.

Thorpe (ed.) 1842: *Codex Exoniensis*. *A collection of Anglo-Saxon poetry, from a manuscript in the library of the dean and chapter of Exeter, with an English translation, notes, and indexes* / by Benjamin Thorpe. London: Published for the Society of Antiquaries of London, by W. Pickering.

Thurneysen, R. 1883: Urspr. dn, tn, cn im Lateinischen. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 26, 301–314.

[URS] – Kîrîchenko, İ. M. (chief ed.). 1953–1963: *Ukrainsko-russkiy slovar'* (*Ukraïns'ko-rosiys'kîy slovnîk*) [*Ukrainian-Russian Dictionary*]. In 6 vols. Kiev: UkSSR Academy of Sciences' Publishers.
УРС – Кириченко, І. М. (гол. ред.): 1953–1963: *Украинско-русский словарь* (*Українсько-російський словник*). У 6 т. Київ: Видавництво Академії Наук УРСР.

Valpy, A. J. (ed.) 1826: M. Verrii Flacci quæ extant et Sexti Pompeii Festi *De verborum significatione* libri XX / ex editione Andreæ Dacerii cum notis et interpretatione in usum Delphini, variis lectionibus, notis variorum, recensu editionum et codicum, et indicibus locupletissimis accurate recensiti. Vol.: I–III. Londini: Curante et imprimente A. J. Valpy.

Vasmer, M.: 1953–1958: *Russisches etymologisches Wörterbuch*.-e Bd. 1–3. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag. (= Indogermanische Bibliothek / hrsg. von H. Krahe. 2.-e Reihe: Wörterbücher).

Vasmer, M. 1964–1973 (1986–1987): *Etimologocheskiy slovar' russkogo yazyka* [*Etymological dictionary of the Russian language*] / Transl. and add. by O. N. Trubachyov. Vol. I–IV: Moscow: "Progress" Publ. [2nd (as the succeeding: 3rd – 1996, 4th – 2004) "stereotype" (but in fact corrected and augmented) ed.].
Фасмер, М. 1964–1973 (1986–1987): *Этимологический словарь русского языка* / пер. и доп. О. Н. Трубачёва. Т. I–IV М.: «Прогресс» [2-е (и последующие: 3-е – 1996, 4-е – 2004) «стереотипное» (но фактически испр. и доп.) изд.].

vDH – van den Heuvel, J. H. F. 2013: *PIE* *Dn*: a case study in Latin and Balto-Slavic*. Unpublished MA thesis, Leiden University.

VWIS – Fick A. *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen*. [4.] Aufl. [I] Th.: Wortschatz der Grundsprache, der Arischen und der Westeuropäischen Spracheinheit / v. A. Fick (1890); [II] Th.: Wortschatz der Keltischen Spracheinheit / v. W. Stokes und A. Bezzenberger (1894); [III] Th.: Wortschatz der Germanischen Spracheinheit / unter Mitw. v. H. Falk gänzlich umgearb. v. A. Torp (1909). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Warmington, E. H. 1935–1940: *Remains of Old Latin*. Vol. I–IV. London: W. Heinmann ltd.; Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press (= The Loeb Classical Library, 294, 314, 329, 359).

WH – Walde, A. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. 3., neubearb. Aufl. von J. B. Hoffmann. [1.] Bd.: A – L (1938); [2.] Bd.: M – Z (1954); Registerband: zusammengest. von Elsbeth Berger (1956). Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung.

Zalizniak, A. A. 2014: *Drevnerusskoe udarenie*: *Obschie svedeniya i slovar'*. [*Old Russian Accent System: General Information and the Dictionary*]. Moscow: «Languages of Russian culture».
Зализняк А. А. 2014: *Древнерусское ударение*: *Общие сведения и словарь*. М.: «Языки славянской культуры».

S. G. Bolotov. [The second] Thurneysen's law (the law of the nasal clusters), Latin gerundives, Latin *nomina abstracta* in *-ō*, *-inis*, and… Kluge's law. Pt. IV. Clusters with the velars

The article continues the previously published series of papers on the problem: Bolotov 2015; 2016; 2017 («The second Thurneysen's law... Pt. I–III.). It reanalyzes examples and counter-examples for Thurneysen's law (chronologically, this law is the second from the four bearing his name), i.e. – *-Tn-* [= *-tn-*, *-dn-*, *-ϑn-* (< *-«d^{ɦ}»n-*)], *-Kn-* [= *-kn-*, *-gn-*, *-χn-* (< *-«g^{ɦ}»n-*)], *-Pn-* [= *-pn-*, *-bn-*, *-φn-* (< *-«b^{ɦ}»n-*)], to *-nd-*, *-ng-* (*-ŋg-*), *-mb-* transition, or conversely to *-nn-*, *-gn-* (*-ŋn-*), *-mn-*. The point being demonstrated depends upon the (pre-historical) movable Latin accent, so namely: *-nd-*, *-ng-* (*-ŋg-*), *-mb-* follow the unaccented root vowel, while *-nn-*, *-gn-* (*-ŋn-*), *-mn-* follow the accented one; the suffixes contain *-d-*, *-g-*, *-b-* in place of *-nd-*, *-ng-* (*-ŋg-*), *-mb-*; but former *-NCn-* [= *-nTn-*, *-ŋKn-*, *-mPn-*] always result in *-ND-* [= *-nd-*, *-ng-* (*-ŋg-*), *-mb-*].

Keywords: Latin (language), (the 2nd) Thurneysen's law [the law of the nasal clusters], *pandō*-rule [*pandō*-effect], Kluge's law, Lachmann's law, V. A. Dybo's shortening (of the Latin legths), (obstruent) stops [occlusives] + *n*, (Latin, Germanic) movable [free] stress [pitch, accent], Grimm's law, Werner's law.

DOI:10.30842/ielcp230690152214

Н. А. Бондарко

ПЕРЕВОДЫ И АДАПТАЦИИ «ОТКРОВЕНИЙ» БРИГИТТЫ ШВЕДСКОЙ В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕРМАНИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ*

В статье рассматривается исторический контекст появления и распространения книги «Откровений» св. Бригитты Шведской (1303–1373) в позднесредневековой Европе и особенно в Германии. Проводится выборочный лексико-грамматический анализ переводов жития св. Бригитты, выполненных на рубеже XV–XVI вв., на два диалекта ранненововерхненемецкого языка. На основании полученных данных выявляются особенности стратегий перевода и языкового варьирования в немецких текстах.

Ключевые слова: ранненововерхненемецкий язык, переводческие стратегии, Бригитта Шведская, средневековые переводы, рукописная традиция, языковое варьирование, лексико-грамматический анализ.

Обширное собрание «Откровений» («Revelationes») католической святой Бригитты Шведской (1303–1373), созданное и записанное во второй пол. XIV в., представляет собой хорошо известный в позднесредневековой Европе памятник религиозно-мистического опыта, а также пример осмысления с точки зрения этого опыта политических реалий.

Бригитта Шведская, происходившая из знатной семьи, близкой к шведскому королевскому двору, родилась в 1303 г. в Упланде (Finsta), а умерла 23 июля 1373 г. в Риме. После того, как в 1344 г. после паломничества в Сантьяго-де-Компостела умер ее муж – законоговоритель Ульв Гудмарсон, – она обратилась к духовной жизни и несколько лет провела в цистерцианском монастыре Альвастра. С 1350 г. она жила в Риме, а в 1372 г. совершила паломничество в Иерусалим. Начиная с 1342 г. и на протяжении всей оставшейся жизни она имела видения, которые переводили с древнешведского языка или сразу записывали на латинском языке ее духовники и секретари – сперва магистр Матиас из Линкёпинга, затем Петер Олафсон (Petrus Olavi) из Альвастры и его тезка Петер Олафсон из Скэн-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 17-18-01624 «Перевод и языковая адаптация в литературных текстах средневековой Европы».

нинге. Первоначально «Небесные откровения» («Revelationes caelestes») представляли собой сборник разрозненных видений. Деятельность Бригитты и ее видения были хорошо известны в высших церковных кругах, и вскоре после ее смерти появились разные версии ее жития. Автором первого жития был испанский епископ в изгнании Альфонс из Вальдатерры. Он также распределил откровения по семи книгам. В частности, тексты политического содержания «Liber coelestis imperatoris ad reges» составили 8-ю книгу. Канонизация Бригитты проходила в несколько этапов и была окончательно утверждена папой Бонифацией IX 7 октября 1391 г. Против канонизации выступил французский теолог Жан Жерсон (как сторонник авиньонской партии). Протесты высказывались и со стороны францисканцев – что привело к подробному разбирательству на Базельском церковном соборе (см. ниже).

В 1346 г. король Магнус Эриксон даровал Бригитте земельное владение вблизи озера Фэттерн (Vättern). Там она основала общину, в которую входили как сестры, так и мужчины духовного звания (структура общины включала 60 монахинь и 25 монахов, из которых 13 имели статус «апостолов» и должны были вести пастырскую и проповедническую деятельность). Для них Бригитта разработала устав на основе Правила блаж. Августина. На этой основе в дальнейшем был сформирован орден Святейшего Спасителя (Ordo Sanctissimi Salvatoris), известный также как орден св. Бригитты (Ordo Sanctae Birgittae). В 1369–1381 гг. в Вадстене было построено бригиттинское аббатство, в котором первой аббатисой стала старшая дочь Бригитты Екатерина. Орден стремительно распространялся по Европе: в 1392 г. появилась бригиттинская община во Флоренции, в дальнейшем – в Прибалтике (Данциге, Ревеле, Любеке, Штральзунде), в Польше (Люблин), в Дании/Норвегии (на Лолланде и в Бергене), в Англии, в южной Германии (под Нюрнбергом, Нёрдлингеном и Мюнхеном), в области Кёльна (Годесберг и Клеве) и в Нидерландах.

В XV–XVI вв. «Откровения» и другие важнейшие тексты бригиттинского ордена (уставы, молитвы, житие основательницы, церковные апробации) переводились с латинского на национальные европейские языки – среднеанглийский, среднешведский, средненидерландский, средненижненемецкий и ранненововерхненемецкий (см. Morris, O'Mara 2000). Первый

немецкий перевод «Откровений» св. Бригитты Шведской, выполненный с любекского издания Бартоломеуса Готана 1492 г., появился в Любеке в 1496 г. («Sunte Birgitten openbaringe»). В 1990 г. Дж. Хоггу удалось установить и другие источники – ранние средненижненемецкие компиляции «Откровений» 1478 и 1485 гг. в старопечатных изданиях, сохранившихся фрагментарно (Hogg 1990; 1993)[1].

Рецепции и переводам «Откровений» в Дании и Норвегии посвящены недавние работы Дж. Адамса (Adams 2008; 2015). Основополагающее исследование текстологической традиции переводов и адаптаций «Откровений» и ряда других родственных текстов в южной Германии было издано У. Монтагом еще в 1968 г. (Montag 1968), однако собственно лингвистических работ, посвященных языку верхненемецких переводов св. Бригитты, не существует. Полностью не исследован перевод «Откровений» 1461 г. на восточносредненемецкий региональный вариант (Berlin, Staatsbibliothek, mgf 532).

Рукопись, хранящаяся в РНБ под шифром Ф. 955 оп. 2 №157 содержит единственный известный перевод всех 6 глав трактата Хуана де Торквемады (Johannes de Turrecremata / Juan de Torquemada, 1388–1468, кардинал с 1439 г.) «Declaraciones pro defensione scriptorum Birgitte» («Разъяснения в защиту писаний Бригитты») на немецкий язык (в восточносредненемецком региональном варианте): л. 24rb–173vb. В этом рукописном сборнике содержится также перевод устава бригиттинского ордена (апробация отредактированной версии устава была осуществлена в булле папы Урбана V в 1370 г. и подтверждена в булле папы Урбана VI в 1378 г.) и подборка агиографических текстов – несколько небольших историй из «Откровений», относящихся к уставу св. Бригитты, и «Чудеса св. Бригитты».

Рукопись поступила в фонды библиотеки после 1945 г. в составе 77 кодексов из бывшей библиотеки соборной гимназии Гальберштадта. В эту библиотеку кодекс поступил из библиотеки капитула Unser Lieben Frauen (beatae Mariae virginis) в ноябре 1814 г. В свою очередь, в библиотеку капитула рукопись попала из собрания графа Вольфганга Эрнста цу Штольберг-Вернигероде (1546–1606). Об этом свидетельствует монограм-

[1] Проблемам перевода сочинений Бригитты Шведской на европейские языки посвящен сборник Morris, O'Mara 2000.

ма *W E G Z S* и дата приобретения рукописи *1 5 8 0*, оттиснутые на верхнем и нижнем поле передней крышки переплета соответственно.

Историко-лингвистический анализ текстов рукописи[2] позволил обнаружить целый ряд графико-фонетических и морфологических признаков, которые в своей совокупности указывают на восточносредненемецкий диалектный ареал, причем существуют общие черты с другими текстами, написанными в Тюрингии во 2-й пол. XV в. Характер штемпелей на переплете указывает на одну из мастерских Эрфурта, причем пик ее деятельности приходится на 1490-е годы. Датировать рукопись можно приблизительно 1500 г.

На корешке кодекса присутствует надпись, сделанная коричневыми чернилами готическим письмом XVI в.: *Daz dritte deyl der offēbarūg Birgitte*. Эта надпись с характерным для средненижненемецких диалектов *d* вместо верхненемецкого *t* в слове in *deyl*, возможно, относится ко времени поступления рукописи в собрание графа Штольберг-Вернигероде и могла быть сделана библиотекарем графа. Смысл этой надписи не вполне соответствует содержанию кодекса, в котором собственно «Откровения» св. Бригитты отсутствуют. Что же означает «третья часть»? Исходя из надписи *Daz dritte deyl* на обрезе кодекса, можно сделать предположение о существовании сборника из трех кодексов, первые два из которых содержали «Откровения» св. Бригитты Шведской. Например, хорошо известна двухтомная рукопись перевода «Откровений» на восточношвабский диалект из бригиттинского монастыря Майинген (Universitätsbibliothek Ausgburg, Cod.III.1.2°17 и Cod.III.1.2°18). Третий же, единственный сохранившийся кодекс как раз и мог включать в себя дополнительные тексты, имевшие хождение в ордене, и в частности, комментарий к «Откровениям» Хуана де Торквемады. Впрочем, две первых «части» с «Откровениями» могли, разумеется, иметь и совершенно иное происхождение, чем наш кодекс, и лишь позднее кто-то из библиотекарей мог опознать их как близкие в содержательном отношении.

Трактат испанского богослова Хуана де Торквемады (XV в.) «Declaraciones pro defensione scriptorum Birgitte» представляет собой комментарий, написанный в защиту «Откровений» Бри-

[2] См. подробнее: Bondarko 2012; 2014.

гитты Шведской. Критика «Откровений» исходила от сторонников «авиньонской» партии и соборного движения, а защищали Бригитту приверженцы «римской» партии. Основная часть *Declarationes* (кн. 6) посвящена разбору 123 отрывков из «Откровений» на предмет их соответствия учению католической церкви. Появление трактата связано с процессом против бригиттинского ордена, который рассматривался на Базельском церковном соборе, открывшемся в 1431 г.[3] Частные обвинения в адрес аббатства Мариенвольде (Marienwohlde) повлекли за собой вопрос об ортодоксальности «Откровений св. Бригитты». 6 апреля 1434 г. комиссия в составе нескольких авторитетных богословов, среди которых был особенно активен Матиас Дёринг (Matthias Döring), министр францисканской провинции Саксония (1427–1461). Комиссия представила Базельскому собору документ, в котором по поводу 123 мест из «Откровений» было высказано подозрение в ереси.

Для рассмотрения этого дела 11 мая 1434 г. была сформирована вторая комиссия под председательством кардинала Иоанна Сервантеса де Лора (Иоанна Севильского, Johannes Cervantes), которая поручила составить свое заключение по поводу 123 статей 4 экспертам, в числе которых был и Хуан де Торквемада. Работа этой комиссии завершилась решением, оглашенным 1 марта 1436 г., и оно было подтверждено папской буллой от 1 декабря 1436 г. Трактат Торквемады содержал оправдание всех подозрительных статей, в которых он не нашел ничего еретического и противоречащего учению Церкви. Несмотря на положительное мнение Торквемады, Аймерика Кампенского и других членов комиссии, вердикт, вынесенный Людовиком Арелатским (Ludovicus Arelatensis / Allemannus), судьей в вопросах веры, был неблагоприятен для бригиттинского ордена. «Откровения» не были признаны еретическими, однако читать их предписывалось вместе с комментариями опытных теологов. Одним из таких официально одобренных комментариев и был трактат Торквемады. Впоследствии община Вадстены обратилась к Торквемаде с просьбой подтвердить статус своего трактата как свидетельства необоснованности нападок на Базельском соборе и возможных будущих обвинений. Цель Вадстены

[3] Дальнейшие сведения излагаются по Adman 2003: 15–60; см. там же все ссылки на источники и литературу; ср. Sahlin 2001: 221–223.

состояла в том, чтобы добиться права свободного распространения «Откровений» св. Бригитты наравне с сочинениями других католических святых. В ответ на эту просьбу появилось предисловие 1446 г. к пересмотренным и отредактированным «*Declaraciones*», в котором автор объяснил свою позицию в этом вопросе и подтвердил свое авторство. Вскоре аббатство получило аутентификацию и апробацию копии «*Declaraciones*» со стороны судьи курии, Людовика де Гарсиис (Ludovicus de Garsiis), в результате чего содержание трактата Торквемады получило статус официально одобренного папским престолом. Практически с этого момента начинается рукописное распространение трактата Торквемады внутри бригиттинского ордена.

Изложенные обстоятельства проливают свет на причины появления полного перевода трактата Торквемады. Во 2-й пол. XV в. он распространялся в числе сочинений сопроводительного характера как необходимое дополнение к «Откровениям». А. Ф. Адман обращает внимание на предписание в «*Liber Usuum*» – книге обычаев и ритуалов бригиттинского ордена, официально одобренной на генеральном капитуле 1487 г. в Гнаденберге (Gnadenberg – южная Германия), – согласно которому «Откровения» должны были читаться ежедневно за трапезой вместе с комментариями к каждой статье. По мнению Адман, это могли быть комментарии Хуана де Торквемады или чьи-либо, касающиеся тех пассажей, которые Торквемадой объяснены не были (Adman 2003: 56). Адман представляет процесс комментированного чтения «Откровений» следующим образом: «…Когда человек, читавший «Откровения», доходил до критикуемого пассажа, он должен был прочесть его, но сразу же обратиться к соответствующему месту оглавления (*Registrum*) и затем прочитать нужное толкование из корпуса защитных сочинений вслух; так должна была выглядеть процедура, корректная с правовой точки зрения» (Ibid.). Примечателен факт, что на генеральном капитуле бригиттинского ордена 1487 г. практика чтения «Откровений» вместе с разъяснениями была утверждена формально и предписывалась всем монастырским общинам ордена. Трактаты в защиту «Откровений» – и прежде всего Хуана де Торквемады – копировались

с тех пор многократно в рамках единого корпуса[4]. Вместе с тем, существовала и самостоятельная традиция рукописного распространения трактата Торквемады, который мог переписываться в одном томе с «Откровениями» – как это, по-видимому, и было в нашем случае (см. Adman 2003: 58).

Первые пять коротких глав, написанных в 1435 г., а также начало 6 главы были опубликованы вместе с прологом 1446 г. в качестве предисловия («Epistola domini Johannis Cardinalis de Turre Cremata ad omnes Christi fideles») к первому изданию «Откровений» Бартоломеуса Готана (Bartholomäus Ghotan) (Любек) 1492 г. (инкунабула GW 4391), которое было переиздано без изменений Антоном Кобергером в 1502 г. в Нюрнберге (GW 4392). 6-я глава, представляющая собой основную часть трактата, была полностью издана (вместе с остальными) лишь в XVIII в.[5]

В состав V главы *Declaraciones* в латинских рукописях и инкунабулах обычно включались булла папы Бонифация IX о канонизации (*Bulla canonisationis* «Ab origine mundi», vom 7. Oktober 1391) св. Бригитты, которая включала в себя краткое житие Бригитты, и булла Мартина V с ее подтверждением (*Confirmatio canonisationis*, «Excellentium principium» от 1-го июля 1419 г.) – как, например, в первом издании 1492 г. То же самое можно наблюдать и в Санкт-Петербургской рук. Ф. 955 оп. 2 №157. Впрочем, в рукописи отсутствует перевод предисловия Торквемады 1446 г. Несколько сокращен текст заключения в последней главе трактата. В целом, Санкт-Петербургский кодекс содержит единственный перевод бригиттинских текстов на восточносредненемецкий региональный вариант, причем иных переводов 6-й главой труда Торквемады на немецкий язык. более не известно. Однако выводы о локализации происхождения кодексе в Эрфурте наталкиваются на тот объективный факт, что ни в Эрфурте, ни вообще в Тюрингии в это время не было бригиттинских общин. Самым близким мона-

[4] См., например, описание одной из наиболее репрезентативных рукописей, содержащих «Defensiones» из Вадстены, UUB MS C 518: Adman 2003: 126–129.

[5] Johannes de Turre Cremata, Defensiones quorundam articulorum rubrorum Revelationum S. Birgittae factae (...) in Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio, Tom. XXX. Ed. J. D. Mansi, Venetiis 1792, Coll. 699–814.

стырем в южном направлении был Гнаденберг, однако наши тексты не обнаруживают ни малейшего влияния традиции южнонемецких переводов. Поэтому остается только предположить, что происхождение рукописи было связано с каким-то другим орденом: исходя из содержательной специфики «Откровении» Бригитты и прочих текстов, которые были с ней связаны, в первую очередь можно было бы думать об одном из доминиканских или картузианских конвентов, которых в Эрфурте и его окрестностях было достаточно.

Как известно, в 1502 г. Кобергер выпустил, помимо переиздания Готана, полный перевод латинского издания «Откровений» Бригитты вместе с текстами относящихся к нему папских булл на ранненововехненемецкий язык. Перевод был выполнен по заказу имперского рыцаря Флориана Вальдауфа фон Вальденштейна, протонотария императора Максимилиана (см. Montag 1968: 102-123). Однако с этим переводом текст нашей рукописи не имеет ничего общего. Это обстоятельство хорошо согласуется с предполагаемым временем создания восточносредненемецкого перевода бригиттинских текстов (разумеется, кроме отсутствующих в рукописи «Откровений») незадолго до 1502 г. Скорее всего, оригиналом для перевода первых пяти глав комментария Торквемады вместе с обеими папскими буллами послужило любекское издание Готана.

Переходя к сопоставлению параллельных переводов краткого жития св. Бригитты, содержащегося в тексте буллы Бонифация IX, мы используем издание 1859 г. (Bullarium Romanum),[6] в котором текст разделен на параграфы – что весьма удобно для анализа переводов. Приведем отрывок, охватывающий § 11–15 (Bullarium Romanum, 618b–619a).

[6] Bullarium Romanum. Bullarum, diplomatum et privilegiorum sanctorum Romanorum Pontificum Taurinensis editio: locupletior facta collectione novissima plurium brevium, epistolarum, decretorum actorumque S. Sedis a S. Leone Magno usque ad praesens cura et studio R.P.D. Aloysii Tomassetti ...auspicante ... S.R.E. cardinali Francisco Gaude. T. IV. Augustae Taurinorum 1859, p. 616–624.

E (РНБ, Ф.955 оп. 2 №157	N (Anton Koberger; Nürnberg 1502)
§ 11. Haec nempe mulier gloriosa ex patre Birghero et matre Sighride coniugibus de nobilissima regia stirpe catholicorum Sveciae regum procedentibus, nec minus fide orthodoxa et animi constantia, ac virtutibus, quam nobilitate claris duxit originem.	
(15vb) Das hochwirdige weib die heilige Brigitta aus irem vater Birgero vnnde műtter Sighirde eeliche cristliche personen von eynem aller edelistenn cristlichenn stamme in dem reiche Schweden ist entsrűngen vnde gebornn.	(6v) Wann diſe hoch wirdige fraw vom vatter Birghero vnd von der muter Sighride eegemeheln von dem alleredliſten kůnigklichem ſtamm der criſtenlichen kůnig zu Sweden herkomen / auch in criſtenlichem glauben vnd in ſtetikeit ires gemůts auch tugenden vnnd adelkeit gar lauter hat herpracht iren vrſprung /
§ 12. Quae quidem mater dum eam gestaret in utero, maris in quodam sinu passa naufragium, cum multos promiscui sexus in eodem naufragio procella absorbuisset, sana pervenit in litus, et nocte sequenti in visione adstitit sibi persona admirando vestitu refulgens, et ne Viduae tam venerandae sine praenuncio foret adventus, dixit: Salvata es propter bonum, quod habes in utero. Ideo nutri illud cum charitate Dei, quia tibi a Deo datum est.	
Welche műtter, (16ra) so sie schwanger gingk mit der heiligen Brigitta, was sue zcw eyner zceit vff eynem grosßen merstrom ader wasser inn der schiffbrechűnge, do vil menschen, menner vnnde frawenn, ertrűnckenn. Aber sŭe qűam gesundt vnnde vnvorserth durch gotes hŭlffe zcw dem vffer. Dornach inn der nacht stűndt vor irem gesichte bei ir eyne personn inn eynem scheinbarlichenn cleide, vff das sulcher wirdiger witwen zcwkŭnfft nicht gescheye vnvorkundiget vnde sprach zcw ir: «Dŭ bist gesŭndt vnnde vnvorserdt ankomenn vmb der guthen frűcht willen deynes leibes, vnnde dar vmbe saltű sie ernerenn in der libe gotes, wenn sŭe dir vonn gote gegeben ist».	derr muter als ſy Birgittam trug in irem leib hat ſy auff dem mer gelitten ein ſchiffpruch als in dem ſelbenn ſchiffpruch die wellen des meres vil menſchen beyder geſlecht hetten ertrenckt / iſt ſy geſundt komen an das geſtatt / vnd die nach folgenden nacht iſt ir in einer geſicht beygeſtanden ein perſon ſcheynende in verwunderperlichem klaid vnd das einer ſőlhen erwirdigenn wittiben zukunfft nit were on vorboten / ſprach die perſon. Du piſt erledigt worden vmb ſőlh gut das du haſt in deinem leib / darumb ſolt du das auffziehen vnd ernern in der liebin gottes. Wann es dir von gott gegeben iſt /

<table>
<tr><td colspan="2">§ 13. Cumque puella Brigitta de genitricis alvo in mundum recenter fuisset educta, sacerdos parochialis in Ecclesia propinqua approbatae vitae el aetatis perfectae, dum nocte orationi vacaret, nubem lucidam et in medio nubis virginem sedentem vidit, librum habentem in manu, sibique dicentem: Nata est Birghero quaedam filia, cuius vox per mundum admirabilis audietur.</td></tr>
<tr><td colspan="2">§ 14. Nata ergo puella usque ad finem trienii quasi elinguis visa est, sed mox contra naturalem decursum non balbutiendo infantium more fari, gestientiumque audierint, sed completa et formata verba de auditis per eam loquebatur et visis.</td></tr>
<tr><td>Das kindt nach der geborth bis an das ende dreier jar stűm vnnde ane rede gesehenn wart.
Sunder alzo balde dornach in der nacht darwider den naturlichen laűfft nicht stammelende vnnde vnvolkomlich redende nach weysze der andern jŭngen kindern, sunder volkomnede wort vonn allenn dingen, die sie horte ader sach, rethe sie.</td><td>(7r) Alſo iſt geſehen worden das gepornnt tȯchterlin bis ſchier zu drey Jaren nichts redende.
Aber darnach alſpald was ſy wider natůrlichen lauff nit nach ſitten der nit redenden kinder /ſonder volkomne vnd formierte wȯrter reden von den gehȯrten wȯrtern.</td></tr>
<tr><td colspan="2">§ 15. Procedens vero in annis, pueritiam mira devotione transegit, orationibus videlicet ac ieiuniis, ee alias numquam a bonis operibus otiosa.</td></tr>
<tr><td>Vnnde vorgeende inn denn jarn mit wonderlicher innikeit vnnde andacht, brochte sie zcw ire kindheit (16va) inn bethen vnnde fastenn vnnde nymmer mŭssigk geende vonn guthenn werckenn.</td><td>Aber ſy was fůr ſich farn in den Jaren vnd hat ir kindtheit mit wunderperlicher andacht mit beten vnd vaſten volbracht / vnd was nymmer můſſig von guten wercken.</td></tr>
</table>

Варьирование в переводах – как при сравнении их с латинским оригиналом, так и между собой – затрагивает ряд лингвостилистических (лексических, морфологических, синтаксических) аспектов.

1. Синонимия:

(1) mulier gloriosa
N: **diſe** hoch wirdige **fraw**
E: **Das** hochwirdige **weib**

(2) coniugibus (Abl.)
N: eegemeheln
E: **eeliche** cristliche **personen**

(3) in littus
N: an das geſtatt
E: zcw dem vffer

(4) **et ne** <…> foret
N: nit were
E: nicht gescheye

(5) admirando vestitu
N: in verwunderperlichem klaid
E: inn eynem *scheinbarlichenn* cleide

2. Пропуск слова:

(1) de nobilissima regia stirpe catholicorum Sveciae regum **procedentibus**
N: von der muter Sighride eegemeheln von dem alleredliſten kůnigklichem ſtamm der criſtenlichen kůnig zu Sweden **herkomen**
E: aus irem vater Birgero vnnde műtter Sighirde eeliche cristliche personen von eynem aller edelistenn cristlichenn stamme

(2) cum multos promiscui sexus **in eodem naufragio** procella absorbuisset
N: **als in dem ſelbenn ſchiffpruch** die wellen des meres vil menſchen beyder geſlecht hetten ertrenckt /
E: do vil menschen, menner vnnde frawenn, ertrűnckenn …

(3) completa *et formata* verba
N: volkomne *vnd formierte* worter
E: volkomnede wort

3. Вставка слова или словосочетания:

(1) mulier gloriosa
N: diſe hoch wirdige fraw
E: Das hochwirdige weib **die heilige Brigitta**

(2) coniugibus (Abl.)
N: eegemeheln
E: eeliche **cristliche** personen

(3) maris in quodam sinu passa naufragium
N: hat ſy auff dem mer gelitten ein ſchiffpruch
E: **was** sue **zcw eyner zceit** vff **eynem grosßen** merstrom **ader wasser** inn der schiffbrechűnge

(4) sana pervenit in litus
N: iſt ſy geſundt komen an das geſtatt /
E: **Aber** sŭe qűam gesundt **vnnde vnvorserth durch gotes hŭlffe** zcw dem vffer.
(5) Ideo nutri illud
N: darumb ſolt du das **auffziehen** vnd ernern
E: dar vmbe saltű sie ernerenn

(6) elinguis
N: nichts redende
E: **stűm vnnde** ane rede

4. Лексико-синтаксическая трансформация на уровне словосочетания.

4а. Замена части речи (с возможной синонимией):

(1) Sveciae regum
N: der <…> kůnig zu Sweden
E: **in dem reiche** Schweden

(2) sine praenuncio
N: on vorboten
E: vnvorkundiget

(3) propter bonum
N: vmb ſőlh **gut**
E: vmb **der guthen frűcht** willen

(4) elinguis
N: **nichts redende**
E: stűm vnnde **ane rede**

(5) mira devotione (Abl.)
N: mit wunderperlicher andacht
E: mit wonderlicher **innikeit vnnde** andacht

4б. Перестановки:
de nobilissima regia stirpe catholicorum Sveciae regum
N: von dem alleredliſten **kůnigklichem** ſtamm der **criſtenlichen** kůnig zu Sweden
E: von eynem aller edelistenn **cristlichenn** stamme in dem reiche Schweden

4в. Синонимическая замена группы сказуемого (с изменением валентностной структуры предиката и частичной трансформацией смысла):

(1) dum eam gestaret in utero
N: **als ſy Birgittam trug** in irem leib
E: **so sie schwanger gingk mit der heiligen Brigitta**

(2) maris in quodam sinu passa naufragium
N: **hat** ſy auff dem mer **gelitten** ein ſchiffpruch
E: **was** sue zcw eyner zceit vff eynem grosßen merstrom ader wasser **inn der schiffbrechűnge**

(3) cum multos promiscui sexus in eodem naufragio procella absorbuisset
N: als in dem ſelbenn ſchiffpruch die wellen des meres vil menſchen beyder geſlecht hetten ertrenckt /
E: do vil menschen, menner vnnde frawenn, ertrűnckenn – Замена диатезы с элиминацией неодушевленного субъекта действия (procella).

(4) Salvata es...
N: Du piſt **erledigt worden** …
E: Dŭ bist **gesŭndt vnnde vnvorserdt ankomenn** …

(5) propter bonum, **quod habes in utero**
N: vmb ſo̊lh gut **das du haſt in deinem leib**
E: vmb der guthen frűcht willen **deynes leibes**

(6) non balbutiendo infantium more fari, gestientiumque **audierint**
N: nit nach ſitten der **nit redenden** kinder
E: nicht **stammelende vnnde vnvolkomlich redende** nach weysze **der andern jŭngen** kindern

(7) ...sed completa et formata verba de auditis per eam loquebatur et visis.
N: ſonder volkomne vnd formierte wo̊rter [was ſy] **reden von den geho̊rten wo̊rtern**.
E: sunder volkomnede wort **vonn allenn dingen, die sie horte ader sach**, **rethe sie**.

В отличие от большинства других случаев, вариант von den geho̊rten wo̊rtern в издании Кобергера дальше от латинского текста (de auditis… et visis), чем тюрингский перевод, который более адекватен по смыслу, хотя в нем и используется структурно отличающаяся синтаксическая конструкция (пропозиция развернута в дополнение с зависимым определительным придаточным предложением).

4г. Синонимическая замена непредикатных структур с частичной трансформацией смысла:

(1) maris in quodam sinu
N: auff dem mer
E: vff eynem grosßen merstrom ader wasser
(2) multos promiscui sexus
N: vil menſchen beyder geſlecht
E: vil menschen, menner vnnde frawenn

(3) nocte sequenti
N: **die nach folgenden** nacht
E: **Dornach inn der** nacht

(4) in visione
N: in einer geſicht
E: **vor irem** gesichte

Латинское словосочетание допускает обе интерпретации, однако заметно, что автор изданного Кобергером перевода предпочитает дословный вариант перевода, тогда как в Эрфуртской рукописи переводчик предлагает вариант, не зависящий от латинской синтаксической структуры.

5. Изменение синтаксической структуры на уровне простого и сложного предложений.

5а. Замена или устранение коннектора:

(1) Haec nempe mulier gloriosa ex patre Birghero et matre Sighride coniugibus de nobilissima regia stirpe catholicorum Sveciae regum procedentibus ...
N: ***Wann*** diſe hoch wirdige fraw vom vatter Birghero vnd von der muter Sighride eegemeheln von dem alleredliſten kůnigklichem ſtamm der criſtenlichen kůnig zu Sweden herkomen …
E: Das hochwirdige weib die heilige Brigitta aus irem vater Birgero vnnde műtter Sighirde eeliche cristliche personen von eynem aller edelistenn cristlichenn stamme in dem reiche Schweden …

(2) …**et nocte sequenti** in visione adstitit sibi persona admirando vestitu refulgens, **et ne** Viduae tam venerandae sine praenuncio foret adventus, dixit…
N: **vnd die nach folgenden nacht** iſt ir in einen geſicht beygeſtanden ein perſon ſcheynende in verwunderperlichem klaid **vnd das** einer ſőlhen erwirdigenn wittiben zukunfft **nit** were on vorboten / ſprach die perſon.

E: Dornach i**nn der nacht** stűndt vor irem gesichte bei ir eyne personn inn eynem scheinba*r*lichenn cleide, **vff das** sulcher wirdiger witwen zcwkŭnfft nicht gescheye vnvorkundiget **vnde** sprach zcw ir…

5б. Изменение предикатной структуры:

de nobilissima regia stirpe catholicorum Sveciae regum **procedentibus** ***nec minus fide orthodoxa et animi constantia, ac virtutibus, quam nobilitate*** claris duxit originem.

N: von der muter Sighride eegemeheln von dem alleredliſten kůnigklichem ſtamm der criſtenlichen kůnig zu Sweden **herkomen** / **auch in criſtenlichem glauben vnd in ſtetikeit ires gemůts auch tugenden vnnd adelkeit gar lauter** hat herpracht iren vrſprung /

E: aus irem vater Birgero vnnde műtter Sighirde eeliche cristliche personen von eynem aller edelistenn cristlichenn stamme in dem reiche Schweden **ist entsrűngen** ***vnde gebornn***… – Предикат относится к подлежащему (Das hochwirdige weib), а не к косвенному дополнению, как в оригинале (coniugibus). Эта трансформация связана с сокращением предложения, а именно, с пропуском обстоятельственной предложной группы. В качестве компенсации вводится синонимичный глагол – однородное сказуемое (в форме причастия прошедшего времени) в стяженной перфектной конструкции: ist entsrűngen *vnde gebornn*.

Таким образом, сопоставительный анализ нюрнбергского и эрфуртского переводов жития св. Бригитты, проведенный на основе перечисленных параметров, позволил выявить базовые различия переводческих стратегий, прослеживаемые по всем отмеченным параметрам с минимальными исключениями. Если переводчик текста, опубликованного Кобергером, стремится к максимальной точности и предпочитает дословные варианты перевода (иногда даже в ущерб общему смыслу высказывания), то автор перевода в эрфуртской рукописи обращается с исходным текстом гораздо более вольно, не боясь вносить дополнения или сокращать элементы текста, и обычно предлагает варианты, не привязанные к латинским синтаксическим схемам.

Литература

Adams, J. (ed.) 2008: *Displaced texts Displaced texts: an Old Swedish Birgittine Revelation in Copenhagen, GkS 1154 fol. and Three Sermons in Vienna, Cod. Vind. 13013*. Edited and commented by Jonathan Adams. Uppsala, 2008.

Adams, J. 2015: *The Revelations of St Birgitta: A Study and Edition of the Birgittine Norwegian Texts, Swedish National Archives, E 8902*. Leiden: Brill, 2015.

Adman, A. F. 2003: *Dyalogus super Reuelacionibus Beate Birgitte.* A Critical Edition with an Introduction. Diss. Upsala, 2003.

Bondarko, N. 2012: Die deutschsprachigen Handschriften der Russischen Nationalbibliothek St. Petersburg aus Halberstadt: Die Perspektiven ihrer wissenschaftlichen Erschließung am Beispiel der birgittinischen Schriften in Cod. Fonds 955 op.2. Nr. 57. In: *Deutsch-russische Arbeitsgespräche zu mittelalterlichen Handschriften und Drucken aus Halberstadt in russischen Bibliotheken*. Hg. von R. Bentzinger, A. Breith, C. Squires und I. Velikodnaja. Erfurt, 115–130. (= Akademie gemeinnütziger Wiss. zu Erfurt, Sonderschriften 43; Deutsch-russische Forschungen zur Buchgeschichte 1).

Bondarko, N. 2014: Die Kanonisationsbulle der heiligen Birgitta von Schweden in einer ostmitteldeutschen Übertragung. In: *Deutsch-russische Arbeitsgespräche zu mittelalterlichen Handschriften und Drucken in russischen Bibliotheken*. Hrsg. von N. Ganina, K. Klein, C. Squires und J. Wolf. Erfurt: Verlag der Akademie gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt in Kommission bei Franz Steiner Verlag GmbH Stuttgart, 183–197. (= Akademie gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt, Sonderschriften 45; Deutsch-russische Forschungen zur Buchgeschichte 2).

Hogg, J. 1990: *Sunte Birgitten openbaringe*. In: Spiritualität heute und gestern 8 (Analecta Hogg 1993 – Hogg J ed. Studies in St. Birgitta and the Brigittine Order, in: Analecta Cartusiana 35/19. Salzburg.

Montag, U. 1968: *Das Werk der heiligen Birgitta von Schweden in oberdeutscher Überlieferung*. München (= Münchener Texte und Untersuchungen zur deutschen Literatur des Mittelalters 18).

Morris, B., O'Mara, V. (Eds.) 2000: *The translation of the works of St Birgitta of Sweden into the medieval European vernaculars*. The Medieval Translator. Vol. 7. Turnhout, 2000.

Sahlin C. L. 2001: *Birgitta of Sweden and the Voice of Prophecy*. Woodbridge, 2001 (= Studies in Medieval Mysticism, v. 3).

N. A. Bondarko. Translations and adaptations of St. Birgitta of Sweden's «Revelationes» in later medieval Germany: a statement of the problem

The paper deals with the historical context of St. Birgitta of Swedens (1303–1373) *Revelationes* and of their dissemination in later medieval Europe, foremost in Germany. It also presents a sample lexical and grammatical analysis of the translations of St. Brigitta (ca. 1500) into two dialects of Early New High German: East Swabian and Thuringian (part of East Middle German). Based on the data obtained, specific features of translation strategies and language variation in German texts are revealed.

*Key words:*Early New High German, Birgitta of Sweden, medieval translations, manuscript tradition, linguistic variation, lexical and grammatical analysis.

DOI:10.30842/ielcp230690152215

В. А. Бондарь

ПЕРФЕКТ В СОВРЕМЕННЫХ ДИАЛЕКТАХ БРИТАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье на основании частичной выборки из Фрайбургского корпуса диалектов анализируются функционально-семантические особенности употребления перфекта в современных диалектах британского варианта английского языка. Как полные, так и сокращенные формы перфекта фиксируются в тех же самых контекстах, что и в стандартном английском. В статье рассматриваются случаи употребления перфекта в контекстах, недвусмысленно указывающих на его претеритальную семантику. Данное использование перфекта имеет свои прагматико-дискурсивные особенности: неполная потеря аспектуальных свойств перфекта создает яркое, живое повествование. Другие наиболее распространенные примеры включают формы перфекта без вспомогательного глагола, которые употребляются с хабитуальным значением. В таких контекстах наблюдается смещение экспериенциального значения перфекта в сферу прошедшего при одновременном стирании его прагматического компонента.

Ключевые слова: перфект, претерит, диалекты, британский английский, семантика, грамматикализация

Вводные замечания

Аналитический перфект развивается из комбинации посессивного глагола и второй формы причастия, представляющей сочетание элементов, обладающих собственным лексическим значением. Ряд языков, немецкий, как яркий представитель германских языков, в полной мере показывают эволюцию такого сочетания, завершающуюся развитием у перфекта претеритальной семантики (Bybee 1994: 68–69). Английский и скандинавские языки, в этом плане представляют определенную сложность, так как перфект в них на данном этапе в полной мере сохраняет свою семантику и обладает расширенным спектром значений, таких как экспериенциальное, континуативное, иммедиатное, новостное (Comrie 1976, Davydova 2011).

При этом изучение семантики перфекта в диалектах позволяет соотнести новые, отличные от стандартных форм характеристики этого грамматического явления с его общим диахроническим движением. Так, например, если в стандартном немецком аналитический перфект выявляет сложное переплетение перфектной и претеритальной семантики, то в южных

немецких диалектах он выступает как единственный способ выражения претеритальной семантики, т. е. перфект как категория отсутствует (Klein, Vater 1998; Abraham, Conradie 2001).

Говоря о том, что перфект в английском никогда не употребляется в прошедшей сфере, всегда следует делать оговорку: в стандартном английском языке. Описывая различные функциональные свойства перфекта в английском, немецком и скандинавских языках (на примере датского) О. Есперсен высказывает мысль, что в категории перфекта нелегко удержать идею результата в настоящем и события в прошлом, что ведет к смещению семантики в сторону претерита (Есперсен 1958: 315–317). При этом если темпоральное наречие прошедшего времени никогда не употребляется с английским перфектом, без всяческих ограничений используется в немецком, то датский в этом отношении занимает промежуточное положение: в зависимости от позиции наречия, например, в конце синтагмы, употребляется перфект, в начале – претерит (Есперсен 1958: 316). Выбор зависит от психологического восприятия высказывания, в котором при перфекте наречие рассматривается как некое дополнительное информационное расширение (afterthought). Это положение, как мы полагаем, справедливо и в отношении некоторых примеров из нашей выборки.

В английском языке (в его разных вариантах) употребление перфекта с наречиями прошедшего времени и в нарративных контекстах не является редкостью (Ritz, Engel 2008, Ritz 2010, Elsness 2009). Так, в работе Дж. Уолкера выдвигается гипотеза состояния (*stasis hypothesis*), согласно которой различие между перфектным и претеритальным использованием перфекта не имела в истории языка четкого разграничения. Употребление перфекта в нарративных цепочках в жанре футбольных комментариев в современном британском варианте английского является следствием усиления видимости старых скрытых форм (Walker 2011: 75). Другими словами, нестандартный узус, который из-за давления прескриптивных норм был законсервирован в диалектах, распространился вследствие получения доступа к средствам массовой коммуникации широкими слоями британского общества, представленного рабочим классом (vastly greater access of working class Englishes to public consumption…through the medium of football) (Walker 2011: 83).

Иной подход представлен в работах М. Е. Ритц и Д. М. Энгель, которые анализируют претеритальное употребление перфекта в австралийском английском. Исследуя корпус, состо-

ящий из текстов радиопередач, авторы приходят к выводу, что претеритальное использование перфекта можно объяснить небрежностью разговорного стиля, в котором, как и при нарративном презенсе, перфект употребляется для создания яркости повествования. В отличие от нарративного презенса, по мнению авторов, использующих концепцию В. Клейна, топикальное время (TT-Topic Time) при нарративном перфекте включает метафорическое время высказывания (TU-Time of Utterance), которому предшествует время ситуации (Tsit-Time of situation); при нарративном презенсе все три временные точки совпадают. В целом, значительную часть глаголов в корпусе составляют глаголы действия и совершения, т.е. дуративные, отражающие часть процесса, что создает особый эффект помещения слушающего в середину описываемой ситуации. В работе Ritz 2010 рассматриваются аналогичные примеры в официальных отчетах австралийской полиции. Употребление перфекта в контекстах прошедшего времени создает миративный эффект, а также передает новую/неожиданную информацию, в то время как претерит служит для продолжения суб-сегмента информации и зачастую фиксируется в позициях между клаузами. Для объяснения семантики перфекта автор вводит две точки отсчета (reference time): одна локализуется в пределах расширенного настоящего (extended-Now), вторая – в пределах события (event), что способствует возникновению целого ряда инференций (прочтений), таких как миративное, индериктивное, эвиденциальное (Ritz 2010: 3400, 3415–3416).

Наконец, Дж. Райт в ходе исследования британских диалектов отмечает тот факт, что «…в тех диалектах, в которых сохранились старые формы сильных простых причастий, вспомогательный глагол *have*, как правило, опускается в утвердительных предложениях, когда подлежащее выражено личным местоимением, за которым непосредственно следует глагол, например, *we done it, I seen him, they been and taken it*» (Wright 1905: 298). При этом в центральных (мидлендских), восточных и южных диалектах эти формы иногда используются для выражения претерита (ibid).

Рассмотрим вкратце характеристики корпуса, который лег в основу данной работы. Для анализа использовалась выложенная для широкого доступа часть Фрайбургского корпуса (Freiburg corpus), которая состоит из 30 записей информантов (общее количество слов – 314 178). Интервью проходили с 1973 по 1993 годы. Возраст информантов варьирует от 81 до 102 лет.

Средний возраст, таким образом, составляет 86,7 лет. Значительная часть информантов (16 человек) родились в 90-ые годы XIX века, остальные – между 1877 и 1910 годами. Большинство информантов мужчины (23) и 7 женщин. В отношении регионального распределения информантов, мы выделили 8 областей Великобритании, в которых проживали опрашиваемые:

– юг Англии (1 человек);
– юго-запад Англии (8 человек);
– юго-восток Англии (6 человек);
– север Англии (1 человек);
– северо-запад Англии (5 человек);
– северо-восток Англии (2 человека);
– центр Англии (6 человек);
– Шотландия (1 человек).

Как видим, большинство информантов представляют центральные и южные графства Англии. Северные диалекты Великобритании в данной части корпуса отражены в записях 9 человек.

Основной целью работы стала классификация употреблений перфекта, выявление примеров его претеритального использования и объяснение возможных причин сближения семантики перфекта с семантикой претерита. При анализе данных мы выделяли нарративные отрезки, в которых информанты описывали прошедшие события (такие контексты превалируют) и диалоги. Диалогические отрезки представлены спонтанными краткими репликами. Кроме того, говорящие прибегали к диалогической речи при пересказе общения с определенными людьми.

Семантика перфекта

Анализируемый материал представляет два варианта перфекта: с вспомогательным глаголом (*have done*) и без (*done*). В принципе, такую ситуацию мы можем описать в рамках теории грамматикализации, которая сопровождается рядом процессов на различных уровнях языка: фонетическом, лексическом и грамматическом. В частности, грамматикализация вызывает так называемое фонетическое изнашивание/эрозию (phonetic attrition/erosion), в ходе которой вспомогательный глагол, находящийся в слабоударной позиции, сокращается до форм *'ve*, *'s*, *'d*, а затем и вовсе исчезает аналогично процессу в другой английской временной форме будущего времени: to be going to,

где I am going to do > I'm going to do > I gonna do. Второй важный процесс, применимый к данному явлению, называется наслоение (*layering*), суть которого заключается в том, что разные грамматические формы, возникающие в ходе грамматикализации, могут сосуществовать с другими, ранее уже существовавшими формами в языке. Так, будущее время в современном английском языке выражается не только с помощью формы will/shall, но и to be going to, а также форм презенса и длительного настоящего (о механизмах перехода презентных форм в сферу обозначения будущего времени в ходе процесса гипоанализа см. в Croft 2000: 126–130). Отличительной чертой перфекта, в этом смысле, будет то, что формы, представленные вторым причастием без вспомогательного глагола, на данном этапе характеризуют разговорный стиль и никогда не используются в стандартном письменном языке. Несмотря на различия в регистре, рассматривая язык в целом, мы можем сделать вывод, что формы типа *done*, *seen*, *been* вписываются в общую систему выражения перфекта и создают синонимические дублеты. Кроме того, как отмечает Й. Элснесс, вполне вероятно, что в определенной степени вклинивание претерита в сферу перфекта в некоторых его значениях можно объяснить совпадением в разговорном регистре перфектных форм без вспомогательного глагола (в значительной степени правильных глаголов) и форм претерита: *finished*, *made*, *heard*, *paid* (Elsness 2009: 243–245).

В связи с этим возникает вопрос, каким образом можно отличить обе формы, которые могут использоваться как претерит: не имеем ли дело исключительно с перфектной формой в различных контекстах, при условии, что и в прошедшей форме вспомогательного глагола (для предпрошедшего времени) употребляется перфект без *had*?

Прежде всего, следует отметить, что полная форма перфекта употребляется носителями, хотя и не так часто по сравнению с фонетически ослабленной формой или формой без вспомогательного глагола:

(1) I **have been told** but I**'ve forgotten**. All I know is he died very young. 'Мне **говорили**, но я **забыл**. Все, что я знаю, он умер молодым'.

Перфект последовательно употребляется в континуативном и результативном значениях, указывающих на наличие резуль-

тата к моменту речи, в частности, с наречем *since* ‘с тех пор как’:

(2) But it 's, **it's been pulled down now**. **Since** about eh, I think just before the war. ‘Но **оно к настоящему моменту снесено**. Это произошло приблизительно **с момента**, э, думаю, как раз перед войной’.

(3) But I don't know we, things **have altered** such a lot **now**, I, I don't know where this boat runs to now… ‘Но я не знаю, мы, вещи так сильно **изменились к настоящему моменту**, я, я не знаю, куда плавает эта лодка сегодня…’.

С другими наречиями, которые требуют употребление перфекта, такими как *never in my life*, *never*, *ever*, *lately*, *already*, *before*, *just*, *so far*, *a few times*, *recently*, *many a time*, *all that time*, *all these years*, *for twenty two years*:

(4) Now I think that, I **haven't heard much lately** of it… ‘Теперь я думаю что, я мало что об этом в последнее время слышал…’.

При этом следует отметить, что наречия это скорее сопутствующий фактор при употреблении перфекта, чем его непосредственный атрибут, что, например, убедительно показал Дж. Рой [Roy 2014: 5–6]. Важно то, что семантика перфекта последовательно проявляется в тех контекстах, которые мы привыкли ассоциировать с результатом действия, и здесь не наблюдаются отклонения в сторону выражения семантики претерита.

Кроме того, перфект последовательно используется в тех случаях, когда информант интересуется, есть ли у собеседника знания в определенной области, видел ли он ту вещь, о которой идет речь или слышал ли он о том или ином предмете:

(5) …linens **you've seen** those haven't you in the shops... ‘…белье, Вы **видели** его, не так ли, в магазинах…’.

(6) Oh yes, everything **has changed** really, you know. ‘О да, все по-настоящему **изменилось**, видите ли’.

В примерах (5) и (6) используется экспериенциальный и результативный перфект соответственно. В (5) акцентируется непосредственно осведомленность собеседника относительно предметов, о которых информант рассказывает и, следовательно, связь с моментом речи и важность обладания определенным знанием передается исключительно через перфект, в то время

как в (6) указывается на то, что есть явный результат произошедшего события – все выглядит по-другому.

Аналогичным образом используется и перфект без вспомогательного глагола, в частности в его экспериенциальном значении:

(7) Oh there were bloody hundreds, oh I **never seen** so many rats **in all mi life**, yeah, four hundred oa them, yeah. ‘О, их там было, черт бы их побрал, сотни, о, я **никогда в своей жизни не видел** столько крыс, четыре сотни, да’.

В целом, в качестве изолированных форм второго причастия могут использоваться различные глаголы. Наиболее часто употребляются глаголы *done* и *seen* в предельных контекстах. Среди других встречаются: *been*, *sprung*, *rung*, *begun*, *flung*, *hung*, *shown*, *sunk*, *drunk*, *spun*, *known*, *gone*, *run*, *torn*. Таким образом, чтобы выявить претеритальную семантику перфекта, употребляемого в форме второго причастия, нам необходимо найти такие контексты, которые бы исключали возможность перфектной трактовки данной формы как в примере (7). Мы полагаем, наиболее подходящим контекстом в таком случае будет употребление анализируемой формы с претеритом в качестве однородных сказуемых, соединенных союзом and:

(8) and McCall's wanted a mill man, **and I went down and seen them and they said**, Yes you can have the job… ‘и компании МакКолз требовался рабочий, **и я пошел**, **и встретился с ними, и они сказали**, «Да, ты можешь приступать к работе»…’.

Необходимо отметить, что *seen* используется в примере (8) в повествовательном контексте описания прошедших событий, но не в диалогической речи. Более того, иногда такая форма перфекта вставляется в более длинные нарративные цепочки с придаточными предложениями:

(9) Yes, **I picked** many a people up, you know, **and I been** on the way **when I had** horses, **when I used to go up** there, and give ’em a ride back home. ‘Да, **я подбирал** многих людей, видите ли, **и я отправлялся** в путь, **когда у меня были** лошади, **когда я часто ездил** туда, и подвозил их обратно домой’.

Второй тип контекстов включает наречия прошедшего времени. Здесь следует выделить несколько типов контекстов. Так, точное прошедшее время задается в начале предложения, а форма перфекта без вспомогательного глагола используется как однородное сказуемое наряду с предшествующим сказуемым:

(10) ... I **started** from 1926 and I **had** muscular rheumatism and I **seen** the bone specialist Sir Henry Daniels and I **went** away the office in Orchard Street in Bristol and I **told** them I **had** to get lighter job… ‘…Я **начал** с 1926 года, и у меня **был** мышечный ревматизм, и я **посетил** остеопата сэра Генри Дэниелса, и **вышел** из офиса на Орчард Стрит в Бристоле, и я **сказал** им, я **должен** получить более легкую работу…’.

Другой тип указания на точное прошедшее время используется в рамках придаточного предложения:

(11) And to do that, **I've watched** him **when I was a boy**… ‘И для того, чтобы это сделать, я **наблюдал** за ним, **когда я был мальчиком**…’.

Претеритальная семантика проявляется и в тех случаях, когда предельный глагол в перфектной форме используется для обозначения хабитуального действия:

(12) …she **done that for all while the War were** on then, yeah. ‘…она делала это все то время, когда шла война, да’.

В целом, стоит отметить, что в нашем корпусе зафиксировано достаточно много примеров, в которых формы перфекта без вспомогательного глагола употребляются в хабитуальном значении прошедшего действия аналогично примеру (12). Зачастую регулярность повторяемого действия в таких контекстах выражается с помощью конструкции *used to* ‘иметь обыкновение что-либо делать’:

(13) …it **was** not only torpedo tubes they **done**, they **used to uh do** guns and machinery… ‘…они делали не только торпедные трубы, они также выпускали, э, вооружение и оборудование…’.

Иногда подобного рода контексты встречаются с наречиями точного прошедшего времени. Как и в предыдущих примерах, все они фиксируются в повествовательных отрезках речи:

(14) …I had one Christmas there, I know it was, I **done one Christmas,** 'cause I can always remember, it was a bit wet. ‘…там однажды я встретил Рождество, я точно знаю, что это было Рождество, я **провел там Рождество**, поскольку мне навсегда врезалось в память, было слегка влажно’.

(15) I **done** that **when the War were on, you know, in 1914 up in Essex**. ‘Я это делал, когда была война, знаете ли, в 1914 году в Уэссексе’.

В выборке зафиксирован лишь один пример с наречием точного времени при передачи диалога:

(16) So the teacher said to me once, **Where have you been yesterday?** ‘Так вот однажды учитель мне сказал, **Где ты был вчера?**’.

Примеры (15) и (16) следует отличать от случаев употребления перфекта в контекстах, где наречие точного прошедшего времени выступает как некое информационное расширение, о котором мы говорили, анализируя примеры О. Есперсена:

(17) I tell you one that **have just died**, that **have just died, twelve month ago**, big friend of mine… ‘Скажу Вам, что тот, который **только что умер**, **только что умер, двенадцать месяцев назад**, мой большой друг…’.

В примере (17) видно, что информант подчеркивает тот факт, что друга нет в живых, что он только что умер, а время, когда это произошло через паузу добавляется к сообщению (afterthought).

Показательны с точки зрения выявления претеритальной семантики перфекта контексты, в которых перфектная форма пересекается с претеритом, т.е. одна и та же глагольная лексема выражена поочередно в претеритальной и перфектной форме:

(18) I wa- I **seen** one fox caught that's all, I **did see** a fox caught one year and that was at eh, Newnham Bottoms where I **seen** that… ‘Я видел, как поймали одну лису, и это все, я на самом деле видел, как однажды поймали лису и это было, э, в Ньюнем Боттомс, вот, где я это видел…’.

Если в первом случае *seen* еще можно трактовать как полнозначный перфект, то второй случай употребления данной лексемы коррелирует с претеритом *did see* и указанием точного места и времени в прошлом, а значит и обладает претеритальной семантикой. В этом же ключе используется и претерит, который дублирует перфектную форму при повторении одной и той же мысли:

(19) I worked at Pitman's printing works at Bath, they **done**, Hughes **done** all that heating and they **did** Purnells at Paulton and Chivers they **done**. ‘Я работал в типографии Питмана в Бате, они **занимались**, Юз **занимался** всем этим теплоснабжением и они **сделали** это в Пурнеллс в Полтоне и в Чиверс они **сделали**’.

Пример (19) пересекается с контекстами, в которых информант вносит уточнения в передаваемую информацию и в ходе уточнения меняет грамматическую форму:

(20) I've had days, **I gone, we went** to Southend, **in them days**… ‘У меня были дни, я **направился**, мы **поехали** в Саутенд, **в те дни**…».

Претеритальный характер формы *gone* подкрепляется в примере (20) также наречной группой *in them days*.

В британском английском перфект используется в иммедиатных контекстах, хотя под влиянием американского английского в последнее время здесь наблюдается сдвиг в сторону претерита (Elsness 2009: 228–245). И хотя в нашей выборке, как уже было отмечено, с такими наречиями как *just*, *yet* достаточно последовательно используется перфект, несколько примеров показывают, что прошедшее время в таких контекстах может стоять наряду с перфектной формой без вспомогательного глагола, что также дает возможность рассматривать ее как выражение претеритальной семантики:

(21) He **just retired**…..Yes, yes he **just done** forty-four years for them. ‘Он **только что вышел** на пенсию…Да, да он **аккурат** сорок четыре года **отработал** на них’.

Использование перфекта – в частности его формы без вспомогательного глагола, в повествовательных цепочках – можно объяснить особой функцией выражения яркости событий, их сжатости и быстрого следования одного за другим, особенно с предельными глаголами, наподобие нарративного презенса, о чем писала в своей работе М.Е. Ритц. По ее мнению, перфект в таких контекстах (в нашем случае примеры (8), (9)) выполняет две задачи одновременно: сигнализирует о ретроспективном взгляде на прошедшую ситуацию и ограничивает период при локализации последующих событий (Ritz 2008: 131–160).

Однако, основываясь на выборке из нашего корпуса, можно сделать и еще один вывод. Как мы показали на ряде примеров, перфект (как с вспомогательным глаголом, так и без) может употребляться с претеритальной семантикой для описания прошедших событий в контекстах с хабитуальным значением. В экспериенциальном перфекте есть возможность выразить повторяемое действие, которое важно для настоящего момента как действие, предопределившее получение некоего опыта: *You and I have often done this for even larger amounts* ‘Ты и я часто

проделываем эту операцию с гораздо большими суммами’. Можно предположить, что в процессе фонетической эрозии и сведения форм экспериенциального перфекта ко второму причастию сохраняется хабитуальное значение, но благодаря форме причастия, которая указывает на завершенное, выполненное действие, семантика начинает смещаться в сторону претерита. Отсюда распространение контекстов, которые наблюдаем в примерах (12) и (13).

Результативное значение (примеры (1) и (3)), насколько мы можем судить по нашей выборке, не фиксируется в прошедших контекстах, как в современном немецком языке. Мы объясняем это сохранением прагматического компонента связи с настоящим моментом, которое поддерживается результативной конструкцией с посессивным глаголом. Такая конструкция довольно часто встречается в корпусе:

> (22) Well, he said, I'll **have it all done** out for you. ‘Хорошо, сказал он, я **все это сделаю** для вас’.

Зачастую в корпусе можно найти результативную конструкцию после инфинитива, например, *to have it mended* ‘починить’. Возможно, результатив, из которого диахронически и развился перфект, удерживает семантические связи с результативным перфектом, поскольку порой провести четкую смысловую грань между двумя грамматическими явлениями практически невозможно (ср., например, Плунгян 2016: 10–14).

Выводы

Перфект достаточно последовательно используется в тех же контекстах в речи информантов, что и в стандартном языке. Однако ряд примеров в нарративных контекстах позволяет выделить в основном формы без вспомогательного глагола, которые по семантике близки к претериту. В отличие от претерита они по-прежнему обладают аспектуальными характеристиками и используются для придания передаваемой информации более живого, яркого окраса. С другой стороны, некоторые формы можно трактовать как перфектные формы с экспериенциальным значением, но ослабленным прагматическим компонентом связи с моментом речи (точкой отчета). Все это позволяет сделать вывод, что перфектные формы в диалектных формах, в отличие от стандартного языка, движутся в направлении претеритальной семантики. Однако едва ли можно

утверждать, что на данном этапе перфект в диалектах британского варианта английского языка достиг степени грамматикализации как в немецком языке. В частности, в значительной степени сохраняется семантика результативного перфекта. Впрочем, поскольку наша выборка ограничена анализом 30 информантов, выводы данной работы носят предварительный характер и требуют дальнейшего развития на более обширном диалектном материале.

Литература

Abraham, W., Conradie, C. J. 2001: *Präteritumschwund und Diskursgrammatik*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins.

Bybee, J. L. 1994: *The Evolution of Grammar: Tense, aspect and mood in the languages of the world*. Chicago: University of Chicago Press.

Comrie, B. 1976: *Aspect*. Cambridge: Cambridge University Press.

Croft, W. 2000: *Explaining language change: An evolutionary approach*. Pearson Education.

Davydova, J. 2011: *The Present Perfect in Non-native Varieties of English*. Berlin: Mouton de Gruyter.

Elsness J. 2009: The present perfect and the preterite. In: Rohdenburg, G., Schlüter, J. (eds.). *One language, two grammars? Differences between British and American English*. Cambridge University Press, 228–245.

Jespersen, O. 1958: *Filosofiya grammatiki* [*Philosophy of grammar*]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury.
Есперсен, О. 1958: *Философия грамматики*. М.: Изд-во ин. лит.

Kein, W., Vater, H. 1998: The Perfect in English and German. In: Kulikov L., Vater, H. (eds.) *Typology of Verbal Categories. Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday*. Tübingen: Niemeyer, 215–235.

Plungjan, V. A. 2016: [On typology of the perfect in languages of the world]. *Acta Linguistica Petropolitana* 18, 2, 7–36.

Плунгян В. А. 2016: К типологии перфекта в языках мира. *Acta Linguistica Petropolitana* 18 (2), 7–36.

Ritz, M. E., Engel D. M. 2008: 'Vivid narrative use' and the meaning of the present perfect in spoken Australian English. *Linguistics* 46 (1), 131–160.

Ritz, M. E. 2010: The perfect crime? Illicit uses of the present perfect in Australian police media releases. *Journal of Pragmatics* 42 (12), 3400–3417.

Roy, J. 2014: *The perfect approach to adverbs. Applying variation theory to competing models*. PhD Dissertation. Ottawa: University of Ottawa.

Walker, J. 2011: The emergence of the narrative present perfect in British English: Reality or illusion? *Groninger Arbeiten zur germanistischen Linguistik* 53 (2), 71–87.

Wright, J. 1905: *The English Dialect Grammar*. Oxford; London; Edinburgh; Glasgow; New York; Toronto: Henry Frowde.

Источники

Freiburg Corpus of English Dialects. URL: https://fred.ub.uni-freiburg.de (дата обращения: 22.04.2018).

V. A. Bondar’. Perfect in the dialects of the British variety of Present-Day English

The paper deals with the analysis of functional and semantic properties of the perfect in the dialects of the British variety of Present-Day English retrieved from the partial sample of the Freiburg Corpus of English Dialects. Both full forms and shortened ones can be found in the same contexts in which the perfect is used in the standard language. Apart from such context the paper provides instances of the use of the perfect which unequivocally illustrate its preterit meaning. This usage of the perfect has its own pragmatic-discourse peculiarities, and namely, partial loss of aspectual properties of the perfect makes it possible to employ the perfect for creation of vivid, lively depiction of the past events. Other wide-spread instances include those forms of the perfect without the auxiliary verb which possess a habitual meaning. Such contexts can be accounted for by the shift of the experiential meaning of the perfect to the sphere of the preterit and attrition of its pragmatic component.

Key words: perfect, preterit, dialects, British English, semantics, grammaticalization.

DOI:10.30842/ielcp230690152216

Н. В. Брагинская, А. И. Шмаина-Великанова

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ. ЧАСТЬ II

Статья представляет собой часть исследования, вводящего в научный обиход термин «символическая повесть» (СП). Под СП понимается малый прозаический жанр, основанный на традиционных фольклорно-мифологических образах, переосмысленных для важных и актуальных идейных, религиозных или социальных задач. В данной, второй части работы речь идет только о двух, отмеченных, но не описанных нами в первой части, особенностях СП – неравномерном течении времени в сочетании с символическим счетом лет и дней (три, семь, восемь, двенадцать) и эллиптической композиции с двумя кульминациями или центрами.

Во всех анализируемых текстах в большей или меньшей степени присутствуют эти особенности. На фоне больших и лишь упомянутых периодов, равномерного потока жизни события, происходящие в считанные дни или часы, приобретают большую значимость. Биполярность предстает как вопрос и ответ или как тезис и антитезис, подчеркивает идейное задание или обнаруживает его антиномичность.

Ключевые слова: символическая повесть, счет времени, композиция с двумя центрами, Книга Руфи, Книга Иудифи, Иосиф и Асенет, Жизнь Эзопа, Купидон и Психея, Деяния Павла и Феклы, Сказание отца нашего Агапия, Жизнь и мученичество святых преподобномучеников Галактиона и Эпистимы.

В материалах «Тронских чтений» 2017 г. опубликована первая часть (Брагинская; Шмаина-Великанова 2017), где была предложена к обсуждению новая жанровая категория – символическая повесть. Символическая повесть в этой первой части определяется как «произведение, основанное на традиционных фольклорно-мифологических образах, переосмысленных для важных и актуальных идейных, религиозных или социальных задач. Эти задачи решаются методом нарративной демонстрации, не дискурсивно, а при помощи рассказывания «истории». Рассказ имеет известную протяженность, многоходовый сюжет, собственную занимательность, несколько персонажей. В многомерном и органически богатом человеческом мире символической повести действуют фигуры, исполненные обобщенного смысла, которые совершают универсально значимые поступки. В древних или ранних литературах автор символической повести не знает, что пишет «прозу», художественный вымысел

оказывается побочным результатом выполнения важной идейной задачи. Символической повестью могут быть маркированы разные начала или рубежи в истории культуры и литературы и за пределами древности» (Там же: 108).

СП рассмотрена нами на материале нескольких античных, христианских, библейских и иудео-эллинистических сочинений, а именно «Жизнь Эзопа», «Купидон и Психея», «Деяния Павла и Феклы», «Сказание отца нашего Агапия о хождении в Рай», «Страсти и житие Галактиона и Эпистимы (церк. Епистимии)», «Книга Руфи», «Книга Иудифи», «Сусанна и старцы», «Иосиф и Асенет». Выбор произведений и параметры, конституирующие символическую повесть как особую жанровую категорию, оговорены в первой публикации[1]. Однако подробный разбор части этих параметров был оставлен на будущее: особенности времени, композиции, фольклорно-мифологическая основа СП, отличие СП от аллегории и пропаганды, роль СП как вторичного (литературного) архетипа, порубежное место СП в истории литературы.

В настоящей статье мы опишем лишь два из этих параметров: особенности 1. времени и 2. композиции.

1. Время течет неравномерно во многих жанрах, не только в СП, но чаще в большой форме. Для СП характерно синкопированное, неравномерное время, сочетание большого временного охвата, тяготение к представлению человеческой жизни целиком или почти целиком. Детство, в отличие от богатырской сказки или эпической биографии, в анализируемых текстах не описывается, но обычно кратко сообщается о происхождении героев. Детально и «крупным планом» рассказывается о коротких периодах: одном дне, пяти, восьми, о неделях; описываемые события могут быть разделены годами, но совокупный счет дней действия едва доходит до трех седмиц. Точный счет дней, часто связанный с символическими числами «три», «семь», «восемь», «двенадцать» и производными от них – «три седмицы», «две дюжины», говорит о важности и особости происходящего в эти дни, а огромные временные пропуски

[1] Эти сочинения изучались в рамках семинара в РГГУ. Полного учета научной литературы по всем этим сочинениям в данной публикации осуществить невозможно; в дальнейшем преобладают ссылки на авторов данной статьи и других участников семинара, в этих работах научная литература учитывается полней.

создают впечатление равномерного потока жизни, на фоне которого события приобретают большую значимость.

2. В композиции рассмотренных нами повестей выделяются, как правило, две явные или скрытые драматические кульминации, или переломы, две яркие в художественном, эмоциональном, смысловом отношении сцены. Такую композицию иногда называют «эллиптической», а соответствующие повести именуют «удвоенными». Содержание сочинения организуется вокруг равноправных и взаимодействующих друг с другом центров. В новелле должен быть один центр, в романе их множество, в СП часто два, четыре и пр. Эллиптическая композиция выявляет идейную задачу повести. С одной стороны, четко прописанные на фоне всего повествования кульминации показывают, что чисто описательные, «романные» цели не ставятся, есть «вопрос» и есть «ответ»; с другой стороны – два, а не один центр повести могут также избавить от идеологической однозначности, ведь идейные итоги обеих кульминаций вступают в неожиданный диалог.

Книга Руфи

1.

В Книге Руфи жизнь героев описана не от рождения, она описана вплоть до рождения того, чье появление на свет является частью божественного замысла – Овида, предка Давида. Начинается рассказ, напротив, со смертей всех мужчин рода. И коллизия повести состоит в неизбежном его прекращении, если бы не Руфь, не ее «необусловленная» любовь к свекрови, не милость Вооза. От голода, который увел семью в Моав, до смерти сыновей Ноемини и возвращения ее и Руфи в Иудею, прошло десять лет. Все эти события занимают первую главу, одну из четырех глав книги, что слишком много для экспозиции, но слишком мало для десяти лет жизни. Все остальные события занимают время жатвы, т.е. примерно три недели, после чего следуют стт. 13–17 четвертой главы, где скорость событий такая: «И взял Вооз Руфь, и она сделалась его женою. И вошел он к ней, и Господь дал ей беременность, и она родила сына» (Руфь 4:13) Еще четыре стиха хор соседок комментирует счастье Ноемини, Ноеминь нянчит внука, и соседки нарекают ему имя. Далее как эпилог или позднейшее добавление следуют четыре стиха генеалогии Давида, начиная

от Фареса. В Книге Руфи дается большой охват жизни семьи и, если генеалогия аутентична, проекция во времени до царя Давида. Вместе с тем подробно описываются события, занимающие очень небольшое время, примерно три седмицы до брака предков Давида. В Книге Руфи также важны даты: все действие происходит вокруг праздника Дарования Торы, тогда как главная героиня обращается, т. е. получает Тору.

2.

В многочисленных работах по композиционной структуре Книги Руфи, основное внимание исследователей уделялось и уделяется симметрии, параллелизму и многоуровневому хиазму. «Концентрический хиазм как характерный для Библии способ построения связного фрагмента текста или целого произведения, многократно описывался и для отдельных библейских текстов, и в целом» (Шмаина-Великанова 2010: 194). Книга Руфи благодаря концентрическому хиазму состоит из вставленных друг в друга эллипсов. И каждая из четырех глав тоже состоит из концентрических хиазмов или, во всяком случае, может быть так представлена (Campbell 1975: 77, Sasson 1979: 217–2184 Hubbard 1988: 8–114 Lacocque 2004: 17–18). При этом в новейших и, как кажется, наиболее удачных исследованиях обращаются не только к определению центра этого хиазма, но и к множественности этого центра (Steinberg 1996: 208–215). В частности главное *сообщение* Книги Руфи лучше раскрывается через двойной центр 2:12 и 3:9, нежели только через 2:12, стиха, принимаемого многими за центр книги (Шмаина-Великанова 2011: 172–195). Названные два стиха формально по расположению в своих перикопах или в книге в целом никак не выделены. Тем не менее, все исследователи обращают внимание на перекличку между ними, связанную с многозначительным словом «крыло» (*канап*)[2]. Речь идет и о крылах Бога, и о «воскрыльях» одежды Вооза: покровительство, которого ищет Руфь у Бога, она находит у Воза (ср. Nielsen 1997:31;

[2] Слова Воза Руфи: «Да воздаст Господь за это дело твое, и да будет тебе полная награда от Господа Бога Израилева, к Которому ты пришла, чтоб успокоиться под Его крылами!» (Руфь 2. 12); «И сказал [ей Вооз]: кто ты? Она сказала: я Руфь, раба твоя, простри крыло твое на рабу твою, ибо ты родственник» (в оригинале *гоэль* – «спаситель», тот, кто может спасти; Руфь 3:9).

Campbell 1975: 29). И вместе это создает современную написанию книги семантику прозелитизма: «придти под крыло» означает обрести веру Израиля. Однако важней содержания этих фраз параллельность исключительных ситуаций, на которые они указывают. Одна является эмблемой первой встречи Вооза и Руфи, первой, как писали мудрецы Талмуда, трапезы будущего века, а вторая служит эмблемой их второй встречи, первой ночи будущего века. Эти две встречи – две, по нашему мнению, кульминации новеллы. Однако центральный по числу стихов стих книги это 2.20: «Благословен он у Господа, что не оставляет милостью ни живых, ни мертвых» (перевод Шмаиной-Великановой). «Этот стих несомненно выражает в сжатом виде и главную мысль и основное содержание нашей символической повести: Господь не оставляет своим *хеседом* ни живых – Ноеминь, Руфь и Вооза, ни мертвых – Елимелеха, Махлона и Хилеона, действуя как непосредственно, так и с через людей: во-первых, через спасителя-*гоэля* Вооза, во-вторых, через обеих женщин, и, в-третьих, через будущего спасителя Овида» (Шмаина-Великанова 2011: 194–195). При этом в стихе 2.20 есть неустранимая грамматическая двусмысленность: о ком идет речь? о Воозе или о Боге? А сюжет повести говорит о том, что это они оба не оставляют своей милостью ни живых, ни мертвых. Встреча Вооза и Руфи в поле говорит о милости, оказанной живым: Вооз спасает Руфь и Ноеминь от голодной смерти. Вторая встреча на гумне – о милости к мертвым: Вооз женится на Руфи и продолжает род умерших – Елимелеха и его сыновей.

«Наш анализ концентрического хиазма в структуре КР: между Вифлеемом и Вифлеемом, между двумя посещениями Божьими, между Ноеминью и Ноеминью, показывает, что центр хиазма выражает основную мысль автора КР не в одной не в двух и не в нескольких точках, а в напряжении между ними. Божественный Промысел проявляется не в отдельной человеческой судьбе и даже не в судьбе рода, пусть это будет род Давида. Промысел воплощается в отношениях между людьми, не связанными родовой неизбежностью. Это отношение – *хесед*. Таким образом, гармоническая композиционная структура книги выражает и подчеркивает ее основное содержание» (Шмаина-Великанова 2011: 195).

Книга Иудифи

1.

Время «Книги Иудифи» особенно неравномерно. Оставим в стороне историческую, возможно, намеренную, нелепицу начала: Науходоносор царствует в Ниневии, нападает на Иудею после возвращения иудеев из плена, его сатрапом является персидский военачальник совершенно иного времени, а Иудифь происходит из исчезнувшего колена. Этот пастиш призван изъять Иудифь из истории библейской, признаваемой читателями не только священной, но и реальной. Символическая повесть может говорить о священном, не претендуя при этом на историческую реальность. Книга Иудифи именно такова.

Внутренняя история распадается очевидным образом на две части: примерно треть текста (глл. 1–7, где Иудифь не появляется вовсе) представляет собою имитацию исторического описания похода Навуходоносора, претендующего на роль владыки мира и статус божества. В этой части проходят годы: гл. 1 – пять лет от 12 до 17 года правления Навуходоносора, в которые он покоряет и уничтожает множество не пожелавших ему покориться стран, земель и народов. Описание военных походов переполнено большими числами, списками, реестрами. Размеры стен и ворот Экбатан, земли, царства, города, народы, союзники и противники царя, 120 дней победного пира. В гл. 2–3 в 18 год правления Науходоносера Олоферн ополчает 120 000 войска и 12 000 всадников, вся земля должна быть покрыта истребительным воинством, колесницами их, конницей и пехотою, стадами скота и богатствами обоза, а все долы и реки – трупами непокорных народов. Союзники Олоферна сравниваются с саранчой и песком морским, неодолимый вал катится по земле, сметая все, грабя и убивая, уничтожая святилища и богов всех народов, требуя признания Богом Науходоносора. Кажущаяся затянутость псевдо-исторической экспозиции служит созданию образа надвигающейся неостановимой катастрофы. Это главы больших чисел долгих лет, обширных пространств, многих народов и несметных воинских полчищ завершаются сообщением о том, что Олоферн остановился лагерем перед «тесниной Иудейской», т. е. узким проходом в Иудею к Иеру-

салиму. Над этим проходом господствует Ветилуя[3]. В стане у горного прохода к Иерусалиму Олоферн тридцать дней собирает свой обоз, свою добычу. В гл. 4 иудеи, параллельно накоплению военных сил и богатств в войске Олоферна, собирают свое сокровище: они всенародно молят Бога о спасении и затворяют проходы, ставят преграды на пути к недавно восстановленному Иерусалимскому храму. Очевидно они делают это тоже месяц. От лет счет перешел к месяцу. Глл. 5 и 6 занимают не более дня, в них происходит только разговор Олоферна с предводителем союзного войска аммонитов Ахиором. Олоферн хочет узнать, что за народ готовится стать преградой на его пути, и предводитель аммонитян Ахиор рассказывает ему историю народа Израиля, расширяя пределы событий временем библейской истории. Он предрекает поражение войску Олоферна, если иудеи не нарушат данных им законов: их Бог будет им защитой (Иудифь 5:21). Беседа, которая не может занять большого времени, вмешает в себя однако отсылку ко всей священной истории Израиля. В ответ Олоферн оставляет Ахиора ждать исхода у осажденных им жителей Ветилуи. На другой день Олоферн занимает подступы в Ветилуе и отрезает город от воды.

В Ветилую действие переходит только в гл. 7: осажденный город умирает от жажды, старейшины принимают решение ждать помощи Божьей еще пять дней, после чего сдать город. Больше трети текста миновало, и когда счет пошел на дни, в 8 гл. появляется, наконец, молодая вдова Иудифь, чей муж умер от солнечного удара во время жатвы. Это давняя уже смерть прилагается к картине умирающих от жажды горожан, так же как уходящая в седую древность родословная Иудифи дополняет происходящее опорой на библейское время. От месяца, когда можно вести беседы об истории и устраивать молебны, повествование переходит к считанным дням. Иудифь молится, принимает решение, сообщает его старейшинам, облачается в нарядные одежды вместо своего обычного траурного вретища и идет в стан Олоферна. До убийства Олоферна проходит пять

[3] Историчность этого города также ставится под сомнение. Отождествить его не удается, возможно из-за такого же символического характера, отраженного в самом имени города, близкого по звучанию к слову «бетула», *дева, девственница,* см. Шмаина-Великанова, 2010: 470.

дней, расписанных едва ли не по часам, а главное деяние Иудифи занимает примерно пять стихов 13. 6–10. Иудифь возвращается с головой Олоферна, своей добычей. На шестой день иудеи побеждают. И после победы тридцать дней иудеи расхищают богатства и добычу из стана ассирийцев, столько, сколько собирал их в своем стане Олоферн. Время снова удлиняется: празднование победы занимает три месяца (ср. 120 дней победного пира Навуходоносора). Иудифь живет до ста пяти лет, ее кончину весь дом Израиля оплакивает семь дней. У Бен Сиры назван такой срок оплакивания покойного (22:12) и столетний срок человеческой жизни как предельный (18:9). Иудифь и его превосходит. Затем следует эпически неопределенное, «долгое», время, но не прошлого, а «будущего в прошлом» – мирной жизни Израиля.

2.

Первую часть книги, даже если видеть в ней затянутое предварение основного драматического сюжета, нельзя счесть вводной. У ее размерности есть художественная задача – создание образа неодолимой силы – и в ней есть своя кульминация, смещенная к концу этой части. Она приходится на беседу с Ахиором и на риторический вопрос Олоферна «Кто же Бог, как не Навуходоносор?» (Иудифь 6:2). Ответ содержится во второй части, он действенный, его дает в 13 главе, тоже ближе к концу второй части Иудифь. Исполняются слова Ахиора, которые почти точно повторяет Иудифь в беседе с Олоферном: «род наш не наказывается, меч не имеет силы над нами, если они не грешат пред Богом своим» (Иудифь 11:10). Вторая кульминация – действенный ответ Иудифи на этот риторический вопрос: Бог Израиля по молитве Иудифи дает ей силу отрубить голову Олоферна его собственным мечом, а ассирийцев – лишить предводителя и победы. Герои этих драматических мгновений Иудифь и Ахиор встречаются в гл. 14: Ахиор падает к ногам Иудифи (14:7) и принимает веру иудеев, о которой говорил ранее вчуже (14:10). Оба они с риском для жизни открыли Олоферну, что Бог иудеев позаботится о спасении верных. Богословский спор с Олоферном начатый в гл. 6 завершен. 15 гл. представляет собой гимн, прославляющий Бога, и эпилог. Идейное задание СП подчеркивается двумя кульминациями: ложные притязания на божественный статус опровергнуты не аргументами, а действиями: Олоферн разбит, Ахиор спасен и

обратился. Собственно и сам Олоферн предлагает опровержение действием: Ахиор должен быть убит мечами ассирийцев, которые зарубят его вместе с иудеями. Но побеждает меч в руках вдовы.

Иосиф и Асенет

1.

В «Иосиф и Асенет» параллельно истории героев, протекающей во времени, существует и второй план, план небесный, «иной», где героям отвечают их небесные двойники. С одной стороны, описываются перипетии, ведущие к женитьбе Иосифа на Асенет, с другой – их брак входит в божественный замысел от века, а события и переживания героев служат осуществлению этого замысла. Ангел по имени Человек, который сходит с небес, имеет лицо Иосифа, сама Асенет видит себя в отражении в воде как существо ангелическое, вечное[4]. Однако земной план подлежит калькуляции. Сообщается точная дата, когда Иосиф отправился объезжать Египет для сбора хлеба («в первый из семи годов изобилия, в пятый день второго месяца») и когда прибыл в дом Пентефрея («в восемнадцатый день четвертого месяца первого года изобилия»), а также срок его предполагаемого возвращения – на восьмой день после посещения дома Пентефрея. Семь дней его отсутствия Асенет кается, молится и постится, что описано чрезвычайно подробно: как она расправляется с языческими идолами, в какое окно и кому на потребу она выбрасывает сокровища и идоложертвенное, какие одеяния и украшения она снимает с себя и что с ними делает, что за

---

[4] «Виждь, отныне плоть твоя процветет,
как цвет жизни от земли Всевышнего,
и кости твои утучнятся,
как кедры рая радости Божия,
и силы неиссякаемые окружат тебя,
и молодость твоя старости не узрит,
и красота твоя вовек не прейдет» (16.16).
Ср.: «И склонилась Асенет умыть лицо свое и в воде увидела его, и было оно, как солнце, а глаза ее – как восходящая денница, щеки ее – как поля Всевышнего, а румянец на щеках – как кровь сына человеческого, губы ее – как роза жизни, начавшая распускаться, а зубы ее – как воины, выстроенные к битве, волосы главы ее – как виноградная лоза рая Божия, обильная плодами своими, а шея ее – как кипарис прекрасный, груди же ее – как горы Бога Всевышнего» (18.9). Здесь и далее перевод по: Брагинская, Касьян, Писляков, Шмаина-Великанова 2010: 92–131.

траурный хитон надевает она на себя, откуда берет золу, чтобы посыпать свою голову, в чем несет ее в свой покой, кто спит в каморке, где она золу набирает и т. д. Здесь же помещены три ее больших монолога, или покаянных псалма, и с беспрецедентной детальностью описывается ее поза и движения[5]. На восьмой день она посвящается в мистерии Всевышнего, преображается и становится иудейкой для Иосифа и ангелическим существом, Градом убежища для всех грядущих прозелитов. Иосиф возвращается в этот же день, встречает преображенную Асенет, на следующий день отправляется к фараону, и тот их немедленно венчает. Семь дней играют свадьбу. События занимают две седмицы (вернее, 15 дней), причем первые семь дней и восьмой описаны чрезвычайно подробно, а еще семь – суммарно. После свадьбы кратко сообщается о рождении Ефрема и Манассии. Поскольку Асенет обращается «по любви», повесть заканчивается свадьбой, и по законам сказки не нуждается в продолжении. Но действие продолжается через большой промежуток времени. Временной цикл второй части занимает длительное время, но оно почти не описывается: прошли семь лет изобилия и наступил второй год голода. На девятый год (при этом сообщается точная дата) после событий первой части Иосиф с женой и двумя сыновьями отправляется к Иакову получить его благословение. Домой они возвращаются в тот же день. Сын фараона видит Асенет со стены, когда они с Иосифом проходит мимо, вероятно, как раз при их возвращении от Иакова. Увидев Асенет, сын фараона замышляет отобрать ее у

[5] «И вот на восьмой день на заре уже птицы защебетали, и собаки залаяли на прохожих, и чуть приподняла голову свою Асенет от пола и золы, где она лежала, ибо была она изможднена весьма и члены ее ослабели от семидневного голода. И стала она на колени свои, и оперлась рукой своей об пол, и чуть приподнялась от земли, а голова ее оставалась поникшей, и волосы на голове ее свисали растрепанные и все в золе. И сплела Асенет руки свои палец с пальцем, и качала головой своей из стороны в сторону, и не переставая била себя в грудь руками своими, и уронила голову свою в колени, и было лицо ее залито слезами, и застонала стенаньем громким, и волосы рвала она на голове своей, и посыпала золой свою голову. И изнемогла Асенет и пала духом, и силы оставили ее. И она отвернулась к стене и села под окном, выходящим на восток. 2. И тогда голову свою она опустила в колени свои, а пальцы рук своих сплела на правом колене, уста же ее были сомкнуты: не размыкала она их семь дней и семь ночей покаяния своего» (11.1).

Иосифа. На этом строится дальнейшая интрига. События развиваются быстро, в два дня вмещается множество драматических происшествий. Сын фараона безуспешно пытается вовлечь в заговор против Иосифа Симеона и Левия, но ему удается обманом переманить на свою сторону других братьев Иосифа, сыновей служанок; ночью он также безуспешно покушается на убийство собственного отца, благоволящего к Иосифу; происходит сражение подручных сына фараона и свиты Асенет, сын фараона терпит поражение и умирает от ран на третий день, а вскоре умирает и его удрученный горем отец. Иосиф на 48 лет становится правителем Египта, на 49-й передает правление младшему сыну фараона. Вместе с упоминаниями юности Иосифа, события охватывают всю его жизнь. Но появляется он и действует в небольших эпизодах: в день приезда к Пентефрею, в день возвращения в дом Пентефрея, в день венчания, в день благословения Иакова. 48 лет его правления вообще не описываются, а дней, в которые происходят события, в повести примерно три седмицы: от приезда Иосифа в дом Пентефрея до его возвращения и второй встречи с Асенет – 8, венчание и свадебный пир – 7. Поездка к Иакову – 1 день, заговор сына фараона 2 дня, смерть его на третий день – еще 2 и «вскоре» – смерть фараона. Символическая повесть не интересуется жизненной историей, автор выводит героев на сцену для нескольких важных для его «послания» актов.

2.

Повесть распадается очевидным для нас образом на две части[6]: от начала до свадьбы героев и затем – отдельная исто-

[6] В книге есть собственное деление на пять частей, каждая из которых начинается библейской формулой «вот что было» (καὶ ἐγένετο), она отмечает важные перемены. Ей начинается рассказ о том, что фараон послал Иосифа собирать хлеб (1.1.), о приезде Иосифа в дом Пентефрея (3.1); в 21.9 сказано буквально несколько слов о том, что Иосиф стал мужем Асенет и родились сыновья. Следом помещена молитва Асенет. Она названа благодарственной, но почти целиком состоит из покаяния, более уместного в контексте ее поста и раскаяния (она многократно повторяет слова «согрешила я, согрешила»). Кроме того, важные формулы основного текста в псалме варьируют (напр., вместо «чаши бессмертия» – «чаша премудрости»). Вероятно, псалом существовал независимо от основного текста и ранее его и был помещен между частями, выполняя роль рекапитулияции предшествующего рассказа или предварения чтения после

рия преследования Асенет сыном фараона, «ложным претендентом». Каждая часть из двух также обладает двумя важными идейными центрами, ясно подчеркнутыми параллелизмом противопоставленных формул. Первый центр первой части – это речь Иосифа, противопоставляющего себя Асенет и отвергающего ее[7]. Иосиф противопоставляет хлеб жизни, чашу бессмертия и помазание нетления верных Бога хлебу удушения, чаше коварства и помазанию погибели идолопоклонников. Второй центр первой части – речь Человека, небесного Иосифа, посвящающего Асенет и дающего ей эти хлеб жизни, чашу бессмертия и помазание нетления[8]. Таким образом, соотнесены земное поведение благочестивого Иосифа и превосходящая человеческую преображающая сила небесного посланника. В этом переходе и превращении, к которому Асенет ведет любовь к Иосифу, заключена особенность истории обращения к Богу благодаря любви к человеку. При этом, в первой части присутствует, конечно, и «центральный центр» – вся сцена откровения

перерыва второй части диптиха. Возможно, повесть исполняла функцию Пасхальной Агады для прозелитов, как предполагает А. И. Шмаина-Великанова (Брагинская, Шмаина-Великанова 2011: 94–108). Четвертый раз формула «вот что было» начинает сообщение о приходе Иакова в Египет: «на второй год голода, во второй месяц, в двадцать первый день месяца» (22.1). Последний раз та же формула вводит рассказ о замысле и деяниях сына фараона (23.1). По размеру части исключительно разнородны и могут занимать одну главу или восемнадцать.

[7] Не подобает мужу благочестивому,
кто устами своими благословляет Бога Живого
и ест благословенный хлеб жизни,
и пьет благословенную чашу бессмертия,
и помазывается благословенным помазанием нетления,
целовать жену чужеземную,
которая устами своими благословляет
идолов мертвых и глухих
и ест со стола их хлеб удушения,
и пьет от возлияния их чашу коварства,
и помазывается помазанием погибели (8.5).

[8] Се будешь отныне ты
заново обновлена,
заново вылеплена,
заново оживотворена,
и будешь есть благословенный хлеб жизни,
и пить благословенную чашу бессмертия,
и помазываться благословенным помазанием нетления (15.5).

и посвящения Асенет в мистерию Всевышнего. Эдит Хэмфри представила композицию повести как последовательный концентрический хиазм, и для усмотрения биполярного расположения дополнительных центров вокруг центральной имеются достаточные основания (Humphry 1995: 40–49). Концентрический хиазм здесь – это эллипсы, вставленные в эллипсы.

Первая часть в своей собственной символической задаче могла обойтись без второй. Но ее связь с актуальными событиями в Иудее символически передает, по мысли Г. Бохака, столкновение в иудейской среде: полководцев Клеопатры III, евреев из общины Гелиопольского храма, и царя Иудеи Александра Янная. Как военачальники и приближенные Клеопатры III Анания и Хелкия оказались перед выбором: вернуться из изгнания в Иерусалим, так сказать, «на египетских штыках» или ради покоя Иудеи склонить Клеопатру к миру с Александром Яннаем (Bohak 1996: 31–34; Брагинская 2005: 82–93, особ. 91–92). Военачальники выбрали второе, что при военном превосходстве было образцом сдержанности и милосердия по отношению к «родному врагу». Именно так ведут себя победители, сыновья Лии и Рахили по отношению к сыновьям служанок и самому сыну фараона. Внутри второй части смысловые центры привязаны снова к фигуре Асенет. Она держит за руку любимого брата Иосифа – Левия, а он, зоркий пророк, видит «место ее упокоения в вышних и стены ее, как стены нерушимые вечные, и основания ее, основанные на глыбах седьмого неба» (22.13). Дальнейшее показывает, что Асенет и в самом деле не может быть похищена, ей вообще нельзя причинить зло. Она подобна крепости и защищена как существо особой природы: погоня настигает ее, но по ее молитве в прах рассыпаются мечи преследователей. Асенет при этом заступается за нападавших на нее братьев-предателей перед Симеоном, просит не платить им злом за зло. Эти два образа Асенет как мистической крепости и как человеческой милости отвечают лейтмотиву второй части: благочестивый не платит злом за зло (28.10–14). Но в то же время Асенет исполняет предсказанную ей в первой части роль – быть милостивой матерью, прибежищем и защитницей. Таким образом, в первой части задан вопрос о возможности брака с язычницей и дан парадигматический ответ: да, через покаяние и обращение. Во второй части высказан «тезис»: Асенет в небесном плане убе-

жище для всех, кто обратился, для прозелитов, и дан антитезис: как земное существо она также непобедима, как адамантовые стены небесного града, и ее роль «метрополиса», города-матери, в земном плане обнаруживается в милости и прощении врагов. Асенет здесь символизирует заповедь – не отвечать злом на зло.

Сусанна и старцы

В «Сусанне и старцах», как мы уже говорили, не все совпадает с характеристиками символической повести. Прежде всего это слишком краткая история. И в ней нет синкоп и нет больших периодов. Краткая экспозиция, события и неожиданная развязка, как в рассказе, новелле. Никаких перепадов кратких и длительных периодов. После краткой экспозиции происходит основное событие, а на другой день суд и сразу казнь, во время приготовления к которой появляется Даниил.

Однако, намеки на особый счет времени и двойную кульминацию есть и тут.

1. Сначала время течет эпически неспешно: жил-был Иоаким, взял жену Сусанну, у него собирались старейшины Израиля, она любила гулять в саду, старцы вожделели к Сусанне, но не смели признаться в этом друг другу… Однако старцы сталкиваются около дома Иоакима, объясняются, разрабатывают коварный план – один день. Сусанна выходит в сад помыться и разыгрывается сцена со старцами – второй день. Суд, начало пути Сусанны на казнь, вмешательство Даниила, суд Даниила, казнь старцев, оправдание Сусанны и прославление Даниила – третий день.

Мы видим здесь и самое короткое символическое число дней – три, и неопределенно огромное время мирной жизни до и после трех главных дней.

2. События в этой крохотной новелле развиваются так стремительно, что нелегко заметить даже одну кульминацию; здесь, так сказать, все кульминация, кроме вступления и эпилога. Однако, как нам кажется, две похожих реплики Сусанны и Даниила могут ощущаться как малые кульминации, во всяком случае, эмоциональные центры – 1. Сусанны «Тогда застонала Сусанна и сказала: тесно мне отовсюду; ибо, если я сделаю это, смерть мне, а если не сделаю, то не избегну от рук ваших. Лучше для меня не сделать этого и впасть в руки ваши,

нежели согрешить пред Господом» (Дан. 13:22–23); 2. и Даниила: «И когда она ведена была на смерть, возбудил Бог святой дух молодого юноши, по имени Даниила, и он закричал громким голосом: чист я от крови ее!» (Дан. 13: 45–46). Реплики находятся на равном расстоянии от начала и конца повести (слова Сусанны приходится на стт. 22–23, слова Даниила – на ст. 46, а всего стихов в новелле 64). Сусанна свободно выбирает погибнуть чистой, а Даниил свободно выбирает быть чистым от ее гибели. Их перекликающиеся высказывания резюмируют смысл повести: Бог спасает невинного, гибнущего в одиночестве или бросившего всем вызов.

Деяния Павла и Феклы

1.

Первое указание на время в Деяниях – это три дня, которые Фекла сидит у окна, слушая Павла. После этого события развиваются стремительно: в конце третьего дня к Фекле приходит жених Фамирид. Увидев происходящее, он на другой день арестовывает Павла. В ночь на пятый день Фекла проникает в темницу, где Павел проповедует, она видит его, слушает и лобызает его цепи. На пятый день происходит суд, Павла бичуют и изгоняют, а Феклу предают сожжению. После изгнания Павел шесть дней молится о ее спасении и постится, не зная, что она спасена. Фекла приходит к Павлу в его убежище, происходит радостная встреча. Видимо, от прибытия Павла в Иконию до ухода Павла и Феклы в Антиохию проходит 12 дней. Неопределенное время они идут в Антиохию, и неопределенное время протекает до новой казни Феклы. Игры занимают два дня, на второй день Феклу освобождают, и она пребывает у Трифены восемь дней, всего тем самым проходит девять или десять дней. Затем Фекла находит Павла в Мирах, но за сколько времени, неизвестно; в Мирах с Павлом она проводит один день, идет в Иконию, и там описан один день. Таким образом, маркированных дней от прихода в Антиохию до прихода в Иконию тоже двенадцать. Важны только эти две дюжины, символизирующие полноту постигнутого и прожитого, сколько еще Фекла проживет после посещения Иконии (по преданию – чуть ли не сто лет) – создателю повести неважно.

2

Временные части по двенадцать дней соответствуют двум частям со своими кульминациями.

Фекла имеет в традиции статус первомученицы, хотя она и не гибнет, а две кульминации Деяний – это две казни. Она не гибнет, хотя ее казнят, как и чудесно спасаемые герои и героини античных романов. Как и в романах, казнь оказывается местью за отказ, в первом случае выйти замуж по решению семьи, во втором – за отвержение притязаний сирийского чиновника («сириарха») Александра. Первая кульминация и первый приговор находится почти в середине текста (глл. 21–22). Приговор выносится деве, нарушающей обычаи, на сожжение ее отдает ее собственная мать. Но Фекла делает казнь вышедшей из повиновения дочери казнью христианки, мученичеством: она всходит на костер, осеняя себя крестным знамением. Огонь ее не коснулся и был потушен, как в истории Креза, как в нескольких античных романах, природной стихией: туча полная воды и града затушила костер, спасла Феклу от огня, причинив при этом ущерб зевакам. Вторая кульминация соответственно сдвинута к концу, гл. 34–38 и сама кульминация имеет сложный характер: сначала на Феклу выпускают зверей, но львица защищает ее, затем Фекла сама бросается в кишащий «тюленями» водоем, что называет своим крещением. Фекла произносит имя Христа, и молния ослепляет тюленей, они всплывают мертвыми. Запускают в воду иных ужасных зверей, но те Феклы не трогают. Сама она окружена огненным облаком, скрывающим ее наготу. Тогда решают разорвать Феклу быками, но горящие палки, которыми должны гнать быков, пережигают ее путы. Это уже не одно чудо, а серия чудес, кульминация, развернутая и расположенная близко к развязке. Фекла обращает ко Христу толпы людей, она не только сама себя крестит, она действует как апостол.

И за первой и за второй казнью следует разговор с Павлом. В первом случае спасшаяся Фекла просит Павла дать ей печать крещения. Он отказывает, ссылаясь на то, что она молода и красива, а потому может не устоять перед притязаниями на нее. Павел не защищает Феклу от Александра, для стороннего взгляда он от нее отрекается. А когда она сама себя крестит, что, конечно, неслыханно, и потом находит Павла, то говорит ему изумленному: «Омыта я, Павел; Тот, Кто привел тебя к бла-

говестию, привел и меня к купели». Эти две беседы с Павлом, следующие за кульминацией действия, чрезвычайно важны в истории Феклы. Для воплощения такого сложно отношения: безграничной преданности Феклы Павлу и ее гордой самостоятельности, потребовалась подобная композиция с двумя центрами.

Сказание отца нашего Агапия

1.

В «Сказании отца нашего Агапия» герой прожил сто лет. Тридцать пять лет дома, столько же в монастыре, т. е. семьдесят лет, по слову Писания, «дней человеческих – семьдесят лет». Он отправился в рай, хотел там остаться «в келье», но ему была предназначена иная участь: нести в мир весть о рае и о воскресении. Он воротился в мир и до своей блаженной кончины прожил еще тридцать лет один в келье на берегу моря, сочиняя то житие, которое читатель дочитывает до парадоксального упоминания автором о собственной кончине. Он прожил блаженный век – сто лет, и умер, хотя у него было средство воскрешать людей. Но задание было исполнено, свидетельство о его путешествии было передано патриарху. Его путешествие в рай не занимает никакого времени. Во всяком случае, никаких дней тут не считают. В тексте дважды фигурирует восьмерка: в восьмой час ночи он слышит глас, который призывает его следовать «путем Христа» за орлом. В раю Агапий встречает Господа, Господь отправляет Агапия в путь в Богоздание – небесный монастырь, где его встречает Илия. Агапий идет семь дней и приходит на восьмой, в воскресенье, причем в третий час дня (в этот час сходит на апостолов Святой Дух). Несколько дней занимает его путь назад, на пути он встретил заплутавших корабельщиков, и за час корабль с ним прибыл туда, откуда корабельщики уплыли за три года до этого. Это образ блуждания и образ прямого пути, для прозревшего. Эти несколько дней, вероятно, равны четырем, так как вдове и матери умершего сына Господь сказал потерпеть четыре дня до прихода Агапия, который воскресит ее сына. Стало быть, четыре дня он добирался от рая до города вдовы. Он пробыл в городе девять дней, а на десятый ангел увел его прочь. Таким образом, после ухода из монастыря он проводит семь дней в пути в Богоздание, приходит на восьмой, на четвертый день появляется в городе, где умер ребенок, и

уходит в ночь на десятый. После начала истории, когда ему семьдесят лет, проходит двадцать один день, три седмицы. После чего он становится отшельником на тридцать лет.

Охват жизни в сто лет, а повествование посчитано за три седмицы.

2.

Пребывание в раю имеет явно две кульминации, которые на первый взгляд имеют странную последовательность. В раю Агапий *сначала* встречает Господа, сотворившего небо и землю в окружении его двенадцати апостолов, а также серафимов и херувимов, а потом отправляется к Илие. Т. е. после того, как он достиг, казалось бы, вершины, Господь посылает его туда, где он узнает «высшее» (?), предуказывая его обратный путь от Илии в мир и его миссию в мире. Что же высшее там происходит? Агапий приходит к горе и видит Богоздание, стены которого доходят до неба, а внутрь ведет малая дверца. Там его встречает Илия, он ведет его за руку внутрь. Там Агапий видит то, чего не видел и не увидит никто из живых: крест до неба, сияющий ярче солнца, белоснежное ложе и стол из драгоценного камня, творения самого Господа, и белый, как снег огромный хлеб на столе. Агапий молится у креста, пьет из источника возрождения, из которого пьют апостолы и праведные души, получает, но не вкушает покуда часть хлеба (этот хлеб не убывает и способен воскресить мертвого), видит обитающие в Богоздании души как виноградины. Все это изъясняет ему Илия. Получив наставления и разъяснения Илии и ломоть неубывающего, как оказывается в дальнейшем, хлеба, который кормит его самого и многих других людей, а главное воскрешает умерших, Агапий возвращается в мир.

Сцена в Богоздании содержит в себе элементы откровения, так как Илия наставляет и поучает, Агапий видит незримое, то, что не видел ни один живой человек. Илия объясняет и богословские истины, и значение того, что видит перед собою души праведников. Но в то же время он входит через малую дверь, ведомый за руку Илией, с ним происходят некоторые изменения: привыкает к семикратной силе света, вода из источника возрождения дает его уму вобрать больше света, он получает часть чудесного неубывающего и воскрешающего хлеба. Эти элементы, как и исключительность того, что ему открылось, напоминает о мистерии.

В работе Д. С. Пенской странности двух кульминаций, из которых «выше» находится встреча с Илией, а не с Господом, было предложено оригинальное историческое объяснении. Еще один «Рай» – это небесный монастырь, за двумя кульминациями стоит обиход двух этапов посвящения в монахи в конкретных исторических обстоятельствах V в. н. э. Слово «Богозданиe» передает вымышленный топоним Θεόκτιστος, «Феоктистово». Д. С. Пенская видит здесь указание на свв. Ефимия и Феоктиста, создателей неподалеку расположенных отшельнических и киновиальных обителей в Палестине: «Земной путь Агапия начальной точкой имеет монастырь, конечной – отшельническую келью на берегу моря. Две ключевые точки определяют и пространство мира иного: Рай-сад, где герой встречает Христа, и Рай-монастырь, где обитает Илия Пророк. Христос запрещает Агапию жить отшельником в Раю, поставить там келейку, κελλίον (3.6), и посылает его в Богозданье, подобно тому как св. Евфимий, прежде чем допустить юношу к отшельнической жизни, отправлял его на обучение в монастырь к Феоктисту. Место, где в СА обитает Илия Пророк, несет черты киновия – там живут души праведников, которые представляются Агапию виноградинами (8.5). Пройдя посвящение в Феоктисте, герой окажется готов к отшельничеству, и последние тридцать пять лет земной жизни проведет в одиночестве, обитая в келии среди скал (15.4–15.6)». (Пенская 2017: 72–74). Эти так странно расположенные две кульминации отражают прагматическое задание символической повести – дать нарративный образец и легендарную санкцию обиходу Лавры, который сложился в 428–482 гг. в Палестинской пустыне.

Галактион и Эпистима[9]

1.

«Галактион и Эпистима» как продолжение романа Ахилла Татия, после прооймия, занимающего одну главу, делится на три части, глл. 2–6 – это история бесплодного брака язычников, которые, обратившись, получили милость избавления от бесплодия. У Левкиппы и Клитофонта родился герой собственно

[9] См. критическое издание, перевод, комментарий и исследование в коллективной работе семинара под псевдонимом Аноним Миусский 2009–2010.

христианского жития и мученичества Галактион. 6-ая гл. содержит в себе и завершение истории Левкиппы и Клитофонта и начало истории Галактиона и Эпистимы. Время проходит немалое – 25 лет, они вмещены в несколько строк: Галактион рожден, крещен, получает образование, достигает 24 лет, мать его умирает, а отец сватает за него прекрасную Эпистиму, которую жених отказывается поцеловать, так как она не христианка. Две части из трех: от 6 главы, начинающейся словами: «Как пришло ей время рожать…» и гл. 10, заканчивающейся отказом Галактиона увидеть живущую в соседнем монастыре Эпистиму «Пока не настанет неизбежный час». В эти пять глав 6–10 вмещена вся его жизнь, в дополнение к родился-крестился-учился Галактион еще и женился-крестил-постригся и провел шесть лет в монастыре. Ему тридцать лет, и настает «неизбежный» час, гл. 11 открывается словами «Случилось в ту пору сильное гонение на христиан…». Вторая часть тоже занимает пять глав 11–15 и по объему практически равна части 6–10.

Если говорить о больших периодах, они уже названы: 25 лет и 6 лет. Перейдем к дням. Экспозиция и встреча с Онуфрием занимает восемь дней. В первый день происходит встреча с Онуфрием, и Левкиппа крестится; через восемь дней после крещения, в которые она соблюдает воздержание, она зачинает ребенка. Восемь дней отделяют крещение Эпистимы от ее разговора с Галактионом, когда Эпистима рассказывает сон о трех хорах, которые снились ей все восемь дней воздержания. Теперь Эпистима крещена и брак может осуществиться. Но сон Эпистимы Галактион понимает как вещий и толкует его как Божью волю для них обоих принять монашеский постриг. Они покидают город на третью ночь после этого решения, на десятый приходят в монастырь. Таким образом от первой встречи Галактиона и Эпистимы в саду ночью и ее крещения до пострижения проходят три недели. Через шесть лет монастырской жизни, описанных скороговоркой в одной гл. 10, проходит один день от сна Эпистимы до ареста Галактиона и Эпистимы, их уводят в город, бросают в тюрьму, где они проводят последнюю ночь. На следующий день суд, казнь и погребение. Всего три дня. Как и пред уходом в монастырь. Последнюю ночь супруги проводят вместе в тюрьме.

Итак, огромные периоды рассказываются скороговоркой, выделенные по дням фрагменты занимают от трех дней до трех

недель. Дважды фигурирует ритуальный восьмидневный период. Заметим, что восьмидневный период присутствует в рассмотренных выше СП: «Иосиф и Асенет», «Сказании Агапия», возможно, восемь дней, которые Фекла «отдыхает» у Трифены, также являются периодом после крещения.

2.

В каждой из этих двух частей есть свой центр, пророческий, мистический, своего рода откровения. Это сны. Первая часть повести – житие монаха, вторая часть – подвиг мученичества. Соответственно Эпистиме снятся два сна. Первый сон в гл. 8 в центре части глл. 6–10, второй сон – начинает часть в глл. 11–15. Эпистима видит сны, но не понимает их смысла, их ей толкуют. Первый толкует Галактион, второй – иконом, первый сон рассказывает о монашестве, второй – о венце мученичества как о брачном венце. После первого сна Галактион и Эпистима становятся монахами и живут в соседних монастырях, после второго – они встречаются, чтобы соединиться в одной могиле. Надо сказать, что и Левкиппа во вводной части рассказывает сон о боге, даровавшем ей сына: его ладони распяты на деревянном брусе. Муж распознает иконографию божества галилеян. Левкиппа подает сон так, словно не понимает его смысла, давая мужу самому догадаться, кто разрешил ее бесплодие. Читатель не знает, видела ли она этот сон или он сочинен для обращения мужа ко Христу. Таким образом, три сна отмечают три центра – обращение родителей, пострижение и мученичество следующего поколения.

Купидон и Психея

1.

Время в истории Купидона и Психеи сказочное. В сказке преобладают разы, счетные события, а не счет дней: мифическое время и сказочные длительности. До проявления Психеи в долине у Купидона время вообще не течет. Затем счет следует такой: первые сутки пребывания Психеи в волшебном дворце, которые завершаются брачной ночью. Затем следуют не считаемые дни, которые завершают ночные посещения Купидона. Три дня подряд Психею навещают сестры. Ночью после этих посещений Психея, желая убить дракона, видит бога и наступает утро их разлуки. В этот день она каким-то образом

оказывается «к вечеру» в царстве, где живет одна из сестер, следом посещает вторую и обманом губит обеих. После этого деяния время исчезает, о нем нет никаких упоминаний, пока Психея не попадает к Венере, а та дает ей одно за другим четыре невыполнимых задания, требуя исполнить каждое к вечеру. Психея в отчаянии, но ее спасают разные сказочные помощники, Венера видит сделанную работу и отходит ко сну и наутро дает новое задание, после полудня Психея его выполняет, однако вечер второго дня уже «не заканчивается». Все дальнейшее происходит вне времени. В конце Психея становится супругой Купидона, обретает бессмертие и времена и сроки перестают для нее существовать, она находится в вечных объятиях (perpetuae nuptiae VI, 23) своего супруга.

2.

Двумя центрами истории Психеи являются две ее встречи с Купидоном, когда она видит своего являвшегося к ней всегда в темноте возлюбленного. Обе встречи происходят из-за нарушения ею строгого запрета. В одном – это запрет видеть Купидона, в другом – открывать пиксиду. Подстрекаемая сестрами, Психея нарушает запрет, зажигает лампу и видит вместо ожидаемого чудовища крылатое божество любви и красоты.

Описание открывшегося зрелища делает честь Апулею, сколь ни велико в целом его стилистическое мастерство[10].

[10] «Но как только от поднесенного огня осветились тайны постели, видит она нежнейшее и сладчайшее из всех диких зверей чудовище – видит самого пресловутого Купидона, бога прекрасного, прекрасно лежащего, при виде которого даже пламя лампы веселей заиграло и ярче заблестело бритвы святотатственной острие. А сама Психея, устрашенная таким зрелищем, не владеет собой, покрывается смертельной бледностью и, трепеща, опускается на колени, стараясь спрятать оружие, но – в груди своей; она бы и сделала это, если бы оружие, от страха перед таким злодейством выпущенное из дерзновенных рук, не упало. Изнемогая, потеряв всякую надежду, чем дольше всматривается она в красоту божественного лица, тем больше собирается с духом. Видит она золотую голову с пышными волосами, пропитанными амброзией 5, окружающие молочную шею и пурпурные щеки, изящно опустившиеся завитки локонов, одни с затылка, другие со лба свешивающиеся, от крайнего лучезарного блеска которых сам огонь в светильнике заколебался; за плечами летающего бога росистые перья сверкающим цветком белели, и, хотя крылья находились в покое, кончики нежных и тоненьких перышек трепетными толчками двигались в беспокойстве; остальное тело видит гладким и

Психея нарушает запрет, теперь ее дитя не будет бессмертным, лишается она и своего возлюбленного. Не только роль в сюжете, но и качество этого описания говорит о том, что это один из центров СП.

В конце истории Психея обретает Купидона снова, но не благодаря мужеству или кротости, разумности или усердию, Она обретает его снова, когда после всех выпавших на ее долю испытаний снова нарушает запрет божества – открывать пиксиду с красотой, которую несет из преисподней от Прозерпины Венере. Это четвертое трудное задание – спуск в преисподнюю. Сказки четвертого задания не знают. Слом фольклорного образца подчеркивает важность эпизода. Впрочем он поворотный и сюжетно. Венера запрещает Психее открывать пиксиду, разумеется, провоцируя ее этим запретом. Из сосуда вытекает обволакивающий Психею смертный сон. Психея ничему, оказывается, не научилась в своих скитаниях. Описанное платоновским мифом стремление Души вслед за Эротом к красоте, не делает ее ни мудрей, ни благочестивей. Она стремится быть именно красивее, хотя затмила красоту самой божественной Венеры. Тут Купидон – богатый красавчик из комедии, потворствующий собственным прихотям, внезапно приходит к ней как спаситель. Эти два центра говорят о бесполезности ума, о непобедимой и опасной силе красоты, о слепоте человека и о беспричинной милости, о незаслуженном спасения, жестокости запретов и спонтанности добра. Красота существует, это для Апулея несомненно, но золотой сон сказки, которой пьяная старуха отвлекает плененную Хариту от ее ужасной участи, есть ложь. Добродетель не вознаграждается – об этом твердит на разные голоса весь роман – но красоте даруется иногда ничем незаслуженная и потому божественная милость.

Жизнь Эзопа (версия G)

1.

Жизнь Эзопа рассказана до его гибели и даже повествуется о событиях после смерти, как в истории Акакия Акакиевича.

сияющим; так что Венера могла не раскаиваться, что произвела его на свет. В ногах кровати лежали лук и колчан со стрелами – благодетельное оружие великого бога» (V. 22; перевод М. Кузмина).

Хотя нет детства и родителей, биография развернутая, срок же жизни Эзопа автора не интересовал.

Эта повесть тяготеет по размеру к роману, по структуре к эпической легенде. В ней нет синкопированного времени, упоминания о годах, днях часах имеют служебный характер. Обозначения времени часто неопределенные: «с тех пор», «скоро», «через несколько дней», «немного спустя», «много лет». Если сказано о двух часах, то это тот малый срок, который рабу, копающему землю, надсмотрщик определил для отдыха. В Ксанфовой части, иногда можно понять, что события происходят в один день, так как назван вечер, ночь, следующее утро (напр., гл. 49–51 главы здесь и далее по Perry). Выражения «на следующий день/утро» делят историю взаимоотношений с Ксанфом для большинства глав с 51 по 70. Когда счет дням идет до трех, это собственно сказочные «разы». Так, два раза по три загадки (по одной на день) загадывает Эзопу Нектанебон (гл. 112–123), три дня дается Эзопу на размышление (121). Счет дней и лет в целом никакой роли в повести не играет. Сказать, сколько времени Эзоп прожил у Ксанфа, сколько у вавилонского царя, сколько времени путешествовал, невозможно.

2.

«Жизнь Эзопа» состоит из двух частей: путь вверх к свободе и путь к гибели вниз, но это не двуполярный текст, а более сложный. Герой достигает сначала свободы, затем почета и положения, но все это теряет и гибнет. Став свободным, он делается придворным восточных царей. Его дважды губит клевета, один раз «не до конца», он умирает притворно, его прячут от гнева вавилонского владыки в тюрьме, подземелье, но на второй раз, при путешествии в Элладу, в Дельфах ловушку подстраивает завистливое божество, и происходит казнь псевдо-гибриста, которого, как фармака, сбрасывают со скалы в пропасть. Глядя на сюжет издалека, мы видим искупительную смерть фармака. Однако в интересующей нас версии смерть урода, фармака, оказывается не искупительной, напротив, это ее, по велению Зевса, следует искупить дельфийцам. И Самос мстит за смерть Эзопа, а Эллада и Вавилон полнится его славою. Грегори Надь рассматривал «Жизнь Эзопа» как образец соединения культового сказания и трагического нарратива (Nagy 1979: 291–304). По его мнению, ритуальный сюжет фар-

мака и сказание, сопровождающее сюжет об учреждении культа, отличается от нарратива, мифа, оторвавшегося от культового контекста. В священном сказании ритуала герой погибает, а божество учреждает культ героя, им же убитого или отданного на заклание. Собственно умирающий герой – ипостась этого бога. Что-то подобное можно, вероятно, усмотреть в версии W, но не в G, где скорее содержится оторванный от культового контекста миф, рассказывающий о вражде бога и героя, в которой герой непременно гибнет. Если формулировать этот конфликт в терминах Виктора Тернера, то лиминальная ситуация в фазе конфликта отражена в мифическом повествовании, а в фазе примирения и разрешения конфликта – воплощена в ритуале и культе. В культе собственно происходит искупление убийства, задабривание жертвами беспокоящего живых духа, и превращение, условно говоря, эриний в эвменид. В то же время нарративная переработка может расщепить культовую амбивалентность и превращение/укрощение злого духа в духа покровителя представить как победу одного героя над другим в том числе в реальном бою или драке (см. Брагинская 2007: 100–101). Аполлон из «Жизни Эзопа» в версии G Эзопу враждебен, но эта вражда не взята из традиции. До версии G этой вражды с Эзопом мы не видим, враждебны ему только дельфийцы. Аполлон как враг введен в сюжет очень искусно и двусмысленно. Конфликт с Аполлоном возникает в точке триумфа Эзопа, в месте кульминации: Эзоп спасает жителей Самоса, получает свободу и ставит посвятительный дар Музам, который исцелили его от немоты и дали дар баснописца. Это скульптурная группа, изображающая (спящего) в окружении Муз Эзопа, подобная известным вотивным изображениям инкубанта и бога-целителя. Аполлон не понимает смысла изображения, принимает Эзопа за гибриста, который стремится занять его место предводителя Муз, за второго Марсия, спорящего с ним за главенство над Музами. Тема ошибки бога не мифическая и не культовая. Автор спорит с официальной жреческой дельфийской религией. Он перестраивает легенду об архаическом герое, чья смерть и святилище на могиле несет благо почитающей этого героя общине. Но новое идейное содержание, где трагическую для человека ошибку совершает заносчивый, завистливый и неумный Аполлон, автор вместил в культовую легенду и получившийся текст стал слож-

ным и многомерным. Мы назвали его «мениппеей», даже единственной сохранившейся мениппеей, которая в самом деле отвечает списку характеристик, некогда предложенных М. М. Бахтиным, не нашедшим, однако, реальных сочинений, которые отвечали бы большинству этих характеристик (Брагинская 2004: 70; Брагинская 2007: 150).

Мы завершаем анализ времени и композиции античными памятниками и должны признать, что, по крайней мере, в этих двух нами избранных внимания к подсчету времени событий, числовой или календарной символики практически нет. Как нет и проскакивания больших периодов, чередующихся с внезапным «крупным планом» и обменом репликами.

Эллиптическая, двуцентровая композиция в какой-то мере присутствует в Купидоне и Психее, но было бы натяжкой приписывать ее «Жизни Эзопа». Возможно, это связано со сказочно-мифологическим сюжетом в основе той и другой повести. Однако и «Сказание Агапия» строится на фольклорных мотивах и образах. Так или иначе, это отличие предстоит осмыслить.

Литература

Anonymus Mioussensis. 2009–2010: [The Life and Martyrdom of the very Holy Martyrs, Saints Galaktion and Episteme. Introduction, Translation, Commentary, Critical edition of the Greek text, and Research paper «Galactio et Episteme: Novel–Life–Passio»]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3 (2009), 210–235; 4 (2009), 269–291; 1 (2010), 241–266; 2 (2010), 232–250.

Аноним Миусский[11]. 2009–2010: Жизнь и мученичество святых мучеников Галактиона и Эпистимы. Вступительная статья, перевод с древнегреческого, комментарий, критическое издание греческого текста и исследование «Галактион и Эпистима: Роман–Житие–Passio». *Вестник Древней истории* 3 (2009), 210–235; 4 (2009), 269–291; 1 (2010), 241–266; 2 (2010), 232–250.

Bohak, G. 1996: Joseph and Aseneth and the Jewish Temple in Heliopolis. Atlanta, Ga.: Scholars Press.

[11] Под псевдонимом «Аноним Миусский» имеется в виду семинар, в котором участвовали в разной мере и в разных частях работы: Н. В. Брагинская, А. Ю. Виноградов, С. А. Дорогина, А. А. Евдокимова, М. С. Желтов, А. В. Журбина, М. С. Касьян, М. И. Касьянова, Т. Ал. Михайлова, Д. С. Пенская, В. О. Попова, Н. Е. Самохвалова, В. В. Степанов, А. М. Тростникова, А. И. Шмаина-Великанова, И. Е. Юсов.

Braginskaya, N. V. 2002: [The Slavic Rebirth of the Antiquity]. In: *Materialy 10-h Lotmanovskih Tchteniy, Moskva 2002* [*Proceedings of the 10th Lotman Readings, Moscow 2002*]. Moscow, RSUH Publishing House, 2004, 49–80.

Брагинская, Н. В. 2004: Славянское возрождение античности. В сб.: *Материалы 10-х Лотмановских чтений*, Москва 2002. М.: РГГУ, 49–80.

Braginskaya, N. V. 2005: ['Joseph and Aseneth' : 'Midrash' before Midrash and 'Novel' before Novel]. *Vestnik drevnej istorii* [*Journal of Ancient History*] 3 (2005), 73–96.

Брагинская, Н. В. 2005: »Иосиф и Асенет»: «мидраш» до мидраша и «роман» до романа. *Вестник древней истории 3*, 73–96.

Braginskaya, N. V. 2007: [Aesop as the Servant of Muses, or if Apollo Made a Mistake?] In: Vostok i Zapad v balkanskoy kartine mira: pamiati V. N. Toporova [Orient and Occident in the Balcanic Worldpicture: in memoriam of V. N. Toporov] . Moscow: Indrik, 98–152.

Брагинская, Н. В. Эзоп – служитель Муз, или ошибка бога. 2007. В сб. *Восток и Запад в балканской картине мира : памяти В. Н. Топорова*. М. : Индрик, 98–152.

Braginskaya, N. V., Kassian, M. S., Pisliakov, V. V., Shmaina-Velikanova A. I. 2010: ['Joseph and Aseneth', translation from Ancient Greek]. In: *Arbor mundi 17*. Moscow: RSUH Publishing House, 92–131.

Брагинская Н. В., Касьян М. С., Писляков В. В., Шмаина-Великанова А. И. 2010: «Иосиф и Асенет», перевод с древнегреческого. *Arbor mundi 17*. М., Изд. РГГУ, 92–131.

Braginskaya, N. V., Shmaina-Velikanova, A.I. 2011: [The Medial Psalm in 'Joseph and Aseneth': a Ritual Hypothesis] *Indo-evropeyskoe jazykoznanive i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European Linguistics and Classical Philology*] 15, 94–108.

Брагинская Н. В., Шмаина-Великанова А. И. 2011: Срединный псалом в «Иосиф и Асенет»: ритуальная гипотеза *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 15, 94–108.

Braginskaya, N. V., Shmaina-Velikanova, A. I. 2017: [A Symbolical Tale, Part I.] *Indo-evropeyskoe jazykoznanive i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European Linguistics and Classical Philology*] 21 (1), 108–134.

Брагинская Н. В., Шмаина-Великанова А. И. 2017: Символическая повесть. Часть 1. В сб.: *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 21 (1), 108–134

Campbell, E. F. 1975: Ruth. *A New Translation with Introduction, Notes and Commentary*. Garden City, NY: Doubleday.

Hubbard, R.L. 1988: *The Book of Ruth*. The New International Commentary on the Old Testament. Michigan: Grand Rapids.

Humphrey, E. M. 1995: *The Ladies and the Cities: Transformation and Apocalyptic Identity in Joseph and Aseneth, 4 Ezra, the Apocalypse and the Shepherd of Hermas*. Sheffield: Sheffield Academic Press. (= Journal for the Study of the Pseudepigrapha, Suppl. Ser. 17).

Lacocque, A. 2004: *Le livre de Ruth.* (Commentaire de l'Ancien Testament 17). Genève: Labor et Fides.

Nagy, G. 1979: The Best of Achaeans. In: *Concepts of the Hero in the Archaic Greek Poetry*. Baltimore, London, 291–304.

Nielsen, K. 1997: *Ruth*. Louisville, Kentucky: Westminster John Knox

Penskaya, D. S. 2017: '*Skazanive otsa nashego Agapiya*': *Bogoslovskiy disput v skazotchnom narrative* ['*The Story of our father Agapius*': *a Theological Dispute within a Fairy-tail Narrative*]. Dissertation for the degree of doctor of culturology. RSUH, Moscow. URL: http://www2.rsuh.ru/binary/object 23.1499334939.58357.pdf
Пенская, Д. С. 2017: «*Сказание отца нашего Агапия*»: *Богословский диспут в сказочном нарративе*. Диссертация на соискание уч. ст. канд. культурологии, РГГУ, Москва.
URL: http://www2.rsuh.ru/binary/object 23.1499334939.58357.pdf

Sasson, J. M. 1979: Ruth: *A New Translation with a Philological Commentary and a Formalist-Folklorist Interpretation*. Sheffield: JSOT Press.

Shmaina-Velikanova, A. I. 2011: *Kniga Rufi: Perevod. Vvedenie v izuchenie Knigi Rufi. Kommentariy* [*The Book of Ruth. Translation, Introduction to the Study of the Book of Ruth, Commentary*]. Moscow: RGGU.
Шмаина-Великанова, А. И. 2011: *Книга Руфи: Перевод. Введение в изучение Книги Руфи. Комментарий*. М.: РГГУ, 2011.

Shmaina-Velikanova A. I. 2010: [Book of Judith as a Symbolical Tale: Analyzing the Names]. *Indo-evropeyskoe jazykoznanive i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European Linguistics and Classical Philology*] 14(II), 467–477.

Шмаина-Великанова, А. И. 2010: Книга Иудифи как символическая повесть: анализ имен. В кН.*: Индоевропейское языкознание и классическая филология* 14 (II), 467–477.

Steinberg, J. 2006: *Die Ketuvim – ihr Aufbau und ihre Botschaft*. Bonner Biblische Beiträge (BBB) 152. Hamburg: Philo.

N. V. Braginskaya, A. I. Shmaina-Velikanova. A Symbolical Tale. Part II

This article is the second part of our research aiming at introducing into common scholarly usage a new concept, which we designate "symbolic tale" (ST). The term refers to a shorter and «uncrowded» prosaic literary genre; based on traditional folkloric and mythological images which it reinterprets in order to match with actual and important ideological, religious or social tasks. In this part of the work we add to our previous description only two new characteristics of ST, which have been only cursorily mentioned in the first part—namely, discontineous flow of time combined with symbolic count of years and days (three, seven, eight, twelve), and elliptical composition with two centres, peaks or culminations.

These features are present, to a greater or lesser degree, in all the analysed ST, despite their compositional differences and the large diversity of ways they deal with the time. Thus, in "The Story of our father Agapius" two climaxes are required both ideologically and narratively, because they have important historical implications; while in the Book of Ruth the mere presence of two culminations is questionable. Symbolism in the count of

days is extremely important in the Book of Judith and in the “Acts of Paul and Thecla”, while it is almost absent in “Cupid and Psyche”.

Nevertheless, from the shortest ST of Susanna and the Elders (ch. 13 of the Greek Book of Daniel), where the narrative is just three days long and culminations are barely outlined, up to the extensive “Life of Aesop”, where the narration time takes longer than the lifetime of the hero and no culmination can be discovered at first glance, one can notice that the time and the composition of these works do not aim at verisimilitude, but are completely subordinated to their ideological task.

Key words: symbolic tale, time reckoning, twofold structure *Book of Ruth, Joseph and Aseneth, Book of Judith, The Aesop Romance, The Tale of Cupid and Psyche, Acts of Paul and Thecla, Narration of Our Father Agapius, Life and Martyrdom of Saint Martyrs Galaction and Epistema, Book or Ruth*, *the story of Susanna and the Elder* in [Daniel 13].

DOI:10.30842/ielcp230690152218

А. Ю. Братухин

ИЗ ЧЕГО БОГ СОЗДАЛ МИР (К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ОДНОГО ПЛАТОНОВСКОГО ТЕРМИНА КЛИМЕНТОМ АЛЕКСАНДРИЙСКИМ)

Климент Александрийский использовал по отношению к материи термины ἄποιον καὶ ἀσχημάτιστον и μὴ ὄν. В связи с этим были высказаны два мнения: 1) появление у Климента платоновских формул говорит о том, что он считал материю вечной; 2) его утверждение о бескачественности материи не свидетельствует о его взгляде на неё как на нетварную. В статье анализируется система взглядов Климента относительно поэтапного сотворения мира, доказывается синонимичность для него терминов и μὴ ὄν и οὐκ ὄν и рассматривается их дальнейшая судьба в текстах Максима Исповедника.

Ключевые слова: Климент Александрийский, Платон, Максим Исповедник, меон, космогония.

Тит Флавий Климент (род. ок. 150 г., ум. ок. 215 г.), первый представитель александрийской христианской школы, утверждает, что библейское речение «земля была невидима и не устроена (ἀόρατος καὶ ἀκατασκεύαστος)» предоставило философам (Платону и другим) <идею> начала материальной сущности (ἀφορμὰς… ὑλικῆς οὐσίας)» (Strom. V, 14, 89, 6–90, 1). По его словам о том, что называется материей, у них говорится как о не имеющем качества и формы (ἄποιον καὶ ἀσχημάτιστον), и «ещё более дерзновенно» у Платона – как о не-сущем (μὴ ὄν). Этот отрывок из «Стромат» дал повод исследователям предположить, что Климент считал материю вечной. Учёные обращают внимание на два определения материи – «не-сущее» и «бескачественное»: «бескачественность» материи «у некоторых авторов, принадлежавших к платонической традиции, связывалась с её вечностью» (Бирюков, Смирнов 2014: 636). По словам Сальваторе Р. К. Лиллы, «хотя Климент ясно даёт понять, что Вселенная была создана (was generated) и имела начало (a beginning), он подчёркивает, с другой стороны, тот факт, что её возникновение (origin) находится вне времени и что, следовательно, сообщение “Бытия” о семи днях творения не должно быть истолковано буквально <…>» (Lilla 1971: 198–199). Клаудио Морескини пишет: «Весьма вероятно, что и

Климент, подобно большинству его предшественников – апологетов, полагает, что Бог сотворил мир из предсуществующей материи. <…> В <“Строматах”> V 89, 5–6 он рассматривает материю как одно из первоначал, как это утверждалось многими греческими философами, и напоминает, что Платон называл её “небытием”. Кроме того, <…> Климент разделяет доктрину, в соответствии с которой материя оказывается лишённой качественности и формы или же является “вместилищем” форм. <…> Однако определение материи как “небытия” не должно внушать мысль о том, что Климент придерживался теории creatio ex nihilo. Наоборот, доктрина о предсуществующей материи находила себе поддержку и у неопифагорейцев, и у средних платоников» (Морескини 2011: 150; Lilla 1971: 195). П. Эшвин-Сиейковски так понимает учение Климента о первоматерии: материальный мир «имеет своё начало в Боге, он всецело зависит от Бога, но он был образован как отражение Божиих мыслей из бесформенного элемента (a formless element), который есть ничто (μὴ ὄν) по отношению к Богу и Его природе» (Ashwin-Siejkowski 2010: 36–37). Д. С. Бирюков и Д. В. Смирнов, напротив, отмечают, что «Климент Александрийский, как и другие христианские авторы, вполне мог учить о бескачественности материи, но не допускать её вечности <…>. Климент Александрийский относит вневременность творения лишь к умопостигаемому миру, т. е. к миру как к совокупности идей в Логосе. Климент Александрийский мог полагать, что материя также является вневременной в том смысле, что она предшествует чувственному миру, однако не подлежит сомнению, что Климент Александрийский отвергал представление о материи как о совечном Богу начале и считал её тварной» (Бирюков, Смирнов 2014: 636). Согласно А. Иттеру, «для Климента тварь Божия никогда не способна постичь Бога или быть причастной Ему по Его сущности (οὐσία), но <способна постичь Его> в Его силе (δύναμις). Бог по сущности далёк, но посредством Своей силы <или энергии> очень близок к нам. Эта идея согласуется с теорией эманации <…>. Но она (идея) согласуется с творением ex nihilo, поскольку источник представляет собой трансцендентное небытие Бога» (Itter 2009: 168–169).

У Климента можно найти утверждения, говорящие о его вере в существование «идей в Логосе». Например: «До сотворения же космоса (πρὸ δ’ τῆς τοῦ κόσμοῦ καταβολῆς) были мы, прежде рождённые в Самом Боге (ἐν αὐτῷ πρότερον

γεγεννημένοι τῷ θεῷ) благодаря тому обстоятельству, что <нам> должно было существовать в будущем (τῷ δεῖν ἔσεσθαι). Мы — словесное творение (πλάσματα) Бога-Слова, благодаря Которому являемся древними (ἀρχαΐζομεν), ибо “в начале (ἀρχῇ) было Слово”. Но из-за того что Слово было искони, оно было и остаётся божественным началом всего» (Protr. 1, 6, 4–5, ср.: Strom. VI, 9, 76, 3; VII, 17, 107, 6). В «Педагоге» александрийский богослов пишет: «Но и в книге пророка Иеремии Господь глаголет: “Не говори: я отрок (*Иер*. 1:7): прежде чем Мне создать тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде чем выйти тебе из ложесн, Я освятил тебя” (*Иер*. 1:5). Возможно, пророчество, говоря это, намекает на нас, постигнутых (ἐγνωσμένους) у Бога к вере прежде сотворения мира, ныне же – младенцев по недавно исполнившейся воле Бога: мы сделались новорождёнными по призванию и спасению» (Paed. I, 7, 59, 3).

В другом сочинении Климент, рассматривая собственно создание людей, а не план создать их, говорит: «Бог создал нас не бывших ранее (οὐ προόντας). <…> как не существующих (οὐκ ὄντας) Он создал, так и возникших (γενομένους) спасает Своею благодатью» (Eccl. proph. 17, 1–2). Однако говорить о тождественности для Климента «умопостигаемого мира» и «совокупности идей в Логосе», по нашему мнению, не следует. В самом деле, в процитированных отрывках из «Протрептика» и «Стромат» речь, вероятно, идёт о том, что со временем получило название «Предвечного Совета», относящегося к категории нетварного; ср.: «избрал нас в Нём прежде сложения мира» (*Еф*. 1:4); «домостроительство тайны, сокрытой от веков в Боге, создавшем всё»; (*Еф. 3:9*); «Христа, <…> предузнанного прежде сложения мира» (*1 Петр. 1:19–20*) Здесь можно сослаться на фрагмент Strom. VII, 2, 7, 4, где сказано, что Сын до сотворения мира был советником Отца.

Умопостигаемый же мир, κόσμος νοητός (невидимое (ἀόρατος) небо, не имеющая вида (ἀειδής) земля и постигаемый умом (νοητόν) свет), относится к тварной категории; он, по словам Климента, был сотворён в первый день (Strom. V, 14, 93, 4–5).

Итак, в космогонии александрийского богослова можно выделить следующие «стадии»: первая – «нетварная» идея о сотворении мира (νόημα, ср.: Strom. VI, 16, 142, 2), бывшая в Боге изначально: Господь прежде сотворения мира знал об исходе грядущего (Strom. I, 17, 81, 4). Вторая – создание в День, которым является Логос, «через Которого вышло к свету и

рождению каждое из творений» (Strom. VI, 16, 145, 6), умопостигаемых неба и земли (Strom. VI, 16, 145, 4–5 и V, 14, 93, 4). А. М. Шуфрин отмечает, что библейская мифологема «Дня единого» «позволяет Клименту <…> найти экзегетическое решение парадокса временной определённости (“когда”) начала мира» (Шуфрин 2013: 151). Третья – создание Тверди небесной в воспринимаемой чувствами космогонии во второй день творения (Strom. V, 14, 94, 1).

В Strom. V, 14, 92, 3 Климент, опять доказывая зависимость Платона (которому, как было сказано, приписывает учение о μὴ ὄν) от Моисея, замечает, что космос возник от Единственного (ἐκ μόνου γενομένου) и произошёл из не-сущего (ἐκ μὴ ὄντος). Вне платоновского контекста он практически уравнивает «небытие» и «не-сущее», утверждая, что небытие (τὸ οὐκ ὄν) является <ещё> неустроенным (ἀνίδρυτον), «так как всё не-сущее (τὸ μὴ ὄν) <только> устраивается (ἱδρύεται)» (Strom. VII, 5, 28, 7). Таким образом, свойство «небытия» объясняется им через «не-сущее». В другом месте он характеризует μὴ ὄν как οὐδ’ ὅλως ὀν «совершенное небытие» (Strom. II, 16, 74, 1). По нашему мнению, Климент рассматривает μὴ ὄν и οὐκ ὄν как синонимы, но предпочитает платоновское выражение библейскому, как он это часто делает для придания своему тексту большей авторитетности в глазах язычников. Кроме того, по мнению У. Ричардсона, сочинения Платона, наряду со Священным Писанием, сочинениями Филона и Хрисиппа, являлись главными авторитетными источниками Климента (Richardson 1966: 87). Увлечение платоновской философией вообще было присуще александрийской школе. По словам Э. Молланда, александрийские богословы «обнаружили, что христианские истины в терминах платонизма можно выразить лучше, чем в терминах любой другой философии» (Molland 1938: 166–167). О стилистическом изменении Климентом терминов в библейских текстах писали К. Р. Грегори (Gregory 1907: 494) и Е. Л. Тайтус (Titus 1945: 17–19).

Говоря о не имеющем качества не-сущем, Климент пытался просто «воцерковить» этот термин и не собирался придавать ему тот же смысл, что и языческие философы. Называя христианские таинства “вакхическими празднествами” (ταῦτα τῶν ἐμῶν μυστηρίων τὰ βακχεύματα)» (Protr. 12, 120, 2) и используя в похожем контексте термин из языческих мистерий τελείωσις (Paed. I, 6, 27, 2) (Hatch 1957: 296), александрийский

автор, разумеется, не уравнивал то, для чего использовал одинаковые слова.

Одинаково оценивая оба определения (материя – ἄποιον καὶ ἀσχημάτιστον и μὴ ὄν), Климент показывает, что он не придаёт большого значения точности формулировок. Для него главное – продемонстрировать сходство между библейским и философским учениями. Учитывая, что буквальный перевод слов tōhû wāb̲ōhû (Быт. 1:1) – «formlessness, confusion, unreality, emptiness» и «emptiness» (*Brown* 1999: 1062, 96), рискнём предположить, что Климентовы эпитеты ἄποιον καὶ ἀσχημάτιστον являются достаточно точными эквивалентами.

Отметим, что в Strom. II, 16, 74, 1 Климент, опровергая еретиков, противопоставляет материю, (ὕλη) и не-сущее (μὴ ὄντα), как бы противореча самому себе, одобрившему утверждавшего обратное Платона: созданы ли мы из не-сущего, говорит он, или из материи, мы иноприродны Богу (о «не-сущем» он говорит здесь во множественном числе, как и в Strom. V, 14, 126, 2). По нашему мнению, Климент отличал «<перво>-материю», которую Платон «дерзновенно» назвал «не-сущим» (Strom. V, 14, 89, 6), сотворённую «вначале», невидимую и постигаемую лишь умом, и <предвечную>материю еретиков. Под creatio ex nihilo Климент, на наш взгляд, подразумевает творение мира Богом из созданной Им вне времени умопостигаемой материи, μὴ ὄν. О «небытии» в более позднем смысле этого слова Климент не говорил, считая, по-видимому, это высказывание нелогичным: творение из чего-либо подразумевает некий субстрат. Поэтому александрийский богослов, не желая вводить предсуществующую материю, утверждает лишь, что мир был создан или порождён (γενητὸν εἶναι), «Бог создал (ποιεῖν) <его> не во времени" (Strom. VI, 16, 145, 4). Заметим, что Василий Великий говорит почти об этом же: «Начало времени – ещё не время» (*Bas*. Hexaem. 1, 6).

У кого бы ни заимствовал александрийский богослов используемую им терминологию, он приспосабливал её для нужд раскрытия христианского учения, как, например, позже Василий Великий, творчески использовавший у заимствованные у Аристотеля понятия первой и второй сущности.

Что касается использования церковными авторами терминов в новом значении, то самым известным примером такого «перечеканивания» является превращение определения ὁμοούσιος ‘единосущный’ из еретического савеллианского в ортодоксальный никео-константинопольский.

Заметим также, что Климент всегда был осторожен в своих высказываниях по сложным вопросам. До сих пор спорят, признавал ли он всеобщее спасение или нет, так как прямо он на эту тему не высказывался.

О том, что платоновские выражения «Стромат» могут истолковываться в ортодоксальном ключе, говорят труды Максима Исповедника (VII в.), очевидно, знавшего сочинения Климента. О надёжном засвидетельствовании почитания последнего «в традиции, воспринятой Максимом», говорит А. М. Шуфрин (Шуфрин 2013: 70, прим. 130), см. также: (Беневич 2010: 357. Беневич 2013: 221).

Прп. Максим неоднократно использует термины «бес-качественное» (ἄποιον) и «не-сущее» (μὴ ὄν). В частности, вводя понятия «подлинного Сущего» (Бога) и «сущего» (мира), извлекаемого из не-сущего, он пишет: «Эллины, говоря, что сущность сущего (τῶν ὄντων) извечно пребывает с Богом, а получила от Него только свои качества, глаголют, что нет ничего ей противоположного, но в одних лишь качествах имеется противоположность. Мы же глаголем, что лишь у божественной Сущности отсутствует что-либо противополож-ное как у являющейся и вечной, и беспредельной и щедро предоставляющей вечность остальным <сущностям>, но сущности сущего <т. е. мира> (τῶν ὄντων) противоположно не-сущее (τὸ μὴ ὄν) и во власти собственно Сущего (τοῦ κυρίως ὄντος) находится быть ей <т. е. сущности сущего> всегда или не быть, но “непреложны дары” Его (*Рим*. 11:29). И из-за этого и пребывает всегда и будет пребывать управляемая всемогущей силою, пусть и имеет противоположным себе не-сущее, как было сказано, как Богом приведённая из не-сущего к существованию (ἐκ μὴ ὄντων εἰς τὸ εἶναι ἐκ Θεοῦ) и имеющая в Его воле своё существование или не существование» (Capita de caritate III, 28).

Здесь нужно сказать, что τὸ μὴ ὄν ‘<пока> не-сущее’, о котором речь шла выше, у прп. Максима, вероятно, следует отличать от абсолютного небытия (οὐκ ὄν), о котором говорится во 2-й книге Маккавейской: «Умоляю тебя, дитя, посмотри на небо и землю и, видя всё, что на них, познай, что всё сотворил Бог из ничего (οὐκ ἐξ ὄντων) <…>» (7:28). Так, Максим утверждает: «<…> мы претерпеваем воздействие в том случае, когда, совершенно миновав разумные основания (τοὺς λόγους) того, что <сотворено> из небытия (τῶν ἐξ οὐκ ὄντων), непостижимо приходим к Причине сущих <…>» (Quaestiones

ad Thalassium, 22). О не-сущем (τὸ μὴ ὄν), на которое падшие ангелы растратили данную им разумную силу, говорится в этом же сочинении (11).

По словам Г. Флоровского, «преп. Максим строго различает: изволение Божие о мире и самое существование мира… Изволение это, конечно, извечно ("*предвечный совет Божий*"). Но это ещё никак не означает вечности или из-вечности самого мира ("естества мира"). <…> Возникновение мира есть осуществление предвечного замысла Божия о нём. Иначе сказать, создание самого тварного субстрата» (Флоровский 1933: 206). Максим Исповедник пишет: «Мы, познав всемогущество Бога, утверждаем, что Он является Создателем не <только> качеств, но и сущностей, снабжённых качествами (πεποιωμένον). Но если так, то созданное не существует с Богом от века» (Cap. de car. IV, 6). Таким образом, прп. Максим признавал лишённые качеств тварные сущности, «для него чувственный мир невещественен в своих качественных основах. Он есть некое таинственное "уплотнение" (или даже "сгущение") духовного мира» (Флоровский 1933: 206). Максим Исповедник утверждал: «Лишь беспредельная сущность, всемогущая и создающая Вселенную, проста, единообразна, бескачественна (ἄποιος), мирна и безмятежна» (Capita de caritate IV, 9).

Учитывая как синонимичность для Климента выражений μὴ ὄν 'не-сущее' и οὐδ' ὅλως ὀν 'совершенное небытие', так и принятие первого термина позднейшей церковной традицией, можно с большой степенью уверенности утверждать, что Климент под «не-сущим»/«небытием» рассматривал вневременную тварную субстанцию, созданную «вначале».

Литература

Ashwin-Siejkowski, P. 2010: *Clement of Alexandria on Trial. The Evidence of 'Heresy' from Photius' Bibliotheca*. Leiden, Boston: Brill.

Benevich, G. I. 2010: [Notes] In: *Maxim Ispovednik. Voprosy i nedoumeniya* [*Maximus the Confessor. Questions and doubts*]. Tr. from Greek by D. A. Chernoglazov; scientific editor G. I. Benevich, responsible editor D. A. Pospelov. Moscow, Holy Mount Athos, 221–396.

Беневич, Г. И. 2010: Примечания. В кн.: *Прп. Максим Исповедник. Вопросы и недоумения.* Пер. с древнегреч. Д. А. Черноглазова, науч. ред. Г. И. Беневич, отв. ред. Д. А. Поспелов. М., Святая гора Афон, 221–396.

Benevich, G. I. 2013: *Kratkaya istoriya "promysla" ot Platona do Maksima Ispovednika* [*A brief history of providence from Plato to*

Maximus the Confessor]. St.-Petersburg. Беневич, Г. И. 2013: *Краткая история «промысла» от Платона до Максима Исповедника*. СПб.: РХГА.

Biryukov, D. S., Smirnov, D. V. 2014: [Clement of Alexandria]. In: *Pravoslavnaya enciklopediya* [*The Orthodox encyclopedia*]. Moscow.
Бирюков, Д. С. Смирнов, Д. В. 2014: Климент Александрийский. В кн.: *Православная энциклопедия*. М., 562–663.

Brown, F. 1999: *The Brown-Driver-Briggs Hebrew and English Lexicon*. Peabody, Mass.: Hendrickson Publishers,

Choufrine, A. M. 2013: *Gnozis, Bogoyavleniye, Obozheniye. Klement Aleksandrysky i yego istochniki.* [*Gnosis, Theophany, Theosis. Clement of Alexandria and his sources*]. Tr. from English by V. Rokityansky. Moscow.
Шуфрин, А. М. *Гносис, Богоявление, Обожение: Климент Александрийский и его источники*. Пер. с англ. В. Р. Рокитянского. 2-е изд. испр. и доп. М.

Florovsky, G. 1933: *Vizantiyskiye Otcy V–VIII* [*The Byzantine fathers V–VIII* sec.]. Paris.
Флоровский, Г. 1933: *Византийские Отцы V–VIII*. Париж.

Gregory, C. R. 1907: *Canon and Text of the New Testament*. New York: Charles Scribners' Sons.

Hatch, E. 1957: *The influence of Greek ideas on Christianity*. New York: Harper and Brothers Publishers.

Itter, A. C. 2009: *Esoteric teaching in the Stromateis of Clement of Alexandria*. Leiden, Boston: Brill.

Lilla, S. R. C. 1971: *Clement of Alexandria. A Study in Christian Platonism and Gnosticism*. Oxford: Oxford University press.

Molland, E. 1938: *The Conception of the Gospel in the Alexandrian Theology*. Oslo: I Komissjon hos Jakob Dybwad.

Moreschini, C. 2011: *Istoriya patristicheskoy filosofii* [*A history of patristic philosophy*]. Tr. from Italian by L. P. Gorbunova; ed. by M. Asmus. Moscow.
Морескини, К. 2011: *История патристической философии.* Перевод с итальянского Л. П. Горбуновой, редакция перевода, богословская редакция, примечания М. Асмуса. М.: ГЛК Ю. А. Шичалина.

Richardson, W. 1966: The Basis of Ethics: Chrysippus and Clement of Alexandria. In: *Studia patristica*. 9 (3), 87–97.

Titus, E. L. 1945: *The motivation of changes made in the New Testament text by Justin Martyr and Clement of Alexandria*. Chicago.

A. Yu. Bratukhin. What did God create the world from (to the question of using one of Plato's terms by Clement of Alexandria)

According to Clement of Alexandria the philosophers (Stoics, Plato, Pythagoras and Aristotle) described matter as "not having quality and form" (ἄποιον καὶ ἀσχημάτιστον) and as "non-real being" (μὴ ὄν) (Strom. V, 14, 89, 6–90, 1). These words gave a reason to some researchers (S. Lilla, P. Ashwin-Siejkowski, K. Moreschini, etc.) to suppose that Clement believed that matter was eternal, as Plato and the others did.

However, outside the Platonic context Clement equates “non-being” (τὸ οὐκ ὄν) and “non-real being” (τὸ μὴ ὄν), arguing that non-being is not set up (ἀνίδρυτον); since all non-real being is being localized (ἱδρύεται)” (Strom. VII, 5, 28, 7). In another place he characterizes μὴ ὄν as οὐδ’ ὅλως ὀν “non-being at all” (Strom. II, 16, 74, 1). Thus, Clement considered μὴ ὄν and οὐκ ὄν as synonyms, but he preferred Plato’s expression to the Biblical one, as he did in other places too for stylistic and pedagogical purposes. In the doctrine of this Alexandrian theologian the following stages of the creation of the world can be distinguished: 1. the idea about it (νόημα, Strom. VI, 16, 142, 2), a kind of “the pre-eternal Council”; 2. the creation of the world of thought, intelligible heaven and earth (Strom. VI, 16, 145, 4–5 and V, 14, 93, 4) on the day, which is the Logos, “by whom each of the creatures came to light and birth” (Strom. VI, 16, 145, 6): the God has not created the world in time, but He has created it (Strom. VI, 16, 145, 4); 3. the creation of the firmament Heaven, the perceived by sense and visible earth on the second day (Strom. V, 14, 94, 1).

Whoever the Alexandrian theologian borrowed the terminology from, he adapted it for the needs of the Christian doctrine, as later did Basil the Great, creatively used the teachings of Aristotle. The elements of Clement’s cosmogonic terminology are found in the modified form in the works of Maxim the Confessor, which unlike Clement, distinguishes τὸ μὴ ὄν and τὰ ἐξ οὐκ ὄντων “things that were not” or “non-being”.

Keywords: Clement of Alexandria, Plato, Maximus the Confessor, meon, cosmogony.

DOI:10.30842/ielcp230690152217

Л. В. Братухина

ПОСТЭЛЛИНИЗМ ТАТИАНА

В статье рассматривается сочинение Татиана «Речь к эллинам», раскрывающее понимание имперского дискурса Рима одним из представителей колонизированного населения. Делается вывод о своеобразии позиции апологета: он не просто выдвигает оппозиционную имперской точку зрения, но, проявляя скрытую мимикрию, являющуюся результатом гибридной идентичности, меняет статусы центрального и периферийного в дискурсе, заимствующем идею гегемонии из имперского, эллинистического.

Ключевые слова: Татиан, эллинизм, христианство, мимикрия, гибридность, империя, колонизация, постэллинизм, постколониализм, полития (πολιτεία).

Изучение наследия Татиана (II в.) оказывается актуальным не только в силу его принадлежности к эпохе ранних апологетов (когда происходит «наиболее интенсивное становление христианства» (Вдовиченко, 2000: 24)), но и потому, что его «Речь к эллинам», анализируемая в контексте «постколониальной»[1] теории, раскрывает оригинальное понимание глобализационного дискурса Римской империи одним из представителей колонизированного населения. Представляется важным рассмотреть точку зрения одного из современников противостояния христианской и римской имперской идеологий в свете понятий гибридность и мимикрия.

Исследователи несколько расходятся в определении конкретного содержания римского «абсолюта». Например: «В основе официальной идеологии императорского Рима лежали

[1] «Постимпериалистической» («постколониальной») «исследовательской перспективе» «римского империализма» в современной англо-американской историографии посвящена статья М. В. Шистерова. Исследователь связывает целесообразность подобного подхода с углублением понимания специфики «римского империализма», который «представляется многогранным феноменом, существующим в различных формах и контекстах, переплетенных в сложную сеть отношений между людьми, социальными группами, коллективами общин, провинциальными и имперскими властями» (Шистеров 2017: 303). А. В. Ашаева пишет: «Культурный глоссарий постколониальных исследований проник и в антиковедение, обозначив новые направления изучения античного материала» (Ашаева 2017: 9).

представления о так называемом «римском мире», «римском мифе» («особой исторической миссии Рима, определенной богами»), «золотом веке», а также культ императора» (Токарневский 2013: 40). Среди «основных структурных элементов “римского империализма”, воспроизводящих “римскую власть, римское общество, римскую культуру”, называются “римская религия”, “урбанизм” и “культ императора”» (Шистеров 2107: 303). Также итогом объединяющей деятельности Рима в экономическом, административном, культурном планах видят «представление о Римской империи как едином и единственном государстве», находящее свое отражение «в юридической формуле: “Рим – общее наше отечество”» (Ранович 1949: 255).

Татиан, как он сам пишет, завершая «Речь к эллинам», родился «в земле ассирийской» (Ad Graec. 42, 1; здесь и ниже пер. Д. Е. Афиногенова). Получив хорошее философское образование (Ibid. 1, 3), он ездил по многим странам, был посвящён в языческие мистерии (Ibid. 29, 1), учил как софист эллинским премудростям (σοφιστεύσας τὰ ὑμέτερα), пока не обосновался в Риме (Ibid. 35, 1), где принял христианство, стал слушателем Иустина Философа. После казни наставника Татиан отпал от Церкви и учредил свою особую школу, где излагал учение, напоминавшее ереси Валентина, Маркиона и Сатурнина (*Eus*. H. E. IV, 29, 3). Из его трудов сохранился (помимо Ad Graec.) «Диатессарон» – согласование четырёх Евангелий. Татиан примыкает к апологетам, отрицавшим «какую-либо пользу языческой культуры» (Вдовиченко 2000: 24), в противовес тем[2], кто признавал за ней роль своеобразного «приготовления к восприятию Слова Божия» (Там же).

Исследователи рассматривали Ad Graec. и как «вступительное слово», написанное апологетом для своего училища на Востоке, и как «увещевание» (Elze 1960: 41–43). Д. Е. Афиногенов систематизирует гипотезы относительно адресатов Татиана, являющихся его противниками. Отвергая объяснение названия «эллины» как относящееся к этническим грекам либо к язычникам «независимо от их этнической принадлежности», он доказывает, что своеобразным «родовым понятием», для которого «эллины» и «христиане» являются видовыми, выступает «полития» (πολιτεία), в понимании которой присутствует этни-

[2] К ним относится, прежде всего, учитель Татиана Иустин Философ.

ческий, религиозный и мировоззренческий аспекты[3]. Далее отмечается «исчезновение государственно-политического содержания» из этого понятия, что делает возможным обозначение данным термином «христианства во всей его целокупности». Полития «не должна быть объектом государственного контроля», компетенция которого «ограничивается взысканием податей». Таким образом, Татиан выступает против насаждаемого государством неправильного и вредного modus vivendi, который продвигают эллины, третировавшие «Татиана как варвара именно потому, что он был христианин, а не наоборот» (Афиногенов 2000: 88).

С Д. Е. Афиногеновым полемизирует А. П. Большаков: «…чем, собственно, данная интерпретация отличается от взглядов тех, кто считает “эллинов” Татиана эллинистически образованными людьми, то есть людьми причастными греко-римской культуре во всех её проявлениях <…>» (Большаков 2001: 128). Кроме того, «представление о равноправном характере многих “политий” в глазах Татиана и ложности всех их по сравнению с христианской… приходит в противоречие со всей антиэллинской направленностью сочинения. У Татиана не найти противопоставления христиан и нехристиан, он противопоставляет “эллинов” “варварам”. В число последних включаются и уверовавшие в благовестие» (Большаков 2001: 129). «За пределами “эллинства” и “варварства” нет вообще ничего, ибо “варвары” у Татиана оказываются неспособны противопоставить “эллинизму” что-либо, кроме исторического христианства, а “язычники” у других Отцов Церкви в своём сопротивлении благовестию

[3] Полития Татиана есть «некоторая общность, охватывающая все стороны человеческой жизни (религию, обычаи, науку, искусство, литературу и т. д.), но конституирующаяся на юридической, законодательной основе. При этом понятие “закона” здесь совершенно абстрагировано от государства, однако приобретает известный религиозный оттенок» (Афиногенов 2000: 91). Для Татиана христианство – «это лишь одна из “политий”, но при этом единственная истинная». «Все содержание эллинства целиком» он отвергает, «именно потому, что теперь все это, и философия, и риторика, и искусство, относится к чуждой политии и никак не может быть отделено от почитания, например, ложных богов. В христианскую же политию входит и собственная учёность, и философия, которые полностью заменяют эллинские» (Афиногенов 2000: 91).

опираются на идеальные и материальные достижения эллинистической культуры» (Большаков 2001: 131).

Нам Татиан представляется «неполиткорректным» борцом с эллинистическим «глобализмом», заставляющим его отрекаться от подлинно богоугодной политии. Замена Татианом пары «христиане – язычники» синонимичной парой «варвары – эллины» говорит в пользу того, что он, кого бы мы ни понимали под его «варварами», считал себя как представителем национальной общности, «политии», религии, не входящей в полной мере в империю. Основным тезисом, развиваемым Татианом в Ad Graec., является противопоставление эклектичности всей эллинистической парадигмы (Ad Graec. 14, 1) и органического единства христианской. Так, эллины укоряются за присвоение культурных достижений иных народов (Ad Graec. 1,1), смешение языков (Ad Graec. 1, 2), а также за непоследовательность их философов и языческих богов, оспаривающих друг друга (Ad Graec. 3, 3; 8, 2). Обобщая в понятии «политии» различные составляющие эллинистической цивилизации (язык, религию, философские учения, культурные достижения), Татиан, на наш взгляд, критикует своеобразно понимаемые им основания римского универсалистского «абсолюта».В изложении же христианского учения Татиан диалектичен: «… Владыка вселенной, Сам будучи существованием всего, был один,…с ним была вся возможность видимых и невидимых (Ad Graec. 5,1) (Ср. Ad Graec. 12,1–2)... Итак, есть дух в светилах, дух в ангелах, дух в растениях и водах, дух в людях, дух в животных, но, один и тот же, он имеет в себе различия» (Ad Graec. 12, 4–5). Это подлинное «единство в многообразии», которое не вызывает противоречий, восходя к единому и истинному первоисточнику. Самодостаточность христианства как отличной от эллинизма, альтернативной и единственно верной политии предполагает отрицание «универсалистской идеи римской государственности», выраженной в формуле «вселенная – это Империя, а Империя – это Вселенная» (Бирюков 2009: 46). Вторая часть этого утверждения означает «универсализм, всемирный охват государства: Вселенная всеобъемлюща, и Рим всеобъемлющ, за его пределами ничего не может существовать».

Отрицая эллинистическую гибридность[4], понимаемую им как эклектику, лишенную истинного основания, Татиан опирается на свойственную римской имперскости идею «централизованной иерархической структуры мира» (Бирюков 2009: 46): «…следовало бы, чтобы у всех был один общий образ жизни. Ныне же сколько видов городов, столько и законоположений, так что то, что у некоторых позорно, для других добродетельно» (Ad Graec. 28, 1). Гибридное пространство «широкого дискурса римской идентичности» (Шистеров 2017: 303), предполагало «взаимопроникновение греко-римской и восточных культур» (Ранович 1949: 259). Татиан справедливо усмотрел в нем несостоятельность «претензий на иерархическую чистоту» культуры (Ashcroft, Griffiths, Tiffin 2013: 136). Предлагаемая им иная христианская полития претендует не на роль равноправного субъекта в диалоге[5], но на позицию гегемона по отношению к эллинам. Утверждая первичность учения «варваров», Татиан указывает на заимствования эллинов из него (Ad Graec. 40,1). Вписывая эллинистических богов в христианскую концепцию мироздания, апологет заявляет: «…демоны, которых так именуете, образовавшись из вещества и дух получив от него же, стали развратны и жадны… Владыка же всего оставил их роскошествовать, пока мир, придя к концу, не разрушится…» (Ad Graec. 12, 3–4). Таким образом, нормативными для Татиана оказываются христианские догматы, а эллинистическое мировоззрение становится периферийным. Отрицательно характеризуя отдельные элементы эллинистической политии, Татиан воспринимает ее универсалистский и иерархический посыл. Здесь можно говорить о проявлении мимикрии – подражания колонизируемого колонизатору; согласно Х. Бхабхе, результатом

[4] Гибридность была свойственна римской имперской культуре как результат процесса «формировании транскультурных форм в зоне контакта, создаваемой при колонизации» (Ashcroft, Griffiths, Tiffin 2013: 135). Исследователи, по-разному представляя осуществление эллинизации, сходятся в оценке неоднородного характера сформировавшейся культурной общности. «Полное уравнение не было достигнуто в Римской империи... Не только греки и эллинизированные народы, но и некоторые народы Востока сохранили свой язык и свою культуру» (Ранович 1949: 23).

[5] Хотя в риторических целях Татиан прибегает к требованию равенства позиций эллинистической идеологии и обвиняемой ею во всех грехах христианской (Ad Graec.12, 5).

подобного «амбивалентного взаимодействия» может стать искаженная «размытая копия» колонизатора (Ashcroft, Griffiths, Tiffin 2013: 154–155).

Неприязнь Татиана к эллинистической политии исследователи объясняют его этническими корнями: «…в яростных нападках автора на всё греческое мы уже ощущаем не только вражду христианина к язычеству, но и неприязнь сирийца к эллинизму, когда-то навязанному его предкам. Первое служит санкцией для второго» (Аверинцев 1987: 17). Ср.: «Апологеты восточного и африканского происхождения более непримиримы ко всей греко-римской культуре, чем коренные греки и римляне. Татиан, Гермий, Феофил Антиохийский, Тертуллиан, Арнобий резко критически отзывались об античной философии, науках, искусстве» (Бычков 1995: 64). Ригоризм Татиана также связывается с «тысячелетним наследием иудейской обособленности» (Афиногенов 2000: 92). Однако следует учитывать и гибридный характер идентичности апологета, подспудно апеллирующей к воспринятым из римской имперской идеи взаимосвязанным иерархичности и универсализму. Неслучайно в более позднюю эпоху происходит «переосмысление имперской идеи: она теснейшим образом соотносится с христианством»[6].

Рассматривая различные концепции «эллинистического синтеза христианства», П. Б. Михайлов указывает «три элемента эллинизма», сыгравшие для христианства «формообразующую роль»: «древнегреческий язык, античная метафизика и классическая пайдейя» (Михайлов 2017: 51). Татиан участвовал в формировании одной «непреходящей константы христианского мира» – «греческого корпуса Писания» (Там же: 64) («Диатессарон»). О причастности Татиана к античной философской традиции можно судить по исследованиям этого вопроса в монографии М. Эльце «Tatian und seine Theologie», отмечающего близость Татиана платонической философии, а также в диссертации Приходько, содержащей следующее заключение: «…Татиан обнаруживает значительное идейное сходство с

[6] Не случайно в более позднюю эпоху происходит «переосмысление имперской идеи: она теснейшим образом соотносится с христианством … Евсевий Кесарийский помещает Imperium Romanum на место некоего библейского универсального мира народов, Царства Божия. Это царство соединило империю и христианскую церковь в новую универсальную организацию – империю-церковь» (Бирюков 2009: 46)

взглядами и учениями античных авторов, прежде всего, с текстами Платона[7]. На наш взгляд, такая идейная общность… объясняется не какой-то непоследовательностью апологета, а напротив, глубоким видением существа античной культуры и ее кризисных сторон, которые подобным образом осмысливались и анализировались лучшими представителями античной мысли» (Приходько 2014: 62).

Итак, позиция Татиана предстает как не совсем обычная: он не просто выдвигает оппозиционную имперской точку зрения, но, проявляя скрытую мимикрию, являющуюся результатом гибридной идентичности, меняет статусы центрального и периферийного в дискурсе, заимствующем идею гегемонии из имперского, эллинистического. «Постэллинизм» Татиана, как неприятие античной традиции, предстает таким образом и ответным сопротивлением иной политии, и усвоением ее структурных особенностей.

Литература

Afinogenov, D. E. 2000: [Tatian and his «Word to the Hellenes» in the historical context]. *Rannekhristianskie apologety I-II vekov: Perevody I issledovania*. Moscow: Ladomir, 80–92.
Афиногенов, Д. Е. 2000: Татиан и его «Слово к эллинам» в историческом контексте. *Раннехристианские апологеты II–IV вв. Переводы и исследования*. М.: Ладомир, 2000. С. 80–92.

Ashaeva, A. V. 2017: [Postcolonial discourse and reception of Antiquity: the African identity of the Greco-Roman world]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* 4, 9–15.
Ашаева, А. В. 2017: Постколониальный дискурс и рецепция Античности: африканская идентичность греко-римского мира. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского* 4, 9–15.

Ashcroft, B., Griffiths, G., Tiffin, H. 2013: *Postcolonial Studies: The Key Concepts remains an essential guide for anyone studying this vibrant field.* London; New York: Routledge.

Averincev, S. S. 1987: *Ot beregov Bosfora do beregov Evfrata* [From the banks of the Bosphorus to the banks of the Euphrates]. Moscow.
Аверинцев, С. С. 1987: *От берегов Босфора до берегов Евфрата*. М.

[7] Например, М. А. Приходько в своей диссертации отмечает близость понимания у Татиана и Платона «взаимосвязи слова и бытия» (Приходько 2014: 77): Платон рассматривает софистическую речь как «некое лже-бытие», «подобное искажение образа сущего прозревает Татиан в феномене риторического искусства его времени», раскрывая «феномен лжи» через «отношение к слову» (Там же: 78).

Birukov, A. V. 2009: [Stages of development of the «Roman myth»]. *Vesnik MDPU imya I. P. Shamyakina*, 43–47.
Бирюков, А. В. 2009: Этапы развития «римского мифа». Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна, 43–47.

Bol'shakov, A. P. 2001: [«Hellenes» and «Hellenic wisdom» in the works of early Christian apologists]. *Drevniy Vostok I antichny mir*. Moscow: MGU, Istoricheskiy fakultet, 125–139.
Большаков, А. П. 2001: «Эллины» и «эллинская мудрость» в произведениях раннехристианских апологетов. *Древний Восток и античный мир*. М.: МГУ, Исторический факультет, 125–139.

Bychkov, V. V. 1995: *Aesthetica patrum. Estetica Otcov Cerkvi. I. Apologety. Blazhenny Avgustin* [Aesthetica patrum. Aesthetics of the Church Fathers. I. Apologists. Blessed Augustine]. Moscow.
Бычков, В. В.1995: *Aesthetica patrum. Эстетика Отцов Церкви. I. Апологеты. Блаженный Августин.* М.

Elze, M. 1960: *Tatian und seine Theologie*. Göttingen.

Krichfalushiy, V. V. 2017: [Hellenistic Philosophy as Understood by Tatian the Assyrian]. *Khristianskoe chtenie* 5, 110–115.
Кричфалуший, В. В. 2017: Эллинская философия в понимании Татиана ассирийца. *Христианское чтение* 5, 110–115.

Mikhaylov, P. B. 2017: [A Conception of Hellenisation of Christianity in the History of Theology]. *Vestnik PSTGU. Seria I. Bogoslovie. Filosofis. Religiovedenie.* 71, 50–68.
Михайлов, П. Б. 2017: Концепция эллинизации христианства в истории теологии. *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение*. 71, 50–68.

Prikhod'ko, M. A. 2014: *Apologetika Iustina Filosofa i Tatiana Assiriyca* [The Apologetics of Justin the Philosopher and Tatian of the Assyrians as an Experience of the Self-Consciousness of Christian Culture]. St.-Petersburg.
Приходько, М. А. 2014: *Апологетика Иустина Философа и Татиана Ассирийца как опыт самосознания христианской культуры*. СПб.

Ranovich, A. B. 1949: *Vostochye provincii Rimskoy imperii v I-IIIvv* [*Eastern provinces of the Roman Empire in the I-III centuries*]. Moscow; Leningrad.
Ранович, А. Б. 1949: *Восточные провинции Римской империи в I-III вв.* М., Л.

Tokarnevskiy, A. A. 2013: [State ideology of Rome of the Principate period]. *Vestnik BDU. Seria 3.* 2, 39–41.
Токарневский, А. А. 2013: Государственная идеология Рима периода Принципата. *Веснік БДУ. Серия 3*. 2, 39–41.

Shisterov, M. V. 2017: [Roman imperialism in the postimperialistic perspective (About some features of postcolonial historiography)]. *Voprosy vseobschey istorii* 19, 299–304.
Шистеров, М. В. 2017: Римский империализм в постимпериалистической перспективе (О некоторых особенностях «постколониальной историографии»). *Вопросы всеобщей истории* 19, 299–304.

Vdovichenko, A. V. 2000: [Christian apology. Short overview of tradition]. *Rannekhristianskie apologety I–II vekov: Perevody I issledovania*. Moscow: Ladomir, 5–38.
Вдовиченко, А. В. 2000: Христианская апология. Краткий обзор традиции. *Раннехристианские апологеты II–IV веков: Переводы и исследования*. М.: Ладомир, 5–38.

L. V. Bratukhina. Tatian's post-Hellenism

The article deals with the work of one of the early apologists – Tatian the Assyrian. His *Address to the Greeks* is analyzed in the context of the "postcolonial" theory, and this study reveals the peculiar understanding of the globalization discourse of the Roman Empire by Tatian. The viewpoint of one of the contemporaries of the confrontation between the Christian and Roman imperial ideologies is shown in the light of such concepts as hybridity and mimicry. The author of this article refers to the problem of determining the addressees of *Address to the Greeks*, since the solution of this problem gives an opportunity to determine the content of the concept of "Hellenism" in Tatian's understanding. Agreeing with the term "politia" (πολιτεία) used by D. E. Afinogenov to describe the approach of the apologist, the author of the article draws attention to the differences and similarities of the «Hellenistic politia» and «Christian politia» which are contrasted by Tatian. Summarizing in the concept of "πολιτεία" the various components of the Hellenistic civilization (its language, religion, philosophical teachings), Tatian criticizes the Roman universalist "absolute". The main Tatian's thesis in *Address to the Greeks* is the contrast between the eclecticism of the whole Hellenistic paradigm (Ad Graec. 14, 1) and the organic unity of the Christian. An analysis of possible explanations of the irreconcilable attitude of the apologist to the ancient culture allows us to consider the specificity of the hybrid identity of the Roman province native. The conclusion is made about the peculiarity of the position of the apologist: not only does he suggest a point of view that is oppositional to the imperial, but by displaying a hidden mimicry resulting from a hybrid identity, he seems to change the status of the central and peripheral in a discourse borrowing the idea of hegemony from the imperial, Hellenistic discourse.

Keywords: Tatian, Hellenism, Christianity, mimicry, hybridity, empire, colonization, post-Hellenism, postcolonialism, πολιτεία.

DOI:10.30842/ielcp230690152219

И. С. Буклагина

ДЕКРЕТ В ЧЕСТЬ ДИОФАНТА В КОНТЕКСТЕ СКИФО-БОСПОРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается сюжет о восстании Савмака из херсонесского декрета в честь Диофанта, в частности, исследуется полемика по поводу таких вопросов, как происхождение Савмака, его статус при дворе боспорского царя Перисада V и характер восстания.

Ключевые слова: Боспорское царство, Савмак, Скифия, Диофант

В конце II в. до н. э. на Боспоре разразилось восстание скифов под руководством Савмака, подавить которое почти год спустя удалось Диофанту, полководцу понтийского царя Митридата VI Евпатора. Единственный источник, повествующий об этих событиях, – хранящийся в Государственном Эрмитаже херсонесский декрет в честь Диофанта, в толковании которого до сих пор нет единства среди исследователей.

Декрет в честь Диофанта представляет собой посвятительную надпись на мраморном постаменте медной статуи, установленной жителями Херсонеса в честь полководца царя Митридата VI Диофанта, сына Асклепиодора, гражданина Синопы, «за доблесть и благосклонность по отношению к себе» (IOSPE, I^2, 352). Плита с текстом декрета была обнаружена на территории Херсонеса в 1878 г. в ходе раскопок, организованных Одесским Обществом истории и древностей. На верхней плоскости были зафиксированы углубления для ног статуи, а на лицевой стороне – надпись, расположенная в два столбца (Юргевич 1881: 2). Первое издание текста декрета и его перевод осуществил в 1881 г. на тот момент секретарь Одесского общества истории и древностей В. Н. Юргевич (Юргевич 1881: 1–48). Затем, в 1885 и 1916 гг., последовали два издания текста декрета В. В. Латышевым, сопровожденные переводом и обширным комментарием. Согласно переводу В. В. Латышева, строки 34–36 декрета «…τῶν περὶ Σαύμακον Σκυθᾶν νεωτεριξάντων καὶ τὸν μὲν ἐκθρέψαντα αὐτὸν [βα]σιλέα Βοσπόρου Παιρισάδαν ἀνελόντων, αὐτῶι δ’ ἐπιβουλευσάντων, διαφ[υγὼν] [τὸν] κίνδυνον ἐπέβα μὲν ἐπὶ τὸ ἀποσταλὲν ἐπ’ αὐτὸν ὑπὸ τῶν πολιτᾶν πλοῖον» звучат так: «…когда же скифы с Савмаком во

главе подняли восстание и убили воспитавшего его [т. е. Савмака] боспорского царя Перисада, а против Диофанта составили заговор, он, избежав опасности, сел на отправленный за ним гражданами корабль…». Савмак, таким образом, предстает перед нами как воспитанник Перисада, то есть представитель скифской знати при царском дворе Боспора.

Однако в 1933 г. С. А. Жебелев в статье «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» предложил новое прочтение документа, в значительной степени изменившее его смысл. Ссылаясь на диалог «Критон» Платона, автор показывает, что глаголы ἐκτρέφειν и παιδεύειν явно различаются между собой, при этом с глаголом ἐκτρέφειν связано скорее значение «выкармливания новорожденного» (Жебелев 1933: 27). Следовательно, перевод причастия ἐκθρέψαντα как «воспитавшего» неточен. В повторном, несколько измененном и дополненном варианте статьи, напечатанном в ВДИ в 1938 г., С. А. Жебелев на примере текста манумиссии из селения Давлия в Фокиде проводит сопоставление ἐκτρέφειν и θρεπτός. Θρεπτός, θρεπτή, по словам автора, является terminus technicus и соответствует латинскому varna, то есть означает «раба, выросшего в доме своего господина» (Жебелев 1938: 65). Проведенный анализ позволил С. А. Жебелеву сделать вывод о том, что Савмак, в отношении которого в декрете употреблен глагол ἐκτρέφειν, был доморощенным рабом царя Перисада, θρεπτὸς οἰκογενής, а само восстание представляло собой государственный переворот, в котором соединились элементы классовой борьбы и национально-этнического движения (Жебелев 1938: 71).

Подобная оценка С. А. Жебелевым скифского восстания на Боспоре получила поддержку ряда советских ученых. В частности, в 1940 г. Д. Б. Каллистов подчеркнул особую важность восстания скифских рабов, пошатнувшего основы Боспорского государства (Каллистов 1940: 171). В том же году Б. Д. Греков в статье «Значение работы С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» для истории нашей страны» в качестве примера блестящего исследовательского таланта С. А. Жебелева, «филолога и историка», приводит его доказательство рабского статуса Савмака (Греков 1940: 174).

Однако были и несогласные с выводами С. А. Жебелева. А. С. Коцевалов в 1937 г. высказал сомнение по поводу возможности сопоставления глагола ἐκτρέφειν и термина θρεπτός. Заме-

тив, что θρεπτός не только подразумевает доморощенного раба, но сам по себе означает просто «питомец», «вскормленник», А. С. Коцевалов говорит о том, что с таким же правом можно отождествлять ἐκθρέψαντα с термином τρόφιμος, τροφίμη, также встречающимся в боспорских надписях и обозначающим свободного человека, взятого на воспитание не родным отцом (Коцевалов 1937: 12). На что С. А. Жебелев ответил примером давлийской манумиссии, приведенном в переизданном варианте его статьи 1938 г. Еще одно возражение А. С. Коцевалова касалось формы ἐκθρέψαντα – причастия аориста действительного залога, так как в двух приведенных им примерах, где говорится о вскармливании господином своего раба (Dem. LIII, 19; дельфийская манумиссия 150–140 гг. до н. э.), используется медиальный залог (Коцевалов 1937: 12). На это замечание, однако, С. А. Жебелев не дал ответа.

По мнению М. И. Ростовцева, в словах τὸν ἐκθρέψαντα αὐτὸν нет прямого указания на рабский статус Савмака. Кроме того, будь Савмак в самом деле рабом, херсониты не сообщали бы об этом в столь завуалированной форме. М. И. Ростовцев предлагает видеть в Савмаке не раба, а скорее скифского заложника, ведь такая практика была широко распространена в эллинистическом мире (Rostovtzeff 1941: 1512).

С резкой критикой положений С. А. Жебелева и совершенно новой интерпретацией изложенных в декрете событий выступил С. Я. Лурье в своем докладе, произнесенном 23 сентября 1948 г. в Симферополе. Доклад не был напечатан, но основные его идеи доступны в изложении В. Ф. Гайдукевича и в кратком отчете симферопольской сессии, помещенном в журнале «Вопросы истории». Реакция советского антиковедения на выдвинутые С. Я. Лурье тезисы носила резко негативный характер (Фролов 1993: 10). Согласно заключению С. Я. Лурье, Савмак не был ни рабом, ни воспитанником Перисада, а являлся неким скифским царьком, вторгшимся на Боспор с целью присоединения его к своим владениям (Альтман 1948: 183). В декрете же его имя упоминается только в контексте большой войны Диофанта со скифами. Под словами декрета ἐκθρέψαντα αὐτὸν автор предлагает понимать Диофанта, воспитанника царя Перисада (Гайдукевич 1949: 536–537).

В 1950 г. свой вклад в проблему восстановления утраченных строк декрета внес В. В. Струве. Обнаружив, что фрагмен-

тированный конец надписи в 34-й строке достаточно велик, он предложил поместить в указанной лакуне αὐτ[ούς] вместо αὐτ[όν] (Струве 1950: 27). Таким образом, если в 34-й строке декрета после ἐκθρέψαντα читать не αὐτ[όν], а αὐτ[ούς], то получится, что в восстании под предводительством Савмака участвовали скифы, вскормленные Перисадом. Особенно В. В. Струве подчеркивает, что чтение αὐτ[ούς] не только стало возможным после понимания глагола ἐκτρέφειν в значении «вскармливать», но и укрепило концепцию С. А. Жебелева о восстании скифских рабов.

В. Ф. Гайдукевич, согласившийся еще в 1949 г. в своем монументальном труде «Боспорское царство» с выводом С. А. Жебелева о восстании Савмака как об одном из революционных движений угнетенных низов, прокатившихся во II в. до н. э. по всему античному рабовладельческому миру (Гайдукевич 1949: 304), в дальнейшем продолжил изыскания в этой области, поставив задачу доработать концепцию С. А. Жебелева, «используя ее, безусловно, верное ядро» (Гайдукевич 1967: 20). В работах В. Ф. Гайдукевича серьезной критике были подвержены идеи С. Я. Лурье (Гайдукевич 1962: 4–11, 18–21). Заключение С. А. Жебелева о рабском происхождении Савмака, в свою очередь, получило достаточно противоречивую оценку. Рассуждая о статусе Савмака и окружавших его скифов, В. Ф. Гайдукевич признает, что в тексте декрета нет прямых указаний на то, что Савмак был рабом, а восставшие названы просто «скифами» – термином, который в Северном Причерноморье никогда не был синонимичен понятию «рабы» (Гайдукевич 1967: 20, 22). Но, по соображению автора, вопрос о рабском или свободном происхождении Савмака не так важен, как социальный состав населения Керченского полуострова и масштабы восстания. В. Ф. Гайдукевич приходит к выводу, что основной движущей силой восстания были массы «трудящегося скифского населения самых различных категорий», смешавшегося ко II в. до н. э. с жителями боспорских городов и деревень и подвергавшихся притеснениям со стороны господствующего класса Боспора (Гайдукевич 1967: 21–22).

Э. Л. Казакевич, придерживавшаяся в целом позиции С. Я. Лурье и в воспитаннике Перисада видевшая Диофанта, а не Савмака, внесла в 1963 г. ряд любопытных нюансов в понимание интересующих нас строк декрета. Так, в словах 34-й

строки τῶν περὶ Σαύμακον Σκυθᾶν автор усматривает выражение οἱ περὶ τὸν δεῖνα, которое как идиома характерно и для классической, и, особенно, для эллинистической эпохи. Выражение это использовалось для обозначения лица, «вокруг» которого находятся другие указанные лица, и применялось, как правило, по отношению к хорошо известным личностям (Казакевич 1963: 62–63). Следовательно, можно предположить, что Савмак был хорошо известен еще до описываемых в декрете событий, что имеет немаловажное значение для определения его социального статуса. Что касается причастия ἐκθρέψαντα, автор вполне допускает его перевод как «вскормившего», так как последнее, по сути, включает в себя и значение «вырастившего», и «воспитавшего», а в самом глаголе τρέφειν не содержится определения социального статуса относимого к нему лица (Казакевич 1963: 65–66). Нет никаких оснований, как заключает автор, приписывать Савмаку рабское происхождение.

Ю. Г. Виноградов в статье «Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э.» 1981 г. дает подробный разбор историографии, касающейся вопросов толкования декрета в честь Диофанта. Добавив к этому стилистический анализ некоторых пассажей декрета и соображения, основанные на разработке различных по типу источников, Ю. Г. Виноградов приходит к выводу, что никаких прямых сведений о массовости скифского выступления в тексте декрета не содержится, а переворот был совершен небольшой группой скифов, объединившихся вокруг Савмака (τῶν περὶ Σαύμακον Σκυθᾶν). Опираясь на это утверждение, а так же имея в виду династические связи между Скифским и Боспорским царством и время выступления заговорщиков – после юридического оформления передачи власти Митридату, автор заявляет, что склонен видеть в Савмаке представителя скифской знати при дворе Перисада (Виноградов 1981: 82) и обращает внимание на необычайную словоохотливость авторов декрета при изложении событий, касающихся подавления скифского восстания на Боспоре, что он объясняет явной заинтересованностью херсонеситов в судьбе боспорского престола: приход к власти скифской династии воспринимался ими как продолжение существования варварской угрозы (Виноградов 1981: 83). Относительно понимания выражения ἐκθρέψαντα αὐτόν

Ю. Г. Виноградов солидарен с точкой зрения С. Я. Лурье и Э. Л. Казакевич.

Наконец, в 1996 г., С. Ю. Сапрыкин, придерживаясь положения С. Я. Лурье и Э. Л. Казакевич о том, что αὐτὸν в 34-й строке и αὐτῶι в 35-й указывают на одно и то же лицо, переосмыслил концепцию А. И. Немировского, предложившего под «воспитанником» Перисада понимать Митридата Евпатора. Ни Диофант, ни Савмак, по убеждению С. Ю. Сапрыкина, не могли воспитываться при дворе Перисада: в первом случае это не соответствовало бы «практике усыновления монархами других особ» (Диофант не принадлежал к царскому роду), во втором – противоречило грамматической конструкции, примененной в 34–35 строках декрета (Сапрыкин 1996: 142, 143). Следовательно, причастие τὸν ἐκθρέψαντα αὐτὸν относится к Митридату, а слова αὐτῶι ἐπιβουλευσάντων, διαφ[υγὼν] [τὸν] κίνδυνον ἐπέβα… означают, что, «когда скифы составили заговор против Митридата, Диофант, избежав опасности, сел на отправленный за ним корабль» (Сапрыкин 1996: 145). Ввиду отсутствия иных источников, рассуждать о социальном статусе Савмака, по мнению автора, можно только в гипотетическом ключе. Тем не менее, к настоящему моменту не вызывает сомнения его аристократическое происхождение, а наиболее правдоподобным кажется предложение Е. А. Молева видеть в нем лидера группы скифской аристократии, связывавшей свои политические интересы с Боспорским царством (Сапрыкин 1996: 147).

Таковы основные тенденции в переводе и понимании сюжета о скифском восстании на Боспоре. Наиболее справедливым нам представляется вариант перевода, предложенный В. В. Латышевым, и взгляды тех исследователей, которые склонны видеть в Савмаке представителя скифской элиты, игравшей к концу II в. до н. э. значительную роль при дворе боспорского царя. Такая точка зрения кажется оправданной, если принимать во внимание характер взаимоотношений Скифии и Боспора во II в. до н. э. В среде аристократии между Скифией и Боспором поддерживались дружественные отношения, укреплявшиеся рядом династических браков, о чем свидетельствуют сохранившиеся эпиграфические памятники (Виноградов 1981: 58, 61; Зайцев 2016: 294–295). Облик Неаполя Скифского (фресковые росписи и мраморные элементы в интерьере, черепичная кровля, греческая посуда и др.) говорит о том, что эллинская состав-

ляющая ко второй четверти II в. до н. э. становится определяющей в «дворцовом» варианте позднескифской культуры, связанном с деятельностью Аргота и Скилура (Зайцев 2016: 295). Вероятно, постепенное взаимопроникновение и смешение греческой и варварской элиты привели к тому, что к концу II в. до н. э. в Боспорском царстве сложился слой аристократии, в котором наравне с эллинами ведущие позиции занимали представители скифской знати. Не исключено, что помимо династических браков этот союз подкреплялся и практикой принятия на воспитание ко двору боспорского правителя выходцев из скифского царского дома, так называемых вскормленников, одним из которых и являлся возглавивший восстание Савмак. Тем не менее, боспорская аристократия не была единодушна в ориентации на союз с варварами Крыма. Появление в Пантикапее монет, воспроизводящих понтийские нумизматические памятники еще за 10–12 лет до передачи власти над Боспором Митридату VI, позволило Д. Б. Шелову высказать предположение о том, что подобные мысли уже существовали в среде пантикапейского гражданства и, возможно, повлияли на решение Перисада V (Шелов 1956: 203). Именно передача власти понтийскому царю явилась причиной, заставившей скифов во главе с Савмаком поднять восстание и попытаться захватить власть на Боспоре. Вероятно, скифская аристократия Пантикапея опасалась потерять свое влияние после прихода к власти Митридата, разгромившего незадолго до этого правителей Малой Скифии.

Сокращения

IOSPE, I^2 – Latyschev B. Inscriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Volumen I (Ed.2). Petropoli, 1916.

Литература

Altman, V. 1948: [Session on the history of Crimea]. *Voprosy Istorii* 12 [*Questions of History* 12], 179–184.
Альтман, В. 1948: Сессия по истории Крыма. *Вопросы истории* 12, 179–184.

Vinogradov, Yu. G. 1987: [Votive inscription of the daughter of king Skilur from Panticapaeum and the problems of the history of Scythia and Bosporus in the 2nd century BC]. *Vestnik drevney istorii* 1 [*Journal of Ancient History* 1], 55–87.
Виноградов Ю. Г. 1987: Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. *ВДИ* 1, 55–87.

Gaidukevich, V. F. 1949: *Bosporskoe tsarstvo* [*Bosporan Kingdom*]. Moscow, Leningrad.
Гайдукевич В.Ф. 1949: *Боспорское царство*. М.-Л..
Gaidukevich, V. F. 1962: [More about the uprising of Saumak]. *Vestnik drevney istorii* 1 [*Journal of Ancient History* 1], 3–23.
Гайдукевич В. Ф. 1962: Еще о восстании Савмака. *ВДИ*1, 3–23.
Gaidukevich, V. F. 1967: [About the Scythian rebellion in the Bosporus at the end of the II century BC]. In: *Ancient society. Proceedings of the conference on the study of antiquity.* Moscow, 17–22.
Гайдукевич В. Ф. О скифском восстании на Боспоре в конце II в. до н. э. В сб.: *Античное общество. Труды конференции по изучению античности*. М., 17–22.
Grekov, B. D. 1940: [The importance of the work of S.A.Zhebelev "The last Perisad and the Scythian rebellion in the Bosporus" for the history of our country]. *Vestnik drevney istorii* 1 [*Journal of Ancient History 1*], 173–176.
Греков Б. Д. 1940: Значение работы С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» для истории нашей страны. *ВДИ*1, 173–176.
Zhebelev, S. A. 1933: [The last Perisad and the Scythian rebellion in the Bosporus]. *Izvestiya Gosudarstvennoi Akademii Istorii Material'noi Kul'tury* 70 [*News of the State Academy for the History of Material Culture* 70], 9–36.
Жебелев, С. А. 1933: Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. *ИГАИМК* 70, 9–36.
Zhebelev, S. A. 1938: [The last Perisad and the Scythian rebellion in the Bosporus]. *Vestnik drevney istorii* 3 [*Journal of Ancient History* 3], 49–71.
Жебелев, С. А. 1938: Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. *ВДИ* 3, 49–71.
Zaitsev, Yu. P. 2016: [The elite of the Crimean Scythia and the Bosporos in the Hellenistic age: contacts and conflicts]. In: *The elite of the Bosporos and the Bosporan elite culture. Materials of the international Round table (St. Petersburg, November 22–25, 2016).* St. Petersburg. 292-299.
Зайцев, Ю. П. 2016: Элита Крымской Скифии и Боспора в эпоху эллинизма: контакты и конфликты. В сб.: *Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола* (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.). СПб., 292–299.
Kazakevich, E. L. 1963: [For discussion about the uprising of Saumak]. *Vestnik drevney istorii* 1 [*Journal of Ancient History* 1], 57–70.
Казакевич, Э. Л. 1963: К полемике о восстании Савмака. *ВДИ*, 1. 57–70.
Kallistov, D. B. 1940: [The role of Sergei Alexandrovich Zhebelev in the study of the Northern Black Sea region in ancient times]. *Vestnik drevney istorii* 1 [*Journal of Ancient History* 1], 168–173.
Каллистов, Д. Б. 1940: Роль акад. Сергея Александровича Жебелева в исследовании Северного Причерноморья античного времени. *ВДИ*1, 168–173.

Kotsevalov, A. S. 1937: [Review of: Zhebelev S. A. The last Perisad and the Scythian rebellion in the Bosporus. IGAIMK, 1933, 70]. *Naukovi zapiski Institutu istorii material'noi kul'turi* 1 [*Scientific notes of the Institute of history of material culture* 1], 109–114.
Коцевалов, А. С. 1937: Рец. на: Жебелев С. А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. ИГАИМК, 1933, вып.70. *Наукові записки Інституту історії матеріальної культури*, кн.1. 109–114.
Rostovtzeff, M. 1941: *The Social and Economic History of the Hellenistic World*. Vol. III. Oxford.
Saprykin, S. Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.
Сапрыкин, С. Ю. 1996: Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М.
Struve, V. V. 1950: [The Rebellion Of Saumak]. *Vestnik drevney istorii* 3 [*Journal of Ancient History* 3], 23–40.
Струве, В. В. 1950: Восстание Савмака. *ВДИ* 3, 23–40.
Frolov, E.D. 1993: [The thorny path of the scholar: S.Y.Lurie and his "History of Greece"]. In: *Lurie, S.Y. History of Greece.* St. Petersburg. 3-24.
Фролов, Э. Д. 1993: Тернистый путь ученого: С. Я. Лурье и его «История Греции». В кн.: *Лурье С. Я. История Греции / Сост., авт. вступ. статьи Э. Д. Фролов.* СПб. 3–24.
Shelov, D. B. 1956: *Monetnoe delo Bospora v VI–II vv. [Coinage of the Bosporus in the VI–II centuries BC]*. Moscow.
Шелов, Д. Б. 1956: Монетное дело Боспора в VI–II вв. до н.э. М.
Yurgevytch, V. N.1881: [Psefizm of the ancient city of Chersonesos on the appointment of honours and awards of Diophantus, General of Mithridates Eupator]. *Zapiski Odesskogo Obschestva Istorii i Drevnostey 12* [*Notes of the Odessa society of history and antiquities* 12], 1–48.
Юргевич, В. Н. 1881: Псефизм древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Митридата Евпатора. *ЗООИД* 12, 1–48.

I. S. Buklagina. Decree in honor of Diophantos in the context of Scythian-Bosporan relations

The article deals with the plot of the uprising of Saumakos from the Chersonesos decree in honor of Diophantos and gives an overview of the main directions in its translation and interpretation by the leading Russian researchers of antiquity. In particular, the controversy over such issues as the origin of Saumakos, his status at the court of the Bosporan king Perisad V and the nature of the uprising is investigated. In conclusion, an attempt is made to look at the problem taking into account the existing archeological and epigraphical data.

Keywords: Bosporan Kingdom, Saumakos, Scythia, Diophantos.

DOI:10.30842/ielcp230690152220

А. С. Ванюков

ПОЧЕМУ ОГОРОДНИКА НАЗВАЛИ НЕСЧАСТНЫМ. ДВА ЗАМЕЧАНИЯ О «ПЕРРИАНЕ» (VA G, 37)[1]

В статье рассматривается небольшой фрагмент «Жизнеописания Эзопа» (VA G, 37). Огородник спрашивает философа Ксанфа, почему культурные растения растут растут хуже диких? У Ксанфа нет ответа, ответ есть у Эзопа (диким растениям природа – мать, культурным – мачеха). Перед тем как дать ответ, Эзоп отпускает несколько реплик в адрес огородника. Им и посвящена настоящая статья. Автор высказывает два предположения: (а) выражение *ὦδε σύ, κακόπαθε* (М. Л. Гаспаров перевел его «Так-то ты со мной разговариваешь, несчастный?») может означать «<иди> сюда, несчастный» и (б) слово *κηπουρός* ‘огородник’, многократно повторяемое в речи Эзопа, шуточно этимологизируется им как *καὶ ἄπορος* (т. е. ‘находящийся в затруднении’).

Ключевые слова: Эзоп; Жизнеописание Эзопа, Перриана, огородник, хозяин и работник, басня, каламбур

1. Ксанф и Эзоп у огородника

Жизнеописание Эзопа – яркий представитель народной литературы античной эпохи. Считается, что ЖЭ создано в первые века нашей эры. Оно представляет собой рассказ о жизни легендарного баснописца и повествует о его блистательной карьере и низвержении с высот. Приключения перемежаются поучениями и баснями. Сохранилось две античные рукописи – «Перриана» и «Вестерманниана», названные в честь издателей (VA G и VA W).

На протяжении романа Эзоп меняет нескольких хозяев. Самой продолжительной его службой (по крайней мере, по числу страниц книги) было пребывание под кровом самосского философа Ксанфа.

Вскоре после появления Эзопа в доме Ксанфа хозяин в сопровождении слуги отправляются к огороднику (*κηπουρός*). Ксанф покупает у него капусту, свеклу, спаржу и пр. Огородник срезает растения со своих грядок и передает сверток Эзопу.

[1] За помощь, оказанную при написании статьи, автор выражает искренную признательность Александру Анатольевичу Калинину и Дмитрию Александровичу Литвинову.

(VA G 34, 7) Ксанф готов расплатиться, но как выясняется, деньги огороднику не нужны. Его интересует, почему дикие растения растут лучше растений культурных, несмотря на весь уход, который он уделяет своим питомцам! Ксанф не может дать сколько-нибудь внятного ответа. Эзоп вызывается решить задачу (VA G 36, 9). Несколько неуклюже Ксанф перенаправляет огородника к своему рабу – дескать, решать практические вопросы для него, философа, дело неподобающее и в чем-то низкое. Отведя огородника в сторонку, философ сообщает ему: есть у меня малый на все руки (*παῖς πολύπειρος*), он и ответит на твой вопрос. Кто, удивляется огородник, это чучело? (*ἴδε, οὗτος ὁ σαπρὸς γράμματα οἶδεν;* (VA G 37,5) Эзоп в самом деле выглядит отталкивающе. Но он знает правильный ответ: природа для диких растений мать, для культурных – мачеха. Поэтому первые растут лучше (VA W 37,13 – 16).

Садовник приходит в восторг. Он не просто дарит зелень своим ученым клиентам, но приглашает слугу Ксанфа заходить в его огород как в свой собственный[2].

2. Несколько реплик перед истолкованием вопроса

Когда Ксанф сообщает огороднику, что на интересующий его вопрос ответит Эзоп, тот изумлен: *ἴδε, οὗτος ὁ σαπρὸς γράμματα οἶδεν;* (VA G, 37, 5). Неужели этот урод знает грамоте? Эзоп в долгу не остается:

> *Αἴσωπος γελάσας λέγει τῷ κηπουρῷ "ὦδε σύ, κακόπαθε;" ὁ κηπουρὸς λέγει "κακόπαθός εἰμι;" Αἴσωπος λέγει "μὴ οὐκ εἶ κηπουρός;" ὁ κηπουρὸς λέγει "ναί." Αἴσωπος λέγει "ἀγανακτεῖς οὖν ἀκούων κακόπαθος, εἰ κηπουρὸς <εἶ>; [καὶ κηπουρὸς ὤν]. ζητεῖς οὖν γνῶναι διὰ ποίαν αἰτίαν φυτὰ βάλλεις εἰς τὴν γῆν, ταῦτα σκάλλεις, ποτίζεις, ἐπιμελείας πολλῆς ἀξιοῖς, καὶ τάχιον λέγεις ἀναβαίνειν τὰ ἄγρια τὰ αὐτόματα τῆς γῆς ἢ τὰ ὑπὸ σοῦ τιθέ<μενα> …* (VA G, 37, 6–11).

Со смехом Эзоп называет называет огородника «несчастным»[3]. «Это я несчастный?» – отвечает огородник. «Разве ты не огородник?» – замечает Эзоп. И получив утвердительный ответ,

---

[2] Эту любезность садовник отпускает в VA W 37,16-18 и PL (251,2). В рукописи G (Перриане) в этом месте, к несчастью, лакуна.

[3] *ὦδε σύ, κακόπαθε* – в редакции Б. Э. Перри. (*ὦδε σύ* – выражение довольно загадочное. Мы обсудим его чуть позже, пока от перевода я воздержусь)

продолжает: ты сердишься, когда тебя называют несчастным, хотя ты огородник, и будучи огородником, хочешь знать, почему, хотя ты удостаиваешь всяческой заботы семена (или саженцы), брошенные тобой в землю – поливаешь ее и вскапываешь, – почему дикие растения, непроизвольно выходящие из земли, всходят быстрее, чем те, что посажены тобой...

Предметом нашей работы будут слова, непосредственно предшествующие объяснению Эзопом проблемы культурных и диких растений: загадочное *ὧδε σύ* и повторяющаяся несколько раз, перекликающаяся пара *κακόπαθός – κηπουρός*.

Фрагмент этот встречается только в Перриане (VA G). Кажется, что он сохранился чудом. Представление о некоторой «злосчастности», почему-то присущей огороднику, традицией эзоповских жизнеописаий начисто отвергнуто – оно отсутствует и в W, и в византийской редакции PL, и в латинской версии «Жизнеописания Эзопа» – vita Lolliniana.

3. «Так ты», «здесь ты» или «эй ты, сюда!»

Л. В. Дэли передает реплику Эзопа следующим образом: «Is this any way for you to talk, you miserable wretch.» (Daly 1998: 127). М. Л. Гаспаров переводил схожим образом: «Так-то ты со мной разговариваешь, несчастный?» (Гаспаров 1991: 44) В переводе Бонелли и Сандролини *ὧδε σύ, κακόπαθε;* передается как «Come se lo fossi tu, disgraziato!» (Ferrari 2005: 125), т. е., несколько упрощая: «как и ты, несчастный! »

Заметим, что у *ὧδε* есть и другие значения, которые пока не привлекли внимания переводчиков – ‘здесь’ и ‘сюда’.

Οὐκ ἔχομεν ὧδε εἰ μὴ πέντε ἄρτους καὶ δύο ἰχθύας.
ὁ δὲ εἶπεν, Φέρετέ μοι ὧδε αὐτούς. (Matt. 14,17–18) ‘У нас здесь только пять хлебов и две рыбы. Он же сказал: принесите мне их сюда’.

Еще несколько примеров употребления *ὧδε* в сочетании с глаголами движения, взятых из текстов эзоповского круга:

καὶ ὅσα πρὸς οἰκοδομὴν χρὴ ὧδε κομίσατε (VA W, 116, 7–8) ‘доставьте сюда все необходимое для строительства’;

ἰδού, ὧδε ζέμα μόνον ἔβαλες·(VA G, 41, 6) ‘эй, ты вылил сюда один кипяток!’;

βοηθεῖτε ὧδε, ἔρχεται λύκος. (Fabulae Aesopi, 226, 3, 2–3) ‘сюда, на помощь, волк идет’.

В античных редакциях «Жизнеописании Эзопа» *ὧδε* всегда и без исключений имеет значения «здесь» и «сюда». Почему бы не предположить, что Эзоп в разговоре с огородником употребляет *ὧδε* в одном из этих значений?

“*ὧδε σύ, κακόπαθε*” ‘<Иди> сюда, несчастный!’

Есть по крайней мере один довод в пользу того, что *ὧδε* употреблено в значении «сюда». Посмотрим, как именно Ксанф перекладывает на Эзопа решение вопроса, занимающего огородника:

> *ὁ Ξάνθος διατρεπόμενος λέγει “κομψότατε, ἀπρεπές ἐστιν ἐμὲ τὸν ἐν τοσούτοις ἀκροατηρίοις διαλεγόμενον νῦν ἐν κήποις διαλέγεσθαι, ἀλλ' ἀκολούθει μοι.” πορευομένων δὲ αὐτῶν ὁ Ξάνθος τῷ κηπουρῷ λέγει “παῖς πολύπειρός ἐστίν μοι ὁ σὺν ἡμῖν βαδίζων, αὐτῷ ἀνάθου καὶ διαλύσει τὸ ζήτημα.* (VA G 37, 1–4)
>
> ‘Ксанф в смущении говорит: милейший, я выступал в таких аудиториях, что на огородах мне ораторствовать не к лицу. Пошли за мной! И на ходу Ксанф обращается к огороднику: есть у меня опытный парень, он со мной вместе пришел. Поручи ему свою проблему и он решит ее’.

Было бы странно, если бы Ксанф, огородник и Эзоп совершали эту прогулку втроем. Ксанф с умыслом отвел огородника подальше от раба. И Эзоп, услыхав, что речь идет о нем, Эзоп, переносящий тяготы рабства с достоинством, не спешит навстречу огороднику, а хочет, чтобы тот подошел к нему первым. Правда, остается загадкой, почему Эзоп не употребил глагола. Впрочем, если мы будем придерживаться традиционного перевода *ὧδε* ‘так’ (допускающем, как мы видели, минимум два толкования) эта загадка никуда бы не исчезла.

4. Почему огородник несчастен?

Итак, огородник отозвался о нашем герое довольно пренебрежительно – *οὗτος ὁ σαπρὸς*. Эзоп не остается в долгу: «Давай сюда, несчастный!». Почему несчастный? Теперь уже Эзоп озадачил огородника. Удивленный дерзостью безобразного раба, огородник переспрашивает: «Это я несчастный?» (*κακόπαθός εἰμι;*). В его вопросе чувствуется не просто удивление, а угроза – ты осмелился меня так назвать? Эзоп не отступает, он и с царями не робеет. Уточнив, что действительно имеет дело с огородником (“*μὴ οὐκ εἶ κηπουρός;*” … “*ναί.*”), фригиец продолжает: «тебе неприятно слышать обращенное к

тебе <слово> *несчастный*, хотя ты огородник и будучи огородником, интересуешься, по какой причине...» (далее Эзоп пересказывает вопрос, с которым огородник обратился к Ксанфу).

Как настойчиво повторяется слово *κηπουρός* в этом месте Перрианы! Кажется, автор хочет, чтобы мы распробовали его на слух: *Αἴσωπος λέγει "μὴ οὐκ εἶ κηπουρός;" ὁ κηπουρὸς λέγει "ναί." Αἴσωπος λέγει "ἀγανακτεῖς οὖν ἀκούων κακόπαθος, εἰ κηπουρὸς <εἶ>; [καὶ κηπουρὸς ὤν]*.

Последние три слова представлялись Б. Э. Перри избыточными. Некоторые из переводчиков солидарны с ним в этом вопросе. «А коли ты огородник, что ж ты сердишься, когда тебя зовут несчастным?» (Гаспаров 1991: 44). «Well then, if you're a gardener, do you object to being called a miserable wretch?» (Daly 1998: 127) В итальянском переводе *καὶ κηπουρὸς ὤν* восстанавливается («Però ti inalberi a sentirti dare del disgraziato? Sei un ortolano e in quanto tale ti sforzi di comprendere la ragione...» 'Но ты возмущаешься, когда слышишь, как тебя называют несчастным? Ты огородник, и будучи таковым силишься понять причину...' (Ferrari 2005: 125)[4].

Все переводы оставляют у меня чувство недоумения – неужели «быть огородником» непременно означает «быть несчастным»? и почему Эзоп говорит о «несчастности» огородника словно это прописная истина?

Пора высказать наше видение проблемы. Нам кажется, что автор Перрианы прибег к словесной игре.

Слово *κηπουρός* без труда разлагается на части *κηπουρός* = *κῆπος* + *οὖρος* (соб., 'страж сада'). Но как нам представляется, Эзопу хочется, чтобы мы разложили его иначе: *κηπουρός* = *καὶ ἄπορος*. Недаром он столько раз повторяет это слово! Если предположение верно, получается, что Эзоп завуалированно ответил огороднику, удивившемуся, почему его назвали несчастным. Ты несчастен, потому что находишься в затруднении

[4] Видимо, Папатомопулос первым высказал несогласие с исключением из текста слов *καὶ κηπουρὸς ὤν*. По мнению ученого, Эзоп приноравливается к невысокому уровню огородника (au niveau mental du jardinier) и потому подробно и педантично проговаривает свои тезисы: (а) ты несчастен, ибо ты огородник; (б) несмотря на то, что ты огородник, ты хочешь узнать, почему... (Papathomopulos 1989: 45). Нам остается признать, что позиция греческого ученого не так уж сильно отличается от взглядов других интерпретаторов «Жизнеописания».

(ἄπορος), потому что тебя занимает проблема саженцев и сорняков, а решения не знаешь.

Вряд ли собеседник Эзопа понял его каламбур. Несколько страниц спустя (правда, не в «Перриане», а в другой редакции ЖЭ – Вестерманниане), фригиец снова прибегнет к двусмысленности. Встречена она будет плохо. Ксанф поручил своему рабу проследить, чтобы к нему на пир пришли одни только мудрецы. Эзоп становится у дверей и задает вопрос каждому гостю «Чем виляет собака?» Только один гость дает правильный ответ: «Хвостом». Все остальные, услышав вопрос, уходят в возмущении. Гости решают, что Эзоп называет их собаками. "τί σείει ὁ κύων;" (чем виляет собака?) созвучно с "τίς εἶ, ὦ κύον;" (кто ты собака?)[5] – VA W 77b.

Может быть, разложение κηπουρός на καὶ ἄπορος покажется не слишком убедительным. Но ведь и каламбур τί σείει ὁ κύων;" / τίς εἶ, ὦ κύον; тоже далек от совершенства, а форма κακόπαθος (образованная по II склонению) тоже является нарушением грамматических правил[6].

Как бы то ни было, настойчиво повторяющееся в 37 главе Перрианы слово κηπουρός нуждается в объяснении. Представляется резонным печатать текст со знаком кориниса и предложить экспериментальный перевод отрывка, призванный привлечь внимание к одному из темных мест романа:

> Эзоп, рассмеявшись, говорит огороднику: живо сюда, бедолага!
> «Это я бедолага?»
> Разве ты не огородник? «Он самый»
> Так чем же ты недоволен? Огородник, а такого нагородил! Ты хочешь узнать, по какой причине... и т. д.

[5] То, что слышится гостям Ксанфа, в Вестерманниане эксплицитно не говорится, но реконстуируется по косвенным замечаниям. Например, ὁ δὲ ἡγησάμενος ὅτι κύνα αὐτὸν ἀπεκάλεσεν, ὀργισθεὶς ἀνεχώρησεν. VA W 77b 5–6.

[6] Можно предположить и другие способы разложения κηπουρός, напр. καὶ ἔπουρος Это довольно заманчиво – прилагательное встречается у Софокла. Эзоп цитирует Еврипида – он мог бы щегольнуть знанием и других аттических классиков. Но все же καὶ ἄπορος предпочтительнее. Огородник действительно находится в затруднении. Фонетически καὶ ἄπορος несовершенно, но идеально сочетается с жизненной ситуацией, разыгрывающейся в VA G 34-37.

Источники

VA G – Perry, B. E, (ed.). 1952: *Aesopica: a Series of Texts Relating to Aesop or Ascribed to Him or Closely Connected with the Literary Tradition that Bears His Name*. Urbana (Ill.). Vol. 1, 35–80 (Vita Aesopi G).

VA W – Perry, B. E, (ed.). 1952: *Aesopica: a Series of Texts Relating to Aesop or Ascribed to Him or Closely Connected with the Literary Tradition that Bears His Name*. Urbana (Ill.), 1952. Vol. 1, 81–107 (Vita W – vita Aesopi Westermanniana)

Переводы и комментарии

Gasparov, M.L. 1991: Life of Aesop. In: *Antichnaja basnia* [*Ancient fable*]. Moscow, 25–83.
Гаспаров, М. Л. 1991: Жизнеописание Эзопа. В кн.: *Античная басня*. Пер. с греч. и латин. М. Гаспарова. М.: Худ. лит., 25–83

Daly, L. W. 1998: The Aesop Romance, trans. by L.W. Daly. In: W. Hansen (ed.). *Anthology of Ancient Greek Popular Literature.* Bloomington: Indiana University Press, 106–162.

Ferrari, F. 2005: *Romanzo di Esopo.* Introduzione e testo critico a cura di Franco Ferrari. Traduzione e note di Guido Bonelli e Giorgio Sandorini. Milano.

Papathomopulos, M. 1989: *Aesopus Revisitatus. Recherches sur le texte des vies Ésopiques*. Vol. I. La critique textuelle. Par Manolis Papathomopulos. Ioannina.

A. S. Vanvukov. Why was the gardener called a miserable wretch. Two remarks on Perriana (VA G, 37)

The article deals with a small fragment of the *Life of Aesop*. A gardener puts a question to philosopher Xanthos, why do cultivated plants grow worse than uncultivated ones? Xanthos has no answer. Aesop has the answer (the nature is the mother for uncultivated plants and the step-mother for cultivated plants). Prior to answering the question Aesop makes several remarks towards the gardener. The article is devoted to these remarks. The author puts forward two hypotheses: (a) the Greek expression *ὦδε σύ, κακόπαθε* which Daly translates at length as "Is this any way to talk, you miserable wretch» means, in fact, "come here, the wretch", and (b) word *κηπουρός* Aesop reiterates in his speech is facetiously etymologized as *καὶ ἄπορος*, i.e. as a person who is in a quandary.

Key words: Aesop, Life of Aesop, Perriana, fable, master and slave, gardener, play of words.

DOI:10.30842/ielcp230690152221

И. Э. Васильева, М. Л. Кисилиер

«ГРЕЧЕСКИЙ МИФ» У ГРЕКОВ ПРИАЗОВЬЯ*

Культура Нового времени создает свои мифы. Эти мифы всегда тесно связаны современностью и под властью ее динамично меняются. Широкое распространение и многообразные интерпретации получает в культуре Нового времени «греческий миф». В данный статье рассматривается один из вариантов общего «греческого мифа», выступающий как средство самоинтерпретации и интерпретации культурной и национальной идентичности греков Приазовья. Анализируются различные версии этого мифа в разных культурных парадигмах – литературной и народно-фольклорной. Демонстрируется путь формирования национальной греческой идентичности, которая постепенно движется от условно воображаемого эллинства к фиксированию этнической самобытности, все более фокусируясь на языковой идентичности. Материалом для нашего анализа послужили произведения Н. Ф. Щербины, а также фольклорные и авторские поэтические тексты из Приазовья, написанные или записанные в XIX–XX вв.

Ключевые слова: национальная идентичность, греки Приазовья, мариупольские греки, фольклор греков Приазовья, греческая диалектная литература, литература греков Приазовья, Николай Федорович Щербина, Феоктист Авраамович Хартахай, Демьян Бгадица, Леонтий Хонагбей, Георгий Костоправ, Советская литература греков Приазовья.

Культура живет мифами. Производство мифов, их культивирование, трансформации, разоблачения составляют существенную часть культурно-исторического процесса – как национального, так и общемирового. Эта приверженность к мифотворчеству – как бы не менялась сама сущность того, что обозначается словом ‘миф’, – является, по-видимому, одной из существеннейших черт человеческого сознания (Голосовкер 1987). Безусловно, мифы Нового и Новейшего времени представляют собой качественно иное явление, чем мифология архаической эпохи или мироотношение и мировосприятие Античности и Средних веков (Лосев 2001). Миф древности универсален, и это его главное качество: это и повествование о мире, и способ познания мира, и способ существования в нем (Хюбнер 1996). К нему не применим вопрос о достоверности,

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00570 «Топика постриторической эпохи: теория и практика».

поскольку не предполагается какой-либо внешней позиции по отношению к мифу (Фрейденберг 1998). В постриторическую эпоху статус мифа принципиально меняется. Миф мыслится как картина мира с относительной, а не абсолютной модальностью. Мифологические сюжеты древности приобретают тот же статус литературности, что и сюжеты, рожденные в собственно литературном поле. Сохраняя память о своем древнем происхождении, эти сюжеты вливаются в общее пространство новой культурной реальности и становятся в ней знаками разнообразного моделируемого конкретной авторской интенцией, контекстом и языком смысла. Сюжеты и мотивы древней мифологии выполняют функцию интерпретирующего знака современности. Они становятся слагаемыми нового мифа – мифа вероятностного, то есть возможной / желаемой / идеальной / утопической / наивной и т. д. картины мира. Эта картина не имеет статуса абсолютной реальности. Она образует объект принципиального внешнего видения. Именно поэтому такой новый миф может стать и предметом оценки (в том числе, и с позиции достоверности), и средством конструирования версии события, актуального для личной / национальной / государственной, но непременно современной истории. Подвластность прошлого настоящему в культуре Нового времени станет темой философской, а затем и научной рефлексии сравнительно недавно. Пожалуй, одна из первых резонансных работ, где эта тема доминирует, – знаменитое эссе Ф. Ницше «О пользе и вреде истории для жизни» (1874). Однако в художественной культуре, и прежде всего в литературе, реинтерпретация древних мифов и новое мифотворчество используются как практика концептуализации нового, открываемого новой эпохой мировидения и мироотношения гораздо раньше. Одним из ярких примеров такого нового мифа является миф о Древней Греции как идеальном культурном прошлом. Рожденный в эпоху Ренессанса и с теми или иными модификациями культивируемый до нашего времени, этот миф не порождается древнегреческой мифологией, но использует ее сюжеты для построения собственного содержания. Его влияние на культуру Нового времени огромно и достаточно всесторонне изучено. Нас же будет интересовать, как этот миф о Греции связывался с представлением о национальной идентичности, причем как с внутренней позиции – с позиции представителей греческой диаспоры, так и с внешней позиции – в оценке культуры метрополии.

Новая волна интереса к Греции, интереса уже не только как к символу идеального культурного прошлого, но и к Греции в ее актуальном состоянии связана с влиянием романтической эпохи. Очевидно, что в этом новом варианте греческой темы соединяется и общий характерный для романтизма интерес к народному и национальному, и идея освобождения от османского ига колыбели европейской культуры, и личность лорда Байрона. Можно сказать, что возникает своего рода запрос на аутентичного современного носителя древней традиции. И ответом на такой запрос стал поэт Николай Федорович Щербина, «таганрогский эллин», как назовет его столетие спустя Е. Евтушенко («Жизнь его не слишком ощедрила…»). Конечно, Щербина далеко не первый этнический грек в русской культуре. Однако важно, что он позиционировал себя не просто как поэта, но именно как греческого поэта и так воспринимался культурным сообществом. Е. А. Штакеншнейдер, неоднократно встречавшаяся со Щербиной на литературных салонах, запишет в дневнике: «Щербина полумалоросс и полугрек. Грек-то, он, кажется, не из Греции, но какой-то здешний, но эта причастность к Элладе его несказанно утешает и составляет гордость его; и он в стихах все тоскует по ней, по своей Элладе, которой никогда не видел. <…> Эта греческая часть Щербины вместе с поэтической, – впрочем, они нераздельны, – и есть лучшая» (Штакеншнейдер 1934: 109–110). Примечательна в этой записи не только сама по себе характеристика Щербины, но и использование синонимов – «Греция» и «Эллада». В данном случае они выполняют не просто функцию стилистического варьирования, но и дифференцируют различные понятия. «Греция» является знаком реальной Греции, и – шире, не столько в данной записи Штакеншнейдер, сколько в биографии самого Щербины – знаком греческого мира, к которому он имеет лишь опосредованное отношение, через этническую (и то неполную!) принадлежность. Родился Щербина на юге России (зе́мли Войска Донского) в 1821 г., только в 1829 г. переехал с родителями в Таганрог, где, действительно, в те годы была большая греческая диаспора. Однако неизвестно, знал ли он современный ему греческий или местный греческий диалект. Вполне вероятно, что не знал, и не стремился выучить. По крайней мере, в автобиографии, опубликованной Г. П. Данилевским (1891), и в других биографических свидетельствах (Юнге 1914) таких сведений нет. С 1839 г. его жизнь связана с Харьковым, Одессой, Москвой и Петербургом. Вся его поэзия

русскоязычна. В то же время еще в детстве, как принято считать – под влиянием матери[1], он пристрастился к изучению древнегреческого языка (!), чтению древнегреческой литературы и стал сочинять антологические стихотворения. И вот это увлечение греческим – не реальным, окружающим его, а воображаемым, конструируемым на основе древнегреческого языка, литературы, представлений о древней культуре и их рецепции в культуре современной – и образует для Щербины во многом его собственный, индивидуальный «греческий миф», именуемый в его поэзии предпочтительно как «Эллада» (см., например, одноименное стихотворение). Этот «греческий миф» воплотился прежде всего в сборнике «Греческие стихотворения» (Щербина 1850), который и принес Щербине литературную известность.

Примечательно, что то же различение Греции и Эллады прослеживается и в посвященном Щербине очерке Ю. Айхенвальда (1908: 42–43): «Щербина не видел *Греции*, но она так явственно жила у него во внутреннем мире, и он *так отчетливо представлял ее себе*, что едва ли не лучшее свое стихотворение посвятил он вымышленной поездке своей в *Элладу* (курсив наш – *И. В.*, *М. К.*), победоносно возместил недававшуюся действительность яркой фантазией».

Итак, «греческий миф» Щербины, с которым он внутренне идентифицирует и свое поэтическое *я*, и *я* национальное – миф о современном эллине, духовной родиной которого является древняя Эллада. Эллада – это мир красоты и свободы, которыми не устает восхищаться поэт. Красота природы, красота женская, красота телесная, красота рукотворная – вот основные мотивы мифа об Элладе. Эллада выступает как топос идеального мира. И в этом плане мало чем отличается от общей традиции антологической поэзии. Но для Щербины, что отметили уже и первые критики (см., например, Дружинин 1865),

[1] Мать Щербины была этническая гречанка, связанная родством с пелопонесскими греками (Савченко 1990: 427). Но, по-видимому, семья матери довольно давно покинула родину. В автобиографии Щербина пишет, что родился в степном донском поместье матери, недалеко от Таганрога (Данилевский 1891), то есть по материнской линии он принадлежал к приазовским грекам, но насколько тесно эта семья сохраняла связь с национальной культурой, неясно. Нельзя исключить, что возникшая под влиянием матери еще в детские годы страстная привязанность и любовь ко всему «греческому»,– еще один миф, созданный самим Щербиной.

характерен выход за границы чисто антологической тематики. Как сам писал он в послесловии к сборнику «Греческих стихотворений», б*о*льшая половина текстов в сборнике «*не антологические, но собственно греческие стихотворения* (курсив автора цитаты – *И. В.*, *М. К.*), навеянные автору, некоторым образом, знакомством его с эллинской жизнью, наукой и искусством и внушенные ему симпатией ко всему греческому. То, что не явилось, или, может быть, не дошло до нас в греческой лирике и чуждо антологии, но <…> *мысли и чувства, которые может внушить греческий мир человеку нашего времени,* (курсив наш – *И. В.*, *М. К.*) и впечатления, которые остаются более или менее в душе каждого, занимающегося этим предметом» (Щербина 1850: 97–98). Иными словами, Щербина, оставаясь в рамках вполне традиционной мотивики, стремится расширить границы традиционного топоса, вводя в него современное мироощущение. Более того, напряжение конструкции «общего места» еще более усиливается, поскольку Щербина, хотя и апеллирует к типичным для своего современника мыслям и чувствам (см. выделенный нами текст в приведенной выше цитате), но, как минимум, предлагает для них достаточно индивидуальное выражение. Индивидуальное своеобразие могло бы быть воплощено и вместе с тем и мотивировано использованием национального языка или национальной либо нехарактерной для общей поэтической традиции мотивики. Однако, как уже отмечалось, эти качества поэтическому миру Щербины не свойственны. Принципиальное значение в его индивидуации «греческого мифа» играет не язык (лингвистический или «поэтический»), а национальная природа субъекта поэтического сознания и восторг перед красотой условного эллинистического мира[2], переживаемый им в высшей степени в силу все той же национальной природы. Если принять эти условия, то достоверность предлагаемого

[2] См., например, стихотворение «Письмо» (1847):

…
Будто в море я весь погружен
В созерцанье безбрежной природы
И в какой-то магический сон,
Полный жизни, ума и свободы.
Здесь от речи отвыкли уста:–
Только слухом живу я да зреньем…
Красота, красота, красота! –
Я одно лишь твержу с умиленьем (курсив наш – *И. В.*, *М. К.*).

мифа не вызовет сомнений. Так поступает, например, Ю. Айхенвальд (1908: 43): «Эллада – родина прекрасного, и оттуда разлилось оно по земле. И Щербина жадно ищет его и напояет им свою душу; в этом он находит утоление своей тоски по родине, так как прекрасное, это и есть греческое. Как должен быть счастлив и горд человек, который знает, что вся красота в мире создана его матерью! Это – высший аристократизм, и так как на всем покоится красота, всюду сверкают ея брызги, точно роса на цветах, то поэт, пространственно разлученный с Грецией, психологически живет в ней и только в ней. Он везде дома, ибо где красота, там – Эллада». В той же логике, несмотря на общую иную оценку поэтического творчества Щербины, мыслит и Н. К. Михайловский (1957: 47): «Но как ни хороша сама по себе античная ясность и цельность, в русском юноше сороковых годов она представляет собою аномалию, которая только тем и объясняется, что Щербина с ранних лет жил в греческом обществе, чуждом русским, да и европейским тревогам и болезням». Если же предлагаемая установка не принимается, то данный поэтический мир легко может стать объектом осмеяния. Хорошо известны пародии Козьмы Пруткова на стихотворения Щербины. В этих пародиях именно глубоко эмоционально (а не отрешенно умозрительно!) переживаемый восторг перед красотой условного эллинистического мира, ключевой для данного «греческого мифа», станет центральным предметом насмешки:

Я недавно приехал в Коринф.
Вот ступени, а вот коллонада.
Я люблю здешних мраморных нимф
И истмийского шум водопада.
Целый день я на солнце сижу.
Трусь елеем вокруг поясницы.
Между камней паросских слежу
За извивом слепой медяницы.
Померанцы растут предо мной,
И на них в упоеньи гляжу я.
Дорог мне вожделенный покой.
«Красота! красота!» – все твержу я.
А на землю лишь спуститься ночь,
Мы с рабыней совсем обомлеем…
Всех рабов высылаю я прочь
И опять натираюсь елеем.

(Козьма Прутков, «Письмо из Коринфа»,
Древнее греческое, посв. г. Щербине, 1854)

Характерно, что и для самого Щербины создаваемый и культивируемый им «греческий миф» – своего рода форма инобытия. Другая сторона его литературной деятельности никак не связана ни с утверждением национальной мифологизированной идентичности, ни с интенцией упоительного восторга перед красотой. Наравне с «Греческими стихотворениями» известность среди современников приносят ему эпиграммы и острые сатиры. В уже цитированном дневнике Е. А. Штакеншнейдер не раз звучит тема, что в Щербине живет два совсем разных человека (напр., Штакеншнейдер 1934: 109–110, 198–199). Таким образом, внутренняя и внешняя идентификация не вступают друг с другом в противоречие: обе они в качестве своего объекта предполагают не единство с реальным этносом (греки Приазовья), но условно-обобщенную принадлежность к воображаемому этносу – «таганрогским эллинам». Тем не менее, эта воображаемая национальная идентичность Щербины воспринимается как необходимое условие для существования и признания его «греческого мифа».

Менее чем через десять лет после Щербины, в Санкт-Петербург приехал учиться Феоктист Авраамович Хартахай (1836–1880), грек из Приазовья, успевший уже немного поучиться в Харькове и в Киеве. Неизвестно, были ли Щербина и Хартахай знакомы лично, но, несомненно, их взгляды во многом совпадали. Впрочем, Хартахай, в отличие от Щербины, не поддерживал внешних проявлений национальной и культурной идентичности[3], а был сторонником практической просветительской деятельности, чему способствовало и влияние Т. Г. Шевченко, в кружок которого он входил в Петербурге[4]. Хартахай не только впервые описал историю греков в Крыму и их переселение в Приазовье (см., например, Хартахай 2004: 169–175, 206–265), но и основал на свои средства первые мужскую и женскую гимназии в Мариуполе. Очевидно, что «греческая идентичность» не была для Хартахая напрямую связана с Грецией будь то современной или древней, хотя в его архиве и была обнаружена историческая песня про борьбу с турками

[3] Об этом, в частности, можно судить из его статьи «О внешнем проявлении патриотизма» (Хартахай 2004: 180–185).

[4] Впервые, известность Ф. А. Хартахаю принесла его речь на похоронах Т. Г. Шевченко, произнесенная по-украински; издана в (Хартахай 2004: 176–179).

на Крите, имеющая очевидные древнегреческие аллюзии[5]:

Педъья ту Ираклеос,	Дети Геракла,
дърамете ме спатъья,	бегите с мечами,
Вазете махери	Разите кинжалами
ке кало тын фотья!	и хорошим огнем!
Ормисате еннео,	Устремитесь отважно,
элат оли мази,	идите все вместе,
Дъоксате тон эллинон	Прославьте эллинов
то еннос!	племя!

Скорее всего, эту песню Ф. А. Хартахай сочинил не сам, а записал, поскольку очевидным образом проявлял интерес к диалекту приазовских греков и их культуре. Так, в 1859 г. еще до поездки в Петербург он составил первый словарь диалекта приазовских греков «Язык умирающего греческого наречия» и приобрел в приазовском селе Сартана рукописный сборник греческих песен. Среди этих песен неожиданно оказалось «Песня о войне русских с французами»:[6]

	Эвулитъисан и гали	Вознамерились французы,
	Тон русон эхри мегали	Русских враги великие,
	На фанисуны пандос.	Уничтожить вовсе
	То ваисилен Русиас.	Царство российское.
5	*К' охима ортъодоксиас*	И чтобы оплот православия
	На эклепсун панделос	Разграбить окончательно,
	Эсиналтъисан ме плитъос	Вторглись толпою
	Тон галон то пан мегитъос.	Великое множество французов.
	Оморфа ке эклекта	Красивые и изысканные
10	*Италита ке францези,*	Итальянцы и французы,
	Саксонес ке оландези,	Саксонцы и голландцы,
	Лехи оли сидъирон,	Поляки все в железных доспехах,
	Германи ки прусиани,	Германцы и пруссаки,
	Архонде ке мегистани,	Правители и властители
15	*Трехусин ке киладъон,*	Спешат и поют,
	Ме миханикес фотыяс	И с механическим огнем
	Ке магификус андъриус	Невероятные мужи,
	Канонерус тъавмасиус.	Дивные канониры.
	Тонун та опла дъината.	Стреляют громко ружья.

[5] Текст публикуется впервые по незаконченной и неизданной диссертации Э. Хаджинова (1979) в отредактированном виде. Здесь и далее примеры из (Хаджинов 1979) приводятся в кириллической орфографии, разработанной для приазовских греков А. А. Белецким. Основные особенности этой орфографии: *г* = /γ/, *гк* = /g/, *дъ* = /ð/, а *тъ* = /θ/.

[6] «*Трагодъон пери полемо тон русон ме тон французон*». В отредактированном виде цитируется по Хаджинов 1979. Публикуется впервые.

20	*Тъимоменос осан леон*	Разъяренный словно лев
	Автократор Наполеон	Император Наполеон
	Трехи омброс ме то спатъи,	Скачет впереди с саблей,
	Лей я на фтъири тын русын,	Кричит, чтобы погубить русских,
	Монос? тус одъиги, перны	Сам их ведет, наступает,
25	*Хорис ке хория просхори.*	Сам по себе идет вперед.
	Ме тын русьан и тын Моска	С русскими и Москвой
	Ке тъавту катастрефаты	И сам себя губит,
	Кластас? ортъодъоксон	Окруженный? православными,
	Аметъиас ме пола	От пьянства с многими
	склира.	трудностями
30	*Гали инэ афрон,*	Французы легкомысленны,
	Итали инэ парафрон.	Итальянцы безрассудны.
	О тъеос гор? ме? тъимон.	Бог ??? в гневе.
	О какофрон магитъиа?	Неразумный околдовал?
	Полес мате? ме тын виан	Многих напрасно? Силой
35	*Ме ти гонон? тон эхтърон.*	С ??? врагов.
	Ке о роси тус плигонун	И русские наносят им раны
	Ке то галус тъанатонун	И французов убивают
	Осан апистус мьяру?.	Как гнусных? неверных.
	Тоте Кутузов китази,	Тогда Кутузов смотрит
40	*Тъимоменос, ке простази:*	Приходит в гнев и приказывает,
	«Вал та опла дъината!	«Стреляйте-ка погромче,
	Руси-му андъриомени,	Русские мои храбрец,
	Ис тон козмон ксакозмени	Во всем мире прославленные,
	На ктипате фовера.	Бейте (их) безжалостно.
45	*Оли руси на вретъите*	Все русские приходите,
	Ст-армата-сас на	Под ружье
	статъите	становитесь
	Ме андърион ке толмин.	Мужественно и дерзновенно,
	Дъя на дъёмен? Тиранус	Чтобы нам изгнать? тиранов,
	Галус тун иперифанус	Французов высокомерных,
50	*Тыс патридъос тус*	Отечества нашего
	эхтърус».	врагов».
	Тоте руси ме тын виан	Тогда русские с силой
	Ксиматысин асплахниан,	Научились жестокости,
	Катаковун тус эхтърус.	Перебили врагов.
	Ати мингиар плисьязи,	Они, лишь (враг) приближается,
55	*Ке пристасте? ке простази*	И ???, и отдает приказ (к атаке),
	На ктыпусин толмира.	Отважно наносят удар.
	Ола тос ки дъёризи,	Он весь и останавливается,
	Та органа писо ризи	Орудия поворачивает вспять,
	На пьясун тус эхтърус.	(А русские) хватают врагов.
60	*О эхтърос инэ ксинмесин,*	Враг окружен,
	Ис эхерья-сас тъа песин	В руки ваши сдастся
	Ме тын дъинами на тъен?.	С силой ???.

	Эсклавомени гали плитъос,	Пленных французов много
	Скотомени ке французи	И убитые французы
65	*Ис та херья тон русон.*	(Попадают) в руки русских.
	Клеун, фигун ки търинитес,	Плачут, бегут, рыдают,
	Пина эхун ке липундес	Голодают, словно лисицы,
	Ис эхерья казакон.	(Попадают) в руки казаков.
	Эпьи дъен порун на фигун	Тех, кто не в силах убегать,
70	*Ис та фидъья*	Змеям (бросают),
	на фагун	чтобы те съели,
	И паромья? зун тус лагус.	Или подобно зайцам живут.
	Та стратевмата-тус ханун	Войска их погибают,
	Ки тус стратигус ксеханун.	И генералов теряют.
	А Наполеон липус,	А Наполеон – лис,
75	*Гали пепониромени,*	(Но) французов обхитрили,
	Тын Русиан склавомены	На Россию (напав,) пленены
	Ис та херья тон русон.	Руками русских.
	Экупалин? ки ус орте	Вновь? и ???
	Тьа ксесклавотъите	Вы освободитесь
80	*Ме тын дъинами тъеу.*	С помощью Бога,
	Опу воитъи тус русус	Который помогает русским –
	Тус пистус ке ортъодъоксос	Верующим и православным,
	Опу проскинун автон	Которые поклоняются ему
	Ке то менон? руфотато?	И ??? светлейшему?
85	*Александрон-автократор*	Александру, Императору
	Ке олон тон христианон.	Всех христиан.

О происхождении этой песни трудно судить. Скорее всего, она все-таки была написана не на диалекте приазовских греков. Хотя ее сюжет никак не связан с греческим миром, она вполне греческая и построена по модели исторической песни, ср. с песней о падении Константинополя, записанной Э. Хаджиновым (1979) в Приазовье[7]:

	Бре, вани харазь	Вот, занимается заря.
	Ена, ох, енатули,	Ох, на востоке
	Вани на ксемиреви.	Наступает рассвет.
	Бре, тинисть армадъа,	Вот, двинулась армада,
	эркиты,	идет,
5	*Т армадъа катевини.*	Армада приближается.
	Бре, сирнун та топья	Вот, падают ядра,
	сан вруши,	как дождь,
	Моливья сан халаци.	Пули как град.
	Бре, пиран	Вот, захватили
	тынь Поль,	Константинополь,

[7] Текст публикуется впервые.

Пиран тынь корь, Схватили дочь,
Пиран тынь никутирь, Схватили хозяйку,
Вастун тун ки паенун. Держат ее и уходят.

Песня о падении Константинополя, очевидно, была привезена в Приазовье еще из Крыма, где связи с греческим миром ощущались намного теснее и куда регулярно попадали различные традиционные греческие песни, как, например, акритские песни (Kisilier 2011: 46–47), песня про мост Арты (Кір'яков 1994: 11–13) или «Баллада о мертвом брате» (Ashla 1999: 42–43), позже популярные и в Приазовье[8]. Тем не менее, для жителей Приазовья они уже не символизировали связь с исторической родиной, в качестве которой приазовские греки ощущали и ощущают не Грецию или древнюю Элладу, а татарский Крым. По-видимому, и для Ф. А. Хартахая основная ценность собираемого им фольклора была заключена не в сюжете песен или в мифологических / национальных чертах, присутствующих в тексте, а в первую очередь в том, что эти песни существуют на греческом, то есть именно язык стал ощущаться как основная составляющая «греческого мифа» и принадлежности к нему.

Подобное отношение к греческой традиции можно наблюдать и у первых национальных поэтов греческого Приазовья рубежа XIX–XX вв. Демьян Бгадица (1850–1906) еще пробовал ввести традиционные греческие мотивы, переложив на местный диалект знаменитую критскую драму XVI–XVII вв. «Жертвоприношение Авраама» (Кір'яков 1994: 68–75), позже разошедшуюся по приазовским селам в виде песен (ср. Karpozilos 1994). Однако основной темой поэтического творчества оказались жалобные песни, построенные по русской модели. Например, тот же Демьян Бгадица писал стихи о несчастной судьбе и бедности другого поэта Леонтия Хонагбея (1853–1918), который не только сам исполнял эти песни, но и дописывал новые в том же ключе. При этом мотив несчастной судьбы и бедности часто оказывается топосом, нисколько не отражающим реальное положение дел. Взяв за основу русскую традицию, первые национальные приазовские поэты активно используют рифму, редко встречавшуюся в фольклоре, привезенном из Крыма. Примером такой «новой» поэзии может служить стихотворение

[8] Э. Хаджинов (1979) смог их записать еще в 1970-е гг.

поэтессы Фросы Зурнаджи (род. в к. XIX в.), написанное в 1916 г.[9]:

	Τα διντρα ντα εν χλιυρα	Деревья, когда зелены,
	Υçεβνι κι παενι.	Растут и толстеют.
	Αν κοπς τ'ενα το διντρο	Если срежешь одно дерево,
	Τα φιλα-τ μαρεννι.	Его листья вянут.
	Τινα εν καλα çν ντυνια	Тому хорошо в мире,
5	Ταιφα-τ εν συριμενυ.	Чья семья вместе.
	Γραφι ιτυν ας τυ φτιαλ-μ	Судьба была на мою голову
	Σçιρα να πιμενυ.	Вдовой остаться.

В рамках настоящей статьи нет возможности провести анализ метрики приазовских греческих поэтических текстов конца XIX – начала XX вв., однако с большой долей уверенности можно предположить, что метрически эти тексты полностью укладываются в русскую традицию.

В Советские годы в Приазовье на первый взгляд наметилась принципиально иная тенденция. После 1924 г. появились иммигранты из Греции и Турции, имевшие хорошее греческое образование: например, мариупольский педагог И. Левкопулос и главный редактор греческого детского журнала «Пионер» Ф. Самархидис (Baranova 2017: 103–104). Естественно, они не владели местным диалектом и способствовали развитию языка, ориентированного на димотику. Например, в следующем двустишии Алекоса Рионисa, датируемом 1933 г., нет ни одной диалектной черты, и на его принадлежность Приазовью указывают лишь орфографические особенности (цит. по Φωτιάδης 1990: 78):

Ορμάτε μπρος! Σαν τι φοτιά,	Устремляйтесь вперед! Как пламя,
Για να φλογίστε κάθε βλέμα	Чтобы зажечь каждый взгляд

Впрочем, приазовские греки неоднозначно относились к распространению димотики. В этом плане показателен отрывок из Протокола № 2 заседания родительского собрания 2-ой Большеянисольской трудшколы им. Н. К. Крупской от 5 марта 1929 г.[10]: «<…> литературный эллинский язык <…> является

[9] Опубликовано в Костан 1932; другой вариант стихотворения представлен в Кір'яков 1994: 79–80. Стихотворение публикуется в орфографии, использовавшейся приазовскими греками после революции 1917 г. до 1938 г. К важнейшим особенностям данной орфографии можно отнести отсутствие η, ω и диграфов, υ = /u/, çç = /ʃ/.

[10] ГАДО, ф. Р-2, оп. 1, д. 100, лл. 44–46, цит. по Baranova 2017: 106.

совершенно чуждым и непонятным для родителей и всего населения <…> упразднить совсем эллинский язык и вести занятия на русском и украинском языке».

Поэтому более перспективной оказалась линия, предложенная лучшим советским греческим поэтом Приазовья Георгием Костоправом, который последовал примеру Бгадицы, Хонагбея и Зурнаджи и стал создавать новую литературу приазовских греков по модели русской метрополии. Для этого он организовал массовые переводы русской классики на диалект. Показательно, что издание А. С. Пушкина на диалекте приазовских греков (Πύçκιν 1937) стало первым переводом Пушкина на национальные языки СССР. Скорее всего, Костоправ осознавал, что развивает идеи первых приазовских поэтов. Недаром его лучшая поэма посвящена истории поэта Леонтия Хонагбея. При этом, что характерно, она написана под сильнейшим влиянием «Анны Снегиной» С. Есенина.

Литературная деятельность Костоправа и его сподвижников и последователей способствовала развитию языковой идентичности, не связанной с самой Грецией. Вероятно, отсюда возникла идея большей древности диалекта по отношению к более престижному новогреческому языку[11] и местных традиций, а соответственно – и своего права на греческое культурное наследие. Это свое греческое культурное наследие может не иметь никаких внешних греческих атрибутов[12], появиться сравнительно недавно, однако благодаря своей связи с местным диалектом и единогласному признанию со стороны местного сообщества превратиться в важнейший маркер национальной идентичности, своего рода «греческий миф». Примером такого маркера-мифа может служить песня «Мама, моя голова болит», существующая во множестве вариантов[13]:

[11] Ср. высказывания местных жителей: «…это новый язык, новогреческий, а наш старый язык, старогреческий…» (Баранова, Викторова 2009: 103).

[12] Например, у приазовских греков нет ни малейшего сомнения в том, что чебуреки – это греческое национальное блюдо (ср. Новик 2009: 68).

[13] Из диалектного архива Греческого института СПбГУ. Текст публикуется впервые. Записала Д. В. Агафонова у М. Г. Поповой (1920 г. р., Малоянисоль) в с. Малоянисоль в 2002 г.; варианты песни: (Кір'яков 1994: 32; записан в 1968 г. в с. Малоянисоль; Агафонова 2004: 55–57).

	mána tu ʧfálu=m puní	Мама, моя голова болит
	úlu ki karðíja=m	И все мое сердце.
	mer as méra pónu=m artév^{j}	День изо дня моя боль растет,
	artév^{j} ki ʧ iks^{j}ilév^{j}.	Растет и не слабеет.
5	*éna vraðí su mso t níxta*	Одним вечером посреди ночи
	in^{j}íxtin bórta=mas	Открылась наша дверь,
	γo θársa en mána=m doxmúʃ.	Я увидел – это мать моя родная.
	to ítun t áʤel^{j}i=m.	Это была смерть моя.
	áʤel^{j}i=m áʤel^{j}i=m.	Смерть моя, смерть моя
10	*inglenípsi kaná sat xadár*	Подожди какое-то время,
	as érkit doxmúʃ mána=m	Пусть придет мать моя родная,
	s tin dranú	Пусть я ее увижу
	ki ster as pers t^{j}in ^{p}ʃi=m.	А после заберешь мою душу.
	pásun uranú ta s^{j}ínifa	На небе облака
15	*bugún^{j}a bugún^{j}a buléfkni*	Постепенно разделяются,
	at na buléfkni	Так разделится
	tu kó=m karðía=m	Мое сердце.

Примечательно, что и у Щербины, в поэтическом мире которого народная культура приазовских греков не находит отражения, есть один текст, составляющий исключение из данного правила. Это стихотворение «Земля». В нем, пусть и не вполне очевидно, соединяются мотивы страдания, матери и смерти, характерные для процитированной выше народной песни.

Ты помнишь ли случай, родная?
Когда я малюткой была,
В саду, меж цветами летая,
Меня укусила пчела.
<…>
Пора наступила иная,
И боль загорелася вновь…
Боюсь я признаться, родная,
Что жалит мне сердце любовь!

Но тем же и этой порою
Ты можешь меня исцелить:
Могильной холодной землею
Навеки мне сердце покрыть!

Через общность ключевых мотивов за литературностью сквозит иное, национально-фольклорное начало. И этот пример вновь напоминает нам о другом, неязыковом полюсе «греческого мифа», который, вбирая в себя всевозможные влияния, трансформируясь под властью актуального настоящего, тем не

менее, хранит, пусть и полуосознанно, резонансные отголоски своей многовековой культурной памяти, вызывая потребность национальной идентификации.

Литература

Agafonova, D. V. 2004: *Sovremennoe sostoyanie pesennoj tradicii grekov Priazov'ya*. Diploma thesis. Saint Petersburg University, Department of Byzantine and Modern Greek Studies. Saint Petersburg.
Агафонова, Д. В. 2004: *Современное состояние песенной традиции греков Приазовья*. Дипломная работа. СПбГУ, Отделение новогреческой филологии. СПб.

Ajhenvald, Yu. 1908: *Siluety russkih pisatelej* [*Silhouettes of Russian writers*]. Vol. II. Moscow: Izdanie "nauchnogo slova".
Айхенвальд, Ю. 1908: *Силуэты русских писателей*. Вып. II. М.: Издание «научного слова».

Ashla, A. 1999: *Ta Marioupolitika. Tragoudia, paramythia kai horoi ton Ellinon tis Azofikis* [*Mariupolitic. Songs, fairytales and dances of Azov Greeks*]. Athens-Ioannina: Dodoni publications.
Ashla, A. 1999: *Τα Μαριουπολίτικα. Τραγούδια, παραμύθια και χοροί των Ελλήνων της Αζοφικής*. Αθήνα-Γιάννινα: Ἐκδόσεις «Δωδώνη».

Baranova, V. 2017: Local language planners in the context of early Soviet language policy: the case of Mariupol Greeks. *Revue des études slaves* 88. 1–2, 97–112.

Baranova V. V., Viktorova K. V. 2009: [Rumeika in Azov region: a sociolinguistic sketch] (Ch. 4). In: Kisilier, M. L. (ed.). *Lingvisticheskaya i etnokul'turnaya situatsiia v grecheskih selah Priazov'ya. Po materialam ekspeditsii 2001–2004 godov* [*Language and ethnocultural situation in Greek villages of Azov region. Data from the expeditions of 2001–2004*]. Saint Petersburg: Aleteia, 97–112. (= Kisilier, M. L. (ed.). Iazyk i kul'tura mariupol'skikh grekov [Language and Culture of Mariupolis Greeks] Vol. 1).
Баранова, В. В., Викторова, К. В. 2009: Румейский язык в Приазовье. Социолингвистический очерк (Гл. 4). В кн.: Кисилиер, М. Л. (ред.). *Лингвистическая и этнокультурная ситуация в греческих селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов*. СПб.: Алетейя, 97–112. (= Кисилиер, М. Л. (ред.). Язык и культура мариупольских греков. Т. 1).

Costan, C. 1932: *Z literaturi mariupol's'kikh grekiv* [On the literature of Mariupol Greeks]. Kharkiv: Rukh.
Костан, К. 1932: *З літератури маріупольських греків*. Харків: Рух.

Danilevskij, G. P. 1891: [From literary Memoirs. N. F. Shcherbina (His letters and unpublished poems)]. *Istoricheskii vestnik* XLIII (January).
Данилевский, Г. П. 1891: Из литературных воспоминаний. Н. Ф. Щербина. (Его письма и неизданные стихотворения). *Исторический вестник* XLIII (Январь).

Druzhinin, A. V. 1865: ["Greek poems" by N. Shcherbina. Odessa. 1850]. In: Druzhinin, A. V. *Sobranie sochinenii* [*Complete works*]. Vol. VII. Saint Petersburg: Typography of the Emperial Academy of Sciences, 7–30.
Дружинин, А. В. 1865: «Греческие стихотворения» Н. Щербины. Одесса. 1850. В кн.: Дружинин, А. В. *Собрание сочинений*. Т. VII. СПб.: Типография императорской академии наук, 7–30.

Freidenberg, O. M. 1998: *Mif i literatura drevnosti* [*Myth and literature of antiquity*]. 2nd ed. Moscow: Vostochnaya literatura, Russian Academy of Sciences.
Фрейденберг, О. М. 1998: *Миф и литература древности*. 2 изд. М.: Восточная литература РАН.

Golosovker, Y. E. 1987: *Logika mifa* [*Logics of the myth*]. Moscow: Nauka.
Голосовкер, Я. Э. 1987: *Логика мифа*. М.: Наука.

Hadzinov, E. 1979: *Pesennyi folkor rumeev Donbassa (opyt monograficheskogo issledovania i teksty)* [*Folk songs of Donbass rumejs (attempt of monographic study and texts)*]. Mariupol. Manuscript.
Хаджинов, Э. 1979: *Песенный фольклор румеев Донбасса (опыт монографического исследования и тексты)*. Мариуполь. На правах рукописи.

Hartahai, Th. A. 2004: *Sobranie sochinenii* [*Complete works*]. Donetsk: Yugo-Vostok.
Хартахай, Ф. А. 2004: *Собрание сочинений*. Донецк: Юго-Восток.

Hübner, K. 1996: *Istina mifa* [*The truth of the myth*]. Moscow: Republik.
Хюбнер, К. 1996: *Истина мифа*. М.: Республика.

Junge, E. F. 1914: *Vospominania (1843–1863)* [*Memoirs (1843–1863)*]. Moscow: Sphynx.
Юнге, Э. Ф. 1914: *Воспоминания (1843–1863)*. М.: Сфинкс.

Karpozilos, A. 1994: The Cretan drama of The Sacrifice of Abraham in the dialect of the Mariupol Greeks. *Byzantine and Modern Greek Studies* 18, 155–186.

Kirjakov, L. N. (ed.) 1994: *Kozmuku Pigad. Tragojda, puja pratun anamesa as rumejs ki urums as tu Priazovja* [*Folk Spring. Songs that exist among Rumejs and Urums in Azov region*]. Donetsk: "Donbas".
Кір'яков, Л. Н. (ред.) 1994: *Козмуку Пигадъ. Трагойдъа, пуя пратун анамеса ас румейс ки урумс ас ту Приазовья*. Донецк: «Донбас».

Kisilier, M. 2011: [Some common features in folk poetic traditions of Azov Greeks and of Cretan Greeks]. In: Kapsomenos E. G. (ed.). *Proceedings of the 10th International Congress of Cretan Studies (Chania, 1–8 October 2006)*. Vol. 4. Modern Greek period (Cretan dialect – Toponyms – Folk tradition – Travellers and foreign writers about Crete). Hania: Philological society "Chrysostomos", 43–51.
Kisilier, M. 2011: Μερικά κοινά στοιχεία στη λαϊκή ποιητηκή παράδοση των Ελλήνων της Αζοφικής και της Κρήτης. Στο: Καψωμένος, Ε. Γ. (επιμ.). *Πεπραγμένα Ι΄ Διεθνούς Κρητολογικού Συνεδρίου (Χανιά, 1–8 Οκτωβρίου 2006)*. Τ. Γ΄ (4). Νεοελληνική

περίοδος (Κρητική διάλεκτος – Τοπωνυμία – Λαϊκή παράδοση – Περιηγητές και ξένοι συγγραφείς για την Κρήτη). Χανιά: Φιλολογικός σύλλογος «Ο Χρυσόστομος», 43–51.

Losev, A. F. 2001: *Dialektika mifa* [*Dialectics of the myth*]. Moscow: Myisl (Filosofskoe nasledie [Philosophic heritage]).
Лосев, А. Ф. 2001: *Диалектика мифа*. М.: Мысль. (Философское наследие).

Mikhailovskii, N. K. 1957: [From literary and magazine notes of заметок 1874]. In: Mikhailovskii, N. K. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Papers on literary criticism]. Moscow: Goslitizdat, 45–58.
Михайловский, Н. К. 1957: Из литературных и журнальных заметок 1874 года. В кн.: Михайловский, Н. К. *Литературно-критические статьи*. М.: Гослитиздат, 45–58.

Novik, A. A. 2009: [Traditional culture of Mariupolitan Greeks] (Ch. 2). In: Kisilier, M. L. (ed.). *Lingvisticheskaya i etnokul'turnaya situatsiia v grecheskih selah Priazov'ya. Po materialam ekspeditsii 2001–2004 godov* [*Language and ethno-cultural situation in Greek villages of Azov region. Data from the expeditions of 2001–2004*]. Saint Petersburg: Aleteia, 65–78. (= Kisilier, M. L. (ed.). Iazyk i kul'tura mariupol'skikh grekov [Language and Culture of Mariupolis Greeks] Vol. 1).
Новик, А. А. 2009: Традиционная культура мариупольских греков (Гл. 2). В кн.: Кисилиер, М. Л. (ред.). *Лингвистическая и этнокультурная ситуация в греческих селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов*. СПб.: Алетейя, 65–78. (=Кисилиер, М. Л. (ред.). Язык и культура мариупольских греков. Т. 1).

Photiadis, K. 1990: *O Ellinismos tis Krimaias. Marioupoli, dikaioma sti mnimi* [*Hellenism in the Crimea. Mariupol, right to remember*]. Thessaloniki: Irodotos.
Φωτιάδης, Κ. 1990: *Ο Ελληνισμός της Κριμαίας. Μαριούπολη, δικαίωμα στη μνήμη*. Θεσσαλονίκη: Ηρόδοτος.

Pushkin, A. S. 1937: *Silogi ergon* [*Selected works*]. Greek publishers of Donbass.
Πύσκιν, Α. Σ. 1937: *Σιλογί έργον*. Μαριύπολι: Ελινικό εκδοτικό τυ Δονμπάς.

Savchenko, T. V. 1990: [Shcherbina]. In: Nikolaev, P. A. (ed.). *Russkie pisateli. Bibliograficheskii slovar* [*Russian writers. Bibliographic dictionary*]. Vol. 2. Moscow: Prosveshcheniye, 427–430.
Савченко, Т. В. 1990: Щербина. В кн.: Николаев, П. А. (ред.). *Русские писатели. Биобиблиографический словарь*. Т. 2. М.: Просвещение, 427–430.

Shcherbina, N. F. 1850: *Grecheskie stihotvorenia* [*Greek poems*]. Odessa: Typography L. Nitche.
Щербина, Н. Ф. 1850: *Греческие стихотворения*. Одесса: Типография Л. Нитче.

Stackenschneider, E. A. 1934: *Dnevnik i zapiski (1854–1886)* [*Diary and notes (1854–1886)*]. Moscow-Leningrad: Academia.
Штакеншнейдер, Е. А. 1934: *Дневник и записки (1854–1886)*. М.-Л.: Академия.

I. E. Vasileva, M. L. Kisilier. «Greek myth» of Azov Greeks

Culture of the modern era creates new mythology which is highly dependent on the current reality. A very important part of this mythology is a "Greek myth". Pretty often Greek identity is connected with Greece, its heroic and mythological past, national costume and some other superficial attributes. Actually, these attributes helped Nikolay Shcherbina, a poet from Taganrog, to become popular in Saint Petersburg in mid-19th century. However his contemporary from Mariupol Theoktist Hartahai who also spent several years in Saint Petersburg and was close to Taras Shevchenko preferred to support the idea of cultural and linguistic identity. For him it was more important to investigate the "nearest Crimean" history of Azov history than to try to connect them with far away Greece. As he collected Greek folk songs in Azov villages, he did not pay much attention to the subject and followed only linguistic criterion, i. e. the song should in some variety of Greek and could describe events even from the Russian history. Several decades later, first original Azov Greek poets (Demian Bgaditsa, Leonty Honagbey, etc.) consciously or unconsciously followed the ideas of Hartahai and adopted some features and patterns of the Russian literature to their own Greek literature. After the October revolution of 1917 it seemed that Azov Greek literature would use Demotic Greek instead of local dialect. However Demotic Greek was not supported by the majority of population who could not understand it. The best local poet of that period Georgy Kostoprav decided to follow the pattern of the first Azov Greek poets. His most popular poem "Leonty Honagbey" can be regarded as his literary manifest. On the one hand, he described the destiny of his literary "ancestor" whose ideas he definitely shared, on the other hand, this poem was deeply influenced by the contemporary Russian literature. Kostoprav and his supporters translated a lot of Russian classics into Azov Greek so that could have multiple model texts to refer to. These activities supported the development of national identity that could exist either without Greece or its heroic past. It seems that new Greek identity was based on (a) linguistic abilities and (b) local heritage that is generally acknowledged by the local community as a model Greek one while no connections with Greece are even looked for.

Keywords: identity, Azov Greeks, folklore of Azov Greeks, Greek literature in dialects, Azov Greek literature, Nikolay Shcherbina, Theoktist Hartahai, Demian Bgaditsa, Leonty Honagbey, Georgi Kostoprav, Soviet Azov Greek literature.

DOI:10.30842/ielcp230690152222

Я. В. Васильков

О КЛЮЧЕВОМ ТЕРМИНЕ АРМЯНСКОГО ЭПОСА «САСУНСКИЕ БЕЗУМЦЫ» В СВЯЗИ С ИНДО-АРМЯНСКИМИ ЭПИЧЕСКИМИ ПАРАЛЛЕЛЯМИ

В статье предпринята попытка прояснить семантику ключевого термина армянского эпоса «*Sasna cṙer*» – субстантивированного эпитета *cuṙ*, обычно переводимого на русский как «безумец», «удалец», «ярый», «шальной» и т. п. Проведенное автором сопоставление «*Sasna cṙer*» и индийской «Махабхараты» показало, что многие мотивы армянского, как и индийского, эпоса отражают реальность архаического института молодежных воинских братств. Контексты, в которых сказителями армянского эпоса использовался эпитет *cuṙ*, указывают на то, что он мог обозначать воина, впадающего в состояние неистовой ярости, препятствующее ему сознавать окружающее. Такое понимание подкрепляется сравнительными данными о воинских союзах в других индоевропейских традициях.

Ключевые слова: армянский эпос, «Давид Сасунский», «Махабхарата», субстантивированный эпитет, этнографический субстрат, мужские союзы, воинские братства, социовозрастные группы, «волчья ярость».

Армянский эпос о героях из Сасуна более известен в России как «Давид Сасунский» – по названию, которое было дано в свое время сводному тексту эпоса и его русскому переводу (DS 1939). Подлинное название этого цикла эпических сказаний – «*Sasna cṙer*» переводится на русский как «Сасунские удальцы», «Сасунские безумцы», на английский – как «Daredevils of Sassoun». Уточнить семантическое наполнение термина *cuṙ* (мн. ч. *cṙer*) позволяет, как мне кажется, сопоставление армянского эпоса и индийской «Махабхараты» (Мбх), прежде всего, в области того, что можно назвать, вслед за Б. Н. Путиловым, этнографическим субстратом эпической поэзии.

Заняться поиском параллелей между армянским и древнеиндийским эпосом побудило знакомство с работами Армена Петросяна (Petrosyan 2002; Petrosyan 2011; Petrosyan 2015 и др.), в которых уже была выявлена общность некоторых мотивов и образов в двух традициях (например, Rāma и Aram, Saraṇyū и Saṙan), обусловленная, по-видимому, протоиндоевропейским наследием. Ознакомившись с текстами эпоса «Сасна црер» (к сожалению, только в переводах), я обнаружил, в

дополнение к этому, еще несколько зна́чимых моментов сходства.

Параллели начинаются с типологических характеристик двух эпосов. В обоих случаях перед нами классическая форма героического эпоса, сохраняющая, однако, существенные элементы архаики. За эпическим действием в них просматривается мифологический фон. В Мбх он дан эксплицитно (герои – воплощения богов, их противники – асуров), но и в армянском эпосе за фигурами героев просматриваются образы богов, а у их врагов – черты вишапов или драконов.

Есть одно поразительное схождение в эпической мифологии. В одном из вариантов сказания о последнем в роду сасунских богатырей, Мгере младшем, рядом с героем, скрывшимся от мира в подземной пещере, вращается «колесо судьбы», определяющее участь всех существ (Abeghyan 2012: 41). Сходным образом в Мбх (I. 3.147–153, 166–169)[1] персонаж, спустившийся в подземную пещеру, видит там вращающееся колесо Времени – гигантское пряслице или колесную прялку, на которой две пряхи прядут нити человеческих судеб (Васильков 2010a). Это – уникальный образ, засвидетельствованный только в Армении и в Индии.

Историческое содержание как индийского, так и армянского эпоса многослойно. В «Сасна црер», как и в Мбх, можно выделить (разумеется, не текстуально, но методом исторической типологии) древнейший слой, относящийся к самому раннему «героическому веку», когда формировались начала эпоса. В Мбх этот слой составляется отражениями родо-племенного общества мобильных скотоводов, практикующего дуально-циклический церемониальный обмен внутри племени и характеризующегося непрерывными войнами между племенами за стада скота.

В последние годы в ряде исследований возродилась старая идея о значительной роли в генезисе Мбх отражений института молодежных воинских братств, члены которых именовались *братьями* (*vrātya* от *vrata* ‘стая’; см.: Held 1935; Witzel 2005: 40–41; Васильков 2009; Васильков 2010: passim; Pontillo 2016; Vassilkov 2016). Эпическим отражением братства юных воинов является, по-видимому, пятерка главных героев Мбх – братьев

[1] Все ссылки на Мбх даны по Критическому изданию: The Mahābhārata, critically edited by V. S. Sukthankar and others. Vols. 1–19. Poona: Bhandarkar Oriental Research Institite, 1933–1966.

Пандавов. После смерти их отца, царя Панду, братья растут при дворе дяди, царя Дхритараштры, и постоянно конфликтуют с его сыновьями, царевичами Кауравами. Чтобы отделаться от них, Дхритараштра позволяет им основать собственное царство и город в удаленной лесной области. Когда Кауравы посредством колдовства и обмана при игре в кости лишают их царства, Пандавы, в сопровождении своей общей супруги – Драупади[2], скитаются по лесам, совершая всевозможные подвиги, в том числе возвращая похищенных у хозяев коров. Другая группа эпических персонажей, в которой тоже можно видеть воинское братство, это окружение друга Пандавов, героя Кришны – молодежь из племени ядавов. В эпосе описаны их буйные ритуальные пиршества, с присутствием девушек и употреблением вина.

В наиболее древнем слое армянского эпоса мы находим отражение сходных мифоритуальных моделей и сходной по структуре социальной организации, что собственно и понимал Б. Н. Путилов под «этнографическим субстратом» эпической поэзии. Первое, что привлекает внимание индолога при знакомстве с армянским эпосом, – это юность сасунских героев. Богатыри всех четырех поколений – основатели Сасуна, братья Санасар и Багдасар, сын Санасара Мгер Старший, сын Мгера Давид, сын Давида Мгер Младший совершают почти все свои подвиги в период детства и юности. В детстве каждый из них не может еще контролировать свою богатырскую силу, в играх калечит, а то и убивает сверстников, совершает порой дикие поступки. Одного и того же маленького героя (Санасара вместе с Багдасаром, Давида) могут изгнать за буйство сначала из одного города, а потом и из другого. Ситуации порой очень схожи с тем, о чем повествуют индийские сказания: например, чтобы избавить свой город от юных Санасара с Багдасаром царь Теваторос разрешает им выбрать место для поселения в лесной и горной части своих владений, где они и основывают Сасун, – точно так же как Пандавы, удаленные Дхритараштрой из Хастинапуры, строят в глуши свой город – Индрапрастху. В мировом фольклоре повторяющийся мотив буйства юного героя, не способного еще контролировать свою силу, является

[2] Полигамия братьев Пандавов объяснима через практику вратьев, которых сопровождала в странствиях девушка, *puṃścalī*. В ведийской мифологии вратьевская дружина (gaṇa ‘стая’) представлена ганой Марутов, сыновей Рудры (бога вратьев), на колеснице которых стоит их общая подруга, богиня Родаси.

одной из мотивировок его изгнания – важнейшего элемента завязки как эпоса, так и волшебной сказки (Пропп 1969: 69). Но существует много и иных мотивировок изгнания; если же эпос навязчиво использует, иногда и повторно, тему изгнания за буйство в каждой героической «биографии», как это делает «Сасна црер», остается только предположить, что бытование данного мотива поддерживалось длительным существованием у армян института юношеских социовозрастных объединений, о чем свидетельствует и этнография (см., напр.: Варданян 1981; Карпов 1996, и др.). Именно этот институт давал возможность переадресовать нужным образом юношескую агрессивность и вывести ее носителей за пределы селения, на периферию общинной территории.

В подтверждение именно такого понимания этнографического субстрата армянского эпоса можно привести еще целый ряд фактов. Биография каждого из главных героев «Сасна црер» фактически сводится к детству и юности, завершаясь женитьбой и рождением сына, после чего герою остается только умереть или выйти на свой последний бой. Женитьба переводит героя из юношеского статуса в следующий возрастной класс, затем эпос как бы утрачивает к нему интерес и вскоре сообщает о его гибели. Соратники героя, «сасунские безумцы» – это подростки, юноши, обычно обозначаемые термином *lač* ‘сынок’ (при обращении), ‘мальчик’. В диалектах *lač* демонстрирует, однако, оттенки значения, вполне отвечающие образу участника буйной подростковой дружины, например, в диалекте Себастии *lač* означает ‘(порочного, испорченного) мальчишку’, а в других производное наречие *lač-anak* имеет значение ‘отважно, мужественно’[3]. Именно в обществе «40 неженатых юнцов» (*azap lač*) и «40 незамужних девиц» (*azap ałǰik*) герой (Давид, Мгер Младший) пирует, пьет гранатовое вино (DS 1939: 239, 340). В прозаическом переложении эпоса Н. Зарьяном сказано, к тому же, что эти «юнцы» – «однолетки», ровесники Давида (Зарьян 1973: 149), что идеально соответствовало бы ситуации юношеских воинских братств, участники которых одновременно проходили обряд инициации.

[3] Грач Мартиросян (личное сообщение). Все используемые в дальнейшем армянские языковые данные предоставлены мне Г. Мартиросяном и П. А. Кочаровым, который по моей просьбе выяснил, какие именно термины употребляются в конкретных местах армянского текста «Сасна црер». Пользуюсь случаем выразить им обоим самую глубокую признательность.

К сожалению, нам не удалось выяснить, каким вариантом сказания мог в данном случае пользоваться Н. Зарьян. В сводном тексте эпоса эта ценная деталь отсутствует.

Ограниченный объем сообщения не позволяет привести здесь другие факты в поддержку предлагаемой интерпретации армянского эпоса. Подробная аргументация с многочисленными отсылками к текстам сказаний о героях Сасуна будет приведена в большой статье о сходстве этнографического субстрата армянской и индийской эпических традиций, которая сейчас готовится к печати. Здесь мы рассмотрим только, как в свете предложенной гипотезы выглядит ключевой термин для героя – *cuṙ*, фигурирующий в самом названии эпоса: *Sasna cṙer*.

Прямое значение слова *cuṙ* – ‘кривой, косой, гнутый, искаженный’[4]. В армянском эпосе это часто субстантивированный эпитет героя, переводимый как «безумец», «удалец», «сумасброд», «шальной», «сорвиголова» и т. п. Дж. Клэксон (Clackson 1994: 133) замечает, что в индоевропейских языках слова, выражающие идею «кривизны» имеют тенденцию использоваться для обозначения «моральных или религиозных отклонений», откуда, например, англ. *crook* (добавим сюда и русское *криводушный*). Армянское *cuṙ* очевидно стало обозначать несколько иное отклонение, а именно – некоторое состояние психики, измененное или искаженное по отношению к «норме».

Ряд контекстов, в которых употребляется слово *cuṙ* в «Сасна црер», позволяют определить, какое именно состояние психики имеется в виду. Когда народные певцы (гусаны), посланные принцессой Хандут к Давиду, чтобы воспеть перед ним ее красоту, приходят в Сасун, на них нападают уличные мальчишки, пытаясь отнять у них сазы (музыкальные инструменты). Вечный дядюшка всех поколений сасунских героев, Кери Торос кричит на мальчишек из окна: «Сасунские безумцы (*cṙer*), в уме ли вы?» (DS 1939: 302–303; ANE 2004: 215). В варианте сказания (ANE 2004: 216–217) один из певцов жалобно повторяет: за что же избили меня «сасунцы-шальные» (*sasna cṙer*)? Когда Давид, чтобы угостить своих товарищей-пастухов, уносит от церкви огромный котел с кашей из полбы, приготовленной для общей трапезы после службы, священник

[4] Этимологически *cuṙ* возводят к **ĝur-so-* (ср. греч. γῡρός ‘круглый, искривленный’, м. б., санскр. *gola* ‘шар’) или к **ĝōrso-* (Clackson 1994: 132–133), но обе этимологии остаются проблематичными.

уговаривает прихожан, готовых погнаться за похитителем: «Не ходите, сасунский он сумасброд (*cuṙ*), он вас побьет!» (DS 1939: 209). Санасар, увидев, что халиф и его воины пытаются убить его брата, вне себя от ярости, «как безумный» (наречие *cṙanak*, производное от *cuṙ*), бросается на врагов (DS 1939: 59).

Отсюда видно, что *cuṙ* обозначает, скорее всего, человека, способного впадать в состояние неистовой ярости, боевого бешенства, в котором он перестает сознавать окружающее. Уже в некоторых детских поступках героев может сказываться именно это состояние, а некоторые описания их взрослых деяний свидетельствуют о нем со всей очевидностью. Санасар, умыкающий царевну Дехцун, сражается с преследователями, брат Багдасар спешит ему на выручку, они продвигаются, рубя врагов, навстречу друг другу, а когда сходятся, залитые кровью, не узнают друг друга и начинают биться между собой. Вряд ли случайно в этом контексте к Багдасару трижды применен эпитет *cuṙ* (*cuṙ Baghdasar*, в переводе: «ярый Багдасар»: DS 1939: 102). В другом эпизоде Давид и Кери Торос сражаются с войском Мсра-Мелика до того, что «глаза их кровью налились / Одну лишь кровь видят, / Не могут распознать друг друга» – и начинают биться уже между собой (ANE 2004: 214). Здесь упоминания о залитых кровью лицах и налитых кровью глазах появляются, скорее всего, в результате переосмысления уже забытого исходного представления о боевом безумии. Следует при этом иметь в виду, что, например, в индийской традиции «медно-красные», налитые кровью глаза воина считаются признаком его неистовой ярости (см.: Мбх I.68.21; III.12.8, 77.17, 146.31; VII.1.18, 83.34 и др.).

Уточнить значение эпитета *cuṙ* помогает сравнительный материал из близких индоевропейских традиций. В индийском эпосе постоянными эпитетами героя (*vīra* или *śūra*) служат *yuddhadurmada*, *samaradurmada* и *raṇotkaṭa* – синонимы, все означающие «обуянный боевым безумием» (в английских переводах: ‘war-crazed’ или ‘maddened with war’). Так характеризуются *ганы* – духи из свиты Рудры-Шивы (Мбх X. 7.28), мифологическая параллель вратьям, предводитель которых мыслился воплощением Рудры. Среди героев из молодежного воинского союза, возглавляемого Кришной, некоторые во время своего буйного празднества представлены не только пьяными, но и обуянными «боевым безумием» (*samaradurmada*: Мбх I. 211.9). Можно предположить, что они некоторым образом, возможно – посредством воинственных танцев,

приводили себя в состояние исступленной ярости. Культивацией этого состояния соблазнительно объяснить и трагический финал последнего буйного празднества воинов Кришны, когда они в ярости истребляют друг друга, что в дошедшей до нас форме сюжета переосмыслено как следствие брахманского проклятия (Мбх XVI).

В непосредственно соприкасавшейся с армянской культурой традиции Ирана агрессивные сообщества молодых воинов, «двуногих волков», известны с самой глубокой древности. (Wikander 1938). Они осуждались и демонизировались зороастризмом, и, тем не менее, в претворенном виде просуществовали до Нового времени. В них культивировалось умение воина впадать в состояние «опьяненного яростью (ав. *aēšma*, перс. *xašm*)» (Wikander 1938: 57–60; Daryaee 2018: 41, 46). В другой близкой индоевропейской традиции, древнегреческой, засвидетельствовано гомеровским эпосом представление о *lyssa* ‘волчьей ярости’; воин, способный сражаться в этом состоянии, считался непобедимым. Сходные представления известны и более далеким индоевропейским традициям, это – неистовая ярость *(wut*) древнегерманских берсерков или боевое бешенство (*ferg*) ирландского эпического героя Кухулина (Lincoln 1975).

Эти сравнительные данные придают, как мне кажется, значительную степень вероятности нашему предположению о том, что эпитет *curṙ* в армянском эпосе изначально указывал на способность героя приходить в состояние неистовой ярости, вытеснявшей страх смерти, умножавшей силы и практически обеспечивавшей победу в схватке.

Литература

Abeghyan, M. 2012: *Armenian Folk Beliefs*. Translated from Armenian by R. Bedrosyan. (URL https://archive.org/details/ArmenianFolkBeliefs).

ANE 2004 – *Armyanskiy narodnyy ehpos «Sasunskije udal'tsy». Izbrannyje varianty*. [*Armenian Folk Epic* «*Daring Ones from Sassoun*». *Selected Variants*]. Yerevan: «Van Aryan».
Армянский народный эпос «*Сасунские удальцы*». *Избранные варианты*. Ереван: «Ван Арьян», 2004.

Clackson, J. 1994: *The Linguistic Relationship between Armenian and Greek*. Oxford UK; Cambridge USA: Blackwell.

Daryaee, T. 2018: The Iranian Männerbund Revisited. *Iran and the Caucausus* 22, 38–49.

DS 1939 – *David Sasunskij. Armyanskij narodnyj ehpos* [*David of Sassoun. Armenian Folk Epic*]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.

Давид Сасунский. Армянский народный эпос. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939.

Held, G. J. 1935: *The Mahābhārata: An Ethnological Study*. London; Amsterdam.

Karpov, Yu. Yu. 1996: *Dzhigit i volk: Muzhskiye soyuzy v sotsiokul'turnoj traditsii gortsev Kavkaza* [*A Djigit and the Wolf: Men's Societies in the Socio-cultural Tradition of Caucausus mountaineers*]. St.Petersburg:MAE RAS.

Карпов, Ю. Ю. 1996: *Джигит и волк: мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа*. СПб: МАЭ РАН.

Lincoln, B. 1975: Homeric *lyssa* "Wolfish Rage". *Indogermanische Forschungen*, Bd. 80, 98–105.

Petrosyan, A. 2002: *The Indo-European and Ancient Near Eastern Sources of the Armenian Epic*. Washington (= JNES Monograph № 42).

Petrosyan, A. 2011: Armenian Traditional Black Youths: the Earliest Sources. *The Journal of Indo- European Studies* 39 (3–4), 342–354.

Petrosyan A. 2015: *Problems of Armenian Prehisory: Myth. Language. History*. Yerevan: «Gitutyun».

Pontillo, T. 2016: Droṇa and Bhīṣma as Borderline Cases in Brahmanical Systematization: a Vrātya Problem in the Mahābhārata. In: *On the Growth and Composition of the Sanskrit Epics and Purāṇas: Relationship to Kāvya. Social and Economic Context. Proceedings of the Fifth Dubrovnik International Conference on the Sanskrit Epics and Purāṇas (August 2008)*. Ed. By Ivan Andriyanić and Sven Sellmer. Gen. ed. Mislav Ježić. Zagreb, 205–246.

Propp, V. Ya. 1969: *Morfologiya skazki* [*Morphology of the Folktale*], 2nd edition. Moscow.

Пропп, В. Я. 1969: *Морфология сказки*. Издание 2-е. М.: «Наука».

Vardanyan L. M.1981: [Traditions of Male Age Groups among Armenians (end of XIX – early XX centuries)]. In: *Hay azgagrut'yun ew banahyusut'yun* [*Armenian Ethnography and Folklore*], № 12, 85–142.

Варданян, Л. М. 1981: Традиции мужских возрастных групп у армян (конец XIX – начало XX в.). *Hay azgagrut'yun ew banahyusut'yun*, № 12, 85–142.

Vasil'kov, Ya. V. 2009: [Entre chien et loup: looking for traces of the institute of warrior brotherhoods in Indian traditions]. *Asiatskij bestiarij. Obrazy zhivotnykh v traditsiyakh Yuzhnoj, Yugo-Zapadnoj I Tsentral'noj Azii* [*Asiatic Bestiary. Animal Images in traditions of South, South-Western and Central Asia*]. Saint-Petersburg: MAE RAS, 47–62.

Васильков, Я. В. 2009: Между собакой и волком: по следам института воинских братств в индийских традициях. В сб.: *Азиатский бестиарий. Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии*. СПб: МАЭ РАН, 2009. С. 47–62.

Vasil'kov, Ya. V. 2010: *Mif, ritual i istoriya v* «*Makhabharate*» [*Myth, Ritual and History in the* «*Mahābhārata*»]. St Petersburg.

Васильков, Я. В. 2010: Миф, Ритуал и история в «Махабхарате». СПб.

Vasil'kov, Ya. V. 2010a: [«The Wheel of Time» in Indian Epic and the «Cave of Destinies» in a work by father Pavel Florensky]. In: *Radlovskij sbornik. Nauchnyje issledovaniya i muzejnyje proekty MAE RAN v 2009 godu* [*Radlov Collection of Papers. Research works and Museum projects in the MAE RAS in the year 2009*], St.Petersburg: MAE RAS.

Васильков, Я. В. 2010а: «Колесо Времени» в индийском эпосе и «пещера судеб» у о. Павла Флоренского. В сб.: *Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г*. СПб: МАЭ РАН.

Vassilkov, Y. 2016. The Mahābhārata and Non-Vedic Aryan Traditions. In: *On the Growth and Composition of the Sanskrit Epics and Purāṇas: Relationship to Kāvya. Social and Economic Context. Proceedings of the Fifth Dubrovnik International Conference on the Sanskrit Epics and Purāṇas (August 2008)*. Ed. By Ivan Andriyanić and Sven Sellmer. Gen. ed. Mislav Ježić. Zagreb, 181–203.

Wikander, S. 1938: *Der Arische Männerbund*. Lund: Gleerupska Univ. Bokhandeln.

Witzel, M. 2005. The Vedas and the Epics: Some Comparative Notes on Persons, Lineages, Geography, and Grammar. In: *Epics, Khilas, and Purāṇas: Continuities and Ruptures. Proceedings of the Third Dubrovnik International Conference on the Sanskrit Epics and Purāṇas (September 2002)*. Ed. by P. Koskikallio. Gen. editor M. Ježić. Zagreb, 21–70.

Zaryan, N. 1973: *David Sasunskij. Povest' po motivam armyanskogo ehposa.* [*David of Sassoun. A Novel based on the Armenian Epic*]. Moscow.

Зарьян, Н. 1973: *Давид Сасунский. Повесть по мотивам армянского эпоса*. Перевод Н. Любимова. М.: «Детская литература».

Y. V. Vassilkov. On the key term of the Armenian epic «The Daredevils of Sassoun» («Sasna cŕer») in connection with Indo-Armenian epic parallels

The paper aims at elucidating the semantics of the key term in the Armenian epic «*Sasna cŕer*» – a substantivized epithet *cuŕ* (Pl. *cŕer*), usually translated into English as *daredevil* («The Daredevils of Sassoun»). Comparative analysis of the «*Sasna cŕer*» and the Mahābhārata has revealed, among other parallels, a significant similarity in both epics of what we call the «ethnographic substratum» of epic poetry. The earliest layer of content in the Armenian, as well as in the Indian epic retains the memory of an archaic, rural, largely pastoral society in which an important role was played by age-set brotherhoods of young warriors.

In the Armenian epic this is indicated by a recurrent motif of wild, violent behavior of practically every hero in his childhood or youth, for which he is usually punished by being forced into exile. The city of Sassoun, as Hāstinapura in the Mahābhārata, was founded in the wilderness by the brothers exiled in this way. An Armenian hero performs all his great deeds as a child or a young man and feasts in the company of unmarried

boys and girls. The army of Sassoun is the army of youths. The epic «biography» of the hero is limited to his childhood and youth; after his marriage, the epic obviously loses its interest in him: he is now ready to die, at home or in his last battle. Having accepted the idea that the early epic worldview in «*Sasna cṙer*» was formed under the influence of the institute of young warrior brotherhoods and its ideology, we can now take a fresh look at the word *cuṙ* and its semantics. Some contexts in which the epic uses this word enable us to conclude that the epithet *cuṙ* could initially refer to a warrior in a psychic state of battle frenzy, of wild, uncontrollable fury. Comparative material from the related Indo-European traditions (Indian, Iranian and Greek) reveals that members of men's societies and militant youth brotherhoods considered the state of «wolfish rage» the highest ability of a warrior that increased his strength and made him absolutely irresistible.

Keywords: Armenian epic, «David of Sassoun», «Mahābhārata», substantivized epithet, ethnographic substratum, male age groups, militant youth brotherhoods, «wolfish rage».

DOI:10.30842/ielcp230690152223

А. В. Верещагина

К ВОПРОСУ О СУФФИКСАЛЬНОМ СПОСОБЕ ОБРАЗОВАНИЯ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ АНТРОПОНИМОВ

В данной статье предпринята попытка затронуть вопрос о способах суффиксального образования древнегреческих антропонимов и об их грамматическом оформлении. Основным материалом исследования послужил словарь древнегреческих имен Папе-Бензелера, охватывающий материалы античного времени. Были выделены 8 основных антропонимических моделей, позволяющих сделать вывод об образовании древнегреческих антропонимов с помощью разных суффиксов, имеющих аналогичное, но не тождественное семантическое значение.

Ключевые слова: словообразование; древнегреческий язык; антропоним; модель.

Исследование антропонимов на базе различных языков является важной и актуальной проблемой на новом этапе развития науки. Однако на материале древнегреческого языка все еще остаются неисследованные вопросы. В данной статье нами предпринята попытка затронуть вопрос о видах и способах суффиксального образования древнегреческих антропонимов, о грамматическом оформлении данных видов антропонимов в древнегреческом языке. Основным материалом исследования послужил словарь древнегреческих имен В. Папе (Pape 1911).

В процессе изучения антропонимов, образованных суффиксальным способом, нам удалось выделить 8 основных групп антропонимов. В некоторых случаях нет возможности отделять суффикс от окончания, но есть смысл рассматривать конечную часть антропонимов в целом, что дает представление о грамматическом оформлении.

1. Первую группу составляют древнегреческие антропонимы первого склонения, образованные от существительных и оканчивающиеся на -ας, например, ’Αρέτας (от ἀρετή ‘доблесть’), Βοτρύας (от βότρυς ‘виноградная кисть’), ’Ιχθύας (от ἰχθύς ‘рыба’), Σκόπας (от σκοπή ‘наблюдение’) или от глагола, например, ’Αλεύας (от ἀλεύω ‘отражать, защищать’), Βρύας (от βρύω ‘пышно расти, бить ключом’), Κλεύας (от κλείω или κλέω ‘славить’).

Можно выделить также антропонимы с огласовкой на ε, то есть оканчивающиеся на -έας (ион. -έης). Следует отметить, что от существительных происходят такие имена, как, например, ’Ανδρέας (от ἀνήρ ‘мужчина’), Αἰνέας (от αἴνη или αἶνος ‘похвала’), Νικέας (от νίκη ‘победа’), Ταυρέας (от ταῦρος ‘бык’), ‘Υβρείας (от ὕβρις ‘гордость’), от прилагательных – Μεγαλέας (от μέγας ‘большой, великий’), Πρωτέας (от πρῶτος ‘первый’), ’Αριστέας (от ἄριστος ‘лучший’), от глаголов – Χαιρέας (от χαίρω ‘радоваться’), Φαινέας (от φαίνω ‘являть’), ’Αρκέας (от ἀρκέω ‘удерживать, отражать’).

Кроме того, у некоторых древнегреческих антропонимов можно отметить огласовку на -ίας (-ίης). Среди них есть те, которые были образованы от теонимов или имен собственных, например, Εἰσίας или ’Ισίας (от Ἴσις ‘Изида’), Γορδίας (от Γόρδιος ‘Гордий’), ’Ισμηνίας (от ’Ισμηνός ‘Исмен, река’ и ’Ισμήνιος ‘исменский’), ’Αναπίας (от Ἄναπος ‘Анап, река’). Однако они также могут быть связаны и с другими существительными, например, ’Αρχίας (от ἀρχή ‘власть’), Βουλίας (от βουλή ‘воля, совет’), Ἱππίας (от ἵππος ‘конь’), Καλλίας (от κάλλος ‘красота’), Κωμίας (от κώμη ‘деревня’), Ξενίας (от ξένος ‘гостеприимец’). Некоторые же из них соотносятся с прилагательными – например, Ἀγαθίας (от ἀγαθός ‘хороший, добрый’), Λαμπρίας (от λαμπρός ‘светлый, блестящий’), Ἰσχυρίας (от ἰσχυρός ‘крепкий, сильный’), Μεγιστίας (от μέγιστος ‘величайший’), Σμικρίας (от σμικρός ‘маленький’), Δεξίας (от δεξιός ‘правый, счастливый’) или с глагольными основами – Στασίας (от ἵστημι ‘ставить’), Θαυμασίας (от θαυμάζω ‘удивляться’), Τελεσίας (от τελέω ‘исполнять, совершать, приготовлять’, Ἀλεξίας (от ἀλέξω ‘отражать, отвращать’, Νικασίας или Νικησίας (от νικάω ‘побеждать’).

Кроме того, у антропонимов на έας окончание иногда сливается в -ᾶς, например, Ἀγαθᾶς из Ἀγαθέας (от ἀγαθός ‘хороший, добрый’), Λεοντᾶς из Λεοντέας (от λέων ‘лев’), Κεφαλᾶς из Κεφαλέας (от κεφαλή ‘голова’), Φιλητᾶς из Φιλητέας (от φιλητός ‘любимый’), Προσδοκᾶς из Προσδοκέας (от προσδοκέω ‘ждать, ожидать’, Ἀλεξᾶς из Ἀλεξέας (от ἀλέξω ‘отражать, защищать’), Ἀμυνᾶς из Ἀμυνέας (от ἀμύνω ‘отражать, защищать’).

2. Вторую группу составляют антропонимы на -ευς третьего склонения, во-первых, те, которые образованы от существительных и прилагательных, например, Αἰνεύς (от αἴνη или αἶνος ‘похвала’), ’Ανδρεύς (от ἀνήρ ‘мужчина’), Θρασεύς (от θράσος или θάρσος ‘смелость, мужество’), Καινεύς (от καινός ‘новый’),

Χρυσεύς (χρυσός ‘золото’), Λεοντεύς (от λέων ‘лев’), Μελανεύς или Μελαινεύς (от μέλας ‘черный’), ’Ανθεύς (от ἄνθος ‘цветок’) и от глаголов – например, Δαμνεύς (от δαμνάω и δάμνημι ‘укрощать’), Ἀκεσεύς (от ἀκέομαι ‘исцелять’), Θησεύς (от τίθημι ‘класть, помещать’).

3. К третьей группе относятся антропонимы третьего склонения на -ις, имеющие родительный падеж на -ιδος или -ιος. Во-первых, это могут быть существительные мужского рода, очень часто имеющие параллельные формы первого склонения на -ιας и второго склонения на -ιος, например, Δάφνις и Δάφνιος (от δάφνη ‘лавр’), Κάλλις и Καλλίας (от κάλλος ‘красота’), Ἄριστις и Ἀριστίας (от ἄριστος ‘лучший’), Θράσις и Θράσιος (от θράσος или θάρσος ‘смелость, мужество’), Ἵππις и Ἱππίας (от ἵππος ‘конь’), Κτῆσις и Κτησίας (от κτάομαι ‘приобретать, владеть’), Σῶσις и Σωσίας (от σῴζω ‘спасать’), Χαῖρις и Χαιρίας (от χαίρω ‘радоваться’).

Во-вторых, к ней относятся антропонимы третьего склонения на -ίς / -ίδος женского рода, которые часто происходят от соответствующих существительных мужского рода, например, Βασιλίς (ср. Βάσιλις и Βασίλειος ‘царский, царь’), Εἰρηνίς (ср. Εἰρήναϊς и Εἰρηναῖος ‘мирный’), Καλλίς (ср. Κάλλις и Καλλίας ‘красота’). В качестве примеров можно также привести Θαλασσίς (от θάλασσα ‘море’), Χαλκίς (от χαλκός ‘медь’), Χρυσίς (от χρυσός ‘золото’), Φιλητίς (от φιλητός ‘любимый’), Χλωρίς и гомеровское Χλῶρις (от χλωρός ‘зеленый’).

4. В четвертую группу входят антропонимы на -ιος второго склонения. Во-первых, среди них можно выделить те, которые образованы от теонимов, например, Καλλιόπιος (от Καλλιόπη ‘Каллиопа’), Κρόνιος (от Κρόνος ‘Кронос’), Ἀρτέμιος (от Ἄρτεμις ‘Артемида’), Ἀπωλλώνιος (от Ἀπόλλων ‘Аполлон’), Ἀφροδίσιος (от Ἀφροδίτη ‘Афродита’). Во-вторых, некоторые из них связаны с топонимами, например, Ἀρκάδιος (от Ἀρκαδία ‘Аркадия’), Ἑλλάδιος (от Ἑλλάς ‘Эллада’), Δαμάσκιος (от Δαμασκός ‘Дамаск’), Ἰώλκιος (от Ἰωλκός ‘Иолк’), Βοιώτιος (от Βοιωτία ‘Беотия’). В-третьих, могут быть связаны с другими нарицательными существительными – например, Ἀγάπιος (от ἀγάπη ‘любовь’), Ἀγγέλιος (от ἄγγελος ‘вестник, ангел’), Ἀμπέλιος (от ἄμπελος ‘виноградная лоза’), Θαλάσσιος (от θάλασσα ‘море’), Ἐπαίνιος (от ἔπαινος ‘похвала, одобрение’), Νόμιος (от νόμος ‘закон’), Ἐλπίδιος (от ἐλπίς ‘надежда’), Χάριος (от χάρις ‘красота, радость’) или прилагательными – Μακάριος (от μάκαρ ‘счастливый’), Σόφιος (от σοφός ‘мудрый’), Ἀλύπιος (от ἄλυπος

‘беспечальный, беззаботный’, Ἀκάκιος (от ἄκακος ‘незлобный, добрый’), Ἡσύχιος (от ἥσυχος ‘спокойный, тихий’), Γλυκέριος (от γλυκερός ‘сладкий, приятный’), Παγκράτιος (от παγκρατής ‘всесильный, всемогущий’).

Отдельно следует рассмотреть те антропонимы, которые оканчиваются на -αιος. Среди них можно отметить те, которые происходят от имен богов и других имен собственных – например, Ἀθήναιος (от Ἀθηνᾶ ‘Афина’), Ἑρμαῖος (от Ἑρμῆς ‘Гермес’), Ἑστιαῖος (от Ἑστία ‘Гестия’), Ἥραιος (от Ἥρη ‘Гера’), а также от других нарицательных существительных – Δαφναῖος (от δάφνη ‘лавр’), Ἱππαῖος (от ἵππος ‘конь’), Ἀρεταῖος (от ἀρετή ‘доблесть, добродетель’), Ἀγαπαῖος (от ἀγάπη ‘любовь’), Πολεμαῖος (от πόλεμος ‘война’), Ξεναῖος (от ξένος ‘хозяин, гостеприимец’). Кроме того, антропонимы могут быть образованы от прилагательных: Ἀρισταῖος (от ἄριστος ‘лучший’), Νεαῖος (от νέος ‘новый, молодой’, Ἰσαῖος (от ἴσος ‘равный, справедливый’), Ὀρθαία (от ὀρθός ‘истинный, верный, правильный’) или глаголов – например, Βλεπαῖος (от βλέπω ‘смотреть’), Νίκαιος (от νικάω ‘побеждать’), Τίμαιος (от τιμάω ‘почитать’), Φίλαιος (от φιλέω ‘любить’).

5. Пятую группу составляют антропонимы женского рода третьего склонения на -ώ / -οῦς. Во-первых, они могут быть образованы от имен богов, например, Ἀθηνώ (от Ἀθηνᾶ ‘Афина’), Ἀρτεμώ (от Ἄρτεμις ‘Артемида’), Ἡρώ (от Ἥρη ‘Гера’), Θεμιστώ (от Θέμις ‘Фемида’). Во-вторых, – от других имен нарицательных, например, Ἀναξώ (от ἄναξ ‘царь’), Ἀρχώ (от ἀρχή ‘власть’), Πλουτώ (от πλοῦτος ‘богатство’)), Πατρώ (от πατήρ ‘отец’), Τιμώ (от τιμή ‘честь, почет’), Νικώ (от νίκη ‘победа’), Φιλώ (от φίλος ‘друг’), Μοιρώ (от μοῖρα ‘судьба’), Νοστώ (от νόστος ‘возвращение’), Καρπώ (от καρπός ‘плод’), Ἱππώ (от ἵππος ‘лошадь, конь’). Причем многие из них имеют параллельные формы мужского рода на -ευς, например, Βασιλώ (от βασιλεύς ‘царь’). В-третьих, подобные антропонимы восходят к прилагательным: Ἁγνώ (от ἁγνός ‘священный, святой’), Ἀριστώ (от ἄριστος ‘лучший’), Καλλιστώ (от κάλλιστος ‘самый красивый’), Φιλητώ (от φιλητός ‘любимый’), Πρωτώ (от πρῶτος ‘первый’), Ἐρατώ (от ἐρατός ‘любимый, приятный’), Δεινώ (от δεινός ‘страшный, необыкновенный, удивительный’), Κλειτώ или Κλυτώ (от κλειτός или κλυτός ‘славный’). В-четвертых, – от глаголов, например, Ἀλεξώ (от ἀλέξω ‘отвращать, защищать’), Ἰασώ (от ἰάομαι ‘исцелять, лечить’), Καλυψώ (от καλύπτω ‘скры-

вать’), Κλωθώ (от κλώθω ‘прясть’), Πρηξώ (от πράττω ‘действовать’), Σωσώ (от σῴζω ‘спасать’), Φαινώ (от φαίνω ‘являть’).

6. В шестую группу входят антропонимы третьего склонения мужского рода, содержащие суффикс -ων, а в родительном падеже, оканчивающиеся на -ωνος или -ονος. Во-первых, они могут совпадать по форме с причастиями, например, Ἀλέξων (от ἀλέξω ‘отвращать, защищать’), Λύσων (от λύω ‘освобождать’), Λάμπων (от λάμπω ‘освещать’), Ἰάσων (от ἰάομαι ‘исцелять, лечить’), Πείθων или Πείσων (от πείθω ‘убеждать’), Χαίρων (от χαίρω ‘радоваться’). Во-вторых, образуются от имен богов, например, Ἀρτέμων (от Ἄρτεμις ‘Артемида’), Ἕρμων (от Ἑρμῆς ‘Гермес’), Βάκχων (от Βάκχος ‘Вакх’), Ζήνων (от Ζεῦς ‘Зевс’), Γόργων (от Γοργώ ‘Горгона’), так и от аппеллятивов – например, Ἀμπέλων (от ἄμπελος ‘виноградная лоза’ и ἀμπελών ‘виноградник’), Δάφνων (от δάφνη ‘лавр’), Κύκλων (от κύκλος ‘круг, окружность’), Ἵππων (от ἵππος ‘конь, лошадь’), Ποτάμων (от ποταμός ‘река’), Στρούθων (от στρουθός ‘воробей’), Ταύρων (от ταῦρος ‘бык’), Στράτων (от στρατός ‘войско’), Πολέμων (от πόλεμος ‘война’. В-третьих, мы можем выделить те, которые происходят от прилагательных, например, Ἀγάθων (от ἀγαθός ‘хороший, добрый’), Ἀγλάων (от ἀγλαός ‘блестящий, прекрасный’), Ἀρίστων (от ἄριστος ‘лучший’), Καλλίστων (от κάλλιστος красивейший), Καρτέρων (от καρτερός ‘сильный, могучий’), Ἱέρων (от ἱερός ‘священный, святой’), Γλαύκων (от γλαυκός ‘сверкающий, светлый, серо-голубой’), Μέγων (от μέγας ‘большой, великий’), Ὄρθων (от ὀρθός ‘прямой, правильный’).

Отдельно можно выделить группу антропонимов на -ίων / ίωνος: во-первых, от теонимов и имен собственных – например, Ἀθηνίων (от Ἀθηνᾶ ‘Афина’), Ἡφαιστίων (от Ἥφαιστος ‘Гефест’), Ἡλίων (от Ἥλιος ‘Гелиос’), Ἡρακλίων (от Ἡρακλῆς ‘Геракл’), Γοργίων (от Γοργώ ‘Горгона’), а также от топонимов – например, Δελφίων (от Δελφοί ‘Дельфы’), Ἀρκαδίων (от Ἀρκαδία ‘Аркадия’), Κορινθίων (от Κόρινθος ‘Коринф’), Πιερίων (от Πιερία ‘Пиерия’). Во-вторых, образованы от аппеллятивов, например, Χρυσίων (от χρυσός ‘золото’), Οὐρανίων (от οὐρανός ‘небо’), Βατραχίων (от βάτραχος ‘лягушка’), Μοσχίων (от μόσχος ‘теленок’), Πορφυρίων (от πορφύρα ‘пурпур’), Ἀμπελίων (от ἄμπελος ‘виноградная лоза’ и ἀμπελών ‘виноградник’), Ἀγγελίων (от ἄγγελος ‘вестник, ангел’), Θαλασίων (от θάλασσα ‘море’). В-третьих, могут происходить от прилагательных – например, Ἀγαθίων (от ἀγαθός ‘хороший, добрый’), Ἁγίων (от ἅγιος ‘священный, святой’), Ἀριστίων (от ἄριστος ‘лучший’), Ἐλευθερίων

(от ἐλεύθερος ‘свободный’), Εὐδαμίων (от εὐδαίμων ‘счастливый’). В-четвертых, – от глагола, например, Ἐχίων (от ἔχω ‘иметь, обладать’), Στασίων (от ἵστημι ‘ставить’), Τερψίων (от τέρπω ‘услаждать’), Χαιρίων (от χαίρω ‘радовать’), Θελξίων (от θέλγω ‘обвораживать, очаровывать’).

7. Седьмая группа антропонимов мужского рода второго склонения образуется от имен существительных и прилагательных, оканчивающихся на -ῖνος, например, Ἀγαθῖνος (от ἀγαθός ‘хороший, добрый’), Ἀριστῖνος (от ἄριστος ‘лучший’), Κρατῖνος (от κράτος ‘сила, власть’), Στρατῖνος (от στρατός ‘войско’), Ἀρχῖνος (от ἀρχή ‘власть’), а также от глаголов – Πραξῖνος (от πράττω ‘делать, производить’), Σωσῖνος (от σῴζω ‘спасать’), Χαρῖνος (от χαίρω ‘радоваться’). Однако можно отметить некоторые антропонимы с данным суффиксом, оформленные как существительные первого склонения мужского рода, например, Ἐλπίνης (от ἐλπίς ‘надежда’), Λεπτίνης (от λεπτός ‘тонкий, остроумный’), Κρητίνης (от Κρής, Κρητός ‘критянин’).

8. В отдельную восьмую группу хотелось бы выделить антропонимы-диминутивы мужского рода с суффиксом -ίσκ- и окончанием -ος, образованных от имен богов и имен собственных: Ἑρμαΐσκος (от Ἑρμῆς ‘Гермес’), Ἡραΐσκος (от Ἥρα ‘Гера’), а также от аппеллятивов, в том числе от названий животных, например, Ταυρίσκος (от ταῦρος ‘бык’), Τραγίσκος (от τράγος ‘козел’), Κυνίσκος (от κύων, κυνός ‘собака’), Ἀρνίσκος (от ἀρνός ‘баран’), Λυκίσκος (от λύκος ‘волк’), Λεοντίσκος (от λέων ‘лев’). Не от обозначения животных образованы Ἀνδρίσκος (от ἀνήρ ‘мужчина’), Πατρίσκος (от πατήρ ‘отец’) и прилагательных – например, Εὐφρονίσκος (от εὔφρων ‘веселый, разумный’), Σωφρωνίσκος (от σώφρων ‘благоразумный, скромный’). Обнаруживаются также антропонимы мужского рода с суффиксом -ύλ и окончанием -ος, а также оканчивающиеся на -υλλος и первого склонения женского рода с суффиксом -υλλα и -ιλλα, например, Ἀρίστυλλος и Ἀρίστυλλα (от ἄριστος ‘лучший’), Ἀρχύλος (от ἀρχή ‘власть’), Κρατύλος (от κράτος ‘власть, могущество’), Φειδύλλα (φειδώ ‘бережливость’), Μέγιλλα (от μέγας ‘большой, великий). Необходимо назвать и антропонимы среднего рода с уменьшительным суффиксом -ι и окончанием -ον, например, Ἀηδόνιον (от ἀηδών, ἀηδόνος ‘соловей’), Ἐλάφιον (от ἔλαφος ‘олень, лань’), Λεόντιον (от λέων, λέοντος ‘лев’), Καλλίστιον (от κάλλιστος ‘красивейший’), Μύρτιον (от μύρτον ‘плод мирта’), Φιλημάτιον (от φίλημα, φιλήματος ‘поцелуй’). В-четвертых,

можно выделить суффикс -ιχ с окончанием -ος, с помощью которых образуются антропонимы второго склонения как от имен собственных, в том числе имен богов и топонимов, например, Ἀθήνιχος (от Ἀθηνᾶ), Ἑρμάϊχος (от Ἑρμῆς ‘Гермес’), Βοσπόριχος (от Βόσπορος ‘Босфор’), Ἰσμήνιχος (от Ἰσμηνός ‘Исмен, река в Беотии’), Ὀλύμπιχος (от Ὄλυμπος ‘Олимп, гора’), так и нарицательных, а также прилагательных, например, Λεόντιχος (от λέων, λέοντος ‘лев’), Μοίριχος (от μοῖρα ‘судьба’), Στράτιχος (от στρατός ‘войско’), Σωτήριχος (от σωτήρ ‘спаситель’), Οἰώνιχος (от οἰωνός ‘птица’), Σωφρόνιχος (от σώφρων, σώφρονος ‘благоразумный, скромный’), Δείνιχος (от δεινός ‘ужасный, необыкновенный’).

Наконец, можно также отметить отдельные примеры антропонимов на -ης / -ητος (Κύνης, Μένης, Σμίκρης, Χάρης), -σος и -ασος, образованные от глаголов (Κέλευσος, Ἔλασος, Πήδασος, Σκέδασος), на -τος, -ετος по типу отглагольных прилагательных (Ἄρατος, Ἄλκετος, Μένετος, Ἄνυτος), -στης, -έστης (Ὀφελέστης, Ἐθνέστης), -ιανός (Βασιλιανός, Ἡρακλειανός, Ἀπολλωνιανός).

Таким образом, нами были выделены основные наиболее продуктивные суффиксальные антропонимические модели древнегреческого языка, что позволяет сделать вывод о достаточно широком и разнообразном распространении суффиксального способа образования антропонимов в древнегреческом языке. Кроме того, было рассмотрено грамматическое оформление соответствующих древнегреческих антропонимов. Следует отметить, что в анализируемом материале были представлены деривационные модели всех трех древнегреческих склонений. Необходимо указать на то, что иногда от одного и того же корня с помощью нескольких различных суффиксов могут быть образованы различные древнегреческие антропонимы, имеющие аналогичное семантическое значение.

Литература

Pape, W. 1911: Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig.

A. V. Vereschagina. On suffixal method of formation of ancient Greek anthroponyms.

The study of anthroponyms in different languages including ancient Greek is currently an important and urgent problem. This article explores types and methods of suffixal formation of ancient Greek anthroponyms along with grammatical expression of these types of anthroponyms in the ancient Greek language. The material of the study comes from the dictionary of ancient Greek names by W. Pape. We distinguish eight

groups of anthroponyms: 1) anthroponyms of the first masculine declension formed from nouns and ending with -ας or – έας (ion. -έης or continuous -ᾶς,) as well as in -ίας (-ίης); 2) masculine anthroponyms in -ευς /-εως of the third declension; 3) masculine anthroponyms of the third declension in -ις / -ιδος or –ιος; 4) masculine anthroponyms in -ιος of the second declension, as well as in –αιος; 5) feminine anthroponyms of the third declension in --ώ /-οῦς; 6) masculine anthroponyms of the third declension containing the suffix -ων / -ωνος or -ονος, as well as in -ίων / ίωνος; 7) masculine anthroponyms of the second declension formed from nouns and adjectives with suffix -ῖν and ending –ος, or of the first declension in -ίν-ης; 8) anthroponyms containing the diminutive suffix (diminutives), which can end with -ίσκος, -ύλος and -υλλος and -υλλα and -ιλλα and -ιον, -ιχος. There are some examples of anthroponyms in -ης, -ητος and -σος and -ασος, -τος, -ετος and -στης, -έστης and -ιανός. Thus, the most productive suffixal models for anthroponyms in ancient Greek are identified, which proves a fairly wide distribution of the suffixal method of anthroponyms formation. It should be noted that the derivation models of all three ancient Greek declensions were present in the analyzed material.

It is necessary to point out that sometimes anthroponyms with similar semantics can be formed from the same root with the help of several different suffixes.

Key words: word formation; ancient Greek; suffix; anthroponym; model.

DOI:10.30842/ielcp230690152224

А. Ю. Виноградов, Д. В. Каштанов, В. В. Понарядов

ГРЕЧЕСКИЙ ТЕКСТ И ГРЕЧЕСКОЕ ПИСЬМО В КАБАРДЕ XVI–XIX ВЕКОВ

В статье вводится в научный оборот и исследуется уникальный памятник позднего христианства и греческой книжности на Кавказе – рукопись Шогенова, обнаруженная в собрании А. С. Фирковича Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Греческий текст рукописи обнаруживает специфические орфографические отклонения, которые могут быть объяснены интерференционным влиянием родного кабардинского языка составителя. Большой интерес представляет также тюркский текст, записанный греческими буквами на одном из листов рукописи.

Ключевые слова: греческая книжность, Кавказ, языковые контакты.

После христианизации Алании в начале X в. греческий стал первым и единственным письменным языком на бесписьменном Центральном Северном Кавказе. Более того, греческий алфавит стал использоваться здесь не позднее XIV в., а, возможно, и ранее, для записи коротких текстов (памятных надписей, календарных помет) на аланском языке (Zgusta 1987; Lubotsky 2015). И даже после разгрома Тамерлана и исчезновения высшей византийской церковной иерархии на Северном Кавказе греческий язык еще долгое время использовался для создания лапидарных надписей (см., например: Латышев 1887: 46–47; Пападопуло-Керамевс 1887: CLXI; Каштанов 2010: 174–175 (Прикубанье, 1435 г.); Амиранашвили 1928, 199–200 (Белореченская, 1468 г.); Латышев 1896: 111–112, № 102; 1915, 37–38 (Тамань, 1590 г.); Миллер 1893: 133–134 (Кантышево, 1591 г.); Латышев 1887, 46–47; Пападопуло-Керамевс 1887: CLXI; Кузнецов 1999 («Дука-Бек», 1623 г.)) и амулетов, без которых местные жители не выходили из дома и не садились верхом (Рейнеггс (рук.), л. 90; Reineggs 1796: 280). Одной из причин этого было сохранение в этом регионе рядового православного священства, что прослеживается в т. ч. в перечисленных надписях.

В 2017 году нам удалось обнаружить любопытный рукописный памятник, связанный с поздней историей христианства на Северном Кавказе.

В собрании А. С. Фирковича Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге хранится очень поздняя греческая рукопись (ф. 946, оп. 1, д. 1093), состоящая из 10 разрозненных листов. Два похожих листа находятся в фонде А. М. Шёгрена Нац. библиотеки Финляндии в Хельсинки (ф. 209, коробка 19, конверт «Бек-Мурзин, Н. Ш.»; благодарим А. И. Алиеву за указание и И. Мирошникова за фотографии) – их академику отправил в июле 1840 года из Пятигорска известный кабардинский просветитель Шора Ногмов (Шёгрен 2010: 373–375). По его словам, рукопись принадлежала *узденю* (дворянину) Исмаилу Шогенову, скончавшемуся в 1830 году, и переходила в его семье от отца к сыну (Ногмов 1861: 45).

По свидетельству Фирковича, в 1849 году некий Шогенов, который проживал в ауле Атажуко Атажукина на Баксане, использовал две имевшиеся у него греческие рукописи для врачевания, «читая их по-своему диким голосом нараспев, присваивая каждой букве особое название и уверяя всех, что это название разных ангелов и духов, призываемых им на помощь» (Фиркович (рук.), лл. 22–23; Фиркович 1857: 393–394). Шогенов продолжал свою деятельность еще в 1867 году, когда его книги безуспешно пытался увидеть Н. А. Нарышкин (Нарышкин 1877: 349).

Как уверял Шогенов Фирковича, рукописи были списаны «его дедом с книги, писанной на коже». Нельзя исключать того, что именно с предком Шогенова в 1732 году встречался генерал-майор Д. Ф. Еропкин, которому «баксанский житель принес книгу величиной в десть, написанную на пергамине, и объявил о ней, что он ее и другой никто в Кабарде читать не умеют, только кладут больным на головы, и от того оные выздоравливают» (Кокиев 1934: 34–36).

Известно, что такого рода обычай среди черкесов существовал уже в XVII в. Причем, если в этом столетии *шогены* (задолго до того этим словом, вероятно, заимствованным из осетинского (ир. *сауджын*, диг. *саугин*, букв. ‘одетый в черное’; Абаев 1979: 45), обозначали христианских священников: Ногмов 1861: 136) еще как-то могли читать по-гречески (Eszer 1972: 244; Tavernier 1679: 378–379 (III.12); впрочем, ср.: Interiano 1502: [6]), то к XVIII веку эти знания были утеряны. В конце столетия «татарские муллы», по свидетельству Якова

Рейнеггса, использовали греческое письмо для записи «тайных молитв» против болезней.

Текст в рукописи записан наклонным поздним минускулом, без лигатур и диакритики, но с сокращением nomina sacra; слова разделены двоеточиями, но не всегда верно. Заголовки выполнены с применением красных чернил, встречаются примитивные инициалы и разделители-плетенки. По формату, почерку и водяным знакам («голова шута»; определение Е. К. Чернухина) очевидно, что оба фрагмента представляют собой части одной рукописи, но только лл. 2–8 РНБ следуют друг за другом без лакун. Состав рукописи следующий.

НБФ, л. [1]: Лк 2, 18–20 (Евангелие на вечерне Рождества; без начала); лл. [1–1 об.]: Мф (в рукописи ошибочно – Ио) 1, 18–20 (Евангелие на утрене Рождества; без конца).

Л. [2–2 об.]: Мф 1, 18–23 (Евангелие на утрене Рождества; без конца; повторно).

РНБ, л. 1: Лк 24, 10–12 (4-е воскресное Евангелие на утрене; без начала); лл. 1–2: Лк 24, 12–17 (5-е воскресное Евангелие на утрене; конец опущен).

Л. 2: Лк 1, 34–36 (Евангелие на литургии Благовещения; опущены начало и конец); лл. 2 об. – 4: Лк 1, 24–38 (Евангелие на литургии Благовещения; на этот раз полностью); л. 4: Мф 8, 25–26 (Евангелие на четверг 2-й недели Великого поста; опущены начало и конец).

Лл. 4 об. – 5: Мф (в рукописи ошибочно – Ио) 26, 6–15 (Евангелие на литургии Великой среды; конец опущен).

Лл. 5 об. – 6 об.: Лк (в рукописи ошибочно – Ио) 9, 28–36 (Евангелие на утрене Преображения).

Лл. 6 об. – 7 об.: Мф 17, 1–9 (Евангелие на литургии Преображения); лл. 7 об. – 8 об.: Мф (в рукописи ошибочно — Ио) 10, 16–22 (Евангелие на среду 3-й недели Великого поста и на службу мучеников).

Л. 8 об.: Мк (только заголовок).

Лл. 9–9 об.: календарь, без начала и конца, на февраль (24 февр.: тропарь свт. Власию Аморийскому: «Божественное прозябение…», без начала), март (25 марта: тропарь Благовещения: «Днесь спасения нашего главизна…»), апрель (тропарь св. Георгию (ηαοσ κερκε): «Яко пленных свободитель…» и май (2 мая: тропарь свт. Афанасию Великому (θουνη): «Столп был еси православия…», без конца).

Лл. 10–10 об.: порядковые номера 28-летнего солнечного цикла «ромейской» пасхалии (определено П. В. Кузенковым).

Л. 10 об.: текст на тюркском языке, записанный греческими буквами.

Таким образом, рукопись Шогенова представляет собой фрагменты сокращенного греческого лекционария (апракоса), который содержал выписанные несколько беспорядочно и с повторами евангельские чтения на утрени и литургии важнейших праздников (Рождества, Благовещения, Преображения), воскресные, общие святым (мученикам) и, возможно, постовые, а также календарь с тропарями избранным праздникам и святым и пасхалией. Отступления от стандартного текста лекционария встречаются как довольно мелкие (например, εγενοντου вместо ἐγένετο в Мф 17, 2), так и значительные: вставки ησ μαρτερεον после λαληθήσεται в Мф 26, 13, αυτου (scil. αὐτόν) после ὀφθέντες в Лк 9, 31) и τα перед τέκνα в Мф 10, 21, а также τεσκιφαλης вместо τὴν κεφαλήν в Мф 26, 8, μεθι:λιτε вместо θέλετέ μοι в Мф 26, 15, παραλαμβανον... αναφερε вместо παραλαμβάνει… καὶ ἀναφέρει в Мф 17, 1, εκ вместо ἀπό в Мф 17, 9, πέστιλα (scil. ἀπέστειλα) вместо ἀποστέλλω; текст Лк 9, 36 испорчен из-за смешения с Мф 17, 5, как и конец тропаря св. Георгию.

Греческие текст содержит многочисленные отступления от нормы, причем в тропарях их больше, чем в евангельских чтениях. Во-первых, мы видим банальные ошибки в записи текста: смешение схожих позднеминускульных букв (особенно υ и ν, β и μ: αντον = αὐτόν, βιαν = μίαν), перестановку букв (που = ὑπό), гаплографию, пропуск букв, слогов и целых слов (κουσαντες:θαυμασαν = ἀκούσαντες ἐθαύμασαν, αλαλη = ἐλαλήθη, αυτος = πρὸς αὐτούς), особенно часто на стыке гласных и в начале слов (κεπελθι = καὶ ἀπῆλθε, устойчивые κεδου = καὶ ἰδού, τουνομα = τὸ ὄνομα) и σ в группе εστ, и, наоборот, вставку лишних букв, в т.ч. η в середине слова (ανουηντες = αἰνοῦντες) и ε в конце слова (ηοσεφε, ανηρε). Часть отклонений связана с тем, что писец воспринимал каждую букву по отдельности, и потому итацизм у него наблюдается даже в дифтонгах (например, πουμενης = ποιμένες). Фиксируемый однократно пропуск ν в ντ (πατον = πάντων) может быть греческим явлением, так же, как и вставное ν в απουκρενθις (= ἀποκριθείς).

Однако основная часть отклонений от нормы имеет регулярный характер и касается вокализма: повсеместно взаимозамещаются звуки [e] и [i], [o] и [u] (например, καρδεα = καρδίᾳ,

λαληθιντον = λαληθέντων; δουξαζοντος = δοξάζοντες; προσ:αυτοσ = πρὸς αὐτούς) – таких примеров во всем тексте сотни (см. ниже)! Впрочем, изредка встречаются и нерегулярные замены гласных (например, δουξαζοντος = δοξάζοντες, πασαν = πᾶσιν), чаще всего посредством α, но на весь текст их менее 30. Можно отметить и такую типично позднегреческую черту, как переход ευ > [ef] (ηοσευ =Ἰωσήφ, εφρεθι = εὑρέθη).

В области консонантизма отклонения намного более редки, что можно объяснить лучшей восприимчивостью к разнице в согласных у носителя кабардинского языка с его богатейшим консонантизмом. Почти все случаи единичны: замена ζ на σ (θαυμασαν = θαυμάζων, ζτενλος = στῦλος), τ на θ (θιν = τήν), β на π (γαπρουηλ = Γαβριήλ). Четырежды встречаются взаимозамещение πτ и π (в словах πτωχοί, ἐξαστράπτων; πῶς), которое можно считать регулярным, и написание ευανκελιον (и даже ευακελιον) наряду с ευαγγελιον, ср. также γεριχθη = κηρυχθῇ, ηαοσ κερκε < ἅγιος Γεώργιος.

Тот факт, что вышеописанные отклонения от оригинального греческого текста по большей части не случайны, а представляет собой некую систему, демонстрирует способ повторного написания двух евангельских перикоп: Мф 1, 18–20 и Лк 1, 34–36. В обоих случаях запись текста буквально не совпадает, но система отклонений от нормы аналогична, что можно видеть из следующего сравнения текста Лк 1, 34–36.

Лекционарий	Л. 2	Л. 4
[34]εἶπεν δὲ Μαριὰμ πρὸς τὸν ἄγγελον· Πῶς ἔσται μοι τοῦτο, ἐπεὶ ἄνδρα οὐ γινώσκω; [35]καὶ ἀποκριθεὶς ὁ ἄγγελος εἶπεν αὐτῇ· Πνεῦμα ἅγιον ἐπελεύσεται ἐπὶ σέ καὶ δύναμις ὑψίστου ἐπισκιάσει σοι· διὸ καὶ τὸ γεννώμενον ἅγιον κληθήσεται υἱὸς Θεοῦ. [36]καὶ ἰδοὺ Ἐλισάβετ ἡ συγγενὶς σου καὶ αὐτὴ συνειληφυῖα υἱὸν ἐν γήρει αὐτῆς…	επενδη:Μαρεαμ: προσ:των:αγγελου: Προσετεμετουτου: επε:ανδρα:ουαγενοσκου: κεποκρεθεσ: οαγγελοσ:επεναυτε: πν(εύμ)α:αγεον: επελιυσετε:επεσε: κεδεναμεσ:εψεστου επισκεασεσε: δεουκετουγινουμεν:ουναγεον: κλεθισετε:ι(ησού)ς:θ(εο)ύ: ελησαβιτ:εσυγγενησου: κεαυτε:σενηληφεαηον: ενγιρε:αυτες	Επενδε:μαριαμ: προστον:αγγελον: πουσετε:μετουτου: επεανδρα*μ*ου:γινοσκου: κεαπουκρεν*θ*ισ: οαγγελοσ:επιναυτε: πν(εύμ)α:αγεον: επιλιυσιτε:επεσε: κιδιναμεσε:ψεστου επεσ:κεασεσε: διοκετουγενου:μενοναγεον: κλεθισετε:ι(ησού)σ:θ(εο)ύ: κεδου ελεσαβετ:ησεγγενησου: κιαυτε:σενηλεφηαεον: ενγερε:αυτεσ

На полях евангельской части имеются схолии, содержащие в том числе имена, причем негреческие (например, καvπουλατ ‘Ганбулат’) – очевидно, для поминовения.

Особый интерес представляет текст на последнем листе, который слегка обрезан по правому краю. Он состоит из 12 строк и разбит на «параграфы», обозначенные греческими числами от 1 до 5: последний записан мелкими буквами, вероятно, из-за нехватки места. Хотя текст и написан тем же почерком, что и на предшествующих листах, по-гречески он не читается. Внимательное рассмотрение позволило определить, что эта часть написана по-тюркски, и прочитать ее следующим образом.

Стк.	Текст в рукописи	Тюркское чтение	Перевод
1	1 : ωθεορεμ : τερκεγα	*1. ošï urïm ter ki y-*	1. Тот грек говорит, что мо-
2	ελπαργαν : 2 : κουμελι[	*albarγan. 2. köŋili(n-)*	лился. 2. От сердца его то,
3	τεν:εσαγαντιν : κουη[	*den isaγa din qoy(ɣ-)*	что он исповедует Иисусову
4	ανη : κεμεσ : κουμελη : ε[	*anï kim is<e> köŋili i-*	религию. Кто-то сердцем
5	μανπουλερ : 3 : ασεμαν[	*man bulïr. 3. asïman(da)*	найдет веру. 3. На небе
6	παρσα : πακ : ανταθο[	*barča pak anda so(ŋ-)*	все чисто. Там по-
7	ρα : ηαχσεπουληρ : 4 :	*ra yaxšï bolïr. 4.*	том будет хорошо. 4.
8	τεγερταν : τεθετεαη[	*teŋer<i>den tese de ay-*	Говоря же о Боге, рассказы-
9	τερ : κεμκουμελεσε[	*tïr kim köŋil<i> ese(n)*	вает, что сердце его спокой-
10	τουρερ : κετουτ : ολερ : κ[	*turïr haydut ölir k(i ö-)*	но. Разбойник умрет, так ум-
11	λερ : κουμελεαν : εγα[	*lir köŋili<n>en ege(r b-)*	рет. Сердцем своим если по-
12	αρσα : ηαχσεπουλερ	*arsa yaxšï bolïr*	йдет, будет хорошо.
13	5 : απηα : χατου : ηα[σ]επ : ταγαλομε	*5. ... ... qatï yazïp taɣallum e<t>*	5. … … … … крепко запиши и выучи.
14	αχαματ : χουτ : χα[.....] : καρα	*... ... ... …… ... qara*	… … … ... … … … … смотри

Нельзя исключать, что этот разделенный на короткие параграфы тюркский текст, записанный греческими буквами, мог служить для магических целей (ср. выше свидетельство Рейнеггса).

Караманлийские тексты, записанные греческими буквами на турецком языке, хорошо известны и неплохо изучены (см. Eckmann 1950; Hazar, Özdem 2008; Karahanci 2012 и особенно Karahanci 2014; Öger 2016; Salaville, Dalleggio 1958–1974 с библиографией более ранних исследований и публикаций). Однако тюркский текст в рукописи Шогенова значительно отличается от них и в языковом, и в орфографическом отношении.

Во-первых, по языку текст, несомненно, является не турецким, а отражает некий кыпчакский диалект. Об этом говорят формы суффиксов причастия *-ɣan*, дательного падежа *-ɣa* вместо турецких *-(y)an*, *-(y)a*, употребление глагола *bol-* ‘быть’ вместо турецкого *ol-* и некоторые другие признаки.

Более пристальное рассмотрение позволяет сделать вывод, что этот кыпчакский диалект обнаруживает большую близость к современному крымскотатарскому языку, чем к тюркским языкам Северного Кавказа. В пользу этого говорит начальное *y-* в ряде слов на месте карачаево-балкарского и кумыкского *ǯ-*, неразвитость губного сингармонизма, употребление специфического суффикса *-nen*. В то же время не исключено существование на Северном Кавказе в период составления текста исчезнувших на сегодня переходных диалектов, которые, сближаясь с крымскотатарским языком, не входили напрямую в его систему. Текст может быть написан на таком диалекте, и в этом случае объясняются отдельные отклонения от особенностей крымскотатарского языка – например, неожиданное полногласие (*köŋili*, *asïman*, *teŋeri* вместо *köŋli*, *asman*, *teŋri*). С другой стороны, они могут объясняться также тем, что составитель текста писал на крымскотатарском, но знал его несовершенно, и влияние его родного языка привело к появлению отклонений от ожидаемых фонетических явлений.

В тюркском тексте наблюдаются те же отклонения в использовании гласных, что и в греческом, так что гипотеза о влиянии на орфографию специфической фонетики родного языка автора представляется весьма перспективной. Сравним значения букв и их сочетаний в греческом и тюркском текстах.

Написания в рукописи	Греческие буквы исходных текстов и их позднегреческие фонетические значения	Тюркские звуки
α	α [a] (редк. αι, ε [e], ευ [ev, ef], η, ι, οι [i], ο, ω [o])	a, ä
β	β [v]	-
γ	γ [ɣ]	ɣ, ŋ
δ	δ [ð]	-
ε	αι, ε [e], η, ι, οι, υ [i] (редко α [a], αυ [av, af], ευ [ev, ef])	e, ï, i
ζ	ζ [z], σ [s]	-
η	ε [e], ει, η, ι, υ [i] (редко ο, ω [o])	ï, i, y
θ	θ [θ], τ [t]	s, š
ι	ε, ει, η, ι, υ [i] (редко α [a])	i
κ	γ [ɣ], κ [k, g]	k, q, h
λ	λ [l]	l
μ	μ [m]	m, ŋ
ν	ν [n]	n
ντ	ντ [nd]	nd, d
ξ	ξ [ks]	-
ο	ο, ου [u] (редко ι [i])	o, ö, u
ου (ωυ)	ο, ω [o], ου [u] (редко α [a], ε [e], ι [i])	o, ö, u, ï
π	π [p, b] (редко β [v])	p, b
ρ	ρ [r]	r
σ	σ [s, z]	s, z, š, č
τ	τ [t, d]	t, d
υ	ι, υ [i], в дифтонгах [v, f]	только в диграфе ου
φ	φ [f]	-
χ	χ [x]	x, q
ψ	ψ [ps]	-
ω	ω, ο [o], ου [u]	o

Самым интересным фонетико-орфографическим явлением, которое одинаково проявляется и в греческом, и в тюркском текстах, является смешение написаний, служащих для передачи, с одной стороны, гласных среднего подъема [e], [o] и, с другой стороны, гласных верхнего подъема [i], [u]. Поскольку сама рукопись происходит с территории Кабарды, мы можем

объяснить это явление влиянием кабардинского языка, который характеризуется свойственной всем адыгским языкам бедностью вокализма. Интерференция родного кабардинского языка создателя текстов, видимо, мешала ему различать некоторые греческие и тюркские гласные, что и является причиной отмеченного явления.

Примечательно, что в двух поздних монументальных надписях из Кабарды («Дука-Бек» и «Эльхотовский крест») мы находим аналогичное смешение [e] и [i]: εκειμεθε = ἐκοιμήθη, Γεοργεου = Γεωργίου; υκιμ[ι]σθ[η] = ἐκοιμήθη. Этот факт показывает, что в Кабарде по меньшей мере с XVII в. греческие тексты могли записываться фонетически.

В XIX в. греческие рукописи продолжали бытовать на Кавказе (Малахов 2015: 341–369). В 1849 году тот же Фиркович получил от майора Атажуко Абукова в Абуковском ауле на р. Подкумок копию с манускрипта, снятую за Кубанью и схожую «как почерком, так и содержанием» с рукописью Шогенова (Фиркович (рук.), л. 23). Десятью годами ранее Д. Кодзоков приобрел в Ардоне «книгу шогенов (древнего духовенства) на неизвестном языке», в которой были «начертания чисто греческие с примесью нескольких слов тарабарской грамоты» (Кодзоков (рук.), лл. 87, 83 об. – 82). Однако на сегодняшний день 12 листов рукописи Шогенова – единственный сохранившийся свидетель последних этапов истории греческой книжности на Северном Кавказе.

Литература

Abaev, V. I. 1979: *Istoriko-etimologicheskiy slovar' osetinskogo yazyka* [*Historical and etymological dictionary of the Ossetian language*]. Vol. 3. S–T'. Leningrad.

Абаев, В. И. 1979: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. 3. S–T'. Л.

Amiranashvili, A. 1928: [Greek inscriptions in the Museum of Georgia]. In: *Vestnik Muzeya Gruzii* [*Bulletin of the Museum of Georgia*]. Tbilisi. Vol. 5, 189–202.

Амиранашвили, А. 1928: Греческие надписи музея Грузии. В сб.: *Вестник Музея Грузии*. Тбилиси, 1928. Вып. 5, 189–202.

Eckmann, J. 1950: Yunan Harfli Karamanlı İmlâsı Hakkında Araştırmalar. In: *Türk Dili ve Tarihi Hakkında Araştırmalar I*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basınevi, 27–31.

Eszer, A. 1972: Die «Beschreibung des Schwarzen Meeres und der Tatarei» des Emidio Portelli d'Ascoli O. P. In: *Archivum Fratrum Praedicatorum*. Roma. Vol. 42, 199–249.

Firkovich, A. 1857: [Archaeological explorations in the Caucasus]. In: *Zapiski Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [*Memoirs of the Imperial Russian Archaeological Society*]. St. Petersburg. Vol. 9. Issue 2, 371–405.

Фиркович, А. 1857: Археологические разведки на Кавказе. В сб.: Записки Императорского Археологического общества. СПб. Т. 9. Вып. 2, 371–405.

Firkovich, A., ms.: *Zapiski o puteshestvii na Kavkaz* [*Memoirs about a Journey to the Caucasus*]. National Library of Russia (St. Petersburg). Coll. 946. A. S. Firkovich. Inv. 1. Dossier 83. Not earlier than 1850.

Фиркович А., ркп.: *Записка о путешествии на Кавказ*. РНБ. Ф. 946. А. С. Фиркович. Оп. 1. Д. 83. Не ранее 1850 г.

Hazar, M., Özdem, O. 2008: Grek Asıllı Karamanlu Türkçesi Alfabesinin Kullanımı Üzerine. In: *Turkish Studies*. Vol. 3/6 Fall, 337–353.

Interiano, G. 1502: *La vita, et sito de Zychi, chiamati Ciarcassi, historia notabile*. Venetiis.

Karahanci, İ. 2012: Grek Harfli Türkçe Metinler Üzerine. In: *VII. Büyük Türk Dili Kurultayı Bildirileri*. Ankara, 195–207.

Karahanci, İ. 2014: Grek Harfli Türkçe Metinler Üzerine Yapılmış Dil Bilgisi Çalışmalarıyla İlgili Açıklamalı Kaynakça Denemesi. In: *Turkish Studies. International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic*. Vol. 9/6 Spring, 639–653.

Kashtanov, D. V. 2010: [Greek epigraphy of the North Caucasus: dating problems]. In: *Problemy khronologii i periodizacii arkheologicheskikh pamyatnikov i kul'tur Severnogo Kavkaza*. XXVI "Krupnovskie chteniya" po arkheologii Severnogo Kavkaza [*Problems of chronology and periodization of archaeological monuments and cultures of the North Caucasus*. XXVI "Krupnov's readings" on archaeology of the North Caucasus. Magas.

Каштанов, Д. В. 2010: Греческая эпиграфика Северного Кавказа: проблемы датировки. В сб.: *Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа*. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас.

Kodzokov, D., ms.: L*etters to A. S. Khomyakov and E. M. Khomyakova. 1839-1840*. State Historical Museum (Moscow). Coll. 178. Khomyakov family. Inv. 1. Dossier 33.

Кодзоков Д., ркп.: *Письма А. С. и Е. М. Хомяковым. 1839–1840 гг.* ГИМ. Ф. 178. Хомяковы. Оп. 1. Д. 33.

Kokiev, G. 1934: *Marterialy po istorii Osetii* [*Materials on the history of Ossetia (18th century)*]. Vol. 1. Ordzhonikidze.

Кокиев, Г. 1934: *Материалы по истории Осетии (XVIII век)*. Т. 1. Документы собрал, введением и примечанием снабдил Георгий Кокиев (Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. 6). Орджоникидзе.

Kuznetsov, V. A. 1999: [The "Duka-bek" sculpture: historical and archeological problems]. In: *Istoriko-arkheologicheskiy al'manakh*

[*Historical and archeological miscellany*]. Armavir; Moscow. Vol. 5, 83–99.

Кузнецов, В. А. 1999: Изваяние «Дука-бек»: историко-археологические проблемы. В сб.: *Историко-археологический альманах*. Армавир; М. Вып. 5. С. 83–99.

Latyshev, V. V. 1887: [Caucasian monuments in Moscow]. In: *Zapiski imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [*Memoirs of the Imperial Russian Archaeological Society*]. St. Petersburg. Vol. 2. New Series, 44–47.

Латышев, В. В. 1887: Кавказские памятники в Москве. В сб.: *Записки Императорского Русского археологического общества*. СПб. Т. 2. Новая серия, 44–47.

Latyshev, V. V. 1896: *Sbornik grecheskikh nadpisey khristianskikh vremen iz Yuzhnoy Rossii* [*Corpus of Greek inscriptions of Christian times from the Southern Russia*]. St. Petersburg.

Латышев, В. В. 1896: Сборник *греческих надписей христианских времен из Южной России*. СПб.

Latyshev, V. V. 1915: [Epigraphic news from Southern Russia]. In: *Izvestiya imperatorskoy arkheologicheskoy komissii* [*Proceedings of the Imperial Archaeological Commission*]. Petrograd. Vol. 58, 28–39.

Латышев, В. В. 1915: Эпиграфические новости из Южной России. В сб.: *Известия Императорской Археологической комиссии*. Пг. Вып. 58, 28–39.

Lubotsky, A. 2015: *Alanic Marginal Notes in a Greek Liturgical Manuscript* (Veröffentlichungen zur Iranistik; 76). Wien.

Malakhov, S. N. 2015: *Alaniya i Vizantiya. Istochnikovedcheskie aspekty politicheskikh i tserkovnykh svyazey. Izbrannye statyi* [*Alania and Byzantium. Source-study aspects of political and church relations. Selected articles*]. Moscow.

Малахов, С. Н. 2015: *Алания и Византия. Источниковедческие аспекты политических и церковных связей. Избр. статьи.* М.

Miller, V. F. 1893: [Echoes of Caucasian beliefs on gravestones]. In: *Materialy po istorii Kavkaza* [*Materials on the archaeology of Caucasus*]. Moscow. Vol. 3, 119–136.

Миллер, В. Ф. 1893: Отголоски кавказских верований на могильных памятниках. В сб.: *Материалы по археологии Кавказа*. М., Вып. 3, 119–136.

Naryshkiny, 1877: [Report of Messrs Naryshkins who traveled to the Caucasus (Svanetia) with an archaeological purpose in 1867]. In: *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [*Proceedings of the Imperial Russian Archaeological Society*]. St. Petersburg. Vol. 8, 325–368.

Нарышкины, 1877: Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологическою целию, в 1867 году. В сб.: *Известия Императорского Русского археологического общества*. СПб. Т. 8, 325–368.

Nogmov, Sh. B. 1861: *Istoriya adykheyskogo naroda, sostavlennaya po predaniyam kabardintsev.* Napechatana A. Berzhe [*History of the Adykhe people composed according to legends of the Kabardians.* Printed by A. Berzhe]. Tiflis.

Ногмов, Ш. Б. 1861: *История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев*. Напечатана А. Берже. Тифлис.

Öger, A. 2016: Karamanlı Ortodokslar ve Karamanlı Türkçesi. In: *Tehlikedeki Türk Dilleri II A. Örnek Çalışmaları.* Cilt 2 / Endangered Turkic Languages II A. Case Studies. Vol. 2. Ankara; Astana, 379–397.

Papadopulo-Keramevs, A. 1887: [On the article "Caucasian monuments in Moscow"]. In: *Zapiski Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [*Memoirs of the Imperial Russian Archaeological Society*]. St. Petersburg. New Series. Vol. 2, CLXI.

Пападопуло-Керамевс, А. 1887: К статье «Кавказские памятники в Москве». В сб.: *Записки Императорского Русского археологического общества. СПб*. Новая серия. Т. 2, CLXI.

Pomyalovskiy, I. 1881: *Sbornik grecheskikh i latinskikh nadpisey Kavkaza* [*Corpus of Greek and Latin inscriptions of the Caucasus*]. St. Petersburg.

Помяловский, И. 1881: *Сборник греческих и латинских надписей Кавказа*. СПб.

Reineggs, J. 1796: *Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus.* Hrsg. v. F. E. Schröder. Gotha; St. Petersburg. Bd. 1.

Reineggs, J., ms.: *Istoricheskoe, topograficheskoe i fizicheskoe opisanie Kavkaza* [*Historical, topographical and physical description of the Caucasus*]. Begiinning of the 1780th. National Library of Russia (St. Petersburg). Coll. OLDP (Society of Amateurs of the Ancient Literature), F.192.

Рейнеггс, Я., ркп.: *Историческое, топографическое и физическое описание Кавказа.* Нач. 1780-х гг. РНБ. ОЛДП, F.192.

Salaville, S., Dalleggio, E. 1958–1974: Karamanlidika. Bibliographie analytique d'ouvrages en langue turque imprimés en caractères grecs. I–III. Athènes.

Sjögren, A. M. 2010: *Osnovopolozhnik rossiyskogo akademicheskogo kavkazovedeniya akademik Andrey Mikhaylovich Shëgren. Issledovanie. Teksty* [*The Founder of the Russian Academic Caucasus Studies Academician Andrey Mikhaylovich Sjögren*. Investigation. Texts]. Moscow.

Шёгрен, А. М., 2010: *Основоположник российского академического кавказоведения академик Андрей Михайлович Шёгрен*. Исследование. Тексты. М., 2010.

Tavernier, J. B. 1679 : Les six voyages en Turquie, en Perse, et aux Indes. Paris. Vol. 1.

Zgusta, L. 1987: The old Ossetic inscription from the river Zelenčuk (Veröffentlichungen der Iranischen Kommission = Sitzungsberichte der österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse 486). Wien.

A. Yu. Vinogradov, D. V. Kashtanov, V. V. Ponaryadov. Greek texts and Greek script in Kabardia (16th – 19th centuries).

The article introduces and investigates a unique monument of late Christianity and Greek literacy in the Caucasus – Shogenov's Manuscript which was recently discovered in the collection of Abraham Firkovich at the Russian National Library in St. Petersburg. The Greek part of the manuscript includes fragments of an abbreviated lectionary consisting of several Gospel readings, and a feast day calendar. The text, occasionally deviating from that of a standard lectionary, demonstrates a number of specific orthographic irregularities which we think can be explained as a result of the interferential influence of the Kabardian language, the presumed mother-tongue of the compiler of the manuscript. A short non-Greek text written in the Greek alphabet by the same hand is added on the last sheet of the manuscript. Its language is a slightly divergent form that of Crimean Tatar and, most interestingly, it exhibits the same Kabardian-influenced pattern in orthography as one observed in the manuscript's Greek. This text likely served magical purposes. On the whole, Shogenov's manuscript provides the only extant evidence of the last stage in the history of Greek literacy in the North Caucasus.

Keywords: Greek literacy, Caucasus, language contacts.

DOI:10.30842/ielcp230690152225

О. А. Волошина

РИТУАЛЬНЫЕ ИСТОКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ГРАММАТИКЕ ПАНИНИ

Статья посвящена выявлению ритуальной основы лингвистического анализа в грамматике Панини. Автор рассматривает древнеиндийскую грамматику как текст, порожденный и функционирующий в контексте древнеиндийского ритуала. В контексте древнеиндийской ритуальной культуры создание сакрального текста по правилам грамматики путем синтеза словоформ из морфем аналогично деятельности жреца, проводящего сакральный ритуал.

Ключевые слова: древнеиндийская грамматика Панини, ритуал, метод лингвистического анализа.

Корпус древнейшей ведийской литературы обусловлен ритуальным дискурсом: самхиты, брахманы, араньяки и даже упанишады особым образом функционировали в сакральном обряде, организуя ритуальное пространство. В данной работе мы рассмотрим ритуальный характер древнеиндийских лингвистических трактатов, особенно грамматики Панини.

Первые древнеиндийские лингвистические трактаты сформировались предположительно в VIII–IV вв. до н. э. в составе Веданги (vedāṅga = veda + aṅga – приложение к Ведам, дополнение к ведийским текстам). Научные трактаты Веданги – это своеобразные руководства по фонетике, метрике, грамматике, этимологии, астрономии и ритуалу, то есть это совокупность дисциплин, обучающих ритуалу, а также произношению, толкованию и правилам использования в обряде сакральных текстов.

Корпус Веданги состоит из шести дисциплин:

1. çikṣā (f.) – *трактаты о правильном произношении*, т. е. *фонетика*;

2. chandas (n.) – *знание метрических размеров Вед*, т. е. *метрика*;

3. vyākaraṇa (n.) – *наука о правильном построении словоформ из морфем,* т. е. *грамматика;*

4. nirukta (n.) – *трактат о значении слов и об объяснении трудных слов в текстах Вед*, т. е. *этимология*;

5. kalpa (m.) – *инструкция по проведению ритуалов*;

6. jyotiṣa (n.) – *руководство по определению подходящих дней для обрядов, т.е. астрология*.

Первые четыре отрасли знания, получившие статус Веданги, можно отнести к собственно лингвистическим, ведь они так или иначе направлены на понимание, сохранение, воспроизведение и трансляцию сакральных текстов. «Нелингвистическими» были трактаты по астрологии и руководства по проведению ритуалов. Эти две последние дисциплины Веданги – о ритуале и астрологии – подчеркивают ритуальный характер ведийских текстов[1].

В древней Индии не было храмов и даже постоянных площадок для совершения обрядов, сакральное пространство создавалось словом, поэтому в центре ведийской культуры стоял **ритуальный текст**. Именно философско-лингвистический анализ ведийских текстов породил обширную и разнообразную, представленную различными школами, науку о языке в древней Индии. Статус дисциплин Веданги получили трактаты по фонетике (çikṣā), метрике (chandas), грамматике (vyākaraṇa) и этимологии (nirukta).

Древние индийцы создали подробнейшие артикуляционно-акустические классификации звуков, описали и расклассифицировали изменения звуков в потоке речи. Древнеиндийская грамматика рассматривала правила построения словоформ из морфем различного типа, а этимология – наука о понимании значения слов и об объяснении трудных слов в текстах Вед, заложила основу семантического анализа ведийских гимнов.

Как уже было сказано, в поствед ийский период все более очевидной оказывалась необходимость сохранения в неизменном виде священных текстов Вед. Для этой цели были предприняты попытки разной организации текстов сакральных гимнов, основанные на различных принципах рецитации ритмически организованного текста. До нас дошло два способа

[1] Тексты *кальпа* предписывали правила проведения успешных ритуальных действий: определяли место жрецов в иерархически устроенной системе служителей культа, объясняли роль каждого жреца в обрядовом действии, описывали последовательность действий жрецов, комментировали сакральные формулы, произносимые во время жертвоприношения и т. п. Сведения по астрологии также были необходимой частью корпуса знаний, обеспечивающих правильное проведение ритуала, ведь жрецам важно было научиться выбирать подходящее время для совершения обряда.

оформления текста Ригведы: древнейший текст *самхита-патха* (*saṃhitā* букв. ‘непрерывное чтение’), в котором слова при произнесении соединялись друг с другом в потоке речи по правилам сандхи, и более поздний вариант текста *пада-патха* (*pada-pāṭha* букв. ‘чтение по словам’), в котором правила сандхи были сняты, и слова выступали в изолированном виде. *Самхита-патха* – это более древний вариант ведийского текста, представляющий мантры в том виде, в котором они заучивались и произносились во время ритуала, а *пада-патха* – это учебный текст, основанный на раздельном произнесении слов сакральных мантр. Дело в том, что в древнейшем варианте из-за многочисленных изменений звуков на стыках слов и морфем, многие слова меняли свой первоначальный облик до неузнаваемости, что привело к ошибкам в восприятии и толковании текстов самхит. Чтобы избежать ошибочных интерпретаций, брахманы предложили вариант текста, в котором слова были представлены в своем первоначальном виде (как бы вне контекста). Такая изоляция слов, как представлялось брахманам, позволяла сохранять без искажения слова сакральных ритуальных формул. В текстах *пада-патха* звучащая речь не только разбивалась на отдельные слова (иногда и на морфемы) по правилам грамматики, но и анализировался тип и место ударения.

Внимательные наблюдения над звучащей речью, выявление характера и места ударения, классификации звуков в зависимости от их поведения в составе словоформы появились в результате тщательного анализа рецитируемых во время ритуала сакральных текстов. Поток звучащей речи необходимо было сегментировать на элементы (словоформы, слоги и отдельные звуки) для обеспечения понимания звучащего текста. В результате предпринятого фонетического анализа были установлены случаи позиционных и комбинаторных изменений звуков, расклассифицированы чередующиеся звуки и т. п. Именно поэтому фонетика явилась важнейшей областью лингвистической рефлексии над сакральными текстами. Членение слитной фонетической фразы на словоформы предполагало выяснение возможностей контекстного изменения не только звуков, но морфем и даже целых слов. Вот почему принцип лингвистического анализа, впервые, вероятно, разработанный в фонетических трактатах, оказался с успехом применим и в

древнеиндийских грамматических сочинениях, в частности, в знаменитой грамматике Панини. Очевидно, что анализ слитного текста, понятый как расчленение потока речи на отдельные единицы, проводимое жрецом-брахманом, аналогично тем действиям, которые выполняет жрец, расчленяющий жертвенное животное на части в ходе ритуальных действий. Ошибки жреца, имеющего дело с сакральной жертвой, так же губительны для обряда, как и неправильное обращение с ритуальными мантрами.

Древнеиндийская **грамматика Панини** (V–IV вв. до н. э.) – древнейшее дошедшее до нас из глубины веков описание грамматики, получившее статус Веданги. Общим местом стало утверждение о том, что вся древнеиндийская культура базируется на священных текстах Веды, что все древнеиндийские науки – а грамматика особенно – есть своеобразная «надстройка» над ведийскими гимнами. Не случайно именно грамматика в древней Индии считалась царицей наук – *vedānāṃ vedaḥ* ‘веда вед, знание знаний’. «Грамматика возникла как особый уровень интерпретации, надстроенный над ведийскими текстами и служащий основой для других уровней, из которых развились позже самостоятельные отрасли знания» (Елизаренкова, Топоров 1979: 41).

Ведийские тексты участвуют в ритуале как его вербальная (словесная) составляющая, можно предположить, что лингвистические трактаты Веданги в контексте мифологическо-ритуального дискурса тоже выступают как ритуальные тексты, ведь само сотворение языка понимается как принесение жертвы. Цель этого «лингвистического» ритуала – создание сакрального языка, который воплощает (материализует) религиозное сознание. Лингвистические трактаты стремятся описать, структурировать и объяснить язык сакральных гимнов. В этом смысле проведение ритуала и создание языка сакрального текста воспринимаются как изоморфные действия, имеющие схожую структуру.

В этом смысле грамматика может рассматриваться как своеобразный ритуальный текст, инкорпорируемый в ритуал, а грамматист – как жрец, деятельность которого направлена на порождение сакрального текста, воплощающего сакральный смысл. «Напрашивается предположение, что древнеиндийский грамматик ведийского периода был одним из жрецов,

контролировавших правильность (адекватность) речевой части ритуала. В таком случае получает свое объяснение поразительное сходство операций, совершаемых грамматиком, с тем, что делает жрец. Как и жрец, грамматик расчленяет, разъединяет первоначальное единство..., устанавливает природу разъятых частей..., синтезирует новое единство, уже артикулированное, организованное, осознанное и выраженное в слове» (Елизаренкова, Топоров 1979: 42). Этот процесс вычленения лингвистических единиц для синтеза, их классификация и символическое обозначение, как представляется, восходит к глубокой рефлексии индусов над структурой ритуала. «Случилось так, что в Индии очень рано развилась обширная и глубокая рефлексия ритуала и именно в отношении ритуала индийский ум начал упражняться в рассуждениях о «различиях и оппозициях» (одновременно с этим он занялся различиями и оппозициями, на которых основана грамматика)» (Маламуд 2005: 31).

Важно отметить, что грамматика в индийской терминологии называлась vyākaraṇa (букв. *расчленение, анализ*)[2] – как из разрозненных элементов создается вселенная, так из отдельных кирпичиков-морфем порождается правильная речь. Сначала звучащая речь анализируется, дробится на элементы, которые группируются в классы в зависимости от места в словоформе и роли в процессе синтеза речи, а затем из разрозненных элементов по описанным в грамматике правилам вновь создается священная речь. В зависимости от функции в составе словоформы, от выражаемого значения, от положения относительно корня в линейной цепочке морфем, разные аффиксы противопоставлялись друг другу, объединялись в классы, им предписывалось определенное поведение при синтезе словоформы[3].

[2] В самом термине, обозначающем грамматику (*vyākaraṇa* ‘расчленение, анализ’), отражается метод работы с языковым материалом, заключается система всей грамматики и формирование лингвистической терминологии Аштадхьяи.

[3] Грамматист оперировал классами единиц, сгруппированными в зависимости от роли единицы (звука, морфемы) в процессе синтеза более крупных отрезков речи. Индусы строго регламентировали единицы, участвующие в создании сакрального текста, классифицировали их, давали технические обозначения, создавая своеобразный метаязык лингвистического описания – своего рода инструкцию, предписывающую безошибочное построение сложного целого из множества различных частей.

В представлении древних индусов все имена и глаголы произошли от определенного количества исходных морфем – корней (перечень корней традиционно сопровождал индийские грамматики). При синтезе словоформы к глагольному корню последовательно присоединялись определенные типы аффиксальных морфем, а правила синтеза формы слова (глагольной или именной) строго предписывались сутрами грамматики.

Деятельность грамматиста предполагала умение совершать операции анализа и синтеза – рассекать, расчленять исходный текст, слово, а затем из отдельных элементов созидать цельный текст, при этом подразумевалось, что именно в процессе синтеза вновь образуемое целое наделяется божественной энергией, и в этом смысле человеческое возводится до уровня божественного. Именно поэтому деятельность грамматиста приравнивалась к совершению ритуала жрецом и считалась священной. Грамматист мог восприниматься как демиург, ведь он творил божественное их хаоса, соединяя разрозненные автономные части в смысловое целое, которое в его руках наделялось сакральным смыслом. «Как и жрец он расчленяет, разъединяет на части первоначальное единство, идентифицирует эти membra diajacta (т.е. определяет их природу через установление системы соответствий с элементами макро- и микрокосма), собирает их воедино в целостности более высокого плана. Теперь это новое единство артикулировано, организовано, осознано и, главное, выражено в слове» (Топоров 1981: 181). Таким образом, как жрец из разрозненных частей создает целое – универсум, так и грамматист из отдельных языковых единиц творит сакральный текст, тесное переплетение составных частей которого создает единство совершенно другого уровня – «усиленный» текст, который сам является частью сакрального дискурса.

Любой текст, функционирующий в ритуальном дискурсе, не выступает изолированно, он инкорпорирован в структуру ритуала и тесно связан с другими ритуальными текстами – он часто непонятен без соотнесения с этими частями, апеллирует к ним, содержит множество ссылок на них, создавая, таким образом, своеобразный гипертекст, функционирующий в контексте ритуала. Эту характерную черту можно назвать перекрестной структурой, свойственной не только текстам, но и предметам, действиям жрецов в контексте ритуала, ведь не

только сакральный текст, но и любое ритуальное действие жреца, любой жест насквозь символичны и связаны ассоциациями с другими действиями. Ритуальные роли жрецов ассоциируются с мифическими сюжетами, с разнообразными значимыми для культуры текстами.

Грамматика Панини также характеризуется перекрестной структурой**,** что предполагает не только линейное (горизонтальное) развертывание текста, но и наличие вертикальных, глубинных связей, обеспечивающих корреспонденцию рассматриваемого текста с другими. Панини опирается на вспомогательные тексты, знание которых необходимо для понимания сутр. Так в тексте грамматики часто встречаются ссылки на имена известных грамматистов, очевидно, Панини предполагает знакомство своей аудитории с грамматическими концепциями других научных школ, причем он никогда не излагает идеи других грамматистов, так как считается, что они хорошо известны его потенциальной аудитории. Кроме того, сам текст *Восьмикнижия* сопровождается несколькими приложениями, без которых сутры грамматики непонятны. Так, морфонологические чередования и различного рода сандхи (звуковые изменения на стыке отдельных морфем и целых слов) формулируются в грамматике с использованием особых морфонологических классов звуков – Шива-сутр. Словообразование глаголов опирается на список глагольных корней *Dhātupāṭha*, а именные формы образуются путем синтеза морфем из списка *Gaṇapāṭha*.

Кроме того, важным принципом создания сакрального текста является многократное кодирование содержания – на уровне синтаксиса, семантики, морфологии и фонетики. Так, в гимнах Ригведы одно и то же содержание оказывается закодировано по крайней мере трижды: на уровне фонетики, морфологии и семантики. Грамматика Панини анализирует механизм звукового и морфемного кода сакрального содержания текстов. Эта особенность построения сакрального текста также соответствует структуре ритуала – обряд предполагает не только выполнение жрецом конкретных действий, но и интерпретацию этих действий в мифологическом контексте, а также поддержку символики ритуала вербальными формулами. Получается, что сакральный смысл несколько раз закодирован на уровне ритуальных действий, отсылок к мифическому сюжету и самих вербальных формул.

Значимым приемом построения ведийских гимнов и научных трактатов (в частности, грамматики Панини) является своеобразная композиция древнеиндийских текстов. Известно, что отдельные строфы ведийских гимнов выстраивались в соответствии с общим замыслом текста. Что касается композиции грамматики Панини, то исследователи неоднократно отмечали иерархическую структуру правил разных типов в Аштадхьяи. Например, действие главного правила (заглавного) может быть отменено правилом узкого диапазона действия.

Грамматика представляет собой строго организованную структуру, ведь в последовательности правил-сутр отражается композиционный принцип всего текста. Каждый фрагмент текста обретает смысл лишь в контексте всей грамматики. Сложно устроенная иерархия сутр грамматики представляет алгоритм кодирования смысла и рецепт создания сакрального текста.

Своеобразная композиция, вероятно, объясняется устной традицией передачи знаний в Индии. Ведь любой текст существовал в устной форме, заучивался наизусть путем повторения за учителем. После этого практиковалась медитация над текстом, умение припоминать все места грамматики, которые были посвящены определенной теме, высоко ценилось индийскими грамматистами. Ведь важно было не только запомнить текст, но и научиться пользоваться им, так как любой древнеиндийский священный текст (в том числе и грамматика) был составной частью ритуальной культуры и функционировал как часть ритуала.

«И соблазнительно предположить, что для ведийских теоретиков ритуал является системой действий» (Маламуд 2005: 251), что именно в контексте осмысления структуры ритуала, индусы четко сформулировали (и терминологически оформили) многие понятия, функционирующие и в индийской грамматике. Исследователи отмечали ритуальные истоки терминологии грамматики Панини. Например, термины *вибхакти*, *карман* и др. были заимствованы из ритуала и сохраняют даже в контексте грамматики ритуальную семантику (Renou 1955: 132–149; Захарьин 2001: 89–97).

Таким образом, потребность понимать, интерпретировать и сохранять ведийские тексты, а также необходимость правильно использовать мантры в ходе ритуала, привели к появлению

научной рефлексии над языком и стилем древнейших самхит и всей последующей ведийской литературы. Традиция создания и использования в ритуальной практике сакральных текстов, техника их построения, особенности функционирования в священных текстах отдельных языковых единиц – звуков, морфем и слов – все это способствовало осмыслению устройства языка и формированию методов анализа текста, что привело к возникновению уникальной древнеиндийской лингвистической традиции.

Литература

Elizarenkova, T. Y., Toporov. V. N. 1979: [The ancient Indian poetics and its Indo-European genesis], In: *Literatura i kul'tura drevnej i srednevekovoj Indii* [*Literature and Culture of Ancient India*]. Moscow: Nauka, 36–88.

Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. 1979: Древнеиндийская поэтика и ее индоевропейские истоки. В сб.: Л*итература и культура древней и средневековой Индии*. М.: Наука, 36–88.

Malamud, Sh. 2005: [The path of the knife], In: *Ispech' mir. Ritual i mysl' v drevnej Indii* [*To Bake the World. Ritual and Idea in Ancient India*] Moscow: «Vostochnaya literatura» RAN, 237–251.

Маламуд Ш. 2005: Пути ножа. В сб.: *Испечь мир. Ритуал и мысль в древней Индии*. М.: «Восточная литература» РАН, 237–251.

Renou, L. *Études védiques et pāṇinéennes*. Paris. Ed. De Boccard. Vol. I. 1955.

Sharma, R. N. 1990–2003: *Aṣṭādhyāyī of Pāṇini*. New Delhi. Vol. 1–2. 1990. (The second edition – 2000), Vol. III. 1995. (The second edition – 2002), Vol. IV. 1999. Vol. V. 2001. Vol. VI 2003.

Toporov, V. N. 1981: [The Mythopoietic locus of Sanskrit], In: *Tezisy dokladov i soobshchenij sovetskih uchenyh k V Mezhdunarodnoj konferencii po sanskritologii* [*Papers of Soviet scientists for for the V International Conferencce of Sanskrit Studies*]. Moscow: Institut vostokovedeniya, 178–183.

Топоров, В. Н. 1981: Мифопоэтический локус санскрита. В сб.: *Тезисы докладов и сообщений советских ученых к V Международной конференции по санскритологии*. М. Институт востоковедения, 178–183.

Voloshina, O. A. 2016: [The Grammar of Panini in the context of ancient Indian culture]. In: *Zografskij sbornik* [*G. A. Zograf's Volume*]. Vyp. 5. SPb.: MAE RAN. Sankt-Peterburg. 119–128.

Волошина, О. А. 2016: Грамматика Панини в контексте древнеиндийской культуры. В сб.: *Зографский сборник*. Вып. 5. СПб.: МАЭ РАН. Санкт-Петербург. 119–128.

Voloshina, O. A. 2017: [Nirukta of Yaski and Aṣṭādhyāyī of Pāṇini as two directions of the development of ancient Indian linguistic].

Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [*Indo-European linguistics and classical philology*] 21, 145–153.
Волошина, О. А. 2017: «Нирукта» Яски и «Аштадхяи» Панини как два направления развития древнеиндийской лингвистической мысли. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 21,145–153.
Zaharjin, B. A. 2001: [On the ritual foundations of the classical Indian tradition]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [J*ournal of Moscow State University*]. Ser. 13, № 4, 89–97.
Захарьин Б. А. 2001: О ритуальных основаниях классической индийской традиции. *Вестник Московского университета*. Сер. 13. Востоковедение. № 4. 89–97.

O. A. Voloshina. Ritual basis of linguistic analysis in the grammar of Panini

The article is devoted to the ritual basis of linguistic analysis in the grammar of Panini. The author considers the ancient Indian grammar as a special sacral text, generated and functioning in the context of the ancient Indian ritual. A sacred text is being created according to the rules of grammar: the word is forming from morphemes. The grammarian who creates a sacred text, is analogous to the brahman performing a sacral ritual.

Key words: the ancient Indian grammar of Panini, the ritual, the linguistic analysis of the sacred text.

DOI:10.30842/ielcp230690152226

Г. М. Воробьев

О ПРИРОДЕ ЛАТИНСКОГО НАЗВАНИЯ РЫБЫ SARGIACUS (ARIST. *HIST. AN.* 610B6)

В статье рассматривается происхождение латинского названия рыбы sargiacus. Привлечение малоизученной рукописи Vat. lat. 2094 позволяет продемонстрировать, что слово возникло в результате ошибки, которая привела к пропуску разделительного знака между формами известных названий рыб sargi и acus в первом печатном издании перевода аристотелевской «Истории животных», выполненного Феодором Газой (1476 г.). Освещается история бытования слова sargiacus в XVI–XIX вв.

Ключевые слова: Аристотель, Феодор Газа, латинские зоонимы, греческие зоонимы, история ихтиологии, опечатки, писцовые ошибки.

1. Введение

Биологические сочинения Аристотеля служили важнейшим источником научного знания о животном мире вплоть до XVIII в., и их латинские переводы влияли на становление европейской научной номенклатуры. Из всех аристотелевских трактатов разнообразие зоонимов представлено наиболее широко в «Истории животных». Самый авторитетный латинский перевод этого сочинения был сделан в Италии в третьей четверти XV в. византийским ученым Феодором Газой. Он затмил переводы XIII в., а новый перевод, выполненный Юлием Цезарем Скалигером в 1530-е гг., до начала XIX в. был напечатан лишь один раз (Monfasani 1999: 216), тогда как перевод Газы выдержал несколько десятков изданий в XVI–XVII вв. (Beullens, Gotthelf 2007: 503–505; Beullens 2008: 112–121).

Многие неологизмы, введенные Газой в переводе «Истории животных», использовались учеными XVI–XVIII вв., а некоторые по сей день входят в состав бинарной номенклатуры животных (Воробьев 2015: 162–167). Любопытный случай представляет латинское название рыбы sargiacus. Оно впервые засвидетельствовано в переводе Газы, но, как будет показано ниже, появилось не в процессе словотворчества, а в результате ошибки переписчика или наборщика. Слово прижилось и использовалось как самостоятельное название рыбы вплоть до XIX в. Попробуем проследить его историю.

По-видимому, основным источником текста перевода Газы следует считать рукопись Ватиканской библиотеки Vat. lat. 2094, которую, как показал Джон Монфазани, Газа преподнес папе Сикусту IV в 1473 или 1474 г.[1] Однако, судя по всему, ее почти не читали. В 1476 г., вскоре после смерти Газы, вышло печатное издание перевода. Его подготовил римский гуманист кипрского происхождения Лудовико Подокатаро, лично знакомый с Газой (Beullens, Gotthelf 2007: 481). В колофоне он пишет: «Finiunt libri de animalibus Aristotelis interprete Theodoro Gaze v(iro) clarissimo, quos Ludovicus Podocatharus Cyprius ex archetypo ipsius Theodori fideliter et diligenter auscultavit et formulis imprimi curavit Venetiis per Iohannem de Colonia sociumque eius Iohannem Manthen de Gherretzem. Anno domini MCCCCLXXVI». Неясно, что за рукопись подразумевается под «оригиналом» («archetypus»)[2]. Еще предстоит выяснить, зависит ли текст издания – напрямую или опосредованно – от ватиканского кодекса или в его основе лежит другая подготовленная Газой рукопись. В отношении деления на главы Vat. lat. 2094 значительно отличается от печатного издания (Beullens, Gotthelf 2007: 482–483, 505–508), следовательно, и в самом тексте могут присутствовать редакционные изменения[3].

В будущем мы надеемся коллационировать текст ватиканской рукописи и первого издания[4], однако вне зависимости

[1] Монфазани считает, что посвящение папе, которым открывается рукопись, Газа написал, вероятнее всего, в середине или конце 1473 г. (Monfasani 2006: 200).

[2] «Заканчиваются книги Аристотеля о животных в переводе выдающегося мужа Феодора Газы, которые киприот Лудовико Подокатаро верно и тщательно скопировал с оригинала самого Феодора и издал типографским способом в Венеции у Иоганна из Кельна и его товарища Иоганна Мантена из Герресхайма, в год 1476» (Arisoteles 1476: f. ff4v).

[3] Джон Монфазани предполагает, что источник издания 1476 г. мог быть списком рукописи Vat. lat. 2094 (Monfasani 2006: 202 n. 39). Впрочем, он признает, что никаких аргументов в пользу этой гипотезы у него нет.

[4] При этом необходимо привлечь и рукопись Montecassino, Archivio dell'Abbazia, 649, которая представляет собой, пусть и в позднейшем списке, подробный конспект перевода, подготовленный Газой в начале 1470-х гг. (Miglio 1978: LXX–LXXI, XXXV n. 53; Monfasani 1999: 239 n. 42).

от того, имеются ли в текстах редакционные различия[5], легко заметить, что издание 1476 года содержит немало ошибок механического свойства, которые возникли по вине либо наборщика, либо переписчика той рукописи, которая использовалась при наборе.

2. *Sargiacus* в латинских и греческих изданиях «Истории животных»

Беккеровские строки 610b3–7 содержат перечень стайных рыб: «[Ὅ]λως δ’ ἀγελαῖά ἐστι τὰ τοιάδε, θυννίδες, μαινίδες, κωβιοί, βῶκες, σαῦροι, κορακῖνοι, συνόδοντες, τρίγλαι, σφύραιναι, ἀνθίαι, ἐλεγῖνοι, ἀθερῖνοι, *σαργῖνοι*, *βελόναι*, τευθοί, ἰουλίδες, πηλαμύδες, σκόμβροι, κολίαι» (здесь и далее курсив мой – *Г. В.*; текст приводится по последнему критическому изданию: Aristotle 2002)[6]. Что касается перевода Газы, рукопись Vat. lat. 2094 предлагает следующий текст: «Gregales denique sunt thunni, aleces, gobiones, vocae, lacerti, corvuli, sive graculi, dentices, mulli, maleoli, elegini, sacri, aristulae, *sargi*, *acus*, lolii, papaverae, iuliae, limariae, scombri, monedulae» (f. 135r)[7]. Форме σαργῖνοι соответствует перевод sargi, βελόναι – acus. В переводе Газы эти два латинских слова встречаются несколько раз в других местах[8]. В ватиканском кодексе слова в перечне рыб разделены точками, которые выполняют функцию запятых. В издании 1476 г. вместо них используются двоеточия, набранные без пробелов, и между словами sargi и acus двоеточие пропущено: «…aristulae:sargiacus:lolii…» (Aristoteles 1476: f. n2v).

---

[5] Пока при работе с обоими источниками нам не удалось обнаружить таковых.

[6] «В общем, стайны следующие: тунцовые, майниды, бычки, боки, савры, “воронята”, зубатки, триглы, сфирены, антии, элегины, атерины, *саргины*, *морские иглы*, каракатицы, иулиды, пеламиды, скомбры, колии» (пер. Владимира Порфирьевича Карпова; Аристотель 1996: 347).

[7] Копия рукописи доступна на сайте Ватиканской библиотеки: https://digi.vatlib.it/view/MSS_Vat.lat.2094/. В рукописи из Монтекассино (см. выше сн. 4) этот список рыб упоминается, но не приводится («qui sint pisces gregales idest sociales», «какие рыбы стайные, то есть общественные», с. 51). Колебания в написании двойных согласных (lolii/lollii, graculi/gracculi, maleoli/malleoli и др.), присутствующие нередко в разных формах одного и того же слова на одной странице не следует считать значимыми.

[8] 543a7, 543b8, 570a32, 570b3, 570b19; 506b9, 543b11, 567b23, 571a2, 616a32. О слове sargus см. ниже разд. 5.

Эта опечатка перешла во все дальнейшие издания XV в. (Aristoteles 1492: f. 46; Aristoteles 1495: f. L2v; Aristoteles 1498: f. 39r). Пятое издание, подготовленное в 1504 г. Альдом Мануцием, укрепило позиции слова sargiacus. Не распознав опечатки, Альд счел, что слово sargiacus должно относиться не к четвертому, а ко второму склонению: в ряду форм именительного падежа множественного числа он изменил форму sargiacus на sargiaci: «…aristulae, sargiaci, lolii…» (Aristoteles, Theophrastus 1504: f. 47r). Кроме того, издание Альда – первое, снабженное алфавитным указателем названий животных. В нем находим словосочетание «sargiaci pisces» (ibid.: f. a4r).

Единственный случай верного написания этого пассажа, который нам удалось найти, – комментарий к «Истории животных» Агостино Нифо, составленный в 1534 г. и опубликованный в 1546 г. Нифо высоко ценил авторитет Газы и приводил комментируемый текст в его переводе, однако не во всем соглашался с ним[9]. Приводя наш список рыб, Нифо использует правильное написание, но никак его не комментирует: «…aristulae, sargi, acus, papaverae, loligines…» (Nifo 1546: 265)[10]. Исправление Нифо, судя по всему, не отразилось на дальнейшей традиции текста Газы.

Чтение sargiaci сохраняется, по-видимому, во всех изданиях перевода, например: Aristoteles 1524: f. 85v; Aristoteles 1590: t. II, 567 (издание, подготовленное Исааком Казаубоном); Aristoteles 1668: 985[11]. Новый латинский перевод, сделанный в 1530-е гг. Юлием Цезарем Скалигером, был напечатан в 1619 г., а затем только в 1811 г. Интересующий нас пассаж выглядит в его переводе так: «Summa autem gregalium haec est. Thunnides, maenulae, gobii, boces, lacerti, coracini, dentices, muli, sphyrenae, anthiae, elegini, atherini, *sargini*, *aciculae*, mecones, lolligines, iulides, pelamydes, scombri, graculi» (Aristoteles 1619: 1012). Комментарий Скалигера, сопровождающий перевод, в основ-

[9] См. подробно о методе работы Нифо с переводом Газы в Perfetti 1996.

[10] Заметим, что Нифо меняет vocae на bocae, mulli на nulli (он употребляет слово nulli и в других местах), а lolii на loligines, причем меняет это слово местами с papaverae. О колебаниях в написании двойных согласных см. выше, сн. 7.

[11] Об изданиях XV–XVI вв. см. Monfasani 1999: 79; Beullens, Gotthelf 2007: 469–470: перечень 42 изданий перевода, вышедших в XV–XVI вв., в Beullens, Gotthelf 2007: 508–513. Монфазани приводит схожий список, но без подробных описаний (Monfasani 1999: 246–247 n. 95).

ном представляет собой критический разбор перевода Газы. Однако о слове sargiacus Скалигер не пишет ни слова. В 1811 г. перевод Скалигера был издан в обработке Иоганна Готлоба Шнейдера. Шнейдер внес некоторую правку в рассматриваемый перечень рыб, но она не коснулась слов «sargini, aciculae» (Aristoteles 1811: vol. II, 384). В комментарии к этому пассажу Шнейдер отмечает, что о природе рыбы σαργῖνος ничего неизвестно и что Газа переводит ее название словом sargiacus (ibid.: vol. III, 287).

Перевод Скалигера в обработке Шнейдера был перепечатан в латинском издании аристотелевского корпуса Прусской академии наук (Aristoteles 1831: 301). При этом в греко-латинском издании аристотелевского корпуса, вышедшем в 1860-е и 1870-е гг. в Париже у Амбруаза Фирмена-Дидо, «История животных» была опубликована в переводе Газы. Впрочем, его текст подвергся серьезной обработке Улко Катса Бюссемакера, отвечавшего[12] за соответствующий (третий) том издания. Среди прочих изменений, внесенных в текст Газы, он вслед за Скалигером исправил sargiacus на sarginus (Aristoteles 1864: 175). В подробный предметный указатель, сопровождающий это издание, Бюссемакер, разумеется, включил слово sarginus, а не sargiacus (Aristoteles 1874: 736), однако в отдельном указателе греческих названий животных, составленном Эмилем Хейцем[13], приводится и вариант Газы: «σαργῖνος (sarginus), sargiacus *Gaza*. Definiri non potest» (Aristoteles 1874: 914)[14].

Опечатка не была замечена и Дэвидом Балмом – автором последнего критического издания «Истории животных», подготовленного к печати после его смерти Алланом Готтхелфом. Перечисляя в аппарате рукописные варианты чтения βελόναι, Балм указывает, что Газа опускает это слово. Следовательно, издатель также понял слово sargiacus как перевод σαργῖνοι, а не как напечатанный без пробела перевод σαργῖνοι и βελόναι (Aristotle 2002: 398).

[12] Ср. предисловие к пятому тому (Aristoteles 1874: V).
[13] За какую часть указателя отвечал Бюссемакер, а за какую – Хейц, указано в предисловии к пятому тому (Aristoteles 1874: VII–VIII).
[14] В алфавитном указателе аристотелевской лексики Германна Боница толкование слова σαργῖνος не содержит отсылок к переводу Газы и не включает слова sargiacus (Bonitz 1870: 671). Д'Арси Томпсон в «Глоссарии греческих рыб» также не упоминает слова sargiacus (Thompson 1947: 29–32, 227–228).

3. *Sargiacus* в зоологических трактатах XVI–XVIII вв.

Один из первых ихтиологов Раннего Нового времени [15] Николаус Маршалк приводит слово sargiacus в качестве перевода греческого σαργῖνος. Перечисляя латинские названия рыб на букву s, он не сообщает ничего об интересующей нас рыбе кроме ее греческого эквивалента: «Sargiacus, σαργινος. Sarginus, σαργινος» (Marschalk 1517: f. L2r). Второй вариант – транслитерацию греческого слова – Маршалк, вероятно, почерпнул из перевода Вильгельма из Мербеке XIII в.

В важных для развития ихтиологии трактатах Гийома Ронделе и Пьера Белона рыба σαργῖνος не упоминается вовсе (Belon 1553) или упоминается без латинского перевода (Rondelet 1554: 124).

Конрад Гесснер в ихтиологическом томе своей «Истории животных», основополагающего зоологического труда эпохи Возрождения, использует транслитерацию sarginus, однако упоминает и вариант sargiacus: «Gaza pro *sargino sargonem* vertit, in eiusdem translatione *sargiaci* alicubi legitur, pro *sargini*» (Gessner 1558: 996)[16].

Многотомная зоологическая энциклопедия Улиссе Альдрованди – следующий после «Истории животных» Гесснера этап становления ренессансной зоологии (Bäumer 1991: 119). В посмертно вышедшем томе о рыбах разобран интересующий нас пассаж и несколько раз упомянут sargiacus, однако в необычном виде – sardiacus: «Enumerans enim pisces gregales, inter eos nominat σαρδῖνους, βελόνας, μηκώνες, legendum βελόνας, σαρδῖνους, μύξωνες, id est *acus* (in aliis codicibus legitur τεῦθοι, id est, *lollii*, et sic Theodorus quoque legit), *sardiacos* (ne a Gazae

[15] О развитии ихтиологии в Раннее Новое время см. Hünemörder 1975: 193–198; Bäumer 1991: 346–381; Beullens 2008.

[16] «Газа переводит sargo вместо sarginus, в его же переводе в другом месте читается sargiaci вместо sargini» (говоря о слове sargo, Гесснер имеет в виду место в строке 543b15, где Газа следует чтению ряда рукописей σάργων, тогда как Гесснер вслед за Ронделе считает здесь необходимой эмендацию σαργῖνος). В ихтиологическом томе «Изображений животных» («Icones animalium») – сочинения, где филологическим подробностям уделено гораздо меньше места, – Гесснер упоминает только перевод sarginus: «Apud Aristotelem quinto historiae, bis vel ter σάργος pro σαργῖνος mendose legitur. Est autem sarginus longe diversus piscis, in genere mugilum» («У Аристотеля в пятой книге “Истории <животных>” дважды или трижды ошибочно читается σάργος вместо σαργῖνος. Sarginus – это, однако, совершенно другая рыба, из рода mugiles», Gessner 1560: 44; ср. ibid. 68–69 passim).

voce recedamus, quanquam rectius nomen Graecum reservari possit) et *myxones* qui tertia *mugilum* sunt species» (Aldrovandi 1613: 179)[17]. Поскольку никакого комментария относительно написания через δ/d в тексте не дано, следует, видимо, считать, что греческое издание Аристотеля, которым пользовался Альдрованди или издатели этого тома, содержало конъектуру σαρδῖνος вместо σαργῖνος. Мы пока не выяснили, в каком именно издании она была предложена. Любопытно, что Альдрованди считает более правильным переводом транслитерацию греческого слова, но тем не менее принимает в качестве основного варианта слово sardiacus, которое, как он считает, было введено Газой, – так высоко он ставит его мнение. Написание через d, видимо, не имело успеха: нам не удалось найти его ни в одном тексте кроме собственно трактата Альдрованди.

Один из важнейших ихтиологов XVIII в. Петер Артеди (см. о нем: Beullens 2008: 120–121) в своих «Синонимах названий рыб» нередко называет варианты из перевода Газы, но рыбы sarginus/sargiacus не упоминает (Artedi 1738: 58). Однако в расширенном издании, которое подготовил вышеупомянутый Иоганн Готлоб Шнейдер, приводится название sarginus, а в качестве альтернативного варианта – sargiacus: «<Aristoteles> IX.2. gregatilem facit sarginum, ubi Gazae versio sargiacum nominat» (Artedi, Schneider 1789: 91)[18].

4. Sargiacus в словарях

Судьба слова sargiacus в словарях заслуживала бы отдельного исследования. Ограничимся указанием на существование статьи «sargiacus» в следующих изданиях.

В греческо-латинском словаре 1512 г., подготовленном Джироламо Алеандро, одним из сотрудников Альда Мануция, σαργῖνος не входит в общий словник. Однако к словарю приложены латинско-греческие глоссарии названий животных и

[17] «Ибо перечисляя стайных рыб, он (т. е. Аристотель) называет среди них σαρδῖνοι, βελόναι, μηκώνες, <причем> следует читать βελόναι, σαρδῖνοι, μύξωνες, то есть acus (в других рукописях читается τεῦθοι, то есть lollii, и так переводит и Феодор), sardiaci (не будем отказываться от слова Газы, хотя можно было бы сохранить более правильное греческое название) и myxones, которые являются третьей разновидностью mugiles».

[18] «Аристотель во второй <главе> девятой <книги> пишет, что sarginus относится к стайным, в этом месте перевод Газы называет <его> sargiacus».

растений по переводам «De animalibus» Аристотеля и «De plantis» Феофраста, выполненным Феодором Газой. Здесь находим следующую статью, источником которой следует считать вышеупомянутый указатель к альдовскому изданию перевода Газы: «sargiaci pisces – οἱ σαργῖνοι» (Aleandro 1512: f. aa7v).

В важном для дальнейшей лексикографической традиции словаре Жака Туссена 1552 г. слово σαργῖνοι входит в общий словник и толкуется следующим образом: «Sargiaci pisces gregales, Aristotel. lib. 9. animal. Gaza Graecam vocem relinquit» (Toussain 1552: vol. 2, f. TTt5v)[19]. В словаре Робера Констан-тена, зависящем от издания Туссена (Flamand 2005: 98), это толкование повторяется с единственным изменением: sargiani вместо sargiaci (Constantin, Porto 1592: 606). Видимо, это опечатка.

5. Почему слово sargiacus не было отвергнуто

Как кажется, единственный, кто ставил под сомнение право слова sargiacus на существование, – это английский естество-испытатель Эдвард Уоттон. В трактате «О различиях живо-тных» он упоминал слово sargiacus, но подозревал, что оно может быть результатом писцовой ошибки: «Sarginus. Theodorus sargiacum vocavit, nisi mendosus sit codex» (Wotton 1552: f. 153r)[20].

Одна из причин живучести слова sargiacus, очевидно, заключается в неопределенности денотата. Греческое слово σαργῖνος встречается чрезвычайно редко. Кроме рассмот-ренного случая в строке 610b6 «Истории животных» оно засвидетельствовано только в каталоге рыб из «Пира мудрецов» Афинея, где речь идет о рыбе σαργός: Афиней приводит цитаты из Эпихарма и Дориона, в которых упомянут σαργῖνος, но эти фрагменты едва ли способствуют идентификации рыбы[21]. Так,

[19] Последнее замечание, будто Газа оставил транслитерацию грече-ского слова, очевидно, по ошибке попало в эту статью из следующей, «σάργος», где также указано, что «Gaza Graecam vocem relinquit». В случае σάργος (правильнее – σαργός) это верно: Газа переводит его словом sargus (ср. ниже). О словаре Туссена см.: Mund-Dopchie 1998, Jimenes 2009.

[20] «Sarginus. Феодор назвал <его> sargiacus, если только нет ошибки в кодексе».

[21] «Ἐπίχαρμος δ’ ἐν Ἥβας γάμῳ· “αἱ δὲ λῆς, σαργοί τε χαλκίδες τε καὶ τοὶ πόντιοι...” ὡς διαφόρους δὲ τοὺς σαργίνους ἐν τοῖσδε καταλέγει· “ἦν δὲ σαργῖνοί <τε> μελάνουροί τε καὶ ταὶ φίνταται ταινίαι λεπταὶ μέν, ἁδεῖαι

один из крупнейших ихтиологов XVI в. Ипполито Сальвиани писал: «Ab eodemque [sc. Aristotele] inter gregales pisces σαργῖνον, sive (ut vertit Theodorus) *sargiacum* numerari. Quem quidem σαργῖνον sive *sargiacum*, uti Athenaeo authore a *sargo* diversum esse scimus, sic quis piscium sit, neque scimus neque sciri posse arbitramur, cum praeter Aristotelem, qui eum inter gregales (ut diximus) tantum connumerat, ac Epicharmum in nuptiis Hebae, et Dorionem in libro de piscibus, qui nudam tantum mentionem eius fecerunt, nemo veterum eius meminit amplius»[22].

Очевидно, Газа не знал об употреблении слова σαργῖνος у Афинея, поэтому, столкнувшись с ним всего один раз в тексте Аристотеля, счел его писцовой ошибкой. В «Истории животных» несколько раз упоминается другая рыба, σαργός (543a7, 543b15, 570a32, 591b19). Это название Газа регулярно передавал как sargus[23], и в нашем пассаже, очевидно, он счел нужным исправить σαργῖνος на σαργός, из-за чего в рукописи Vat. lat. 2094 и читаем на этом месте sargi: Газа переводил форму σαργοί, а не форму σαργῖνοι. Хотя в XVI в. было известно, что его перевод содержит множество конъектур (Perfetti 1995: 280–283; Monfasani 1999: 215–216; ср. многочисленные упоминания конъектур Газы в Gessner 1558), эмендация σαργοί не была замечена. В самом деле, необычный неологизм sargiacus выглядел подходящим переводом редкого греческого слова σαργῖνος: точно так же, как σαργῖνος воспри-

---

δέ”. ὁμοίως δὲ καὶ Δωρίων ἐν τῷ περὶ ἰχθύων φησὶ σαργίνους διὰ τοῦτ’ αὐτοὺς καλῶν καὶ χαλκίδας» («Эпихарм же в “Свадьбе Гебы”: “а если захочешь, и сарги, и халкиды, и <рыбы> открытого моря”, тогда как в следующем <отрывке> он называет саргинов – в качестве другой рыбы: “были там и саргины, и мелануры, и любимейшие тении, тонкие, но вкусные”. Подобное утверждает Дорион в книге “О рыбах”, называя поэтому их и саргинами, и халкидами», Ath. 7.117.10–16; ср. Ath. 7.93.6–8; Ath., epitome 2,1.148.17–20).

[22] «<Мы знаем, что> он же [т. е. Аристотель] упоминает среди стайных рыб σαργῖνος, или (как перевел Феодор) sargiacus. Хотя, с одной стороны, мы знаем от Афинея, что этот σαργῖνος, или sargiacus, отличается от <рыбы> sargus, с другой стороны, мы не знаем и думаем, что невозможно узнать, чтó это за рыба, ведь кроме Аристотеля, который (как мы сказали) лишь называет ее в числе стайных, а также Эпихарма в «Свадьбе Гебы» и Дориона в книге «О рыбах», которые просто упомянули ее, больше никто из древних о ней не вспоминал» (Salviani 1557: 179r).

[23] Только в строке 543b15 вместо sargus Газа использует слово третьего склонения sargo, следуя чтению σάργων, засвидетельствованному здесь в ряде рукописей.

нимался в качестве производного от хорошо засвидетельствованного названия рыбы σαργός[24], зооним sargiacus выглядел производным от sargus. Кроме того, Газа ввел в латинский язык столько новых названий животных (Воробьев 2015), что наряду с ними и слово sargiacus, очевидно, не выглядело диковиной[25].

Рукописные источники

Città del Vaticano, Vat. lat. 2094
Montecassino, Archivio dell'Abbazia, 649

Печатные источники

Aldrovandi, U. 1613: De piscibus libri V et de cetis liber unus. Bologna.
Aleandro, G. 1512: Lexicon Graecolatinum. Paris.
Aristotel 1996: Istoriya zhivotnykh [The history of animals]. Moscow. Аристотель 1996: История животных. Москва.
Aristoteles 1476: De animalibus. Venezia (GW 2350).
Aristoteles 1492: De animalibus. Venezia (GW 2351).
Aristoteles 1495: De animalibus. Venezia (GW 2352).
Aristoteles 1498: De animalibus. Venezia (GW 2353).
Aristoteles, Theophrastus 1504: De natura animalium. De partibus animalium. De generatione animalium. De historia plantarum. De causis plantarum. Venezia.
Aristoteles 1524: De historia animalium. De partibus animalium et earum causis. De generatione animalium. De communi animalium gressu. De communi animalium motu. Paris.
Aristoteles 1590: Opera omnia. T. 1. Lyon.
Aristoteles 1619: Historia de animalibus. Toulouse.
Aristoteles 1668: Opera quae extant omnia. T. 3. Roma.

[24] Шантрен указывает на подобную словообразовательную модель в названиях рыб κεστρῖνος, κορακῖνος, σαρδῖνος/σαρδίνη (Chantraine 1999: 988). – Хотя σαργῖνος не имеет прямого отношения к русскому слову «сарган», уместно сообщить, что последнее, обозначающее рыб рода Belone (Cuvier, 1816; Решетников и др. 1989: 188), видимо, появилось в черноморском ареале и восходит к среднегреческому σαργάνι(ον) (Фасмер 1986–1987: Т. 3, 561), которое Фасмер производит не от σαργάνη 'корзина, коса (волос), рыболовная сеть', а от названия рыбы σαργός (Фасмер 1909: 174; здесь же соображения о неиндоевропейском происхождении σαργός, ср. Frisk 1960–1972: Bd. 2, 677; Chantraine 1999: 988; Beekes 2010: vol. 2, 1308).

[25] Рассмотренный список рыб содержит как в оригинале, так и в переводе Газы ряд других редких слов. Отметим только гапакс papavera – перевод одного из испорченных вариантов вышеупомянутого слова βελόναι (в рукописях засвидетельствованы чтения μηλόναι, μελόναι, μήκονη (sic) как заменяющие βελόναι, так и написанные рядом с ним): судя по всему, Газа предположил конъектуру μηκόναι и создал латинскую кальку: μήκων 'мак' > μηκόνη; papaver 'мак' > papavera.

Aristoteles 1811: De animalibus historiae. T. 1–4. Leipzig.
Aristoteles 1831: Aristoteles Latine interpretibus variis. [T. 3]. Berlin.
Aristoteles 1864: Opera omnia Graece et Latine. Vol. 3. Paris.
Aristoteles 1874: Opera omnia [Graece et Latine]. Vol. 5. Paris.
Aristotle 2002: Historia animalium. Vol. 1: Books I–X: Text. Cambridge.
Artedi, P. 1738: Synonymia nominum piscium. Leiden (Idem. Ichthyologia. Pars 4).
Artedi, P., Schneider, J. G. 1789: Synonymia piscium Graeca et Latina. Leipzig.
Belon, P. 1553: De aquatilibus. Paris.
Bonitz, H. 1870: Index Aristotelicus. Berlin.
Constantin, R., Porto, F. 1592: Lexicon Graecolatinum. T. 2. S. l.
Gessner, K. 1558: Historia animalium. Liber 4. De piscium et aquatilium animantium natura. Zürich.
Gessner, K. 1560: Nomenclator aquatilium animantium. Icones animalium aquatilium. Zürich.
Marschalk, N. 1517: Historia aquatilium. Rostock.
Nifo, A. 1546: Expositiones in omnes Aristotelis libros de historia animalium, de partibus animalium et earum causis, ac de generatione animalium. Venezia.
Rondelet, G. 1554: Libri de piscibus marinis. Lyon.
Toussain, J. 1552: Lexicon Graecolatinum. T. 2. Paris.
Wotton, E. 1552: De differentiis animalium. Paris.

Литература

Bäumer, Ä. 1991: *Geschichte der Biologie*. Bd. 2. Zoologie der Renaissance – Renaissance der Zoologie. Frankfurt a. M.; Bern; New York; Paris.
Beekes, R. S. P. 2010: *Etymological dictionary of Greek.* Vol. 1–2. Leiden; Boston.
Beullens, P. 2008: Aristotle, his translators, and the formation of ichthyologic nomenclature. In: Goyens, M., De Leemans, P., Smets, A. (eds.). *Science translated. Latin and vernacular translations of scientific treatises in Medieval Europe*. Leuven, 105–122.
Beullens, P., Gotthelf, A. 2007: Theodore Gaza's translation of Aristotle's *De animalibus*: content, influence and date. *Greek, Roman and Byzantine studies* 47, 469–513.
Chantraine, P. [2]1999: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris.
Flamand, J.-M. 2005: Lexiques ou anthologies: les premiers dictionnaires gréco-latins imprimés aux XVe–XVIe siècles. In: Jones-Davies, M.-T. *Culture, collections, compilations: Actes du colloque de Paris 2001–2002*. Paris, 79–104.
Frisk, H. 1960–1972: *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1–3. Heidelberg.
Hünemörder, C. 1975: Geschichte der Fischbücher von Aristoteles bis zum Ende des 17. Jahrhunderts. *Deutsches Schiffahrtsarchiv* 1, 185–200.
Jimenes, R. 2009: Un monument lexicographique: le dictionnaire gréco-latin de Jacques Toussain (1552). In: Sordet, Y. (ed.). *Passeurs de*

texte: imprimeurs, éditeurs et lecteurs humanistes. Turnhout, 140–143.

Miglio, M. 1978: Introduzione. In: Bussi, G. A. *Prefazioni alle edizioni di Sweynheym e Pannartz prototipografi romani*. Milano, XI–LXXII.

Monfasani, J. 1999: The Pseudo-Aristotelian *Problemata* and Aristotle's *De Animalibus* in the Renaissance. In: Grafton, A., Siraisi, N. (eds.). *Natural Particulars. Nature and the disciplines in Renaissance Europe*. Cambridge [Mass.]–London, 205–247.

Monfasani, J. 2006: Aristotle as scribe of nature: the title-page of ms Vat. lat. 2094. *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes* 69, 193–205.

Mund-Dopchie, M. 1998: Le *Lexicon Graecolatinum* de Jacques Toussain (1552): choix de vocabulaire et méthodes de traduction. In: Fumaroli, M. (ed.). *Les origines du Collège de France*. Paris, 405–420.

Perfetti, S. 1995: 'Cultius atque integrius'. Teodoro Gaza, traduttore umanistico del *De partibus animalium*. *Rinascimento* 35, 253–286.

Perfetti, S. 1996: Metamorfosi di una traduzione: Agostino Nifo revisore dei 'De animalibus' gaziani. *Medioevo. Rivista di storia della filosofia medievale* 22, 259–301.

Perfetti, S. 2000: Aristotle's zoology and its Renaissance commentators (1521–1601). Leuven.

Reshetnikov, Y. S., Kotlyar, A. N., Rass, T. S. Shatunovsky, M. I. 1989: *Pyatiyazychny slovar' nazvaniy zhivothnykh. Ryby. Latinsky-russky-angliysky-nemetsky-frantsuzsky* [*A five-language dictionary of animal names. Fishes. Latin-Russian-English-German-French*]. Moscow.

Решетников, Ю. С., Котляр, А. Н., Расс, Т. С., Шатуновский, М. И. 1989: *Пятиязычный словарь названий животных. Рыбы.Латинский-русский-английский-немецкий-французский*. М.

Thompson, D. W. 1947: A glossary of Greek fishes. London.

Vasmer, M. R. 1909: Greko-slavyanskie etyudy 3. Grecheskie zaimstvovaniya v russkom yazyke [Greek-Slavic essays 3. Greek loanwords in Russian]. Saint Petersburg. Фасмер, М. Р. 1909: Греко-славянские этюды 3. Греческие заимствования в русском языке. Санкт-Петербург.

Vasmer, M. [2]1986–1987: *Etimologichesky slovar' russkogo yazyka*. T. 1–4 [*An etymological dictionary of Russian language*. Vol. 1–4]. Moscow.

Фасмер, М. [2]1986–1987: *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–4. Москва.

Vorobyev, G. M. 2015: [Theodore Gaza's neologisms in his translation of Aristotle's *De animalibus* and their reception in modern zoology]. *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 19, 158–168.

Воробьев, Г. М. 2015: Неологизмы Феодора Газы из его латинского перевода «De animalibus» Аристотеля в современной зоологической номенклатуре. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 19, 158–168.

G. M. Vorobyev. On the Latin fish name *sargiacus* (Arist. *Hist. An.* 610b6)

Latin translations of Aristotle's *Historia animalium* had been an important source of scientific animal names at least until the 18th c. Theodore Gaza, the author of the most influential translation, made in the 3rd quarter of the 15th c., rendered many animal names using neologisms of his own coinage. Thus, the word *sargiacus* was supposed to be his translation of the Greek fish name σαργῖνος which appears only once in the Aristotelian text ("ἀθερῖνοι, σαργῖνοι, βελόναι, τευθοί", 610b6). Indeed, in the posthumous *editio princeps* of Gaza's translation prepared in 1476, as well as in the later 15th-century editions, that passage is rendered as "aristulae, sargiacus, lolii" (with an omission of the equivalent for βελόναι). In his 1504 edition, Aldus Manutius replaced the word *sargiacus* by a 2nd declension plural *sargiaci*. All the following editions apparently preserved Aldus' conjecture. Still, the manuscript Vat. lat. 2094, which is, as John Monfasani has shown, the copy Gaza presented to the pope Sixtus IV in the early 1470s, reads "aristulae, sargi, acus, lolii". *Sargus* and *acus* were regularly employed by Gaza elsewhere in the text for the fish names σαργός and βελόνη respectively. He used to emend the Aristotelian text extensively, so it is no wonder that he suggested reading the well-attested fish name σαργός here instead of the extremely rare word σαργῖνος. Most probably he was not aware of the only other occurrence of the latter, namely in Ath. 7.117.10–16 (partially repeated in Ath. 7.93.6–8) and considered σαργῖνος a scribal error. So, the text of the Vatican codex makes it clear that the word *sargiacus* originated from the skipped punctuation mark in the *editio princeps* (or in the manuscript underlying it). Neither the correct spelling "sargi, acus" in Agostino Nifo's commentary on the *Historia animalium* (1546), nor Edward Wotton's suggestion that the word *sargiacus* might be a typo (1552) attracted attention of the contemporaries. The word *sargiacus* is widely attested in scientific writings of the 16th–18th centuries, as well as in some dictionaries, and appears in print as late as in 1864.

Keywords: Aristotle, Theodore Gaza, Latin animal names, Greek animal names, history of ichthyology, typographical errors, scribal errors.

DOI:10.30842/ielcp230690152227

Natalija Ganina

LATEIN IM LÜBISCHEN RECHT

В статье исследуются взаимоотношения латыни и нижненемецкого языка в любекской правовой традиции и функционирование латыни на всех уровнях (отдельные пассажи, вкрапления предложений и словосочетаний, лексические заимствования) в различных редакциях любекского права, прежде всего, в Эльбингском кодексе (ок. 1275 г.), кодексе любекской канцелярии (Кильский кодекс, ок. 1282 г.), кодексе Бардевика (1294 г.) и Ольденбургском кодексе (ок. 1400 г.) При этом открытие кодекса Бардевика, долгое время считавшегося утраченным, позволяет дополнить исследуемую картину новыми данными.

Ключевые слова: средневековые немецкие рукописи, Любек, любекское право, латынь, народный язык, средненижненемецкий, Кильский кодекс, кодекс Бардевика.

Die frühesten Handschriften des Lübischen Stadtrechts werden auf die Zeit von ca. 1225 bis 1263 datiert. Als die erste z. Z. bekannte Handschrift kommt das sogenannte ‘Lübecker Fragment’ vor (verschollen; Vorlage vor 1225, Handschrift etwa 1230/1240, Datierung nach Korlén 1951: 62). Das sind lateinische Fassungen mit gelegentlichen niederdeutschen Fachausdrücken. Dies passt völlig in den Kontext der lateinischen Schriftlichkeit in Lübeck hinein: wie Robert Peters betont, ist Schriftsprache in Lübeck zwischen 1150 und 1270 das Lateinische (Peters 2000: 351).

Nach Wilhelm Ebel sind acht lateinische Handschriften des Lübischen Rechts und einige Fragmente aus der Zeit von ca. 1230 bis 1263 nachgewiesen (Ebel 1967: 14), vgl. die Liste bei (Frensdorff 1872: 7f.) Diese lateinischen Handschriften hatten einen Grundbestand je 90 Artikel (Frensdorff 1872: 21; Ebel 1967: 14). Einen Zweig von Rechtshandschriften der älteren lateinischen Form bilden die Codizes der Breslau-Krakauer Gruppe, das Wiener Bruchstück und vielleicht das sogenannte Fragment von Słupce (Frensdorff 1872: 9; Ebel 1971: 201; Ebel/Schelling 1993: 93).

Der Übergang zur Volkssprache in der Lübecker Rechtstradition wird auf die Zeit kurz nach 1263 datiert, wobei spätestens um 1267 eine durch eine Lübecker Ratsmitteilung an Rostock erwiesene niederdeutsche Ausfertigung vorlag (Frensdorff 1872: 54; Korlén

1951: 33). Seit dem letzten Viertel des 13. Jahrhunderts entsteht eine ganze Reihe von bedeutenden Handschriften des Lübischen Rechts, die weiter zu behandeln sind: der Elbinger Codex (E; Danzig/ Gdańsk, Wojewódzkie Archiwum Panstwowe, 369, 1/1, früher Elbing/Elbląg, Stadtarchiv, ohne Signatur [1], um 1275), der Revaler Codex (R; Tallinn, Tallinna Linnaarhiiv, f. 230 Cm 6, i. J. 1282), der Kieler Codex (Ki; der 'Lübecker Kanzleicodex', Kiel, Stadtarchiv, 79413, früher ohne Signatur, um 1282), der Kopenhagener Codex (Kp; Kopenhagen, Danske Kongelige Bibliotek, Cod. Thott. 1003, 4°, i. J. 1294/1295), der Bardewiksche Codex (B; Jurjewetz, 'Museen der Stadt Jurjewetz', JuKM-2010, früher Lübeck, Stadtarchiv, Hs. 734, i. J. 1294, im Auftrag des Lübecker Kanzlers Albrecht von Bardewik), der Kolberger Codex (Kl; Kolberg/ Kołobrzeg, Ratsarchiv, verschollen, i. J. 1297), der erste Tidemann-Güstrowsche Codex (T^{1}; Kopenhagen, Danske Kongelige Bibliotek, Cod. Ledreborg 13, 2°, i. J. 1348 г. im Auftrag des Bürgermeisters Tidemann Güstrow; der Zwillingscodex T^{2}, Lübeck, Stadtarchiv, Hs. 735, Verbleib unbekannt), der Oldenburger Codex (O; Schleswig, Landesarchiv, Bestand 400.3 Oldenburg Nr. 5, früher Oldenburg, Stadtarchiv, ohne Signatur, um 1400). Als Vorlage für den Elbinger Codex gilt eine nicht erhaltene niederdeutsche Handschrift $*L^{1}$, die vermutlich aus 112 Artikeln bestand (Frensdorff 1872: 62f.; Korlén 1951: 33). Der Schreibsprachenwechsel im Urkundenwesen Lübecks fand jedoch später als in der Rechtsprosa statt, und zwar erst nach 1340 (Peters 2000: 353).

Lateinische Handschriften und Fragmente erscheinen als Darlegung des bereits in der Volkssprache formulierten Lübischen Rechts, das ursprünglich in mündlicher Form existiert hatte. Albrecht Cordes hebt zu Recht hervor, dass eine große Anzahl von niederdeutschen Begriffen, die sich noch vor der Verschriftlichung entwickelt hatten, keine Entsprechungen im Lateinischen hatte und in den lateinischen Text ohne Übersetzung aufgenommen wurde (Cordes 2018). Die Aufnahme der nichtäquivalenten Lexik ist für die Frühstufe des germanischen Rechts typisch, vgl. z. B. *morginegiua* 'Morgengabe' in der Lex Burgundionum, Liber constitutionum 42 (Leges Burgundionum 1892: 73) oder *gardingus* 'Hofmann, Hofbeamter' u.a. in den Leges Visigothorum (Gamillscheg 1934–1936, I: 356f.). Vgl. dieselbe Vorgehensweise im für Danzig i. J. 1263 ausgefertigten Codex (Göttingen, Niedersächsische Staats-

und Universitätsbibliothek, 8° Cod. Ms. jurid. 806)[1]: *Hereditaria bona id est torfhacheigen* (Art. 4) 'Das gute Erbe, das heißt Volleigentum', *De herewede et Radhe* (Art. 12, Überschrift) 'vom Heergewäte und vom Gerade' = 'vom Sondergut des Mannes und vom Frauensondergut'. Die Übersetzung germanischer Rechtswörter ins Lateinische ist ein vielfältiges Problem, vgl. die Ausführungen zu lat. *societas* und einer ganzen Reihe von seinen niederdeutschen Entsprechungen im Lübischen Recht (Cordes 2018).

Was das volkssprachige Lübische Recht betrifft, sind folgende Fälle aufzulisten, in denen das Lateinische im niederdeutschen Text vorkommt:

1. Einzelne Passagen

a) Lateinische Proömien der niederdeutschen Codizes (E, Ki, nur in diesen Handschriften):

IN nomine sancte et indiuidue trinitatis. aduocatus consules et commune ciuitatis lubicensis. omnibus hanc paginam inspecturis salutem. Sicut edicta imperialis dignitatis ab omnibus personis laicalibus firmiter ac inuiolabiliter sunt obseruanda. Ita recte per simile quicquid[2] *ciuitatis discretorum statuit*[3] *et ordinat consilium. secundum iusiurandum ciuitatis. debet a suis conciuibus firmiter obseruari. Igitur quoniam ciuitates sua iura seruant singule. ac retinent diuersimode ordinata. presentibus et futuris innotescat. quod ad honorem ihesu christi eiusque pie matris misericordie marie. et ob reuerendam peticionem domini willehelmi. venerabilis apostolice sedis legati. quondam mutinensis episcopi. dilectis amicis nostris burgensibus in elbingo*[4]*. Jus nostre ciuitatis contulimus. quo uidelicet iure burgenses nostri Juris sibi statuto regimine moderantur. Vt autem hoc factum fauorabiliter teneatur. presens uolumen. ipsis sigilli nostri munimine roboramus. Datum anno domini M.CC.XL.*

Nostre uobis tradimus Jura ciuitatis Inuiolabiliter ut hec teneatis. n<a>m[5] *Fas est ut illa per melius augeatis. Sed data decreta nunquam minui faciatis. Hec iuris et decreti sunt inicia. In*

[1] Zitiert nach Hach 1839: 186, 188. Zum Göttinger (in der älteren Forschung Danziger) Codex siehe Ebel, Schelling 1993: 94.
[2] *quitquid*] E
[3] *statuit*] fehlt in Ki
[4] Vor *Jus nostre*] drei Punkte in Ki, die als verzierende Elemente oder als Auslassungspunkte interpretiert werden können.
[5] *nam*] fehlt in Ki. Siehe Methner 1937: 22; Korlén 1951: 83.

quibus docetur quis honeste viuere. alterum non ledere. Jus suum cuique tribuere[6]. (E, Bl. 2rv, Ki, Bl. 1rv)[7].

Das Proömium geht auf eine Vorlage aus dem Jahre 1240 zurück[8], während es unbekannt bleibt, ob sie aus früheren lateinischen Fassungen oder aus der 'Urhandschrift' *L^1 stammt (Korlén 1951: 33f.). Das Lateinische erscheint hier als die Sprache der Kirche sowie der Jurisprudenz und übt die Funktion der ehrwürdigen offiziellen Schriftsprache aus.

b) Nachträge in Ki und B:

Verordnung vom Hopfenkauf: *De iure humulariorum et quo jure humulus sit vendendus* (Ki, Bl. 88v-89r, B, Bl. 93). Der Nachtrag im Kieler und im Bardewikschen Codex wurde von einer und derselben Hand ausgeführt und identisch gestaltet (siehe Korlén 1951: 18 mit weiterer Literatur zum Abdruck).

Die zum Bardewikschen Codex beigehefteten Urkundenabschriften (Bl. 1*r, Fragment 1) und ein Lübecker Zettel aus dem Jahre 1376 (Bl. 3*v) in lateinischer Sprache werden in diesem Zusammenhang nicht berücksichtigt, weil es sich um spätere mechanisch hinzugefügte Texte handelt (siehe Ganina, Mokretsova 2016: 57f.)

2. Lateinische Schnipsel im niederdeutschen Text

a) der Kieler und der Bardewiksche Codex

per Priapum/bi deme pintte

E, R, Ki, Kl, O bieten in Art. 42 *De be grepen wert bi enes echten mannes wiue* die Lesart 42a *per Priapum* gegenüber *bi deme pintte* in B 8 und Kp 41. Es handelt sich um die Strafe, bei der der Schänder eines fremden Ehebettes auf solche Weise durch die Stadt geführt werden muss. In Ki steht noch der 'verhüllende' lateinische Ausdruck, während B und Kp eine volkssprachige Neuerung aufgenommen haben (siehe Ganina 2016: 200).

ofte is he furiosus ofte prodigus (Ki 207, B 102)

---

[6] *Nostre uobis* [...] *tribuere*] in Rot; E, Ki.

[7] Zitiert nach der Elbinger Handschrift (Danzig/Gdańsk, Wojewódzkie Archiwum Panstwowe, 369, 1/1, früher Elbing/Elbląg, Stadtarchiv, ohne Signatur [1]). Die Kürzungen werden aufgelöst. Vgl. den Abdruck bei (Methner 1937: 21f.) und die Ausgabe Korléns nach dem Kieler Codex (Korlén 1951: 83).

[8] Deswegen wurde der Kieler Codex in der Erstedition des Lübischen Rechts (Hach 1839) irrtümlich als 'der Codex aus dem Jahre 1240' bezeichnet.

In dieser Passage handelt es sich um einen Jüngling, der als geisteskrank (*furiosus*) oder als Verschwender (*prodigus*) erklärt wird. Im rechtlichen Sinne ist unter *prodigus* eine Person gemeint, der die Verwaltung und Verfügung über ihr Vermögen wegen Verschwendung entzogen ist. Weiterhin werden in demselben Artikel psychische und körperliche Behinderungen in lateinischer Sprache bezeichnet: *vordmer. omnes mente. capti surdimuti*[9]*. et qui inperpetuo morbo laborant sine interuallo. den schal man bisorgere gheuen. ane de se nicht don moghen*. (Ki 207, B 102, Kp 205; Art. fehlt in O) 'alle Geisteskranken, Tauben, Stummen und diejenigen, die an einer immerwährenden Krankheit ohne Unterlass leiden.'

Ob diese Fälle als bloße Überreste einer früheren lateinischen Fassung zu verstehen sind oder dieser Gebrauch aus juristischen oder tabuistischen Gründen bewusst beibehalten wurde, bleibt unbekannt. Auf jeden Fall ist diese Textstelle sowie der ganze Artikel nur in Ki, B und Kp vorhanden und geht dementsprechend auf Vorlagen von Ki zurück.

Im Bardewikschen Codex kommt diese Passage schon gewissermaßen entstellt vor: *om<n>es*[10] *mente. capti surdi*[11] *et qui inperpetuo morbo laborant sine interuallo. den schal men bisorghere gheuen ane de se nicht don moghen* (B 102, Bl. 23vb). Das Wort *muti* 'die Stummen' scheint in B vom Schreiber unabsichtlich weggelassen zu sein, weil es in der Parallelüberlieferung der Lübecker Codizes vorhanden ist, vgl. Angaben im Apparat bei (Korlén 1951: 144).

Habitum est (Ki, Register, Artikeltitel 132 zu Art. 133). Im Haupttext heißt der Artikeltitel *van schepes rechte*, während in B der entsprechende Artikel fehlt.

Item (Ki, Register, Artikeltitel 196 zu Art. 198; B, 1. bzw. neues Register, Bl. 77va, Artikeltitel 126, Schreiber Helmich Timmo in Ki und B).

Die zwei letzten Fälle spiegeln individuelle Schreibgewohnheiten des Schreibers wider, nämlich des Lübecker Domvikars Helmich Timmo, der an der Redigierung des Kieler und des

[9] Die Wendung *surdimuti* wird in der Edition des Lübischen Rechts nach dem Kieler Codex (Korlén 1951: 144) handschriftengetreu wiedergegeben. Damit sind die Tauben und die Stummen abgesondert gemeint, nicht die Taubstummen, vgl. lat. *surdomutus* 'taubstumm', Pl. *surdomuti.*

[10] *om<n>es*] *ommes* B

[11] *surdi*] *surdimuti* Ki

Bardewikschen Codex beteiligt war und die Tidemann-Güstrowschen Codizes i. J. 1348 erstellte[12].

b) der Oldenburger Codex

Im Oldenburger Codex aus der Zeit um 1400 tauchen einige lateinische Ausdrücke auf, die in der Lübecker Ratshandschrift (Ki) sowie im Bardewikschen Codex und anderen Codizes des Lübischen Rechts aus dem späten 13. Jahrhundert bzw. der ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts fehlen. Die Gesamtheit der Fälle kann folgendermaßen dargestellt werden:

he schal dat beteren myt lx schillinghe tertia pars Judicio tertia ciuitati tertia innocenti (O 48)[13]

vgl. *He schal dat beteren mit sestich schillingen. der wert dat dridde del. deme richte Dat dridde del der stat. vnde de dridde del deme sakewolden.* (Ki 36, B 78)

de anderen helfte schal me schatten an dre deel tertia ciuitati tertia iudicio tertia agenti (O 56)

vgl. *de anderen helfte schal men schichten. an dre. del. des nemet de stat dat dridde del. Dat richte den dridden del. De sakewolde den dridden del.* (Ki 97, B 90)

so mo̊t he wedden lx schillinge tertiam Judici tertiam ciuitati tertiam actori (O 112)

vgl. *so mot he wedden sestich schillinge. der boret to deme richtere dat dridde del. vnde der stat dat dridde del. vnde deme klegere dat dridde Del.* (Ki 129, B 72)

de andere weddet lx solidos (O 49)

vgl. *deschal beteren mit sestich schillingen.* (Ki 40, B 79)

de violentiis (O 53, Artikeltitel). In den Artikelüberschriften von Ki, B, Kp und T^1 kommt kein Latein vor; zu der Präzisierung bzw. Systematisierung der Artikeltitel in B siehe Ganina 2017: 139–141.

Item (O 54, 55): keine Belege in entsprechenden Artikeln der Lübecker Ratshandschrift (Ki 110, 149, B 186) sowie im Haupttext von Ki und B.

falsus testis dabit lx solidos et numquam erit testis ydoneus (O 76)

vgl. *de valsche tuch scal beteren mit sestich schillingen. vnde he ne schal dar na nimmer mer iemende tugen helpen* (Ki 50, B 108)

[12] Siehe Ganina 2016: 195–197.
[13] Zitiert nach dem Textabdruck bei Korlén 1951: 170–188.

Aller Wahrscheinlichekeit nach handelt es sich bei diesen lateinischen Formulierungen des Oldenburger Codex um eine Lokaltradition des Schreibers bzw. der Schreiber.

3. Lehnwörter

Es ergibt sich die Frage nach lateinischen Lehnwörtern in der Sprache des Lübischen Rechts. Die Untersuchung nach der Edition des Kieler und des Oldenburger Codex bei (Korlén 1951: 83–158, 170–188) lässt folgende Gebrauchsfälle zusammenfassen: *almose* (Ki 29, B 31), aus gr.-lat. *eleemosyna*, vgl. mhd. *almuosen*;[14] *keller*, *kelrehure* 'Kellermiete' (Ki 203, B 207) aus lat. *cellarium*; *keyser* (Ki 143, B 189) aus lat. *Cæsar*, vgl. mhd. *keiser*; *kloster* (Ki 21, B 27) aus lat. *claustrum*, *clostrum*; *kopinge*, *kopere* (Ki 79, B 116), *vorkopen* (Ki 96, B 121), *kop(schat)* (Ki 97, B 90), *kop(manscap)* (Ki 213, B 86) aus lat. *caupo*, *cauponarius*; *leige* 'Laie' (Ki 212, B 89) aus lat. *laicus*; *muntmal* 'Münzstempel' (Ki 176, B 130), *muntmester* (Ki 176, B 130) von *munte*, *monte* 'Münze' aus dem lat. *moneta*, vgl. mhd. *minze*, *münze*; *meystere* (O 35; das Wort fehlt in Ki 196 und B 132), (*munt*)*mester* 'Münzmeister' (Ki 176, B 130), (*beckere*) *mester* (Ki, Register, Artikeltitel 203 zu Art. 205), (*Uan den*) *mesteren* (*der beckere*) (B, 1. Register, Artikeltitel 208) aus lat. *magister*; *mure* (Ki 8, B 162) aus lat. *murus*; *pape* (Ki 212, B 89) aus lat. *papa*, vgl. mhd. *phaffe*; *pasche* (Ki 96, B 121) aus gr.-lat. *pascha*, vgl. mhd. *pasche*; *perd* (Ki 82, B 155) aus mlat. *parafredus*, *parefridus* von lat. *paraveredus*, vgl. mhd. *phert*; *priuate* 'Abtritt, Toilette' (Ki 141, B 205) aus mlat. *privata* (*camera*), *priveta*, *privatum*, vgl. mhd. *privêt*, *privête*; *prouest* (Ki 2, B 175) aus lat. *præpositus*, vgl. mhd. *brobest*, *probest*; *pund* (Ki 228, B 220), *markpunt* (Ki 162, B 103) aus lat. *pondus*, Abl. *pondo*; *punder* 'Schnellwaage' (Ki 47, B 129) aus lat. *pondarium*; (*dat*) *Registrum* (Überschrift des Registers in Ki, 1. Register in B); *strate* (Ki 66, B 169) aus lat. (*via*) *strata*; *summe* (Ki 236, B 228) aus lat. *summa*; *sunte* (*Michelis mertens daghe*) (Ki 96, 220, B 121, 212) aus dem Genitiv des lat. *sanctus*, vgl. mhd. *sancte*, *sante*, *sente*; *testament* (Ki 162, B 103) aus lat. *testamentum*; *torn* (Ki 55, B 140) aus lat. *turris*, vgl. mhd. *turn*; *win* (Ki 72, B 87) aus lat. *vinum*. Zu dem

[14] Es wird je der erste Beleg des Gebrauchs im Kieler und im Bardewikschen Codex angegeben. Notwendige Übersetzungen und Etymologien werden mit Rückgriff auf Korlén 1951: 189–236, Glossar; Schiller, Lübben 1875–1881; Lexer 1872–1878 angeführt.

lateinischen Lehngut gehört auch das Suffix der Nomina agentis *-ere* aus lat. *-arī(us)*: *borgere*, *geborgere*, *richtere*, *klegere*, *molnere*, *weduwere*, *rouere*, *mordere*, *mendeder* (durchgängig in Ki, B und in weiteren Codizes).

Das sind Alltagswörter, die in verschiedenen Perioden entlehnt wurden. Ihr relativ geringer Anzahl ist durch den Alltagsgebrauch bedingt, es sind keine 'Schmückworter' belegt. Am meisten kann die vollständige Integration der lateinischen Entlehnungen im Niederdeutschen beobachtet werden, während *dat Registrum* (Überschrift des Registers in Ki, 1. Register in B) als Gegenbeispiel erscheint. Dabei sei es zu betonen, dass solche Wörter wie *amye* (Ki 27, B 7), *kumpan* (Ki 61, B 33), *pant* (Ki 109, B 156), *rinte/rente* (Ki 186, B 105)[15] aus dem Altfranzösischen stammen und dementsprechend nur indirekt auf das Lateinische zurückgehen.

Literatur

Cordes, A. 2018: Latin – Low German – High German – Latin: The Language of the Law of Lübeck (1200–1650). *In Vorbereitung.*

Ebel, F., Schelling, R. 1993: Das lateinische lübische Recht in der schlesisch-polnischen Fassung des 13. Jahrhunderts. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung* 110, 93–148 (Nachdruck in: Ebel, F. 2004: *Unseren fruntlichen Grus zuvor. Deutsches Recht des Mittelalters im mittel- und osteuropäischen Raum. Kleine Schriften*. Hg. von A. Fijal [u.a.], Köln, 253–324).

Ebel, W. 1967: *Lübisches Recht im Ostseeraum.* Köln (Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen. Geisteswissenschaften 143).

Frensdorff, F. 1872: *Das lübische Recht nach seinen ältesten Formen*. Leipzig.

Gamillscheg, E. 1934–1936: *Romania germanica. Sprach- und Siedlungsgeschichte der Germanen auf dem Boden des alten Römerreichs*. 3 Bde. Berlin.

Ganina, N., Mokretsova, I. 2016: Verschollener 'Bardewikscher Codex' aufgefunden, in: *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur* 145, 49–69.

Ganina, N. 2016: Bardewikscher Codex: Problemstellungen und Perspektiven der Forschung. *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 20 (1), 194–203 (=*Индоевропейское языкознание и классическая филология* 20 (1), 194–203).

[15] Zu *rinte/rente* im Lübischen Recht siehe (Korlén 1951: 52f.); zur Etymologie vgl. (Lexer 1872–1878, II: Sp.406).

Ganina, N. 2017: Zur Textkritik des Bardewikschen Codex. In: *Deutsch-russische Kulturbeziehungen in Mittelalter und Neuzeit. Aus abendländischen Beständen in Russland. Ergebnisse der Tagung des deutsch-russischen Arbeitskreises vom 7. bis 9. April 2016 an der Philipps Universität Marburg*. Hg. von Natalija Ganina [u.a.] Erfurt, 129–146.

Hach, J. F. 1839: *Das alte lübische Recht.* Lübeck (Neudruck Aalen 1969).

Korlén, G. 1951: *Norddeutsche Stadtrechte. Bd. II: Das mittelniederdeutsche Stadtrecht von Lübeck nach seinen ältesten Formen.* Lund/Kopenhagen (Lunder Germanistische Forschungen 23).

Leges Burgundionum 1892: Ed. L. R. von Salis, Monumenta Germaniae Historica. Leges, sectio I, t. II, p. I. Hannover.

Lexer, M. 1872–1878: *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*. 3 Bde. Leipzig.

Methner, A. 1937: Die älteste deutsche Handschrift des Lübischen Rechts für Elbing. In: *Elbinger Jahrbuch* 14, 1, 59–110 (mit Abdruck).

Peters, R. 2012: Die Kanzleisprache Lübecks. In: *Kanzleisprachenforschung. Ein internationales Handbuch*. Hg. von A. Greule [u.a.]. Berlin, 347–365.

Schiller, K., Lübben, A. 1875–1881: *Mittelniederdeutsches Wörterbuch*. 6 Bde. Bremen.

Natalija Ganina. Latin in the Lübeck Law

The article offers a study of interrelations of Latin and Middle Low German in the Lübeck law tradition and discusses the multi-leveled use of Latin (single passages, inclusions of sentences and phrases, loan words) in various versions of the Lübeck law, especially in the Elbing Codex (c. 1275), the 'Codex of the Lübeck chancellery' (the Kiel codex, c. 1282), the Bardewik codex (1294), and the Oldenburg codex (c. 1400), while the discovery of the long-lost Bardewik codex allows to take into consideration new research data on this matter.

Key words: medieval German manuscripts, Lübeck, Lübeck law, Latin, vernacular, Middle Low German, Kiel codex, Bardewik codex.

DOI:10.30842/ielcp230690152228

И. Р. Гимадеев

БЫЛА ЛИ ИЗВЕСТНА ЖЕВАТЕЛЬНАЯ РЕЗИНКА В ЭПОХУ ГОРАЦИЯ?
(о значении слова *pastillus* у Hor. sat. I 2, 26; 4, 91)

Автор разбирает происхождение и значение термина pastillus, употребленного у Горация дважды (sat. I 2, 26; 4, 91), пытаясь сопоставить этот продукт с современным аналогом. Детальное изучение источников и сравнение с греческой мастикой (мастикс) дает некоторое представление о рецепте, форме и употреблении *pastillus*, что очень важно из-за неточности истолкования в комментаторской традиции. В конце статьи с осторожностью делается вывод о соответствии исследуемого продукта современной жевательной резинке.

Ключевые слова: Гораций, жвачка, pastillus, сатиры, еда в античности.

Nil medium est, – восклицает Гораций (sat. II 28), – щёголь Руфилл пахнет *pastillos*, а от Гаргония исходит запах козла (Hor. *sat*. I 2, 26 sq.: *facetus*[1] / *pastillos Rufillus olet*, *Gargonius hircum*). В другой сатире поэт, еще раз приводя данную строку, сетует на то, что кажется недоброжелательным (*lividus*) и язвительным (*mordax*) лишь потому, что говорит о Руфилле и Гаргонии (Hor. *sat*. I 4, 91 sqq.: *ego si risi*, *quod ineptus* / *pastillos Rufillus olet*, *Gargonius hircum*, / *lividus et mordax videor tibi*?).

Вероятно следует различать *pastillus* и *pastillum*, хотя у авторов оба слова явно смешиваются. Варрон (ap. Char. gramm. I 37, 15) упоминал слово *pastillum*: *hic panis*, *hic pastillus*, *et hoc pastillum ut Varro dixit*. *Pastillum* обозначает вид жертвенного печенья, а *pastillus* может обозначать пилюлю, шарик или пастилку[2]. В глоссах это слово переводится как *crustula* или *τροχίσκος*, из-за округлости *pastilli*[3]. А. Гаури-Каррер особо оговаривает, что не учитывает этого значения (Hauri-Karrer 1972: 57). О. Гильтбруннер предполагает, что здесь мы имеем

[1] Текст приводится по изданию Borzsák 1984. Ф. Клингнер также относит *facetus* к *Rufillus*, однако editio major О. Келлера и А. Холдера, а также Орелли (ed. 4) относят *facetus* к предыдущему предложению.

[2] OLD s. v. *pastillum*: «…A form of sacrificial cake»; s. v. *pastillus*: «…(med.) A pastille (either swallowed or applied as a medicament)… (used to sweeten the breath)».

[3] *Gloss*. 5, 655, 19 *crustula* (glossae Juv.); cf.: 1, 2. 2, 142, 53 и 143, 4.

дело с развитием значения, изначально же слово обозначало выпечку[4].

По свидетельству грамматиков (Paul. Fest. 222 M: *pastillus forma parvi panis utique deminutivum est a pane*; cf. Fest. 250 M) *pastillus* есть уменьшительное от *panis*; там же пояснение к *pastillum*: *est in sacris libi genus rotundi*, что ясно подтверждает и Цельс: *deam panificiis placant* (Cels. II 18). Принадлежность *pastillus* к обрядам жертвоприношения А. Гаури-Каррер оставляет под вопросом (Hauri-Karrer 1972: 58)[5]. Харисий (Char. *gramm*. I 90, 10 sq.) тоже говорит о том, что *pastillus* есть уменьшительное от *panis*, прибавляя, что его употребляли сельские жители (*rustici*). Й.-Б. Гофманн, вопреки мнению А. Вальде (Walde, Hofmann 1938: s.v. panis. Cf. de Vaan), указывает на невозможность произведения из **pāstus* (*pāscō*) или от *pasta* (из гр. *πάστη*), что означает ‘тесто’, в чем сомневается и Г. Диллер (Diller 1949: 2100–2103), придерживающийся мнения древних грамматиков. Это мнение подтверждает и грамматика М. Лейманна: *pastillus* из **pastni-los* с ассимиляцией было закономерным развитием *pānis* (из **past-nis*) с уменьшительным суффиксом *-lo-* (Leumann 1977: 143, 209; Hiltbrunner 1958: 168; Hauri-Karrer 1972: 57).

Что же представляет собой *pastillus* у Горация? По объяснению Псевдоакрона, Гораций хочет сказать, что человеку не пристало пахнуть ни козлом, ни *pastillos*. Последние схолиаст толкует словами *diapasmata* и *unguentum* (Keller 1967). Порфирион говорит о неумеренности и поясняет о том, что одни сверх меры стремятся к чистоте, когда другие вообще не проявляют попечения о теле (Holder, Keller 1894). К. фон Орелли только приводит параллельные места из Марциала, Климента Александрийского и Сенеки, не давая пояснений. Рассмотрим подробнее всех процитированных Орелли авторов. Во-первых, у Марциала (Mart. I 87, 1 sq.: *ne gravis hesterno fragres*, *Fescennia*, *vino*, / *pastillos Cosmi luxuriosa voras*) *pastillus* используется, чтобы перебить запах перегара после попойки, и описывается гр. словом *diapasma* (διάπασμα). Последнее получали, высу-

[4] ibid., 58 со ссылкой на Hiltbrunner 1958 (n. v.).

[5] Она помещает термин в главу «Allgemeine Gebäcksbezeichnungen», сравнивая *pastillus* с *panificium*, относительно которого ничего не разъясняет, т.к. *panificium* относится не к пирогам и выпечке, но к хлебам.

шивая душистые растения, а затем, перетирая их в порошок или делая *pastillos* (Forcellini s. v. *diapasma*) (ibid. 5). Плиний как раз указывает на изготовление *pastillos* из высохшего на солнце сока растений (n. h. XII 131; XIII 126; XX 3). Изготавливает *pastillos* известный парфюмер Косм[6] (ibid.), который упоминается Ювеналом (8, 86) и Марциалом во многих эпиграммах (III 55, 1; 82, 26; IX 26, 2; XI 8, 9; 15, 6; 49, 6; XI 55, 7; 65, 4; XIV 59, 2; 146, 1;). Изготовлением их также занимались *pastillarii* (Inscr. Christ. Lat. ed. Diehl I 628 sq.; Augustin. Manich. II 46 (XXXII 1365, 18 Migne)). Встречается упоминание *mel pastillatum* (Cass. Fel. 19, 20), т. е. меда, высушенного до состояния *pastillorum*, что близко соответствует гр. μέλλιτι παστιλλώσαντι (Oribas. ecl. med. 101, 3). Во-вторых К. фон Орелли сравнивает *pastillus* с гр. μαστίχη, приводя слова Климента Александрийского, который осуждает изнеженных современников: χλανίσι δὲ δὴ φαναῖσι περιπεπεμμένοι / καὶ μαστίχην τρώγοντες, ὄζοντες μύρου (Clem. Alex. paed. III 3, 15, 1[7]). Упомянутую мастику (мастикс), вероятно, получали из растений σχῖνος (Pistacia lentiscus L.). Вечнозеленое мастиковое дерево (Pistacia lentiscus L.) выращивается ради его смолы. Главным экспортером в наше время является о. Хиос. Мастика используется для придания вкуса алкогольной спиртосодержащей продукции, выпечке, десертам; в качестве жевательной резинки, а также в производстве косметики и зубной пасты. Примечательно использование смолы этого растения для изготовления рахат-лукума. Прозрачные, твердые и ломкие кусочки смолы при пережевывании размягчаются и приобретают белесый цвет. Кроме того, в качестве жвачки могли использовать выделяющееся из листьев или корней молочко растения ἰξίνη (Atractylis gummifera L.), которое в высушенном виде приобретало свойство каучука[8]. Оно имеет сладкий вкус и приятный аромат, однако корень Атрактилиса камеденосного настолько ядовит, что его употребление в пищу может привести к смерти. Наконец,

[6] Forcellini s. v. *pastillus* II 2 сообщает о пилюлях с приятным запахом, которые изготавливают парфюмеры: «*dicitur et de pilulis unguentariis, quae odoris gratia gestantur*».

[7] «Закутавшись в яркие платья и грызя мастику, издавая запах мира».

[8] OLD s.v. μαστίχη. Cf. Georges: «… von μάσταξ, μαστιχάω, μασάομαι, weil man es, wie noch jetzt im Orient, seines Wohlgeruchs wegen kaute…».

упомянутый у Орелли Сенека (86, 13: *pastillos Bucillus olet*) неточно вспоминает приведенную строку из Горация, сетуя на то, что его современникам уже мало потреблять *pastillos*, они предпочитают несколько раз в день надушиться, чтобы запах не испарился (ibid.: *parum est sumere unguentum nisi bis die terque renovator*, *ne evanescat in corpore*). А. Кисслинг и Р. Гейнце объясняют *pastillus* как уменьшительное от *panis* в значении ароматной пасты для улучшения дыхания, приводя указанное место у Марциала[9]. Им следуют Л. Мюллер (Müller 1891), называя *pastillus* пилюлями (Pillen), и Г. Крюгер (Krüger 1894) – шариками (Kügelchen).

А. И. Солопов и А. А. Григорьева исследовали инскрипцию или лемму одного анонимного стихотворения «Латинской антологии» (Солопов, Григорьева 2002: 178–182)[10]: +*de pastillu cocten* / *blandum mellis opus sollerti fingitur arte*, / *faucibus hoc dulce est*, *dentibus interitus* (Riese 1869: 161, No. 231 = Burmanni V 160, Meyeri 1091; Baehrens 1882: 307, No. 407; Bailey 1982: 223). Александр Ризе в первом издании (1869) ставит перед инскрипцией crux interpretum. А. И. Солопов и А. А. Григорьева, основываясь на изд. Бюхелера-Ризе (Buecheler, Riese 1894) с учетом Бэренса (Baehrens 1882) и Дэвида Роя Шеклтона Бейли (Bailey 1982) приводят следующий аппарат: De pastilli coctu Meermannus, De pastillo coceto Baehrens, De pastillo coceti Riese (ed. II), probante Bailey. Однако эти чтения авторами отвергаются. Вместо *de pastillu cocten* они читают *de pastillu copten*, допуская употребление *de* с аккузативом и идентифицируя лакомство как κόπτη ‘козинаки’, которые в новогреческом называются τὸ παστέλ(λ)ι, исходя из чего «слово *pastillus* рассматривается не как nomen genericum (призванный классифицировать *copte* как *species*), а как синоним (или почти синоним)» (Солопов, Григорьева 2002: 178–182).

Мы не можем точно утверждать, говорится ли здесь о козинаках, либо о *pastillus* в значении пилюля, шарик или пастилка, но, скорее всего, эта сладость, изготовленная из меда,

[9] Kiessling ad l. c.: «Deminutiv von panis, sind wohlriechende Pasten zur Verbesserung des Atems…».

[10] Там же и перевод: «Приятное произведение из меда лепится с великим искусством. Для горла оно приятно, а вот для зубов – погибель». Cf. Hauri-Karrer 1972: 57; Heraeus 1937: 104 (n. v.) предполагает, что здесь описывается иной род выпечки – copta.

вязкая и подлежит долгому пережевыванию. А. Гаури-Каррер определяет *pastillus* в этом месте как вкусную, однако же вредную для зубов, выпечку, потому что она или очень твёрдая, или слишком сладкая (Hauri-Karrer 1972: 57)[11].

Интересно сравнить строчку из приведённой эпиграммы Марциала (I 87, 3: *ista linunt dentes iantacula* sc. *pastilli*) с цитатой из антологии. *Pastillus* здесь не только освежает дыхание, но и буквально размазывается по зубам (*linunt*), в эпиграмме сказано несколько сильнее, но близко по значению – *dentibus interitus* (гибель зубам). Соотнося это с местом из Климента Александрийского о мастике, которую жуют (Clem. Alex. Paed. III 3, 15, 1), можно сделать вывод о том, что Гораций упоминает, скорее всего, подобие жевательной резинки, которая приятна (*dulcis*) на вкус и обладает свойствами каучука, будучи изготовлена из смол. Уже у К. Георгеса сказано о возможности жевать *pastillus* для освежения дыхания[12], однако термин до сих пор не был сопоставлен с сегодняшними реалиями.

Исходя из нижесказанного предлагаем понимать контекст следующим образом: «Глупцы, избегая одних пороков, оказываются во власти других (Hor. sat. I 2, 24). Мальтин расхаживает, опустив тунику слишком низко (*tunicis demissis*), а иной задирает до срамного места (25 sq.); щеголь Руфилл, от которого исходит аромат жевательной резинки (*pastillus*)[13], противопоставляется пахнущему козлом неопрятному Гаргонию».

Литература

Baehrens, A. 1882: *Poetae latini minores*. Recensuit et emendavit Aemilius Baehrens. Vol. IV. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri.

Buecheler, F., Riese A. (eds.). 1894: *Anthologia Latina sive poesis latinae supplementum*. Pars prior: carmina in codicibus scripta, recensuit A. Riese. Fasc. I: Libri Salmasiani aliorumque carmina. Editio altera denuo recognita. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri, 1894 (Bibliotheca scriptorium Graecorum et Romanorum Teubneriana).

Bailey, D. R. Sh. 1982: *Anthologia Latina*. I: Carmina in codicibus scripta. Fasc. I: Libri Salmasiani aliorumque carmina. Recensuit D. R. Sh.

[11] «Das Gebäck ist zwar gut, für die Zähne jedoch offenbar verderblich. Ist es zu hart, oder zu süss»?

[12] Georges s. v. *pastillus*: «von wohlriechenden Sachen, zum Kauen, um dem Athem einen angenehmen Geruch zu geben, Würzmorselle, Pastille».

[13] Kiessling ad l. c.: «sind wohlriechende Pasten zur Verbesserung des Atems».

Bailey. Fasc. I. Stutgardiae: in aedibus B. G. Teubneri, 1982 (Bibliotheca scriptorium Graecorum et Romanorum Teubneriana).
Borzsák, S. (ed.). 1984: Horatius Flaccus Quintus. *Opera*. Ed. Stephanus Borzsák, Leipzig: Teubner.
Diller, H. 1949: Pastillus. RE XVIII/2, 2100–2103.
Forcellini, A. 1965: *Lexicon totius latinitatis ab Aegidio Forcellini lucubratum deinde a Iosepho Furlanetto emendatum et auctum nunc vero curantibus Francisco Corradini et Iosepho Perin emendatius et auctius melioremque in formam redactum*, Bononiae: A. Forni.
Georges, K. E. 1951: *Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch.* 9. Aufl., 2 Bde., Basel.
Hauri-Karrer, A. 1972: *Lateinische Gebäckbezeichnungen*. Diss. Zürich.
Heraeus, W. 1937: Kleine Schriften. Heidelberg.
Hiltbrunner, O. 1958: *Latina Graeca. Semasiologische Studien über lateinische Wörter im Hinblick auf ihr Verhältnis zu griechischen Vorbildern*. Bern.
Holder, A., Keller, O. (eds.). 1864–1869: Horatius Flaccus Q. *Opera*. Rec. A. Holder et O. Keller, 2 voll., Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri.
Holder, A., Keller, O. (eds.). 1894: *Scholia antiqua in Q. Horatium Flaccum*, rec. A. Holder et O. Keller, vol. I, Porfyrionis commentum, rec. O. Keller, ad Aeni Pontem: sumptibus et typis Wagneri.
Keller, O. (ed.). 1967: *Pseudoacronis Scholia in Horatium vetustiora*, rec. O. Keller, ed. stereotypa ed. primae (1902–1904), 2 voll., Stutgardiae, in aedibus B. G. Teubneri.
Kiessling, A., Heinze, R. (eds.). 1921: Horatius Flaccus, Q., *Satiren*. Erkl. v. A. Kiessling, R. Heinze, 5. Aufl., Berlin: Weidmann.
Klingner, F. (ed.). 1959: Horatius Flaccus Q., *Opera*. Ed. Friedrich Klingner, 3. Aufl., Leipzig: Teubner.
Krüger, G. T. A. 1894: Q. Horatius Flaccus, *Satiren und Episteln*, erkl. v. Dr. G. T. A. Krüger, Dr. G. Krüger, 13. Aufl., Leipzig: B.G. Teubner.
Leumann M. 1977: *Lateinische Laut- und Formenlehre*. München.
LSJ – Liddell H. G., Scott R. A. Jones, H. S. 1996: A Greek-English Lexicon. With a Revised Supplement. Oxford.
Müller, L. 1891: *Q. Horati Flacci Sermonum et Epistularum libri, mit Anmerk. v. L. Müller*. Wien: F. Tempsky,
OLD – Glare, P. G. W. (ed.). 2012: *Oxford Latin Dictionary*. 2nd ed., Oxford: Oxford University Press.
Riese, A. 1869: *Anthologia Latina*. Pars prior: Carmina in codicibus scripta. Fasc. I: Libri Salmasiani aliorumque carmina. Recensuit Alexander Riese. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri.
Solopov A. I., Grigoreva A. A. 2002: [Anth. Lat. 231 Riese (oriental sweets in the roman cuisine)]. *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 6, 178–182.
Солопов А. И., Григорьева А. А. 2002: Anth. Lat. 231 Riese (восточные сладости в римской кухне). *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 6, 178–182.
Vaan de M. 2008: *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden.

Walde A., Hofmann, J. B. 1938: *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. 3. Aufl. Heidelberg.

E. R. Gimadeev. Chewing gum in the time of Horace (the semantics of the term *pastillus* in Hor. sat. I 2, 26; 4, 91)

The author focuses his linguistic and cultural analysis on the gastronomic realia of Ancient Rome. The article deals with the origin, semantics and use of the term *pastillus* mentioned twice in Horace's poetry and attempts to identify the ancient product with its contemporary analogue based on different ancient sources and secondary literature. A thorough etymological analysis shows that *pastillus* had been derived from **pastni-los* by assimilation, the latter being unambiguously considered to be a derivation from pānis (from **past-nis*) with a diminutive suffix -*lo*-, which is proved by both Vann's and Walde-Hofmann's etymological dictionaries. This fact is also confirmed in Leumann's Lateinische Laut- und Formenlehre. A detailed study of the semantics of the term *pastillus* based on the works of the scholiasts Pseudo-Acron (VII A.D.) and Pomponius Porfyrio, (III A.D.), as well as the commentators Johann Caspar von Orelli, Richard Heinze, Adolf Kiessling, Lucian Müller and others. The usage of the term *pastillus* in Horace is compared with its usage by the Roman poet Martial. According to his epigram (Mart. I 87) *pastillus* is the same as *diapasma* – a substance made from dried sweet-scented plants, which were ground into powder or chopped into small pieces. Besides that the author attempts to identify the Latin term *pastillus* with the Greek word *μαστιχή*, that has been used as chewing gum till modern times due to its viscosity and viscidity. This analogue of chewing gum gives ancient names to Mediterranean plants from which was produced. The names are compared with the contemporary biological terms. The aromatic mastic was obtained from the sap of mastic tree σχῖνος (Pistacia lentiscus L.). This mastic is sun-dried translucent resin, which can be chewed, refreshing breath with cedar-like flavor. Dried sap from ἰξίνη (Atractylis gummifera L.) was also used as chewing gum. The research enables to receive some essential information, as far as possible, about recipes, types and use of the term *pastillus*, which sometimes was misunderstood, in author's opinion, by the previous researches. It is often difficult or impossible to interpret what Horace means, but the article proves the considered term to denote an ancient substitute of «chewing gum».

Keywords: Horace, chewing gum, pastillus, satires, food in ancient times.

DOI:10.30842/ielcp230690152229

M. Hnatyshak

LEXICO-SYNTACTIC MEANS OF COMPENSATION OF THE ELLIPTICAL SIMPLE SENTENCES IN THE TRAGEDIES OF SOPHOCLES

М. Гнатишак. Лексико-синтаксические средства компенсации эллиптических простых предложений в текстах трагедий Софокла

Рассмотрены пути компенсации эллиптических разноструктурных предложений в текстах трагедий «Царь Эдип», «Антигона» и «Эдип в Колоне». На основании синтаксических связей определены компенсаторные минимальные синтаксические единицы и синтаксические единицы-конструкции в диалогических партиях исследуемых трагедий. Проанализированы особенности перераспределения коммуникативной информации между эллиптированными и компенсаторными единицами в ситуативной речи.

Ключевые слова: эллипсис, простое осложненное предложение, смещение логического акцента, компенсация.

The phenomenon of ellipsis in Ancient Greek is described in Slaviatinskaya 2003; Sobolevskiy 2004; Schwyzer 1950; Gkikas 1991; Mparmpas 2002; Koutalopoulos 2004; Karapanagiotou 1902. However, most of the studies of ellipsis are based on modern languages (Bohatko 2005; Diundyk 1971; Kiuherian 1987; Skovorodnikov 1978). The researchers usually examine structural peculiarities of elliptical constructions while compensatory means are set aside. The present study claims that any ellipsis causes redistribution of information. Logical accent shifts to more weighty part of the phrase, which is closely connected with reduced elements via different types of syntactic relations: predication, subordination, and coordination.

Various types of syntactic units can be omitted and some of them have already been analyzed (Hnatyshak 2013: 199–204; 2015: 61–64; 2016: 84–90). The purpose of this paper is to discover the tendency of compensation of the elliptical simple sentences in the tragedies by Sophocles. The dialogues in these tragedies contain numerous instances of ellipsis in multi-structural syntaxemes. The objects of study are elliptical simple sentences, in particular the extended ones, and their means of compensation in the dialogues of the tragedies *Oedipus the King*, *Oedipus at Colonus* and *Antigone*.

The peculiarities of redistribution of the communicative information between the reduced and compensatory units in the situational tragedy speech are the subject of the present study.

According to I. Vykhovanets, the main syntactic unit is the sentence, which depends on context, speech situation and can be divided into two parts in terms of information structure: the 'given' (theme) and the 'new' (rheme, the communicative center of the phrase) (Vykhovanets 1993: 48). Different means of expression (including the logical accent) are used to emphasize the rheme. The logical accent is a universal mean for accentuation of the communicative centre of the utterance in spoken language. It ensures the concentration of attention on the main point of a sentence regardless of the word order. Such specific syntactic constructions include elliptical sentences from which less notional elements are removed (Vykhovanets 1993: 152).

The question of the syntactic nature of an elliptical sentence is debatable. An elliptical sentence is a predicative unit where some syntactic positions (or several parts of the sentence) are omitted, i.e. are neither spoken or written but reproduced in the conscience of the communicants (Kolomyytseva 2008: 258). There is no doubt that any compound word is more economical than its initial syntactical group on the level of linearity, graphical and sound representation. What is more, the choice of the shortened structure can be influenced by the purpose of the utterance, the genre of the work, the structure of the sentence or the paragraph. It should be taken into consideration that the speaker may use one expression and avoid another (Mykhalechyk 2009: 53). The emotive function also plays an important role every time the speaker expresses his attitude to the subject.

The elliptical structures were analyzed as follows: firstly, we reconstruct the elliptical simple sentence according to the previous information; secondly, we determine the compensatory part of a sentence, its function in the sentence and the result of the information redistribution in the text. As such sentences may differ in their size, we will examine them consistently starting with three-component ones.

For example, in Oedipus' words we reconstruct the three-component expanded simple sentence (ESS) from his previous cue: ΟΙ δεινόν γ' ὄνειδος σπαργάνων ἀνειλόμην (O. R. 1035) – *I have received terrible shame from childhood*. ΟΙ ὦ πρὸς θεῶν, πρὸς

μητρὸς ἢ πατρός [δεινόν ὄνειδος ἀνειλόμην]; φράσον. (O. R. 1037) – *from gods, from my mother, or from my father* [have I received terrible shame]? *Say it!* The adverbial modifier, the prepositional combination of word-group πρὸς θεῶν, πρὸς μητρὸς ἢ πατρός, is emphasized according to subordination (government). In such a way the author demonstrates Oedipus' wish to find out the origin of his misfortune.

From Oedipus' question: ΟΙ ἄναξ, ἐμὸν κήδευμα, παῖ Μενοικέως, τίν᾽ ἡμὶν ἥκεις τοῦ θεοῦ φάτιν φέρων; (O. R. 85–86) – *my king, my people, Menoeceus' child, what rumor from god do you bring while arriving?* – we restore ESS of the same structure in Creon's answer: ΚΡ ἐσθλήν [φάτιν φέρων ἥκω]· (O. R. 87) – *good* [rumor I bring while arriving]... According to subordination (agreement), the compensatory unit is the definitive – adjective ἐσθλήν (*good*) with the semantic meaning *quality corresponding to the norm*. In A. Koutalopoulos' opinion (Koutalopoulos 2004: 222), Creon is not talking about the prophecy, confirming only that is positive. This good word said by Creon underlines hope because of Creon's happy face and his head decorated with a wreath.

In the succession of Ismene's and Antigone's utterances the omitted ESS ἵμερος ἔχει με can be reconstructed from Antigone's words with the interchange of personal pronouns με- σε: ΑΝ ἵμερος ἔχει με (O. C. 1724) – *I have a desire.* ΙΣ --τίς [ἵμερος ἔχει σε]; (O. C. 1725) – *what* [desire do you have]? ΑΝ τὰν χθόνιον ἑστίαν ἰδεῖν [ἵμερος ἔχει με] (O. C. 1726) – *to see the underground dwelling* [I have a desire]. The analyzed syntactical construction is a part of the seven-component ESS which eliminates in two further cues: ΙΣ τίνος [τὰν χθόνιον ἑστίαν ἰδεῖν [ἵμερος ἔχει σε]; (O. C. 1727) – *whose* [uderground dwelling do you have a desire to see]? ΑΝ --πατρός, τάλαιν᾽ἐγώ [τὰν χθόνιον ἑστίαν ἰδεῖν [ἵμερος ἔχει με] (O. C. 1728) – *father's, unfortunate me* [underground dwelling have I a desire to see]. Thus we can determine a few compensatory units. In the first case according to subordination (agreement) the logical accent shifts to the definitive – the interrogative pronoun τίς, which shows Ismene's desire to find out what exactly her sister wants to do. In the second case we receive the answer to this question through stress accentuation of the object – the infinitive ἰδεῖν with the seme *visual perception* according to subordination (government). In two other utterances according to subordination (government) the definitive – the interrogative pronoun in genetive case τίνος, as Ismene wants to know whose grave her sister is talking about. In Antigone's answer,

the author emphasizes the definitive – the noun πατρός with the seme *family relations* according to subordination (government)

We reconstruct the three-component ESS in Oedipus' words due to syntactical parallelism: OI ἐγὼ γὰρ ἡγεμὼν σφῷν αὖ πέφασμαι καινός, ὥσπερ [ἐφάνητε πρότερον ἡγεμόνες] σφὼ πατρί (O. C. 1542–1543) – *because now I turned out to be your new leader, as* [you have earlier turned out to be leaders] *for your father*. Accentuating according to subordination (government) the indirect object – the attributive word-group σφὼ πατρί, Oedipus asks his daughters to follow him to that sacred place where he is meant to die. He also affirms that he will take them there himself.

In the next examples we activate the four-component ESS, in particular in guard's cue from Creon's previous words: ΚΡ ἦ καὶ ξυνίης καὶ λέγεις ὀρθῶς ἃ φῄς; (Ant., 403) – *do you realize and say correctly the things you are talking about?* ΦΥ [ξυνίημι καὶ ὀρθῶς λέγω] ταύτην γ᾽ ἰδὼν θάπτουσαν ὃν σὺ τὸν νεκρὸν ἀπεῖπας (Ant., 404) – [I realize and say correctly]. *On seeing her bury the body you forbade to*. According to subordination the adverbial modifier of the reason is stressed. It is expressed with the participle ἰδὼν (*on seeing*) with the seme *visual perception*.

Using the scholia of G. Mparmpas (Mparmpas 2002: 223), we reconstruct the omitted ESS from the previous context in Jokasta's utterance: ΧΟ δόκησις ἀγνὼς λόγων ἦλθε, δάπτει δὲ καὶ τὸ μὴ᾽νδικον (O. R.681–682) – *wrong suspicion arose because of words and the unjust tortures*. ΙΟ ἀμφοῖν ἀπ᾽ αὐτοῖν [ηλθε δόκησις ἀγνὼς λόγων]; (O. R.683) – *to both of them* [did the wrong suspicion arise because of words]? A. Koutalopoulos considers the phrase ἦλθε τό νεῖκος (*argument arose*) to be reduced (Koutalopoulos 2004: 291). According to subordination (government) the indirect object – the numeral ἀμφοῖν is logically stressed in order to emphasize the two characters who had an argument.

In the chain of examples, the five-component ESS is omitted. For instance, we reconstruct such unit in Oedipus' words from Tiresius' previous cue: ΚΡ ἄνωγεν ἡμᾶς Φοῖβος ἐμφανῶς ἄναξ μίασμα χώρας, ὡς τεθραμμένον χθονὶ ἐν τῇδ᾽, ἐλαύνειν μηδ᾽ ἀνήκεστον τρέφειν [μίασμα] (O. R. 96–98) – *Phoebe, the lord, has clearly ordered us to expel the shame of this country, the shame which was born in this land, and not to grow pernicious* [shame]. OI ποίῳ καθαρμῷ [ἄνωγεν Φοῖβος υμᾶς ἐλαύνειν μίασμα]; (O. R. 99) – *in which way* [has Phoebe ordered you to expel the shame]? As a result of ellipsis according to subordination (government), the compensatory unit is the adverbial modifier of manner – the

attributive word-group ποίῳ καθαρμῷ, which emphasizes Oedipus' desire to find out the way to rescue the city.

In Jocasta's cue, the accent shifts from the eliminated ESS to the negation οὐ δῆτ᾽ according to subordination (adjoining), i.e. the fact of servant's absence: OI ἦ κἀν δόμοισι τυγχάνει τανῦν παρών [ο οἰκεύς]; (O. R. 757) – *does the servant happen to be at home now?* IO οὐ δῆτ᾽ [τυγχάνει τανῦν παρών δόμοισι [ο οἰκεύς]]· (O. R. 758) – *not a bit* [the servant happens to be at home now]. Similar transformation takes place in Oedipus' words, who was so ashamed that he poked his eyes out: OI οὐ δῆτα [τά τέκνα ἦν εφίμερα προσλεύσειν] τοῖς γ᾽ ἐμοῖσιν ὀφθαλμοῖς ποτε (O. R. 1377) – not a bit [it was desirable to see the children] *never with my own eyes.*

We resume the five-component part in servant's cue from Oedipus' previous words: OI ἦ γὰρ δίδωσιν ἥδε σοι [τὸν παῖδα];(O. R. 1173) – *was it she to give you* [the child]? ΘΕ μάλιστ᾽, ἄναξ [δίδωσιν ἥδε μοι[τὸν παῖδα]] (O. R. 1173) – *definitely, my king* [she gave me the child]. Correspondingly, according to subordination (adjoining) the logical accent transfers to the adverb μάλιστ᾽ in order to confirm trustworthiness of the answer to Oedipus' question about the infant.

In the texts studied, there are also cases of ellipsis of the six-component ESS. We reconstruct such sentence in messenger's utterance from Jocasta's question. As a result, the above-mentioned negation οὐ δῆτ᾽ is emphasized, i.e. the fact that Polybus is no longer in power: IO οὐχ ὁ πρέσβυς Πόλυβος ἐγκρατὴς ἔτι [εστί]; (O. R. 941) – *isn't old Polybus a king anymore?* ΑΓ οὐ δῆτ᾽ [ὁ πρέσβυς Πόλυβος ἐγκρατὴς ἔτι εστί], ἐπεί νιν θάνατος ἐν τάφοις ἔχει (O. R. 942) – *not a bit* [old Polybus is not a king anymore], *because death has taken him below ground.*

We reconstruct Ismene's previous six-component phrase in Oedipus' cue, which is also reduced in her next answer: ΙΣ ἔσται ποτ᾽ ἆρα τοῦτο Καδμείοις βάρος (O. C. 409) – *this will be the burden for the Cadmeans*. OI ποίας φανείσης, ὦ τέκνον, συναλλαγῆς [ἔσται ποτ᾽ ἆρα τοῦτο Καδμείοις βάρος]; (O. C. 410) – *my child, under which circumstances* [will this be the burden for the Cadmeans]? ΙΣ τῆς σῆς ὑπ᾽ ὀργῆς, σοῖς ὅταν στῶσιν τάφοις [ἔσται ποτ᾽ ἆρα τοῦτο Καδμείοις βάρος] (O. C. 411) – [this will be the burden for the Cadmeans] *because of your anger when they stand on your grave*. Ellipsis results in two compensatory units according to subordination (government). So, in the first case the logical accent shifts to the adverbial modifier of reason represented by syntactic construction Genetivus absolutus ποίας φανείσης συναλλαγῆς in

order to emphasize Oedipus' desire to learn more about a new prophecy, namely about misfortune for the Cadmeans providing his inappropriate burial. In the second case, the author also stresses the modifier of reason – the prepositional word-group τῆς σῆς ὑπ᾽ ὀργῆς as argumentation of the future Cadmeans' bad luck.

In Oedipus' monologue, we also reconstruct the six-component ESS from the microcontext: OI ἆρ᾽ οὐκ ἄμεινον ἢ σὺ τἀν Θήβαις φρονῶ; πολλῷ [ἄμεινον ἢ σὺ τἀν Θήβαις φρονῶ] γ᾽ (O. C. 791–793) *– don't I know better about the things in Thebes than you do? Much* [better do I know about the things in Thebes than you do]. Here according to subordination (adjoining) the modifier of manner – the adverb πολλῷ (*much*) with the seme *correspondence to the quality above the norm* is stressed in order to maximally underline Oedipus' awareness of the current situation in his native town.

The following conclusions can be made: ellipsis in expanded simple sentences is regularly observed in the texts of the tragedies by Sophocles. Mainly the three-, four-, five- and six-component ESS are reduced. One case of elimination of the seven-component phrase is attested. The omission of these syntactic constructions leads to the shift of logical accent. Various parts of the sentence can be emphasized, mainly the modifiers (of reason, manner, place), definitives. Indirect objects and negations. The compensatory elements in the texts of the tragedies are represented by the minimal syntactic units (75%). These minimal syntactic units include pronouns, adverbs, and negations while the syntactical constructions are expressed with the attributive and prepositional word-groups. Compensatory means include subordination and its types: government, adjoining, and less often – agreement. As a result of ellipsis, tautology is avoided, while new information is stressed. Ellipsis is mainly observed in Oedipus', Ismene's and Jocasta's cues. The author achieves emphatic effect by accentuating the most important details which demonstrate the speaker's attitude towards the message.

References

Bohatko, V. V. 2005: *Yavyshcha elipsysu v movi suchasnoyi ukrayinskoyi publitsystyky* [*Phenomenon of ellipsis in the language of modern Ukrainian publicistic writing*]. Kyiv.

Богатько, В. В. 2005: *Явища еліпсису в мові сучасної української публіцистики*. Київ.

Diundyk, V. P. 1971: *Kompressiya pridatochnych predlozheniy v sovremennom angliyskom yazyke* [*Compression of subordinate clauses in modern English*]. Moscow.

Дюндик В. П. 1971: *Компрессия придаточных предложений в современном английском языке*. Москва.

Gkikas, S. (ed.) 1991: *Sofokleous Antigoni* [*Sophocle's "Antigone"*]. Athens.

Γκίκας Σ. 1991: *Σοφοκλέους Αντιγόνη*. Αθήνα.

Hnatyshak, M. Yu. 2013: [Nouns and pronouns as a means of compensation for the link verb ellipsis in Sophocle's Antigone], In: *Foreign Philology* 2013, #125. Lviv, 199–204.

Гнатишак, М. Ю. 2013: Іменники та займенники як засоби компенсації еліпсису дієслова-зв'язки у тексті трагедії Софокла «Антигона». В сб.: *Іноземна філологія*. Випуск 125. Львів, 199 – 204.

Hnatyshak, M. Yu. 2015: [Ways of the compensation of ellipsis of the verb infinitive forms in Sophocle's tragedies "Antigone" and "Oedipus the King"], In: *Scientific notes of National University "Academy of Ostroh"* 2015, #53. Ostroh, 61–64.

Гнатишак, М. Ю. 2015: Шляхи компенсації еліптованих нефінітних форм дієслова у текстах трагедій Софокла «Антиґона» та «Цар Едип». В сб.: *Наукові записки Національного університету «Острозька академія»*. Вип. 53. Острог, 61– 64.

Hntyshak, M. Yu. 2016: [Compensatory means of elliptic items-constructions in the tragedies by Sophocles], In: *Studia Linguistica* 2016, #9. Kyiv: Publishing House of Dmytro Byraho, 84-90.

Гнатишак, М. Ю. 2016: Компенсаторні засоби еліптованих одиниць-конструкцій у текстах трагедій Софокла. В сб.: *Studia Linguistica*. Вип. 9. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, 84–90.

Karapanagiotou, A. Ks. (ed.) 1902: Sophokleus. *Tradodiai. Oidipoys epi Kolono* [*Tragedies. Oedipus at Colonus* (commented and explained by A. X. Karapanagiotoy]. Athens.

Καραπαναγιώτου, Α. Ξ. 1902: Σοφοκλέους. *Τραγωδίαι. Οιδίπους επί Κολώνω* (εσχολιασμέναι και ηρμηνευμέναι υπό Α. Ξ. Καραπαναγιώτου). Αθήνα.

Kiuherian, A. H. 1987: [Lexical modality of desubstantivized elements of the dialogical texts in spoken French], In: *Collection of Studies* 1987, #296. Moscow, 82–99.

Кюгерян, А. Г. 1987: Лексическая модальность десубстантивированных элементов диалогического текста французкой разговорной речи. В сб.: *Сборник науч. трудов*. Вып. 296. М., 82–99.

Kolomyytseva, V. 2008: [Denomination of elliptical constructions in the system of linguistic terminology]. In: *Collected Works of Lviv National University "Lviv Plytechnik"* 2008, #620. Lviv, 258–263.

Коломийцева, В. 2008: Найменування еліптичних конструкцій в системі лінгвістичної термінології. *Збірник праць Львівьского національного університету «Львівська Політехніка»*, Вип. 620. Львів, 258–263.

Koutalopoulos, A. (ed.) 2004: Sophokleus. *Oidipous Tyrannos* (eisagogi, analysi, metafrasi, sxolia Apostolos Koutalopoulos) [*Oedipus the King* (introduction, analysis, translation, scholia by Apostolos Koytalopoulos)]. Athens.

Κουταλόπουλος, Α. 2004: Σοφοκλέους. *Οιδίπους Τύραννος* (εισαγωγή, ανάλυση, μετάφραση, σχόλια Απόστολος Κουταλόπουλος). Αθήνα.

Mparmpas, I. Ach. (ed.) 2002: Sophoklis. *Oidipoy Tyrannos* (prologos, keimeno, metafrasi, sxolia Ioannis Ach. Mparmpas) [*Oedipus the King* (introduction, text, translation, scholia, by Ioannis Ach. Mparmpas)]. Thessaloniki.

Μπάρμπας Ι. Αχ. 2002: Σοφοκλής. *Οιδίπους Τύραννος* (πρόλογος, κείμενο, μετάφραση, σχόλια, ερμηνία, επίμετρο Ιωάννης Αχ. Μπάρμπας). Θεσσαλονίκη.

Mykhalechyk O. I. 2009: [Theoretical basis and principles of the investigation of the ellipsis]. In: *Scientific magazin of Volyn National University named after Lesia Ukrainka*. Lutsk, 52–55.

Михалечик, О. І. 2009: Теоретичні основи та принципи дослідження еліпсиса в мовознавстві. *Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки*. Луцьк, 52–55.

Schwyzer, E. 1950: *Griechische Grammatik*. München.

Skovorodnikov, A. 1978: *Ellipsis kak stilisticheskoye yavleniye sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [*Ellipsis as a stylistic phenomenon of the modern Russian literary language*]. Krasnoyarsk.

Сковородников, А. 1978: *Эллипсис как стилистическое явление современного русского литературного языка*. Красноярск.

Slaviatinskaya, M. N. 2003: *Uchebnik drevniegrecheskogo yazyka* [*Manual of the Ancient Greek language*]. Moscow.

Славятинская, М. Н. 2003: *Учебник древнегреческого языка*. М.

Sobolevskiy, S. I. 2004: *Drevnegrecheskiy yazyk* [*The Ancient Grrek language*]. St.-Petersburg.

Соболевский, С. И. 2004: *Древнегреческий язык*. СПб.

Vykhovanets I. R. 1993: *Hramatyka ukrayinskoyi movy. Synatksys* [*Grammar of the Ukrainian language. Syntax*]. Kyiv.

Вихованець І. Р. 1993: *Граматика української мови. Синтаксис*. Київ.

M. Hnatyshak. Lexico-syntactic means of compensation of the elliptical simple sentences in the tragedies of Sophocles

The present paper analyzes the ways of compensation in elliptical simple sentences of various structures in the tragedies ‘Oedipus the King’, ‘Antigone’ and ‘Oedipus at Colonus’. The expanded elliptical sentences are reconstructed and the inventory of compensatory syntactic means is determined on the grounds of the corresponding syntactic links. Redistribution of communicative information between elliptical and compensatory items in situational speech is analyzed. As a result of ellipsis, tautology is avoided, the most important details, which demonstrate the speaker’s attitude towards the message are stressed, and thus, the emphatic effect is achieved.

Key words: ellipsis, expanded simple sentence, shift of logical accent, compensation.

DOI:10.30842/ielcp230690152230

E. V. Grigoryeva

DAVID DER UNBESIEGBARE, „AUSLEGUNG DER ANALYTIK DES ARISTOTELES“: EINIGE BEOBACHTUNGEN ZUM SPRACHGEBRAUCH DER ARMENISCHEN ÜBERSETZUNG

Армянские переводы сочинений неоплатоника Давида Непобедимого были выполнены переводчиками грекофильской школы в VI–VII вв. по Р.Х. Перевод «Толкования Аналитики Аристотеля» заметно отличается от других переводов трактатов Давида по степени точности, сравнительно небольшой адаптации для армянского читателя, а также по лексике. В статье анализируются особенности лексики перевода «Толкования Аналитики Аристотеля» в сравнении с переводами других трудов Давида.

Ключевые слова: Аналитики, Аристотель, Давид Непобедимый, неоплатонизм, переводы, древнеармянский, древнегреческий, грекофильская школа

Die armenische Übersetzung der Auslegung der Analytik (*in APr.*) unterscheidet sich in einigen Aspekten von armenischen Übersetzungen der Prolegomena philosophiae (Proll.), der Auslegung der Isagoge (in Porph.) und des Kategorien-Kommentars (in Cat.). Auch wenn alle Schriften im Rahmen der hellenophilen Schule verfasst wurden, findet man beim Vergleich der Texte deutliche Unterschiede: während Proll. und in Porph. für den armenischen Leser adaptiert und gekürzt wurden, sind in Cat. und in APr. dem griechischen Original wesentlich näher.[1] Außerdem werden von den Übersetzern der vier Texte unterschiedliche Wörter und grammatische Konstruktionen für griechische philosophische Begriffe verwendet.

Methodologie

Um die Übersetzungstechnik des Übersetzers der in APr. zu erschließen, wurden drei sowohl auf Griechisch als auch auf Armenisch überlieferten Schriften analysiert und ein Glossar zusammengestellt, wo alle im Text verwendeten Wörter mit griechischer Übersetzung und allen Stellenangaben dokumentiert wurden. Das hat erlaubt, die Wortwahl des Übersetzers sehr genau zu beobachten.

[1] Über die armenische Übersetzung der Proll. s. Calzolari 2007, in Porph. Muradyan 2015, in Cat. Shirinian 2009, in APr. Grigoryeva 2015.

Da die Besonderheiten der Übersetzung im Allgemeinen wurden früher untersucht,[2] im Folgenden werden einzelne Beobachtungen zur Vorgehensweise des Übersetzers dargestellt.

1. Glossen

Es gibt einzelne Glossen des Übersetzers im Text, die einzelne Begriffe erklären und mit der Formel այս ինքն („das heißt“ vgl. gr. τουτέστι) eingeführt werden, etwa nach dem Model „Protasis d.h. Prämisse“. Es geht dabei um Synonyme, gebräuchliche Wörter, die für den Leser verständlicher sind als die Wörter, die von den Vertretern der hellenophilen Schule verwendet wurden. Es ist unklar, wer die Glossen eingeführt hat, ob der Übersetzer oder ein späterer Schreiber.

1.5 (36,12–13): Եւ սա կամ ի միտ առնու զնախադասութիւն, այս ինքն է՝ զառաջարկութիւն

4.4 (56,1): Իսկ միսն՝ յորոշմունս, այս ինքն՝ ի նկատմունս միայն և ի կիտմունս

6.1 (66,7–8): սահմանէ զնախադասութիւն, այս ինքն՝ զառաջարկութիւն

10.1 (98,11–13): Քանզի սոքա սակս թախանձանս ի ներքս ածելոյ և ոչ զգործոյն առնեն, քանզի ոչ եթէ այլ այլով ցուցանեն, այլ՝զինքն ինքեամբ, այս ինքն՝ զնոյն նոյնիւ.

10.1 (98,7–8): իսկ ոչ մի ինչ յառաջարկութիւնս նոյն գոլ է՝ եզրակացութիւն, այս ինքն՝ բաղեզերումս.

Allerdings werden sie manchmal auch ohne այս ինքն hinzugefügt:

12.9 (118,4–6): «Պարզ հակադարձութիւն է հաղորդութիւն երկուց *նախադասութեանց առաջարկութեանց* ըստ երկոցունց սահմանաց՝ որակին նոյնի մասցելոյ.

Manchmal werden die Glossen mit և կամ (oder) eingeführt:

7.4 (78,9–10): Եւ սա՝ կամ ընդհանուր *և կամ* ներմասնումս, մասնական և կամ անորոշելի.[3] In griechischen Parallelen gibt es nur drei Elemente in ähnlichen Sätzen, καθόλου, ἐν μέρει oder μερικός und ἀδιόριστος.[4]

14.2 (128,15-17): Եւ դարձեալ՝ վասն զի և ոչ մի որմ ի ցցում է, և ոչ ինչ որ ի ցցում է, որմ է. այլ չուան է *և կամ* պարան. և վասն զի ոչ մի կարաս ի գինւոջ, և ոչ ինչ որ ի գինւոջ, կարաս է. այլ հատիճ *և կամ* թին է:

[2] S. Ausführlich Grigoryeva 2015.
[3] Topchyan 2010, 79, 10–11: “And [a proposition] is universal, particular, partial or indefinite”.
[4] Z.B. Alex. Aphr. in APr. 11, 18–19; Philop. in APr. 46,11.

2. Ein griechisches Wort wird mit unterschiedlichen armenischen Wörter übersetzt

ἀτελής – անաւարտ (44,21;[5] 58,22; 64,16; 64,17; 86,15; 86,16; 94,16; 94,17; 106,5; 106,6; 106,9; 106,14; 108,2; 108,6; 110,17) und անկատար (44,23; 50,2); ἄλογος – անասուն (38,15; 40,5) und անբան (40,4; 52,16); βιβλίον – գիրք (46,13) und ճառ (32,11; 42,21; 42,22; 42,23; 42,24; 42,25; 44,1; 44,5; 44,25; 88,3); ἔμψυχος – ներանձնաւոր (58,3; 96,21; 96,26; 102,7; 112,8-9; 112,9; 112,10; 112,12; 112,14; 112,15–16; 112,16; 112,19) und շնչաւոր (58,9; 96,20 (bis)); ζητέω – խնդրեմ (38,7; 46,11; 46,26; 46,27; 62,2; 80,5; 90,12 (bis); 124,9) und յուզեմ (38,7); ζητητέον – խնդրելի (50,1; 50,7) und հայցելի (88,13); ἴσος – հանգէտ (100,3; 100,4; 100,5 (bis); 104,2 (bis); 104,3; 104,6; 104,7; 104,10 (bis); 104,11 (bis); 124,1; 124,5) und հաւասար (34,5); τέλειος – աւարտումն (44,21; 58,21; 64,16; 64,17; 86,15; 86,15 (աւարտեալ), 106,2; 106,4; 106,5; 106,7; 106,10; 106,13; 106,16; 110,16) und կատարեալ (106,9); τέλος – կատարումն (32,3; 32,4; 44,23; 48,21; 48,22; 48,23; 48,26; 48,27; 50,3; 88,3) und յանգումն (118,12).

Der Übersetzer gibt zwei unterschiedliche Bedeutungen des Wortes ποιητικός wieder: քերթողական (poetisch 34,2; 34,12; 42,8; 72,7; 90,24) und արարողական (schaffend, produktiv 64,10; 64,11; 64,12).

Manchmal gibt es nur kleine Unterschiede in der Form des armenischen Wortes:

ἀδύνατος – անկար (124,15 (bis); 124,16) und անկարելի (100,16; 100,17; 102,3; 108,5; 108,10; 110,24; 112,3; 112,10; 114,2; 114,3; 124,10; 124,11; 124,14); ἀκολουθία – հետևութիւն հետևութիւն (44,11) und հետևումն (102,1; 102,2; 102,6); ἀντιστροφή – հակադարձութիւն (108,5; 108,10; 110,20; 110,21; 112,20–21; 112,22–23; 112,24; 114,3; 114,4; 114,5; 114,8; 114,9; 116,4; 116,17; 116,19; 118,1; 118,2; 118,4; 118,8; 118,11; 118,14; 120,4; 122,5; 122,8; 124,18–19; 124,20; 126,5; 126,19; 126,23 (bis); 126,26 (bis); 128,10; 128,25; 130,21) und հակադարձումն (94,4; 94,9; 122,7); ἀπορία – տարակուսանք (72,3; 108,23; 108,26; 110,7; 114,6; 116,10; 128,5; 128,12; 128,17; 128,19; 130,15) und տարակուսութիւնս (128,22); ἀρνητικός – ուրացողական (74,7) und ուրացական (128,25); ἀσυλλόγιστος – անբաղհաւաքական (98,21) und անբաղհաւաքումն (98,16); εἰσάγω – ներածեմ

[5] Hier und weiter jeweils Seiten- und Zeilennummer in der Ausgabe Topchyan 2010.

(116,23) und ի ներքս ածեմ (98,11); ἔνδοξος – ներկարծաւոր (72,20; 76,14; 78,1) und ներկարծելի (76,10); ἰσοδυναμέω – համազօրեմ (116,14) und հանգիտազօրեմ (124,13); καθόλου – ընդհանուր (32,14; 36,5; 38,16; 40,4; 40,6; 42,2; 46,18-19; 46,20; 46,21; 52,8; 68,2; 68,3; 68,4; 68,6; 70,6; 78,9; 78,13 (bis); 78,14; 78,18; 80,4; 80,6; 80,7; 82,14; 124,21; 126,1; 126,9; 126,11; 126,24; 126,27; 128,6; 128,26; 130,5; 130,7; 130,17) und հանուր (68,4; 72,5; 80,3; 80,7; 128,1; 130,3; 130,17); οἰκοδόμος – շինող (50,16) und շինողական (52,2); ὁρισμός – սահման (68,8; 68,11; 72,10; 80,12; 86,8; 90,8; 90,9; 90,22; 106,3; 118,4; 118,8) und սահմանումն (60,20); οὐσία – գոյացութիւն (98,5; 98,6 (bis); 128,20; 128,21; 128,22; 128,31; 130,1; 130,4; 130,5) und գոյութիւն (38,11; 38,12); προτάττω – նախադասեմ (46,19; 46,20; 46,21; 60,10; 60,24; 126,20) und յառաջագոյն դասեմ (126,24); σύγγραμμα – շարագրած (32,7) und շարագրութիւն (40,12; 54,8).

Die Wörter, die sich nur durch die Suffixe -ութիւն und -ումն unterscheiden sind genaue Synonyme. In der Übersetzung der *in APr*. kommen wesentlich häufiger Wörter auf -ութիւն als auf -ումն vor.

3. Unterschiedliche griechische Wörter werden mit gleichem armenischen Wort übersetzt

Կատարումն wird für ἀποτέλεσμα (52,7; 52,9) und τέλος (32,3; 32,4; 44,23; 48,21; 48,22; 48,23; 48,26; 48,27; 50,3; 88,3) verwendet; շարադրութիւն für σύνθεσις (40,14; 42,1; 42,15 (bis); 46,3; 46,8; 82,5; 82,7–8; 82,12 (bis)) und σύνταξις (einmalig, 64,1); սահման für ὁρισμός (68,8; 68,11; 72,10; 80,12; 86,8; 90,8; 90,9; 90,22; 106,3; 118,4; 118,8) und ὅρος (58,21; 60,8; 60,11; 60,12; 60,14 (bis); 60,16; 60,19; 60,20; 60,21; 60,25; 62,6; 62,8 (bis); 62,9; 64,14; 64,15; 80,12; 80,13 (bis); 84,22; 86,2; 86,5; 90,19; 102,10; 102,14; 106,2–3; 106,8; 106,9; 106,10; 106,15; 108,3 (bis); 108,7 (bis); 108,25; 110,15; 114,9; 114,17; 114,18; 116,5; 116,9; 116,18; 118,1; 118,5; 118,6; 120,6; 130,22); mit չար wird sowohl κακός (38,1; 40,8; 48,16) als auch πονηρός (94,14; 96,2) wiedergegeben (für beide Wörter finden sich Parallelen in anderen neuplatonischen Kommentaren). Mit dem Wort իրողութիւն werden sowohl πρᾶγμα (38,14; 52,22; 54,13; 56,3; 56,4; 56,7; 58,12; 104,15) als auch πραγματεία in der Bedeutung Schrift (32,10; 36,18; 38,3; 38,11; 42,3; 42,4; 42,10; 42,11; 42, 12; 42,18; 42,21; 42,26; 44,24; 46,12; 46,26; 58,17–18; 84,23; 84,24; 110,9; 122,4) übersetzt.

4. Synonyme

Im Prozess der Übersetzung werden einige Wörter durch die anderen ersetzt, mit gleicher Bedeutung aber mit unterschiedlicher Struktur. Besonders auffallend ist es bei der Wiedergabe des Wortes συλλογισμός, das mit vier unterschiedlichen Wörtern (հաւաքումն, հաւաքաբանումս, հաւաքաբանութիւն, բաղհաւաքումն) übersetzt wurde, und zwar werden sie im Text mit wenigen Abweichungen nacheinander verwendet. Im Vorwort wird nur das Wort հաւաքումն benutzt (ungefähr 45mal[6]), das der Struktur des griechischen Wortes nicht entspricht: es besteht aus der Wurzel, die „sammeln“ bedeutet und einem Suffix. In den nächsten Kapiteln wird das Wort հաւաքաբանութիւն bzw. հաւաքաբանումն verwendet (mehr als 60mal[7]), der schon annähernder zur Struktur des griechischen Wortes ist: die Präfixe հաւաք- hat die Bedeutung „sammeln“, die Wurzel բան- entspricht genau dem griechischen λόγος und wird überall im Text für dessen Übersetzung verwendet. In den letzten fünf Kapiteln wird das Wort բաղհաւաքումն verwendet (ca. 25mal[8]), das auch der Struktur des griechischen Wortes entspricht, die Teile des Wortes haben jedoch andere Bedeutungen: die hellenophile Präfixe բաղ- wird verwendet, um συν- wiederzugeben, die Wurzel հաւաք- bedeutet „sammeln“, d.h., ins Spiel kommt eine zweite Bedeutung des Verbs λέγω, sammeln, früher im Text wurde diese Wurzel als Präfixe verwendet. Im zehnten Paragraph des Kapitels 9 kommt das Wort բաղհաւաքումն zum ersten vor, und zwar als eine Erklärung des Wortes հաւաքաբանութիւն, [9] danach wird nur das Wort

[6] 30,5; 30,6; 30,10; 32,6; 32,9 (bis); 32,10; 32,11; 32,12; 34,1; 34,10; 36,8; 36,16; 36,18; 36,20; 36,21; 38,3; 38,8; 38,15; 40,5; 40,15 (bis); 40,16; 42,2; 42,2–3; 42,3; 42,11; 42,16; 42,24; 42,27; 42,27–28; 44,3; 44,5; 44,6; 44,7; 44,9; 44,19 (bis); 44,22; 44,23; 44,24; 46,13; 46,21 (bis); 50,13; 106,13.

[7] 54,1; 54,1–2; 54,5; 54,6; 56,9; 58,21; 60,2; 60,4; 60,6; 60,7; 60,9; 60,12; 62,5; 62,7 (bis); 64,14; 64,15; 64,17; 68,3 (bis); 72,4; 80,2; 80,3; 80,7; 84,19; 84,20–21; 84,23; 86,4; 86,6; 86,7; 86,9; 86,10–11; 86,13; 86,15; 88,5; 88,7; 88,8–9; 88,9–10; 88,10; 88,11 (bis); 88,12; 88,13; 88,14; 88,15; 90,3; 90,4; 90,5; 90,6; 90,7 (bis); 90,10 (bis); 90,17; 90,20; 90,21; 92,3; 94,13; 94,16; 96,1; 96,12; 96,14; 96,15; 96,17.

[8] 96,15; 96,17; 98,9; 100,13; 100,16; 102,1; 102,2–3; 102,4; 104,1–2; 106,2; 106,3–4; 106,4; 106,5; 106,7; 106,16; 108,2; 108,4; 108,6; 108,8; 108,11; 110,16; 110,19; 112,21; 112,23; 120,2.

[9] Topchyan 2010, 96,14-15: Եւ աստուստ և անուն հաւաքաբանութեան գտաւ, որ նշանակէ «բաղհաւաքումս»; 96,17: նոյնպէս հաւաքակցութիւնք. այս ինքն՝ բաղհաւաքումս.

բաղհաւաքումն verwendet. Das Gleiche passiert mit dem Wort συλλογιστικός, das zuerst mit հաւաքական, dann mit հաւաքաբան und schließlich mit բաղհաւաքական wiedergegeben wird, sowie mit dem Verb συλλογίζομαι (zuerst հաւաքեմ, dann հաւաքաբանեմ). Die Struktur der Adjektive ist mit der Struktur der entsprechenden Substantive identisch und der Wechsel zu einem neuen Wort findet an den gleichen Stellen statt, an denen die Substantive ersetzt wurden. Das Wort շարաբանութիւն, mit dem συλλογισμός in anderen armenischen Übersetzungen Davids wiedergegeben wird, kommt nicht vor, wobei andere Wörter mit dem Präfix շար- im Text vorkommen.

Auch für die Wörter ἀποδείκνυμι und ἀποδεικτικός werden zuerst die Wörter verwendet, die mit der Präfixe ապա- beginnen (ապացուցանեմ,[10] ապացուցական[11]), dann mit der Präfixe բաց- (բացացուցանեմ,[12] բացացուցական[13]), wobei in diesem Fall die Präfixe völlig synonym sind und die Struktur des Wortes gleichbleibt.

Um das Wort πρότασις zu übersetzen, werden zwei Wörter benutzt, նախադասութիւն, das seltener vorkommt und häufig in den Lemmata, d.h. in den Zitaten aus der Ersten Analytik, verwendet wird, und առաջարկութիւն, das unter anderem in den Glossen steht, so dass man vermuten kann, dass dieses Wort für den Leser verständlicher war.[14]

5. Wörter mit ähnlicher Bedeutung

Im Beispiel „Sokrates läuft“, der in vielen neuplatonischen Kommentaren vorkommt, verwenden andere Kommentatoren zwei Verben, entweder βαδίζω (Philoponus mit dem Wort ἄνθρωπος, Olympiodoros, Stephanos) und περιπατέω (Galen, Ammonios). In der Übersetzung Davids kommen zwei Verben vor, von denen das eine, ճեմիմ, genau dem Verb περιπατέω entspricht (die Peripatetiker werden auch mit dem Wort bezeichnet, das mit dieser Wurzel gebildet wurde – 88,11), das zweite, գնամ, wahrscheinlich dem bei anderen Neuplatonikern verwendeten βαδίζω, so dass man vermuten kann, dass im Originaltext beide Verben verwendet wurden.

[10] 52,1.
[11] 30,8; 32,9; 32,11; 32,13; 32,14; 43,1; 34,4; 34,10–11; 36,13; 36,18; 36,20; 42,4; 54,12–13; 56,14; 58,17; 58,20; 60,6; 64,5; 64,8; 64,9; 72,7.
[12] 90,3; 90,4.
[13] 72,12; 72,14; 76,3; 76,5; 90,23; 102,5.
[14] Z.B. Topchyan 2010, 37 mit Anm. 24.

Für die Bedeutung „wissen“ verwendet der Übersetzer am häufigsten das Wort գիտեմ, mit dem sowohl γινώσκω als auch οἶδα (in der Konstruktion պարտ է գիտել, d.h. ἰστέον ὅτι) wiedergegeben wird. Allerdings wird in dieser Konstruktion einmal (84,7) das Verb իմանամ verwendet. Zweimal kommt das Verb ճանաչեմ vor.

Für die Bedeutung „möglich“ (δυνατός) werden zwei Wörter bzw. Wurzel verwendet, կարելի und մարթելի, wobei ἐνδεχόμενον mit մարթն übersetzt wird.

Der Übersetzter verwendet verschiedene Wörter, um einen Unterschied auszudrücken: տարորոշեմ für διακρίνω, զանազանեմ, զանազանութիւն und զանազան für διαφέρω, διαφορά und διάφορος, որոշումն für διορίζω (τὸ διορίσαι). ἑτεροφωνία wird mit օտարաձայնութիւն wiedergegeben.

Fazit

Es hat sich gezeigt, dass die armenische Übersetzung der in APr. sich von anderen Übersetzungen der Schriften Davids sowohl durch die Wortwahl insgesamt unterscheidet als auch dadurch, dass an einer bestimmten Stelle des Textes der gleiche griechische Begriff mit einem anderen armenischen Wort übersetzt wird als früher. Es ist jedoch unklar, ob das mit dem Wechsel des Übersetzers erklärt warden kann oder damit, dass der Übersezter sich für ein anderes Wort entschieden hat. Auf jeden Fall lässt sich feststellen, dass es am Ende der Übersetzung keine Revision des Textes durchgeführt wurde, die es erlauben konnte, alles zu vereinheitlichen.

Bibliographie

Ausgaben

Muradyan, G. 2015: *David the Invincible, Commentary on Porphyry's Isagoge*. Old Armenian Text with the Greek Original, an English Translation, Introduction and notes by Gohar Muradyan, Philosophia antiqua 137, Commentaria in Aristotelem Armeniaca Davidis Opera 3, Leiden.

Topchyan, A. 2010: *David the Invincible, Commentary on Aristotle's Prior Analytics*. Old Armenian Text with an English Translation, Introduction and Notes by Aram Topchyan, Philosophia antiqua 122, Commentaria in Aristotelem Armeniaca Davidis Opera 2, Leiden.

Sekundärliteratur

Adontz, N. 1915: *Ars Dionysii Grammatici et Armeniaca in eam scholia Davidis Philosophi*. Recognovit et disputavit N. Adontz. Bibliotheca Armeno-Georgica 4, Petrograd, 1915.

Calzolari, V. 2007: Aux origines de la formation du corpus philosophique en Arménie: quelques remarques sur les versions arméniennes des commentaires grecs de David, in: D’Ancona 2007. P. 259-278.

Calzolari 2009a: Calzolari, V., Barnes, J. (ed.). L’oeuvre de David l’Invincible et la transmission de la pensée grecque dans la tradition arménienne et syriaque. Philosophia antiqua 116, Commentaria in Aristotelem Armeniaca Davidis Opera 1, Leiden, 2009.

Calzolari, V. 2009b: David et la tradition arménienne. In: Calzolari 2009a. P. 20–48.

Calzolari, V. 2009c: La version arménienne des Prolegomena philosophiae de David et son rapport avec le texte grec. In: Calzolari 2009a. P. 50–89.

Calzolari, V. 2012: The Ancient Armenian Translations of Greek Philosophical Texts: the Works of David the Invincible. In: *Scripta & e-Scripta*. 2012. Issue 10–11. P. 131–147.

D’Ancona, C. (éd.). 2007: T*he Libraries of the Neoplatonists* (Proceedings of the Meeting of the European Science Foundation Network ‘Late Antiquity and Arabic Thought. Patterns in the Constitution of European Culture’, Strasbourg, March 12-14, 2004). Leyde; Boston (= Philosophia Antiqua 107).

Garsoian, N. G. (ed.). 1982: *East of Byzantium: Syria and Armenia in the formative period*. Washington (= Dumbarton Oaks Symposium 1980).

Grigoryeva, E. 2015: Der armenische Text des Aristoteles in der „Auslegung der ‚Analytiken‘“ Davids. *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 19, 179–192 (= *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 19, 179–92).

Mahé, J.-P. 1998: Du grec à l’arménien. In: *Encyclopédie philosophique universelle*. Vol. 4: Le discours philosophique, Paris; 1998 (notice portant le n°64).

Manandean, 1928: Մանանդեան, Զ. Յունաբան դպրոցը եւ նրա զարգացման շրջանները. Wien (= Azgayin matenadaran 119).

Mercier, Ch. 1978–1979: L’École hellénistique dans la littérature arménienne. *REArm* 13, 59–75.

Muradyan, G. 1994–1995: The Reflexion of Foreign Proper Names. Theonyms and Mythological Creatures in the Ancient Armenian Translations from the Greek. *REArm* 25, 63–76.

Muradyan, G. 1999: Notes on some Linguistic Characteristics of the Hellenizing Translations. *Le Muséon* 112, 65–71.

Muradyan, G. 2009: David the Invincible's Commentary on Porphyry's Isagoge. A Collation of the Greek and Armenian Versions. In: Calzolari 2009a. P. 91–117.

Muradyan, G. 2012: *Grecisms in Ancient Armenian*. Louvain (= Hebrew University Armenian Studies 13).

Muradyan, G. 2014: The Hellenizing School. In: V. Calzolari (ed.). *Armenian Philology in the Modern Era. From Manuscript to Digital Text*, ed. by Valentina Calzolari with the Collaboration of Michael E. Stone. Leiden, 321–348.

E. V. Grigoryeva. Some remarks on word usage in the Armenian translation of the Commentary on the Prior Analytics

Philosophical writings by David the Invincible were translated by scholars of the so-called Hellenizing school in the 6th-7th centuries. The aim of the paper is to examine the methodology of translation of the Commentary on the Aristotle's Analytics and to describe the approach of the Armenian translator in comparison with the translations of the other three philosophical treatises by David.

Keywords: Greek philosophy, Armenian, Greek, David the Invincible, Neoplatonism, Analytics, Hellenizing School.

DOI:10.30842/ielcp230690152231

А. В. Грошева

ЭПИТЕТЫ ГЕРМЕСА В ГОМЕРОВСКОМ ЭПОСЕ («ИЛИАДА» И «ОДИССЕЯ»)

В настоящей статье для анализа эпитетов Гермеса отобраны в основном два эпизода из гомеровского эпоса: «Илиада» 20.66–75 и «Одиссея» 8.266–366. Попутно рассматриваются эпитеты других богов – участников событий, описываемых в указанных отрывках. Особое внимание сосредоточено на семантическом и этимологическом анализе эпитета Гермеса ἐριούνης.

Ключевые слова: гомеровский эпос, Гермес, Гефест, эпитеты ἐριούνης, σῶκος.

Фигура Гермеса, одного из древнейших богов Греции, в гомеровском эпосе предстаёт чаще всего в роли вестника, посланника, гонца, передающего по назначению волеизъявление богов. Помимо этого, Гермесу свойственны и другие важные функции, описание которых либо даётся более или менее подробно, например, способность погружать в сон людей и богов и пробуждать их ото сна (см. Грошева 2014), либо о них только упоминается в связи с какими-то событиями, касающимися других персонажей; речь может идти также о жертвоприношениях этому богу.

Эпитеты гомеровского эпоса как особое средство выразительности представляют собой интересное явление, привлекавшее внимание многих исследователей. Одно из важнейших свойств этих гомеровских эпитетов – постоянство; они постоянны потому, что постоянны свойства и качества каждого изображаемого предмета и явления. Нами были подробнейшим образом рассмотрены все эпитеты Гермеса, встречающиеся в отдельных книгах «Илиады» и «Одиссеи», однако в настоящей публикации будут представлены лишь два эпизода с участием Гермеса – Il. 20. 34; 66–75 и Od. 8. 266–366, где имя этого бога снабжено эпитетом ἐριούνης / ἐριούνιος. Попутно для сравнения коснёмся эпитетов других богов, участвующих в этих двух эпизодах[1].

[1] Под эпитетом обычно понимают определение к названию предмета для подчёркивания характерных свойств предмета, для придания

В 20-ой песни «Илиады», названной «Битва богов», повествуется о разделении божеств, жителей Олимпа, на два враждующих лагеря: за ахейцев (Гера, Афина, Посейдон, Гермес, Гефест) и за троянцев (Арей/Арес, Аполлон, Артемида, Лета, Ксанф, Афродита). Зевс предлагает богам идти к ополчениям троянцев и ахейцев, чтобы оказывать помощь тем или другим по своему желанию, сам же остаётся в роли наблюдателя. Гера, за нею Афина, Посейдон и Гермес устремились к ахейским судам; Гермесу здесь дана пространная, явно положительная характеристика:

Il. 20.34–35 ἐριούνης Ἑρμείας, ὃς ἐπὶ φρεσὶ πευκαλίμῃσι κέκασται: ‘Гермес, щедрый податель полезного (ἐριούνης), мыслей исполненный светлых’ (пер. Н. Гнедича). Не ограничиваясь поэтическим переводом ἐριούνης Н. Гнедича, обратимся к другим источникам. В «Гомеровском словаре» Вл. Краузе для ἐριούνης/ἐριούνιος даётся близкое в семантическом плане значение ‘приносящий большое благополучие’, сопровождаемое латинским аналогом *valde utilis* ‘весьма полезный’ (Краузе 1896: 183). Дополнительные оттенки ἐριούνης даёт словарь И. Дворецкого – ‘спешащий на помощь, оказывающий помощь, благодетельствующий’ (с пометой *эпитет Гермеса*) (Дворецкий 1958: 663). Что касается приведённого перевода Н. Гнедича ἐριούνης ‘щедрый податель полезного’, в комментарии А. И. Зайцева к указанному месту кратко сказано: «Предположительная передача древнего эпитета Гермеса» («Илиада» 1990: 516; в «Илиаде» издания 1935 г. комментария к этому неоднократно встречающемуся эпитету Гермеса нет).

Не только воюющие рати ахейцев и троянцев, но и враждующие боги оказались лицом друг к другу: Посейдон против

поэтической яркости, художественной выразительности; ср. мнение В. М. Жирмунского: «В широком значении эпитет понимают как определение, как один из приёмов поэтического стиля. Между тем конкретный анализ поэтических текстов <...> всегда обнаруживает, что самое понятие «эпитет» является в высшей степени зыбким и неустойчивым» (Жирмунский 1977: 355). Ср. другое объяснение термина *эпитет,* касающееся непосредственно темы нашего исследования: «Эпитетом гомеровского эпоса традиционно считаем любое определение, подчёркивающее свойства и качества предмета, выраженные прилагательным, причастием, существительным-приложением, согласованное со словом, к которому оно относится, и его определяющее» (Шталь 1983: 91, примечание).

Аполлона, против Ареса – Афина, против Геры – Артемида и т. д. Не ограничиваясь перечислением попарно сторонников каждого из двух лагерей, Гомер сопровождает их имена различными характеристиками, представляющими несомненный интерес для нашего исследования (Il. 20.66–75):

τόσσος ἄρα κτύπος ὦρτο θεῶν ἔριδι ξυνιόντων.
ἤτοι μὲν γὰρ ἔναντα Ποσειδάωνος ἄνακτος
ἵστατ᾽ Ἀπόλλων Φοῖβος ἔχων ἰὰ πτερόεντα,
ἄντα δ᾽ Ἐνυαλίοιο θεὰ γλαυκῶπις Ἀθήνη:
Ἥρῃ δ᾽ ἀντέστη χρυσηλάκατος κελαδεινὴ 70
Ἄρτεμις ἰοχέαιρα κασιγνήτη ἑκάτοιο:
Λητοῖ δ᾽ ἀντέστη σῶκος ἐριούνιος Ἑρμῆς,
ἄντα δ᾽ ἄρ᾽ Ἡφαίστοιο μέγας ποταμὸς βαθυδίνης,
ὃν Ξάνθον καλέουσι θεοί, ἄνδρες δὲ Σκάμανδρον.
ὣς οἳ μὲν θεοὶ ἄντα θεῶν ἴσαν: 75

Так взволновалося всё, как бессмертные к брани сошлися!
Против царя Посидаона, мощного Энносигея,
Стал Аполлон длиннокудрый, носящий крылатые стрелы;
Против Арея – с очами лазурными дева Паллада;
Противу Геры пошла златокудрая ловли богиня,
Гордая меткостью стрел Артемида, сестра Аполлона;
Противу Леты стоял *благодетельный Гермес* крылатый’;
Против Гефеста – поток быстроводный, глубиннопучинный,
Ксанфом от вечных богов нареченный, от смертных – Скамандром.
Так устремлялися боги противу богов.

В **1-ой** паре богов имя *Посейдона* снабжено эпитетом-существительным ἄναξ ‘владыка (моря)’, присущим не только ему, но и другим богам (например, Il.2.104 о *Гермесе* – Ἑρμείας δὲ ἄναξ) и героям; в данном эпизоде *мощный Энносигей* – ἐννοσί-γαιος ‘сотрясающий землю, колебатель земли’ – «украшающее» дополнение переводчика Н. Гнедича вместо имени собственного (далее ИС) *Посейдон* у Гомер[2]. Противник Посейдона *Аполлон*, помимо традиционного для него эпитета Φοῖβος ‘бог света и его источника солнца’, характеризуется также как *стрелок* (ἔχων ἰὰ πτερόεντα букв. ‘имеющий оперённые стрелы’); характерный эпитет Аполлона ἀκερσεκόμης ‘длиннокудрый’ (букв. ‘с нестриженными волосами’) в данном тексте

[2] И. М. Тронский определяет Э н н о с и г е й (по-гречески ‘колебатель земли’) как эпическое прозвище Посейдона («Илиада» 1935: 689); ср. также об этом боге Il. 23.584 γαιήοχον ἐννοσίγαιον.

отсутствует. Во **2-ой** паре Гомер заменил ИС бога войны *Арес* его эпитетом-прозвищем Ἐνυάλιος ‘воинственный’[3]; переводчик же, напротив, устранив эпитет, восстановил ИС. Имя противницы Ареса, *Афины*, сторонницы ахейцев, сопровождает традиционный, постоянный эпитет γλαυκῶπις ‘со сверкающими/светящимися очами, светлоокая’. В **3-ей** паре противостоят две богини – *Гера* и *Артемида*, и если Гера только названа по имени[4], то её противнице Артемиде как богине охоты дана развёрнутая характеристика из нескольких эпитетов: χρυσηλάκατος ‘с золотою стрелой’, κελαδεινή ‘завывающая, гогочущая’, ἰοχέαιρα ‘мечущая стрелы’; сказано также и о её родстве с Аполлоном-стрелком, с которым они находятся в одном лагере (за троянцев). Для описания **4-ой** пары противников – *Леты* и *Гермеса* Гомер ограничился одним стихом: Il. 20.72 Λητοῖ δ᾽ ἀντέστη σῶκος ἐριούνιος Ἑρμῆς ‘противу Леты стоял *благодетельный* Гермес крылатый’. К ИС Ἑρμῆς присоединены сразу два эпитета – σῶκος ἐριούνιος. В очередной раз мы сталкиваемся с эпитетом неясного значения: «Условный перевод непонятного эпитета Гермеса» («Илиада» 1990: 516) – теперь речь идёт о σῶκος, так как о «предположительном» значении ἐριούνης/ἐριούνιος уже сказано выше (см. Il. 20.34). Эпитет ‘крылатый’, произвольно добавленный Н. Гнедичем, не является переводом σῶκος[5]. На этом противостояние Леты и Гер-

[3] Эниалий – в Микенскую эпоху – самостоятельное божество; позднее был отождествлён с Аресом («Илиада» 1990: 444). Во 2-ой песни «Илиады» (2. 651) Эниалий снабжён эпитетом ἀνδρεϊφόντης ‘убийца людей’: композит, аналогичный по образованию Ἀργεϊφόντης ‘аргусоубийца’, самому употребительному эпитету-прозвищу Гермеса (14 случаев в «Илиаде», 13 в «Одиссее»).

[4] Несмотря на немалое число свойственных этой богине гомеровских эпитетов, в том числе ἠύκομος ‘прекрасноволосая’ (Краузе 1896: 209); сказанное в полной мере относится и к Лете (Λητώ), противницы Гермеса в 4-ой паре, чьё имя также не имеет здесь никакого эпитета.

[5] В «Гомеровском словаре» Вл. Краузе σῶκος, ὁ ‘спаситель’, латинский аналог *servator*; *по друг*. прилагательное ‘сильный, могучий’ – со ссылкой именно на Il. 20.72 (Краузе 1896: 418); этой второй версии придерживается и И. Дворецкий (Дворецкий 1958: 1595). А. Д. Вейсман же, напротив, считает, что в рассматриваемом стихе σῶκος означает ‘спаситель’ (Вейсман 1888: 1219). Кроме того, словари древнегреческого языка дают глагол σωκέω ‘иметь силу, быть в состоянии, мочь’, однако у Гомера этот глагол не отмечен. Ф. Бехтель, автор *Lexilogus zu Homer,* в статье о σῶκος приводит доказательства родственной связи этого прилагательного и глагола σωκέω: «Деноминатив

меса кончается, в битве богов о них больше нет ни слова[6]. И **5-ая**, последняя пара – *Гефест*, бог огня и кузнечного мастерства, чьё имя у Гомера имеет ряд положительных эпитетов, в том числе περικλυτός ‘преславный’ (Краузе 1896: 210), однако в данном эпизоде ни один из них не представлен; Гефесту противостоит *Ксанф*, бог реки того же названия, *большой и глубоководной*[7].

Что касается эпитета Гермеса ἐριούνιος, нельзя не отметить употребление в двух случаях этого эпитета взамен ИС Ἑρμῆς, например, Il.24. 440 ἦ καὶ ἀναΐξας ἐριούνιος ἅρμα καὶ ἵππους ... «Рек, и на царских коней в колесницу вскочил Эриуний»; аналогично Il. 24.360; замена ИС отражена и в русском переводе Н.Гнедича, и в латинском (Mercurius).

Второй подлежащий нашему рассмотрению эпизод взят из 8-ой песни «Одиссеи» (Od. 8. 266–366), посвящённой проводам Одиссея из страны феаков. По этому случаю царь Алкиной пригласил знатных людей и корабельщиков к себе на обед. Присутствует на торжестве и певец Демодок, которому муза *при рождении* [(эти два последних слова – добавление В. Жуковского. В оригинале: «Муза его особо возлюбила» («Одиссея» 2000: 303)] очи затмила, зато даровала сладостную

σωκεῖν показывает, что в σῶκος должно быть заложено понятие силы. <...> σῶκος является сокращением из σαϝοκράτης <... > характеристике бога (то есть Гермеса) σῶκος в значении σαϝοκράτης соответствует то, что он многократно прославляется, как κρατὺς ἀργεϊφόντης (‘могучий аргусоубийца’ – А.Г.)» (Bechtel 1914: 306). *Мое примечание*: выходит, что имя Σωκράτης (Сократ) может означать *сильный, могучий*? Или это не так? (А.Г.)

[6] Ср. ниже слова *Гермеса*: Il. 21.498–499 Λητοῖ ἐγὼ δέ τοι οὔ τι μαχήσομαι: ἀργαλέον δὲ / πληκτίζεσθ᾽ ἀλόχοισι Διὸς νεφεληγερέταο: ‘Лета! сражаться с тобой ни теперь я, ни впредь не намерен: /Трудно сражаться с супругами тучегонителя Зевса’ (Перевод Н. Гнедича). Имя Леты, матери Аполлона и Артемиды, рождённых ею от Зевса, у Гомера встречается по крайней мере с тремя эпитетами: ἐρι-κυδής ‘преславная, прекрасная’ (κῦδος ‘величие, слава’; та же приставка в ἐρι-κυδής, что в ἐριούνης? – А. Г.), ἠύκομος ‘прекрасноволосая’, καλλιπάρῃος ‘краснощёкая’ (Краузе 1896 : 276).

[7] Ксанф – другое название троянской реки Скамандра (Тронский 1935: 674); Скамандр – впадающая в Геллеспонт река, у берегов которой стояла Троя. Её название «на языке богов» – Ксанф (там же: 683).

песнь (ἡδεῖαν ἀοιδήν Od. 8.64)[8]. Певец трижды развлекает гостей своим пением: сначала, во время пира, он по велению музы поёт о событиях похода греков под Трою, затем, во время пляски, – об Аресе и Афродите, и за вечерней трапезой – о деревянном коне и подвигах ахейских вождей. Фигура *Гермеса* присутствует лишь во второй песни Демодока (Od. 8. 266-366): вместе с другими богами, Посейдоном и Аполлоном, Гермес пришёл по призыву Гефеста[9], мужа Афродиты, чтобы боги своими глазами убедились в её измене мужу с Аресом и увидели *сети* (δέσματα), изготовленные Гефестом и накрывшие любовников. Имя каждого из трёх богов в этом эпизоде сопровождается типичным для него эпитетом: Посейдон – *земледержец* (Посει-

[8] «Поэзия (в древней Греции – А. Г.) по способу своего бытования была связана с обстановкой торжественного праздника. В гомеровском эпосе певцы показаны как непременные участники застольных пиршеств: Фемий в доме Одиссея поёт для увеселения женихов Пенелопы («Одиссея», 1), слепой Демодок поёт на пиру у царя феакийцев Алкиноя («Одиссея», 8)». (Миллер 1978: 24). Высокую оценку искусству Демодока даёт и сам Одиссей: «Сладко вниманье своё нам склонять к песнопевцу, который, /Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен» («Одиссея» 9. 3–4).

[9] В переводе В. Жуковского некоторые имена богов имеют необычную форму: Гефест – Ифест, Посейдон – Посидон, Гермес – Эрмий (см. об этом расхождении: В. Н. Ярхо. О транслитерации имён собственных и названий – «Одиссея» 2000: 353–354). Поскольку в этом эпизоде Гефест – одно из главных лиц описываемых событий, не удивительно многократное упоминание его имени в сочетании с разнообразными эпитетами. Так в самом начале песни Демодока (Od. 8.270) имя этого бога имеет эпитет ἄναξ в значении ‘владыка, хозяин, господин’, нередко сопровождающий у Гомера имена и других богов. Главные достоинства Гефеста как мастера, художника, искусного умельца отражают такие эпитеты, как κλυτοτέχνης ‘славный мастер’ (8.286), κλυτοεργός ‘прославившийся своими чудными изделиями’ (8.345), περικλυτός ‘преславный, знаменитый’ (8.287 и 349), πολύφρων ‘изобретательный’ (8.327). Но отмечает Гомер и физические недостатки Гефеста, в которых он неповинен: χωλός ‘хромоногий, хромой’ (8.332), которые, однако, осложняют ему жизнь (отсюда эпитет βραδύς ‘медлительный’ 8.330); тем не менее в рассматриваемом эпизоде хромой и медлительный Гефест одолел быстрого Арея: 8.329 κιχάνει τοι βραδὺς ὠκύν ‘над проворством здесь медленность верх одержала’ (перевод В. Жуковского). Дважды отмечен сдвоенный эпитет Гефеста περικλυτὸς Ἀμφιγυήεις (8.300 и 8.357) при отсутствии ИС, заменённого индивидуальным эпитетом/прозвищем Ἀμφιγυήεις, имеющим двоякое истолкование: ἀμφιγυήεις – прилагательное м.р. (только nom. sing.) [γυιός] хромой на обе ноги, *по друг.* [γυῖον] имеющий силу в обеих руках (эпитет Гефеста) Hom. (Дворецкий 1958: 103).

δάων γαιήοχος), *Гермес – дароносец* (Od. 8.322 ἐριούνης[10]/323 Ἑρμείας), Аполлон – *повелитель, мечущий стрелы* (ἄναξ ἑκάεργος)[11], а общей для всех троих является положительная характеристика *податели благ* (δωτῆρες ἐάων)[12]. Боги одобрительно отнеслись к поступку ревнивого Гефеста, осуждая прелюбодея Ареса. Но комизм ситуации проявляется в том, что Аполлон (Od. 8.334 ἄναξ Διὸς υἱὸς 'владыка, сын Зевса') весьма почтительно обращаясь к *Гермесу* и присоединяя к его имени целый набор разного рода характеристик – Od. 8.335 Ἑρμεία, Διὸς υἱέ, διάκτορε[13], δῶτορ ἐάων, «Гермес, сын Зевса, посланник, податель благ», – задаёт ему коварный вопрос: согласился бы он под такой сетью лежать на одной постели с Афродитой?[14] Гермес – διάκτορος ἀργεϊφόντης 'убийца Аргуса' даёт положительный ответ, чем вызывает смех у блаженных богов. Что

[10] Эпитет Гермеса *ἐριούνης* в «Одиссее» встречается единственный раз (в «Илиаде» 6 случаев). Примечание В. Н. Ярхо: *Дароносец* – Точнее: «податель благ» (ἐριούνης), постоянный эпитет Гермеса («Одиссея» 2000: 395). Но в таком случае ἐριούνης является синонимом δῶτορ ἐάων 'податель благ' (см. ниже 8.335)!.

[11] ἑκάεργος, 2 'действующий на далёкое расстояние, т. е. далекоразящий, *по друг*. далеко отражающий (бедствия) (эпитет Аполлона)' (Дворецкий 1958: 476). Как большинство своих богов, древние греки почитали Аполлона в нескольких ипостасях, которым соответствовали различные эпитеты (эпиклезы, прозвища), отражающие те или иные функции божества. Множество эпитетов было и у Аполлона (в «Гомеровском словаре» Вл. Краузе (Краузе 1896: 62) приведены 15 эпитетов Аполлона – А. Г.). С древнейших времён его атрибутами были лук и стрелы, отсюда у Гомера эпитет ἀργυρότοξος 'сребролукий' (Il. 2.766). «...Этот постоянный эпитет мог даже замещать имя бога, как, например, в молитве, которую Гомер вложил в уста жреца Хриса»: Il. 1.37 κλῦθί μευ ἀργυρότοξ' 'Бог сребролукий, внемли мне...'» (Скржинская 2006: 258); термин эпиклеза (греч. ἐπίκλησις) в статье М. В. Скржинской означает *прозвище, название, наименование*.

[12] Od. 8. 325 δωτήρ, ῆρος ὁ и Od. 8.335 δώτωρ, ορος ὁ 'податель благ (ἐάων)' – два эпических варианта одного слова. Отметим, что в этом эпизоде в числе приглашенных Гефестом присутствуют только боги, а богини, сохраняя пристойность, остались дома (Od. 8.324 θηλύτεραι δὲ θεαὶ μένον αἰδοῖ οἴκοι ἑκάστη).

[13] И. Дворецкий для διάκτορος даёт значения 'посланник, вестник, гонец' *(эпитет Гермеса*) (Дворецкий 1958: 374).

[14] Заметим, что от не слишком корректного обращения *аргусоубийца* Аполлон воздержался, употребив только почтительные выражения, присоединив их к имени *Hermeia* (– А. Г.). Нагнетание эпитетов в инвокации – стандартный приём от гомеровских времён до позднеантичных орфических гимнов (Тронский 1968: 133).

касается эпитетов Гермеса в рассматриваемом эпизоде, следует отметить их различие в обращении Аполлона к *Гермесу* (с включением ИС в вокативе) и в словах певца Демодока, предваряющих ответ *Гермеса*: Od. 8.338 τὸν δ᾽ ἠμείβετ᾽ ἔπειτα διάκτορος ἀργεϊφόντης, где вместо ИС употреблен традиционный сдвоенный (парный) эпитет этого бога. Заключительный стих этого эпизода – Od. 8.367 ταῦτ᾽ ἄρ᾽ ἀοιδὸς ἄειδε περικλυτός «Так воспевал вдохновенный певец» (Демодок).

Важно подчеркнуть, что у Гомера эпитет ἐριούνης в сочетании с ἀργεϊφόντης ‘убийца Аргуса’ [15] вообще не встречается: обычно он является эпитетом самого ИС *Гермес* (ещё, кроме рассмотренных случаев, например, Il. 24.457 Ἑρμείας ἐριούνιος *‘благодетельный* Гермес’); самый частотный сдвоенный эпитет этого бога – διάκτορος ἀργεϊφόντης (15 случаев).

В завершение обзора коснёмся непростого вопроса о происхождении эпитета ἐριούνης.

В Этимологическом словаре греческого языка П. Шантрен определяет эпитет Гермеса Ἐριούνης как сложное слово мужского рода с окончанием на -а, типа δεσπότης и т. п., чаще в форме ἐριούνιος; позже этот эпитет стал приложим к θεοί ‘боги’, к νόος ‘мысль, раз(ум)’. Схолии и лексикографы в основном толкуют его в значении франц. *bienfaisant* ‘благодетельный’, сближая с ὀνίνημι ‘приносить пользу, способствовать, содействовать’[16]. Другие глоссы объясняют простое слово, извлечённое искусственным путём из сложного Ἐριούνης: οὔνης· κλέπτης и οὔνιος· [εὖνις] δρομεύς, κλέπτης (Hsch.) ‘бегун, вор’, см. Leumann Hom. Worter 123. П. Шантрен приводит различные версии учёных насчёт первоначального значения Ἐριούνιος, толковавших его как ‘хороший бегун, скороход, гонец’ и относящих это

[15] Подробно об эпитете/прозвище ἀργεϊφόντης см. (Грошева 2014: 203, примечание 7).

[16] У Гомера этот глагол встречается неоднократно, например, Il. 8.36 βουλὴν δ᾽ Ἀργείοις ὑποθησόμεθ᾽ ἥ τις ὀνήσει ‘мы лишь совет предложим аргивянам, который им будет *полезен*’ (слова Афины). Вл. Краузе латинским аналогом ὀνίνημι считает *iuvo* ‘помогать, содействовать’ (Краузе 1896: 327). П. Шантрен относит презенс ὀνίνημι к глаголам с удвоением (удвоенная основа с приставкой), средний залог oninamai (Шантрен 1953: 178). К сожалению, этимология греч. ὀνίνημι неясна (Boisacq 1923: 703) и не имеет никаких надёжных соответствий в родственных и.-е. языках.

слово к аркадо-кипрским, «ахейским» элементам гомеровского словаря. Однако этимология Ἠριούνιος остаётся неизвестной (Chantraine 1968–1980: 372).

В новейшем этимологическом словаре греческого языка Р. Бекеса отражена сходная точка зрения. Древние авторы неправильно ассоциировали ἠριούνης с различными простыми словами, связывая его с какими-либо качествами Гермеса, например, οὔνης· κλέπτης ‘вор’, οὔνιος· [εὖνις] δρομεύς, κλέπτης ‘бегун, вор’. Предпочтительными, по мнению Р. Бекеса, являются глоссы οὖνον и οὔνει, передающие обозначения *движения, бега*, что, возможно, позволит понимать прозвище Гермеса Ἠριούνης / Ἠριούνιος как *быстрый вестник богов* (Latte *Glotta* 34 (1955) 192 ff.[17]). (Beekes 2010: 329).

Завершая обзор некоторых свойственных Гермесу гомеровских эпитетов, можно сделать вывод, что происхождение части из них (как, впрочем, и самого имени *Гермес*[18]) остаётся неопределённым, и поэтому значение таких эпитетов носит «условный», предположительный характер. Положительная оценка этих постоянных, «украшающих» определений имени Гермеса не вызывает сомнений. Следует отметить количественную ограниченность их наименований (9) и частую их повторяемость, что в определённой мере обусловлено, вероятно, изначально устным исполнением песен, их фольклорным характером, поскольку «устно-поэтическое произведение <...> основано

[17] Аналогичное толкование этого эпитета находим уже в «Гомеровском словаре» Ф. Бехтеля: если можно присоединить ἠριούνης (ἠριούνιος) к οὖνο- ‘бег’, то они обозначают эпитеты бога как θοὸν ἄγγελον ‘быстрый вестник’: так он назван в гимне к Пану (V.21). (Bechtel 1914: 138). Нам кажется уместным внести некоторое дополнение в связи с ролью ἐρι- в эпитете ἠριούνης. По определению в словаре И. Дворецкого: «**eri-** *неотделяемая усилит. приставка, напр. в* ἐρι-αύχην ‘крутошеий’ (конь) Hom. (Дворецкий 1958: 662); по нашему мнению, усилительная роль ἐρι- особенно наглядна в прилагательном ἐρι-κυδής ‘преславная’ (эпитет Леты). И ещё возникает вопрос: не является ли греч. ἐρι- функционально равнозначным префиксу *пре-* в русск. *прекрасный, премудрый*? (– А.Г.). В словаре М. Фасмера сказано: **пре-** приставка с усилит. значением: *премудрый, превеликий, предобрый* и т. д.; соответствует исконнорусск. *пере-*, праслав. *per- , ср. лит. *perdaũg* ‘слишком много’, лат. *permagnus*, греч. περικαλής ‘очень красивый’ (ЭСРЯ 1987: III, 356). Однако происхождение греч. ἐρι- остаётся неясным (Boisacq 1923: 279).

[18] Об этимологии имени *Гермес* см. Грошева 2014: 207–209.

<...> на большом запасе “типических” частей, формул» (Тронский 1973: 49). «Формульный стиль является функцией устно-поэтического творчества» (там же, стр. 51).

Литература

Bechtel, F. 1914: *Lexilogus zu Homer. Etymologie und Stammbildung Homerische Wörter*. Halle.

Beekes, R. S. P. 2010: *Etymological Dictionary of Greek*. In two volumes. Leiden; Boston: Brill.

Boisacq, E. 1923: *Dictionnaire etymologique de la langue grecque*. Seconde ed. Heidelberg, Paris. 1923.

Chantraine, P. 1953: *Istoricheskaya morfologiya grecheskogo yazyka* [*Morphologie historique du grec*]. Translation and supplement by Ya. M. Borovsky. Moscow: Foreign Literature publishing house.
Шантрен, П. 1953: *Историческая морфология греческого языка*. Перевод и приложение Я. М. Боровского. М.: Изд-во иностранной литературы.

Chantraine, P. 1968–1980: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire de mots.* Paris: 1968–1980.

Dvoretskiy, I. Kh. 1958: *Drevnegrechesko-russkiy slovar’*. [*Ancient Greek-Russian Dictionary*]. Moscow.
Дворецкий, И. Х. 1958: *Древнегреческо-русский словарь*. Гос. издательство иностранных и национальных словарей.

Fasmer, M. 1986–1987: *Etimologicheskiy slovar’ russkogo yazyka* [*Etymological dictionary of Russian language*]. I–IV. Moscow: Progress.
Фасмер, М. 1986–1987: *Этимологический словарь русского языка*. Перевод и комментарии О. Н. Трубачёва. Т. I–IV. М.; Прогресс.

Frisk, H. 1960–1970: *Griechisches Etymologisches Wörterbuch*. Bd I (A – Ko); Bd. II (Kr – W); A Lief. 17 (Π – W). Heidelberg.

Grosheva, A. V. [«Bringers of dreams» (Hypnos and Hermes) by Homer]. *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 18, 198–214.
Грошева, А. В. 2014: «Податели сна» (Ὕπνος и Ἑρμῆς) у Гомера. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 18, 198–214.

Iliad 1935: *Homer. Iliad*. Transl. by N. I. Gnedich. Ed. and comm. by I. M. Tronsky. Moscow; Leningrad: Academia.
«Илиада» 1935: *Гомер. Илиада*. Перевод Н. И. Гнедича. Редакция и комментарий И.М. Тронского. М.; Л.: Academia.

Iliad 1990: *Homer. Iliad*. Transl. by N. I. Gnedich. Comm. by A. I. Zaitsev. Leningrad: Nauka.
«Илиада» 1990: *Гомер. Илиада*. Перевод Н. И. Гнедича. Примечания А.И. Зайцева. Л.: «Наука». 1990.

Krause, V. 1896: *Gomerovskiy slovar’ (k Iliade i Odissee)* [*Homeric Dictionary (for Iliad and Odyssey)*]. 2nd ed., revised and supplemented. St.-Petersburg.

Краузе, В. 1896: *Гомеровский словарь (к Илиаде и Одиссее)*. Изд. 2-ое, пересмотренное и дополненное составителем. С.-Петербург: 1896.

Miller, T. A. 1978: [The main stages of the study of «Poetics» by Aristotle]. In: Gasparov, M. L. (ed.). *Aristotel' i antichnaya literatura* [*Aristotle and Ancient Literature*]. Moscow, 5–23.
Миллер, Т. А. 1978: Основные этапы изучения «Поэтики» Аристотеля. В сб.: Гаспаров, М. Л. (ред.). *Аристотель и античная литература*. М., 5–23.

Odyssey 2000: *Homer. Odyssey*. Transl. by V. A. Zhukovsky. Ed. by V. N. Yarkho. Moscow: Nauka.
«Одиссея» 2000: Гомер. Одиссея. Перевод В. А. Жуковского. Издание подготовил В. Н. Ярхо. М.: «Наука», 2000.

Petrova, N. V. 1996: [Homer's vision of the world and «Dead souls» by N. V. Gogol]. In: *Klassicheskaya filologiya na sovremennom etape* [*Classical Studies Nowdays*]. Moscow: Naslediye, 213–228.
Петрова, Н. В. 1996: Гомеровское видение мира и «Мёртвые души» Н. В. Гоголя. В сб.: *Классическая филология на современном этапе*. Москва: «Наследие», 213–228.

Skrzhinskaya, M. V. 2006: [Epicleses of Apollo and their reflection in pieces of art from Olbia and Bosporan cities]. *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 10, 258–264.
Скржинская, М. В. 2006: Эпиклезы Аполлона в античной литературе и их отражение на памятниках искусства из Ольвии и городов Боспора. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 18, 258–264.

Stahl, I. V. *Khudozhestvennyy mir gomerovskogo eposa* [*Artistic world of Homeric epos*]. Moscow: Nauka.
Шталь И. В. 1983: *Художественный мир гомеровского эпоса*. М., «Наука». 1983.

Tronsky, I. M. 1968: [Remarks on Sapho I (L.–P.)]. *Acta antiqua* 16, 133–138. Тронский, И. М. 1968: Заметки к Сапфо I (L.–P.). *Acta antiqua* 16, 133–138.

Tronsky, I. M. 1973: [On the «formula style» of Homeric epos]. In: *Philologica. Issledovaniya po yazyku i literature. Pamyati akad. V. M. Zhirmunskogo* [*Philologica. Studies in Language and Literarure. In memoriam academician V. M. Zhirmunsky*]. Leningrad: Nauka, 48–56.
Тронский, И. М. 1973: К вопросу о «формульном стиле» гомеровского эпоса. В сб.: *Philologica. Исследования по языку и литературе. Памяти акад. В. М. Жирмунского*. Л.: «Наука», 48–56.

Weisman, A. D. 1888: *Grechesko-russkiy slovar'* [*Greek-Russian Dictionary*]. 3rd ed. St.-Petersburg. Вейсман, А. Д. 1888: *Греческо-русский словарь*. Издание 3-ье. СПб.,

Zhirmunsky, V. M. 1977: [On the problem of epithet]. In: *Teoriya. Poetika, Stilistika* [*Theory of Literature. Poetics. Stylistics*]. Leningrad: Nauka, 355–361.

Жирмунский, В. М. 1977: К вопросу об эпитете. В сб.: *Теория литературы. Поэтика, Стилистика*. Л.: «Наука». 1977 (первая публикация данной статьи – 1931 г.) , 355–361.

A. V. Grosheva. Epithets of Hermes in Homer's epic poems «Iliad» and «Odyssey»

The paper analyzes epithets of Hermes mainly in two episodes of Homer's poems: Il. 20.66–75 and Od. 8.266–366. At the same time epithets of other gods, mentioned in those passages, are also shown and discussed. Special attention is focused on semantics and etymology of Hermes' epithet ἐριούνης.

Keywords: Homer's epic poems, Hermes, Hephaestus, epithets ἐριούνης, σῶκος.

DOI:10.30842/ielcp230690152232

Г.-Р. А.-К. Гусейнов, А. Л. Мугумова

ИНДОАРИЙСКИЕ МИГРАЦИИ И ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАРОДИНЫ. К постановке вопроса

В контексте основных известных в настоящее время вариантов локализации индоевропейской прародины негативно оценена концепция заселения Северного Кавказа с севера носителями «древнеевропейских» и индоиранских диалектов в период бронзового века. Установлен неудовлетворительный характер гипотезы о миграции индоарийских племен на юг через причерноморские области Кавказа, а также более позднего продвижения на Северный Кавказ с северо-востока будущих носителей иранского осетинского языка. Все это может рассматриваться в качестве дополнительных аргументов в пользу переднеазиатской локализации индоевропейской прародины.

Ключевые слова: индоарийские языки, миграции, переднеазиатская локализация индоевропейской прародины, древнеевропейские и индоиранские диалекты, осетинский язык.

При известном разнообразии мнений о локализации индоевропейской прародины исследователи, руководствуясь прежде всего археологическими данными, чаще всего указывают на предпочтительный характер четырех ее вариантов. Речь идет о балтийско-причерноморском (+ прикаспийском), анатолийском, центральноевропейско-балканском и причерноморско-прикаспийском.

Именно их сравнительно недавно выделил Дж. П. Мэллори, отдав предпочтение причерноморско-прикаспийской (степной) гипотезе и считая ее не наилучшей, но лишь «наименее худшей» из всех. Он же, отметив первостепенное значение лингвистического материала для решения данного вопроса, указал в числе прочих аргументов подобного рода на датировку индоевропейского праязыка по внешним контактам, которые должны быть соотнесены с датируемыми письменными текстами других языков. Вместе с тем Мэллори отметил хронологические ограничения сопоставления индоевропейского праязыка с каким-либо письменным языком – до III тыс. до н. э. – времени, когда индоевропейский уже начал распадаться на различные языковые группы (Мэллори 1997).

Другой исследователь – С. А. Григорьев – сторонник локализации индоевропейской прародины «на Ближнем Востоке, в силу языковых связей с носителями ближневосточных языков», указывает на принципиальную важность проблемы реконструкции миграционных путей в решении данного вопроса. По его мнению, не существует никаких археологических доказательств миграции *каких бы то ни было* групп из Северной Евразии в Анатолию, Иран или Индию, как и распространения индоевропейцев из Северной и Центральной Европы (Григорьев 2015).

На первый взгляд, в указанную Дж. П. Мэллори временную канву вписывается концепция Н. А. Николаевой, по мнению которой в бронзовом веке, со второй половины III до середины II тыс. до н. э., Северный Кавказ заселялся индоевропейцами в лице носителей «древнеевропейских» и индоиранских диалектов. Они к началу индоевропейских миграций IV–III тыс. до н. э. занимали территории к северу от Карпат, пришли в движение во второй половине III тыс. до н.э., достигли Северного Кавказа к XXIII в. до н. э. и дали импульс к формированию бронзового века на Северном Кавказе. Несомненным доказательством физического присутствия на Кавказе разных групп индоевропейцев являются, по ее мнению, индоевропеизмы в картвельских языках. С этой целью используются сведения из монографии Г. А. Климова «Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков», в числе которых, как предполагается, представлены в ощутимом числе усвоения из языков указанного выше круга (см.: Николаева 2007: 14; 2011: 119–122; 2012: 610–619, 619 прим. 4).

Однако произведенный нами анализ сведений, использованных Н. А. Николаевой, показал, что заимствования из «древнеевропейских» и индоиранских диалектов в упомянутой монографии Г.А. Климова практически не отмечены. Это вызывает значительные сомнения в том, что в указанное время соответствующие языковые процессы могли иметь место (см. Гусейнов, Мугумова 2017а).

Еще одно, одновременное с вышеупомянутым, обращение к данному вопросу в рамках несколько иной проблематики позволило нам установить неудовлетворительный характер гипотезы о прошлой миграции индоарийских племен через причерноморские области Кавказа. К числу свидетельств этой миграции относят предполагаемое наличие индоарийского суб-

страта в абхазско-адыгских языках, но прямые указания на него в литературе вопроса отсутствуют (см. Гусейнов, Мугумова 2017б).

Таким образом, основываясь на существующих археологических и языковых данных, представляется возможным высказать еще более определенные сомнения относительно гипотезы о миграции индоарийских племен через причерноморские области Кавказа в обоих направлениях – как с севера на юг, так и в обратном направлении. Тем более, что, как отметил, основываясь на археологическом материале, С. А. Григорьев (Григорьев 2015), подобных миграций не могло быть и на уровне индоевропейской общности.

В этих условиях более предпочтительным представляется анализ рассматриваемой проблемы в ареальных пределах анатолийской локализации индоевропейской прародины на Ближнем Востоке. Он в целом вписывается в отмеченные Мэллори хронологические рамки (не позже III тыс. до н. э.) времени, когда индоевропейский праязык уже начал распадаться на различные языковые группы. Распад индоарийской общности Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов (1984: 914, 917, 920) отнесли к периоду не раньше IV тыс. до н. э. и не позднее первой половины III тыс. до н. э., когда носители индоиранских диалектов появляются в северной части Иранского нагорья. В конце II – начале I тыс. до н. э. восточные иранцы расселяются в областях Средней Азии и Афганистана, при этом не позднее X в. до н. э. (или значительно раньше) ираноязычное население уже известно в историческом западном Иране.

Как свидетельствуют данные анализа лексических сходств индоарийских и восточнокавказских языков (авар. *ħansa* (<**ħamsa*) ’улар’ ~ др.-инд. *haṃsá-* ‘дикий гусь’, ‘лебедь; авар. *ross* ‘муж’ ~ др.-инд. (пракрит.) *ṛsa*(*bha)* ‘бык, самец’; чеч. *majr* ‘муж ~ мит.-индоар. *marįannu* – название колесничих) и иные материалы, миграцию следует отнести к началу I тыс. до н.э., когда (см. выше) носители иранских языков расселяются в Иране, Средней Азии и Афганистане. Тогда же носители будущих нахско-дагестанских языков мигрируют из Передней Азии в нынешнюю Восточную Грузию и лишь после второй половины I тыс. н. э. – на Северо-Восточный Кавказ (Гусейнов 2015).

При этом единственный иранский язык, представленный в настоящее время на Северном Кавказе, – осетинский, относится к числу (северо-) восточноиранских (из областей Средней Азии и Афганистана); появление его носителей в нынешней области их обитания традиционно датируется началом I тыс. н. э. и объясняется приходом с севера их предков – ираноязычных алан, расселившихся также в Предкавказье. Они сохранились после нашествия монголов и Тимура лишь в горах Кавказа. Традиционно, вслед за В. И. Абаевым, полагают, что осетинский язык сохраняет генетическую связь с иранским языком аланов и скифов, при этом он был воспринят и коренным населением Центрального Кавказа.

Однако, как было еще раньше установлено (Гусейнов 2014), большинство восточноиранских черт осетинского языка имеет тюркское (булгаро-огузское) происхождение. Они могли сформироваться в нем по мере того, как его носители, возможно в позднехазарское время, начали продвигаться на Северный Кавказ с юга.

Важную роль в создании осетинского этноса мог сыграть город Согдебиль, который был построен во время ирано-византийских войн в VI в. на восточном берегу Куры напротив Тифлиса шахом Ануширваном и заселен им же согдийскими переселенцами[1] и персами, язык которых относится к западноиранским. После завоевания города арабами в 644 г. его жители переселились в окрестные деревни, а затем в позднехазарское время распространились по обе стороны Главного Кавказского хребта.

Тем самым возникают определенные сомнения и в отношении традиционного мнения о другом более позднем продвижении будущих носителей осетинского языка с северо-востока на юг. Все вышеизложенное представляется возможным отнести к числу дополнительных аргументов в пользу переднеазиатской локализации индоевропейской прародины, как о том свидетельствуют связанные с нею пути миграции носителей различных индоарийских языков.

[1] Носители восточноиранского ягнобского языка на Памире – их наследники.

Литература

Gamkrelidze, T. V., Ivanov, Vjach. Vs. 1984: *Indoevropeyskiy yazyk i indoevropeycy* [*Indo-European language and Indo-Europeans*]. Tbilisi.

Гамкрелидзе, Т. В., Иванов, Вяч. Вс., 1984: *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Тбилиси.

Grigor'ev, S. A. 2015: *Drevnie indoevropejcy* [*Ancient Indo-Europeans*]. Izd-e 2-e dop. Cheljabinsk. (http://www.islandvera.academia.edu / Stanislav Grigoriev).

Григорьев, С. А., 2015: *Древние индоевропейцы*. Изд-е 2-е доп. Челябинск. (http://www.islandvera.academia.edu/Stanislav Grigoriev.

Gusejnov, G.-R. A.-K. 2014: [About one of the probable places of initial distribution nakhsko-Dagestan and Ossetian languages, or once again about the North Caucasian alanizmes] *Acta Linguistica Petropolitana* 10 (1), 515–534.

Гусейнов, Г.-Р. А.-К. 2014: Об одной из вероятных областей первоначального распространения нахско-дагестанских и осетинского языков, или еще раз о северокавказских аланизмах. *Acta Linguistica Petropolitana* 10 (1), 515–534.

Gusejnov, G.-R. A.-K. 2015: [Some Indo-Arian lexical elements of the Nakh- Daghestanian languages in the context of localization of regions of their initial and subsequent distribution]. *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 19, 193–202.

Гусейнов, Г.-Р. А.-К. 2015: Некоторые индоарийские лексические элементы нахско-дагестанских языков в контексте локализации регионов их первоначального и последующего распространения. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 19, 193–202.

Gusejnov, G.-R. A.-K., Mugumova, A. L. 2017a: [Once again about Indo-Europeanization of the Caucasus (according to linguistics)]. *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 21, 185–193.

Гусейнов Г.-Р. А.-К, Мугумова А. Л. 2017а: Еще раз об индоевропеизации Кавказа (по данным лингвистики). *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 21, 185–193.

Gusejnov, G.-R. A.-K., Mugumova, A. L. 2017b: [On the hypothesis of the Indo-Aryan genesis of Sinds of the North-East Black Sea Coast and of the Crimean Tauri in the context of the relations of their languages with the Abkhaz-Adyghe and Turkic languages]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* [*Crimean Historical Revue*] 2, 85–101.

Гусейнов, Г.-Р. А.-К., Мугумова, А. Л. 2017б: К вопросу об индоарийском генезисе синдов Северо-Восточного Причерноморья и тавров Крыма в контексте отношений их языков с абхазско-адыгскими и тюркскими языками. *Крымское историческое обозрение* 2, 85–101.

Mallory, J.–P. 1997: [Indo-European Homelands]. *Vestnik drevney istoriyi* 1, 61–82.

Мэллори, Дж. П. 1997: Индоевропейские прародины. *Вестник древней истории* 1, 61–82.

Nikolaeva, N.A. 2007: [Ethnic history of the North Caucasus. III–II millennium BC]. *Vestnik MGOU* [*Journal of the Moscow Regional State University (MRSU)*]1, 3–26.

Николаева, Н. А. 2007: Этническая история Северного Кавказа. III-II тыс. до н. э. *Вестник МГОУ* 1, 3–26.

Nikolaeva, N. A. 2011: [Indo-Europeanization of the Caucasus (according to linguistics, archeology)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Journal of the Tomsk State University*] 4(16), 119–122.

Николаева, Н. А. 2011: Индоевропеизация Кавказа (по данным лингвистики, археологии). *Вестник Томского государственного университета* 4(16), 119–122.

Nikolaeva, N. A. 2012: [Indo-Europeans in the North Caucasus in the III–II millennium BC according to linguistics and archeology]. *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 16, 610–619.

Николаева, Н. А. 2012: Индоевропейцы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. по данным лингвистики и археологии. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 16, 610–619.

G.-R. A.-K. Guseynov, A. L. Mugumova. Indo-Aryan migrations and the problem of localization of the Indo-European homeland

The paper deals with the problem of Indo-Aryan migration routes as they can be traced in the linguistic data of the adjacent languages of unrelated families.

According to T. V. Gamkrelidze and Vyach. Vs. Ivanov's hypothesis, the separation of the Indo-Aryan group took place no later than the 4th millennium BC and not earlier than the first half of the 3rd millennium BC, when speakers of the Indo-Iranian dialects appeared in the northern part of the Iranian Plateau.

The authors refute the arguments of N. A. Nikolaeva about migrations of Ancient-European and Indo-Iranian speakers southwards to the North Caucasus in the Bronze Age as well as her idea of the later migration of the pre-Ossetic people to the North Caucasus from the North-East.

The data, submitted in the paper, in some respects support the hypothesis of the ancient Near East localization of the Indo-European homeland.

Key words: Indo-Aryan languages, migrations, Near East localization of the Indo-European homeland, the Ancient-European and Indo-Iranian dialects, the Ossetic language.

DOI:10.30842/ielcp230690152233

S. I. Dmitrieva

NASAL-INFIXED IMPERFECTS AND THEIR COLLATERAL AORISTS IN HOMERIC GREEK: A DIACHRONIC APPROACH[1]

С. И. Дмитриева. Имперфекты с назальным инфиксом и их однокоренные аористы у Гомера и в диахронии

В статье проводится сопоставительный анализ употреблений форм имперфекта с назальным инфиксом и однокоренных аористных форм у Гомера с привлечением данных более поздних авторов (Геродот, Платон, Аполлоний Родосский). Имперфекты от предельных презенсов часто выражают значение перфектива. В таких случаях формы имперфекта и аориста демонстрируют тенденцию к дополнительной дистрибуции за счет ограничения сферы употребления. Эта тенденция лучше представлена у Гомера; позднее конкуренция между формами нейтрализуется: как правило, выбор склоняется в сторону аориста, и назальный имперфект перестает употребляться. В ходе истории древнегреческого языка можно наблюдать тенденцию выравнивания парадигмы за счет употребления только одного типа претерита. Сравнительно высокая конкуренция между рассмотренными формами имперфекта и аориста у Гомера свидетельствует о более тесном взаимодействии категорий аспекта и акциональности в греческом языке более раннего периода.

Ключевые слова: аспект, акциональность, назальный инфикс, предельность, имперфект, аорист, перфектив

Introduction

The semantic difference between imperfects and aorists in Ancient Greek has been subject to close attention and interest from earlier grammatics to recent years (cf.: Crespo 2014, Hedin 2000, Krasukhin 2007). The present study analyses the uses of the Greek verbs derived from the IE present stems with the nasal infix[2] and their collateral aoristic formations attested in the poems of Homer and compared with the later authors (Herodotus, Plato and Apollonius of Rhodes).

Indo-European nasal-infixed presents are known to be connected with transitivisation (Meiser 1993; Sihler 1995; Shatskov 2016). It

[1] This research was supported by the Russian Foundation for Humanities (RFH) grant №17-04-00228.

[2] Of the type R(C_1C_2)-né/n-R(C_3)- or R(C_1)-né/n-R(C_2)- (LIV[2]).

has also been noted that the Greek nasal verbs, along with higher degree of transitivity, demonstrate higher degree of telicity in comparison with the verbs of the same roots without the nasal infix. This feature had been mentioned particularly concerning the nasal presents in *-ανω* (Vendryes 1923; Chantraine 1961) and was recently addressed with regard to other Greek nasal presents (Dmitrieva 2017).

It should be considered that lexical aspect played a significant role in the earlier periods of Ancient Greek (Moser 2017). Imperfects from telic verbs can often express perfective meaning; the employment of imperfectives "pro perfective" has been discussed in the studies dealing with Homeric aspect (Napoli 2006: 191). In this respect the nasal verbs provide a good opportunity to study the employment of the telic imperfect forms, to investigate to what extent they compete with the corresponding aorists and to outline the patterns of correlation between the preterites.

The study is focused on the verbs with the old nasal present stems listed in the lexicon of the Indo-European verbs that have both aoristic forms and nasal imperfects in Homer[3], making a set of 30 imperfects and 47 aorists[4], which is then traced in the works of Herodotus, Plato and Apollonius of Rhodes. The research is based on more than 1400 instances, which had been retrieved with the help

[3] *ἐπιτέλλω* 'enjoin, prescribe, command', *ἀνδάνω* 'please, delight, gratify', *ἄνυμι* 'effect, accomplish', *ἀπειλέω* 'promise; threaten', *ἀρνέομαι* 'deny, disown', *βάλλω* 'throw, hit', *δάμνημι* 'tame, break in', *δυναμαι* 'be able', *δύνω* 'cause to sink, sink', *καμνω* trans. 'work'; intrans. 'toil, labour', *κίρνημι* 'mix', *κλίνω* 'lean, rest', *κρίνω* 'choose; decide', *κυνεω* 'kiss', *λάμπω* 'give light, shine', *μάραινω* 'die away, go slowly out', *ὄμνυμι* 'swear', *ὀμόργνυμι* 'wipe', *ὄρινω* 'stir, raise', *παλλω* 'poise, sway', *περνημι* 'export for sale', *πήγνυμι* 'stick or fix on; fasten', *πίλναμαι* 'draw near to, approach', *πίτνημι* 'spread out', *πυνθάνομαι* 'learn', *σκίδναμαι* 'to be spread or scattered, disperse', *ταμνω* 'cut', *ὑφαίνω* 'contrive, plan', *φαίνω* 'bring to light; reveal', *χανδανω* 'hold, include, contain'.

[4] *ἔτλη, ἐπέτειλα, εὕαδε, ἤσατο, ἤνυσα, ἀπείλησαν, ἀρνήσασθαι, βλῆτο, ἔβαλον, ἐδάμασα, δαμάσθη, δυνήσατο, δυνάσθη, ἔδυν, ἔδυσα, ἔκαμον, κέρασσε, ἔκλινα, ἐκλίνθη, ἔκρινα, ἔκυσσε, ἐπέλαμψε, ἐμαράνθη, ὤμοσε, ὄμόρξα, ἀπομόρξατο, ὄρινα, ὠρίνθη, ἀμπεπαλών, πῆλα, ἐπέρασσα, ἐπάγη, ἔπηξεν, πλῆτο, ἐπέλασα, πέλασθεν, πέτασα, πετάσθησαν, ἐπυθόμην, πεπύθοιτο, ἐσκέδασα, ἐκέδασθεν, ἔταμον, ὕφηνα, ἔφηνα, ἐφάνην, ἔχαδον.* Active and middle forms were counted as one instance. For some verbs there were taken the aorists that synchronically belong to different presents, but historically represent the old root aorist (this is the case of *ἔτλην*), or the ones that are semantically close (like *ἤσατο*, which corresponds to the present *ἤδομαι*).

of the TLG database[5]. All contexts were examined in terms of lexical and grammatical semantics, pragmatical features and the distribution of usages.

I. Nasal imperfects in Homer

1. Imperfects and aorists displaying aspectual opposition

In a number of uses the difference between the preterites conforms to the generally held definition of the imperfect / aorist aspectual opposition. The nasal imperfects describe an ongoing or repeated action and the aorists are punctual or completed (cf. Rijksbaron 2006: 11).

1.1 Durative imperfects

The imperfects from *δάμνημι* refer to ongoing actions: Il. 14, 439 αὖτις δ' ἐξοπίσω πλῆτο χθονί, τὼ δέ οἱ ὄσσε // νὺξ ἐκάλυψε μέλαινα· βέλος δ' ἔτι θυμὸν **ἐδάμνα**. 'Then again he sank back upon the ground, and both his eyes were enfolded in black night; and the blow still **overwhelmed** his spirit'. The corresponding aorists refer to completed actions: Od. 22, 413 τούσδε δὲ μοῖρ' **ἐδάμασσε** θεῶν καὶ σχέτλια ἔργα· 'These men here **has** the fate of the gods **destroyed** and their own reckless deed'.

The imperfects from *λάμπω* are durative: Hector's armour is shining during the attack at the gates in Il. 12, 463 **λάμπε** δὲ χαλκῷ // σμερδαλέῳ, τὸν ἕεστο περὶ χροΐ, δοιὰ δὲ χερσὶ // δοῦρ' ἔχεν 'and he **shone** in terrible bronze wherewith his body was clothed about, and in his hands he held two spears'. Sigmatic aorist *ἐπέλαμψε* is attested only once (with a prefix) and has a perfective meaning: the sun appeared and the entire battle field became visible. Il. 17, 650 ἠέλιος δ' **ἐπέλαμψε**, μάχη δ' ἐπὶ πᾶσα φαάνθη 'and the sun **shone forth** upon them and all the battle was made plain to view'.

1.2 Iterative, distributive, habitual imperfects

More nasal imperfects are attested in the contexts where the action is repeated or a verb has distributed objects or subjects.

The verb *βάλλω* is polysemous (s. Cunliffe 1963 s. v.), and the grammatical semantics of the imperfect seems to differ according to the lexical value. This is especially remarkable for the meaning 'to

[5] The English translations of the passages are taken from (Murray 1919 and 1924) for Homer, (Godley 1921–24) for Herodotus, (Fowler, Lamb 1914) for Plato and (Seaton 1912) for Apollonius of Rhodes.

strike, wound', where the imperfect is always different from the aorists and has either distributive or iterative value. The distributive action is marked with the pronoun *ἀλλήλους* 'one another': Il. 18, 534 στησάμενοι δ' ἐμάχοντο μάχην ποταμοῖο παρ' ὄχθας, // **βάλλον** δ' ἀλλήλους χαλκήρεσιν ἐγχείῃσιν. 'Then set they their battle in array and fought beside the river banks, and **were ever smiting** one another with bronze-tipped spears'. The aoristic contexts with *(ἔ)βάλον* and *(ἔ)βλῆτο* have perfective semantics: Il. 4, 518 Ἔνθ' Ἀμαρυγκείδην Διώρεα μοῖρα πέδησε· // χερμαδίῳ γὰρ **βλῆτο** παρὰ σφυρὸν ὀκριόεντι // κνήμην δεξιτερήν· **βάλε** δὲ Θρῃκῶν ἀγὸς ἀνδρῶν 'Then was Amarynceus' son, Diores, caught in the snare of fate; for with a jagged stone **was he smitten** on the right leg by the ankle, and it was the leader of the Thracians that **made the cast'**.

Imperfect middle *πίλνατο* is iterative and marked with *ἄλλοτε μὲν... ἄλλοτε δ'*: Il. 23, 368 ἅρματα δ' ἄλλοτε μὲν χθονὶ **πίλνατο** πουλυβοτείρῃ, // ἄλλοτε δ' ἀΐξασκε μετήορα· 'And the chariots would now **course** over the bounteous earth, and now again would bound on high'. The corresponding aorists[6] are perfective: Il. 14, 438 αὖτις δ' ἐξοπίσω **πλῆτο** χθονί, τὼ δέ οἱ ὄσσε // νὺξ ἐκάλυψε μέλαινα· 'Then again he **sank** back upon the ground, and both his eyes were enfolded in black night'; Il. 12, 420 οὔτέ ποτ' αἰχμηταὶ Δαναοὶ Λυκίους ἐδύναντο // τείχεος ἂψ ὤσασθαι, ἐπεὶ τὰ πρῶτα **πέλασθεν** 'nor ever could the Danaan spearmen thrust back the Lycians from the wall, when once **they had drawn nigh** thereto'.

Imperfect middle *ἐσκίδναντο* is distributive: Il. 1, 487 αὐτοὶ δ' **ἐσκίδναντο** κατὰ κλισίας τε νέας τε 'and themselves **scattered** among the tents and ships'. Passive sigmatic aorist *ἐκέδασθεν* does not convey this semantical nuance, though it is used in the sense that could possibly be interpreted as conative – the Argives did not attempt to scatter because of shame and fear: Il. 15, 657 Ἀργεῖοι δὲ... **οὐδ' ἐκέδασθεν** ἀνὰ στρατόν· ἴσχε γὰρ αἰδὼς // καὶ δέος 'And the Argives... **scattered not** throughout the camp; for shame withheld them and fear'.

2. Imperfects applied "pro perfective": avoiding the competition

2.1 Different distribution and valency

Complementary distribution of forms is one of the ways to eliminate the competition between the telic imperfects and their collateral aorists.

[6] Aor. ind. med. *πλῆτο*; sigmatic aorist *ἐπέλᾰσα* is built on the root aorist (LIV^2: 470); aor. pass. *πελάσθη*.

The imperfect *ἀπομόργνυ* in the active voice is attested with the prefix (Il. 5, 416; Il. 5, 798; Il. 18, 414). The aorist with the prefix *ἀπο-* is only attested in the middle voice (*ἀπομόρξατο*)[7]. Middle imperfect *ὠμόργνυντο* (Od. 11, 527) is attested in a personal form, sigmatic aorist without prefixes is restricted to the participle *ὀμορξάμενος* (Il. 18, 124; Od. 8, 88; Od. 11, 530).

There also are four cases, where the aorists are only attested in non-finite forms and outside indicative: ipf. *ἠρνεῖτο* (Il. 19, 304 ff.) – inf. aor. *ἀρνήσασθαι* (Il. 14, 212; Od. 8, 358; Od. 21, 345), opt. aor. *ἀρνήσαιο* (Il. 14, 191); ipf. *πάλλον* (Il. 3, 316 ff.) – part. aor. *ἀμπεπαλών* (Od. 24, 519 ff.); ipf. *πυνθανόμην* (Od. 13, 256) – opt. aor. *πεπύθοιτο* (Il. 6, 50; Il. 10, 381; Il. 11, 135); ipf. *ὕφαινε* (Il. 3, 212 ff.) – conj. aor. *ὑφήνω* (Od. 13, 303), imperat. aor. *ὕφηνον* (Od. 13, 386).

Their corresponding imperfects can be used "pro perfective": Il. 23, 42 αὐτὰρ ὅ γ' **ἠρνεῖτο** στερεῶς, ἐπὶ δ' ὅρκον ὄμοσσεν· 'But he steadfastly **denied** them, and swore an oath thereto';

Il. 6, 187 τῷ δ' ἄρ' ἀνερχομένῳ πυκινὸν δόλον ἄλλον **ὕφαινε**: // κρίνας ἐκ Λυκίης εὐρείης φῶτας ἀρίστους // εἶσε λόχον 'And against him, as he journeyed back therefrom, the king **wove** another cunning wile; he chose out of wide Lycia the bravest men and set an ambush'.

The preterites *ἐδύναντο* and *δυνήσατο* appear in similar contexts, both are used in negations and have aoristic participles beside them. The aorist indicative is attested less frequently, and it seems that these forms could have been introduced *metri gratia*, providing 4-syllabic (*δυνήσατο*) and 5-syllabic (*ἐδυνήσατο*) metrical options for the 3rd person singular (having 2-syllabic *δύνατ'* and 3-syllabic *δύνατο*). It is interesting that the 4-syllabic augmented imperfect *ἐδύνατο* is not attested in Homer[8] (yet it is well-attested in Herodotus, cf. Hdt. 1, 10, 1; 1, 26, 10; 1, 185, 7; 2, 2, 6 etc.).

Il. 13, 436 τὸν τόθ' ὑπ' Ἰδομενῆϊ Ποσειδάων ἐδάμασσε // θέλξας ὄσσε φαεινά, πέδησε δὲ φαίδιμα γυῖα· // οὔτε γὰρ ἐξοπίσω φυγέειν **δύνατ'** οὔτ' ἀλέασθαι 'this Alcathous did Poseidon subdue beneath Idomeneus, for he cast a spell upon his bright eyes and ensnared his glorious limbs that **he might nowise** flee backwards nor avoid the spear';

[7] And with perfective value, while the active imperfect *ἀπομόργνυ* has progressive (Il. 5, 798) or distributive (Il. 18, 414) values.

[8] There are also no attestations with a final *-ε* before *δύνατο* where the re-interpreted word border could have implied the presence of the augment (cf. Il. 3, 451 οὔ τις δύνατο etc.).

Il. 3, 451 ἀλλ’ οὔ τις **δύνατο** Τρώων κλειτῶν τ’ ἐπικούρων // δεῖξαι Ἀλέξανδρον τότ’ ἀρηϊφίλῳ Μενελάῳ· ‘But **none** of the Trojans or their famed allies **could** then discover Alexander to Menelaus, dear to Ares’;

Od. 17, 303 δὴ τότε γ’, ὡς ἐνόησεν Ὀδυσσέα ἐγγὺς ἐόντα, // οὐρῇ μέν ῥ’ ὅ γ’ ἔσηνε καὶ οὔατα κάββαλεν ἄμφω, // ἄσσον δ’ οὐκέτ’ ἔπειτα **δυνήσατο** οἷο ἄνακτος // ἐλθέμεν· ‘when he marked Odysseus standing near, he wagged his tail and dropped both his ears, but nearer to his master **he had no longer strength** to move'.

2.2 Pragmatical difference: temporal reference

For the verbs *ἀνύω, κάμνω* and *μαραίνω*, while the imperfects might have perfective value, the aorists denote a preceding event (especially when used with the adverbs *ἐπεί* and *πρίν*).

The work of Odysseus was quickly finished: Od. 5, 243 θοῶς δέ οἱ **ἤνυτο** ἔργον.

In the aoristic passage Agamemnon in Hades tells Achilleus about his funeral: Od. 24, 71 αὐτὰρ ἐπεὶ δή σε φλὸξ **ἤνυσεν** Ἡφαίστοιο, // ἠῶθεν δή τοι λέγομεν λεύκ’ ὀστέ’, Ἀχιλλεῦ, // οἴνῳ ἐν ἀκρήτῳ καὶ ἀλείφατι. ‘But when the flame of Hephaestus **had made an end** of thee, in the morning we gathered thy white bones, Achilles, and laid them in unmixed wine and unguents’.

One of the wooers had exhausted his hands before he could draw up the string: Od. 21, 150 στῆ δ’ ἄρ’ ἐπ’ οὐδὸν ἰὼν καὶ τόξου πειρήτιζεν // οὐδέ μιν ἐντάνυσε· πρὶν γὰρ **κάμε** χεῖρας ἀνέλκων // ἀτρίπτους ἀπαλάς. ‘he went and stood upon the threshold, and began to try the bow; but he could not string it. Ere that might be his hands **grew weary**, as he sought to draw up the string, his unworn delicate hands’.

The Patroclus’ pyre died out at the hour of dawn: Il. 23, 228 Ἧμος δ’ ἑωσφόρος εἶσι φόως ἐρέων ἐπὶ γαῖαν..., τῆμος πυρκαϊὴ **ἐμαραίνετο**, παύσατο δὲ φλόξ. ‘But at the hour when the star of morning goeth forth to herald light over the face of the earth... – even then **grew** the burning **faint**, and the flame thereof died down’.

The preceding event expressed by the aorist *ἐμαράνθη* is emphasized with *ἐπεί:* Il. 9, 212 αὐτὰρ ἐπεὶ κατὰ πῦρ ἐκάη καὶ φλὸξ **ἐμαράνθη**, // ἀνθρακιὴν στορέσας ὀβελοὺς ἐφύπερθε τάνυσσε ‘But when the fire **had burned down** and the flame was abated, he scattered the embers and laid thereover the spits’.

2.3 Preterites demonstrating differences in lexical semantics

Lexical differences between the preterites, including a tendency of one form to be involved in a certain formula, can be observed in general for polysemous and frequently attested verbs like *βάλλω, δύνω* and *φαίνω*. However, there are two verbs that carry this difference as the only criterion for distinction between the imperfects and the aorists.

The imperfect *ἐπέτελλε* 'prescribed, commanded' and the root aorist *ἔτλην* 'suffered, underwent; dared' are inherited from the same IE root **tél̥h₂- /*tl̥h₂-,* but have different lexical meanings.

The imperfect *χάνδανεν* denotes a possibility to physically contain a certain volume or amount (Il. 23, 742; Od. 17, 344): Il. 23, 742 κρητῆρα… ἓξ δ' ἄρα μέτρα **χάνδανεν** 'mixing bowl… six measures it **held**'.

The aorist *ἔχαδον* has the meaning 'to sustain': Il. 11, 462 τρὶς μὲν ἔπειτ' ἤϋσεν ὅσον κεφαλὴ **χάδε** φωτός 'thrice shouted he then loud as a man's head **can** shout'. The metaphorical semantics of the aorist *ἔχαδον* could support the idea that it had been built on the nasal stem, which is suggested to be a possible development (LIV^2: 194).

3. Competition between the preterites[9]

ἀνδάνω – εὔαδε

The imperfect *ἐήνδανε* is intensified with the adverb *πάμπαν* which makes the passage even more deliberate than the aoristic context with the negation in Od. 24, 465.

Od. 3, 143 ἔνθ' ἦ τοι Μενέλαος ἀνώγει πάντας Ἀχαιοὺς // νόστου μιμνήσκεσθαι ἐπ' εὐρέα νῶτα θαλάσσης· // **οὐδ'** Ἀγαμέμνονι πάμπαν **ἐήνδανε**· 'Then in truth Menelaus bade all the Achaeans think of their return over the broad back of the sea, but in no wise **did he please** Agamemnon'.

Od. 24, 465 ὣς ἔφαθ', οἱ δ' ἄρ' ἀνήϊξαν μεγάλῳ ἀλαλητῷ // ἡμίσεων πλείους· – τοὶ δ' ἀθρόοι αὐτόθι μεῖναν· – // οὐ γάρ σφιν **ἄδε** μῦθος ἐνὶ φρεσίν, ἀλλ' Εὐπείθει // πείθοντ' 'So he spoke, but they sprang up with loud cries, more than half of them, but the rest

[9] Semantical and functional equivalence in Homer is not restricted to "perfective" imperfects: some of the examined aorists take the "imperfective" semantics, although such examples are much less common (iteratives *ἔβαλον* Il. 7, 176 and *πάγεν* Il. 11, 572).

remained together in their seats; for his speech **was not to their mind**, but they hearkened to Eupeithes'.

ἀπείλεον – ἀπείλησαν

Some imperfects from *ἀπειλέω* are retrospective (Il. 13, 143; Il. 16, 201; Il. 13, 220) and some aorists have different lexical meaning 'to vow' (Il. 23, 863; Il. 23, 872), but there are contexts where the aorists and imperfects are used in the same situation, starting the reported speech:

Il. 15, 179 εἰ δέ οἱ οὐκ ἐπέεσσ' ἐπιπείσεαι, ἀλλ' ἀλογήσεις, // **ἠπείλει** καὶ κεῖνος ἐναντίβιον πολεμίξων // ἐνθάδ' ἐλεύσεσθαι· 'And if so be thou wilt not obey his words, but shalt set them at naught, **he threateneth** that he will himself come hither to set his might against thine in battle';

Il. 9, 682 αὐτὸς δ' **ἠπείλησεν** ἅμ' ἠοῖ φαινομένηφι // νῆας ἐϋσσέλμους ἅλαδ' ἑλκέμεν ἀμφιελίσσας. 'But himself **he threateneth** that at break of day he will launch upon the sea his well-benched curved ships'.

ἔβαλλον – ἔβαλον

In certain lexical meanings[10] the imperfects from *βάλλω* are used "pro perfective" and are equivalent to the thematic aorist (which is almost always perfective).

Penelope greets Odysseus and Telemachus in the passages that are nearly identical: Od. 23, 208 δακρύσασα δ' ἔπειτ' ἰθὺς κίεν, ἀμφὶ δὲ χεῖρας // δειρῇ **βάλλ'** Ὀδυσῆϊ, κάρη δ' ἔκυσ' ἠδὲ προσηύδα· 'Then with a burst of tears she ran straight toward him, and **flung** her arms about the neck of Odysseus, and kissed his head, and spoke, saying';

Od. 17, 38 ἀμφὶ δὲ παιδὶ φίλῳ **βάλε** πήχεε δακρύσασα, // κύσσε δέ μιν κεφαλήν τε καὶ ἄμφω φάεα καλά 'and bursting into tears she **flung** her arms about her dear son, and kissed his head and both his beautiful eyes'.

In the middle voice with the value 'to put on clothes / armour' both forms appear in the same passage: Il. 2, 43-45 ἕζετο δ' ὀρθωθείς, μαλακὸν δ' ἔνδυνε χιτῶνα // καλὸν νηγάτεον, περὶ δὲ μέγα **βάλλετο** φᾶρος· // ποσσὶ δ' ὑπὸ λιπαροῖσιν ἐδήσατο καλὰ πέδιλα, // ἀμφὶ δ' ἄρ' ὤμοισιν **βάλετο** ξίφος ἀργυρόηλον· 'He sat upright and did on his soft tunic, fair and glistering, and about him

[10] 'To throw, cast'; 'to put'; 'to let fall', 'to fling (the arms)' and, in the middle voice, 'to put on (clothes or armour)'.

cast his great cloak, and beneath his shining feet he bound his fair sandals, and about his shoulders **flung** his silver-studded sword'.

ἔδυνον – ἔδυν[11]

For the verb *δύνω* the uses of all preterital forms (imperfects, root aorists and sigmatic middle aorists) overlap in the meanings 'to enter, go into', 'to put on clothes, armour' and 'to come upon, befall (of feelings, physical and mental states)', for example:

Il. 15, 219 Ὣς εἰπὼν λίπε λαὸν Ἀχαιϊκὸν ἐννοσίγαιος, // **δῦνε** δὲ πόντον ἰών, πόθεσαν δ' ἥρωες Ἀχαιοί. 'So saying, the Shaker of Earth left the host of the Achaeans, and fared to the sea and **plunged** therein; and the Achaean warriors missed him sore';

Il. 6, 19 ...αὐτὸν καὶ θεράποντα Καλήσιον, ὅς ῥα τόθ' ἵππων // ἔσκεν ὑφηνίοχος· τὼ δ' ἄμφω γαῖαν **ἐδύτην**. '...himself and his squire Calesius, that was then the driver of his car; so they two **passed beneath** the earth';

Od. 7, 336 ἀγχίμολον δὲ μετ' αὐτὸν **ἐδύσετο** δώματ' Ὀδυσσεύς, // πτωχῷ λευγαλέῳ ἐναλίγκιος ἠδὲ γέροντι, // σκηπτόμενος· 'Night after him Odysseus **entered** the palace in the likeness of a woeful and aged beggar, leaning on a staff'.

Il. 11, 19 δεύτερον αὖ θώρηκα περὶ στήθεσσιν **ἔδυνε**, // τόν ποτέ οἱ Κινύρης δῶκε ξεινήϊον εἶναι. 'Next he **did on** about his chest the corselet that on a time Cinyras had given him for a guest-gift';

Il. 18, 416 σπόγγῳ δ' ἀμφὶ πρόσωπα καὶ ἄμφω χεῖρ' ἀπομόργνυ // αὐχένα τε στιβαρὸν καὶ στήθεα λαχνήεντα, // **δῦ** δὲ χιτῶν', ἕλε δὲ σκῆπτρον παχύ, βῆ δὲ θύραζε // χωλεύων· 'And with a sponge wiped he his face and his two hands withal, and his mighty neck and shaggy breast, and **put upon him** a tunic, and grasped a stout staff, and went forth halting';

Il. 13, 241 Ἰδομενεὺς δ' ὅτε δὴ κλισίην εὔτυκτον ἵκανε // **δύσετο** τεύχεα καλὰ περὶ χροΐ 'and Idomeneus, as soon as he was come to his well-built hut, **did on** his fair armour about his body'.

It looks like the better attested verbs, like *βάλλω* and *δύνω* show competition between the forms in order to provide the variety of lexemes and overcome tautology.

[11] The imperfect contains long *ū*, so the form 3 sg. *ἔδυνε / δῦνε* could formally be a sigmatic aorist. However, unlike the other three examples with ambiguous 3 sg. (*κλίνω, κρίνω, ὀρίνω*), the verb *δύνω* does have the 1sg imperfect form *δῦνον*. The long vowel is considered to be inherited from the root aorist (LIV^2: 130).

There are also cases where one of the preterites is attested occasionally, whereas the other is used more frequently.

ὄμνυε–ὤμοσε

The imperfects from *ὄμνυμι* appear only twice, and one instance is identical to the aoristic passage. Odysseus, pretending to be a Cretan beggar, tells Eumaeus that the king Pheidon had promised to send Odysseus home.

Od. 14, 331 **ὤμοσε** δὲ πρὸς ἔμ' αὐτόν, ἀποσπένδων ἐνὶ οἴκῳ, // νῆα κατειρύσθαι καὶ ἑπαρτέας ἔμμεν ἑταίρους, // οἳ δή μιν πέμψουσι φίλην ἐς πατρίδα γαῖαν. 'He **swore** in my own presence, as he poured libations in his halls, that the ship was launched and the men ready who were to convey him to his dear native land'.

Later in the poem Odysseys tells the same story to Penelope, but in this passage the verb is in the imperfect form: Od. 19, 288 **ὤμνυε** δὲ πρὸς ἔμ' αὐτόν, ἀποσπένδων ἐνὶ οἴκῳ, // νῆα κατειρύσθαι καὶ ἑπαρτέας ἔμμεν ἑταίρους, // οἳ δή μιν πέμψουσι φίλην ἐς πατρίδα γαῖαν. 'He **swore** in my own presence, as he poured libations in his halls, that the ship was launched and the men ready who were to convey him to his dear native land'

ἐπέτελλε – ἐπέτειλα

Sigmatic aorist *ἐπέτειλα* (Il. 5, 818; Od. 1, 327) is in competition with the imperfects.

Il. 5, 818 οὔτέ τί με δέος ἴσχει ἀκήριον οὔτέ τις ὄκνος, // ἀλλ' ἔτι σέων μέμνημαι ἐφετμέων ἃς **ἐπέτειλας**· 'In no wise doth spiritless terror possess me nor any slackness, but I am still mindful of thy behest which **thou didst lay upon me**';

Il. 5, 320 οὐδ' υἱὸς Καπανῆος ἐλήθετο συνθεσιάων // τάων ἃς **ἐπέτελλε** βοὴν ἀγαθὸς Διομήδης 'but the son of Capaneus forgat not the commands that Diomedes good at the war-cry **laid upon** him'.

πίτνα– πέτασα

For *πίτνημι* the grammatical equivalence with the aorist is only present in the active voice[12]:

[12] Outside the active voice there is a difference between the perfective passive aorist and the progressive imperfect middle: Il. 22, 402 τοῦ δ' ἦν ἑλκομένοιο κονίσαλος, ἀμφὶ δὲ χαῖται // κυάνεαι **πίτναντο**, κάρη δ' ἅπαν ἐν κονίῃσι // κεῖτο πάρος χαρίεν· 'And from Hector as he was dragged the dust rose up, and on either side his dark hair **flowed outspread**, and all in the dust lay the head that was before so fair'

Il. 21, 7 ἠέρα δ’ Ἥρη // **πίτνα** πρόσθε βαθεῖαν ἐρυκέμεν· ‘and Hera **spread** before them a thick mist to hinder them’;

Il. 1, 480 οἳ δ’ ἱστὸν στήσαντ’ ἀνά θ’ ἱστία λευκὰ **πέτασσαν** ‘and they set up the mast and **spread** the white sail’.

πυνθανόμην – ἐπυθόμην

The imperfect middle *πυνθανόμην* is attested once and has a perfective value: Od. 13, 256 **πυνθανόμην** Ἰθάκης γε καὶ ἐν Κρήτῃ εὐρείῃ, // τηλοῦ ὑπὲρ πόντου· νῦν δ’ εἰλήλουθα καὶ αὐτὸς // χρήμασι σὺν τοίσδεσσι· ‘I **heard** of Ithaca, even in broad Crete, far over the sea; and now have I myself come hither with these my goods’. The Greek nasal present could have been derived from the root aorist as well (LIV^2: 83).

The aorist is attested in a similar passage in Od. 14, 321 ἔνθ’ Ὀδυσῆος ἐγὼ **πυθόμην**· κεῖνος γὰρ ἔφασκε // ξεινίσαι ἠδὲ φιλῆσαι ἰόντ’ ἐς πατρίδα γαῖαν ‘There I **learned** of Odysseus, for the king said that he had entertained him, and given him welcome on his way to his native land’.

ἔφαινον, med. φαίνετο – ἔφηνα, pass. ἐφάνην

The active imperfect *ἔφαινον* appears in one context similar to the active aorist with the meaning ‘bring to light or notice, display’:

Od. 18, 67 ὣς ἔφαθ’, οἱ δ’ ἄρα πάντες ἐπῄνεον. αὐτὰρ Ὀδυσσεὺς // ζώσατο μὲν ·άκεσιν περὶ μήδεα, **φαῖνε** δὲ μηροὺς // καλούς τε μεγάλους τε, φάνεν δέ οἱ εὐρέες ὦμοι // στήθεά τε στιβαροί τε βραχίονες· ‘So he spoke, and they all praised his words. But Odysseus girded his rags about his loins and **showed** his thighs, comely and great, and his broad shoulders came to view, and his chest and mighty arms’;

Il. 2, 324 τίπτ’ ἄνεῳ ἐγένεσθε κάρη κομόωντες Ἀχαιοί; // ἡμῖν μὲν τόδ’ **ἔφηνε** τέρας μέγα μητίετα Ζεὺς // ὄψιμον ὀψιτέλεστον ‘Why are ye thus silent, ye long-haired Achaeans? To us hath Zeus the counsellor **shewed** this great sign, late in coming, late in fulfillment ’.

In the middle voice there are more examples of similar uses, particularly with the meanings ‘to appear, be seen’ and ‘to be so and so (with adjectives)’:

Ares appeared to Diomedes *τοῖος* ‘in such wise’: Il. 5, 867 τοῖος Τυδεΐδῃ Διομήδεϊ χάλκεος Ἄρης // **φαίνεθ’** ὁμοῦ νεφέεσσιν ἰὼν εἰς οὐρανὸν εὐρύν ‘even in such wise unto Diomedes, son of Tydeus, **did** brazen Ares **appear**, as he fared amid the clouds unto broad heaven’;

Odysseus with his friends were dear to see on their safe return from the cave of Cyclops: Od. 9, 466 ἀσπάσιοι δὲ φίλοισ' ἑτάροισι **φάνημεν**, // οἳ φύγομεν θάνατον· 'And welcome to our dear comrades **was the sight of us** who had escaped death'.

Aorists homonymic to imperfects: ἔκλῑνε, ἔκρῑνε, ὄρῑνε

When the nasal infix spread to the entire verbal paradigm, the *-s-* in sigmatic aorists was lost after it with the subsequent compensatory lengthening: *ἔκλῑνα* < **ἔκλινσα*, *ἔκρῑνα* < **ἔκρινσα*, *ὄρῑνα* < **ὄρινσα* (Chantraine 1961: 412; Sihler 1995: 517-518, Beekes 2010: 781).

As a result, in the active voice 3rd person singular (with the ending *-ε(ν)*), the imperfect forms became undescernable from the aorists, as can be observed for the preterites *ἔκλῑνε, ἔκρῑνε, ὄρῑνε*.

In the 3rd person plural, in the passive voice and in the non-finite forms the aorists can be identified: 3 pl. *ἔκριναν* (Od. 18, 264), med. *ἐκρίνατ'* (Od. 4, 778), 2 sg. *ὤρινας* (Od. 8, 178), *ὄρινας* (Od. 14, 361; Od. 15, 486), 1 sg. *ὄρινα* (Od. 4, 366), med. *ὠρίνετο* (Od. 18, 75), pass. *ὀρίνθη* (Il. 5, 29).

As seen in the examples below, the preterites *ἔκλινε*, *ἔκρινεν* are similar to the aorists *ἔκλιναν, ἐκρίνατο*.

Od. 22, 121 αὐτὰρ ἐπεὶ λίπον ἰοὶ ὀϊστεύοντα ἄνακτα, // τόξον μὲν πρὸς σταθμὸν ἐϋσταθέος μεγάροιο // **ἔκλιν'** ἑστάμεναι, πρὸς ἐνώπια παμφανόωντα 'But when the arrows failed the prince, as he shot, he **leaned** the bow against the door-post of the well-built hall, and let it stand against the bright entrance wall';

Il. 8, 435 καὶ τοὺς μὲν κατέδησαν ἐπ' ἀμβροσίῃσι κάπῃσιν, // ἅρματα δ' **ἔκλιναν** πρὸς ἐνώπια παμφανόωντα· 'and tethered them at their ambrosial mangers, and **leaned** the chariot against the bright entrance wall';

Il. 1, 309 Ἀτρεΐδης δ' ἄρα νῆα θοὴν ἅλα δὲ προέρυσσεν, // ἐν δ' ἐρέτας **ἔκρινεν** ἐείκοσιν 'Atreus launched a swift ship on the sea, and **chose** for it twenty rowers';

Od. 4, 778 ὣς εἰπὼν **ἐκρίνατ'** ἐείκοσι φῶτας ἀρίστους, // βὰν δ' ἰέναι ἐπὶ νῆα θοὴν καὶ θῖνα θαλάσσης. 'So he spoke, and **chose** twenty men that were best, and they went their way to the swift ship and the shore of the sea'.

The coincidence in 3sg. is not exclusively formal, since the clearly imperfect forms also have perfective values. For example, the middle form *ὠρίνετο* which is an imperfect, is semantically similar to the passive aorist *ὀρίνθη*:

Od. 18, 75 ὣς ἄρ’ ἔφαν, Ἴρῳ δὲ κακῶς **ὠρίνετο** θυμός. 'So they spoke, and the mind of Irus **was** miserably **shaken’;**

l. 5, 29 Τρῶες δὲ μεγάθυμοι ἐπεὶ ἴδον υἷε Δάρητος... πᾶσιν **ὀρίνθη** θυμός· ‘But when the great souled Trojans beheld the two sons of Dares... the hearts of all **were dismayed’**.

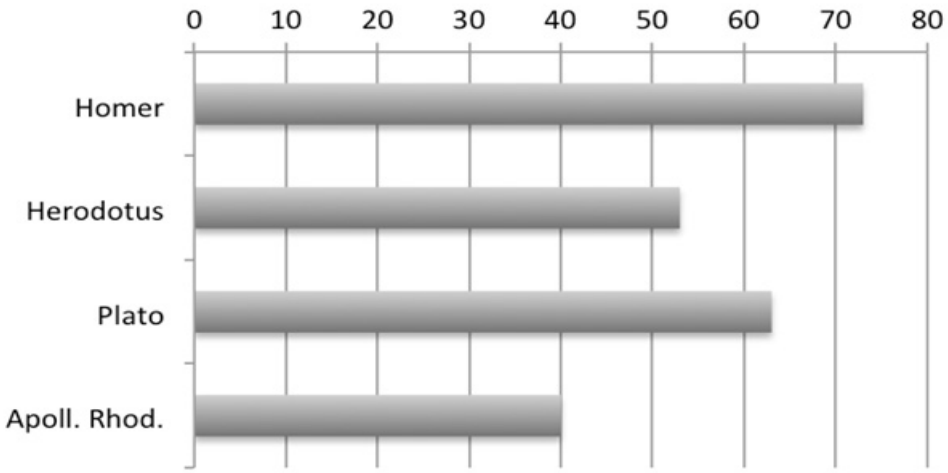
II. A diachronic overview

The Homeric set of preterite pairs was addressed in the works of three later authors. Unsurprisingly, some of the verbs from that list were not attested; moreover, some verbs show no uses of preterital forms at all. These cases excluded, the initial Homeric list is represented by 13 verbs in Herodotus[13], 11 in Plato[14] and 20 in Apollonius of Rhodes[15] that have at least one preterite attested (imperfect or aorist indicative).

As seen in the *Table 1*, most of the examined imperfects are able to express perfective value, although the percentage tends to lower from 70% in Homer to 40% in Apollonius of Rhodes. Frequently attested and polysemous verbs provide greater semantical variety.

Table 1

Imperfects applied “pro perfective”



[13] *ἀνδάνω, ἄνυμι, ἀπειλέω, ἀρνέομαι, βάλλω, δύναμαι, κάμνω, κρίνω, ὄμνυμι, παλλω, πυνθάνομαι, ταμνω, φαίνω.*

[14] *ἄνυμι, ἀπειλέω, βαλλω, δυναμαι, δύνω, κρίνω, ὄμνυμι, πήγνυμι, πυνθάνομαι, ταμνω, φαίνω.*

[15] *ἐπιτέλλω, ἀνδάνω, ἄνυμι, ἀπειλέω, βάλλω, δύναμαι, δύνω, κάμνω, κλίνω, κρίνω, κυνεω, λάμπω, ὄμνυμι, ὀρίνω, πάλλω, πηγνυμι, πίλναμαι, σκιδναμαι, ταμνω, φαίνω.*

The greater frequency of the perfective contexts leads to a higher competition between the forms, which is decreased in Herodotus, raises slightly in Plato and then drops in Apoll. Rhod. (*Table 2*).

Table 2

Competition

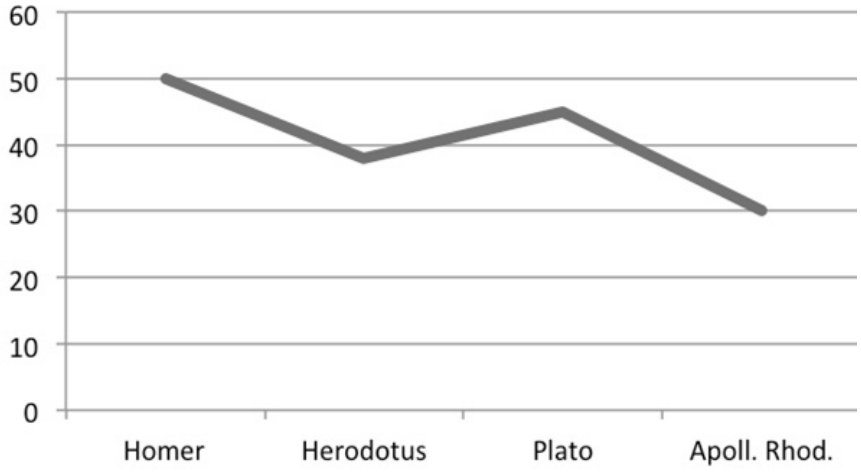
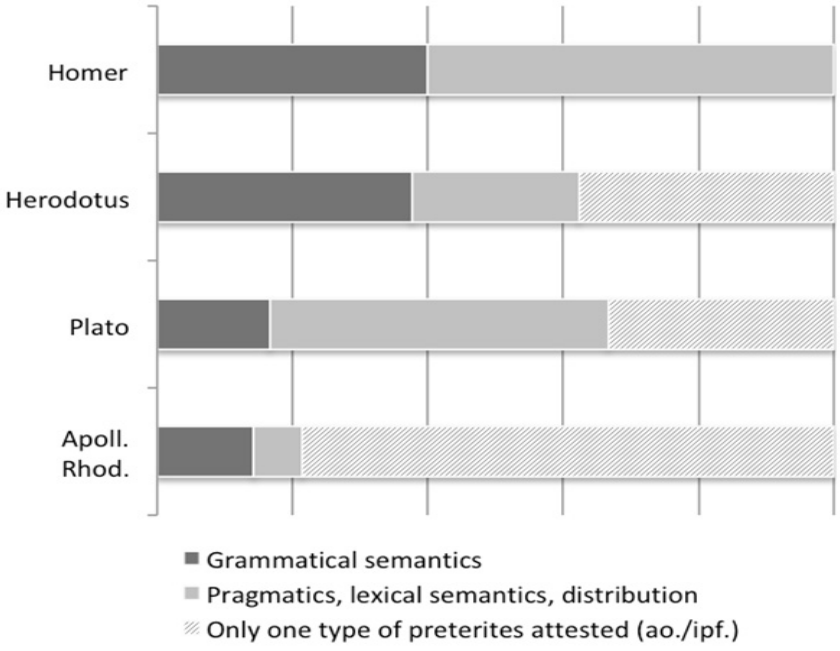


Table 3 describes the ways of handling the competition between the preterites.

Table 3

Avoiding the competition



In Herodotus, the correlation between the forms is similar to those in Homer: the percent of grammatically different forms is almost the same, but the set of verbs is different. For example, the preterites from *ἀνδάνω* in Herodotus have different valency: the aorists are used with infinitives: Λακεδαιμονίοισι δὲ **ἔαδε** δέκεσθαι τοὺς Μινύας ἐπ' οἷσι θέλουσι αὐτοί. 'The Lacedaemonians **were happy** to receive the Minyae on the terms which their guests desired' (4, 145, 18); the imperfects are accompanied exclusively by pronouns *ταῦτα, τά, ἐκεῖνα:* οἱ λοιποὶ Πελοποννήσιοι τοῖσι τὰ ἀμείνω **ἐάνδανε** 'the rest of the Peloponnesians who **chose** the better cause' (9, 19, 3).

The process of setting the forms apart could be related to lexical semantics. In Homer the verb *πυνθάνομαι* means 'to learn', in Herodotus it aquires the value 'to ask', in Plato that lexical difference forms the base for the distribution between the preterites: the imperfects always mean 'to ask, inquire' whereas the aorists have the value 'to learn': Μετὰ ταύτην δὴ τὴν ἀπόκρισιν ἐγὼ προθυμούμενος σαφῶς εἰδέναι ὅτι λέγοι, **ἐπυνθανόμην** αὐτοῦ τοὺς ἀγαθοὺς πότερον χρησίμους ἢ ἀχρήστους εἶναι ὑπολαμβάνοι. 'Well, after this answer I was eager to know clearly what he meant, so I **inquired** of him whether he conceived of good men as useful or useless.' (Amatores, 136b 4); Οὐδὲ τὰ περὶ τῆς δίκης ἄρα **ἐπύθεσθε** ὃν τρόπον ἐγένετο; 'Did you not even **hear** about the trial and how it was conducted?' (Phaed. 58a, 1).

The initial set of pairs attested in Homeric Greek has significantly depleted throughout history, which is especially remarkable for Apollonius of Rhodes. On the one hand, he tends to use the Homeric formulas and lexemes, on the other hand, he deals with the preterital pairs differently: in the 'Argonautica' 11 verbs out of 20 have only one preterite attested (9 imperfects and 2 aorists are lost): *ἄνυμι, καμνω, κλίνω, κρίνω, κυνέω, ὄμνυμι, πήγνυμι, πίλναμαι, σκίδναμαι* have no imperfects, no aorists are attested for *ἀπειλέω* and *δύναμαι*.

Conclusion

Nasal infixed presents, like all other presents, demonstrate in the past tense aspectual opposition with the aorists. However, a significant number of the imperfects with the infix does happen to be applied "pro perfective".

Cases of functional equivalence are inevitable, especially for frequently attested verbs, but the competition between the perfective

forms is in most cases avoided by different means: distribution of the uses, temporal reference and lexical semantics and, later, – by eliminating one of the preterites (usually the nasal imperfect is the one that is lost).

Keeping only one telic preterite along with the functional distribution between the stems point to a tendency of the paradigm leveling over the time.

The higher competition of the preterites in Homeric poems illustrates closer interrelation of Aktionsart and aspect in the Greek verbal paradigm of the earlier periods.

References

Ameis, K. F., Hentze, K., & Cauer, P. (Hrsgg.). 1964: *Homers Odyssee* (2. Aufl., Bd. 1–2). Leipzig; Berlin.

Beekes, R. S. P., & Beek, L. van. 2010: *Etymological dictionary of Greek* (Vol. 1–2). Leiden; Boston: Brill.

Chantraine, P., 1961: *Morphologie historique du grec*. Paris: Klincksieck.

Chantraine, P., 1968: *Dictionnaire etymologique de la langue grecque: histoire des mots* (T. 1–4.2). Paris: C. Klincksieck.

Crane, G. R. (Ed.). *Perseus Digital Library*. Tufts University. http:// www.perseus.tufts.edu

Crespo, E. 2014: A rule for the choice of aorist and imperfect. In: Bartolotta, A. (ed.). *The Greek Verb. Morphology, Syntax, and Semantics*. Louvain-la-Neuve: Peeters.

Cunliffe, R. J. 1963: *A lexicon of the Homeric dialect*. Norman: University of Oklahoma Press.

Dmitrieva, S. I. 2017: Osobennosti upotreblenija drevnegrecheskih prezentnyh osnov s nazal'nym infiksom u Gomera [Some characteristic features of the nasal-infixed presents in Homer]. *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European Linguistics and Classical Philology*] 21. 194–205.

Duhoux, Y. 2000: *Le verbe grec ancien: éléments de morphologie et de syntaxe historiques* (2nd ed.). Louvain-la-Neuve: Peeters.

Fowler, H. N., Lamb, W. R. M. 1914: *Plato, with an English translation*. London; New York: W. Heinemann; Macmillan Co.

Giannakis, G. K. 2014: *Encyclopedia of ancient Greek language and linguistics* (Vol. 1). Leiden; Boston: Brill.

Godley, A. D. 1921: *Herodotus, with an English translation*. London; New York: W. Heinemann; G. P. Putnam's Sons.

Hedin, E. 2000: The type-referring function of the Imperfective. In: Ö. Dahl (ed.), *Tense and aspect in the languages of Europe* (cc. 227–264). Berlin; New York: Mouton de Gruyter.

Heubeck, A., West, S., & Hainsworth, J. B. 1990: *A commentary on Homer's Odyssey* (T. 1). Oxford; New York: Clarendon Press; Oxford University Press.

Kirk, G. S., Edwards, M. W., Janko, R., Hainsworth, J. B., Richardson, N. J. 1985: *The Iliad: a commentary* (T. 1–6). Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Krasuhin, K. G. 2007: Aspekty i vremena praindoevropejskogo glagola. Chast' II: Aorist i imperfekt drevnegrecheskogo glagola. *Voprosy jazykoznanija*, (4), 8–36.

Kuryłowicz, J. 1964: *The inflectional categories of Indo-European*. C. Winter, Heidelberg.

Liddell, H. G. Scott, R., Jones, H. S., 1996: *A Greek-English lexicon. With a revised supplement.*, 9th ed. Clarendon Press, Oxford.

Meiser, G. 1993: Zur Funktion des Nasalpräsens im Urindogermanischen, in: *Indogermanica et Italica: Festschrift für Helmut Rix zum 65. Geburtstag*. Institut für Sprachwissenschaft, Univ., Innsbruck, pp. 280–313.

Miller, C. W. E. 1895: *The Imperfect and the Aorist in Greek*. The American Journal of Philology.

Moser, A. 2017: Aktionsart, Aspect and Category Change in the History of Greek, in: Bentein, K., Janse, M., Soltic, J. (Eds.). *Variation and Change in Ancient Greek Tense, Aspect and Modality*. Leiden; Boston: Brill, 131–157.

Murray, A. T. 1919: *The Odyssey. With an English translation by A.T. Murray.* London.

Murray, A. T. 1924: *The Iliad. With an English translation by A.T. Murray.* London; New York.

Napoli, M. 2006: *Aspect and actionality in Homeric Greek: a contrastive analysis*. Franco Angeli, Milano.

Pantelia, M. C. (Ed.). *Thesaurus Linguae Graecae© Digital Library*. University of California, Irvine. http:// stephanus.tlg.uci.edu

Rix, H., Kümmel, M., Zehnder, T., Lipp, R., Schirmer, B. 2001: *Lexikon der indogermanischen Verben: die Wurzeln und ihre Primärstamm-bildungen*, 2. Aufl. ed. Dr. Ludwig Reichert Verlag, Wiesbaden.

Seaton, R. C. 1912: *The Argonautica. With an English translation by R.C. Seaton.* London: Heinemann.

Shatskov, A. V. 2016: K voprosu o funkcii nazal'nogo infiksa v praindoevropejskom i hettskom [The function of the infix in Hittite and PIE]. *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European Linguistics and Classical Philology*] 20 (2). 1059–1066.

Sihler, A. L. 1995: *New comparative grammar of Greek and Latin*. Oxford; New York.

Vendryes, J. 1923: Sur la valeur des présents grecs en -άνω, in: *Festschrift J. Wackernagel zur Wollendung des 70. Lebensjahres am 11. Dezember, 1923*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 265–273.

Willi, A. 2018: *Origins of the Greek verb*. Cambridge University Press.

S. I. Dmitrieva. Nasal-infixed presents and their collateral aorists in Homeric Greek: a diachronic approach

The paper is focused on the verbs with the old nasal present stems that have both aoristic forms and nasal imperfects attested in Homer. All contexts were examined in terms of lexical and grammatical semantics, pragmatical features and distribution of usages. The study investigates the extent to which the nasal imperfects compete with the corresponding aorists and outlines the patterns of correlation between the preterites. The Homeric data is compared to the attestations in the works of Herodotus, Plato and Apollonius of Rhodes. It is observed that the competition between the forms tends to lower over time and the verbal paradigm is leveled by employing only one type of telic preterite.

Key words: aspect, Aktionstart, nasal infix, telicity, imperfect, aorist, perfective.

DOI:10.30842/ielcp230690152234

М. В. Домосилецкая

НАЗВАНИЕ ЧАЙНОГО РАСТЕНИЯ ТИМЬЯН (THYMUS) В БАЛКАНСКОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ*

В статье анализируются балканские названия Thymus serpyllum (тимьяна ползучего, чабреца). Проведенный ономасиологический анализ позволяет устанавить немногочисленные связи, основанные на признаках целебности, ползучести, пестроты цветения и бальзамического запаха. На первый план выводится различное и уникальное в восприятии растения разными балканскими народами: ассоциации с запахом лимона, яблока, дикой мяты, острыми балканскими приправами и др. Подчеркивается активное присутствие фитонимического, а также антропологического и зоонимического кодов. Все заимствования рассматриваются как результаты языковых контактов: грецизмы (наиболее интенсивное влияние), славизмы, а также латинско-романский фонд хорватских говоров Далмации.

Ключевые слова: балканские языки и диалекты, фитонимия, чай, Thymus, чабрец, этимология, заимствования, ономасиология.

Большинство душистых растений, используемых в традиционной кухне и народной медицине Средиземноморской области, – разновидности базилика (Ocimum)[1], розмарина (Rosmarinus), чистеца (Stachys), майорана (Origanum majorana) и др., относятся к семейству губоцветных/яснотковых (Labiatae/ Lamiaceae). Все они – однолетние или многолетние травы, полукустарники и кусты с четырехгранным стеблем, супротивными листьями и веточками. Их пятичленные цветки на коротких ножках собраны в пазухах верхних листьев, верхняя «губа» венчика образована двумя сросшимися лепестками, а нижняя, обычно более крупная, служит «посадочной площадкой» для насекомых-опылителей. Для восприятия этих растений человеком существен их запах, причина которого – присутствие во всех частях растений желёзок, выделяющих эфирные масла. Именно наличием этих масел и определяется практическое использование этих растений в традиционном народном быту в

* Работа выполнена в рамках госзадания ИЛИ РАН 2018 г. «Диалектологические исследования в области балканского языкознания. (Проблемы синхронии и диахронии)».

[1] Подробно об именовании базилика в балканских языках см.: Domosiletskaya 2006.

качестве лекарственных, кулинарных и ароматических трав (Novak 1985: 414–420; ZhR 1981: 404–411).

Растения, условно и утилитарно называемые «чайными», используемые для заваривания и настаивания в кипятке для получения горячего напитка, все без исключения также относятся к губоцветным: тимьян ползучий (Thymus serpyllum), душица (Origanum), разновидности железницы (Sideritis) и шалфея (Salvia)[2]. Здесь будет рассмотрено только первое из перечисленных растений, служащих для приготовления травяных чаев[3].

Цель настоящего исследования – обнаружить факты взаимовлияния балканских языков в именовании этого утилитарно важного в быту жителей Балкан растения – тимьяна ползучего (Thymus serpyllum), а также по возможности установить изомотивационные связи между исконными фитонимами, обозначающими данное растение.

Тимьян (Thymus), или чабрец – род многолетних низкорослых эфиромасличных кустарничков и полукустарничков с ветвистыми стеблями, в основании деревянистыми, распластанными по земле, с жесткими листьями и очень мелкими множественными двугубыми цветками, белыми, розовыми, нежно-сиреневыми, лиловыми плоть до пурпурных – в зависимости от вида. На Балканах к ним относятся: Thymus capitatus тимьян головчатый (испанская душица), Thymus albanus тимьян албанский, Thymus balcanus тимьян балканский, Thymus caespititius тимьян дернистый (критский), Thymus camphoratus тимьян камфорный, Thymus pulegioides тимьян блошиный, Thymus citriodorus тимьян лимонный и др. (Lloshi 2010: 597-598) и, наконец, наиболее используемый в кулинарии Thymus serpyllum/vulgaris (тимьян ползучий, чабрец обыкновенный, богородская трава), родиной которого как раз и является Средиземноморье. Это низкие, очень устойчивые растения, произрастающие на песках, скалах, сухих склонах и в светлых лесах от низменностей до альпийского пояса. Собирают чабрец прежде всего как полезное растение, содержащее лечебное масло – тимол. Ароматные листья чабреца используют в кулинарии как

[2] Подробно о балканской культуре потребления в качестве горячих напитков настоев лекарственных трав, в частности в областях со смешанным албанским и греческим населением, см.: Novik 2017.

[3] О балканских фитонимах для железницы и шалфея см.: Domosiletskaya 2018a; 2018b.

пряность и заваривают в качестве горячего душистого напитка (Novak 1985: 42; ZhR 1981: 411).

Внешние признаки растения (именования без опоры на фитонимический код)

1. **Ползучий, стелющийся по земле стебель** (модель – от глагола *ползти*) выделялся как признак растения. См. др.-греч. ἕρπυλλος ‘тимьян Thymus serpyllum’ (Dvoretskiy 1958: 666) < ἕρπω ‘ползать, пресмыкаться; влачиться, тащиться и др.’ (Strömberg 1940: 98). В нгр., хотя корень и унаследован – ἕρπω ‘ползать; ползти, стелиться (о растении)’, ἑρπετό[ν] ‘пресмыкающееся’, ἑρπυστικός ‘стелющийся (о растениях)’ (Khorikov, Malev 1980: 351), – в области фитонимии он не проявляется[4].

В значении ‘Thymus serpyllum тимьян ползучий’ см.: арум. *sărpunji, sărpunje* (Cunia 2010: 901) и рум. диал. *şărpun* (ILR 1969: 148), *şerpun, sărpun, serpun, şerpund, serpunel, sărpunel* (последние две формы – с диминутивным суффиксом) (Borza 1968: 169–170; Butură 1979: 67). Все эти восточнороманские слова восходят к лат. *serpullum, serpyllum* ‘тимьян’ (Meyer-Lübke 1911: № 7860; Vătăşescu 1997: 186). Тот же корень представлен в микен. *e-pe-to-i /herpetoihi/* датив ‘для змей’ (TH Gp 184.2; 196.2; 164.1)[5], лат. *serpo, ere* ‘ползать, пресмыкаться; потихоньку пробираться, исподволь распространяться’, *serpēns, entis* ‘ползающий, пресмыкающийся; змей, змея’. Т. е. можно считать, что данный признак проявляется (хоть и несколько опосредованно) через териоморфный код – образ пресмыкающегося, змеи. Ср. также ниже макед. диал. *кашкин босилек* букв. ‘змеиный базилик’.

---

[4] Не нашли своего продолжения в нгр. и иные интересные древнегреческие метафорические фитонимы для тимьяна Thymus serpyllum: κεφαλωτός букв. ‘имеющий голову’ – по форме головчатого соцветия (κεφαλή ‘голова’); θύρσιον букв. ‘тирсообразный, напоминающий *тирс* (θύρς) – вакхический жезл, увитый плющом и виноградом и увенчанный сосновой шишкой’ (Strömberg 1940: 50); ζυγός букв. ‘ярмо’, что, по мнению Р. Стрёмберга, несомненно связано с ζυγία ‘клен’, который в свою очередь получил это название по своим характерным парносвязанным плодам-крылаткам, напоминающим деревянный хомут для упряжи рабочего скота (Strömberg 1940: 56).

[5] Речь идет о фиванском обычае ритуального кормления змей (Kazansky 2016: 856).

Непосредственно же териоморфный код заметен в балканских именованиях тимьяна, основанных на подчеркивании признака пестроты.

2. **Пестрота цветения**. Единичное растение Thymus не является рябым, пестрым, пятнистым, но будучи почвопокрывным, образует своего роды ковры и «подушки», издали бросающиеся в глаза во время цветения своей пестротой, причем зачастую даже пестротой, мозаичностью разных оттенков, поскольку рядом могут произрастать кусты чабреца бледно-розовые, белые, фиолетовые. Обнаруживается, что признак пестроты выражается в балканском регионе исключительно с помощью териоморфного кода.

2. 1. **Кукушка**. Рум. диал. *iarba cucului* ‘Thymus vulgaris’ букв. ‘трава кукушки’ [6] (Трансильвания) (Borza 1968: 170). Представленный фитоним с данным денотатом входит в большую группу «кукушечьих растений» в румынском. В отличие от славянского мифологического восприятия кукушки, пронизанного грустными мотивами одиночества, греха и смерти и созвучными этиологическими рассказами (Gura 2004: 36–39; Kolosova 2009: 260; Sokolova 1979: 200), в румынском мировосприятии кукушка – священная богоизбранная птица, приносящая счастье, достаток, помощница в любовных отношениях, соединяющая сердца. Она неизменный символ аграрных ритуалов, предсказатель прихода весны, качества урожая и проч. (Evseev 2001: 48). Однако, с другой стороны, кукушка в румынском «птичьем пантеоне» – самая мистическая птица, связанная с культом ушедших предков (представление основано на отсутствии у нее гнезда) (Evseev 2001: 48). Голос кукушки воспринимается как голос судьбы (гадание по ее «песне» о сроке до замужества или смерти) (Evseev 2001: 48; Marian 1995: 10; Panya 2017: 29). И, наконец, в фольклоре встречаем традиционный образ кукушки, сидящей в ногах умирающего (Panya 2017: 105–106), провожающей его в мир иной и приобретающей таким образом погребальные коннотации.

Неудивительно поэтому большое внимание носителей румынской речи к образу кукушки как неотъемлемого эпитета многочисленных двусоставных фитонимов. См. румынские,

[6] Ср. также венг. *kakukkfű* ‘Thymus vulgaris тимьян обыкновенный’ < *kakukk* ‘кукушка’ + *fű* ‘трава’.

преимущественно региональные, именования десятков (!) совершенно различных травянистых растений (обоснованная мотивировка и указание на конкретное растение в данном случае не важны, особенно если принять во внимание междиалектную полисемию народных фитонимов): *barba cucului* ‘борода кукушки’, *boabele cucului* ‘бобы кукушки’, *ciobăţica cucului* ‘башмачок кукушки’, *ciobotele cucului* ‘то же pl.’, *cizmele cucului* ‘ботинки кукушки’, *cizma cucului* ‘то же sg.’, *floarea cucului* ‘цветок кукушки’, *grâul cucului* ‘пшеница кукушки’, *iarba cucului*. ‘трава кукушки’, *laptele cucului* ‘молоко кукушки’, *limba cucului* ‘язык кукушки’, *măcrişul cucului* ‘щавель кукушки’, *ochiul cucului* ‘глаз кукушки’, *pita cucului* ‘хлеб кукушки’, *puţa cucuclui* ‘penis кукушки’, *umbra cucului* ‘тень кукушки’ и мн. др. (Borza 1968: 120, 220, 234, 243, 273, 265, 298).

Не ставя перед собой задачу провести полный мотивационный анализ всех перечисленных *румынских* «кукушечьих» фитонимов, укажем только, что в реальных признаках Thymus vulgaris чабрец обыкновенный (рум. диал. *iarba cucului*) не просматриваются временны́е параллели с признаками жизни кукушки. Время цветения чабреца – все лето (май-август), время пения кукушки – с Благовещения до Ивана Купала или до Петрова дня 12 июля (по румынским приметам), когда якобы начинает хрипнуть: «кукушка поела черешни», «кукушка услыхала свист косы». Скорее всего, в основу метафорического наименования тимьяна в румынском положено сравнение его цветущих куртин с *пестрым оперением кукушки*. Кукушка обыкновенная (Cuculus canorus) имеет тёмные поперечные пестрины, на спинке, на брюхе и нижней части крыла[7]. При именовании «кукушечьих трав» в румынском не исключена и роль особого мифологического статуса кукушки. В данном случае в именование тимьяна ползучего могла быть подключена и погребальная коннотация образа кукушки, и практика украшать могилы таким многолетником, как чабрец[8].

[7] Интересно, что в отличие от румынского, славянские наименования «кукушечьих» растений, основанные на признаке пестроты (оперение – листья, цветы), практически все обозначают орхидные (Kolosova 2009: 258–259).

[8] Ср. ниже нгр. στα θυμαράκια ‘на кладбище’, букв. ‘на чабрецах’ (Khorikov, Malev 1980: 390), разг. πηγαίνω στα θυμαράκια ‘умирать’, букв. ‘идти к чабрецам’.

2. 2. **Куропатка**. Явный намек на понятие пестроты, метафорически опосредованный орнитонимом *куропатка*, обнаруживается в болг. диал. *яребичина* ‘богородская трава, чабрец’ (Davidov, Yavashev 1939: 293–294); ср. литер. *яребица* ‘куропатка Perdix’, *яребичен* ‘относящийся к куропатке’, при этом корень *яреб* < *ряб* (Mladenov 1941: 703), т. е. именование птицы происходило по пестроте окраски оперения – верхняя часть оперения куропатки рябая, с более светлыми пятнышками другого цвета на основном коричневом фоне.

Аналогичная мотивационная связь (чабрец < куропатка), по всей видимости, заложена и в тур. *kekik* ‘тимьян обыкновенный, богородская трава’ (Yusipova 2005: 331), *kekik otu, keklik otu* ‘тимьян обыкновенный, богородская трава; душица обыкновенная’[9] букв. ‘трава горной куропатки’ (ESTYA 1997: 63). По мнению авторов указанного словаря, этимология *kek-* неясна, но связана с обозначением горной куропатки[10] (тур. *keklik* < ономатопея) либо какой-то иной птицы (ср. тюрк. *kekük* ‘сокол Falco’[11]). Они допускают предположение о переосмыслении и преобразовании на основе звукового сходства *keklik/kekik* непонятного для носителей тюркской речи названия тимьяна (ibid.). Это может быть и справедливо, поскольку локус обитания горной куропатки и произрастания тимьяна обыкновенного совпадает. Не исключено, что в смешении могло сыграть свою роль и выделение признака пестроты у обоих денотатов – куропатки и тимьяна. Таким образом, здесь, по-видимому, сталкиваемся с конечным результатом народной этимологии.

---

[9] И тимьян обыкновенный и душица обыкновенная являются в повседневном балканском узусе «чайными» растениями. Смешение в повседневном сознании этих растений, по всей видимости, и повлияло на возникновении полисемии тур. *kekik otu, keklik otu.* Аналогичная полисемия обнаруживается и в тур. фитониме *ada çayı* ‘Sideritis железница; Salvia officinalis шалфей аптечный’, обозначающем параллельные утилитарно равноправные денотаты – опять же «чайные» растения, см. (Domosiletskaya 2018a; Domosiletskaya 2018b). Ср. также болг. диал. *риганика, риганина* ‘тимьян Thymus, тимьян ползучий Thymus serpillum’ и литер. *риган, риганова трева* ‘душица Origanum vulgare’ – оба растения в Болгарии используются для заварки чая.

[10] Горная (каменная) куропатка, кеклик (Alectoris) обитает среди каменных россыпей в скалистых районах Южной и Центральной Европы, Ближнего Востока, Малой и Центральной Азии.

[11] Сокол – *пёстрая* птица с тёмными горизонтальными полосками на брюхе, хвост тёмно-серого цвета с неярко выраженными тёмными поперечными полосками и белым окончанием.

См. также непосредственное заимствование из тур. – болг. диал. (север и северо-восток) *кéклик* (Тырговиште, Разград), *кеклúк* (Варна) ‘тимьян (Thymus sp. Diversa)’, а также *кеклик-оту* (южная Хасковская обл.) ‘сатурея, чабер (Satureja); тимьян (Thymus sp. Diversa)’ (Stoyanov 1974: 186, 190). Обнаруженная мотивационная параллель между турецким и диалектным болгарским (*куропатка* > *тимьян*) весьма интересна. Если учесть широкое распространение фитонимов для рода тимьян с мотивировкой *горная куропатка, кеклик* во многих тюркских языках (ESTYA 1997: 63), что свидетельствует о глубинной когнитивной связи этих денотатов в сознании носителей тюркских диалектов, то может возникнуть предположение о том, что болг. полисемичное *яребичина* ‘богородская трава, чабрец’ может быть семантической калькой тур. *kekik*, *kekik otu.*

Внешние признаки растения (именования с опорой на фитонимический код)

Данная группа фитонимов основана на ассоциациях с *другими* (в чем-то *сходными*) *растениями*, часто не обладающими аналогичными признаками. Подразумевается эксплицитное сопоставление растений или просто их смешение, вероятно, при поверхностном и недостаточном с ними знакомстве. Внешняя схожесть растений может быть основана на форме и окраске соцветий и характерном сильном несладком аромате.

3. Характерные кистевидные соцветия

3. 1. **Вереск.** Серб./хорв. диал. *осьи врисак* (Simonovich 1959: 467) ‘Thymus serpyllum тимьян ползучий’ букв. ‘ослиный вереск[12]’, *oslji vrisak* (Далмация), *vrisak mali* ‘Thymus’ букв. ‘малый вереск’ (долина Неретвы, Далмация) (Šugar 2008: 959; Šulek 1879: 270); *vrisac, vrisak* ‘Thymus serpyllum тимьян ползучий’ (Šulek 1879: 448). Подразумевается сравнение («не совсем вереск», «почти вереск») с вереском обыкновенным Calluna vulgaris, цветение которого весьма напоминает цветение тимьяна – сходные мелкие светки собраны в кисточки лилово-розового цвета, см. серб./хорв. *vrijes, vres, vresak* ‘вереск’ < праслав. **versъ* (Skok 1973: 626).

[12] О включении в группу «ослиных» растений в сербскохорватском см. ниже.

3. 2. **Буквица (бетоника).** Серб./хорв. *bukovica* ‘Thymus serpyllum тимьян ползучий’ (Šulek 1879: 37). В том же источнике находим народные названия *bukvica, bukovica* ‘Betonica officinalis буквица лекарственная’ – многолетнее растение, также относящееся к губоцветным; своим колосовидным лиловым соцветием во многом внешне схоже с тимьяном. Само же название Betonica officinalis как слав. *bukvica, bukovica* [13] < праслав. **bukъvica* ‘плод бука’ объясняется уподоблением орешков плодам *бука* (серб. *буква* ‘бук’) (Anikin 2011: 93). Плоды бетоники (буквицы) – односемянные бурые *трехгранные* орешки; плоды бука – *трехгранные* орехи с острыми ребрами.

4. **Характерный сильный приятный запах.** См. болг. диал. *душичина* ‘тимьян’ (Репляна, сев.-восток Болгарии и Трын в Перникской обл. на западе) (BDLT 2017; Stoyanov 1974: 186) < *душа* ‘нюхать, обонять’.

4. 1. **Благовонные запахи смол** (часто курящихся в ритуальных целях). Нгр. θύμος, ‘тимьян, чабрец’ (Khorikov, Malev 1980: 390) < др.-греч. θύμος, θύμον ‘тимьян; кушанье из тимьяна, уксуса и мёда (еда афинских бедняков)’ (Ανδριώτης 1967: 125), сюда же θυμαριά, θυμάρι ‘тимьян, чабрец’ (Khorikov, Malev 1980: 390) < др.-греч. *θυμ-άριον (Ανδριώτης 1967: 125). См. также нгр. диминутив θυμαράκι и отсюда устойчивые выражения, отражающие старую традицию украшать кладбища этим многолетником: στα θυμαράκια ‘на кладбище’, букв. ‘на чабрецах’ (Khorikov, Malev 1980: 390), разг. πηγαίνω στα θυμαράκια ‘умирать’, букв. ‘идти к чабрецам’. Единственным заимствованием нгр. θυμάρι ‘тимьян, чабрец’ среди славянских балканских диалектов можно считать макед. *тимар* ‘Thymus serpyllum чабрец’ (Argirovski 1998: 271).

Др.-греч. θυμ-, вероятно, восходит к θύω (Chantraine 1970: 445–446) ‘совершать жертвоприношение; приносить в жертву, сжигать на алтаре; молиться богам путем жертвоприношения’ (Dvoretskiy 1958: 803–804).

[13] Ср. названия Betonica officinalis в славянских языках: рус. *буквица, буковица, буква, буковник, буковка, бук-трава* и др., польск. *bukwica*, чеш. *bukwice,* серб. *bukvica* (Annenkov 1878: 64). Ср. также болг. диал. *буковица* ‘бук Fagus silvatica; различные виды подорожника Plantago; виноградная лоза’ (BER 1971: 87; Davidov, Yavashev 1939: 334), *буклица* ‘бук Fagus silvatica’, *буквица* ‘подорожник Plantago – различные виды’ (Davidov, Yavashev 1939: 334).

Отголосков предположительно родственного др.-греч. θύμβρα ‘чабер, чабрец Satureja hortrensis (sic!)’ (Dvoretskiy 1958: 799) в нгр. не обнаруживается. Хотя θύμβρα весьма созвучно θύμος, θύμον ‘тимьян’, но оно, по мнению Пьера Шантрена, не может быть выведено из них напрямую, а судя по обнаруженным в Малой Азии топонимам – Θύμβρη и Θύμβριον – может вообще быть негреческого происхождения (Chantraine 1970: 445).

По тем же признакам в эту группу можно включить следующие румынские фитонимы – как исконные (латинские), так и, вероятно, заимствованные слова греческого происхождения неясного времени вхождения. Во-первых, это рум. диал. *balsamă, buruiană de balsam* ‘Thymus serpyllum’ букв. ‘бурьян, трава бальзама’ (Borza 1968: 170) < лат. *balsamum* (или итал. *balsamo* ‘бальзам, благовония’) (SD 1978: 45) < греч. βάλσαμον ‘бальзамин (предположит. Balsamum gileadense) [14] ; бальзам (ароматическая камедь бальзамина)’ (Dvoretskiy 1958: 287). Во-вторых, это рум. диал. *tămîiță* ‘Thymus vulgaris чабрец обыкновенный’ (Borza 1968: 170) < *tămîie* ‘ладан’ < возможно, через нар.-лат. **thymanea* < греч. θυμίαμα ‘благовоние для курения, фимиам; благовоние для бальзамирования’ (SD 1978: 444); может быть и непосредственно из нгр. θυμίαμα ‘фимиам’. Разделение на сладкие бальзамические и горькие бальзамические запахи в данном случае для носителей румынской речи неважно – на первое место выдвигается ассоциация с сильным *пряным* ароматом смолистых воскурений. Того же происхождения и серб./хорв. диал. *тимиан, тимијан* ‘Thymus serpyllum тимьян ползучий’ (Simonovich 1959: 467-468).

4. 2. **Растения, обладающие сильным приятным ароматом** (все используются человеком).

4. 2. 1. **Базилик** (Ocimum basilicum базилик благородный).

Ассоциация с базиликом Ocimum basilicum вполне обоснованна. Характерная особенность базилика, этой древней куль-

[14] Речь идет о Balsamodendron gileadensis (= Commiphora gileadensis, Commiphora opobalsamum), Он относится к роду Коммифора (Commiphora), представляющему собой деревья и кустарники, часть из которых производят ароматные смолы, с древних времен используемые в ритуальных целях, парфюмерии и медицине. В частности, знаменитую *мирру (мирро, смирну)* добывают из Commiphora myrrha, а из интересующей нас Commiphora gileadensis получают *мекский бальзам.*

тивируемой пряности, – сильный приятный специфический перечный аромат – уже заключена в самих его синонимичных наименованиях: «базилик душистый», «б. благородный», «б. камфорный».

Болг. диал. (Ловешко) *овчарски босилек*[15] ‘тимьян’ букв. ‘пастуший базилик’ (BER 1995: 771; Davidov, Yavashev 1939: 293, 467) относится к разряду фитонимов, имеющих дополнительную коннотацию неполноты признака, недостаточной выраженности качества, которая проявляется через эпитет *овчарски* ‘пастуший’[16] – «не совсем базилик, почти базилик»; ср. ниже *овчарска мерудия*, *овчарска миродия* и под. букв. ‘пастушья петрушка, пастуший пажитник’, а также *овчарска чубрица* (Панагюрско в центр. Болгарии), *чобанска маторка* (Davidov, Yavashev 1939: 467; Stoyanov 1974: 186).

Макед. диал. *кашкин босилек* ‘Thymus’ (солунские диалекты) (BER 1971: 69). Вероятно, из сербск. диал. *качкин* < *качка* < *кача* ‘змея’, ср. серб. *качкин жир* ‘Rosa spinosissima шиповник колючейший’ букв. ‘змеиный желудь’ (BER 1979: 301). Отнесение тимьяна к «змеиным растениям»[17] и обоснованность по-

[15] Болг. и макед. *босилек* ‘базилик’ < нгр. βασιλικός ‘базилик’. Подробнее об именовании базилика на Балканах см. (Domosiletskaya 2006).

[16] По нашим наблюдениям, к «пастушьим» растениям в болгарском могут относиться прежде всего: 1) растения, произрастающие в горах (там где летом чабаны пасут отары) и метафорически названные по каким-либо реалиям из быта пастухов: *овчарска торба (торбица, торбичка)* ‘Capsella bursa pastoris пастушья сумка’, *овчарска метла* ‘Centaurea banatica василек банатский’, *овчаров стан* ‘Rumex alpinus щавель горный’, *овчарско огнище* ‘Atriplex лебеда’ букв. ‘пастуший очаг, место, где был костер’; 2) выражающие неполноту признака (см. здесь *овчарска мерудия (миродия), овчарска чубрица, овчарски босилек, чобанска мерудия* и др.). Например, *овчарска комуника* ‘Melilotus officinalis донник лекарственный’ (Davidov, Yavashev 1939: 467) букв. ‘пастушья *комуника*’, растение с желтыми цветками, скорее всего, образовалось на основе сопоставления с Melilotus albus донником белым – *более ценным*, с точки зрения медоносности, растением. Однако для большого числа двусоставных фитонимов подобного рода реальных толкований пока не найдено: *овчарска иглика* ‘Cynoglossum officinale чернокорень лекарственный’ букв. ‘пастуший первоцвет’, *овчарско руно* ‘Hepatica trilopa печеночница благородная’ букв. ‘овечье руно’ и др. (материал по: Davidov, Yavashev 1939: 467).

[17] К «змеиным» растениям в болг. и макед. чаще всего относятся растения с пятнистой окраской листьев – ср. болг. *змийска хурка* ‘аронник итальянский Arum italicum’ букв. ‘змеиная прялка’, *змиярник*, *змийско грозде* букв. ‘змеиный виноград’, *змиув щавел* букв. ‘змеиный щавель’ и др., все в значении ‘аронник пятнистый Arum

добного эпитета может объясняться не отрицательным воздействием этого растения на человека и поэтому негативным к нему отношением (тимьян не является колючим, режущим, ядовитым, горьким и проч.), не поверьем о том, что именно змеи, по представлениям южных славян, владели знаниями о целебности растений, а скорее всего – просто его ползучим стелющимся стеблем. Ср. аналогичные по мотивировке болг. названия вьющихся и ползучих растений: *змийски грах* ‘Vicia горошек, вика’, букв. ‘змеиный горох’, *змийска прежда* ‘Cuscuta повилика’ букв. ‘змеиная пряжа’, *змийско билье* ‘Lysimachia nummularia вербейник монетный’ букв. ‘змеиное растение’ (Davidov, Yavashev 1939: 395). См. выше нгр. ἑρπυστικός ‘стелющийся (о растениях)’ и восточнороманские наименования растения, основанные на лат. корне *serpēns, entis* ‘ползающий, пресмыкающийся; змей, змея’: арум. *sărpunji, sărpunje*, рум. диал. *şărpun* и под.

4. 2. 2. **Пажитник сенной** (Trigonella foenum-graecum). Обращает на себя внимание болг. диал. *сминдух*, обозначающее Thymus serpyllum тимьян ползучий (Davidov, Yavashev 1939: 293–294), а также различные иные разновидности тимьяна (BER 2010: 184). В болг. литер. и широко в диалектах распространено также *сминдух, гръцки сминдух* ‘Trigonella foenum-graecum [18] пажитник сенной (п. греческий, шамбала)’ (BER 2010: 184) – растение, дико произрастающее в Средиземноморье, в Передней и Средней Азии, а в других районах культивируемое. Семена пажитника обладают интенсивным запахом и используются как приправа в кулинарии. См. иные его болг.

---

maculatum’, а также произрастающие в болотистых местах – *змиева (змийска) лубеница, змийны лубеници* букв. ‘змеиный арбуз’, *змиев трън* букв. ‘змеиная колючка’, *змиено грозде* букв. ‘змеиный виноград’ и др. – все ‘Caltha palusris калужница болотная’. Важно заменить, что в компоненте *змеиный* здесь зачастую присутствует также отражение признака *ядовитости*: и аронник, и калужница болотная – ядовитые для человека растения. Не исключены и иные основания для таких номинаций: уподобление змеиным глазам, змеиному хвосту и проч.: *змийно билье* ‘Veronica beccabunga вероника поручейная’ букв. ‘змеиное растение’, *змийски очи* ‘Myosotis незабудка’ букв. ‘змеиные глаза’, псевдо-качества растения, недостаточно пригодные для человека: *змийско грозде* ‘Blitum virgatum марь многолистная’ букв. ‘змеиный виноград’, *змийски пипер* ‘Polygonum горец, гречишка’ букв. ‘змеиный перец’ (материал по: Davidov, Yavashev 1939: 395–396).

[18] *foenum-graecum* (лат.) букв. ‘греческое сено’.

названия: *гръцко сено* (ср. лат. foenum-graecum), *камилско сено* букв. ‘верблюжье сено’, *замбун, тилчец, бой-тухуму* (Kaniskov 2015: 59, 107, 151).

В Болгарии в состав знаменитой вкусовой добавки *шарена сол* ‘пестрая соль’ помимо соли и красного молотого перца обязательно входят два компонента – чабрец (*мащерка*) и пажитник (*сминдух*). Эти две приправы в болгарской кухне часто присутствуют парно. Неудивителен поэтому перенос в диалектах названия с одного ароматического растения на другое, особенно в тех местностях, где, возможно, одна из этих пахучих трав не произрастает. Ср. также болг. названия того же корня для иного ароматического растительного сырья: *сминду* ‘фенхель обыкновенный Foeniculum officinale[19]’ (Kaniskov 2015: 319), *свиндух* (Кюстендилская обл.), *сминдуф* (Ловечская обл., Троян) ‘ароматическая приправа к блюдам’ (BER 2010: 184).

Болг. *сминдух* является двукорневым словом: *смин* + *дух*. Если происхождение второго компонента (слав. *дух*) сомнений не вызывает – связь с понятием ‘сильный специфический аромат’, то этимология первого корня под вопросом.

Высказывалось мнение о связи болг. *смин* с тур. *çemen* ‘чабрец; Carum carvi тмин обыкновенный; приправа из семян тмина, красного перца и чеснока; дёрн’, *çemen-otu* ‘пажитник сенной’, *çimen* ‘дёрн; поросшая травой лужайка’, балкан. татар. *шъмен, шмен* ‘дёрн’ < персид. *čemen* ‘сад с красивой зеленой травой; дёрн; зира Cuminum cyminum’ (М. Моллова – цит. по: BER 2010: 182)[20].

Любопытен потенциальный семантический диапазон болгарского фитонимического корня *смин*: ‘Gnaphalium сушеница топяная[21]’, ‘Helichrysum arenarium бессмертник песчаный[22]’,

[19] В странах Средиземноморья фенхель используют как пряный овощ, а семена и эфирное масло – в качестве пряной приправы к пище.

[20] Тур. *çimen* и *çemen* без сомнения проникли в серб. (боснийск.), причем с сохранением «глубинной» первоначальной турецкой семантики (‘дёрн, травяное покрытие’), без переноса именования на конкретное растение. Это *čemen, čimen, ćimen-trava, šiben* ‘куст, кустарник; дёрн; целина’ (Skok 1971: 306).

[21] Травянистое растение семейства Астровые *со светло-желтыми* или *желтовато-коричневыми* цветками

[22] Травянистое растение семейства Астровые с *желтыми* или *желто-оранжевыми* цветками, ср. рус. народные названия, среди прочих (типа *кошачьей лапки*) показательные – *солнечное золото, золотистка.*

‘Xeranthemum annuum сухоцвет однолетний[23]’, ‘Jasminum officinale жасмин белый, жасмин лекарственный[24]’, ‘Jasminum fruticans жасмин кустарниковый[25]’ (BER 2010: 181–182). Данные растения могут быть четко разделены на две группы: а) *ароматные* кустарники рода Жасмин и б) *непахнущие* травянистые растения с *беловойлочным серебристым* опушением (сушеница топяная, бессмертник песчаный и сухоцвет однолетний), произрастающие на сухой песчанистой почве. Это как раз и подкрепляет предположение, высказанное в BER о том, что в *смин* контаминировали два слова-омонима разного происхождения: а) *смин* < *ясмин* (< лат. *Jasminum*) и б) *смин* < тур. *simin* ‘серебряный; подобный серебру (о чём-л. белом, чистом)’ [26] (BER 2010: 182). Второе могло быть поддержано созвучным болг. исконно-славянским *смил* ‘сухоцвет; Helichrysum arenarium бессмертник песчаный; Antennaria dioica кошачья лапка двудомная и под.’ (Skok 1973: 292) из южнослав. прилаг. **smiljь*, связанного с понятием чего-либо острого (BER 2010: 180).

Рум. диал. *schinduf* ‘Thymus serpyllum тимьян ползучий’ (Borza 1968: 285), а также вариант *schindufă* (Ciorănescu 2001: 694) – несомненные заимствования из болг. *сминдух.* При этом следует подчеркнуть, что в литературном румынском *schinduf* обозначает Trigonella foenum-graecum пажитник сенной и Trigonella coerulea пажитник голубой и представлен с той же семантикой широко в диалектах: *schinduş, schinduţi, sfîndoc, sfunduc*[27] (оба – Олтения), *sfînduh* (Буковина) (Borza 1968: 285). Т. е. имеем дело с параллельным болгарскому диалектным смешением двух растений, служащих человеку ароматическими приправами, либо с замещением одного другим. Ср. также диал. (Молдова) *schinduc* ‘Conioselinum tataricum гирчовник татарский’ (Ciorănescu 2001: 694) – высокое многолетнее зонтичное ядовитое растение, не используемое никоим образом

[23] Травянистое растение семейства Астровые с *фиолетово-розовыми* цветками.
[24] Листопадный кустарник рода Жасмин семейства Маслиновые с *ароматными* белыми цветками.
[25] Зимнезеленый кустарник рода Жасмин семейства Маслиновые со слегка пахнущими желтыми цветками.
[26] Отсюда болг. уст. *сименчиче* ‘ландыш майский Convallaria majalis’ < тур. *siminçiçeği* букв. ‘серебряный цветок’ (Grannes, Hauge, Süleman-ogly 2002: 232).
[27] Отсюда и узкодиалектный банатский фитоним *sumduc* ‘Thymus’ (Borza 1968: 285).

в кулинарии, но обладающее, благодаря своим эфирным маслам, лечебными свойствами.

4. 2. 3. **Петрушка посевная** (Petroselinum sativum). См. болг. диал. *овчарска мерудия* ‘Thymus serpyllum тимьян ползучий’ (BER 1995: 771), *дива мерo/удия* букв. ‘дикая *меродия*’, *овчарска миро/удия* букв. ‘пастушья *миродия*’, *рибя миродия* букв. ‘рыбья *миродия*’– все ‘тимьян Thymus sp. Diversa’ (BER 1995: 118; Stoyaniv 1974: 186).

Интерес представляют собой как субстантивный, так и адъективный компонент двусоставных фитонимов, в которых метафора абсолютно прозрачна.

О возможной здесь семантике прилаг. *овчарска* см. выше (*овчарски босилек*). Что касается прилагательного *рибя*, см. в этой связи болг. *рибя чорба, рибска чорба* букв. ‘рыбья похлебка’ – оба ‘Petroselinum sativum петрушка посевная’ (BER 2002: 244–245), *рибска чорба* ‘Anthriscus cerefolium кервель ажурный’ – растение семейства Зонтичные, с листьями, напоминающими петрушку; благодаря анисовому запаху используется в кулинарии. Сопоставление растений петрушка, кервель и тимьян может осуществляться по их приятному запаху и заключено в эпитете «рыбий, рыбный». Корни петрушки (в основном уже отваренные и перетертые), а также ее зелень являются непременным компонентом болгарской ухи (*рибена чорба*)[28].

Что касается существительного *миродия*, то в общенациональном узусе болг. *миродия* может обозначать два пахучих и используемых в кулинарии растения: Petroselinum sativum

[28] См. иные «рыбьи» растения в болг., основанные на других реальных признаках растения: *риби уста* ‘Digitalis наперстянка’ и *рибьовче* ‘Linaria vulgaris льнянка обыкновенная’ (BER 2002: 245) – двугубый венчик цветков обоих растений напоминает рыбий рот; *риби-билье* ‘Verbascum thapsiforme коровяк высокий, или скипетровидный’ – название уже́, скорее всего, вторично, реальный признак скрыт, растение в целом *уподобляется* наперстянке по общему облику – высокий цветок с длинным цветоносным стеблем, несущим пирамидальное кистевидное соцветие; *рибена коска* ‘Capsella bursa pastoris пастушья сумка’ (BER 2002: 245) – стебелек с многочисленными отцветшими цветками напоминает рыбий хребет с костями; *рибно билье, рибе билье* и под. ‘Anamirta cocculus анамирта коккулюсовидная’ (BER 2002: 245) – на родине растения (в Индии) его плоды применяются в качестве отравы для рыбы.

петрушка посевная и Trigonella coerula пажитник голубой[29] < ср.-греч. μυρωδία ‘аромат’ (ср. нгр. μυρωδιά, μυρουδιά ‘запах; вонь, зловоние; аромат, благоухание’) < μυρώδης ‘подобный благовонному маслу’ (BER 1995: 118; Ανδριώτης: 224). В македонском семантическая амплитуда *мирудија* такова: литер. ‘Anethum graveolens укроп’; диал. ‘петрушка; мята; чабрец’ (Тетово, Гевгелия, Лерин, Битола); ‘приятный и неприятный запах’ (солунско-воденские говоры) (Argirovski 1998: 186).

4. 2. 4. **Душица** (Origanum). Сопоставление с душицей (орегано) Origanum явственно в случае с болг. диал. суффиксальными образованиями *риганика, риганина* ‘Thymus, Thymus serpillum’. Ср. литер. *риган, риганова трева* ‘душица обыкновенная Origanum vulgare’ < нгр. ρίγανη ‘душица Origanum’ (BER 2002: 248). Душица – род губоцветных растений с приятным запахом, входящих в состав сборов для заваривания настоя, чая, отвара (как лечебное средство), а также служащих в качестве пряности в кулинарии. Полукустарнички душицы (орегано), подобно чабрецу, покрывают сплошным сиреневым ковром горные склоны.

4. 2. 5. **Мята длиннолистная** (Mentha silvestris). Болг. диал. *воленика, воленица* (Davidov, Yavashev 1939: 293), а также *оленица* (Асеновград на юге страны) (Stoyanov 1974: 186). В общенародном болг. узусе *воленика, воленица* ‘мята длиннолистная Mentha silvestris, «дикая мята»’ < причастие *волен* от диал. глагола *воля* ‘любить’ (BER 1971: 174). Исходная символическая функция *воленика, воленица* как Mentha silvestris закреплена во внутренней форме «растение, вызывающее *любовь* у противоположного пола»[30]. Судя по семантике корня, растение Mentha silvestris могло когда-то входить в разряд болгарских приворотных трав (?). Подобным приворотным свойством в народном сознании чабрец никогда наделен не был. Здесь имело место уподобление двух растений по трем

[29] Также, как и пажитник сенной (см. выше), обладает сильным приятным запахом, но обладжает еще и красящими свойствами – измельченные листья идут для окраски и ароматизации зеленого сыра.

[30] Синонимы: *мераклия трева* ‘любовная трава’ < *мерак* ‘сильное желание; забота; влечение к к.-л.’, *мераклия* ‘большой любитель хорошего, красивого’. Ср. аналогичные болг. именования растений, обладающих, по народному поверью, тем же магическим приворотным свойством: *обичниче* ‘Thalictrum василистник’ < *обичам* ‘любить’; *любика* ‘фиалка душистая Viola odorata’ (BER 1971: 174).

признакам: а) окраска и форма соцветий обоих растений, б) характерный приятный аромат, в) применение в кулинарии. Мята длиннолистная Mentha silvestris – древнейшая дикорастущая кулинарная пряность Европы и Азии. Это многолетнее травянистое растение рода Мята, имеющее цилиндрические «колосья»-соцветия из мелких губоцветных цветков *сиренево-розовой*, как и у чабреца, окраски, которые однако, в отличие от соцветий тимьяна ползучего, в пищу не используются – в ход идут лишь листья «дикой мяты».

4. 2. 6. **Яблоко.** Болг. диал. *ябълкиня* ‘Thymus’ (Davidov, Yavashev 1939: 294), образованное от *ябълка* ‘яблоко; яблоня’ (Mladenov 1941: 701). В данном случае эталоном *приятного* притягательного запаха выступает запах яблока, хоть и не такой сильный, как у тимьяна. Интересно, что мотивировка лексемой *ябълка* среди фитонимов в болгарских диалектах в остальных случаях представляется затемненной: *яблъкиня* ‘Cynoglossum officinale чернокорень лекарственный’[31], *яблъчковина, ябълчина, яболкоина, вълча ябълко* ‘Arisolochia clematitis кирказон обыкновенный’ [32], *ябълки* ‘Carlina acanthifolia колючник’ [33] (Davidov, Yavashev 1939: 555)

4. 2. 7. **Лимон.**

Рум. диал. *lămîioară, lămîiță* (Трансильвания), *alămîiță, iarbă de lămioară* букв. ‘трава *lămioar’*ы’ – все ‘Thymus vulgaris, Th. serpyllum чабрец’ (Borza 1968: 170, 250; Butură 1979: 66), а также см. *lămîioară* ‘Thymus pulegioides тимьян блошиный’ (DW 1987: 232). Все восходят к *lămîie* ‘лимон Citrus limon’ < нгр. λε(ι)μόνι (SD 1978: 243). Ср. также ряд растений с той же мотивировкой: 1) с ярким «лимонным», с точки зрения носителей румынской речи, запахом: *lămîiță* ‘Artemisia abrotanum полынь лечебная (лимонная)’; ‘Lippia triphylla лимонная вербена’; Philadelphus coronarius ‘чубушник венечный’ и диал. ‘Melissa officinalis мелисса лекарственная’ (Западная Молдова и Трансильвания – Сибиу), ‘Pelargonium пеларгония, герань’ (Западные Румынские горы) или 2) с ярко-желтым цветением: *lămîioară* ‘Lysimachia vulgaris вербейник

[31] специфический запах которого служит для отпугивания в доме грызунов.
[32] Многолетняя травянистая ядовитая лиана.
[33] Растение с сильно укороченным стеблем, напоминающее чертополох.

обыкновенный[34]' (Арад, Трансильвания) (Borza 1968: 250). Таким образом, данные румынские фитонимы попадают в разряд народных «лимонных» названий, «нанизанных» на фитонимический код с опорой на наименование плода Citrus limon.

4. 3. **Ароматическая приправа к блюдам** (ассоциация по характерному сильному запаху *всей* приправы целиком).

Помимо описанных выше, осознанных или неосознанных носителями языка, затемненных во времени параллелей «чабрец – иные ароматические растения» (которые могут использоваться в виде кулинарных добавок: пажитник, петрушка, базилик, душица и др.: болг. диал. *сминдух, овчарски босилек, овчарска мерудия, рибя миродия, риганика* и под., макед. диал. *мирудија*), следует особо выделить сербскохорватские наименования чабреца, целиком коррелирующие именно с понятием самой кулинарной приправы *в целом* и ее ароматической составляющей, не «привязанной» к конкретному растению. Это серб./хорв. *salsa* (о. Црес) 'Thymus тимьян' (Šugar 2000: 959), диал. *слса* 'Thymus serpyllum тимьян ползучий' (Simonovich 1959: 467-468) и *paprica* 'то же' (Šulek 1879: 279).

Salsa – скорее всего заимствование из итал. *salsa* – особый густой соус, в состав которого входят томаты, соль, лук, чеснок, оливковое масло, базилик, петрушка и др. приправы. *Paprica* – старое суффиксальное образование, по-видимому, далматинского происхождения < лат. *piper* 'перец' (Skok 1972: 601), ср. серб.-хорв. *напар* 'черный перец', а также фитонимы для растений, использующихся как пахучие или как острые приправы: *paprica* 'разновидность дикого сельдерея', *papric* 'Coriandrum sativum кориандр посевной', *paprika, paprka* 'перец стручковый однолетний Capsicum annuum' (Šulek 1879: 279).

5. **Чай**.

Единственным случаем явного сопоставления чабреца с понятием «чай» можно считать болг. диал. (Бургасская обл., Поморие) *див чай* букв. 'дикий чай' (Stoyanov 1974: 186).

Лечебные свойства растения

В качестве лечебного сырья в ход идет вся наземная часть кустика тимьяна, обязательно в период его цветения. Настой и

[34] В народе использовался для окрашивания тканей в желтый, зеленый и коричневый цвета.

отвар тимьяна используют как сильное противовоспалительное средство, при кашле, болезнях горла, глотки и ротовой полости, для промывания язв и ран; для облегчения суставного ревматизма. Чабрец лечит желудочно-кишечные заболевания, особенно сопровождаемые сильными коликами и болями. Замечено, что чай с чабрецом успокаивает нервную систему, излечивает бессонницу; при головной боли в народе советуют мыть голову отваром чабреца.

Оказалось, что в Балканском регионе фиксация в фитонимах лечебной функции тимьяна Thymus serpyllum осуществляется исключительно через антропологический код – восприятие растения как «материнского» – и мотивируется собственно словом *мать* и прилагательным *материнский*, а также зачастую словом *душа*, причем исключительно в южнославянских языках и их диалектах. Эти названия, несмотря на всю их прозрачную очевидность и славянское происхождение, по всей видимости, не являются первичными и выступают как относительно поздняя калька лат. *materis animula* букв. ‘материнская душечка’, которое приводит епископ Исидор Севильский в своей книге «Origines 17.9.51 pro Herpyllos serpillus» (VI век) (Argirovski 1988: 113–114). О связи мотивирующего понятия «мать» с лечебными свойствами этого растения, преимущественно в специфически «женской сфере», и о закреплении его в славянской фитонимической традиции см. (Kolosova 2009: 82–83). Как справедливо замечает автор, на соотнесение в народном сознании фитонима типа «душа матери» с приятно пахнущим чабрецом ползучим могло повлиять также славянское созвучие *душ-* как душа – anima и *душ-* как душистый аромат – odor. Переосмысление корня *душ-* привело к формированию южнославянских этиологических рассказов о происхождении растения и, соответственно, его названия. Так, серб. *мајкина душица* ‘чабрец’ – отклик покойной матери на слезы безутешных детей на ее могиле, где и вырос цветок (Chaykanovich 1985: 170; Sofrich 1990: 157).

См. болг. *мащерка* (преимущественно и повсеместно), а также *бела мащерка, мащерика, мащерица, мащрка, мащерига, материка, матерка, матор, чобанска маторка, матерка бела* и *майчина душица, мамина душица, марина душица, материна душица, материна трева* (Davidov, Yavashev 1939: 293–294: Stoyanov 1974: 186); макед. *матерка* (Argirovski 1998: 104); серб./хорв. (как родовое Thymus и как видовое Thymus serpyllum) *majčina dušica, мајчина душица* (преимущественно и

повсеместно) (DW 1987: 232; Simonovich 1959: 467–468), *матерна душица* (Simonovich 1959: 467–468), *majkina dušica*, *majkina dušica* (Оток), *materina dušica* (о. Лошинь, Истрия, на севере в Крапинско-Загорской жупании), *dubčica materina* (Далмация); *материнка, materinka* (Задар, Далмация), *meterkele* (Далмация восточнее Сплита) (Šugar 2000: 959); *душек, душичка* (Simonovich 1959: 467), *душица, dušica* (Simonovich 1959: 468; Šugar 2000: 959).

Непосредственным заимствованием из слав. можно считать нгр. ματερίνα (*ντούσιτσα) ‘Thymus serpyllum’ (Budziszewska 1991: 34–35) < болг. *материна душица* (Argirovski 1988: 113–114).

Славянские словосочетания типа *babja duša, babja dušica, babina dušica* и под. (букв. ‘бабкина душа’) произошли, по всей видимости, по аналогии с *majčina dušica* и служили первоначально для отражения лечебных свойств растения *в еще более явной степени* – путем мотивации *baba* ‘знахарка, ведунья’. См. болг. диал. *бабина душица* (Davidov, Yavashev 1939: 293); серб./хорв. диал. *бабина душа, babina duša, dušica bakina*, *бабина душица, babina dušica* (Elezovich 1932: 24; Šugar 2000: 959); *babja duša* (район г. Вараждин на северо-западе), *babja dušica* (Самобор в Загребской жупании), *bablja dušica* (у хорватов Австрии и Венгрии) (Šugar 2000: 959).

Особняком в этой группе фитонимов стоят: 1) болг. диал. (Бургасская обл., Елховско – юго-восточная Болгария) *иринкина душица* (Davidov, Yavashev 1939: 293; Stoyanov 1974: 186) – от уменьшит. болг. женского имени *Иринка* < *Ирина* и 2) серб./ хорв. диал. *пасја душица*, *pasja dušica* букв. ‘пёсья душица’ (Simonovich 1959: 467; Šugar 2000: 959). Еще раз следует подчеркнуть продуктивность использования в данном разделе женских антропонимов.

Во втором случае, скорее всего, подразумевается суррогатность чабреца по сравнению с каким-то иным пахучим растением, используемым в данной местности («псевдодушица», «не совсем душица»). См. также серб. диал. фитонимы с формантом *песий*, обозначающие *несъедобные* для человека растения и эксплицитно содержащие в себе прямое сравнение со съедобными или метафорическое сравнение с продуктами питания: *пецју трс* ‘Solanum dulcamara паслён сладко-горький’[35] букв. ‘пёсья

[35] Ядовитое, несъедобное для человека, но используемое в народной медицине растение.

виноградная лоза', *песје грозђе* 'Solanum nigrum паслён черный[36]', *пасја блитва* 'Beta maritima свёкла морская'[37] букв. 'пёсья свёкла', *пасја јабука* 'Datura stramonium дурман обыкновенный' букв. 'пёсье яблоко', *пасја тиква* 'Citrullus colocynthis колоцинт'[38], букв. 'пёсья тыква', *пасја погача* 'Evonymus бересклет' букв. 'пёсья лепешка' (Simonovich 1959: 633).

В качестве *заимствований*, несущих в самом этимоне идею целебности, естественно, не воспринимаемую в них носителями говоров по причине отсутствия прозрачной мотивировки, следует привести серб./хорв.: *poponak, poponac* (Трстеник и др. насел пункты на п-ове Пелешац)*, popovac* (о. Црес)*, popinac* (южная Далмация) – все 'Thymus serpyllum' (Šugar 2000: 959). Можно согласиться с заманчивым предположением Нады Вайс (Vajs 2003: 305) о том, что в данных далматинских формах усматривается латинское наследие – осколки лат. *opoponax* (также *oppanax, opopanacus*) < др.-греч. ὀποπάναξ (форма, встречающаяся у Диоскорида) (Vajs 2003: 305), что явно восходит к ὀπός 'бродильный сок; фиговый сок; свежесть, расцвет; (*предположит.*) лазерпиций *или* сильфий[39] (*куст, дающий ароматическую камедь*)' (Dvoretskiy 1958: 1184) и Πανάκεια 'Панацея дочь Асклепия, «Всеисцелительница»'. Сильфий, как известно, произрастал еще в первые века н. э. в Киренаике, чрезвычайно высоко ценился в античном мире и применялся при любых болях и недугах. Таким образом, представление о растении-панацее было соединено в славянской речи Далмации с иным вполне доступным местным целебным растением – тимьяном ползучим, и заимствованный фитоним был перенесен на более привычный денотат[40].

---

[36] У некоторых народов условно-съедобное растение (но не на Балканах, где считается ядовитым).

[37] Разновидность дикой свёклы, распространенная в Средиземноморье.

[38] Произрастающий в Средиземноморье предок арбуза, имеющий мелкие горькие плоды.

[39] Смолистое растение из семейства зонтичных Ferula assa-foetida (асафетида, ферула вонючая), употреблявшееся в виде его высушенного корневого млечного сока (*laser*) как лекарство и приправа.

[40] Что касается весьма схожих южнославянских именований вьюнка (Convolvulus) и повилики (Cuscuta), то здесь имеем дело скорее всего с омонимами иного происхождения (< *поп* ?). Ср. серб. *попонац,* диал. *попанац*, *попунац*, *папонац*; болг. *попенец* и рум. *poponeț* (как славянское заимствование) – все вьюнок (Convolvulus) (Domosiletskaya 2011a: 98); серб. диал. *попу(о)нац, поповац* и под., а также *мали*

Названия, не обоснованные внешними признаками растения

1. **Коза.** Серб./хорв. *козјачица* ‘Thymus serpyllum тимьян ползучий’ (Simonovich 1959: 467), *kozjačica* (о. Крк, Приморско-Горанская жупания) (Šugar 2000: 959) < *koza* (Skok 1972: 173). Фитоним относится к группе «козьих» растений, таких как: *kozjača* и *kozjak* неопр. ‘растение’, *kozinac, kozlinac* ‘Astragalus астрагал[41]’, *kozlić, kozalac* (о. Корчула) ‘Arum аронник[42]’, *kozlač* ‘Dranunculus дранункулус[43]’, *kozlačica* ‘Tanacetum пижма[44]’ – все по: (Skok 1972: 173). Никаких общих объективных признаков у данных растений не наблюдается[45].

2. **Осел.** Все «ослиные» растения в сербскохорватском условно можно разделить на 4 группы: 1) в той или иной мере колючие: *osljebad* ‘Silybum marianum расторгопша пятнистая; Carduus lanceolatus чертополох ланцетолистый’, *oslobad* ‘Carlina acaulis колючник бесстебельный’ (основаны на способности ослов поедать и переваривать даже колючки), 2) обладающие широкими закругленными листьями, напоминающими отпечаток ослиного копыта: *oslova stopina* ‘ослиная ступня’, *oselski lopuh* ‘ослиный лопух’, *oselsko kopito* ‘ослиное копыто’ – все ‘Tussilago farfara мать-и-мачеха’, 3) сорта слив: *oslica, osljača,*

поповац, мали попонац, мали попунац – все повилика (Cuscuta) (Domosiletskaya 2011b: 161).

[41] Растение семейства Бобовых.

[42] Растение семейства Ароидных.

[43] Несколько схожее с аронником растение семейства Ароидных.

[44] Растение семейства Астровые, обладающее характерным камфорным ароматом.

[45] Как и сербскохорватских двусоставных именований растений с прилагательным *козий*, носящих, скорее всего, эмоциональный характер или подчеркивающих его несъедобность для человека: *козије корење* ‘Doronicum козульник’ букв. ‘козий корень’, *козији мељ* ‘Borago officinalis огуречная трава’ букв. ‘козий хмель’, *козја крв* ‘Lonicera жимолость’ букв. ‘козья кровь’, *козино грожђе* ‘Ligustrum vulgare бирючина обыкновенная’ букв. ‘козий виноград’ и мн.др. (Simonovich 1959: 585). В некоторых случаях фитонимы могут быть, вероятно, оправданы некоторыми реальными признаками растения (поедаемый козами со стволов деревьев лишайник *козја пита* ‘Lobaria pulmonacea лобария лёгочная’), однако анализ таких фитонимов не является предметом настоящего исследования.

ošljača (по-видимому, малосъедобные[46]) и 4) мелкоцветковые растения, в основном губоцветные: *oslenica* ‘Euphrasia officinalis очанка лекарственная’, *oslišćenjak* ‘Stachys palustris чистец болотный[47] – все по: (Šulek 1879: 269–270) и, наконец, *интересующие нас* серб./хорв. названия Thymus serpyllum тимьян ползучий – диал. *осљи врисак* (Simonovich 1959: 467), *oslji vrisak* (Далмация) букв. ‘ослиный вереск’ (Šugar 2000: 959; Šulek 1879: 270). В данной паре фитонимов затруднительно указать на реальный признак растения, положенный в основу наименования. Поскольку же в именовании тимьяна ползучего *oslji vrisak* явно выражено сравнение с вереском (о чем см. выше), то, скорее всего, здесь главенствует принцип именования по суррогатности, неполноте признака («не совсем вереск»).

Важно заметить, что названия, не обоснованные внешними объективными признаками растения, все базируются на териоморфном коде народной ботанической номинации.

В ряде случаев обоснованность мотивировки осталась не совсем ясна или полностью затемнена.

Во-первых, это алб. *krasta, kraska* ‘Thymus serpyllum тимьян ползучий’ (Lloshi 2010: 369). К алб. *krasta* семантически ближе серб./хорв. диал. суффиксальный фитоним *крастатица, krastatica* (Далмация) ‘шалфей лекарственный Salvia officinalis’ (Simonovich 1959: 416; Šugar 2008: 944) < *krasta* ‘короста, струпья’ < праслав. **korsta* (Skok 1972: 181). В славянском мотивировка здесь вполне объяснима: шалфей также относится к «чайным» растениям, а теплый отвар его листьев применялся для лечения гнойных струпьев при чесотке и любых дерматитах. Возможно, при заимствовании в албанский могло произойти смешение этих двух «чайных» растений. Сомнительно семантическое соотнесение алб. *krasta, kraska* ‘Thymus serpyllum’ с алб. *krastë* ‘холм-каменоломня; засушливая и бесплодная земля; скалистая местность’, что, в конечном итоге, опять же этимологически возводится к др.-ц.слав. *krasta,* рус. *короста*, серб. *краста* ‘короста, струпья; кора, корка’ (Demiraj 1997: 364).

[46] Т.е. восприятие растения как не отвечающего в полной мере нужным требованиям, не до конца полноценного.

[47] Своими кистевидными лиловыми соцветиями сильно напоминает тимьян.

Во-вторых, это болг. диал. *шаново биле* ‘Thymus’ (Davidov, Yavashev 1939: 550). Вероятно, соотносимо с болг. диал. *шандуду* (< тур.) ‘Morus шелковица, тутовое дерево’ (болг. диал. турцизм *дуд* ‘тутовое дерево; плод шелковицы’ < тур. *dut* ‘то же’ + тур. *şan* ‘слава, известность; блеск’). Единственным поверхностным предположением здесь может быть существование ассоциативной связи *по цвету* между темно-фиолетовыми, почти черными плодами-костянками шелковицы и темно-лиловыми соцветиями чабреца.

* * *

Особо следует остановиться на **заимствованиях**, которых среди именований чабреца на Балканах относительно много. Прежде всего, это грецизмы **θυμάρι** (макед. диал. *тимар*), **θυμίαμα** (рум. *timian*, серб./хорв. диал. *тимиан, тимијан*), **ρίγανη** (болг. диал. *риганика, риганина*)**, μυρωδία** (болг. диал. *ме/иру/одия*), **βασιλικός** (болг. и макед. *босилек*), **λε(ι)μόνι** (рум. диал. *lămîioară, lămîiță*). Обращает на себя внимание латинско-романский (***piper, salsa, opoponax***) след в далматинских говорах Хорватии (*salsa*, *paprika*, *poponak(c), popovac* и под.), а также славизмы ***сминдух*** (рум. диал. *schinduf*), ***materina dušica*** (нгр. ματερίνα (*ντούσιτσα)), турцизмы ***keklik otu, şan*** (болг. диал. *кеклик-оту*, *шаново биле*), о которых уже шла речь.

Отдельного подробного рассмотрения заслуживают балканские фитонимические рефлексы греч. **θύμβρα** и слав. ***čębrъ, *čębrъ(-ica)*** и ***lis- /*lěs-***.

Несомненно греческого происхождения алб. *trumzë* как родовое понятие ‘тимьян’, а также ‘Thymus vulgaris тимьян (чабрец) обыкновенный, ползучий’, *trumza e butë* ‘Lavandula officinalis лаванда настоящая (узколистная)’ букв. ‘мягкий тимьян’ (Çabej 2006: 136; Lloshi 2010: 336). Ср. также *trumza e bletëve* ‘Satureja montana чабер горный’ букв. ‘тимьян пчёл’ и *trumza zvarritëse* букв. ‘тимьян ползучий’ в значении ‘Satureja hortensis чабер садовый, Thymus hortensis тимьян садовый’ (Lloshi 2010: 336)[48].

[48] Важно заметить, что в албанском узусе иногда происходит смешение и путаница в созвучных наименованиях растений Satureja чабер *trumzë, thrumbe, thrume* и Thymus тимьян, чабрец *trumzë* (Fjalor 2003: 257; Lloshi 2010: 336), что типологически параллельно ситуации с русскими наименования *чабер* и *чабрец*. Хотя оба растения в чем-то схожи (губоцветные, пряные, обладающие очень характерными цветками, собранными чаще всего в *головчатые* соцветия), однако

http://www.esra-shop.com/wp-content/uploads/2017/03/TRUMEZA-620x330.jpg

Слово распространено в северногегском ареале. С точки зрения Э. Чабея, источник – дорийская форма др.-греч. **θύμβρα** ‘Satureja hortensis чабер’, поздн. греч. θρύμβη ‘Satureja thymbra чабер’ (sic!) (Çabej 2006: 136). В качестве первичного, наиболее древнего заимствования см. алб. *trumzë* (***trum* < **tumrë* < др.-греч. θύμβρα) (Orel 1998: 467). Алб. формант *-ëz/z(-ë)*, как известно, – частотный суффикс при наименовании растений (Çabej, Xhuvani 1962: 108); ср. *bletëzë* ‘Betula береза’, *djegëz* ‘Sinapis (Brassica) nigra горчица настоящая (чёрная)’, *dredhëz* ‘Fragaria vesca земляника лесная’, *mëllezë, mbëdhezë* и под. ‘Ostrya carpinifolia хмелеграб обыкновенный’, *urezë, urrëzë* ‘Sedum acre очиток едкий’ и мн. др.

Алб. *thrumb* ‘Satureja чабер’ проникло уже как вторичное более позднее заимствование из нгр. θρούμπι ‘Satureja hortensis чабер’, ср. совр. диал. θρούμβα на ионической Кефалонии и на эгейском Родосе, *trumba, tromba* в современных греческих говорах на юге Италии (Çabej 2006: 136).

Макед. диал. *дримбица* ‘Thymus serpyllum’ – суффиксальное образование от *дримб-* < греч. θρύμβη, θύμβρα ‘Satureja thymbra чабер’ (Argirovski 1998: 104; BER 1995: 427).

Для обозначения разновидностей тимьяна распространенными в регионе Юго-Восточной Европы можно считать слова, образованные или заимствованные от условно восстанавливаемых слав. ****čębrъ*** и его суффигированной формы ****čębrъ(-ica)*** –

разница между ними весьма существенна: чабер – одно-/двухлетнее полукустарниковое довольно *мягкое* растение, чабрец – почвопокрывной многолетний *жесткий* кустарничек. На смешение их в албанском, вероятно, оказало влияние также аналогичное явление созвучия в нгр. (θρούμπι ‘Satureja hortensis чабер’ и θυμάρι ‘Thymus тимьян’) и разновременность их заимствований (древнегреч./ новогреч.).

см. **čubrica* (Budziszewska 1991: 56-57). При этом Макс Фасмер (ср. у него рус. *чабер, чабор, чабрец* ‘Satureia hortensis’) утверждал, что праслав. форму невозможно реконструировать, но можно восстановить только общее для вост.-слав. и зап.-слав. **čębrъ*, которое через **čemrъ* можно связать с *чемерица*[49] (Fasmer 1987: 309) < **čemerъ* / **čemera*, обозначающее ядовитые и горькие растения (ESSYA 1977: 52).

В славянских языках балканского региона **čębrъ* представлен преимущественно в сербскохорватском континууме и служит для обозначения чабера (Satureja): *čubar, чубар, планиниски чубар*. В болг. и макед. то же растение Satureja в национальном узусе обозначается уже суффигированными формами: болг. *чубрица*, макед. *чубрика*, *чубрица*, а также диал. *čumbrica* (западно-макед. костурские говоры) (Budziszewska 1991: 57). Данный фитоним применяется и к интересующему нас «чайному» растению тимьян ползучий, но только в диалектном диапазоне: болг. диал. *чобрица, чубрика, чюбрица, дива чубрица* букв. ‘дикая *чубрица*’, *овчарска чубрица, чобанска чубрица* букв. ‘пастушья *чубрица*’ – все ‘Thymus serpyllum’ (Davidov, Yavashev 1939: 293–294; Stoyanov 1974: 186).

В восточнороманском закрепилась заимствованная у славян несуффигированная форма **čębrъ*, как в значении ‘Thymus тимьян’, так и ‘Satureja чабер’ (как в сербскохорватском), причем не только в отдаленном от Балкан дакороманском ареале – дакорум. *cimbru, ciumbru* (Ciorănescu 2001: 187[50]; SD 1978: 487), но и в арумынском – *čimbru* (Papahagi 1963: 356). Некоторые источники все же отмечают закрепление румынского фитонима преимущественно за растением рода тимьян и даже у́же – за тимьяном ползучим (чабрецом): рум. *cimbru,* диал. *ciumbru, simbru* (Borza 1968: 169–170; DW 1987: 232), *cimbru de cîmp* букв. ‘чабер полевой’, *cimbru păsăresc* букв. ‘чабер птичий’, *cimbru sălbătic* букв. ‘чабер дикий’*, cimbru tîrlit* букв. ‘чабер ползучий’*, cimbrul ciobanului* букв. ‘чабер чабана’*, cimbru bun*

[49] Чемерица Veratum – род *ядовитых* растений семейства Мелантиевые. Это многолетние *высокие* травы с крупными складчатыми стеблеобъемлющими листьями.

[50] Александру Чорэнеску справедливо полагал, что связь же самого слав. корня с др.-греч. θύμπρος (sic!) совершенно неясна. В довершение всего он даже приводил точки зрения иных авторов (А. Филиппиде, К. Дикулеску и др.) на неславянское (романское) и даже дороманское происхождение слова в румынском (Ciorănescu 2001: 187).

букв. ‘чабер хороший’ (Borza 1968: 169–170) (все – ‘Thymus serpyllum тимьян ползучий’). Однако и здесь, как и в албанском, не исключена возможность смешения двух ароматических растений. Об этом свидетельствуют и рум. обиходные названия Thymus vulgaris как *cimbru de grădină* букв. ‘чабер сада, садовый ч.’, *cimbru mirositor* букв. ‘ч. душистый’ (Borza 1968: 170), хотя как культивируемое для кулинарии садовое растение издавна популярно в Средиземноморье именно Satureja hortensis чабер садовый (душистый), а не чабрец ползучий.

Заимствование суффигированной формы **čębrъ(-ica)* [51] в иные балканские языки можно полагать более поздним. Это заимствование представлено в большем количестве идиомов. Сюда можно отнести диал. нгр. τσ’ουμπτσ’ιουρίτσα (Западная Македония) (Lopashov 2017: 53); алб. *zhumbrica, bari i zhumbricës* букв. ‘трава *zhumbric*’ы’ (DW 1987: 232; Lloshi 2010: 369; Sususi 2006: 326); мегл. *tšubrică* (Т. Капидан, ссылка по: Budziszewska 1991: 57); арум. *čimbru, čimburică* (*cimburică*), *čiumurică* (*ciumurică*), *ţemurică*, *ciburică* (Cunia 2010: 305; Papahagi 1963: 356, 368; Vrabie 2000: 517, 682).

Важно заметить присутствие собственных суффиксальных образований от слав. **čębrъ* в рум.: *cimbr-* + уменьшит.-ласкательный суффикс *-işor*: *cimbrişor,* а также диал. *cimbrişor de cîmp* букв. ‘чабрец поля, полевой ч.’, *ţimbrişoare* (f.)*, timişor*[52], а также *cimbrişor sălbatic* букв. ‘ч. дикий’, *cimbrişor grecesc* букв. ‘ч. греческий’ (Borza 1968, 169-170; Butură 1979: 66-67) – все ‘Thymus serpyllum чабрец’. В случае с двусоставными фитонимами *cimbrişor sălbatic, cimbrişor grecesc* скорее всего сталкиваемся с эксплицитным сравнением с какими-то иными, сходными, с точки зрения носителей говора, растениями («собственно *cimbrişor*»). Точное место этих растений по отношению друг к другу в системе народной ботанической таксономии неясно в силу отсутствия информации о них.

Другой славянский корень, сыгравший значительную роль в именовании чабреца в албанском, – ***lis-***. См. алб. *lisër* **‘**тимьян’ как родовое понятие (Susuri 2006: 326); алб. диал. *lis, lisn-a, lisën, lisëm, lizëm, lisëro, listër* ‘Thymus serpyllum тимьян

[51] См. **čubrica* (Budziszewska 1991: 56-57).

[52] Здесь возможна контаминация рум. диал. *timian* (< слав.), ср. болг. *тамян*, серб. *тамјан* ‘ладан, фимиам’ < др.-греч. θυμίαμα ‘благовоние, фимиам (смола растений Juniperus turifera и Stytax benzoin)’) + *cimbrişor.*

ползучий', а также, судя по разным источникам, может обозначать *лиловые губоцветные*: Calamintha alpina = Melissa alpina альпийскую мелиссу и Micromeria parviflora микромерию мелкоцветковую, причем второе часто с эпитетом *lisën-vogël* букв. 'тимьян маленький' (Çabej 2014: 240). Формы с ротацизмом *lisër* – тоскские, прочие – гегские (Çabej 2014: 240; Ylli 1997: 149). Происхождение, как представляется, скорее всего славянское, однако с затемненной этимологией и поэтому не с совсем ясной мотивировкой.

Можно, во-первых, иметь в виду очень заманчивое предположение Джеляля Юлы, которое он сам, однако, поставил под знак вопроса: < ? болг. *лиса* (Ylli 1997: 149). Экрем Чабей с некоторой неуверенностью возводит албанское слово к недостоверному болг. *лиса* 'Pulicaria блошница'. Данное растение, однако, плохо сопоставимо с тимьяном ползучим. Блошница относится к семейству Астровых и широко распространена в Средиземноморье, но у блошницы *ярко-желтые* некрупные цветы-корзинки с *неприятным* запахом, что, на первый взгляд, полная противоположность чабрецу по двум признакам – запах и окраска. BER же предоставляет иной интересный фитонимический болгарский диалектный материал с корнем *лис-*: *лиса билька* (Странджа) некая 'горная трава, которую накануне *Георгиев ден* (6 мая) девушки и юноши кладут себе в постель, чтобы приснился избранник', *лиса трева* (в районе горного массива Рила) 'Cassia angustofolia кассия узколистная, сенна александрийская' (BER 1986: 420). Сама мотивировка данных болг. фитонимов может быть тройственна: либо от болг. *лис* (1) 'лысый, плешивый', либо от омонимичного диал. *лис* (2) 'рыжеволосый' (ср. болг. диал. Кичевско *лиса* 'овца с рыжеватыми пятнами'), либо (3) рефлекс староболг. *лисии* 'лисий' (BER 1986: 420). Если учесть, что Pulicaria блошница (*лиса*), Cassia angustofolia кассия узколистная (*лиса трева*) имеют *ярко-желтые* цветки, то, скорее всего, в основу этих фитонимов положен *лис* (2), т. е. светло-рыжий яркий цвет. Но в таком случае при заимствовании в албанский *лис* > *lisër* объективно не обосновано закрепление данного корня за цветком в розово-лиловой гамме цветения.

Во-вторых, возможна связь алб. *lisër* тимьян с алб. *lesë* 'борона; плетеные носилки; плетеная дверца загона или овчарни; паутина' (Çabej 2014: 217), что, в свою очередь, может быть заимствовано в южногегском из болг. *лесá, лéса*, а в северногегском – из серб. *лéса* (Çabej 1976: 322; Çabej 2014:

217). Эти славянские корни служат для обозначения широкого круга денотатов, связанных с понятием о *плетеном* предмете: ‘плетень для передвижной овчарни; плетеный кузов повозки; перегородка в виде плетня для ловли рыбы в реке; ограда из прутьев и т. д.’ (Chukalov 1960: 402) и восходят к праслав. **lěsā* (BER 1986: 368). Можно предположить, что масса разросшихся в виде пучка стволиков чабреца могла восприниматься в сознании как нечто густо переплетенное. Важно отметить, что самих существительных с корнем *lis-* с предметным референтом типа ‘плетень’ в албанском не обнаружено. Однако в албанской обл. Корча (восточно-тоск.) существует форма plurale tantum *lisa* ‘утóк[53]’, которую предположительно можно квалифицировать либо как исконное албанское слово (из праалб. **litšā* < **leik^{u}iā*) и соотнести с *liq* ‘утóк’ (< праалб. **lika* < и.-е. **leik^{u}-* ‘оставлять, покидать’) (Orel 1998: 229), либо как славизм – из болг. *léca* (Çabej 2014: 240). Т.е., как очевидно, понятие *переплетения* здесь в любом случае присутствует.

* * *

Итак, судя по наименованиям растения Thymus, ни в одном из балканских языков, кроме одного болгарского говора, тимьян не воспринимается прежде всего как «чайное» растение, хотя часто используется для заварки горячего напитка. Это отличает чабрец от других «чайных» трав региона, где в самом их фитониме часто эксплицитно заключено указание на эту их функцию. См. род Sideritis железница: арум. (говоры Пинда) *čeai* букв. ‘чай’, алб. *çaj mali, çaji i malit* букв. ‘чай горы’, т. е. ‘горный чай’, макед. и *див чај, чај див* букв. ‘дикий чай’, серб./хорв. *див-чај* ‘то же’, *горски чај,* диал. *planinski čaj* букв. ‘горный чай’, *албански чај, македонски чај, грчки чај*, болг. *македонски чай, пиринski чай, мурсалски чай*, тур. *adaçayi, daçayi* букв. ‘островной чай’, греч. τσάι του βουνού букв. ‘чай горы’, το τσάι Ολύμπου букв. ‘чай Олимпа’, το τσάι Παρνασσού букв. ‘чай Парнаса’, τσάι του Βελουχιού ‘чай Велухи’, τσάι βλάχου букв. ‘влашский чай’ и мн. др. См. также шалфей лекарственный Salvia officinalis: болг. *градински чай* букв. ‘садовый чай’, диал. *чай, чайче* букв. ‘чаек’, *ада-чай*, диал. *чай-оту* (два последних – турецкие заимствования) и др.

[53] Уток – в ткачестве поперечная система направления параллельных друг другу нитей, располагающихся под прямым углом к системе основы. Вместе с системой основы уток образует ткацкое *переплетение*.

Как показал описанный материал, разнообразие и разносторонность внешних признаков растения чабрец, «зацепленных» народным сознанием и легших в основу народных его исконных наименований на Балканах чрезвычайно велики. Это утверждение еще более справедливо для конкретных моделей и мотивировок. Параллелизм обнаруживается в считанном количестве случаев. 1) Признак *целебности* растения, в особенности для женского здоровья; отыменная модель ‘мать’ – все южнославянские языки и их диалекты, отыменная модель ‘баба’ – болгарские и сербскохорватские говоры. Все подобного рода фитонимы представляют собой двусоставные атрибутивные словосочетания. 2) Внешний признак *ползучести* растения (отглагольная модель ‘ползать’) – румынский и арумынский языки. 3) Внешний признак *пестроты* цветения, где мотивирующим словом выступает зоонимы ‘куропатка’ – турецкий и болгарский (под явным влиянием турецкого) и ‘кукушка’ – только в румынском. 4) Признак присущего растению *бальзамического аромата*: а) по ассоциации с приятным запахом курящихся благовонных смол – новогреческий и румынский; б) на основе сравнения с характерным запахом базилика Ocimum basilicum – болгарский и македонский.

Все иные способы наименования чабреца в обширном балканском регионе довольно разнообразны, ассоциации, легшие в основу большинства фитонимов, совершенно не повторяются и уникальны. См., к примеру, исключительно сербскохорватские зоонимические словосочетания-фитонимы с компонентом ‘осел’, ‘коза’, эксплицитные сравнения по ряду признаков с вереском, буквицей, острой специфической растительной приправой. Уникальными для балканской фитонимии можно считать болгарские народные именования тимьяна ползучего по ассоциации с запахом яблока, дикой мяты, петрушки посевной, румынские – по ассоциации с запахом лимона и др.

В народной ботанической балканской номенклатуре в именованиях чабреца очень сильно проявляется фитонимический код, причем исключительно через субстантивы. Прежде всего это характерно для *южнославянского* материала: серб./хорв. диал. *осљи врисак, vrisak mali* (вереск), *bukovica* (буквица), болг. диал. *овчарски босилек*, макед. диал. *кашкин босилек* (базилик), болг. диал. *сминдух* (пажитник сенной), болг. диал. *риганика, риганина* (душица), болг. диал**.** *воленика, воленица* (мята длиннолистная), болг. диал. *ябълкиня* (яблоко; яблоня), болг. диал. *ми(е)родия* и макед. диал. *мирудија* (укроп,

петрушка, пажитник) и др. Изредка растительный код встречается и в румынских фитонимах для чабреца: рум. диал. *lămîioară, lămîiță, alămîiță, iarbă de lămioară* (лимон).

Зоонимический код представлен как субстантивной, так и атрибутивной составляющей: болг. диал. *яребичина*, тур. *kekik*, *kekik otu, keklik otu* (куропатка), рум. диал. *iarba cucului* (кукушка), серб./хорв. диал. *козјачица* (коза), *осљи врисак* (ослиный), макед. диал. *кашкин босилек* (змеиный), болг. диал. *рибя миродия* (рыбий), ссерб./хорв. диал. *пасја душица* (пёсий).

Антропологический код встречается очень широко, но исключительно в южнославянском ареале и исчерпывается понятиями «мать», «баб(к)а» и «пастух» (последнее только в болгарском): болг. *мащерка*, *бела мащерка, материка, матерка, мащерика, мащерица, майчина душица, материна душица, материна трева, бабина душица, овчарски босилек, овчарска чубрица, чобанска мерудия* и мн. др., макед. *матерка*, серб./хорв. *мајчина душица, матерна душица*, *majkina dušica*, *materina dušica, бабина душа, бабина душица* и мн.др.

Отономастическая номинация встретилась только единожды – болг. диал. *иринкина душица.* Этнический код «задействован» лишь в румынских говорах – *cimbrişor grecesc* букв. ‘чабрец греческий’.

Литература

Anikin, A. E. 2011: *Russkiy etimologicheskiy slovar’* [*Russian etymological dictionary*]. 5. Moscow: Znak.
Аникин, А. Е. 2011: *Русский этимологический словарь*. Вып. 5. М.: Знак.

Annenkov, N. I. 1878: *Botanicheskiy slovar’* [*Botanical vocabulary*]. St-Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
Анненков, Н. И. 1878: *Ботанический словарь*. СПб.: Императорская Академия наук.

Argirovski, M. 1988: [Slavic lexemes in Mordern Greek]. *Makedonistika* 5, 71–134.
Аргировски, М. 1988. Словенски лексеми во новогрчкиот јазик. В: *Македонистика* 5, 71–134.

Argirovski, M. 1998: *Grtsizmite vo makedonskiot jazik.* [*Greek loan-words in the Macedonian language*]. Skopje.
Аргировски, М. 1998: *Грцизмите во македонскиот јазик*. Скопје.

BDLT 2017: Bulgarian Dialectology as Living Tradition. Beta version. [Electronic information database. Электронный ресурс] Режим доступа: http://bulgariandialectology.org/, свободный. – Загл. с экрана.

BER 1971: *Bylgarski etimologichen rechnik*. [*Bulgarian Etymological Dictionary*]. I. Georgiev, V. (ed). Sofia: Izdatelstvo na Bylgarskata Akademiya na naukite.
Български етимологичен речник: 1971. I. Георгиев, В. (ред.). София: Издателство на Българска академия на науките.
BER 1979: *Bylgarski etimologichen rechnik*. [*Bulgarian Etymological Dictionary*]. II. Georgiev, V. (ed). Sofia: Izdatelstvo na Bylgarskata Akademiya na naukite.
Български етимологичен речник: 1979. II. Георгиев, В. (ред.). София: Издателство на Българска академия на науките.
BER 1986: *Bylgarski etimologichen rechnik*. [*Bulgarian Etymological Dictionary*]. III. Georgiev, V. (ed). Sofia: Izdatelstvo na Bylgarskata Akademiya na naukite.
Български етимологичен речник. 1986. III. Георгиев, В. (ред.). София: Издателство на Българска академия на науките.
BER 1995: *Bylgarski etimologichen rechnik*. [*Bulgarian Etymological Dictionary*]. Vol. IV. Georgiev, Vl., Duridanov, I. (eds). Sofiya: Akademichno izdatel'stvo "Prof. Marin Drinov".
Български етимологичен речник: 1995. IV. Георгиев, В., Дуриданов, И. (ред.). София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов».
BER 2002: *Bylgarski etimologichen rechnik*. [*Bulgarian Etymological Dictionary*]. Vol. VI. Racheva, M., Todorov, T.A. (eds). Sofiya: Akademichno izdatel'stvo "Prof. Marin Drinov".
Български етимологичен речник: 2002. VI. Рачева, М., Тодоров, Т.А. (ред.). София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2002.
BER 2010: *Bylgarski etimologichen rechnik*. [*Bulgarian Etymological Dictionary*]. Vol. VII. Todorov, T.A. (ed.). Sofiya: Akademichno izdatelstvo "Prof. Marin Drinov".
Български етимологичен речник: 2010. VII. Тодоров, Т.А. (ред.). София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов».
Borza, A. 1968: *Dicţionar etnobotanic*. Bucureşti: Editura Academiei.
BRE 2 2005: *Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopedia* [*Great Russian Encyclopedia*]. 2. Moscow: Nauchnoye izdatel'stvo "Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopedia".
Большая Российская Энциклопедия: 2005. 2. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия».
Budziszewska, W. 1991: *Zapożyczenia słowiańskie w dialektach nowogreckich*. Warszawa: Polska Akademia Nauk. Instytut Słowianoznawstwa.
Butură, V. 1979: *Enciclopedie de etnobotanică românească*. Bucureşti: Editură ştiinţifică şi enciclopedică.
Çabej, E. 2006: *Studime etimologjike në fushë të shqipes*. VII. Tiranë: Akademia e Shkencave e Republikës së Shqipërisë.
Çabej, E. 2014: *Studime etimologjike në fushë të shqipes*. V. Tiranë: Akademia e Shkencave e Republikës së Shqipërisë; Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë: "Botime Çabej".
Çabej, E. 1976: *Studime gjuhësore. I. Studime etimologjike në fushë të shqipes (A– O)*. Prishtinë: Rilindja.

Çabej, E., Xhuvani, A. 1962: *Prapashtesat e gjuhës shqipe*. Tiranë.
Chaykanovich, V. 1985: *Rechnik srpskikh narodnikh verovn'a o bil'ama*. [*Dictionary of Serbian folk beliefs about plants*]. Beograd.
Чајкановић, В. 1985: *Речник српских народних веровња о биљама*. Београд.
Chantraine, P. 1970: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots.* II. Paris: Klincksieck.
Chukalov, S.K. 1960: *Bolgarsko-russkiy slovar'*. [*Bulgarian-Russian Dictionary*]. Sofia: "Nauka i iskusstvo".
Чукалов, С.К. 1960: *Болгарско-русский словарь*. София: «Наука и искусство».
Ciorănescu, A. 2001: *Dicţionarul etimologic al limbii române*. Bucureşti: Editura "Saeculum".
Cunia, T. 2010: *Dictsiunar a limbãljei armãneascã*. Editura "Cartea Aromãnã".
Davidov, B., Yavashev, A. 1939: *Materiali za bylgarski botanichen rechnik.* [*Materials for Bulgarian botanical vocabulary*]. Sofiya: Izdatelstvo BAN.
Давидов, Б., Явашев, А. 1939: *Материали за български ботаничен речник*. София: Издателство БАН.
Demiraj, B. 1997: *Albanische Etymologien*. (*Untersuchungen zum Albanischen Erbwortschatz*). Amsterdam; Atlanta.
Domosiletskaya, M. V. 2006: [The names of basil in Albanian and other Balkan languages]. In: *Problemy balkansoy filologii. Sbornik statey.* [The problems of Balkan Philology. Collection of articles]. Rusakov, A.Yu. (ed.). St-Petersburg: Nauka, 115–123.
Домосилецкая, М. В. 2006: Названия базилика в албанском и других балканских языках. В: Русаков, А. Ю. (ред.) *Проблемы балканской филологии. Сборник статей*. СПб.: Наука, 115–123.
Domosiletskaya, M. V. 2011a: [Balkan fitonyms for Convolvulus (bindweed)]. In: *Identitate, etnicitate, limba în Sud-Estul Europei. Actele Colocviului organizat de Institutul de Studii Sud-Est Europene din Bucureşti şi Institutul de Studii Lingvistice din Sankt Petersburg, 29 septembrie, 2010*, Bucureşti. Bucureşti: Editura Biblioteca Bucureştilor, 95–105.
Домосилецкая, М. В. 2011a: Балканские фитонимы для Convolvulus (вьюнок). В: *Identitate, etnicitate, limba în Sud-Estul Europei. Actele Colocviului organizat de Institutul de Studii Sud-Est Europene din Bucureşti şi Institutul de Studii Lingvistice din Sankt Petersburg, 29 septembrie, 2010, Bucureşti*. Bucureşti: Editura Biblioteca Bucureştilor, 95–105.
Domosiletskaya, M. V. 2011b: [The not green plant dodder (names for Cuscuta on the Balkans)]. In: *Balkanskiy spektr: ot sveta k tsvetu. Balkanskiye chteniya. 11*. [*Balkan spectrum: from light to colour. 11 Conference*]. Tezisy i materialy. 22–24.03. 2011, 159–165.
Домосилецкая, М. В. 2011b: Незеленое растение повилика (фитонимы для *Cuscuta* на Балканах). В: *Балканский спектр: от света к цвету. Балканские чтения 11.* Тезисы и материалы. 22–24 марта 2011 года, 159–165.

Domosiletskaya, M. V. 2018a: [The names of Sideritis (ironwort) as a quasi-tea plant within the Balkan linguistic context]. [2018 – forthcoming]

Domosiletskaya, M. V. 2018b: [The names of Salvia officinalis (sage) as a quasi-tea plant within the Balkan linguistic context]. [2018 – forthcoming]

Dvoretskiy, I. Kh. 1958: *Drevnegrechesko-russkiy slovar'*. [*Ancient Greek-Russian Dictionary*]. Vol. II. Moscow.
Дворецкий, И. Х. 1958: *Древнегреческо-русский словарь*. Т. II. М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей.

DW 1987: Williams, G., Hunyadi K. *Dictionary of weeds of Eastern Europe: Their Common Names and Importance in Latin, Albanian, Bulgarian, Czech, German, English, Greek, Hungarian, Polish, Romanian, Russian, Serbo-Croat and Slovak*. Amsterdam; New York: Elsevier.

Elezovich, G. 1932: *Rechnik kosovsko-metokhiyskog diyalekta*. [*Dictionary of the dialect of Kosovo-Metohija*]. I. Beograd: Grafichki umetnichki zavod «Planeta».
Елезовић, Г. 1932: Речник косовско-метохиског дијалекта. I. Београд: Графички уметнички завод «Планета».

ESSYA 1977: *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov*. (*Praslavyanskiy leksicheskiy fond*). [*Etymological Dictionary of Slavic Languages. (Proto-Slavic Lexical Stock)*]. Trubachov, O.I. (ed). 4. Moscow: Nauka.
ЭССЯ 1977: Трубачев, О. И. (ред.). *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Вып. 4. М.: Наука.

ESTYA 1997: *Etimologicheskiy slovar' t'urkskikh yazykov. Obshet'urkskiye i mezht'urkskiye leksicheskiye osnovy na bukvy "K" i "Ķ"*. [*Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common Turkic and Interturkic stems starting with letters "K" and "Ķ"*]. Levitskaya, L. S., Dybo, A. V., Rassadin, V. I. (eds). Moscow: "Yazyki russkoy kul'tury".
ЭСТЯ 1997: Левитская, Л. С., Дыбо А .В., Рассадин В. И. (ред.). *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К» и «Ķ»*. М.: «Языки русской культуры».

Evseev, I 2001: *Dicţionar de simboluri şi arhetipuri culturale*. Ed. II-a. Timişoara: Editura Amarcord.

Fasmer, M. 1987: *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [*Etymological dictionary of Russian language*]. IV. Moscow: Progress.
Фасмер, М. 1987: *Этимологический словарь русского языка*. Том IV. Издание 2-3 стереотипическое. М.; Прогресс.

Fjalor 2003: Krasniqi, F., Ruci, B., Vangjeli, J., Susuri, L., Mullaj, A., Pajazitaj, Q. *Fjalor i emrave të bimëve* [*Dictionary of plant names*]. Tiranë: ASHASH: Instituti i Kërkimeve Biologjike – Prishtinë: ASHAK: Seksioni i Shkencave të Natyrës.

Grannes, A., Hauge, K. R., Sülemanogly H. 2002: *A Dictionary of Turkisms in Bulgarian*. Amsterdam: The Institute for Comparative Research in Human Culture.

Gura, A. V. 2004: [Cuckoo]. In: *Slav'anskiye drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Vocabulary]. V. 3. Tolstaya, S.M. (ed.). Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 36–39.
Гура, А. В. 2004: Кукушка. В: Толстая, С. М. (ред.). *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Т. 3. М.: Международные отношения, 36–39.

ILR 1969: *Istoria limbii Române*. V. II. Coteanu, I., Bolocan, Gh., Caragiu-Marioţeanu, M. (eds.) Bucureşti: Editura Academiei Republicii Populare Române.

Kaniskov, V. 2015: *Sykrovishnitsa na bylgarskata narodna meditsina. III. Botanichen rechnik – osnovi* [*The treasury of Bulgarian traditional medicine. III. Botanical vocabulary*]. Sofia: Iztok–Zapad.
Канисков, В. 2015: *Съкровищница на българската народна медицина. III. Ботанически речник – основи*. София: Издателство «Изток-Запад».

Kazansky, N. N. 2016: [Some comments on the Theban texts of Mycenaean times (TH Av 100)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 76 (4), 853–873.
Казанский, Н. Н. 2016: Из комментариев к фиванским текстам микенского времени (TH Av 100). *Вестник древней истории* 76 (4), 853–873.

Khorikov, I.P., Malev, M.G. 1980: *Novogrechesko-russkiy slovar'* [Modern Greek-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy Yazyk.
Хориков, И.П., Малев, М.Г. 1980: *Новогреческо-русский словарь*. М.: Русский язык.

Kolosova, V. B. 2009: *Leksika i simvolika slav'anskoy narodnoy botaniki. Etnolingvisticheckiy aspekt*. [*Lexics and symbolism of Slavic folk botany. Ethnolinguistic aspect*]. Moscow: Indrik.
Колосова, В. Б. 2009: *Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект*. М.: Индрик.

Lloshi, Xh. 2010: *Fjalor i emrave të bimëve dhe të kafshëve shqip-latinisht dhe latinisht-shqip*. Tiranë: Logos-A.

Lopashov, Yu. A. 2017: *Slavyanizmy i turtsizmy v severnogrecheskikh govorakh. Materialy k slovar'u balkanizmov*. I. [*Slavisms and turkisms in the northern dialects of Modern Greek. Materials for the Vocabulary of balkanisms*.] I. [manuscript, 2017]
Лопашов, Ю. А. 2017: *Славянизмы и турцизмы в северногреческих говорах. Материалы к словарю балканизмов*. I. [Рукопись по состоянию на 2017].

Marian, S. F. 1995: *Înmormântarea la Români. Studiu etnografic*. Bucureşti: «Grai şi Suflet – Cultura Naţională».

Meyer-Lübke, W. 1911: *Romanisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung.

Mladenov, S. 1941: *Etimologicheski i pravopisen rechnik na bylgarskiya knizhoven ezik*. [*Etymological and orphographic dictionary of Standard Bulgarian Language*]. Sofiya.
Младенов, С. 1941: *Етимологически и правописенъ речникъ на българския книжовенъ езикъ*. София.

Novak, F. A. 1985: *Ill'ustrirovannaya entsiklopediya rasteniy* [*Illustrated encyclodedia of plants*]. Prague: Artiya.
Новак, Ф. А. 1985: *Иллюстрированная энциклопедия растений*. Прага: Артия.
Novik, A. A. 2017: [«Mountain tea», sage, tea, chamomile and coffee in traditions, ethnoscience and etiquette of the Albanians and Greeks in Himara and Dropull]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN.* [*Proceedings of the the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (ILI RAN). Ethnobotany 2: Plants in language and culture*] 13 (2), 115–130.
Новик, А.А. 2017: «Горный чай», шалфей, чай, ромашка и кофе в традиции, народной медицине и этикете албанцев и греков Химары и Дропула. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Этноботаника 2: растения в языке и культуре*.13 (2), 115–130.
Orel, V. 1998: *Albanian Etymological Dictionary*. Leiden; Boston; Köln: Brill.
Panya, N. 2017: *Grammatika porgebal'noy obr'adnosti* [*Grammar of funeral rites*]. St-Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography RAS.
Паня, Н. 2017: *Грамматика погребальной обрядности*. СПб.: МАЭ РАН.
Papahagi, T. 1963: *Dicţionarul dialectului aromîn general şi etimologic*. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Populare Romîne.
SD 1978: *Scurt dicţionar etimologic al limbii moldoveneşti*. Rayevskiy, N., Gabinskiy, M. (eds). Chişinău: Redacţia principală a enciclopediei sovietice moldoveneşti.
Скурт дикционар этимолоӂик ал лимбий молдовенешть: 1978. Раевский, Н., Габинский М. (ред.). Кишинэу: Редакция принчипалэ а енчиклопедией советиче молдовенешть.
Simonovich, Dr. 1959: *Botanichki rechnik. Imena bil'aka*. [*Botanical dictionary. Plant names*] Beograd: Izdavachka ustanova srpske Akademije nauka.
Симоновић, Др. 1959: *Ботанички речник. Имена биљака*. Београд: Издавачка установа српске Академије наука.
Skok, P. 1971: *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Kn. 1. Zagreb.
Skok, P. 1972: *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Kn. 2. Zagreb.
Skok, P. 1973: *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Kn. 3. Zagreb.
Sofrich, P. 1990: *Glavniye bil'e u narodnom verovan'u i pevan'u kod nas Srba*. [*The main plants in Serbian traditional beliefs and folklore*]. Beograd: BIGZ.
Софрић, П. 1990: *Главније биље у народном веровању и певању код нас Срба*. Београд: БИГЗ, 1990.
Sokolova, V. K. 1979: *Vesenne-letniye kalendarnyye obr'ady russkikh, ukraintsev i belorusov* [*Russian, Ukranian and Belarusian spring-summer calendar ceremonies*] Moscow: Nauka.

Соколова, В. К. 1979: *Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов*. М.: Наука.

Stoyanov, N. S. 1974: [Materials on Bulgarian folk medicinal plants]. In: *Bylgarska dialektologiya. Prouchvaniya i materiali* [*Bulgarian dialectology. Studies and materials*]. 7. Sofia, 177–196.
Стоянов, Н. Сл. 1974: Принос към народните имена на българските лекарствени растения. В: *Българска диалектология. Проучвания и материали*. 7. София, 177–196.

Strömberg, R. 1940: *Griechische Pflanzennamen* = Göteborgs Högskolas Arsskrift. XLVI, 1. Göteborg.

Šugar, I. 2008: *Hrvatski biljni imenoslov*. Zagreb: Matica Hrvatska.

Šulek, B. 1879: *Jugoslavenski imenik bilja*. Zagreb: Jugoslavenska akademija.

Susuri, L.R. 2006: *Fjalor i bimëve bujqësore, pyjore dhe barojave. (Latinisht, shqip, anglisht, gjermanisht, frëngjisht dhe italisht)*. Prishtinë: Akademia e Shkencave dhe e Arteve e Kosovës.

Vajs, N. 2003: *Hrvatska povijesna fitonimija*. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.

Vătăşescu, C. 1997: *Vocabularul de origine latină din limba albaneză în comparaţie cu română*. Bucureşti.

Vrabie, E. 2000: *An English-Aromanian (Macedo-Romanian) Dictionary*. University Mississippi.

Ylli, Xh. 1997. *Das slavische Lehngut im Albanischen. I. Lehnwörter*. München.

Yusipova, R. R. 2005: *Turetsko-russkiy slovar'* [*Turkish-Russian dictionary*]. Moscow: Russkiy Yazik Media.
Юсипова, Р. Р. 2005: Турецко-русский словарь. М.: Русский Язык Медиа.

ZhR 1981: *Zhizn' rasteniy.* [*The Life of Plants*]. V. V (2). Takhtadzhan, A.L. (ed). Moscow: Prosveshenie.
ЖР 1981: *Жизнь растений*. Том. V (2). Тахтаджян, А.Л. (ред.). М.: Просвещение.

Ανδριώτης, Ν. Π. 1967: *Ετυμολογικό λεξικό της κοινής νεοελληνκής*. Θεσσαλονήκη.

M. V. Domosiletskaya. The names of quasi-tea plants within the Balkan linguistic context. 3. Thymus (thyme)

The paper analyses the Balkan folk plant names of Thymus (thyme) which is widely used as a kind of raw material for aromatic hot beverage. Despite this, however, the analysis shows that the concept "tea" does not appear in the Balkan names of thyme – unlike the phytonyms of the other Balkan quasi-tea plants (Sideritis, Salvia officinalis etc.). A thorough onomasiological analysis shows all cases of structural isomorphism («pattern replication») which are not numerous: 1) *the healing power* of thyme (especially for women) is embodied in the notion *mother* (all South Slavic languages and their dialects), *midwife* (some Bulgarian and Serbian dialects); 2) outward signs of a creeper – from the verb '*to creep*' (Rumanian and Aromanian); 3) its *mosaic bloom* motivates the usage of such zoonyms for its names as '*partridge*' (Turkish and Bulgarian) and '*cuckoo*' (only Rumanian); 4) *the balsamic aroma* of the plant is expressed

by the comparison with *incense* (Modern Greek and Rumanian) or *basil* (Bulgarian and Macedonian). All other patterns are rather unique, e.g. Serbo-Croatian phytonomastical phrases with the words '*donkey'*, '*goat'*, folk names for thyme based on comparison with the aroma of *apple*, *forest mint*, *parsley* (Bulgarian), *lemon* (Rumanian) etc. Altogether the *phytonymic code* for the naming of thyme in the Balkans is the strongest.

The borrowings of phytonyms are results of linguistic contacts in the Balkans. One can notice a great influence of Greek everywhere (θυμάρι, θυμίαμα, θύμβρα, ρίγανη, μυρωδία, βασιλικός, λε(ι)μόνι), Latin-Romanic traces in Dalmatian dialects of Croatia (*piper, salsa, opoponax*), some Turkisms in Bulgarian dialects (*keklik-otu*, *shanovo bile*), Slavic borrowings in Albanian (*zhumbrica, lisër* etc.), in Eastern Romance (*cimbru, cimbrişor, tšubrică, ţemurică, schinduf*) and in Greek (τσ'ουμπτσ'ιουρίτσα, ματερίνα (*ντούσιτσα)).

Keywords: Balkan languages and dialects, phytonyms, tea, Thymus (thyme), etymology, loan-words, onomasiology.

DOI:10.30842/ielcp230690152235

Е. Н. Дувакин

ГРЕКО-ЛАТИНСКО-КАВКАЗСКИЕ СВЯЗИ В ОБЛАСТИ МИФОЛОГИИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ФОНЕ

Систематическая обработка фольклорно-мифологических текстов, выполненная в глобальном масштабе, свидетельствует о наличии эксклюзивных – на мировом либо западноевразийском фоне – греко-латинско-кавказских связей в области мифологии. Среди них выделяются мотивы богоборческого характера, зафиксированные у целого ряда абхазо-адыгских, нахско-дагестанских и картвельских групп. Маловероятно, чтобы данные параллели были обусловлены культурными взаимодействиями в эпоху Великой греческой колонизации. Судя по лингвистическому контексту, более правдоподобным является сценарий, согласно которому описываемые соответствия отражают контакты между ранними индоевропейцами, северокавказцами и картвелами.

Ключевые слова: античная мифология, фольклор народов Кавказа, фольклорные мотивы, культурные контакты, ранние индоевропейцы.

Статья основывается на электронной базе данных по фольклору и мифологии народов мира, в которой сейчас содержатся резюме порядка 50 тыс. текстов и отражено распределение более 2430 мотивов по 944 традициям (Березкин, Дувакин б.г.). Систематизация этого массива материалов позволяет по-новому взглянуть на греко-латинско-кавказские параллели и рассмотреть их на общеевразийском и – шире – глобальном фоне. В этой работе я не стану касаться географически отдаленных соответствий, чья историческая связь с античными и кавказскими фиксациями либо не очевидна, либо отражает гораздо более глубокие во времени этнокультурные процессы[1].

Прометей

Мотив «Прометей» (силач-богоборец на долгие века прикован к горе или к столбу) широко представлен как в

[1] Работа выполнена в рамках проекта «Границы и контакты: транскультурные связи в Старом Свете по результатам анализа ареального распространения фольклорно-мифологических мотивов» (грант РНФ № 18–18–00361). Я благодарен Ю. Е. Березкину за ее обсуждение и неоценимую помощь в сборе материалов.

античных текстах (Hes. Theog. 521–616; Aesch. Prom.; Apoll. Rhod. II. 1238–1251; III. 846–848; Diod. Sic. IV. 15. 2; Ps.-Apollod. Bibl. I. 7. 1; II. 5. 11; Paus. V. 11. 6; Hyg. Astr. II. 15. 1–5; Fab. 54, 144 et al.), так и в кавказских фольклорных записях. Он зафиксирован у адыгейцев (Алиева и др. 1974: 273–274), кабардинцев (Лопатинский 1891: 38; Миллер 1883: 101–102), абхазов (Гарцкия 1892: 34–38; Зухба 1995: 242–250; Миллер 1883: 107), осетин (Миллер 1883: 102–104), ингушей (Далгат 1972: 51; Дахкильгов 2003: 108; Светлов 1903), чеченцев (Мальсагов, Танкиев 1990), ногайцев (Капаев 2012: 351–354), лакцев (Халидова 2012: 80–81), аварцев (Халидова 2012: 79–80), мегрелов (Машурко 1894: 378–379; Fähnrich 1997: 84–85), сванов (Ломинадзе 1903: 145–147), грузин (Гассиев 1890; Машурко 1894: 379–381; Миллер 1883: 104–106; Степанов 1893: 135–139; Тоидзе 1896; Чиковани 1966; 1986: 284–294).

Античные, грузинские (Гассиев 1890; Чиковани 1966: 271–275), вайнахские, аварский и кабардинский (Лопатинский 1891: 38) варианты объединяет дополнительная подробность: к прикованному персонажу регулярно прилетает хищная птица, которая пожирает его печень либо сердце. Другая специфическая деталь – это кража огня у небесного божества, предшествующая наказанию. Она упоминается античными авторами, начиная с Гесиода (Theog. 521–616; Aesch. Prom. 3–11, 108–113, 252–256, 612; Diod. Sic. IV. 15. 2; Apollod. Bibl. I. 7. 1; Hyg. Fab. 144), и содержится в записях, сделанных у чеченцев (Мальсагов, Танкиев 1990), мегрелов (Fähnrich 1997: 84–85) и грузин (Тоидзе 1896).

Греко-кавказская параллель в виде мотива «Прометей» давно известна (см., напр., Миллер 1883; Чиковани 1966; Charachidzé 1986). Мне хотелось бы отметить не столько наличие, сколько ее эксклюзивный характер, о чем свидетельствует обработка десятков тысяч текстов из всех областей Старого и Нового Света.

Вызов громовержцу

«Вызов громовержцу» (персонаж претендует на роль небесного божества, имитируя дождь и грозу) – это еще один богоборческий мотив, который представляет собой специфическую греко-латинско-кавказскую параллель. На нем основываются

рассказы о царе Элиды Салмонее (Hes. Cat. Fr. 30 M-W. 3–28; Diod. Sic. VI. Fr. 6–7; Verg. Aen. VI. 585–594; Manil. Astr. V. 91–96; Val. Fl. Arg. I. 662–665; Ps.-Apollod. Bibl. I. 9. 7; Hyg. Fab. 61, 250; Serv. Aen. VI. 585; I Myth. Vat. I. 81) и правителе Альба-Лонги Аллодии, известном также под именами Аррамулия и Аремула Сильвия (Dion. Hal. Ant. Rom. I. 71. 3; Diod. Sic. VII. Fr. 5; Anon. De orig. gent. Rom. XVIII. 2–4).

На Кавказе мотив обнаружен у абхазов (Джапуа 2003: 101–102, 323–343; Зухба 1995: 242–250; Инал-ипа 1977: 164–169; Салакая 2008: 113–114), абазинов (Тугов 1985: 108–110), осетин (Кануков 1987: 68), чеченцев (Мальсагов 1983: 307; Цароева 2015: 42), ингушей (Далгат 1972: 423; Дахкильгов 2006: 346, 409; Мальсагов 1983: 307–308), а также мегрелов и/или грузин (Машурко 1894: 377–378).

В сообщениях Марка Манилия (Astr. V. 91–96) и Сервия (Aen. VI. 585) содержится дополнительная деталь, сближающая античные версии с вайнахскими вариантами, – использование для имитации грома бронзового либо медного моста. У чеченцев и ингушей в аналогичных текстах говорится о сооружении медных навесов или сводов.

Сын камня

Самая ранняя фиксация мотива «сын камня» (герой рожден в результате попадания мужского семени на камень либо скалу) содержится в хеттской «Песне об Улликумми», датирующейся XIV в. до н.э. и являющейся переложением хурритского текста (Güterbock 1951: 138, 146–153). На Кавказе истории такого рода записаны у абхазов (Инал-ипа 1977: 14–20; Инал-ипа и др. 1988: 26–35; Салакая 2008: 317, 319, 321, 325; Хашба, Кукба 1935: 37), кабардинцев (Алиева и др. 1974: 189–190), карачаевцев и балкарцев (Алиева 1994: 364–367), осетин (Абаев и др. 1957: 156–159, 331–347; Дынник 1949: 71–72; Либединский 1981: 85–87; Миллер 1885: 90) и ингушей (Далгат 1972: 134). Античные фиксации содержатся у Лжеплутарха (De fluv. XXIII. 4) и Арнобия (Adv. nat. V. 5).

Как и «Прометей», данная греко-латинско-кавказская параллель была давно замечена (Миллер 1885: 89–90; Трубецкой 1908; Burkert 1979). Массовая обработка фольклорно-мифологических источников не выявила других ее фиксаций на терри-

тории Западной Евразии, а в восточной половине континента нашлась лишь единственная относительно близкая аналогия у мон-кхмероязычных ва (Heine-Geldern 1976: 38).

Ветер в мешке

Мотив «ветер в мешке» (ветер находился или находится в небольшом вместилище – мешке, сундуке и т. п., – выпущен из него либо вылетает оттуда время от времени) известен в том числе по «Одиссее» (Hom. Od. X. 19–76; Lyc. Alex. 738–740; Parth. Er. Path. II; Ovid. Met. XIV. 223–232; Ps.-Apollod. Epit. VII. 10–11; Hyg. Fab. 125) и встречается в фольклоре ингушей (Ахриев 1875: 15–18), литовцев (Кербелите 2001: 98), ливов (Loorits 1926: 38), эстонцев (Aarne 1918: 140) и западных саамов (Billson 1918: 180–182). Прибалтийские варианты при этом более всего близки ингушскому, а саамский текст – античным версиям.

В Азии «ветер в мешке» засвидетельствован у монголов (вероятно, ордосских – Nassen-Bayer, Stuart 1992: 329) и кетов (Алексеенко 2001: 254–255).

Обсуждение и выводы

Среди упомянутых мотивов есть как те, которые отражают эксклюзивные – на мировом либо западноевразийском фоне – греко-латинско-кавказские связи в области мифологии («Прометей», «орел выклевывает печень», «расплата за огонь», «вызов громовержцу», «сын камня»), так и те, которые представляют собой специфические – в контексте Западной Евразии – параллели между античными источниками и фольклорными записями, сделанными на Кавказе и в Балтоскандии («ветер в мешке»)[2].

Содержащийся в «Песне об Улликумми» и широко распространенный на Кавказе «сын камня» засвидельствован античными авторами лишь дважды, в римское время, причем действие локализуется либо во Фригии, либо в окрестностях Аракса.

[2] Соответствия мотиву «ветер в мешке» в Балтоскандии не могут быть следствием прямых контактов с Кавказом и Балканами. Вполне вероятно, что они отражают проникновение степной традиции в северные районы Европы, которое произошло в середине I тыс. (ср. Berezkin, Duvakin 2016).

Арнобий ссылается при этом на сообщение Тимофея (Adv. nat. V. 5), который жил на рубеже IV–III вв. до н. э. (Burkert 1979: 257–258). «Сын камня» предстает, таким образом, как анатолийско-кавказский мотив, проникший в греческую традицию к началу эллинистического периода и, вероятно, в ходе контактов с малоазиатскими этническими группами.

Четыре из разбираемых мотивов – «Прометей», «орел выклевывает печень», «расплата за огонь» и «вызов громовержцу» – имеют богоборческий характер. Во всех соответствующих текстах речь идет о противостоянии между могущественным персонажем и верховным небесным божеством. Образуя тематический кластер, эти греко-латинско-кавказские параллели вполне могут быть отражением одних и тех же контактов и, наряду с «ветром в мешке», представляют особый интерес в свете данных о ранних индоевропейско-северокавказских лексических связях.

Распад праиндоевропейского языка датируется второй половиной V тыс. до н. э., а прасеверокавказского – первой половиной IV тыс. до н. э. (Касьян 2015: 185, 188; Kassian 2010: 315, 424, 426). Среди ПИЕ названий животных, растений, частей тела, орудий, предметов производства и пр. присутствует целый ряд северокавказских заимствований (Старостин 2007: 310–358). Данный факт находит свое объяснение, по-видимому, в том, что ПИЕ языковая общность наложилась на некоторый диалект ПСК языка, т.е. в наличии северокавказского субстрата в ПИЕ (Старостин 2007: 358; ср. Касьян 2015: 188). Произойти это могло в карпато-балканском регионе, территория которого, судя по реконструируемой лексике, является вероятным ареалом обитания как праиндоевропейцев, так и прасеверокавказцев (Касьян 2015: 187–190, 196; Dybo 2013; Kassian 2010: 425–426, 432–433).

После распада ПИЕ и ПСК языков контакты между носителями соответствующих диалектов продолжались и с индоевропейской стороны в них были вовлечены в том числе прагреческие и пралатинские группы (Кулланда 2012; Николаев 1985: 66–73; Kassian 2010: 428). Не исключено, что греко-латинско-кавказские параллели в виде мотивов «Прометей», «орел выклевывает печень», «расплата за огонь», «вызов громовержцу» и «ветер в мешке» обусловлены теми же самыми вза-

имодействиями, что и упомянутые лексические связи, и являются их дополнительным свидетельством.

Бóльшая часть фиксаций из римской традиции восходит, очевидно, к греческим источникам и лишь в отношении рассказов о царе Альбы-Лонги, претендовавшем на роль небесного божества, резонно предложить два альтернативных объяснения: пралатинское (балканское?) наследие и местный (этрусский?) субстрат.

Источники и литература

Aarne, A. 1918: *Estnische Märchen- und Sagenvarianten. Verzeichnis der zu den Hurt'schen Handschriftsammlungen gehörenden Aufzeichnungen*. Hamina: Suomalaisen Tiedeakatemian Kustantama.

Abaev, V. I., et al. 1957: *Narty. Epos osetinskogo naroda* [*Nart Sagas: Epic of the Ossetians*]. Ed. by V. I. Abaev, N. G. Dzhusoev, R. A. Ivnev, and B. A. Kaloev. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

Абаев, В. И., и др. 1957: *Нарты. Эпос осетинского народа*. Изд. подгот. В. И. Абаев, Н. Г. Джусоев, Р. А. Ивнев и Б. А. Калоев. М.: Издательство АН СССР.

Akhriev, Ch. E. 1875: [The Ingush, their Legends and Beliefs]. *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [*Collected Reports on the Caucasian Highlanders*] 8 (1), 1–40.

Ахриев, Ч. Э. 1875: Ингуши (их предания, верования и поверья). *Сборник сведений о кавказских горцах* 8 (1), 1–40.

Alekseenko, E. A. 2001: *Mify, predaniia, skazki ketov* [*Myths, Legends, Tales of the Kets*]. Ed. by E. A. Alekseenko. Moscow: Vostochnaia literatura.

Алексеенко, Е. А. 2001: *Мифы, предания, сказки кетов*. Сост., предисл., коммент. и глоссарий Е. А. Алексеенко. М.: Восточная литература.

Alieva, A. I. 1994: *Narty. Geroicheskii epos balkartsev i karachaevtsev* [*Nart Sagas: Heroic Epic of the Balkars and Karachays*]. Ed. by A. I. Alieva. Moscow: Nauka.

Алиева, А. И. 1994: *Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев*. Отв. ред. А. И. Алиева. М.: Наука.

Alieva, A. I., et al. 1974: *Narty. Adygskii geroicheskii epos* [*Nart Sagas: Heroic Epic of the Adyghe*]. Ed. by A. I. Alieva, A. M. Gadagatl', Z. P. Kardangushev. Moscow: Nauka.

Алиева, А. И., и др. 1974: *Нарты. Адыгский героический эпос*. Сост. А. И. Алиева, А. М. Гадагатль, З. П. Кардангушев. М.: Наука.

Berezkin, Yu., Duvakin, E. 2016: The Captive Khan and the Clever Daughter-in-Law. *Folklore* (Tartu) 64, 33–56. http://dx.doi.org/10.7592/FEJF2016.64.khan

Berezkin, Yu., Duvakin, E. s.a.: *Tematicheskaia klassifikatsiia i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam.*

Analiticheskii katalog [*The Electronic Analytical Catalogue of Folklore-Mythological Motifs: Thematic Classification and Areal Distribution*]. http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin

Березкин, Ю. Е., Дувакин, Е. Н. б.г.: *Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог*. http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin.

Billson, Ch. J. 1918: Some Mythical Tales of the Lapps. *Folk-Lore* 29 (3), 178–192.

Burkert, W. 1979: Von Ullikummi zum Kaukasus: Die Felsgeburt des Unholds. *Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft* 5, 253–261.

Charachidzé, G. 1986: *Prométhée ou le Caucase: Essai de mythologie contrastive*. Paris: Flammarion.

Chikovani, M. Ya. 1966: *Narodnyi gruzinskii epos o prikovannom Amirani* [*Georgian Epic Poetry of Chained Amirani*]. Moscow: Nauka.

Чиковани, М. Я. 1966: *Народный грузинский эпос о прикованном Амирани*. М.: Наука.

Chikovani, M. Ya. 1986: *Gruzinskie narodnye skazki* [*Georgian Folktales*]. Ed. by M. Ya. Chikovani. Tbilisi: Ganatleba.

Чиковани, М. Я. 1986: *Грузинские народные сказки*. Сост. М. Я. Чиковани. Тбилиси: Ганатлеба.

Dalgat, U. 1972: *Geroicheskii epos chechentsev i ingushei: Issledovanie i teksty* [*Chechen and Ingush Heroic Epic: Study and Texts*]. Moscow: Nauka.

Далгат, У. Б. 1972: *Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты*. М.: Наука.

Dakhkil'gov, I. A. 2003: *Antologiia ingushskogo fol'klora* [*An Anthology of Ingush Folklore*]. Ed. and transl. by I. A. Dakhkil'gov. Vol. 1. Nalchik: El'-Fa.

Дахкильгов, И. А. 2003: *Антология ингушского фольклора*. Т. 1. Сост., пер. и коммент. И. А. Дахкильгова. Нальчик: Эль-Фа.

Dakhkil'gov, I. A. 2006: *Antologiia ingushskogo fol'klora* [*An Anthology of Ingush Folklore*]. Ed. and transl. by I. A. Dakhkil'gov. Vol. 1. Nalchik: El'-Fa.

Дахкильгов, И. А. 2006: *Антология ингушского фольклора*. Т. 4. Сост., пер. и коммент. И. А. Дахкильгова. Нальчик: Эль-Фа.

Dybo, A. 2013: Language and Archeology: Some Methodological Problems. 1. Indo-European and Altaic Landscapes. *Journal of Language Relationship* 9, 69–92.

Dynnik, V. 1949: *Nartskie skazaniia. Osetinskii narodnyi epos* [*Nart Sagas. Ossetian Epic Poetry*]. Transl. by V. Dynnik. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury.

Дынник, В. 1949: *Нартские сказания. Осетинский народный эпос*. Пер. В. Дынник. М.: Государственное издательство художественной литературы.

Dzhapua, Z. D. 2003: *Abkhazskie epicheskie skazaniia o Sasrykua i Abryskile* [*Abkhaz Epic Poems and Legends of Sasrykua and Abryskil*]. Sukhum: Alashara.

Джапуа, З. Д. 2003: *Абхазские эпические сказания о Сасрыкуа и Абрыскиле*. Сухум: Алашара.

Fähnrich, H., 1997: *Mingrelische Sagen*. Aus dem Georg. von H. Fähnrich. Jena: Fridrich Schiller Universität.

Gartskiia, V. 1892: [Some Folk Legends and Beliefs of the Abkhazians]. *Sbornik materialov dlia opisaniia mestnostei i plemen Kavkaza* [*Collection of Materials for the Description of Places and Tribes in the Caucasus*] 13 (2), 32–43.
Гарцкия, В. 1892: Из абхазских народных преданий и поверий. *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа* 13 (2), 32–43.

Gassiev 1890: [Amiran]. *Sbornik materialov dlia opisaniia mestnostei i plemen Kavkaza* [*Collection of Materials for the Description of Places and Tribes in the Caucasus*] 10 (3), 47–49.
Гассиев [инициалы не указ.] 1890: Амиран. *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа* (10) 3, 47–49.

Güterbock H. G., 1951: The Song of Ullikummi: Revised Text of the Hittite Version of a Hurrian Myth. *Journal of Cuneiform Studies* 5 (4), 135–161.

Heine-Geldern, R. 1976: *Gesammelte Schriften*. Bd. 1. Wien: Elisabeth Stiglmayr.

Inal-ipa, Sh. D. 1977: *Pamiatniki abkhazskogo fol'klora. Narty, atsany* [*Records of Abkhaz Folklore. Narts and Atsans*]. Sukhumi: Alashara.
Инал-ипа, Ш. Д. 1977: *Памятники абхазского фольклора. Нарты, ацаны*. Сухуми: Алашара.

Inal-ipa, Sh. D., et al. 1988: *Prikliucheniia narta Sasrykvy i ego devianosta deviati brat'ev* [*The Adventures of the Nart Sasrykva and his Ninety-Nine Brothers*]. Ed. by Sh. D. Inal-ipa, K. S. Shakryl, B. V. Shinkuba. Sukhumi: Alashara.
Инал-ипа, Ш. Д., и др. 1988: *Приключения нарта Сасрыквы и его девяноста девяти братьев*. Подгот. текста Ш. Д. Инал-ипа, К. С. Шакрыл, Б. В. Шинкуба. Сухуми: Алашара.

Kanukov, A. A. 1987: [Annual Feasts of the Ossetians]. In: *Periodicheskaia pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh* [*Caucasian Periodicals on Ossetia and the Ossetians*]. Vol. 3. Ed. by L. A. Chibirova. Tskhinvali: Iryston, 65–73.
Кануков, А. А. 1987: Годовые праздники осетин. В сб.: *Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах*. Кн. 3. Сост. Л. А. Чибирова. Цхинвали: Ирыстон, 65–73.

Kapaev, I. S. 2012: *Nogaiskie mify, legendy i pover'ia* [*Nogays Myths, Legends, and Beliefs*]. Moscow: Golos-Press.
Капаев, И. С. 2012: Ногайские мифы, легенды и поверья. М.: Голос-Пресс.

Kassian, A. 2010: Hattic as a Sino-Caucasian Language. *Ugarit-Forschungen* 41, 309–447.

Kassian, A. 2015: *Klinopisnye iazyki Anatolii (khattskii, khurrito-urartskie, anatoliiskie): problemy etimologii i grammatiki* [*Cuneiform Languages of Anatolia (Hattic, Hurro-Urartian, Anatolian):*

Problems of Etymology and Grammar]. Dr. Habil. Thesis. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

Касьян, А. С. 2015: Клинописные языки Анатолии (хаттский, хуррито-урартские, анатолийские): проблемы этимологии и грамматики. Дисс. ... докт. филол. наук. М.: Институт языкознания РАН.

Kerbelyte, B. 2010: *Tipy narodnykh skazanii. Strukturno-semanticheskaia klassifikatsiia litovskikh etiologicheskikh, mifologicheskikh skazanii i predanii* [*The Types of Folk Legends. The Structural-Semantic Classification of Lithuanian Aetiological, Mythological and Historical Legends*]. Saint-Petersburg: Evropeyskiy Dom.

Кербелите, Б. 2001*: Типы народных сказаний. Структурно-семантическая классификация литовских этиологических, мифологических сказаний и преданий*. СПб.: Европейский Дом.

Khalidova, M. R. 2012: *Svod pamiatnikov fol'klora narodov Dagestana* [*Corpus of Folklore Records of the Peoples of Dagestan*]. Vol. 4. Ed. by M. R. Khalidova. Moscow: Nauka.

Халидова, М. Р. 2012: *Свод памятников фольклора народов Дагестана*. Т. 4. Отв. сост. М. Р. Халидова. М.: Наука.

Khashba, A., Kukba, V. 1935: *Abkhazskie skazki* [*Abkhaz Folktales*]. Ed. by A. Khashba & V. Kukba. Sukhum: Abkhazskii nauchno-issledovatel'skii institut kraevedeniia.

Хашба, А., Кукба, В. 1935: *Абхазские сказки*. Под общ. ред. А. Хашба и В. Кукба. Сухум: Абхазский научно-исследовательский институт краеведения.

Kullanda, S. V. 2012: [Towards a Problem of Lexical Contacts between Classical, Indo-Iranian and North Caucasian Languages]. *Indo-evropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European Linguistics and Classical Philology*] 16, 406–415.

Кулланда, С. В. 2012: К проблеме лексических контактов северокавказских, индоиранских и классических языков. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 16, 406–415.

Libedinskii, Yu. 1981: *Skazaniia o nartakh. Osetinskii epos* [*Nart Sagas. Ossetian Epic Poetry*]. Transl. by Yu. Libedinskii. Tskhinvali: Yryston.

Либединский, Ю. 1981: *Сказания о нартах. Осетинский эпос*. Пер. Ю. Либединского. Цхинвали: Ырыстон.

Lominadze, Sh. K. 1903: [Kartvelian Legends of Amiran]. *Sbornik materialov dlia opisaniia mestnostei i plemen Kavkaza* [*Collection of Materials for the Description of Places and Tribes in the Caucasus*] 32 (2), 139–157.

Ломинадзе, Ш. К. 1903: Картвельские сказания об Амиране. *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа* 32 (2), 139–157.

Loorits, O. 1926: *Livische Märchen- und Sagenvarianten*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia.

Lopatinski, L. G. 1891: [Kabardian Legends and Tales Recorded in Russian]. *Sbornik materialov dlia opisaniia mestnostei i plemen*

Kavkaza [*Collection of Materials for the Description of Places and Tribes in the Caucasus*] 12 (1), 11–144.

Лопатинский, Л. Г. 1891: Кабардинские предания, сказания и сказки, записанные по-русски. *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа* 12 (1), 11–144.

Mal'sagov, A. O. 1983: *Skazki i legendy ingushei i chechentsev* [*Ingush and Chechen Folktales and Legends*]. Moscow: Nauka.

Мальсагов, А. О. 1983: *Сказки и легенды ингушей и чеченцев*. Сост., пер., предисл. и примеч. А. О. Мальсагова. М.: Наука.

Mal'sagov A. O., Tankiev, A. Kh. 1990: [Pkharmat]. In: *Mifologicheskii slovar'* [*A Mythological Dictionary*]. Ed. by E. M. Meletinsky. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 448–449.

Мальсагов, А. О., Танкиев, А. Х. 1990: Пхармат. В сб.: *Мифологический словарь*. Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 448–449.

Mashurko, M. G. 1894: [Notes on the Folk Fantasy and Life in the Provinces of Tiflis and Kutais]. *Sbornik materialov dlia opisaniia mestnostei i plemen Kavkaza* [*Collection of Materials for the Description of Places and Tribes in the Caucasus*] 18 (3), 228–410.

Машурко, М. Г. 1894: Из области народной фантазии и быта Тифлисской и Кутаисской губ. *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа* (18) 3, 228–410.

Miller, V. F. 1883: [Caucasian Legends of Giants Chained to the Mountains]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia* [*Journal of the Ministry of Education*] 225 (Jan.), 100–116.

Миллер, В. Ф. 1883: Кавказские предания о великанах, прикованных к горам. *Журнал министерства народного просвещения* 225 (Янв.), 100–116.

Miller, V. F. 1885: [Rev. of: Collection of Materials for the Description of Places and Tribes in the Caucasus]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia* [*Journal of the Ministry of Education*] 239 (May), 83–96.

Миллер, В. Ф. 1885: [Рец. на:] Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. *Журнал министерства народного просвещения* 239 (Май), 83–96.

Nassen-Bayer, Stuart, K. 1992: Mongol Creation Stories: Man, Mongol Tribes, the Natural World, and Mongol Deities. *Asian Folklore Studies* 51 (2), 323–334.

Nikolaev, S. L. 1985: [North Caucasian Loanwords in Hittite and Ancient Greek]. In: *Drevniaia Anatoliia* [*Ancient Anatolia*]. Ed. by B. B. Piotrovsky, Vyach. Vs. Ivanov, V. G. Ardzinba. Moscow: Nauka, 60–73.

Николаев, С. Л. 1985: Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом. *Древняя Анатолия*. Редкол.: Б. Б. Пиотровский, Вяч. Вс. Иванов, В. Г. Ардзинба. М.: Наука, 60–73.

Salakaia, Sh. Kh. 2008: *Izbrannye trudy* [*Selected Works*]. Vol. 1. Sukhum: Academiia nauk Abkhazii.

Салакая, Ш. Х. 2008: *Избранные труды*. Т. I. Сухум: АН Абхазии.

Starostin, S. A. 2007: *Trudy po iazykoznaniiu* [*Works in Linguistics*]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.
Старостин, С. А. 2007: *Труды по языкознанию*. М.: Языки славянских культур.

Stepanov, I. S. 1893: [Some Beliefs of the Georgians, Telavi District]. *Sbornik materialov dlia opisaniia mestnostei i plemen Kavkaza* [*Collection of Materials for the Description of Places and Tribes in the Caucasus*] 17 (2), 124–143.
Степанов, И. С. 1893: Поверья грузин Телавского уезда. *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа* 17 (2), 124–143.

Svetlov, V. Ya. 1903: *Sem' synovei v'iugi: Ingushskoe predanie* [*Seven Sons of the Blizzard: An Ingush Legend*]. Saint-Petersburg: N. Morev.
Светлов, В. Я. 1903: *Семь сыновей вьюги: Ингушское предание*. СПб.: Н. Морев.

Toidze, A. 1896: [Amiran]. *Sbornik materialov dlia opisaniia mestnostei i plemen Kavkaza* [*Collection of Materials for the Description of Places and Tribes in the Caucasus*] 21 (2), 91–95.
Тоидзе, А. 1896: Амиран. *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа* 21 (2), 91–95.

Trubetskoy, N. S. 1908: [Caucasian Parallels to the Phrygian Myth of the Birth from Stone/Earth]. *Etnograficheskoe obozrenie* [*Ethnographical Review*] 78 (3), 88–92.
Трубецкой, Н. С. 1908: Кавказские параллели к фригийскому мифу о рождении из камня (земли). *Этнографическое обозрение* 78 (3), 88–92.

Tsaroeva, M. G. 2015: [On the Narts, Ingush Semi-Gods: A Shortened Version from the Manuscript of the Book "Pantheon of the Ingush")]. In: *Kavkaz: perekrestok kul'tur* [*Caucasus: A Crossroads of Cultures*]. Ed. by M. S.-G. Albogachieva. Saint-Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, 10–64.
Цароева, М. Г. 2015: Об ингушских полубожествах нартах (сокращенный вариант из рукописи книги «Пантеон ингушей»). В сб.: *Кавказ: перекресток культур*. Отв. ред. М. С.-Г. Албогачиева. СПб.: МАЭ РАН, 10–64.

Tugov, V. B. 1985: *Abazinskie narodnye skazki* [*Abazin Folktales*]. Ed. and transl. by V. B. Tugov. Moscow: Nauka.
Тугов, В. Б. 1985: *Абазинские народные сказки*. Сост., пер., вступ. ст. и примеч. В. Б. Тугова. М.: Наука.

Zukhba, S. L. 1995: *Tipologiia abkhazskoi neskazochnoi prozy* [*Typology of Abkhaz Non-Folktale Prose*]. Maykop: Meoty.
Зухба, С. Л. 1995: *Типология абхазской несказочной прозы*. Майкоп: Меоты.

E. N. Duvakin. Ancient Greek – Latin – Caucasian mythological links in the Eurasian context

The article is based on *The Electronic Analytical Catalogue of Folklore-Mythological Motifs* and examines the links between classical mythology and Caucasian folklore. These links include *Prometheus* (a strong person who ventured to confront a god is for a long time chained to a mountain or to a post), *Challenge to the Thunder-God* (a powerful person pretends to be the sky-god imitating rain and thunderstorm) and *Bag of Winds* (wind is or was contained in a small enclosure; it was released from it or flies out of there from time to time) motifs. The processing of ca. 50,000 texts from all over the world demonstrates that the first two of them are the parallels exclusively shared by classical and Caucasian mythological traditions. The *Bag of Winds* is found also in folklore of the Lithuanians, Livonians, Estonians, Sami, Mongols, and Kets. All these parallels between classical mythology and Caucasian folklore can hardly be explained by contacts during the Second Greek colonisation. It seems more plausible that they reflect the relationships between early Indo-European- and North Caucasian speaking tribes which are supported by lexical evidence.

Key words: classical mythology, Caucasian folklore, folklore motifs, cultural contacts, early Indo-Europeans.

DOI:10.30842/ielcp230690152236

А. А. Евдокимова

К ПРОБЛЕМЕ ЧТЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ НАДПИСЕЙ ПЛОХОЙ СОХРАННОСТИ

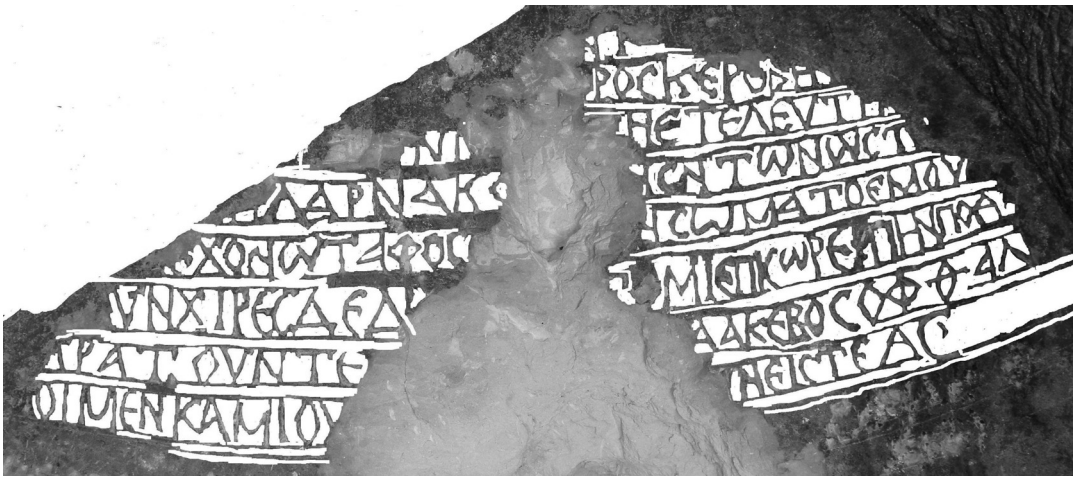
Памяти С. Р. Тохтасьева

В статье на материале неизданной надписи Каппадокии предлагаются возможные методы чтения памятников плохой сохранности.

Ключевые слова: византийские надписи, Каппадокия, эпиграфика, византийский греческий язык.

В византийской эпиграфике много лакунарных или полустертых надписей, особенно граффити. Некоторые из них можно восстановить в рамках существующих распространенных формул, но встречаются и исключения.

Игорь Грек в 2015 году нашел надпись, выбитую в нише одной из пещерных церквей в окрестностях Карамана. Надпись содержит выбоину по центру, утраты в начале и в конце строк. Всего дошло 8 строк разной степени сохранности. Сама надпись выполнена явно профессиональным писцом, который расчертил себе строки (всего 12, из которых 4 нижних остались незаполненными) и писал маюскулом.



Судя по доступным нам фрагментам, это погребальная надпись, содержащая разные формулы: одна из них с глаголом τελευτά/έω, скорее всего в форме ἐτελεύτησε(ν) и две с наименованиями могил, λάρναξ и τάφος.

NI
.....NPOC KEPOB?H
.....HNI ...[3–4 буквы]HETEΛEYTHΣE
....HΛAPNAKA. [2–3 буквы]NΣAITΩNΩCTE
..EXONΩTAΦOC [5 букв]NCWMATOEMOY
...YNXIPECΔEΔA? [5–6 букв]MIEΠIΣΩPEYΠHNΠOΘ.
. KPATOYNTE. [10 букв]AKEBOCOΦΘAΛ
MOIMENKAMIOY [10 букв]INEKTEAC

Первая утрата во второй строке скорее всего является концом имени, вполне вероятно, одного из тех, кто кончается на -νδρος, как в надписи из Пессина Малой Азии, скорее всего V в. н. э. (SEG 31, 1084), где в имени Μένανδρος опущена δ. Далее идет скорее всего имя отца умершего. Если рассматривать традиционные погребальные формулы, то глагол ἐτελεύτησε(ν), обычно употребляется с Им.п. имени умершего и датой, а иногда с добавлением одной из формул: ἐν Κ(υρί)ῳ / ἐν Χ(ριστ)ῷ / ἐν θεῷ. Дата может быть в полной форме (год, месяц, день, индикт), например: ἐτ(ῶν) η μη(νὶ) Μαρτίου ἡμέρᾳ Σ̣α̣νβ̣ά̣τῳ ἰνδ(ικτιῶνος) θ. или в любом сокращенном варианте. В разбираемой надписи в начале второй строки идет дата, от которой осталось только слово [μ]ηνὶ. Вполне вероятно η, стоящая перед ἐτελεύτησε(ν) является частью даты, возможно ἰνδ. η. Другой вариант интерпретации предполагает, что перед нами окончание названия одного из коротких месяцев, с учетом возможных изменений в результате итацизма.

Один из традиционных контекстов византийского времени для λάρναξ – вводная часть формулы «проклятия» (обращения к осквернителям могил – см. Евдокимова 2017), в которой наименование погребального памятника встречается с суффиксом -ακι вместе с глаголом со значением «открывать». В античности бóльшая часть памятников (при общем небольшом количестве) приходится на Малую Азию, где слово λάρναξ употребляется в сходных контекстах и в основном значении. Однако, в рассматриваемой надписи слово употреблено не в вводной части формулы проклятия, а в значении «гроб».

В этой надписи τάφος ‘могила’ встречается в одной строке с σώματο(ς) ‘тело’, скорее всего в значении «могила, содержит тело». Остальные слова, к сожалению, не так частотны в традиционных формулах, и их интерпретация менее надежна.

Таким образом, получается следующий вариант возможного текста:

]νδρος Κεροβη?
[μ]ηνὶ [ἰνδ] η ἐτελεύτη[σε(ν)]
…[τ]η λάρνακα [2–3 буквы]νσαι των ωστε
…]ἔχων ὁ τάφος [5 букв]ν σώματο(ς) ἐμοῦ
]υν χεῖρες δεδ[αημέν- /αιδαλμέν- ..]μι ἐπισωρευπην ποθ[
]κρατοῦντε[ς 10 букв]ακεβος ὀφθαλ-
μοι μέν καμιου[10 букв]ινειστεας

Таким образом, традиционные формулы могут при различной степени помочь исследователю приблизиться к восстановлению полного текста, а в каких-то случаях, наоборот, сбивают с толку, так как уводят по проторенным путям. К тому же до сих пор нет подробного перечня всех встречающихся формул даже в рамках одного жанра византийской эпиграфики, например, погребальных надписей, как это в свое время было сделано для античной. В результате, мы невсегда можем выбрать наиболее подходящий вариант для анализируемых памятников, что и демонстрирует неполное восстановление первой надписи.

Литература

Evdokimova, A. A. 2017: [Curses in Byzantine inscriptions. Traditions of Asia Minor and Byzantine graffiti]. In: [*IV International Conference of Hellenic Studies in memoriam I. I. Kovaleva*]. Moscow, 63–68.

Евдокимова А. А. 2017: Проклятия в византийских надписях. Малоазийские традиции и византийские граффити. В сб.: *IV международная конференция по эллинистике памяти И. И. Ковалевой. Тезисы конференции.* Москва, 63–68.

SEG – Pleket, H. W., Stroud, R. S. (eds.). 1979–1994: *Supplementum Epigraphicum Graecum*. Vols. 26–41, Amsterdam.

A. A. Evdokimova. To the problem of reading Byzantine inscriptions of poor preservation.

In this article on the material of one previously unedited Byzantine inscription from Cappadocia are presented some methods of reading monuments of poor preservation.

Keywords: Byzantine inscriptions, Cappadocia, epigraphy, Byzantine Greek.

DOI:10.30842/ielcp2306901522113

A. A. Eseleva

THE LANGUAGE OF MYSTICS IN MIDDLE ENGLISH TEXTS BY JULIAN OF NORWICH AND MARGERY KEMPE*

А. А. Еселева. Особенности среднеанглийской мистической прозы Юлианы Нориджской и Марджери Кемп

В статье в сопоставительном аспекте рассматриваются первые женские мистические произведения английской литературы: «Откровения Божественной Любви» Юлианы Нориджской и «Книга Марджери Кемп».

Ключевые слова: среднеанглийская мистика, Юлиана Нориджская, Марджери Кемп.

The present paper focuses on two famous Medieval English writings that have much in common: 'A Revelation of Divine Love' by Julian of Norwich and 'The Book of Margery Kempe'. Both writings belong to the first books ever composed by women in the English language. Both appeared in Norfolk within the timespan of the second half of the fourteenth and the first half of the fifteenth centuries. Both can be attributed as spiritual autobiographies, and as such they also represent the first vernacular works of the genre for the English language. Since the second quarter of the twentieth century the writings by Julian and Margery have been profoundly studied. They are, however, more often analyzed independently than compared and contrasted in extensive research literature. The aim of the present paper is to show by means of comparison that already at an early stage English mystical writings displayed certain genre-specific and distinctive linguistic features.

Julian (1342 – after 1416) was an anchoress at Norwich. Little is known about her life. Julian's account of her illness allows us to establish the year of her birth: she was thirty and a half in 1373

* The present article is a version of the paper presented at the workshop *Methoden der Erforschung deutschsprachiger geistlicher Prosa des Mittelalters* in November 2017 in Augsburg. I am grateful to Prof. Freimut Löser for the fascinating opportunity to discuss the Middle English mystics by Julian and Margery in comparison with Medieval German spiritual prose, and to the participants of the workshop for their valuable comments. I would like to thank Docent Matti Kilpiö and Docent Leena Kahlas-Tarkka from University of Helsinki for their generous and kind help at an earlier stage of this research. Any inaccuracies are my responsibility.

when she fell ill and was healed through her visions. Other sources include the wills of the citizens of Norwich who left certain sums of money to the anchoress at St.Julian's church as late as 1414 and 1416, the Amherst MS (British Library, Add. MS 37790) with the assertion that the anchoress who composed the work was still alive in 1413, and Margery Kempe's account of her meeting with Julian around 1413.

The text by Julian exists in earlier and in later versions. These have been traditionally attributed as *Short text* and *Long text*, respectively. The *Short text*, as Julian claims, was composed directly after her visions (thus, in 1373), while the *Long text* (composed in mid-1390s or later) appeared as a result of many years' reflection on the visions and contains numerous additions and expansions which influence the discourse perspective. In a recent edition, N. Watson and J. Jenkins designate the two works by their initial phrases: *A Vision Showed to a Devout Woman* (or *A Vision*) and *A Revelation of Love* (or *A Revelation*). Three seventeenth century MSS representing two traditions of *A Revelation* came down to us[1], but just a single mid-fifteenth century Amherst MS contains *A Vision*. In its language, the text of *A Vision* represents a mixture of Eastern and Northern dialects. This suggests its complicated text transmission history, or *Überlieferungsgeschichte*; the text may had undergone no less than three rewritings before it reached the present state[2].

Margery Kempe (1373 – ca. 1439) was the daughter of John Brunham, mayor of Lynn, the mother of fourteen children in her marriage to John Kempe, a visionary and a pilgrim. Her book discovered in 1932 in the single surviving MS (British Library, Add. MS 61823) provides extensive information not only about her spiritual practices, but also on related aspects of her family and social life[3].

---

[1] These are British Library, Sloane MS 2499 (early 17th c.) and Sloane MS 3705 (late 17th c.), along with Paris, Bibliothèque Nationale, MS Fonds Anglais 40 (early or mid-17th c.). Excerpts from *A Revelation* also appear in: Westminster Cathedral Treasury MS 4 (early 16th c.) and St. Joseph's College Library, Upholland, Lancashire (17th c.)

[2] Further information on Julian and her writings is to be found in e.g. Glasscoe 1976, Dresvina 2010, Watson & Jenkins 2006, and McGinn 2016.

[3] Before the discovery of the MS only a short devotional excerpt from the Book published in early sixteenth century by Wynkyn de Worde was known which created the wrong impression of the work. Further information on Margery and her Book is available in e.g. Windeatt 2004, Staley 2001, and McGinn 2016.

The works by Julian and Margery can be contrasted at various levels. The first question that arises when we deal with a medieval manuscript is that of authorship. Both Julian and Margery claim being *unlettryd*. The meaning of the term might be different, though: while with Margery it most certainly means 'illiterate', with Julian it might mean 'unable to write in Latin'. Margery was read to by her priest, and thus, gained her knowledge of contemporary contemplative writings, such as *The Cloud of Unknowing* by Walter Hilton, the *Revelations of St.Bridget of Sweden*, *Incendium Amoris* by Richard Rolle, and also of literary conventions which she later made use of while composing her own book. According to B. Windeatt, "the Book suggests someone very much aware of contemporary devotional traditions and trends, and not uninformed of how saintly women might be represented" (Windeatt 2004: 9). Julian's texts suggest deeper knowledge, including that of patristic texts, and it could be the case that she was in fact very well 'lettryd' not only in English, but also in Latin[4], but needed to present herself to her audience in this way, as her book was meant 'for those who could not read a letter'.

A further observation is that the two versions by Julian, *A Vision* and *A Revelation*, should be treated separately in this respect. Though it is generally accepted that Julian authored both versions, it might be suggested that the later revision of the text rich in theological reasoning was done by someone else, for instance, some Benedictine cleric. Let us consider excerpts describing the first vision in both versions.

(1) And I was answerde in my resone and be the felinges of my paynes that I schulde die. (…) And in this, sodaynlye I sawe the rede blode trekille downe fro under the garlande alle hate, freshlye, plentifully, and livelye, right as methought that it was in that time that the garlonde of thornes was thyrstede on his blessed hede. Right so, both God and man, the same sufferde for me. I conseyvede treulye and mightelye that it was himself that shewed it me, withouten any meen. (*A Vision,* Watson & Jenkins 2006: 65–69).

(2) And I understode in my reason and by the feeling of my paines that I should die. (…) And in this, sodenly I saw the red bloud trekile downe from under the garlande, hote and freshely, plentuously and lively, right as it was in the time that the garland of thornes was pressed on his blessed head. Right so, both God and man, the same that sufferd for me. I conceived truly and mightly that it was

[4] A well-known statue at the Norwich Cathedral depicts Julian with her book and a quill in her hand.

himselfe that shewed it me, without any meane. And in the same shewing, sodeinly the trinity fulfilled my hart most of joy. And so I understode it shall be in heaven without end, to all that shall come ther. For trinity is God, God is the trinity. The trinity is our maker, the trinity is our keper, the trinity is our everlasting lover, the trinity is our endlesse joy and our blisse, but our lord Jesu Christ and in our lord Jesu Christ. And this was shewed in the first sight and in all. For wher Jhesu appireth the blessed trinity is understand, as to my sight. (*A Revelation*, Watson & Jenkins 2006: 131–137).

Julian describes her vision in a way that makes the reader get involved in a primary mental process. Julian's writings especially in description of the visions display features of oral speech. These might either prove that she in fact dictated her book, or be a stylistic device. The later addition is clearly visible in example (2). It was obviously added with a different aim – to teach, to persuade, to provide theological ground for the experience, and, not least, to demonstrate Julian's adherence to the dogmates of the Church. As for Margery, she certainly dictated her book and even described at length the troubles she faced trying to do so. Here is how she describes her first vision:

(3) than on a tym, as sche lay aloone and hir kepars wer fro hir, **owyr mercyful Lord Christ Jhesu**, evyr to be trostyd, worshypd be hys name, nevyr forsakyng hys servawnt in tyme of nede, **aperyd to hys creatur** whych had forsakyn hym in lyknesse of a man, most semly, most bewtyvows, and most amyable that evyr mygth be seen wyth mannys eye, clad in a mantyl of purpyl sylke, syttyng upon hir beddys syde, lokyng upon hir wyth so blyssud a chere that sche was strengthyd in alle hir spyritys, **seyd to hir thes wordys**: '*Dowtyr, why hast thow forsakyn me, and I forsoke nevyr the?*' And anoon, as he had seyd thes wordys, sche saw verily how the eyr openyd as brygth as ony levyn, and he stey up into the eyr, not rygth hastyli and qwykly, but fayr and esly, that sche mygth wel beholdyn hym in the eyr tyl it was closyd ageyn (Windeatt 2004: 55–56).

Margery retells her visionary experience in the third person. Her syntax is not at all as simple and clear as Julian's. However, both writings make use of prose rhythm. M. Glasscoe notes on *A Revelation*: "The repeated construction in *this wisdom … made*, *this gretenes … fulfilled*, introduces an explanatory insistence" (Glasscoe 1976).

In Margery's visions the Lord speaks to her in a fatherly manner (example 3). On the contrary, Julian tends to provide an interpretation of the meaning of divine words, e.g.:

(4) Fulle merelye and gladlye oure lorde lokyd in to hys syde and behelde and sayde this worde: *Loo, How I lovyd the*, **as ȝyf he hadde sayde**: My childe, ȝif thow kan nought loke in my godhead, see heere Howe I lette opyn my syde, and my herte be clovene in twa, and lette oute blude and watere alle þat was thare yn. and this lykes, me and so wille I that it do the.

(5) I love thee and thou lovist me; and our love shal not be departed in two, and for thi profit I suffre'. **And all this was shewid in gostly vnderstondyng sayand these blissid words**: '*I kepe the full sekerly*'.

The question of authority is crucial for both writings. As E. Dutton puts it, in medieval texts, "authority came not from originality but from conformity to tradition" claiming that Julian's text should be considered a skillful imitation of a compilation. For Margery, her "conformity to tradition" is an imitation of the ways of representation of saintly women. The question of self-representation is important for both authors, but for Margery it is almost crucial: Margery's book is an apology, "a defense of her unusual way of life rather than a meditation" (Windeatt 2004). The common imagery adopted in the writings by Julian and Margery should also be mentioned: an extraordinary experience starts when a visionary suffers from an illness which ends with the vision. In the case of Julian, this is a physical, almost fatal illness, and Margery is suffering from mental disorder when her first vision occurs.

Both writings describe spiritual development of a medieval woman, though in their own way. Both authors are skillful in presenting their visions and themselves to the reader. The fact that, according to Margery, both visionaries met in 1413 emphasizes strong connection between these two very distinct works of the genre. Here is an excerpt of her account on their meeting:

(6) … for the ankres was expert in swech thyngys and good cownsel cowd yevyn. The ankres, heryng the mervelyows goodness of owyr Lord, hyly thankyd God with al hir hert for hys visitacyon, cownselyng this creatur to be obedient to the wyl of owyr Lord God and fulfyllyn wyth al hir mygthys whatevyr he put in hir sowle, yf it wer not ageyn the worship of God and profyte of hir evyn-Cristen, for, yf it wer, than it wer nowt the mevyng of a good spyryte, but rather of an evyl spyrit. 'The Holy Gost mevyth nevyr a thing ageyn charite, and, yf he dede, he wer contraryows to hys owyn self, for he is al charite'. (Windeatt 2004: 119–123).

References

Beer, F. (ed.) 1978: *Julian of Norwich's Revelations of Divine Love. The Shorter Version*. Heidelberg: Carl Winter, Universitätsverlag.

Dresvina, J. (ed.) 2010: *Otkrovenija bozhestvennoj lubvi: dve redaktsii sredneanglijskogo teksta s parallelnym perevodom* [*Revelations of Divine Love: Two Versions of the Middle English Text, with a Parallel Translation*]. Moscow: Russian foundation for education and science.

Дресвина Ю. (ред.) 2010: *Откровения божественной любви: две редакции среднеанглийского текста с параллельным переводом.* М.: Русский фонд содействия образованию и науке.

Dresvina, J. & N. Sparks (eds.) 2012: *Authority and Gender in Medieval and Renaissance Chronicles*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.

Dutton, E. 2008: *Julian of Norwich. The Influence of Late-Medieval Devotional Compilations*. Cambridge: Brewer.

Glasscoe, M. (ed.) 1976: *Julian of Norwich. A Revelation of Love*. University of Exeter.

McGinn, B. 2016: *Die Mystik im Abendland. Band 5: Vielfalt. Die Mystik in den Niederlanden, Italien und England (1350–1550)*. Herder.

Staley, L. (ed.) 2001: *The Book of Margery Kempe. A New Translation, Contexts, Criticism*. New York; London: W.W. Norton & Company.

Stone, R. K. 1970: *Middle English Prose Style: Margery Kempe and Julian of Norwich*. The Hague; Paris: Mouton.

Watson, N. & J. Jenkins (eds.) 2006: *The Writings of Julian of Norwich. A Vision Showed to a Devout Woman* and *A Revelation of Love*. Pennsylvania State University Press.

Windeatt, B. (ed.) 2004: *The book of Margery Kempe*. Cambridge: Brewer.

Summary. The paper analyzes and compares two famous Medieval English mystical writings, namely 'A Revelation of Divine Love' by Julian of Norwich and 'The Book of Margery Kempe', which belong to the first books ever composed by women in the English language. The questions of authorship and authority are discussed in the light of the language features used to describe a vision in both writings.

Key words: Medieval English Mystics, Julian of Norwich, Margery Kempe.

DOI:10.30842/ielcp230690152237

Е. В. Желтова

КОСВЕННАЯ ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАННОСТЬ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье предлагается рассмотреть некоторые явления латинского языка под углом зрения категории эвиденциальности. Автор выделяет элементы, которые могли бы быть названы стратегиями маркирования непрямого доступа к информации (или косвенной засвидетельствованности), и показывает, что они относятся скорее к грамматическим, чем к лексическим средствам выражения категории эвиденциальности. Эти морфологические и синтаксические элементы трактуются в соответствии с принятой классификацией эвиденциальных значений как косвенные инферентивные и косвенные репортативные показатели. Для каждой обнаруженной в латинском языке эвиденциальной стратегии автор находит параллели в других языках. В итоге, в арсенале латинских маркеров непрямого доступа к информации оказывается 5 способов выражения инференциальной (презумптивной) эвиденциальности и 4 – репортативной. Данный подход демонстрирует, что традиционный грамматический инвентарь может выражать гораздо больше значений, чем принято полагать.

Ключевые слова: латинский язык, косвенная инферентивная засвидетельствованность, косвенная репортативная засвидетельствованность, субъективность в языке.

1. Введение

Лингвистическая категория засвидетельствованности (эвиденциальности) является одной из самых актуальных тем современного языкознания. Ее основная функция – это указание на источник информации или на способ доступа к информации, о которой сообщается в высказывании. В соответствии с наиболее распространенной классификацией эвиденциальных значений, источники информации делятся на

– прямые (визуальные, аудитивные, прочие сенсорные),

– непрямые инференциальные (основанные на догадке или логическом выводе),

– непрямые репортативные (основанные на передаче чужих слов)[1].

Существуют языки, в которых эта категория грамматикализована и обладает обязательностью выражения, так что каждое

[1] Подробнее о классификации эвиденциальных значений см. Plungian 2001: 353; 2010: 37.

высказывание должно сопровождаться указанием на источник информации, иначе фраза будет грамматически неполной (Aikhenvald 2004: 6). В других языках ссылка на источник информации является факультативной и может выражаться как грамматическими, так и лексическими средствами[2]. В настоящее время большая часть работ, рассматривающих категорию эвиденциальности в разных языках, посвящена дискуссии о природе этих средств, а имеено, являются ли они частью грамматики или лексики[3]. С этой точки зрения, языки могут быть разделены на три группы:

1) языки с грамматикализованной эвиденциальностью,

2) языки, в которых эта категория выражается лексическими средствами,

3) языки, в которых эвиденциальные значения передаются не специфическими формами, а кумулятивными показателями, имеющими, наряду с эвиденциальными, и другие грамматические значения (Lazard 2001: 360).

Для последних А. Айхенвальд предложила удачное определение «эвиденциальные стратегии» (Aikhenvald 2004). Основное значение таких стратегий может лежать в плоскости категорий времени, залога, наклонения и т. д., а эвиденциальное проявляется как «побочный эффект» в определенных контекстах. В данной работе я бы хотела показать, что термин «эвиденциальная стратегия» хорошо подходит к способам выражения засвидетельствованности в латыни. Важно отметить, что эвиденциальная функция рассматриваемых языковых единиц обнаруживает себя, как правило, во взаимодействии с другими единицами языка и может вовсе не проявляться изолированно от контекста. Механизмы взаимодействия, запускающие такую «добавочную» эвиденциальную функцию у несобственно эвиденциальных показателей, принадлежат к области прагматики (Wiemer, Stathi 2010: 279).

Латинский язык, как мне представляется, обладает разными средствами передачи всех эвиденциальных значений – как прямых, так и косвенных. Их можно классифицировать скорее как грамматические, чем как лексические, если понимать под грамматикой не только аффиксы, клитики и частицы, но и

[2] Большинство языков со специальными маркерами эвиденциальности распространены в Северной и Южной Америке, а также среди тибето-бирманских, балканских и некоторых других языков.

[3] Критический обзор различных точек зрения на данный предмет дан в Boye, Harde 2009: 9–14.

синтаксические конструкции (Anderson 1986: 275). В этой работе я буду рассматривать только стратегии косвенной засвидетельствованности (инференциальной и репортративной) и только относящиеся к грамматическому инвентарю[4]. Лексические средства маркировки источника информации могли бы стать предметом отдельного исследования.

2. Косвенная инферентивная засвидетельствованность

Данное эвиденциальное знчение подразумевает умозаключение или догадку, основанную на следах предыдущих действий. В латыни имеется несколько таких стратегий. Как правило, им присущи оттенки значений вероятности, ожидания, неопределенности, субъективности или дистанцированности.

2. 1. Nominativus cum Infinitivo как инферентивная стартегия

Оборот Nominativus cum Infinitivo, управляемый глаголом *videri* ‘казаться’, передает одно из типичных эвиденциальных значений предположения или догадки, пример (1):

(1) ***Ille*** *mi* ***par esse*** *deo* ***videtur****,*
ille, si fas est, ***superare*** *divos,*
qui sedens adversus identidem te
spectat et audit dulce ridentem. (Catull. 51, 1–5).

‘**Кажется**, что **тот равен** богу,
тот, если позволено, превосходит богов,
кто, сидя напротив, постоянно
видит и слышит тебя, сладко смеющуюся.’

Инферентивное значение конструкции, управляемой глаголом *videtur*, обусловлено положением дел, описанных в стихах 3–5.

Глагол *videri* является формой пассива глагола *videre* и приобретает значение ‘казаться’ не только в конструкции Nominativus cum Infinitivo, но и в предложениях с именными предикатами, где он функционирует как вспомогательный глагол, примеры (2–3):

[4] Более подробно о грамматических и лексических средствах выражения эвиденциальности, о соотношении эвиденциальности и эпистемической модальности, а также о средствах выражения прямой эвиденциальности в латыни см. Zheltova 2017. Об отдельных аспектах выражения данной категории в мертвых языках см. Cuzzolin 2010; Greco 2013; Van Rooy 2016; Guardamagna 2017.

(2) *Peregrina facies **videtur** hominis atque ignobil*is (Pl. *Pseud.* 964).
‘Чужим и незнакомым **кажется** лицо человека’.

(3) *Is enim mihi **videtur** amplissimus qui sua virtute in altiorem locum pervenit, non qui ascendit per alterius incommodum et calamitatem* (Cic. *Rosc*. 83, 4)
‘Ибо тот мне **кажется** достойнейшим, кто благодаря своей доблести достигает более высокого положения, а не тот, кто возвышается за счет неудачи или бедствия другого.’

Во всех рассматриваемых пассажах глагол *videri* приобретает инферентивное значение благодаря контексту: в нем описываются обстоятельства, на основании которых высказывается догадка, утверждение или предположение[5]. Важно подчеркнуть, что в обеих своих функциях (и как управляющий, и как вспомогательный глагол) он не является главным предикатом пропозиции и, таким образом, отвечает условию, сформулированному Андерсоном[6].

Значение косвенной засвидетельствованности демонстрируют аналогичные конструкции в других европейских языках. Так, в древнегреческом глагол φαίνεται с оборотом Nominativus cum Infinitivo тоже приобретает инферентивное значение, пример (4):

(4) ἡμῖν μὲν **Ἑρμῆς** οὐκ ἄκαιρα **φαίνεται λέγειν** (Aesch. PV 1036–37)
‘Мне кажется, Гермес говорит разумно’.

Так же ведут себя английский Complex subject с глаголом *to seem* и немецкая конструкция с глаголом *scheinen* в значении ‘казаться’, пример (5):

(5) *Sie scheint ihn zu kennen.*
‘Кажется, она его знает’[7].

В литературе, посвященной категории эвиденциальности в европейских языках, активно дискутируется вопрос, являются ли рассматриваемые конструкции (так называемые *seem*- constructions) грамматическими или лесическими средствами выражения данной категории. Я присоединяюсь к мнению Г. Ди-

[5] Контекстуально обусловленное эвиденциальное значение *seem*-конструкций подчеркивается в Lampert, Lampert 2010: 314–318.

[6] «Evidentials are not themselves the main predication of the clause, but are rather a specification added to a factual claim about something else» (Anderson 1986: 274– 275).

[7] Пример взят из Hansen 2007: 250, который настаивает на грамматическом, а не лексическом характере этого способа выражения инференциального значения.

вальд и Е. Смирновой, что по степени грамматикализации они занимают промежуточную позицию между грамматикой и лексикой и представляют собой примеры эвиденциальных систем «на стадии подъема» (Diewald, Smirnova 2010: 4).

2. 2. Coniunctivus potentialis

Семантика предположения, догадки может передаваться потенциальным конъюнктивом, как в примере (6):

(6) *Non tibi sunt integra lintea, non di, quos iterum pressa* ***voces*** *malo* (Hor. *Carm.*, 1, 14, 9–10).
'Нет у тебя ни целых парусов, ни богов, к которым ты **мог бы** взывать, вновь и вновь **теснимый** бедствием'.

Здесь дедукция, выраженная формой *voces,* основывается на положении дел, которое Гораций описывает в предшествующем контексте: паруса разорваны, изображения богов смыты разбушевавшейся стихией, поэтому корабль, попавший в столь бедственное положение, едва ли может рассчитывать на их помощь. Конъюнктив с потенциальным значением является морфологическим, но не специальным средством маркировки инферентива, поскольку, будучи глагольным наклонением, выражает скорее модальное (гипотетическое, презумптивное) значение, а не эвиденциальное *stricto sensu*. А это как раз та сфера, в которой эвиденциальность пересекается с эпистемической модальностью[8]: сам факт, что возникает вопрос о вероятности некоего события, показывает, что говорящий не имеет *прямого* источника знаний о ситуации, а следовательно, она попадает в зону *косвенной* эвиденциальности (Plungian 2001: 354).

Пересечение этих двух категорий хорошо объясняет В. А. Плунгян: «If we regard such values as modal, we stress one of the basic characteristics of modality, namely the assessment of a situation (as highly probable); regarding it as evidential, we stress one of the basic characteristics of evidentiality, namely the reference to logical conclusions as a source of information about a situation. This way, markers of presumptive evidentiality are the only evidential markers with inbuilt modal components and the only modal markers with inbuilt evidential components» (Plungian 2010: 46).

[8] Вопрос о соотношении этих двух категорий многократно обсуждался лингвистами, см. Givon 1982; Chafe 1986: 262; Willet 1988: 52; de Haan 1999; Wiemer 2007: 198–199; Plungian 2010: 44–46; Haßler 2010: 239 *inter alia.*

Важно подчеркнуть, что инферентивный (презумптивный) оттенок потенциального конъюнктива ограничивается формами 2 и 3 лица и только некоторыми типами предложений: лучше всего он заметен в придаточных относительных с оттенком следствия (пример 6) и в условных периодах потенциального типа, в которых конъюнктив используется как в протасисе, так и в аподосисе (пример 7):

(7) *si* ***exsistat*** *hodie ab inferis Lycurgus,* ***gaudeat*** *ruinis eorum (sc. moenium), et nunc se patriam et Spartam antiquam agnoscere* ***dicat*** (Liv. 39, 37, 3).
‘Если **бы** сегодня Ликург **восстал** из мертвых, он **порадовался бы** их (т. е. стен) руинам и **сказал бы**, что и теперь узнаёт родину и древнюю Спарту’.

В этих типах предложений конъюнктив демонстрирует обертоны неопределенности, характерные для информации, полученной «не из первых рук» (Aikhenvald 2004: 106 et passim). Они различимы и в некоторых случаях независимого употребления конъюнктива (пример 8):

(8) *iniussu signa referunt, maestique –* ***crederes*** *uictos – exsecrantes nunc imperatorem, nunc nauatam ab equite operam, redeunt in castra* (Liv. 2. 43. 9).
‘Без приказа они отступают и, печальные – **можно даже подумать**, побежденные, – то проклиная полководца, то дело всадников, возвращаются в лагерь’.

Аналоги подобных эвиденциальных стратегий засвидетельствованы во многих европейских языках[9].

2. 3. Перфектные времена с результативным значением

Во многих языках с грамматикализованной эвиденциальностью маркеры этой категории совпадают с показателями времени, вида или лица (Willet 1988: 56). Времена перфекта особенно хорошо подходят на эту роль ввиду присущей им результативной семантики: прототипически перфект фокусируется на состоянии, являющемся результатом законченного действия, и инференция основывается на его следах или последствиях. Так возникает семантическая связь между перфектом и косвенной засвидетельствованностью. Примеры такой эвиденциальной стратегии представлены в некоторых кавказских,

[9] Ср. Konjunktiv I в немецком (Hansen 2007: 244–245), Conditionnel présent во французском (Guentchéva 1994; Cordi 2007: 258–262), Modul conjunctiv и Modul prezumtiv в румынском (Manea 2005).

иранских, скандинавских, балканских и других языках (Aikhenvald 2004: 112–116).

Исторически латинский перфект унаследовал маркеры и значения двух разных времен: аориста и собственно перфекта. Отсюда два основных значения класического латинского перфекта: Perfectum historicum, обозначающий действие, завершившееся в прошлом, и Perfectum praesens с результативной семантикой. В определенных контекстах Perfectum praesens, как кажется, допускает дедуктивную трактовку (примеры 9–10):

(9) ***Occisi sumus***.
'Мы погибли' (Plaut. *Bacch*. 681)

(10) ***Perii, interii, occidi!*** *Quo curram? Quo non curram?* (Plaut. *Aul*. 713)
'**Я пропал, я погиб, я умер**! Куда бежать? Куда не бежать?'

В приведенных пассажах из пьес Плавта умозаключения, которые делаются его персонажами, основываются на оценке результатов предшествующих событий и, таким образом, попадают в зону инферентива. Как отмечает Х. Пинкстер, результативные конструкции с пассивным перфектом встречаются чаще, чем с активным (Pinkster 2015: 447). Последнее объясняется тем, что прототипический пассив фокусирует внимание на объекте и на том состоянии, в котором он пребывает (Aikhenvald 2004: 116), отчего времена пассива чаще обнаруживают результативные коннотации. Неудивительно поэтому, что в таких примерах, как (9), инферентивное значение перфекта усилено пассивом.

2. 4. Латинские будущие времена с инферентивными обертонами

Наряду с перфектом, и будущее время может иметь инференциальную семантику. Помимо своего основного значения, оно может использоваться в «менее темпоральных или даже нетемпоральных значениях» (Pinkster 2015: 425), обусловленных тем или иным контекстом. Поскольку они могут выражать оттенки неопределенности и предположительности, ассоциируемые с будущим, их легко сопоставить с потенциальным конъюнктивом (Pinkster 2015: 427). Иногда будущее время используется в предложениях, содержащих некий вывод, основанный на упомянутом в контексте свидетельстве или на

всеобщем знании (general knowledge). Примеры такого «дедуктивного» использовния даны в (11–12) [10]:

(11) *Haec **erit** bono genere nata. Nil scit nisi verum loqui* (Plaut. *Per*. 645).
‘Она, **должно быть**, из хорошей семьи. Ничего не умеет говорить, кроме правды’.

(12) *Sed profecto hoc sic **erit**: / centum doctum hominum consilia sola haec devincit dea, Fortuna* (Pl. *Pseud*. 677–9).
‘На самом деле, всегда так **бывает**: решения сотни мудрецов одолеет одна эта богиня – Фортуна’.

Следует упомянуть, что в некоторых языках грамматикализованные эвиденциалы восходят к маркерам будущего времени (Aikhenvald 2004: 111).

2. 5. Дедуктивное употребления глагола *debere*.

В определенных контекстах презумптивное и дедуктивное прочтение приобретает модальный глагол *debere* (13–14):

(13) ‘*Plane’ inquam ‘hic **debet** servus esse nequissimus*’ (Petron. *Sat.* 49, 7)
‘Точно, – говорю – это, **должно быть**, негоднейший раб’.

(14) *Sex pondo et selibram **debet habere*** (Petron. *Sat.* 67, 7).
‘На ней, **должно быть**, <золота> фунтов шесть с половиной весом’.

Следует отметить, что похожие значения засвидетельствованы для английского глагола *must*, французского *devoir* и немецкого *sollen*, примеры (15–17):

(15) *It must have been a kid.*
‘Это, должно быть, был ребенок’.

(16) *Il devait avoir bû plus que de coutume.*
‘Он, должно быть, выпил больше обычного’.

(17) *Er soll ein guter Lehrer sein.*
‘Он, должно быть, хороший учитель’.

Возникает вопрос, могут ли такие модальные глаголы трактоваться как эвиденциальные стратегии или это просто лексические выражения презумптивно-дедуктивной семантики.

Согласно Айхенвальд (Aikhenvald 2004: 150), это зависит от способности данных глаголов образовывать специальные грамматические конструкции, в которых они приобратают дополнительную коннотацию, имеющую отношение к источнику информации. Мне представляется, что латинский глагол *debere* –

[10] Примеры 11–12 взяты из Pinkster 2015: 447; 426.

именно такой случай, поскольку он может приобретать специальное инферентивное значение в конструкции с инфинитивом, как в примерах (13–14), в отличие от (18), где инферентивное значение едва ли можно увидеть:

(18) *... mihi hodie attulerit miles quinque quas* ***debet*** *minas* (Plaut. *Pseud*. 373)
'Сегодня воин принес мне пять мин, которые был должен'.

Инференциальная интерпретация конструкций '*debere* + Infinitivus' никоим образом не исключает многочисленных случаев выражения этим глаголом семантики логической необходимости, однако как инференциальное, так и модальное значения всегда зависят от контекста.

Взаимное пересечение эвиденциальности и эпистемической модальности уже обсуждалось выше в связи с инференциальной трактовкой потенциального конъюнктива. Следует добавить, что способность определенных лингвистических единиц одновременно выражать эпистемические и эвиденциальные значения привела к появлению термина «эпистенциал» («epistential» – Lampert, Lampert 2010: 314), а эвиденциальные системы такого типа В. А. Плунгян назвал «модализованными» (Plungian 2001: 354–355; 2010: 49) и объяснил близость этих двух явлений следующим образом: «Indeed, an utterance which refers to the fact that a situation takes or took place, due to the existence of convincing reasons for it, is actually not different from one referring to the epistemic necessity of this situation: in both cases the speakers do not intend to become personally convinced of the fact a situation takes or took place, but consider it as highly credible, due to certain cause-and-effect relations known to them [...] The existence of a marker of epistemic necessity is therefore, if taken for itself, not an indicator for the presence of the grammatical expression of evidentiality within the system of a language. However, markers of this kind always exhibit an intersection of modal and evidential values» (Plungian 2010: 46).

3. Косвенная репортативная засвидетельствованность

В данном разделе речь пойдет по преимуществу о разных способах выражения Oratio obliqua, которая считается универсальной эвиденциальной стратегией (Aikhenvald 2004: 19). В латыни эти способы занимают пограничную позицию между грамматикой и лексикой.

3.1. Accusativus/Nominativus cum Infinitivo и Modus coniunctivus в косвенной речи

Синтаксические обороты AcI / NcI, управляемые *verba dicendi*, – один из главных способов передачи косвенной речи в латыни. Они не могут трактоваться как чисто грамматикализованные эвиденциалы, поскольку зависят от глаголов говорения (т. е. включают лексический компонент репортативной семантики), но они определенно могут считаться эвиденциальными стратегиями, примеры (19–20).

(19) *Ais Democritum dicere* ***innumerabiles esse mundos*** (Cic. *Acad.* 2, 55).
‘Ты говоришь, что Демокрит утверждает, будто **миры бесчисленны**.’

(20) ***Epaminondas*** *fidibus praeclare* ***cecinisse*** *dicitur* (Cic. *Tusc.* 1, 4)
‘Говорят, Эпаминонд прекрасно играл на лире’.

Однако существует и «грамматикализованный» AcI, который используется при опущении управляющего глагола в историческом нарративе, пример (21):

(21) *(milites)... legatos ex suo numero ad Caesarem mittunt:* ***sese paratos esse*** *portas aperire, quaeque imperaverit, facere*
(Caes. *BCiv.* 1. 20. 5)
‘(воины) отправляют послов к Цезарю: **они,** ***дескать*****, готовы** открыть ворота и делать все, что он прикажет’.

Как уже подчеркивалось, AcI/ NcI вместе с конъюнктивом используются для маркирования косвенной речи, но язык использует их и для выражения иных смыслов. Таким образом, эти средства полностью отвечают определению эвиденциальной стратегии. В примере (22), представляющем собой пассаж из речи Дивикона, обращенной к Цезарю, все глаголы представлены в форме либо инфинитива, либо конъюнктива:

(22) [*is (Divico) ita cum Caesare egit*]*: si pacem populus Romanus cum Helvetiis* ***faceret****, in eam partem* ***ituros*** *atque ibi* ***futuros Helvetios*** *ubi eos Caesar* ***constituisset*** *atque* ***esse voluisset****; sin bello persequi* ***perseveraret****,* ***reminisceretur*** *et veteris incommodi populi Romani et pristinae virtutis Helvetiorum. quod improviso unum pagum* ***adortus e****sset, cum ii qui flumen* ***transisse****nt, suis auxilium ferre non* ***possent****, ne ob eam rem aut suae magnopere virtuti* ***tribueret*** *aut ipsos* ***despiceret*** (Caes. *BGal* 1, 13, 3–6)
‘(Дивикон) так говорил с Цезарем: если римский народ заключит мир с гельветами, они пойдут в ту сторону и будут там, где Цезарь решит и захочет, чтобы они были; если же он

будет преследовать их войной, пусть вспомнит и о былом несчастье римского народа, и о прежней доблести гельветов; а что до того, что он неожиданно напал на один паг, когда те, которые перешли через реку, не могли прийти на помощь к своим, пусть он не очень-то приписывает это своей доблести и не презирает их'.

3.2. Логофорическое использование рефлексивов

В дополнение к AcI и конъюнктиву латинский язык предоставляет еще одну возможность кодирования косвенной засвидетельствованности, а именно, логофорическое использование возвратных местоимений[11]. Важнейшая функция логофорических местоимений – указывать на совпадение говорящего и субъекта (объекта) зависимой предикации, следовательно, логофорические маркеры помогают избежать двусмысленности в указании на источник информации (Nikitina 2012_1: 242; 2012_2: 296). Близость логофорических маркеров и эвиденциалов неоднократно отмечалась исследователями (Dimmendaal 2001; Aikhenvald 2004: 133; Wiemer 2007: 230). В примере (23), воспроизводящем речь Цезаря, возвратное местоимение *sibi* в зависимой предикации кореферентно субъекту главного предложения *Caesar* и представляет его как источник информации:

(23) *His* ***Caesar***$_i$ *ita respondit: eo* ***sibi***$_i$ *minus dubitationis dari, quod eas res, quas legati Helvetii commemorassent, memoria teneret, atque eo gravius ferre, quo minus merito populi Romani accidissent* (Caes. *BGall.* 1, 14, 1).

'На это Цезарь так ответил: тем меньше у него возникает сомнений, что те обстоятельства, о которых напоминают гельветские послы, он держит в памяти, и тем тяжелее переносит, чем менее по заслугам римского народа они случились'.

Преимущество латинского логофорического рефлексива как надежного маркера источника информации, еще более очевидно, если сравнить пример (24) с его переводом на

[11] Термин «логофор» был введен К. Ажежем (Hagège 1974) для обозначения источника косвенной речи: логофорические элементы во вложенной предикации, зависящей от глаголов говорения, мыслительной деятельности или чувстенного восприятия, кореферентны антецедентам, чьи слова, мысли или чувства передаются в косвенной речи. Данный феномен был впервые обнаружен в африканских языках, имеющих отдельный набор логофорических местоимений, морфологически отличающихся от обычных местоимений. В латыни рефлексивы могут выполнять аналогичную функцию (Pompei 2002: 398–446).

английский – язык, в котором логофорические местоимения отсутствуют:

(24) ***Ariovistus**$_i$ respondit, si quid ipsi a Caesare$_j$ opus est, **sese**$_i$ ad eum$_j$ venturum fuisse; si quid ille$_j$ **se**$_i$ velit, illum$_j$ ad **sei** venire oportere* (Caes. *BGall*. 1, 34, 5).

‘Ариовист ответил, что если что-то ему самому от Цезаря нужно, он к нему придет; если тот от него чего-то захочет, следует, чтобы тот к нему пришел’.

‘Ariovistus replied that if he himself had needed anything from Caesar, he would have gone to him; and that if Caesar wanted anything from him he ought to come to him’

(Transl. by W. A. McDevitte and W. S. Bohn).

В данном пассаже Ариовист как источник информации последовательно кореферентен с рефлексивом, в то время как его адресат Цезарь – с анафорическим местоимением. В английском переводе оба участника ситуации замещаются анафорическим местоимением ‘he’, что создает двусмысленность.

3. 3. Предложения причины с союзами *quod* / *quia* / *quoniam*

Этот тип придаточных предложений допускает как индикатив, так и конъюнктив. Индикатив позволяет представить причину от лица говорящего, как объективную и не подлежащую сомнению, в то время как конъюнктив добавляет обертоны неопределенности, субъективности, дистанцированности от источника информации, как в примерах (25–26):

(25) *Aristides . . . nonne ob eam causam expulsus est patria, **quod** praeter modum iustus **esset**?* (Cic. *Tusc.* 5, 105)

‘Аристид... не потому ли был изгнан из отечества, что был**, якобы**, не в меру справедлив?’

(26) *Nunc mea mater irata est mihi, quia non **redierim** domum ad se . . .* (Plaut. *Cist*. 101–102).

‘Нынче моя мать сердится на меня, что я, **будто бы**, не вернулся к ней в дом’.

В данных примерах конъюнктив привносит оттенки дистанцированности и субъективности – неотъемлемые составляющие косвенной засвидетельствованности[12]. Такой конъюнктив можно трактовать как маркер непрямого доступа к источнику информации, или эпистемической дистанции: говорящий как

[12] Nuyts 2001; М. Макарцев (Makartsev 2013: 321) определяет эвиденциальность как категорию дистанцирования от передаваемой информации.

бы снимает с себя ответственность за истинность сообщаемого, поскольку передает чужое мнение (Plungian 2010: 47). В отличие от латыни, русский язык может выражать такие оттенки только лексическими средствами (вводными словами, частицами «дескать, якобы, будто бы»), что отражено в переводе.

Стоит также подчеркнуть, что в примере (26) семантика косвенной засвидетельствованности усиливается логофорическим употреблением возвратного местоимения.

3. 4. Конъюнктив в полемических вопросах (Coniunctivus indignantis)

Фразы с конънктивом, выражающим эмоциональный протест или неприятие ситуации говорящим, являются как будто повторением чьих-то слов и, таким образом, могут трактоваться как разновидность косвенной речи, примеры (27–28)[13]:

(27) I, redde aurum! **Reddam** ego aurum? (Plaut. *Aul*. 829)
‘Иди, верни золото! – Да чтобы я вернул золото?!’

(28) Exercitum tu **habeas** diutius quam populus iussit invito senatu? (Cic. *Att*. 7, 9, 4)
‘Да чтобы ты владел войском дольше, чем приказал римский народ, вопреки сенату?!’

Потенциальный конъюнктив в таких предложениях, как и в рассмотренных выше причинных, создает дистанцию между говорящим и адресатом и показывает, что говорящий не ручается за истинность сообщаемого, поскольку передает чужое мнение.

4. Заключение

В данной статье я попыталась показать важность категории эвиденциальности как одного из возможных подходов к анализу грамматической системы латинского языка. Анализ касался некоторых морфологических форм и синтаксических конструкций, которые в традиционных грамматиках относятся к категориям времени, наклонения, залога и т. д. и ранее не рассматривались как эвиденциалы. Между тем их трактовка как эвиденциальных стратегий позволяет обогатить наше понимание латинского языка и осознать, что традиционный грамматический инвентарь может выражать гораздо больше значений, чем принято думать.

[13] Примеры взяты из Pinkster 2015: 486.

В дальнейшем к этому материалу можно было бы добавить лексические способы выражения эвиденциальных значений в латыни и сравнить их с соответствующими средствами в других европейских языках, особенно в романских, чтобы проследить эволюцию эвиденциальных показателей в диахронии.

Литература

Aikhenvald, A. Y. 2004: *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press.

Anderson, L. B. 1986: Evidentials, paths of change, and mental maps: Typologically regular asymmetries. In: Chafe, W., Nichols, J. (eds.). *Evidentiality: The linguistic coding of epistemology*. Norwood (NJ), 273–312.

Boye, K., Harde, P. 2009: Evidentiality: Linguistic categories and grammaticalization. *Functions of Language* 16/1, 9–43.

Chafe, W. 1986: Evidentiality in English conversation and academic writing. In: Chafe, W., Nichols, J. (eds.) *Evidentiality: the Linguistic coding of epistemology*. Norwood, 261–272.

Cuzzolin, P. 2010: Evidentialitätsstrategien im Lateinischen Vorläufige Bemerkungen. In: Kienpointner, M., Anreiter, P. (eds.). *Latin Linguistics Today: Proceedings of the 15. CILL, Innsbruck, April 4-9, 2009*, 249–256 (= *Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft*).

Diewald, G., Smirnova, E. 2010: Evidentiality in European languages: the lexical-grammatical distinction. In: Diewald, G., Smirnova, E. (eds.). *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages.* Empirical Approaches to Language Typology [EALT] 49. Berlin/New York, 1–14.

Dimmendaal, G. J. 2001: Logophoric marking and represented speech in African languages as evidential hedging strategies. *Australian Journal of Linguistics* 21/1, 131– 57.

Givon, T. 1982: Evidentiality and epistemic space. *Studies in Language* 6/1, 23–49.

Greco, P. 2013: Latin *Accusativus cum Participio*: syntactic description, evidential values, and diachronic development. *Journal of Latin Linguistics* 12/2, 173–198.

Guardamagna, C. 2017: Reported evidentiality, attribution and epistemic modality: a corpus-based diachronic study of Latin *secundum* NP (according to NP). *Language Science* 59, 159–179.

Guentchéva, Z. 1994: Manifestation de la cathégorie médiatif dans les temps du français. *Langue français* 102, 8–23.

de Haan, F. 1999: Evidentiality and epistemic modality: Setting boundaries. *Southwest Journal of Linguistics* 18, 83–101.

Hagège, C. 1974: Les pronoms logophoriques. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris* 69, 287–310.

Hansen, B. 2007: [Evidentiality in German]. In: Khrakovskij, V. S. (ed.). *Evidentsial'nost' v iazykakh Evropy i Azii* [Evidentiality in the languages of Europe and Asia]. St. Petersburg, 241–252.

Ханзен, Б. 2007: Эвиденциальность в немецком языке. В сб.: Храковский, В. С. *Эвиденциальность в языках Европы и Азии*. СПб.: Наука, 241–252.

Haßler, G. 2010: Epistemic modality and evidentiality and their determination on a deictic basis: the case of Romance languages. In: Diewald, G., Smirnova, E. (eds.). *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages.* Empirical Approaches to Language Typology [EALT] 49. Berlin; New York, 1–14.

Cordi, E. 2007: [Category of evidentiality in French]. In: Khrakovskij, V. S. (ed.). *Evidentsial'nost' v iazykakh Evropy i Azii* [Evidentiality in the languages of Europe and Asia]. St. Petersburg, 253–291.
Корди, Е. 2007: Эвиденциальность во французском языке. В сб.: Храковский, В. С. *Эвиденциальность в языках Европы и Азии*. СПб.: Наука, 253–291.

Lampert, G., Lampert, M. 2010: Where does evidentiality reside? Notes on (alleged) limiting cases: *seem* and *be like*. *STUF – Language Typology and Universals* 63/4, 308–321.

Lazard, G. 2001: On the Grammaticalization of Evidentiality. *Journal of Pragmatics* 33, 359–367.

Makartsev, M. M. 2014: *Evidentsial'nost' v prostranstve balkanskogo teksta* [Evidentiality in the space of the Balkan text] Moscow; St. Petersburg.
Макарцев, М.М. 2014: Эвиденциальность в пространстве балканского текста. М.; СПб.: Нестор.

Manea, D. 2005: Modurile personale (predicative). In: *Gramatica limbii române I*, Cuvântul. Bucureşti, 373 - 377; 384–399.

Nuyts, J. 2001: Subjectivity as an evidential dimension in epistemic modal expressions. *Journal of Pragmatics* 33, 383–400.

Nikitina, T. 2012_1: Personal deixis and reported discourse: Towards a typology of person alignment. *Linguistic Typology* 16, 233–263.

Nikitina, T. 2012_2. Logophoric Discourse and First Person Reporting in Wan (West Africa). *Anthropological Linguistics* 54/ 3, 280–301.

Pinkster, H. 2015: *Oxford Latin Syntax*. Oxford: Oxford University Press.

Plungian, V. A. 2001: The place of evidentiality within the universal grammatical space. *Journal of Pragmatics* 33, 349-357.

Plungian, V. A. 2010: Types of verbal evidentiality marking: an overview. In: Diewald, G., Smirnova E. (eds.). *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages.* Empirical Approaches to Language Typology [EALT] 49, Berlin/New York, 15–58.

Pompei, A. 2002: Riflessivi indiretti in latino e logoforicità. *Studi Italiani di Linguistica Teorica e Applicata*, 398–446.

van Rooy, R. 2016: The relevance of evidentiality for Ancient Greek. *Journal of Greek linguistics* 16, 3–46.

Wiemer, B. 2007: [Indirect evidentiality in Lithuanian], in: Khrakovskij V. S. (ed.). *Evidentsial'nost' v jazykakh Evropy i Azii* [*Evidentiality in the languages of Europe and Asia*] St. Petersburg, 197–240.
Вимер, Б. Косвенная засвидетельствованность в литовском языке. В сб.: Храковский, В. С. *Эвиденциальность в языках Европы и Азии*. СПб.: Наука, 197–240.

Wiemer, B., Stathi, K. 2010. The database of evidential markers in

European languages. A bird's eye view of the conception of the database (the template and problems hidden beneath it). *STUF – Language Typology and Universals* 63/4, 275–289.
Willett, T. 1988: A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality. *Studies in language* 12, 51–97.
Zheltova E., 2017: Evidential strategies in Latin. *Hyperboreus: Studia Classica* 23/2 (в печати).

E. V. Zheltova. Indirect evidentiality in Latin

In spite of the long in-depth study, Latin proved to have not been investigated sufficiently from the angle of evidentiality. The paper, therefore, aims at drawing attention to certain phenomena in Latin which can be treated as linguistic devices for rendering the main values of indirect evidentiality. It seems to be important for both the linguistic typology and for the rethinking and reinterpretation of some grammatical phenomena in Latin. The author singles out a set of morphological and syntactic means to express the main indirect evidential values: five means for rendering inferential (or presumptive) evidence and four - for reported evidence. The author's claim is that these means belong to the grammar rather than to the lexicon of the Latin language and, therefore, can be treated as evidential strategies. Considering these grammatical phenomena as evidential strategies may enrich one's understanding of the Latin language and help to realize that the traditional inventory of grammatical forms and constructions can express many more values than one might have expected.

Keywords: the Latin language, evidentiality, indirect inferential (presumptive) evidence, indirect reported evidence, subjectivity in language.

DOI:10.30842/ielcp230690152238

Л. И. Жолудева

ПРОНОМИНАЛИЗАЦИЯ НЕПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена семантике и функционированию имплицитно возвратных итальянских глаголов. Исследование проведено на материале текстов XVI в. В этот период возвратный показатель может рассматриваться как маркер *инаккузативности*, впоследствии утраченный большинством глаголов по мере того, как в языке появляются устойчивые синтаксические (и морфосинтаксические) модели противопоставления непереходных глаголов по *инаккузативности* / *неэргативности*. Именно подобное прономинальное употребление непереходных глаголов (в т. ч. с группой клитик *se ne*) впоследствии могло привести к формированию конструкций «непереходный глагол + *se ne*», выполняющей в современном итальянском языке прагматическую функцию.

Ключевые слова: инаккузативная гипотеза, непереходные глаголы, возвратные глаголы, итальянский язык, история итальянского языка

Прономинальное[1] употребление непереходных глаголов в романских языках, в частности в итальянском, относительно недавно стало привлекать внимание исследователей. Возможно, это объясняется тем, что названное явление труднообъяснимо с позиций традиционной грамматики (Tesnière 1969: 274). Если, например, возвратный показатель при антикаузативных глаголах (то есть имеющих как переходное, так и непереходное употребление: ит. *alzare – alzarsi*, фр. *lever – se lever*, исп. *quebrar – quebrarse*) в рамках структурной грамматики трактуется как маркер рецессивной диатезы (Tesnière 1969: 272), то так называемые «существенно возвратные» (имплицитно возвратные, essentiellement réfléchis, falsi riflessivi) глаголы рассматривались как своего рода рудимент, не представляющий интереса для синтаксистов. В свете современных теорий, устанавливающих связь между семантикой и синтаксисом (в случае с возвратными глаголами – морфосинтаксисом), имплицитная возвратность

[1] Здесь и далее термин «прономинальные» употребляется для обозначения возвратных глаголов, хотя явление прономинализации непереходных глаголов может рассматриваться более широко, с учетом особенностей функционирования местоименных клитик *ci, ne, la* и их комбинаций, что выходит за рамки нашего исследования.

перестала рассматриваться как семантически необусловленное явление.

Пожалуй, наибольшую ясность в вопрос о происхождении и природе ингерентной возвратности внесла инаккузативная гипотеза (UH), описывающая закономерности функционирования непереходных глаголов в языках с «расщепленной непереходностью» (Perlmutter 1978, Burzio 1986, van Valin 1990; Levin & Rappaport Hovav 1995 и др.). В основе UH лежит противопоставление инаккузативных и неэргативных непереходных глаголов: субъект первых на уровне глубинной структуры схож с объектом переходных глаголов, субъект вторых – с субъектом переходных глаголов, что и предопределяет различия в морфосинтаксическом поведении подобного типа форм (выбор вспомогательного глагола, участие в синтаксических транформациях и т. д.). Дальнейшие исследования в рамках UH привели к более гибкому пониманию оппозиции *инаккузативность / неэргативность*. Она рассматривается не как бинарное противопоставление, а скорее как градуальное – в качестве континуума, в пределах которого глаголы в зависимости от своей семантики и морфосинтаксических свойств занимают то или иное место на своеобразной шкале инаккузативности (Sorace 2000; Cennamo & Sorace 2007; Cennamo 2008). Поскольку базовым критерием для построения шкалы стал выбор вспомогательного глагола в сложных временах, она получила название Auxiliary Selection Hierarchy[2] (далее ASH).

UH оказалась полезной и при исследовании имплицитной возвратности в диахронии. Так, было показано, что в народной латыни и на этапе формирования романских языковых систем наблюдалась повышенная частотность непереходных глаголов в возвратной форме (“pleonastic reflexives”) (Cennamo 2000). При этом вплоть до распада падежной системы формы *se* и *sibi* проявляли отчетливую тенденцию к закреплению за неэргативными и за инаккузативными глаголами соответственно, что может рассматриваться как тенденция к грамматикализации

[2] Построение шкалы инаккузативности для тех романских языков, где в сложных временах используется один вспомогательный глагол, также возможно – на основе серии тестов, определяющих аспектуальные характеристики глаголов и закономерности их синтаксического поведения (напр., см.: Ciríaco & Cançado 2014, – на материале бразильского варианта португальского языка).

«расщепленной непереходности» через падежное противопоставление. В дальнейшем в романских языках развились иные способы выражения оппозиции *инаккузативность / неэргативность*, преимущественно синтаксические в одних языках и диалектах и морфосинтаксические – в других[3].

«Освободившись» от необходимости указывать на инаккузативность / неэргативность, маркер возвратности оказывается, по сути, лишним, никак не нагруженным элементом при непереходных глаголах. В этой ситуации было бы логичным предположить, что он либо а) подвергнется редукции, либо б) будет задействован для выражения тех или иных семантических или прагматических категорий. В данной работе мы постараемся показать, что в истории итальянского языка на разных этапах действовали обе тенденции.

В староитальянском языке в возвратной форме нередко встречались непереходные глаголы движения, которые занимают на шкале ASH положение, максимально приближенное к инаккузативному полюсу (Sorace 2000). Однако это было характерно не только для данной семантической группы, но и для других. В текстах XIII–XIV вв., наряду с *venirsi*, *uscirsi* и *fuggirsi*, можно встретить возвратные глаголы изменения состояния (*morirsi*), продолжающегося состояния (*rimanersi*), неменяющегося состояния (*giacersi, tacersi*), неконтролируемого процесса (*dormirsi*) (Rohlfs 1968: 187–188; Tekavčić 1972: § 795.4). Иными словами, представлен весь или почти весь спектр глаголов от инаккузативного до неэргативного полюса. В целом отмечается, что прономинальное употребление непереходных глаголов в староитальянском языке – явление более редкое, чем употребление тех же глаголов без возвратного местоимения (Egerland & Cardinaletti 2010: 659).

Если описания староитальянского этапа истории итальянского языка, как и исследования в синхронии, опираются на репрезентативные базы данных и корпуса[4], для более поздних эпох (XV–XIX вв.) подобного рода источники отсутствуют, что зачастую затрудняет количественную оценку распространен-

[3] В зависимости от участия в образовании сложных времен одного или двух вспомогательных глаголов.

[4] Так, «Грамматика староитальянского языка (Salvi, Renzi 2010) опирается на данные проекта OVI: http://www.ovi.cnr.it/index.php/it/

ности того или иного явления. Кроме того, начиная с XVI в. узус авторов, пишущих на итальянском языке, теряет даже ту относительную однородность, которая была характерна для староитальянского периода. Наряду с флорентийцами и носителями других живых диалектов Тосканы (где обнаруживаются регионально маркированные черты, не воспринятые кодифицированной нормой, см.: Жолудева 2016), по-итальянски писали жители других регионов Италии. Для них «литературный» язык не был родным, но они ориентировались и на узус образцовых авторов, и на грамматические сочинения современников, а начиная с XVII, также на данные словаря Академии делла Круска[5]. В этой ситуации функционирование прономинальных непереходных глаголов в письменном и устном узусе носителей диалектов Тосканы и уроженцев других регионов, по всей вероятности, отличалось такой же вариативностью, какая наблюдалась и при анализе других синтаксико-семантических структур (Zholudeva 2017).

Если говорить о процессах, происходивших в итальянском языке XVI в., то в наибольшей степени приближенными к живому разговорному узусу Тосканы (а значит, хотя бы отчасти отражающими изменения в итальянском морфосинтаксисе, в том числе не проникавшие в строго нормированную речь) оказываются тексты комедий[6]. В исследованных нами текстах (список источников см. в конце работы) непереходные глаголы в прономинальной форме – явление настолько частое, что это позволяет сделать некоторые предварительные наблюдения, которые мы надеемся в дальнейшем проверить на более обширном и жанрово неоднородном материале.

В небольшом корпусе, состоящем из десяти пьес XVI века, в возвратной форме встречается ряд непереходных глаголов, не

[5] Что, разумеется, не исключает влияний диалектов, родных для таких «региональных» авторов.

[6] Не менее плодотворным могло бы оказаться изучение текстов нелитературного характера (писем, свидетельских показаний и т. п.). Однако оно затруднено (а) отсутствием достаточно репрезентативных баз данных, основанных на подобных источниках, и (б) резкими различиями между узусом образованных людей, в письменной речи воспроизводящих кодифицированную норму, и полуграмотных авторов, привыкших выражать мысли на родном диалекте. При работе с подобными источниками возникают дополнительные методологические проблемы.

являющихся возвратными в современном итальянском языке: это глаголы *partirsi, apparirsi, fuggirsi, morirsi, andarsi, venirsi, rimanersi, starsi, uscirsi, entrarsi, ritornarsi, tornarsi, irsi, scioperarsi, cascarsi, viversi, ridersi*. Большинство из этих глаголов не только тяготеют к инаккузативному полюсу ASH, но и составляют именно ту группу, которая, в рамках данной теории, является прототипически инаккузативной: это группа глаголов движения или, в терминологии А. Сораче, глаголов изменения места (change of location). Из перечисленных 17 глаголов к таковым относятся 10 (*partirsi, fuggirsi, andarsi, venirsi, uscirsi, entrarsi, tornarsi, irsi, ritornarsi*[7]*, cascarsi*). Следующая ступень на шкале инаккузативности – глаголы изменения состояния (change of state); к ним относятся 2 *apparirsi* и *morirsi.* Далее на шкале располагается глагол продолжающегося состояния (continuation of a pre-existing state: *rimanersi*), глаголы состояния (existence of state: *starsi, viversi, scioperarsi*), глагол неконтролируемого процесса (uncontrolled process: *ridersi*). Среди приведенных глаголов отсутствуют представители двух наиболее близких к неэргативному полюсу ступеней – глаголы контролируемого движения (controlled process: motional) и контролируемого процесса (controlled process: non-motional).

Учитывая, что глаголы продолжающегося состояния могут рассматриваться как подтип глаголов состояния (или же как переходная ступень от изменения состояния к ставшему состоянию), в расположении глаголов из нашего списка на шкале ASH (Рис. 1) можно увидеть некую закономерность. Отчетливо выделяются три ступени: ближе к инаккузативному полюсу ASH наблюдается наибольшее разнообразие глаголов (по нашим наблюдениям, они же являются самыми частотными), тогда как ближайшая к неэргативному полюсу часть шкалы пуста: примеры глаголов двух последних ступеней в списке отсутствуют. Середину шкалы занимают менее многочисленные, чем прототипически инаккузативные, глаголы прочих семантических групп.

[7] Статус глагола *ritornare* как самостоятельной лексической единицы (а не префиксального варианта *tornare*) можно счесть спорным, однако в современных словарях итальянского языка им посвящены отдельные статьи, чем мы и руководствовались при подсчете.

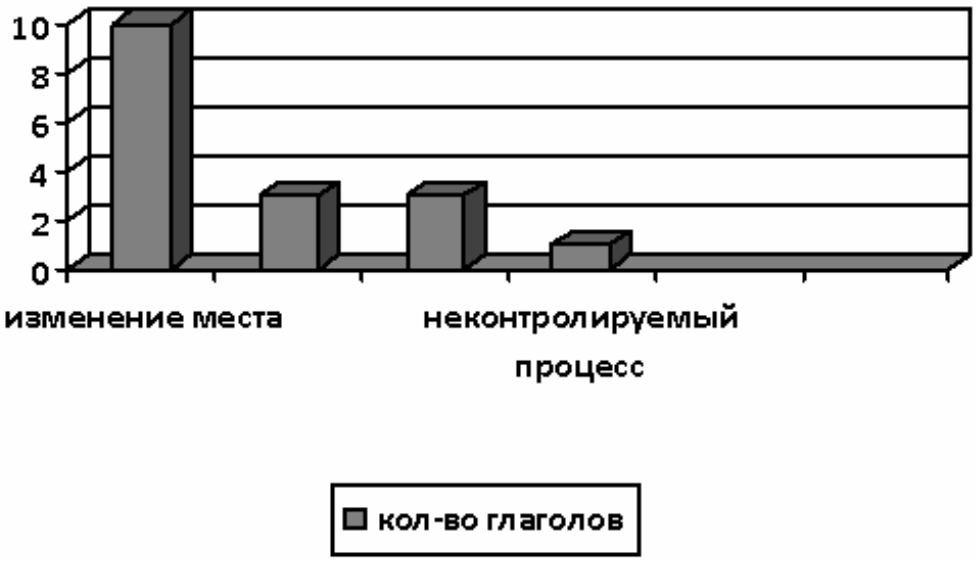


Рис. 1 Возвратные непереходные глаголы на шкале ASH

Как уже отмечалось, объем и состав исследованного корпуса текстов позволяют скорее наметить направление дальнейшего исследования, чем делать окончательные выводы о роли показателя возвратности у непереходных глаголов в итальянском языке XVI в. В то же время, полученные результаты позволили нам сформулировать предварительную гипотезу: распределение имплицитно возвратных глаголов, впоследствии утративших возвратность, на шкале ASH может указывать на действовавшую на определенном этапе тенденцию к превращению возвратного местоимения у непереходных глаголов в маркер инаккузативности (у прототипических неэргативных глаголов маркер нулевой). Аналогичное явление в современном испанском языке описано в работе Д. Л. Гуревича (Гуревич 2011: 76–77). В дальнейшем, в результате формирования синтаксических ограничений, которые совместно с морфологическими средствами (вспомогательные глаголы *essere* / *avere*) достаточно четко противопоставляют *неэргативные* и *инаккузативные* глаголы[8], необходимость в их дополнительном противопоставлении с помощью показателя возвратности постепенно сошла на нет. Многие глаголы, встретившиеся нам в текстах XVI века в возвратной форме, утратили возвратность; одновременно в языке возникали новые синтаксико-семантические

[8] См.: Egerland 1999; De Roberto 2012; Жолудева 2015.

модели. Та же часть непереходных глаголов (*vergognarsi, addormentarsi, pentirsi*[9] и др.), которая продолжала использоваться в возвратной форме, приобрела статус «имплицитно возвратных». Таким образом, вновь возобладала тенденция к невозвратному употреблению непереходных глаголов, заметная еще в староитальянском языке.

Стоит также отметить тот факт, что в текстах XVI века некоторые из непереходных глаголов, наряду с возвратным местоимением, сопровождаются местоимением *ne*, на первый взгляд, семантически избыточным и не обусловленным структурно. В некоторых случаях контекст позволяет достроить гипотетическую предложную синтагму с предлогами *di* / *da*, кореферентную *ne*: *e indi, per non essere appostati,* ***se ne vennero [di lì]*** *a Empoli* (A. F. Grazzini "Strega" I, 2); *quando voi mi lasciasti in camera io* ***me ne uscij [dalla camera]*** (F. De Fornaris "Angelica" V, 1), однако есть и примеры, исключающие подобную интерпретацию: *Ma che indugio più ad* ***entrarmene*** *in casa?* (G. Bargagli "La pellegrina" I, 8). Конструкция «возвратный непереходный глагол + плеонастическое *ne*» существует и в современном итальянском языке (Masini 2012); группа клитик *se ne* способна комбинироваться с непереходными глаголами движения и состояния, причем ее использование сопряжено с дополнительными ограничениями семантического характера ([+ контроль], [+ интенциональность]). Видовую семантику таких конструкций Ф. Мазини описывает как медиальную, поскольку субъект одновременно контролирует действие и испытывает на себе его эффект. Возможно, эта конструкция является остатком «плеонастического» употребления возвратного местоимения при непереходных глаголах, чему посвящена данная работа. В таком случае речь может идти об использовании прономинальной конструкции, переставшей быть маркером инаккузативности, в качестве прагматически нагруженного показателя, особенно учитывая широко распространившуюся в современном разговорном итальянском языке тенденцию образовывать с *se* и *ne* экспрессивные фразеологические сочетания (*star**sene** con le mani in mano, star**sene** con la pancia all'aria)* и новые прономинальные глаголы (*infischiar**sene***,

[9] Любопытно, что большинство таких глаголов не относятся к прототипически инаккузативным.

*impipar**sene***, *fregar**sene***), в свою очередь образующие довольно любопытные производные (***mene****freghista, chis**sene**frega*).

Источники

Accademia degli Intronati “Gl’Ingannati”.
G. Bargagli “La Pellegrina”.
A. Calmo “Rodiana”.
D. Giannotti “Il vecchio amoroso”.
A.F. Grazzini “Il frate”.
A.F. Grazzini “Strega”.
F. De Fornaris “Angelica”.
N. Machiavelli “Clizia”.
N. Machiavelli “Mandragola”.
A. Piccolomini “L’Amor costante”.

Литература

Burzio, L. 1986: *Italian syntax: A government-binding approach*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company.

Cennamo, M. 2000: Patterns of ‘Active’Syntax in Late Latin Pleonastic Reflexives. In: *Historical Linguistics 1995: Volume 1: General issues and non-Germanic Languages. Selected papers from the 12th International Conference on Historical Linguistics, Manchester, August 1995.* John Benjamins Publishing, 35–55.

Cennamo, M., Sorace, A. 2007: Auxiliary selection and split intransitivity in Paduan. In: Aranovich, R. (ed.) *Split Auxiliary Systems: A cross-linguistic perspective.* Amsterdam: John Benjamins, 65–99.

Ciríaco, L., Cançado, M. 2004: Inacusatividade e inergatividade no PB. *Cadernos de estudos linguisticos* 46 (2), 207–225.

De Roberto, E. 2012: Sintassi e formularità in italiano antico: il caso delle costruzioni assolute. *Romanische Forschungen* 124 (2), 147–198.

Egerland, V. 1999: Sulla sintassi delle costruzioni assolute participiali e gerundive nell’italiano antico e il concetto di anacoluto. *Revue Romane* 34 (2), 181–204.

Egerland, V., Cardinaletti, A. 2010: I pronomi personali e riflessivi. In: Salvi, G., Renzi, L. (ed.) *Grammatica dell’italiano antico*. Vol. I. Bologna: Mulino, 401–469.

Gurevich, D. L. 2011: Morfema se kak sredstvo vyrazheniya vnutrennego objekta u neperehodnyh glagolov [The morpheme se as means of expressing inner object of intransitive verbs]. In: Snetkova, M. S. (ed.). *Voprosy ibero-romanistiki* [*Issues of ibero-romance philology*]. Vol. 11. Moscow: MAKS Press, 72–77.
Гуревич Д. Л. 2011: Морфема se как средство выражения внутреннего объекта у непереходных глаголов. В сб.: Снеткова, М. С. (ред.). *Вопросы иберо-романистики*. Т. 11. Москва: МАКС Пресс, 72–77.

Levin, B., Rappaport Hovav, M. 1995: *Unaccusativity: At the syntax-lexical semantics interface*. Cambridge, London: MIT press.

Masini, F. 2012: Costruzioni verbo-pronominali ‘intensive’ in italiano In: Bambini, V., Ricci, I. & Bertinetto, P. M. *Atti del XLII Congresso internazionale di studi della Società di linguistica italiana (SLI), Pisa, 25-27 settembre 2008*. Roma: Bulzoni. II.C.2 [электронная публикация]

Perlmutter, D. M. 1978: Impersonal passives and the unaccusative hypothesis. *Annual meeting of the Berkeley Linguistics Society* 4, 157–190.

Rohlfs, G. 1968: *Historical Grammar of Italian and its Dialects*. *Vol. II Morfologia*. Turin: Einaudi.

Salvi, G., Renzi, L. (ed.) 2010: *Grammatica dell’italiano antico*. Vol. I. Bologna: Mulino.

Sorace, A. 2000: Gradients in auxiliary selection with intransitive verbs. *Language* 76 (4), 859–890.

Tekavčić, P. 1972: *Historical Grammar of Italian. Vol. II Morphosintassi*. Bologna: Mulino.

Tesnière, L. 1969: *Éléments de syntaxe structurale*. Paris: Librairie C. Klincksieck.

Van Valin, R. D. 1990: Semantic Parameters of Split Intransitivity. *Language* 66 (2), 221–260.

Zholudeva, L. I. 2015: [Structural and functional peculiarities of absolute participial and gerundial constructions in the 16th-century Italian prose]. *Drevnyaya i Novaya Romania* [*Old and New Romania*] 16, 89–98.

Жолудева, Л. И. 2015: Структурные особенности абсолютных причастных и герундиальных оборотов в итальянской прозе XVI века. *Древняя и Новая Романия* 16, 89–98.

Zholudeva, L. I. 2016: [Tuscan dialect features in the comedies by the 16th-century Italian playwrights]. *Stephanos*. Vol. 4, № 18, 105–116.

Жолудева, Л. И. 2016: Черты диалектов Тосканы в пьесах итальянских комедиографов XVI века. *Stephanos*. Vol. 4, № 18, 105–116.

Zholudeva L. 2017: Written and spoken Italian in the XVI century. The plurality of functional languages and its impact on standardization processes. In: Stehl, T., Hasler G. (eds.) *Kompetenz – Funktion – Variation / Competencia – Función – Variación: Linguistica Coseriana V*. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 221–230.

L. I. Zholudeva. Pronominalization of intransitive verbs in the Italian language

The article focuses on the so-called pleonastic reflexives in the Italian language. The theoretical framework of the study is constituted by the works by L. Burzio, M. Cennamo, A. Sorace, D. Gurevich and other linguists developing the UH (unaccusative hypothesis) on the Romance material in synchrony and diachrony. The study performed on the basis of a group of 16th-century texts (more precisely, pieces of comedy, the genre that conscientiously aims at representing traits of spoken language) allows to put forward the hypothesis that the ‘pleonastic’ reflexive pronoun, that has its origin in Late Latin, at a certain stage tends to mark unaccusativeness. We have singled out seventeen one-argument verbs that

are used in the reflexive form in the texts under analysis, while later on for some reason they lose the reflexive marker. Divided into the semantic groups suggested by A. Sorace (Sorace 2000) and being placed along the unaccusativeness scale according to the ASH (Auxiliary Selection Hierarchy), these verbs form a kind of descending figure. The prototypical unaccusatives (left pole of the scale) are most numerous (ten verbs), the central part of the scale is occupied by fewer verbs (three change-of-state and continuation-of-state verbs, three existence-of-state verbs, one uncontrolled process verb), and the unergative pole is empty. Our idea is, that in the following centuries, when the unaccusative / unergative opposition gradually became associated with a set of morphosyntactic features (like the (in)ability to function in certain syntactic constructions), the reflexive marker became redundant. What remained of the reflexive use of intransitive verbs in Modern Italian are a) lexicalized units where the reflexive pronoun is not associated either with diathesis or with pragmatics (inherent reflexives), and, probably, b) a pragmatically marked construction with the group of clitics *se ne* quite common in colloquial language (*starsene con le mani in mano; fregarsene*).

Keywords: intransitive verbs, unaccusative hypothesis, reflexive pronoun, pleonastic reflexive, Italian language, history of Italian.

DOI:10.30842/ielcp230690152239

А. В. Жугра

DATIVUS ETHICUS В АЛБАНСКОМ ЭПИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (некоторые наблюдения)

В статье рассматривается употребление дательного этического в языке североалбанского героического эпоса. Названы некоторые наиболее типичные позиции появления его в эпическом нарративе. Функцию dativus ethicus предлагается рассматривать как маркер прямой эвиденциальности в противоположность функции косвенной эвиденциальности, свойственной формам албанского инвертированного перфекта.

Ключевые слова: эпос, албанский, дательный этический, эвиденциальность, адмиратив, повествователь, нарратор.

Албанские героические песни, воспевающие воинственные похождения братьев Муйо и Халиля и их дружины, а также других легендарных героев, отражают быт и идеологию позднеродового албанского общества. Основные темы албанского эпоса – это битвы и поединки, сватовство и похищение женщин, месть за брата, захваты в плен, страдания в плену и освобождение пленников. Представлена тема смерти богатыря и его юного сына. Несколько песен посвящены теме отношений героев с мифическими существами – занами и орами.

Эпические тексты сочетают речь повествователя (или «авторскую»), которая ведется от 3-го лица, и речь персонажей (или «чужую»), т. е. прямую речь героев. В количественном отношении для албанского эпоса в целом характерно небольшое превышение доли авторской речи по сравнению с долей прямой речи героев, последняя составляет в среднем ≈ 44% общего текста песни.

Авторская речь может быть речью типа «описание» и типа «повествование», речи героев – это монологи и диалоги разной стилистической окрашенности. Но за всей этой сложной конструкцией стоит главная фигура, это речевой субъект, повествователь или рассказчик, в современной терминологии – нарратор. Сигналы присутствия нарратора в эпическом произведении весьма разнообразны и включают как косвенное, так и прямое (от первого лица) выражение его позиции.

К числу первых относятся такие средства субъективно-модальной оценки, как восклицательные и вопросительные пред-

ложения, модальные слова и частицы, дискурсивные слова типа русск. *вот* и др.

Среди вторых назовем предложения императивной семантики, дательный этический, а также перволичные предложения в зачинах и концовках.

В настоящей статье рассматривается роль дательного этического в построении повествовательного текста нарратора (использование его в речах героев носит принципиально иной характер).

Дательный этический (dativus ethicus), называемый также дательным экспрессивным, дательным нравственного участия, хорошо известен на материале разных европейских языков. Этот падеж лексически ограничен, он выражается только формой личных местоимений. Дательный этический включает в предложение, описывающее некоторую ситуацию, некое лицо, обычно участника речевого акта (т. е. участника коммуникативной ситуации), и тем самым делает это лицо причастным к описываемой ситуации, к которой оно в действительности не имеет отношения в том смысле, что не является ее участником (Кустова 2012). Конструкции с дательным этическим характерны, прежде всего, для разговорной речи, для диалогов, где это обычно dativus ethicus 1 и 2 лица местоимения, т. е. dat.eth. говорящего (адресанта) и dat.eth. слушающего (адресата), указывающие на участников коммуникативной ситуации. Такой дательный повышает экспрессивность речи и употребляется для выражения позиции говорящего, передавая его эмоциональную реакцию и моральную оценку сообщаемой информации. Так, например, dativus ethicus 1 лица может иметь значение угрозы (*Поговори мне ещё*!), иронии (*Тоже мне герой нашелся*!) и др., dativus ethicus 2 лица часто используется для усиления воздействия на адресата (*Я тебе покурю*!, *Как я тебе на работу устроюсь без образования?*) (примеры взяты из работ Кустова 2012 и Машовец 2000). Эмоционально-прагматическая семантика дательного этического (одобрение, неодобрение, несогласие) отмечена и для балкано-славянских языков: болгарского, македонского, сербского, при этом в македонском добавляется значение интимизации и задушевности высказывания, а в сербском – усиление его категоричности (Иванова Петрова 2014; Тошович 2006).

Являясь экспрессивным средством языка, dat.eth. несет четко выраженную положительную или (чаще) отрицательную коннотацию (Машовец 2000), однако предсказать его появление

в речи невозможно ни семантически, ни формально (Mollica 2014). В художественных произведениях конструкции с dat.eth. являются одним из способов имитации разговорной речи (Машовец 2000; Mollica 2014).

В албанском языке личные местоимения в дательном и винительном падежах имеют, наряду с полными формами, еще и так называемы краткие формы: *mua – më* ‘мне’, *ty – të* ‘тебе’, *asaj – i* ‘ей’, *atij – i* ‘ему’, *neve – na* ‘нам’, *juve – ju* ‘вам’, *atyre – u* ‘им’. Краткое местоимение всегда занимает позицию непосредственно перед глагольной формой – *i tha* ‘он(а) ему/ей сказал’. Если в предложении встречаются краткое местоимение в дательном падеже и краткое местоимение в винительном падеже, происходит их слияние – *ia/ja* (из *i* + *e*) *tha* ‘он(а) ему/ей это сказал(а)’.

Именно краткие формы личных местоимений в дательном падеже выступают в албанском языке не только для выполнения своей основной синтаксической задачи – обозначать непрямое дополнение, например, адресата речи, но и в функции дательного этического. Отмечается, что в разговорном албанском языке эти формы служат «для выражения эмоциональной позиции говорящего» (Gramatika 1976: 190), обозначают некое «заинтересованное» лицо, эмоционально причастное событию (Buchholz Fiedler 1987: 219), употребляются для создания «живости изложения» (Gramatika 2002: 258). Высокая частотность дательного этического в разговорной речи нашла отражение в толковых словарях албанского языка, так, отмечено, что dativus ethicus 1 л. ед. ч. *më* указывает на «близкую и доброжелательную позицию говорящего в отношении того, о чем ведется речь», а dativus ethicus 1 л. мн. ч. *na* служит также и для усиления выразительности речи или выражения иронии (Fjalor 1981).

В фольклорных текстах dativus ethicus способен делать «рассказчика как бы соучастником или свидетелем повествования» (Эйнтрей 1982: 63), т. е. помещать таким образом «говорящего “внутрь текста”» (Цивьян 1984: 79). Дательный этический в языке албанского эпоса определяется как «dativus intimitatis, Dat.der Anteilnahme» (Lambertz 1955: 76).

Названная выше сопричастность говорящего к описываемой им ситуации связана, видимо, с особым аспектом посессивности в конструкциях с dat.eth. в балканских языках, на который обратила внимание Т. В. Цивьян (Цивьян 1984). В албанских, болгарских и румынских эпических текстах dat.eth. «либо

достаточно легко трансформируется в pron. poss., < …>, либо очерчивает некий «круг владения», точнее, указывает на «интенциональность» присвоения (Цивьян 1984: 82). С учетом этого важного положения обратимся к албанскому материалу.

В языке албанского эпоса представлен, прежде всего, дательный этический 1 лица ед. числа, т. е. dativus ethicus говорящего, и (в небольшом количестве примеров) dativus ethicus 1 лица мн. числа, семантика которого включает и говорящего; случаи использования dativus ethicus 2 лица ед. числа единичны[1].

Уже при первом взгляде на тексты можно заметить, что дательный этический представлен в языке албанского эпоса весьма неравномерно, это видно из сравнения как разных песен между собой, так и частей одной песни.

Из общего количества 100 песен более половины – 52 песни – имеют в своем составе до 10 примеров dat.eth., в 19 песнях их количество колеблется от 10 до 30 примеров, в 10 песнях – свыше 30 случаев употребления. Максимальное количество dat.eth. – 90 примеров – содержится в песне № 9 (412 стихов). Примерно десятая часть песен не содержит вообще ни одного случая употребления дательного этического При этом частота его употребления не зависит от размера песни, так, примерно одинаковое количество – по 20–22 примеров – содержат песни, значительно различающиеся по своему объему: № 4 – 674 стиха, № 16 – 190 стихов, № 28 – 131 стих, № 37 – 346 стихов. Отметим, что средний размер песен – 200–300 стихов.

Напротив, в составе одной песни распределение дательного этического демонстрирует четкую зависимость от того, кому принадлежит текст – нарратору или персонажу. Выше было отмечено, что эти два вида текстов в албанском эпосе в количественном отношении сопоставимы, хотя и с небольшим преобладанием повествования над прямой речью героев. Материал показывает, что dativus ethicus в тексте нарратора употребляется в несколько раз чаще, чем в речах героев, ср. соотношение в песнях № 4 – 16/6, № 9 – 76/14, № 16 – 17/3, № 28 – 18/3.

[1] Материалом исследования послужили тексты североалбанских героических песен, опубликованные в серии Folklor shqiptar – “Epika legjendare (Cikli i kreshnikëve)”, Tiranë, 1966. При цитировании примеров используется название Epika с указанием в скобках номеров песни и стиха соответственно.

В рамках эпического произведения повествовательный текст нарратора и тексты диалогов и монологов героев – это две разные языковые стихии, граница между которыми в большинстве случаев четко маркирована. Функционирование, а в некотором отношении и состав форм дательного этического различаются в этих двух составляющих албанского эпоса.

Распределение по глагольным временам. Все события, о которых идет речь в эпосе, относятся к неопределенному периоду прошлого вне связи с настоящим, что влияет на грамматическую семантику соответствующих глагольных форм, а именно, относительные времена употребляются как абсолютные, а формы презенса – как формы настоящего исторического. Повествование об эпических событиях ведется в рассматриваемых текстах с использованием форм индикатива – исторического презенса, имперфекта, аориста, исторического перфекта и плюсквамперфекта, а также форм особой категории – эвиденциальности, в албанских грамматиках традиционно называемой адмиративом. В отдельных эпических произведениях или их частях наблюдается преимущественное употребление либо аориста (наряду с имперфектом и настоящим историческим), либо исторического перфекта (наряду с плюсквамперфектом в абсолютном употреблении и настоящим историческим). Эти два неравнозначных в стилистическом плане типа повествования соответствуют различию между констатацией факта и «показом» события. В албанской эпической поэзии тип повествования, ведущийся с использованием исторического перфекта, плюсквамперфекта и исторического настоящего, занимает господствующее положение (Сытов 1976: 223).

Формы албанского инвертированного перфекта (адмиратива) также выступают в албанском эпосе в качестве нарративного времени и характеризуются особым их стилистическим использованием. Отмечается употребление (ад)миратива в составе многочисленных формул, а также его эмфатическое употребление в повествовании для выделения и подчеркивания особо важных моментов (Десницкая 1986: 39–40). Рассматривая эвиденциальность как семантическую категорию дистанцирования говорящего от источника информации, М. М. Макарцев показал, что в фольклорном тексте эвиденциалы выступают в роли маркера, выделяют границы между эпизодами и появляются в ключевых точках структуры текста (Макарцев 2014: 284, 325).

Со всеми этими глагольными временами албанского эпоса зафиксировано употребление форм дательного этического, но его распределение по названным выше типам повествования оказывается чрезвычайно показательным. Строго говоря, – это распределение не по типам повествования, поскольку они жестко не отграничены один от другого, а по глагольным временам.

Всего в рассматриваемом материале (напомним – только в тексте нарратора) найдено 875 примеров дательного этического. Из этого количества 803 случая употребления приходится именно на такое повествование, которое ориентировано на «показ» события, а именно, dativus ethicus выступает с формами исторического перфекта – 530 примеров, исторического презенса – 186 примеров, плюсквамперфекта – 87 примеров. С другими глагольными формами dativus ethicus встречается гораздо реже – с имперфектом 25 примеров, с аористом 17, с адмиративом 25 примеров.

Мы видим, что дательный этический почти не сочетается ни с аористом, классическим временем повествования, ни с адмиративом, взявшим на себя функцию нарративного времени в албанском эпосе. Объяснение последнему будет предложено ниже, но уже сейчас можно отметить, что такое распределение не может быть случайным, оно явно свидетельствует об определенной закономерности в использовании дательного этического.

Распределение по лексико-грамматическим группам. Как и в случае с глагольными временами, картина распределения дательного этического по отдельным группам глаголов весьма красноречива. Полученные 875 примеров охватывают список в 163 единицы, частота употребления которых различается в десятки раз.

В группе глаголов речи, включающей 18 лексических единиц, обнаруживаются 140 случаев употребления дательного этического. Наиболее частотным здесь оказывается глагол *them* ‘говорить’ – 76 примеров, достаточно частотны глаголы *thirr* ‘кричать; звать’ – 21 пример, а также *bërtas* ‘кричать’ – 11 примеров и *pyes* ‘спрашивать’ – 10 примеров. Остальные глаголы этой группы зафиксированы в единичных случаях.

Вторая большая группа – это глаголы движения и перемещения в пространстве с включением такого значения, как ‘сесть на коня/вскочить на коня’. С глаголами этой группы найдено около 150 примеров с дательным этическим. Наиболее частот-

ны глаголы *bie* ‘падать; ударять; идти, пересекать’ – 56 примеров, *dal* ‘выходить’ – 25 примеров, *shkoj* ‘идти; уходить’ – 20 примеров, *çohem* ‘вставать, подниматься’ – 18 примеров, *kcej* ‘прыгать, скакать’ – 16 примеров, *hyp* ‘всходить, подниматься’ – 12 примеров.

Группа глаголов, обозначающих различные виды деятельности человека, *vë* ‘класть, ставить’ – 21 пример, *shtie* ‘класть, втыкать’ – 20 примеров, *nxjerr* ‘извлекать, вынимать’ – 12 примеров, *gjej* ‘находить’ – 20 примеров, *pres* ‘резать’ – 8 примеров, *çel* ‘открывать’ – 8 примеров и др.

Несколько глаголов, обозначающих снаряжение героя в поход: *vesh* ‘надевать’ – 12 примеров, *ngjesh* ‘опоясывать’ – 6 примеров, *mbath* ‘обувать’ – 5 примеров, *shiloj* ‘седлать’ – 4 примера, *shterngohem* ‘затягиваться’ – 3 примера.

Глаголы зрительного и слухового восприятия: *shoh* ‘видеть’ – 14 примеров, *ndiej* ‘слышать’ – 7 примеров, *kqyr* ‘смотреть’ – 4 примера, *shikoj* ‘(о)смотреть’ – 4 примера, (*n*)*digjoj* ‘слышать’ – 4 примера.

Отметим, что из всех перечисленных групп именно первые две обнаруживают своеобразную количественную корреляцию с глаголами, выступающими в формах эвиденциальности. Так, например, отмечено, что в эпических песнях формы албанского инвертированного перфекта часто употребляются в составе повторяющихся формул, обозначающих вступление героя в активный процесс действия, а также вводящих прямую речь (Десницкая 1986: 39–40). В албанских версиях «Баллады о мертвом брате» и глаголы движения, и глаголы речи, обозначающие наиболее важные с точки зрения сюжета события, выделяются при помощи косвенных эвиденциалов (Макарцев 2014: 249).

Несколько слов надо сказать о глаголах *jam* ‘быть’ и *kam* ‘иметь’. Их употребление отличается от употребления других глаголов в эпическом тексте, – в конструкции с дательным этическим они выступают чаще именно в речи персонажей, а не в тексте нарратора, соотношение 8/10 и 12/15 соответственно. Причины этого кроются в особенностях употребления дательного этического в разговорной речи, но рассмотрение этого вопроса не входит в наши задачи.

*Варианты конструкций с дательным этическим.*Материал эпоса дает разные виды сочетаний dat.eth. с глаголами, что обусловлено семантикой последних. Мы предлагаем различать

четыре типа: I – при глаголе имеется только dat.eth., II – при глаголе два непрямых дополнения: dat.eth. + краткое местоимение 3 л. ед. или мн. числа в дательном падеже (т. е. обязательный актант), III – при глаголе употреблен dat.eth. в сочетании с краткой формой местоимения 3 л. ед. или мн. числа в винительном падеже (обязательный актант); IV – при глаголе употреблен dat.eth. в сочетании с двумя актантами.

Структурно это выглядит так:

I. dat.eth. + Vb.
II. dat.eth. + pr. dat. + Vb.
III. dat.eth. + pr. acc. + Vb.
IV. dat.eth. + pr.dat. + pr.acc. + Vb.

Употребление. Выше было отмечено, что албанский эпический текст – это аукториальное повествование, т. е. повествование, в котором события описываются как бы со стороны, а нарратор никак не обозначен, он находится вне внутреннего мира текста как экзегетический повествователь. В случаях, когда повествователь эксплицитно выражен с помощью дательного этического, меняется характер повествования, из бесстрастно объективного текст становится более субъективным, повествование переходит в режим рассказа, повествователь становится рассказчиком. В ипостаси рассказчика повествователь «либо рассказывает свою собственную историю, либо описывает события, которые он сам наблюдал» (Падучева 1996: 205), т. е., добавим, был их свидетелем.

Такого типа «нарушения» повествовательной нормы – появление повествовательной формы от первого лица в авторском повествовании – неоднократно наблюдаются в рамках албанского эпического текста. К числу таких форм можно отнести, наряду с дательным этическим 1 лица ед. числа, восклицательные предложения с императивным предикатом и риторические вопросы. Такие вставки в нарративное повествование (восклицания и вопросы) широко используются в албанском эпическом тексте.

Конструкции с дательным этическим появляются в определенных типических местах, обычно значимых и отмеченных как бы «свидетельским показанием»).

Позиция нарратора явно проявляется в многочисленных восклицательных предложениях, выражающих оценку действий героев и их качеств или показывающих высшую степень проявления какого-то состояния (процесса).

Предикаты таких предложений могут выступать в форме любого из нарративных времен, в том числе эвиденциала, а также могут содержать dat.eth. Как правило, в них содержится наречие *sa* ʻсколько, насколько’, которое в сочетании с прилагательным или наречием служит для выражения превосходной степени. *Sa mirë krajli qi i ka pritë*! (1: 40) ʻКак хорошо краль их принял’; *Sa shpejt Muji kenka dredhë*! (перф. адмират.) (4: 170) ʻКак быстро Муйо обернулся’; Sa bijë sojit ajo vasha ka qillue, / qysh ka qitë burrit e i ka thanë? (72: 10–11) ʻКакая благородная эта девушка оказалась, / что она мужу изрекла и сказала?’; *Sa bi sojit vashen* ***m****a kish pasë*! (48: 87) ʻКакая благородная жена у него мне была (букв. Какую благородную девушку мне имел)’;

Такие высказывания, содержащие оценочную лексику, появляются обычно на стыке двух микротем, – они либо заканчивают, подытоживают одну тему, либо начинают другую, часто предваряя прямую речь героя.

Особый интерес для нас представляют те восклицания, которые характеризуют внутреннее эмоциональное или физическое состояние героя.

Sa fort Muja asht ngushtue! (1: 89) ʻКак сильно Муйо опечалился!’; *Sa fort Muja kenka lodhë*! (эвиденциал) (22: 176) ʻКак сильно Муйо расстроился (букв. устал)’; *Sa fort krajlat* ***m****’janë habitë* (36: 325) ʻКак сильно крали мне удивились’; *Sa fort Muji* ***m****’asht tërbua*! (4: 658) ʻКак сильно Муйо мне разъярился’; *Fort Halili* ***m****’asht frigue* (4: 200) ʻСильно Халиль мне испугался’. *Sa keq krajlit* ***m****’i ka ardhë*, / *nji sahat krajli nuk ka folë*! (22: 45–46) ʻКак неприятно кралю мне стало, / целый час краль не разговаривал’; *Sa mire Lules i paska ramë*! (эвиденциал) (48: 101) ʻКак приятно стало Люли’.

Для выражения позиции нарратора здесь используются разные средства, – помимо лексических элементов, мы видим и формы эвиденциала, и дательный этический.

Аналогичную структурную функцию выполняют высказывания нарратора, содержащие форму императива глаголов *kqyr* ʻсмотреть’ или (реже) *shoh* ʻвидеть, смотреть’. Рассказчик призывает слушателя обратить внимание на особо важное или неожиданное событие, на поворот в развитии действия. *Mbasi dark-e krushqit qi kanë hangë*, / ***kqyr*** *çka bani Aga Hasan Aga*! / ***M****’i ka marr-e dajret në dorë*, / *e shum dajre krushqve po* ***m****’u ban*. / *Të tanë krushqit fort-e janë çuditë*, / *dajre t’mira beli* ***m****’u ka qitë* (46: 84–89) ʻКогда гости поужинали, / смотри, что сделал Ага

Хасан Ага! / Взял мне в руки бубен, / и много гостям на бубне играет. / Все гости сильно удивились, / такие хорошие бубны мне им показал'; ***Kqyr*** *me pa at Sokole Halilin*! / *Kenka dredhë* (эвиденциал) *n'puntorë paska ra* (эвиденциал), / *e ka xierrë shpatën si hata*, / *ja fillon e n'qafë tuj* ***m****'u ra*, / *dyqind burra tanë ky pre* ***m****'i ka* (45: 290–294) 'Посмотри (букв. взгляни посмотреть) на этого Соколя Халиля! / Он повернулся и к работникам подъехал, / и вытащил меч ужасно, / и начинает мне их задевать, / всех двести мужей он мне их зарезал'.

Такие прямые призывы нарратора служат одним из способов структурирования текста, и одновременно они помогают поддерживать внимание слушателя. Как видно из приведенных примеров, следующий за призывом фрагмент текста может содержать как формы эвиденциала, так и конструкции с dat.eth.

Рассмотрим теперь некоторые наиболее типичные случаи употребления конструкций с дательным этическим в албанских эпических текстах. Строго говоря, если dativus ethicus обозначает лицо, которое было свидетелем всех описываемых событий, то оно могло бы появиться в любой момент повествования. Мы видим, однако, некоторую «пристрастность». Сопричастность рассказчика проявляется чаще при описании наиболее типичных моментов эпического действа.

Дательный этический в зачинах. Дательный этический может появляться уже в самом начале песни, в ее зачине. Таковы, например, зачины, описывающие типичную ситуацию утреннего подъема героев: *Kur* ***m****'ish kenë Muji e Halili*, / ***m****'ishin çua natje heret*, / ***m****'ishin veshë e* ***m****'ishin mbathë*, / ***m****'i kanë pjekë kafet me sheqerr* (77: 1–4) 'Когда был мне Муйи и Халиль, / встали мне рано утром, / оделись мне и обулись мне, / сварили мне кофе с сахаром'. Аналогичные зачины с некоторыми вариациями повторяются в (6: 3–6), (26: 4–8), (44: 3–6), (72: 5), (74: 5), (75: 3–8).

Первые четыре дательных этических употреблены здесь при глаголах, которые являются одновалентными, и дативный актант вступает в определенное противоречие с их лексической семантикой (тип dat.eth. + Vb., при глаголе, имеющем бытийное или рефлексивное значение).

Понятно, что герои совершают свои действия – встают, одеваются, обуваются и варят кофе – для себя, а не для некоего лица, обозначенного дательным этическим. Это лицо лишь повествует о героях и их действиях, но повествует не эпически

бесстрастно, а проявляя свое субъективное, и явно доброе, отношение к ним.

Как отмечает Т. В. Цивьян, dativus ethicus зачинах типа *N'natje heret Muja si* ***m****'â çue* ʻНа рассвете рано Муйо мне проснулся' может быть трансформирован в pron. poss. «мой Муйо», что с неизбежностью влечет за собой значение положительного отношения к объекту (Цивьян 1984: 82, 83). Некоторый аналог такому дательному этическому можно видеть в русских нарративах, содержащих сочетание «*у меня*» – *Был у меня друг. Жил он у меня на соседней улице*.

В приведенном выше зачине имеем сразу пять dativus ethicus, такое их скопление создает определенную тональность и вектор повествования, – повествование пойдет о близких рассказчику людях, которые живут и действуют в знакомой и милой ему среде. Отметим, что в этой короткой песне (всего 88 стихов) имеем 31 пример употребления дательного этического и ни одной формы эвиденциальности.

Дательный этический с глаголами речи. Одна из главных функций глаголов речи в албанском эпическом тексте – вводить прямую речь героев. Речи героев – это не просто некоторая остановка в развитии сюжета или ретардация, очень часто в них формулируются причины или объясняется (мотивируется) необходимость последующих действий. Именно поэтому введение прямой речи всегда четко маркировано, на это часто специально обращается внимание слушающего: *Kqyre Muja atherë shka u ka thanë* (7: 24) ʻПосмотри, Муйо тогда что им сказал'; *Kqyr e ama djalit ça i ka thanë*! (18: 59) ʻПосмотри, мать сыну что сказала!'; *Prit çka i thotë Arnaut Osmani* (32: 44) ʻВот (букв. принимай) что сказал Арнаут Османи!'; *Qyqja Mujit çka i ka thanë*? (35: 66) ʻКукушка что сказала Муйо?', примеры можно многократно продолжать. В этих предложениях говорящий в роли рассказчика обращается непосредственно к слушателю, к адресату, дательный этический в них отсутствует.

В албанском языке при глаголах речи адресат, как правило, называется, – это дательный имени или местоимения. В эпическом тексте наличие одного дательного при глаголе речи не является препятствием появления при нем еще и дательного этического: *m'i tha* ʻмне ему сказал(а)'. Теоретически, если говорящий позиционирует себя как свидетеля каких-то событий, то он вполне мог бы быть и адресатом прямой речи героев. В

этом случае для слушателя повышается достоверность сообщаемой в речах информации.

В эпических текстах глагол *them* чаще других употребляется для ввода прямой речи персонажей, обычно выступая при этом не как отдельная лексическая единица, но в составе высокочастотного формульного выражения *qet* ‘вынимаю’ + *e* ‘и’ + *them* ‘говорю’.

В составе этой формулы равно возможны как наличие дательного этического, так и его отсутствие. Так, в песне № 9 “Gjogu i Mujit” («Конь [богатыря] Муйо») на 20 примеров употребления данного оборота всего лишь один пример, содержащий dativus ethicus, при этом ничем не выделяющийся из остальных и не поддающийся какому-либо мотивированному объяснению. Напротив, в песне № 47 “Deka e Dezdar Osman Agës” («Смерть Дездара Османа ага») 7 из 8 случаев ввода прямой речи содержат dativus ethicus, при этом 5 из них в составе данного оборота: *Se ç’ka qitë motra e* ***m****’i kish thanë* (47: 31) ‘Что вынула сестра и мне ему сказала’, а также примеры (47: 6, 37, 39, 42).

В ряде песен наблюдается попеременное использование конструкций содержащих и не содержащих dativus ethicus в отношении одних и тех же персонажей и в одних и тех же позициях. Так, в песне № 75 “Ali Bajraktari” («Али Байрактар») данный оборот употреблен 15 раз, из которых 7 примеров с дательным этическим и 8 – без него. При обращении сына к матери возможно как *E ç’ka qitë s’amës i ka thanë*? (75:15), так и *Edhe s’amës ç’ka qitë e* ***na*** *i ka thanë?* (75:124) ‘Что изрек (букв. вынул) он и сказал нам матери?’. Аналогично и при обращении матери к сыну: *E ç’ka qitë njaty e* ***na*** *i ka thanë*? (75: 42) *E ç’ka qitë e ama e i ka thanë*? (75: 136) ‘И что изрекла (букв. вынула) она тут и ему нам сказала?’.

Отсутствие видимых контекстуально обусловленных мотивов предпочтения того или иного варианта побуждает нас искать объяснение на каком-то ином уровне, о чем скажем ниже. Укажем здесь только на возможную связь использования дательного этического с общим характером эпического произведения, его сюжетом и тональностью, – идет ли в нем речь о боевых приключениях, удачных похищениях и под., которыми рассказчик приглашает нас полюбоваться, или повествуется о трагической судьбе и гибели героев, к которым рассказчик эмоционально явно причастен. Так, названная выше песня № 47 «Смерть Дездара Османа ага» отличается высоким процентом

употребления dat.eth., – 31 пример dat.eth. на 80 стихов! В песне повествуется о трагической гибели богатыря Дездара и его сестры, которая кровью своей помечала путь к источнику, но воды принести своему брату все равно не успела. Синтаксическим строем и тональностью эта песня напоминает плач по умершему, а все это событие явно вызывает у рассказчика чувство сопереживания.

Эмоциональная сопричастность говорящего заметна в высказываниях, содержащих квалификаторы действия говорения. Как правило, такие квалификаторы выступают при глаголах речи с осложненной семантикой, которые не просто вводят прямую речь героя, но и характеризуют его состояние и поведение.

Вот Халиль перед опасным мероприятием *sa me t'ambël gjogun po* ***m****a merr* (24: 234) 'как ласково к коню он мне подступает'; вот взбешенный похищением у него дочери герой *me turr* ***m****'i ka folun* (24: 283) 'с напором [жене] ей мне сказал'; Диздар, озабоченный трудным разговором в драматической ситуации, *Mbarë e mbarë kuvendin* ***m****a ka fillue* (24: 105) 'исподволь беседу мне начал'; Муйо, сраженный известием о похищении его сестры, три часа сидел в оцепенении, но услышал призыв Соколя и *Njatherë Muji dorën ballit e ka ulë*, / *sytë si rrfeja Sokolit ja ka ngulë*, / *fort te madhe t'dyve* ***m****'u asht gërmue*, / *betë në zotin trimi u ka ba* (15: 94–97) 'Тогда Муйо руку ото лба опустил, / глаза подобные молнии на Соколя устремил, / очень громко им обоим мне грозно сказал, / божью клятву храбрец им принес'; мать юного Омера, предчувствуя его гибель, *Be në zotin Mujit* ***m****'i ka ba*: / *– Aman, Mujo, djalin ç'ma ke ba*? (31: 23–24) 'богом Муйо мне заклинала: / – Умоляю, Муйо, с сыном моим что ты сделал?'.

То, что дательный этический часто сопровождает именно глаголы речи, может объясняться несколькими факторами. Во-первых, важностью этих глаголов для структурирования эпического текста. Все случаи появления прямой речи героев, как уже отмечалось, обязательно маркируются, и в подавляющем большинстве случаев для этого используются глаголы речи. Вторая, не менее важная, причина – семантика этих глаголов, связанная с категорией эвиденциальности. Для подтверждения достоверности вводимой информации говорящий позиционирует себя как одного из ее получателей.

Дательный этический после kqyr. Выше было отмечено, что восклицательные (императивные) и вопросительные (рито-

рические) предложения вводят в повествование указание на новые важные события, определяющие развитие эпического действия. Части текста, введенного с помощью *kqyr shka bani* ʻпосмотри, что сделал(а)ʼ, описывают некоторую микроситуацию и содержат обычно дательный этический.

В содержательном плане эти микроситуации весьма разнообразны, в них могут описываться такие действия, как, например:

оповещение дружинников: *Kqyr çka bani Gjeto Basho Muji*! / *Tha,* ***m****'ka hype n'beden të kullës*, / *e ka shprazë pushkën habertare*, / ***m****a ka ndie Jutbinë e Krahinë*. (25: 123–126) ʻПосмотри, что сделал Гето Башо Муйо! / Сказал, поднялся мне на стену башни, / разрядил ружье-вестник, / мне услышала это Ютбина и Краинаʼ; ср. также (28: 11–14), (22: 384–387), (61: 24–28);

выезд богатыря на опасное дело: *Kqyr çka bani aj Gjeto Basha Muja*! / ***M****'i ka marrë armët e gjuetarit*, / *asht veshë trimi e asht tebdilue*, / *e fill n'ato bjeshkë ka shkue*; (90: 66–69) ʻСмотри, что сделал Гето Башо Муйо! / Взял мне оружие охотничье, / оделся храбрец и замаскировался, / и прямо в эти горы поехалʼ; ср. также (65: 67–71);

победа над противником: *Kqyr shka bani Sokol Halil Aga*! / *Pushkën në dorë djali e ka marrë*, / *mirë krajlit ja ka terezitë*, / *në shtek të ballit* ***m****'i ka ra*, / *dekun n'tokë krajlin e ka lanëe* (61: 186–190) ʻСмотри, что сделал Соколь Халиль Ага! / взял юноша в руку ружье, / хорошо в краля прицелился, / прямо в лоб мне ему попал, / мертвым на земле краля оставилʼ;

хитрость девушки: *Kqyr shka bani vashë Ngjelina*! / *Fort marak në Haliin ish ba* / *edhe çikat* ***m****'i ka rrejtë* (61: 146–148) ʻПогляди, что сделала девушка Нгелина! / Очень сильно в Халиля влюбилась / и девушек мне обманулаʼ;

начало поединка: *Shif ç'ka bani Krajloviqe Marku*! / *Po* ***m****a hjek shpaten prej mellsije*, /*me dorë të djathtë shpatën* ***m****a ka rrokun*, / *e me dorë të shmajtë për dyzinash dorinë* / *e bythëprapë për drum po* ***m****a kthete* (83: 41–45) ʻСмотри, что сделал Кралевич Марко! / Вытаскивает мне меч из ножен, / правой рукой меч мне схватил, / а левой рукой за узду гнедого / и на дорогу мне его поворачиваетʼ.

Призывы повествователя «посмотреть, что делает герой» (т. е. повторяющиеся *Kqyr shka bani* и его варианты) не только оживляют изложение, но и делают использование дательного этического более уместным и выразительным. В этих случаях

создается впечатление, что действия героя происходили на глазах рассказчика.

Иной эффект возникает, если фрагменты эпического текста такого типа (с вводящим *Kqyr shka bani*) содержат формы эвиденциальности. В приводимом ниже примере рассказчик проявляет некоторую дистанцированность от повествуемых событий, и даже свое осуждение подготавливаемому бесчестному поступку («подумать только, что она сделала!», А. Ж.). *Qyr çka bani vasha për me ba*! / *Fill te krajli vasha kenka shkue*, / *gjithsesi krajlit i kish kallxue* / *e hiç za Mujit s'i kanë ba*, / *veçse nalt e paskan thirrë* / *edhe n'odë e paskan shti*, / *shum iqramë Mujit i paskan ba*, / *raki shum Mujit i paskan dhanë* (72: 111–118) 'Глянь, что сделала девушка! / Прямо к кралю девушка пошла, / все-все кралю рассказала / а Муйо совсем ничего не сказали, / только наверх его позвали / и в комнату его поместили, / много почестей Муйо оказали, / много ракии Муйо дали'.

*Дательный этический в описании.*Позиция рассказчика как наблюдателя явно проявляется и при описании статичных ситуаций, действия в которых ограничены пространственными и временными рамками, т. е. когда имеет место остановка в развитии сюжета.

Ситуация седлания коня (и описание его красоты): *Ka nisë nana gjogun me e shilue*, / *po* ***m****'ja ven shalën prej florinit* / *e* ***m****'ja ven bilanat telatinit* /*e* ***m****'ja ven frenin prej brishimit* / *e n'fund t'shkallve Zukut ja ka çue* (18: 99–103) 'Стала мать коня седлать, / кладет мне на него седло золотое / и кладет мне на него ремни нагрудные лаковые / и кладет мне на него удила шелковые / и к крыльцу Зуку его вывела'. Говорящий здесь явно любуется дорогим убранством коня, и не потому, что это красивые вещи, но потому, что они входят в его «круг владения», по выражению Т. В. Цивьян. Ср. также аналогичный эффект, возникающий при описании лахуты (муз. инструмент, А. Ж.) в песне Rrëmbimi i së shoqes së Mujit (22: 326–329) («Похищение жены Муйо»).

Ситуация седлания коня достаточно часто повторяется в анализируемых песнях, но далеко не всегда она описывается с таким щедрым использованием dat.eth. Аналогичный текст может иметь иное оформление, а именно, dat.eth. появляется только в одном (чаще – в первом) стихе, а в последующих стихах он отсутствует. Так, в песне № 40 Deli Mehmet Aga («Удалой Мехмет Ага») дано очень красочное и подробное (занимающее

15 стихов!) описание подготовки героя к выезду, однако dat.eth. стоит только в первом стихе, открывающем это описание: *E **m**a njesh nji rryp të vjetër* (40: 30–44) ʻИ подпоясывается мне старым ремнем’. Все остальные действия героя описываются без дательного этического – *e shilon sakate dorinë* ʻседлает хромого коня’, вместо седла *i ven nji thes të kmendë* ʻкладет на него мешок’, вместо ремня *nji konop me nej* ʻверевку с узлами’, узду изготовил *prej hardhisë* ʻиз лозы виноградной’. Наличие дательного этического в первом стихе задает некий вектор, указывая на то, что герой принадлежит миру рассказчика, это «свой» богатырь. Но предметы снаряжения и детали убранства коня столь жалки и не эстетичны, что рассказчику не хотелось, видимо, быть сопричастником такого позора, да и любоваться тут нечем.

Дательный этический с глаголами неожиданного действия. В текстах имеются также примеры, в которых дательный этический явно указывает на присутствие рассказчика при описываемых событиях. Это имеет место в конструкциях типа dat.eth. + Vb., где в семантике глагола содержится также сема ʻнеожиданности’ действия. В эпосе такими глаголами выступают *ndodh* ʻслучаться, происходить’ и *qëlloj* ʻстрелять в цель’, ʻбывать, случаться’.

Для глагола ndodh словарь фиксирует в форме 3 л. ед. ч. также значение ʻпроисходить случайно’. Имеются два примера, показывающих, что субъектом при этом глаголе может являться только лицо, обозначенное дательным этическим. Речь идет о ситуации, когда два героя схватились в рукопашном бою, и долгое время ни один не мог одержать верх. Во время схватки они переместились с ровного луга на обрабатываемое поле и *Aty **m**’ndodhi ’i cung i zi* (6: 424) ʻТут мне оказался черный пень’. Единственный субъект, который видит и воспринимает данный объект, это повествователь, т. е. он должен был лично присутствовать при описываемом событии. Аналогично также в (36: 106–107).

Некоторые выводы

Анализ употребления дательного этического в некоторых наиболее типичных частях эпического текста позволяет поставить вопрос, почему вообще вдруг появляется дательный эпический и почему он появляется именно в этом, а не в другом месте повествования.

Дательный этический, помещенный в ткань эпического нарратива, оказывается в «непривычной» для него коммуникативной ситуации. Если в разговорной речи его поле деятельности – это ситуации полемики в широком смысле слова (несогласие, пренебрежение, осуждение, нежелание, запрет, разочарование, угроза) (Машовец 2000), то в эпосе он оживляет повествование о давно минувших событиях, придает объективность и достоверность описанию.

В эпическом повествовании дательный этический сохраняет свое категориальное значение – указать (назвать) некое лицо, не являющееся участником описываемой денотативной ситуации, но заявляющее о своей к ней причастности. Однако по сравнению с разговорной речью характер этой причастности здесь меняется: модальные значения, часто эмоционально негативно окрашенные, уступают место значению достоверности и объективности, повествование ведется в нейтральной тональности, часто с положительными оценочными значениями.

Албанский эпический dativus ethicus выступает маркером засвидетельствованности, с его помощью повествователь время от времени напоминает слушателю, что он был очевидцем описываемых событий («я это видел, наблюдал»). Такая функция дательного этического сближает его с прямыми эвиденциалами (говорящий был свидетелем события) и противопоставляет его косвенным эвиденциалам (говорящий не был свидетелем события), т. е. формам албанского инвертированного перфекта/(ад)миратива. Повествователь в эпосе выбирает одну из двух стратегий, – рассказывать о событиях прошлого как личный участник и наблюдатель или как известных ему понаслышке. Эти две стратегии в рамках одной песни плохо между собой согласуются. Если повествователь выбирает первый вариант, то он использует дательный этический (в некоторых песнях достаточно широко), снижая употребление форм эвиденциальности. При выборе второго варианта в песне используются формы (ад)миратива, но фактически отсутствует дательный этический. Характерно, что и первая стратегия повествования, и вторая маркирует одни и те же точки нарратива.

Литература

Buchholz, O., Fiedler, W. 1987: *Albanische Grammatik*. Leipzig.

Civjan, T. V. 1984: [One aspect of possessiveness and ways of expressing it in the Balkan languages (dat.eth. and its transformations)]. In:

Yazyk v etnokulturnom aspekte [*Language in ethno-cultural aspect]*. Moscow, 79–87.

Цивьян, Т. В. 1984: Об одном аспекте посессивности и способах его выражения в балканских языках (dat. eth. и его трансформы). В сб.: *Язык в этнокультурном аспекте*. М., 79–87.

Desnitskaya, A. V. 1986: [Towards the question of Albanian admirativ]. In: *Voprosy yazyka i literatury narodov Balkanskikh stran* [*Issues of language and literature of the peoples of the Balkan countries*]. Leningrad, 28–41.

Десницкая А. В. 1986: К семантике албанского адмиратива. В сб.: *Вопросы языка и литературы народов балканских стран*. Л. С. 28–41.

Ejntrej, G. I. 1982: *Albanskij yazyk* [*Albanian language*]. Leningrad. Эйнтрей, Г. И. 1982: *Албанский язык*. Л.

Fjalor 1981: *Fjalor i gjuhës së sotme shqipe*. Prishtinë.

Folklor shqiptar, II. *Epika legjendare*. Tiranë.

Gramatika 1976 – *Fonetika dhe gramatika e gjuhës së sotme letrare shqipe*, II. Tiranë.

Gramatika 2002 – *Fonetika dhe gramatika e gjuhës së sotme letrare shqipe*, II. Tiranë.

Ivanova, Petrova 2014: [Clusterization of pronoun clitics in dative form: admissions and limitations in Bulgarian language (with Macedonian and Serbian parallel)]. In: *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoy konferencii* [*Typology of morphosyntactic parameters. Proceedings of the international conference*]. Moscow.

Иванова, Петрова 2014: Кластеризация местоименных клитик в форме датива: допуски и ограничения в болгарском языке (с македонскими и сербскими параллелями). В сб.: *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции*. М. С. 59–76.

Kustova, G. I. 2012: *Datelny padezh. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki* [*Dative case. Data for project of Corpus Studies of Russian grammar*] (http://rusgram.ru). Na pravakh rukopisi [manuscript]. Moscow.

Кустова, Г. И. 2012: *Дательный падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики* (http://rusgram.ru). На правах рукописи. М.

Lambertz, M. 1955: *Lehrgang des Albanesischen*. Teil II. Berlin.

Makartsev, M. M. 2014: *Evidentsialnost v prostranstve balkanskogo teksta* [*Evidentiality within the Balkan text space*]. Moscow.

Макарцев, М. М. 2014: *Эвиденциальность в пространстве балканского текста*. М.

Mashovec, E. N. 2000: *Konstrukcii s datelnym eticheskim v sovremennom russkom yazyke*. [*Constructions with ethical dative in the modern Russian language*]. PhD Thesis. Saratov.

Машовец, Е. Н. 2000: *Конструкции с дательным этическим в современном русском языке*. Автореф. дис … канд. филол. наук. Саратов.

Mollica, F. 2014: Der Dativus ethicus im Deutschen aus konstruktionsgrammatischer Sicht. *Zeitschrift für germanistische Linguistik* 42/3.

Paducheva, E. V. 1996: *Semanticheskiye issledovaniya* [*Semantic studies*]. Moscow.

Падучева, Е. В. 1996: Семантические исследования. М.

Sytov, A. P. 1976: [Aorist and perfect in the language of Albanian epos]. In: *Grammaticheskiy stroy balkanskikh yazykov* [*Grammatical structure of the Balkan languages*]. Leningrad, 215–225.

Сытов, А. П. 1976: Аорист и перфект в языке северноалбанского эпоса. В сб.: *Грамматический строй балканских языков*. Л., 215–225.

Toshovich, B. 2006: [Expressive syntax of case forms]. In: *Zbornik matice srpske za slavistiku*, 69. Novi Sad.

Тошович, Б. 2006: Экспрессивный синтаксис падежных форм. В сб.: *Зборник матице српске за славистику*, 69. Нови Сад.

A. V. Zhugra. Dativus Ethicus in Albanian epic texts (some remarks)

The article considers the use of the ethical dative in the Albanian epic text. It identifies some of the most typical positions of its appearance in the epic narrative. The dat. eth. function is proposed to be considered as a marker of direct evidentiality as opposed to the function of indirect evidentiality inherent in the forms of the (ad)mirative.

Keywords: Albanian, epic, narrative, dativ, ethical, admirativ, evidentiality.

DOI:10.30842/ielcp230690152240

Я. Л. Забудская

«ТРАГЕДИЙНАЯ» ЛЕКСИКА В «СРАВНИТЕЛЬНЫХ ЖИЗНЕОПИСАНИЯХ» ПЛУТАРХА

В статье анализируется «трагедийное» семантическое поле и показаны различия в значениях слов «трагедия», «драма», «театр», «скена» в различных эпизодах из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха. Отмечены случаи использования соответствующей лексики как в негативном, так и в нейтральном значении. В словоупотреблении, как и во многом другом, Плутарх выступает как эклектик: его отношение сформировано современным ему зрелищным театром, но и классическая трагедия используется им как прецедентный текст – отсюда двойственность трактовки «трагедийной» лексики.

Ключевые слова: трагедия, драма, повествование, семантическое поле, контекст, коннотация, семантика.

При всем обилии «драматических» отсылок и аллюзий у Плутарха традиционным считается представление о его отрицательном отношении к трагедии и театру и отрицательных коннотациях, которые он вкладывает в соответствующие понятия. Театр и драма часто выступают у Плутарха как синонимы лжи и обмана – в более широком контексте концепции «обмана поэзии» (τὸ “πολλὰ ψεύδονται ἀοιδοὶ” De aud. poet. 16 a), и отсюда делается вывод: Плутарх часто называет лживое и фальшивое трагическим (De Lacy 1952: 161). Примеры этому можно найти и в трактатах (например, «О злокозненности Геродота», где остановивший бегущих от Саламина коринфян корабль трактуется как трагическая машина (μηχανὴ τραγική), которой Геродот пользуется, стараясь превзойти своим обманом авторов трагедий (ὑπερπαίοντα τοὺς τραγῳδοὺς ἀλαζονείᾳ) De malign. Herod. 870 c), и в биографиях (например, вступление к «Тезею» («Тезей» 1), где сюжеты трагедии отнесены к области, в которой нет «правды и ясности» (οὐκέτ᾽ ἔχει πίστιν οὐδὲ σαφήνειαν).

Заметим, однако, что в трактатах отрицательное отношение не столь однозначно: для Плутарха цель трагедии – удовольствие и удивление публики, а не обман как таковой – это следует и из пояснения πρὸς ἡδονὴν ἀκοῆς καὶ χάριν все к той же концепции τὸ “πολλὰ ψεύδονται ἀοιδοὶ”, и из цитаты Горгия, которую Плутарх приводит дважды: Γοργίας δὲ τὴν

τραγῳδίαν εἶπεν ἀπάτην, ἣν ὅ τ' ἀπατήσας δικαιότερος τοῦ μὴ ἀπατήσαντος καὶ ὁ ἀπατηθεὶς σοφώτερος τοῦ μὴ ἀπατηθέντος (Горгий называл трагедию обманом, в котором обманывающий поступает правильнее (досл. «справедливее») того, кто не обманывает, а обманутый – мудрее необманутого De aud. poet. 15 D; De glor. Ath. 348 c). Не стоит забывать и о широком контексте – сама тема трактата Πῶς δεῖ τὸν νέον ποιημάτων ἀκούειν («Как юноше слушать поэтические произведения») предполагает правильное восприятие поэзии, а не отказ от чтения – значит, здесь речь идет все-таки не столько о лжи как таковой и тем более вреде и отрицании, сколько о литературном вымысле, который рассматривается автором как неизбежный.

Заметим также, что механическое объединение трактатов и биографий для выявления отношения Плутарха к трагедии не совсем корректно. В «Моралиях» драма выступает как объект оценки, а в биографиях она – прежде всего средство, причем с самыми разными функциями, от информативной (чаще в этой роли выступают тексты комедии) до структурной (когда все повествование подчиняется «драматическому» принципу и главный персонаж изображается как герой трагедии); современные исследования показывают, как соответствующая лексика придает рассказу Плутарха трагический колорит и глубину (Pelling 2016: 131, 133). Порядка трех десятков эпизодов из «Сравнительных жизнеописаний» могут быть рассмотрены как случаи оценки персонажей через «трагедийную» лексику. Например, поведение царя Тиграна описывается как τραγικὸν καὶ ὑπέρογκον («трагическое («напыщенное») и высокомерное»), а зрелище пышного выезда царя названо трагедией, которая, впрочем, не произвела на Аппия Клавдия должного впечатления: Ταύτην μέντοι τὴν τραγῳδίαν οὐχ ὑποτρέσας οὐδ' ἐκπλαγεὶς ὁ Ἄππιος («Лукулл» 21). Пример открытой «трагической» аналогии с оттенком осуждения – жизнеописание Лисандра («Лисандр» 25–26): интрига с оракулами подается как постановка, впрочем, неудавшаяся, причем вводится этот эпизод фразой ὥσπερ ἐν τραγῳδίᾳ μηχανὴν αἴρων («воспользовавшись машиной, как в трагедии»), а завершается ἐξέπεσε τοῦ δράματος ὁ Λύσανδρος («Лисандр потерпел в этой драме поражение»).

С точки зрения словоупотребления «драматические» контексты у Плутарха содержат разнообразные слова и выражения, которые можно рассматривать как единое семантическое поле. Для общего именования такого рода лексики («драматическая», «трагическая», «театральная», «сценическая») было выбрано название «трагедийная» из-за частотности (при 58 контекстах для τραγικός и 37 для δρᾶμα более 100 контекстов делают «трагедию» доминантой). По той же причине в данной работе мы рассматриваем этот корень и родственный ему корень τραγικ- как основные, а слова с другими корнями, относящиеся к этому семантическому полю – лишь в сопоставлении.

Необходимо заметить, что в большинстве лексем (кроме, пожалуй, глагола τραγῳδέω) основное значение оказывается нейтральным (то есть «трагедия» означает произведение соответствующего жанра, «трагический» – имеющий отношение к трагедии и т. п.). Однако изучение контекстов показывает, что в ряде случаев «отклонения» в значениях могут быть довольно существенными.

Отрицательная коннотация («преувеличивать», «присочинять») – у глагола τραγῳδέω: Феопомп преувеличивает, говоря, что афиняне переносили несчастье трусливо и униженно: οὐ ταπεινῶς οὐδ' ἀγεννῶς φέρων τὸ συμβεβηκός, ὡς γράφει καὶ τραγῳδεῖ Θεόπομπος («Демосфен» 21). Еще дважды этот глагол используется с приставкой ἐπι-, и оба раза, как и в случае с Феопомпом, речь идет об историках, в рассказе которых Плутарх видит преувеличение и отклонение от правды: Дурис Самосский приписывает излишнюю жестокость афинянам и Периклу (Δοῦρις δ' ὁ Σάμιος τούτοις ἐπιτραγῳδεῖ, πολλὴν ὠμότητα τῶν Ἀθηναίων καὶ τοῦ Περικλέους κατηγορῶν «Перикл» 28), а Ктесий пытается прибавить значительности истории о гибели Клеарха (ταῦτα μὲν οὐκ ἄδηλον ὡς ἐπιτραγῳδεῖ τῇ Κλεάρχου μνήμῃ «Артаксеркс» 18).

Тот же глагол с приставкой συν- означает «подыгрывать» (дословно «подпевать») – и также в контексте обмана: друзья Никия уверяли всех приходящих к нему, что он вечно занят делами государства, а он им подыгрывал, окружая себя таким образом величием и славой (ὁ μάλιστα ταῦτα συντραγῳδῶν καὶ συμπεριτιθεὶς ὄγκον αὐτῷ καὶ δόξαν «Никий» 5).

Единственное нейтральное употребление – в Vitae decem oratorum 846 f 5: Демосфен использует тот же глагол, обра-

щаясь к бывшему актеру Архию, который пытается заманить оратора в ловушку: οὔτε, ὅτε ἐτραγῴδεις, ἔπειθές με οὔτε νῦν πείσεις συμβουλεύων' 'как ты не убеждал меня раньше своей актерской игрой, так и теперь не убедишь советами'. Однако, при нейтральном значении конкретного глагола, указывающего на прежний род занятий Архия, весь контекст в целом придает ему отрицательный оттенок и создает игру слов («играть»/ «обманывать»). Заметим, что при описании той же ситуации в биографии Демосфена («Демосфен» 29) Плутарх использует глагол ὑποκρίνομαι, также означающим и актерскую игру, и притворство; во втором значении 'подыгрывать', 'притворяться' этот глагол появляется еще в нескольких жизнеописаниях («Тимолеон» 14, «Марий» 14, 17, «Катон Младший» 46).

«Трагедия» (τραγῳδία) в большинстве случаев, как уже говорилось, означает произведение соответствующего жанра, однако ряд употреблений, в значении «чрезмерно пышное зрелище», очевидно предполагает негативную окраску. Например, τραγῳδία называется роскошный выезд царя Тиграна (Luc. 21 3, см. выше). Так же характеризуется и пышное одеяние Деметрия (Ἦν δ' ὡς ἀληθῶς τραγῳδία μεγάλη περὶ τὸν Δημήτριον «Деметрий» 41).

Еще в двух случаях τραγῳδία означает скорее «зрелище, не соответствующее реальности», «обман зрения»: в «Помпее» герой утверждает, что его соперник Лукулл сражался с «трагедийными» и «картинными» войсками царя, в то время как ему, Помпею, досталось в противники уже по-настоящему сильное и обученное войско (ἔλεγε τραγῳδίαις καὶ σκιαγραφίαις πεπολεμηκέναι βασιλικαῖς τὸν Λεύκολλον, αὐτῷ δὲ πρὸς ἀληθινὴν καὶ σεσωφρονισμένην τὸν ἀγῶνα λείπεσθαι δύναμιν»Помпей» 31); по утверждению Антигона, Арат сначала восхищался египетским богатством, теперь же понял, что это все «трагедия» (иллюзия, обман) и декорация (Αἰγύπτιον ἐθαύμαζε πλοῦτον, … νυνὶ δ' ὑπὸ σκηνὴν ἑωρακὼς πάντα τὰ ἐκεῖ πράγματα τραγῳδίαν ὄντα καὶ σκηνογραφίαν «Арат» 15). Здесь мы наконец обнаруживаем близость той концепции «трагедии как обмана», которая видится основной в отношении Плутарха к этому жанру. Еще более отчетливую коннотацию «обман», «выдумка», «притворство» приобретает в ряде контекстов δρᾶμα: у Нумы Помпилия была «драма» («выдуманная история») любви с некой богиней или нимфой (τῷ δὲ Νομᾷ δρᾶμα θεᾶς τινος ἢ νύμφης ὀρείας ἔρως

«Нума» 8); торжественный выезд гадалки, повсюду сопровождавшей Мария, был «драмой», вызывавшей сомнения в искренности поведения Мария (в описании этого эпизода появляется и συνυποκρινόμενος в значении «подыгрывающий»: τοῦτο μὲν οὖν τὸ δρᾶμα πολλοῖς ἀμφισβήτησιν παρεῖχεν, εἴτε πεπεισμένος ὡς ἀληθῶς εἴτε πλαττόμενος καὶ συνυποκρινόμενος ἐπιδείκνυται τὴν ἄνθρωπον «Марий» 14).

В биографии Помпея τραγῳδία близка к современному «внежанровому» широкому пониманию – трагическое событие: Сулла заставил Помпея развестись и женится на своей падчерице, и мать его бывшей жены покончила с собой, что «добавило страдания к трагедии этого брака» (ὥστε καὶ τοῦτο τὸ πάθος τῇ περὶ τὸν γάμον ἐκεῖνον τραγῳδίᾳ προσγενέσθαι «Помпей» 9). Напротив, в биографии Красса τραγῳδία сохраняет «жанровое» значение, приобретая при этом и семантику оценки. Это жизнеописание в целом строится по принципу трагического нарратива (Braund 1993, Zadorojnyi 1997), но в «Крассе» этот принцип выражен эксплицитно: поход Красса получил такой же финал (ἐξόδιον, драматический термин), что и трагедия (εἰς τοιοῦτόν φασιν ἐξόδιον τὴν Κράσσου στρατηγίαν ὥσπερ τραγῳδίαν τελευτῆσαι «Красс» 33).

В этом жанровом значении τραγῳδία становится частью выражения «подняв машину, как в трагедии» – здесь указание на особенность постановки и прием deus ex machina выступает как драматическая аналогия действиям героев. При этом «отрицательность» оценки зависит от персонажа и его действий: так вводится интрига Лисандра с попыткой получить власть благодаря оракулам, а завершается фразой «Лисандр проиграл в этой драме» («Лисандр» 25–26, см. выше) с явным с оттенком осуждения. В биографии Фемистокла это выражение появится даже дважды: оно использовано в описании действий главного героя, пытавшегося таким образом убедить афинян перед Саламинским сражением, а также в отношении Филарха, который, как в театральной машине, представляет сыновей Фемистокла, пытаясь добавить страдания своему повествованию («Фемистокл» 10; 32): в первом случае, в отношении главного героя, описание нейтрально, во втором – очевидно отрицательно («как будто невозможно понять, что это все выдумано» ὃ οὐδ' ἂν ὁ τυχὼν ἀγνοήσειεν ὅτι πέπλασται «Фемистокл» 32), поскольку

относится к представителю осуждаемого Плутархом направления в историографии.

Прилагательное τραγικός имеет прежде всего жанровое значение – «относящийся к трагедии»; это может быть текст, автор или актер. Однако, как и у τραγῳδία, у этого прилагательного может быть значение «пышный, украшенный» – так, например, посредством определения τραγικὰ описываются чрезмерные роскошества в наряде, от которых отказался Александр, соединив в одежде персидское с македонским (᾽Αλέξανδρος… τὴν ἐσθῆτα προσήκατο … τὴν Περσικὴν …. τὰ γὰρ ἄξαλλα καὶ τραγικὰ τοῦ βαρβαρικοῦ κόσμου παραιτησάμενος De Al. Magn. fort. 329 f). В биографии Деметрия это прилагательное появляется в описании его пышных похорон (Ἔσχε μέντοι καὶ τὰ περὶ τὴν ταφὴν αὐτοῦ τραγικήν τινα καὶ θεατρικὴν διάθεσιν «Деметрий» 53; в переводе С. П. Маркиша: «И в погребении Деметрия было многое от показного блеска трагедии на театре»). Похожее значение сохраняет и образованное от прилагательного наречие τραγικῶς, представляющее собой характеристику стиля, например, в «Тезее» Плутарх пытается сформулировать свое отношение к принципам изложения исторического материала: «если пригодны для правды слова тех, кто считает, что следует рассказывать наименее трагически («пафосно») (εἴ τι τῶν ἥκιστα τραγικῶς εἰρῆσθαι δοκούντων ὄφελός ἐστι πρὸς ἀλήθειαν «Тезей» 2).

При этом φρόνημα τραγικὸν καὶ ὑπέρογκον («Лукулл» 21) предполагает скорее «гордыню» и «надменность», чем просто внешнюю пышность: это значение определяется и главным словом словосочетания (φρόνημα – это «образ мыслей» и «высокомерие», таким образом, мы имеем «надменный образ мыслей» или «трагическое высокомерие», а ὑπέρογκον с тем же значением усиливает именно этот смысл). С другой стороны, τραγικός может быть и «ужасный», без иных коннотаций с точки зрения внешних («роскошь») и внутренних («надменность») проявлений: римляне, преследующие варваров, видят во вражеском лагере страшную картину массовых самоубийств (τοὺς δὲ φεύγοντας ὥσαντες πρὸς τὸ χαράκωμα, τραγικωτάτοις ἐνετύγχανον πάθεσιν «Марий» 27); такая же картина оказывается невыносимой для Брута (καὶ τοῦ θεάματος τραγικοῦ φανέντος, ἰδεῖν μὲν οὐχ ὑπέμεινεν ὁ Βροῦτος «Брут» 31). При этом в выражении «наитрагичнейшие страдания» (τραγικωτάτοις πάθεσιν) сохраняется и исходное значение, указывающее на литера-

турный жанр, что подчеркивается и определяемым словом, также имеющим вариант значения, связанный с драматическим жанром – πάθος.

В ряде контекстов связь с драматическим жанром проявляется еще отчетливее: это τραγικός как «присущий трагедии». В биографии Гальбы Дионисий называет «трагическим тираном» правителя Фер, который правил всего десять месяцев – именно из-за быстроты перемены в судьбе (Διονύσιος Φεραῖον ἄρξαντα Θετταλῶν δέκα μῆνας, εἶτα εὐθὺς ἀναιρεθέντα, τὸν τραγικὸν ἀνεκάλει τύραννον, ἐπισκώπτων τὸ τάχος τῆς μεταβολῆς «Гальба» 1). В биографии Тезея речь не могла не зайти о Минотавре – этот миф назван τραγικώτατος («Тезей» 15) в значении, скорее, «предпочитаемый в трагедии», чем «трагичнейший» в эмоционально-оценочном смысле.

Все рассмотренные выше оттенки значений сходятся в сопоставлении, неизбежном для Плутарха и как для биографа, и как для моралиста: жизнь как трагедия. В словесном выражении этой идеи отражены все элементы «трагедийного» семантического поля: τραγῳδία, δρᾶμα, а также σκηνὴ и θέατρον. Подобное понимание τραγῳδία мы видим в уже рассмотренном контексте из «Красса» (поход Красса получил такой же финал, что и трагедия εἰς τοιοῦτόν φασιν ἐξόδιον τὴν Κράσσου στρατηγίαν ὥσπερ τραγῳδίαν τελευτῆσαι) и в очень похожем на него по форме и подбору слов, но не по смыслу, контексту из «Пелопида»: историк Филист восхищенно описывает погребение Дионисия как финал великой трагедии – тирании (Φίλιστος, ὑμνῶν καὶ θαυμάζων τὴν Διονυσίου ταφήν, οἷον τραγῳδίας μεγάλης τῆς τυραννίδος ἐξόδιον θεατρικὸν γενομένην «Пелопид» 34); существенное различие заключается в том, что в первом случае Плутарх сам уподобляет судьбу своего персонажа трагедии, в то время как во втором – осуждает манеру изложения Филиста, пытающегося добиться того же эффекта. Похожую ситуацию мы видим и в употреблении δρᾶμα – мы видим и критику источников Плутарха (опять-таки в очень похожих выражениях), где историческая правда уступает «драматичности» изложения (ὥσπερ δράματος μεγάλου τραγικὸν ἐξόδιον καὶ περιπαθὲς πλάσαντες «Александр» 75), и авторское уподобление биографии героя (точнее, обоих героев, Деметрия и Антония) драме («После того, как разыграна македонская драма, пора начинать римскую» Διηγωνισμένου δὲ τοῦ Μακε-

δονικοῦ δράματος, ὥρα τὸ ῾Ρωμαϊκὸν ἐπεισαγαγεῖν «Деметрий» 53). Заметим, что применяемый Плутархом в биографии Деметрия метод изложения можно назвать драматическим или трагическим (De Lacy 1952: 168; Harrison 2005: 53–59; Pontoropoulos 2014: 3, 5, 15). Для метафорических обобщений Плутарх привлекает также два практически технических термина, σκηνὴ и θέατρον, используемые обычно для обозначения места действия (когда события происходят в театре или в них участвуют актеры (οἱ ἀπὸ σκηνῆς)): частая смена правителей сделала императорский дворец похожим на сцену (ἐν ἐλάσσονι χρόνῳ τέσσαρας αὐτοκράτορας ὑπεδέξατο, τὸν μὲν εἰσαγόντων ὥσπερ διὰ σκηνῆς, τὸν δ' ἐξαγόντων «Гальба» 1), в том же «Деметрии» судьба и манера поведения героя перемещают события с трагической сцены на комическую (Τὴν δὲ διήγησιν ὥσπερ ἐκ κωμικῆς σκηνῆς πάλιν εἰς τραγικὴν μετάγουσιν αἱ τύχαι καὶ αἱ πράξεις τοῦ ἀνδρὸς «Деметрий» 28), а «театром» называется место действия в «Марии» (7) и «Сравнении» Агесилая и Помпея (4). (Последние два случая интересны тем, что в них речь идет о действиях военных, что вызывает в памяти уже современный terminus technicus, «театр военных действий» – выражение неясного происхождения, которое возводят к французскому le théatre de la guerre, возникшему в XVII в. (TLFi) – возможно, под впечатлением от чтения популярных в то время переводов Плутарха).

Итак, «трагедийная» лексика используется Плутархом во всем многообразии значений – от «технического» до метафорического, и в целом это словоупотребление невозможно ограничить «отрицательной» коннотацией. При всех совпадениях и пересечениях в нейтральном употреблении каждый из элементов семантического поля несет в себе особые оттенки значений: τραγῳδία означает ‘пышное зрелище’, δρᾶμα ‘обман’ (‘интрига’), τραγῳδέω ‘преувеличивать’; в τραγικός следует отметить традиционно двойственное (в современном значении) понимание слова ‘трагический’ – эмоционально воздействующий и ‘переломный’ (т. е. драматический с точки зрения жанра). Очевидно, что у Плутарха τραγικός не предстает универсальным термином, формирующим идею «трагического», свойственную современной культуре (Most 2000: 18–22). Нельзя не отметить, что анализ «трагедийной» лексики и рассмотрение в целом «драматических» контекстов создают разное впечатление:

использование соответствующей лексики в описании методов исторического повествования, осуждаемых Плутархом, и в описании надменного или лживого поведения героя может привести к выводу об изначальной негативности всех трагедийных коннотаций, однако мы видим значительное количество примеров, где использование «трагедийной» лексики или описание ситуации как драматической не предполагает осуждения (самые значимые для Плутарха элементы драмы – гикесия и механе («машина») – могут, конечно, служить для отрицательной характеристики персонажей, но отнюдь не всегда: описывая подобным образом действия Фемистокла, Плутарх не предполагает осуждения данного персонажа). У Плутарха есть достаточно способов привлечения драматического материала, не несущих в себе отрицательной коннотации: это и ситуативное уподобление персонажа герою трагедии (тот же Фемистокл), и выстраивание повествования по образцу драмы (Красс, Помпей, Марций); Плутарх очевидно приспосабливает принцип изложения к личности героя.

Анализ «трагедийной» лексики показывает, что Плутарх порицает и отвергает не трагедию в целом, а отдельные ее элементы. Как и во многом другом, в словоупотреблении он выступает как эклектик: его отношение сформировано современным ему зрелищным театром, но и классическая трагедия используется им как прецедентный текст – отсюда и двойственность трактовки «трагедийной» лексики и «драматических» ситуаций.

Литература

Braund, D. 1993: Dionysiac tragedy in Plutarch, Crassus. *The Classical Quaterly* 43, 468–474.

De Lacy, P. 1952: Biography and Tragedy in Plutarch. *The American Journal of Philology* 73 (2), 159–172.

Harrison, G. 2005: Plutarch the Dramaturg: Statecraft as Stagecraft in the Lives. In L. De Blois, J. Bons, T. Kessels, D. Schenkeveld (ed.). *The Statesman in Plutarch's Works*. Volume II. The Statesman in Plutarch's Greek and Roman Lives, Leiden, Boston, 53–59.

Most, Glenn W. 2000: Generating genres: the idea of the tragic. In: Mary Depew, Dirk Obbink (ed.), *Matrices of Genre: Authors, Canons, and Society*. Cambridge: Harvard University Press, 15–35.

Pelling, C. B. R. 2016: Tragic colouring in Plutarch. In: Jan Opsomer, Geert Roskam & Frances B. Titchener (eds.), *A Versatile*

Gentleman. Consistency in Plutarch's Writing. Leuven: Leuven University Press, 113–133.
Pontoropoulos, A. 2014: *Representations of Tragic Themes in Plutarch's Lives: Demetrius and Antony*. Master Thesis. Lund.
TLFi: *Trésor de la langue Française informatisé*, http://www.atilf.fr/tlfi.
Zadorojniy, A. 1997: Tragedy and Epic in Plutarch's 'Crassus'. *Hermes* 125 (2), 169–182.

Ya. L. Zabudskaya. «Tragic» vocabulary in Plutarch's *Lives*

This paper analyzes the semantic field of «tragedy» and shows the differences in the meanings of the words «tragedy», «drama», «theater», «skene» in various episodes of Plutarch's *Lives*. «Tragic» vocabulary is used by Plutarch in the variety of meanings – from «technical» to metaphorical; all this usage cannot be reduced to a «negative» connotation.

With the coincidence in the case of neutral use, each of the elements of the semantic field keeps special connotations: τραγωδία means 'magnificent spectacle', δρᾶμα 'deception' ('intrigue'), τραγωδέω – 'exaggerate'; in τραγικός it is necessary to note the traditionally dual (in modern sense) understanding of the word «tragic», which means emotionally affecting and «crucial» (dramatic in terms of genre).

It should be noted that the analysis of «dramatic» vocabulary and the examination of «dramatic» contexts in general create a different impression: the use of appropriate vocabulary in describing the methods of historical narrative condemned by Plutarch and in describing the arrogant or deceitful behavior of the hero can lead to a conclusion about the initial negativity of all tragic connotations, but we can see a significant number of examples where the use of «tragic» vocabulary or description of the situation as dramatic (the most significant for Plutarch components of drama – hikesia and mechane – serve for the negative characterization of the characters, but not obligatory) does not imply condemnation.

Our analysis of the «tragic» vocabulary shows that Plutarch condemns and rejects not tragedy as a phenomenon itself, but its separate elements. As in many other subjects, he is an eclecticist in his vocabulary: his attitude is shaped by his contemporary spectacular theater, but he also uses classical tragedy as a precedent text that is the source of the duality of the interpretation of «tragic» vocabulary and «dramatic» situations.

Keywords: tragedy, drama, narrative, semantic field, context, connotation, semantics.

DOI:10.30842/ielcp230690152241

А. В. Иваненко

К ПРОБЛЕМЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИНДОАРИЙСКОЙ ГИДРОНИМИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: **MERMADA* : **MERMODA*

В статье предпринимается попытка восстановить внутреннюю форму гидронима, отмеченного у Страбона как Μερμάδαλις, Μερμόδας, но локализируемого современными исследователями на Северном Кавказе. Соотнесение *Мермады-Мермоды* с *Тереком* или *Доном-Танаисом* позволяет объяснять страбоновский гидроним как на индоарийской (**mer-mada*/*-moda* ‘бурный горный поток’ или ‘границы река’), так и на восточноиранской (**mer-mada*/*-moda* ‘моря матерь’, ‘материнская река’) почве.

Ключевые слова: гидроним, этимология, семантическая реконструкция.

Среди многочисленных географических названий Северного Причерноморья, квалифицируемых О. Н. Трубачевым как индоарийские языковые реликты, наше внимание привлекло название, для которого в «Индоарике ...» отсутствует семантическая реконструкция: ***Mermada**- ‘?’: Μερμόδας, Μερμάδαλις – река, впадающая в Меотиду. К названию этой упомянутой лишь у Страбона реки О. Н. Трубачев присовокупляет приводимое Ю. Клапротом (с сомнением) название *Meremedik*, указывая как аналогию др.-инд. *Narmada* – р. в Индии (Трубачев 1999: 256).

Вероятно, соотнесенность у Страбона гидронимов Μερμόδας, Μερμάδαλις с Меотидой (описание реки наводит на мысль о Кубани) – традиционным индоарийским ареалом, а также фонетика названий и их созвучность во второй части с др.-инд. *Narmada*, побудили О. Н. Трубачева восстанавливать индоарийское **mermada*-. Позднее к этимологии гидронима *Мермада* обратился А. К. Шапошников, рассматривающий названия Μερμόδας, Μερμάδαλις в связи с синдо-меот. **narmadā*. Как иллюстрацию к последнему он приводит др.-инд. *narmada*- ‘доставляющая радость’ и производные гидронимы *Narbada*, *Narmadā* (Шапошников 2007: 300).

Кратко приведем древние и современные **историко-географические сведения** об интересующем нас географическом объекте и его названии.

Древнейшие сведения о рассматриваемом названии находим исключительно в «Географии» Страбона (Radt, 2004: XI, 5, 1; Страбон 1964: XI, V, 1): 1. Ἐν δὲ τοῖς ὑπὲρ τῆς Ἀλβανίας ὄρεσι καὶ τὰς Αμαζόνας οἰκεῖν φασι. Θεοφάνης μὲν οὖν ὁ συστρατεύσας τῷ Πομπηίῳ καὶ γενόμενος ἐν τοῖς Ἀλβανοῖς, μεταξὺ τῶν Ἀμαζόνων καὶ τῶν Ἀλβανῶν φησι Γήλας οἰκεῖν καὶ Λήγασ Σκύθας, καὶ ῥεῖν ἐνταῦθα τὸν Μερμάδαλιν ποταμὸν τούτων τε καὶ τῶν Ἀμαζόνων ἀνὰ μέσον '1. Как говорят, в горах над Албанией обитают амазонки. Феофан, который сопровождал Помпея в походе и посетил страну албанцев, рассказывает, что скифские племена гелов и легов живут между амазонками и албанцами и что в этой стране протекает река *Мермадалида*'. Далее Страбон замечает: 'Другие писатели, тоже прекрасно знакомые с этими местами (среди них Метродор Скепсийский и Гипсикрат) утверждают, однако, что амазонки живут в соседстве с гаргарейцами в северных предгорьях тех частей *Кавказских гор*, которые называются Керавнийскими'.

Ниже у Страбона между прочим подается гео- и гидрографическая характеристика объекта. Однако в различных изданиях «Географии» XIX в. (напр., Г. Крамера или А. Майнеке) в качестве основной принята конъектура Μερμόδας: 2. Ὁ δὲ Μερμόδας, καταράττων ἀπὸ τῶν ὀρῶν διὰ τῆς τῶν Ἀμαζόνων καὶ τῆς Σιρακηνῆς καὶ ὅση μεταξὺ ἔρεμος, εἰς τὴν Μαιῶτιν ἐκδίδωσι (Strabo 1847: XI, 5, 2; Strabo 1877: XI, 5, 2). И, напротив, в издании Ш. Радта (1999–2010 гг) в качестве основной принята конъектура Μερμάδαλις (Radt, S., 2004: XI, 5, 2). Перевод этого фрагмента хорошо известен: '2. Река *Мермода*, с шумом низвергающаяся с гор, протекает через страну амазонок, Сиракену и через всю лежащую между ними пустыню и впадает в Меотиду' (Страбон, 1964: XI, V, 2).

Эти географические сведения неоднократно комментировались в литературе. Краткий экскурс в историю вопроса можно найти в: (Кузнецов 1980: 59–61). Однако, как отмечает В. А. Кузнецов, в своем описании Страбон допускает неточность, поскольку река Кубань, с которой он, вероятно, отождествлял *Мермоду*, не могла отделять страну амазонок от гелов и легов, живущих рядом с албанами, поскольку в этом случае

Кубань должна была протекать через земли Северо-Восточного Кавказа (Кузнецов 1980: 59–60). Поэтому во времена Страбона *Мермодой* должен был называться, напр., *Терек* или *Фиагдон*. Отдавая предпочтение *Тереку* как наиболее крупной реке в регионе, В. А. Кузнецов, однако, отмечает, что даже если под *Мермодой* и понимался *Фиагдон*, то он «при далеко не совершенном уровне географических знаний греков о Северном Кавказе легко мог быть принят за истоки Терека» (Кузнецов 1980: 62–63).

На местности же древняя *Мермода*, согласно Кузнецову, соответствует современной р. *Майрамадаг*. Попасть в «Географию» столь небольшая река (скорее, даже ручей), наполняющаяся водой от дождей и почти пересыхающая летом, могла только, если ее название ранее относилось к другой, более крупной, реке, вероятее всего, Тереку: как основная водная артерия Центрального Северо-Восточного Кавказа, выпасть из поля зрения античной географии она не могла (Кузнецов 1980: 62).

В то же время, анализ греческих представлений об истоках Дона-Танаиса свидетельствует о том, что под именем Μερμόδας, Μερμάδαλις могла пониматься река *Маныч* (она же *Ахардей*), вытекающая из северных отрогов Кавказских гор и впадающая в Дон в нижнем его течении, возле устья. Именно поэтому древние географы могли помещать истоки Танаиса в горах Кавказа, а сама река *Маныч–Ахардей–Мермода* могла представляться как *Танаис* (Подосинов 2015: 316–317, 319, 321, 323).

Некоторую сложность в работе с названиями Μερμάδαλις, Μερμόδας представляет **определение** их возможной **структуры**. Текст Страбона дошел до нас в четырех рукописях XIII–XIV веков (B, C, D, E), из которых лучшей является парижская рукопись C. В палимпсесте V в. н. э., обнаруженном В. Али в 1956 г., на который опирается издание Радта, содержится чтение Μερμάδαλις, при том, что рукописи B, C, E дают чтение Μερμόδας, а рукопись D содержит чтение Μορμόδας (Radt, 2004: XI, 5, 2).

Форма Μερμάδαλις, вероятно, в сочинение Страбона попала уже «в готовом виде» из письменных источников. Приведенная форма могла возникнуть в результате переоформления северокавказского географического названия **mermada* : **mermoda*

под влиянием латинской адъективной словообразовательной модели на *-alis* или греческих именных образований на -αλις.

Также отдельного комментария требует форма Μορμόδας, которую, в силу ее единичности, мы склонны рассматривать скорее как ошибку переписчика. Именно единичность этой формы не позволяет нам видеть в ее первой части (Μορ-) отражение перехода х.-с. *o* < иран. **ā* в позиции рядом с губным (подробнее см. ниже). Кроме конъектур Μερμάδαλις, Μερμόδας, принятых в качестве основных в более ранних изданиях «Географии», в одном из них отмечена форма μερμάνδαλιν (Strabo 1877: XI, 5, 2, сноска), которая может быть истолкована как какографическая. О форме Μερμόδας подробнее см. в «иранской» части статьи.

Наряду с принимаемым в статье членением гидронима **mer-mada*/*-moda*, форма Μερμάδαλις позволяет допускать ее членение и как **merma-dal*(*a*)-. Последнее нам представляется сомнительным, поскольку требует достаточно большого количества фонетических и семантических допущений. На индоарийской почве в этом случае нам пришлось бы восстанавливать форму **marma-dala*/*-dalita*: ср. *marma* ‘сустав’, ‘пах’, ‘слабое, незащищенное место’ и *dala* n. ‘часть, доля; кусок’; *dalitá* – pp. от *dal* ‘взорваться; лопнуть’ (Кочергина 1996: 499, 262). Но при таком наборе компонентов восстановить внутреннюю форму гидронима не представляется возможным. На восточноиранской (сакской) почве восстанавливать компонент *dal-* также нельзя: сакским диалектам переход *r* > *l* известен не был. Форма Μερμόδας может быть результатом эллинизации гидронима **Mermoda*.

Индоарийская этимология

В свете всего сказанного, развивать идею О. Н. Трубачева об индоарийском происхождении гидронима *Мермода* целесообразнее в контексте его поисков индоарийского наследия на Кавказе, в частности, в районе Каспия: ср., напр., гидроним *Самур* (Трубачев 1999: 269). При этом сами формы Μερμόδας, Μερμάδαλις фонетически вполне допускают реконструкцию ***mer-mada/moda***: в индоарийских языках представлены чередования *e* : *ai* и *o* : *au*. Однако следует отметить, что этимологический потенциал индоарийской реконструкции гидронима весьма невелик.

Если следовать индоарийскому этимологическому вектору, то **первый компонент** сложения **– mer**- можно связывать с основой **mair*- с семантикой, пригодной для номинации горного или водного объекта. Примерные этимологические решения выглядят следующим образом:

1) основу компонента **mer*- можно связывать с лексикой типа др.-инд. (пракрит.) *merā* ‘граница, предел’ (KEWA II, 597) ~ арийск. **marja*- ‘то же’ (Расторгуева, Эдельман 5, 2015: 258). Таким образом, семантика компонента **mer*- вполне коррелирует с известием Страбона о пограничном характере реки *Мермоды*;

2) компонент **mer*- можно попытаться связать с др.-инд. *meru* – обозначением мифической горы. В отдельных случаях др.-инд. *meru* обозначает нагорье Тартарского севера Гималаев (MW 833).

Происхождение приведенного санскритского слова в словаре М. Майрхофера точно не определено, однако допускается возможность его заимствования из дравидийских языков или даже из языка бурушаски (KEWA II, 688).

Второй компонент сложения в соответствии с отмеченными в «Географии» формами гидронима может быть представлен двумя вариантами:

***mada**: ср. др.-инд. *mada* ‘река’ (MW 777), которое, полагаем, можно возводить к арийск. **[1]mad*- ‘быть мокрым, влажным; сочным, жирным’ или к **[2]mad*- ‘быть взволнованным, возбужденным, радоваться, веселиться; быть опьяненным; яриться (о животных)’. Обе арийские праформы восходят к и.-е. **mad*- ‘мокрый, сочный, насыщенный; течь (также о жире)’ (Расторгуева, Эдельман 5, 2015: 95, 97), *madati*, *mádate* ‘бурлить, бить ключом, веселиться’ (KEWA II, 568);

***moda** ‘поток, река’. Формы на *mod*- можно возводить к восстанавливаемому в цитируемом ниже словаре арийск. **mau̯* : *mŭ̯*- ‘быть влажным; увлажнять; влага; жидкость (включая нечистую жидкость); муть, мутный’ (Расторгуева, Эдельман 5, 2015: 275).

С другой стороны, в древнеиндийском отмечен ряд образований типа *móda* ‘радость, веселье’, а также *mod*- ‘радоваться, ликовать’ и проч., восходящих к арийск. **maud* : *mud*- ‘радоваться, веселиться’ и далее – к и.-е. **mau̯d* : *mud*- < **meu̯*, *meu̯ə*- : *mŭ̯*- ‘быть влажным’ с расширителем **-d* (Расторгуева,

Эдельман 5, 2015: 280). Однако и реконструкцию **moda* ‘поток, река’ нельзя принять как вполне надежную, т. к. допускать ее можно лишь опираясь на «водную» семантику и.-е. этимона. При этом нам бы пришлось исходить из положения, что такая семантика должна была последовательно сохраниться сперва в арийском, а затем и в индоарийском материале. Но формы на *mod-* с чисто «водными» значениями в индоарийских языках как будто не обнаружены.

Таким образом, на индоарийской почве формы Μερμόδας, Μερμάδαλις если и можно объяснять как **mer-mada/-moda* ‘горная пенистая и шумная река’ или ‘пограничная река’, то со многими оговорками и допущениями. Подобная реконструкция вероятна для индоарийской языковой среды, но возникает вопрос: насколько высока вероятность проникновения индоариев (протоиндийцев) в район Северного Кавказа – традиционного иранского ареала?

Иранская этимология

Формы названия Μερμόδας, Μερμάδαλις, исходя из локализации и характера отраженных в них фонетических явлений, допустимо возводить к прототипам ***mer-mada/-moda** ‘моря матерь’ < ***māri-/*mārya-māda** ~ ***māta**, предполагая для них сакское происхождение[1]. В дальнейшем, на основе *****mer-mada/-moda* ‘моря матерь’ параллельно могла развиться близкая семантика ‘моря кормилица’, ‘море кормящая’. Также вполне вероятно, что со временем внутренняя форма гидронима *Мермода* ‘море кормящая’ могла быть переосмыслена как ‘морем кормимая’ – если смотреть на реку со стороны моря, а не со стороны ее истока. Однако прежде чем перейти к этимологизации самих названий, следует вкратце обозначить те культурно-языковые условия, в которых они могли возникнуть.

Лучше всего эти условия описаны В. И. Абаевым, отметившим близость сакского языка к скифскому и проникновение сакских племен глубоко в Среднюю Азию. Вероятно, это случи-

[1] Как типологические аналогии в номинации географических объектов ср. оронимы в Северной Осетии: *Хоримад* ‘Мать солнца’ < *хори* ‘солнца’ + *мад* ‘мать’ – солнечный склон в р-не с. Камунта; *Хоримæдтæ* ‘Матери солнца’ – луг на холме над с. Донифарс. Матерью солнца, собственно, называют каменную глыбу, стоящую на этом лугу (Цагаева 2010: 416).

лось задолго до V в. до н. э., т. к. в языке европейских скифов со времен Геродота отмечено нарушение иранского ротацизма – переход *r* > *l* перед *i*: Λιποξαις < *Ripaxšaya* ‘владыка земли’, тогда как сакскому языку этот переход неизвестен (Абаев 1995: 467–468). Далее, в пер. пол. I тыс. до н. э. часть скифов из северного ираноязычного ареала в Юго-Восточной Европе «в составе крупного объединения протосаков отрывается от основного скифского массива и уходит далеко на восток, до рубежей Китая» (Абаев 1995: 468–469). В связи со сказанным важно отметить и преемственную связь с сакским некоторых черт афганского и припамирских языков при том, что «ни один из них не может считаться его прямым потомком», а сами эти языки, скорее, представляют собой «результат смешения протосакского с другими уже бытовавшими в Средней Азии иранскими наречиями» (Абаев 1995: 467–468). В основе приводимых ниже реконструкций – преимущественно материал памирской группы восточноиранских языков.

Первый компонент сложения – ***mer**- – мы склонны рассматривать как сакскую диалектную форму, восходящую к иран. **mārya*- и возникшую вследствие действия *i*-умлаута (изменение иран. **ā* в *e*, *i* в позиции перед слогом с *i*)[2]. До недавнего времени известен был лишь один иранский рефлекс, восходящий к и.-е. **mōri* или **mōryo*- ‘море’ < ‘стоячая вода’ – осет. *mal* ‘глубокая стоячая вода’, ‘глубокое место в озере, болоте, реке’, ‘омут’, ‘водная пучина’ с переходом *r* › *l* перед *i*. Осетинское слово, в силу того, что в других арийских языках и.-е. **mōri* или **mōryo*- не распознано, представляет собою скифо-европейскую изоглоссу (Абаев II, 1973: 68–69), а понятие ‘глубины’ в осет. *mal* составляет существенный элемент его семантики (Абаев 1965: 6).

Предлагаемая реконструкция позволяет дополнить круг иранских обозначений *моря* как ‘стоячей воды’. При этом весьма показательно то, что в композите **mer-mada*/-*moda* элемент **mer*- мог быть употреблен именно как обозначение непроточного водоема. В семантико-типологическом отношении компоненту **mer*- близко младоавест. *zrayah*-, **drayah*

[2] Ср. х.-с. *e* < иран. **ā*: *tcera* ‘то, что надлежит совершить’ < **čārya*-, *peh*- ‘достигать’ < **pati-āfya*- (Герценберг 1981: 241), санглич. *mēd*, ишкашим. *меδ* ‘талия, пояс’ (Юсуфбеков, Додыхудоева 2008: 121).

‘озеро, море’ (Bartholomae 1904: 1701). Отметим также, что традиционно применительно к морю в иранских и индоарийских диалектах употреблялись: х.-с. *vāma* ‘море’ ~ иран. **au-* : **u-* : **u̯a-* ‘течь’ (?) (Расторгуева, Эдельман 1, 2000: 256), индоар. **aruna* ‘море’ (ср. др.-инд. *árṇa* ‘водная стихия, бурное море’ < **aruna*) в названии **tem-*/**tam-arun-da-* ‘мать/кормилица Черного моря’ (Трубачев 1999: 283).

Второй компонент сложения – **-mada/-moda**, согласно предложенному толкованию, имеет значение ‘мать’: ср. скиф. *mātā*, Μαδα (П) ‘женское имя’, осет. *madæ* (Абаев 1979: 295), восходящие к иран. **mātar* ~ и.-е. **māter* ‘мать’ (Абаев II, 1973: 62) и отражающие фонетические явления, характерные для восточноиранских языков среднеиранского периода (нижняя хронологическая граница которого датируется III в. до н.э.).

Прежде всего, это типичное, в частности, для скифской речи озвончение *t* > *d* после гласных и сонорных, отражающее «те случаи, когда одно и то же слово представлено на двух этапах своего звукового развития: на более раннем с глухим согласным и более позднем – со звонким»: скиф. *pant-* ‘дорога’ (в Παντικάπαιον) и *fand-* (Φανδάραζος) из *panta*, *panti*, осет. *fændag* (Абаев 1979: 330-331), х.-с. *śśando* ‘землю’ (вин. п.) (ср. авест. *spəntām*) (Герценберг 1981: 240).

В контексте анализа второго компонента гидронима Μερμόδας следует отметить, что во второй части этой формы, если только мы не имеем дело с ошибкой в рукописной передаче гидронима, заманчиво видеть восточноиранскую инновацию, отражающую фонетическое явление, отмеченное в хотано-сакских диалектах – появление *o* на месте «нормативного» *a* в позиции после губного. Данное явление не было свойственно скифо-сарматским и сармато-аланским диалектам, легшим в основу осетинского языка: гласный *ā* перед носовыми перешел в *o* уже в осетинском и сравнительно недавно, поскольку осетинские заимствования в абхазском, балкарском, карачаевском, сванском, венгерском языках этот переход не фиксируют. В тех случаях, когда «в некоторых иранских по виду именах ω или о [находятся. – *А.И.*] перед носовыми, напр. Ἀρδάμων, ’Ραδάμφων, Σαυάνων, то здесь надо видеть либо ограниченное диалектальное явление, либо неточное написание» (Абаев 1979: 323).

Следовательно, в случае с формой Μερμόδας можно осторожно предполагать, что это название отражает явление,

близкое отмеченному в среднеиранских – хотано-сакском, а также новоиранских (памирских) языках, переходу иран. *ā в *o* в позиции возле губных: ср. пам. шугн. *mad*, пам. рушан. *mod* и др. < иран. **mātar* (Абаев II, 1973: 62), х.-с. *tcahora* ‘четыре’ < **caϑwāra* (авест. *čaϑwāro*) (Герценберг 1981: 240).

Если наше предположение верно, то часть носителей языка, знавших означенный переход, на рубеже старой и новой эр могла находиться в районе Северного Кавказа. Скорее всего, в этом случае следует говорить о саках, переселившихся впоследствии в область Хотана и Восточного Туркестана.

С другой стороны, если, в контексте высказанных А. В. Подосиновым соображений об отождествлении Страбоном *Танаиса* с *Манычем* (Подосинов 2015: 318, 323), предположить перенос названия реки Μερμάδαλιν, Μορμόδας, воспринимавшейся как один из истоков Дона, на сам *Дон–Танаис* – наибольшую из рек, впадающих в *Меотиду*, то достаточно естественно выглядит объяснение гидронима *Мермада–Мермода* как *mer-mada/moda* ‘материнская река’.

В любом случае, независимо от того, к какой бы из рек – Дону–Танаису или Тереку, в конечном итоге, ни относились названия Μερμόδας, Μερμάδαλις, внутренняя их форма остается неизменной. Как остается неизменным интерес историков и лингвистов к древностям Северного Причерноморья.

*****

Предложенная как основная сакская этимология гидронима позволяет сделать такие выводы.

1. Фонетический анализ вариантов Μερμόδας, Μερμάδαλις дает основания предполагать, что оба они, возможно, отражают живую на момент фиксации гидронима в письменных источниках вариантность его произношения в сакских диалектах. При этом Μερμάδαλις отражает исходную форму – **mer-mada*, в то время как Μερμόδας может фиксировать инновацию – **mer-moda*.

2. Еще один аргумент в пользу сакской этимологии: в хронологическом отношении восточноиранские фонетические инновации стоят намного ближе ко времени письменной фиксации *Мермоды-Мермады* у Страбона (а также у авторов утраченных сочинений, на которые он ссылается), чем аналогичные инновации в предполагаемых индоарийских формах.

3. Этимологизация форм гидронима Μερμόδας, Μερμάδαλις как ***mer-mada/-moda** ‘моря матерь’ позволяет выявить причины, по которым эта река была соотнесена Страбоном с рекой, впадающей в Меотское море, напр., с Доном. Вероятно, всему виной – эрудиция Страбона и типология номинации обоих водных объектов.

4. Предполагаемое типологическое сходство обоих названий – Μερμόδας, Μερμάδαλις и *Меотида* – можно рассматривать как довод в пользу того, что именно носители северных диалектов – протосаки достаточно длительное время находились на Северном Кавказе.

5. Относительно отставленной нами в сторону индоарийской интерпретации гидронимов Μερμόδας, Μερμάδαλις отметим, что, несмотря на зыбкость подобной интерпретации, уже сама возможность таковой достаточно показательна и лишний раз подтверждает трудность размежевания индоарийского и иранского слоев в древнейшей топонимии.

Литература

Abaev, V. I. 1958–1989: *Istoriko-etimologicheskiy slovar’ osetinskogo yazyka* [*Historic-Etymological Dictionary of Ossetian Language*]. Moscow ; Leningrad.

Абаев, В. И. 1958–1995: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. М.; Л.

Abayev, V. I. 1965: *Skifo-yevropeyskiye izoglossy. Na styke Vostoka i Zapada* [*Skythian and European izoglossa. On the East and West junction*]. Moscow.

Абаев, В. И. 1965: *Скифо-европейские изоглоссы. На стыке востока и Запада*. М.

Abayev, V. I. 1979: [Skythian and Sarmatian dialects]. In.: *Osnovy iranskogo yazykoznaniya: drevneiranskiye yazyki* [*Fundamentals of Iranian Linguistics: Ancient Iranian Languages*]. Moscow, 458–471.

Абаев, В. И. 1979: Скифо-сарматские наречия. В сб.: *Основы иранского языкознания: древнеиранские языки*. М., 272–364.

Abayev, V. I. 1995: [Towards the homeland and the most ancient maigrations of the Indo-Iranian populations]. In: *Izbrannyje trudy: Religiya, folklor, literatura* [*Selected Papers: Religion, Folklore, Literature*]. II. Vladikavkaz.

Абаев, В. И. 1995: К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов. В сб.: *Избранные труды: Религия, фольклор, литература*. II. Владикавказ. 458–471.

Bartholomae, Ch., 1904: *Altiranische Wörterbuch von Christian Bartholomae*. Strassburg.

EWA – Mayrhofer M. 1986–2001: *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Heidelberg.

Gertsenberg, L. G. 1981: [Khotan-Saka language]. In: *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Sredneiranskiye yazyki* [*Fundamentals of Iranian Linguistics: Middle Iranian Languages*]. M: Nauka, 233–313.
Герценберг, Л. Г. 1981: Хотано-сакский язык. В сб.: *Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки*. М.: Наука, 233–313.

KEWA – Mayrhofer, M. 1956-1976: *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*, Bd 1–4. Heidelberg.

Kochergina, V. A., 1996: *Sanskritsko-Russkiy slovar'* [*A Sanskrit-Russian dictionary*]. M.
Кочергина, В. А., 1996: *Санскритско-русский словарь*. М.

Kuznetsov, V. A. 1980: *Nartskiy epos i nekotoryje voprosy istirii osetinskogo naroda* [*The Nartian Epos and Some Problems of the Ossetian Folk History*]. Ordzhonikidze.
Кузнецов, В. А. 1980: *Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа*. Орджоникидзе.

MW – Monier Williams, M. 1899: *A Sanskrit-English dictionary*: *Etymologically and philologically arranged with special reference to Cognate Indo-European languages*. Oxford: The Clarendon Press. (2008 revision).

Podosinov, A. V., 2015: [On the sources of Tanais in the works of ancient geographers]. In: *Bosporskiye issledovaniya* [*The Bosporan studies*] 31, 315–324.
Подосинов, А. В., 2015: К вопросу об истоках Танаиса в представлениях античных географов. *Боспорские исследования* 31, 315–324.

Radt, S., 2004: *Strabons Geographia*. Herausgegeben von Stefan Radt. Buch IX-XIII: Text und Übersetzung. Hottingen, Bd. 3.

Rastorgueva, V. S., Edel'man, D. I. 2000–2015: *Etimologicheskiy slovar' iranskikh yazykov* [*Etymological Dictionary of the Iranian Languages*]. Moscow.
Расторгуева, В. С., Эдельман, Д. И. 2000–2015: *Этимологический словарь иранских языков*. М.

Strabo, 1847: *Geographica*. Recensuit, commentario, critico instruxit Gustavus Kramer, gymnasii regii gallici director. Berolini. V. II.

Strabo, 1877: *Geographica*. Recognovit Augustus Meineke. Lipsiae. Volumen Secundum.

Strabon, 1964: *Geografiya*. V 17 knigah [Strabo. Geography. In 17 books]. Leningrad.
Страбон, 1964: География. В 17 книгах. Перевод, статья и комментарии Г. А. Стратановского. Ленинград.

Trubachev, O. N. 1999: *Indoarica v Severnom Prichernomor'ye* [*Indoarica in the Northern Black-Sea Coast*]. Moscow.
Трубачев, О. Н. 1999: *Indoarica в Северном Причерноморье*. М.

Tsagayeva, A. Dz. 2010: *Toponimiya Severnoy Osetii* [*A Nothern Ossetia toponymy*]. Vladikavkaz.
Цагаева, А. Дз. 2010: *Топонимия Северной Осетии*. Владикавказ.

Yusufbekov, Sh. P., Dodyhudoyeva, L. P. 2008: [A Sanglichian language]. In: *Osnovy iranskogo yazykoznaniya: sredneiranskiye i novo-iranskiye yazyki* [*Fundamentals of Iranian Linguistics: Middle and New Iranian Languages*]. M., 110–234.
Юсуфбеков, Ш. П., Додыхудоева, Л. Р. 2008: *Сангличский язык*. В сб.: *Основы иранского языкознания: среднеиранские и новоиранские языки*. М., 110–234.

Интернет-источники

Shaposhnikov, A. K. 2007: [A compound etymological word-index of Sindo-Meotan language relicts of the Nothern Sea Coast]. In: Shaposhnikov A. K. *Language antiquities of the Nothern Sea Region* (*the etymology of the language relicts of the Nothern Black Sea Region)*. Thesis for a Doctor's degree]. Moscow, 266–329. (https://www.academia.edu/8949716/Языковые древности Северного Причерноморья).
Шапошников, А. К. 2007: Сводный этимологический словоуказатель синдо-меотских языковых реликтов Северного Причерноморья. В.: Шапошников А. К. *Языковые древности Северного Причерноморья* (*этимология языковых реликтов Северного Причерноморья*). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва, 266–329. (https://www.academia.edu/8949716/Языковые_древности_Северного_Причерноморья).

A. V. Ivanenko. Towards the etymology of Indo-Arian hydronymy of the Nothern Black Sea Coast: ***mermada** : ***mermoda***

The paper presents an attempt to reconstruct the initial form of the hydronym localizied apparently in the Northern Caucasus, recorded only by Strabon as Μερμάδαλις or Μερμόδας. The comparison of Μερμάδαλιν, Μερμόδας with such big rivers as *Terek* or *Don-Tanais* allows to interprete the hydronym(s) both as **mer-mada*/*-moda* ‘(a turbulent and foamy) srteam, river’ and as **mer-mada*/ *moda* ‘mother of the sea’, ‘mother river’. Moreover, only the Sakan etymology makes it possible to adequately explain the phonetical transformations and structure of the hydronyms under consideration.

Key-words: hydronym, etymology, semantical reconstruction.

DOI:10.30842/ielcp230690152242

S. V. Ivanov

CAT'S BRAIN AND CRYPTOGRAPHY: TWO NOTES ON MEDIEVAL RECIPES FROM THE MS BNF NAL 693*

С. В. Иванов. Мозг кошки и криптография: две заметки о средневековых рецептах в рукописи BNF NAL 693

В статье рассматриваются два рецепта из англо-нормандской рукописи, содержащей коллекцию технических и медицинских рецептов. В первом предлагается интересный метод лечения заболевания, вызванного приемом мозга кошки, с помощью вареных сов. Во втором, дающем описание смеси, используемой для удаления букв с пергамента, наблюдается любопытный пример криптографии. Рецепты рассматриваются в контексте сведений и рекомендаций сходного типа с целью выявить отличия, которые могут указывать на местную традицию. Оба рецепта были добавлены в рукопись владельцем, который был, вероятнее всего, практикующим врачом, и поэтому важны для понимания народных технических и медицинских знаний в Британии 14-ого века.

Ключевые слова: средневековая медицина, рецепты, рукописная традиция, криптография.

Technical and medical recipes are often found side by side in the medieval manuscripts as they transmit practical knowledge very much demanded by practising physicians, astrologers, scribes and illuminators. These collections of notes have been sometimes added to the manuscripts by their later possessors who used the blank leaves and space as their private note-book. It is always interesting to see how the notes interact with and supplement the main texts which as a rule belong to the learned and well-established tradition. The manuscript Bibliothèque nationale de France, nouvelles acquisitions latines 693 is a classic example of such a multi-functional use as it combines the Latin and Anglo-Norman treatises which constitute the main text with a large amount of later additions made perhaps by several hands. The manuscript was most probably written in the last quarter of the 13th century (perhaps some parts of it even earlier), while the additions were being made up to the

* Работа выполнена при поддержке гранта РНФ 17-18-01624. Автор выражает благодарность С.Д. Клейнер за полезное обсуждение.

middle of the 14th century[1]. In this paper, I will consider two such additional recipes – one medical and one technical – which provide some interesting details as to the lower stratum of medical learning and the use of cryptography.

1.

Toxicology has long had its lawful place within medicine (see Touwaide 1994). It was a well-established discipline within medieval medical learning because poisons, their effects and treatment were a subject necessarily covered in any compendium and examined in many special treatises[2]. It had its own theoretical problems centered around the proper definition of poison and how it acts[3]. However, vitally important were the practical instructions as to which poison caused what symptoms and how they should be cured. Thus, the greater part of the treatises consisted of such lists which differed considerably from the modern ones and included many substances that seem exotic and in any case non-venomous to the modern reader.

During the Middle Ages and well into the modern period, the cat's brain was regarded as extremely poisonous. As for the cat itself, the opinions varied. Some medieval physicians considered it a very morbiferous animal[4]. Avenzoar (Ibn Zuhr, d. 1162) in his

[1] On the MS, see Ivanov, Falileyev 2017, with bibliography.

[2] On medieval toxicology and treatises see the seminal work by Lynn Thorndike (HMES 1934: III, 526–545); see also Gibbs 2017.

[3] See Chandelier 2009. The explanation based on the humoral theory was supplemented by the notion of the "specific form" which gained popularity due to Avicenna, and this twofold scheme persisted till Christophorus de Honestis who viewed the specific form as the only way in which the poison operated. This theoretical discussion seems to have little, if any, impact on the subject of this paper since all the authors touching on the theoretical issues do not go beyond humoral explanations, see Sante Arduino and Eustachio Rudio below.

[4] We do not consider here of course such cases as rabidity or bites which seem to have been clearly distinguished from the effects of the poisonous nature of the cat or its brain. Andrea Bacci (d. 1600), the personal physician (archiater) of the Pope, discussing the danger of cat rabies cites a curious, allegedly "very old" inscription in the Basilica of Santa Maria del Popolo in Rome:

> Hospes, disce nouum mortis genus, improba feles,
> Dum trahitur, digitum mordet, et intereo.
> 'Stranger, learn a new kind of death: a vile cat
> Bites on the finger while being dragged out, and now I am dying'.
> (See Bacci 1586: 16.)

"Liber Theysir" known in the West in Latin translation by John of Capua from the year 1280 (Nicoud 2007: 133) stated that inhaling cat's breath weakens the humidity of the lungs and of the whole body (Avenzoar 1490, Prohemium Ivb). Maimonides (d. 1204) whose dietetic treatise "De regimine sanitatis" was translated into Latin by the same John of Capua at the very end of the 13th or in the very beginning of the 14 cent. and then once more by an anonymous translator (Nicoud 2007: 161–2; Bar-Sela, Hoff, Faris 1964: 11, Ackermann 1986: 54–55) held that the vestments made from cat hide cause illness, as cats' odour and breath do. Therefore it is recommended to stay away from them and from the odour of their breath (Maimonides 1518: Tractatus Quartus, fol. d, cf. translation by Bar-Sela, Hoff, Faris 1964: 31).

This attitude, however, was not peculiar to the Arab medicine, as can be seen from the "Physica" of Hildegard of Bingen written between 1150 and 1160, that is, long before these translations were made. She asserts that the cat has a natural communion with the frog and the serpent since in the summer-time when the heat is great, it licks frogs and serpents to survive and therefore it becomes internally poisonous so that its brain and flesh are poisonous. During this time, the cat's heat is harmful and venomous for a man, but at other times it is harmless for a healthy man. But if a man is infirm in the head or paralytic in any other member, then he should not wear a cap of cat's skin. But he who tastes some of cat meat, will turn mad, and his flesh will usually turn venomous therefrom (Physica VII, 26 = Hildegrad von Bingen 2010: 353–354).

Abraham Zacuto Lusitano describes some cases of lethal cat rabies, adding that one should not have them as pets because they are not only subject to rabies, but also may be venomous in general, see Zacuto 1637: 495. It should be also mentioned here that a distinction is very often difficult to draw between poison and sorcery, but the learned treatises which we are preoccupied with do not refer to any magical use of cat's brain, regarding it as a pure "medical" substance, although they were obviously closely associated in the popular mind; on the subject see Collard 2003, esp. 28, 53, and 56. The essence and effect of the substance, however, remained obscure even in the scientific literature and it was related to the occult sphere through the concept of the "specific form", see ibid., 44–45. On medical views on the cat see Bobis 2000: 92–96 and Bobis 1997. A summary of the opinions of various authors on the cat, cat's brain and their morbiferous qualities see already by Conrad Gessner 1620: 321–322 in his Historiae animalium first issued in 1551.

A considerable time later, Pietro Andrea Mattioli (d. 1577), the Habsburgs' personal physician, claimed that cats can also be noxious through their hair and through the look of their eyes. Their spirit is infected with a destructive venom. I know some people, he says, who were so fond of cats that never went to sleep without them and for this reason exposed themselves longer to the effect of their spirit and fell into disease and marasmus that prompted their death. Not long ago a whole monastery perished because of a great number of cats who lived with the monks. As for the harm caused by the look of their eyes, there are some people who are caught with fear upon seeing or hearing them, and he had seen such persons in Gorizia in Germany (now Italy). In the wintertime, when one of them came into a house with us, the woman who was aware of his peculiarity hid a kitten in a chest. But, although he could not see or hear the kitten, after some time when he inhaled the air infected with the cat's breath he began to sweat exclaiming that somewhere in the house there must be a cat (Mattioli 1558: 742).

Laurence Bobis (1997: 724) opines that the medicine of the Middle Ages did not generally regard the cat as a venomous animal, with some notable exceptions like Hildegard of Bingen, Avenzoar, and Maimonides, but this attitude became more common in the Renaissance. I think it difficult to prove that the Renaissance medicine was more averse to the cat. It is true that Mattioli's work exerted a great influence and was abundantly cited on the subject by Ambroise Paré (1841: 333–4, in the "Traite des venins") and Eustachio Rudio (Rudio 1610: 116–117, lib. IV, cap. 8 "De cerebro felis"), to name just a few. But this impact could hardly have been greater than that of Maimonides and Avenzoar in their times. It would be safer to say that the idea of the cat's nocuity as a species has been attested since Hildegard of Bingen and revived and reinforced by Mattioli.

On the contrary, the cat's brain was unequivocally considered strongly poisonous throughout the Middle Ages and afterwards till at least the 17th cent. It was also particularly mentioned by Hildegard of Bingen (see above); but more thorough and detailed accounts of its effects and remedies occur in the early 14th cent., and the first name to be referred to is that of Peter of Abano.

Peter of Abano (d. 1316), an influential philosopher, physician and astrologer who taught in Paris and Padua, commonly mentioned afterwards as *Conciliator* after the name of his most popular work,

in his treatise "De venenis et eorum remediis" (around 1310) says that the cat's brain contains a dangerous poison which turns men mad[5]. He who gets the cat's brain in a draught will suffer dementia and will be seen as if he performs tricks.[6] The remedy is sealed earth (*terra sigillata*); one has to vomit with it two times a month, and to take a confection of diamuscus every day early in the morning. And the bezoar against the poison is grated musk, half a scruple, given in a draught with the white wine[7].

The cat's brain is also touched upon in passing by Pseudo-Lull, "De conservatione vitae" (1349)[8], and can be found in the "Problemata de venenis" by Christoforus de Honestis written around 1390[9]. Sante Arduino (fl. 1430), the author of a comprehensive treatise on poison composed in the 1420s (cf. Gibbs 2017: 162), adopts a more theoretical approach and remarks that the most famous scholars who wrote on venoms did not mention the cat's brain because it is not a poison in the proper sense[10]. True, it mortifies, that is, it destroys the intellect which distinguishes a man from the beasts, and for this reason he finds it appropriate to consider the cat's brain in his compendium among other poisons. It ruins the intellect and causes madness because of its coldness and dryness and its morbid properties generated by the melancholic humour (Arduino 1562: 250–251).

---

[5] On the treatise see Sodigné-Costes 1995a. The same can be also read in the chapter 2 of the "De venenis", cf. Peter of Abano 1520: 257, where Peter offers a classification of animal poisons according to the parts of the body; see also Sodigne-Costes 1995b: 108–109.

[6] Peter de Abano 1537: 43: "praestigiare videbitur"; Peter de Abano 1520: 260: "istrigiosus videbitur"; Sante Arduino 1562: 250–251 cites the phrase as "hystriosus videbitur". The common idea seems to be of a man acting as a mime, cf. *strigio* 'mimarius, scenicus' in GMIL VII, col. 614c.

[7] Collard 2003: 53 remarks that "les produits extravagants rencontrés dans les poudres de sorcellerie tiennent bien peu de place dans la littérature savante. Pietro d'Abano aborde la question de la cervelle de chat chère aux sorcières, mais c'est pour en démentir la nocivité". But I was unable to find in Abano's text neither references to the use of the cat's brain by sorcerers, nor any denial of its hazards.

[8] Pseudo-Lull 1616: 64. On the work and other treatises attributed to, but certainly having no connection with Lull, see Patai 1988: 16.

[9] See HMES 1934: 540.

[10] I could not find out which definition of poison could stand behind this rejection. It does not seem to have to do with the theoretical debates on "specific form" since Arduino offers a standard humoral explanation of its action.

Antonio Guaineri (d. around 1455), a renowned Italian physician, Professor of medicine at Pavia and a doctor at the court of the Duchy of Savoy (cf. HMES 1934: IV, 215ff.; Jacquart 1990), in his treatise "De venenis" composed before 1440 describes the effect of the poison which causes vertigos and madness, and adds "letitia Galieni" to the remedies offered by Peter of Abano (Guaineri 1508: 118v). Eustachio Rudio (d. 1612) addresses the question why it is the cat's brain, and not its flesh, that causes madness, and answers that the brain has a more destructive power than the rest of the body, as can be seen e.g. in the viper whose head is the storage of poison. The brains of a cat and of a man have natural similarity, and hence the poison in the cat's brain reaches the head and gets absorbed more easily. Furthermore, of all the other parts of the cat, the brain is especially humid and therefore more quickly accepts "the seeds of decay" when heated by the human body. Moreover, those who eat other parts of the cat, macerate them in the flowing water for up to three days and then cook and fry them wherefore their venomous power dissolves (Rudio 1610: 116–117 – lib. IV, cap. 8 "De cerebro felis").

The persistence of the belief on the popular niveau is attested, e.g., by its mention in the Conferences of the Bureau d'adresse – public discussions of the scientific and other matters arranged by Théophraste Renaudot (Conferences 1656: 578). Its partial English translation was published in 1664:

"The Third said, That besides those causes, the food taken from some parts of Aliments contributes much to hurt the Imagination of Men in such sort, that they account themselves really brutes. Thus a Maid of Breslaw in Silesia having eaten the brain of a Cat, so strongly conceited her self a Cat, that she ran after every Mouse that appear'd before her. A Spaniard having eaten the brain of a Bear, thought himself to be one. Another that had very often drunk Goats milk, fed upon grass like that Animal. Another who had liv'd long upon Swines blood, rowl'd himself in the mire as if he had been truly a Hogg" (Havers 1664: 205)[11].

[11] Some more examples of the popular beliefs and magical use of the cat's brain, including the story of a maid from Breslau, are assembled in HdA I, 902; HdA IV, 78; the cat's brain is also mentioned, for example, by Andreas Glorez (d. 1700), see Priesner 2011: 185.

As for the remedies, almost all later physicians repeat the recommendations by Peter of Abano, the only exception being Antonio Guaineri who adds one more remedy to Peter's list. It is reproduced by Christophorus de Honestis, Sante Arduino, Pietro Andrea Mattioli, and Eustachio Rudio. Some scholars not mentioned above can be referred to, simply to demonstrate the longevity and extent of the scholarly tradition. Thus, the same antidotes against the cat's brain occur in the writings of Pieter van Foreest 1653: 481 who refers to Guaineri, and Jean Prévost (d. 1631) (1641: 318).

These remedies are[12]:

1) *terra sigillata* or *terra Lemnia*, that is, the earth from Lemnos. Its special curative properties were highly esteemed since classical antiquity. The earth was pressed in tablets and stamped with a seal to prove its authenticity (therefore, *sigillata*). It was regarded mainly as antidote. See Hasluck 1909/1910.

2) The confection (electuary) of diamuscus was widely known from the "Antidotarium" of pseudo-Mesue who describes it as follows: "A sweet confection of musk helping the heartbeat and melancholic ailments, and also those who are sad without reason, and it is useful against the ailments of the brain such as vertigo and epilepsy and acute pains and paralysis and against the ailments of the lungs and laboured breathing. Its composition is as follows: take 2 drams each of crocus, leopard's bane, zedoary, aloeswood, mace; 2,5 drams each of white pearls, burned crude silk, carob, red coral; 2,5 drams each of gall, lemon basil; 1 dram each of white and red behen, spikenard, cloves; 1,5 drams each of ginger, cubeb, long pepper; 1 dram of musk. Grind two parts [of this mixture] with fresh honey four times heavier than the weight of it all and put in a glass vase. The dose is from 1 dram up to 51" (Grabadin, f. 27r).

3) Musk.

However, those were not the only remedies against the trouble. The manuscript BNF NAL 693 considered here offers the following solution:

> (f. 149v) Pur home qe est forsene qe ad ceruel de chat ou de espreuer mange, prenge ij ou iij huwans e si l'en les puet torner blancs, fetes les apariller com gelines a manger et tost la maladie passera.

[12] It is interesting that the remedies against snake poison are entirely different, see Walker-Meikle 2014.

> 'For a man who is mad who ate the brain of the cat or of the sparrowhawk, take two or three owls and if you manage to turn them white[13], make them prepared for eating like hens, and the disease will pass at once'.

This manner of handling the illness differs significantly from the recommendations of the learned physicians mentioned above. It is evident that the recipes taken from scholarly antidotaria which were either translated from Arabic or composed in Southern Europe contain many ingredients alien to England and Northern Europe in general. Hardly a couple of about twenty components in the diamuscus electuary could be found on the spot; almost all needed to be imported and must have been quite expensive on this account alone, to say nothing of such components as white pearls. It is also difficult to imagine that all twenty elements could be properly substituted. *Terra sigillata*, though simpler in composition, was hard to obtain as well, and the price would have also been a considerable obstacle. Finally, musk itself was extremely expensive in the Islamic world too[14], and it is reasonable to infer that even its adulterants were not easily affordable in the Far West[15].

The recipe belongs to the series of materials written much more carelessly than the main texts of the manuscript and is very probably a later addition made by one of its later owners, perhaps, around the middle of the 14th century. These materials are often of markedly more lay character in contrast to the learned texts constituting the core of the manuscript. They are very likely private notes of a practising physician who wrote down bits of useful information for personal use. Under these circumstances, taking into consideration the unavailability of the medicine prescribed in the "official" antidotaria, and the character of the notes, it may be concluded that cooking owls as a remedy against madness caused by consuming the cat's brain was part of a lower stratum of medical learning; it offers a glimpse of the usual, perhaps quotidian practice of an Anglo-Norman medic.

[13] "torner blancs", that is, to remove skin after soaking in hot water, see MED s.v. blaunchen (v.), and the examples given there.
[14] On the prices see King 2017: 259–260.
[15] On adulteration and imitation see ibid., 262–271; some information on a typical monastic medical storage see Jenkins 1976.

2.

On fol. 191r of the same manuscript, there is a recipe for erasing letters.

> Vt deleas literam abq*ue* rasura, cape cbsfxm eiusdem generis animalis, cuius e*st et* carta. Item colofonia*m* .i. picem grecam ad med*ietatem* cbsfi, *et* distempe*r*a cu*m* succo rute *et* succo cardonis rubei in equali port*ion*e, *et* p*er*mitte siccare ad sole*m*, *et* sic fac ter. P*os*tea i*n*unge lit*er*a*m* cu*m* saliua *et* mitte de puluere isto desup*er et* dimitte iacere p*er* horam.
>
> 'To erase a letter without scraping, take *cbsfxm* of the same animal species from which the parchment is made. Then colophony or Greek pitch in the middle of *cbsfi*, and moisten it with the juice of rue and the juice of red thistle in equal proportions, and let it dry in the sun, and do so thrice. Then smear the letter with saliva and put this powder upon it and leave it there for one hour'.

The code used here is a simple substitution cipher of the Caesar type or the standard alphabet cipher which replaces a letter of the original message by another letter in the alphabet[16]. According to Suetonius, Caesar used the third letter after the original one as the substitute (D for A, E for B etc.), but his name is nowadays applied to any variety of this procedure. A further simplification is the method allegedly taken advantage of by Augustus who used as the substitute the next following letter (B for A, C for B etc.), cf. Suet. c. 88[17]. In the Middle Ages, an even more uncomplicated system prevailed, which only encoded vowels. It is sometimes called "notae sancti Bonifacii" (Derolez 1951: 9, cf. also Levison 1946: 290–294) due to the fact that its dissemination was attributed to St Boniface in a short treatise "De inventione linguarum ab Hebraea usque ad Theodiscam, et notis antiquis" written allegedly by Rabanus Maurus (1626: 333–334). It actually covers two different sub-types: in the

[16] On this type from the perspective of the modern cryptography see Smith 1971: 18, 57–60, Kahn 1973: 77, Bauer 2000: 51; on ciphers in Classical times see Süß 1923, Reinke 1962.

[17] As noted by Sims-Williams 2007: 171, n. 16, the cipher was readily available to the medieval reader from Isidore, Etymologies, I, xxv (ed. W. M. Lindsay, Oxford 1911, vol. 1): Caesar quoque Augustus ad filium, "quoniam" inquit, "innumerabilia accidunt assidue quae scribi alterutro oporteat et esse secreta, habeamus inter nos notas si vis tales ut, cum aliquid notis scribendum erit, pro unaquaque littera scribamus sequentem hoc modo, pro a b pro b c et deinceps eadem ratione ceteras; pro z autem littera redeundum erit ad duplex a a" Quidam etiam versis verbis scribunt.

first one, the vowels are substituted with varying number of dots[18], and in the second, with the next letter. Thus, *cbsfxm* and *cbsfi* correspond to plain-text *caseum* and *casei* respectively, that is, to the Acc and Gen of *caseus* 'cheese'.

Examples of the use of this cipher may be found in Wattenbach 1886: 12–14, and Levison 1946: 290–294. It often occurs in medical and technical notices and recipes, but rather sporadically. The scribes enciphered not texts or phrases, but isolated words, and their choice is anything but transparent. In the manuscript in question it seems to be the only instance of encipherment. The examples provided by Levison and Wattenbach may be supplemented with the evidence from several specialised texts. The Augsburg UB MS Cod. III 2.8° 34 (olim Fürstlich Öttingen-Wallerstein'sche Schloß-bibliothek in Harburg) written before 1511[19] is especially rich in enciphered words scattered through the recipes on medical, wine-, paint- and metal-making matters, cf. mfchhn = machen, prkt = prot, Rpehnnpr = Rephunner, pnkpm = einem, ekn = ein (Vermeer 1961a: 113–118 *et passim*), drfcknis = draconis, trkvfhlgn = tropfelin, Gpkcrfs = Ipocras (Vermeer 1961b: 243–246). The words encoded with the Caesar cipher occur in the late twelfth-century manuscript of the "Mappae clavicula", namely in the earliest known recipe of alcohol, xknk cum iii. qbsuf. tbmkt = vini cum 3 parte salis[20]. Another instance of its use comes from the "Liber illuministarum" – a collection of technical recipes written down in the Tegernsee

[18] Derolez 1951: 9–10 suggests the link between some varieties of this sub-type which denoted O with two dots and U with three, with the Ogam alphabet, but the example he chooses to substantiate his point is not altogether convincing since the dots in lfp:rks (leporis) can be explained otherwise as substitution for "p" which would have stood here according to the next-letter system (lfpprks), in order to avoid doubling of the letter P in two different "meanings". Laubmann 1878: 74, provides a colophon from a 9th century manuscript which at least in some cases clearly uses dots to point out such doubling – here, however, as an additional element, cf. ΛB·BPR = labor; HB:BFT = habet. As for the Ogam, it is interesting that it could have been used to encipher the Latin words in the manner identical with the Caesar cipher if Sims-Williams 2007: 171–172 is right in supposing that the Ogam MEGFDLU could represent "me fecit".

[19] On the MS see Schneider 1988: 687.

[20] The Phillipps-Corning Manuscript, Corning Museum of Glass, MS 5, fol. 45v, available at https://www.cmog.org/library/manuscript-mappae-clavicula, cf. also translation in Smith Hawthorne 1974: 59.

Abbey about 1500 (= BSB Cgm 821), cf. dbqkskatr = capitibus, ckeipog = bidhopf (Liber illuministarum: 444).

Thus, cryptography is used by the scribe of the notice just as it is applied in other medical and technical collections – quite accidentally. One may wonder if it was a tool demonstrating the scribe's sophistication and profound knowledge of his field, but it is equally conceivable that he copied the recipe that already contained the enciphered words. This suggestion, in turn, raises the question of how such words could have been interpreted by transmitters. It is known that these collections were at least sometimes transmitted by scribes who were obviously not skilled in the crafts they were writing about (cf. Wallert 1995: 38) or not accustomed to writing at all as one of the scribes himself informs (cf. Merrifield 1849: 291).

There are not so many recipes for erasing letters edited so far (see Checklist in Clarke 2001, Nos. 1880, 1900, 2470, 2790, 3050)[21], and none of them come from a manuscript dated earlier than ours. Four of them come from "Experimenta de coloribus" written down along with other collections of recipes by Jehan le Begue in 1431 (MS BNF lat. 6741) and published by Mary Merrifield (1849, 47–111, Nos. 2, 21, 27, 34). These are undoubtedly based on an older tradition since it is known that Jehan le Begue used the materials collected by his predecessor Jehan Alcherius who had learned much during his travels in Italy. However, none of them have ingredients in common with the formula from the Anglo-Norman manuscript. They prescribe producing a "water" by distilling nitre and Roman vitriol (2), or making a paste from the ground roche alum and orange juice (34) or using the latter alone (27). Another, more elaborate recommendation is to take a hare's thigh[22], to skin and to salt it, then to dry it over the smoke and

[21] Clarke not always mentions presence of the recipes for erasing letters in the MSS I am referring to. On the other hand, his mentioning of a recipe of this type in the MS Florence, Biblioteca Riccardiana 1243 (No. 980) may be misleading since his source Saxl 1954: 47, in fact, connects it not to the erasing recipe, but to the recipe for removing oil. See also Trier, Stadtbibliothek, Hs 1028/1959 8^{0}, f. 3r (year1490) and Oxford, Corpus Christi College, MS 125, f. 78 (14th-15th cent.), both with the rubric "ad delendum litteras/litteram".

[22] "Accipe cossam leporis, et decoria ipsam." Merrifield 1849: 56 gives a translation "take a hare's skin and dress it" which seems to be inaccurate since *cossa* here most probably means *coxa* 'thigh', see GIML, II, col. 593a, and this lends sense to the verb *decorio*.

to pulverize (21). The powder will erase letters without damaging the paper.

Arie Wallert (1995) provides English translation of two recipes from the MS Roma, Biblioteca Casanatense, Ms 1793 (year 1422). The first one (No. 18) advises to erase letters with a sponge moistened with the distilled mixture of saltpetre and vitriol (that is, aqua fortis, nitric acid, cf. recipe No. 2 of "Experimenta de coloribus" above)[23]. The second one (No. 42) resembles the recipe No. 27 of the "Experimenta de coloribus" as it suggests using the juice of a lemon or of an orange alone.

Gerolamo Cardano 1558: 600 advocates the use of the powder made of "fig milk", that is, the sap of the fig-tree, and white lead which is to be put on the slightly moistened letters in a parchment to erase them. Curiously, he presents this method in a chapter describing various types of cryptography.

The closest analogy to our recipe is attested in the MS British Library, Sloane 1313 (15th cent.), f. 125r, edited by Wright and Halliwell 1845: 108–109:

> To done away what is y-wreten in velyn or parchement without any pomyce. Take the juyst of rewe and of nettyl, in Marche, in Averel, or in May, and medyl hit with chese, mylke of a kow, or of shepe, put therto unqueynt lym, medle hem wel togedur, and make therof a lofe, and drye hit at the sonne, and make therof powdur. When thou wolt do awey the lettre, wete a pensel with spotil or with watur, and moist therwith the lettres that thou wolt do awey, and then cast the powder therupon, and with thi nail thou maist done awey the lettres that hit schal nothyng been a-sene, without any apeyrement. This medecyn, y-made with chese or mylke of a kow, is good for velym; and, of a sepe, good for parchement.

Here we find also cheese (with milk) which is to be mixed with the juice of rue; moreover, the last phrase advising to use the cow cheese (or milk) for vellum and the sheep cheese for parchment instantly reminds us of the curious prescription to "take cheese of the same animal species from which the parchment is made". There are, however, substantial differences. The English recipe places the juice of nettle instead of the juice of red thistle, adds unquenched lime, and, most importantly, does not mention colophony.

[23] Wallert 1995: 46, n. 18 remarks that this is similar to the recipes from two other collections preserved in Siena Biblioteca Comunale, MS I.II.19, and MS L.XI.41.

Colophony occurs in a much more later German print “Artliche künste” issued in 1531 and many times reprinted and reworked since then (see Eamon 1984: 119–120). Here appears the recipe for letter-erasing which also introduces colophony as one of the two main ingredients, but recommends fresh horse dung instead of cheese as the second one. The horse dung occurs in other recipes, e.g., for making azure and blue colours (Liber illuministarum: 78 and 80, 256), as a conserving and warming means.

> Schrifft auff pergamen aus zu leschen
> Nim Colofoniam das ist Griechisch hartz zerstos klein vnd strawe es auff die schrifft netze denn ein tuch vnd legs drauff darnach auff das tuch frischen pferds koth oben drauff leg denn ein schlechten zigel vnd las es ym winter ein nacht stehen ym Sommer aber vom morgen an bis es neune schlecht (Artliche künste 1531: xi).

> ‘To erase the writing on the parchment
> Take colophony, that is, Greek pitch, grind it very small and scatter it on the writing, then moisten a cloth and lay it over, then put fresh horse dung above, lay a bad brick upon it and let it stay one night in the winter, but in the summer from morning till it chimes nine’.

Thus, I was not able to detect exact correspondences to this recipe, but the partial analogies come from the later hand-written and printed sources. One of them, characteristically mentioning cheese, is preserved in a manuscript also written in Britain, which may point to a local tradition. The second one attesting to the use of colophony is much more remote geographically and temporally, but suggests that this practice also has a long history. Both recipes considered above testify to the broad interests of the possessor(s) who added these notes and to the variety of sources he (they) used. Furthermore, they are very early examples – in the case of the second recipe, perhaps, the earliest edited so far – of their types. Particularly interesting are details that distinguish them from other instances – a very special antidote made of owls against the cat’s brain in the first case, and a specific combination of colophony and cheese with the juice of rue and the juice of red thistle, along with the use of cryptography, in the latter. These peculiarities as well as the whole body of the notes added to the manuscript give insight into the living tradition of popular knowledge available to the practicing physician on the Welsh border of the 14th century. It is to be expected that publication of recipe collections still unedited will

provide additional material for comparison which will help establish a more comprehensive context and perhaps find more exact parallels.

Bibliographie

Ackermann, H. 1986: Moses Maimonides (1135–1204): Ärztliche Tätigkeit und medizinische Schriften. *Sudhoffs Archiv* 70(1), 44–63.

Arduino, S. 1562: *Santis Ardoyni Pisavrensis medici et philosophi praestantissimi opus De venenis* […]. Basileae.

Artliche künste 1531: *Artliche künste mancherley weise Dinten und aller hand Farben zubereiten, Auch Gold und Silber sampt allen Metallen aus der Fedder zu schreiben* (...) [Erffurdt : Sachss, 1531] [VD16 A 3857].

Avenzoar. 1490: *Abumeron. Auenzohar*. Uenetijs [BSB-Ink A-950 – GW 3103].

Bacci, A. 1586: *De venenis, et antidotis prolegomena, seu communia præcepta ad humanam vitam tuendam saluberrima… Andrea Baccio Elpidiano Medico*. Romae.

Bar-Sela, A., Hoff, H. E., Faris. E. 1964: Moses Maimonides' Two Treatises on the Regimen of Health: Fī Tadbīr al-Ṣiḥḥah and Maqālah fi Bayān Ba'ḍ al-A'rāḍ wa-al-Jawāb 'anhā. *Transactions of the American Philosophical Society* 54(4), 3–50.

Bauer, F.L. 2000: *Entzifferte Geheimnisse: Methoden und Maximen der Kryptologie, Dritte, überarbeitete und erweiterte Auflage*. Berlin – New York.

Bobis, L. 1997: Des usages du chat dans la médecine de la fin de l'Antiquité et du Moyen-Âge. In: Mornet, E., Morenzoni, F., eds. *Milieux naturels, espaces sociaux: études offertes à Robert Delort*. Paris, 717–728.

Bobis, L. 2000: *Une histoire du chat: De l'Antiquité à nos jours*. Paris.

Cardano, G. 1558: *Hieronymi Cardani Mediolanensis, medici, De rerum varietate libri xvii*. Avinione.

Chandelier, J. 2009: Théorie et définition des poisons à la fin du Moyen Âge. *Cahiers de Recherches Médiévales* 17, 23–38.

Clarke, M. 2001: *The Art of All Colours: Mediaeval Recipe Books for Painters and Illuminators*. London.

Collard, F. 2003: Veneficiis vel maleficiis. Réflexions sur les relations entre le crime de poison et la sorcellerie dans l'Occident medieval. *Le Moyen Âge* 109, 9–57.

Conferences 1656: *Recueil général des questions traitées es conférences du bureau d'adresse, sur toutes sortes de matieres, par les plus beaux esprits de ce temps*. Paris.

Derolez, R. 1951: Ogam, "Egyptian", "African" and "Gothic" alphabets: Some remarks in connection with Codex Bernensis 207. *Scriptorium* 5(1), 3–19.

Eamon, W. 1984: Arcana Disclosed: The Advent of Printing, the Books of Secrets Tradition and the Development of Experimental Science in the Sixteenth Century. *History of Science* 22(2), 111–150.

van Foreest, P. 1653: *Observationum et curationum medicinalium*, Tomus III. Rothomagi.

Gessner, C. 1620: *Conr. Gesneri (…) Historiae animalium liber primus De quadrupedibus viviparis*. Francofurti.

Gibbs, F. 2017: Medical Literature on Poison, c. 1300-1600. In: Wexler, P., ed. *Toxicology in the Middle Ages and Renaissance*. London, 159–166.

GMIL: du Cange, et al. *Glossarium mediae et infimae latinitatis*, éd. augm. Niort 1883–1887.

Grabadin: Johannis Mesue Grabadin Incipit Quod est aggregacio et antidotarium electuariorum et confectionum. In: Antidotarium Nicolai (Blatt 3r–24v) und Grabadin (Blatt 26r–68r). Straßburg ca. 1478 [GW M26754].

Guaineri, A. 1508: *Practica Antonii Guainerii Papiensis doctoris clarissimi et omnia opera*. Venetiis.

Hasluck, F.W. 1909/10: Terra Lemnia. *The Annual of the British School at Athens* 16, 220–231.

Havers, G. 1664: *A general collection of discourses of the virtuosi of France, upon questions of all sorts of philosophy, and other natural knowledg made in the assembly of the Beaux Esprits at Paris, by the most ingenious persons of that nation / render'd into English by G. Havers, Gent*. London.

HdA: *Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens*, 10 Bd., Berlin 1927–1942.

Hildegard von Bingen, 2010: *Physica: Liber subtilitatum diversarum naturarum creaturarum*, hrsg. v. Hildebrandt, R., Gloning, T., Bd. 1–2, Berlin; New York.

HMES: Thorndike, L. *A History of Magic and Experimental Science*, 8 vols., New York, 1923–1958.

Ivanov, S., Falileyev A. 2017: Bibliothèque nationale de France NAL 693 and some episodes in the history of Monmouth in the fourteenth century. *The Welsh History Review* 28(3), 457–469.

Jacquart, D. 1990: Theory, Everyday Practice, and Three Fifteenth-Century Physicians. *Osiris* 6, 140–160.

Jenkins, M. 1976: Medicines and Spices, with Special Reference to Medieval Monastic Accounts. *Garden History* 4(3), 47–49.

Kahn, D. 1973: *The Codebreakers: The Comprehensive History of Secret Communication from Ancient Times to the Internet*, revised ed. New York.

King, A.H. 2017: *Scent from the Garden of Paradise: Musk and the Medieval Islamic World*. Leyden – Boston (Islamic History and Civilization: Studies and Text 140).

Laubmann, G. 1878: Mittheilungen aus Würzburger Handschriften, *Sitzungsberichte Bayer. Akad. der Wiss. Phil.-hist. Klasse*, II, 71–96.

Levison, W. 1946: *England and the Continent in the Eighth Century*. Oxford.

Liber illuministarum: Bartl, A., Krekel, C., Lautenschlager, M., Oltrogge, D. *Der „Liber illuministarum" aus Kloster Tegernsee: Edition, Übersetzung und Kommentar der kunsttechnologischen Rezepte*, Stuttgart 2005.

Maimonides 1518: *Tractatus Rabbi Moysi de regimine sanitatis ad Soldanum regem*. Augsburg.

Mattioli, P.A. 1558: *Petri Andreae Matthioli Senensis Commentarii Secvndo Avcti, In Libros Sex Pedacii Dioscoridis Anazarbei de medica materia*. Venetiis.

MED: *Middle English Dictionary*, available online at https://quod.lib.umich.edu/m/med/

Merrifield, M.P. 1849*: Original Treatises, dating from the XIIth to XVIIIth centuries, on the Arts of Painting*, Vol. 1. London.

Nicoud, M. 2007: *Les* régimes *de santé au Moyen Âge. Naissance et diffusion d'une écriture médicale en Italie et en France (XIIIe–XVe siècle)*, 2 vol., Roma (Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome. Première série 333).

Paré, A. 1841: *Oeuvres completes*, III. Paris.

Patai, R. 1988: Raymund de Tarrega – Marrano, Heretic, Alchemist. *Ambix* 35, 14–30.

Peter of Abano 1520: *Conciliator differentiarum philosophorum et medicorum in primis doctoris in omni disciplinarum genere eminentissimi Petri de Abano Patavini*. Luceantonii de Giunta.

Peter of Abano 1537: *Clarissimi celeberrimique olim philosophi & medici Petri de Abano De venenis atque eorundem commodis remediis Liber plane aureus, per Joannem Dryandrum medicum, pristino suo nitori restitutus*. Marpurgi.

Prévost, J. 1641: *Ioannis Praevotii (…) Medicina pauperum ac ejusdem De venenis (…)*. Frankfurt.

Priesner, C. 2011: „Der zu vielen Wissenschaften anweisende curiöse Künstler". Alchemie, Volksmagie und Volksmedizin in barocken Hausbüchern. *Sudhoffs Archiv* 95(2), 170–208.

Pseudo-Lull 1616: *Raymvndi Lvllii Tractatvs Brevis Et Eruditus De Conservatione Vitae, item Liber secretorum seu Quintae essentiae*. Strassburg.

Rabanus Maurus 1626: *Magnentii Hrabani Mauri ... opera, quae reperiri potuerunt, omnia: in sex tomos distincta*, Tomus 6. Köln.

Reinke, E.C. 1962: Classical Cryptography. *The Classical Journal* 58(3), 113–121.

Rudio, E. 1610: *Eustachii Rudii De morbis occultis, et venenatis libri quinque*. Venetiis.

Saxl, H. 1954: *An Investigation of the Qualities, the Methods of Manufacture and the Preservation of Historic Parchment and Vellum with a View to Identifying the Animal Species Used*, M.Sc. thesis. Leeds.

Schneider, K. 1988: *Deutsche mittelalterliche Handschriften der Universitätsbibliothek Augsburg. Die Signaturengruppen Cod. I.3 und Cod. III.1*. Wiesbaden (Die Handschriften der Universitätsbibliothek Augsburg II,1).

Sims-Williams, P. 2007: Byrhtferth's Ogam Signature. In: Sims-Williams, P. *Studies on Celtic Languages before the Year 1000*, Aberystwyth 2007, 169–177. First published in: Jones, T., and Fryde, E. B. (eds.). *Ysgrifau a cherddi cyflwynedig i Daniel Huws: Essays and poems presented to Daniel Huws*. Aberystwyth, 283–291.

Smith, L.D. 1971: *Cryptography: The Science of Secret Writing*. New York.

Smith, C. S. S., Hawthorne, J. G. 1974: Mappae Clavicula: A Little Key to the World of Medieval Techniques. *Transactions of the American Philosophical Society* 64(4), 1–128.
Sodigné-Costes, G. 1995a: Un traité de toxicologie médiévale: le *Liber de venenis* de Pietro d'Abano (traduction française du début du XVe siècle). *Revue d'histoire de la pharmacie* 42 (305), 125–136.
Sodigné-Costes, G. 1995b: Les animaux venimeux dans le Livre des venins de Pietro d'Abano. *Reinardus* 8, 101–114.
Süß, W. 1923: Ueber antike Geheimschreibemethoden und ihr Nachleben. *Philologus* 78 (N.F. 32), 142–175.
Touwaide, A. 1994: Galien et la toxicology. In: A*ufstieg und Niedergang der Römischen Welt*, Vol. 37:2, ed. W. Haase, Berlin-New York, 1887–1986.
Vermeer, H. J. 1961a: Technisch-naturwissenschaftliche Rezepte aus einer Harburger Handschrift. *Sudhoffs Archiv für Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften* 45(2), 110–126.
Vermeer, H. J. 1961b: Eine altdeutsche Sammlung medizinischer Rezepte in Geheimschrift. *Sudhoffs Archiv für Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften* 45(3), 235–246.
Walker-Meikle, K. 2014: Toxicology and Treatment: Medical Authorities and Snake-Bite in the Middle Ages. *Korot* 22, 85–104.
Wallert, A. 1995: Libro Secondo de Diversi Colori e Sise da Mettere a Oro: A Fifteenth-Century Technical Treatise on Manuscript Illumination. In: Wallert, A., Hermens, E., and Peek, M. (eds.) *Historical Painting Techniques, Materials, and Studio Practice: preprints of a symposium [held at] University of Leiden, the Netherlands, 26-29 June 1995*. Malibu, 38–47.
Wattenbach, W. 1886: *Anleitung zur lateinischen Palaeographie*. 4. verbesserte Aufl. Leipzig.
Wright, T., Halliwell, J.O. 1845: *Reliquiae antiquae: Scraps from Ancient Manuscripts, illustrating chiefly Early English Literature and the English Language*. Vol. 1. London.
Zacuto 1637: *Zacuti Lusitani, Medici et Philosophi praestantissimi, Praxis medica admiranda* […], Lugduni.

Summary: The paper considers two items from the Anglo-Norman collection of technical and medical recipes. The first one reveals an interesting method of healing the illness caused by consumption of the cat's brain by means of cooking owls. The second one, which provides a description of a mixture for erasing letters from parchment, contains a curious example of cryptography. They are put into context with other texts and recipes of this type in order to evaluate the differences which may point to a local tradition. Both recipes are presumably latter additions made by an owner who was a practising physician, and thus offer an insight into the popular knowledge of the 14th century Britain.

Keywords: medieval medicine, recipes, manuscript tradition, cryptography.

DOI:10.30842/ielcp230690152243

А. И. Илиади

ИРАНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ РЕЛИКТЫ В СЛОВАЦКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОНИМИИ

В статье предлагается этимологический анализ группы топонимов, обозначавших различные географические объекты на территории исторической Словакии. Структура этих лексем не поддается объяснению в рамках славянского или венгерского языков, но находит близкие аналоги в иранском материале, что дает основания считать их следами сармато-аланского присутствия в ареале архаичной славянской (словацкой) топонимии. Полученные предварительные результаты позволяют реконструировать ряд сармато-аланских терминов топографической номенклатуры.

Ключевые слова: этимология, форма, семантика, реконструкция, топоним.

1. Историческая топонимия Словакии засвидетельствована солидной документальной базой, позволяющей уточнить исконную форму названий, дошедших до нашего времени со значительными изменениями, и описать те географические имена, которые не существуют на современной карте. Обе категории лексем сыграли свою роль в научной стратификации словацкого топонимикона, в котором выделяется корпус славянских (праславянских и собственно словацких), германских, венгерских и тюркских названий, названий, показывающих связи с кельтской и фракийской топонимией и пр. Однако существуют топонимы, чья принадлежность к какой-либо из названных групп вызывает серьезные сомнения, напротив, с большой долей уверенности их можно характеризовать как иранское наследие.

Изучение иранского вклада в топонимию Словакии еще не имеет своей истории: сегодня существуют лишь этимологии отдельных географических названий Южной Словакии, систематизация которых может стать основанием для постановки проблемы. Ср.: сарм. **ab-* ‘вода’ (*Aba*, 1244, *praedium Aba*, 1808); *Hasztergán*, 1890, *Hor. Hastrgán*, 1930, *Hor. Hastrgáň*, 1958 с неясным **hast[e]r-* и сарм.-алан. **khani-* ‘источник’; туран. *kanta-*, *kand*, *kend* ‘город, крепость’ (*Kend*, 1277); сарм.-алан. **xsīn-* ‘иссиня черный’ (*Xynna*, 1352, *Kessyna* 1382, *Ksyna*

1485, *Ksynna* 1598); *Szaránd – civitas Zarand*, 1399, 1460, *Zarand*, 1482, *Zorand*, 1455 ~ осет. *zærond* ‘старый’; венг. *Gyos*, 1330, 1336, *Dios*, 1406 – отражение рефлекса праиран. **gauź-* (Шапошников 2010: 244, 251, 253, 254, 256, 258), а также сарм.-алан. **astur-xan* или **astur-kan*, **fus-čāta*, **hankan*, **kaf-nadi-*, **kard-porata* или **xard-porata*, **netr-fus*, **parkan*, **paϑ-*, **tār-kan*, **vaza-xan* или **vaza-kan* (Илиади 2016). Но даже предварительное обобщение морфологических и фонетических особенностей таких предположительно иранских топонимов (с поправкой на неизбежные искажения в орфографии венгерских и латинских документов) показывает продвинутое состояние их структуры, близкое к тому, которое в ряде случаев представлено в лексике осетинского языка, ср.: 1) *c* (> *dz*) на месте праиран. **č*; 2) озвончение **k* > *g* после сонанта; 3) метатеза в кластере «*C* + *R*» > «*R* + *C*» и др. С другой стороны, сохраняются архаические черты, например, анлаутное *p-* не изменяется в *f-*.

2. Далее приводится фрагмент словаря иранских лексических реликтов в словацкой топонимии:

***afs-var или *āfs-xvar:** *Asswarra*, 1206 – местное название в р-не бассейна Нитры, которое ранее толковалось как сарм. **āfš-xvar* ‘место водопоя’ (см.: Илиади 2016: 356: с указанием других точек зрения). Кажется, исчерпаны еще не все возможности анализа его структуры, т. к. не исключено, что *Asswarra* доносит сарм. **afs-var* ‘лошадиный город’, где первая часть показывает инновационную форму, фонетически близкую осет. *æfsæ* (< скиф., сарм. *aspa* ‘лошадь, конь’), а вторая – *var* ~ авест. *var-* ‘крепость, твердыня’ (Bartholomae 1904: 1363). Догадка о наличии тут скиф. **vara-* ‘город’ высказана в (Шапошников 2010: 245). Из производных этого ряда ср. согд. *Asbīkaϑ* = *Лошадиный город* (Лурье 2004: 95).

***and-ud или *and-od:** *Ondod*, 1421, *Andod*, 1433, *Ondod*, 1808 (р-н бассейна Нитры). Предполагается, что венгерские варианты – это искаженная передача позднего псл. гидронима **ǫdolъ* или **ǫdolь* ‘долина, низменное место’ (Шапошников 2010: 244), в чем есть определенный резон. Вместе с тем форма допускает также и сарм.-алан. **and-ud* или, скорее, **and-od* (с рефлексом *au* > *o*, как в дигорском) < **anta-uda-* ‘рядом с источником’, ‘напротив источника’, ср. **anta-* ‘край, предел’, **anti-* ‘вблизи, напротив’ (ср. осет. *ændæ* ‘вне, снаружи’; Абаев 1,

1958: 104; Расторгуева, Эдельман 1, 2000: 173) и **auda-*, ср. авест. *аоδа-* ‘родник, источник’ (Расторгуева, Эдельман 1, 2000: 257).

***bag-kata или *bag-kaϑa:** *Bogata*, 1304, *Bagatha*, 1404, *Bagotta*, 1786 отнесено к сарм.-алан. топонимам с *kata* ‘крепость со рвом’. Первая часть не комментируется (Шапошников 2010: 246). Предположительно, порча **Bagkata*. Возможный аналог для согд. *Faγkaϑ*, *Waγkaϑ* = согд. βγ- ‘бог, господин, Митра’ & *kaϑ* ‘город’ (Лурье 2004: 90).

***čar-kat:** Местное название *Cergát*, упомянутое в связи с гидронимом *Dlhý kanál* (бассейн Нитры), в литературе трактуется как венгерское сложение *cser* ‘чернильный дуб’ и *gát* (< алан. *kata* ‘крепость’) = ‘дубовая крепость’ (Шапошников 2010: 246–247). Однако такая композита скорее обозначала бы плотину из дубовых бревен, чем крепость, т. к. венг. *gát* это именно ‘плотина, дамба’ и (перен.) ‘препятствие’. Думается, что равным образом топоним можно рассматривать как **čar-kat* – именное сложение с рефлексом **kaϑa-* ‘укрепление’ во второй части, тогда как в первой – поздняя форма числительного ‘четыре’ (**čatu̯ar-*/**čaϑu̯ar-*), близкая бел. зап. *čār*, вост. *čiār* ‘четыре’ и др. (см.: ЭСИЯ 2, 2003: 242). Вместе – ‘четырехугольное, квадратное укрепление’.

***han-taka (*han-taxa?):** *Chontheka* «Marchonpataka inde exyt et vadit ad locum ubi quidam Riuulus nomine Chontheka inplicatur abhinc vadit» (HO 6, 1876: 129). У В. Шмилауэра гидроним приводится среди прочих названий неясного происхождения (Šmilauer 1932: 262, 436). Учитывая случаи передачи венгерской графикой иноязычного *x* диграфом *ch*, рискнем предположить здесь искаженное сарм.-алан. имя **han-taka*, производное с префиксом **ham-*/**han-* ‘соединенный’, ‘вместе с’ от **tak-* ‘бежать’ (о воде). Буквальное структурное соответствие псл. **sǫ-toka*, ср. рус. диал. *сутóка* ‘место слияния рек, ручьев’ (СРНГ 42, 2008: 317). Столь же вероятно видеть начальное **han-* ‘лето’ (см.: ЭСИЯ 3, 2007: 355–356) и предполагать сложение корней: **han-taka* ‘летний поток’, ср. иран. **ham-dārana-* > осет. *æндарæн* ‘место осенней пастьбы овец’ (Дзиццойты 2012: 332).

***kubra:** *Kubra*, 1265, *Cubra* («in viam magnam – asc. per riuulum Cubra», «et sic paululum procedendo circa riuulum Cubra cadit in eundem, qui riuulus est in communi cum prefato

Laurencio»), *Kubrá*, *Kobra*, *Kubranský potok*, *Nagykubra* – поток в бассейне Вага (Wenzel 8, 1870: 122; Šmilauer 1932: 73, 332, 499). Согласно В. Шмилауэру, этимология неизвестна, хотя он допускает славянскую природу слова, сравнивая его с чеш. *Koberná* (?) (Šmilauer 1932: 73, 332, 499) с неоднозначной структурой. По нашему мнению, это название имеет связи с неславянской гидронимией восточнославянского ареала, где находим *Кубра*, вар. *Куб*я – озеро в р-не побережья Десны, *Кубер* – ручей (г. Путивль), пр. Клевени, *Кубрь* (*Кубарь*) – л. Клевени, п. Сейма, л. Десны. Эти лексемы генетически сориентированы на лит. *kaũbrė*, *kauburẽ*, *kauburỹs* ‘горб, горка’ (В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев) и осет. *k’ ̦ybyr*, *k’ubur* ‘бугор’, ‘холмик’ (см.: Непокупный 1970: 22). Т. е. ономасиологически – указание на особенности рельефа течения, напр., на холмистую местность рядом с руслом потока, или же на то, что он вытекает из-под холма, горки. Таким образом, появляется шанс не только выделить древнюю гидронимическую изоглоссу, но и обосновать приоритет иранской этимологии вопреки ранее сформулированному выводу А. П. Непокупного о том, что *Кубра*/*Куб*я теоретически можно считать как иранским, так и балтийским. Наличие аналогичной формы в ареале, лишенном следов присутствия балтов и, наоборот, имеющем лингвистические и археологические свидетельства иранского освоения, подталкивает к выводу о его принадлежности к сарм.-алан. словарю.

***mar-gan (*mard-gan?):** *Marhaň* (s *Marhaní*) – рукав Гиралтовского потока в гидросистеме Бодрога (р-н Восточных Бескид; Šmilauer 1932: 418, 543). Отражение иран. **mar-gan* – поздняя форма (с озвончением *k* после *r*) относительно **mar-kan* ‘мертвый колодец’, ‘мертвый источник’, ср. ниже **marda-ganu-* с аналогичной инновацией. Касательно составляющих ср.: хс. *mara* ‘смерть, мор’ и ст.-вандж. *kain* ‘источник, родник’, курд. *kānī* ‘то же’ (Расторгуева, Эдельман 4, 2011: 215; 5, 2015: 213). Название интересно тем, что дает пример сложения термина водной номенклатуры с корневым именем **mara-* ‘умирание’ (см.: Расторгуева, Эдельман 5, 2015: 213), а не с основой причастия **mr̥-ta-*, как в случае с *Мордогонова* (бассейн Днепра) = иран. **mr̥ta-xan- > *mard(a)-xan-* ‘мертвый колодец’ (Орел 1986: 109) или **mardaganu-* ‘мертвый источник’ (Шапошников 2007: 304), перс. *mord-āb* ‘стоячая (букв.

‘мертвая’) вода, пруд’ (Расторгуева, Эдельман 5, 2015: 210). Подобный случай отмечен и в ареале иранской гидронимии Дона, ср. *Мареф*а, *Мурафа* = **marāf* с **āf-* (< **āp-*) ‘вода’ во второй части (Илиади 2017: 64). Таким образом, топонимическая лексика содержит вариантные формы для противопоставления **mar-gan* : **mard(a)-xan-*/**marda-ganu-* и **mar-āf* : перс. *mord-āb*.

Не исключено, однако, что слвц. *Marhaň* – результат фонетического упрощения исходного **mardgan* уже в славянском.

***par-dan:** *Pardan*, 1263, *Pordan* – топообъект в р-не Дудвага (Wenzel 8, 1870: 82; Šmilauer 1932: 75, 76). В имеющихся вариантах логично усматривать результат фонетического развития иран. **parǎ danu-* ‘в стороне от реки’, ср. авест. adv. *parǎ* ‘в стороне’, ‘прочь’, ‘вдаль’ (Bartholomae 1904: 852). Указание на местность в стороне от реки Дудваг или притока Вага *Lubov*, которые как раз могли быть обозначены сарм.-алан. **dan* ‘река’. Лексема сохраняет архаичное состояние анлаута *p-*, т. е. до его изменения в *f-*, и такие случаи не редкость в известном корпусе скифо-сарматских собственных имен.

***sām-rut:** *Symarut* («hinc exiens vadit per viam exploratorum de Boëmia, quae vulgo Symarut dicitur»), *Simaruth*, 1217, *Zamarvth*, *Szemárut* – гидрообъект в бассейне Моравы (Boček 2, 1839: 96; Fejér III/1, 1829: 200; IV/2, 1829: 392; Šmilauer 1932: 3). Существующие в старой литературе попытки прочтения этого гидронима суммарно изложены в исследовании В. Шмилауэра: 1) как *šima ut*, видимо, из венг. *szem* ‘глаз’ & *út* ‘дорога’, ‘путь’ (уточнение наше – *А.И.*), т. е. *Szemárut* = «путь лазутчиков», откуда толкование ‘дорога чешских стражей’; 2) *somarút* = «дорога вьючных животных»; 3) как венгерская (*sumaritze*) передача слав. *Sudomerice*; 4) как ‘длинное поле’, ‘длинная долина’ (впрочем, без опоры на необходимый апеллативный материал), см.: (Šmilauer 1932: 3: с оговоркой о неясности *-y-* в форме *Symarut*). Современные опыты его толкования нам не известны.

В силу неоднозначности письменных форм гидронима упомянутые версии его объяснения, кажется, оставляют пространство для дальнейших этимологических изысканий. Очевидно, что его интерпретация упирается в проблему выбора какого-то из четырех существующих вариантов как этимологически наиболее «авторитетного». Таковым, максимально при-

ближенным к оригиналу, нам представляется *Zamarvth*, хотя и он подвергся минимальному графическому искажению – записи начального **s-* через *z-*, что встречается в венгерских документах, ср., напр., в случае со слав. *Sučany* как *Zudcsan*, *Zuchan* наряду с *Szucsány*; *suchý* ‘сухой’ в составе *Zuhapotoc*, *Zuhodol* (Šmilauer 1932: 64, 461). Итак, за формой *Zamarvth* может скрываться среднеиранская композита **sām-rut* (< **śi̯āma-rauta-*), образованная **śi̯āma-* (вариант к **śi̯āu̯a-*) ‘черный’ и **rautah-* ‘река, поток’ (звук *a* между *m* и *r* в известных фиксациях названия – продукт его венгерской адаптации). Ср. к первой части авест. *sāma-* ‘черный’, *Syāma|ka-* – название горы ~ *syāva-* ‘черный’ : др.-инд. *śyāmá-*, *śyāvá-* ‘черно-коричневый’, а ко второй – авест. *rautah-* ‘река, поток’, ‘течение’ (Bartholomae 1904: 1492, 1571, 1631), согд. *rwt* /*rōt*/ ‘река’ (Gharib 1995: 346). Предложенная версия вводит **sāmrut* в круг иранских топонимов с аналогичной первой частью, ср. выше авест. *Syāma|ka-*, а также согд. *Sāmxwāš* = ‘Черное озеро’, *Sāmǰan* = ‘Черный канал’, *Sāmdūn* = ‘Черный дом’ ~ согд. бухар. *sām* ‘черный’ (Лурье 2004: 40, 79, 132, 146, 205), осет. *Саугъæд* = ‘Черный лес’ ~ *сау* ‘черный’ (Цагаева 1975: 128) и др. Кроме того, она лучше объясняет семантику номинации водного объекта, нежели более ранние трактовки, которые опирались на результат переосмысления неясного гидронима в связи с венг. *út* ‘путь’, ‘дорога’, к чему авторов этих этимологий подталкивали реалии ландшафта, т. к. вдоль береговой линии часто проходили пути местного сообщения.

***sām-ud или *sām-od:** *Samud*, также как *Samod*, 1383 (далее в венг. документе «Ekeče Samody-curia») – гидрообъект в бассейне Дудвага (Fejér IV/3, 1829: 449; Šmilauer 1932: 32). Если графема *s* в документе на латыни обозначает именно *s*, а не *š* (венг. *s*), то стоит говорить о позднем сложении **sām-* ‘черный’ (см. выше) и рефлекса **auda-*, ср. авест. *аоδа-* ‘родник, источник’ (Расторгуева, Эдельман 1, 2000: 257) или о сохранности древнего **śi̯āma-uda-* ‘черный источник’. Впрочем, такое предположение не отменяет возможности видеть в названии искаженное слав. **samo-vodъ* (~ **voda*, ср. в составе распространенных у славян композит *Черновод*, *Беловод* и пр.) – образование, параллельное **samo-tokъ*, **samo-rěka*, ср. *Саморечка*, *Самотечка* (СГУ 1979: 350, 486).

***sarf-:** *Sarfew*, 1185, 1249, *Sarfia*, 1773, *Šarfia*, 1920 (р-н течения Нитры). Название толкуют как продолжение нем. прилаг. *scharf* ‘острый’ или сущ. *Schroff*, *Schroffe* ‘утёс’ (Шапошников 2010: 245). Не оспаривая, в общем, это мнение, предложим альтернативную этимологию от сарм.-алан. **sarf-*, продолжающего праиран. **śapra-* с суффиксальным *-ra-* от корня **śap-* ~ др.-инд. *śāpa-* ‘пастбище, выгон’, ср. его сохранность в составе осет. *cærvæt* ‘пастбище, выгон’ (Дзиццойты 2012: 333 реконструирует **sap-ra-*).

***tacar (< *tačara-):** *Tadzar* – гидроним (приток Торисы в Прешевском крае; запись 1961 (?); ОАИУЯ). Сарм.-алан. соответствие авест. *tačar-* ‘течение’, ‘бег’, ‘путь’ ~ *tak-* ‘бежать (о воде), течь’, praes. *tača-* (Bartholomae 1904: 628) и бактр. ταϲαρο ‘поток’, ‘течение’, ‘река’, ‘русло’ ~ праиран. **tač-* ‘бежать’, ‘течь’, ‘идти’ (Cheung 2007: 373). Название обнаруживает свойственное осетинскому *c* (видимо, с дальнейшим озвончением в *dz*) на месте праиран. **č*, как в осет. *card* ‘жизнь’ (основа **čar-*) и *æʒard* ‘мало живший’; *cægat* ‘северный склон горы’, ‘тыльная сторона ножа, топора и пр.’ (~ согд. **čakāt* ‘лоб’) и *færæt-ʒægat* ‘обух топора’; *taʒyn* ‘лить по каплям’ < caus. **tāčaya-* (Абаев 1, 1958: 289, 296, 303; 3, 1979: 245; Cheung 2007: 372–374: **tač*[1]).

***tars-kata или *tars-kaϑa:** *Tarskata* – топоним на территории Пряшевщины (обозначаемый географический объект точно не локализован; запись 1961 г.; ОАИУЯ). С большой долей уверенности можно говорить о сарм.-алан. сложении **tars-kaϑa* ‘срубленное из буковых бревен укрепление’, **tars-kata* ‘[селение] с домами из бука’, ср. осет. *tærs*, *tærsæ* ‘бук’, ‘Fagus silvatica’ (Абаев 3, 1979: 272) и осет. диг. *kæt* ‘конюшня’ (< **kata-* или **kaϑa-*), хс. *kata-* ‘крытое место; дом’ (Расторгуева, Эдельман 4, 2011: 341).

***tunk-kat или *tux-kat:** *Thukad* «inde per unam uallem intrat in Holthwag et per eundem ascendit ad uillam Thukad», *Tukad* – населенный пункт в р-не течения Шали, местоположение которого «неизвестно» (HO 6, 1876: 67; Šmilauer 1932: 82, 84), что, в общем, не удивительно, т. к. количество поселений этого густо заселенного в древности региона с богатым рыбным промыслом сократилось из-за наводнений, вызванных разливом рек (см. Šmilauer 1932: 82). Вероятны два толкования. 1. Если это неточно переданное **Tunkat*, то не исключено сарм.-алан.

сложение **tunk-kat* ‘поселение на холме’ с первым компонентом **tunk-* (< **tunga-*) ~ скр. *tuṅga-* ‘высокий’, ‘гора, холм’, ‘вершина’ (Monier-Williams 1988: 449). 2. Возможно также понимание на основе сарм.-алан. **tux-kat* – композита с начальным **tux-*, ср. осет. *тух*, *тухæ* ‘сила’, ‘мощь’ (Абаев 3, 1979: 344), ср. аналогичную мотивацию в другом топониме со второй частью **kaϑa-* ‘поселение’, а именно – в согд. *Tūnkaϑ*, *Tunkat*, где первая часть соотносительна с др.-иран. **tavan-* ‘быть сильным, в состоянии’ (Лурье 2004: 100).

3. В завершение укажем на две особенности изучаемого материала. 1. При том, что *составные части* большинства описанных композитов имеют эквиваленты в иранской апеллативной и ономастической лексике, только для одного из них существует *цельнолексемный* аналог за пределами описываемого ареала, ср. **Bagkata* при согд. *Faγkaϑ*, *Waγkaϑ*. 2. В составе нескольких сложных наименований отмечен рефлекс основы **auda-*, что сближает их с авестийским словарем (ср. *аоδа-* ‘источник’) точно так же, как и зеркальное отражение авест. *tačar-* (наряду с бактр. τασαρο) при сарм.-алан. **tacar*.

Литература

Abaev, V. I. 1958–1995: *Istoriko-ètimologicheskiy slovar’ osetinskogo yazyka* [*Historic-Etymological Dictionary of Ossetian Language*]. Moscow ; Leningrad.
Абаев, В. И. 1958–1995: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. М. ; Л.

Bartholomae, Chr. 1904: *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg.

Boček, A. 1802–1847: *Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae*: *Studio et opera*. Olomucii.

Cheung, J. 2007: *Etymological Dictionary of the Iranian Verb*. Leiden ; Boston.

Dzitstsoity, U. A. 2012: [Etymological essays]. *Nartamongæ*. Vol. IX, № 1–2, 331–339.
Дзиццойты Ю. А. 2012: Этимологические заметки. *Nartamongæ*. Vol. IX, № 1–2, 331–339.

Fejér, G. 1829–1844: *Codex diplomaticus Hungariae*. *Ecclesiasticus ac civilis*: *Studio et opera*. Budae.

Filin, F. P., Sorokoletov, F. P. (eds) 1965–2016: *Slovar’ russkikh narodnykh govorov* [*Dictionary of Russian folk dialects*]. Moscow ; Leningrad ; St.Petersburg.
Филин, Ф. П., Сороколетов, Ф. П. (ред.) 1965–2016: *Словарь русских народных говоров*. М. ; Л. ; СПб.

Gharib, B. 1995: *Sogdian dictionary: Sogdian-Persian-English*. Tehran.

HO 1865–1891: *Hazai okmánytár (Codex diplomaticus patrius)*. Budapest.

Iliadi, A. I. 2016: [On the Slovak historical onomastics: several Sarmatian hydronyms]. *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologia* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 20 (1), 354–362.

Илиади, А. И. 2016: К исторической ономастике Словакии: несколько сарматских гидронимов. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 20 (1), 354–362.

Iliadi, A. I. 2017: [Non-Slavic Lexemes in the Don River Hydronymy: Etymological Etudes]. In: *Nōminum Spatio: Materialy II Mezhdunarodnykh onomasticheskikh chteniy im. E. S. Otina (22–23 okt'abr'a 2016 g.)* [*Nōminum Spatio: Proceedings of II International Onomastic Conference dedicated to memory E. S. Otina (22–23 October, 2016)*]. Donetsk, 61–67.

Илиади, А. И. 2017: Неславянская лексика в гидронимии Дона: этимологические этюды. In: *Nōminum Spatio: Материалы II Международных ономастических чтений им. Е. С. Отина (22–23 октября 2016 г.)*. Донецк, 61–67.

Lurye, P. B. 2004: *Istoriko-lingvisticheskiy analiz sogdiyskoy toponimii* [*A historical-linguistic analysis of Sogdian Toponymy*]. St.Petersburg.

Лурье, П. Б. 2004: *Историко-лингвистический анализ согдийской топонимии: Дисс. … канд. филол. наук*. СПб.

Monier-Williams, Monier Sir 1988: *A Sanskrit-English Dictionary: Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European Languages*. Delhi.

Nepokupny, A. P. 1970: Geograficheskie terminy i toponimy ukrainskogo Polesia i baltiyskie (iranskie) nazvaniya rel'yefa [*Geographical terms and toponyms of Ukrainian Polessye and Baltic (Iranian) relief names*]. *Baltistica*. VI (1), 11–26.

Непокупный, А. П. 1970: Географические термины и топонимы украинского Полесья и балтийские (иранские) названия рельефа. *Baltistica*. VI (1), 11–26.

OAIUJ: *Onomasticheskiy arkhiv Instituta ukrainskogo yazyka NAN Ukrainy* [*Onomastic archive of NASU Institute of Ukrainian Language*]. Kiev.

ОАИУЯ: *Ономастический архив Института украинского языка НАН Украины*. К.

Orel, V. È. 1986: [*To the question of relics of Iranian Hydronymy in Dnieper, Dniester and South Bug basins*]. *Voprosy yazykoznaniya.* № 5. [*Topics in the study of language*], 107–113.

Орел, В. Э. 1986: К вопросу о реликтах иранской гидронимии в бассейнах Днепра, Днестра и Южного Буга. *Вопросы языкознания.* № 5, 107–113.

Rastorgueva, V. S., Èdel'man, D. I. 2000–2015: *Ètimologicheskiy slovar' iranskikh yazykov* [*Etymological Dictionary of the Iranian Languages*]. *Moscow*.

Расторгуева, В. С., Эдельман, Д. И. 2000–2015: *Этимологический словарь иранских языков*. М.

SGU 1979: *Slovnyk gidronimiv Ukrayiny* [*The Dictionary of Hydronyms of Ukraine*]. Gol. red. K. K. Tsiluyko. Kiev.

СГУ 1979: *Словник гідронімів України*. Гол. ред. К. К. Цілуйко. Киев.

Shaposhnikov, A. K. 2007: [*Sarmatian and Turanian linguistic relicts of the Northern Black Sea Region*]. In: *Ètimologia. 2003–2005.* Moscow, 255–322.

Шапошников, А. К. 2007: Сарматские и туранские языковые реликты Северного Причерноморья. In: *Этимология. 2003–2005.* М., 255–322.

Shaposhnikov, A. K. 2010: [*Etymological essays on the margins of* «Hydronymia povodia Nitry»]. In: *Lexika slovenskej onymie : Zborník materiálov zo 17. slovenskej onomastickej konferencie* (*Trnava 12. – 14. 9. 2007*). Bratislava, 244–267.

Шапошников, А. К. 2010: Этимологические заметки на полях «Hydronymia povodia Nitry». In: *Lexika slovenskej onymie : Zborník materiálov zo 17. slovenskej onomastickej konferencie* (*Trnava 12. – 14. 9. 2007*). Bratislava, 244–267.

Šmilauer, Vl. 1932: *Vodopis starého Slovenska*. Praha; Bratislava.

Tsagayeva, A. D. 1975: *Toponimia Severnoy Osetii (Slovar' geograficheskikh nazvaniy)* [*Toponymy of North Ossetia (Dictionary of Geographical Names)*]. Ordzhonikidze, Vol. II.

Цагаева, А. Д. 1975: *Топонимия Северной Осетии (Словарь географических названий)* Орджоникидзе, Ч. II.

Wenzel, G. 1812–1891: *Codex diplomaticus Arpadianus continuatus* (*Árpádkori újokmánytár*). Pest.

A. I. Iliadi. Iranian language relicts in Slovak Historical Toponymy

The paper deals with the etymological analysis of a toponymic group, which denoted geographical objects on the historical territory of Slovakia. The structure of these words can not be explained taking into account only Slavonic or Hungarian vocabulary, but it corresponds to some lexemes in Iranian vocabulary. This fact entitles us to suppose that these toponyms are presumably traces of Sarmatian-Alan presence in the area of archaic Slavonic (Slovac) toponymy. Due to preliminary results of etymological analysis and reconstruction it is arguable that some of the analyzed lexemes were used as geographical terms, comp.: **tacar* (< **tačara-* ~ Avest. *tačar-*) 'flow', *sarf-* (~ Osset. *cærvæm*) 'pasture', **mar-gan* (**mard-gan*?) 'dead well', **han-taka* (**han-taxa*?) 'place of confluence of rivers' or 'warm summer water'. Several of the reviewed toponyms are built according to the structure of compound words with the Iran. **kata-*/**kaϑa-* 'settlement', 'fortress' in postposition. Some derivatives are of interest, providing parallels between the analyzed lexemes and the vocabulary of Avesta. Lastly, the phonetic structure of the reviewed words demonstrates their similarity to a phonetic condition which is represented in the structure of the Ossetian words.

Key words: etymology, form, semantics, reconstruction, toponym.

.

DOI:10.30842/ielcp230690152244

Е. В. Илюшечкина

ИЗ ИСТОРИИ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ – 2: ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ XV–XVI ВВ. К *NATURALIS HISTORIA* ПЛИНИЯ СТАРШЕГО*

Одним из проявлений европейской культуры раннего Нового времени стали гуманистические комментарии к текстам античных авторов. На примере комментариев Маркантонио Сабеллико (1436–1506) и Якоба Далекампия (ок. 1513–1588) к «Естественной истории» рассматриваются особенности восприятия труда Плиния Старшего, изменения во взглядах и подходах ученых-гуманистов XV–XVI вв., которые сыграли важную роль в становлении науки об античности.

Ключевые слова: «Естественная история», Плиний Старший, Маркантонио Сабеллико, Якоб Далекампий, раннее Новое время, гуманистические комментарии.

Вначале поясним предмет и цели рассмотрения: на основе анализа гуманистических комментариев XV–XVI вв. к «Естественной истории» предполагается выявить специфические особенности восприятия труда Плиния Старшего, исходя из профессиональных интересов и жизненных обстоятельств членов сообщества «республики ученых»[1]. Одновременно с этим предстоит проследить изменения во взглядах и подходах ученых-гуманистов XV–XVI вв. к тексту Плиния Старшего в зависимости от задач, стоявших перед комментаторами, которые принадлежали той или иной культурной традиции. В отличие от нынешних комментариев, выполняющих по преимуществу вспомогательные функции, комментарии XV–XVI вв. играли важную роль в становлении науки об античности (выработка специальных навыков при работе с древними кодексами, сверка и исправление рукописей, исторические оценки или уточнения источника текста и т. п.). Помимо всего, гуманистический комментарий представлял собой одну из форм культурной памяти прошлого, что предполагало исторически сложившееся сооб-

---

* Первую часть обзора с примерами из комментариев Сигизмунда Гелления (ок. 1497–1554) и Фердинанда Пинтиана (ок. 1475 – ок. 1553) см.: Илюшечкина 2017: 324–335.

[1] Ср. Fumaroli 1988: 129–184.

щество ученых, обладавших специальными знаниями[2]. Материал, послуживший основой для этой статьи, показал, что степень критического отношения ученых XV–XVI вв. к содержанию текста Плиния Старшего была обусловлена не столько уровнем образования гуманистов и преследуемых ими индивидуальных целей, но и радикальным пересмотром традиционных представлений об окружающем мире, который вызвали географические и научные открытия раннего Нового времени. Критическое направление филологии XV–XVI вв. относительно текста Плиния Старшего позволяет осветить также следующие аспекты: 1) отношение гуманистов к латыни как языку профессионалов, уровень знания греческого языка у комментаторов и использование греческих источников в работе над текстом «Естественной истории», 2) авторские замечания комментаторов, способы расположения материала, выработка правил комментирования 3) историко-филологическое исследование комментаторами латинского текста Плиния Старшего, 4) ссылки комментаторов на определенные античные, средневековые, ренессансные источники и следование принципу историзма, 5) отбор достоверных и мнимых сведений, содержание которых менялось со временем (на примере засвидетельственных в тексте Плиния наблюдений за особенностями поведения слонов и медведей).

Маркантонио Сабеллико (1436 Виковаро, Тиволи – 1506 Венеция)

Хотя и нельзя с определенностью говорить о времени и месте создания Annotationes Сабеллико к тексту Плиния Старшего, все же некоторые косвенные свидетельства позволяют думать, что «Примечания», или комментарии старшего современника Эразма Роттердамского были завершены ок. 1493 г. Комментарий Сабеллико был написан примерно в одно время с «Исправлениями к Плинию», или Castigationes Plinianae Эрмолао Барбаро Младшего, которые вышли в 1492/1493 г. и тотчас

[2] Ср. Grafton 1985: 615–649; Grafton, Jardin 1986; Шичалин 1989: 68–77; Assmann 1992: 293–304; Gehrke 2005: 33–5; Брагинская 2009: 19–66; о рукописной традиции «Естественной истории» и о ренессансных изданиях Плиния Старшего см.: Подосинов 2011: 153–155; Бран Гарсиа 2011: 69–80; Enenkel 2014: 1–14; Kraus, Stray 2016: 1–18; Шумилин 2016: 7–16.

обрели статус образцового для последующих поколений гуманистов издания Плиния Старшего. По-видимому, спустя год-другой был опубликован и труд Сабеллико, включавший его пояснения – помимо Плиния – к другим латинским авторам[3].

В основе комментария лежит семинарский курс по «Естественной истории», который на протяжении нескольких лет Сабеллико вел в венецианской школе Сан-Марко[4]. По прошествии некоторого времени Сабеллико вновь обратился к изучению труда Плиния Старшего: во втором посвящении своему другу Джованни Франческо Фортунио (впервые опубликовано в Венеции в 1502 г., затем многократно переиздавалось)[5] ученый-гуманист упоминает о внесенных в первую редакцию добавлениях, отражая атаки неизвестных нам критиков.

Первое предисловие Сабеллико посвящает своему венецианскому другу, меценату и собирателю произведений искусства, кардиналу (с 1493 г.) Доменико Гримани (1461–1523). Поскольку в своем обращении Сабеллико не упоминает сана Гримани, можно предположить, что изначально текст комментария к «Естественной истории» Плиния Старшего был написан до 1493 г. В то же время Сабеллико связывает с Гримани почет-

[3] См.: *CTC* 4: 344–348. Маркантонио Сабеллико был официальным историографом Венеции, его перу принадлежит «История Венеции», прославляющая Венецианскую республику, содержащая описание города в трех книгах (до 1487 г.) и диалог с венецианскими магистратами (Venetiis: A. de Strata, 1489). «Всеобщая история от Сотворения мира» Сабеллико была опубликована в 1498–1504 гг. под заглавием *Enneades XI seu rhapsodiae historiarum ab Orbe condito* (Venetiis: B. dei Vitali); это *opus magnum*, между прочим, содержало информацию о двух древнерусских городах – Новгороде и Москве (col. 906–908). См. также: Gilbert 1971; Lee 1985: 181–182; Mund 2004: 151–172; Шумилин 2016: 226–227. Наиболее раннее сочинение, посвященное каталогу племен в VII-ой книге Плиния Старшего, легло в основу содержания поэмы Сабеллико *De rerum et artium inventoribus*, написанной гексаметром, предположительно между 1460 и 1472 гг. в Риме и опубликованной в 1483 г. в Падуе. См. также: Atkinson 2007: 42–43.

[4] Ср. его слова из первого предисловия в комментарии: *Nos vero non quia plus virium quam illi haberemus, sed maiore quadam fiducia freti tertio ab hinc anno Plynium eo consilio interpretandum suscepimus, ut non rerum solum, sed quantum in me esset omnis etiam uerborum explicaretur ratio fuit fateor certamen illud longe acerbius quam ab initio conceperam* (Sabel. Dedic. ad Grim. pag. 1).

[5] См. издание 1502 г.: Ioannes Bembus Venetus Andreae Anixi Corcyraeo S. P. D. […] Venetiis. M.DII.xi.Kal's Februarii (fol. <a 1 v>).

ный титул «рыцаря» (eques), которым его удостоил в 1489 г. император Священной Римской империи Фридрих III (1415–1493). Сопоставив обе даты termini post и ante quem, можно допустить, что Сабеллико трудился над комментарием в период между 1489 и 1493 гг. и предположительно завершил работу в 1493/1494 гг. в Венеции, где он в то время проживал.

В начале своего предисловия Сабеллико отмечает плохое состояние латинского текста «Естественной истории», поскольку никто из предшествующих ученых-гуманистов не брался поправить неверные прочтения[6]. Сабеллико даже сравнивал состояние уязвимых мест текста Плиния Старшего с последствиями военной кампании[7]. Несмотря на постоянно возникающие сложности, Сабеллико продолжал готовить к печати издание Плиния Старшего, опираясь на поддержку друзей и коллег, прежде всего, венецианского гуманиста Антония Морета («наиболее эрудированного среди ученых: наилучшего покровителя исследований», – *homo ut nostri nostratium litterarum perbelle eruditus: studiorumque fautor maximus* – Sabel. Dedic. ad Grim. pag. 1), который был тесно связан с типографским делом и убеждал Сабеллико в необходимости продолжать научные занятия[8].

В изданиях позднего времени комментарий Сабеллико к тексту Плиния Старшего обычно включался в состав его Observationes к латинским авторам[9] и сопровождался вторым посвящением его другу Джованни Франческо Фортунио (ок. 1470–1517), который с 1500 г. неоднократно посещал Венецию. Из античных текстов Сабеллико отобрал более трехсот отрывков, собственно и составляющие его комментарий, и указал

---

[6] *Sed cum hanc quoque varie tractare dicaris quae te diutius in sui admiratione detineat prae naturali illa, quam Plynius sex et triginta complexus est voluminibus, audio esse nullam. Verum quo maiori illius studio teneris, eo te iniquius ferre certum habeo quod ex uberrima hac recentiorum hominum fruge nemo ad hunc extiterit, qui lectionem ipsam a vitio partim temporum iniquitate partim librariorum inscitia contracto sit vindicare adortus* (Sabel. Dedic. ad Grim. fol. 1).

[7] *At fuerunt qui sparsim paucissima quaedam velut in transcursu subnotarent: fuitque illud intra hostium vallum iaculari: non statariam conserere pugnam* (Sabel. Dedic. ad Grim. fol. 1).

[8] См. *CTC* 4: 345.

[9] *C. Plinius, Cicero, Annaeus Lucanus et qui Argonautica scripsit Flaccus* (Sabel. Dedic. ad Fortun. fol. c r).

нумерацию книг и глав в середине страницы, чтобы читателю легче было ориентироваться в материале[10]. Используемые им средства и методику работы над сочинением Плиния Старшего Сабеллико причислял к своим достижениям: основываясь на исключительно надежных, по его мнению (т.е. античных), источниках, он исправлял спорные пассажи, не удаляя их, но параллельно помещая на полях свои соображения по критике текста[11].

Лаконичные пояснения к «Естественной истории» Плиния Старшего Сабеллико начинает со второй книги и завершает тридцать седьмой. При этом содержание лемм свидетельствует о тщательном подходе ученого-гуманиста к анализу содержания. Сравнивая материал Плиния Старшего с греческими и латинскими текстами других античных авторов, Сабеллико нередко цитирует их полностью, что весьма непривычно для комментаторов XV в. Складывается впечатление, что традиция, представленная греческими авторами, обладает для Сабеллико даже большей значимостью, чем латинский текст Плиния: вероятно, потому, что он рассматривал их в качестве источников «Естественной истории».

Главную задачу Сабеллико видел в посильном исправлении латинского текста Плиния и в содействии адекватному пониманию содержания «Естественной истории» с помощью внятных для читателя пояснений трудных мест [12]. После сравнения разночтений Сабеллико рассуждает о реалиях и фактической стороне дела: к примеру, в комментарии на рассказ Плиния Старшего о слонах (Plin. NH VIII, 10) внимание Сабеллико привлекает фраза о том, что пиявки-кровососы, попавшие в дыхательные органы слона во время водопоя,

---

[10] *Quaeris quid actum sit? Tercentum et amplius locos in ordinem redigi: quos velut libello uno complexus ita digessi ut quoto quisque sit capite librove observatus facile cognosci possit* (Sabel. Dedic. ad Fortun. fol. c r).

[11] *Quid quod in re tam tenui non solum non exquisito aliquo sum usus verborum fuco copiave orationis? Sed ne iudicium quidem ullum recens adhibui praesenti recognitioni omnia ad pristinam illam censuram referens satis credo tibi nota est verecunda illa professionis ratio in tuo Sabellico, qui in obscuris et ambiguis nihil mutat, nihil restituit nisi iudicio fretus et auctoritate: ubi utraque re laboratur asteriscum margini affigit* (Sabel. Decid. ad Fortun. fol. c r).

[12] *Monetque lectorem videat an eo modo rectius legi possit* (Sabel. Dedic. ad Fortun. fol. c r).

доставляют животному неимоверные страдания. Сопоставив несколько рукописей (ср. его пояснения вроде «так во многих [кодексах]...» или: «однако, в самой древней рукописи [такое-то чтение]...» и т. д.), Сабеллико предлагает собственную конъектуру и объясняет исправление: «Однако, *anime canali* [вместо *amne canali*] предпочтительнее, т. е. по которым движется воздух, т. е. дыхание. Поскольку они представляют собой словно два канальца, или трубки, идущих книзу от входа в глотку»[13]. Далее Сабеллико обращается к таким авторитетам, как Платон, греческий врач Филистион Локрский, гиппократик Диоксип и анатом Эрасистрат, поскольку приоритетом у гуманиста пользуется не столько опытное знание о строении и назначении слоновьего хобота, сколько естественнонаучные представления античной нарративной традиции[14]. По-видимому, расхождения греческих авторов и их противоречивые мнения относительно функций слоновьего хобота составляли значительное затруднение для ученых-гуманистов XV и последующих веков[15].

Характерные для Сабеллико отсылки к греческим авторитетам обнаруживают себя и в комментариях о медведях – точнее говоря, об их отсутствии в Африке. Ученый-гуманист согласен с тем, что во времена Плиния Старшего медведи в Нумидии уже не водились (NH VIII, 54), однако, как он полагает, медведи могли обитать в других регионах африканского континента. Ссылаясь на свидетельство Геродота (*Herod.* IV, 191), который упоминает медведей в перечне североафриканских зверей, Сабеллико пишет: «если это верно, то их

---

[13] *Haec ubi „in ipso amne canali“ se fixit in tolerando afficit dolore sic in multis: vetustior tamen codex „in ipso amne carnali“. Sed „anime canali“ melius, id est per quem meat anima, idest spiritus. Nam quum duae sint quasi canaliculae seu fistulae ab oris faucibus deorsum tendentes (...).* (Sabel. Annot. fol. a 4 r).

[14] *Per earum unam Plato et Philistion Locrus et Dioxippus Hippocraticus humores pulmoni rigando fovendoque necessarios defluere crediderunt: hanc eandem esse τραχειαν αρτεριαν, idest asperam arteriam, vocant: per quam spiritus a summo ore in pulmonem atque inde rursus in os et in naris commeet: que Herasistratus medicus negaverit per asperam arteriam quicque potus aut cibi defluere. Sed illi aliter, ut dixi, statuerunt: ut sine cunctatione affirmare possis „animae canali“ esse legendum: qua spiritus et potus commeent. Altera canalicula ea est: per quam esculenta omnia et, ut soli Herasistrato placuit, item et poculenta ad stomachum defluunt* (Sabel. Annot. fol. a 4 r).

[15] Leitner 1972; Gotthelf 1997: 85–95.

могли видеть другие. Поскольку не стану скрывать, что Геродот – наиболее основательный писатель об африканских делах – сообщает, что наряду со множеством других зверей в Ливии обитают и медведи»[16].

В целом, комментарии Сабеллико больше напоминает авторские маргиналии на полях печатного издания – ведь его заметки и пояснения возникли по ходу учебных занятий со студентами, когда он вместе с ними разбирал и интерпретировал трудные места из «Естественной истории». Помимо всего, научно-педагогическая деятельность Сабеллико предполагала к тому же еще и тщательное улучшение дошедшего текста Плиния Старшего, устранение несообразностей, прежде всего, в отношении сомнительных чтений, а также обоснованные пояснения к тексту в соответствии с требованиями гуманистической филологии XV–нач. XVI вв. И хотя критический подход к тексту Сабеллико согласовывал, как правило, с рукописной традицией, его свободное владение древними языками, ясность мысли, самый тон ученых пояснений позволяют причислить Annotationes in Plinium («Примечания к Плинию») Сабеллико к самым авторитетным комментариям[17].

Якоб Далекампий (ок. 1513 Каен – 1588 Лион)

В конце XVI в. был издан обширный комментарий Якоба Далекампия к «Естественной истории», ставший впоследствии известным в качестве одного из наиболее значительных трудов. В 1544–1547 гг. в университете Монпелье Далекампий изучал лечебные свойства растений и трав под руководством профессора медицины Гийома Ронделе (1507–1566). Спустя несколько лет, проведенных им в Гренобле и в Валенсии, Далекампий переезжает в 1552 г. в Лион, где до последних дней жизни трудится на медицинском поприще. Далекампий вел переписку

---

[16] *Miror adiectum Numidicos ursos, quum in africa ursos non gigni constet. Haec Plinius. Verum si in Numidia tum ursos non generari dixisset, fuisset eius sententia adhuc aequius ferenda: at tota africa ferae genituram exclusit. Quod an verum sit alii viderint. Illud non dissimulabo Herodotum rerum africanarum auctorem diligentissimum tradere lybiam inter multa et varia animalia ursos quoque alere* (Sabel. Annot. fol. a 4 r).

[17] Хотя французский ученый-иезуит Жан Ардуэн (1646–1729) довольно скептически отзывается о конъектурах Сабеллико: *In quibus [Annotationibus] sunt admodum pauca scite animadversa: cetera conjecturae omnino infelicis* (Dedic. fol. <9>).

со многими гуманистами своего времени[18] и, активно занимаясь врачебной деятельностью, подготовил к выходу в свет «Хирургию во Франции» (Лион, 1570), подборку переводов нескольких сочинений Галена на французский (Лион, 1672) и «Пир мудрецов» Афинея на латинский язык (Лион, 1583); но главной его книгой стала «Всеобщая история растений» (Лион, 1586) – оригинальное исследование по ботанике в 2-х тт., содержавшее около трех тысяч описаний лекарственных трав и растений, а также более двух тысяч иллюстраций.

Практическое изучение лечебных свойств растений во многом обусловило интерес Далекампия к энциклопедическому труду Плиния Старшего. Однако, сравнивая себя с прославленными предшественниками-гуманистами, ученый медик и ботаник Далекампий весьма скромно оценивал собственные возможности, когда дело касалось рукописной традиции или внесения исправлений в текст «Естественной истории»: «… итальянец Барбаро, испанец Пинтиан, немец [в действительности, чех – *Е.И.*] Гелений, мой соотечественник Турнеб уже изучали этот труд [*sc.* «Естественную историю» – *Е.И.*] и делали это весьма успешно» [19].

Основную задачу комментария к сочинению Плиния Старшего Далекампий видел в более полном освещении научного материала в области ботаники и медицины, а также в специальных пояснениях, посвященных лекарственным травам[20]. Для читателей комментария лечебные свойства растений, а также их использование во врачебных целях принадлежали к культурному пласту знаний XVI в. Многоуровневая структура замечаний в связи с «Естественной историей» свидетельствует об

---

[18] Подробнее о переписке Далекампия с Гийомом Ронделе, Конрадом Геснером, Иосифом Юстом Скалигером, Робертом Константином, Жаном Ферне и т. д. см.: Schmitt 1977: 399–434.

[19] *(praesertim cum …) ex Italis Barbarus, ex Hispanis Pincianus, Gelenius ex Germanis, Turnebus ex nostratibus laborem eum susceperint, illoque strenue ac foeliciter defuncti sint* (Dalec., praef., fol. <5 r>).

[20] *Permultos equidem miraturos prospicio, in medicina facienda mihi occupatissimo quid venerit in mentem, Plinium ut tractare vellem, scriptorem, ob rerum quas mandavit literis varietatem ac obscuritatem, paucis familiarem, opera mea ut is emendatior prodeat, & quae ad posteros transmisit, ductu meo cunctis sint clariora, & faciliora* (Dalec., praef., fol. <5 r>).

исключительной эрудиции Далекампия, который устанавливает связи между знанием древних и современными ему.

Комментарий Далекампия сосуществует на равных с текстом Плиния Старшего и вовсе не представляет собой привычного приложения с пояснениями, которые слепо следует содержанию античного памятника словесности. Прежде всего, Далекампий четко разграничивает оба текста – Плиния Старшего и собственный. Что касается самого комментария, то он подразделен на разделы, снабжен подробным перечнем содержания из I-ой книги латинского автора, причем за каждым из пунктов Далекампий поместил собственные «Примечания» (Annotationes). Варианты чтения Далекампия (emendationes) сродни современным критическим примечаниям (apparatus criticus) и сопровождают печатный текст в виде заметок на полях. Отдавая дань предшественникам относительно критики текста, Далекампий не уклоняется от самостоятельной работы с рукописями: впоследствии его комментарий приобрел особую ценность и влияние благодаря тому, что внесенные автором эмендации основывались на материале «шести рукописных кодексов», два из которых легли в основу его издания. Одним из этих кодексов была «самая древняя и в сохранном состоянии рукопись из Безансона», а именно, из личной библиотеки врача Чивлетия, который на год одолжил ее Далекампию (так называемый Codex Chiffletianus)[21]. Другую рукопись Далекампию подарил юрист Д. Куяций, который обнаружил ее «в пыльном чулане с хламом некоего монастыря»[22]. Работая над исправ-

[21] *Ad eum vero conatum cum valde iam proclivis essem, nihil me vehementius impulit, quam quod propitia fortuna, exaratos penna sex codices nactus sum, & inter eos antiquißimum ac sanißimum Vezontinum, e Chiffletij bibliotheca, medici doctißimi ac probißimi: cuius beneficio mihi concessum est per annum totum examinare singula in impreßis codicibus suspecta, prospero, nisi fallor, successu, quod innumeris locis ea restituta sint, quae deplorata credebantur* (Dalec., praef., fol. <6 v>). Ныне Codex Chiffletianus обозначен в рукописной традиции списком **f**, а вот в XIX в. Детлефсен, несмотря на скептицизм ряда ученых, идентифицировал этот список с рукописью **F**, или Codex Leidensis Lipsii начала X в. *CTC* 4: 409.

[22] *Attulit quoque multum opis D. Cujacij non sine praefatione laudis & honoris appellandi, liber manuscriptus, e pulverulentis coenobij cuiusdam tablinis erutus, post Chiffletianum prae alijs integer, ac incorruptus, quo me pro sua ingenti munificentia donavit. His adiutus subsidijs, magni profecto momenti, alacrius & audentius Plinium ita sum aggressus, ut dies*

лением текста «Естественной истории», Далекампий вносит эмендации не только на основе сохранившихся рукописей, но и уточняет сомнительные места в предыдущих изданиях Плиния Старшего (например, в изданиях Геления, Сабеллико, Пинтиана и т. д.), приводит перекрестные ссылки, а порой и параллельные пассажи из античных авторов (к примеру, из Аристотеля). Помимо разметки текста с помощью сделанных на полях замечаний, Далекампий использовал знаки – цифры, буквы и т. п., облегчающие читателю знакомство с изданием и, вместе с тем, вводящие его в область кабинетных штудий, результатов сверки рукописей и вариантов гипотетических прочтений. В качестве дополнения к изданию прилагались два указателя – указатель растений и указатель географических названий – выполненные Далекампием на основе критически пересмотренных материалов Каммерса и Геления. Так или иначе, Далекампий сумел в этой своей работе показать, что, используя филологические методы, можно устранить ошибки и неточности античного текста, а также расхождения между предыдущими изданиями.

В своих Annotationes Далекампий обращается к греческим и латинским текстам, в которых он обнаруживает, с одной стороны, источники произведения Плиния Старшего, с другой – стремится выявить в произведениях поздней античности схожие с тематикой книг Плиния сведения. Не уточняя, какие именно отрывки того или иного сочинения Плиний мог использовать в качестве своего источника, Далекампий, основываясь на содержании пассажей «Естественной истории», предлагает собственное прочтение, как если бы заинтересованный читатель обладал возможностью рассуждать с ним над текстом Плиния Старшего и прийти к обоюдному заключению. Так, например, в отличие от Пинтиана, Далекампий приводит данные о численности слонов, захваченных у карфагенян на Сицилии и переправленных в Италию на плотах (согласно Плинию Старшему – 142 слона, NH VIII 6), ограничиваясь перечнем аналогичных сведений из античных авторов без каких-либо

ac noctes quantum valetudo & privata negotia permiserunt, manum a tabula nunquam removerim (Dalec., praef., fol. <6 v>). «Другую рукопись», которую Далекампий в постраничных глоссах обозначил знаком **M**, также приняли в наши дни и включили в современную рукописную традицию под знаком **z** *CTC* 4: 409.

дополнительных замечаний: «у Ливия в эпитоме [периохе] книги XIX [и] у Сенеки [Младшего] в [трактате] «О краткости жизни» – 110 [слонов], у [Луция Аннея] Флора [«Две книги эпитом римской истории»] примерно 100 [слонов], у Евтропия [в «Бревиарии»] – 130 [слонов], у Павла Орозия [в «Истории против язычников»] – 104[слона]» [23].

Далеко не всегда греческие цитаты в комментарии сопровождаются латинским переводом, что говорит о весьма разносторонней эрудиции Далекампия и, в частности, об отличном знании греческого языка. Наряду с античными источниками в поле зрения Далекампия нередко попадает энциклопедический труд итальянского гуманиста Целия Родигина (или Лодовико Челио Рикьери, 1469–1525) [24] . При сопоставлении текста «Естественной истории» Плиния, труда Родигина и выборных параллельных мест из античных произведений, в методе Далекампия проявляются признаки историзма, что намечает более критический подход к предмету исследования:

«[О реке Амил] Дион[исий?] говорит, что течет ὕδωρ ἀέννаον «[поток] неиссякаемой воды». Древние кодексы дают Annulo, за которым, возможно, стоит испорченное слово ἀέννаος. Родигин, гл. 18. 13. Одержав победу над индами, Александр [Македонский] первым из царей Европы захватил множество слонов; много их было и у Антигона [Гоната]; После того, как Деметрий [Полиоркет] потерпел поражение, немало захваченных в битве [слонов] Пирр отослал римлянам. То же [сказано] у Родигина, гл. 20. 22» [25].

Выпущенные в честь выдающихся римских полководцев денарии, в частности, с изображением на реверсе слона – родового символа Цецилиев Метеллов – становятся также предметом историко-нумизматических наблюдений Далекампия:

---

[23] Dalec. Ad Plin. Natural. hist. lib. VIII, cap. VI, pag. 155.

[24] Antiquarium Lectionum libri XVI (editio princeps 1517 г. в Венеции у Альда Мануция, а второе, расширенное – в 30-ти книгах, посмертное издание 1542 г. вышло в свет в Базеле). См. также Schierbaum 2007: 92–93.

[25] a. *Dion ait pergere* πρὸς ὕδωρ ἀέννаον*, perennem aquam. Vetusti codices habent Annulo, quae vox a Graeca* ἀέννаος *fortassis depravata est. Rhodig. cap. 18.13. Primus ex Europae regibus Indis victis elephantos Alexander habuit plurimos Antigonus: multos Pyrrhus in praelio captos superato Demetrio, quos Romanis obiecit. Idem Rhod. cap. 20.22* (Dalec. *Ad Plin. Natural. hist. lib. VIII, cap. I*, pag. 153). Ср. также: Paus. I, 12, 4.

«Именно поэтому на многих античных денариях воспроизводят [победные] деяния Метеллов то с изображением одного слона, то двух слонов со стоящим в [боевой] колеснице полководцем, который увенчан Викторией [sc. обозначение триумфа], то с головой слона под бигой [sc. в упряжке из двух коней], которой управляет полководец Vrsinus 38»[26].

В гуманистическом комментарии Далекампия проявились – помимо вопросов, связанных с критикой текста и филологическими замечаниями – элементы исторического мышления: античные свидетельства Плиния Старшего Далекампий нередко интерпретирует в контексте новоевропейской культурной традиции, абстрагируясь от латинского текста «Естественной истории» и рассматривая его с точки зрения современника XVI в. К примеру, уточняя календарное время рождения медвежьего потомства, Далекампий ищет ответа у Аристотеля, а затем самостоятельно оценивает ситуацию с практической точки зрения: «Аристотель в 30 главе VI-ой книги «Истории животных» [пишет] «в месяце элафиболионе», т. е., как переводит [Феодор] Газа, «в феврале», поэтому я предпочел бы читать «в конце зимы»[27].

Случается, что достоверность информации Плиния Старшего подвергается критике и в заметной степени утрачивает характер авторитетного свидетельства. Так, например, когда Плиний Старший сообщает о новорожденных медвежатах, представляющих собой «белые бесформенные комочки плоти» (NH VIII, 54), Далекампий исправляет его, опираясь на собственный опыт и увиденное своими глазами:

«Это неверно. В брюхе беременной медведицы, пойманной и выпотрошенной охотниками, я [воочию] видел детенышей

[26] с. *Hanc ob caussam in multis denariis antiquis, Metellorum gestas res indicantibus, nunc elephans vnicus impressus fuit, nunc ad currum iuncti duo cum Imperatore stante, quem coronat victoria, nunc sub biga, cui insidet Imperator, Elephanti caput. Vrsinus 38* (Dalec. Ad Plin. Natural. hist. lib. VIII, cap. VI, pag. 155). Подробнее о римских монетах периода Республики см.: Crawford 1974: 55–70.

[27] a. *Aristot. cap. 30. lib. 6. Histor. mense Elaphibolione, id est, vt Gaza traduxit, Feliruario, quare potius legerim, hyemo definente* (Dalec. *Ad Plin. Natural. hist. lib. VIII, cap. XXXVI*, pag. 168).

[медвежат] с определенными и вполне сформировавшимися членами»[28].

Далекампию приходилось сталкиваться с практическими вопросами. Бытовавшие в сообществе гуманистов XVI в. естественнонаучные представления позволяли Далекампию, врачу и естествоиспытателю, критически оценивать содержание некоторых сведений Плиния Старшего в отношении медицины и ботаники, в отличие от других сведений. Издание труда Плиния Старшего с комментарием Далекампия без преувеличения можно причислить к знаковым событиям. Далекампий сверил несколько редких рукописей «Естественной истории», которые и по сей день составляют часть рукописной традиции; именно ему принадлежит радикально обновленная концепция издания античного текста, включающего аннотации, ученые ссылки, критические замечания, что способствует изучению древнего источника; Далекампий не только разграничил античных авторов и своих современников, но и содействовал объединению научного знания XVI в. и античного наследия: одним из первых Далекампий подверг критическому пересмотру непререкаемость античной эрудиции, которую предшествующее поколение гуманистов не подвергало сомнению.

* * *

На примере новолатинских комментариев к тексту «Естественной истории» Плиния Старшего можно проследить, каким образом на протяжении XV–XVI вв. эволюционировала гуманистическая филология, а также – как менялись взгляды и позиции отдельных ученых. Содержание новолатинских комментариев, о которых шла речь выше, в значительной мере состояло в осмыслении наследия античной словесности, выработке филологических методов (в частности, критики текста), предпочтении одних методов другим и обосновании того или иного выбора и т. п. При этом на протяжении нескольких десятилетий XV–XVI вв., благодаря географическим и научным открытиям раннего Нового времени, методологии эмпиризма и экспериментаторства, мы можем наблюдать радикальный пере-

[28] b. *Hoc falsum. In vtero grauidae vrsae a venatoribus captae & exenteratae omnibus suis membris distinctos catulos & formatos vidi…* (Dalec. *Ad Plin. Natural. hist. lib. VIII, cap. XXXVI*, pag. 168).

смотр традиционных представлений об окружающем мире, дифференциацию научного знания и становящуюся все более очевидной критическую тенденцию ученых-гуманистов по отношению к ранее незыблемым принципам античного знания.

Литература

Assmann, J. 1992: *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. München: Verlag C. H. Beck.

Atkinson, C. 2007: *Inventing Inventors in Renaissance Europe.* Tübingen: Mohr Siebeck.

Bietenholz, Peter G., Deutscher, Thomas B. (eds.) 1985–1987: *Contemporaries of Erasmus. A biographical Register of the Renaissance and Reformation.* 3 vols. Toronto: University of Toronto Press.

Black McHam, S. 2013: *Pliny and the Artistic Culture of the Italian Renaissance. The Legacy of the Natural History.* New Haven and London: Yale University Press.

Bodson, I. 1986: La zoologie romaine d'après la *NH* de Pline. *Helmantica* 37. 107–116.

Braginskaya, N. V. 2009: [Commentary as an innovational device in traditional culture and not only that]. In: Boytsov, M. A. (ed.). *Kul'tura interpretatsii do nachala Novogo vremeni* [*Culture of Interpretation before the beginning of the Modern Era*]. Moscow, GU-VShE, 19–66.

Брагинская, Н. В. 2009: Комментарий как механизм инноваций в традиционной культуре и не только. В сб.: Бойцов М. А. (ред). *Культура интерпретации до начала Нового времени*. М.: ГУ-ВШЭ, 19–66.

Bran Garsia, F. N. 2011: [Early editions of Plinius' «Nistoria naturalis» in St.-Petersburg: the history of libraries and bibliophiles]. *Philologia classica* 8, 69–80.

Бран Гарсия, Ф. Н. 2011: Ранние издания «Естественной истории» Плиния Старшего в Санкт-Петербурге: история библиотек и библиофилов. *Philologia classica* 8, 69–80.

Cassein, B., Labarrière, J.-L. (eds.) 1997: *L'animal dans antiquité*. Paris: Vrin.

Cranz, Ferdinand E., Kristeller, Paul O. and others (eds.) 1960-: *Catalogus Translationum et Commentatorium. Mediaeval and Renaissance Latin Translations and Commentaries. Annotated Lists and Guides.* 8 vols. Washington: Catholic University of America Press (= *CTC*).

Crawford, M. H. 1974: *Roman Republican Coinage.* Cambridge: Cambridge University Press.

Dierauer, U. 1977: *Tier und Mensch im Denken der Antike: Studien zur Tierpsychologie, Anthropologie und Ethik.* Amsterdam: B. R. Grüner Publishing Company. (Studien zur Antiken Philosophie).

Enenkel, K. A. E. (ed.) 2014: The Transformation of the Classics. Practices, Forms, and Functions of Early Modern Commenting. In:

Karl A. E. Enenkel (ed.). *Transformations of the Classics via Early Modern Commentaries*. Leiden/Boston: Brill, 1–14.

Fögen, Th. 2005: Pliny the Elder's Animals: Some Remarks on the Narrative Structure of *Nat. Hist.* 8–11. *Hermes* 135, 184–198.

Fumaroli, M. 1988: The Republic of Letters. *Diogenes* 143, 129–184.

Gehrke, J.-H. 2005: Die Antike in der europäischen Tradition und in der modernen Geschichtswissenschaft. In: S. Doing, T. Meyer, Ch. Winkler (Hrsg.). *Europäische Identitäten. Eine europäische Identität?* Baden-Baden: Nomos-Verlag, 33–51.

Gilbert, F. 1971: *Biondo, Sabellico, and the Beginnings of Venetian official historiography.* Toronto: University of Toronto Press.

Gotthelf, A. 1997: The Elephant's Nose: Further Reflections on the Axiomatic Structure of Biological Explanation in Aristotle. In: W. Kullmann, S. Föllinger (Hrgs.). *Aristotelische Biologie. Intention, Methoden, Ergebnisse*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 85–95.

Grafton, Anthony T. 1985: Renaissance Readers and Ancient Texts: Comments on Some Commentaries. *Renaissance Quarterly* 38, 615–649.

Grafton, Anthony T. 2001: *Bring out your Dead. The Past as Revelation.* Cambridge MA: Harvard University Press.

Grafton, Anthony T., Jardin, L. 1986: *From Humanism to the Humanities: Education and the Liberal Arts in Fifteenth-and Sixteenth-Century Europe.* Cambr. (Mass.): Harvard University Press.

Healy, J. F. 1999: *Pliny the Elder on Science and Technology.* Oxford: Oxford University Press.

Ilyushechkina, E. V. [From the history of the Classical Philology: Commentaries of the 15–16 centuries on the *Naturalis historia* by Pliny the Elder]. *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 21, 324–335.

Илюшечкина, Е. В. 2017: Из истории классической филологии: комментарии XV–XVI вв. к *Naturalis Historia* Плиния Старшего. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 21, 324–335.

Kraus, Ch. S., Stray, Chr. 2016: Form and Content**.** In: Christina S. Kraus, Christopher Stray (Eds.). *Classical Commentaries: Explorations in a Scholarly Genre.* Oxford: Oxford University Press, 1–18.

Lee, E. 1985: Marcantonio Sabellico. In: Peter G. Bietenholy, Thomas Brian Deutscher (eds.). *Contemporaries of Erasmus. A Biographical Register of the Renaissance and Reformation*. Toronto: University of Toronto Press, 181–182.

Leitner, H. 1972: *Zoologische Terminologie beim Älteren Plinius.* Hildesheim: Gestenberg.

Mund, S. 2004: Le rôle des humanistes italiens dans le développement des connaissances occidentales sur le monde russe en Occident à la Renaissance. *Studi umanistici Piceni* XXIV, 151–172. (Istituto internazionale di studi Piceni, Sassoferrato).

Murphy, T. 2004: *Pliny the Elder's Natural History. The Empire in the Encyclopedia.* Oxford: Oxford University Press.

Nauert, Ch. G. (ed.) 2004: *Historical Dictionary of the Renaissance.* Lanham, Maryland, and Oxfort: The Scarecrow Press.
Norden, E. 1995[10]: *Antike Kunstprosa.* Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
Pfeiffer, R. 1982: *Die Klassische Philologie von Petrarca bis Mommsen.* München: Beck.
Podossinov, A. V. 2011: *Roman geographical sources. Pomponius Mela and Pliny the Elder*. Moscow: Indrik.
Подосинов, А. В. 2011: *Римские географические источники. Помпоний Мела и Плиний Старший.* М.: Индрик.
Ramminger, J. 2005: A Commentary? Ermolao Barbaro's Supplement to Dioscorides. In: M. Pade (ed.). *On Renaissance Commentaries*. Hildesheim; Zürich; New-York: Olms, 65–85.
Shichalin, Yu. A. 1989: [The origin of the European commentary tradition]. In: Motroshilova, N. V. (ed.). *Istoriko-filisofskiy ezhegodnik-89* [*Historical and philosophical year-book-89*]. Moscow: Nauka, 68–77.
Шичалин, Ю. А. 1989: Возникновение европейской комментаторской традиции. В сб.: Мотрошилова, Н. В. (ред.). *Историко-философский ежегодник – ′89*. М.: Наука, 68–77.
Schierbaum, M. (ed.) 2009: *Enzyklopädistik 1550–1650. Typen und Transformationen von Wissensspeichern und Medialisierungen des Wissens.* Münster: LIT-Verlag.
Schmitt, Ch. B. 1977: The Correspondence of Jacques Daléchamps (1513–1588). In: *Viator. History, Cultural Studies, Classics and Cultural Studies* 8. 399–434.
Shumilin, M. V. 2016: [Introduction]. In: Ivanova, Yu. V., Shumilin, M. V. (eds.). *Nauki o yazyke i tekste v Evrope XIV–XVI vv.* [The humanities about language and text in Europe in the 14–16 centuries]. Moscow: Delo, 7–16.
Шумилин М. В. 2016: Введение. В сб.: Иванова, Ю. В., Шумилин, М. В. (ред.). *Науки о языке и тексте в Европе XIV–XVI вв.* М.: Дело, 7–16.

E. V. Ilyushechkina. From the history of the Classical Philology-2: Humanistic Commentaries of the 15–16 centuries on the *Naturalis historia* by Pliny the Elder

On the example of the commentaries by Marcantonio Sabellico (1436–1506) and Jacobus Dalecampius (ca. 1513–1588) on the "Nistoria naturalis", in this article I am studying the perception of Plinius' work and changes of the opinions and approaches of the humanist scholars in the 15th-16th century, which played an important role in the development of the Altertumswissenschaft.

Keywords: *Historia naturalis*, Pliny the Elder, Marcantonio Sabellico, Jacobus Dalecampius, the Early Modern Period, Commentaries.

DOI:10.30842/ielcp230690152245

Р. А. Исаенко

ОБЕТ ПУБЛИЯ СЕРВИЛИЯ

В статье рассматривается латинская вотивная надпись, обнаруженная в Турции, около Бозкыра. Надпись обращена к божеству-покровителю античного поселения Старая Исавра и подписана именем взявшего его римского полководца Публия Сервилия. По предположению Алана Холла, открывателя надписи, она может свидетельствовать о том, что перед взятием города Сервилий исполнил обряд *evocatio*, ритуал вызова богов осаждаемого города в Рим, а камень, на котором была начертана надпись, был строительным блоком, использованном при строительстве храма, обещанном божеству Старой Исавры по обету. В статье критикуется эта интерпретация, и предлагается альтернативная точка зрения, согласно которой Сервилий мог обратиться к божеству за помощью при отводе реки, который привел к сдаче Старой Исавры, а камень был использован как жертвенник.

Ключевые слова: Isaura Vetus, evocatio, религия, эпиграфика

В сентябре 1970 года на юге современной Турции, на окраине местечка Бозкыр, расположенном в долине реки Карсамб, археологом Аланом Холлом был обнаружен камень из красно-серого известняка высотой в 0.58 метра, длиной в 1.03 метра и шириной в 0.30 метра. На камне была начертана вотивная надпись (AE 1977, 0816):

> *Serueilius C(aii) f(ilius) imperator,* | *hostibus uicteis, Isaura Vetere* | *capta, captiueis uenum dateis,* | *sei deus seiue deast, quoius in* | *tutela oppidum Vetus Isaura* | *fuit, […] uotum soluit.*
> ‘Сервилий, сын Гая, полководец, победив врагов, захватив Старую Исавру, продав пленных, бог ли, богиня ли тот, под чьим покровительством находился город Старая Исавра, […] исполнил обет’.

Старая Исавра была взята римлянами в ходе кампании Публия Сервилия против киликийских пиратов. Сервилий был назначен проконсулом Киликии в 78 г. до н. э. и провел этот год за военными приготовлениями. Последующие 77–76 гг. до н. э. были заняты морскими операциями в восточном Средиземноморье, а завершилась война сухопутной кампанией 75 г. до н. э., развернувшейся на юге Малой Азии: в Памфилии, Ликии и Писидии. Ее кульминацией стал захват двух городов, Старой и

Новой Исавры (Абрамзон 2005: 66–71). Военные успехи принесли Публию Сервилию *cognomen* Isauricus, о чем свидетельствует Флор (*Epit.* 1, 41).

Текст надписи своей структурой чрезвычайно близок другим вотивным надписям, основными составными элементами которых являются имя божества, стоящее в дательном падеже, имя дарителя в именительном падеже и слова *votum solvit*, часто дополняемые словами *laetus libens merito* и сокращаемые до аббревиатуры *V S L L M*. Может быть приведено множество параллелей, отражающих эту структуру: *Fausta Veidia / uotum soluit / l(ibens) m(erito) I(oui) O(ptimo) M(aximo)* (CIL I 01816), *Pacenia / C(ai) f(ilia) Frema / Fortunae / u(otum) s(oluit) l(ibens) m(erito)* (CIL I 02821), *Ioui / pro salute{m} / M(arci) Cassi F[i]rmi / M(arcus) Iulius Primus / u(otum) s(oluit) l(ibens) a(nimo)* (CIL II 00177), *Rufus / Tangini / f(ilius) Victo/riae u(otum) s(oluit)* (CIL II 00457), *Genio / Turg(alensium) / Lucius Crusi/nus Pr/imigen/ius / u(otum) s(oluit)* (CIL II 00618). По аналогии, возможно предположить, что в пропуске перед словами *votum solvit* в надписи из Бозкыра должно стоять местоимение в дательном падеже: к примеру, *ei*.

Находка позволила А. Холлу прийти к двум заключениям. Во-первых, он предположил, что Старая Исавра была расположена недалеко от места обнаружения надписи, на берегу Карсамба, а не на холме Зенгибар Калеси, находящемся в 10 километрах к востоку от Бозкыра, как до того предполагал, в частности, Генри Ормерод (Ormerod 1922: 44). Город, располагавшийся на холме, А. Холл отождествил с Новой Исаврой (Hall 1973: 569–570). Этот город упоминает Страбон, особо отмечая его укрепленность (*Geogr.* 12, 6, 2):

> Τῆς δὲ Λυκαονίας ἐστὶ καὶ ἡ Ἰσαυρικὴ πρὸς αὐτῷ τῷ Ταύρῳ ἡ τὰ Ἴσαυρα ἔχουσα κώμας δύο ὁμωνύμους, τὴν μὲν παλαιὰν καλουμένην, <τὴν δὲ νέαν>, εὐερκῆ.
>
> ‘Ликаонии принадлежит и Исаврия, расположенная у самого Тавра, в которой находятся Исавры, два одноименных поселения, из которых одна называется Старой, а другая, хорошо укрепленная, – Новой’.

Этот вывод был подкреплен указанием на состояние камня, на котором была высечена надпись (по мнению А. Холла, слишком хорошее, чтобы допустить, что камень мог быть перемещен с холма Зенгибар Калеси), а также ссылками на

литературные источники. В «Стратегемах» Фронтина утверждается, что Публий Сервилий взял Исавру (без уточнения, идет ли речь о Старой или о Новой Исавре), отведя реку в другое русло (*Strat.* 3, 7, 1):

> *P. Seruilius Isauram oppidum, flumine ex quo hostes aquabantur auerso, ad deditionem siti compulit.*
> ‘П. Сервилий, отведя реку, из которой неприятели брали воду, жаждой принудил город Исавру к сдаче’.

Идентифицировать Исавру, упоминаемую в «Стратегемах», именно со Старой Исаврой позволяет сохранившийся фрагмент «Истории» Саллюстия (Maurenbrecher 2, 87), в котором говорится, что после того как Сервилий с помощью нехватки воды добился сдачи некоего неназванного города, к нему явились послы из Новой Исавры:

> *Dein post paucos dies egestate aquae coacta deditio est, oppidum incensum et cultores uenundati eoque terrore mox Isaura Nova legati pacem orantes uenere obsidesque et iussa facturos promittebant.*
> ‘Затем, спустя несколько дней нехватка воды повлекла за собой вынужденную сдачу. Город был сожжен, а жители – проданы в рабство. Под влиянием этих страшных событий из Новой Исавры вскоре прибыли послы, просившие мира и обещавшие, что дадут заложников и исполнят условия’.

Локализацию Старой Исавры в окрестностях Бозкыра приняли Рональд Сайм (Syme 1986: 160), Пол Кейсер (Keyser 1997: 79) и Ноэл Ленски (Lenski 1999: 445). Тем не менее, при публикации надписи в *L'Année épigraphique* комментатор посчитал, что Старая Исавра все же находилась на Зенгибар Калеси, так как отвод реки представлял большую опасность для города, расположенного на возвышенности, чем для города, расположенного в долине реки (AE 1977, 0816). Более раннюю точку зрения, которую можно обнаружить у Г. Ормерода (Ormerod 1922: 45–47), воспроизвел комментарий Патрика МакГашина к «Истории» Саллюстия: Старая Исавра находилась на том же холме, но ее водоснабжение не зависело от рек, и Фронтин либо ошибочно приписал Публию Сервилию стратегему, к которой прибегали и другие полководцы, либо имел в виду Новую Исавру, а Саллюстий совершил ошибку (McGushin 1992: 232–233).

А. Холл также предположил, что надпись может представлять собой свидетельство о проведении Публием Сервилием обряда, схожего с *evocatio*, а сам камень может быть одним из строительных блоков, из которых в честь божества-покровителя Старой Исавры был построен новый храм (Hall 1973: 570). Хрестоматийное описание ритуала evocatio дают «Сатурналии» Макробия (*Sat.* 3, 9, 2):

> *Constat enim omnes urbes in alicuius dei esse tutela moremque Romanorum arcanum et multis ignotum fuisse ut cum obsiderent urbem hostium eamque iam capi posse confiderent, certo carmine euocarent tutelares deos, quod aut aliter urbem capi posse non crederent aut etiam si posset, nefas aestimarent deos habere captiuos.*
>
> ‘Ведь достоверно известно, что все города находятся под защитой какого-либо божества, и что у римлян существовал тайный и многим неизвестный обычай: когда они осаждали вражеский город и уже были уверены в возможности взять его, с помощью определенной формулы они вызывали богов-покровителей, либо потому что верили, что город не может быть взят без этого, либо потому что считали нечестивым держать богов в плену, даже если и может’.

Макробий также приводит текст обрядовой формулы, якобы использованной Сципионом во время осады Карфагена (*Sat.* 3, 9, 7–8):

> *Si deus, si dea est, cui populus ciuitasque Carthaginiensis est in tutela, teque maxime, ille qui urbis huius populique tutelam recepisti, precor uenerorque ueniamque a uobis peto ut uos populum ciuitatemque Carthaginiensem deseratis, loca templa sacra urbemque eorum relinquatis, absque his abeatis eique populo ciuitati metum formidinem obliuionem iniciatis, proditique Romam ad me meosque ueniatis, nostraque uobis loca templa sacra urbs acceptior probatiorque sit, mihique populoque Romano militibusque meis praepositi sitis ut sciamus intellegamusque. Si ita feceritis, uoueo uobis templa ludosque facturum.*
>
> ‘Бог ли, богиня ли тот, у кого под покровительством находится народ и государство карфагенское, вас, а в особенности тебя, кто взял на себя покровительство над городом этим и народом, я прошу и умоляю и от вас ищу снисхождения: покиньте народ и государство карфагенское, оставьте их земли, храмы, святыни и город, уйдите от них, внушите этому народу и государству страх, ужас и забвение и, предав себя, придите в Рим, ко мне и к моим согражданам. Да станут наши земли, храмы, святыни и

> город более приятными и угодными для вас, и да станете вы предводителями для меня, для римского народа и моих воинов, чтобы мы знали и понимали. Если вы исполните это, я приношу обет построить для вас храмы и учредить игры’.

На первый взгляд надпись, оставленная Сервилием, выглядит весьма похожей на свидетельство об описанном обряде: римский полководец приносит некий обет богу или богине, покровительствующим враждебному городу, и исполняет его после падения этого города. Однако может быть выявлено и несколько принципиальных отличий.

Во-первых, как заметил Клиффорд Андо, если бы надпись говорила о ритуале *evocatio*, наиболее естественным местом для ее обнаружения был бы Рим, а не Старая Исаврa (Ando 2009: 192). *Evocatio* обещает храмы и почитание божествам, которые покинут свой город и переместятся в Рим. Если Публий Сервилий уже исполнил обет, как это утверждается в надписи, то в Риме уже должен был стоять храм, посвященный бывшему покровителю Старой Исавры. Именно там ожидалось бы появление вотивной надписи, как потому что храм представлял собой предмет обета, так и потому что божество должно было теперь обитать в нем, согласно логике ритуала, предположительно проведенного Сервилием.

Жоэль Ле Галль, указав на то, что в античной историографической традиции трудно найти упоминания конкретных храмов, построенных в Риме в результате обряда *evocatio*, или конкретных праздников, проведенных в честь чужеземного божества, принесшего римлянам военную победу, а также на то, что в переданной Макробием формуле местом строительства храма или проведения игр Рим прямо не называется, предположил, что все храмы этого рода возводились на покоренных землях, ставших римскими (Le Gall 1976: 522–524).

На это можно возразить, что формула содержит в себе обращенный к божеству призыв явиться в Рим (под которым не может подразумеваться город, которому покровительствует божество, так как обет должен быть принесен до завершения осады, то есть до того, как он станет римской территорией) и лишена каких-либо указаний на то, что божеству предстоит вернуться обратно. Кроме того, условия обета должны быть выгодны не только для римлян, но и для вызываемого божества. Получение такого же храма на прежнем месте, теперь по-

страдавшем от войны, скорее кажется ущербом, чем выигрышем. Наконец, менее двусмысленным указанием на место установления нового культа представляется свидетельство об *evocatio*, принадлежащее Плинию Старшему (*Nat. Hist.* 28, 18):

> *Verrius Flaccus auctores ponit, quibus credat in obpugnationibus ante omnia solitum a Romanis sacerdotibus evocari deum, cuius in tutela id oppidum esset, promittique illi eundem aut ampliorem apud Romanos cultum.*
>
> ‘Веррий Флакк приводит авторов, под влиянием которых он полагает, что во время осады римские жрецы имели обычай прежде всего вызывать бога, под покровительством которого находился осаждаемый город, и обещать ему такое же или более роскошное почитание у римлян’.

Смягченный вариант гипотезы Ж. Ле Галля сформулировали Мэри Бирд, Джон Норт и Саймон Прайс: по их мнению, практика возведения храмов, обещанных божеству-покровителю неприятельского города в рамках обряда *evocatio*, на завоеванной территории вместо самого Рима возникла только в позднереспубликанский период. Произойти это упрощение требований могло либо в результате общего религиозного упадка, либо в результате расширения понятия «Рим», которое распространилось с отдельного города также и на подчиненные ему земли. В качестве параллели было приведено другое подобное изменение, произошедшее в ритуальной сфере: как сообщает Сервий (Schol. in *Aen.* 9, 52), фециалы, ознаменовывая начало военных действий, стали бросать копье не в землю неприятелей, как это делалось прежде, а в участок земли, примыкавший к находившемуся в Риме храму Беллоны и фиктивно объявлявшийся вражеской территорией (Beard, North, Price 1998: 132–134).

Однако параллель эта не вполне точна: по мере расширения римских владений путешествие фециала к неприятельским границам и его возвращение в Рим требовали все больших временных затрат и представляли все большие трудности. Таким образом, для упрощения этого обряда существовали практические причины. Для упрощения ритуала *evocatio* таких причин не было: вне зависимости от того, насколько далек от Рима был родной город вызываемого божества, храм в его честь возводили бы римские мастера из доступных в Риме материалов.

Географическая удаленность Рима от его новых территориальных приобретений не только не была способна создать дополнительные трудности во время строительства, но и придала бы храму большую идеологическую ценность, подчеркнув, насколько далеко распространилось римское господство.

Против возможности строительства храма в Старой Исавре также говорит то, что она не согласуется с характером предшествовавших действий Публия Сервилия: согласно приведенному выше свидетельству Саллюстия, полководец сжег сдавшийся ему город. Кроме того, в статье, описывающей его открытие, А. Холл ни разу не упомянул о том, что ему удалось обнаружить какие-либо иные следы существования храма, частью которого мог бы быть несущий надпись камень, хотя его хорошая сохранность говорит о том, что сохраниться должны были и другие элементы конструкции (к примеру, части колонн или антаблемента). Все это указывает на то, что камень, даже если и был первоначально изготовлен как строительный блок, был использован как самостоятельная единица.

Не вполне уместной выглядит и формула «*sei deus seiue deast, quoius in tutela oppidum uetus Isaura fuit*», лишь на первый взгляд напоминающая формулу, переданную Макробием и предназначенную для того, чтобы быть произнесенной перед штурмом. Публий Сервилий оставил надпись после исполнения своего обета, который, как часть обряда *evocatio*, предполагал бы основание храма или учреждение праздника, то есть установление регулярного почитания. Если бы римляне желали возвести постоянный храм в честь божества-покровителя Старой Исавры, они могли бы узнать имя этого божества от местных жителей, отождествить его с кем-либо из собственных богов или дать ему какое-то условное имя, произведенное от его функции, как это произошло с божеством Aius Locutius или Aius Loquens, которое, согласно легенде, предупредило римлян о грядущем нашествии галлов (Cic. *De Div.* 2, 69). Использование в надписи громоздкой формулы скорее говорит в пользу того, что обет, принесенный Публием Сервилием, представлял собой разовый договор с божеством и не предполагал установления постоянного культа.

Как заметил в своей работе по латинской эпиграфике Лоуренс Кеппи, появление формулы «*votum solvit laetus libens merito*» на каком-либо камне является достаточным основанием

для того, чтобы предположить, что камень этот использовался как жертвенник (Keppie 1991: 93). Возможно предположить, что вместо приглашения – посредством *evocatio* – божества-покровителя Старой Исавры в Рим Публий Сервилий обратился к нему с просьбой о помощи в отведении реки. Описанная Фронтином стратегема состоит в обращении против врага самой местности, что делает желательным снискание покровительства гения места. В обмен за успех полководец мог обещать принести жертву, для чего впоследствии мог быть использован камень. Это предположение позволяет объяснить место находки камня (окрестности Бозкира) и язык надписи (имя божества было безразлично Публию Сервилию, не предвидевшему дальнейшего общения с ним), а также освобождает от необходимости строить вспомогательные теории об изменениях в самом обряде *evocatio*.

Литература

Abramson, M. G. 2005: *Rimskoe vladychestvo na Vostoke: Rim i Kilikiya* [*Roman Rule in the East: Rome and Cilicia*]. St.Petersburg. Абрамзон, М. Г. 2005: *Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II в. до н. э. – 74 г. н. э.)*. СПб.

Ando, C. 2009: *The Matter of the Gods: Religion and the Roman Empire*. Berkley and Los Angeles.

Beard, M., North J., Price S. 1998: *Religions of Rome, Volume 1: A History*. Cambridge.

Hall, A. 1973: New Light on the Capture of Isaura Vetus by P. Servilius Vatia, In: *Akten des VI. Internationalen Kongresses für Griechische und Lateinische Epigraphik. München 1972*, 569–571.

Keppie, L. 1991: *Understanding Roman Inscriptions*. Baltimore.

Keyser, P. T. 1997: Sallust's «Historiae», Dioskorides and the Sites of the Korykos Captured by P. Servilius Vatia. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 46 (1), 64–79.

Le Gall, J. 1976: Evocatio. In: *Mélanges offerts à Jacques Heurgon: L'Italie préromaine et la Rome républicaine I*, 519–524.

Lenski, N. 1999: Assimilation and Revolt in the Territory of Isauria, from the 1st Century BC to the 6th Century AD. *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 42 (4), 413–465.

McGushin, P. 1992: *Sallust. The Histories. Volume I*. New York.

Ormerod, H. A. 1922: The Campaigns of Servilius Isauricus against the Pirates. *The Journal of Roman Studies* 12, 35–56.

Syme, R. 1986: Isauria in Pliny. *Anatolian Studies* 36, 159–164.

R. A. Isaenko. Publius Servilius' vow

The article examines a Latin votive inscription discovered near Bozkır, Turkey in 1970. The inscription, addressed to the tutelary deity of the ancient settlement of *Isaura Vetus*, was made as a testament to the fulfillment of a certain *votum* under the orders of Publius Servilius, a Roman military commander who waged a war against the pirates of Asia Minor and captured *Isaura Vetus* in the 1st century BCE.

Alan Hall, the archaeologist who made the discovery, found the inscription to be a piece of evidence indicating that during the siege of *Isaura Vetus* Servilius performed *evocatio,* a ritual described by Pliny the Elder, Servius, and Macrobius, according to whom it was used by the Romans to summon the gods of their enemies away to Rome, denying the besieged their divine protection. In addition, Hall suggested that the stone bearing the inscription could have been a building block used in the construction of a temple that was promised to the patron deity of *Isaura Vetus* during the ceremony.

The article argues that both the location of the stone and the wording of the inscription speak against this interpretation and proposes a different one, based on the literary evidence provided by Sallust and Frontinus, from which it is to possible to deduce that *Isaura Vetus* capitulated after a nearby river was diverted by Servilius. The article suggests that Servilius could have asked the tutelary deity of *Isaura Vetus* for divine assistance in this plan and used the stone as an altar for a sacrificial ceremony after his success.

Keywords: Isaura Vetus, evocatio, religion, epigraphy.

DOI:10.30842/ielcp230690152246

M. N. Kazanskaya

WHAT WAS THE NAME OF MIMNERMUS' FATHER?

Имя отца Мимнерма сохранилось в биографической справке *Суды* (μ 1077), в которой поэт представляется как Μίμνερμος Λιγυρτυάδου; ни один другой источник имени отца поэта не сохраняет. Несмотря на то, что *a priori* серьезных причин подвергать это имя сомнению нет, его сложно сочетать с солоновским обращением к Мимнерму Λιγυᾰστάδης (Sol. fr. 20 West = Diog. Laert. 1, 61; cf. Sud. μ 1077) – обращение, которое очевидно представляет комплимент Мимнерму, но, как кажется, обыгрывает имя не самого поэта, а его отца. В статье разбираются сильные и слабые стороны существующих подходов к этому вопросу и предлагается новое решение: имя Λιγυρτυάδης следует интерпретировать не как имя отца Мимнерма, а как архаический патроним на -άδης.

Ключевые слова. Мимнерм, Лигиртиад (Λιγυρτυάδης), Солон, патроним, Суда, Диоген Лаэрций, античная филология, ономастика Малой Азии.

The only source to preserve the name of Mimnermus' father is the *Suda* lexicon which mentions it, together with the information on the elegist's birthplace, date and poems, in a short biographical entry[1]:

> Μίμνερμος Λιγυρτυάδου, Κολοφώνιος ἢ Σμυρναῖος ἢ Ἀστυπαλαιεύς, ἐλεγειοποιός. Γέγονε δ' ἐπὶ τῆς λζ′ Ὀλυμπιάδος, ὡς προτερεύειν τῶν ζ′ σοφῶν· τινὲς δὲ αὐτοῖς καὶ συγχρονεῖν λέγουσιν. Ἐκαλεῖτο δὲ καὶ Λιγυᾰστάδης διὰ τὸ ἐμμελὲς καὶ λιγύ. Ἔγραψε βιβλία †ταῦτα πολλά† (Suda, μ 1077 = III, p. 397, l. 20–24 Adler[2])
>
> **20** Μίμερμος **G** Μίνερμος **F** Κολοφῶνος **GF** **21** γέγονε–**24** πολλά om. **F** **23** ed. pr. cf. Laert. 1, 61 : Λιγειαστάδης **GVM** Λιγιστιάδης **A** **24** ταῦτα om. **G** ; ἐρωτικὰ τὰ coni. Berhardy πάνυ Gutschmid
>
> "Mimnermus, son of Ligyrtyades, from Colophon, or Smyrna, or Astypalaea, an elegiac poet. He lived[3] in the 37th Olympiad (i.e.

[1] *Suda*'s entry on Mimnermus is usually placed at the head of the testimonia in editions of Mimnermus, so that this text is also cited as Test. 1 Gentili-Prato, Test. 1 Allen, Test. 1 Gerber, but Test. 77 Szádeczky-Kardoss.

[2] References to manuscripts of *Suda* follow those used by Ada Adler in her edition: **G** – codex Parisinus 2622, **V** – codex Vossianus Fol. 2, **M** – codex Marcianus 448, **F** – codex Laurentianus 55, 1.

[3] The verb γέγονε could be used to designate broadly the age in which a person lived, and as such is close to, but less pointed than ἤκμασεν (*floruit*). On the ancient estimates of Mimnermus' date, see below.

> 632–629 BCE), so that he precedes the Seven Sages; however, some say he was their contemporary. He was also called Λιγυᾳστάδης, because of his melodiousness and clearness (of voice). He wrote books…"

The end of this passage is damaged beyond correction[4], and there are variant readings for Mimnermus' alternative name (ἐκαλεῖτο δὲ καὶ Λιγυᾳστάδης) rendered as Λιγειαστάδης or Λιγιστιάδης in the manuscripts (these variants will be discussed below). The beginning of the entry, on the other hand, is well preserved with only minor divergences in the manuscripts. Thus, according to the *Suda*, Mimnermus' father was called Λιγυρτυάδης. The manuscripts are in perfect accord as to the name, giving no variant readings, and *a priori* there would be little reason to doubt this information: no other source survives to contradict the *Suda*, and the obscurity of the name (as to the inner form) can be used in itself as an argument in favor of the compiler's accuracy[5]. This being said, modern scholars for the most part do not seem to be at ease with the name Ligyrtyades: it is never mentioned without a pointed reference to *Suda* and as often as not omitted altogether[6]. Neither is this uneasiness dispelled, when Ligyrtyades is compared with the poetic pseudo-patronym by which Solon addresses Mimnermus, urging him to modify the verse where he expressed his wish to die at sixty (Sol. fr. 20 West = fr. 26 Gentili-Prato):

> Ἀλλ' εἴ μοι καὶ νῦν ἔτι πείσεαι, ἔξελε τοῦτο,
> μηδὲ μέγαιρ', ὅτι σέο λῷον ἐπεφρασάμην,
> καὶ μεταποίησον, Λιγυᾳστάδη, ὧδε δ' ἄειδε·
> "Ὀγδωκονταέτη μοῖρα κίχοι θανάτου".
>
> **1** καὶ νῦν Thiersch : κἂν νῦν **BPF** τοῦτο **BF**[1] : τοῦτον **PF**[2] **2** σέο West : σεῦ **B** σ' εὖ **PF** λῷον Boissonade : τοῖον **BPF** **3** Λιγυᾳστάδη Diels, Λιγυαστάδη Bergk, Λιγιαστάδη West : αιγιασταδη **B** : αἰγιασταδὶ **F** : αιγιασταδὶ **P**[1] : ἀγυιᾶς ταδὶ **P**[x 7]

[4] For a list of corrections proposed for βιϐλία †ταῦτα πολλά†, see Allen (1993: 23); for the full discussion of the number of books in the Alexandrian edition of Mimnermus, see Müller (1988).

[5] Cf. Allen (1993: 16): "it is more likely that the mock patronymic plays on a real name, and Λιγυρτυάδης has an authentic Anatolian ring to it".

[6] Thus, the name Ligyrtyades is mentioned by Szádeczky-Kardoss (1968: 940), Schmid, Stählin (1929: 361 n. 6), Bagordo (2011: 165), but omitted by Barron, Easterling (1984: 133–134), Gerber (1997: 108–109).

[7] References to manuscripts follow those used by Tiziano Dorandi in his edition: **B** – codex Neapolitanus III B 29; **P** – codex Parisinus gr. 1759; **F** – codex Laurentianus 69.13.

> "But should you believe me now as well, remove it, and begrudge me not that I surpassed you by my inventiveness, and change it, Λιγυᾳστάδης 'o clear singing one', and sing thus: 'Might the fated death overtake me at the age of eighty'".

This fragment (together with Mimnermus' distich that prompted Solon's response) is preserved by Diogenes Laertius and is one of the best-known poetic dialogues in ancient literature. As may be seen from the *apparatus criticus*, the transmitted text has prompted a number of emendations[8]: as there are numerous discussions of the text, we will only examine the reconstruction of the apostrophe, as relevant for the needs of this article. The scribes seem to have been confused as to its form, so that the manuscripts read with minor variations ΑΙΓΙΑΣΤΑΔΗ (-Ι)[9], with one attempt at correcting the unintelligible combination of letters into words (ἀγυιᾶς ταδὶ). However, early on *Suda*'s information that Mimnermus was also called Λιγειαστάδης or Λιγιστιάδης (ms. reading), was connected with the Solonian fragment and used to reconstruct Solon's apostrophe to Mimnermus. Thus, Bergk accepted the correction Λιγυαστάδης which had already been proposed for the *Suda* entry μ 1077 by the lexicon's first editor, Demetrios Chancondylas, as a reconstruction from the compiler's gloss, διὰ τὸ ἐμμελὲς καὶ λιγύ; Bergk accordingly incorporated the emended form into his edition of the Solonian fragment in the vocative, Λιγυαστάδη[10]. Later Diels introduced a minor correction, Λιγυᾳστάδη (with the *iota subscriptum*), thereby connecting Solon's coinage with λιγὺ ᾄδειν and establishing a pun between the apostrophe and following

[8] For the discussion of the textual variants and proposed corrections, see Tuomi (1986: *passim*), Noussia-Fantuzzi (2010: 402–404). More particularly on the much debated question of whether κἂν νῦν should be modified to καὶ νῦν, add arguments in favour of κἂν νῦν in Masaracchia (1958: 335) and Perrotta, Gentili (1965: 27), as well as West's defence of καὶ νῦν (1974: 182). The correction καὶ νῦν is also endorsed by Dovatour (1982), and even becomes an important point in his argument, but the preference is left unexplained.

[9] The reading of ms. **B** is given as ναιγιασταδη in Gentili and Prato's edition (1979: 118); however, it is clearly a dittograph of the ending the previous word, μεταποίησον, and Dorandi (2013: 102) simplifies it to αιγιασταδη in his *apparatus criticus*.

[10] See Bergk (1843: 331) who is followed by Hudson-Williams (1926: 67) and Edmonds (1931: 136). After Edmonds, the reconstruction Λιγυαστάδης has been largely neglected for some decades but was recently defended by Hagen (2007: 94) who suggested that the suffix -άδης in the apostrophe coined by Solon may actually be reinterpreted as a second root associated with the word family ἀνδάνω/ἡδύς.

imperative, ὦδε δ' ἄειδε: this reconstruction is widely accepted and has become the predominant reading in editions of elegiac poets[11]. However, there are obvious risks in relying on a corrected text in order to emend manuscript readings of another text, and M. L. West, in order to escape the trap of a circular argument, reconstructed for Solon's address to Mimnermus (fr. 20, 3 W.) the form Λιγιαστάδη solely on the basis of paleographical data[12]. West is followed by Marcovich (1999: 41), but most editors only mention the proposed variant in their *apparatus*. The implications of West's approach will be discussed below; let us just note, for the moment, that in this case, prudence is counterintuitive, as it neglects *Suda*'s gloss διὰ τὸ ἐμμελὲς καὶ λιγύ and eliminates any idea of wordplay in Solon's apostrophe.

Thus, of the three proposed corrections for Solon's address to Mimnermus, Λιγυαστάδη seems the most probable. However, whichever one chooses to retain, one detail remains unchanged: Solon's address to Mimnermus, leaving aside its probable poeto-logical implications, carried a patronymic suffix -άδης and must have played on the poet's real patronym. But a form of this kind is hard to reconcile with *Suda*'s report that Mimnermus' father was named Λιγυρτυάδης – unless one would be willing to assume that Λιγυρτυάδης could be both the father's personal name and the son's patronymic[13], which runs counter to the practice observed in ancient texts and documents. As personal names in -άδης and -ίδης became more frequent in Greece, the language took steps to prevent confusion with former adjectival patronyms with the same suffix. Thus, in most dialects, when a father bears a name of this type, the

[11] For the first suggestion, see Diels (1902: 482); the correction was accepted by Diehl (1954: 40), Masaracchia (1958: 335), Gentili and Perrotta (1965: 27), Campbell (1967: 36), Gentili and Prato (1979: 118), Gerber (1995: 140), Noussia-Fantuzzi (2010: 110; cf. 403–404 with argumentation). Sometimes the apostrophe is printed as a common word, not a name – λιγυαστάδη (cf. Gentili, Perrotta 1965: 27; Diehl 1954: 40).

[12] The form appeared in the first 1972 edition of *Iambi et elegi Graeci*, and was retained by West in his second, reworked edition (West 1992: 152), as well as in his *Delectus ex iambis et elegis Graecis* (West 1980: 172). West explained his editorial decision in the following way: "I have given the patronymic in the form presupposed by the tradition (D.L. + *Suda*). Obviously Λιγυ- is the slightest of changes; but I do not regard the rest of the name as clear. I would be disturbed to meet such a form as ἄστης in early poetry. λίγ' ἰαστί is no more plausible as analysis" (West 1974: 182).

[13] A strand of ancient exegetical tradition which could be used to corroborate of the idea that names in -άδης and -ίδης could occasionally replace patronyms, will be examined in the *Appendix* to this article.

son's parentage can only be expressed by a genitive: e.g. Δεινόστρατος Δεινιάδου "Deinostratos son of Deiniades" (*IG* II^2 223, line 4); [Ἡρακ]λείδης Χαριδήμου τοῦ Μητροδώρου | [κα]ὶ ὑπὲρ τοῦ υἱοῦ Γλαυκίου τοῦ Ἡρακλείδου "Heracleides son of Charidemos, grandson of Metrodoros [contributed], as well as on behalf of his son, Glaucios son of Heracleides" (*CIG* 3141 = *ISmyrn*. 688, lines 10–11). The Thessalian dialect, on the other hand, which used adjectival patronymics, took care to distinguish these forms by a special suffix: thus, [Γ]αυριάδα[ς] Ἀστοκράτει[ος], | [Ἀ]στοκράτης Γαυριάδαιος "Gauriades son of Astocratos, Astocratos son of Gauriades" (*IG* IX.2, 696, col. 6, lines 1–2), [Ἀσ]κλαπιάδας Ἀν|δρειμούνειος, Ἀνδρείμουν Ἀσκλαπιάδαιος "Asclepiades son of Adreimon, Andreimon son of Asclepiades" (*IG* IX.2, 517, lines 63–64); in both cases where the names recur in every second generation.

Although this discrepancy in the sources is rarely emphasized by scholars, attempts have been made to explain it away. The most popular solution, proposed already by Diels, postulates that by Λιγυαστάδη, "of the clear-voiced singer(s)", Solon is referring to the fact that Mimnermus belonged to a poetic group or a professional guild [14], as nicknames formed with -άδης suffix of adjectival patronyms are frequent in poetry. Thus, Diels and Noussia-Fantuzzi found resemblance with Aeschylus' apostrophe to Dionysus in the *Frogs*, σὺ δὴ 'μὲ ταῦτ', ὦ στωμυλιοσυλλεκτάδη / καὶ πτωχοποιὲ καὶ ῥακιοσυρραπτάδη; "Is that how you speak of me, you gossip-gleaner, you creator of misers, you rag-stitcher?" (Aristoph. *Ran*. 841–842)[15]; given the mocking tone of the passage, this might not be the ideal parallel for Solon's compliment. Perotta and Gentili (1965: 28), on the other hand, cite a parallel from a fragment of Sophocles' *Inachus* that may seem closer from the point of view of tonality to the affection (albeit tinged with gentle irony) of Solon's apostrophe: πολὺ πολυιδρίδας / ὅτις ὅδε προτέρων / ὄνομ' εὖ σ' ἐθρόει "he was of very very astute stock, whoever it was among our forefathers who

[14] Diels (1902: 482): "Das patronymische Suffix, das an λιγυάστης antritt, soll die Zugehörigkeit zur Zunft der ‚hellen Sänger' bezeichnen".

[15] See Diels (1902: 482), Noussia-Fantuzzi (2010: 402–404). However, when one compares Dover's note on the formation, the stylistic connotations do not seem to match well. Dover (1993: 297–298, on v. 841) explains that "-ίδης, -άδης and -ιάδης, common in proper names, are used to characterize types of people […] The formation is an inheritance from early iambic poetry […], and appears in satyr drama".

rightly spoke of your name…" [16]. Finally, Gerber and Allen interpreted the compound as referring to Mimnermus' actual descent from a family of singers[17]. It should be noted, however, that the nicknames in -άδης and -ίδης never actually seem to refer to parentage, but rather to the idea that the person is a worthy representative of his class, group, or profession[18]. Thus, while the parallels explain the dynamics of Solon's wordplay, the reasons why he chose to make the name of Mimnermus' father rather than the poet's own name or patronymic the focus of his pun remain unclear. Indeed, Meyer when commenting on Solon's coinage, does not even mention its resemblance to the name Ligyrtyades transmitted by the *Suda*.

With a twist on the previous explanation, M. Noussia-Fantuzzi sees in the apostrophe Λιγυᾳστάδη an indication that Solon was not actually addressing Mimnermus but replying, in the context of a poetic play at a banquet, to a fellow symposiast who had just quoted Mimnermus' verse, and that his word-play was meant to acknowledge Mimnermus' authorship of the verse, while the apostrophe could be applied to any reciter[19]. While this approach tries to escape the question of whether an actual poetic dialogue could be possible between the two poets (the problem will be discussed below), it also dissociates the apostrophe Λιγυᾳστάδη from Mimnermus; but even so, the resemblance of the apostrophe to the name of Mimnermus' father, and not to the poet's patronymic remains unexplained.

---

[16] P. Tebt. 692, lines 16–18: for the text, see Carden (1974: 73), who also identifies the tonality of the fragment and of the use of the -ίδης coinage as "jocular" (cf. Carden 1974: 82). As regards the Solonian fragment, the tone of the apostrophe Λιγυᾳστάδη has been assessed in very different ways, ranging from "mocking" (thus, Tuomi 1986: 10–14) to "full of reverence" (thus, Steffen 1955: 44).

[17] Thus, "[λιγυᾳστάδης] is presumably a compound of λιγύς and ἄστης, hence literally 'son of a clear singer' " (Gerber 1970: 138); cf. "[Solon] addresses Mimnermus, not as the son of a particular father, but as a poet who belongs to a family of clear-voiced singers" (Allen 1993: 15–16).

[18] As Meyer (1923: 116) explains the basic semantic nuance proper to this type of word formations, "die Endung -ιδης (-αδης) gibt dem Kompositum den Wert von etwas Dauerndem weil ‚erheblich von Geschlecht zu Geschlecht Weitergegebenem'; d.h. etwas von Hause aus Angeborenem".

[19] "In his reference to Λιγυᾳστάδης [in v. 3] Solon would not have been addressing the real Mimnermus by name (indeed what Solon utters is not Mimnermus' name), but rather he would have been signaling – outside of the fiction – that he was going to introduce a quotation from 'Mimnermus' " (Noussia-Fantuzzi 2010: 400–401).

A more radical solution for the problem that the unexpected resemblance of the poetic pseudo-patronym and the name of Mimnermus' father poses is to postulate a corruption in the form Λιγυρτυάδου at the beginning of *Suda*'s entry. This position can be stated explicitly[20], but more often than not it is implied, as, for example, or when Dihle says, without elaborating, that the apostrophe was based on "a patronym"[21]. This approach has an evident disadvantage, as it gives a simpler, more transparent form preference over a more complex one; moreover, it implies that the name of Mimnermus' father could have been known to the compiler of the *Suda* entry solely from Solon's fragment, which, in our view, should not be taken for granted.

Finally, it has been suggested that the apostrophe in Solon fr. 20, 3 might be Mimnermus' actual patronym. Thus, when West reconstructs Λιγιαστάδη, his editorial choice testifies above all to his doubts as concerns the text transmitted by manuscripts of *Suda* and Diogenes Laertius; however, since he makes no mention whatsoever of the form Λιγυρτυάδου, it is fair to assume that he considered Λιγιαστάδη as the closest we can get to recovering Mimnermus' patronymic. Hudson-Williams was more explicit: he suggested that Λιγυαστάδης (the form he took over from Bergk) might have been Mimnermus' real patronymic, which allowed him to surmise that Mimnermus' father was called Ligyastes[22]. In spite of all their differences, these attempts have two major drawbacks: (a) they are based on the assumption that there is no wordplay in Solon's fr. 20, 3, which runs counter to the spirit of the Solonian fragment; and (b) they ignore Suda's statement ἐκαλεῖτο δὲ καὶ Λιγυᾰστάδης that must mean that the nickname Λιγυᾰστάδης sounded different from Mimnermus' name and patronymic – unless, of course, one is

[20] Thus, e.g., Maas (1932: 1725): "†Λιγυρτυάδου Suid., mißverstanden aus Solon frg. 2 D.". However, scholars stop short of proposing a correction for *Suda*'s Λιγυρτυάδου.

[21] Cf. Dihle (1962: 265 n. 1): "die einem Patronymikon nachgebildete und an seine Stelle stehende, vielleicht ironisch-scherzhafte Anrede λιγυᾰστάδης, die Solon (fr. 22) gebildet hat".

[22] Hudson-Williams (1926: 127): "the poet may really have been the son of Ligyastas". The idea is mentioned critically by Noussia-Fantuzzi (2010: 404), but ignored by most other scholars. Edmonds (1931: 137) seems to have been the only scholar to have shared Hudson-William's approach, as in his Loeb edition, he leaves the apostrophe Λιγυαστάδη without translation, rendering it simply as 'Ligyastades'; however, in the absence of a note, this is only a guess.

willing to suppress altogether the form Λιγυρτυάδου from the beginning of the *Suda* entry on Mimnermus.

Neither of these approaches recommends itself: one proposes a largely unwarranted modification to *Suda*'s entry, and the other fails to tackle the resemblance of Solon's Λιγυᾳστάδη to Λιγυρτυάδης, the name of Mimnermus' father as transmitted by the tradition. We are thus left with the question with which Szádecky-Kardoss ended his brief summary of the problem: "Wie und warum hätte man die Benennung des Sohnes (Λιγυαστάδης) auf den Vater (in entstellter Form) übertragen?" (Szádecky-Kardoss 1968: 940).

There is one solution that has not been hitherto proposed and which would eschew the disadvantages of the approaches outlined above. However, before presenting it, a few words must be said about Mimnermus' biography in the *Suda* (μ 1077) and on the sources used by its compiler. Its contents and structure of this entry are simple and straightforward, incorporating essential data on Mimnermus (father's name, place of birth, date, writings). However, the introduction of an alternative date, and especially the wording, τινὲς δὲ αὐτοῖς καὶ συγχρονεῖν λέγουσιν, shows clearly that the compiler relied on two distinct biographical sources on Mimnermus' life. One of these (preferred by the compiler) dated Mimnermus around 40 years (i.e. ten Olympiads) before the Seven Sages[23], whereas the second made Mimnermus their contemporary: there can be little doubt that the later date stems from Solon's biographical tradition and was invented to account for the impression of a direct dialogue between the two poets that Solons' fr. 20 W. leaves. The same biographical source would have provided the information that Mimnermus was also called Λιγυᾳστάδης (obviously taken directly from Sol. fr. 20 West[24]). However, other data manifestly come from an independent biographical tradition: thus, the compiler is unsure about Mimnermus' place of birth, giving three possibilities, Κολοφώνιος ἢ Σμυρναῖος ἢ Ἀστυπαλαιεύς, of which the last, as M. L. West has shown, must be a misunderstood periphrastic reference to Smyrna as the old city[25], and the remaining alternatives probably

[23] On this calculation, see Sanz-Morales (2011: 34–35), who builds on an old idea briefly mentioned by Diels (1902: 482-483).

[24] For the idea that the *Suda* entry on Mimnermus relies on a combination of two traditions, see V. de Marco in della Corte et al. (1971: 23); cf. Wilamowitz (1913: 280, n. 1). Unfortunately, I was not able to consult de Marco (1939/40).

[25] See West (1974: 72), who is followed by Allen (1993: 13 n. 17), Gerber (1997: 109), Bagordo (2011: 165).

reflect Mimnermus' elusive self-identification (as exemplified by Mimn. fr. 9 W.)[26]; the information on the elegist's *œuvre*, despite the corrupt state of the text in this passage, no doubt goes back to the organization of Mimnermus' Alexandrian edition[27].

Returning to the question of the name of Mimnermus' father, it seems plausible that Λιγυρτυάδης also stems from a biographical tradition on Mimnermus which could have learnt it either from an independent source or directly from the poet's writings. A look at the *testimonia* in modern editions of Mimnermus shows that hardly any of the meager details on the poet's life can be shown to have been preserved independently of Mimnermus' verses; this, as well as the fact that Solon had to know the name in order to create the pun Λιγυαστάδης, makes it much more likely that the name Λιγυρτυάδης can be traced back to Mimnermus' own verses[28].

There is, in fact, one type of context where Mimnermus could have mentioned the name of his father – in a poetic *sphragis* to a large poem (such as the *Smyrneis*) or a book of poetry[29]. That Mimnermus might have "signed" his work is actually very probable. Pausanias tells us that the elegy on the Smyrneans' battle with the army of Gyges opened with a proem which spoke of two generations of Muses (Paus. 9, 29, 4 = Mimn. fr. 14 Allen = fr. 13 West), a precious testimony which shows that Mimnermus payed attention to the formal framing of his work. A formalized proem of this kind (or, perhaps, an equally formalized closure of the book of poetry or a large poem) would be a perfect opportunity for inserting a *sphragis*.[30] Now, in a context of this kind the name of the father would most certainly have appeared in the genitive form – in other words, we assume that the form Λιγυρτυάδου, transmitted unanimously by the Suda manuscripts, was taken directly from Mimnermus' verses. If we further assume that Mimnermus' own

[26] See West (1974: 72), Allen (1993: 13–14), Gerber (1997: 109).
[27] On the reconstructions of Mimnermus' Alexandrian edition, see Müller (1988: esp. 206–208); Allen (1993: 19–23).
[28] The idea that the name Ligyrtyades could not have been mentioned by Mimnermus himself is sometimes presented as a self-evident premise (thus, Maas 1932: 1725), but, in our view, would need to be argued.
[29] On the *sphragides* in Greek poetry, see the seminal article by Kranz (1961), as well as discussions of seals of particular authors, such as Woodbury (1952), Hubbard (2007), Nisbet, Hubbard (1978: 335) and others.
[30] As Walter Kranz has shown, the form of invocation to the Muses (the κλητικὸς ὕμνος) in particular is associated with the poet's introduction of himself (Kranz 1961: 4–5).

name was in the genitive, as is often the case in seals[31], the combination of name and patronymic might have sounded as *Μιμνέρμου – ⏑ Λιγυρτυάδεω (this reconstruction is suited for a pentameter but is not the only possibility). In that case Λιγυρτυάδου would in fact have been an adjectival patronymic in -άδης, which the compiler of the Suda or his source had interpreted as the father's name (on the reasons why such an interpretation seemed possible, see the *Appendix* to this article). In that case, Mimnermus' father would have actually been called Λιγυρτύης[32].

Now, Λιγυρτύης is not transparent as to its inner form, and its ending in -ύης is not typical for Greek names. However, names in -υης / -υας are fairly well attested in Greek inscriptions of Asia Minor[33], e. g., Τουης (in Cilician and Pamphylian context)[34], Πακτύης (in Lydian and Carian context; cf. the Pactyes who appears in

[31] The most famous *sphragis* of this kind is, of course, Theognis' seal: ὧδε δὲ πᾶς τις ἐρεῖ· "Θεόγνιδός ἐστιν ἔπη / τοῦ Μεγαρέως· πάντας δὲ κατ' ἀνθρώπους ὀνομαστός" (Theogn. 22–23) "Thus will everyone say: 'These are the verses of Theognis, the poet from Megara, and his name is known among all men". Cf. also καὶ τόδε Φωκυλίδου "this also belongs to Phocylides" at the beginning of fragments 1–5 Gentili-Prato and καὶ τόδε Δημοδόκου "this too belongs to Demodocus" (Demodoc. fr. 2 W.; cf. Hubbard 2007: 203–204). In Hellenistic poetry, particularly close is τοῦ Κυρηναίου τοῦτ' Ἐρατοσθένεος "this is the work of Eratosthenes of Cyrene" (Eratosthen. fr. 18, 35; cf. Nic. *Ther*. 957-958; cf. *Alex*. 629–630).

[32] The idea that *Suda*'s Μίμνερμος Λιγυρτυάδου resulted from a misinterpretation of an actual patronymic was already suggested by N. Bach; he used it, however, to argue that Λιγυρτυάδης was no patronymic, but signaled Mimnermus' belonging to a group of singers: "Mimnermus non filius Ligyrtiadae cujusdam, verum ipse Λιγυρτιάδης sive Λιγυστιάδης appelletur, forma quidem patronymica, illa tamen ad artem referenda, eadem prorsus ratione, qua *Homeridae*, *Daedalidae* aliique dicuntur" (Bach 1826: 8). The same idea also prompted Hudson-Williams' suggestion that Mimnermus' father was called Λιγυάστης (see above); cf. Dihle (1962: 265 n. 1).

[33] The names in -υης were gathered from the reverse index in the *Lexicon of Greek Personal Names*, vol. V.B (Frazer, Matthews 2013), but the list can be certainly expanded: cf. a certain Πιλακυας mentioned in a papyrus from Cairo and identified as a Pisidian by Louis Robert (1963: 428). We follow the editors of the *Lexicon* in leaving most of the names unaccented; an exception will be made for Πακτύης, attested in Herodotus.

[34] Fraser, Matthews (2013: 412, s.v. Τουης), Zgusta (1964: 520, 1585–4). The name can be identified with the Hittite name *Duwa* attested in several inscriptions (Laroche 1966: 193, no. 1398; the Hittite does not distinguish between /d/ and /t/), but also as part of compound names in *Duwayalla*, *Tuwakili*, *Tuwastili*, *Tuwattaziti*, etc. (for the list and references, see Laroche 1966: 193–194).

Herodotus, 1, 153–161)[35], Σαμϐακτυης (in Carian context; cf. Σαμπακτυης[36]), Παναμυης (mostly in Carian inscriptions)[37], Ουϝραμυας (Pamphylian)[38], etc. Most of these names are compounds, sometimes also attested in inscriptions in Anatolian languages, and the second element (e.g. -τυης, -μυης) can be identified with an Anatolian root: the sense and etymology are uncertain for -τυης, but -μυης means "descendant of…"[39].

It should be added that names of a similar kind are also attested in Greek non-epigraphic sources. Thus, we are told that the name of Thales' father was Examyes[40]:

> Ἦν τοίνυν ὁ Θαλῆς, ὡς μὲν Ἡρόδοτος καὶ Δοῦρις καὶ Δημόκριτός φασι, πατρὸς μὲν Ἐξαμύου, μητρὸς δὲ Κλεοϐουλίνης, ἐκ τῶν Θηλιδῶν, οἵ εἰσι Φοίνικες, εὐγενέστατοι τῶν ἀπὸ Κάδμου καὶ Ἀγήνορος (Diog. Laert. 1, 22 Dorandi).
>
> "Thales was, according to Herodotus, Douris and Democritus, son of Examyes and Cleobouline, and belonged to the Thelidae who are Phoenicians and noblest among the descendants of Cadmos and Agenor"

And among the testimonia on Mimnermus' life a poetic appraisal of the elegist's life in Hermesianax, another Examyes is mentioned as Mimnermus' companion at feasts – piece of information that undoubtedly was taken from Mimnermus' own writings:

> καίετο μὲν Ναννοῦς, πολιῷ δ' ἐπὶ πολλάκι λωτῷ
> κημωθεὶς κώμους εἶχε σὺν Ἐξαμύῃ
> (Hermesian. fr. 3, 35–40 Lightfoot = Mimn. Test. 4 Allen).

---

[35] See Zgusta (1964: 403–404, § 1193), Fraser, Matthews (2010: 353, s.v. Πακτύης), Fraser, Matthews (2013: 338, s.v. Πακτυης).

[36] Fraser, Matthews (2013: 377, s.v. Σαμϐακτυης); on Σαμπακτύης, see Zgusta (1964: 452, § 1364–2) who connects it with Πακτύης.

[37] Fraser, Matthews (2013: 339, s.v. Παναμυης), Zgusta (1964: 405, § 1197–6). The name is attested as *Panamuwa* in Hittite (see Laroche 1966: 135, no. 927; cf. *Punamuwa* – Laroche 1996: 158, no. 1050).

[38] See Fraser, Matthews (2013: 335, s.v. Ουϝραμυας); the name resembles Lycian Οπραμοας (cf. Frazer, Matthews 2013: 329, s.v. Οπραμοας; Zgusta 1964: 378, § 1099–3), perhaps also attested in Cilician as Οπραμουας (Frazer, Matthews 2013: 330, s.v. Οπραμουας).

[39] Cf. *Armamuwa* "descendant of the Moon", *Tiwatamuwa* "descendant of the Sun", etc.; on these names see Laroche (1966: 290); it has been suggested that the literal meaning of *-muwa* seems to be "seed, seminal fluid" (cf. Gamkrelidze, Ivanov 1984: II, 818; Kazansky 2004: 89).

[40] Cf. the name Εκαμυης attested in a Carian inscription from Labraunda; see Fraser, Matthews (2013: 130, s.v. Εκαμυης).

> "He burned with passion for Nanno and often, muzzled onto his ancient flute, held revels with Examyes".

Names in -ύης/-ύας thus had a certain degree of diffusion in Greek cities of Asia Minor, and the presence of another person with a name of this kind in Mimnermus' immediate entourage is certainly striking. This being said, the reconstruction of a non-Greek name for Mimnermus' father should not lead us to draw any hasty conclusions as to Mimnermus' family. Onomastic data in general demand careful treatment, and we know too little of the sociographic situation in ancient Smyrna in Mimnermus' lifetime to warrant any unequivocal conclusions. Moreover, it cannot be excluded that Ligyrtyes may already be a partly Hellenized version of a indigenous name, modified to make it resemble the Greek adjective λιγυρός. This type of Hellenization may also be suspected in other cases. The well attested name Παναμύης, also attested as Πυναμυας[41], finds parallels in the Hittite and other Anatolian languages; however, predominance of the form Παναμύης in the Greek inscriptions suggests that is was preferred because of the resemblance of the first root to Gk. πᾶς, πᾶσα, πᾶν; and the name Κιδραμύας (Κιδραμουας, -ης) seems to have been modified into Κυδραμύας in some inscriptions, possibly to resemble κυδρός[42].

The proposed analysis of the name Λιγυρτυάδης as a proper patronymic, which had been mistakenly taken for the name of the poet's father, has the advantage of introducing minimal change in the tradition, while the more interesting part of the transmitted form Λιγυρτυάδου is preserved. At the same time, it explains Solon's wordplay. In creating Λιγυᾳστάδης, he was using Mimnermus' actual patronym Λιγυρτυάδης: if our suggestion that the patronym had been mentioned by Mimnermus in his *sphragis* is accepted, the patronym would have been known to at least a part of part of his audience that would be able to fully appreciate his pun. The first part of the father's name would have been associated with the adjective λιγυρός "clear-voiced", which permitted Solon to replace it with the λιγύς, the shorter variant, identical from the point of view of the

[41] See Fraser, Matthews (2013: 371, s.v. Πυναμυας); cf. Robert (1963: 515) and Robert, Robert (1953: 179–178, no. 202). It may have helped that *pūna-* in Luwian and Lycian also meant "all"; Laroche viewed *pana-* as a variant of the same form, but this idea is disputed (cf. Adiego 2007: 337–338, § 2.12).

[42] See Robert (1963: 409), with references; cf. Zgusta (1964: 260, § 767–1).

semantics, while the patronymic suffix was transformed into a separate root and linked with the verb ᾄδω.

Appendix

A few words need to be said about the reasons that led to the confusion of patronymic with the father's name in Mimnermus' biographical tradition. On the one hand, a name such as Λιγυρτύης would have sounded strange to a Greek reader, and if it was only attested as part of an adjectival patronymic Λιγυρτυάδης (and especially if, as we suggested, it was used in the genitive), grammarians would have been tempted to treat it as a proper name in -άδης, as the suffix disguised to some extant what was unusual about the name, giving it a form that was closer to Greek. On the other hand, Solon's name for Mimnermus, Λιγυᾳστάδης, which was probably incorporated into the elegist's biographical tradition no later than early Hellenistic times[43], would have precluded the elimination of the -άδης suffix from the form Λιγυρτυάδης.

But there was also a much more specific reason why the compiler of Mimnermus' biography would have been comfortable with giving the name of Mimnermus' father as Λιγυρτυάδης. The ancient scholia preserve a strand of exegesis which explained that in poetic language a father's name in -άδης / -ίδης could also be used as his son's patronym. This explanation appears only sporadically and was in all likelihood invented as ad hoc explanation of some of the more problematic forms in -άδης and -ίδης. In particular, this explanation was used, and probably invented, by Aristarchus:

> "ἔνθ' ὀλβίοισιν Ἐμμενίδαις": οὐκ ἀπὸ φυλῆς, ὁ Ἀρίσταρχος· τοῦ κυρίου γὰρ ὄντος Ἐμμενίδου οὐκ ἂν γένοιτο Ἐμμενίδας· ἡ δὲ ποιητικὴ παρέκτασις καὶ σχηματισμοὶ ἐπὶ τῶν κυρίων πατρωνυμικῶν ἐπὶ τὰ αὐτῶν τρεπόμενα ὀνόματα, οἷον Ἡρακλείδης καὶ Ἀσκληπιάδης ἔστι μὲν σχήματι πατρωνυμικὰ, κύρια δέ τινων. Εἴ τις οὖν τὸν τοῦ Ἡρακλείδου υἱὸν πατρωνυμικῶς βούλοιτο σημῆναι, ὁμωνύμως ἂν πάλιν [πατρὸς] Ἡρακλείδην καλοίη (schol. BDEGQ in Pind. *Pyth*. 6, 5a Drachmann).

[43] Diogenes Laertius writing in the III century AD who preserves Solon's dialogue with Mimnermus is the obvious *terminus ante quem* for the story's entry in the biographical tradition of the two poets. However, the revival of interest in Mimnermus at the beginning of the Hellenistic age renders an earlier date much more probable.

> " 'There for the fortunate Emmenidai': [called thus] not from their clan [44], as Aristarchus [argued]: for the original name being Emmenides, the derivative would not be Emmenides[45]. This is a poetic extension [of usage of the name] to their own names, producing a trope – as well as a formation based on actual patronyms, just as Heracleides and Asclepiades are, by their form, patronymics, but proper names of some people. And thus if someone wanted to designate Heracleides' son by a patronym, he would call him in his turn Heracleides, homonymously with his father"

Aristarchus considered Pindar's expression ὀλβίοισιν Ἐμμενίδαις problematic because of the general structure of *Pythian* 6. The ode celebrates a chariot victory of Xenocrates of Acragas, brother of Theron, the tyrant of Acragas, but besides the actual *laudandus*, Xenocrates, his son, Thrasybulus, receives an unexpected amount of attention and praise. The expression ὀλβίοισιν Ἐμμενίδαις at the very beginning of the ode (*Pyth*. 6, 5) has to be understood as referring to the three family members. The origins of the family name Ἐμμενίδαι were explained in different ways in Antiquity[46], but Aristarchus obviously preferred the genealogy according to Theron's and Xenocrates' grandfather was called Emmenides. The fact that the descendants of an Ἐμμενίδης Emmenides were themselves called Ἐμμενίδαι went contrary to the accepted usage and had to be explained: thus, according to Aristarchus, the transfer of a name that was patronymic in form from the father to the son was a kind of poetic trope. The wording of the scholium shows that the homonymy of this kind could in no way be considered normal and suggests that the idea of ποιητικὴ παρέκτασις may have been an exegetical subterfuge invented for this passage in particular (or a limited number of uncomfortable cases). There is one other case where it figures prominently – in Theocritus' short biography transmitted in the scholia:

> Θεόκριτος ὁ τῶν βουκολικῶν ποιητὴς Συρακούσιος ἦν τὸ γένος, πατρὸς Σιμιχίδου, ὡς αὐτός φησι· 'Σιμιχίδα, πᾷ δὴ τὸ μεσαμέριον

[44] Given the scholiast's brevity, it is difficult to be sure of the exact meaning of φυλή in this context: Miller translates it as "tribe (?)", considering that "it should mean [Aristarchus] denied it was the name of any kind of descent or kinship group" (Miller 1970: 54). The remark οὐκ ἀπὸ φυλῆς was probably polemic in nature, rejecting the explanation that the Emmenids were a φράτρια (schol. in Pind. Ol. 3, 67b, 68b Drachmann).

[45] Ἐμμενίδας in the text of the scholium is manifestly a Doric form which we have rendered as the more regular form Emmenides in our translation.

[46] For a list and analysis of the ancient sources on the origins of the name Ἐμμενίδαι, see Miller (1970: 53–55).

πόδας ἕλκεις;' ἔνιοι δὲ τὸ 'Σιμιχίδα' ἐπώνυμον εἶναι λέγουσι – δοκεῖ γὰρ σιμὸς εἶναι τὴν πρόσοψιν, – πατέρα δ' ἐσχηκέναι Πραξαγόραν καὶ μητέρα Φιλίναν (schol. in Theocr. p. 1, l. 4–9 Wendel[47]).

5 Σιμιχίδα K Σιμιχίδου **cett.** : Σιμίχου Ahrens ex Sud. (θ 161) et schol. in Theocr. 3, 8–9a Σιμιχίδα–ἕλκεις om. **P** **6** τὸ μεσαμέριον codd. plerique: σὺ μεσαμέριον **T** **8** πατέρα–Φιλίναν codd. plerique ; ἄλλοι δὲ αὐτὸν υἱὸν Πραξαγόρου καὶ Φιλίνας εἶναι **E**^{b}

"Theocritus, writer of bucolic poetry was Syracusian by his descent, son of Simichidas, as he says himself: 'Simichidas, where are you steering your steps this noon?' (Theocr. 7, 21). Others say that 'Simichidas' was his surname – for he seemed snub-nosed in his appearance, – whereas his father was Praxagoras and his mother Philinna".

We know from other ancient sources on Theocritus' life that the poet's parents were Praxagoras and Philinna[48], but the compiler of this biography preferred the alternative version that stemmed from the equation of the narrator of *Idyll* 7, Simichidas, with Theocritus (as is evident from his quotation of Lycidas' address to him, *Id.* 7, 21). However, he failed to notice, or rather deliberately ignored, the contradiction between his own words πατρὸς Σιμιχίδου and the use of Σιμιχίδα as a patronymic in the quotation he uses to argue his version of Theocritus' parentage. Ahrens, suspecting an error in the manuscript reading Σιμιχίδου under the influence of the apostrophe Σιμιχίδα, corrected it to Σιμίχου, based on Theocritus' biography in the *Suda* (θ 166 = II, p. 697, l. 18–19 Adler) and one of the scholia where the assumed father's name appears as Σίμιχος[49]. However, Σιμιχίδου is visibly more than a *lapsus calami* (and, incidentally, should not perhaps be eliminated from the main text, if only for the interest that it has for the history of ancient literary criticism) – later on a scholiast goes out of his way (in his note on *Id.* 7, 21) to

[47] The abbreviation of manuscripts follows that used by C. Wendel in his edition: **K** – codex Ambrosianus 886; **P** – codex Laurentianus XXXII 37; **T** – codex Vaticanus 38; **E** – codex Vaticanus 42. The text and the *apparatus criticus* quoted above differ slightly from Wendel's edition: in particular, we reintroduced the ms. reading Σιμιχίδου in the main text and relegated Ahrens' correction Σιμίχου to the *apparatus*.

[48] See Gow (1965: I, XVI and II, 128). The names of Praxagoras and Philinna appear in Theocritus' sphragis-epigram: υἱὸς Πραξαγόραο περικλειτᾶς τε Φιλίννας (Theocr. *Ep*. 27, 3), and there is no reason to disbelieve this tradition.

[49] Schol. in Theocr. Ahrens (1859: 1); this reading is accepted by Wendel (1914: 1) and Gow (1965: I, XV).

explain that there is nothing awkward in having the same name appear as the father's name and the son's patronymic:

> εἰσὶ καὶ πατρωνυμικὰ οὕτως ἀπαραλλάκτως λεγόμενα καὶ ἐπὶ τῶν υἱῶν ὡς καὶ ἐπὶ τῶν πατέρων. ὥσπερ ὁ Θεόκριτος Σιμιχίδα υἱος ὢν Σιμιχίδαν ἑαυτὸν ὀνομάζει πατρωνυμικῶς· καὶ τὸν Ἀσκληπιάδην τὸν Σάμιον ποιητὴν Σικελίδαν καὶ αὐτὸν καλεῖ παῖδά τινος Σικελίδα λεγομένου τυγχάνοντα (schol. PT in Theocr. 7, 21b Wendel).
>
> "There exist patronyms that are used thus without modification of form both of the sons and of the fathers. Even as Theocritus, being the son of Simichidas, calls himself Simichidas in a patronymic way; and calls Asclepiades, poet from Samos, 'Sicelides', as h happened to be the son of a certain Sicelides".

This scholium uses one and the same approach to explain Σιμιχίδας (which the scholiast wanted to stand for Theocritus) and Σικελίδας (for Asclepiades of Samos; cf. schol. in Theocr. 7, 40b). In neither case is his explanation a lucky one: the suggestion that Theocritus' father's name could be reconstructed as Σιμιχίδας was obviously questioned already in Antiquity; as for Σικελίδας – the form with the patronymic suffix was a fairly common designation of Asclepiades, but not as a patronym, but as a nickname[50].

The existence of the idea that names in -άδης and -ίδης could be used both as father's names and their son's patronymic seems to have allowed the compiler of the *Suda* entry on Mimnermus (or his source) to reconstruct the name of Mimnermus' father as Λιγυρτυάδης, with the understanding that this name could also be applied, as part of a ποιητικὴ παρέκτασις in the words of Aristarchus, to Mimnermus himself. In that case there would have been no contradiction, in the eyes of the compiler of the *Suda* entry (or of an earlier biographer on whom the compiler relied), between the name Λιγυρτυάδης and the witty apostrophe Λιγυᾳστάδης in Solon.

References

Adler, A. (ed.) 1928–1938: *Suidae Lexicon*, vol. I–V. Stuttgart.

Ahrens, H. L. (ed.) 1859: *Bucolicorum Graecorum Theocriti Bionis Moschi reliquiae accedentibus incertorum idylliis*, Vol. II: *Scholia*. Lipsiae.

Allen, A. (ed., comm.) 1993: *The Fragments of Mimnermus, Text and Commentary*. Stuttgart.

[50] See Sens (2011: XXIX–XXXI) for the references and a detailed discussion of the probable biographical reasons behind Asclepiades' nickname Sicelides.

Bach, N. (ed.) 1826: *Mimnermi Colophonii carminum quae supersunt*. Leipzig.

Bagordo, A. 2011: Lyrik. In: B. Zimmermann (Hrsg.) *Handbuch der griechischen Literatur der Antike*, Bd. I: *Die Literatur der archaischen und klassischen Zeit*. München, 124–249.

Barron, J. P. Easterling, P. E. 1985: Early Greek Elegy: Callinus, Mimnermus, Tyrtaeus. In: B. M. W. Knox, P. E. Easterling (eds.) *The Cambridge History of Classical Literature*, vol. I: *Greek Literature*. Cambridge, 128–136.

Bergk, Th. (ed.) 1843. *Poetae lyrici Graeci*. Lipsiae.

Campbell, D. A. 1967: *Greek Lyric Poetry, A Selection of Early Greek Lyric, Elegiac and Iambic Poetry*. New York.

Carden, R. (ed., comm.) 1974: *The Papyrus Fragments of Sophocles, an edition with prolegomena and commentary*, with a contribution by W. S. Barrett. Berlin, New York.

Diehl, E. (ed.) 1954. *Anthologia lyrica Graeca*. Fasc. I: *Poetae elegiaci*. Leipzig.

Diels, H. 1902: Onomatologisches. *Hermes* 37, 480–483.

Dorandi, T. (ed.) 2013: *Diogenes Laertius, Lives of Eminent Philosophers, edited with introduction*. Cambridge; New York.

Dovatour, A. I. 1982: Solon i Mimnerm, poeticheskaya polemika po povodu raznogo vospriyatiya zhizni [Solon and Mimnermus: Poetic Polemic on Different Views on Life]. *Philologia classica* 2, 55–62.
Доватур, А. И. 1982: Солон и Мимнерм, поэтическая полемика по поводу разного восприятия жизни. *Philologia classica* 2, 55–62.

Drachmann, A. B. (ed.) 1910: *Scholia vetera in Pindari carmina*, vol. I–III. Leipzig.

Edmonds, J. M. (ed., transl.) 1931: *Elegy and Iambus, being the remains of all the Greek elegiac and iambic poets from Callinus to Crates*. Vol. I. Cambridge Mass., London.

Ford, A. 2004: *Origins of Criticism: Literary Culture and Poetic Theory in Classical Greece*. Princeton NJ; Oxford.

Fraser, P. M. Matthews, E. (eds.) 2010: *A Lexicon of Greek Personal Names*. Vol. V.A: *Coastal Asia Minor, Pontos to Ionia* / ed. T. Corsten. Oxford.

Fraser, P. M. Matthews, E. (eds.) 2013: *A Lexicon of Greek Personal Names*. Vol. V.B: *Coastal Asia Minor, Caria to Cilicia* / ed. J.-S. Balzat, R. W. V. Catling, É. Chiricat, F. Marchand, associate editor T. Corsten. Oxford.

Gamkrelidze, T.V. Ivanov, V.V. 1984: *Indoevropeyskiy yazyik i indoevropeytsy* [The Indo-European Language and Indo-Europeans]. Tbilisi.
Гамкрелидзе, Т. В. Иванов, В. В. 1984: *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Тбилиси.

Gentili, B., Prato, C. (eds.) 1979: *Poetarum elegiacorum testimonia et fragmenta*. Pars I. Leipzig.

Gerber, D. E. 1970: *Euterpe. An Anthology of Early Greek Lyric, Elegiac, and Iambic Poetry, edited with introductory remarks and commentary*. Amsterdam.

Gow, A. S. F. (ed., comm.) 1965: *Theocritus, edited with a translation and commentary*. Vol. I–II. Cambridge.
Hagen, H. 2007: Zur Form Λιγυα(ι)στάδη bei Solon fr. 22, 3 D. (= Diog. Laert. 1, 61). *Glotta* 83, 89–94.
Hubbard, Th. 2007: Theognis' *Sphrêgis*: Aristocratic Speech and the Paradoxes of Writing. In: C. Cooper (ed.) *Politics of Orality*. Leiden, Boston. 193–215.
Hudson-Williams, Th. (ed., comm.) 1926: *Early Greek Elegy: The Elegiac Fragments of Callinus, Archilochus, Mimnermus, Tyrtaeus, Solon, Xenophanes & others*. Cardiff.
Kazansky, N. N. 2004: [Hippocrates' corpus and its Significance for Modern Humanities]. *Trudy Otdeleniya istoriko-filologichskih nauk RAN* 2, 88–91.
Казанский, Н. Н. 2004: Гиппократов корпус и его значение для современного гуманитарного знания. *Труды Отделения историко-филологических наук РАН*, вып. 2. 2004 г., 88–91.
Kranz, W. 1961: Sphragis. Ichform und Namensiegel als Eingangs- und Schlußmotif antiker Dichtung. *Rheinisches Museum* 104.1, 3–46; *Rheinisches Museum* 104.2, 97–124.
Laroche, E. 1966: *Les noms des hittites* (*Études linguistiques* IV). Paris.
Maas, P. 1932: s.v. Mimnermos. In: *Paulys Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft*, Bd. 15.2. Stuttgart, 1725–1727.
Marcovich, M. (ed.) 1999. *Diogenes Laertius, Vitae philosophum*. Vol. I: *libri I–X*. Stuttgart, Leipzig.
Masaracchia, A. 1958: *Solone*. Firenze.
Meyer, G. 1923: *Die stilistische Verwendung der Nominalkomposition im Griechischen* (*Philologus Supplementband* 16.3). Leipzig.
Miller, M. 1970: *The Sicilian Colony Dates. Studies in Chronography*, I. Albany.
Müller, C. W. 1988: Die antike Buchausgabe des Mimnermos. *Rheinisches Museum* 131, 197–211.
Nisbet, R. G. M. Hubbard, M. 1978: *A Commentary on Horace. Odes, book II*. Oxford.
Noussia-Fantuzzi, M. (ed., comm.) 2010: *Solon the Athenian, the Poetic Fragments*. Leiden, Boston.
Perrotta, G., Gentili, B. (ed., comm.) 1965: *Polinnia, poesia greca arcaica*. Mesina, Firenze.
Robert, J. Robert, L. 1953: Bulletin épigraphique. *Revue des études grecques* 66 (fascicule 309–310), 113–212.
Robert, L. 1963: *Noms indigènes dans l'Asie Mineure gréco-romaine*, Part I. Paris.
Sanz Morales, M. 2011: La cronología de Mimnermo. *Eikasmos* 11, 29–52.
Schmid, W. Stählin, O. 1929: *Geschichte der griechischen Literatur*. Bd. I.1. München.
Sens, A. (ed., comm.) 2011: *Asclepiades of Samos, Epigrams and Fragments, edited with translation and commentary*. Oxford, New York.
Steffen, V. 1955: *Quaestiones lyricae*. Poznań.

Szádeczky-Kardoss, S. 1968: s.v. Mimnermos. In: *Paulys Real-encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft*, Suppl. Bd. 11. Stuttgart, 935–951.
Tuomi, R. 1986: *Καὶ νῦν, Solons Gedicht an Mimnermos im Lichte der Tradition*. Turku.
Wendel, C. (ed.) 1914: *Scholia in Theocritum vetera*. Stuttgart.
West, M. L. (ed.) 1980: *Delectus ex iambis et elegis Graecis*. Oxford.
West, M. L. (ed.) 1992: *Iambi et elegi Graeci ante Alexandrum cantati*. Vol. II. Oxford (2nd ed.).
West, M. L. 1974: *Studies in Greek Elegy and Iambus*. Berlin, New York.
Wilamowitz-Moellendorff, U. von. 1913: *Sappho und Simonides. Untersuchungen über griechische Lyriker*. Berlin.
Woodbury, L. 1952: The Seal of Theognis. In: M. E. White (ed.) *Studies in Honour of Gilbert Norwood* (*Phoenix Supplementary Volume* 1). Toronto, 20–41.
Zgusta, L. 1964: *Kleinasiatische Personennamen*. Prag.

Summary. The name of Mimnermus' father is transmitted by the *Suda* in a biographical entry (μ 1077) that introduces the poet as Μίμνερμος Λιγυρτυάδου; the name of the poet's father is preserved by no other source. Although *a priori* there is little reason to doubt the transmitted form, it is difficult to reconcile it with Solon's address to Mimnermus as Λιγυαστάδης (Sol. fr. 20 West = Diog. Laert. 1, 61; cf. Sud. μ 1077), which manifestly is a compliment to Mimnermus but seems to make the name of Mimnermus' father rather than the poet's own name the object of the pun. The article examines the advantages and the disadvantages of existing approaches to this problem and proposes a different solution, arguing that the transmitted form Λιγυρτυάδης must be an adjectival patronymic, not the actual name of Mimnermus' father.

Key words. Mimnermus, Ligyrtyades (Λιγυρτυάδης), Solon, patronymic, Suda, Diogenes Laertius, ancient scholarship, onomastics of Asia Minor.

DOI:10.30842/ielcp2306901522114

В. П. Казанскене

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ λειμών и λιμήν: ИСТОРИЯ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Статья посвящена словам λειμών и λιμήν в греческом языке, в которых современная лингвистика видит изолированную группу в рамках греческого языка, не имеющую точных соответствий в других индоевропейских языках. В статье показывается, что у семьи λειμών, λιμήν и их производных обнаруживается целый ряд параллелей в балтийских и славянских языках, сопоставимых с древнегреческим материалом как на уровне морфологии, так и на уровне семантики и словоупотребления. Таким образом, λειμών и λιμήν оказывается возможным связать λειμών и λιμήν с русск. *лить*, лит. *líeti*, латыш. *líeti* и их производными.

Ключевые слова: λειμών ‘луг’, λιμήν ‘гавань’, этимология.

В древнегреческом языке имеется целый ряд слов, хорошо документированных в письменных документах, с прозрачной словообразовательной структурой, определенной лексической семантикой, но, тем не менее, не имеющих прозрачной этимологии. Обычно о такие слова, у которых невозможно определить словообразовательную базу и не имеющих соответствий в других индоевропейских языках, называют «изолированными образованиями». Именно такими словами являются λειμών ‘луг’ и λιμήν ‘гавань’, об изолированном характере которых говорят все этимологические словари древнегреческого языка[1]. Мы начнем с краткого обзора употребления слов λειμών и λιμήν; далее будут рассмотрены подходы к их этимологии, а затем будет предложены, на наш взгляд, вполне близкие соответствия в балтийских и славянских языках.

Обзор греческого материала

Слово λειμών встречается у Гомера в самом общем значении «луг» (ср. Il. 16, 151; Od. 12, 45 и 159; etc.); есть и более

[1] Cf. Frisk 1960: 98, s.v. λειμών: «Die primären Bildungen λει-μών und λι-μήν [...] stehen im Griechischen isoliert und haben auch außerhalb des Griechischen kein unmittelbares Gegenstück»; Chantraine 1968–1977 : II, 628, s.v. λειμών: «on n’aperçoit pas d’étymologie claire»; Beekes 2010: II, 844, s.v. λειμών: «The primary formations λειμών, λιμήν, λίμνη [...] are isolated in Greek, and have no outer-Greek counterpart».

специфическое употребление о «лугах» подземного царства в формуле ἀσφόδελος λειμών (Od. 11, 539 и 573; 24, 13)[2]. Однако когда Гомер характеризует луга эпитетами ὑδρηλοὶ μαλακοί ‘влажные, нежные’ (Il. 9, 133), видно, что речь идет о полях, изобилующих водой. В значении ‘заливной луг’ слово λειμών встречается у Гомера, например, при описании выстроившихся ахейских войск: ἔσταν δ’ ἐν λειμῶνι Σκαμανδρίῳ ἀνθεμόεντι / μυρίοι, ὅσσά τε φύλλα καὶ ἄνθεα γίγνεται ὥρῃ ‘они выстроились на скамандровом цветущем лугу, бесчисленные, сколько весной появляется листьев и цветов’ (Hom. Il. 2, 467–468).

Несколькими стихами ранее поэт уже указывал на место сбора ахейских сил, но тогда обозначил его более нейтральным выражением: ἐς πεδίον προχέοντο Σκαμάνδριον, ‘хлынули в скамандрову долину’ (Il. 2, 465). Однако в строках 2, 467–468 поэту важно подчеркнуть неисчислимость ахейских войск, которые он сравнивает с бурной весенней растительностью; поэтому и для обозначения долины, по которой протекает река Скамандр, он выбирает слово λειμών, характеризуя ее как местность, которую в весеннюю пору затопляет река. Кирк, комментируя данный пассаж, подчеркивает изысканное сплетение образов[3].

Слово λιμήν используется с самых ранних текстов для обозначения гаваней (ср. Il. 1, 432; 23, 745; Od. 1, 186, etc.), причем не только как места, где корабли находят пристанище, но и как место, из которого они пускаются в путь. Следует отдельно отметить выражение λιμὴν θαλάσσης (Od. 5, 418; Hymn. hom. Ap. 24), на наш взгляд, являющееся наследием идеи, что гавань является «заливом» моря (об этом, см. ниже). Отметим также, что широко распространено было метафорическое употребление λιμήν для ‘пристанища’, спасительной гавани в невзгодах[4]. Одним из самых известных употреблений λιμήν в таком значении встречается у Еврипида, когда Медея, получив обещание от Эгея, что тот приютит ее в Афинах, восклицает, что у нее наконец появилась «гавань»: οὗτος γὰρ

[2] Подробнее об этой формуле и о представлении, за ней стоящем, см. Puhvel 1969: 64–65 и 69.

[3] Kirk 1985: 164–165: «The ‘Scamandrian plain’ of 465 has become the ‘Scamandrian meadow’ now, not only to echo the Asian meadow of 461 but also to allow it to be ἀνθεμόεντι, ‘flowered’, and so foreshadow the leaves and flowers of 468; these images are woven into one another with extraordinary virtuosity».

[4] Ср. Page 1961: 127, ad v. 769.

ἀνὴρ ᾗ μάλιστ' ἐκάμνομεν / λιμὴν πέφανται τῶν ἐμῶν βουλευμάτων… ‘ведь этот муж в тот момент, когда мне было тяжелее всего, явился гаванью для моих замыслов’ (Eur. Med. 768–769).

Генитив τῶν ἐμῶν βουλευμάτων показывает, что речь идет о гавани метафорической: использование λιμήν в этих стихах продолжает тему бури на море, с которой Медея сравнивала свою жизнь еще при первом своем появлении на сцене (*Med.* 258–259; ср. 279; 442–443, etc.): обещание Эгея гарантировало ей место, где она сможет укрыться после того, как отомстит Ясону.

Обобщая данный обзор семантики λιμήν и λειμών, отметим, что при изучении их употреблений обращают на себя внимание исключительно позитивные ассоциации обоих слов. Даже когда λειμών используется о загробном мире (ср. ἀσφόδελος λειμών), он сохраняет свои положительные коннотации, ассоциируясь с Элизием как месте обитания блаженных[5]. В частности, это можно проиллюстрировать двумя контекстами, в которых Гомер упоминает *отсутствие* λιμήν и λειμών, чтобы негативно характеризовать сильнейшую бурю, в которую попал Одиссей и почти потерял надежду на спасение:

> οὐ γὰρ ἔσαν λιμένες νηῶν ὀχοί, οὐδ' ἐπιωγαί,
> ἀλλ' ἀκταὶ προβλῆτες ἔσαν σπιλάδες τε πάγοι τε… (Od. 5, 404–405)
> ‘Ведь не было ни гаваней, хранительниц кораблей, ни заводей,
> но были крутые выдающиеся берега, и утесы, и скалы’;

а также характеризует непригодность Итаки для коневодства:

> ἐν δ' Ἰθάκῃ οὔτ' ἄρ δρόμοι εὐρέες οὔτε τι λειμών·
> αἰγίβοτος, καὶ μᾶλλον ἐπήρατος ἱπποβότοιο (Od. 4, 605–606)
> ‘Ведь на Итаке нет ни широких ристалищ, ни луга: она только
> пастбище для коз, но любезнее, чем пастбища для коней’.

Структура и поиски этимологии

Структура образований λιμήν и λειμών демонстрирует глубокую древность: они содержат чередование гласных и в корне, и в суффиксе. Полная и нулевая огласовка корня представлена в *lei- /*li-. Если аблаут в корне является обычным, то

[5] Ср. Puhvel 1969: 69: «In the Homeric polarization of Greek afterlife-notions [Ἠλύσιον πεδίον] was reapplied to the intrusive Mediterranean tradition of live removal by divine favour to a zephyr-warmed land of bliss (whereas by inconsistency λειμών stuck with Hades, who also kept his horses».

в суффиксе представлены все три ступени чередования (*-men / *mōn / и *-mn-ā, если учесть и слово λίμνη ‘бассейн стоячей воды, оставленный морем или рекой’, ‘болотистое озеро, болото’ и даже ‘агора’, куда собираются люди), что является большой редкостью. Этимологические словари и грамматики греческого языка отмечают изолированный характер группы λιμήν и λειμών: так, П. Шантрен говорит об их древности и изолированности[6], Э. Швицер указывает, что за исключением нескольких двусоставных прилагательных (таких как βαθύλειμος или εὐλίμενος) λιμήν и λειμών не образовывали производных[7]; Э. Бенвенист (Benveniste 1935: 123) также подчеркивал, что имена на -μην составляют достаточно немногочисленную группу, и указывает, что значение ‘влага, болото, стоячая вода’ связывает на первый взгляд отдаленные значения ‘луг’ и ‘порт’[8].

Несмотря на изолированность изучаемых имен, их структура отчетливо носит черты индоевропейского слова, поэтому неоднократно предпринимались попытки найти соответствия в других родственных языках. Кроме уже указанных мнений Э. Швицера и П. Шантрена, предпринималась попытка связать λειμών, λιμήν и λίμνη с лат. *līmus* ‘косой’ и *līmen* ‘порог’ с исходным значением ‘глубокое, низкое место, залив’. Предполагалась связь с лат. *līmus* ‘грязный’ с предполагаемым начальным *s*-, однако составитель последнего этимологического словаря древнегреческого языка Р. Беекес и эту попытку принимает сдержанно[9].

---

[6] «Le suffixe (scil. -μών – V. K.) est attesté dans les mots les plus divers et dans les textes les plus anciens. Un certain nombre de noms, de structure archaïque, ne peuvent plus se rattacher à aucune racine à l’intérieur du grec...» (Chantraine 1933: 170); «Tous ces noms divers, dont quelques-uns suivent une nexion avec généralisation de la longue à tous les cas, appartiennent au fond le plus ancien de la langue et n’entrent dans aucune famille de mots grecs » (Chantraine 1933: 170). Ср. также Р. Бейкес: «The primary formations λειμών, λιμήν, λίμνη show old ablaut in both stem and suffix. They are isolated in Greek, and have no outer-Greek counterpart. One might start from an old paradigm nom. *lei-mōn, acc. li-men-m, gen. *li-mn-os» (Beekes 2010: II, 844).

[7] «Das geschlechtige Suffix -me/on- zeigt wenige, besonders adjektivische Neubildungen. Die etymologisch zusammengehörigen λιμήν m. ‚Hafen‘, thess. ‚Markt‘ (wozu λίμνη) und λειμών m. ‚Wiese‘ (βαθύλειμος, εὐλίμενος) bilden kein Paradigma mehr» (Schwyzer 1953: 521–522).

[8] Benveniste 1935: 123) «Entre λειμών ‘prairie humide’ et λιμήν ‘port’, le lien sera probablement ‘humidité, marécage, nappe d’eau stagnante’».

[9] Ср. «For the etymology, only suppositions are at hand» (Beekes 2010: II, 844)

Имена, содержащие суффикс *-men

Нам кажется, что осторожно высказанное предположение Фриска о том, что «выражения со значением ‘лить’, например, древнерусское *lьjǫ* могут тоже обсуждаться» (Frisk 1960: 98, s.v. λειμών), заслуживает внимания. Однако, насколько нам известно, подобная попытка не предпринималась, хотя славянские языки дают целый ряд параллелй древнегреческому материалу.

В русском языке близким соответствием греческому λιμήν является древнерусское слово *лимень/лимен*, содержащее аналогичный греческому суффикс *-men. С точки зрения словоупотребления, *лимень* используется как для обозначения настоящей гавани (ср.: И ста Володимѣръ об онъ полъ град в лимени, вьдале град<а> стрѣлища единого – Ипат. Лет., 95; цит. по СРЯ 1981: 235, s. v. лимень), так и в переносном значении (вниде въ лимень сирѣчь пристанище, Х. Игн. См., 13. XIV в. ~ 1405 г.). Особенно показателен следующий контекст: кто поручитсѧ твоему доброплутью. не оудостиже в лимень покоıа… и ѥще ѥси в житьи пучины. Не пожди на сѧ оувѣдѣти колма зло ѥсть немл(с)рдье (ГБ XIV, 1046; цитируется по СРЯ 1991, s.v. лимень).

При описании этого слова составители словарей (СДРЯ 1991, s.v. лимень; СРЯ 1981: 235, s.v. лимень) упоминают и греческое соответствие, однако неясно, считают ли они это слово заимствованием из греческого или родственным греческому древнерусским словом; Фасмер, впрочем уверенно указывает, что слово лимень является греческим заимствованием (Фасмер 1986: 497, s.v. лимень). При таком подходе оказывается, что судьба древнерусского слова *лимень/лимен* изобиловала приключениями: слово сначала было заимствовано из древнегреческого в древнерусский, потом из древнерусского (или же из среднегреческого) попало в тюркские языки и приобрело форму *лиман*; именно в этой форме слово вернулось в русский язык, вытеснило более раннюю форму и окончательно в нем укрепилось [10] . Идея заимствования древнерусского *лимен/лимень* нам кажется маловероятной потому, что, как показывают приведенные тексты, для этой лексемы фиксируется весьма широкий круг значений: ‘пристань, порт’, ‘гавань’, метафорическое значение ‘гавань покоя’, т. е. почти все

[10] См. например, словарь М. Фасмера (Фасмер 1986, II: 497).

значения греческого слова. Между тем, как правило, настоящие заимствования перенимают только одно основное значение заимствованного слова (или по крайней мере, весьма ограниченное количество значений).

Кроме того, *лимень* имеет вполне закономерное соответствие в латышском существительном *liẽmenis* < *lei-men-is ‘болото, влажная котловина’, которое Р. Дерксен относит к латышскому глаголу *líe-ti* ‘лить’, и которому, несомненно, родствен и славянский глагол *li-ti* ‘лить’[11]. Кстати, Р. Дерксен также не исключает возможности сопоставить liẽmenis с др.-гр. λειμών («seems comparable» – Derksen 2015: 543).

Итак, по словообразовательной модели латышское *liẽmenis* восходит к глаголу *líeti* ‘лить’ с суффиксом *-men / *mon, распространенном как в русских так и литовских гидронимах. Среди литовских гидронимов суффиксы *-men / *mon достаточно многочисленны. Часто они являются отглагольными образованиями, ср. *Lenk-muõ* (озеро) от *lenkti* ‘загибать’, *Merk-men-ỹs* (озеро) от *merk-ti* ‘промочить’, *Laš-muõ* (река) от l*ašė́ti* ‘капать’, Как имя нарицательное *lašmuõ* обозначает место в реке, которое не замерзает зимой, а также место, где река впадает в озеро (ср. лтш. *lasmenis* ‘незамерзающее место на озере’)[12]. Таким образом, можно сказать, что приведенный материал из русского, латышского и литовского языков, представленный образованиями с суффиксом *-men, демонстрирует скорее родство, чем случайное совпадение с древнегреческими примерами. Еще нагляднее это демонстрирует дериваты от того же корня *lei- / *li-, но образованные по другой словообразовательной модели:

лит. *iš-lajà* < *iš-lai-ā ‘разлившаяся вода’, ‘заливной луг’,

лит. už-laja < *už-lai-ā ‘заливаемое водой место’

Такую же словообразовательную модель представляет и русск. *за-лив*, а также *заловина* ‘заводь’ (Даль)[13]. Примеча-

[11] Заметим также, что в русском языке немалое количество названий водоемов образовано с суффиксом *-men.

[12] Другие примеры этого типа см. в монографии А. Ванагаса, посвященной образованию гидронимов Литвы (Vanagas 1970: 183–185 *et passim*).

[13] Из образований от глагола *залить* для обозначения местности, заливаемой водой, приведенных в словаре Даля (1955: 597, s.v. заливать), следует упомянуть *залив*, определяемый как «вода, влившаяся, вдавшаяся в землю, губа, заводь». Даль отдельно поясняет, что залив применяется к морю или озеру, и тем отличается от мелкого речного

тельно использование того же корня для обозначения *заливных* лугов (отметим, что такие луга – самые зеленые и цветущие).

Таким образом, на наш взгляд, несомненно архаичные древнегреческие λειμών ‘луг’ и λιμήν ‘гавань’ можно считать именами, образованными от глагольного корня *lei-/*li-, хотя сам этот глагол в греческом языке не сохранился; зато он сохранился славянских и балтийских языках. Производные в этих языках – древнерусское *лимен*, лтш. *liẽmenis* помогают вскрыть историю и исходное значение древнегреческих слов.

Литература

Beekes, R. 2010: *Etymological Dictionary of Greek*, with the assistance of L. van Beek. Vol. I–II. Leiden; Boston.

Benveniste, É. 1935: *Origines de la formation des noms en indo-européen*. Paris.

Chantraine, P. 1933: *La formation des noms en grec ancien*. Paris.

Chantraine, P. 1968–1977: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Vol. I–IV. Paris.

Dahl, V. I. 1995: *Tolkovy slovar’ zhivogo velikorusskogo yazyka* [*Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language*]. Vol. I–IV. Moscow.

Даль, В. И. 1955: *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. I–IV. Москва.

De Vaan, M. 2008: *Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages*. Leiden; Boston.

Derksen, R. 2015: *Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon*. Leiden; Boston.

Frisk, Hj. 1960: *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I–II. Heidelberg.

Kirk, G. S. 1985: *The Iliad, A Commentary*. Vol. I: *Books 1–4*. Cambridge; New York; New Rochelle.

Liddell, H. G., Scott, R. 1968: *A Greek-English Lexicon, with a supplement*, revised and augmented throughout by H. S. Jones, R. McKenzie. Oxford.

Page, D. L. 1961: *Euripides, Medea*, text edited with introduction and commentary. Oxford.

Puhvel, J. 1969: Meadow of the Other World in Indo-European Tradition. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 83, 64–69.

Schwyzer, E. 1953: *Griechische Grammatik auf der Grundlage von Karl Brugmanns griechischer Grammatik*. Teil 1: *Allgemeiner Teil, Lautlehre, Wortbildung*, Flexion. München.

SDRYa 1991: Avanesov, R. I. (ed.). *Slovar’ drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [*Old Russian dictionary (XI–XIVcentures)*], Vol. IV. Moscow.

залива, который называется «заводью»; также называется *заливной луг*, который Даль поясняет причастием «заливаемый».

СДРЯ 1991: *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Том IV / под ред. Р. И. Аванесова. Москва.

SRYa 1981: Filin, F. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka (XI–XVII vv.)* [*Russian dictionary (XI–XVII centuries)*]. Part 8. Moscow.

СРЯ 1981: Словарь русского языка (XI–XVII вв.) / под ред. Ф. П. Филина. Вып. 8. Москва

Vanagas, A. 1970: *Lietuvos TSR hidronimų daryb*a. Vilnius.

Vasmer, M. 1986: *Etimologocheskiy slovar' russkogo yazyka* [*Etymological dictionary of the Russian language*] / Transl. and add. by O. N. Trubachyov. Vol. I–IV: Moscow: «Progress» Publ.

Фасмер, М. 1986–1987: *Этимологический словарь русского языка* / пер. и доп. О. Н. Трубачёва. Т. I–IV М.: «Прогресс».

V. P. Kazanskiene. Greek λειμών and λιμήν: history and origin

The article analyzes Ancient Greek words λειμών and λιμήν that are usually viewed by modern linguists as a word group that is isolated in Ancient Greek and does not correspond to any formations in other Indo-European languages. It is shown that the word family λειμών, λιμήν and their derivatives find a number of close parallels in Baltic and Slavic languages that are comparable not only form the point of view of morphology, but also from the point of view of semantics and word usage. Thus, it is possible to λειμών and λιμήν with Russ. лить, Lith. líeti, Latv. líeti and their derivatives.

Key words: λειμών 'meadow', λιμήν 'harbour', etymology.

DOI:10.30842/ielcp230690152247

М. Н. Кириллова

О ЧЕМ БЫЛ «ЗАКОН БОЖЕСТВЕННОГО АВГУСТА»?

Данная статья анализирует сведения о неизвестном «законе божественного Августа», имеющиеся в трактатах римских землемеров. Согласно этим сведениям, закон содержал положения, касающиеся лимитов – общественных дорог, которыми формировалась территория римских колоний, а также некое предписание передавать поселенцам земли, «где пройдет серп и плуг». Основываясь на имеющихся сведениях о содержании аграрных законов, автор приходит к выводу, что эти предписания могли содержаться в одном из законов Августа о выводе колоний, а фраза про серп и плуг должна была обозначать легкую для обработки землю.

Ключевые слова: римские землемеры, аграрные законы, Август, Цезарь, Цицерон.

Важным и сложным источником о римском землепользовании и многих, тесно связанных с ним проблемах, является корпус римских землемерных сочинений. Это группа текстов, включающая в себя достаточно пространные трактаты, датируемые концом I–II вв. н. э., «книги колоний», содержащие в себе перечень регионов Италии с указанием, каким образом и когда были размежеваны те или иные области, датируемые IV в. н. э., а также ряд небольших, до сих пор достаточно слабо изученных сочинений. В целом, следует констатировать, что эти тексты пока что привлекали не так много исследовательского внимания и в целом малоизвестны. В качестве доказательства этого тезиса можно привести следующий факт: в авторитетной трехтомной «Истории римской литературы» М. фон Альбрехта представлен только самый ранний и прославленный военными сочинениями автор землемерных трактатов Секст Юлий Фронтин[1], остальные же лишь перечислены, два

[1] Не так давно, впрочем, встал вопрос о том, стоит ли отождествлять автора агрименсурных сочинений с автором «Стратегематы» и сочинения о водопроводах. Аргументы за и против представлены в работах Б. Кэмпбелла (Campbell 1996: 76; 2000: xvii-xviii). Отметим лишь, что лингвистического анализа сочинений Фронтина и «псевдо-Фронтина» до сих пор не предпринималось: возможно, именно его результаты вывели бы дискуссию на новый уровень.

автора по имени Гигин сочтены одним и тем же (von Albrecht 2004: 1353–1354).

В землемерных сочинениях нередко упоминаются римские политические деятели, проводившие земельные раздачи. Достаточно часто упоминается Август, в частности три раза – некий «закон божественного Августа», а также эдикты и некая конституция. Закон упоминается в единственном числе во всех случаях, в отличие от неких «эдиктов» Августа (CAR: 118: *quaedam divi Augusti edicta*). Этот «закон божественного Августа» не остался незамеченным исследователями (Chouquer 2016: 76), однако до сих пор специальное исследование вопроса, что представлял собой этот «закон» и в связи с чем он был принят, насколько нам известно, отсутствует. Рассмотрим сведения о нем более подробно.

Землемеры ссылаются на «закон божественного Августа» в двух случаях. В первом случае речь идет о ширине, которую необходимо придать лимиту. Лимит представлял собой общественную дорогу, которая имела большое значение для формирования территории римской колонии. Эти дороги пересекались друг с другом под прямым углом и делили землю на квадратные участки – центурии, так что план римской колонии, земля которой размежевана таким образом, похож на шахматную доску.

Землемер Гигин Громатик сообщает следующее:

> *Limitibus latitudines secundum legem et constitutionem diui Augusti debemus, decimano maximo pedes XL, kardini maximo pedes XX, actuariis [autem] limitibus omnibus decimanis [et] kardinibus pedes XII, subrunciuis pedes* VIII. (CAR: 157)
>
> ‘Согласно закону и установлению божественного Августа мы должны (придать) лимитам следующую ширину: декуману максиму 40 футов, карду максиму 20 футов, всем актуарным лимитам, декуманам и кардам – 12 футов, субрунцивам – 8 футов’.

Декуманом Максимом и Кардо Максимом называли главные лимиты, формировавшие «систему координат» колонии (CAR: 11, 132). Параллельно им проводились другие, менее широкие, лимиты (CAR: 69–72). Очевидно, что уточнение ширины разных типов лимитов было важно для уточнения сетки межевания, это положение «закона Августа» должно было сделать её и более наглядной, и более понятной. Скорее

всего, на это же были ориентированы и нововведения Августа, касающиеся межевых камней: по сведениям Гигина Громатика, именно Август первый начал надписывать на межевых камнях номера лимитов (CAR: 136–137). Безусловно, все эти меры должны были сказаться на том, насколько успешно данные земельных раздач стали фиксироваться на планах колоний (CAR: 73, 118, 165): каждая центурия (и, как следствие, данные о её землях) могла быть отмечена на плане ещё и в соответствии с её положением относительно главных лимитов.

Смысл второго – и наиболее цитируемого – положения, содержавшегося в «законе Августа», уже менее очевиден. Так, оно упоминается у Гигина Громатика в «Установлении лимитов»:

> *Adsignare agrum secundum legem diui Augusti eatenus debebimus, qua falx et arater exierit; nisi ex hoc conditor aliquid immutauerit.* (CAR: 164)
>
> ‘Мы должны будем приписать поле по закону божественного Августа там, где мог бы пройти серп и плуг; если только основатель (колонии) ничего не поменяет из этого’.

Из трактата Гигина Старшего «О лимитах»:

> *Sed quacumque parte inscribis, siue ultra siue citra, siue dextra siue sinistra mensura territorii usque fieri debet secundum legem diui Augusti QVA FALX ET ARATER IERIT. in forma generatim enotari debebit LOCA CVLTA et INCVLTA, SILVAE.* (CAR: 73)
>
> ‘Но всюду где ты частями подписываешь, либо верхняя и нижняя, либо правая и левая[2], измерение территории непрерывно должно происходить, согласно закону божественного Августа, «где будет проходить серп и плуг». На плане в зависимости от вида мы должны будем подписать «места обрабатываемые» и «необрабатываемые, леса».

Фиксированность выражения, упоминаемой землемерами, – *qua falx et arater ex*(*ierit*),[3] – наводит на мысль о том, что оно

---

[2] Здесь имеется в виду процесс обозначения частей поля на плане колонии: Decumanus Maximus делил поле на правую и левую части, Kardo Maximus – на верхнюю и нижнюю.

[3] Это же постановление цитирует неизвестный автор сочинения, озаглавленного Centuriarum quadratarum deformatio, sive mensurarum diversarum ritus, «Получение квадратных центурий, или порядок различных межеваний» (SRF I: 246: falx et aratrum ierit) (Campbell 2000: 242). Источник приписывает это решение «Цезарю», однако, с учетом других данных землемеров, следует конечно же понимать под «Цезарем» Августа (Campbell 2000: 443). Это постановление также

восходит к какому-то источнику – очевидно, в таком виде эта фраза и должна была фигурировать в «законе Августа». Следует особо отметить термин *arater* в значении ‘плуг’: употребление этого слова можно встретить только в трактатах землемеров. Рукопись Arcerianus A – самый древний список землемеров, датированный VI в. н.э., фиксирует вариант написания *falx et aratrum*.

Обратимся к имеющимся у нас сведениям о содержании римских аграрных законов, а именно – к вопросу о наличии в них положений об особенностях устройства колоний и передаваемых поселенцам земель. Несмотря на относительную многочисленность сведений об аграрной реформе Гракхов, судить об этой стороне их законов сложно. Однако Аппиан, освещая проведение аграрной реформы, сообщает, что некоторые землевладельцы были перемещены на не подходящие для обработки территории, болота или бросовые земли (App. b.c. II. 18). Достаточно сложно судить о том, насколько сведения Аппиана соответствуют реальной ситуации, однако, по меньшей мере, страх оказаться на непригодных для земледелия территориях они отражают.

Судить об аграрном законодательстве I в. до н. э. достаточно сложно, в первую очередь ввиду крайней лаконичности источников. Землемеры упоминают про сулланские ассигнации, однако в целом нельзя сказать, чтобы мероприятия Суллы в этой области были подробно освещены[4]. В письме к Аттику, датированном январем 60 г. до н. э., Цицерон сообщает, что Флавием был обнародован аграрный закон, «совершенно легкомысленный, почти такой же, каким был закон Плотия»[5] (Cic. Att. I.18.6: *agraria autem promulgata est a Flavio, sane levis, eadem fere quae fuit Plotia*). В следующем письме Цицерон более подробно раскрывает сущность закона: как и закон Рулла, он предполагал покупку земли на средства, поступившие от

настаивает на том, что в собственность может быть передана только земля, по которой прошел серп и плуг.

[4] В землемерных трактатах упоминаются лимиты Гракхов и Суллы, которые служили для ассигнаций в более поздние времена, однако об их особенностях ничего не известно (CAR: 129–130).

[5] С точки зрения Э. Габбы, закон Плотия мог обсуждаться в 70 или 69 г. до н. э., поскольку именно в этот год консулами были Помпей и Красс, его целью могло быть наделение землей ветеранов Помпея, вернувшихся из Испании (Gabba 1973: 446–447).

государственных откупов (Cic. Att. I.19.4), однако иных подробностей о содержании этих законов у нас нет.

Примерно то же самое можно сказать об аграрных законах Цезаря. Так, известно, что в 59 г. до н.э. Гай Юлий Цезарь стал консулом и добился принятия аграрного закона, против воли сената и Марка Бибула (Liv. Per. 103; Suet. Jul. 20.1). Данный закон предполагал переселение городского плебса на «всю общественную землю, кроме Кампании», а также покупку земли на средства, полученные от военных кампаний Помпея и недавно введенных налогов (Dion. Cass. XXXVIII. 1). Второй аграрный закон Цезаря был посвящен разделу Кампанского поля (Plut. Cat. Iun. 31, 33; Suet. Iul. 20.1; 3; Dion. Cass. XXXVIII. 7). В соответствии с *lex Vatinia* Цезарь основал Novum Comum (Suet. Iul.28.3); о других его аграрных мероприятиях в Галлии ничего не известно. К основанию колоний он возвращается уже после своей победы над Помпеем (Liv. Per. 125; Suet. 38.1). Таким образом, сведения об аграрных мероприятиях Цезаря весьма скудны. М. Кроуфорд предлагает считать сохранившийся в корпусе землемерных сочинений текст, озаглавленный «Закон Мамилия Росция Педуцея Алиена Фабия» (SRF I: 264–265; Campbell 2000: 216–218), частью lex Julia agraria (Crawford 1989). Аргументы М. Кроуфорда, в целом, убедительны, однако дискуссию о происхождении этого текста еще нельзя считать завершенной. Если гипотеза М. Кроуфорда верна, то аграрные законы действительно могли содержать подробности, связанные с организацией территории колонии: так, в тексте «закона Мамилия Росция Педуцея Алиена Фабия» содержатся положения, касающиеся защиты лимитов и межевых камней.

Наиболее подробны наши сведения о rogatio Servilia agraria (63 г. до н. э.), поскольку до нас дошли три речи Цицерона, обращенные против этого законопроекта. Формально он был подготовлен Публием Сервилием Руллом, народным трибуном: какие бы то ни было подробности его биографии нам не известны. Цицерон в своих речах намекает, что за этим законопроектом мог стоять кто-то более влиятельный: большинство исследователей считает, что это были Цезарь и Красс, некоторые (Gurvich 1949: 246–248; Gargola 1995: 15) отмечают, что он мог быть выгоден Помпею, есть также мнение, согласно которому закон мог быть личной инициативой Рулла (Gruen 1974: 389).

Целью Цицерона было не допустить принятия аграрного закона, и в своих речах он дал подробнейшую и довольно разноплановую критику его положений: начиная от принципов избрания децемвиров для его реализации и заканчивая самой идеей вывода ветеранских колоний. Среди прочего его нападкам подвергается и то, как в законе был прописан принцип приобретения земли для колоний (Cic. leg.agr. II.66). Затем он задается следующим вопросом:

> *Age, non definis locum; quid? naturam agri? 'Vero,' inquit, 'qui arari aut coli possit.' 'Qui possit arari,' inquit, 'aut coli,' non qui aratus aut cultus sit*. (Cic. leg.agr. II.67)
> ‘Хорошо, не уточняешь место. А качество почвы? «Ну да, – говорит он, – (поле), которое можно распахать или обработать». Можно распахать, говорит он, или обработать, но не распаханное или обработанное’.

Таким образом, объектом критики Цицерона становится расплывчатая формулировка законопроекта: в ней не содержится прямой гарантии, что полученные земли будут пахотными. С точки зрения Цицерона, не существует такой земли, которую нельзя было бы распахать или обработать (Cic. leg.agr. II.66–67). Он приходит к выводу, что землю продадут либо владельцы, получившие ее благодаря проскрипциям Суллы, поскольку они не уверены в своих правах на нее, или же те, кто живет в нездоровой местности (Cic.leg.agr. II.70). Безусловно, мотивы Цицерона едва ли сводились только к борьбе за народное благо, но положение, содержащееся в законопроекте Рулла, действительно выглядит очень общим.

То, что не любая земля, вопреки высказыванию Цицерона, была пригодна для обработки, мы видим, однако, на примере сообщений Колумеллы о том, как следует готовить землю для посевов: его указания на этот счет отличаются редкой подробностью. В частности, он говорит, как превратить в ниву лесистый участок (Col. II.1.5). Колумелла предлагает корчевать или рубить деревья, что касается камней, то их стоит либо собрать, либо, если их особенно много, частично сделать фундаментом для зданий, а частично сбросить в специально вырытый для этого ров: «Это, впрочем, стоит делать только в том случае, если рабочие дешевы» (Col. II.2.8). Разумеется, такую обработку земли мог позволить себе только состоятельный хозяин, для простого ветерана эта была неподъемная

задача. Об обработке болотистых мест Колумелла подробно не сообщает – кроме разве что того, что слишком влажный участок нужно осушить с помощью дренажных каналов. Это не удивительно, поскольку Колумелла, вслед за более ранними авторами сельскохозяйственных трактатов, настоятельно советует приобретать имение в здоровой местности.

Фраза *qua falx et arater exierit* достаточно метафорична, однако рискнем предположить, что эта метафоричность не случайна. Вполне возможно, что она должна была подчеркнуть то, что передаваемая поселенцам земля не должна была нуждаться в более сложных средствах обработки. Хотя и не уточняется, о каком именно плуге идет речь, можно предположить, что о самом простом: и в I в. н. э. достаточно распространенным был плуг, который Плиний назвал «обычный кол с клювом» (Sergeenko 1956: 127).

Насколько это постановление закона Августа в действительности решало проблему? О проблемах, связанных с трактовкой закона, сообщает Гигин Младший:

> Haec lex habet suam interpretationem. quidam putant tantum cultum nominari: ut mihi uidetur, utile<m> ait agrum adsignare oportere. hoc erit ne accipienti siluae uniuersus modus adsignetur aut pascui. (CAR: 166)
>
> ‘Этот закон интерпретируют по-разному. Некоторые полагают, что имеется в виду уже возделанная земля. Мне же кажется, что нужно раздавать землю, пригодную к обработке, то есть, чтобы получающему (участок) не были приписаны только леса и пастбища’.

Таким образом, можно говорить лишь о частичной ясности, которую вносило постановление Августа. Мятеж легионов в Паннонии, случившийся в начале правления Тиберия, показывает, что, несмотря на закон Августа, который должен был защищать права ветеранов, страх оказаться поселенными на неплодородных землях был по-прежнему сильным. По сообщению Тацита, в ходе мятежа воины высказывали недовольство как буднями своей службы, так и тем, что «если кто, несмотря на столько превратностей, все-таки выживет, его гонят к тому же чуть ли не на край света, где под видом земельных угодий он получает болотистую трясину или бесплодные камни в горах» (Tac. Ann. I.17.5: ac si quis tot casus vita superaverit, trahi

adhuc diversas in terras ubi per nomen agrorum uligines paludum vel inculta montium accipiant).

Мы можем заключить, что законы о земельных раздачах были достаточно подробными и включали положения, касающиеся практического устройства колоний. Римские землемеры неоднократно упоминают «закон божественного Августа», в котором была прописана как ширина разных типов лимитов – дорог, деливших территории колонии на равные участки, а также определялось качество земли, используемой под частные участки колонистов. Безусловно, для того, чтобы стать еще более ясным, положение о качестве земли «закона Августа» нуждалось в дальнейших уточнениях (например, сделанных на основании особенностей занятия сельским хозяйством в разных районах Римской империи)[6]. Однако римское земельное право остановилось на той формулировке, которая была предложена Августом. Во многом это было связано с тем, что в 13 г. до н.э. были установлены максимальные сроки военной службы и размер денежных выплат, которые ветераны получали по выходе в отставку (Dion. Cass. LIV.25.5). В результате этого решения основание ветеранских колоний перестало быть обязательным, и, как следствие, вопрос о регламентации процедуры земельных раздач уже не был таким насущным.

Литература

Albrecht, M. von. 2004: *Istoriya rimskoy literatury* [*History of Roman Literature*]. Vol. 2.
Альбрехт, М. фон. 2004: *История римской литературы*. Т. 2.
Campbell, B. 1996: Shaping the Rural Environment: Surveyors in Ancient Rome. *Journal of Roman Studies* 86, 74-99.
Campbell, B. 2000: *The Writings of the Roman Land Surveyors*. London.
Chouquer, G. 2016: *Les catégories de droit agraire à la fin du IIe s. av. J.-C. (sententia Minuciorum de 117 av. J.-C. et lex agraria de 111 av. J.-C.).* Paris.
Crawford, M. H. 1989: Lex Iulia agraria. *Athenaeum* 66, 179–190.
Gabba, E. 1973: *Esercito e società nella tarda repubblica romana*. Firenze.

[6] Можно ожидать, что различные географические и климатические условия должны были формировать разные типы хозяйств и влиять на размер и состав передаваемых колонистам участков, однако единственным официально принимавшимся во внимание при земельных раздачах показателем (помимо разбираемого установления Августа) были успехи на военной службе (CAR: 141).

Gargola, D. J. 1995: *Lands, Laws, and Gods. Magistrates and Ceremony in the Regulation of Public Lands in Republican Rome*. London.
Gruen, E. S. 1974: *The Last Generation of the Roman Republic*. Berkeley.
Gurvich, P. B. 1949: [Cicero and lex Servilia agraria]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 241–250.
Гурвич, П. Б. 1949: Цицерон и lex Servilia agraria. *Вестник древней истории* 2, 241–250.
Sergeenko, M. E. 1956: [The Italic Plough]. *Vizantiyskiy vremennik* [*Byzantine chronicle*] 9, 117–127.
Сергеенко, М. Е. 1956: Италийский плуг. *Византийский временник* 9, 117–127.

Список сокращений

CAR – Corpus agrimensorum romanorum / ed. C. Thulin. Lipsiae, 1913.
SRF – Schriften der Römischen Feldmesser / Eds Blume F., Lachmann K., Mommsen Th., Rudorff A. B., 1848–1852. Bd I–II.

M. N. Kirillova. What was the content of *lex divi Augusti*?

This article concerns the problem of *lex divi Augusti*, the unknown law of the divine Augustus, which was partly described by the Roman land surveyors. According to the sources, this law contained, firstly, some statements on the *limites*, the public roads which organized the territory of a typical Roman colony. These statements were meant to make the plan of a colony more visible. The second statement from this law prescribed the conditions of land suitable for assignations: it had to be the land, where "sickle and plough would go". We do not have much information on agrarian laws of the Roman Republic, the only law we can analyze is *rogatio Servilia agraria* as its content was described by Cicero in details. He cited lines that seem alike to the phrase about sickle and plough. This fact proves that agrarian laws could have contained such information and 'the law of the divine Augustus' apparently was an agrarian law prescribing the foundation of new colonies. This statement might have meant that the land assigned to the colonists had to be easy to cultivate – by means of sickle and plough only.

Keywords: roman land surveyors, *leges agrariae*, Augustus, Caesar, Cicero.

DOI:10.30842/ielcp230690152248

С. Д. Клейнер

«УВИДЯТ ЦАРСТВО БОЖИЕ, ПРИШЕДШЕЕ В СИЛЕ»: ГРЕЧЕСКИЕ ЗАВИСИМЫЕ ПРИЧАСТИЯ В ГОТСКОМ ОТРАЖЕНИИ*

В статье рассматривается готское отражение причастий, описывающих действие, зависимое от глагола «видеть» и «слышать»; это действие может быть как продолжающимся, так и завершенным. Ожидается, что так как в готском языке присутствует категория вида, переводчик как-то отразил бы завершенность действия, выраженного причастием, однако этого не происходит. Единственно возможный вывод – кодирование перфективности лексическими, а не грамматическими и морфологическими средствами в готском языке.

Ключевые слова: готский язык, выражение перфективности.

Конструкция видеть/слышать + зависимое событие – не редкость в индоевропейских языках. При этом зависимое событие может быть как законченным, то есть, наблюдатель видел его целиком, – так и не законченным, когда наблюдатель видит действие «в процессе», но еще не завершенным.

Как показывают Д. Берточчи, С. Родегьеро и Э. Санфеличе (исследование представлено на конференции Varition and Contact in Indo-European Languages: Between Linguistics and Philology, Пиза, 19–20 апреля 2018 г.; публикация готовится к печати), в греческом языке зависимое от глагола наблюдения событие передается причастием, причем имперфективное действие выражается презентным, а перфективное – аористным причастиями:

(1) οἳ δ᾽ ὡς οὖν εἶδονθ᾽ Ἑλένην ἐπὶ πύργον **ἰοῦσαν** (Hom. Il. 3.154)
‘когда они увидели, что Елена идет на башню’.

(2) προεῖπε τῷ στρατῷ, ὅταν διαβατὸν τὸ ῥέεθρον ἴδωνται γενόμενον, ἐσιέναι ταύτῃ ἐς τὴν πόλιν (Hdt I.191.6)
‘сказал войску войти в город, когда они увидели, что река стала преодолимой вброд’.

В примере (1) троянцы видят, как Елена идет на башню, и на фоне этого события разговаривают. В примере (2) река спер-

* Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 17-04-00228 «Выражение перфективности в древних индоевропейских языках и проблемы праязыковой реконструкции».

ва стала преодолимой, затем это заметили – и затем поступил приказ взять город.

Аналогичные различия, хотя и выраженные иначе, были замечены и для латинского и древнеирландского языков. В этой связи интересно проследить, как с такими ситуациями справляется готский переводчик. Данное исследование посвящено описанию событий, зависимых от глаголов *hausjan* ‘слышать’ и *saihvan* ‘видеть’.

В подавляющем большинстве случаев греческий оригинал Евангелия в тех частях, соответствие которым есть в готском языке, содержит презентные причастия. Готский текст ожидаемо передает их при помощи активного причастия с суффиксом *-nd-*:

(3) jah hvarbonds faur marein Galeilaias gasahv Seimonu jah Andraian broþar is, þis Seimonis, **wairpandans** nati in marein; wesun auk fiskjans.
καὶ παράγων παρὰ τὴν θάλασσαν τῆς Γαλιλαίας εἶδεν σίμωνα καὶ Ἀνδρέαν τὸν ἀδελφὸν Σίμωνος **ἀμφιβάλλοντας** ἐν τῇ θαλάσσῃ: ἦσαν γὰρ ἁλιεῖς.
‘Проходя у моря Галилейского он увидел Симона и Андрея, брата Симона, забрасывающих сеть в море, ибо они были рыбаками’ (Мк 1:16)

Иногда готский язык использует пассивное причастие. Обычно оно соответствует медиопассивному причастию в греческом языке:

(4) jah suns usgaggands us þamma watin gasahv **usluknans** himinans jah ahman swe ahak atgaggandan ana ina.
καὶ εὐθὺς ἀναβαίνων ἐκ τοῦ ὕδατος εἶδεν **σχιζομένους** τοὺς οὐρανοὺς καὶ τὸ πνεῦμα ὡς περιστερὰν καταβαῖνον εἰς αὐτόν:
‘И быстро выйдя из воды он увидел, как небеса отворяются, и Дух, словно голубь, снисходит на него’ (Мк 1:10)

В одном случае греческое активное причастие передается пассивным причастием в готском:

(5) þanuh andhafjand jah þai qiþandans: frauja, hvan þuk sehvum gredagana aiþþau **afþaursidana** aiþþau gast aiþþau naqadana aiþþau siukana aiþþau inkarkarai?
τότε ἀποκριθήσονται καὶ αὐτοὶ λέγοντες, κύριε, πότε σε εἴδομεν πεινῶντα ἢ **διψῶντα** ἢ ξένον ἢ γυμνὸν ἢ ἀσθενῆ ἢ ἐν φυλακῇ;
‘Тогда они ответят ему, говоря: «Господи, когда мы видели тебя голодающим, испытывающим жажду, гостем, нагим, больным или в тюрьме?»’

Это связано с тем, что готский глагол þaursjan не способен принимать подлежащее в именительном падеже и используется с аккузативным подлежащим, являясь каузативом с буквальным значением «сушить» (ср. русское *меня тошнит*). Соответственно, причастие от него может быть только пассивным, что подтверждается соответствием þaursidai – διψῶμεν в 1 Кор 4:11.

Нередко, впрочем, готский язык предпочитает другие формы передачи действий. Это могут быть прилагательные:

(6) hvanuh þan þuk sehvum **siukana** aiþþau in karkarai jah atiddjedum du þus?
πότε δέ σε εἴδομεν **ἀσθενοῦντα** ἢ ἐν φυλακῇ καὶ ἤλθομεν πρός σε;
‘Или же когда видели тебя больным или в тюрьме и пришли к тебе?’ (Мф 25:39)

А также – accusativus cum infinitivo:

(7) swah jah jus, þan gasaihviþ **þata wairþan**, kunneiþ þatei nehva sijuþ
οὕτως καὶ ὑμεῖς, ὅταν ἴδητε ταῦτα **γινόμενα**, γινώσκετε ὅτι ἐγγύς ἐστιν
‘Также и вы, когда увидите, как это будет происходить, знайте, что близко’ (Мк 13:29)

Аористное причастие, выражающее зависимое событие, удалось обнаружить только одно, и можно видеть, что для готского языка последовательного отображения этого события как законченного не наблюдается:

(8) qaþ þan du im: gasahv Satanan swe lauhmunja **driusandan** us himina.
εἶπεν δὲ αὐτοῖς, ἐθεώρουν τὸν σατανᾶν ὡς ἀστραπὴν ἐκ τοῦ οὐρανοῦ **πεσόντα**.
‘И он сказал им: я видел Сатану, упавшего с неба, как молния’ (Лк 10:18)

Сам по себе этот пример служит подтверждением того, что в греческом языке аористные причастия действительно воспринимаются как описывающие свершенное действие: упасть, как молния, – это одномоментный процесс, который очевидно наблюдался во всей своей полноте. Однако в готском варианте нет никакого указания на завершенность процесса – у глагола driusan «падать» нет даже приставки. К сожалению, это единственный пример с аористным причастием в греческом языке – и на его основании сложно делать какие бы то ни было выводы.

Существует еще одна категория греческих причастий, которые встречаются в контексте зависимости от глагола «видеть/слышать». Речь идет о перфектных причастиях.

Греческий перфект периода койне выполняет функцию настоящего завершенного (Gerb, von Stechow 2003). Возможно, эта завершенность каким-то образом отражается и в готском переводе?

Большинство засвидетельствованных в Евангелии зависимых перфектных причастий – медиопассивные. В готском они передаются при помощи пассивных причастий.

(9) jah in maurgin faurgaggandans gasehvun þana smakkabagm **þaursjana** us waurtim.
καὶ παραπορευόμενοι πρωῒ εἶδον τὴν συκῆν **ἐξηραμμένην** ἐκ ῥιζῶν.
‘И проходя утром, они увидели смоковницу, засохшую от корней’ (Мк 11:20).

Существует один пример, в котором готский переводчик расходится с греческим оригиналом и использует пассивное причастие вместо активного.

(10) jah qaþ du im: amen, qiþa izwis þatei sind sumai þize her standandane, þai ize ni kausjand dauþaus, unte gasaihvand þiudinassu gudis **qumanana** in mahtai.
καὶ ἔλεγεν αὐτοῖς, ἀμὴν λέγω ὑμῖν ὅτι εἰσίν τινες ὧδε τῶν ἑστηκότων οἵτινες οὐ μὴ γεύσωνται θανάτου ἕως ἂν ἴδωσιν τὴν βασιλείαν τοῦ θεοῦ **ἐληλυθυῖαν** ἐν δυνάμει.
‘И он сказал им: истинно говорю вам, что есть некоторые из здесь стоящих, которые не познают смерти пока не увидят царство Божие, пришедшее в силе’ (Мк 9:1)

Это не единичный пример использования страдательного причастия от qiman. В готском тексте есть еще 4 похожих примера. Вот один из них:

(11) ik im hlaifs sa libanda, sa us himina **qumana**
ἐγώ εἰμι ὁ ἄρτος ὁ ζῶν ὁ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ καταβάς
‘Я – живой хлеб, сошедший с неба’ (Ин 6:51)

Пассивные причастия от непереходных глаголов в готском редки. Помимо quman, так ведут себя глаголы *gawandjan* ‘возвращаться’ (Лк 10:21 *gawandiþs du siponjam seinaim qaþ* ‘вернувшись, сказал ученикам’), *rinnan* ‘бежать’ (Мк 1:33 jah *so baurgs alla garunnana was at daura* ‘и весь город сбежался к двери’), *wahsjan* ‘расти’ (Ин 9:23 *uswahsans ist* ‘взрослый’) и *wairþan* ‘становиться’ (Мф 11:23 m*ahteis þos waurþanons in izwis* ‘дела, случившиеся в вас’).

В позднее засвидетельствованных германских языках пассивные причастия от непереходных глаголов гораздо более частотны и в конечном итоге участвуют в оформлении перфектов (Traugott 1991, Abraham 1992), однако в готском они, судя по всему, ограничены глаголами движения и изменения состояния.

Таким образом, в готском языке разница между описанием законченного и продолжающегося события, выраженного зависимым причастием, не находит никакого отражения: прилагательные, причастия – и аккузативно-инфинитивный оборот используются в качестве синонимов. Исключением является глагол *qiman* приходить, пассивное причастие от которого обозначает завершенное действие.

Можно говорить о зачаточном состоянии перфективации готских пассивных причастий от непереходных глаголов движения и изменения состояния. При этом готский язык, судя по всему, не имел систематических инструментов для разграничения ситуаций вида «я видел, как он падал» и «я видел, как он упал». Это необычно для языка, в котором существует категория вида. Одно из возможных объяснений – отсутствие в готском языке грамматических показателей вида и наличие только лексического вида, когда сам глагол уже содержит видовой компонент и выражает либо законченное, либо продолжающееся действие.

Литература

Abraham, W. 1992: Event structure accounting for the emerging periphrastic tenses and the passive voice in German. *Explanation in Historical Linguistics* 84, 1–16

Bertocci D., Rodeghiero S., Sanfelici E. 2018: Aspectual distinctions under direct perception predicates. Paper for the conference: "*Variation and Contact in the Ancient Indo-European Languages: between Linguistics and Philology*". Pisa.

Gerb E.-K., von Stechow, A. 2003: Tense in time: The Greek perfect. In: Eckardt, R., von Heusinger, K., Schwarze, Ch. (eds.). *Words in Time. Diachronic Semantics from Different Points of View*. De Gruyter, 251–294.

Traugott, E. 1992: Syntax. In: Hogg R., ed., *The Cambridge History of the English Language I; Old English.* Cambridge: Cambridge University Press, 168–289.

S. D. Kleiner. «... before they see the Kingdom of God arrive in great power». Greek dependent participles in Gothic translations

The paper focuses on Gothic participles dependent on the verbs ‘to hear’ and ‘to see’. These participles can describe an ongoing or completed event, and Gothic being an aspectual language would be expected to reflect the difference. However, this turns out not to be the case, and the logical conclusion is that the Gothic aspect coded lexically, and not grammatically or morphologically.

Keywords: the Gothic Language, lexically coded perfective aspect.

DOI:10.30842/ielcp230690152249

A. Corso

OPERA NOBILIA AT PARION

Статья посвящена истории и судьбе скульптур, созданных выдающимися древнегреческими мастерами и установленных на западе Малой Азии в Парионе: бронзовая статуя Геракла, выполненная Гегесием, мраморная статуя Эроса Праксителя, а также (возможно) бронзовая статуя Париса Евфранора. Автор исследует исторические события, на фоне которых эти шедевры создавались. Так, Геракл Гегесия рассматривается в контексте включения Париона в Делосский союз, возглавлявшийся Афинами, а Эрос Праксителя и Парис Евфранора – в связи с политикой сатрапа Фригии Артабаза.

Ключевые слова: древнегреческая скульптура, Фригия, Парион, Пракситель, Гегесий, Евфранор.

In this article the masterpieces made by renowned Greek artists and set up at Parion are considered. They are: 1. A bronze statue of Herakles by Hegesias; 2. A marble statue of Eros by Praxiteles; and 3. Probably a bronze statue of Paris by Euphranor. The historical backgrounds of these creations are researched. Hegesias' Herakles may be understood in the context of the inclusion of Parion in the Delian League led by Athens. On the contrary the Eros by Praxiteles and the Paris by Euphranor should be seen in the context of the monumental policy promoted by the Satrap of Hellespontine Phrygia, Artabazos. The fortune of these statues after the classical period is also followed.

The aim of this article is to study the masterpieces made by renowned masters and set up at Parion in antiquity. The first of these works we are aware of was the bronze statue of Herakles by Hegesias, probably of the early 5th c. BC. This statue is recorded by Pliny, 34.78[1]: *Hagesiae in Pario colonia Hercules* (*scil.*: *laudatur*). Probably this sculptor is the same Atticized as Hegesias by Quintilian, 12.10.7[2]: *Similis in statuis differentia. Nam duriora et Tuscanicis proxima Callon atque Hegesias, iam minus rigida Calamis, molliora adhuc supra dictis Myron fecit.*

[1] About this passage, see *DNO* I, 472, n. 554, with previous bibliography.
[2] About this passage, see *DNO* I, 473, n. 555.

Thus Hegesias is regarded to have flourished in the same age of Kallon, a well known Aeginetan bronze sculptor who was active around 500 BC, before Kalamis[3].

This master is also known thanks to Lucian, *Rhetorum praeceptor* 9, who uses the Atticized form of the name too[4]: the writer of Samosata in this passage is speaking of ancient rhetorical models which are not easy to copy and compares them to works of old style of Hegesias and of the environment of Kritios and Nesiotes, characterizing their works with 4 typically art critical definitions: ἀπεσφιγμένα, compressed, νευρώδη, muscular, σκληρὰ, hard, and ἀκριβῶς ἀποτεταμένα ταῖς γραμμαῖς, meticulously defined in their contours.

From these three passages it is fair to conclude that this bronze sculptor was originally a Dorian, which is why his name was Hagesias, perhaps an Aeginetan, of the environment of Kallon. Then he may have moved to Attica where, as it is argued from the above cited passage by Lucian, he became part of the environment of Critius and Nesiotes, probably in the 470s. His style was typically severe, as the definition by Lucian suggests.

Of course Herakles was an appropriate presence in Mysia, a region associated with the son of Herakles, Telephos[5]. Moreover Herakles was the hero of the first Trojan War: in that conflict, he vanquished and killed king Laomedon. This myth was dear to the culture of the early 5th century[6] and may have been relevant to a *polis* so filled with Trojan memories as Parion.

---

[3] About Kallon, see, *DNO* I, 205–210 and 407–409. Although the team which compiled the new Overbeck distincts the bronze sculptor Kallon with two *lambda* from Aegina from the bronze sculptor also from Aegina Kalon with one *lambda*, I believe they are the same person. The chronology of Kallon is argued from the information provided by Pausanias, 2.32.5, that he was a pupil of Tektaios and Angelion and by the detail given by Pausanias, 3.18.7, that he was contemporary of Kanachos the Elder: thus he flourished in the late 6th c. This period is consistent with the date of the two inscriptions signed by Kalon which is 500–490 BC. The old thesis that Hegesias is the same master also known as Hegias is no longer accepted because Hegesias is argued by the testimonies of Quintilian and Lucian to have flourished earlier than Hegias.

[4] About this passage see *DNO* I, 473–474, n. 556.

[5] See *LIMC* VII, 856–870, *s. v.* «Telephos» and Katsonopoulou 2008: 289–301.

[6] See PI.*N.* 3.36–37; *I.* 6.27–31 and *Fr.* 140a Race. The eastern pediment of the temple of Aphaea at Aegina represented Herakles in the context of the

Finally Paros, the homeland of Parion, was also important for the mythical history of Herakles, because this hero was thought to have stood on Paros during his quest for Hippolyte's belt, after which he went to Troy: this story was remembered in this period by Pindar, *Fr.* 140a Race[7].

Parion joined the Delian league probably already in 478/477 BC, belonging to the Hellespontine district of the League[8]: thus the statue of the hero who for the first time vanquished Troy may have been the usual transfer of the celebration of the recent victory against Persia into the myth[9].

During the late 5th c. BC, the *poleis* members of the Delian League had to pay heavy *phoroi* to the treasure of the league which was transferred to the Acropolis of Athens in 454 BC[10]: thus it is not surprising that Parion, as other *poleis* members of the league, is not known to have set up important masterpieces in town during these decades.

This stagnating situation changed with the peace of Antalkidas in 387/386 BC, when Parion fell to Persia and was included in the satrapy of the Hellespontine Phrygia, whose capital was Daskylion. The palace of the satraps at Daskylion and its surroundings, endowed with gardens and abundance of lush and thus apt to satisfy the pleasures of life, are described by Xenophon, *HG* 4. 1. 5[11].

From 362 BC, the satrap of Daskylion was Artabazos, the son of Pharnabazos. He split from the Great King in 352 BC and ruled his satrapy as independent kingdom until 345 BC, when he joined Persia again[12].

He may have promoted the setting of works of famous Greek sculptors in important western centers of his satrapy, as the Hecatomnids did in south-western Anatolia. It is logical to suppose

---

first Trojan War (see Wuensche 2011: 205–213): thus this myth may have been familiar to a sculptor educated in the Aeginetan school.

[7] This episode is narrated by Apollod. 2.5.9.

[8] See Avram 2004: 991–992, entry no. 756.

[9] For the transposition of the victory upon the Persians to the realm of the myth in the Athenian culture of the 5th c. BC, the bibliography is huge: see *e. g.* Hoelscher 2000: 287–320.

[10] About the Delio-Attic league see Scheibelreiter 2013.

[11] About the court of this satrap, see Sarikaya 2015: 175–197. About the close relation of this court with Greece and in particular Athens, see Tuna-Noerling 2001: 109–122.

[12] See *DNP* 1, 53 and Sarikaya 2015: 175–197.

that with his monumental policy he wanted to dignify his state and to give emphasis to the mythical history and cults of the region.

These monuments included a statue of Apollo with a mouse by Skopas for the sanctuary of Apollo Smintheus at Chryse (STRABO 13. 1. 48 604 and EUSTAT., *Ad Homeri Iliadem* 1. 39): this *agalma* may have been represented on local coins[13]. Apollo was the god who in the first song of the Iliad sent a plague to the Greek army settled near Troja (Homer, *Iliad* 1. 1–317). This observation betrays the patronage of a ruler who was on the side of the Trojans and not of the Greeks and wanted to establish his own state on the Trojan memory.

Moreover Praxiteles' bronze statue of Apollo Sauroktonos may perhaps have been set up at Apollonia *ad Rhyndacum* because he appears on local coins sometimes within a temple from Domitian until Gallien, thus for a very long period[14].

The sinuous style of the teenage looking god and the soft rendering of skin and flesh make this statue a manifesto of the *habrosyne* of Asia Minor versus the muscular concept of young males which was typical of the Peloponnesian tradition.

Concerning Parion, two masterpieces were set up in this period in town. One of them was a marble statue of Eros by Praxiteles which is known thanks to Pliny, 36.22:

Eiusdem (*scil.: Praxitelis*) *et alter* (*scil.: Cupido*) *nudus in Pario colonia Propontidis, par Veneri Cnidiae nobilitate et iniuria: adamavit enim Alcetas Rhodius atque in eo quoque simile amoris vestigium reliquit.*

[13] See Calcani 2009: 71–72, n. 12, and 131, nn. 12–12a and *DNO* III: 434–436, nn. 2303–2304. About the *Smintheion*, where Skopas' statue was set up, see Oezgunel 2012a: 274–287; 2012b: 137–153 and 2013.

[14] See Corso 2013: 22–65, no. 36. About the Sauroktonos, see *DNO* III: 108–112, nn. 1912–1913 and Bennett 2015: 135–138. The substitution of the tree-trunk with an Ionic column as support of Apollo on coins of Apollonia may have had the function of stressing the pertinence of the statue to a sanctuary and in particular to an Ionic temple. Sometimes the support of Apollo Sauroctonus on coins of Apollonia is a candelabrum, which may also have suggested the high sacrality of this peculiar statue (see Corso 2013: 49). The alternance between column and tree trunk in known also in the case of Apollo Lykeios (see Pochmarski-Nagele 1984: 77–105). Finally in Mysia a Doric column sometimes is placed at the side of Aphrodite (see Corso 2007: 91–92, fig. 60).

Thus Pliny stresses the renown of the statue, which matches the importance of the cult of Eros at Parion, testified by Pausanias 9.27.1.

The mythical *aition* of this cult would lay in the legend that Paris spent his childhood at Parion, where he was honored with a statue and the tomb in the *agora* and to whom sacrifices and festivities were performed[15].

Then even this statue gave emphasis to the Trojan heritage, in keeping with the consideration of the kingdom of Troy as the mythical antecedent of the satrapy of Artabazos.

Praxiteles' Eros at Parion is represented on coins of this *polis* (Fig. 1) and is recognized in the Kos type of Eros (Figs. 2–3), whose figure is very similar to the Eros on coins of Parion:[16] again this *mellephebos* with his velvety skin and S shaped style expresses the value of the Ionian soft life style, opposed to the virile ideal of life of the Doric world.

The second important probably late classical statue in Parion represented Paris, as we know from Athenagoras, *Legatio pro Christianis* 26.3: it was bronze and set up in the *agora* near the supposed tomb of the Trojan hero, where public sacrifices and festivities in honor of the hero were held.

Since statues of Paris outside of any narrative context are rare, it is probable that this bronze statue of Paris coincides with the bronze Paris by Euphranor, lauded by Pliny, 34.77: *Euphranoris Alexander Paris est, in quo laudatur quod omnia simul intellegantur, iudex dearum, amator Helenae et tamen Achillis interfector*.[17]

These three episodes tie this statue to the mythical history of the Troad. Moreover, the representation of Paris as slayer of Achilles reveals anti-Greek feelings: whoever patronized this statue sided with the Trojans against the Greeks and wanted to commemorate Paris' prevalence upon the greatest of Greek warriors. For this

[15] The *testimonia* have been collected by Frisch 1983: 56–58. Athenagoras, *Legatio pro Christianis* 26.3 is the most important of these sources. Athenagoras certainly identifies the Alexander worshipped in the agora of Parion with Paris because he names him *Dysparis* ("unlucky Paris"), repeating the same nickname of Paris in Homer, *Iliad* 3. 39. Other *testimonia* about Paris as the founding hero of Parion are: Ammianus Marcellinus 22. 8. 4; Johannes Antiochenus, *FHG* M 4. 550. 23; Malalas 92 D; Suda, *s. v. Parion*; Cedrenus 216 B and Tzetzes, *Antehomerica* 57 f.

[16] See Corso 2013: 65–75, n. 37 and *DNO* III: 136–138, n. 32.

[17] About this statue, see *DNO* IV: 77–77, N. 2777.

reason, this statue may have been an episode of satrapic patronage: this consideration strengthens the identification of Euphranor's Paris with the statue of this hero set up in the *agora* of Parion.

Since Parion is not far from Byzantion, the statue may have been the same bronze Paris brought to Constantinople and described by Nicetas Choniates, *De statuis* 2.5: the Trojan hero was standing, supposed to be near Aphrodite and about to handle the golden apple to the goddess[18]. It should be noted that even the Eros of Praxiteles may have been brought from Parion to Constantinople, because an epigram by Palladas (*Anthologia Graeca* 16. 207 = *DNO* IV 136 N. 40) may have been composed for a new base of the statue, needed in AD IV c.

This Paris may be identified in the copyist tradition of the Borghese/Ludovisi/Hamburg type of youth with Phrygian hat who bears a sinuous style[19] (Fig. 4) which is similar, although reversed, to that of the Sauroktonos. In this type the Trojan prince is resting on a tree trunk at his right side. His identity was revealed by his Phrygian hat as well as by the apple which he probably held in his right hand and which he was ready to give to the love goddess. The beauty of his body with velvety skin and his indolent sinuous stance also suggest the *ethos* of Paris, the hero *gynaikomanes*. His enchanted gaze may have conveyed to viewers his love for Helen. Finally, he may have held in his left hand his bow with which he killed Achilles. This creation reveals both the rhythmical research of the Polycleitan school and the typically Attic late classical concern for the soft appearance of the figure. Thus it fits the personality of Euphranor well, because this Isthmian artist shared research patterns both of the Peloponnesian school and of the Attic one. Thus even this type may have advertized the same androgynous ideal of youth of satrapic Asia Minor, suggestive of a sensual life style and opposed to the muscular athletic ideal of youth of mainland Greece.

Probably in the early Hellenistic times, a monumental altar for Artemis and Apollo Aktaios was set up, a work of the architect

[18] Probably this bronze Paris stood in the *Forum Constantini* of Constantinople: see Bravi 2014: 262–266. It is not clear whether Aphrodite was also represented or her presence in front of Paris was left to the imagination of the viewer. In my opinion, the careful reading of this passage of Nicetas suggests the second possibility as the most probable.

[19] About this sculptural type, see Jentzen 1964: 241–256 and Todisco 1993: 92, figg. 191–193.

Hermokreon: its large size puts it in the tradition of early Hellenistic Ionian large altars. This monument was regarded a marvel, was celebrated in the ancient tradition until late antiquity and was shown on coins already in the years after its completion[20]: it is likely that the dedication of the important altar of the Artemision of Ephesos elicited the emulation of other sanctuaries of Artemis and Apollo along the coast of Asia Minor.

Pliny in the above quoted passage 36.22 specifies that a Rhodian named Alketas copulated with Praxiteles' Eros of Parion and left a stain on the statue similar to that left by another lover on a thigh of the Knidian Aphrodite[21]. The name Alketas is known on Rhodes thanks to a couple of inscriptions from Kamiros[22]: from these two documents it is argued that a Rhodian Alketas lived in the early 2nd c. BC and was a member of a family whose exponents are recorded both for holding the local *damiourgia* as well as public benefactors.

Since the period of flourishing of Alketas from Kamiros is the same of the reception of the sculptural type of the Eros of Parion in the visual culture of Rhodes[23], (Fig. 3) it is possible that Alketas, with his fondness for this Eros, pioneered the practice of copying this type on the island.

It should be noticed that in the late 3rd c. BC, the bronze sculptor Theudoros of Parion made portrait statues of important Rhodian dignitaries set up on Rhodes[24]. These close ties between Parion and Rhodes also help to explain the reception of the Parion's type of Eros on Rhodes.

The statues of Herakles by Hegesias, of Eros by Praxiteles and of Paris by Euphranor probably were recorded in writings of Hellenistic art critics because these three creations are mentioned also by Pliny the Elder in his sections of the books 34 and 36 devoted respectively to bronze and marble sculpture and it is well

[20] See Frisch 1983: 89–90, nn. 101–102 a-e and *DNO* V: 431–432, nn. 4040–4041.
[21] The recorded episodes of *agalmatophilia* between young men and the Knidian Aphrodite have been collected in Corso 2007: 40–49.
[22] See Martin Vazquez 1988, inscriptions nn. 242 and 249.
[23] This statement is based on the statuette in Parian marble from the necropolis of Rhodes at Rhodes, Archaeological Museum, N. E 498, to be dated in the early 2nd c. BC: see Corso 2013: 112, n. 531, no. 2.
[24] See Prignitz 2014: 676–679, nn. 3461–3464.

known that this Latin writer took much of his information about Greek artists from previous Hellenistic art critics[25].

The statue of Eros at Parion was imitated with variations sometimes during the late Hellenistic and Roman imperial times both in the Aegean world and at Rome[26]. The statue of Paris by Euphranor was also imitated with the Borghese/Ludovisi/Hamburg type, whose most important copies are dated in early Roman imperial times[27].

Finally the Antonine period sees the renown of the philosopher of Parion Peregrinos[28]. It is likely that the fact to be the birthplace of one of the best established intellectuals of the time elicited the self esteem of the Parians: thus they began striking coins with miniature representations of their Praxitelean Eros[29].

After the death of Peregrinus in 165, the bronze statue of this renowned neosophist was set up at Parion, as it is known from Athenagoras, *Legatio pro Christianis* 26.3–4, and was attributed oracular power.

Coin types bearing miniature copies of the Eros of Parion were struck also under Commodus, Alexander Severus, Otacilia Severa, Philip the Arab and eventually Aemilian[30].

---

[25] About this assumption, see Tanner 2006: 235–246.

[26] I am aware of the following variations of the Eros of Parion during the 1st c. BC and AD 1st c.: 1. A marble statuette from the large peristyle of the Roman House at Kos, dated in the 1st c. BC and kept at Kos, Archaeological Museum, N. 54 (see Μποσνακης 2007: 140–141, n. 36); 2. A marble torso probably of the late 1st c. BC, from Rome, once in the collection of the King of Spain Philip 5th, then in San Ildefonso, Palacio Real, then at Madrid, Museo del Prado, n. 12 E (see Schroeder 2004: 277–280, n. 155); 3. A marble statue of AD 1st c., probably from Rome, perhaps from the Quirinal hill near Rospigliosi Palace and once decorating the Baths of Constantine, once in the Borghese Collection, then at Paris, Louvre, DAGER N. MR 140 = Ma 345 (see Minozzi 2011: 368). See Corso 2013: 112–113, n. 531, n. 1–15.

[27] See Todisco 1993**:** figg. 191–193.

[28] About Peregrinos, see Pilhofer 2005.

[29] Praxiteles' Eros of Parion is represented on reverses of two AE coin types struck by Parion under Antonine Pius: see Filow 1909: 65. Still in the Antonine period, the marble copy of our Eros from Nikopolis *ad Istrum* is dated: it is kept at Sofia, National Archaeological Museum, N. 8410 (see Ivanov, von Buelow 2008**:** 56–57).

[30] These coin types are recorded by Corso 2013: 113, n. 531, nn. 10–14.

With the decline of the neosophistic culture in the 3rd quarter of the 3rd c. BC, most Greek cities stopped exhibiting their masterpieces on their coins and Parium also abandoned this habit.

Finally, perhaps at the time of Constantine, the bronze statue of Paris may have been removed and brought to Constantinople, to the *Forum Constantini*, where it stood until 1204, when it was melted down (Nicetas Choniates, *De statuis* 2. 5)[31]. The removal of Praxiteles' Eros from Parion and his setting in the *secunda Roma* may also have happened, as it might be argued by the above cited epigram of Palladas.

References

DNO = Kansteiner, S. et alii (Hrsg.). 2014: *Der Neue Overbeck. Die antiken Schriftquellen zu den bilden den Künsten der Griechen.* Bde. I–V, Berlin.

LIMC = *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae,* Zürich; München; Düsseldorf, 1981–1999.

DNP = Cancik, H., Schneider H. (Hrsg.). 1996–2003: *Der neue Pauly*. Bde. 1–16, Stuttgart.

Avram, A. 2004: The Propontic Coast of Asia Minor. In: Hansen, M. H., Nielsen, T. H. (ed.). *An Inventory of Archaic and Classical Poleis*. Oxford, 974–999.

Bennett, M. 2015: An Original by Praxiteles? In: Settis, S. (a cura di). *Serial/Portable Classic*. Milan, 135–138.

Bravi, A. 2014: *Griechische Kunstwerke im politischen Leben Roms und Konstantinopels*. Berlin.

Calcani, G. 2009: *Skopas di Paros*, Roma.

Corso, A. 2007: *The Art of Praxiteles*. Vol. 2. Rome.

Corso, A. 2013: *The Art of Praxiteles*. Vol. 4. Rome.

Filow, B. 1909: Erosstatue aus Nicopolis *ad Istrum*. *JdI*, 60–73.

Fritsch, P. 1983: *Die Inschriften von Parion*. Bonn.

Hoeltscher, T. 2000: Feindwelten, Glueckswelten, Perser, Kentauren und Amazonen. Hoelscher, T. (Hrsg.). *Gegenwelten*. Munich, 287–320.

Ivanov, R., von Buelov, G. 2008: *Thracia*. Mainz am Rhein.

Jantzen, U. 1964: Der Paris des Euphranor. *JdI* 79, 241–256.

Katsonopoulou, D. 2008: Telephos Arkasides. In: Katsonopoulou, D. (ed.). *Archilochos and his Age*. Athens, 289–301.

Martin Vazquez, L. 1988: *Inscripciones Rodias*. Madrid.

Minozzi, M. 2011: Genio. In: Coliva, A. (a cura di). *I Borghese e l'antico*. Rome, 368.

Oezgunel, C. 2012a: The Smintheion Sanctuary. In: Oezdem F. (ed.). *Canakkale*. Istanbul, 274–287.

[31] See Bravi 2014: 266.

Oezgunel, C. 2012b: Die Ergebnisse der neuen Ausgrabungen im Smintheion. In: Schulz, T. (Hrsg.). *Dipteros und Pseudodipteros*. Istanbul, 137–153.
Oezgunel, N. 2013: *Smintheion*. Istanbul.
Pilhofer, P. 2005: *Lukian, Der Tod des Peregrinos*. Darmstadt.
Pochmarski-Nagele, M. 1984: Zum Typus des Apollo Lykeios. *OeJ* 55, 77–105.
Prignitz, S. 2014: Theudoros. *DNO* IV, 676–679.
Sarikaya, S. 2015: Artabazus' s Role in the Dascylium Dynastic Systems. *Olba* 23, 175–197.
Scheibelreiter, P. 2013: *Untersuchungen zur vertragsrechtlichen Struktur des Delisch-Attischen Seebundes*, Vienna.
Schroeder, S. 2004: *Katalog der antiken Skulpturen des Museo del Prado in Madrid*, 2. Mainz am Rhein.
Tanner, J. 2006: *The Invention of Art History in ancient Greece*. Cambridge.
Todisco, L. 1993: *Scultura greca del IV secolo*. Milano.
Tuna-Noerling, Y. 200: Attic Pottery from Dascylium. In: Bakir, T. (ed.). *Achaemenid Anatolia*. Leiden, 109–122.
Wuensche, R. 2011: *Kampfe um Troja*. Lindenberg im Allgaeu.
Μποσνακης, Δ. 2007: Αγαλματίδιο Έρωτα απο την Κω. In: Καλτσάς, N., Δεσπίνης, Γ. (επιμ.). Πραξιτέλης. Αθήνα,140–141.

A. Corso. *Opera nobilia* at Parion

In this article the masterpieces made by renowned Greek artists and set up at Parion are considered. They are: 1. A bronze statue of Herakles by Hegesias; 2. A marble statue of Eros by Praxiteles; and 3. Probably a bronze statue of Paris by Euphranor. The historical backgrounds of these creations are researched. Hegesias' Herakles may be understood in the context of the inclusion of Parion in the Delian League led by Athens. On the contrary the Eros by Praxiteles and the Paris by Euphranor should be seen in the context of the monumental policy promoted by the Satrap of Hellespontine Phrygia, Artabazos. The history of these statues after the Classical period is also described.

Keywords: Greek sculpture, sculptors Hegesias, Praxiteles, Euphranor, Greek colonies, Phrygia, Parion.

PICTURES

Fig. 1. AE coin struck by Parion under Aemilian, reverse.

Fig. 2. Marble statuette of Eros from the Roman House of Kos, kept at Kos, Archaeological Museum.

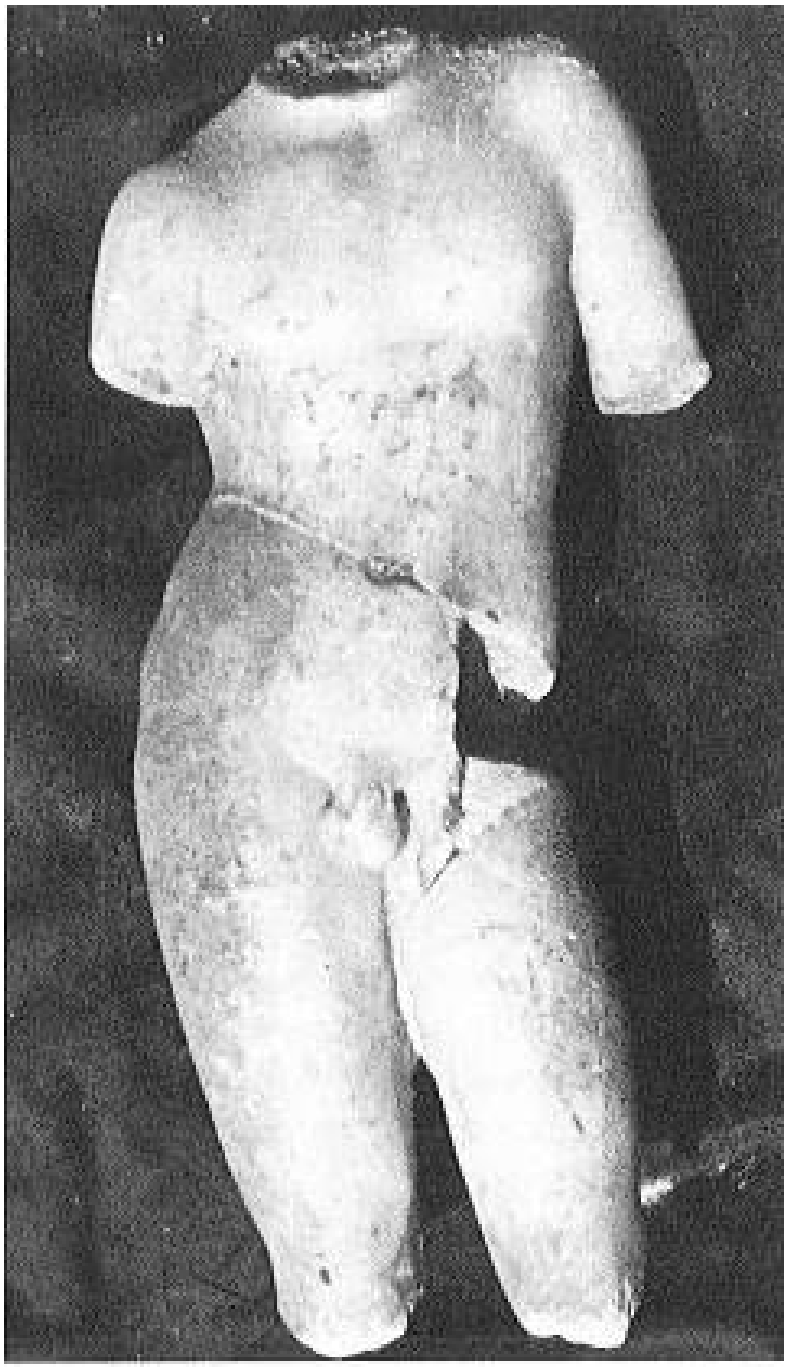


Fig. 3. Marble statuette of Eros from the necropolis of Rhodes, kept at Rhodes, Archaeological Museum.

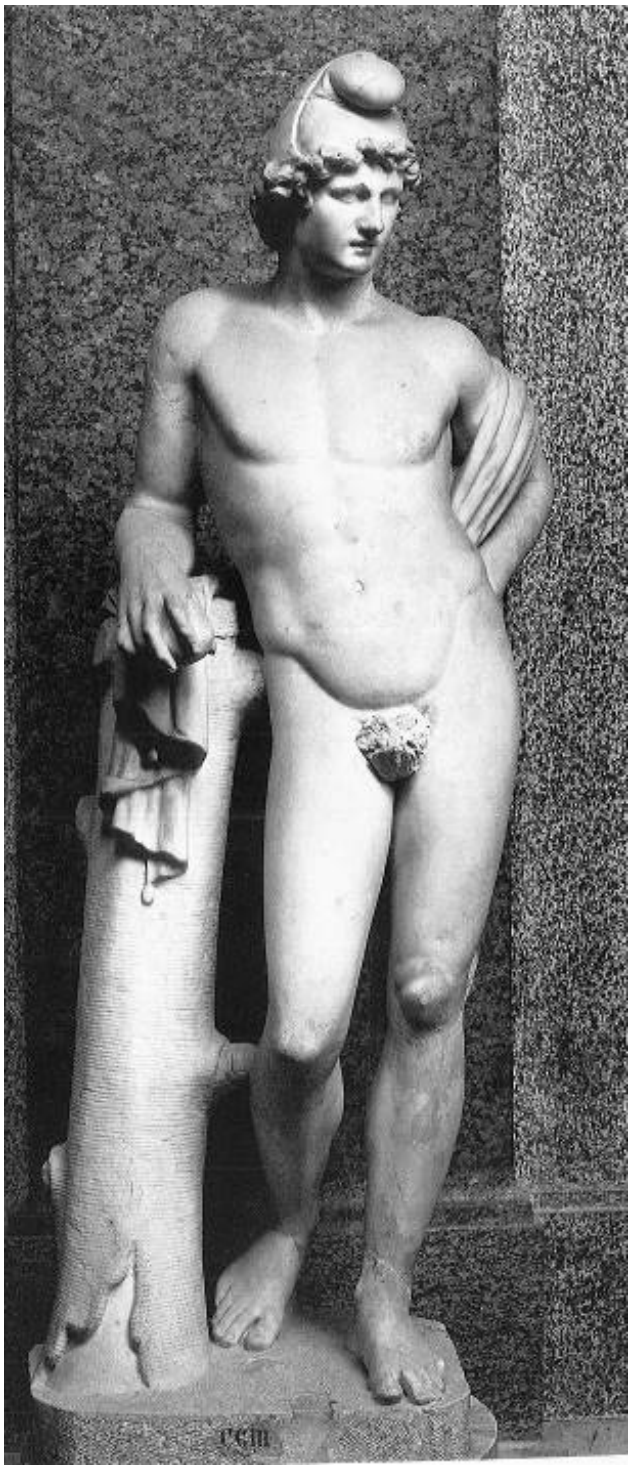


Fig. 4. Marble statue of Paris, Rome, Galleria Borghese.

DOI:10.30842/ielcp230690152250

А. О. Корчагин

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ СЛОВА κεραία В НОВОМ ЗАВЕТЕ

В статье анализируется греческое слово κεραία, встречающееся в Новом Завете дважды, в местах, где Иисус Христос говорит о важности соблюдения Закона (Мф. 5:18, Лк. 16:17). Смысл самого слова не совсем ясен, хотя из текста Евангелия от Матфея явствует, что имеется в виду некий мельчайший графический элемент. Рассматривая и последовательно опровергая различные версии определения значения этого слова, автор приходит к выводу, что подразумевается черта, при помощи которой различаются схожие по написанию буквы еврейского алфавита.

Ключевые слова: Новый Завет, древнееврейский алфавит, κεραία.

В Нагорной проповеди Иисус Христос, говоря о своем отношении к иудейскому Закону, утверждает, что Он пришел не для того, чтобы нарушить Закон, но затем, чтобы исполнить его (Мф. 5:17). При этом Иисус подчеркивает, что ни один мельчайший элемент из Закона не должен исчезнуть. В Евангелии от Матфея об этом сказано следующим образом: ’Αμὴν γὰρ λέγω ὑμῖν, ἕως ἂν παρέλθῃ ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ, ἰῶτα ἓν ἢ μία κεραία οὐ μὴ παρέλθῃ ἀπὸ τοῦ νόμου, ἕως ἂν πάντα γένηται (Мф. 5:18) ‘Ведь Я истинно говорю вам: пока не исчезнут небо и земля, ни одна иота или ни одна κεραία не исчезнет из Закона, пока все не сбудется’.

В Евангелии от Луки об этом говорится сходным образом: Εὐκοπώτερον δέ ἐστιν τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν παρελθεῖν, ἢ τοῦ νόμου μίαν κεραίαν πεσεῖν (Лк. 16:17) ‘Легче, чтобы небо и земля исчезли, чем одна κεραία выпала из Закона’.

В Евангелии от Матфея слово κεραία дано в сочетании со словом ἰῶτα. Относительно слова ἰῶτα ясно, что речь идет о названии буквы. Практически все комментаторы согласны, что здесь имеется в виду буква еврейского алфавита йод (י), мельчайшая из букв (Manson 1949: 134; Vermes 1993: 10–11; Hagner 1993: 104; Keener 1999: 178 и т. д.). Но что имеется в виду под словом κεραία? Скорее всего, слово указывает также на некий мелкий графический элемент. Традиционное «черта» в

Синодальном переводе, «черточка» в переводе Кузнецовой, равно как и «title» в King James Bible, не вносит ясного смысла.

Чтобы попытаться внести ясность, рассмотрим сначала значения слова κεραία в классическом древнегреческом языке. Этимология слова прозрачна. Κεραία связана со словом κέρας ‘рог’. Более того, данное слово часто синонимично слову κέρας. Слово может означать ‘рог’, а также ‘фланг’, у Арата этим словом обозначаются рога луны (Arat. 785, 790), слово также может означать корабельную рею[1], в «Истории животных» Аристотеля этим словом обозначаются усики-антенны у насекомых[2].

В тех же контекстах, где речь идет о письме, слово κεραία обозначает верхнюю часть буквы (апекс)[3], зачастую – декоративное украшение (IG II² 2783). Иногда в этом плане κεραία мыслится более обобщенно, как ‘мельчайшая деталь’. Например, в сочинении Дионисия Галикарнасского об ораторе Динархе в том месте, где анализируется его речь против Демосфена, сказано, что эта речь διὰ πάσης κεραίας διῆκον (DH Din. 7), то есть доходчива, убедительна в мельчайших деталях (о значениях слова см. Liddell-Scott-Jones 1996: 939–940).

Итак, в древнегреческом языке κεραία обозначает апекс буквы. Но что означает κεραία применительно к еврейскому алфавиту, учитывая то, что Священное Писание написано по-древнееврейски? Ясно, что имеется в виду также некий мельчайший элемент. Задача усложняется тем, что в Библии слово встречается только дважды, в анализируемых нами новозаветных контекстах. В Септуагинте слово κεραία не употребляется ни разу, поэтому нельзя сказать точно, какому древнееврейскому слову оно соответствует.

Быть может, κεραία обозначает маккеф, верхнюю горизонтальную черточку, которая ставится между некоторыми предлогами и сущетвительными, а также в смихуте, сопряженном сочетании (status constructus)? Однако это предположение следует сразу же отмести, как ложное. Маккеф – это знак, появившийся уже в масоретскую эпоху, то есть не ранее VI в. н. э. В

[1] См. IG II² 657, IG II² 1604, IG II² 1605, IG II² 1606 и т.д. По-латыни корабельная рея – antemna или antenna. Интересно, что в новогреческом языке κεραία означает ‘антенна’.
[2] Arist. HA 526a6, 532a26.
[3] Заметим, что в анализируемых нами контекстах из Матфея и Луки слово κεραία в Вульгате передано как apex.

I в. н. э., к которому относятся евангельские события, маккефа еще не существовало, о чем свидетельствуют ближайшие к новозаветному времени кумранские рукописи. По той же самой причине κεραία не может указывать на акцент, знак кантиляции, точку внутри буквы (дагеш) или на знак огласовки. Все эти знаки также появились лишь в масоретскую эпоху.

Некоторые ученые считают, что этим словом обозначается применительно к еврейским буквам некий завиток, орнаментальный элемент, которым украшались буквы в еврейских рукописях. Так считают, например, Штрак и Биллербек (Strack, Billerbeck 1921: 248–249) и Мэнсон (Manson 1949: 135). Последний видит в словах Иисуса Христа иронию и критику фарисеев и книжников: «Скорее небо и земля исчезнут, чем книжники смогут прибавить к писанию хоть один декоративный завиток». Однако с этим трудно согласиться. Вряд ли Иисус Христос имел в виду именно декоративное украшение, так как орнаментальные элементы могли варьироваться в различных рукописях. Кроме того, известно, что украшения букв в еврейских рукописях возникли никак не раньше конца I века н. э., то есть во времена Иисуса их еще не существовало (Albright, Mann 1971: 58; Grintz 1960: 32–47). Против данной гипотезы возражает и такой авторитетный библеист, как Джозеф Фитцмайер (Fitzmyer 1985: 1118).

Согласно еще одной точке зрения, под словом κεραία имеется в виду буква вав (ו). К примеру, так считает Гунтер Шварц (Schwartz 1975: 268–269). В пользу этой версии могут говорить следующие факты:

1. У Матфея также упоминается буква йод, следовательно, и за словом κεραία может скрываться название некоей буквы.

2. Если буква йод имеет в греческом алфавите соответствие (иота), то относительно буквы вав этого сказать нельзя. Дигамма, произошедшая от финикийской буквы вав, к этому времени уже давно вышла из употребления, а прямая греческая транслитерация (οὐαοῦ) была бы слишком громоздкой. Поэтому буква названа иначе.

3. Не является случайным то, что κεραία упоминается в одном ряду с буквой йод. Если принять во внимание то, что здесь имеется в виду вав, то получается, что здесь упомянуты две буквы, которые могли употребляться не только как значимые элементы, но могли использоваться в качестве так называемых

matres lectionis: йод может употребляться для обозначения долготы гласных i и e, а вав – для обозначения долготы o и u. Matres lectionis появились еще в допленную эпоху, и использование йод и вав в этом качестве было во многих случаях факультативным. Так, например, слово ‘голос’ (קוֹל) могло писаться без вав (קֹל), а слово גֵּר ‘переселенец, метек’ могло писаться через йод (גֵּיר). Таким образом, Иисус говорит о том, что ни один элемент не исчезнет из Писания, даже элемент факультативный, второстепенный.

4. Если принять точку зрения, согласно которой у Матфея имеются в виду буквы йод и вав, то не случайно отсутствие упоминания у Матфея третьей буквы, использовавшейся в качестве mater lectionis – буквы хей (ה), которая в данном качестве употреблялась лишь на конце слова для обозначения долготы гласных a и e, и использование которой в этой позиции было обязательным, в то время как употребление букв йод и вав было факультативным.

Однако против этой гипотезы можно выдвинуть текстологический контраргумент: если сравнить тексты Евангелий от Матфея и от Луки в анализируемом нами месте, то можно обнаружить, что у Матфея говорится про ἰῶτα и κεραία, а у Луки упоминается лишь κεραία, а это дало Вильке основание предполагать, что текст Луки первичен по отношению к Матфею[4]. См., например, анализ рассматриваемой перикопы у Матфея Хегнером (Hagner 1993: 104), считающим, что здесь Матфей зависит от Луки. Таким образом, слово ἰῶτα добавлено у Матфея для конкретизации слова κεραία. Матфей суммирует: ни один мельчайший элемент не исчезнет из писания, даже мельчайшая буква йод. Мнения о том, что Матфей видоизменил высказывание из Евангелия от Луки, содержится и у других современных комментаторов (Fitzmyer 1985: 1119; Davies, Allinson 1 2004: 487). Кроме слова ἰῶτα, Матфей заменяет глагол πίπτω на παρέρχομαι, а также добавляет клятвенную формулу ἀμὴν γὰρ λέγω ὑμῖν и союз ἕως ἂν, меняя, таким образом,

[4] В 1838 году христианский теолог Христиан Готлоб Вильке высказал гипотезу, что первичным из синоптических Евангелий является Евангелие от Марка, ставшее источником для Евангелия от Луки, а в дальнейшем Марк и Лука стали источником для Матфея (Wilke 1838). Из современных исследователей гипотезу Вильке поддерживают Хаггинс (Huggins 1992), Хенгель (Hengel 2000), Блэр (Blair 2003) и др.

синтаксическую конструкцию. В свете вышесказанного гипотезу о том, что имеется в виду буква вав, следует отвергнуть. Таким образом, принимая во внимание то, что Евангелие от Луки первично по отношению к Евангелию от Матфея, нельзя считать, что под словом κεραία подразумевается отдельно взятая mater lectionis. Предположение Гунтера Шварца отвергает, в частности, Джозеф Фитцмайер (Fitzmyer 1985: 1119).

Но все-таки что стоит за греческим словом κεραία? Как уже было сказано, в Септуагинте слово ни разу не встречается, и поэтому нельзя определенно сказать, какому древнееврейскому слову оно соответствует. Фридрих Делич, сделавший в 1877 году перевод Нового Завета на древнееврейский язык, переводит в обоих случаях (у Матфея и у Луки) κεραία словом קוֹץ. В Ветхом Завете это слово означает ‘колючий кустарник’, ‘колючка’, ‘шип’ (Быт. 3:18, Исх. 22:5, Суд. 8:7, 16, 2 Цар. 23:6 и т. д.). В переносном смысле слово קוֹץ употребляется в Талмуде и означает нижнюю часть буквы йод. Видимо, опираясь на Талмуд, Делич и передал этим словом греческое κεραία. Таким образом, если принять во внимание эту интерпретацию, то κεραία – синоним слова ἰῶτα, и у Матфея говорится об одном и том же двумя разными словами. Однако подобная реконструкция во многом остается искусственной.

Кроме того, существует точка зрения, согласно которой под словом κεραία подразумевается черта, отличающая близкие по написанию еврейские буквы (Osborne 2010:182; Quarles 2011: 94). Действительно, в еврейском алфавите есть ряд букв, очень похожих по написанию и отличающихся лишь одной чертой. Например, это буквы хей (ה) и хет (ח), далет (ד) и реш (ר), бейт (ב) и каф (כ), мем-софит (ם) и самех (ס), вав (ו) и нун-софит (ן), далет (ד) и каф-софит (ך).

И действительно, зачастую неразличение вышеперечисленных похожих по начертанию букв приводило к путанице в понимании текста, иллюстрацией чего могут служить многочисленные примеры в Септуагинте[5].

Например, в трактате «Санхедрин» рассказывается о том, что буква йод пошла жаловаться Богу на царя Соломона за то,

[5] В Талмуде приводятся многочисленные примеры, где изменение лишь одной буквы йод или замена какой-либо буквы на другую, похожую по начертанию, ведет к изменению смысла.

что тот убрал ее из Второз. 17:17, где сказано לא ירבה לו נשים ‘Да не умножает он [царь] себе [число] жен’[6]. После того, как буква йод была упразднена, фраза стала звучать так: לא רבה לו נשים ‘Он [царь] не умножал себе [число] жен’. Таким образом, при упразднении йода юссив оказался замененным на перфект, и в связи с этим получалось, что в прошлом царь не брал себе много жен, а теперь может беспрепятственно это делать, что позволило Соломону быть многоженцем (y. Sanh. 2:6).

Точно так же изменение одной буквы на близкую по написанию может изменить смысл текста на прямо-таки кощунственный. Например, если во Второз. 6:4, где сказано, что «Господь Бог наш – единственный (אחד) Господь», заменить далет на реш, то получится, что «Господь Бог наш – Господь чуждый (אחר)». Если в Лев. 22:32, где говорится «не бесчестите (תחללו) Мое святое имя» заменить хет на хей, то получится «не хвалите (תהללו) Мое святое имя». Если в Иерем. 5:10, где говорится «они лгали против Господа (ביהוה)» заменить бейт на каф, то получится «они лгали, словно Господь (כיהוה)» (Tanchuma 1.1).

Примеры можно множить и далее, но уже из приведенных выше случаев ясно, что изменение лишь одной черты может приводить порой к кощунственному, богохульному смыслу.

Мы принимаем именно такую точку зрения: под словом κεραία имеется в виду именно черта, различающая похожие по написанию еврейские буквы. Во-первых, ключевым для такого понимания является употребление глагола καταλύω в 17-м стихе 5-й главы Евангелия от Матфея. Иисус говорит, что никак не призван нарушить, разрушить Закон. Закон должен быть соблюден в мельчайших деталях на текстуальном уровне. У Матфея говорится, что ни одна буква йод не исчезнет из Закона, и вместе с ней не исчезнет ни одна κεραία (у Луки речь идет только о κεραία). Если понимать анализируемое нами слово как букву (например, йод или вав), то это противоречит значению слова в классическом древнегреческом языке. Имеется в виду не буква, но часть буквы. Это не может быть орнаментальный элемент, как мы сказали выше, если учитывать тот факт, что во времена Иисуса декоративных элементов еще не

[6] В следующих двух абзацах мы даем текст без традиционных масоретских огласовок, чтобы отразить особенности еврейского консонантного письма.

существовало, а если бы они были, то они не играли смыслоразличительной роли. Остается одно: κεραία – это часть буквы, имеющая смыслоразличительное содержание.

Кроме того, интересно, что прямое подтверждение этой теории можно найти у знаменитого богослова III века Оригена (ок. 185–254), в его Комментариях на Псалмы. Комментируя надписание 33/34 псалма, где говорится о том, что он написан по случаю избавления Давида от Саула, когда Давид притворился безумным при Авимелехе[7], Ориген говорит, что вместо имени Авимелех нужно читать Ахимелех и далее добавляет: Τῶν στοιχείων παρ᾽ Ἑβραίοις, λέγω δὲ τοῦ χὰφ καὶ τοῦ βὴθ, πολλὴν ὁμοιότητα σωζόντων, ὡς κατὰ μηδὲν ἀλλήλων διαλλάττειν, ἢ βραχείᾳ κεραίᾳ μόνῃ ‘Дело в том, что буквы у евреев (я говорю про каф и бет) имеют большое сходство, так что они ничем не отличаются друг от друга, разве только единственной чертой’. Несмотря на то, что Ориген сам допускает здесь ошибку, рассуждая об орфографии имен[8], однако обнаруживает знание особенностей еврейской графики и дает здесь четкое определение слова κεραία применительно к древнееврейскому тексту[9].

Таким образом, мы считаем, что под словом κεραία в Новом Завете подразумевается черта, посредством которой различаются схожие по начертанию буквы еврейского алфавита. Поэтому смысл слов Иисуса Христа следующий: Закон не будет нарушен, и из текста Писания не пропадет ни один мельчайший элемент, способный изменить смысл данного текста.

---

[7] Здесь Авимелех – другое имя царя филистимлян Ахиша (в Синодальном Переводе – Анхус). В 1 Цар. 21:10–15 рассказывается о том, что Давид, спасаясь от Саула, пришел к Ахишу, царю Гата (одного из филистимских городов), но после того, как кто-то из приближенных Ахиша хотел расправиться с Давидом, Давид притворился безумцем, после чего Ахиш его отпустил. Выше в той же главе говорится о священнике Ахимелехе, накормившем Давида и его спутников хлебами предложения и давшем ему меч Голиафа, что могло создать путаницу для автора псалма 33/34 и для Оригена. Путаница могла возникнуть в связи с тем, что оба имени содержат термины родства (Авимелех означает ‘отец мой – царь’, а Ахимелех – ‘брат мой – царь’).

[8] Имя Ахимелех пишется не через каф (כ), а через хет (ח), как אֲחִימֶלֶךְ. Ориген в комментарии предполагает путаницу אֲבִימֶלֶךְ и * אֲכִימֶלֶךְ (неверная орфография).

[9] См. анализ оригеновского толкования в недавней диссертации Б. Кантора (Kantor 2017: 20).

Литература

Albright W. F., Mann C. S. 1971: *Matthew: A New Translation with Introduction and Commentary (The Anchor Bible, Vol. 26).* Yale.
Blair A. 2003: *The Synoptic Gospels Compared*. Lewiston, New York.
Davies W. D., Allinson D. C. 2004: *A Critical and Exrgetical Commentary on the Gospel According to St. Matthew. Vol. I (Commentary on Matthew 1–7).* London, New York.
Fitzmeyer J. A. 1985: *The Gospel According to Luke X–XXIV (Anchor Bible, Vol. 28A).* Yale.
Grintz J. M. 1960: Hebrew as a Spoken and Written Language in the Last Days of the Second Temple. *J. of Biblical Literature* 79, 32–47.
Hagner D. A. 1993: *Matthew 1–13. Word Biblical Commentary.* Dallas.
Hengel M. 2000: *The Four Gospels and the One Gospel of Jesus Christ*. Harrisburg.
Huggins R. V. 1992: Matthean Posteriority: a Preliminary Proposal. *Novum Testamentum* 34, 1–22.
Kantor B. 2017: *The Second Column (Secunda) of Origen's Hexapla in Light of Greek pronounciation* (PhD Dissertation). Austin, Texas.
Keener C. S. 1999: *A Commentary on the Gospel of Matthew*. Grand Rapids, Michigan; Cambridge, U.K.
Liddell H., Scott R., Jones H. S. 1996: *A Greek-English Lexicon.* Oxford.
Manson T.W. 1949: *The Sayings of Jesus as recorded in the Gospels according to St. Matthew and St. Luke.* London.
Osborne G.R. 2010: *Matthew*. Grand Rapids.
Quarles C.L. 2011: *Sermon on the Mount: Restoring Christ's Message to the Modern Church*. Nashville.
Schwarz G. 1975: Ἰῶτα ἓν ἢ μία κεραία (Matthäus 5.18). *Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft* 66, 268–269.
Strack H., Billerbeck P. 1921: *Kommentar zum Neuen Testament aus Talmud und Midrasch.* (Vol. 1). München.
Vermes G. 1993: *The Religion of Jesus the Jew.* Minneapolis.
Wilke C. G. 1838: *Der Urevangelist oder exegetisch kritische Untersuchung über das Verwandtschaftsverhältniß der drei ersten Evangelien*. Dresden; Leipzig.

A. O. Korchagin. On the meaning of the Greek word κεραία in the New Testament

The article is devoted to the Greek word κεραία, which occurs twice in the New Testament (Matthew 5:18 and Luke 16:17). The meaning of this word is not clear but it seems that it refers to a small graphical element. I analyze contexts of this word in Gospels and consider hypotheses about meaning of the word. I disagree with the hypothesis, according to which κεραία in Gospels corresponds to the Hebrew letter waw. I also reject versions about ornamental elements or the letter yod being described with this word. I think that κεραία in Gospels refers to the small stroke that helps distinguish between almost identical Hebrew letters. Thus, Jesus says that even the smallest element like the part of the letter could not be deleted from the Law.

Keywords: New Testament, Hebrew alphabet, κεραία.

DOI:10.30842/ielcp230690152251

А. В. Котова

ОБ ИСТОЧНИКАХ ГРУППЫ СРАВНЕНИЙ В «АРГОНАВТИКЕ» ВАЛЕРИЯ ФЛАККА (6. 604–608, 609–612, 613–617)

В статье рассматривается группа из трех последовательных сравнений в шестой книге «Аргонавтики» Валерия Флакка. Автор работы проводит анализ стихов, которые считаются их литературными источниками: определяет сходства и различия между пассажами в отношении контекста, tertium comparationis и лексического наполнения. Также в статье изучена авторская техника работы Валерия Флакка с материалом своих предшественников для создания собственных сравнений.

Ключевые слова: эпос, римская литература, Валерий Флакк, «Аргонавтика», сравнения, источники

Сравнения занимают важное место среди художественных средств, характерных для стиля эпических поэм. В авторском эпосе, который сознательно ориентирован на классические образцы жанра, в особенности на гомеровские поэмы, можно наблюдать развитие сравнения как художественного приема: для придания тексту объемности поэты увеличивают количество tertia comparationis, добавляют новые образы для сравнения, объединяют сравнения в группы и т. д.

Развернутые сравнения имеют многовековую традицию изучения, которая находит свое отражение в научной литературе. Накопленные знания позволяют обратиться к исследованию индивидуальных особенностей авторских сравнений.

«Аргонавтика» Валерия Флакка, с одной стороны, представляет собой произведение, опирающееся на долгую литературную традицию, с другой стороны, имеет заметные отличия от поэм, созданных предшественниками. Так, при чтении «Аргонавтики» обращает на себя внимание тот факт, что в тексте встречаются пассажи, где отдельные сравнения следуют друг за другом непрерывно, словно переходя одно в другое. Этого не наблюдается в «Энеиде» Вергилия, которая, как известно, является одним из основных источников «Аргонавтики», однако имеет место в гомеровской «Илиаде». Так, во второй песне следуют подряд семь сравнений, в которых блеск доспехов

сопоставляется с огнем (ст. 455–458), многочисленность воинов подчеркивается за счет сравнений со стаями птиц (ст. 459–466), листьями и цветами (ст. 467–468), а также роем мух (ст. 469–473); предводители воинов сравниваются с пастухами, а сами воины – со стадом (ст. 474–477); Агамемнон уподобляется Зевсу, Аресу, Посейдону (ст. 477–479) и быку (ст. 480–483)[1]. Валерий Флакк же, располагая несколько следующих одно за другим сравнений, с одной стороны, делает отсылку к Гомеру, с другой – по-своему развивает этот прием.

В статье будет рассмотрен пассаж из шестой книги «Аргонавтики», где подряд идут три сравнения.

В шестой книге поэмы, описывая Ясона во время битвы, Валерий Флакк использует ряд сравнений. Первое из них выглядит так (ст. 604–608):

> ora sub excelso iamdudum vertice coni
> saeva micant cursuque ardescit nec tibi, Perse,
> nec tibi, virgo, iubae laetabile sidus Achivae,
> acer ut autumni canis iratoque vocati
> ab Iove fatales ad regna iniusta cometae[2].
>
> ‘Уже давно под высокой вершиной шлема грозно сверкают глаза, и при беге разгорается звезда ахейского гребня, не приносящая радость ни тебе, Персей, ни тебе, дева, словно палящий Пес осени и кометы, призванные гневным Юпитером принести гибель не по праву полученной власти’.

«Палящий пес осени» – это Сириус, самая яркая звезда созвездия Орион, которая восходила в конце лета – начале осени и приносила губительную жару. С ней и кометами здесь сравнивается шлем Ясона. Tertia comparationis в данном случае два: во-первых, губительность (*nec laetabile*; *acer*; *fatales*); во-вторых, блеск (*ardescit*).

Источником данного сравнения может быть текст «Илиады» 22. 25–32, где блеск панциря бегущего по равнине Ахилла сопоставляется с блеском Сириуса. Говоря о tertia comparationis, заметим, что их здесь несколько: во-первых, сверкание доспехов и звезды, во-вторых, опасность и губительность для людей, которая упоминается в рассказе о Сириусе, за счет чего сравнение героя получает даже более значительное tertium

[1] См. подробнее: Kirk 1995: 162–166; Kazansky 2005.
[2] Здесь и далее текст приводится по изданию: Ehlers 1980.

comparationis. Приам, конечно, не любуется блеском доспехов Ахилла, а с ужасом следит за его приближением[3].

Очевидно, это сравнение лежит в основе стихов, где шлем Ясона сопоставляется с Сириусом (Gärtner 1994: 331; Stover 2003: 144), однако заметим, что у Гомера явно высказана лишь идея блеска, а более важное tertium comparationis – вредоносность – expressis verbis не выражено, тогда как Валерий Флакк подчеркивает именно губительность, а блеск только упоминает. Более того, на связь с пассажем из «Илиады» указывает идея движения: ἐπεσσύμενον; θέοντος – *cursu*; а также другие лексические переклички: παμφαίνονθ', ἔλαμπε – *ardescit*, ὀπώρης – *autumni*, κύν' – *canis*, φέρει πολλὸν πυρετόν – *acer*, χαλκός – *iubae sidus*.

Сопоставление с Псом Ориона также встречается в «Аргонавтике» Аполлония Родосского (3. 956–961)[4], где Ясон, представший перед Медеей, томимой любовными муками, сравнивается с Сириусом, который, с одной стороны, обладает ярким сиянием, а с другой, – нагоняет на скот безмерную беду. Tertia comparationis здесь, как и в «Илиаде», два: во-первых, яркость и красота, во-вторых, вредоносность, при этом оба выражены эксплицитно (καλός; κάματον δὲ δυσίμερον ὦρσε). Однако отметим, что с этим пассажем сравнение у Валерия Флакка пересекается лишь в том, что образом сравнения в обоих случаях выступает Сириус.

В римском эпосе сравнение с Псом Ориона также есть в «Энеиде» Вергилия (10. 270–275), где с Сириусом и кометами сопоставляется блеск от шлема и щита Энея. Этот пассаж создан с опорой на стихи из «Илиады»: в обоих случаях речь идет о военной амуниции, которая, во-первых, блестит, во-вторых, что более значимо, сопряжена с гибелью[5]. Кроме того, как замечает С. Харрисон (Harrison 1991: 146), оба сравнения (это и Il. 22. 25–32) поданы с точки зрения противника.

В научной литературе эти стихи Вергилия нередко называют источником для сравнения у Валерия Флакка (Gärtner

[3] Также см., например: Richardson 1993: 108.

[4] О том, как Аполлоний использует сравнение Гомера про Сириус, см.: Hunter 1989: 202–203; Hunter 2004: 48.

[5] Й. Смоленаарс замечает, что Вергилий первым ввел в латинскую версию этого сравнения мотив смертоносности, заимствованный из Il. 22. 25–32 (Smolenaars 1991: 66).

1994: 331; Wijsman 2000: 231, 233; Baier 2001: 240; Stover 2003: 144); действительно, между пассажами имеются параллели: совпадает объект сравнения – в обоих случаях это шлем героя, также наблюдаются лексические переклички: *cristisque a vertice – vertice coni*; *ardet apex – ardescit sidus iubae*; *cometae – cometae*; *Sirius ardor – acer autumni canis*; *laevo – fatales*.

Можно подытожить, что сравнение шлема Ясона со звездой Сириус из шестой книги «Аргонавтики» Валерия Флакка целиком основывается на пассажах из «Илиады» и «Энеиды» и не перекликается со стихами из «Аргонавтики» Аполлония Родосского. Кроме того, нами установлено, что всякое сравнение с Псом Ориона в античной эпической традиции восходит к гомеровскому сравнению Ахилла с Сириусом.

Второе сравнение триады выглядит так (ст. 609–612):

> nec sua Crethiden latuit dea vimque recentem
> sentit agi membris ac se super agmina tollit,
> quantus ubi ipse gelu magnoque incanuit imbre
> Caucasus et summas abiit hibernus in Arctos.
>
> ‘И не скрылась от потомка Кретея (т. е. Ясона) благоволящая ему богиня (т. е. Юнона), и чувствует он, что свежая сила возрастает в членах, и возвышается над толпой, как когда сам Кавказ побелел от мороза и сильного ливня и зимний вознесся к высшей медведице’.

Здесь возвышающийся над остальными Ясон сопоставляется с горой Кавказ; в качестве tertium comparationis выступает огромный рост.

Эпическая традиция сопоставления человека с горой берет начало в стихах из «Илиады» Гомера (13. 754–755), где Гектор сравнивается с заснеженной горой. Другим источником пассажа V. Fl. 6. 609–612 называют (Gärtner 1994: 331; Baier 2001: 240) стихи из «Одиссеи» Гомера (10. 112–113), где жена царя лестригонов сравнивается с горой. Сопоставив сравнение из «Аргонавтики» с упомянутыми стихами из поэм Гомера, заметим, что с «Илиадой» пассаж Валерия Флакка объединяет контекст битвы, а с «Одиссеей» – использование для ввода сравнения в текст слова со значением «столь большой» (ὅσην – *quantus*). С другой стороны, у Гомера образом сравнения выступает гора как обобщенное понятие, тогда как у Валерия Флакка гора конкретизирована и оправдана географически.

Третий пассаж, который называют (Gärtner 1994: 331; Furecchi 1997: 195; Wijsman 2000: 233; Spaltenstein 2005: 177) в качестве источника для стихов V. Fl. 6. 609–612, – сравнение Энея с Афоном, Эриком и Апеннином в «Энеиде» Вергилия (12. 697–703). Необходимо отметить, что с этим пассажем сравнение у Валерия Флакка сближает общий контекст битвы, а также ряд лексических параллелей: *summas – summas*; *quantus – quantus*; *ipse* (*Appenninus*) – *ipse* (*Caucasus*); *se attollens – se tollit*; и смысловые переклички: *nivali – incanuit*; *ad auras – in arctos*. У Валерия Флакка, как и у Вергилия, образом сравнения выступает конкретная гора, а не обобщенное понятие, как у Гомера, однако общим остается одинаковое основание сравнения – величина. В качестве прототипа описания горы Кавказ явным образом выступает описание Апеннина в «Энеиде» Вергилия.

При этом заметим, что Валерий Флакк развивает сравнение: так, он добавляет прилагательное hibernus, которое, по замечанию Г. Вейсмана (Wijsman 2000: 234), подчеркивает идею холода, составляющую противоположность страсти Медеи и указывающую на будущее, которое окажется для героев трагическим. Более того, упоминание созвездий отсылает читателя к сравнению с Сириусом (6. 604–608), который стал образом, символизирующим опасность и вредоносность, – все это добавляет сравнению Ясон – Кавказ идею губительности Ясона для Медеи.

Итак, основным источником для сравнения Ясона с Кавказом выступает описание Апеннина в «Энеиде»: их объединяет контекст, лексические переклички и tertium comparationis. Вместе с тем, Валерий Флакк развивает сравнение, по своему авторскому замыслу дополняя образ героя.

Заключительное сравнение выглядит следующим образом (стт. 613–617):

> tunc vero, stabulis qualis leo saevit opimis
> luxurians spargitque famem mutatque cruores,
> sic neque parte ferox nec caede moratur in una
> turbidus inque omnes pariter furit ac modo saevo
> ense, modo infesta rarescunt cuspide pugnae.
>
> ‘Тогда же, как лев с радостью свирепствует в богатых стойлах и рассеивает голод и меняет кровь, так он не отчасти храбр, и ни в одной резне он не медлит, взволнованный, и безумствует

> по отношению ко всем одинаково, и то от сурового меча, то от жестокого копья воины[6] (досл. битвы) редеют’.

Здесь Ясон сравнивается со львом, а воины-противники Ясона – с обитателями стойл, павшими от зубов льва. В качестве tertium comparationis выступает идея неистовства.

Сравнения со львом имеют свою традицию в античном героическом эпосе: появившись в поэмах Гомера[7], они встречаются также у Аполлония Родосского, Вергилия, Валерия Флакка. Что касается tertium comparationis, К. Шелл (Schell 2009: 7) отмечает, что сравнения со львом подчеркивают храбрость. Действительно, лев – один из образов, который наиболее часто используется для описания воина (Scott 2006: 108–109), однако в зависимости от художественных задач основанием сравнения выступают разные качества: стремительность[8], сила[9], ярость и неистовство[10], радость[11], скорбь[12] и т. д.

Что касается источников V. Fl. 6. 613–617, один из упоминаемых в этом качестве пассажей – Hom. Il. 24. 39–45 (Wijsman 2000: 236), где Ахилл, не думающий о справедливости и не испытывающий жалости, сопоставляется со львом, мыслящим лишь о добыче. Tertium comparationis здесь – жестокость, отсутствие жалости. Однако, на наш взгляд, между этими сравнениями не обнаруживается сходств, за исключением того, что в обоих образом сравнения выступает лев: они располагаются в

---

[6] Об использовании abstractum pro concreto в «Аргонавтике» Валерия Флакка см.: Strand 1972: 62–64, 118.

[7] Есть мнение, что гомеровские сравнения со львами являются результатом непосредственного наблюдения за миром вокруг (Korner 1930: 2). О существовании львов в Греции известно из текстов авторов первого тысячелетия до н. э., см.: Рабинович 2017: 227–228. Иной точки зрения придерживаются те, кто считает, что в основе знаний поэта о львах лежат скорее рассказы и слухи, нежели наблюдения (Heubeck, West, Hainsworth 1990: 213). Также есть ученые, которые полагают, что такие сравнения обращены не к бытовому, а к художественному опыту (Ахунова 2013: 87, 91). Подробнее о «львиных» сравнениях у Гомера см.: Clarke 1995; Wilson 2002; Alden 2005; Scott 2006: 105–109.

[8] Напр., Hom. Il. 10.297–298, 485–488; 11.129–130; 12.298–308; 24. 572.

[9] Напр., Hom. Il. 5. 161–165; 11. 172–178; 16. 823–828; Od. 4. 333–340; 17. 124–131.

[10] Напр., Hom. Il. 11. 238–239; 16. 751–754; Verg. A. 12. 4–9; V. Fl. 1. 755–761.

[11] Напр., Hom. Il. 3. 21–29; Verg. A. 10. 723–729.

[12] Напр., Il. 18. 316–323; V. Fl. 3. 736–740.

разных контекстах (у Гомера – речь Аполлона к богам против Ахилла, у Валерия Флакка – сцена битвы), имеют различные tertia comparationis и не имеют лексических перекличек.

Другой пассаж из «Илиады», который считается (Gärtner 1994: 332) источником рассматриваемого сравнения, – 10. 485–488, где убивающий фракийцев Диомед сопоставляется со львом, который, увидев скот, быстро нападает и убивает его. В качестве tertium comparationis выступает стремительность. В данном случае, как и в предыдущем, общих черт между сравнениями мало: совпадает лишь контекст битвы, tertia comparationis отличаются, лексических перекличек нет (за исключением слова «лев»).

Еще одно место, которое упоминается в комментариях (Langen 1897: 459; Gärtner 1994: 332), – Il. 3. 21–29, где Менелай, увидевший Париса, сопоставляется со львом, который находит большую добычу. Сравнение включено в пассаж, где поочередно представлены описания Менелая и Париса до начала сражения (стт. 21–37); за счет развернутых сравнений подчеркиваются эмоции и реакции героев (Kirk 1995: 269): так, в этом сравнении tertium comparationis является идея радости. Между этими пассажами есть лексические переклички: λέων – *leo*, ἐχάρη – *luxurians*, πεινάων – *famem*; с другой стороны, tertia comparationis у них разные; также отличается контекст, в который помещены сравнения.

Наибольшее сходство, по нашему мнению, сравнение Валерия Флакка имеет с пассажем из «Илиады» (12. 298–308) (Langen 1897: 459; Gärtner 1994: 332), где Сарпедон, бросившийся на крепостную стену, сопоставляется со львом, атакующим овчарню. В качестве основания сравнения выступает стремительность. Хотя здесь и в V. Fl. 6. 613–617 различные tertia comparationis, пассажи объединены схожим контекстом битвы и лексическими перекличками: λέων – *leo*, δόμον, σταθμοῖο – *stabulis*; ἐπιδευὴς δηρὸν κρειῶν – *famem*.

В «Аргонавтике» Аполлония Родосского есть краткий пассаж (4. 485–487), где аргонавты сопоставляются со львами, колхи – с овечьим стадом, которое гонят львы, проникшие в загоны; tertium comparationis является внезапное нападение. Заметим, что с этими стихами разбираемое сравнение объединяет сходный контекст сражения и немногочисленные лекси-

ческие переклички: λέοντες – *leo*, σταθμοῖσι – *stabulis*; tertia comparationis же отличаются.

Что касается латинских образцов, в «Энеиде» есть несколько пассажей, похожих на разбираемое сравнение Валерия Флакка. Во-первых, необходимо назвать Aen. 12. 4–9 (Langen 1897: 459), где свирепый Турн сравнивается с раненым, но не сраженным львом. Отметим, что, несмотря на отличия сюжета и контекста (у Вергилия – сцена перед битвой, у Валерия Флакка – сама битва), сравнения объединяет схожее tertium comparationis и лексические переклички: *qualis – qualis*; *leo – leo*; *violentia – saevit*, *furit*, *saevo*; *gaudet – luxurians*; *cruento – cruores*.

Также заслуживают упоминания стихи из десятой книги поэмы Вергилия, где устремившийся в гущу врагов Мезенций сопоставляется со львом, убивающим жертву (стт. 723–729) (Langen 1897: 459; Gärtner 1994: 332; Wijsman 2000: 236). В качестве основания сравнения здесь выступает радость. Необходимо сказать, что, хотя у разбираемых сравнений разные tertia comparationis, пассажи объединяются контекстом битвы и лексическими перекличками: *stabula – stabulis*; *leo – leo*; *fames – famem*; *gaudet*, *alacer – luxurians*; *cruor – cruores*; *sic – sic*.

Наибольшее сходство сравнение Валерия Флакка имеет, на наш взгляд, с упоминаемым в качестве его источника (Wagner 1805: 216; Furecchi 1997: 196; Wijsman 2000: 236; Baier 2001: 241; Spaltenstein 2005: 178) пассажем из девятой книги «Энеиды», где сеющий смерть Эвриал сопоставляется с голодным львом в овчарне (стт. 339–348). Основанием сравнения является жажда битвы и кровопролития. Хотя tertia comparationis сопоставляемых сравнений отличаются, пассажи схожи контекстом, в котором они расположены, а также многочисленными лексическими параллелями и перекличками: *leo – leo*, *fames – famem*, *-que – -que*, *caedes – caede*, *ensem – ense*; *plena ovilia – stabulis opimis*, *turbans – turbidus*, *cruento – cruores*, *perfurit – furit*.

Таким образом, сравнение Ясона со львом в шестой книге «Аргонавтики» Валерия Флакка в значительной мере основывается на пассажах из «Энеиды»: между ними наблюдается убедительное количество лексических перекличек, совпадение контекста и tertium comparationis, что дает основание считать рассмотренные стихи из поэмы Вергилия источниками для V. Fl. 6. 613–617. Влияние пассажей из поэм Гомера и Аполлония Родосского в данном случае не кажется нам явным.

Итак, для создания образа Ясона Валерий Флакк группирует три сравнения, в которых подчеркиваются разные качества: губительность, величина и неистовство. На основании проведенного анализа можно отметить, что образные составляющие всех сравнений, входящих в группу, берут начало в «Илиаде» Гомера, затем переходят в римский эпос. При этом связи со стихами «Аргонавтики» Аполлония Родосского не установлено, влияние Гомера явно только в первом примере, тогда как пассажи из «Энеиды» можно с уверенностью назвать прямым источником всех трех рассмотренных сравнений. Таким образом, можно видеть авторскую технику работы Валерия Флакка с материалом предшественников.

Литература

Ahunova (Levinskaja), O. L. 2013: [Imaginary of Homeric Simile]. *Aristej* [Aristeas] 8, 81–93.
Ахунова (Левинская), О. Л. 2013: Образность гомеровского сравнения. *Аристей* 8, 81–93.
Alden, M. 2005: Lions in Paradise: Lion Similes in the Iliad and the Lion Cubs of Il. 18. 318–22. *The Classical Quarterly*, New Series 55, 335–342.
Baier, Th. 2001: *Valerius Flaccus. Argonautica, Buch VI: Einleitung und Kommentar*. München.
Clarke, M. 1995: Between Lions and Men: Images of the Hero in the Iliad. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 36, 137–159.
Ehlers, W.-W. (ed.) 1980: *Gai Valeri Flacci Setini Balbi Argonauticon libros octo*. Stuttgart.
Furecchi, M. 1997: *La τειχοσκοπία e l'innamoramento di Medea. Saggio di comment a Valerio Flacco Argonautiche 6, 427–760*. Pisa.
Gärtner, U. 1994: *Gehalt und Funktion der Gleichnisse bei Valerius Flaccus*. Stuttgart.
Harrison, S. J. (ed.) 1991: *Vergil. Aeneid 10*. Oxford.
Heubeck, A., West, S., Hainsworth, J. B. 1990: *A Commentary on Homer's Odyssey. Vol. I: Introduction and Books I–VIII*. Oxford.
Hunter, R. L. (ed.) 1989: *Apollonius of Rhodes. Argonautica: Book III*. Cambridge.
Hunter, R. L. 2004 (= 1993): *The Argonautica of Apollonius: Literary studies*. Cambridge; New York.
Kazansky, N. N. 2005: Language dictates. Fabula and logic of the text in the development of the plot of the Iliad. *Živa Antika* 55, 117–123.
Kirk, G. S. 1995: *The Iliad: A Commentary. Vol. I: Books 1–4*. Cambridge.
Korner, O. 1930: *Die homerische Tierwelt*. Münich.
Langen, P. (ed.) 1897: *C. Valeri Flacci Setini Balbi Argonauticon libri octo. Pars post. cont. libros IV–VIII.* Berolini.
Rabinovitch, E. G. 2017: *Flavij Filostrat. Zhizni sofistov* [*Flavius Philostratus. The Lives of the Sophists*]. Moscow.
Рабинович, Е. Г. 2017: *Флавий Филострат. Жизни софистов.* М.

Richardson, N. 1993: *The Iliad: A Commentary. Vol. VI: Books 21–24*. Cambridge.
Schell, K. C. 2009: *Vergil's Self-Referential Simile: Thematic Construction through Internal Allusion in the Aeneid*. Providence.
Scott, W. C. 2006: Similes in a Shifting Scene: Iliad, Book 11. *Classical Philology* 101, 103–114.
Smolenaars, J. J. L. 1991: Quellen und Rezeption. Die Verarbeitung homerischer Motive bei Valerius Flaccus und Statius. *Ratis omnia vincet. Untersuchungen zu den Argonautica des Valerius Flaccus*. Hildesheim; Zürich; New York, 57–71.
Spaltenstein, F. 2005: *Commentaire des Argonautica de Valérius Flaccus (livres 6, 7 et 8)*. Bruxelles.
Stover, T. 2003: Confronting Medea: Genre, Gender, and Allusion in the Argonautica of Valerius Flaccus. *Classical Philology* 98, 123–147.
Strand, J. 1972: Notes on Valerius Flaccus' Argonautica. *Studia graeca et latina gothoburgensia*. 31. Göteborg.
Wagner, I. A. 1805: *Commentarius perpetuus in C. Valerii Flacci Setini Balbi Argonauticon libros VIII*. Gottingae.
Wijsman, H. J. W. 2000: *Valerius Flaccus. Argonautica, Book VI: A Commentary*. Leiden; Boston; Köln.
Wilson, D. F. 2002: Lion Kings: Heroes in the Epic Mirror. *Colby Quarterly* 38, 231–254.

A. V. Kotova. On sources of the group of similes in Valerius Flaccus' "Argonautica" (6. 604–608, 609–612, 613–617)

The article deals with the group of three successive similes in Valerius Flaccus' "Argonautica". In the first simile (6. 604–608) Jason's helmet is compared with Sirius. The author examines several passages that are attributed as its sources in commentaries and concludes that this simile is based on verses from the "Iliad" and the "Aeneid" and does not have any similarities with Apollonius Rhodius' "Argonautica". In the second simile (6. 609–612) Jason is compared with mount Caucasus. The author analyzes several passages that are thought to be sources of the simile and comes to the conclusion that its main source is a description of Appenninus in Vergil's "Aeneid" (12. 701–703): these verses are related by context, vocabulary and tertium comparationis. In the third simile (6. 613–617) Jason is compared with a hungry lion that finds cattle or sheep in a pen and spatters blood in attacking one victim after the other. The author studies several passages that are mentioned as its possible sources in research literature and proves that the lion simile is mostly based on verses from the "Aeneid": there are many lexical parallels, similar context and tertium comparationis that makes us think that similes from the "Aeneid" are direct sources of V. Fl. 6. 613–617. The author also analyzes Valerius Flaccus' technique of work with his predecessors' verses for making his own similes.

Keywords: epos, Roman literature, Valerius Flaccus, "Argonautica", similes, sources.

DOI:10.30842/ielcp230690152252

П. А. Кочаров

ЭТИМОЛОГИЯ ДР.-АРМ. *SKSANIM* ‘НАЧИНАТЬ(СЯ)’*

Статья посвящена происхождению др.-арм. *sksanim* ‘начинать(ся)’. Традиционная этимология, согласно которой глагол возводится к ПИЕ **(s)ueiḱ-* ‘селиться’, несостоятельна с семантической точки зрения. В статье обосновывается альтернативное решение, согласно которому корень *skis-* представляет собой приставочное образование **z-kis-*, второй компонент которого продолжает сигматический аорист **g^{w}em-s-* от ПИЕ глагола **g^{w}em-* ‘идти, приходить’. Предполагается, что данный глагол мог образовывать начинательную конструкцию, ср. др.-гр. βῆ ἰέναι ‘пойти, начать движение’, где βῆ форма аориста βαινω (ПИЕ **g^{w}m-ie/o-*). Употребление глагола в составе начинательной конструкции привело к лексикализации фазового значения.

Ключевые слова: древнеармянский язык, этимология, фазовые глаголы, начинательные конструкции.

Др.-арм. *sksanim*, аор. *sksay* ‘начинать(ся)’ является базовым фазовым глаголом и хорошо засвидетельствован, начиная с самых ранних текстов; глагол имеет только формы медиопассивного залога и не засвидетельствован в форме каузатива (*NBHL* 2: 722; *HAB* 4: 231; Künzle 2: 616; *RADCA*: 144; Zeilfelder 2004: 243). Также хорошо засвидетельствовано существительное *skizbn* ‘начало’, образованное от тоже же корня с позиционным озвончением конечного *-s-* (*NBHL* 2: 722; *HAB* 4: 231; Künzle 2: 616; *RADCA*: 144; Zeilfelder 2004: 243). Наиболее частотным является употребление глагола в начинательной конструкции с инфинитивом и агентивным (1) или неагентивным (2) субъектом.

(1) Agatʻangełos 2003: 1315f.: *Ard i miws ews i glux tarwoyn* ***sksanēr*** *Xosrov tʻagaworn Hayocʻ gund* ***kazmel*** *ew zawr* ***bowandakel*** ‹…›. ‘И вот в начале следующего года армянский царь Хосров вновь **начал набирать** полки и **составлять** войско ‹…›’ (перев. Ter-Davtyan, Arevshatyan 2004: 29).

(2) *Быт.* 41, 54: *Ew* ***sksan*** *gal ewtʻn amkʻ sovoyn* ‹…›. ‘‹…› и **наступили** семь лет голода ‹…›’.

* Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 17-04-00228 «Выражение перфективности в древних индоевропейских языках и проблемы праязыковой реконструкции».

Корень *skis-*/*sks-*, выделяющийся в составе именной и глагольных основ, не имеет надежной этимологии. Традиционно глагол сопоставляется с др.-инд. *veś-* и авест. *vīs-* ‘заходить; останавливаться где-либо; селиться’ (ср. индоиранские свидетельства в *EWAia* 2: 584 и Cheung 2007: 415f.) и возводиться к ПИЕ **(s)ueiḱ-* ‘селиться’ (Meillet 1977: 28; Klingenschmitt 1982: 224ff.; *LIV*^{2}: 669f.; *EDAIL*: 581). Эта этимология сомнительна как с формальной, так и с семантической точек зрения.

Даже если допустить наличие *s*-mobile в ПИЕ корне, ожидаемым древнеармянским рефлексом ПИЕ **suiḱ-* было бы др.-арм. *^{x}kʻis-*, ср. развитие начальной группы согласных в ПИЕ **suopnos* > др.-арм. *kʻun* ‘сон’, etc. (Beekes 2003: 197). Для объяснения нерегулярного отражения начальной группы согласных приходится принять переход ПИЕ **su*V- > др-арм. *sk*V- как результат дистантной диссимиляции с последующим велярным до перехода ПИЕ **ḱ* > прото-арм. **s*, ср. ПИЕ **suekrú-h$_2$-* ‘мать мужа’ (др.-инд. *śvaśrū-*, лат. *socrus*, etc.) > **suekur-(e)h$_2$-* (др.-гр. ἑκυρά) > др.-арм. *skesur* ‘мать мужа’ (*DELG*: 330; *EDAIL*: 581f.). На то, что диссимиляция начального **suV-* перед палатальным велярным не была регулярной указывает *vecʻ* ‘шесть’ из ПИЕ **sueḱs*, хотя и в этом случае наблюдается отклонение от ожидаемого *kʻ-* (*EDAIL*: 594).

Еще более проблематичной представляется семантическая сторона традиционной этимологии. Семантический переход ‘селиться’ > ‘начинаться’ едва ли можно считать ожидаемым даже с учетом представленного в индоиранских языках значения ‘заходить’.

Указанные недостатки традиционной этимологии побуждают искать иное объяснение корня *skis*/*sks-*. Г. Б. Джаукян совершенно справедливо анализирует начальное *s-* как результат оглушения глагольной приставки *z-* при корне *kis-*/*ks-* (Djahukian 2010: 684). Эта приставка часто встречается в глаголах с возвратным значением, ср. *z-genum* ‘одевать ч.-л. на себя’, *z-bałnum* ‘заниматься’, *z-bawsnum* ‘расслабляться’[1]. Рас-

[1] Учитывая тот факт, что предложно-падежная конструкция *z-* + аккузатив является стандартным способом оформления прямого дополнения, а также тенденцию глагольных приставок дублировать предлоги зависимых именных групп, можно предположить, что исходно приставка *z-* маркировала внутренний объект автокаузативных глаголов.

ширение сферы употребления *z-* с возвратных на антикаузативные глаголы можно продемонстрировать глаголом *z-artʿnum* (**z-hartʿnum*) ‘пробудиться’, образованным от *hartʿnum* ‘отпрянуть’. Таким образом, значение ‘начинать(ся)’ вполне соответствует деривационному потенциалу *z-*.

Оглушение приставочного *z-* в начале слова перед глухими можно проиллюстрировать *s-pʿacanim* ‘опоясываться’, корень *pʿac-* которого продолжает ПИЕ **peh₂ǵ-* ‘закреплять’ (Klingenschmitt 1982: 227f.; *LIV*²: 461).

Представленный анализ начального *s-* в *skis*/*sks-* открывает новую этимологическую возможность. Корень *kis-*/*ks-* можно в полном соответствии с регулярными звуковыми переходами возвести к ПИЕ **gʷem-s-* (ср. др.-гр. ἔβησα), сигматическому аористу от ПИЕ **gʷem-* ‘идти’ (*LIV*²: 209f.). Отсутствие палатализации начального лабиовелярного перед гласным переднего ряда ожидается в соответствии с правилом, по которому только ПИЕ глухие и звонкие придыхательные лабиовелярные подвергались палатализации, ср. ПИЕ **gʷerh₃-* ‘есть’ > аор. *keray* ‘я съел’ (см. Meillet 1936: 29; Pisani 1950; Scala 2017). Переход **-ems-* > *-is-* предполагает следующую относительную хронологию звуковых переходов: 1) **e* > **i* / _N; 2) **ms* > **s*. Такая хронология подтверждается надежными этимологиями, ср. вин.п. мн.ч. *is* ‘меня’ < **ins* < **em-s* от обобщенной основы **em-* из ПИЕ вин.п. ед.ч. **h₁me*, ср. др.-гр. ἐμέ, и род.п. ед.ч. **h₁mos*, ср. др.-арм. *im*, др.-гр. ἐμοῦ (см. Schmidt 1981: 115f.; Beekes 2003: 168, 185).

Семантическая сторона предложенной этимологии основана на распространенной в языках мира модели грамматикализации глагола движения с базовым значением ‘идти, уходить’ в фазовый глагол ‘начинать(ся)’ в составе инхоативной конструкции (см. Maisak 2005: 174–176 с примерами и литературой).

В синхронии древнеармянского языка обнаруживается близкое к обсуждаемому употребление глагола движения в составе сериальной конструкции, ср. (3), где *elanēr* – 3 sg. имперфекта *elanel* ‘выходить’, а *dizanēr* – 3 sg. имперфекта *dizanel* ‘собираться (о людях); клубиться (о дыме), etc.’.

(3) Езек 8, 11: ‹…› *ew cux xnkoyn* ***elanēr dizanēr*** *ibrew zamp*. ‘‹…› и густое облако курений **возносится** кверху’.

Существенно, что начинательная конструкция с инфинитивом встречается в древнегреческом языке, вероятно, ближайшем из сохранившихся родственников древнеармянского в составе индоевропейской языковой семьи (de Lamberterie 2013; Martirosyan 2013; Kortlandt 2016). Как известно, βῆ, супплетивная форма аориста от βαίνω ‘идти; отправляться’, встречается у Гомера в составе начинательной конструкции с глаголами движения, ср. βῆ θέειν ‘побежать, начать бег’ (*Il.* 2, 183), βῆ ἰέναι ‘пойти, начать движение’ (*Il.* 4, 199). Сюда же, по-видимому, относится Гом. βάσκ’ ἴθι (*Il.* 2, 8), императив, образованный от имперфективной основы βασκ-[2]. При этом βαίνω продолжает ПИЕ *$g^{w}m$-*ie*/*o*- (ср. лат. *venio* ‘приходить’, etc., наряду с *$g^{w}m$-*ske*/*o*-, ср. др.-инд. *gácchati*, др.-гр. βάσκω) от *$g^{w}em$- ‘идти’ с корневой перфективной основой, ср. др.-инд. *ágan*, др.-гр. *βάτην* (*LIV*^{2}: 209); для др.-гр. βῆ восстанавливается корневой аорист от ПИЕ *$g^{w}eh_{2}$-, ср. др.-инд. *ágāt*, с редуплицированной имперфективной основой *$g^{w}i$-$g^{w}eh_{2}$-, ср. др.-инд. *jígāti* ‘идти’, др.-гр. прич. βιβάς ‘шагающий’ (*LIV*^{2}: 205; Cheung 2007: 93f.; *EDG*: 192). В отличие от древнегреческого, в древнеармянском сохранилась перфективная корневая основа *$g^{w}em$- (ср. ПИЕ 3sg. *$h_{1}e$-$g^{w}em$-*t* > 3sg. *ekn* ‘пришел’), образующая общую парадигму с супплетивной корневой основой, образованной от ПИЕ *ueh_{2}- (др.-арм. *gam* ‘приходить’; *EDAIL*: 196).

Корни *$g^{w}eh_{2}$- и *$g^{w}em$- часто глоссируются в этимологических словарях как ‘идти, уходить’ (непредельное значение) и ‘идти, приходить’ (предельное значение) соответственно. Однако, в истории отдельных языков наблюдаются как переходы от одного из этих значений к другому, так и их совмещение у производных от одного из корней. В частности, это проявилось в упомянутом синкретизме двух корней в парадигме βαίνω. В древних иранских языках корень *gam- (ПИЕ *$g^{w}em$-) с приставкой *ā- может принимать значение ‘приходить’, а с приставкой *para- – ‘выходить’ (см. Cheung 2007: 98–101).

Таким образом, кажется допустимым постулировать для протоармянского корневую основу *$g^{w}em$- с комплетивным значением (откуда аор. *ekn* ‘пришел’) и *$g^{w}em$-*s*- с инхоативным

[2] Едва ли можно считать убедительной интерпретацию В. Георгиева, согласно которой βάσκ’ ἴθι следует считать регулярной формой инфинитива βασκιθι от основы βασκι- из *$g^{w}m$-*ski*-$d^{h}i$ (Georgiev 1984).

значением ‘пошел’ (откуда аор. *sksaw* ‘начал(ся)’), либо морфологическое чередование корневого и сигматического аориста при корне, который мог принимать предельное или непредельное значение в зависимости от контекста.

Предложенное решение затрагивает вопрос о специфике употребления сигматического аориста в протоармянском и праиндоевропейском. Согласно распространенной точке зрения, наряду с функцией показателя перфективности, суффикс *-*s*- характеризовал переходные и/или агентивные глаголы. Достаточно отчетливо эта особенность проявляется в древнегреческом. Так, например, А. Вилли (Willi 2018: 436) отмечает, что активные формы тематического аориста ἔτραπον от др.-гр. τρέπω, -ομαι ‘поворачивать(ся)’ встречаются у Гомера как в агентивных переходных, так и в неагентивных непереходных конструкциях, в то время как сигматический аорист ἔτρεψα начинает, начиная с Гомера замещать агентивные переходные употребления, в том числе в своих медиальных формах с автобенефактивным значением ‘обращать к себе’ (ἐτρεψάμην).

Указанное распределение сигматических основ в древнегреческом не обязательно считать индоевропейским архаизмом. Так, К. Уоткинз (1962: 52–60) предпринял попытку связать распространение сигматического суффикса с формами медиального залога на праиндоевропейском уровне. На это, по его мнению, указывают, в первую очередь, данные древнеиндийского языка, где глаголы с активным тематическим аористом часто имеют медиальные пары с сигматическим аористом. Следы связи сигматического аориста с медием Уотканз усматривает и в др.-гр. Гом. δέξατω, мик. *de-ka-sa-to* (наряду с Гом. δέκτο), которые можно, по его мнению, рассматривать как тематизированные варианты **dek-s-to*. Сюда же можно отнести эпич. др.-гр. аор. ἐπεβήσετο наряду с регулярным ἐπέβην от ἐπιβαίνω ‘ступать’. Сопоставление греческих и индоиранских данных позволяет предположить, что сфера употребления сигматического аориста в диалектах позднеиндоевропейского, из которых развились греческая и индоиранская ветви, не была жестко закреплена за глаголами с определенным типом аргументной структуры. Учитывая, что предок армянского, по-видимому, принадлежал к тому же диалектному ареалу, можно предположить такое же положение дел и для раннего протоармянского. Это подтверждается соответствием др.-гр. ἕννυμαι, аор. ἑσάμην и др.-арм. *zgenum*, аор. *zgecʻa* ‘одеваться’ из диал. ПИЕ мед. **ues-nu-*, аор. **ues-s-* с возвратным значением наряду

с активными переходными формами этого глагола со значением ‘одевать’, отразившимися в др.-гр. ἕννυμι, аор. ἔσσα.

Можно предположить, что унаследованный глагол активного залога през. **ksanem*, аор. **ksi* перешел в дописьменный период в медиопассивный глагол през. **z-ksanim* (откуда *sksanim*), аор. **z-ksay* (откуда *sksay*) в процессе грамматикализации фазового значения и расширения сферы употребления глагола с агентивных субъектов на контексты с неагентивным субъектом.

Таким образом, предложенная этимология позволяет предположить, что корень **g*^{w}*em-* имел в протоармянском две перфективные основы, **g*^{w}*em-* и **g*^{w}*em-s-*, из которых вторая сохранилась в составе начинательной конструкции в специализированном значении ‘пойти’, на базе которого развилось фазовое значение ‘начинать(ся)’.

Литература

Agatʻangełos 2003 – Yuzbashyan, K., Muradyan, P. (eds.). 2003: Agatʻangełos. Patmutʻiwn hayocʻ. In: Z. Yegavian (ed.), *Armenian Classical Authors.* Vol. II. Antelias: Armenian Catholicosate of Cilicia, 1289–1735.

Beekes, R. S. P. 2003: Historical phonology of Classical Armenian. In: Kortlandt, F. *Armeniaca: comparative notes (with an appendix by R. S. P. Beekes)*. Ann Arbor: Caravan Books: 133–211.

Cheung, J. 2007: *Etymological dictionary of the Iranian verb.* Leiden; Boston: Brill.

DELG – Chantraine, P. 1968–1980: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots.* Paris.

EDAIL – Martirosyan, H. 2010: *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon.* Leiden, Boston: Brill.

EDG – Beekes, R. S. P., with the assistance of L. van Beek. 2010: *Etymological dictionary of Greek*. Leiden; Boston: Brill,.

EWAia – Mayrhofer, M. 1986–2001: *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen.* Vols. 1–3. Heidelberg: Winter.

Georgiev V. I. 1984: Homerisch βάσκιθι, nicht βάσκ’ ἴθι! *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 97 (2), 233–235.

HAB – Ačaṙyan, Hṙ. *Hayerēn armatakan baṙaran.* 4 vols. Yerevan: University Press.

Klingenschmitt, G. 1982: *Das altarmenische Verbum.* Wiesbaden: Reichert.

Kortlandt, F. 2016: Phrygian between Greek and Armenian. *Linguistique Balkanique* 55 (2), 249–255.

Künzle, O. B. 1982: *Das altarmenische Evangelium. Teil I: Edition. Teil II: Lexikon*. Bern: P. Lang.

de Lamberterie, Ch. 2013: Grec, phrygien, arménien: des anciens aux modernes. *Journal des savants* 1, 3–69.

LIV^{2} – Rix, H., Kümmel, M., Zehnder, Th., Lipp, R., Schirmer, B. 2001: *Lexikon der indogermansichen Verben. Die Wurzeln und ihre*

Primärstammbildungen. 2 erweit. und verbess. Aufl. bearb. von M. Kümmel und H. Rix. Wiesbaden: Reichert.

Maisak, T. A. 2005: [Grammaticalization paths of motion and posture verbs: a typology]. Moscow.
Майсак, Т. А. 2005: Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. Москва.

Martirosyan, H. 2013: The place of Armenian in the Indo-European language family: the relationship with Greek and Indo-Iranian // *Journal of Language Relationship* 10, 85–137.

Meillet, A. 1936: *Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique*. 2nd ed. Vienne: Imprimerie des PP. Mekhitaristes.

Meillet, A. 1977: *Études de linguistique et de phonologie arméniennes. II.* Louvain: Imprimerie orientaliste.

NBHL – Awetik'ean, G. , Siwrmēlean, X., Awgerean, M. 1836–1837: *Nor baṙgirk' haykazean lezui*. 2 vols. Venice: St. Lazar, (reprinted: Yerevan: University Press, 1979–1981).

Pisani, V. 1950: L'albanais et les autres langues indo-européennes. In: *Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves* 10, 519–538.

RADCA – Jungmann, P., Weitenberg, J. J. S. (eds.). 1993: *A Reverse Analytical Dictionary of Old Armenian.* Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

Scala, A. 2017: Vittore Pisani e la continuazione delle dorsali indoeuropee in armeno. *Alessandria* 11, 103–118.

Schmidt, R. 1982: Grammatik des Klassisch-Armenischen mit sprachvergleichenden Erläuterungen. Innsbruck.

Ter-Davtyan, K. S., Arevshatyan, S. S. 2004: Agathangeghos. *History of Armenia.* Yerevan. Тер-Давтян, К. С., Аревшатян, С. С. 2004: Агатангелос. История Армении. Ереван.

Watkins, C. 1962: *Indo-European origins of the Celtic verb* I: *The sigmatic aorist*. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies.

Willi, A. 2018: Origins of the Greek verb. Cambridge: CUP.

Zeilfelder, S. 2004: *Eznik of Kołb. Ełc ałandoc'. Kommentar und Glossar.* Graz: Leykam.

P. A. Kocharov. The origin of Arm. *sksanim* 'begin'

The present paper is dedicated to the origin of Arm. *sksanim* 'begin'. Within the traditional etymology, *sksanim* goes back to PIE **(s)ueiḱ-* 'settle'. This solution is semantically invalid. The paper treats an alternative suggestion, according to which the root *skis-* derives from prepositional compound **z-kis-*, the second member of which continues sigmatic aorist **g^{w}em-s-* of PIE **g^{w}em-* 'go'. Presumably, this verb could participate in the inchoative construction, cf. Gk. Hom. βῆ ἰέναι 'begin to go', where βῆ is a aorist form of Gk. βαίνω (PIE **g^{w}m-ie/o-*). The use of the verb in the inchoative construction lead to the lexicalization of the phasal meaning.

Key words: Old Armenian, etymology, phasal verb, inchoative constructions.

DOI:10.30842/ielcp230690152253

Е. Р. Крючкова

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ В ЭДИКТАХ АШОКИ И В ИХ ГРЕЧЕСКИХ ПЕРЕВОДАХ

В статье проводится сопоставление способов описания одних и тех же ситуаций, относящихся к плану прошедшего времени, в исходных текстах на ранних (т. н. эпиграфических) пракритах эдиктов Ашоки (сер. III в. до н. э.) и в их переводах на древнегреческий язык, выполненных для обитателей греческих поселений того времени, находившихся на западных рубежах империи Маурьев. Как показывает исследование, греческие переводчики, весьма вольно обращавшиеся с исходными текстами, находили возможность использовать больше разных видовременных форм, чем имелось в пракритских оригиналах.

Ключевые слова: греко-индийские контакты, эдикты Ашоки, древнегреческие переводы эдиктов Ашоки.

Принято считать, что начало формирования среднеиндийских языков (пракритов) относится как минимум к середине I тыс. до н.э., но при этом пракритские фонетические черты находят уже в лексике «Ригведы». Наиболее раннее среднеиндийское состояние представляет пали – язык буддийского канона, сохранившийся в малоизмененном виде благодаря ритуальной фиксации и устной передаче (все дошедшие до нас рукописи – позднего происхождения). Наиболее ранние из дошедших до нас эпиграфических памятников на пракритах – надписи Ашоки, относятся приблизительно к 264–245 гг. до н. э. (Hultzsch 1925; Salomon 1998: 136) и демонстрируют уже более продвинутое по сравнению с пали состояние фонологической и грамматической систем.

Надписи (эдикты) Ашоки, обнаруженные к настоящему времени, принято подразделять на две группы в соответствии с тем, на чем они высечены, что отчасти соответствует и объему текстов: 1) наскальные эдикты (большие и малые) и 2) колонные эдикты (большие и малые). Поскольку все они на протяжении более двух тысячелетий подвергались воздействию неблагоприятных природных условий, сохранились они не полностью, что затрудняет их изучение.

Наиболее исследованными из всех этих текстов являются большие наскальные эдикты, которые уже давно привлекли внимание ученых. Всего их 14, причем каждый из них представлен в нескольких вариантах, соответствующих, как считается, языку той местности, где надпись была высечена. По мнению исследователей, для каждого из эдиктов первоначально создавалась исходная версия, скорее всего на восточном пракрите, языке двора империи Маурьев, находившемся в Паталипутре (современная Патна в Бихаре). Сопоставление параллельных версий на разных пракритах позволяет, во-первых заполнить возникшие лакуны и, во-вторых, реконструировать «исходный текст» (см.: Schneider 1978), который и будет в дальнейшем использован в данной работе.

Восточный пракрит представлен надписями из Дхаули (далее – Dh.) и Джаугада (Jg.), находящимися на территории современной Ориссы, **южный** – надписями из Эррагуди (Er.) в Андхра Прадеш, **западный** – из Гирнара (Gi.) в Гуджерате и Сопара (So.) в Махараштре, **северный** – из Калси (Ka.) в предгорьях Гималаев и **северо-западный** – из Шахбазгархи (Sh.) и Мансехра (Ma.), на территории Пакистана.

В ведийской видовременной системе передавались как временные, так и аспектуальные значения имперфектива, перфектива и результатива путем противопоставления трех типов основ – презентной, аористной или перфектной; т. е. имперфект и презенс выражали несовершенный вид или были нейтральны по отношению к виду, аорист – совершенный вид, а перфект – состояние, возникшее в результате совершения действия. При этом во многих конкретных примерах грамматического значения, передаваемые формами аориста и перфекта, очень близки или совпадают. Не удается, как правило, выявить четкого видового значения и для форм плюсквамперфекта (Елизаренкова 1982: 285–287).

В отличие от ведийского языка, в среднеиндийских языках постепенно сформировался единый претерит с некоторыми неморфологическими способами выражения аспектуальных противопоставлений.

Язык надписей Ашоки демонстрирует результат уже достаточно далеко зашедшего процесса разрушения и переосмысления древнеиндийской видовременной системы.

В надписях обнаруживается только несколько флективных форм прошедших времен, которые с некоторыми оговорками могут быть соотнесены с древнеиндийскими аористом, при этом из-за ограниченности языкового материала невозможно определить, насколько употребительными они были – ни для одного глагола не находится полной парадигмы. Приходится также иметь в виду, что уже в этих текстах в функции личных форм глаголов прошедшего времени широко употребляются причастия.

Особый интерес для нас представляет существование двух древнегреческих переводов, или, вернее, пересказов некоторых идей из эдиктов Ашоки, вероятно выполненных для греков, обитавших в греческих поселениях-колониях на западных границах империи Маурьев. Поселения эти возникли после похода в Индию Александра Македонского и существовали на протяжении нескольких веков, оставив после себя множество следов индо-греческих контактов (Tarn 1951; Казанский, Крючкова 2007; Вигасин 2015). В 1950-х годах в районе Кандагара (Афганистан) была найдена греко-арамейская билингва с фрагментами из IV и VIII эдиктов Ашоки (Sclumberger et al. 1958: 1–48). В 1963 г., также в Кандагаре, был обнаружен большой греческий текст, высеченный на камне. Он содержит достаточно приблизительный перевод-пересказ отрывков из XII и XIII больших наскальных эдиктов. Этот текст впервые был опубликован и переведен Э. Бенвенистом и Д. Шлюмберже (Benveniste 1964; Schlumberger 1964). Существование этих памятников позволяет попытаться проследить, как древнегреческие переводчики соотносили пракритские и греческие видовременные формы.

Ниже будут рассмотрены те части пракритских и древнегреческих надписей Ашоки, которые тематически связаны друг с другом и излагают события прошлого времени, предполагающие для их описания использование соответствующих глагольных форм.

Греко-арамейская билингва, небольшая по объему, кратко излагает основные представления раджи Ашоки о том, как должна быть устроена жизнь:

δέκα ἐτῶν πληρη[....]ων βασι[λ]εὺς Πιοδασσης εὐσέβεια[ν ἔδ]ε[ι]ξεν τοῖς ἀνθρώποις, καὶ ἀπὸ τούτου εὐσεβεστέρους τοὺς ἀνθρώπους ἐποίησεν καὶ πάντα εὐθηνεῖ κατὰ πᾶσαν γῆν• καὶ ἀπέχεται βασιλεὺς τῶν ἐμψύχων καὶ οἱ λοιποὶ δὲ εἴ τινες ἀκρατεῖς πέπαυνται τῆς ἀκρασίας κατὰ δύναμιν, καὶ ἐνήκοοι πατρὶ καὶ μητρὶ καὶ τῶν πρεσβυτέρων παρὰ τὰ πρότερον καὶ τοῦ λοιποῦ λῶιον καὶ ἄμεινον κατὰ πάντα ταῦτα ποιοῦντες διάξουσιν.

‘Когда исполнились 10 лет, царь Пиодасса показал людям благочестие. И сделал с того времени людей более благочестивыми. И всё стало благоденствовать по всей земле. И царь воздерживается от живых существ, а остальные люди, и те, которые охотники или рыбаки царя, прекратили охоту, а если которые собой не владели, прекратили по возможности невладение, и стали послушными отцу и матери, и старшим, вопреки тому, что было прежде. И во всем соблюдающие это будут жить значительно лучше, чем прежде’

(пер. Н. Н. Казанского).

В VIII большом наскальном эдикте, в первых его фразах (по традиции обозначаемых буквами латинского алфавита), имеются отдельные личные формы глагола, определяемые исследователями как аористные (Mehendale 1948: 42):

(1) *atikaṃtaṃ* *aṃtala* *devānaṃpiyā* (*lājāne*)
ПрошлоеAcSg. в-течение adv. Богам-угодный (царь) NPl.
vihāla-yātaṃ *nāma* ***nikhamisu***
прогулка-поездка AcSg. конечно adv. **выходить** Aor3Pl.
‘В былые времена Богам-угодные (цари) в прогулки и поездки конечно **отправлялись**’ [VIII A].

(*nikhamisu* – из скр. *niṣ-kram-* ‘выходить’ с показателем аориста *-is-* (из скр. *iṣ*-аориста, *-u* – личное окончание 3Pl., из скр. *-ur*. Ср. скр. Aor. act. 3Pl. *ákramiṣur* – Елизаренкова 1982: 336).

(2) *heta* *migaviyā* *aṃnāni* *ca* *edisāni* *abhilāmāni*
Это охота NSg. другой NPl. и такой NPl. развлечения NPl.
hūsu
быть Aor3Pl.
‘Это охота и другие такие развлечения **были’**. [VIII B]

Здесь «общепракритская» форма *hūsu* реконструирована У. Шнайдером из нескольких реально засвидетельствованных в надписях *(h[ū]su* – Er.; *husu* – Ka., Ma.; *abhuvasa* – Sh.; *ahuṃsu* – G.i; *huvaṃti naṃ* – Dh., Jg.), она возводится к скр. корню *bhu-* с показателем *-s-* аориста и с личным окончанием 3Pl *-u*.

(3) *se devānaṃpiye piyadasi lājā*
Этот NSg. Богам-угодный NSg. Приядарши раджа NSg.
dasavasābhisite saṃtaṃ ***nikhamitha***
10-лет-царствующий NSg. праведность AcSg. **выходить** Aor3Sg.
вразумившись
saṃbodhi Abs.
‘Этот Богам-угодный Приядарши раджа,10 лет царствующий, к праведности (?) **отправился** вразумившись [VIII C]

(*nikhamitha* < скр. *niṣ-kram-iṣ-ṭa* – Aor. med. 3Sg. Вряд ли противопоставление активного и медиального залога в надписях в какой-то степени сохранялось, поскольку такие формы единичны).

Для последней фразы находится приблизительное древнегреческое соответствие в 1–2 строках греко-арамейской билингвы:

δέκα ἐτῶν πληρη[....]ων βασι[λ]εὺς Πιοδασσης εὐσέβεια[ν **ἔδ]ε[ι]ξεν** τοῖς ἀνθρώποις
‘Когда исполнились 10 лет, царь Пиодасса **показал** людям благочестие’.

Как мы видим, здесь также использована форма аориста глагола δείκνυμι ‘показывать, указывать’.

Еще более отдаленные соответствия можно усмотреть между продолжением текста билингвы в 2–5 строках и текстом уже другого, IV большого наскального эдикта:

(4) καὶ ἀπὸ τούτου εὐσεβεστέρους τοὺς ἀνθρώπους **ἐποίησεν** καὶ πάντα εὐθηνεῖ κατὰ πᾶσαν γῆν
И с тех пор более благочестивыми людей **сделал** (Aor. act. 3Sg.), и все процветает по всей земле.

ādise bahŭhi vasa-satehi no hŭta-puluve tādise
какой много год-сотня не бывший-прежде такой
ajă̆ ***vaḍhite*** *devānaṃpiyasa piyadasine*
сейчас **расти** pp. Богам-угодный GSg Приядарши
lājine dhaṃmānusathiyā: *an-ālaṃbhe*
раджа G(?)Sg. дхарма-наставление InsPl. неубийство NSg.
pānānaṃ a-vihisā bhūtānaṃ...
душа GPl., неповреждение NSg. существо GPl. ...

‘То, чего не было прежде, то теперь **взращено** наставлениями о дхарме богоугодного раджи Приядарши: неубийство душ, непричинение мучений существам ...’ [IV A-C]

Здесь роль личной формы прошедшего времени выполняет причастие ***vaḍhite***, восходящее к скр. корню *vardh-* ‘расти, усиливаться’ (pp. *vr̥ddhá-*). Эта же глагольная форма употреблена и в следующем предложении:

(5) *esa aṃne ca bahuvidhe dhaṃma-calane* ***vaḍhite***
такой другой и различный дхарма-деятельность **расти** pp.
‘Эти и другие различные исполнения дхармы **возросли’** [IV D].

Таким образом можно видеть, что греческие переводчики воспринимали как равнозначные, соответствующие древнегреческому аористу и формы пракритского флективного прошедшего времени, и причастные формы, которые еще не получили новую глагольную флексию (как это случилось позднее в истории индоарийских языков), а сохраняли именное согласование.

Содержание остальных строк греко-арамейской билингвы еще менее походит на точный перевод текстов известных нам эдиктов, хотя в целом правильно передает смысл наставлений Ашоки.

Вторая греческая надпись из Кандагара (русский перевод см.: Вигасин 2007: 31), значительно бóльшая по объему, в первой своей части излагает основные моральные принципы, которыми должны руководствоваться подданные Ашоки. Эта часть кратко передает содержание XII большого наскального эдикта и не содержит форм прошедшего времени. Начальные фразы XIII большого наскального эдикта находят соответствия во второй половине греческой надписи, при этом также передается только самый общий смысл пракритского текста. Здесь речь идет о былых военных действиях Ашоки и о раскаянии, которое он теперь испытывает по этому поводу:

(6) *aṭha-vas-ābhisitasa devānaṃpiyasa piyadasine*
8 лет царствующий GSg Богам-угодный GSg. Приядарши
lājine kali(ṃ)gā ***vijitā***
раджа NIGSg. калингяне NPl. **побежден** NPl.pp.
‘8 лет царствующим богоугодным раджой Приядарши калингяне **побеждены’** [XIII A] **(***vijitā* < скр. *vi-ji-* ‘завоевывать, побеждать’, pp. *vijitá-*).

В греческой надписи находится близкое соответствие:

ὀγδόωι ἔτει (Dat. temp.) βασιλεύοντος Πιοδάσσου (Gen.abs.) **κατέστρεπται** τὴν Καλίγγην – букв.: ‘на восьмой год царст-

вования Пиядассы Калингу [он] **подчинил**» (κατέστρεπται – Pf. med. глагола καταστρέφω ‘подчинять’, Καλίγγην – AcSg, а подлежащее отсутствует).

(7) *diy-aḍha-mite* *pāna-sata-sahase* *taphā*
вторая-половина-числом душ-100-1000 оттуда
apavuḍhe *sata-sahasa-mite* *tata* ***hate***
уведенный NSg.pp. 100-1000-числом там **убитый** NSg.pp.
bahu-tāvatake va ***maṭe***
больше-того и **мертвый** NSg.pp.
‘Полторы сотни тысяч живых существ оттуда **уведены**, сто тысяч там **убиты** и столько же **умерли’** [XIII B]
(Вигасин 2007: 22).

Значения прошедшего времени выражается причастиями ***apavuḍhe*** (скр. *apa-vart-*, pp. *apavr̥tta-* ‘изгонять, уводить’ или *apa-vah-*, pp. *apa-ūṭha-* ‘уводить’), ***hate*** (скр. *han-* ‘убивать’), **мертвый** (скр. mar-, *pp*. mr̥ta- ‘умирать’). Окончание -е в надписях многозначно, но здесь это скорее всего NSg.m.-n.

Этому соответствует:

ἦν ἐζωγρημένα καὶ **ἐξηγμένα** ἐκεῖθεν σωμάτων μυριάδες δεκαπέντε καὶ **ἀναιρέθησαν** ἄλλαι μυριάδες δέκα καὶ σχεδὸν ἄλλοι τοσούτοι **ἐτελεύτησαν** ‘были взяты в плен и изгнаны оттуда полторы сотни тысяч душ, убиты в другом месте сто тысяч и почти столько же умерли’.

В греческом тексте использован имперфект 3л. ед.ч. глагола ἦν с Part. Aor. med. от глаголов ζωγρέω ‘захватывать живыми в плен’ и ἐξάγω ‘выселять’, которые передают значение пракритского ***apavuḍhe***, а для двух других пракритских причастий предложены в качестве соответствий личные формы – Aor. pass. 3 sg. от ἀναιρέω и Aor. act. 3 sg. от τελευτάω.

(8) *tato pachā adhunā ladhesu kali(ṃ)geṣu tĭve*
тогда после теперь взять LPl.pp калингяне LPl. сильный
dhaṃmāvāye *dhaṃma-kāmatā* *dhaṃmānusathi*
дхарма-склонность NSg. дхарма-любовь дхарма-наставление
ca devānaṃpiyasa *se athi* *anusaye*
и Богам-угодный GSg. такой есть Pr.3sg. скорбь NSg.
devānaṃpiyasa *vijinitu* *kaligāni*
Богам- угодный GSg побеждать Inf/Abs? калингяне Ac.pl.

‘После этого теперь, когда захвачены калингяне (Loc. abs.), у Богам-угодного сильная склонность к дхарме, любовь к дхарме, восхваление дхармы

Такая есть скорбь Богам-угодного, из-за покорения калингцев [XIII C-D]..

В первом предложении нет личного глагола, во втором – только глагол *быть* в настоящем времени. В приблизительно соответствующем второму предложению греческом тексте использован имперфект:

ἀπ’ ἐκείνου τοῦ χρόνου ἔλεος καὶ οἶκτος αὐτὸν **ἔλαβεν· ‘**С того самого времени сожаление и раскаяние его **охватили’**.

Дальше сопоставляемые тексты еще более расходятся по содержанию, при этом в пракритском тексте глаголы в прошедшем времени (в том числе и причастия в значении прошедшего времени) больше не встречаются вообще, но греческий текст продолжает их использовать:

(9) *avijitaṃ hi vijinamane e*
непобежденный Ac.sg. же побеждающий NSg.Part.pr.. который
tata vadhe vā malane vā apavahe vā janasa
там убийство NSg. и смерть NSg. и пленение NSg. и народGSg
se bāḍhaṃ vedaniya-mate ca gulu mate
это очень болезненная-мысль NSg. и тяжелая-мысль NSg.
ca devānaṃpiyasa. iyaṃ pi cu tato
и Богам-угодный GSg. Такой ведь же тогда
gulu-mata-tale devānaṃpiyasa
более-тяжелая-мысль NSg. Богам-угодный GSg.

‘Когда побеждают непобежденного, там [происходят] убийства, смерти и плен людей – об этом конечно у Богам-угодного очень болезненные мысли и тяжелые мысли.

Такие же еще более тяжелые мысли у любимца-богов’[XIII F-E]

Ср.:

καὶ βαρέως **ἤνεγκεν**· δι’ οὗ τρόπου **ἐκέλευεν** ἀπέχεσθαι τῶν ἐμψύχων σπουδήν τε καὶ σύνταξιν **πεποίηται** περὶ εὐσεβείας. καὶ τοῦτο ἔτι δυσχερέστερον **ὑπείληφε** ὁ βασιλεὺς·

‘И тяжело **перенес** (Aor. act.). После чего **приказал** (Imf. act.) он воздерживаться от живых существ, **проявляет** (Pf. med.) усердие и ревность о праведности. И вот от чего еще тяжелее **страдает** (Pf. act.) царь’.

Таким образом, пракритскому флективному аористу соответствует греческий аорист, но это, можно сказать, единичный случай – пракритские примеры (1), (2) и (3) и один соответствующий им греческий глагол в (3); там, где в пракрите прошедшее время передается причастными формами, в греческом тексте может быть и Aor. act. (4), (7), и Aor. pass. (7), и перфект (6), и даже сочетание имперфекта глагола-связки с аористными причастиями (7). Более того, в греческом тексте используются формы прошедших времен там, где выражено или подразумевается настоящее время в пракритском тексте (8), (9). Как показывает исследование, греческие переводчики, весьма вольно обращавшиеся с исходными текстами, находили возможность использовать больше разных видовременных форм, чем имелось в индийских оригиналах.

Литература

Elizarenkova, T. Ya. 1982: *Grammatika vediyskogo yazyka* [*Vedic Grammar*]. Moscow: Nauka.
Елизаренкова, Т. Я. 1982: *Грамматика ведийского языка*. М.: Наука, 1982.

Benveniste, E. 1964 : Édits d' Asoka en traduction grecque. *Journal Asiatique* 252, 137–157.

Hultzsch, E. 1925: Inscriptions of Asoka. New Edition. In: *Corpus Inscriptionum Indicarum*. Vol. I. Oxford: Clarendon Press,.

Kazansky, N. N., Kryuchkova, E. R. 2007: [Greek scholarship as it is reflected in Indian appreciation]. In: *Vostok i zapad v balkanskoy kartine mira. Pamyati V. N. Toporova* [*East and West in the Balkanian World picture. Studies in memory of V. N. Toporov*]. Moscow: Indrik, 159–169.
Казанский Н. Н., Крючкова Е. Р. 2007: Греческая ученость в индийском преломлении. В сб.: *Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова*. М.: Индрик, 159–169.

Mehendale, M. A. 1948: *Historical Grammar of Inscriptional Prakrits*. Poona.

Salomon, R. 1998: *Indian Epigraphy. A Guide to the Study of Inscriptions in Sanskrit, Prakrit, and other Indo-Aryan Languages*. New York; Oxford: Oxford University Press.

Schlumberger, D. 1964 : Une nouvelle inscription grec d' Açoka. *Comptes rendus des seeances de l' Academie des inscription et Belle-Lettres*, 1–15.

Schneider, U. 1978: *Die grossen Felsen-Edikte Aśokas. Kritische Ausgabe, Übersetzung und Analyse der Texte*. Wiesbaden (= Freiburge Beiträge zur Indologie. Bd. 2).

Sclumberger D., Robert L., Dupont-Sommer A., Benveniste É. 1958 : Une bilingue gréco-araméenne d'Aśoka. *Journal asiatique* 246, 1–48.

Tarn, W. W. 1951: *The Greeks in Bactria and India. 2 ed. Cambridge*.
Vigasin, A. A. 2007: *Drevnyaya Indiya: ot istochnika k istorii* [*Ancient India: from sources to the history*]. Moscow: Vostochnaya Literatura.
Вигасин, А. А. 2007: *Древняя Индия: от источника к истории*. М.: Вост. лит.
Vigasin, A. A. 2015: [Sanskrit words, derived from Greek]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 60–73.
Вигасин, А. А. 2015: Санскритская лексика, заимствованная из греческого языка. *ВДИ* 2, 60–73.

E. R. Kryuchkova. Past tenses in the Edicts of Ashoka and in their Greek translations

The paper compares grammatical ways of describing situations related to the past in Prakrit texts of the Edicts of Ashoka (3rd c. BC) and in their Greek translations composed for inhabitants of Greek settlements in the far North-Western territories of the Mauryan Empire. The Prakrit tense and aspect system of inscriptions is noticeably simplified as compared to the elaborated Sanskrit one; in the Past it retains only some remnants of Aorist forms, others being replaced by past participles. However, Greek translators found it possible to use not only Aor. act., but also Aor. pass., Imf. act., Pf. act. and Pf. med. Forms in their rather approximate interpretations of the original texts.

Keywords: Indo-Greek contacts, the Edicts of Ashoka, Greek translations of the Edicts of Ashoka.

DOI:10.30842/ielcp230690152254

Ю. К. Кузьменко

ОСОБЕННОСТИ СКАНДИНАВСКИХ НАДПИСЕЙ СТАРШИМИ РУНАМИ НА КАМНЯХ (II–VII ВВ. Н. Э.)

В статье показано, что часть северогерманских рунических надписей на камнях соответствует античным образцам. Кроме сочетания имен умершего и поставившего камень к таким надписям относятся и надписи-проклятия возможному злодею и защитные формулы (иногда в сокращенном виде) и написание футарка в защитной функции. Однако ряд особенностей отличает надписи на старшерунических камнях от надписей на их античных образцах. К таким особенностям относятся надписи без упоминания имени умершего (22 надписи), состоящие только из проклятий и защитных формул (7 надписей), а также надписи, состоящие только из имени мастера рунического письма (15 надписей). Необычное для поздней античной и для младшерунической традиции сочетание имени человека, написавшего надпись (тем более начинающего надпись) и имени умершего (8 надписей) также свидетельствуют об особой роли мастера рунического письма в германской традиции. Умение писать старшие руны означало одновременно и умение оказывать воздействие на действительность.

В эпоху викингов (VIII–XII вв.), когда количество надписей стало исчисляться тысячами, а не десятками как в эпоху старших рун, меняется и содержание, и цель установки камней с надписями. Функция памятника становится основной. Обычные в эпоху старших рун надписи без упоминания имени умершего становятся невозможными, также как и надписи, которые состоят только из имени мастера рунического письма. Важной функцией младшерунических надписей на камнях была информация о том, кто должен стать наследником умершего. Как правило этим человеком оказывался тот, кто поставил камень.

Ключевые слова: рунология, надписи старшими рунами на камнях, надписи на камнях младшими рунами.

Кажется, что на вопрос о том, зачем писались надписи на рунических камнях, давно ответили Речи Высокого из Старшей Эдды, где говорится что единственным, что остается после человека, это его «посмертная слава» или «суждение о каждом умершем» (Hár. 76, 77)[1]. Традиция ставить памятные камни в

[1] Hár. 76: *Deyr fé, / deyja frændr, / deyr sjálfr it sama, / en orðstírr / deyr aldregi, / hveim er sér góðan getr.* ‘Умрет скот, умрут родичи, и сам ты умрешь, но добрая слава того, кто ее себе добыл, никогда не умрет’ или Hár. 77: *Deyr fé, / deyja frændr, / deyr sjalfr it sama, / ek veit einn, /*

эпоху викингов (VIII–XII вв.) несомненно отражает такое мировоззрение, которое было, зафиксированное и в исландских сагах. С очевидностью о такой функции рунических надписей эпохи викингов, свидетельствуют и камни, поставленные «по себе живому», вероятно, теми, кто не был уверен, что родич удостоит его такой чести[2]. Функция памятного камня определяла и то, что на нескольких тысячах рунических камней эпохи викингов всегда названо имя умершего, причем нередко говорится о его достоинствах или деяниях, иногда в стихотворной форме. Такая функция рунических камней в эпоху викингов во многих случаях сочеталась и с функцией юридического документа, утверждавшего право на наследство человека, поставившего камень (Sawyer 2000), с имени которого почти всегда начинается надпись. Имя человека написавшего надпись, упоминается в ней гораздо реже. Чаще всего это просто имя, которое в редких случаях сочетается со словом «скальд» (Vg 4, U 29, U 532, U 951B). Фактически все рунические камни эпохи викингов за редчайшим исключением имеют такую структуру: 1. человек, поставивший камень (почти всегда), 2. умерший (всегда), 3. реже человек сделавший надпись. Однако надписи на рунических камнях эпохи старших рун (II–VII вв.) разительно отличаются от надписей эпохи викингов. Хотя и среди старшерунических надписей на камнях есть трехчленные или двучленные надписи, которые по своей структуре соответствуют или частично соответствуют младшеруническим надписям, т. е. в которых указано имя умершего и имя родича, поставившего камень всего четыре (из 57 надписей старшими рунами на камнях), тогда как надписи, в которых вообще не упомянуто ни имени умершего (структура надписи невозможная в эпоху викингов), ни имени человека, поставившего камень (единичные случаи в эпоху викингов), составляют фактически половину всех надписей старшими рунами. Поэтому именно в отношении надписей старшими рунами на камнях вопрос о цели их нанесения вполне уместен. Для того чтобы ответить на него рассмотрим подробнее их репертуар.

---

at aldrei deyr: / dómr um dauðan hvern. ‘… я знаю одно, что никогда не умрет, это суждение (*dómr*) о каждом умершем’.

[2] Среди надписей на камнях младшими рунами есть 30 надписей «по самому себе» или «по себе живому» см., напр., U 127, U 165, U 194, U 443, U 734).

Надписи с упоминанием имен погребенных

Трехчленные, характерные для эпохи викингов, надписи с упоминанием имен того, кто именно похоронен, кто поставил камень и кто написал надпись, мы находим всего на двух старшерунических камнях (камни из Рё KJ 73 и из Туне KJ 72). Причем только на камне из Рё эти имена стоят в последовательности, ставшей регулярной в эпоху викингов (1. человек, поставивший камень, 2. умерший, 3. писавший) см. **ek hra(R)aR satido -tain / ana----(r) / swabaharjaR / s-irawidaR / ... stainawarijaR fahido** *Ek HraRaR satido [s]tain[a] ... SwabaharjaR s[a]irawidaR. ... StainawarijaR fahido.* ‘Я, Храр, поставил камень. Свабахарь с большой раной (умер), Стайнаварь вырезал (окрасил)’. Во второй трехчленной надписи (камень из Туне) представлен необычный для эпохи младших рун порядок членов. Здесь первым упоминается имя мастера рунического письма, перед которым стоит местоимение «я»: **ekwiwaRafter : woduri / dewitadahalaiban : worahto r... / ...Rwoduride : staina : / þrijoRdohtriRdalidun / arbijarjosteRarbijano** *ek WīwaR after Wōdurīdē witandahlaiban worhtō r(ūnōR) / (mē)R Wōdurīdē staina þrijōR dohtriR dālidun arbij(a) arjōstēR arbijanō* ‘Я Вив в честь Водурида, хранителя хлеба (господина), начертал руны. Мне Водуриду (этот) камень три дочери сделали, из наследников самые достойные наследства’[3]. Надписей, начинающихся с упоминания имени человека, написавшего надпись, перед которым стоит местоимение «я», нет ни на одном из более чем трех тысяч надписей на камнях эпохи викингов.

Только в двух надписях сообщаются и имена умерших и имена их родичей, поставивших камень, т. е. та модель, которая станет основной в эпоху викингов. Ср. надпись на камне из Чёллевика (KJ 75), который по сведениям местных жителей стоял раньше вместе с другим камнем с рунической надписью и с пирамидами из камней (**hadulaikaR ekhagustadaR hlaaiwidomaguminino** *HadulaikaR. Ek Hagusta(l)daR hlaiwido magu minino* ‘Хадулайк (имя умершего)[4]. Я Хагусталд похоронил своего сына’), и надпись на камне из Опедаля (KJ 76),

[3] Существуют и другие толкования последней строчки надписи (см. KRP).

[4] Такое толкование надписи традиционно. Однако, поскольку в большой группе надписей сообщается только имя мастера рунического письма (см. ниже), не исключено, что в нашей надписи имя, начинающее надпись, является именем мастера рунического письма.

если правильна ее трактовка, предложенная Краузе (**birgŋgu boro_swestar mino liubu meR wage** *Birgingu. Boro*, *swestar minu liubu méR Wage* ‘Памятник. Боро, моя сестра любимая мне Вагу’)[5]. Камень был найден рядом с одной из пяти пирамид из камней (*røys*), почти полностью зарытым в землю[6].

В шести (или семи) надписях есть и имя того, в честь кого поставлен камень, и имя того, кто нанес надпись – комбинация почти не встречающаяся среди надписей на камнях младшими рунами. Такая комбинация возможна в младшерунических надписях только в том случае, когда человек, сделавший надпись идентичен родичу, поставившему камень (см., надпись на Рёкском камне Ög 136). На двух или трех (см. Хаммерен А ниже) камнях со старшеруническими надписями надписи ограничиваются сообщением об умершем и о мастере рунического письма (см надпись на камне из Истабю (KJ 98) **AfatR hAriwulafa hAþuwulafR hAeruwulafiR warAit runAR þAiAR** *AfteR HAriwulfa HAþuwulfR HeruwulfiR wrAit rūnAR þAiR* ‘В честь Харивульва Хадувульв потомок Хэрувульва написал руны эти’ или надпись на камне из Рейстада (KJ 74) **iuþingaR / ekwakraR : unnam / wraita** *JuþingaR. Ek WakraR undnam wraita* ‘Юдинг (похоронен здесь). Я Вакр выучил письмо’)[7]. К камням с именем умершего можно причислить и камни из Берги (KJ 86) и из Скоэнга (KJ 85), с двумя именами на каждом из них, одно из которых могло быть именем умершего, а другое, скорее всего было именем мастера рунического письма (см. ниже).

На четырех камнях этой группы (Бю, Орстад, Стентофтен, Хогганвик,) этой информации сопутствует заклинание или магическое защитное слово. Так в надписи на камне из Орстада (KJ 58) **h(iw)i(g)aR s(a)ral(u) (u)ngwinaR** *HīwigaR sar alu ungwināR* ‘Хивиг, здесь защита (*alu*). Унгвина (камень)’, в которой вначале стоит имя мастера рунического письма, затем за-

[5] Есть и другие интерпретации этой надписи, см. KRP *Opedal*.

[6] Данные об исконном месте установки рунических камней взяты из NIÆR I и из KRP, а также из отдельных работ (с указанием источника). Если исконное место камня в статье не указано, оно остается неизвестным.

[7] Существуют и другие чтения и другие её интерпретации этой надписи, которые рассматривали первое слово не как имя умершего, а как другое имя мастера рунического письма, см, напр., интерпретацию Антонсена *Idringaz (e)k Wakraz Unnam(z) wraita* ‘Идринг (имя мастера рунического письма), я Вакр (другое имя мастера рунического письма, Уннам (третье имя мастера рунического письма), написал’ (Antonsen 1975).

щитная формула и, наконец, имя умершего в родительном падеже[8]. Защитная формула (**alu**) встречается в трех надписей на камнях (см. ниже), в 10 надписях на брактеатах и в надписи на амулете из Линдхольмена (о значении **alu** и его этимологии см. Düwel 2008, l3–14, 53). Камень из Орстада был найден наполовину засыпанным землей (надпись оставалась под землей) в кургане с погребальной камерой. На камне из Бю (KJ 71) имя мастера рунического письма (эриля) сочетается с именем умершего и с сокращенным вариантом защитной формулы **rmþï**, см. **ekirilaR hroRaRhroRerorteþatarinautalaifudR / rmþï** *Ek irilaR HroRaR HroRer orte þat arina ut Alaifu ??. þ(istilaR), m(istilaR), r(istilaR), ī(waR).* ‘Я эриль (мастер рунического письма) Хрор из рода Хрора обработал этот камень для Алайв. Ч(ертополох), о(мела), р(езало) – т(ис)’ (подробнее об этой защитной формуле см. Kusmenko 2017). Однако защитная формула не помогла, и курган, у которого стоял (или лежал) камень из Бю, был разграблен.

К этой же группе надписей относится и надпись из Стентофтена (KJ 96), где имя умершего и напоминание о его делах сочетается с именем мастера рунического письма, обеспечивающим защиту (**hle**) и с проклятием возможному разрушителю памятника: **niu hAborumR / niu hagestumR / hAþuwolAfR gAf j / hAriwolAfR (m)A--u snuh-e / hideR runono fe(l)(A)h ekA hed/erA // ginoronoR // herAmAlAsAR / ArAgeu we(l)Aduds / sA þAt / bAriutiþ** ‘Девятью козлами, девятью жеребцами[9] Хадувульв дал хороший год (или хорошие годы). Харивульв …. защита. Ряд блестящих рун прячу я здесь, колдовских рун. (Пусть будет) беспокойным из-за извращения и пусть настигнет коварная смерть того, кто это сломает[10]‘. Камень стоял первоначально, окруженный пятью большими остроконечными камнями. Относился к плоской могиле, обозначенной каменным кругом (*domarring*).

Вероятно, имя умершего и имя мастера рунического письма мы находим в сочетании с магическими формулами, значение

[8] Не исключено, однако, что форма родительного падежа **(u)ngwinaR** относится к **al(u)** ‘защита’, и тогда можно интерпретировать эту надпись как «Хивиг здесь. Защита Унгвина» или «Хивиг. Здесь защита Унгвина».

[9] Т. е. «пожертвовав девять козлов и девять жеребцов» (толкование Сантессон – Santesson1983)

[10] Защитная формула полностью соответствует защитной формуле на камне из Бьёркеторпа.

которых нам неизвестно, в надписи на камне из Хогганвика, найденном в 2009 году в Норвегии **(s)kelbaþewas : sainaR : aaasrpkf / eknaudigastiR / ekerafaR / aarpa : inananaboR** *Skelbaþewas s(t)ainaR. … Ek NaudigastiR, ek ErafaR …* ‘Камень Скелбатева... Я, Наудигаст, я Росомаха’ (Knirk 2011). Возможно **ek erafaR** специально измененное название мастера рунического письма **ek erilaR** ‘я эриль’. Можно предположить, что не поддающиеся интерпретации слова **aaasrpkf aarpa** могли быть частью магической формулы. Камень из Хогганвика стоял на своем исконном месте в комплексе, состоящем из пяти могил и пирамид из камней в 10 метрах от кургана. Считается, что он был связан с этим погребальным комплексом (Tsigaridas et al. 2011: 11–12, 21).

Только имена умерших встречаются в десяти старшерунических надписях на камнях. Такая их трактовка очевидна тогда, когда имя стоит в родительном падеже (где подразумевается слово «камень» или «памятник») см., Белланн (KJ 83) **keþan** *Keþan* и Сауде (KJ 82) **wadaradas** *Wa(n)darādas*[11] (Krause 1966: 140) или тогда, когда слова «камень» или «памятник» не подразумеваются, а называются, см., **igijonhalaR** *Ingijon hallaR* (Стейнстад, KJ 81) ‘камень Инги’, **hnabdashlaiwa** *Hnabudas hlaiwa* (Бё KJ 78) ‘могила Хнабуды’, **hAriwulfs stAinAR** *Hariwulfs stainaR* (Рэвсаль KJ 80) ‘камень Харивульва’. Если следовать интерпретации Бюгге фрагмента надписи на камне из Тумстада (KJ 79) **///an : waruR**, где **an** окончание родительного падежа имени собственного (см. надпись **keþan** выше), а **waruR** ‘каменный памятник’ (NIÆR I, 12; Krause 1966, 182–183), то к этой же группе относится и эта надпись. Возможно к этой же группе относится и надпись на камне из Кругсты (KJ 100), где читается слово камень **s(t)ainaR**[12] , однако второе слово **mwsïeij** или **mwsteij**, которое могло бы быть именем в родительном падеже, несмотря на многочисленные попытки рунологов, не

[11] Камень не сохранился. Принято чтение и интерпретация надписи, предложенные С. Бугге на основании очень несовершенного рисунка, опубликованного О. Вормом (NIÆR I, 183–185. См. также Krause 1966: 140)

[12] Руна ᛌ обозначает первую руну (ветвь слева) первой группы (ветвь справа), 1:1, т. е. **t**, в соответствии с принципами известного рунического шифра. Старший футарк был разделен на три группы, и рунический шифр состоял в том, что руну обозначали, показывая разными способами номер группы и номер руны в группе, причем третья группа считалась первой.

поддается интерпретации. Вместо защитной формулы (см. выше) нанесено характерное изображение человека с жестом, который можно считать защитным, см. рис. 1.

Рис 1. Камень из Кругсты

К подобного же типа надписям, сообщающим только имя умершего, относится и надпись на камне из Амлы (KJ 84), ...**iRhaiwidaRþaR** *...iR hlaiwidaR þaR* ‘(Мужское имя в именительном падеже **R**) + похоронен здесь’ и надпись на камне из Каллебю (KJ 61) **þrawijan haitinaRwas** *Þrawijan haitinaR was* ‘Травияну (или Травияна). (Так) звался’[13], где форма прошедшего времени *haitinaR was* говорит о том, что речь в данном случае идет не об имени мастера рунического письма, а об имени умершего.

Уникальное для эпохи старших рунических надписей сочетание имени убитого с сообщением о том где (или как) он погиб, мы находим на камне из Мёйбру (KJ 99) **frawaradaR // anahahaislagina // R** *FrawaradaR ana hāhai (i)s (s)laginaR* ‘Фраварад на коне убит’[14]. Если исходить из письменных источни-

[13] Форму *Þrawijan* интерпретируют обычно, как форму дательного или родительного падежа существительного или субстантивированного слабого прилагательного с основой на *an/en* (KRP). Однако не исключено, что в ранних старших рунических надписях *n* могло сохраняться и в именительноим падеже после долгого гласного (индоевропейский именительный падеж имен с основой на *an/en* отличался удлинением гласного, (ср. греч. ποιμήν им. пад. ‘пастух’ от основы ποιμέν-). В таком случае форма *Þrawijān* могла быть формой именительного падежа, т. е. надпись следует переводить как «Травияном звался». Возможно и в форме *Keþān* (KJ 83), которая традиционно интерпретируется как форма родительного падежа (KRP) также сохраняется *n* после долгого гласного в именительном падеже.

[14] Традиционно предпочитается такое толкование надписи, поскольку

ков XVIII в. (*rannsakningar*), то этот камень стоял рядом с еще одним камнем с надписью и с несколькими камнями без надписи.

Некоторые из указанных выше десяти камней были связаны с захоронениями (Амла, Стейнстад, Рэвсаль, Беллан, Кругста), причем камень из Стейнстада был найден внутри большого кургана под погребальной камерой. А камни из Рэвсаля и Кругсты были частью мемориального комплекса. Первоначальное место других камней этой группы неизвестно.

Камней, на которых есть надпись типа «имя в родительном падеже + камень, могила или памятник» в эпоху викингов единицы (из более чем трех тысяч), причем они относятся к самым ранним надписям младшими рунами, см., надпись **airiks kubl** ‘памятник Эйрика’ из Старупа (DR 17, 750–850), см. также DR 250, DR 70.

Таким образом, с уверенностью можно сказать, что из 57 известных надписей старшими рунами на камнях имя умершего указано только на 23 камнях. Причем структура некоторых из этих надписей отличается от структуры надписей на камнях младшими рунами, либо тем, что в них имя умершего сочетается только с именем мастера рунического письма (семь надписей), либо тем, что имя мастера рунического письма начинает надпись (две надписи). В четырех надписях кроме имени мастера рунического письма и имени погребенного приведены и формульные защитные слова или защитное заклинание (KJ 58, 71, 96, Knirk 2011), а на одном камне защитную функцию, выполняет возможно жест изображенного мужчины (KJ 100), см. рис. 1.

К камням, на которых указано только имя погребенного, можно было бы причислить и 10 надписей с одним именем в именительном падеже, которое традиционно считается именем умершего (NIÆR I, 280; Düwel, 2008, 37), ср. **haukoþuR** *HaukoðuR* (Вонга JK 66), **skiþaleubaR** *SkinþaleubaR* (Шэрчинд JK 87), **laiþigaR** *LaiðigaR* (Мёгедаль JK 88), **mairl(i)ngu** *Mārilingu* (Танем KJ 89), **widugastiR** *WidugastiR* (Сунде JK 90), **ladawarijaR** *LandawarijaR* (Тёрвика A JK 91), **haraRaR** *HraraR*

на камне изображен всадник на коне, однако, существуют и другие интерпретации этой надписи. Необычность такого текста заставляла рунологов считать Фраварада не убитым, а мастером рунического письма или человеком, поставившим камень «Фраварад (написал надпись). Ана одноглазый убит» и т. п. (подробное описание предлагавшихся толкований см. Marstrander 1952, 263–268; KRP).

(Эйдсвог JK 92), **þaliR** *ÞaliR* (Братсберг JK 93), **tAitR** *TaitR* (Твейту JK 94), **braido** *Braido* (Химмельсталунд JK 54). Последняя надпись, которую считают одной из самых ранних надписей на камнях старшими рунами и относят к 200–400 гг. н. э. (*rundata*) сочетается с разными наскальными изображениями (наиболее близко к ней изображение, которое похоже на корабль с двумя штевнями). Корабль выполнял, как мы знаем, важную функцию в погребальном обряде древних скандинавов, ср. надпись из Корстада (KJ 53), рядом с которой тоже изображены корабли с двумя штевнями). Толкование имен в данном случае как имен погребенных теоретически возможно, однако не менее, а, возможно, даже более вероятно, толкование, по крайней мере, части этих имен как имен мастеров рунического письма, поскольку в пятнадцати надписях (см. ниже) названо только имя мастера рунического письма. По крайней мере, в одном случае интерпретация имени как имени мастера рунического письма очевидна. Рунический камень из Сунде с надписью **widugastiR (**мужское имя) относился к женскому захоронению (Sivesind 1949), и такая надпись не могла быть именем погребенной, а могла быть только именем мастера рунического письма. Естественно в том случае, когда в захоронении похоронен мужчина, а мастер рунического письма, как правило, тоже мужчина, мы не можем сказать, кого имеет в виду надпись, состоящая только из одного имени[15].

Из десяти камней с именами семь связаны с захоронениями. Некоторые камни были положены сверху кургана или сверху каменной пирамиды надписью вниз (Твейту, Эйдсвог, Тёрвика A), дугие были внутри кургана (Танем, возможно Вонга), третьи были частью погребальной камеры (Братсберг). У края кургана с каменной могилой стоял камень из Сунде. Неясна связь с захоронением у камня из Шэрчинда. И только один камень (Мёгедаль) считается не связанным с захоронением, поскольку раскопки показали отсутствие могилы (NIÆR I, 2, 712).

[15] Надписи, состоящие только из одного имени редко встречаются среди самых ранних надписей младшими рунами (см. DR 9, DR 15, DR 191). В таких случаях Э. Мольтке предлагает две возможные интерпретации: либо имеется в виду умерший, либо мастер рунического письма (Moltke 1976, 118, 127). Однако для эпохи младших рун более естественно упоминание имени умершего, а не имени мастера рунического письма.

Надписи без указания имени погребенного

Есть восемь надписей, в которых нет ни имени погребенного, ни имени мастера рунического письма, ни имени человека, поставившего камень, а есть только защитные формульные слова, или эксплицитно выраженное заклинание, призванное защитить памятник. На камне из Чюлвера (Готланд KJ 1) нанесен весь старший футарк и палиндром **sueus**, значение которого неясно. Камень из Чюльвера был частью захоронения, причем он лежал надписью вниз. Футарк был одной из самых важных защитных формул и в эпоху старших рунических надписей, см. особенно футарки на брактеатах-амулетах (KJ 2, 3, 4, 5) или на фибулах (KJ 6, 7, 8)**,** и в эпоху викингов, см. футарки на камнях из Гёрлева (DR 239) и Мальта (SJy 38), где они сочетаются с другими защитными формулами[16]. Футарк сохраняет свою защитную функцию и в Средние века, уже в христианской Скандинавии, ср. многочисленные палочки с футарком.

На камне из Эгельсема (KJ 57) нанесено только одно слово **alu –** традиционная защитная формула, которая интерпретируется рунологами как формульное магическое слово со значением «защита», см. выше. Камень из Эгельсема находился внутри кургана.

На каменной плите из Федье (KJ 51), которая тоже была частью погребальной камеры, нанесены всего две руны **ea**, которые встречаются на амулетах (см., напр., каменный амулет из Утгорда (KJ 51) и которые, вероятно, обращены к Одину (см. их названия «ас» и «конь» – Krause 1966: 113). Сильное проклятие, тому, кто попытается разрушить памятник содержится в надписи на камне из Бъёркеторпа (KJ 97). Этот камень связан с погребальным комплексом. Рядом с ним стоят два камня без надписей и два каменных круга (*domarringar*), и множество более мелких камней. В надписи нет ни имени того, кому посвящен камень, ни имени того, кто поставил камень, ни имени мастера рунического письма (**hAidR runo ronu fAlAhAk hAiderA ginArunAR ArAgeu hAerAmAlAusR utiAR welAdAude sAR þAt bArutR // uþArAbA sbA** *HaidRrūnō ronu, falh'k hedra*

[16] На камне из Гёрлева, кроме традиционного текста и футарка нанесена и известная защитная формула **þmkiiissstttiiilll** (о ее значении и распространении см. Kusmenko 2017). На камне из Мальта такой защитной формулой кроме футарка служило, вероятно, повторение латинского слова *titulus* в значении «надпись на могильном камне» (**titultitul**).

ginarūnaR. Argiu hermalausR, ūti ær wēladauþe, sāR þat brȳtR. Uþarba spā. ‘Ряд блестящих рун скрываю я здесь, колдовских рун. Пусть будет беспокойным из-за извращения и пусть настигнет коварная смерть того, кто это (этот памятник) разрушит // Предсказание гибели’. Эта же формула, как мы видели выше, нанесена и на камень из Стентофтена, где она сочетается с упоминанием имени умершего и имени мастера рунического письма (см. выше). Часть подобной формулы есть и на камне из Веттеланна (см. выше)[17].

В надписи на каменной плите из Эггъи (JK 101) много неясного (варианты чтения и интерпретации см. KRP *Eggja*), однако ясно, что в ней говорится о ритуале нанесения надписи, которая была сделана не при солнечном свете и не ножом, причем руны были окрашены кровью. Для нас важно, что в надписи выражен призыв не трогать камень **niwiltiRmanRlagi(af?)** *Ni viltiʀ mænnʀ læggi av* ‘Пусть сбитые с толку люди не сдвигают (камень)’, и, кроме того, заканчивается надпись словами **alumisurki** *alu missyrki* ‘защита от злодеяний’. По-видимому, вся большая надпись была заклинанием против возможных разрушителей памятника и грабителей могилы. Для понимания функции текста важно, что плита была верхней частью плоской могилы, причем камень лежал надписью вниз.

Эксплицитно выражена защита захоронения в надписи из Тёрвики B (KJ 62) **heþrodwengk** *Heþrō dwen??* ‘Отсюда исчезни!’ (ср. др.-исл. *dvena, dvina* ‘уменьшаться, исчезать, прекращать’). Надпись, нанесенная на один из камней погребальной камеры большого кургана, вероятно, имела в виду предполагаемого грабителя. Однако надпись не возымела действия, и

[17] Магические формулы и заклинания, призванные защитить памятник, нехарактерны для надписей на камнях эпохи викингов. Однако в нескольких ранних надписях младшими рунами, особенно в Дании, надпись заканчивается проклятием тому, кто разрушит камень или «утащит его для другого», см., напр., надпись из Главендрупа DR 209, которая заканчивается словами **at : rita : sa : uarþi : is : stain þansi ailti : iþa aft : ąnąn : traki** ‘пусть станет *рэти* тот, кто сломает этот камень или утащит его для другого’ («рэти» – слово с неясной этимологией, но сильным пейоративным значением – Jakobsen, Moltke 1942: 702–703). См. другие надписи с «рэти» (DR 338, DR 230, Vg 67), надпись DR 83 с **siþi** (‘злой колдун’?) вместо «рэти», надпись DR 83, где вместо «рэти» стоит сложное слово, объединяющее «рэти» и «сиди» **siþrati** и надпись Vg 67, где кроме угрозы стать «рэти» мастер рунического письма угрожает злодею стать **at arkRi kunu** ‘извращенной женщиной’ (т. е. пассивным партнером гомосексуальной связи).

предотвратить ограбление камеры ей не удалось (KRP Tørvika B). Защитную функцию выполняла, возможно, и надпись на камне из Флистада (Швеция V 5)[18], если принять чтение **gaeRnaRglata** и интерпретацию *gaiRR nāeR glata* Линдквиста ‘копье настигнет злодея’ (Lindquist 1940, 128) или g*āiR nāaR, glata* Туэсена ‘уважай умершего, злодей’ – Thuesen 1988: 56). Именно последнее слово надписи **glata** является ключевым в понимании надписи (см., др.-исл. *glata* ‘портить, уничтожать’).

Вероятно нет имени мастера рунического письма и в надписи на камне из Нолебю (400 г.), хотя многое в этой надписи остается неясным, ср. **runo(f)ahiraginakudotoje(*k*)a / unaþou : suhurah : susi? (hw)atin / hakuþo** *Rūnō fāhi raginaku(n)dō tōjeka unaþu suhurah (?) susi (?) (hw)atin hakuþo* ‘Руну пишу (окрашиваю) я, происходящую от высших сил, даю покой, пусть *suhurah (?) susi (?)* (это заклинание) заострит(?) Хакодура’. Предполагают, что слова **suhurah** и **susi** являются магической формулой (магическим бормотанием), ср. лат. *susurrus magicus* (Nordén 1934: 99–100). Он рассматривает эту надпись как одну из надписей, которая направлена на то, чтобы умерший оставался в могиле. Камень был найден вмурованным в стену церкви. Норден считает, однако, что первоначально он был боковой стороной могильной камеры из погребения, которое было обнаружено в 200 метрах от церкви (Nordén 1934, 98–99).

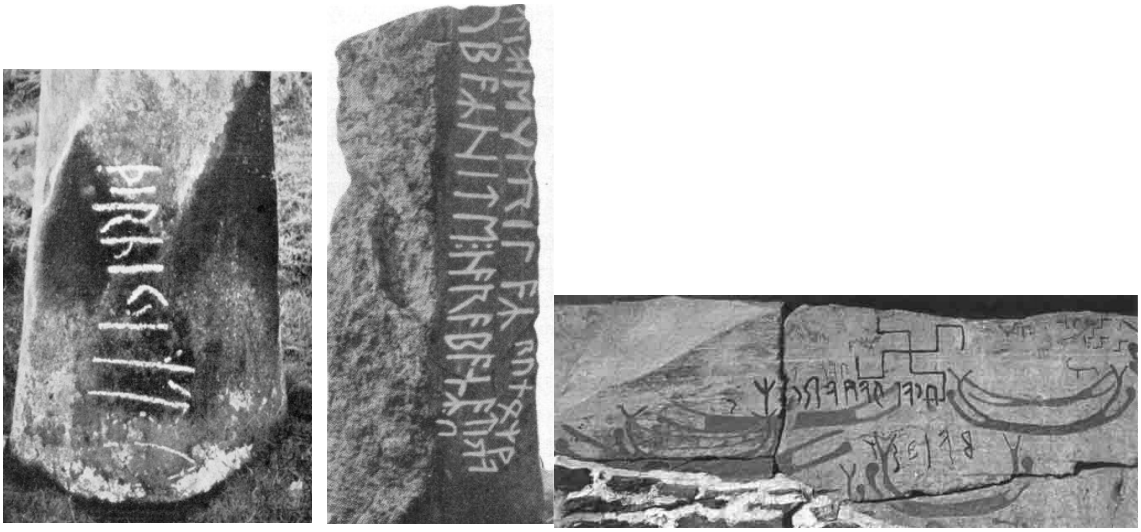


Рис. 2. a) Бармен b) Ерсберг c) Корстад

[18] Марстрандер выразил сомнение в подлинности надписи (Marstrander 1952, ему следует KRP *Flistad*), однако сам же его отверг и предложил свое толкование надписи. В современных работах надпись считается подлинной (см. SRI 5, Thuesen 1988).

В 15[19] из 57 надписей старшими рунами на камнях (т. е. в 25% надписей) мы сталкиваемся только с именем того, кто нанес надпись, которое часто предваряется местоимением «я» или добавлением «написал руны», см., Бармен (JK 64) – рис. 2a) **ekþirbijaR ru**...*ek ÞirbijaR rū*... ‘я Тирбияр ру(ны нанес)’; Эйнанг (JK 63) (...)**dagaxtiR runofaihido** (*ek Go*)*dagastiR rūnō faihidō* ‘я Годагастир руну (т. е. эту руническую надпись) начертал’. Ерсберг (JK 70) **ubaRhite : harabanaR / hait ekerilaR / runoRw aritu**), *Ūbar h(a)itē, HrabnaR hait(ē); ek erilaR rūnōR wrītu* ‘Коварным называюсь, вороном называюсь, я эриль пишу руны’ (см. рис 2b); Нурьхуглу (JK 65) **ekgudijaungandiRih** *ek gudija ungandiR í H(uglo)* ‘я, жрец, неподдающийся колдовству в Х(юглу)’; Росселан (JK 69) **ek wagigaR irilaR agilamudon** *ek WāgigaR, irilaR Agilamundōn* ‘я, Вагигар, эриль Агиламунды’; надпись из Скрамлес Удде (NoR 9) **oþaainri....farkanio** *Øþa ainn ri[sti], fār kann(j)ō* или *Øþawin ri[sti], farkanio* ‘Эса один написал, знающий опасность’ или ‘Эсавин написал, знающий опасность’; надпись на камне из Ватна (KJ 68) **r(ho)al(t)ʀf(ai)** ... *Rhōal(d)ʀ f(āi).* ‘Хроальдр написал’, надпись из Хаммерена B (KJ 55) ...(**fa**)**hiþrun** ...*(fā)hiþ rū(nōR)* ‘нанес руны’. К этим надписям примыкают надписи на скалах, в которых также сообщается только имя мастера рунического письма, ср. надпись на скале из Корстада (KJ 53), **ekaljamarkiR / baij?R** ‘я из другой страны, имя (Воин или Байир)’ (см. рис 2c). Эта надпись сочетается с изображением кораблей и свастикой, однако неясно, относятся ли изображения кораблей и надпись к одному времени. В том случае, если в надписи на небольшом камне из Гуммарпа (KJ 95) **haþuwolafa[R] sate staba þria fff** (‘Хадувулав написал три буквы **fff**’)[20], пропущена руна **R**, как считают многие (KRP *Gummarp*), свидетельствующая об именительном падеже, можно тоже отнести эту надпись к надписям, в которых упомянут только мастер рунического письма.

К надписям такого типа относятся и надписи на скале из Вальсфъёрда (KJ 55) **ekhagustaldaRþewaRgodagas** *ek Hagustaldar þewaR Godagas* ‘я молодой воин (или имя Хагусталдар) слуга Годагара’ и на скале из Веблунгснэса (KJ 56) **ekirilaRWiwila** *ek erilaR Wīwila* ‘я, эриль (мастер рунического письма), Вивила’. Возможно, имя мастера рунического письма

[19] К ним я причисляю и надпись из Сунде (см. выше).
[20] Камень из Гуммарпа не сохранился, существует только очень несовершенная прорись надписи.

в сочетании с магическим заклинанием мы находим в надписи на плите из Рёса (KJ 102). Традиционно надпись **iuþin udRrAk**, которая интерпретируется как *jū þinn UddR rak* ‘этого коня (при)гнал Удд’[21] считается магическим заклинанием, приносящим несчастье, что объясняется изображением на этом камне лошади (см., напр., Düwel 2008: 39)[22]. Возможно имя мастера рунического письма вместе с заклинанием против альвов имеется в виду в надписи из Хаммерена A (JK 55), нанесенную на скалу, прямо над морем. Краузе читает надпись как **þfl<u>uu</u> alfi**, но не дает интерпретации, считая ее «случайным баловством» начала VI века (Krause 1966, 125–126). Бюгге и Ульсен предлагали читать надпись как **ulfþalfiu** и интерпретировать ее как *Úlf(R) fáði Alfiu* ‘Ульв написал Альве (женское имя)’ (NIÆR I, 381), считая, что одну часть зеркального **<u>uu</u>** надо поставить в начало надписи, а другую в конец. Однако такая трактовка **<u>uu</u>**, относящее одно **u** к началу надписи, а другуое **u** к концу, не имеет параллелей. Двойные руны, которые часто имеют вид зеркальных и в старших рунических надписях, и в младших рунических надписях всегда имеют то же фонографическое значение, что и одиночная руна, т. е. в нашем случае первый знак может быть интерпретирован только как простая стоящая в начале надписи руна **u**. Соответственно надпись может быть прочитана как **ulfþalfi** и интерпретирована как *Úlf(R) f(á)ð(i) álfi* ‘Ульв написал альву’ или *Úlf(R) f(á)ð(i) Álfi* ‘Ульв написал Альву’[23] . При первой интерпретации надпись толкуется как надпись против альвов. Руническое закинание против альвов сохранялось в Скандинавии и в Средние века, ср. надпись на рунической палочке из Бергена N B 257, которое начинается *ríst ek bótrúnar / ríst ek bjargrúnar / / einfalt við álfum // tvífalt við trollum // þrifalt við þ(ursum)...* ‘Пишу я руны помощи, руны защиты, один раз против альвов, два раза против троллей, три раза против турсов…’. Мы видим, что альвы занимают в этом

[21] Возможно имя Одина.

[22] Такое толкование основывается на том месте из саги об Эгиле (гл. 57), где он произносит заклятие против своих врагов Гунхильды и Эрика, записывает на жерди рунами это заклятие, насаживает на нее лошадиный череп и поворачивает его в ту сторону, где должны были находиться Гунхильда и Эрик. Лошадь изображена и на плите из Эггъи, где это изображение сопровождается надписью *alu missyrki* ‘защита от злодеяний’.

[23] О возможности существования мужского имени Альв свидетельствует надпись младшими рунами DR 387 (**alfar**) и целый ряд мужских и женских имен с первым компонентом *álf-* (*Álfgautr, Álfdís* и т. п.).

заклинании такое же положение как тролли и турсы. Если справедливо предлагаемое выше толкование надписи, можно толковать ее как надпись, защищающую камень и могилу. Однако указанное выше чтение надписи не исключает и ее трактовки как двухчастной надписи (имя мастера рунического письма и имя умершего (или умершей), ‘Ульв написал Альву’, что, впрочем, не означает, что мы должны отказаться от предположения о защитной функции этой надписи (см. ниже).

Если следовать интерпретации Антонсена (Antonsen 1980), то к надписям, где упомянуто только имя мастера рунического письма относится и надпись на камне из Веттеланна (KJ 60). Однако большая часть этой надписи находилась на отломанном куске камня. Оставшиеся руны читаются **flagdafaikinaRist /** . ... **magoRminasstaina / …daRfaihido** *flagdafaikinaR ist* / … *magōR mīnas staina / …daR faihidō* ‘получит коварную смерть / … камень (вин. пад.) моего сына /…-дар (окончание имени ср. **hagiradaR** и т. п.) написал’. Антонсен предложил заполнить лакуну во второй строке словами «тот, кто разрушит», вся надпись выглядит в таком случае так ‘будет подвержен коварному нападению, (тот, кто разрушит) камень моего сына. N. написал’ (Antonsen 1980, 11). В таком случае этот камень формально относится к группе камней с упоминание только имени мастера рунического письма[24]. При такой интерпретации проклятие на камне из Веттеланна соответствует, проклятию на камнях из Бъёркеторпа и Стентофтена (см. выше). Камень был найден под камнями и землей рядом с небольшим курганом с остатками захоронения.

Исконное положение и связь с захоронениями многих камней из 15 камней этой группы неизвестны, однако ряд камней очевидно связан с захоронениями. Предполагают, что камень из Бармена стоял в центре каменного круга над плоской могилой, камень из Эйнанга стоял (или лежал, он был найден надписью вниз) на кургане, с ограбленной могилой, камень из Ерсберга был частью мемориального комплекса и стоял рядом с камнем без надписи внутри каменного круга с разграбленным захоронением. Возможно внутри кургана помещался камень из Ватна

[24] По-иному интерпретирует эту надпись Краузе, заполняя предполагаемую лакуну в первой строчке словами со значением «тот, кто сломает это», а лакуну во второй строчке нем того, кто поставил камень и глаголом со значением «поставил» (Krause 1966, 137–139).

и рядом с курганами камень из Росселанна (над землей) и Веттеланна (под камнями и землей).

Несмотря на то, что у нас нет сведения о первоначальном расположении многих камней с руническими надписями, можно сказать, что большинство старшерунических камней связано с захоронениями, и только два камня, возможно, с захоронениями не связаны (Мёгедаль[25], Эллестад[26]).

Сравнение старшерунических надписей на камнях с латинскими и венетскими надгробными надписями и с надписями на камнях младшими рунами

Обычай ставить камни на захоронениях («баутастейны») начинает распространяться в Скандинавии в бронзовом веке, задолго до появления рунических надписей на камнях, и эта традиция сохраняется и в железном веке, особенно в конце I тыс. до н. э. и в самом начале I тыс. н. э. (Beck, Holmqvist 1974: 112–113). Чаще всего встречаются отдельные камни, хотя есть и группы камней, иногда очень значительные. Связь некоторых баутастейнов бронзового века с захоронениями и анализ

[25] На этом камне нанесено одно имя **laiþigaR**.

[26] В надписи на камне их Эллестада , которая, судя по использованию руны A, относится к одним из самых поздних надписей старшими рунами нет ни имени того, в честь кого поставлен камень, ни имени того, кто нанес надпись, а только имя того, кто поставил камень. См. **ekAsigimArARAfs /// kArAisidokA / stAinA? /// kk kiiii kkk .** Краузе интерпретирует надпись как *Eka SigimāraR afsaka raisidōka steina kk kiiii kkk* ‘Я Сигимар, свободный от долгов, поставил камень’ (Krause 1966: 133–136). Он считает, что таким образом Сигимар сообщает всем, что он расплатился с долгами (ibid., 136). Все последующие интерпретации фактически повторяют толкование Краузе (см. KRP *Ellestad*). Это толкование, однако, вызывает сомнения. Аналогий такого типа надписи нет ни среди старших, ни среди младших рунических надписей. Можно сделать надпись более типологически вероятной, если признать, что *afsaka* является прозвищем (см. др.-исл. *afsaka* ‘оправдывать, извинять’, *afsakan* ‘извинение, оправдание’), т. е. *SigimāraR Afsaka* ‘Сигимар Оправдание (или Оправдывающий)’. И надпись сообщает просто имя и прозвище того, кто поставил камень. Интерпретация **kk kiiii kkk** как рунического шифра, обозначающего **alu** (ср. Krause 1966: 135), не убедила рунологов. Однако повторяющиеся руны **k** и **i** возможно должны были служить проклятьем (ср. их название **k** ‘нарыв’ и **i** ‘лед’) тому, кто попытается сломать этот камень или использовать его для своих целей. Первоначальное местоположение этого камня неизвестно.

древнеисландских текстов[27], рассказывающих о баутастейнах, позволяет предположить, что основной их функцией и в бронзовом веке и в более позднее время была функция памятника (Haugen 2007: 179). Об этом же свидетельствуют и более поздние по времени камни с руническими надписями, которые появляются в Швеции и Норвегии в III–IV вв. н. э. Баутастейны без надписи продолжали ставить и после появления футарка иногда рядом с камнями с надписями.

Если традиция ставить памятные камни (баутастейны) была автохтонной и существовала около тысячи лет до того, как появилась традиция писать на них надписи, то вполне вероятно, что обычай наносить надписи на баутастейны мог быть результатом влияния римской традиции, как считал известный норвежский археолог Шетелиг (Shetelig 1914–1924: 62), который, правда, к сожалению, не развил эту мысль.

Сравнение античных надписей на надгробных камнях (латинских, греческих и венетских) с надгробными надписями старшими рунами действительно показывает их значительное сходство. Надписи, в которых упомянуто только имя умершего, характерны для обеих традиций (причем возможно и там и там краткость надписи определялась имущественным и социальным положением умершего). Несколько надписей старшими рунами упоминают и имена тех, кто поставил камень и имя умершего (4 надписи из 57) – традиция частая в латинских надписях.

Соответствует античной традиции и проклятия тем, кто попытается разрушить захоронение или памятник. Среди латинских надписей на намогильных камнях часты надписи с эксплицитно выраженными проклятиями точно такого же типа, как мы

[27] В Старшей Эдде в речах Высокого сообщается о том, что сын должен ставить «баутастейн» в память об отце *Sonr er betri, / þótt sé síð of alinn / eftir genginn guma /sjaldan bautarsteinar / standa brautu nær / nema reisi niðr at nið* ‘Сын это очень хорошо, даже если он рожден поздно, после смерти отца. Редко стоят камни у дороги, если родич не поставит в честь родича’ (Hár. 72). Есть информация о баутастейнах и в Круге земном Снорри. В прологе Снорри пишет, что «первый век называется веком сожжения, тогда всех умерших сжигали и воздвигали в их память намогильные камни», а в саге об Инглингах (гл. 8) он сообщает о том, что обычай ставить баутастейны ввел Один («Один ввел в своей стране те законы, которые были раньше у Асов. Он постановил, что всех умерших надо сжигать на костре […], а в память о знатных людях надо насыпать курган, а по всем настоящим мужчинам надо ставить надгробный камень. Этот обычай долго потом держался»).

встречаем на камнях из Стентофтена, Бъёркеторпа, Эггъи, Флистада, Веттеланна, Тёрвики. Латинские надписи с проклятиями тематически гораздо более разнообразны, однако, также как и рунические проклятия, они, прежде всего, направлены против разрушения надгробного камня[28].

В латинских надгробных надписях часто используется защитная формула (*D(iis) M(anibus)* 'богам манам'), ставящая памятник под защиту духов манов, которая либо в полном, но чаще в сокращенном виде обычно начинает надпись (Geist 1969: 156; Eck 1997: 106). Защитной формулой была и *h(uic) m(onumento) d(olus) m(alus) a(besto)* «от этого памятника злой умысел пусть будет в стороне», которая также часто встречалась и в сокращенном виде (HMDMA). Этим формулам соответствуют рунические защитные формулы **alu** (Энгельсем), **alumisurki** (Eggja) «защита от злодеяний», **heþrodwengk** «Отсюда исчезни!» (Тёрвика B) и записанными в сокращенном виде сочетания **ea** 'конь, ас' в надписи из Федьи, **rmþï** 'резало, омела, чертополох, тис' в надписи из Бю, и возможно руны **k** «нарыв» и **i** «лёд» в надписи из Эллестада. Защитной формулой на камне был и футарк (см. футарк на камне из Чюльвера и на брактеатах – амулетах и фибулах (KJ 2, 3, 4, 6, 7, 8). Защитная, прежде всего апотрофическая, функция надписей с алфавитами известна с древнейших времен, и она была характерна и для античности (см., Dornseiff 1925: 69–81).

Создавая футарк, германцы заимствовали не только многие буквы из венетского, латинского и греческого алфавитов, но и традицию античного письма, в том числе и формулы проклятий и сокращенные формулы защиты на латинских надгробиях и написание алфавита с апотрофической функцией. Однако, если мы сравним латинские надписи на надгробных камнях предполагаемого времени создания футарка (I в. до н. э – I в. н. э.) с надписями на старшерунических камнях, то наряду со сходст-

[28] См. надпись CE 1799 «quisque huic titulo manus intulerit, sale et aqua desideret 'кто тронет этот памятник, останется без воды и соли', DE 8199 «qui hoc titulum sustulerit habeat iratas umbras qui hic positi sunt. 'Пусть того, кто сдвинет с места этот памятник, настигнут разгневанные тени тех, кто здесь похоронен'. DE 8185a – «quisquis, hoc sustulerit aut laeserit, ultimus suorum moriatur 'Тот, кто сдвинет или повредит этот камень, пусть на том закончится его род (букв. пусть тот умрет последним из своего рода)' и во многих других надписях (см. DE 8181, 8189, 8201, 8203 и т. п.).

вом некоторых типов надписей обнаружим и значительные различия.

Среди латинских надгробных надписей времени создания футарка именно сведения об умершем были важнейшей информацией (Eck 1997: 105). В тех латинских надписях, которые мне удалось просмотреть, я не нашел надписей без упоминания имени умершего, тогда как в половине надписей надгробных надписей старшими рунами, имени умершего нет. Хотя в латинской традиции и встречаются изредка надписи с именами тех, кто написал надпись, но эта информация никогда не начинает надпись. И невозможно себе представить латинскую надгробную надпись, которая бы состояла только из слов «N. написал» или «я, (имя), написал», что характерно для относительно большого количества надписей старшими рунами (15 надписей – 25%). Не нашел я среди латинских надписей и надписей, в которых были бы только защитные формулы, что характерно для 8 надписей старшими рунами (7%), редки латинские надписи только с именами писавшего и умершего, не говоря уже о невозможности написания имени писавшего в начале надписи.

Наличие только имени писавшего в старшерунических надписях объясняется особым положением человека умевшего писать на первом этапе появления письменности. Умение писать и читать в Римской империи I в. до н. э – I в. н. э. было всеобщим. Латинская письменность существовала уже несколько веков. Письмо не было больше даром богов или Карменты, доступным только некоторым посвященным, которые занимали особое положение в обществе. Иначе обстояли дела в Северной Европе в начале н. э. Руны считались происходящими от высших сил (ср. в рунических надписях **raginakudo** (acc. sg.) в надписи из Нулебю и *reginkunnum* (dat. pl.) в Старшей Эдде (Hávv. 79), и человек, владевший искусством письма (эриль), был одновременно и человеком обеспечивающим связь с этими высшими силами и действие этих сил. Его имя и ранг обладали, соответственно, магической силой, способной обеспечить и защиту камня и защиту человека, имеющего амулет с такой надписью (напомним, что на некоторых амулетах, могло просто стоять имя эриля (см., напр., KJ 29) или даже просто «я эриль», см. надпись на обратной стороне фибулы из Братсберга (KJ 16). Причем иногда имена мастеров рунического письма были говорящими, т. е. они не были именами в собственном смысле слова, а указывали на качества мастера рунического письма

(см., напр., «хитроумный», «не поддающийся колдовству», «знающий опасность» и т. п.). Очень показательно в данном случае имя **stainawarjaR** ‘охраняющий камень’, которым называет себя мастер рунического письма в надписи на камне из Хогганвика. Именно охрана камня и была основной функцией тех надписей, где сообщались только имя или ранг мастера рунического письма. Эрили были в Скандинавии не просто мастерами рунического письма. Они были реинкарнацией Одина, аса, который первым узнал руны и был покровителем рунического письма (см., напр., Hauck1998; Sundqvist 2007: 212). О связи эрилей с Одином свидетельствуют сходные типы самопредикации, типы имен и прозвищ и функции мастеров рунического письма. Известная руническая формула «я называюсь» + имя и прозвище, иногда со словом эриль (см., выше надписи на камнях из Ерсберга и Бю, на брактеатах из Вэсбю / Эскаторпа, и Тролльхэттена II и на амулете из Линхольма), точно соответствует формуле представления Одина в Речах Гримнира «Я называюсь X» (ср. Grm. 46–50) *Hétomk Grímr, hetomk Gangleri...* ‘Называюсь Гримом называюсь Ганглери…’, а в строфе 54 Один сообщает и свои прежние имена (см. *Óðinn ek nú heiti / Yggr ek áðan hét, / hétomk Þundr fyrir þat...* ‘Одином теперь называюсь / раньше меня звали Игг /, а до этого Тунд…’. В некоторых надписях такого типа не упоминается ранг эриля, а мастер рунического письма просто назван по имени.

Важной венетской параллелью к старшеруническим надписям является венетская формула «я» + имя, или без имени[29] того, кто поставил камень (Lejuene 1974: 214–221), которая начинает надпись, выдвигая на первое место не умершего, а того, кто поставил камень. Поскольку во многих надписях глагол со значением поставил только предполагается, а есть только «я» и имя умершего в дательном падеже (см. сноску 28), можно предположить, что могло иметься в виду и написание надписи.

Сложнее решить вопрос, почему на половине рунических надписей на камнях не упомянут погребенный. Возможно, это продолжение традиции баутастейнов, которые не персонифицировали погребенных. Возможно, это связано с тем, что камни, поставленные на погребальных полях, относились ко всем захоронениям, а возможно, что люди, жившие в этом поселении или по соседству, знали, кому посвящен камень. Более важной каза-

[29] См., напр., надпись на стелле Este 56 *ego voltigenei vesos* ‘я (поставил) Волтигену подобающий (памятник)’ Lejuene 1974: 214).

лась защита памятного камня от возможных грабителей, что и обеспечивали имя мастера рунического письма, проклятия и магические формулы.

Часть надгробных рунических надписей писалась, по-видимому, для того, чтобы быть прочитанными. Об этом может говорить и их форма и, иногда, их содержание (ср., напр., надписи на камнях из Рё, Туне, Чёлевике, Кругсте, Рэвсале, Мёйбру, Бъёркеторпе, Стентофтене). Однако, очевидно, что надписи внутри курганов или внутри погребальных камер или надписи на камнях повернутых надписью вниз предполагались не для чтения, а для выполнения защитной функции, см., напр., камни из Эгельсема, Федье, Чюльвера, Тёрвики B, Стейнстада, Веттеланна, Эйнанга, Ватна). В латинской традиции безусловно предполагалось чтение надписей (ср. многочисленные призывы к прохожим остановиться и прочесть надпись). Писать внутри могилы по крайней мере в эпоху Империи было не принято. А вот венетская культура погребения знает и традицию нанесения предполагаемых для чтения надписей на камнях (см., напр. №№ 56–76, Lejeune 1974: 209), и традицию надписей на погребальных урнах, расположенных внутри захоронения (№№ 77–122 – ibid).

Возможно, что и те надписи, которые предполагались для чтения, выполняли и другую функцию, а именно функцию защиты памятника, см. выше апотрофическую функцию футарка. Особенно это можно предположить в отношении тех надписей, которые были направлены надписью в сторону захоронения, а не наружу. Однако в том случае, когда у нас нет эксплицитных указаний на защитную функцию надписи (проклятие разрушителям, защитные формулы, только имя человека, писавшего надпись), полной уверенности в защитной функции старшерунических надписей такого типа у нас нет.

Таким образом, несмотря на очевидное влияние латинской и венетской традиции надгробных надписей на старшеруническую традицию надписей на камнях, мы видим старшерунические надписи показывают и автохтонное развитие германской традиции, связанной с установкой баутастейнов. Особенности этой традиции определялись особой функцией футарка как любого другого алфавита на ранней стадией его развития, одна из основных его функций которого была не функция передачи информации, а функция оказания воздействия. В песнях о богах в Старшей Эдде говорится только о магическом воздействии рун, первые сведения о рунических надписях, как о передачи инфор-

мации появляются только в стадиально более поздних песнях о героях.

Надписи на камнях младшими рунами типологически гораздо больше соответствуют надписям на камнях эпохи Римской империи. Здесь и почти обязательное наличие имени умершего, и очевидное стремление к тому, чтобы надпись была прочитана (ср. латинские надписи с надписью «остановись прохожий и прочти», см., напр., CIL III 371 с младшеруническими призывами «прочти!» (**raþ** imper. 2 sg. Vg 119 C, U 11, U 29, U 328), или «пусть прочтет» **raþi** konj. 3 sg Sö 213, U 729). Скандинавские надписи по «по себе живому», соответствуют латинским надгробиям, подготовленным при жизни (что обозначалось сокращениями *v(iva)* или *v(i)vus*, характерных для многих латинских надписей (Eck 1997, 105). Письмо в Скандинавии эпохи викингов становится достоянием многих, и количество надписей исчисляется тысячами, а не десятками, как в эпоху переселения народов. В эпоху викингов исчезает и должность эриля, мастера рунического письма, мага, способного своей надписью и своим именем оказать влияния на действительность. В это время появляется и новая функция скандинавских надписей – быть юридическими документами, доказывающими право на наследство для тех, кто поставил камень. Именно поэтому в огромном большинстве надписей на камнях младшими рунами надпись начинается с имени того или тех, кто поставил камень. Эти надписи, несомненно, предполагались для чтения. В эпоху викингов рунические камни теряют и обязательную связь с захоронениями, характерную для надписей на камнях старшими рунами. Камни эпохи викингов ставились на родине скандинавов, погибших за ее пределами, не только для того, чтобы почтить их память (см. выше), но и для того, чтобы было видно, кто имеет право на наследство погибшего.

Литература

Antonsen, E. 1975: *A Concise Grammar of the Older Runic Inscriptions*. Tübingen.

Antonsen, E. 1980: Den ældre fuþark: gudernes gave eller hverdagsalfabet? *Mål og minne*, 129–143.

Beck, H, Holmqvist, W. 1976: Bautastein. In: *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*. Zweite Auflage, hgg. von H. Beck et al. Bd 2, 112–113.

CE – *Corpus Inscriptionum Latinarum. F. Bücheler. Carmina Latina Epigraphica*. Leipzig I –1985, II – 1897, III – 1926 Suppl.

DE – *Inscriptiones Latinae Selectae edidit Hermannus Dessau.* Berolini, Vol. 1, 2,1, 2,2. 1892, 1902, 1906.

Düwel, K., 2008: *Runenkunde. Stuttgart*, Weimar. Vierte Auflage.

Eck, W., 1997: Lateinische Epigraphik. In: *Einleitung in die lateinische Philologie*. Hg. von F. Graf. Stuttgart und Leipzig, 92–111.

Geist, H., 1969: *Römische Grabinschriften. Gesammelt und ins Deutsch übertragen von H. Geist betreut von G. Pohl*. München, 1969.

Hauck, K., 1998: Zur religionsgeschichtlichen Auswertung von Bildchiffren und Runen der völkerwanderungszeitlichen Brakteaten. In: *Runeninshriften als Quellen interdisziplinärer Forschung.* Hg. K. Düwel in Zusammenarbeit mit S. Nowak. Berlin; New York, 298–353 (= Ergänzungsbände zu RGA 15).

Haugen, S., 2007: *Från bautasten till bautastor. Studier över fornvästnordiska bautasteinn och svenska ord bildade med bauta(-).* Umeå.

Knirk, J. E. 2011: Hogganvik – innskriften: en hard runologisk nøtt. *Viking* 74, 25–40.

Krause, W. 1937: *Runeinschriften im älteren Futhark*. Königsberg (= Schriften der Königsberger Gelehrter Gesellschaft. Geisteswissenschaftliche Klasse 13, Heft 4).

Krause, W. 1966: *Die Runeninschriften im älteren Futhark*. Mit Beiträgen von H. Jankuhn. Göttingen.

KRP – Runenprojekt Kiel (http://www.runenprojekt.uni-kiel.de)

Kusmenko, Ju. K., 2017: Was bedeuten die Runen **rmþï** in der Runeninschrift auf dem Stein von By. In: *Die Faszination des Verborgenen und seine Entschlüsselung – Rāđi sāR kunni. Beiträge zur Runologie, skandinavistischen Mediävistik und germanischen Sprachwissenschaft.* Hg. von Jana Krüger et al. Berlin, Boston,. (Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Ergänzungsband 101). 243–260.

Lejeune, M., 1974: *Manuel de la langue Vénète*. Heidelberg.

Lindquist, I., 1940: *Relegiösa runtexter 2. Sparlösa-stenen: ett svenskt runmonument från Karl den Stores tid, upptäckt 1937: ett tydningsförslag*. Lund. (= Skrifter utgivna av Vetenskapssocieteten i Lund 24)

Marstrander C. J. S., 1952: *De nordiske runeindskrifter i eldre alfabet. Skrift og språk i folevandringstide. I Danske og svenske innskrifter*. Oslo (= Viking 1952,1–277).

Moltke E., 1976: *Runerne i Danmark og deres oprindelse*. København.

NIÆR I, 1 – *Norges indskrifter med de ældre runer udg. ved Sophus Bugge*. Christiania, 1891–1903.

NIÆR I, 2 – *Norges indskrifter med de ældre runer udg. ved M. Olsen*. Christiania, 1917.

NIÆR III – *Norges indskrifter med de ældre runer udg*. ved M. Olsen. Christiania, 1914–1924.

Nordén A., 1934: Från Kivik till Eggjum II : Runristningar med gengångarbesvärjelse. *Fornvännen* 29, 97–117.

Rundata – Samnordisk runtextdatabas (http://www.nordiska.uu.se/forskn/samnord.htm)

Santesson L., 1988: En blekingsk blotinskrift. En ny tolkning av inledningsraderna på Stentoftenstenen. *Fornvännen* 84, 221–229.

Sawyer B., 2000: *The Viking-Age Rune Stones. Custom and Commemoration in Early Medieval Scandinavia.* Oxford, 2000.
Shetelig H., 1914–1924: Arkeologiske tidsbestemmelse av ældre norske runeindskrifter. *NIÆR* III, 1–76.
Sundqvist O., 2007: *Kultledare i fornskandinavisk religion*. Uppsala.
Thuesen K, 1988: Den urnordiske runeindskrift fra Flistad // *Arkiv för nordisk filologi.* Bd. 103, 1988, 48–63.
Tsigaridas G. Z., Johansson J., Stylegar F.-A. 2011: Minnelund og monument. Runesteinen på Hogganvik, Mandal, Vest-Agder. *Viking* 74, 9–24.

Ju. K. Kusmenko. Peculiarities of North Germanic inscriptions in elder runes on stones (2nd-7th c. AD)

Tradition to erect high stones ("bautasteinar") at flat graves and mounds developed in Northern Europe in the end of the Bronze Age, but the custom to make inscriptions on stones came to Northern Europe only with the Futhark in the beginning of the 1st century AD. The analysis of the elder runic inscriptions on stones (57 inscriptions) shows that the content of some of them corresponds to classical patterns (the names of the dead and of the sponsor, curse against a possible malefactor, protective formulas (often in shortened form) including the alphabet (Futhark) used in protective function. Some peculiarities distinguish, however, the elder runic inscriptions on stones from the classical patterns. These include the runic inscriptions without the name of the dead (22), where either protective formulas (7) or only the name of the runic master (eril) is mentioned (15). The combination of the name of the dead with the name of the script master (8) unusual for classical gravestone inscriptions indicates the protective role of the name of the runic master (eril) as well. The skill to write elder runes meant at the same time the skill to influence the reality including the possibility to protect the grave. Many elder runic inscriptions on stones were not meant to be read (they lay inside the mound or inside the grave chamber often with the inscription downwards), they had to exert influence first of all to protect the grave from the robbers. In the Viking Age (8th–12th c.), when the number of the younger runic inscriptions grew rapidly (up to several thousand instead of a few dozen in the Elder Futhark) the content of the inscriptions changed. The commemorative function came to the fore. The inscriptions without the name of the dead were no longer possible as well as the inscriptions with bare names of the erils. There were no more erils as runic masters and magicians, no caste initiated into the secret of writing and sorcery. The script has become common property. The important function of the younger runic inscriptions on stones became to secure the right of inheritance for the people who erected the stone (their names stood as a rule in the beginning of the inscription). The inscription in the Younger Futhark was meant to be read. In some inscriptions in the Younger Futhark on stones we even find appeals to read them.

Key words: runology, elder runic inscriptions on stones, classical (Latin and Venetic) grave inscriptions, younger runic inscription on stones.

DOI:10.30842/ielcp230690152255

А. Д. Курилова

ЭЛЕМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРАСНОРЕЧИЯ В МОСКОВСКОЙ РУКОПИСНОЙ РИТОРИКЕ «DIADEMMA EX IMMARCESSIBILIBUS FLORIBUS TULLIANAE» (1745–1746)

В статье рассматривается трактовка отдельных элементов политического красноречия в московской рукописной риторике 1745-1746 гг. Особенностью данной риторики является сочетание обширного иллюстративного материала для амплификации ключевых понятий речи и практических наставлений в области государственного управления.

*Ключевые слова***:** Россия XVIII века, рукопись, риторика, политическое красноречие.

Московская рукописная риторика «Diademma ex immarcessibilibus floribus Tullianae…» («Венок из неувядаемых цветов цицеронианы…»), представляет собой руководство, составленное в 1745–1746 гг. для учащихся Московской Славяно-греколатинской академии. Как и в других рукописных учебных риториках этого времени, главное внимание в книге уделяется красноречию духовному и эпидейктическому, которое характеризуется как species nobilissima (Diademma: 51 (об)). Однако, в отличие от авторов других подобных руководств, составитель «Венка» не обходит вниманием и некоторые аспекты политического красноречия. В одном из разделов риторики («Pars tertia, Eruditione politica instruens Neorussium») собраны сведения, имеющие отношение к данной сфере.

Раскрывая смысл понятия «eruditio politica», составитель руководства определяет его как «средства, служащие для украшения как духовного, так и светского красноречия посредством разнообразных материалов» («supellectilem, tam sacrae quam profanae elocutionis ornatui pro materiarum diversitate servientem» – Diademma: 80). Особо отмечается отсутствие претензий автора на какие-либо наставления в области политики: «Nomine eruditionis politicae nolim, ut intelligat quispiam praecepta seu administrandam rei publicae normam de qua communiter politici» («Мне не хотелось бы, чтобы политическую эрудицию понимали как предписания или общие для политиков нормы управле-

ния государством»). По убеждению составителя пособия, это не имеет отношения к риторике («Hoc enim facultas distincta est omnino a rhetorica») (Diademma: 80). Ритор ограничивает свои задачи подбором сентенций, высказываний, сведений, которые касаются политических понятий и могут быть полезны при составлении речей разных жанров. Источником сведений о средствах красноречия (subsidia eloquentiae) составитель руководства называет Соария (Киприано де Соареса, испанского иезуита (1524–1593), автора учебника «De arte rhetorica libri tres»).

Раздел московской риторики, посвященный политической эрудиции, включает три главы: «De re publica», «De virtutibus», «De vitiis». Описание и риторическая амплификация добродетелей и пороков не имеют прямого отношения к теме государственного устройства, поэтому наибольший интерес в рамках выбранной темы представляет первая глава раздела «О государстве» («De re publica»), в которой рассмотрены такие понятия, как princeps (глава государства, монарх), dux (вождь, полководец), miles (воин), cives (граждане), aerarium seu vectigalia (казна и налоги).

Тему государства ритор начинает с понятия «princeps». Когда речь идёт о главе государства, наилучшими риторическими украшениями автор считает традиционные сравнения с солнцем и львом. Со ссылкой на Эразма проводится параллель между солнцем и монархом: «ut ille omnibus… lucis suae impendit activitatem, ita princeps omnem reipublicae curam sustinere debet» («как солнце распространяет свой свет на благо всем, так и глава государства должен нести на себе все заботы о государстве») (Diademma: 80). Со львом, по мнению ритора, монарха можно сравнить на том основании, что лев внушает всем страх. Эти качества – благотворное влияние на всех подданных и в то же время внушаемый им страх – воспринимаются как главные атрибуты власти. Они не называются прямо, но подаются через сравнение.

Следующие далее примеры и изречения иллюстрируют щедрость, справедливость, умеренность как качества монарха. Например: «Alexander interrogatus, quis optimus princeps esset, respondet: qui amicos donis retinet, inimicos benefitiis amicos facit» («Когда Александра спросили, кто лучший из правителей, он ответил: тот, кто удерживает друзей дарами, а врагов превращает в друзей благодеяниями») (Diademma: 80). В свободном

пересказе со ссылкой на Плутарха приводятся слова Агесилая (по ошибке названного македонским царём) о том, что раз персидский царь не превосходит его справедливостью и воздержностью, то и не может быть назван более великим: «Agesilaus Macedonum princeps cum audiret persarum regem magnum appellari dixisse teste Plutarcho fertur: Quare major me est nisi justior me esse ac temperantior» (Diademma: 80).

В перечень добродетелей, подобающих царям, входит также богопочитание и благочестие («Inter ceteras virtutes princeps colat religionem et pietatem») (Diademma: 80 (об)). Перечислены монархи (Константин Великий, Карл Мартелл, Рудольф, основатель австрийской династии Габсбургов), которые почитая Бога создавали и расширяли империи («cultu divino imperia et formarunt et amplificarunt») (Diademma: 80 (об)).

С благочестием ритор связывает такие черты идеального монарха, как справедливость и кротость: «Religionis studio conjungenda principis justitia et clementia» (Diademma: 80 (об)). Приводятся два очень близких по смыслу определения понятия «justitia»: «Vocabula justitiae duo praecipua occurrunt. Primum est a Platone vocante justitiam fulcrum civitatum, secundum Augustini justitiam unicum regnorum columen appellanti» («Есть два главных определения правосудия; первое принадлежит Платону, назвавшему правосудие опорой государств, второе – Августину, назвавшему правосудие единственным столпом царств») (Diademma: 81). Понятие «clementia» иллюстрируется, в частности, изречением Сенеки: «non minus principi turpia sunt multa supplicia, quam medico multa funera» («не менее позорны многочисленные казни для принцепса, чем многочисленные похороны для врача») (Diademma: 81). Приводятся также строки, в которых Клавдиан восхваляет кротость.

Трактовка риторического образа полководца (dux exercituum) начинается с гиперболического уподобления: «Hic ille est, quo praesente enim cervi leones» («Это тот, в присутствии которого даже олени становятся львами») (Diademma: 81). Затем ритор приводит ряд примеров из греческой истории, подчеркивающих обязанности полководца и его ответственность перед армией. Например: «Pelopidas uxori quae ipsum ad bellum proficiscentem rogabat muliebriter ut servaret se ipsum respondit: Alii istud ut faciant monendi sunt, nam princeps ac dux hortandus sit ut servaret cives» («Пелопид, собираясь на войну, ответил жене,

по-женски умолявшей его беречь себя: Другим следует об этом напоминать, а вождей и полководцев надо просить беречь граждан») (Diademma: 81 (об)). Упомянув, что остальные доблести полководцев перечислены у Клавдиана, автор руководства формулирует пять тактических правил, о которых необходимо помнить военачальнику: 1) вести войско, соблюдая строй; 2) выстроить порядки; 3) самые сильные части войска держать в резерве; 4) высылать вперёд лазутчиков; 5) быть при войске (Diademma: 81 (об)).

В параграфе, посвящённом воину (miles) и его обязанностям, ритор собрал многочисленные примеры храбрости и самоотверженности простых солдат. Следует отметить, что в данном параграфе внимание ритора обращено главным образом на позднеантичные (Вегеций) и христианские (Иероним, Амвросий, Августин) тексты, хотя приводятся также и цитаты из Ксенофонта, Сенеки, Тита Ливия, Овидия.

Цель воюющих трактуется по Августину: «Apud veros Dei cultores enim bella parata sunt, quae non cupiditate aut crudelitate sed pacis studio geruntur» («Среди истинных почитателей Бога не из жадности или жестокости ведутся войны, а из-за стремления к миру») (Diademma: 82).

Главное требование к воинам – «otium castris exsulare» («изгнать из лагеря праздность») (Diademma: 82) – проиллюстрировано изречениями Сенеки, Ксенофонта, Тита Ливия. Сформулирован парадоксальный вывод о пагубном влиянии победы или благоприятных обстоятельств на армию: «Parta victoria non debet esse securus miles… teste Livio res secundae negligentiam creant» («Одержав победу, воин не должен чувствовать себя в безопасности… как свидетельствует Ливий, благоприятные обстоятельства рождают небрежение») (Diademma: 82).

Отдельный параграф посвящён риторической трактовке понятия «cives patriae» («граждане, соотечественники»). Первым условием существования гражданского общества ритор считает свободу слова: «Moneo primo debere esse liberum in dicenda sententia cum vero ex mente poetae linguam cui inclusam, suspendit metus, ut nunc ita olim visus est pessimus» («Уверяю: во-первых, гражданин должен быть свободным в выражении своего мнения, так как, по словам поэта, у кого страх сковывает язык, как теперь, так и раньше, зрение становится очень плохим») (Diademma: 82 (об)). Автор подкрепляет свою мысль словами из

«Антигоны» Софокла, ссылается на Цицерона, который в трактате «Об обязанностях» порицал тех людей, которые «quod sentiunt etiam si optimum est, invidiae metu non audent dicere» («даже понимая, что являлось бы наилучшим, не смеют высказать из страха навлечь на себя зависть»), а также приводит ряд примеров из античной и новой истории (Diademma: 82 (об)). Второе требование к гражданину – быть постоянным и неподкупным в своих взглядах («Moneo secundo civem debere esse constantem in suo sensu, nec in contrariam… corruptibilem») (Diademma: 82 (об)). Символом постоянства ритор вслед за Назианзином называет саламандру, не только не сгорающую в огне, но и гасящую его.

Рассмотрев разные категории лиц, образующих гражданское общество, и определив основные топосы, подходящие для риторической разработки, ритор переходит к такой важной теме, как экономическая основа государства, казна и налоги (aerarium seu vectigalia). Значимость темы подчёркнута изречением Юстиниана: «sine vectigalibus impossibile est rem publicam conservari… neque enim quies gentium sine armis, nec arma sine stipendiis, nec stipendia sine tributis haberi queunt» («без налогов нельзя сохранить государство, ведь не бывает мира без армии (буквально: оружия), армии – без военного жалованья, военного жалованья – без налогов» (Diademma: 83).

Несмотря на упомянутое выше заявление ритора о своем нежелании давать какие-либо советы, выходящие за пределы задач риторики, он формулирует несколько правил налоговой политики (census in impositione vectigalium): 1) «Observa primo ne sint gravia et intolerabilia, bene enim Cassiodorus: a paucis accipit, qui nimium quaerit» («Во-первых, следи, чтобы налоги не были слишком тяжёлыми и непереносимыми, ведь, как хорошо сказал Кассиодор, тот, кто требует сверх меры, получает от немногих») (Diademma: 83). Эта же мысль подтверждается словами Тацита: «Videat princeps ne provinciae novis oneribus turbentur et vetera sine avaritia magistratuum tolerentur» («Пусть принцепс заботится о том, чтобы провинции не волновались из-за новых налогов, а старые переносили бы, не испытывая жадности магистратов» (Diademma: 83); 2) «Observa secundo: tributa aequaliter imponantur» («Во-вторых, следи, чтобы подати налагались на всех одинаково»); 3) «Observa tertio: tempore pacis extra ordinaria tributa remittantur» («В-третьих, во время мира

экстраординарные налоги должны быть отменены»); 4) «Observa quarto: erarii depositio restricta sit et parca» («В-четвёртых, расход казённых денег должен быть ограниченным и бережливым» (Diademma: 83 (об)). Каждый из принципов подкрепляется многочисленными цитатами и историческими примерами.

Таким образом, в московском риторическом руководстве собраны разнообразные сведения, примеры, изречения (eruditiones), уместные в политическом красноречии и иллюстрирующие основные составляющие понятия «государство». Хотя существовало представление, что политическое красноречие к этому времени давно утратило актуальность и сохранилось лишь в школьном курсе риторики (см. в частности, Rhetorica 1766: 58 (об)), автор «Венка» считает нужным не только подробно рассмотреть круг политических топосов, но и дать учащимся некоторые советы в области государственного управления.

Литература

Diademma 1745–1746: Diademma ex immarcessibilibus floribus Tullianae suadae in ornamentum Rossiae laureatis capitibus Neotulliorum in Mosquensi Graecolatino viridario contextum… Московская Славяно-греко-латинская академия. 1745–1746. РГБ. Ф. 173.1. № 355. 168 л.

Rhetorica 1766: Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam libellus. Курс лекций по риторике, читанных в Нижегородской семинарии. 1766. РГБ. Ф. 312, № 78. 95 л.

A. D. Kurilova. Elements of political eloquence in the Moscow manuscript rhetoric «Diademma ex immarcessibilibus floribus Tullianae»

The article deals with an interpretation of some elements of political eloquence in a manuscript rhetoric composed in Moscow in 1745–1746. Special feature of this manual is a combination of extensive illustrative material needed for amplification of basic concepts of the speech with practical precepts in the sphere of political administration.

Keywords: Russia of the 18th century, manuscript, rhetoric, political eloquence.

DOI:10.30842/ielcp230690152256

Andrei Lebedev

THE DERVENI PAPYRUS AND PRODICUS OF CEOS[1]

To the memory of Martin West.

А. В. Лебедев. Дервенийский папирус и Продик из Кеоса.

Статья посвящена авторству, жанровому определению, философской интерпретации, датировке и культурно-историческому контексту Папируса из Дервени (ДП), философского текста с цитатами из Орфической теогонии, найденному в могиле второй пол. 4 в. до н. э. в деревне Дервени у Салоник в 1962 г. В разделе (1) указываются причины ошибочных толкований и неверных атрибуций: ложное опреде-

[1] This is a preliminary (abridged) presentation of the main results of our investigation of the Derveni papyrus the complete text of which will appear in the volume «Presocratics and Papyrological Tradition» (2019) edited by Christian Vassallo. The original version of this paper under the title «The Derveni Treatise as a Document of Sophistic Atheism» was presented at the International conference on the Derveni papyrus at Princeton University on April 25th, 1993 during my Perkins fellowship granted by the Council of Humanities of Princeton University (cf. Sider 1997: 129, n. 2). I have benefited from several discussions of my hypothesis. During my fellowship in All Souls College, Oxford (1995–1996) I was invited by Professor Richard Janko to present my «atheistic» interpretation of *PDerv* at his seminar in the Institute of Classical Studies, London on June 7th, 1996. Additional recent research was stimulated by the invitation to give a lecture «The Derveni papyrus and Greek Enlightenment» at the Department of Classics of New York University on November 3rd, 2016 (thanks are due to David Sider, Mirjam Kotwick and other colleagues who took part in the discussion) and by the participation at the International Colloquium «Presocratics and Papyrological Tradition», University of Trier, 21–24 September 2016 organised by Christian Vassallo and Wolfgang Woehrle. Thanks are due to Valeria Piano for discussing with me on this occasion the possibility of some readings in PDerv. col. IV, line 6 (all remaining faults are mine) and to Christian Vassallo for sharing with me the complete text of his extremely important paper on Anaxagoras and atheism in doxography (Vassallo 2019). The documentary basis of this investigation relies on innumerable *TLG* searches. Special thanks are due to Maria Pantelia, the director of TLG-project, who year after year provided me with immediate assistance whenever I experienced problems with access to *TLG* on-line. I also wish to thank Nikolai Kazansky for his advice in matters of Greek dialectology and both him and Eugenia Kriuchkova for the restoration of the illegible Greek in the original version of this paper (1993).

ление папируса как «орфического», а его автора – как орфика или орфеотелеста проистекают, в частности, из игнорирования существования двух типов пантеизма в раннегреческой мысли: этико-религиозного и натуралистического. Автор папируса был представителем второго типа, несовместимого с учением о бессмертии души и загробном воздаянии, характерным для пифагорействующего орфизма. Раздел (2) дает интеллектуальный портрет автора: ионийский софист 5 века до н. э. последователь Анаксагора и Архелая в космологии и физике, предлагающий «атеистическую» теорию происхождения религии «физика» Орфея и происхождение мифологических образов богов как «болезнь языка» или «ослышка» невежд. Сторонник софистической «орфоэпии» и адепт функционализма в семантике и теории номинации (имя соответствует «делу», ἔργον, носителя), восходящей к Гераклиту, создал текст в жанре софистической истории происхождения культуры, языка и религии типа Περὶ τῆς ἐν ἀρχῇι καταστάσεως Протагора. Современники могли причислять взгляды автора ДП к «атеистическим». В разделе (3) обосновывается атрибуция ДП Продику из Кеоса и приводятся 19 testimonia: дословные цитаты из ДП у древних авторов с прямым упоминанием имени Продика, а также специфические особенности (прежде всего утилитаризм и «земледельческая» теория происхождения религии Продика (стлб. XXIV), черты языка и стиля. В разделе (4) предлагается новая реконструкция и интерпретация столбца IV с цитатой Гераклита о солнце. Содержащееся в нем различение «общих и особенных» имен (κοινὰ καὶ ἴδια ὀνόματα) является основополагающим для понимания герменевтического метода автора ПД и его теории имен и возникновения мифологии. В разделе (5) анализируется не отмеченный прежде рефлекс теории Продика о происхождении религии из обожествления «полезного для жизни» в Меморабилиях Ксенофонта (2.2). Раздел (6) посвящен датировке и названию трактата. Предлагается отождествление с сочинением Продика «Времена года» или «Эпохи» (Ὧραι), посвященным происхождению человеческого рода и цивилизации. Наиболее вероятное время написания – 20-ые гг. 5 в. до н. э. Terminus post quem – псефизма Диопифа (432 г.) и процесс или смерть Анаксагора (428 г.). Terminus ante quem – «Птицы» Аристофана (414 г.), с пародией на аллегорическую интерпретацию Орфической теогонии Продиком, а не на саму Орфическую теогонию. Вместо «полезных факторов» Продика (светила, элементы, пища и др.) Аристофан в своем агоне с Продиком представляет птиц как приносящих человеческому роду больше пользы, этим обосновывается их победа над Продиком в качестве кандидата на роль новых богов. Вероятно ДП был «ответом» на псефизму Диопифа, направленную против Анаксагора и запрещавшую преподавать новую астрономию в Афинах. Делая Орфея древним анаксагоровцем, Продик смеялся над Диопифом и религиозными

консеваторами, но одновременно предохранял себя от обвинения в «нечестии» (γραφὴ ἀσεβείας): он как бы прославлял древнюю мудрость Орфея, учредителя религии и таинств, но только предлагал ее «исправленное» понимание (ὀρθῶς γινώσκειν). Раздел (7) разъясняет значение περιτροπή как полемического приема в греческой философии и предлагает понимать ДП как перитропу религиозного текста с полемической и пародийной целью.

Ключевые слова: Папирус из Дервени, Продик, Софисты, Орфизм, Анаксагор, Архелай, Гераклит, теогония, история цивилизации, происхождение религии, происхождение мифологии, происхождение языка, аллегория, псефизма Диопифа, атеизм античный, Греческое просвещение, философия языка, Древние Афины.

.

(1) ***Preliminary remarks. Why the Derveni papyrus has often been misread and misapprehended. Two types of pantheism in early Greek thought.***

The failure of several unfortunate attempts to establish the authorship of the Dereveni papyrus has led the editors to a position of *docta ignorantia*, the denial of the very possibility of attribution[2]. We find such scepticism excessive and counterproductive. Any attribution of an anonymous text to be taken seriously should be based on precise and unambiguous evidence, first of all on *verbatim* quotations from the anonymous text in ancient authors with a direct mention of author's name. Apart from the *verbatim* quotations, references to particular ideas, tenets, theories etc. attested in the anonymous text and attributed by an external source to a certain writer (as well as his interests, specific subjects, literary habits, style, methodology etc.) will also count as evidence with the proviso that they are not too common and widespread, but rather peculiar (and best of all unique) to the supposed author. The attribution of *PDerv* to Prodicus proposed in this article meets these requirements: it is based on verbal coincidences of peculiar phrases and terms in *PDerv* and Prodicus' fragments; Prodicus' peculiar theory of the origin of the names of gods and religion from agriculture and other *tekhnai* «useful» for human race is directly attested in *PDerv*; there is also a combined direct evidence of Aristophanes and Themistius that Prodicus wrote an allegorical interpretation of the Orphic theogony.

[2] Kouremenos in KPT 2006: 58–59. The sceptical attitude is shared by Betegh 2004: 349 and Kotwick 2017: 22 among others. The edition of Kouremenos, Parassoglou and Tsantsanoglou (2006) is henceforward quoted as *KPT*.

The demonstration of our thesis is presented below in six thematic sections.

Section (2) deals with the literary genre, the general purpose and the hermeneutical method of the Derveni treatise, and draws a preliminary intellectual portrait of its author describing his peculiar features, a kind of a «composite image». In the section (3) we argue for Prodicus as the author of *PDerv* and present 18 *testimonia* on which this attribution is based. These include both the *verbatim* quotations with Prodicus' name that find an exact correspondence in the text of *PDerv* and the common peculiar features of the language and style. The 19th testimonium is presented separately in section 5 since it contributes to the commentary in the preceding section. In the section (4) we propose a reconstruction and interpretation of the text of the col. IV that contains a quotation from Heraclitus. This column is of primary importance for the understanding of the aims and allegorical method of the author in general as well as for his theory of names. Section (5) detects a neglected (polemical) peritrope of Prodicus' benefaction theory of the origin of religion in Xenophon's *Memorabillia* 4.4. In the section (6) the problems of the original title and date of the Derveni treatise are addressed, as well as its relation to the *Psephisma* of Diopeithes (432 BC) and the trial and death of Anaxagoras. The last section (7) clarifies our use of the term *peritrope* and explains the Derveni treatise as a polemical naturalistic *peritrope* of a religious text (Orphic theogony).

The Derveni papyrus has been often misread and misapprehended for the following main reasons. (1) First, because a wrong label «Orphic» was attached to the papyrus in the very first report (Kapsomenos 1964). (2) Second, because another misleading label «Presocratic» was soon after that attached to its author (Burkert 1968). (3) Third, because the rhetorical/grammatical terms of the Derveni author τὰ κοινὰ καὶ τὰ ἴδια (scil. ὀνόματα or ῥήματα) that provide a clue for the understanding of his theory of language and of the origin of religion, have been misunderstood as alleged «echoes» of Heraclitus' own terminology (this mistake is dealt with in section 4). (4) Fourth, because of the failure to distinguish between two types of pantheism in early Greek thought, the naturalistic and the ethico-religious pantheism. (5) Fifth, because of the failure to distinguish two types of allegoresis of myth: a constructive (friendly and apologetical in purpose) and a deconstructive (polemical or atheistic) which is the case of *PDerv*. (6) And, last but not least, the widespread (after Tsantsanoglou 1997) misinterpretation of πάριμεν

in col. V. as an alleged indication of the author's religious profession (dealt with in section 2 below, with notes 26–29).

We have on different occasions since 1989 criticised the term «Presocratic/Presocratics» both for its chronological incongruities (if Presocratics were philosophers of the 6th and 5th centuries B.C., then was Socrates «Presocratic»?) and for its physicalist bias that has led to the serious misunderstanding of the Western Greek idealist metaphysics (Pythagoreans and Eleatics) and to the no less serious distortion of the general picture of what happened in early Greek thought before 400 B.C. (Lebedev 1989)[3]. The Derveni papyrus is a remarkable case at point: it provides a clear example of how this artificial and misleading modern term can bewilder scholars because of its surreptitious «interference» with authentic ancient terms. Sophists knew that they were σοφισταί, the Pythagoreans knew that they were Πυθαγόρειοι, but Presocratics did not know that they were «Presocratics» (and fortunately so). Ancient sophists like Protagoras and Prodicus were contemporaries of the so called «Presocratics» like Anaxagoras or Archelaus and held very similar doctrines about the nature and the cosmos. But although included in Diels' edition of *Vorsokratiker*, the sophists are usually not referred to by this term: since «Presocratics» are thought to be cosmologists and *physikoi*, and sophists are not, the latter are commonly treated as a special group of «Sophists». That is why scholars, misguided by the label «Presocratic», turned away from the most obvious and promising group of candidates for the authorship of *PDerv*, the Ionian Sophists.

[3] A summary of my views in «Getting rid of the Presocratics» (Lebedev 2009). A defence of the ancient (and modern ante-Burnet) idealist interpretation of the metaphysics of Parmenides and the Pythagoreans in Lebedev 2017_2 and Lebedev 2017_3 respectively. The validity of the term «Presocratics» has been with good reasons question by Salomo Luria (С. Я. Лурье) starting from the 1920-ies (1970: 5 ff.) and by Tony Long in his preface to the «Cambridge Companion to Early Greek philosophy». Late Martin West, after reading with approval my (2009) paper «Getting rid of the «Presocratics» replied: «What you say about the Presocratics corresponds to what I have always thought. Forty-six years ago I wrote (CQ 17, 1967, 1 n. 2): «The term 'Presocratics' has so established itself that we should greatly inconvenience ourselves by abandoning it now. But it has two grave disadvantages: it exaggerates the effect of Socrates; and it lumps together an assortment of people, priests, doctors, vagabond poets, experimental physicists, whose methods and intentions were very various, and implies that they were somehow united in a common search» (letter to Andrei Lebedev from March 2, 2013).

In our opinion, it is necessary to distinguish two types of pantheism in early Greek thought. Both rely on the equation *deus* = *natura*, but interpret it in a different way: the naturalistic pantheism reduces god to nature, the ethico-religious pantheism reduces nature to god. The ethico-religious pantheism is ethically relevant, the omnipresence and omniscience of god is intended in it as a moral command, as a reminder of «timor Domini» and a warning «I am watching you!» The naturalistic pantheism is akin to the deism and may have been perceived by the ordinary Greeks as *asebeia* and atheism. When Aristotle (*Phys*. 203b13) ascribes to «Anaximander and the most of the *physiologi*» the doctrine of the infinite matter as τὸ θεῖον, the naturalistic pantheism is meant. Anaximander may have described his «boundless nature» (φύσις ἄπειρος) by «divine» epithets like «eternal and non-ageing» (ἀΐδιος καὶ ἀγήρως) in order to emphasise that it is eternal and indestructible, but he hardly prayed to it or to the cosmogonical vortex it produced[4]. The pantheistic thesis «all is full of gods» (πάντα πλήρη θεῶν) ascribed by Aristotle to Thales (*De an*. 411a7), is related with his pampsychism (ψυχὴν μεμῖχθαι ἐν τῶι παντί). Thales probably proved this thesis by adducing empirical evidence (*tekmeria,* D.L. 1.24), such as the attractive force of magnet and amber. Even if Thales regarded these forces as «divine» it is doubtful that he ever prayed to them or feared their wrath. This is *naturalistic pantheism*. A classical example of the *ethically relevant religious pantheism* is precisely the Orphic «hymn to Zeus» that followed the *kataposis* scene and the absorbtion of the Protogonos by Zeus in the Orphic theogony. The naturalistic pantheism is of Milesian origin, the ethico-religious pantheism derives from Xenophanes (with Pythagorean antecedents?) and Heraclitus (followed by the Stoics). In Xenophanes' monotheistic poem god «sees as a whole, perceives as whole, hears as whole» (21 B 24), according to another fragment quoted by Philoponus nothing escapes his notice, nor even a hidden thought in the heart of a man[5]. The Derveni author perfectly understood the difference between these two types of pantheism. He definitely does not believe that the «air» we inhale monitors our thoughts and will punish our sins in Hades. In a brilliant polemical

[4] Against the authenticity of the term τὸ ἄπειρον: Lebedev 1978; mechanistic physics: Lebedev 1988$_1$: 57–58, vortex in cosmogony: Lebedev 2016: 597–598.

[5] Ioann. Philopon., *De aet. mundi* 582, 24 πάντα θεοῦ πλήρη, πάντηι δ᾽οἵ εἰσι ἀκουαί / καὶ διὰ πετράων καὶ ἀνὰ χθόνα, καί τε δι᾽αὐτοῦ / ὅττι κέκευθεν ἐνὶ στήθεσσι νόημα. Attribution to Xenophanes: Lebedev 1985.

peritrope he substitutes the Ionian naturalistic pantheism for the Western Greek «Orphic» ethico-religious pantheism[6].

We distinguish the terms «Derveni papyrus» (*PDerv*) and «Derveni treatise» (*DervT*). The Derveni papyrus is a document which we quote by the column and line of the official edition (KPT)[7]. By the «Derveni treatise» we mean the original Sophistic text of the 5th century which can be reconstructed on the basis both of the extant columns of *PDerv* and other *testimonia* discussed in section (3) which partly supplement our knowledge of the lost integral text. The Derveni treatise is a kind of a reconstructed «archetype» of which the extant *PDerv* is the best and most important preserved «manuscript».

(2) *The purpose, literary genre and the hermeneutical method of the Derveni treatise. A philosophical portrait (composite image) of the Derveni Author.*

It has been thought that the Derveni author is quoting Orphic verses because he is interested in the Orphic religious doctrine, was an Orphic initiate or even an Orphic priest (*Orpheotelestes*), a diviner or a religious specialist himself. To reconcile this with some strange remarks of the author about mysteries, it has been suggested that he is an enlightened Orphic writing for a local Orphic community and trying to achieve a synthesis of the Ionian philosophy and Orphic faith. However, from the Greek point of view, the Derveni author quotes not «Orphic poetry», but a ἱερὸς λόγος. Classical authors avoid to quote *verbatim* Orpheus' verses, that is why the bulk of the extant fragments comes from late antiquity when the Neoplatonists made the Orphic theogony a Hellenic Bible in their fight against the Christian apologists. It is impossible to explain away col. XX as a criticism of superstition only, by comparing it, say, with Hippocratic *De morbo sacro*, 2. The Hippocratic doctor does not attack the public cult. The Derveni author does. In col. XX he makes derogatory and blasphemous remarks about the mystery cults expressed with mockery and sarcasm. The τέχνην ποιούμενοι τὰ ἱερά are first of all the Orpheotelests who charged fees for the rites of initiation. How could an «Orphic» priest or an initiate ridicule his own profession and faith?

[6] On the meaning of *peritrope* as polemical device see section (7) below.
[7] We cite Janko's new text (2017) from Kotwick 2017.

It has been rightly pointed out that his interest in Orphic poetry is neither grammatical, nor philological[8]. He does not seem to be interested in the text of the Orphic theogony as such. He is not an allegorist in the usual sense of the word, either. The mainstream philosophical allegorism from Theagenes on has been usually apologetic in purpose. The purpose of an allegorical interpretation is to construct a coherent referential subtext, that will exist side by side with the «surface» text without destroying it, and even «saving» it (Brisson 2004). The Derveni author does exactly the reverse: he systematically destroys myths; he does this not because he is an unskilled or bad interpreter, but because this is the purpose of his work. He therefore is not an awkward allegorist, but an intelligent and skilful irreligious rationalist. His allegorical interpretation of the Orpheus' theology, similar with the naturalistic «meteoroleschia» in Aristophanes' Clouds and the physical gods-elements of the philosophers mocked by Epicharmus (Lebedev 2017_4), belongs to the *deconstructive* type. An example of the deconstructive naturalistic allegoresis of the Orphic theogony is provided by the sixth *Homilia* of the *Pseudo-Clementina* (see test. 19 in the section (3) below). The Christian apologists who reduced the Hellenic gods to the elements and natural phenomena, did not intend «to save» them; their purpose was to exterminate them, to expose them as nugatory or to proclaim them evil *daimones*[9]. Sometimes deconstructive allegoresis and scientific explanation are hard to distinguish, as in Xenophanes B 32 ἥν τ᾽ Ἶριν καλέουσι, νέφος καὶ τοῦτο πέφυκε «And the one they call Iris is (just) a cloud, too...». This verse comes from a series of demythologised pseudo-gods of the poets. Heraclitus' use of the etymological allegory and of functionalist semantics may have been deconstructive with regard of the anthropomorphic polytheism of the poets, but by no means atheistic, since it was only a prelude to the new ethico-religious monotheism. The same holds true for the Stoics, although they may have been less iconoclastic than Heraclitus in their attitude towards the poetic myth. Some sophists (Protagoras and Prodicus) may have mistaken Heraclitus' criticism of popular religion for a kind of atheism.

The Derveni author is interested not so much in the Orphic poetry, as in Orpheus himself. It is the figure of Orpheus in the

[8] According to Martin West (1983) 190 the author's interest in the Orphic text «is wholly philosophical, not philological».

[9] For a more positive attitude towards Greek myth of the Byzantines see Brisson (2004), ch.7.

DervT that reveals the personality of the author and gives a key to the understanding of the purpose of his book.

Orpheus in the *DervT* is first of all a σοφὸς ἀνήρ of the times immemorial, a prehistoric sage who invented religion and established the sacred rites (*teletai*)[10]. Secondly he is the *Onomatothetes* who first established the divine names. Thirdly, he is an ἀρχαῖος φυσιολόγος who knew τὴν φύσιν τῶν πραγμάτων. The text of the Orphic Theogony is used in the *DervT* only as a historical evidence for the reconstruction of Orpheus' work and philosophy as well as of the original religion of the primitive people. Like poetry, rituals also preserve the original wisdom of Orpheus. The third class of evidence used by the Derveni author are proverbial expressions, φάτεις taken as «remnants of ancient wisdom»[11]. This image of a prehistoric rationalist philosopher who replaces traditional Greek culture heroes and divine πρῶτοι εὑρεταί is unmistakably sophistic. «Orpheus» of the *DervT* may be compared with the σοφὸς ἀνήρ of the play «Sisyphos» (probably by Critias) who invented religion[12]; with Cheiron the Centaurus in Euripides' *Melanippe the Wise*, a prehistoric astronomer and Anaxagorean philosopher[13]; with Heracles

[10] Kritias B 25 DK = Sext.Math. 9.54.

[11] The idea that the proverbs are «survivals» of the ancient wisdom cf. Arist. fr. 13 ap. Synesius, *Calvit. encom.* 22 Ἀριστοτέλης φησὶν ὅτι παλαιᾶς εἰσι φιλοσοφίας ἐν ταῖς μεγίσταις ἀνθρώπων φθοραῖς ἀπολομένης ἐγκαταλείμματα περισωθέντα διὰ συντομίαν καὶ δεξιότητα.

[12] 88 B 25 DK.

[13] Clem. Alex. *Strom.* 1.73.2–3 ὁ δὲ Βηρύτιος Ἕρμιππος Χείρωνα τὸν Κένταυρον σοφὸν καλεῖ κτλ. Clement's passage can be summarised as follows: just as according to Herodorus of Heraclea (fr. 13 Fowler), Heracles was a seer and a physical scientist (μάντις and φυσικός) who took over from Atlas (another scientist and astronomer) the knowledge of the heavenly bodies allegorically interpreted as pillars of the cosmos (κίονες τοῦ κόσμου), so according to Hermippus of Berytus (FHG III 35, adn.) Cheiron was also an ancient astronomer and philosopher. From Cheiron the physical science (φυσικὴ θεωρία) passed to his dauther Hippo who, in turn, taught it to Aeolus, a meteorologist «mastering» the winds by the power of his knowledge. Two poets are citedas μαρτύρια of this remarkable construction: *Titanomachia* fr. 11 Bern. and Euripides, *Melanippe the Wise* fr. 11. Hippo-Hippe is the mother of Melanippe who expounds an Anaxagorean cosmogony in Eur. fr. 484 = Anaxagor. A 62 DK. It is therefore conceivable that Cheiron the *physiologos* derives from a 5th century Anaxagorizing interpretation known to Euripides. The phraseology of Melanippe's *logos* is strikingly similar to *PDerv* col. XV, 2 χωρισθέντα διαστῆναι δίχ᾽ἀλλήλων τὰ ἐόντα. We discuss the subject with more detail in: Lebedev 1998: 3–10.

the ancient μάντις καὶ φυσικός in Herodoros of Heraclea[14] and, last but not least, with Orpheus as an ancient philosopher and *onomatothetes* in Plato's *Cratylus* who runs a philosophical school of his own (οἱ περὶ Ὀρφέα). The attention to *hyperbaton* in the exegesis of poets is a technique that Plato associates with Protagoras (*Protagor*. 339a sq.). The Derveni author takes for granted the sophistic antithesis of *nomos* and *physis* and he is apparently a specialist in the linguistic science of ὀρθότης τῶν ὀνομάτων. Even his physical doctrine is Sophistic: Anaxagorean physics as modified by Archelaus (and possibly Democritus) who may be considered the father of the *Kulturgeschichte*: in his *Peri physeos* the Ionian cosmogony for the first time was continued by an *archaeologia* which discussed the origin of *nomoi* and of the human language[15].

The theory of names of the Derveni author is of primary importance for the understanding of his hermeneutical method and of his theory of the origin of religion. It is based on the distinction between τὰ ἴδια and τὰ κοινὰ ὀνόματα or ῥήματα (see section 4 below). Orpheus who clearly saw the philosophical truth, for some reason decided not to reveal it to the *polloi* and therefore expressed it in enigmatic poetry (αἰνιγματώδης col. VII, 5 et αἰνίζεται passim.) Presumably, he did the same when he established the sacred rites. Instead of using plain words of the common language – the κοινὰ ὀνόματα – Orpheus covered his message in «idiomatic» or «peculiar» words, τὰ ἴδια. The «peculiar» words were partly invented by Orpheus himself – these are the divine personal names. In some cases, however, Orpheus used existing words of the current language of his time[16], but gave them unusual meaning – these correspond to what we call metaphors. Μεταφορά in rhetorical sense is not attested before Isocrates and Aristotle, both the Derveni author and Epigenes (who wrote on τὰ ἰδιάζοντα παρ᾽ Ὀρφεῖ, i. e. on metaphorical or allegorical expressions) use a more archaic 5th century terminology. [17] The author of the Derveni Treatise pretends to know

[14] See the quotation from Clement in note 13. Herodorus wrote τὴν Ὀρφέως καὶ Μουσαίου ἱστορίαν (fr. 12 Fowler) and distinguished two Orpheuses and seven Heracleses. According to this history Orpheus was recommended to Jason by Cheiron (fr. 43 F.), whereas Heracles did not sail with the Argonauts at all (fr. 41 F.). Herodorus knew Anaxagoras' theory of the moon as a «celestial earth» and used it in his sci-fi fiction about Selenites (fr. 21 F.). Can he be the author of Cheiron the astronomer story as well?

[15] 60 A 1; A 2; A 4.6 DK.

[16] col. XIX, 9 ἐκ τῶν λεγομένων ὀνομάτων.

[17] Clem. *Strom*. V 49 = Orph.Fr. 407 + 1128 B. Ἐπιγένης ἐν τῶι Περὶ τῆς

the secret code for the correct reading of this prototext of the human civilisation created by Orpheus, what he calls ὀρθῶς γινώσκειν col. XXIII, 2 opp. οὐ γινώσκοντες τὰ λεγόμενα col. IX, 2). His task is to retranslate back the «peculiar expessions into common», τὰ ἴδια into τὰ κοινά: this philological technique serves the historical reconstruction of the religious beliefs of the «ancients» and their subsequent transformations. We will call this method a «linguistic archeology». Here is the list of correspondences with «translations» from the Prehistoric Mythopoetic Greek into plain prose, a kind of glossary of the divine names and metaphorical expressions in the theogony of Orpheus:

ΙΔΙΑ ΟΝΟΜΑΤΑ to ΚΟΙΝΑ (ΛΕΓΟΜΕΝΑ) ΟΝΟΜΑΤΑ (ΡΗΜΑΤΑ)

1. ἀήρ from αἰωρεῖσθαι col. XVII, 3–4.9
2. ἄδυτον Νυκτός = βάθος Νυκτός, col. XI, 2–3
3. αἰδοῖον = ἥλιος col. XIII, 9; XVI, 1
4. ἀλκὴν καὶ δαίμονα = θερμόν, col. IX, 4–5; θάλψιν IX, 7
5. ἀρχὸν ὅτι πάντα ἄρχεται διὰ τοῦτον col. XIX, 14–15
6. Ἀφροδίτη Οὐρανία = Ζεύς = ἀφροδισιάζειν = θόρνυσθαι = Πειθώ = Ἁρμονία col. XXI, 5–7
7. ἀφροδισιάζειν = γυναικὶ μίσγεσθαι, col. XVII,7–10 (κατὰ φάτιν)
8. Ἀχελῶιος = ὕδωρ col. XXIII, 12
9. βασιλεὺς = ἀρχή col. XIX, 11–12
10. Γῆ νόμωι col. XXII, 8
11. δαίμων from δαίω ‘to burn’, hence πῦρ (= ἥλιος) col. IX, 4–5.13
12. Δημήτηρ = Γῆ Μήτηρ XXII, 10
13. Δηιὼ ὅτι ἐδηι[ώι]θη ἐν τῆι μείξει col. XXII, 13
14. Δία = διά XIX, 15
15. Δία = δίνη
15. Ἐρινύες = ψυχαὶ τιμωροί = ποιναί col. VI, 4–5
16. Εὐμενίδες = ψυχαί (= ἀήρ?) col. VI,9–10
17. εὐρὺ ῥέοντα = μέγα δυνατοῦντα because of μεγάλους ῥυῆναι col. XXIII, 6–10
18. Ζεύς = νοῦς col. XVI,1 0
19. Ζεύς = ἀήρ col. XVII,4–5, XXIII, 3
20. κεφαλή = ἀρχή, μέσσα = κάτω φερόμενα κτλ. col. XVII, 13–14;
21. Κρόνος = κρούων νοῦς col. XIV, 7
22. Μήτηρ ὅτι ἐκ ταύτης πάντα γίνεται XXII, 8
23. Μήτηρ = Νοῦς (= Ζεύς = ἀήρ)
24. μητρὸς ἑᾶς = Νοῦς ἀγαθός col. XXVI, 2–12
25. Μοῖρα Διός = πνεῦμα col. XVIII,2; ἀήρ XIX, 3

Ὀρφέως ποιήσεως τὰ ἰδιάζοντα παρ᾽ Ὀρφεῖ ἐκτιθέμενος κτλ.

26. Μοῖρα = φρόνησις θεοῦ (Διός) col. XVIII, 7 sq.
27. Μοῖραν ἐπικλῶσαι = φρόνησιν ἐπικυρῶσαι col. XIX, 4–5
28. Ὄλυμπος = χρόνος col. XII, 3
29. Οὐρανός = ὁρίζων (χωρίζων) = νοῦς (?) col. XIV, 12
30. πανομφεύουσαν = πάντα διδάσκουσαν because φωνεῖν = λέγειν = διδάσκειν col. X, 9–10
31. πατήρ = ἰσχυρότατον (scil. πῦρ vel θερμόν) col. IX, 1–2. Hence παρὰ πατρὸς ἑοῦ = 'from the strongest part of his own', cf. ἀφ᾽ἑαυτοῦ XIV, 2
32. Πειθώ from εἴκειν τὰ ἐόντα ἀλλήλοις col. XXI, 10–11
33. Ρέα ὅτι πολλὰ... ζῶια ἔφυ [ἐκρεύσαντα] ἐξ αὐτῆς col. XXII, 14–15
34. χρῆσαι = ἀρκέσαι col. XI, 5
35. Ὠκεανός = ἀήρ = Ζεύς col. XXIII, 3

Equations of divine names

Πρωτογόνος = Οὐρανός = Κρόνος = Ζεύς is assumed in col. VIII–IX, XIII–XVI
Γῆ = Μήτηρ = Ρέα = Ἥρη col. XXII, 7

The restricted use of etymology confirms our impression that the author is not an allegorist in the usual sense. He uses etymologies and some of them are important for his argument, but more often he looks not for a phonetic correspondence of the explanatory κοινόν with the ἴδιον, but for a functional equivalence. Thus, αἰδοῖον is equated with the Sun because their function is the same: a generative principle. He states explicitly his functionalist thesis as a general principle of nomination in the following two passages.

Col. XIV. 9–10 Κρόνον δὲ ὠνόμασεν ἀπὸ τοῦ ἔ[ρ]γου καὶ τἆλλα κατὰ τ[ὸν αὐτὸν λ]όγον. 'He named Kronos after his function, *and all other things (or gods) by the same principle*' (i. e. 'after the function of each thing').

Col. XX,1 πάν[τ᾽οῦ]ν ὁμοίω[ς ὠ]νόμασεν ὡς κάλλιστα ἠ[δύ]νατο... 'And so, he named all things (or rather «gave all divine names») in the same way as best as he could'.

In the second passage ὁμοίως exactly corresponds to κατὰ τὸν αὐτὸν λόγον in col. XX, i. e. refers to the general principle of the functionalist semantics (as we will call it) and the theory of nomination «after function» (ἀπὸ τοῦ ἔργου)[18].

[18] Therefore the ingenious new reading πάν[τ᾽ ἀ]νομοίω[ς and interpretation proposed by Kotwick (2017) 94. 302 cannot be correct. Kotwick takes ἀνομοίως in the sense 'by different names'. According to Kotwick's interpretation Orpheus gave many different names to the same god «air», knowing that human nature and desire are never the same etc. In such case

The allegorical method based on the functionalist semantics rather than on the lexical affinity and phonetic assonance of a name with its «original» *etymon* (paronomasia) can be with equal success used in physical allegoresis, but it should be distinguished from the «classical» etymological allegoresis of the Stoic type. The Stoic allegoresis of mythical names is based on etymology, i. e. on the phonetic similarity between the traditional name and the «real» etymon for which it stands, e.g. χάος from χεῖσθαι, Ζεύς from ζῆν and διά, Ἥρη from ἀήρ etc. But out of the 35 explanations of «peculiar» expressions in *PDerv* (see the «glossary» above) only 10 are based on etymology[19]. This means that more than two thirds are based not on etymology, but on the functionalist semantics (nomination ἀπὸ τοῦ ἔργου) and /or on the «linguistic mistake» theory (e.g. *hoi polloi* misunderstood the phrase μοῖραν ἐπικλῶσαι). How these two methods relate to the two schools of thought in the philosophy of language known from Plato's *Cratylus*, i. e. naturalism and conventionalism? *Prima facie* one is tempted to correlate the etymological method with naturalism and the functionalist semantics with conventionalism. But let us be cautious: out of 35 names only one (γῆ) is said to be «by convention» (νόμωι). The Derveni author does not claim to be a conventionalist and he probably isn't. He seems to believe that when something is named ἀπὸ τοῦ ἔργου, its name accords with nature or reality, i. e. is κατὰ φύσιν. As we shall see, in col. XX he contrasts Orpheus' «always the same» rule of giving names to things with the human inconstancy and wishfulness in their desires and speeches, and this already looks like like a critique of the conventionalism (for details see Lebedev 2019). The «correct» method of naming is exemplified

Orpheus' attitude towards this variability and instabilty of human behaviour and speech must be positive since he named everything ἄριστα. But the following lines 3–6 flatly contradict this: οὐδαμὰ ταὐτά cannot be an example of ἄριστα, this lack of stability and consistency is perceived in negative terms and even attributed to the human πλεονεξία and ἀμαθία. The Derveni author contrasts the human inconstancy and capricious wishfulness with Orpheus' methodic exactness in giving the names to things and gods always in accordance with the same «best» principle, i. e. «after function». This principle is exemplified in the lines 7–16 that follow after the moralistic tirade: Meter was named from «giving birth» to all, Deo from «being ravaged» in congress, Rhea from ἐκρέω etc. In addition, to judge by the plate 22 in KPT three letters after παν fill the gap better than two.

[19] # 1, 5, 11, 12, 13, 14, 21, 29, 33 in the list above.

in the same col. XX by the names of the gods derived from their «function» or their deeds.

The distinction of the name and the function of a thing it denotes (ὄνομα καὶ ἔργον) plays important role in Heraclitus' theory of naming, but unlike the Derveni author Heraclitus emphasises that ordinary names (i. e. *koina, legomena* in *PDerveni*) *contradict* their function.[20] Functionalism and utilitarianism are related schools of thought. The functionalism in semantics points to a thinker with a general utilitarian outlook: the value of something is determined only by its use, and hence by its usefulness (τὸ ὠφέλιμον).

By translating χρῆσαι as ἀρκέσαι the author eliminates mantics and oracles (χρησμοί) as nonsense; the humorous interpretation of the oracular cave of the Night as a nighttime (i. e. as non-entity) in col. VII follows the same anti-mantic lines. By explaining the mythical Οὐρανός as the Sun, and Olympos as time (another non-entity)[21] he intentionally deconstructs the divine world. The Hymn to Zeus is a godsend for this purpose. Since Zeus is everything, and his name «for those who understand correctly» – τοῖς ὀρθῶς γινώσκουσι – means 'air', all gods of the Greek religion are literally dissolved in the air. Air is the common referential substrate of all conventional divine names (cf. Heraclit. 43L/B 67). Hence the equations of the divine names in *DervT* are to be taken not as examples of mystical syncretism or sophisticated philosophical theology, but as intentional deconstruction of divine personalities. The Succession myth, according to the Derveni author, is nonsense since all its participants – Protogonos, Night, Ouranos, Kronos, Zeus are different names of the air, or of its constituents (hot particles), or of the processes such as the separation of the sun. The translation of Olympos as 'time' is connected with the reduction of gods to processes: the 'gods' exist not on Olympus, but 'in time'; they are fluctuations of the air. The conceptual frame of such etymologies is Heraclitus' theory of the Universal flux and change of all things that Plato associates with the tandem Protagoras-Heraclitus.

It follows that not only the mysteries, but also Greek religion as a whole is a result of misunderstanding, a kind of a linguistic

[20] Heraclit. 28L/B 48 ὄνομα βίος, ἔργον δὲ θάνατος. 118L/B 23 Δίκης ὄνομα opp. ταῦτα (scil. ἄνομα ἔργα). In 148L/B 15 the *ergon* of Dionysos symbol (αἰδοῖον) is generation and life, but its name is death (Aides). Note that unlike the Derveni author Heraclitus regarded separate names of ordinary language as «syllables» of original natural names, i. e. of integrated pairs of opposite like life-death, for details see Lebedev 2017_1.

[21] Cf. Antiphon B 9 DK νόημα; Democrit. A 72 φάντασμα.

mistake similar to a «disease of language». The worship of the traditional gods is a result of a misreading of the Proto-text by the ignorant *polloi*. The referential meaning of the divine names is different from the meaning intended by the *polloi*. When they hear the name of Zeus they imagine the wellknown anthropomorphic figure, but κατὰ φύσιν this name refers to the air. Thus all ordinary Greeks are fools: they do not realize that in fact they worship different forms of air, i. e. natural phenomena. A theory of the original linguistic mistake of mortals that leads to even more catastrophic consequences, i. e. to the origin of the phenomenal world of plurality, is attested in Parmenides (B 8.53) (Lebedev 2017_2: 510–513). The Derveni author borrowed it from another source that he cites in col. IV. The theory of the linguistic mistake of mortals was apparently suggested to the Derveni author by Heraclitus together with Heraclitus' theory of the ambiguity of the cosmic logos (Lebedev 2014: 61–69).

Was Orpheus' ambiguity according to the Derveni author intentional? The answer must be «yes», for this is explicitly stated in col. VII. It follows that Orpheus deceived the crowd. Why? We do not find an explicit answer to this question in the extant parts of the text. But given the sophistic character of the Derveni treatise, it is natural to suppose that Orpheus, according to our author, did it for the very same reason as the σοφὸς ἀνήρ in the Critias' *Sisyphus*, fr. B 25 who «covered the truth by a false logos» – ψευδεῖ καλύψας τὴν ἀλήθειαν λόγωι l.26) , so that the crowd would obey the laws by fear of the omniscient gods. The natural phenomena that were mistaken for anthropomorphic gods according to *Sisyphus* – the Revolution of the Heavens (The Vortex of Air), the thunder and lightning, the starry Sky, the ὄμβροι are very similar to those in the *DervT*. This means that, according to the Derveni author, Orpheus intended the «surface» meaning of his poetry for the ignorant *polloi*, and the hidden meaning for a few, i. e. for philosophers (who were called Sophists in 5th century Athens) and their disciples. Religion and science were both invented and transmitted to posterity by Orpheus in his poetry.

From the Derveni author's point of view the «common names» (κοινὰ ὀνόματα) existed already at the time of Orpheus, but the «peculiar names» (ἴδια) were invented by Orpheus. In other words there was a time (ἦν ποτε χρόνος motif) when there were no gods. It follows that the «ancient men» (ἀρχαῖοι ἄνθρωποι) were natural atheists who worshipped only the Sun, the Moon and the

elements. They lived «in agreement with nature» (κατὰ φύσιν) and their language was natural i. e. conforming to reality (κατὰ φύσιν). In his exegesis the Derveni author therefore follows «the ancients». The distinction of the «first» and «secondary» names plays important role in Plato's *Cratylus*[22]. Plato's theory is significantly different from that of *PDerv* since in it the «first» mimetic names are rather structural elementary units from which secondary names are built and they are not identical with the common names of the current usage (τὰ κοινά). Still there are some points of convergence, too. In Plato the first names imitate the essence of things[23], and in *PDerv* the common names refer to real things (περὶ τῶν πραγμάτων XIII,7). All or most divine names in the *Cratylus* must be secondary, too, and all of them, as in *PDerv,* require a special decoding. Although it is not stated explicitly that the extant divine names are corrupted or distorted, this is implied by the reconstruction of their original «integral» forms that have been forgotten by the *polloi.* Etymologising is a kind of recollection (*anamnesis*). The Derveni author's explanation of the traditional Greek mythology displays a striking similarity with Max Müller's view of all ancient mythology as a «disease of language»: «Mythology, Lebedev 2014

which was the bane of the ancient world, is in truth a disease of language. A mythe means a word, but a word which, from being a name or an attribute, has been allowed to assume a more substantial existence. Most of the Greek, the Roman, the Indian and other heathen gods are nothing but poetical names, which were gradually allowed to assume a divine personality never contemplated by their original inventors» (Müller 1885: 11).

There are reasons to suspect that the *DervT* is not only a sophistic *Kulturgeschichte* with an atheistic message addressed to the ignorant *polloi*, but also a polemical work, a pamphlet, addressed to certain philosophical opponents. In Plato's *Cratylus* «Orpheus» is quoted now as a witness to the Pythagorean *soma/sema* doctrine, now as supporting the Heracliteans, i. e. from Plato's perspective the Ionian naturalists, the supporters of the doctrine of Universal Flux (οἱ ῥέοντες). Most probably Plato parodies two conflicting interpretations of Orpheus at the time of Socrates. The «Pythagorean» and the «Ionian» versions of «Orpheus» reflect the ideological

[22] See the lists in Rijlaarsdam 1978: 163–164.136 ff.,257 ff., 271 ff., 295 ff.
[23] On this see Baxter 1992: 62 ff., 76 ff., 167 ff.; Barney 2001: 83–98; Ademollo 2011: 278–280.

conflict between the Sophistic Enlightenment and the religious conservatives: the dispute between Anaxagoras and Lampon, the *psephisma* of Diopeithes against the natural philosophers are well-known and typical examples. In the *Dissoi logoi* the «Anaxagoreans and Pythagoreans» (Ἀναξαγόρειοι καὶ Πυθαγόρειοι) seem to represent two main schools on the philosophical scene circa 400 B.C. with conflicting views[24]. The «Pythagoreans» claimed that their religious philosophy is sanctioned by the authority of the most ancient *theologos* Orpheus[25]. The simplest way to refute their claims was to prove that the Orphic Theogony is a fake and that the poet Orpheus never existed, as was done by Aristotle (Aristotle fr. 26–27 Gigon), presumably in his polemics against the Old Academy. The Derveni author chose another method which again testifies to his inventivness and wit: he accepts (or pretends to accept) the historicity of Orpheus and the authenticity of the Orphic Theogony, and then proves that Orpheus in fact was an Anaxagorean himself, and that, consequently, the naturalistic Ionian science is a πάτριος λόγος.

The Derveni author is neither «Orphic» nor a religious specialist. After Tsantsanoglou (1997) it has often been inferred from the line 4 of col. V πάριμεν εἰς τὸ μαντεῖον ἐπερωτήσαντες 'we enter an oracle in order to ask a question' that the writer was a mantis or a religious specialist himself[26], but this is contradicted by the verb ἐπερωτήσαντες: the diviners do not ask questions, they answer them. We could not find a single instance of ἕνεκα in the sense of 'for the sake of others' by various whole-corpus proximity TLG searches for ἕνεκα with various verbs meaning 'to ask an oracle' and nouns meaning 'oracular response'. In all found instances ἕνεκα (or its synonym χάριν) in similar contexts refers to the *purpose* of *consulting* an oracle (syn. περὶ ὧν), but never means 'for the sake of smb.'[27]. The words τῶν μαντευομένων ἕνεκα

[24] *Dialexeis* 6.8; DK II,414,13. This was seen by S. Luria (Luria 1928: 225; 1970: 386).

[25] Orpheus μαρτυρεῖ in Philolaus B 14.

[26] *Contra* – Johnston 2014: 89 ff. The parallels to παρεῖναι εἰς μαντεῖον quoted by Kouremenos, *ad loc*. do not support this inference, either, since both in Herodotus and Euripides the phrase is applied not to Pythia, but to ordinary consultants.

[27] Schol. Pind. *Pyth*. IV, 10 Περὶ τῆς τοῦ Βάττου εἰς τὸ μαντεῖον ἀφίξεως... οἱ μὲν γὰρ **ἕνεκεν τῆς φωνῆς** φασιν αὐτὸν ἐλθεῖν. Nikolaus hist. fr. 15 (Laios and Epikaste had no children) **τούτων ἕνεκεν** εἰς Δελφοὺς χρησόμενος τῶι μαντείωι ἀφίκετο. Euripid. *Ion* 301 πότερον θεατής, ἢ **χάριν μαντευμάτων**; Parthen. *Narrat. erot*. 3,1 (Ὀδύσσευς) εἰς Ἤπειρον ἐλθὼν **χρηστηρίων τινῶν ἕνεκα**. Schol. Soph. *OR*114 θεωρούς φασι τοὺς εἰς τὰ

therefore mean ‘for the sake of prophecies’, and not ‘for the sake of inquirers’[28]. The «we» in the *pluralis* πάριμεν refers not to a certain group or a corporation, but to general human habits. Greek philosophers, especially moralists, use *we* when they speak about common habits, practices or experience of men in general. Heraclitus fr. 77L/B21 θάνατός ἐστιν ὁκόσα ἐγερθέντες ὁρέομεν ‘death is what we see while being awake’. Aristotle EN 1104 b9 διὰ μὲν γὰρ τὴν ἡδονὴν τὰ φαῦλα πράττομεν, διὰ δὲ τὴν λύπην τῶν καλῶν ἀπεχόμεθα. Examples can be multiplied. In the last case the speaker probably does not even include himself into «we». It would be preposterous to infer from this text that Aristotle indulged in pleasures and abstained from the noble behaviour. The sentence under discussion in. col. V may well be a rhetorical interrogation (with expected negative answer) in a series of rhetorical questions, e.g.

ἆρά] πόθωι [περ]ὶ αὐτοῖς πάριμεν εἰς το μαντεῖον ἐπερωτήσαντες εἰ θεμί[ς προσ]δοκᾶν ἐν Ἅιδου δεινά; τἰ ἀπιστοῦσι[29] ‘Do we by regret [or «disquietude»] about ourselves ever consult an oracle for the sake of prophecies, in order to ask whether it is righteous to expect the horrors in Hades? Why they do not believe?’

From the moralistic condemnation of their ἁμαρτία καὶ ἄλλη ἡδονή one may rather infer that he disapproved of their habit to consult oracles. The Hippocratic author of *De Diaeta* admits (probably influenced by Heraclitus) that the dreams may have a prognostic value, but discourages his reader to go to the interpreters of dreams because they often commit a mistake (ἁμαρτία). Instead, he advises the reader to interpret himself the signs of health and disease in their dreams following his naturalistic guidelines (Hippocr. *De Diaeta*, I, 87–88).

On the ground of these observations we can draw the following portrait of the Derveni author: a Pre-Platonic Sophist and polymath, a specialist in the field of the «correctness of names» (ὀρθότης τῶν ὀνομάτων) and an adept of functionalist semantics in his theory of naming (which is theoretically connected with his general utilitarianism), versed in rhetorics and physical science in which he follows Archelaus’ version of Anaxagorean physics, with a profound interest in the *Kulturgeschichte* and the origin of religion and language; a supporter of the naturalistic pantheism that may well have been

---

μαντεῖα ἀπιόντας **τοῦ μαθεῖν ἕνεκα** περὶ ὧν αὐτοῖς ἐστι ζήτησις.

[28] Correctly Janko and Kotwick (2017) 132, *contra* KPT.

[29] ἆρά] et [περ]ὶ αὐτοῖς ego, πόθωι Janko, εἰ θέμι[ς προς]δοκᾶν (Piano 2016: 13).

perceived by ordinary Greeks of his time as atheism (ἀσέβεια), heavily influenced by Heraclitus, especially by Heraclitus' allegoresis of mythical names and criticism of popular religion; a rationalist of the utilitarian stamp; he wrote his work with a polemical purpose against the *Orpheotelestai*, *manteis* and religious conservatives as well as against the uneducated *polloi* who support them. It is obvious that we are dealing with a thinker of great originality, amazing learning and inexhaustible inventiveness. He speaks with authority as a recognised Master of Truth. It is very unlikely that he was a marginal figure and left no trace in Greek philosophy and intellectual life[30]; it is also unlikely that his name has not been preserved in the tradition. On the contrary, we have good reasons to suppose that he is one of the intellectual celebrities of the Greek Sophistic Enlightenment; moreover, the work we call the *Derveni treatise* may have been scandalously famous.

(3) ***Attribution of the Derveni treatise to Prodicus of Ceos. Testimonia.***

No palpable connections with Gorgias and Hippias. Critias' theory of the origin of religion as invention of a *sophos aner* of ancient times displays a typological similarity with *PDerv*, but the smart impostor in this case is Sisyphus, not Orpheus. The divulgation of Eleusinian mysteries is insufficient for an ascription to Diagoras of Melos; and besides, our author is a professional Sophist, whereas Diagoras was a dithyrambic poet about whose «atheistic» doctrines nothing whatsoever is known[31]. Protagoras' works Περὶ θεῶν and Περὶ τῆς ἐν ἀρχῇι καταστάσεως certainly come into consideration and fit the subject of the Derveni treatise, but the scarcity of references to Protagoras in the supposed reflexes of *DervT* in later authors can hardly be accidental[32]. Of all Greek Sophists it is Prodicus of Ceos who fits the composite image of the author immediately and exactly. Prodicus was the leading expert in the ὀρθότης

[30] This possibility is rightly rejected by W. Burkert, o.c. *Contra* Kouremenos in KPT 2006: 59.

[31] *Contra* Janko 1997; 2001, etc. Persuasively criticised by Betegh 2004: 373–380 and Winiarczyk 2016: 117–126. We add something on this subject in Lebedev 2019, sec. VII and we refute *ibidem* the unfortunate hypothesis of Luc Brisson on the Stoic origin *of PDerv*.

[32] Protagoras is cited *nominatim* together with «Orpheus» and Heraclitus in *Theaet*.152e; the title Περὶ τῶν οὐκ ὀρθῶς τοῖς ἀνθρώποις πρασσομένων (DL 9. 55) resembles the criticism of the absurd practices and beliefs of *hoi polloi* in *PDerv*.

τῶν ὀνομάτων, he wrote on physics[33], his connections with Anaxagoras are well attested[34], and his reputation of an atheist was second to none[35]: «This man has been corrupted either by a book or by Prodicus»[36]. After the trial of Anaxagoras and the *psephisma* of Diopeithes (432 BC) any *Anaxagoreios* in Athens may have looked suspicious to the conservative public[37]. His name is regularly included in the lists of atheists and it seems that he was a genuine philosophical atheist of the Protagorean («humanist») extraction, but hardly as scandalous and iconoclastic as Diagoras in the anecdotal tradition. In Plato's *Protagoras* 315bc the description of Prodicus in Callias' house starts with a humorous quotation from Homer's *Nekyia* καὶ μὲν δὴ καὶ Τάνταλον γε εἰσεῖδον... 'And, among others, I have noticed there Tantalos as well...' In a very important and underestimated article Willink has persuasively refuted the old interpretation (the sobriquet allegedly means «suffering grievous pains» and alludes to the poor condition of Prodicus' health)[38] and explained it as a mythical paradigm of a «hubristic audacity» of a «cosmological blasphemer» (Willink 1983: 31 ff.) like that of the

[33] T 61–66 Mayhew. Note that Prodicus' «physics» pays attention to etymology and the «correctness of names». Galen (T 64–66 M.) rebukes Prodicus for his deviation from the common usage and «innovations» in the use of names (ἐν τοῖς ὀνόμασι ... καινοτομίαν). Cf. Section (3), testimonium (T14) below. According to Aulus Gellius, XV,20,4 Euripides was a pupil of Anaxagoras and Prodicus.

[34] Aeschines Socr. ap Athen.V. 62. 220 a-b = Prodic. T30 M = 80 A 4b. Aeschines in his «Callias» mocks Prodicus and Anaxagoras as «sophists» and immoral teachers corrupting the young. It seems that Aeschines readresses to Prodicus and Anaxagoras the accusations of atheism and corruption of the young raised against Socrates.

[35] See first of all: Henrichs 1975: 94–123, on Prodicus 107 ff (reedition of Philodem. PHerc 1428); Henrichs 1976: 15–21; also very important is Willink 1983: 25–27; Scholten (2003) 132 ff.; Mayhew 2013: XVII, 91; Burkert 1985: 313–315. See also Roubekas 2016: 39–42. Reservations about Prodicus' «atheism» have been expressed by Winiarczyk 2016: 66 and Sedley 2013: 141, but they ignore the «Tantalos» paradigm and the important work of Willink (1983). Prodicus did not start to be regarded as atheist by the time of Cicero, he was nicknamed Tantalos (= godless hybristes) already by his contemporaries.

[36] Aristophanes, Τηγανισταί fr. 506 K.-A. = Prodic. T 5 M. Τοῦτον τὸν ἄνδρα ἢ βιβλίον διέφθορε ἢ Πρόδικος.

[37] For doxographical *testimonia* on Anaxagoras' «atheism» from papyri see the important publication of Christian Vassallo in this volume (2018/2019).

[38] e.g. Guthrie 1969: 274. As Willink (p. 30) retorts: «there is no evidence at all to suggest that Prodikos – an itinerant, politically active, long-lived and loud-voiced sophist – was (already in his thirties) a chronic invalid».

meteorosophistai satirised in Aristophanes' *Clouds* with Prodicus as their prince and arch-sophist.

The texts of Themistius and Aristophanes cited below leave no doubt that he discussed in his works «the rituals of Orpheus» (Ὀρφέως τελεταί) and proposed a «meteorosophistic» interpretation of the Orphic Theogony. Prodicus is the common source of the passages from Themistius, Aristophanes (*Clouds* and *Birds*), Plato's *Cratylus*, Euripides' *Bacchae* and other *testimonia* discussed below.

Testimonia (1) – (19) supporting the attribution of PDerv to Prodicus of Ceos

(T1). Plato. Prodicus has been rightly recognised as an important Sophistic source of Plato' *Cratylus*[39]. His fifty-drachmas lecture «on the correctness of names» (ἐπίδειξις περὶ ὀνομάτων ὀρθότητος) is explicitly cited as a classic of the genre (the only one!) in the beginning of the dialogue[40]. The words εἰδέναι τὴν ἀλήθειαν 'to know the truth' (*Crat*. 384b5) alluding to Prodicus may be compared with the phrase ὀρθῶς γινώσκειν in *DervT*. Orpheus as a Heraclitean and Anaxagorean philosopher and *onomatothetes* appears in *Crat.* 402b: Ρέα and Κρόνος as ῥευμάτων ὀνόματα, cf. ῥοή 402a9[41]. We may compare this passage with *PDerv* col. XXII, 13–15 δηλώσει δὲ [..]αν κατὰ τὰ ἐπη γεν[…]. Ρέα δ' ὅτι πολλὰ καὶ πο[ι]κ[ίλα] ζῶια ἔφυ [ἐκρεύσαντα] ἐξ αὐτῆς. The theory of διπλοῦς λόγος ἀληθής τε καὶ ψευδής is attested in the etymology of Pan in *Cratyl*. 408c. The ψεῦδος part of it belongs to πολλοί and consists of poetic fiction (τραγικόν), μῦθοι τε καὶ ψεύδη 408c[42]. In Cratyl.

[39] See Rijlaarsdam 1978: 35 ff.; 117 ff.; 194 ff. The thesis οὐκ ἔστι ἀντιλέγειν Cratyl. 429DE ὅτι ψευδῆ λέγειν τὸ παράπαν οὐκ ἔστι is explicitly ascribed to Prodicus by Didymus the Blind, see Prodicus fr. 60 Mayhew (with comm. pp.153–159); Binder, Liesenborghs 1976: 453–462.

[40] Crat. 384b = Prodic. T42 M.

[41] Mansfeld's (1983) identification of Plato's source as Hippias cannot be correct since: Hippias is the least philosophical of all Sophists; the relativist theory of flux and sophisticated epistemology are *a priori* unlikely for him; in the parallel passages *Theaet.* 152e; 160d Protagoras, and not Hippias is mentioned. Protagoras was never associated with Hippias, but often with his disciple Prodicus. Mansfeld, however, rightly postulates a Sophictic source for the Heraclitizing passages in *Cratylus* and *Theaetetus*. This source is most probably Prodicus and/or Protagoras himself who quoted Heraclitus with approval of his criticism of popular religion.

[42] In our edition of Heraclitus (Lebedev 2014: 22) we identify the source of Plato with Heraclitus and include the passage 408c2 οἶσθα ὅτι λόγος σημαίνει τὸ πᾶν κτλ. in «Probabilia» fr. 3. The fanciful etymology of Pan may be Plato's own, but the identification of logos with the Universe is

409a9 the etymological derivation of the name Σελήνη from σέλας «light» «seems to reveal the more ancient wisdom» similar to the «recent» theory of Anaxagoras that the moon reflects the light of the sun: ἔοικεν δηλοῦν τι παλαιότερον ὃ ἐκεῖνος (scil. Anaxagoras) νεωστὶ ἔλεγεν[43]. The ancient *onomatothetes* in this passage is likely to be Orpheus, and so exactly as in *DervT* the Anaxagorean *physiologia* is presented as an ancient wisdom that was known to Orpheus and can be discovered in the divine names when they are «correctly understood»[44]. Plato's source must be Prodicus in whose history of culture and religion the case of Selene as a deified «useful thing» must have played important role: on *PDerv.* col. XXIV, 7–12 see testimonium T3 below. Plato's «accusation» of Anaxagoras in plagiarism from ancient theologians is of course a joke; the playful and ironical tone of this remark is best explained as a parody of Prodicus' extravagant claims about Orpheus' Anaxagorean physics rather than a parody of Anaxagoras himself who never made such claims[45].

(T2) Euripides. Prodicus T 74 M. (= B 5 DK) is an obvious and recognized by several scholars source of Euripides' *Bacchae* 274 ff. where Demeter is explained as earth (γῆ) and Dionysus as wine[46]. According to the Derveni Author, religion and mythology arose from the misreading and misinterpretation of an ancient text of a wise man (Orpheus) by ignorant *polloi*. A remarkable parallel to this theory is found in *Bacchae* 286–297. The myth of Dionysus being sewn into and born from Zeus' thigh (μηρός) is explained away as a misunderstanding of ὅμηρος «hostage» or μέρος τοῦ αἰθέρος «part of aither», cf. οἱ δ᾽ἄνθρω[ποι οὐ γινώσκοντ]ες τὰ λεγόμενα in PDerv.col. XVIII,14. The multiple etymologies of the same name that seemed absurd to Euripidean scholars, are typical for the Derveni author and they are typical for Plato's *Cratylus* as well.

typically Heracltean. It is based on Heraclitus' metaphor of common logos or *liber naturae* in fr. 2L/B1 and fr. 1L/B50 on which see Lebedev 2017_1.

[43] Cf. on this passage Lebedev 1990: 81, n.12.

[44] For different names of ὀνοματοθέται in *Crat.* see Rijlaarsdam, o.c.149.

[45] *Crat.* 409a 7 Τοῦτο δὲ τὸ ὄνομα φαίνεται τὸν Ἀναξαγόραν πιέζειν «this name seems to press hardly upon Anaxagoras». The term πιέζω here has a connotation «expose» as in legal contexts in which it is associated with ἐλέγχω, Plut. Alcib.4.3; Philod. D 3.8 ὑπὸ τῶν ἐλέγχων πιέζεσθαι. «Under the pressure of evidence» Anaxagoras' plagiarism of ancient wisdom becomes exposed.

[46] Roux (1972) 347; Dodds (1960) 104; Mayhew (2011) 242–244. As early as 1968 Henrichs (ZPE) compared this passage of Euripides with *PDerv* col. XVIII, Demeter = Ge meter. See also Santamaria (2010).

Euripides *Bach*. 296 ὄνομα μεταστήσαντες may be compared with *PDerv* col. IV,2 ὁ κείμ[ενα] μεταθ[έμενος] scil. ὀνόματα, IV, 5 Ἡράκλειτος με[ταθέμενος] τὰ κοινά (scil. ὀνόματα). A similar terminology is attested in Plato's *Cratylus*[47]. Prodicus is the most plausible common source of Plato and Euripides. The cosmic αἰθήρ (= air) in Euripides is always a reminiscence of Anaxagoras' cosmology; Zeus and Hera in this passage are apparently allegorised as Air and Earth. In *PDerv* Zeus is air, and Hera is earth (col. XVII, 4; XXII, 7).

Now we pass to the neglected (as far as we know) evidence of Themistius which is of primary importance for the ascription of the *DervT* to Prodicus of Ceos.

(T3) Themistius, *Orationes* 30 Εἰ γεωργητέον; vol. II, p.183,1 sq. Downey-Norman (cf. Prodicus, T77 M. = B 5 DK) εἰ δὲ καὶ Διόνυσον καλοῖμεν καὶ νύμφας καὶ Δήμητρος κόρην ὑέτιόν τε Δία καὶ Ποσειδῶνα φυτάλμιον, πλησιάζομεν ἤδη ταῖς τελεταῖς καὶ τὴν Προδίκου σοφίαν τοῖς λόγοις ἐγκαταμίξομεν, ὃς ἱερουργίαν πᾶσαν ἀνθρώπων καὶ μυστήρια καὶ πανηγύρεις καὶ τελετὰς τῶν γεωργίας καλῶν ἐξάπτει, νομίζων καὶ θεὼν ἔννοιαν ἐντεῦθεν εἰς ἀνθρώπους ἐλθεῖν καὶ πᾶσαν εὐσέβειαν ἐγγυώμενος.

οὐ μὴν οὐδὲ Ὀρφέως τελετάς τε καὶ ὄργια γεωργίας ἐκτὸς συμβέβηκεν εἶναι, ἀλλὰ καὶ ὁ μῦθος τοῦτο αἰνίττεται, πάντα κηλεῖν τε καὶ θέλγειν τὸν Ὀρφέα λέγων, ὑπὸ τῶν καρπῶν τῶν ἡμέρων ὧν γεωργία παρέχει πᾶσαν ἡμερῶσαι φύσιν καὶ θηρίων δίαιταν, καὶ το ἐν ταῖς ψυχαῖς θηριῶδες ἐκκόψαι καὶ ἡμερῶσαι. καὶ τὰ θηρία γὰρ τῶι μέλει κηλεῖν κτλ.

'Let the gods who oversee agriculture be summoned to help me with my oration… For it is from the fruits of agriculture that they receive yearly recompense – drink-offerings, sacrifices, banquets and all the Hours cause to spring up from the earth – and they receive this recompense not only for helping mankind on oratory, but from everything that human beings have from the high. If we should also summon Dionysus, the nymphs, Demeter's daughter [Persephone], the rain-bringing Zeus and nourishing Poseidon, than we shall be within short range of the rites (*teletai*) and add a dose of Prodicus' wisdom to our eloquence. Prodicus makes all of mankind's religious ceremonies (*hierourgia*), mysteries, festivals, and rites (*teletai*) dependent on the blessings of agriculture. He thinks that even the idea (*ennoia*) of gods came to human beings

[47] Rijlaarsdam, o.c. 147.

from agriculture and he makes agriculture the guarantee of all piety (*eusebeia*). **Not even the rites (*teletai*) and mystic ceremonies (*orgia*) of Orpheus are unconnected with agriculture but the myth about Orpheus also hints to this in enigmatic form, namely that it was through cultivated [ἡμέρων] fruits provided by agriculture that Orpheus tamed [ἡμερῶσαι] the whole nature and the *diaita* [= way of life and nutrition] of wild beasts and eradicated and tamed the bestial element in the souls. Indeed, he was believed to enchant wild beasts by his music [melos] conducting all sacrifices and rites in honor of the gods using the fruits of agriculture**'[48]. After this Themistius presents Orpheus as the greatest culture hero who taught the art of agriculture to all nations of *oikumene*, this triggered the transition to sedentary life, the rise of civilisation, the emergence of laws and justice etc. Diels-Kranz print under Prodicus B 5 from Themistius only the words πλησιάζομεν ... ἐγγυώμενος, Mayhew (fr. 77) justly expands the preceding context, but he also cuts the quotation at ἐγγυώμενος. This is based on the assumption that at this point Themistius stops quoting «Prodicus' wisdom», i. e. his agricultural theory of the origin of religion, and adduces a new evidence, the myth of Orpheus the musician, unrelated with Prodicus. But in the preceding text «Prodicus' wisdom» is connected with τελεταί, so in the text set in bold he rather states that what Prodicus explicitly said in his theory of the origin of religion, is also in enigmatic form «hinted by» the traditional myth (καὶ ὁ μῦθος). Which means that Prodicus himself referred to or discussed Orpheus' *teletai* and Orphic mysteries as providing evidence in support of his theory of religion[49]. The identification of Dionysus with wine, of Demeter with bread, of Poseidon with water are attested for Prodicus by the consensus of Sextus and

[48] Transl. Penella (2000) 185–186 with slight alterations.

[49] Mayhew's scepticism about the authenticity of Themistius' reference to mysteries, orgia, festivals, *teletai* in Prodicus' work is unjustified. The uniqueness of evidence may call for suspicion in a legal context, but not in the evaluation of historical or literary sources. Themistius' reference is precise and concrete and it is paralleled by a plausible reflex in Plutarch's *De daedalibus*, see below. Incidentally, Greek agrarian festivals (like those of Dionysos) or mysteries of Demeter provided more abundant and persuasive evidence on the connection between reigion and agriculture than, say, the Orphic Theogony or the poetic myth of Orpheus the Singer. Even on *a priori* grounds, Prodicus could not miss such opportunity. And this explains why it is Demeter and Dionysus that have a prominent place in Prodicus' theory of religion as cases at point.

Philodemus (B 5)[50]. The mention of Dionysus and Demeter in combination with mystery cults (μυστήρια) and initiations (τελεταί) is sufficient to conclude that Prodicus discussed in his work on the origin of religion the Eleusinian and Orphic (i. e. Bacchic) mysteries. If we accept Henrich's reinterpretation of Philodemus, according to which Prodicus added to «things beneficial for human life» (τὰ ὀφελοῦντα τὸν βίον) deified benefactors (πρῶτοι εὑρεταί) of the human race, the characterisation of Orpheus as the first agriculturalist in Themistius may also derive from Prodicus[51].

Prodicus' theory of the origin of religion from agriculture (and other «useful» *tekhnai*) is directly attested in Pap.Derv. col. XXIV which comments on the Orphic verse about the moon

ἡ πολλοῖς φαίνει μερόπεσσ᾽ ἐπ᾽ἀπείρονα γαῖαν...

XXIV, 7–12 εἰ γὰρ τοῦτο ἔλεγε, οὐκ ἂν «πολλοῖς» ἔφη φαίνειν αὐτήν (ἀλλὰ πᾶσι ἅμα)[52], **τοῖς τε τῆν γῆν ἐργαζομένοις** καὶ τοῖς ναυτιλλομένοις ὁπότε χρὴ πλεῖν, τούτοις τὴν ὥραν. εἰ γὰρ μὴ ἦν σελήνη, οὐκ ἂν ἐξηύρισκον οἱ ἄνθρωποι τὸν ἀριθμὸν οὔτε τῶν ὡρέων οὔτε τῶν ἀνέμων... καὶ τὰ ἄλλα πάντα...

'…he would not say «to many» (but to «all together»), i. e. to those who cultivate the land and those who are engaged in navigation, [signalling] them the hour when the navigation starts. For if there were no moon, humans would not have discovered neither the number of the seasons nor the number of the winds…nor all the rest…'.

The Derveni author starts col. XXIV with an interpretation of the epithet of the Moon ἰσομελής (*hapax*) that must have occurred in the verse from the Orphic theogony quoted in the lost lower part of the preceding column and he takes it in the sense of «circular» on the ground that only circular objects when «measured from the center» (distance to the periphery is meant) have «equal limbs» on all sides. Martin West's suggestion that the lost verse was similar to Parmenides' B 8.44 (μέσσοθεν ἰσοπαλές) and read «μέσσοθεν ἰσομελής remains attractive, although cannot be proved. In any case the reference to the circular shape of the full moon is plausible. An

[50] Note the «agricultural» *epikleseis* of Zeus the Rain-giver (*Hyetios*) and Poseidon the Nourishing (*Phytalmios*).

[51] Nestle 1936: 439 compares Minucius Felix, *Octav.* 2,21 errando (on «wandering» benefactors) and concludes that Orpheus was included in Prodicus' list of deified inventors.

[52] We follow the subtle suggestion of Kotwick 2016: 3. The distinction between «many» and «all» refers to *tekhnitai*, on the one hand, and all humanity indiscriminately, on the other.

objection against this interpretation that adjectives ending with -μελής in Greek always refer to «stretched» limbs is not sustainable since in the poetic language μέλη (pl.) can be used as a *pluralis poeticus* for the whole body rather than for some «stretched» parts of the body: e.g. in Parmenides B 16.1 κρᾶσις μελέων πολυπλάγκτων «the mixture (i. e. composition) of much-wandering (i. e. constantly changing) limbs (i. e. body)» refers to the condition of the body, not of some limbs, and the Homeric epithet of Eros λυσιμελής «relaxing limbs» refers to the relaxation of the whole body regardless of its shape.

In a second move the commentator doubts the (rather obvious) meaning of the verse about the moon that «shines», i. e. is the source of light, «for many» on the ground that in this case one would expect «shines to all» rather than «to many». Instead he interprets φαίνω as allegedly elliptical for φαίνειν τὴν ὥραν «to show (= to indicate) the appropriate hour» for starting various activities, i. e. he tries to connect it with the phases of the moon and the timereckoning. The word «many» is explained as a reference not to all mortals, but to specific groups, namely to «those who cultivate the land» and «those who are engaged in seafaring». To the latter the moon «shows» the time when navigation starts. The author does not specify what exactly the moon «shows» to agriculturalists because it is self-evident: the agricultural cycle of «works and days» (like sowing, harvesting etc.) based on the calendar year and the seasons are meant. Without the moon there would be no timereckoning and calendar, and without these agriculture and seafaring would be impossible. Since the production of food (agriculture) and sea trade are essential for sustaining human *bios* mortals deified the Moon and the Sun as «that which benefits human life.» This is exactly what we find in the reports on Prodicus' rather peculiar «agricultural» theory of the origin of the belief in gods[53]. The words ὥρα and ὡρέων in col. XXIV echo the title of Prodicus' work Ὧραι. It is reasonable to infer from this passage that in the lost parts of the text of the *DervT* the Derveni author made similar connections between the Sun and the practical needs of humans, e.g. explaining Helios as a deified «heat» (*thermon*) useful for agriculture: the connection between the Sun and the Seasons imposes itself. Cf. Helios and Selene as ἀθάνατοι γεωργοί in Max. Tyr. Or. 23c. Vc. (Nestle 1936: 439). Other examples illustrating the importance of explanatory time

[53] Prodic. T 66–78 Mayhew.

concepts in *PDerv* are Ὄλυμπος = χρόνος (col. XII) and ἄδυτον = βάθος τῆς νυκτός (col. XI, 2–3).

(T4) Aristophanes Clouds: Δῖνος βασιλεύει!
The text of *PDerv*. col. XVIII, 1–3

καὶ τὰ κάτω [φερό]μενα. [τὴν δὲ «Μοῖρα]ν» φάμενος [δηλοῖ]
τὴν δ[ίνην] καὶ τἆλλα πάν[τ]α εἶναι ἐν τῶι ἀέρι [πνε]ῦμα ἐόν. τοῦτ᾽οὖν τὸ πνεῦμα Ὀρφεὺς ὠνόμασεν Μοῖραν.
'... and the things that move down. By saying «Moira» he means the vortex and all the rest in the air which is wind. It is this wind that Orpheus called «Moira»'.

The supplement τ[ήνδε γὴν] in col. XVIII, 1 proposed by Tsantsanoglou and Parassoglou, and accepted by Bernabé, is unlikely. First, because *teste* TLG all instances of this phrase in classical authors come from the tragedy, there is not a single instance of ἥδε γῆ, τῆς δὲ γῆς or τήνδε γῆν in prose, either in classical or in late pose[54]. A possible phrase for «this earth» in Greek prose would be τὴν γῆν τήνδε (τῆς γῆς τῆσδε) (Herod. 6.107) or τὴνδε τὴν γῆν (Demosth. *Epitaph.* 8), never τὴνδε γῆν which is an exclusively tragic idiom. And second, in most cases ἡ γῆ ἥδε means 'this land' rather than 'this earth' and refers to the polis or region in which the speaker is located in drama, like Athens or Corinth, but such meaning does not fit the context *DervT* at all. It is conceivable that in an astronomical and cosmological contexts 'this earth' might refer to «our» planet earth as distinguished from another similar planet, but there is no indication in the text of the papyrus that the Derveni author shared either the eccentric cosmology of Philolaus with two earths[55] or the Ionian theory of the innumerable worlds in the infinite Universe, each with its own earth, the Sun, the Moon etc.[56]

[54] For τήνδε γῆν TLG gives 10 classical instances, 7 from Euripides, 2 from Sophocles, one from Aeschylus.There are many more (50) instances of the genitive τῆσδε γῆς, 28 in Euripides, 13 in Sophocles, 9 in Aeschylus, none from prose.

[55] Aristotle, fr. 204 = Simplicius, *in De Caelo* 511.25 μετὰ δὲ τῆν ἀντίχθωνα **ἡ γῆ ἥδε** φερομένη καὶ αὐτὴ περὶ τὸ μέσον.

[56] Theoretically the Derveni author could share the latter theory since it is attested in Anaxagoras B 4 that describes extraterrestrials in a cosmos different from ours, apparently in a distant part of the infinite Universe. But the cosmogonical context in col. XVIII in any case has nothing to do with the innumerable worlds. In late prose (Dionysius Halicrnassensis, Cassius Dio, Joseph Flavius et al.) the phrase «this earth» is used as a synonym of *oikumene*, without antithesis to «another earth», but these contexts are historical, geographical and ethnographical and cannot be compared with

The most plausible reading that perfectly fits the context is τ[ὴν δίνην], the cosmogonical vortex of the Anaxagorean (and Ionian in general) physics[57]. Vortex is a form of wind, and wind is motion of air, hence the mention of wind (πνεῦμα) and air in the next line 2[58]. According to the Ionian mechanics of the vortex heavy bodies move to the center of the vortex, and the light ones to the perifery, this perfectly agrees with the mention of καὶ τὰ κάτω φερόμενα in line 1. The conjunction καί presupposes the mention in the preceding lines of τὰ ἄνω φερόμενα. In the preceding col. XVII the author interpreted the «Hymn to Zeus» in terms of Anaxagorean cosmogony. In Anaxagoras' cosmogony the operation of the Nous (identified by the Derveni author with Zeus) produces a vortex.

We take πνεῦμα as 'wind', not as 'breath' or 'air' in general. Πνεῦμα ἐν τῶι ἀέρι is a translation into κοινά of the «idiomatic» expression μοῖρα Διός. The link between Μοῖραν ἐπικλῶσαι and the air-cosmogony is transparent: both κλώθω and δινέω mean 'to spin'; the author most probably interprets 'the spinning of Moira' as 'whirling of wind'. *Moira* and *ananke* pertain to the same semantic field and are often associated, cf. PDerv XXV, 7 The identification of δίνη and μοῖρα may be compared with Democritus ap. D.L. IX, 45 τὴν δίνην αἰτίαν οὖσαν τῆς γενέσεως πάντων ἣν ἀνάγκην λέγει[59]. The idea of Nous-Vortex determining the past, present and

---

Derveni papyrus col. XVIII.

[57] I have proposed this supplement in my 1993 Princeton conference paper, and I am glad that Professor Burkert and Professor Janko (ap. KPT, 227) arrived independently at the same conclusion. In Janko 2001: 27 the reading is that of KPT. I am also glad that Valeria Piano 2016: 9 confirmed by autopsy the supplement κόσ]μου which I proposed in Lebedev 1989: 39.

[58] Betegh's objection (p.378) that a vortex cannot be «in the air» is futile: see, e.g. Plut. *Mor.* 373D αὐχμῶν δ'ἐν ἀέρι καὶ πνευμάτων ἀτόπων, αὖθις τε πρηστήρων... (Seth is the cause) of droughts in the air, as well as enormous winds and hurricans» or «tornados». Antiphon fr. 29 Pendrick (B 29 DK): ὅταν... γένωνται ἐν τῶι ἀέρι ὄμβροι τε καὶ πνεύματα ἀλλήλοις, τότε συστρέφεται τὸ ὕδωρ... καὶ συνεστράφη ὑπὸ τοῦ πνεύματος εἰλούμενον... Exactly as in *PDerv* πνεῦμα in such contexts means 'wind', not 'breath'. Antiphon explains the formation of hail (cf. Pendrick, ad loc.), but a similar language is used by the Hippocratic author of *De aere* 8 in the explanation of the rain-formation ὁκόταν ἀθροισθῆι καὶ συστραφῆι ἐς τὸ αὐτὸ ὑπὸ ἀνέμων κτλ. With equal success it could be used in the description of the formation of world-masses. In his comment on Antiphon fr. 29 P. Galen overstates his thesis that εἰλούμενον means 'is condensed' and nothing else. The word συστρέφεσθαι makes it clear that the connotation of 'rolling' and 'winding' is also present, on συστροφή 'whirlwind' see LSJ, s.v. II, 3.

[59] DK II,84,18–19. Ἀνάγκη is a catchword and a fundamental concept in

future etc. derives from Anaxagoras B 12. It is obvious that δίνη is intended as an *etymon* of Δία. Taking into account the uniqueness of this etymology, we can identify Aristophanes *Nubes* 380 and 828 as quotations from the *DervT*.

PDerv col. XVII also contains a remarkable parallel to the «linguistic mistake» theory of the origin of religion in Tiresias' logos. According to the Derveni author, when Orpheus said Ζεὺς ἐγένετο «zeus happened» he meant that a cosmogonical vortex started in the air; people misunderstood his words (οὐ γινώσκοντες τὰ λεγόμενα l.14) and decided that someone called «Zeus» was «born». As a result of this misunderstanding an anthropomorphic pseudo-god Zeus is still worshipped by the Greeks. In fact they worship a cosmogonical vortex in the air (which is identical with the cosmic mind, φρόνησις) and when they say μοῖραν ἐπικλῶσαι (col. XVII,4) they erroneously think of a mythical Moira the spinner; the original – and the correct – meaning (= whirlwind in the air) intended by Orpheus has been forgotten, so they use the correct words without understanding their meaning: λέγοντες μὲν ὀρθῶς, οὐκ εἰδότες δέ (l.5).

(T5) More parallels between *PDerv* and Aristophanes' *Clouds*.

col. XIX,14–15 ἀρχὸν δὲ [ἁπάντων ἔφη εἶναι α]ὐτὸν [ὅτι πάντα ἄ]ρχεται διὰ [τοῦτον κτλ. This is one of the earliest attestations of what has become later the standard philosophical etymology of the name of Zeus Δία = διά: Zeus is a universal *causa activa* that determines everything.

The cosmogonical motif of the «vortex» reappears twice in

col. XXIII, 11 ἵνας δ᾽ἐγκατέλεξ᾽Ἀχελωίου ἀργυροδίνεω. / τῶι ὕδατι ὅλ[ως τίθη]σι Ἀχελῶιον ὄνομα. ὅτι δὲ / τὰ[ς] δίνα[ς ἐγκαταλ]έξαι ἐστ[ι ...]δε ἐγκατῶσαι /

The commentator takes Achelous as a general term for the water element and reinterprets ἐγκαταλ]έξαι (West 1983: 115) 'built in' as ἐγκατῶσαι 'threw down', i. e. Zeus-Air «pushed down water by vortex». This is a plausible source of Aristoph. *Nub*. 376–381:

ὅταν ἀμπλησθῶσ᾽ ὕδατος πολλοῦ κἀναγκασθῶσι φέρεσθαι (scil. Νεφέλαι) κατακριμνάμεναι πλήρεις ὄμβρου δι᾽ἀνάγκην
Στ. ὁ δ᾽ἀναγκάζων ἐστὶ τίς αὐτάς – οὐχ᾽ὁ Ζεύς; – ὥστε φέρεσθαι;
Σω. ἥκιστ᾽ἀλλ᾽αἰθέριος δῖνος.
Στ. Δῖνος; τουτί μ᾽ἐλελήθει
ὁ Ζεὺς οὐκ ὤν, ἀλλ᾽ἀντ᾽αὐτοῦ Δῖνος νυνὶ βασιλεύων.

Democritus' cosmogony and mechanics: see the texts 22–30 collected by Luria under the heading «Necessitas naturalis» (Luria 1970: 33–35).

There can be little doubt that Dinos-Zeus derives from the same sophistic source as ἀμέτρητος ἀήρ (v. 264) and the whole «atheistic» *meteoroleschia* of the *Clouds*. This source is almost certainly Prodicus of Ceos who is mentioned by name in v. 361 as a king of *meteorosophistai* second only to Socrates (Ambrose 1982: 138 on *Dinos*). *Nephelai* would not believe to any other meteorosophistes except Prodicus because he surpasses all other sophists in wisdom and judgement, *Nub*. 360:

οὐ γὰρ ἂν ἄλλωι γ᾽ὑπακούσαιμεν τῶν νῦν μετεωροσοφιστῶν
πλὴν ἢ Προδίκωι τῶι μὲν σοφίας καὶ γνώμης οὕνεκα, σοὶ δὲ κτλ.

It has been thought by some that the cryptic allusions to mysteries and initiation in the text of the comedy are connected with Eleusinian mysteries (Byl 1995; 2013, etc.). However we should rule out *a limine* the possibility that Aristophanes is mocking Eleusinian mysteries. The language of mysteries and initiation in Arstophanes is a metaphorical code that exclusively belongs to the iconic, and not to the referential level of text[60]. On the referential level we have the target of this allusions: Socrates and Prodicus who represent all sophists and the new education perceived as a danger to the traditional religion and morality. The φροντιστήριον is *assimilated* to the Eleusinian τελεστήριον by an allusive *homoioteleuton*. Socrates is assimilated to a hierophant (ἱερεῦ, v. 359)[61], his teaching to the initiation, natural phenomena, deified according to Prodicus' theory of religion, are assimilated to the new gods: «Oh my Lord, the Infinite Air», Vortex-Zeus, The Clouds as sources of all kinds of useful knowledge providing to the sophists money and means of living (τὰ ὠφελοῦντα τὸν βίον)[62]. The *hyponoia* – for those who understand correctly – of this allusions was that Socrates «introduces new divinities not recognised by the polis». By 423 the *psephisma* of Diopeithes had been already enacted, so Aristophanes' allusions look like a cryptic message addressed to Socrates and Prodicus, an accusation of *asebeia* and a threat at once. Mayhew has pointed out to additional possible allusions to Prodicus' *Horai* in Aristophanes' lost comedy Ὧραι. In this comedy were mentioned both Chaerephon, Socrates' associate, and Prodicus' associate Callias whose

[60] Incidentally, the «initiatory» metaphors and analogies were seriously used by philosophical schools themselves, especially in the Pythagorean and Platonic tradition. See Riedweg 1987.
[61] A unique metaphor in Aristophanes, cf. Taillardat 1962: 287, № 507.
[62] *Nub*. 331 ff. This is an exact parallel to the birds, the new gods in *Aves*, who claim to be the source of beneficial things for humans.

house was a famous club of sophists and intellectuals in Athens[63]. Xenophon the Socratic admired Prodicus. Prodicus' art of the precise distinction of near-synonyms and Socrates' quest for the exact definition of moral concepts display certain similarity and have been compared (on this see Reesor 1983).

Dover's perception of the image of «Socrates» in the *Clouds* as a composite portrait of a contemporary sophist is essentially correct (Dover 1968: XLIX ff.). All attempts to take the *meteoroleschia* of Socrates at face value and to ascribe it to some «early stage» of his philosophical career are ill founded[64]. Such attempts would make us to believe that if we place on the scale the combined powerful consensus of Plato, Aristotle, Xenophon and other Socratics that historical Socrates was predominantly or exclusively moral philosopher who dismissed as worthless the Ionian «natural history» (including Anaxagoras), on one side, and an isolated grotesque and malicious cartoon in a politically motivated comedy, on the other side, the latter will have more weight. However, Dover somewhat underestimated the «proportion» of Prodicus' features in this composite portrait[65]. In what Dover (Dover 1968: lv) describes as a «grotesque anticlimax» (v. 359–363) the Clouds assure Socrates that they would not listen to any other «meteorosophist» except Prodicus and Socrates, the first because of his wisdom and judgment, and the second because of his meaningless wanderings barefoot on the streets and enduring all kinds of discomfort. *Prima facie* this anticlimax looks like a comical absurdity, but behind it lurks Aristophanes' excuse for ascribing to Socrates the cosmological «wisdom» of Prodicus. It is Prodicus who has knowledge of this science and is the leading «meteorosophist», Socrates is just an uneducated and wretched vagabond. The image of an ἄστεγος vagabond enduring evils (κακά) is an allusion to the popular Socratic motif of καρτερία, i. e. to Socrates' ethics, and not to a physical doctrine he never held, whereas the alleged «ignorance» of

[63] Aristoph, fr. 583–84 K.-A.; Mayhew 2013: 247–248. We discuss the subject in detail and propose a new reconstruction of the plot and an attribution of a neglected fragment from this comedy with a scene in the house of Callias (and probably Prodicus himself speaking) in the forthcoming Lebedev 2019.

[64] *Contra* Janko 2001: 13, who tries to revive the implausible hypothesis of Winspear, Silverberg 1960: 11 ff.

[65] This was corrected by Willink 1983: 26: «…the arch-sophistic «Socrates» satirised in the play is in several features (e.g. fee-taking, philological quibbling, heretical cosmology) specifically modelled on what we may take as to have been the popular view of arch-sophist Prodikos».

Socrates may be Aristophanes' mocking parody of Socrates' sceptical thesis ἓν οἶδα ὅτι οὐδὲν οἶδα.

(T6) The quasi-Orphic ornithogony in Aristophanes' *Birds*, 709 ff. is introduced by a direct reference to Prodicus (Av.692). The choir of birds sings:

ἵν᾽ἀκούσαντες πάντα παρ᾽ἡμῶν ὀρθῶς περὶ τῶν μετεώρων,
φύσιν οἰωνῶν γένεσίν τε θεῶν ποταμῶν τ᾽ Ἐρέβους τε Χάους τε
εἰδότες ὀρθῶς, Προδίκωι παρ᾽ ἐμοῦ κλάειν εἴπητε τὸ λοιπόν.

'..you (= humans) will hear from us everything *in the correct way* about celestial things, the nature of birds, the origin of gods, as well as of rivers, of the Chaos and Erebos, and once you *know all this correctly*, you may tell Prodicus to weep for the rest of his life'.

The birds' cosmogony is with good reason included in the editions of *Orphica* as an early evidence on the Attic version of the Orphic theogony with the primeval Nyx (rather than Chronos as in Rhapsodies) who produces the world-egg from which the first-born god (Eros) comes out. But it would be preposterous to take this text as parody of «Orpheus' theogony» itself. First, because to mock a *hieros logos* in Athens after the *psephisma* of Diopeithes was a risky enterprise, and second, because the emphatic mention of Prodicus from the start is left unaccounted and unintelligible. Since we know now that Prodicus wrote an allegorical naturalistic interpretation of Orphic theogony, we must admit that the target of Aristophanes' agonistic mockery is *Prodicus' allegorical interpretation of the Orphic theogony rather than the Orphic theogony itself*[66]. It is hard to imagine that the rather traditional in his system of values poet could mock a *hieros logos*. And it is only natural that he ridicules an «atheistic» interpretation of a *hieros logos*.

The birds' version of the origin of the world and their «ornithological» explanation of the origin of gods (agonistically counterposed to the «meteorosophistic» one of Prodicus) and of the meaning of the Orphic cosmic «egg» will surpass Prodicus in the alleged «correct understanding» (ὀρθῶς εἰδέναι), so from now on one may forget about Prodicus' history of the human race and his theory of the origin of religion allegedly supported by the «evidence» of the «ancient poetry» of Orpheus. The word ὀρθῶς «correctly» is emphatically repeated twice; it alludes to Prodicus' terminology and his claims of «correctness» ὀρθότης, the phrase

[66] For a survey of modern opinions see Bernabé PEG II/1, 73 ad fr. Orph. 64.

εἰδότες ὀρθῶς in Av. 692 looks like a quotation of ὀρθῶς γινώσκοντες in *PDerv* XXIII, 2. The chances are Aristophanes knew and perfectly understood that Prodicus' playful interpretation of the Orphic theogony as an alleged proof of the antiquity of Anaxagoras' *physiologia* was a hoax and a mockery of religious conservatives like Diopeithes. In this case the purpose of his mock cosmogony was to surpass Prodicus in mockery and to ridicule the sophistic *Kulturgeschichte* thus defending the traditional values of an ordinary Athenian. Mayhew with a very good reason criticises Diels-Kranz for their underestimating of the importance of the Parabasis of chorus in «Birds» as evidence on Prodicus' doctrines and prints under Text 69 verses 685–725 which expand the cosmogony in narrow sense by preceding v. 585–589 (the original miserable condition of humanity) and following after the mention of Prodicus verses 693–722 which apart from theogony contain a parody of Prodicus' «utilitarian» theory of religion.

We understand these verses as follows: after you hear our Theogony, you may say good-bye to the one of Prodicus. Prodicus' *Horai* are parodied in the context Av. 708:

Πάντα δὲ θνητοῖς ἐστιν ἀφ᾽ ἡμῶν τῶν ὀρνίθων τὰ μέγιστα.
Πρῶτα μὲν ὥρας φαίνομεν ἡμεῖς ἦρος, χειμῶνος, ὀπώρας·
σπείρειν μὲν, ὅταν γέρανος κρώζους᾽ εἰς τὴν Λιβύην μεταχωρῆι·
καὶ πηδάλιον τότε ναυκλήρωι φράζει κρεμάσαντι καθεύδειν κτλ.

'And the greatest things for mortals are from us, the birds. First, we make known the seasons: spring, winter, and summer; when migrating to Libya the crane cries «Sow your seeds» – and tells the shipowner «Time to hang up your rudder and sleep»'. (tr. Mayhew).

The «greatest things» (τὰ μέγιστα) in this context are synonymous with the «most useful things».

According to Prodicus' theory of the origin of religion humans first deified τὰ ὠφελοῦντα, things beneficial for the human race, the elements, the sun and the moon, indispensable for agriculture. *PDerv*. col. XXIV describes the usefulness of the moon for the time-reckoning and the recognition of the seasons: without the moon agriculture and navigation would be impossible. The choir of the birds after announcing a competition with Prodicus, claims that humans have been taught to distinguish the seasons by the «signals» sent to them by birds; without birds there would be no agriculture and navigation. Exactly the same crafts are mentioned in exactly the same order in *PDerv*. XXIV, 8–9. The *hyponoia* of this in *Aves* is: the utility of birds for the human race far surpasses that of the

traditional gods and of Prodicus' «useful things», therefore the birds win the *agon* with Prodicus, they should be deified for their utility and proclaimed new gods. A number of other useful crafts managed by birds' signals is adduced in the following lines: the crane signals when to weave (ὑφαίνειν) a winter-cloak, «the kite appears after this to make known the change of season (ἑτέραν ὥραν), when it's the season to shear (πεκτεῖν) ship's wool, in spring; then the swallow appears when it's necessary to sell (πωλεῖν) the winter cloak and buy (πρίασθαι) some summer clothes»[67]. The birds are equally indispensable for trade (πρὸς ἐμπορίαν), for getting means of living (πρὸς βιοτοῦ κτῆσιν) and for man's marriage[68]. None of these crafts (except agriculture and navigation) is attested *nominatim* either for Prodicus or in *PDerv.,* but this may be due to the chance and the fragmentary state of our sources. Themistius' encomium of agriculture ascribes to Prodicus the theory that agriculture is the cradle of religion, civilisation and all human crafts. It is hardly accidental that in birds' competition with Prodicus different crafts are correlated with different «Seasons» (Ὧραι).

The protogonos Eros «similar to the windy whirlwinds» (εἰκὼς ἀνεμώκεσι δίναις) in v. 697 alludes to the cosmogonical vortex and connects the Ornithogony of the *Birds* with the cosmology of the *Clouds*.

(T7) The very idea to «surpass» Prodicus' allegorical cosmogony in the comical *agon* in *Aves* by substituting for the natural elements the image of «birds», the new gods of the dream-city of eternal happiness, more powerful and more «beneficial» for the human race than Zeus and the Olympians, seems to have been suggested to Aristophanes by another passage of *DervT* (Prodicus), i. e. column II in which we propose one new reading:

col. II, v.6–8 …ἔτι δ'ἐξαιρέ]τους τιμὰς [χ]ρὴ
κ[αὶ τῆι Μήτ]ιδι νεῖμ[αι, δαίμοσι δ'] ἑκάστο[ι]ς ὀρνίθειόν τι
κ[αίειν. καὶ] ἐπέθηκε[ν ὕμνους ἁρμ]οστο[ὺ]ς τῆι μουσ[ι]κῆι,
[τούτων δὲ] τὰ σημαι[νόμενα ἔλαθε τοὺ]ς… [69]

'And besides that [scil. besides honouring Erinyes], one should offer exceptional honours to Metis and burn something avian. And he

[67] *Aves*, 712–715, tr. Mayhew with slight alterations.
[68] *Aves*, 718 πρός τ'ἐμπορίαν, καὶ πρὸς βιότου κτῆσιν, καὶ πρὸς γάμον ἀνδρός...
[69] The supplements κ[αὶ τῆι Μήτ]ιδι in v. 7 and ἔλαθε τοὺ]ς in v.9 are ours, the rest by KPT.

[= Orpheus] added hymns [or poems] that suit the music, but their meaning escapes… [scil. those who lack understanding]'.

The reading τ[ῆι Εὐμεν]ίδι in the beginning of v.7 proposed in KPT is unlikely for two reasons. First, such «collective singular» (Kouremenos, 144) is unlikely as such and is not attested. Second, the honouring of Erinyes has already been mentioned in the preceding lines, this makes ἔτι «and besides that» pointless. In the lines 6–7 the author adds to the honouring of Erinyes the honouring of yet another (ἔτι ... καί) *daimon* and the requirement of avian offerings to all *daimones* (i. e. not only Erinyes-Eumenides). It is hard to find a more plausible name of a *daimon* ending on –ιδι in dative than Metis attested in col. XV:

v. 13 Μῆτιν κάπ[πιεν ἠδὲ λάβ]εν[70] βασιληίδα τιμήν
'[Zeus] swallowed Wisdom (Metis) and received the royal honor'.

The author of the Derveni theogony (Onomacritus, according to Aristotle) borrowed from Hesiod, apart from the large part of the succession myth, the epithet of Zeus μητίετα which is attested in PDerv. col. XV,6.11. It is hard to see why he could not borrow the *kataposis* of *Metis* in Hesiod, Th.886–900 as well. The phrase βασιληίδα τιμήν quotes Hesiod Th.892.[71] He adapts it to the Orphic narrative: Zeus follows the prophecy of Night and Kronos rather than that of Ouranos and Gaia, Metis is not a just a personification of Wisdom and not Zeus' «first wife» (Rhea-Demeter in col. XXVI), but one of the names of the daimon Protogonos.

It is tempting to take ὀρνίθειόν τι with a reference to the egg.[72] The Derveni author must have discussed the cosmogonical egg from which Protogonos «sprouted first» in the lost parts of the papyrus. It has been preserved in Aristophanes' ornithogony, [73] the Derveni author may have allegorically interpreted it as an anaxagorean

[70] κάππιεν – Kotwick 2017: 324, κάππινεν – Santamaria 2012: 71; ἠδὲ λάβεν or ἠδ'έλαβεν temptavi.
[71] Contra KPT 213 who are on this point vague and indecisive.
[72] Janko (2016) 19 questions the reading ὀρνίθειον in col. VI,11 (KPT) and proposes φορτίον ... ἀείρει. This does not fit the context: the connection with *prothysia* is lost, ἕνεκεν becomes pointless, what is meant by the «labouring souls» remains unclear. On the contrary, the reading ὀρνίθειον (KPT) or ὀρνίθιον (Ferrari, followed by Piano) provides an immediate link with the air-cosmogony and with *prothysia*: first offerings are due to the air, the most ancient «god». On the phrase ὀρνίθειον κρέας see also Ferrari (2007) 204.
[73] So rightly Brisson (1990) 2876–77, *contra* Betegh (2006) 148.

mixture of various «seeds» of all things, cf. a similar naturalistic interpretation of the Orphic egg in the *Pseudo-Clementina*.[74]

Avian offerings are for the second time mentioned in col. VI,8–11: «*Mystai* perform preliminary sacrifice (προθύουσι) to Eumenides in the same way as *magoi*, for Eumenides are souls (*psychai*). For this reason (or «therefore», ὥνπερ ἕνεκεν) one who is going to sacrifice to gods [would] first offer something avian (ὀρνίθειον)…». Why the identity of Eumenides/Einyes with the souls is presented as a necessary reason to sacrifice first «something avian»? This *prima facie* strange inference can be explained only on the ground of the allegorical interpretation of Eumenides-souls as «air». In Greek popular «folk-zoology» and in Empedocles the three elements (world-masses) of earth, sea and air (sky) were correlated with three kinds of animals: terrestrial animals, fishes and birds. The Derveni author is not a priest and he does not give in these lines ritual prescriptions, he «decodes» in the *teletai* established by Orpheus the same «ancient wisdom» as in his poetry. The commentator assumes that *first offerings are due to the first gods.* Both magoi and mystai converge in that they first make offerings to the souls that, like birds, reside in the air and (according to commentator) are nothing but air.[75] It follows that the ancient religion accords with the modern science: both in Orpheus and in the Anaxagorean physics «air» is the original source of everything.[76] Once we admit that *PDerv* is a work of Prodicus parodied by Aristophanes, it is reasonable to conclude that the choice of «birds» as «new gods», more «ancient» than Olympians, in *Aves* was also suggested to Aristophanes by the same work on the origin of religion and was intended as a mocking parody of it.

---

[74] [Clem.Rom.] Recogn. 6.5.2 ὠιόν ... στοιχεῖα καὶ χρώματα παντοδαπὰ ἐκτεκεῖν δυνάμενον.

[75] A similar logic underlies the discussion of the etymology of Hestia in Plato's *Cratylus*, 401c1 – d7: Hestia genealogical priority can be deduced from the fact the she comes first in the order of sacrifices. On the topic see Sedley (2003) 99 ff.

[76] Some modern commentators of *PDerv* do not seem to realize that in Anaxagorean physics there is no contradition between the conception of matter as a mixture of various «seeds» (*spermata*) and «air». Both in Anxagoras and in Democritus the traditional four «elements» are not «chemical» elements (immutable simple substances, as in Empedocles), but phenomenal aggregate states of matter: gaseous, liquid, solid. In Anaxagoras' cosmogony the original (precosmic) universal mixture *appears* in a gaseous state, i. e. is described as ἀὴρ καὶ αἰθήρ.

(T8) A metaphorical scene of *prothysia* appears in another comedy that targeted Prodicus' air-cosmogony and exposed its «atheistic» implications. In *Nubes* 606–8 Strepsiades experiences sacred awe as he enters the *Phrontisterion*, the entrance of which is compared with a ritual *katabasis* to the oracular cave of Trophonius; he asks Socrates to give him first (πρότερον) a sacrificial honey-cake (μελιττοῦταν). So, before the initiation (τελετή) into the mysteria of the sophistic wisdom inside the phrontisterion the old man wishes to perform the «preliminary offering» (προθυσία) of honey-cakes to placate the «wise souls» that inhabit the school of Socrates (cf. Nub.94 ψυχῶν σοφῶν τοῦτ᾽ἐστὶ φρονιστήριον). All this looks like a parody of *PDerv* VI.

(T9) Plutarch's fragmentary work Περὶ τῶν ἐν Πλαταιαῖς Δαιδάλων seems to draw on several sources one of which looks like a summary exposition of something very similar to the Derveni treaise[77]:

Plutarch, fr. 157 Sandbach ap. Eusebius, Praep. Ev., Proem. 3, 1,1:

Λαβὼν ἀνάγνωθι τοῦ Χαιρωνέως Πλουτάρχου τὰς περὶ τοὺς μύθους φωνὰς, ἐν αἷς σεμνολογῶν παρατρέπει τοὺς μύθους ἐφ᾽ ἅς φησιν εἶναι μυστηριώδεις θεολογίας ἃς δὴ ἐκκαλύπτων τὸν μὲν Διόνυσον τὴν μέθην εἶναί φησίν... τὴν δὲ Ἥραν τὴν γαμήλιον ἀνδρὸς καὶ γυναικὸς συμβίωσιν· εἶθ᾽, ὥσπερ ἐπιλελησμένος τῆς ἀποδόσεως, ἑτέραν ἑξῆς ἐπισυνάψας ἱστορίαν τὴν Ἥραν οὐκέτι ὡς τὸ πρότερον ἀλλὰ τὴν Γῆν ὀνομάζει, λήθην δὲ καὶ νύκτα τὴν Λητώ· καὶ πάλιν τῆν αὐτὴν τῆι Λητοῖ φησιν εἶναι τῆν Ἥραν· εἶθ᾽ἐπὶ τούτοις εἰσάγεται αὐτῶι Ζεὺς εἰς τὴν αἰθέριον δύναμιν ἀλληγορούμενος. καὶ τί με δεῖ ταῦτα προλαμβάνειν, αὐτοῦ παρὸν ἀκοῦσαι τοῦ ἀνδρὸς ὧδέ πως ἐν οἷς ἐπέγραψεν Περὶ τῶν ἐν Πλαταιαῖς Δαιδάλων τὰ λανθάνοντα τοὺς πολλοὺς τῆς ἀπορρήτου περὶ θεῶν φυσιολογίας ἐκφαίνοντος;

Ὅτι μὲν οὖν ἡ παλαιὰ φυσιολογία καὶ παρ᾽ Ἕλλησι καὶ βαρβάροις λόγος ἦν φυσικὸς ἐγκεκαλλυμένος μύθοις, τὰ πολλὰ δι᾽αἰνιγμάτων καὶ ὑπονοιῶν ἐπίκρυφος, καὶ μυστηριώδης, θεολογία τά τε λαλούμενα τῶν σιγωμένων ἀσαφέστερα τοῖς πολλοῖς ἔχουσα καὶ τὰ σιγώμενα τῶν λαλουμένων ὑποπτότερα κατάδηλόν ἐστιν τοῖς Ὀρφικοῖς ἔπεσι καὶ τοῖς Αἰγυπτιακοῖς καὶ Φρυγίοις λόγοις· μάλιστα δ᾽οἱ περὶ τὰς τελετὰς ὀργιασμοὶ καὶ τὰ δρώμενα συμβολικῶς ἐν ταῖς ἱερουργίαις τὴν τῶν παλαιῶν ἐμφαίνει διάνοιαν.

[77] Parts of this text in: Orph. fr. 671 Bern. = Diagoras Melius fr. 94 Win. = FGrHist 800 T9.

‘Take up Plutarch of Chaeronea and read his statements about our subject, statements in which he majestically converts the myths into what he says are «mystic theologies»; purporting to reveal these, he says that Dionysus is intoxication ... and Hera the married life of husband and wife. Then, as if he has forgotten this interpretation, he tacks on directly afterwards a different account: contrary to his previous view he now calls Hera the earth, and Leto forgetfulness and night. Then again he says that Hera and Leto are identical; next on top of this Zeus is introduced, allegorised into the power of aether. Why should I anticipate all this, when we can listen to the fellow himself? In the work he entitles O*n the Festival of Images at Plataea* he discloses what most men are unaware of in the secret natural science that attaches to the gods, and does so as follows.

1. Ancient natural science, among both Greek and foreign nations, took the form of a scientific account hidden in mythology, veiled for the most part in riddles and hints, or of a theology as is found in mystery-ceremonies: in it what is spoken is less clear to the masses that what is unsaid, and what is unsaid gives more speculation than what is said. **This is evident from the Orphic poems** and the Egyptian and Phrygian doctrines [*logoi*]. But nothing does more to reveal what was in the mind of the ancients than the rites of initiation and the ritual acts that are performed in religious services with symbolical intent’. (tr. F. H. Sandbach with slight alterations).

Note the following similarities of Plutarch’s source with the Derveni treatise. The enigmatic Orphic poetry and mysteries are taken as survivals of the ancient *physiologia*, alternative rationalistic interpretations confuse the reader, equations of gods Ge = Hera = Leto, Zeus is airy substance, Hera is also ἀνδρὸς καὶ γυναικὸς γαμήλιος συμβίωσις Leto is night and a shadow of earth that causes eclipses of sun. The identification Hera = Ge is found in *PDerv* col. XXII,7. Dionysos = wine is attested for Prodicus in T 71,74,76 M. and in the passage of Themistius quoted above (T 77). Λητώ = λήθη is found in Plato’s *Cratylus* 406 a8. The etymology of the name of Apollo in Plutarch’s passage Ἀπόλλων δ’ ὡς ‘ἀπαλλάττων’ καὶ ‘ἀπολύων’ τῶν περὶ σῶμα νοσηματικῶν παθῶν τὸν ἄνθρωπον is paralleled in Plato’s *Cratylus* 405b9 κατὰ μὲν τοίνυν τὰς ἀπολύσεις τε καὶ ἀπολούσεις, ὡς ἰατρὸς ὢν τῶν τοιούτων, «Ἀπολούων» ἂν ὀρθῶς καλοίτο. The common source must be Prodicus/Derveni author.

(T10) Plut. *De Pyth orac*.25 p.407b Ὀνομάκριτοι δ᾽ἐκεῖνοι καὶ Πρόδικοι (Botzon: προδόται cod.) καὶ Κιναίθωνες (Botzon:

κινέσωνες cod.). Bernabé identifies the Plutarchean Prodicus with Prodicus Φωκαεύς, the alleged author of the *Minyas* (test.3; PEG I 137). However Plutarch gives a list not of epic poets *qua* poets, but of χρησμολόγοι and (from his point of view) pretentious charlatans who discredited oracles by their theatrical grandeur (τραγωιδία καὶ ὄγκος) which he contrasts with the simple style of the genuine oracles of Pythia. The Rhapsodic Theogony was not a literary «poem» composed by ordinary poet: Ἱεροὶ λόγοι means that it was conceived and presented as divine word, as a kind of χρησμός inspired by Apollo, Orpheus being his prophet. It is possible therefore that Ὀνομάκριτοι καὶ Πρόδικοι in Plutarch is a kind of *hendiadyoin* that refers both to the bombastic Theogony of pseudo-Orpheus falsified by Onomacritus and its disreputable and scandalous (in Plutarch's opinion) interpreter Prodicus.[78]

(T11) Apart from the sun and the moon Epiphanius includes in the list of the deified «beneficial» things of Prodicus theory of religion also the 4 elements: Πρόδικος τὰ τέσσερα στοιχεῖα θεοὺς καλεῖ, εἶτα τὸν ἥλιον καὶ σελήνην· ἐκ γὰρ τούτων πᾶσι τὸ ζωτικὸν ἔλεγεν ὑπάρχειν. [79] «Prodicus calls «gods» the four elements, and then the sun and the moon, for it is from them, in his opinion, that all men get their means of living». All six are attested in the allegoresis of *PDerv* as «real» referential meanings of the mythical names: according to the Derveni author, air (and mind) was deified as «Zeus», fire and sun as Protogonos, water element as Acheloos, earth (Ge) as Demeter, the moon as Selene. A very similar naturalistic interpretation of the Greek mythology was parodied as «atheistic» already by Epicharmus[80].

(T12) Syncellus, *Chron*. I, 140 C 1, p. 282,19–21 ἑρμηνεύουσι δὲ οἱ Ἀναξαγόρειοι τοὺς μυθώδεις θεοὺς νοῦν μὲν τὸν Δία, τὴν δὲ Ἀθηνᾶν τέχνην, ὅθεν καὶ τὸ «χειρῶν ὀλλυμένων ἔρρει πολύμητις Ἀθήνη». 'The followers of Anaxagoras interpret the mythical gods as follows: Zeus is mind (nous), and Athena is technical skill (*tekhne*), whence the verse «once the hands have perished, the skilful Athena is gone»'.

[78] Clement Alex. attributes Orpheus' «Descent to Hades» to a certain Prodicus of Samos: *Strom*. I, 131, 3 (vol. II, p. 81, 9 St.) = OF 707 B. τήν τε εἰς Ἅιδου κατάβασιν Προδίκου (v. l. τοῦ Σαμίου (sc. εἶναι λέγουσι). Suda s.v. Ὀρφεύς = OF 709 B. has Ἡροδίκου τοῦ Περινθίου.
[79] *De fide*, 9, 25; p. 507 Holl = Prodic. T78 M. (not in DK). Cf. Cole 1990: 156.
[80] Fr. 199 K.-A. For a detailed comparison with PDerv. see Lebedev 2017$_4$: 19–22.

Orion gramm., *Etymologicon*, letter X, p. 169 χεῖρες ἀπὸ τῆς χρήσεως, ὡσανεὶ χρήσιες... οὐδεμία γὰρ τέχνη προκόπτει δίχα χειρῶν, καθὼς καὶ ὁ ποιητὴς φησίν· χειρῶν ... Ἀθήνη. 'The word *kheires* «hands» comes from *khresis* «use» for no skill (*tekhne*) advances without hands; as the poet says: «once the hands…»' etc.

This is a rare evidence that directly links the Anaxagorean allegoresis of the Greek mythogoly specifically with the Orphic poems[81]. Diels-Kranz identify these «Anaxagoreans» with Metrodorus of Lampsacus[82]. But there is no evidence that Metrodorus worked on Orphic poems, the attested title of his allegorical work is «On Homer», and all cited examples of his allegorical interpretations concern Homeric gods and heroes. The interpretation of Zeus as mind (*nous*) is attested in *PDerv*, but not for Metrodorus. According to Tatianus Metrodorus interpreted Athena not as *tekhne*, but as a physical element or an arrangement of elements. [83] Prodicus' theory of religion originating from agriculture and *other tekhnai* that were useful for human race seems to be a more plausible source. The battle of ideas between the Ionian naturalists (adepts of the naturalistic monism)[84] and religiously minded dualists in the second half of the 5th century BC in Athens was perceived by the contemporaries as a conflict between *Anaxagoreioi* and *Pythagoreioi* (cf. note 24 above). Most sophists joined the former camp, so they were no less Anaxagoreioi than Metrodorus, possibly even more.

The verse is quoted by three Byzantine authors and by a 5th century grammarian Orion. Only Orion attributes the verse to Orpheus. Orion followed by Meletius (9th c.) quotes the verse on Athena as *tekhne* to support the etymology *χεῖρες – χρήσεις*. Syncellus (8th c.) and Cedrenus (11th c.) quote it as supporting the rationalistic interpretation of the myth about the creation of man by Prometheus. Both Kern and Bernabé are right when they print in their editions of Orphic fragments πολύεργος, a very rare epithet unlike πολύμητις, the standard epithet of Odysseus in Homer.[85] But

[81] Orph. Fr. 856 Bernabé.
[82] Diels – Kranz, VS. 61, 6. cf. Sider 1997: 138.
[83] Metrod. 60, 3 DK = Tatian. Adv. Graecos, c. 3.
[84] On our use of the terms «monism» and «dualism» see explanatory notice in section (7) below.
[85] Kern explained it as a poetic equivalent of the epiklesis Ἐργάνη. It does not mean «hard-working» as in Nicander, *Ther.* 4 πολύεργος ἀροτρεύς, but rather «master of many works», i. e. presiding over different crafts (τέχναι). Πολύτεχνος is the epithet of Athena in Solon fr. 13, 49.

πολύμητις is not a corruption due to chance: authors who connect the verse with «hands» prefer «one of many works», whereas the authors who cite it in support of the allegorical interpretation of another famous mythical trickster Prometheus, prefer «one of great prudence». It is striking that both the etymology of χεῖρες and the allegorical interpretation of the name Prometheus seem to be related with Prodicus' «utilitarian» theory of the origin of religion: χρῆσις, χρήσιμον is a synonym of ὠφέλιμον «useful», and both Athena and Prometheus perfectly fit into the category of πρῶτοι εὑρεταί that played important role in Prodicus' second stage. Since the interpretation of Zeus as «mind» is attested in *PDerv*, the chances are that Athena and Prometheus were mentioned in the lost parts of the papyrus.

The myth about Prometheus moulding (πλάττειν) man from clay is explained in Syncellus' source as an allegory of forming man by knowledge and reshaping him from *apaideusia* state to the state of *paideia*. Both Syncellus and a scholiast on Aeschylus *PV* 120d add to this allegory a quotation from the Σοφισταί of Plato comicus (fr. 145 K.-A.) προμηθία γάρ ἐστιν ἀνθρώποις ὁ νοῦς. It has been thought by some that the title «Sophists» refers to tragic poets and musicians only, but the evidence for this is weak[86]. The group of *Sophistai* mocked in the comedy may well have included both poets and sophists in the familiar sense, like Prodicus.

One puzzle remains unsolved: The verse about Athena as a 'master of many works', i. e. *tekhnai*, is very different from the verses of Orphic theogony quoted in *PDerv*.: it looks as a *gnome* or a verse from elegy rather than a fragment of epic mythical narrative. It is hard to imagine what might be its original context in a theogony. And even more puzzling is the fact that the author of this verse seems to share Prodicus' somewhat unholy explanation of traditional gods as personifications of «useful» *tekhnai*. Can it be a playful fabrication of Prodicus' himself?

Philochorus has been plausibly identified as the source of these quotations (Hussey 1999: 315). Dirk Obbink on independent grounds has plausibly argued that the Derveni papyrus was quoted

[86] The scholiast on Ar. *Nub.* 331a (= Plato com. fr. 149) commenting on σοφισταί tells that the word is applied not only to those who study celestial phenomena, but – *improperly* (καταχρηστικῶς) – also to specialists in all kinds of knowledge, *even* to a flute-player Bacchylides in Plato's «Sophistai». He does not tell that all *Sophistai* in this play were musicians like Bacchylides, on the contrary: he quotes Bacchylides as an extraordinary case.

by Philochorus[87]. Objections to Obbink's thesis (Philochorus and the Derveni author may quote the same source independently) (Betegh 2006: 98–99, n. 20; Bremmer 2014: 65, n. 60) do not take into account Philochorus' general predilection for the rationalistic and «euhemeristic» interpretations of myth that can be best explained by the influence exerted on him by Prodicus' work on religion and Orphic theogony[88]. Philochorus wrote Περὶ μυστηρίων and Περὶ μαντικῆς in which he mentioned Orpheus and quoted two Orphic verses on prophecies[89]. Therefore he may well have consulted the influential work of Prodicus on the same subject. Besides that neither ἡ αὐτή (scil. ἐστίν) in PDerv. XXII, 7 nor τὴν αὐτὴν εἶναι in Philodemus is a part of the verse, i. e. of the supposed «common source». Unlike the names of the gods, it is in both cases a part of the commentary or a paraphrase and therefore reflects the linguistic preference of the commentator (which is the same). It is hard to imagine that the identity of the three goddesses was stated in a hymn in such plain prosaic language. Expressions like ἥν τε καὶ Γῆν καλέουσι are conceivable or, alternatively, the same goddess was called by three different names in the invocation.

A striking sample of «linguistic archeology» reminiscent of *PDerv* is provided by Philochorus' rationalistic and naturalistic explanation of the names Tritopatores and Apollo: fr. 182 (verbatim quotation in Harpokration): Φ. δὲ τοὺς Τριτοπάτορας πάντων γεγονέναι πρώτους· «τὴν μὲν γὰρ Γῆν καὶ τὸν Ἥλιον (φησίν), ὃν καὶ Ἀπόλλωνα τότε[90] καλεῖν, γονεῖς αὐτῶν ἠπίσταντο οἱ τότε ἀνθρωποι, τοὺς δὲ ἐκ τούτων τρίτους πατέρας». The prehistoric men spoke the original natural language not yet corrupted by misunderstanding and correctly applied the name «Apollo» to the sun[91].

(T13) According to Philodemus Epicurus exposed the atheistic views of Prodicus, Diagoras and Critias and accused them of «madness»; their method was that of «changing letters in the names of gods»: *De pietate*, pars I, col. 19, ll. 519–541 Obbink: …παρα-

[87] Obbink 1994: 110–135. FGrHist 328 F 185 compared with Philodem. PHerc.1428 col. vi 16–26 (= SVF II 1078).
[88] The chances are that the collection of hymns quoted by Prodicus was no longer extant or available some 150 years later to Philochorus.
[89] FGrHist 328F 77 = OF 810 B. The fragment is odd: Orpheus speaks in the first person and boasts that his prophecies are infallible. A proem to a collection of χρησμοί?
[90] For no good reason Jacoby deletes τότε.
[91] On Orphic *Physica* and *Tritopatores* see Gagné 2007: 1–24; Bremmer 2014: 62 ff.

γραμμίζ[ουσι] τὰ τ[ῶ]ν θεῶν [ὀνό]ματα. *Pace* Winiarczyk, παραγραμμίζειν means ‘to change, to alter letters’ (with a connotation ‘to distort’, ‘to falsify’, by analogy with παραχαράττειν), not ‘to rearrange’[92]. The reference is apparently to the rationalistic etymologies based on the assonance between the divine name and its supposed *etymon*. Examples of this technique are found in *PDerv.* XXII,10 Δημήτηρ by change of letter δ to γ becomes Γῆ Μήτηρ, XIV, 7 Κρόνος = κρούων νοῦς etc. The Derveni author (Prodicus) himself uses a similar expression in XXVI,11 γράμματα παρακλίνοντα to describe the possible change of μητρὸς ἐᾶς to μητρὸς ἑοῖο. The phrase μικρὸν παρακλίνω ‘alter slightly’ exactly with the same meaning occurs in Plato’s *Crat*. 400c (the change of only one letter in Orphic etymology σῶμα / σῆμα) and 410a (the Phrygian pronunciation of the word πῦρ that «slightly deviates» from Greek)[93]. Most of the etymologies of the divine names in Plato’s *Cratylu*s are based on the assonance between the name of a god and its *etymon*.

(T14) Galenus on several occasions (in four different treatises!) angrily rebukes Prodicus for using the term for phlegm (φλέγμα) not in its commonly accepted sense of a cold and dense liquid in the body, but in the unusual sense of something «burnt» on the ground of its etymological derivation from φλέγω ‘to burn’. (Prodic. fr. 63–65 M).

De nat fac. 2,130 K. Πρόδικος δ’ ἐν τῷ περὶ φύσεως ἀνθρώπου γράμματι τὸ συγκεκαυμένον καὶ οἷον ὑπερωπτημένον ἐν τοῖς χυμοῖς ὀνομάζων φλέγμα παρὰ τὸ πεφλέχθαι … ἀλλὰ τοῦτό γε τὸ **πρὸς ἁπάντων ἀνθρώπων ὀνομαζόμενον** φλέγμα τὸ λευκὸν τὴν χρόαν, ὃ βλένναν ὀνομάζει Πρόδικος, ὁ ψυχρὸς καὶ ὑγρὸς χυμός ἐστιν κτλ.

The unusual periphrastic expression «as it is called by all men» for «common name» according to the whole corpus TLG search does not occur elsewhere, except in another single passage of Galenus (v. 8, 74 K.), but it strikingly resembles the distinction between the «peculiar» expressions of Orpheus and the «spoken names», «which have been called by all men», ἃ πάντες ἄνθρωποι

[92] LSD, s.v. παραγραμμίζω interpret the παραγραμμίζουσι ὀνόματα θεῶν in Philodemus passage as ‘makes the gods nugatory’ and mark this use as metaphorical. In our view the verb παραγραμμίζω (variant παραγραμματίζω) has literal meaning ‘to change or to distort letters’, it is the result of such change that makes the gods nugatory and reduces them to trivial non-sacred things like food and drink, elements etc.

[93] Another similar phrase in *Cratylus* is παράγειν γράμμα: 407c παραγαγὼν « Ἀθηνάαν» …ἐκάλεσαν. 400c9 οὐδὲν δεῖν παράγειν οὐδ’ ἓν γράμμα.

ὀνόμασαν in *PDerv,* XVIII,8–9.

(T15) Another common feature of Prodicus and the Derveni author is the attention to synonyms and a similar phraseology in the semantic analysis. It might seeem *prima facie* that they follow different or even opposite procedures: Prodicus was renowned for his subtle distinctions of words (*akribologia*) with similar meaning, the Derveni author, on the contrary, lays emphasis on «the same meaning», ταὐτὸν δύναται. But there can be little doubt that Prodicus mastered the art of his teacher Protagoras to argue «both ways»: Πρόδικος διηιρεῖτο τὰς ἡδονὰς εἰς χαρὰν καὶ τέρψιν καὶ εὐφροσύνην· ταῦτα γὰρ πάντα τοῦ αὐτοῦ, τῆς ἡδονῆς, ὀνόματά ἐστιν. «Prodicus divided pleasures into joy, merriment and delight: according to him all these are names of the same thing, i.e. of pleasure[94]. Compare this triad of names with the triad λέγειν, φωνεῖν, διδάσκειν in PDerv. col. X,1–3. and γινώσκειν, μανθάνειν, πιστεύειν in V, 9–12. Although the author asserts *ad hoc* the semantical identity of the three words (ταὐτὸν δύναται), this passage betrays a professional knowledge of synonyms. The two different procedures are best explained by the two different tasks: in his teaching of the general rhetoric Prodicus' aim was to teach students *orthoepeia*, the correct use of names based on the subtle semantical distinctions between synonyms. In the allegorical interpretation of the divine names his aim was exactly the reverse: the emphasis on «the same meaning» was imposed by the naturalistic monism and one-element theory of matter («everything is air»). Prodicus' terminology of the semantical analysis (διαίρεσις) imitated in Plato's *Protagoras* 340a (= Prod. 50 M.) is very similar to the one we find in *PDerv*: τό τε βούλεσθαι καὶ ἐπιθυμεῖν διαιρεῖς ὡς οὐ ταὐτὸν ὄν... ταὐτὸν σοι δοκεῖ εἶναι τὸ γενέσθαι καὶ τὸ εἶναι ἢ ἄλλο;

(T16) ῾Υπερβατόν occurs in *PDerv* twice: in col. IV,10 in the authorial comments on Heraclitus' quotation, and in VIII,6 applied to the verses of Orpheus (ἔπη ὑπερβατὰ ἐόντα λανθάνει). In both cases it is a rhetorical and grammatical term for the irregular word-order, see for details section (4) below with notes 112–113. In both cases it is used to indicate the cause of the ambiguity of the next and the cause of misreadings. A third mention of *hyperbaton* is probably found in VII,3–4 καὶ εἰπεῖν οὐχ οἱόν τ[ε τὴν τῶν ὀ]νομάτων [θέ]σιν «and it is impossible to determine the position of names.»[95] By

[94] Arist.Top. 112b 22 ff. = Prodicus T47 M.
[95] θέσιν Janko, Bernabé; λύσιν KPT. Pace KPT λύσιν cannot mean here

«position» here is meant the syntactical position, i. e. πῶς κεῖται τὸ ὄνομα, i. e. whether it should be taken with what precedes or with what follows, as in the case with the word αἰδοῖον. *Hyperbaton* is an exegetical tool that Protagoras, the teacher and friend of Prodicus, used in his interpretation of the poetic texts (Plato, *Prot.* 343 ὑπερβατὸν δεῖ θεῖναι ἐν τῶι ἄισματι τὸ ἀλαθέως). This word is a *hapax* in Plato and since Plato puts it into the mouth of Protagoras, it may well be an authentic term of the sophistic hermeneutics. Plato probably looked with suspicion at this technique since it could easily be used for «sophistry»: the substitution of a «penis» for a «venerable god» in PDerv VIII,6 by admitting a *hyperbaton* is a case at point.

(T17) In the Ionian dialect of Ceos (group of the Central Ionian) Atticisms are attested in the last quarter of the fifth century B.C [96]. This perfectly agrees with the dialect of the Derveni papyrus which Tsantsanoglou describes as «an Ionic text liberally sprinkled with Atic features», Willi defines it as «a curious mixture of Attic and Ionic»[97].

(T18) We do not exclude that one of the sources of the physical allegoresis of Orphic theogony in [Clem.Rom.] *Recogn.* 6 may be *PDerv*., especially in view of the reduction of Olympian gods to different forms of air in 6.8–6.9: Zeus is θερμότατος and καθαρώτατος αἰθήρ, Hera is the sublunar ἀήρ which is not so clean, her ability to beget refers to the εὐκρασία ἀέρων, Athena is a very hot air (ἄκρως θερμόν) which is unable to generate something , hence the myth that she is a virgin; Artemis is the lowest part air which is extremely cold, hence the similar myth of virginity. The name of Dionysos refers to the exhalations upwards and downwards (a heraclitising tenet, cf. D.L. 9.9). ‘Αφροδίτην εἰς μῖξιν καὶ γένεσιν 6.9.5. Orpheus is one of τῶν πάλαι ἀνδρῶν σοφώτατοι who concealed the true knowledge of the divine from the unworthy in the form of myth: Kronos has never castrated Ouranos, Zeus has never seized royal power from Kronos, has never swallowed Metis and has never given birth to Athena from his head and Dionysos from his

‘solution’ in the sense of interpretation. As a grammatical term λύσις can only mean ‘looseness’, i. e. asyndeton, LSJ II, 4,f but this does not fit the context because asyndeton is always obvious. Demetrius, following Aristotle, explained the obscurity of Heraclitus by *lysis*: Demetr. *De eloc.*191 ὥσπερ τὰ Ἡρακλείτου· καὶ γὰρ ταῦτα σκοτεινὰ ποιεῖ τὸ πλεῖστον ἡ λύσις.

[96] See the burial law 5398.27 Collitz-Bechtel ταύταις.

[97] KPT (2006) 11–14; Similarly West (1983) 77 and note 11; Willi (2010) 114. On the dialect see also Bremmer (2014) 64.

thigh etc. (6.2.). All mythology is a result of a *misreading* of Orpheus' text.

(T19) = section (5) below.

(4) ***The text and interpretation of PDerv col. IV*** [98]

In establishing the text of col. IV and in their commentary KPT (p. 148 ff.) move in the right direction when they supply τάξιν in line 4 and understand διὰ τόνδε as διὰ τὸν νοῦν. The cosmic order results from the action of the cosmic mind (=Zeus). But almost all other supplements in col. IV are call for serious doubts since they are based on the wrong assumption that κοινὰ καὶ ἴδια «echo» epistemological terms of Heraclitus as well as on the outdated physicalist interpretation of the so called «cosmic measures» in Heraclitus. Kouremenos (KPT, p.55) explains: «If τὰ κοινά and τὰ ἴδια in the Derveni text echo Heraclitus' use of ξυνόν and ἴδιον, it can be plausibly assumed that τὰ κοινά are the truths revealed by Heraclitus' everlastingly true account … whereas τὰ ἴδια are the false beliefs held by uncomprehending people». The following objections can be raised against this assumption and interpretation. 1) The opposition of «private and common» and the collocation of words κοινός/ἴδιος in extant Greek literature of all possible genres are very common, as are other most common and non-specific oppositions like «good and bad», «big and small» etc. To postulate «echoes» of one text in another on the ground of «coincidence» of such common and non-specific words is methodologically questionable. A *TLG* proximity search for κοιν(ός) and ἴδι(ος) within 5 lines for the period from the beginning to the end of 2nd century A.D. (Pre-Patristic and Pre-Neoplatonic) yields 1077 instances. Only one of this is found in a doxographicum related with Heraclitus (Sext. Emp. 9. 133), in the overwhelming majority of cases the reference is to the «common» vs. «private» or «one's own» vs. «common» with no relation whatsoever to metaphysics or epistemology. In other words, the probability that the occurence of the opposition κοινός/ἴδιος in any text «echoes» Heraclitus' usage is less than one in a thousand. 2) Heraclitus never uses the forms pl. neutrum τὰ κοινά and τὰ ἴδια. Such substantivated neutra with article are not typical for Heraclitus' archaic and poetic prose. Even on formal linguistic grounds such language is unlikely in Heraclitus: he uses article only in rare cases and he regularly omits it when he

[98] This section supercedes the text and interpretation in Lebedev (1989_1), although the basic approach to *koina/idia* and to the general meaning of Heraclitus' fragment remain the same.

speaks about the phenomenal opposites (Lebedev 2014: 53). 3) Such terminology in Heraclitus is unlikely not only on linguistic, but also on philosophical grounds: pl. τὰ κοινά in epistemological or ontological sense is ruled out in Heraclitus' work since τὸ ξυνόν (fr. 133L/B 114) is one by definition and is opposed to «many». Ξυνὸς λόγος is the only one true logos and is opposed to many false *logoi* of poets and other philosophers. Sound mind (τὸ φρονεῖν) is also one and the same for all, it is «common to all» (ξυνὸν πᾶσι) and opposed to the plurality of imaginary worlds of dreamers and poets. Heraclitus' authentic word for «false beliefs» or subjective opinions is δοκέοντα (fr. 138L/B28, without article!), not τὰ ἴδια. Following this false assumption, KPT try to supplement verbs that would reflect Heraclitus' rejection of «private» (καταστρέφει τὶ ἴδια, σίνεται) and approval of common (μαρτυρόμενος τὰ κοινά), but this results in strange and artificial Greek. Καταστρέφει to my ears sounds modern Greek. In modern Greek this (very popular) verb can be used in a wide variety of contexts not confined to physical destruction (e.g. καταστρέφει την ομορφιά, το νόημα etc.), but in classical Greek it is used predominantly in military contexts and has a literal meaning of ruining, destroying a city, of «setting upside down». We could not find in lexica or through TLG searches a single instance of this verb in grammatical, rhetorical context, it simply does not convey the notion of «rejection», «avoiding» etc. The same *a fortiori* can be said about the verb σίνεται which is used exclusively of physical violence, looting, plundering, damaging property etc. Such verbs could not be used by a literary critic in a stylistic analysis and could not be used by a commentator as descriptions of what Heraclitus was doing either in his life or in his philosophy. Σίνεται could be appropriately used, e.g., of Herostratus setting on fire the Artemision. The only possibility to make sense of this opposition in col. IV is to admit that τὰ κοινά and τὰ ἴδια «common and peculiar names» are rhetorical terms of the Derveni commentator himself with ὀνόματα or ῥήματα implied: the «common names» are plain words of the ordinary language that are in common usage and have a transparent meaning intelligible to everybody; they are the same as «spoken and (commonly) recognized words» (λεγόμενα καὶ νομιζόμενα ῥήματα) in col. XXIII, 8. and «names used by all men» (ἃ πάντες ἄνθρωποι ὠνόμασαν) in col. XVIII, 8–9. The «Peculiar» names are poetic metaphors and divine names whose meaning escapes the understanding of *hoi polloi* and requires a sophistic art of interpretation. Common words existed in the beginning before the «peculiar» ones, peculiar words seem to be

a later invention of poets like Orpheus. This can be inferred from the col. XVIII according to which Orpheus metaphorically applied an already existing common name μοῖρα «part» both to the wind (of cosmogonical vortex, l.2) and to the intelligence (φρόνησις) of the god (l.7–9). The opposition of κοινά/ἴδια ὀνόματα in col. IV corresponds to the opposition ἄνθρωποι ὠνόμασαν/Ὀρφεὺς ὠνόμασεν in col. XVIII. The distinction between earlier «common names» and later «peculiar» names recalls the distinction between «first» and «second» names in Plato's *Cratylus* (see section 2 with note 23 above). Plato may have borrowed this distinction from Prodicus. The time when only «common» names were in use probably corresponds to the original phase of civilization discussed in Protagoras' Περὶ τῆς ἐν ἀρχῇι καταστάσεως. The worship of the anthropomorphic gods of the official Greek religion at that time could not exist since the names of the gods had not yet been invented by poets. Humans living in that time either were natural atheists or worshipped the natural phenomena, «things that really exist» (τὰ ἐόντα, τὰ πράγματα), like the stars and the elements, and first of all things that were «useful» for human life (τὰ ὠφελοῦντα τοὺς ἀνθρώπους), like the sun and the moon. The false mythological religion of poets was the result of the subsequent «disease of language», of the misreading and misunderstanding of Orpheus' poetic cosmogony by the ignorant *polloi*.

Both Orpheus and Heraclitus, according to the Derveni author, use «idiomatic» cryptic language to convey to «those who understand correctly» similar philosophical ideas (in this case on cosmic mind producing cosmic order) and at the same time to conceal these ideas from «the many». It becomes clear that in this case the subject of μεταθέμενος is also Heraclitus (and not Zeus or cosmic mind) and that the object of this verb is again ὀνόματα.

The term μεταφορά for what we call metaphor, is not attested in poetics and rhetorics before Isocrates, Anaximenes of Lampsacus and Aristotle in 4th century B.C. But words and concepts are not the same thing, so it does not follow that 5th century Sophists had no idea about metaphorical language. We have good reasons to suppose that ἴδιον ὄνομα or τὰ ἰδιάζοντα was one of the early (5th cent. B.C.) terms for metaphor[99]. The 5th century usage was still followed by Epigenes in his allegorical interpretations of «Orpheus' poetry»:

[99] This usage is semantically related with the grammatical term ἰδίωμα (peculiarities of style, idiomatic expressions, LSJ, s.v.II) and common grammatical phrase ἰδίως λέγεσθαι, ἰδίως λεγόμενα (opp. κοινῶς

Epigenes ap. Clem. Alex. Strom. V, 49 οὐχὶ καὶ Ἐπιγένης ἐν τῶι Περὶ τῆς Ὀρφέως ποιήσεως τὰ ἰδιάζοντα παρ᾽ Ὀρφεῖ ἐκτιθέμενός φησι... μῖτον δὲ τὸ σπέρμα ἀλληγορεῖσθαι καὶ δάκρυα Διὸς τὸν ὄμβρον δηλοῦν, Μοῖρας τε αὖ τὰ μέρη τῆς σελήνης, τριακάδα καὶ πεντεκαιδεκάτην καὶ νουμηνίαν, διὸ καὶ λευκοστόλους αὐτὰς καλεῖν τὸν Ορφέα φωτὸς οὔσα μέρη κτλ. Τὰ ἰδιάζοντα «peculiar expressions» as a term for poetic metaphors is not a part of Clement's own lexicon, it occurs only once in a quotation from Epigenes and therefore most probably belongs to Epigenes. The Derveni author also conveys the concept of metaphorical language by the participles of the verb εἰκάζω: Orpheus assimilated time to the snow (XII, 11), the sun to the phallos (αἰδοίωι εἰκάσας ἥλιον, XIII, 9) and Zeus to a king (βασιλεῖ ...εἰκάζει XIX, 8). A common name becomes metaphorical («peculiar») be re-attaching it (προσφέρειν) to a different object. The term προσ-φέρειν will be in the 4th century changed to μετα-φέρειν.

Scholars who attempted to restore the text of the Heraclitus quotation have often been misguided by the long ago antiquated physicalist approach to Heraclitus's philosophy in the tradition of Kirk-Marcovich that derives from Burnet (1892) and Karl Reinhardt (1916). Scholars of this trend dogmatically denied the authenticity of the world-conflagration (*ekpyrosis*) in Heraclitus regarding it as a Stoic distortion of the alleged theory of «cosmic measures» which, as we are told, emphasised stability rather than change: the dynamic cosmic cycle of Heraclitus' unanimously recognised by all ancient readers of his book, has been replaced by a trivial «meteorological» regular changes (like day and night) in a stable eternal cosmos. Since the cyclical cosmogony is firmly linked with the notions of Time and Fate, they rejected the Universal Flux as Plato's invention (another imaginary «projection») and interpreted the image of the cosmogonical god of Time (Aion) as a trivial saying on human fortune. The authentic *verbatim* fragment of Heraclitus on Fate has been wrongly relegated to *Spuria* already by Diels.[100] The days

λέγεσθαι), but should be distinguished from ἴδια ὀνόματα «specific, i..e. appropriate» words in Plato (R. 580e) and Aristotle (Rhet.1407a31), as well as from the logical term τὸ ἴδιον for specific or essential feature in Aristotle and the Stoics, on which see Reesor (1983). Exact parallel to PDerv usage is found in Antiphanes com., fr. 209 Πολύ γ᾽ἐστὶ πάντων τῶν ποιητῶν διάφορος / ὁ Φιλόξενος. πρώτιστα μὲν γὰρ ὀνόμασιν / ἰδίοισι καὶ καινοῖσι χρῆται πανταχοῦ.

[100] 22 B 137 DK = fr. 53 Lebedev. We defend its authenticity in the commentary to our edition, pp. 362–364 and restore the text as follows:

when such approach to Heraclitus was dominant have passed. Charles Kahn was right when he remarked that «Stoics are the true Heracliteans of antiquity» and when in his criticism of Burnet he emphasised that if there was any theory of cosmic «measures» in Heraclitus, it was a theory of «measure or equality preserved over time» in a diachronically structured pattern.[101] We have on many occasions criticised and refuted the physicalist interpretation of Heraclitus. Both the theory of the universal change and of periodic *ekpyrosis*, as well as the idea of Fate and dynamic cosmogony rather than static cosmology are genuine doctrines of Heraclitus attested both by his *ipsissima verba* and by impressive consensus of independent ancient readers (first of all by Aristotle and the Stoics) (see Lebedev 1985; 2014; 2017). The precise analysis of Heraclitus' metaphorical language leaves no doubt that in fr. 42L/B 90 he speaks of the dynamic process of the alternation and interchange (ἀνταμείβεται, and not a static ἀνταμοιβή is the reading of all manucripts of Plutarch) of «all things» and «fire». Burnet's interpretation of the «cosmic measures» in Heraclitus as a kind of quanta of matter or stable «aggregate bulk of every form of matter» (Burnet 1920 : 150) was based on a shaky foundation from the start; the text of *PDerv.* col. IV provides an additional refutation of this 19th century invention typical for the epoch of hypercriticism and "suspicious scholarship" (Parker).

Formal papyrological considerations and restrictions imposed by them are no doubt very important in our case as in any other restoration of a papyrus text. However, although necessary, they are not sufficient. Any attempt of the restoration of the original text of Heraclitus quotation in col. IV that ignores the general purpose of Heraclitus' book and pays no attention to the original context of the Sun fragment is doomed to failure. All supplements and interpretations proposed hitherto that focus on the size of the sun and understand the «limits» with reference to the size of solar disk are

---

ἔστι γὰρ εἱμαρμένα <πάντα> πάντως 'all things (or events) are in all ways determined by fate'. Stobaeus is an excellent and trustworthy source; γράφει indicates a *verbatim* quotation. Diels dismissed it with a surprising dogmatic verdict: «Zitate Heraklits gibt es in Placita nicht». The Derveni papyrus has demonstrated how wishful and wrong was Diels: the *doxa* on the size of the sun is a *verbatim* quotation with a transposition of only one word. Εἱμαρμένα is found already in Theognis 1033 and need not be a «projection» of Stoic εἱμαρμένη.

[101] Kahn 1981: 5; and the important «Excursus I: On the traditional interpretations of the cosmic cycle» in Kahn 1981: 147–153.

misguided by Burnet-Kirk-Marcovich physicalist approach to Heraclitus. Heraclitus was not a scientist, nay he attacked the Milesian mechanistic vortex cosmogony as absurdity refuted by the beautiful harmony of the cosmos (fr. 38L/B 124). The cosmic order and harmony point to the existence of a providential cosmic Mind (Gnome) that «steers» the whole Universe (fr. 140L/B 41). Of the three logoi (chapters) of his book (Περὶ τοῦ παντὸς, Λόγος πολιτικός and Λόγος περὶ θεῶν) only in the second half of the First logos cosmos and natural phenomena were discussed: this amounts to about 1/6 or so of the total text. But even this «cosmological» section had little in common with the contents of a standard Ionian *Peri physeos*. There is not a single authentic (quoted *verbatim* in Ionian dialect) fragment of Heraclitus that contains an etiological explanation of natural phenomena typical for the Ionian *physikoi*. Theophrastus could not find in Heraclitus work a consistent physical theory and attributed the contradictions to his *melancholia*. Instead of a unified scientific physical theory (like that of Anaximenes or Anaxagoras) we find in the extant fragments a plurality of poetical metaphorical models of the cosmos[102]: cosmos as *liber naturae* (λόγος ὅδε), cosmos as *templum naturae* (from which the sacral metaphor of πῦρ ἀείζωιον derives), cosmos as a stadion with comic race (ἐναντιοδρομία) of opposite forces, cosmos as a battlefield in which the 4 world masses (Pyr, Prester = Wind/Air, Sea and Earth) are engaged (fr. 44–45L/B 31), winning an losing in turn at the predestinated by fate «measured» periods of time, cosmic cycle as a *pesseia* game conducted by the divine child *Aion* (fr. 33L/B 52) etc. Most of these metaphorical models present a diachronically, and not spatially (geometrically) structured pattern of the «road up and down» (ὁδὸς ἄνω κάτω) by which all things travel. All cosmic phenomena, including the elements and stars, incessantly move from a minimum to a maximum («way up») and backwards («way down») in a kind of a sway of pendulum. It is from this section of Heraclitus' book, from a series of empirical «proofs» (*tekmeria*) of the universal «divine law» of regular «reversals» (*tropai, amoibai*) of opposite forces that the Derveni fragment of Heraclitus about the sun derives. Fr. 55L/B120 which in our edition immediately precedes the Derveni quotation from Heraclitus (fr. 56L), speaks about the «turning posts» (τέρματα) of the Morning and Evening and identifies one of this points with οὖρος αἰθρίου Διός, «the limit of (the period) of clear Zeus (= Sky)», i. e. with the autumnal

[102] I argue for this *in extenso* in Lebedev 2014: 59–90.

equinox» (Lebedev 1985; 2014: 368–373). And the Oxyrrhynchus fragment on the moon (60L) that follows soon after the Derveni fragment speaks about the number of days (fourteen), i. e. again about the time, not about size. The Hippocratic author of *De diaeta I* summarizes Heraclitus' theory of the cosmic change with more precision and accuracy than Plato in his «universal flux» passages in *Theaetetus* and *Cratylus*[103]. It is to these temporal limits and «turning points» of the «way up and down» (increase and diminution), and not to the size of stars and material masses that Heraclitus applies in extant authentic fragments the term ὅροι synonymous with τέρματα 'turning posts', τροπαί ('turns' like those of a wheel), ἀμοιβαὶ ἀναγκαῖαι 'fated changes' and 'turning back' (παλίντροπος). Therefore in the quotation in col. IV ὅρους refers to the 'fixed terms' of the year-cycle, i. e. to the Summer and Winter Solstices (τροπαὶ ἡλίου) that the sun will «never exceed». The mention of the «fixed month» (μηνὶ τακτῶι) in IV,13 makes this interpretation certain (see our commentary on this line below). The regular change (increase and diminution) of all cosmic phenomena is not due to chance, the temporal «limits» are set by a divine Supervisor and Umpire (ἐπιστάτης καὶ σκοπὸς βραβεύειν, fr.57/B100, on the text see Lebedev 1985), the supreme ruler of the Universe represented in the current cosmological phase by the Sun, the remnant of the original *pyr aeizoon*. In Heraclitus' mythopoetical Universe the sun is not a «celestial body» like an «ignited lump» of iron in Anaxagoras, it is a living god imbued with a mind and probably identified with Apollo (fr. *Probabilia* 12–13 Leb.). «Being the size of a human foot» is a rhetorical phrase that emphasises the modesty of an ideal monarch: the sun is «tiny» in size when compared with the huge cosmic masses of the Air (*Prester*), the Sea and the Earth, and yet he rules over all of them because he is the mind of the Universe. The supreme cosmic *god* is the size of *man's* foot: this is a political and theological rhetoric, and not a physical science[104]. The

[103] However, *contra* Reinhardt, Kirk, Marcovich and their modern followers, the theory of the universal change was a genuine doctrine of Heraclitus. It was not invented by Plato since it is attested in earlier independent sources, such as *De diaeta* I and in ancient Sophists. Why would Plato ascribe to Heraclitus, Protagoras and poets a theory which he invented himself? The Derveni papyrus has proved that ancient Sophists indeed studied and quoted Heraclitus. There can be no doubt that Protagoras did so before his disciple Prodicus.

[104] The doxographers, hunting for rare *doxai*, wishfully torn out the phrase about the sun from the theological-political context and placed it in the chapter Περὶ μεγέθους ἡλίου (Placit.II,21,4). See further our commentary

rule of «one the best» (εἷς ἄριστος) over many *kakoi* is «according to nature» (κατὰ φύσιν). He is the παράδειγμα of the best ruler, because he strictly obeys the θεῖος νόμος of fr. 131/B 114. According to Diodotus, Heraclitus' book was not περὶ φύσεως, but περὶ πολιτείας, τὰ δὲ περὶ φύσεως ἐν παραδείγματος εἴδει κεῖσθαι (D.L.9.15). Heraclitus points to the «paradigmatic» form of government in the polis of Zeus (monarchy of the Sun) in order to demonstrate that the popular rule (the rule of «many») is unnatural. And the law-abiding monarch is at the same time counterposed to the tyrant[105]. The clause on Erinyes in Heraclitus' fragment is a rhetorical circumlocution (imitating the style of Loxias' oracles) for «because the Sun is bound by the unbreakable horkos» where «horkos» is an archaic metaphor for the law of the cosmos *aka* the «divine law» of the Universe in fr. 131L/B 114. The peculiar function of Erinyes was to punish those who commit perjury (ἐπιόρκους). Therefore oaths may have been «sealed» by a conditional curse: «if I break the oath, let the Erinyes, ministers of Justice, find me out and seize me!». Cf. the «decree of Ananke sealed by wide oaths (ὅρκοις)», i. e. the divine law of transmigration in Empedocles B 115. As in Heraclitus, cosmic «oaths» determine the fixed periods of time. Additional confirmation of this interpretation seems to be provided by the §9 of Janko's text where ὅρκοι μεγάλοι are associated with θεῶν ὑπηρέται δ[ίκης]. The words ἐπίκουροι 'ministers' and ὑπηρέται 'servants' are synonymous.

Having in mind these considerations we propose the following reconstruction of the text of col. IV:

Papyrus Derveni, col. IV, 5–10. 12–13:

[.}ου ε.[θ]εῶν[
ὁ κείμ[ενα] μεταθ[έμενος]..ουναι
μᾶλλ[ον τ]είνεται [πρὸς τὸν νοῦν ...]·τὰ τῆς τύχης γὰ[ρ] 3
οὐκ εἴ[η λα]μβάνειν. ἆρ᾽οὐ τέ[τακται διὰ τό]νδε κόσμος; 4
κατὰ [Ὀρφέ]α Ἡράκλ[ε]ιτος με[ταθέμενος] 5
τὰ κοινὰ κατ[αγρά]φει τὰ ἴδ[ι]α·ὅσπερ ἴκελα [ἱερο]λόγωι λέγων·[νόος 6
ἥλιος [κόσ]μου κατὰ φύσιν, ἀνθρωπ[η]ΐου εὖρος ποδὸς [ἐὼν, 7
τὸ μ[έτριο]ν οὐχ ὑπερβάλλων· εἰ γά[ρ τι οὔ]ρους ἐ[οίκοτας] 8
ὑ]π[ερβαλε]ῖ, Ἐρινύες νιν ἐξευρήσουσι, Δίκης ἐπίκουροι. 9
[οὕτω δὲ ἔφη ἵνα ὑπερ]βατὸμ ποῆι κ[αὶ ἀσαφῆ τὸν λόγον]. 10

on line 8 below.

[105] Heraclitus attacks the popular rule in fr. 130L/B 104 and the hybris of the tyrany in 135L/B 43. Praise for the monarchy and the rule of the one: fr. 128L/B 49 and 132L/B 33 et passim.

.....
]α δίκης[12
] μηνὶ τακ[τῶι e.g. τροπὰς ποιεῖ ὁ ἥλιος 13

3 τ]είνεται [πρὸς τὸν νοῦν supplevi 5 [Ὀρφέ]α et με[ταθέμενος] supplevi ||
6 καταγράφει Jourdan : [ἱερο]λόγωι Sider νόος supplevi || 7 [κόσ]μου et [ἐὼν Lebedev 1989 : 39 || 8 οὔρου]ς et ἐ[οικότα]ς Tsantsanoglou || 9 ὑ]π[ερβαλε]ῖ Tsantsanoglou || 10 [οὕτω δὲ ἔφη ἵνα et κ[αὶ ἀσαφῆ τὸν λόγον] Lebedev ||
13 τροπὰς ποιεῖ temptavi [names?] of gods...

'... he [scil. Orpheus] changes the established names ...
[the name of Zeus] rather alludes to the mind since
it would be impossible to understand [the origin of cosmos] as something due to chance. Isn't the cosmos set in order by the mind? In accord with Orpheus Heraclitus [also] changes the common names and uses in his writings peculiar expressions. Speaking similarly to the author of *hieros logos*, he says: «the Sun is the mind of the cosmos by nature, being one man's foot in width and not exceeding the set limits. For if he does exceed the appropriate limits, Erinyes, the ministers of Justice will find him out.» He said so in order to make his speech obscure and based on inverse word-order (hyperbaton)…justice… the sun makes reversals (= solstices) in a fixed month'.

l.2 ὁ κείμ[ενα] μεταθ[έμενος The subject of μεταθέμενος (or any other verb with similar semantics) is Heraclitus, not a mysterious «one of the gods» (*pace* KPT, 129) or Nous (in the commentary). Κείμενα (something already «set» and «established») cannot refer to the primordial mixture of chaotic matter, and μεταθέμενος vel sim. is unparalleled as a cosmogonical operation of god/mind. Both words are grammatical terms: κείμενα refers to ὀνόματα, whether mentioned in the preceding context or implied; μετατίθεσθαι ὄνομα is a well-attested phrase: τοὔνομα Arist. fr. 519; ὀνόματα, to change the use of words in Epicur., Usener, Gigante, Schmid 1977: 435; ἐπωνυμίας Herod. 5,68; τῆι μισθαρνίαι ταῦτα μετατιθέμενος ὀνόματα (scil. φιλία καὶ φιλοξενία), transferring the names «friendship and hospitality» to the wage-earning, Demosth. 18,284. In the Demosthenes passage the phrase refers to the use of words *not in their proper, commonly accepted sense*.

Of special interest for us is the use of μετατιθέναι ὄνομα in Plato's *Cratylus* in close proximity with the mention of Prodicus' 50-drachmas lecture on the «correctness of names» (384b). In 384d

Hermogenes, who advocates the conventional character of all names and denies that there is «any other correctness» except «convention and agreement» (συνθήκη καὶ ὁμολογία) contends that if someone sets a name for a thing (ἂν θῆται ὄνομα) , it will be correct, and if he re-sets (μεταθῆται) another name, it will be equally correct, as is the case when we rename (μετατιθέμεθα) our servants.

l.3 μᾶλλ[ον τ]είνεται [πρὸς τὸν νοῦν ...]·τὰ τῆς τύχης γὰ[ρ]

LSJ s.v. τείνω A, I, 4 ‘aim at, direct upon a point’, explained as a metaphor from toxotic art: originally ‘to stretch, i. e. to point a bow at someone’. λόγον εἴς τινα Plato, *Phaedr.* 63a. Also used in commentaries and scholia (not in LSJ): Eustath. Comm. in Il. v.4, 955, 22 τὸ δὲ «οὐδ αὐτὸν» ὡς πρὸς τὸν Ἕκτορα τείνεται. Aristoph. Plut. v. 379 στόμ’ ἐπιβύσας: φράξας… τείνεται δὲ πρὸς τοὺς ῥήτορας.

l.4 οὐκ εἴ[η λα]μβάνειν. ἆρ᾽οὐ τέ[τακται διὰ τό]νδε κόσμος;

We agree with KPT, 153 that εἴη is an impersonal optative potential without ἄν as in col. XXV, 8, but the verb has nothing to do with the cosmogonical processes. Like κείμενα μεταθέμενος, τείνεται it is a grammatical term, it means ‘to take in certain sense’, ‘to interpret’ (LSJ s.v. λαμβάνω, I,9, b-c, cf. ἐκλαμβάνω, V).

The perfective verb τέτακται (with allusion to cosmogony) goes better with διὰ τόνδε than the present tense τάξιν ἔχει.

Demosth. *Philipp.* 1,36 πάντα νόμωι τέτακται. A striking parallel from Aristotle’s *Metaphysics* Λ chapter 10 in a heraclitising context: in the Universe (ἡ τοῦ ὅλου φύσις) the good (τὸ ἀγαθόν) exists both as something separate (like a general of the army) and as something immanent (the order, τάξις in the army): 1075a 16 πάντα δὲ συντέτακταί πως ... πρὸς μὲν γὰρ ἓν ἅπαντα συντέτακται, ἀλλ᾽ὥσπερ ἐν οἰκίαι τοῖς ἐλευθέροις ἥκιστα ἔξεστιν ὅ τι ἔτυχε ποιεῖν, ἀλλὰ πάντα ἢ τὰ πλεῖστα τέτακται κτλ. It is emphasised that the order in the army exists because of the general, but not *vice versa*: a15 οὐ γὰρ οὗτος διὰ τὴν τάξιν, ἀλλ᾽ ἐκείνη **διὰ τοῦτόν** ἐστιν, this imposed order, as in col. IV under discussion, does not allow to act by chance (ἔτυχε). The analogy between *strategos*/army on the iconic level and god/Universe on the referential level looks Heraclitean: in Heraclitus Polemos (= Zeus) is the supreme commander in the cosmic war of elements, and god is conceived as νοῦς (= Γνώμη in the Ionian dialect of Heraclitus).

l.5 κατὰ [Ὀρφέ]α Ἡράκλ[ε]ιτος με[ταθέμενος]

l. 6–7 τὰ κοινὰ κατ[αγρά]φει τὰ ἴδ[ι]α· ὅσπερ ἴκελα [ἱερο]λόγωι λέγων· [νόος?

ἥλιος [κόσ]μου κατὰ φύσιν, ἀνθρωπ[η]ΐου εὖρος ποδὸς [ἐὼν,

The reading [ἀστρο]λόγωι proposed in KPT is unlikely. Ἀστρολόγος in early usage could only mean ‘astronomer’, but astronomers do not speak about Erinyes, mythical language is appropriate for a *hierologos*. According to the Derveni author, Heraclitus, like Orpheus, uses mythical names to describe cosmic processes and cosmic order, not in the sense intended by *hoi polloi*: in Heraclitus Erinyes are not terrible mythical creatures, but physical forces that sustain the cosmic order. These are «peculiar» words (ἴδια ὀνόματα) the meaning of which is accessible only to ‘those who understand correctly’ οἱ ὀρθῶς γινώσκοντες.

What we expect at the end of line 6 is either a verb meaning ‘to rule’, ‘set in order’ on which the genitive κόσμου depends (e.g. ἄρχει κόσμου) or a noun meaning something like ‘mind’ (νόος or φρήν) or ‘ruler’ (e.g. ἄναξ, if ἀρχός and βασιλεύς are too long). If these supplements are too long, we should postulate a lacuna between line 6 and 7, since ἥλιος cannot stand on its own without a verb or a nominal predicate. A nominal clause Νόος ἥλιος κόσμου with *asyndeton* and *hyperbaton* instead of the ordinary ἥλιός ἐστιν νόος τοῦ κόσμου is both possible and quite likely in Heraclitus: the omission of articles and nominal clauses with *asyndeton* are well attested in the *verbatim* fragments of Heraclitus: ὁ θεὸς ἡμέρη εὐφρόνη (fr. 43L/B67), ἠοῦς καὶ ἑσπέρας τέρματα ἡ Ἄρκτος (fr. 55L/B120), ἄνθρωπος εὐφρόνη φάος (fr. 75L/B26), νέκυες κοπρίων ἐλβλητότεροι (fr. 143L/B96), αὔη ψυχὴ σοφωτάτη (fr. 73L/B118).

Cleanthes’ identification of the Sun with the «heart of the cosmos», the seat of the cosmic mind and the «ruling principle» (τὸ ἡγεμονικόν) of the cosmos[106], has ancient roots and can be traced back to Heraclitus. It is attested both in a *verbatim* quotation from Heraclitus and by a remarkable convergence of several independent *testimonia* in the Heraclitean tradition. In Heraclitus fr. 57L/B 100 the sun is ἐπιστάτης καὶ σκοπός who supervises the cosmic agon of the seasons (Homeric σκοπός is Heraclitus’ authentic word, ἐπιστάτης seems to be Plutarch’s gloss of it)[107]. *De diaeta* I,10 ἐν τούτωι (= ἡλίωι) ψυχή, νόος, φρόνησις κτλ. ; Ps.-Heraclit. Epist. V, 323.8 Taran οἶδα κόσμου φύσιν... μιμήσομαι θεόν, ὃς κόσμου ἀμετρίας ἐπανισοῖ ἡλίωι ἐπιτάττων. Macrob. In somn. Scip. I,20,3 («sol dux, princeps et moderator reliquorum») hunc ducem et principem quem Heraclitus fontem caelestis lucis apellat. Plat. *Crat*. 413 b4–5 = Heraclit. 81 (b) Marc. (etymology of δίκαιον) τὸν

[106] See the list of instances in SVF, IV, 67 s.v. ἥλιος = ἡγεμονικόν.
[107] On the text of fr. 57L/B 100 see Lebedev 1985; 2014: 374–375.

ἥλιον... ἐπιτροπεύειν τὰ ὄντα. Scythinus of Teos ap. Plut.Mor.402A = Heraclit. Probab. fr. 13 Leb.

l.8–9 **τὸ μ[έτριο]ν οὐχ ὑπερβάλλων** cf. οὐχ ὑπερβήσεται μέτρα in Plutarch's quotation De exil.604A, for the phrase ὑπ.τ.μ. Democrit. B 233 εἴ τις ὑπερβάλλοι τὸ μέτριον, [Plat.] *Def.* 415e1 ἕξις... ὑπερβάλλουσα τὸ μέτριον, Dion.Hal. *Ant.Rom.*6.63.3 ὑπερβαλλούσαις τὸ μέτριον εὐτυχίαις. The reading μέγεθος (KPT) should be ruled out for several reasons. 1) It is an Attic and koine form, Herodotus has only μέγαθος. 2) It is pleonastic and duplicates εὖρος. 3) It is imposed by the mistaken «quantitative» interpretation of «cosmic measures» in Heraclitus. 4) In restoring the original text of Heraclitus' fragments we adhere to the general rule that a *vebatim* quotation in Ionian dialect should not be «emended» on the basis of a doxographical paraphrase. But τὸ μέγεθος is not even a part of paraphrase. Περὶ μεγέθους ἡλίου in Ps.Plutarch's *Placita* is a heading of a chapter in a handbook of physics of imperial times (on the origin of the doxographical tradition of «Placita philosophorum» see Lebedev 2016).

Heraclitus was an ethico-religious and political thinker, not a physical scientist like Anaxagoras or Democritus. The «size» of the heavenly bodies was the last thing in which he was interested; for him, as later for Socrates, it was a worthless πολυμάθεια. In his politico-theological «cosmology» he was primarily interested in the regularity of the cosmic cycles of alternating opposites (day – night, summer – winter, *koros* and *chresmosyne* of the *Megas eniautos*), which is directly llinked with his theory of the natural law («cosmic justice»). Τὸ μέτριον in ethico-political discourse is often associated with τὸ μέσον and τὸ δίκαιον: so Plato in *Politicus* and *Leges*, Aristotle in *EN*, already Democritus anticipates Aristotle by equating the best disposition of the soul (εὐθυμίη) with a μέσον between ὑπερβολή and ἔλλειψις (B 191). The sun-god in the polis of Zeus sustains the perfect balance of opposite forces in the cosmos by alternating the periods of heat (summer) and cold (winter), cf. Alcmaeon's concept of *isonomia*[108].

The verbs ὑπερβάλλω (in the papyrus) and ὑπερβαίνω (in two Plutarch's quotations from memory) are roughly synonymous, but the former is more often used in the sense of «exceeding» a term (like the dates of τροπαί) or a period of time, cf. LSJ A II, 2. In a context very similar with Heraclitus' Oxyrrhynchus fragment about

[108] In Lebedev 2017_3 we have argued that Heraclitus may have used the term ἰσονομία in his cosmological historiosophy.

the phases of the moon (ἐν ἡμέραις τεσσαρακαίδεκα)[109], the Hippocratic author of *De hebdomadibus*, 26 writes: ἢν δὲ ὑπερβάλῃι τὴν τεσσαρασκαιδεκάτην (scil. ἡ σελήνη) κτλ.

The reading ἐοίκοτας οὔρους is strongly supported by προσήκοντας ὅρους Plut. De Is.370D since the two words are synonymous: Gorg.fr. 11a, line 178 εἰκότα... προσήκοντα; Plat. R. 362c5 προσήκειν ἐκ τῶν εἰκότων; Dem.De cor.69 εἰκότως καὶ προσηκόντως.

l.10 [οὕτω δὲ ἔφη ἵνα ὑπερ]βατὸμ ποῆι κ[αὶ ἀσαφῆ τὸν λόγον].

When reconstructing and interpreting a defective text one should carefully study the usage of the given author and take it into account, as well as always respect Greek grammar and morphology. Those who mistranslate ὑπερβατόν in line 10 as «transgression»[110] violate both of these principles at once: they neglect the evidence on author's usage provided by col. VIII, 6 ταῦτα τὰ ἔπη ὑπερβατὰ ἐόντα λανθάνει..., and they show total disrespect to elementary Greek morphology by translating ὑπερβατόν as a *nomen actionis*. By all standards of the Greek morphology a *nomen actionis* from ὑπερβαίνω will be ὑπέρβασις or ὑπερβασία, but not ὑπερβατόν! [111] Both in col. VIII and in col. IV ὑπερβατόν has nothing to do with the physical processes and «cosmic measures», but is a grammatical and rhetorical term for the transposition of words.[112] An attention to

[109] POxy. 3710, col. ii, 43–47 = Heraclit, fr. 60 Lebedev.
[110] Laks, Most 1997: 11; Betegh 2004: 11; Janko 2001: 19 («surpassing»).
[111] The original source of this mistranslation seems to be Mouraviev 1985: 131. We pointed to this already in Lebedev 1989$_1$: 39, note 1. For dozens and dozens of similar wild and incomprehensible mistakes in his «edition» of Heraclitus see our review in VDI 2013, № 4, 174–186 with English translation available at https://www.academia.edu/7797997/Review of Mouraviev's_edition_of_Heraclitus._English_version. Mr. Mouraviev is an advocate of «alternative philology» according to which we should search for the meaning of Heraclitus' text not in his words and philosophical ideas, but in some «hidden patterns», i. e. symmetrical configurations of separate letters and alleged cryptic anagrams. After grasping these «hidden patterns» we are advised to discern also a second set of faces in the clouds, namely to arrange the texts of the fragments in the form of alleged *carmina figurata* since according to Mr. Mouraviev Heraclitus wrote syllabo-tonic poetry like Byron and Poushkin. There is no wonder that Mr. Mouraviev who ignores elementary Greek grammar (e.g. he prints in his edition πάντα ῥέουσι!) mistook ὑπερβατόν for ὑπερβασία. But it is disturbing when serious scholars and professional Hellenists repeat this mistake of an incompetent amateur: it shows how contagious pseudo-science can be.
[112] Betegh 2004. On *hyperbaton* see Kühner, Gerth 1982, II/2: 600, § 607; Devine, Stephens 2000.

hyperbaton was a characteristic feature in Protagoras' interpretation of poetry (Plat.*Prot.*343e), and Protagoras was regarded as a teacher of Prodicus. The mention of the figure *hyperbaton* in a commentary on Heraclitus' style is to be expected since Heraclitus from early times on was known as «Obscure» (ὁ Σκοτεινός); the lack of clarity in his prose (τὸ ἀσαφές) was commonly attributed by ancient critics to the use of words in a non-proper sense (lexical means), and *asyndeton* (or lysis), *hyperbaton* and ambiguity (*amphibolia*) in the syntax and word order. The authentic fragments of Heraclitus contain at least 9 instances of the syntactical ambiguity (*amphibolia*) noticed already by Aristotle (Lebedev 2014: 48–49). *Hyperbaton* and the syntactical ambiguity are related phenomena: whereas Demetrius attributes the obscurity of Heraclitus to *lysis* (*asyndeton*), Theon Alexandrinus explains it by the heavy abuse of syntactical ambiguity (*amphibolia*) resulting from the difficulty of division of text (*diairesis,* the same as *diastixis* in Aristotle's passage). The discussion of *hyperbaton* and the ambiguity of αἰδοῖον in *PDerv*. col. VIII + XIII that can be construed either with the preceding ἔλαβεν or with the subsequent κατέπινεν looks similar to Aristotle's discussion of the ambiguous position of ἀεί in Heraclitus fr. 2L/B 1. In Heraclitus' fragment about the Sun in *PDerv* col. IV there is a clear instance of at least one *hyperbaton* in line 7: ἀνθρωπ[η]ΐου εὖρος ποδὸς with emphatic position of adjective in the first place; [113] the «natural» word order is restored in the quotation of these three words in *Placita* II,21,4 εὖρος ποδὸς ἀνθρωπείου[114].

l. 12–13 μηνὶ τα[κτῶι] is an excellent and virtually certain supplement of KPT. The «fixed month» is a month of the solstice, June for the Summer solstice and December for the Winter solstice. Solstices (τροπαὶ ἡλίου) were of greatest importance in Heraclitus theory of the cosmic justice, and δίκη is mentioned in line 12. If ὑπερβατόν is a rhetorical term of the commentator, lines 11–13 are not by Heraclitus, but a part of the commentary. In any case something like τροπὰς ποιεῖ (or ποιεῖται) after μηνὶ τα[κτῶι] seems very likely: a TLG proximity search for this phrase yields 60 instances (τρ. ποιεῖ or ποιεῖται) in astronomical texts, it was a fixed

[113] Hyperbaton type Y1 according to Devine, Stephens 2000: 31, 33 ff.; Denniston 1952: 47 «emphatic word placed early in violation of natural word order».

[114] (Stob. I,25). Heracl. fr. 56 L (b) = B 3 DK. We do not quote «Aëtius», one of the many distortions of pagan names in Theodoretus. For a detailed criticism of Diels' mistaken attribution and of the Neo-Dielsian doxographical theory of Mansfeld and Runia see Lebedev 2016.

phrase that was used with a *dativus temporis* specifying the month of the solstice. The phrase occurs in the doxography of Anaximander (A 27), Anaximenes (A 15), Anaxagoras (A 42); it is hard to imagine something very different from this in the original Preplatonic texts. Nevertheless it looks as an explanation in plain «common words» of Heraclitus' mythopoetic «peculiar» expressions.

Janko's ἀμήνιτα (accepted by Cotwick) is unfortunate: it is an archaic and poetic word (Archilochus, thrice in Aeschylus) derived from the Homeric μῆνις, unknown in prose (with a single exception Herod. 9.94) for more than 500 years until it resurges in Plutarch (10 instances), the lover of the antiquarian lore. The probability of its occurrence in the 5th century sophistic prose is close to zero. And besides, ἀμήνιτος is a feature of character (ἀοργησία in classical philosophical prose) possessed by the god and the wise. A sing.n. form τὸ ἀμήνιτον is conceivable and is attested (once in Plutarch), but the pl.n. *ἀμήνιτα is hard to imagine and unattested, just as τὸ ἀόργητον (= ἀοργησία) is conceivable and attested, whereas the plural ἀόργητα is not found. Therefore Janko's reading should be ruled out with certainty, there is no alternative to μηνὶ τακτῶι of the KPT text.

(5) A neglected reflex of Prodicus' benefaction theory and PDerv col. IV & XXIV in Xenophon's Memorabilia.

The fourth chapter of the book 4 of *Memorabilia* recounts the conversation of Socrates with Euthydemus on the divine providence and various benefactions to humanity that Xenophon happened to attend (παρεγενόμην). The purpose of Xenophon in this chapter is to prove that, far from being an *asebes* and disrespectful of τὰ νομιζόμενα τῆς πόλεως, Socrates made all those with whom he conversed more «sound-minded» (σωφρονέστεροι) in their attitude to the religious worship and more «pious» (εὐσεβέστεροι); Socrates used to remind them that when someone asked Apollo in Delphi how one can please the gods, the oracle replied: by observing the custom of the polis (νόμωι πόλεως). All necessary and «useful» things (πάντα τὰ χρήσιμα) for the human life have been provided by the πρόνοια, ἐπιμέλεια and φιλανθρωπία of the gods. The first example of τὰ χρήσιμα are the day-light for work and night-darkness for rest. The sun is both the source of light and a natural clock that makes clear for us the hours of the day (τὰς τε ὥρας τῆς ἡμέρας ἡμῖν καὶ τἆλλα πάντα σαφηνίζει). To provide some lighting at nighttime the gods created also the stars of the night that «show us the hours of the

night» (ἃ ἡμῖν τῆς νυκτὸς τὰς ὥρας ἐμφανίζει). The moon makes clear (σαφηνίζει) to us not only the «parts», i. e. hours of night, but also the parts of the month (φανερὰ ἡμῖν ποιεῖ 4.4.4). This can be compared with *PDerv* XXIV, 7–11 σελήνην... φαίνειν ...τὴν ὥραν. Exactly as in this column of *PDerv* the time-reckoning revealed by the moon serves the needs of agriculture and the production of food «from earth»: the gods provided «appropriate hours», ὥρας ἁρμοζούζας, i. e. the seasons, for the agricultural ἔργα of men (4.4.5), and by adjusting the ὧραι to the agricultural year cycle they provided a water supply (rains) necessary for the cultivation of plants (4.4.6). The greatest gift of the gods is fire which helps humans against cold and darkness, and «helps in work towards any skill and everything that humans contrive for the sake of utility» (συνεργὸν πρὸς πᾶσαν τέχνην καὶ πάντα ὅσα ὠφελείας ἄνθρωποι κατασκευάζουσι); «without fire men cannot contrive anything worth of mention out of things that are useful for the human life», οὐδὲν ἀξιόλογον ἄνευ πυρὸς ἄνθρωποι τῶν πρὸς τὸν βίον χρησίμων κατασκευάζουσι (4.4.7). This looks like a *verbatim* quotation from Prodicus. The following section (4.4.8) provides a remarkable parallel to *PDerv.* col. IV: it refers to to the winter and summer solstices (τροπαί) that save us both from being frozen and being burnt to death: «Think again how the sun, when past the winter solstice (ἐπειδὰν ἐν χεμῶνι τράπηται), approaches, ripening some things and withering others, whose time is over; and having accomplished this, approaches no nearer, but turns away, careful not to harm us by excess of heat (φυλαττόμενον μή τι ἡμᾶς μᾶλλον τοῦ δέοντος θερμαίνων βλάψηι); and when once again in his retreat he reaches the point where it is clear to ourselves, that if he goes further away, we shall be frozen with the cold, back he turns once more (πάλιν αὖ τρέπεσθαι) and draws near and revolves in that region on the heavens where he can best serve us» (tr. E.C.Marchant).

Xenophon was an admirer of both Socrates and Prodicus. He quotes in Memorabilia book 2 his version of Prodicus' Heracles story[115]. The connection of *Mem.* 4.4 with Prodicus' *Horai* and the benefaction theory is palpable. Timon calls Prodicus λαβάργυρος

[115] *Mem*.2.21–34 = Prodic. 83 M. Speculations about «Stoic interpolations» in Xenohon are persuasively refuted by Parker (1992) with an important list of 5th century parallels (pp. 87–88). Parker leaves undecided the question about the original source of the «transformation in thought» (p. 94), i. e. the invention of the argument from design. For us this is not a «mystery» anymore: Heraclitus is certainly one the main sources with Pythagoras and Pythagoreans as plausible precursors.

ὡρολογητής ‘money-grasping speaker-about-the-horai’ (SH fr.792 = Prod. T9 M.), an allusion both to his *opus magum* and his “charging by hour.” But there is one significant discrepancy, even a contradiction. The χρήσιμα and ὠφελοῦντα τὸν βίον are the same as in Prodicus, but they have been reinterpreted as gifts of the gods, as a result of which Prodicus’ «atheistic» theory of religion has been transformed into its creationist opposite, the traditional popular belief in divine πρῶτοι εὑρεταί. To resolve this contradiction we have to choose one of the following scenarios.

1) The conversation of Socrates and Euthydemus in *Mem*. 4.4 has been invented by Xenophon. He took Prodicus’ benefaction theory, made a «pious» version of it and put it into Socrates mouth as a proof of his religiosity with apologetic purpose.

2) The conversation is real, at least in substance. In this case the «pious» version of the benefaction theory was held by historical Socrates. And if so, it might derive from Socrates’ dispute with Prodicus and might be his (and not Xenophon’s) dialectical *peritrope* of Prodicus’ *Horai* inspired by Heraclitus.

The natural theology of Socrates’ speech in *Mem*. 4.4 has much in common with Heraclitus: Heraclitus’ fragment on the τροπαί of the sun quoted in *PDerv*.col. IV was in its original context in Heraclitus’ work exactly such teleological τεκμήριον of the divine providence (Γνώμη) and a refutation of the Milesian mechanistic doctrine of vortex and ἀνάγκη (Heraclitus fr. 38L/B124). Socrates the reader of Heraclitus (D.L. 2.22) may be something more than an anecdote: our reconstruction of the «technological» section of Heraclitus’ second chapter (λόγος πολιτικός, Lebedev 2014) indicates that the use of τέχναι analogies in the Socratic dialogues may have been inspired by Heraclitus. In other words, the historical Socrates may have relied on Heraclitus in his real debates with Prodicus and other sophists.

We leave the matter undecided. The vexed question of Xenophon’s credibility as a source on Socrates’ philosophy should not concern us at present. In any case Xenophon’s passage brings an additional confirmation to our ascription of *PDerv* to Prodicus and should be added to the *testimonia* in the section (3) above.

(6) ***The title and date of the Derveni Treatise. Its relation to the Psephisma of Diopeithes and the trial of Anaxagoras.***

Title

Let us start with a list of candidates from extant sources.

1) Themistius quotes Prodicus allegorical interpretation of Orphic theogony with a remark πᾶσαν εὐσέβειαν... 'all piety' which might imply a title Περὶ εὐσεβείας.

2) The combination of two possible quotations of Prodicus' etymologies of divine names in Plato, *Cratylus*, 409a9 παλαιότερον and Plutarch fr. 157 (see above p.XXX) might suggest Περὶ παλαιᾶς φυσιολογίας or Περὶ ἀρχαίας φ.

3) Given that the author of *DervT* is Prodicus of Ceos, a disciple of Protagoras, and that by its literary genre the *DervT* is related with the Sophistic *Kulturgeschichte*, two titles of Protagoras' works seem theoretically conceivable: Περὶ θεῶν and Περὶ τῆς ἐν ἀρχῆι καταστάσεως. The latter is imitated in Plato's *Protagoras* where Prodicus is also mentioned.

4) Plato in *Cratylus* discusses etymologies of the divine names similar to those found in *PDerv* after emphatic (in the very beginning) reference to Prodicus' «fifty drachmas» lecture «On the correctness of names» (Περὶ ὀρθότητος τῶν ὀνομάτων) as a kind of a classic of the genre.

5) In Aristophanes' parody of Prodicus' allegorical interpretation of the Orphic theogony (Av. 709) the «greatest» gifts of birds to human race is time-reckoning and indication of seasons (Ὧραι), cf. PDerv. col. XXIV,10–11.

Of all the candidates the last one seems to be the most promising and better documented. Ὧραι or «Seasons» was considered already by Prodicus' contemporaries as his masterpiece. According to the scholiast, it contained the famous protreptic to virtue, the story of Heracles. In the earlier scholarship the word *Horai* was understood in a narrow sense as a reference to Heracles' maturity (Diels-Kranz, Bd. II: 312, n. 20). According to Nestle (1936) it was much broader in scope and consisted of three parts: (1) the praise of agriculture, (2) the origin of religion and (3) the story about Heracles. According to the ingenious reconstruction of Mayhew *Horai* consisted of two parts: Part 1 on the early «seasons» of human race and Part 2 one the seasons of human life (including the story of Heracles)[116]. The first part included: 1) the miserable life of the wretched primitive people alluded to in Aristophanes' *Bird*s 685–87, 2) the origin of religion stage one: humans deify the beneficial natural phenomena, 3) the origin of religion stage two: humans deify the inventors of *tekhnai* with special emphasis on agriculture and viticulture. In both stages,

[116] Mayhew 2011: XXII. On the early history of the philosophical *topos* «the seasons of life» see also Lebedev 2017_1.

according to Mayhew, «etymologically appropriate names are given» to the objects of deification (*loc.cit.).* Our reconstruction and reading of the Derveni treatise perfectly fits into Mayhew's Part 1. However, one difficulty remains. Prodicus was famous for his exquisite style, and Heracles story (allegedly a part of *Horai*) was praised by Xenophon as a literary masterpiece. The style of the Derveni treatise is anything but *Kunstprosa* (with the exception of col. V, XX and XXII on which see Lebedev 2019). To resolve this difficulty we have to admit that the text of *PDerv* is a sophistic lecture based on *Horai*. This hypothesis *explains* the sporadic change of style from a simple to an exquisite: it was recommended by Prodicus as a didactic device to keep his listeners awake[117]. Col. XX looks like an «insertion» (παρεμβολή) from the 50-drachma lecture[118]. *Pace* Nestle and Mayhew, we have some doubts about the possibility to integrate both the Heracles' choice and the treatise on the origin of religion and civilization into one and the same work. The former has nothing to do with agriculture and *Kulturgeschichte*, the latter has nothing to do with practical ethics. Stylistic differences alone make this integration unlikely[119]. The choice of Heracles is quoted by many authors, but it is cited under somewhat surprising title «Seasons» only once in a scholium to *Nubes* 361. It fits much better a historical work in which agriculture was an important subject: in Greek linguistic consciousness the word ὧραι was closely associated with agricultural year-cycle (ὧραι αἱ πάντα φέρουσι). The scholiast may have conflated two most famous and influential works of Prodicus into one. Diels's suggested that Ὧραι was an artificial title like Ἡροδότου Μοῦσαι invented by the Alexandrians (Diels-Kranz, Bd. II: 312, n. 20): just as the title «Muses» of Herodotus refers to 9 books, just as the Φιλολάου Βάκχαι (a sculpture group of three bacchants) refers to the three books of his Περὶ φύσεως, so Prodicus' «Seasons» might have been attached by librarians to a collection of different speeches and works

[117] Arist. Rhet.1415b 12 = Prod. 41 M.

[118] But this is uncertain. The style and the sarcastic tone of col. XX resembles that of col. V which displays affinity with Heraclitus.

[119] In the controversy on the authenticity of Xenophon's exposition of Heracles' choice we side with Sansone 2004 and Mayhew 2011: 204 against Gray 2006. One of the disputed 15 words is καθαρειότης. Pollux, *Onom*. 6.27 condemns καθάρειος as vulgar (ἰδιωτικόν), i. e. non-Attic, despite one instance of καθαρείως in Xen. *Cyn*. 1, 3, 8. Plato has only καθαρός καθαρότης, never καθάρειος/καθαρειότης. The latter form seems to be Ionic and therefore reflects Prodicus' rather than Xenophon's own regular usage.

in 4 books. But the Alexandrian origin is unlikely since the title Ὧραι is alluded to already in Aritstophanes (both in *Birds* and the neglected fragment from the *Seasons*), in Xenophon *Mem*.4.4 (see section 5 above) and in Timon's sobriquet of Prodicus ὡρολογητής (see above after note 115). In Themistius ὦραι are also associated with Prodicus' theory of religion, but not with Heracles' choice. Heracles in the moral parable about virtue is a conventional literary fiction; Heracles in Prodicus' history of religion would have been presented as a real deified king or benefactor of the past in the second stage.

The Date. The relation of DervT to the psephisma of Diopeithes and to the trial and death of Anaxagoras.

The date. The firm *terminus ante quem* is established by the production year of Aristophanes' *Birds*: 414 B.C. However, in view of the close relation of the cosmogony of *Birds* with the cosmology of *Clouds* (*dinos*-motif), and especially in view of the allusion to *teletai* in both comedies and plausible quotations from *DervT* in *Nub*. 382, 828 the *terminus ante quem* should be pushed up to 420–17 (the extant version of *Clouds*) or even 423 (the first version), since the image of *Nephelai* cannot be separated from the «air» and the vortex cosmogony. A plausible *terminus post quem* is the *Psephisma* of Diopeithes 433/432 B.C [120] or rather the trial of Anaxagoras (c. 430) or even his death (428) since the *DervT* looks like a «response» to these events. Therefore a date soon after the trial or death of Anaxagoras, i. e. early twenties, looks especially plausible. How do we know that the Derveni Treatise was written after and in response to the psephisma of Diopeithes rather than before it? Why not to suppose that it was one of the targets of Diopeithes? The first possibility explains better the extravagant figure of Orpheus the Anaxagorean. Before the *psephisma* any Anaxagorean and the sophists could without fear express their views on nature and the cosmos and τὰ μετάρσια. Now one had to be cautious in order to avoid the charge of impiety. Orpheus the Anaxagorean was at the same time a parody (or a polemical peritrope, see section 7 below), a protective device against the charge of impiety and an apology of Anaxagoras. The psephisma of Diopeithes introduced the prosecution by *eisangelia* (i. e. as

[120] On the trial of Pericles and *psephisma* of Diopeithes see Rubel, Vickers 2014: chapter 2.5–6. who argue for a date after 430. *Contra* Mansfeld 1980: 88 who proposes 438/7 B.C.

offenders against the state) of those who do not recognise the traditional religion of the polis and teach astronomical theories (*logoi*) that deny the divinity of heavens[121]. The traditional views about gods and the religious institutions were commonly referred to as τὰ πάτρια and πάτριοι λόγοι. Just as the catchword of the conservative political discourse was πάτριος πολιτεία and πάτριοι νόμοι, so the catchword of the lexicon of the religious conservatives was πάτριος λόγος or νόμος[122]. It is conceivable that in the original formulation of the psephisma briefly paraphrased by Plutarch πάτριοι λόγοι περὶ θεῶν or μεταρσίων were opposed to the conflicting «new doctrines», the target being Anaxagoras and the sophists who teach new astronomy and corrupt the young. In any case *the author of the DervT could not be formally accused of rejecting the «ancestral doctrines»:* on the contrary he expressed «admiration» for the ancient wisdom of Orpheus, he only offered a «corrected» interpretation of his poetry. By proving that Anaxagoras' astronomy is in perfect agreement with the «ancestral wisdom» of Orpheus, the founder of Greek religion, Prodicus was also absolving Anaxagoras from the charge of *asebeia*. About the same time another disciple and friend of Anaxagoras, Euripides, in his Hippolytus (428 B.C.) launched an attack against «the books of Orpheus» and the puritanic Orphic life targeting the ideology of Diopeithes & C°. Euripides probably did this on the occasion of the Anaxagoras' death in Lampsakos the same year. The angry invective of the father of Athenian demos, Theseus, against the «insane» obsession of the egocentric Hippolytus with ritual purity contains a hyponoia with a counter-accusation of «impiety»: the Orphic-Pythagorean vegetarian diet (ἄψυχος βορά) contradicts the «ancestral law» of the Greek religion, that of the animal sacrifice (*Hippol.* 928 ff.). The restoration of the correct reading by Cristian Vassallo provides a unique new evidence that Anaxagoras was tortured (μαστιγωθείς) during the interrogation (anakrisis) at his trial[123]. We take this

[121] Plut. Pericl. 32 ψήφισμα Διοπείθης ἔγραψεν εἰσαγγέλεσθαι τοὺς τὰ θεῖα μὴ νομίζοντας ἢ λόγους περὶ τῶν μεταρσίων διδάσκοντας.

[122] Aristotle begins his Περὶ οὐρανοῦ with a prudent statement that his views on the divinity of Heavens are in perfect agreement with «ancestral doctrines»: De caelo 397 a2 καλῶς ἔχει συμπείθειν ἑαυτὸν τοὺς ἀρχαίους καὶ μάλιστα πατρίους ἡμῶν ἀληθεῖς εἶνα λόγους ὡς ἔστι ἀθάνατόν τι καὶ θεῖον κτλ. De mundo 397b12 ἀρχαῖος μὲν οὖν τις λόγος καὶ πάτριός ἐστι πᾶσι ἄνθρώποις ὡς ἐκ θεοῦ πάντα καὶ διὰ θεόν κτλ. In Plut. Mor. 608a πάτριος λόγος is the doctrine of the immortality of soul as taught in the mysteries of Dionysus.

[123] See Vassallo 2018/2019, test. (7) = Philodem. Rhet.IV, PHerc. 245, fr. 7

evidence at its face value as a historical fact since it comes from a series of trials of phlosophers the historicity of which cannot be doubted. The new evidence sheds new light on the meaning of two cryptic Tantalos passage in Euripides' *Orestes* (4–10 and 982–84). We interpret them as a cryptic commemoration of the 20th anniversary of Anaxagoras' death disguised as a parabel about the punishment of the «ancient physiologos» Tantalos by Zeus for his licentious tongue (ἀκόλαστος γλώσσα): the Tantalos' «rock» hanging over his head is conceived as Anaxagorean lump (*bolos*) of the sun. The «tortures» of the mythical Tantalos allude to the real tortures of Anaxagoras at this trial, and the «rock» that still hangs over the heads of those who investigate the nature of the stars, is the charge of impiety. «Zeus» that punishes audacious *physiologoi* alludes to the «Servant of Zeus» Dio-peithes who punished Anaxagoras by his psephisma. In a kind of *makarismos* Anaxagoras is praised by Euripides as an innocent martyr of science and a victim of the religious fanaticism[124]. It is tempting to take the grotesque αἰδοῖον κατέπινεν scene in *PDerv* col. XIII,4 (Zeus «swallowed») as an obscene joke intended by Prodicus as a personal insult of Diopeithes whose name etymologically means «the one who obeys Zeus». Prodicus was the leading expert in language and style of his time, it is inconceivable that he so blatantly misread a perfectly clear text in which any reader would take αἰδοῖον as «venerable» (epithet of god) rather than as a substantive meaning penis[125]. After Anaxagoras' exile Archelaus becomes the leading figure in the post-Anaxagorean *physiologia* in Athens. It is around this time that the book of Heraclitus becomes fashionable in the Socratic and Sophistic circles

---

Ἀναξαγόρας δὲ μαστιγωθεὶς τοὺς μώλωπας ἐπεδείκνυε τοῖς δικασταῖς.

[124] For a detailed discussion of the Tanatlos' paradigm in *Orestes* see Lebedev 2019: section VIII, cf. Willink 1983.

[125] Contra Burkert 1980: 32; Kirk 1983: 32–33; Janko 2001: 24; Betegh 2004: 111 ff.; Bernabé 2007: 107 and others. The correct view (αἰδοῖον masc. acc., 'the reverend' scil. δαίμονα) is that of West 1983: 84 ff., KPT 2006: 133 and Sider 2014: 231, among others. A detailed and persuasive refutation in Santamaria 2016. Sider 2014: 241 has pointed out to the important fact neglected by the supporters of the former view, that the sing. τὸ αἰδοῖον 'penis' is a prosaic form not attested before the late 5th century (Hippocr., Herod.) and therefore unlikely in a 6th century B.C. epic poem. In early 5th c. Ionian prose we still find the epic plur. αἰδοίοισι Heraclit.fr. 148L/B 15. The masculine pronoun ὅς in XIII, 4 alone makes it clear that αἰδοῖον is masc.acc. from the the epithet αἰδοῖος applied to acc. δαίμονα κυδρόν at the end of the preceding verse (VIII, 50). If αἰδοῖον means 'penis', then Olympos means 'time', Okeanos means 'air', Moira of Zeus means 'vortex in the air' and so on.

in Athens. Euripides and Socrates are among the first readers (D.L.2.22 = A4 DK); Prodicus was connected with both. Prodicus and Euripides were friends and both of them were disciples of Anaxagoras. After the death of Anaxagoras in 428 B.C. they probably joined their efforts in a counter-attack against Diopeithes and C^{o}. in order to restore the immaculate name of Anaxagoras and to absolve him from the false accusations of impiety. The author of *De diaeta* I (possibly Herodicus of Selymbria) (Lebedev 2014: 28–42) in his cosmology and physics exhibits a strikingly similar synthesis of Anaxagoras and Heraclitus phrased in a strikingly similar language; on independent grounds we date it to the same decade 430–420 B.C. (Lebedev 2014: 27–42). Possible influences of Democritus (a close associate of Prodicus' teacher Protagoras) on *PDerv* during or after his visit to Athens in the twenties would also support our date[126]. It is reasonable to suppose that Prodicus was nicknamed *Tantalos* after he wrote *Horai* (*DervTr)*. Willink arrives at 420–410 B.C. (between Aristophanes' *Clouds* and Euripides' *Orestes*) as the most plausible date of Prodicus' sobriquet *Tantalos* (Willink 1983: 33).

(7) ***Explanatory notice on the use of terms «peritrope» and «monism/pluralism».***

A. Peritrope as a polemical device in Greek philosophy and the Derveni papyrus.

In the beginning of this article we have described as a *peritrope* the polemical substitution of the ethico-religious pantheism of the Orphic theogony by the naturalistic (irreligious) pantheism of the Derveni author. We use this term in a peculiar way that requires a clarification. In ancient logic and dialectic περιτροπή was a term for the self-refuting arguments (on this subject see Castiglione 2010). A self-refuting argument differs from the ordinary refutation in that it takes the thesis of the opponent as a premise. Sextus Empiricus applies the term περιτροπή to Plato's and Democritus' refutation of Protagoras' *homo-mensura* thesis in its Platonic interpretation «every opinion (δόξα) is true»: if every opinion is true, than the opinion that not every opinion is true, is true as well. From which it follows that not every opinion is true, i. e. that Protagoras' thesis περιτρέπεται «turns around» and refutes Protagoras. We use *peritrope* as a *modern* hermeneutical term (suggested of course by

[126] We argue for the possible influence of Democritus (not «Leucippus») on *DervT* in Lebedev 2019: section VI.

Greek dialecticians), in a wider sense to denote a polemical device in Greek philosophical culture of debates: one of the theoretical opponents borrows from the other his own characteristic term, image, idea, theory, form of thought, even a literary genre etc. and «turns it around» against him by «recharging it» with a contradictory poemical content. In the debate between the «*Anaxagoreioi* and *Pythagoreioi*» in Athens at the time of the Peloponnesian war the «Anaxagorean» Derveni author (Prodicus) borrowed from the opponents the figure of Orpheus, his *teletai*, his «Hieros logos» and «turned around» all this against them. A philosophical *peritrope* sometimes may contain elements of parody, but unlike e.g. parodies of Timon, it is a serious polemical device, nay it is a driving force of the dialectical development of thought. The history of Greek philosophy is an inexhaustible source of *peritropai*. Here are just a few. Heraclitus' new teleological and theological concept of *physis* identified with a providential god was a polemical *peritrope* of the mechanistic concept of physis in Anaximander. Pythagoras' doctrine of the immortality of the soul was a polemical *peritrope* of the Milesian law of the indestructibility of matter. Parmenides borrowed the epic language and metre from Homer and Hesiod not because he wished to continue the epic tradition, but because his aim was to replace the epic polytheism and anthropomorphism of the immoral Hometic gods with the new Pythagorean god, a sphaera of the divine mind and justice described in the *Aletheia* (Lebedev 2010; 2017_2). Gorgias' Περὶ τοῦ μὴ ὄντος was, in turn, a *peritrope* (and a parody) of Parmenides' deductive metaphysics. Plato's geometrical atomism in the «Timaeus» was a *peritrope* of the physical atomism of Democritus, an immaterialist theory of matter etc.

Two types of *peritrope* should be distinguished: a deconstructive *peritrope* whose aim is primarily to destroy the thesis of an opponent, and a constructive or synthesising *peritrope* which incorporates the opponent's thesis into a new theory, subordinates it to a new synthetic structure and makes it to serve a different purpose, i. e. «enslaves it». Gorgias' *peritrope* of Parmenides' ontology and the Derveni author's (Prodicus') *peritrope* of the Orphic theogony are crystal-clear examples of the first type. Heraclitus' theological-teleological *peritrope* of the Milesian concept of *physis*, Aristotle's *peritrope* of the transcendental noetic Platonic forms as immanent forms of the physical world, Plato's subordination of Democritus' precosmic motion of matter to the dictates of the Pythagorean divine mind-demiourgos provide examples of the second type.

B. Explanatory notice on the use of the terms «*monism*», «*dualism*», «*pluralism*».

When we write above in section 3 (cf. note 84) about «the battle of ideas between the Ionian naturalists (adepts of the naturalistic monism) and religiously minded dualists» in 5th century Athens we use the term «monism» in its traditional philosophical sense of the metaphysical school of thought that recognises only one kind of reality and is opposed to the metaphysical dualism that recognises two kinds (corporeal and incorporeal, god and matter etc.). Metaphysical monism can be naturalistic (only physis exists) and idealist or mentalist (only mind exists) also known as immaterialism. Most Ionian *physikoi* and Ionian sophists were naturalistic monists, the Pythagoreans were dualists, Parmenides was an idealist monist or immaterialist[127]. Some scholars apply the term «monism» to one-element theories of matter and counterpose the adepts of such theories (dubbed «monists», e.g. Anaximenes) to many-elements theories of matter held by «pluralists» (such as Empedocles and Anaxagoras). This unphilosophical use of the terms monism/pluralism (that probably derives from some ancient doxographical passages of the problem of «one and many») is potentially misleading and can result in confusion of taxonomy of metaphysical theories of kinds of reality and taxonomy of physical theories of matter or physical elements. Corpuscular theories of matter (such as those of Anaxagoras and Democritus) should not be called «pluralist» and should not be contrasted with «monistic» theories of single material continuum. They should be called corpuscular theories and contrasted with single-substrate or one-element theories of matter. Corpuscular theories of matter may also be contrasted with single-substrate theories of matter, discrete theories of matter may be distinguished from continualist theories. What matters in metaphysics and in history of ancient metaphysics is the perennial conflict of the naturalistic monism and metaphysical dualism of body and the mind, god and matter etc. Who are the metaphysical «pluralists», we do not know and would be grateful to anyone who would solve to us this aporia. Aristotle's four causes should not be cited as example since these are not fours substances, but aspects of *ousia* or explanatory approaches to *ousia*. Middle Platonic doxography of «three principles» in Plato (god, matter, idea)? But

[127] The doctrine of the identity of being and mind is directly stated by Parmenides in fr. B 3. For a detailed refutation of the grammatically impossible interpretation of Burnet and his followers see Lebedev 2017_2.

historical Plato was a dualist. Democritus recognised an infinite number of atoms, but he regarded them all as one physis («as if each was a separate particle of gold»)[128]; he was a strict naturalistic monist who ridiculed Anaxagoras' theory of the cosmic mind as a concession to creationism. The Derveni author (Prodicus) seems to follow Archelaus' «immanent» version of the theory of the cosmic mind and therefore looks like a naturalistic monist. Both Empedocles and Anaxagoras should be classed as dualists (not as «pluralists»), though the precise nature of Anaxagoras' *nous* remains uncertain and a subject of endless debates. We believe that the fundamental thesis of the Greek philosophical theology, the identification of god with mind (νοῦς) goes back to the sixth century and may be of Pythagorean origin. In the late sixth – early fifth century B.C. it is attested in Epicharmus (in a parody of Pythagorean theology), Xenophanes and Parmenides (on Epicharmus see Lebedev 2017_4, Xenophanes B 24–25 and Lebedev 1985). If our reconstruction of the text of Heraclitus' fragment 140L is correct (as we believe it is)[129], the theory of the divine cosmic mind existed before Anaxagoras not only in the West, but also in the Ionian tradition itself. It is therefore conceivable that Anaxagoras derived his concept of the cosmic mind from Heraclitus rather than from the Italian philosophers (however, the influence of both traditions cannot be ruled out). Heraclitus' teleological cosmotheism was directed against Anaximander's mechanistic theory of matter and the «vortex» cosmogony (Lebedev 1988; 2016: 597–98). Anaxagoras tried to reconcile and to synthesize these two conflicting theories and world-views: he took the mechanistic corpuscular theory of matter as «mixture» from Anaximander (a nightmare for Heraclitus!) and the cosmic mind from Heraclitus, and made the mind trigger the vortex mechanism of «separation» and world-formation. The Western and the Heraclitean theories of the divine cosmic mind are based on different types of metaphysics: in the dualist meta-

[128] Democrit. ap Arist. *De caelo* 276a1 τὴν δὲ φύσιν φασὶν αὐτῶν εἶναι μίαν ὥσπερ ἂν εἰ χρυσὸς ἕκαστον εἴη κεχωρισμένος. The image seems to be authentic.

[129] Heraclit. fr. 140L/B 41 DK ἓν τὸ σοφὸν ἐπίστασθαι· Γνώμην ἥτε οἴη ἐκυβέρνησε πάντα διὰ πάντων «To recognise only one wise being (=god): that Mind which alone steers the whole Universe». Γνώμη is a regular word for «mind, intelligence» in Corpus Hippocraticum (101 instances). The word has been often mistranslated as «thought, plan» etc. because of the wild text printed in DK. The form ὁτέη is not only unattested, it cannot be even imagined. In the first edition of *Herakleitos* Diels correctly translated γνώμη as «Intelligenz» and so did Jacob Bernays.

physics of Magna Graecia the god-mind was «separated» from matter (corporeal substance) and opposed to it as a creative (demiourgic) element to a formless and passive principle, in Heraclitus' strictly monistic pantheism god and physis were identified, and the providential cosmic intellect (Γνώμη) or «the Wise Being» (τὸ Σοφόν) was conceived as immanent and inherent in the *pyr aeizoon*. It is conceivable therefore that in his theory of the cosmic mind the Derveni author was influenced not only by Anaxagoras and Archelaus, but also by Heraclitus. However, it should be stressed that Heraclitus' cosmic god is personal, providential and relevant both ethically and religiously; the Stoics were genuine Heracliteans in their pantheistic theology, as in their philosophy of nature and ethics. To our knowledge there is no indication in the sources that Anaxagoras' cosmic *nous* was conceived as a providential personal god who cares for humans and with whom they can communicate through prayer and worship. And it was dismissed both by Plato and Aristotle because they sensed the artificial character of this synthesis and the «deistic» character of Anaxagoras' *nous* (never called θεός in the extant fragments). It remains unclear whether the Derveni author understood the difference between Anaxagoras' and Heraclitus' versions of the theory of cosmic mind, e.g. when he quotes in col. IV the sun fragment which proves the existence of the cosmic mind by the regularity of solstices.

Bibliography

Ademollo, Fr. 2011: The *Cratylus* of Plato. A Commentary, Cambridge.

Ahmadi, A. 2014: The Magoi and Daimones in Column VI of the Derveni Papyrus. *Numen* 61, 484–508.

Ambrose, Z. Ph. 1982: Socrates and Prodicus in the *Clouds*. In: Anton, J., Preus, A. (edd.). *Essays in Ancient Greek Philosophy*. Vol. 2. New York, 129–144.

Bargomi, M. 2014: Some considerations on the presence of Derveni allegory in Plato's Cratylus. *Methexis* XXVII, 215–224.

Barney, R. 2001: *Names and Nature in Plato's Cratylus*. New York; London.

Baxter, T. 1992: *The Cratylus. Plato's Critique of Naming*. Leiden; New York.

Bernabé PEG = Bernabé, A. 2004–2007: *Poetae epici Graeci: Testimonia et fragmenta*. Pars 2, fasc. 1–3, Berlin.

Bernabé, A. 2007a)\: The Derveni Theogony: Many Questions and Some Answers. *Harvard Studies in Classical Philology* 103, 99–133.

Betegh, G. 2004: *The Derveni Papyrus: Cosmology, Theology, and Interpretation*. Cambridge.

Binder, G., Liesenborghs, L. 1976: Eine Zuweisung der Sentenz οὐκ ἔστι ἀντιλέγειν an Prodikos von Keos. *Mus. Helv.* 23, 37–43 (= Classen.

J. C. (ed.). 1976: *Sophistik*. Darmstadt, 453–462).
Boyance, P. 1974: Remarques sur le papyrus de Derveni. *Rev. Et. Gr.* 82, 91–110.
Bremmer, J. D. 2014: *Initiation onto the Mysteries of the Ancient World*. Berlin; Boston.
Brisson, L. 2004: *How Philosophers Saved Myths. Allegorical Interpretation and Classical Mythology*. Chicago.
Brisson, L. 2009: Zeus did not commit incest with his mother. An interpretation of Column XXVI of the Derveni papyrus. *ZPE* 168, 27–39.
Burkert, W. 1968: Orpheus und die Vorsokratiker. Bemerkungen zum Derveni-Papyrus und zur pythagoreischen Zahlenlehre. *Antike und Abendland* 14, 93–114 (= Kl. Schr. III, 62–94)
Burkert, W. 1985: *Greek Religion*. Harvard, Mass.
Burkert, W. 1986: Der Autor von Derveni: Stesimbrotos ΠΕΡΙ ΤΕΛΕΤΩΝ. *ZPE* 62, 5.
Byl, S., Couloubaritsis, L. (edd.) 1995: *Mythe et philosophie dans les Nuées d'Aristophane*.
Byl, S. 2013: Les nuées d'Aristophane: une initiation à Eleusis en 423 avant notre ère. In: Byl, Couloubaraitsis 1995, 11–68.
Castiglione, L. 2010: *Ancient Self-Refutation*. Cambridge.
Cole, Th. 1990: *Democritus and the sources of Greek anthropology*. Atlanta.
Dean Anderson Jr., R. 2000: *Glossary of Greek Rhetorical Terms*. Leuven.
Denniston, J. D. 1952: *Greek Prose Style*. Oxford.
Devine, A. M., Stephens, L. D. 2000: *Discontinuous Syntax. Hyperbaton in Greek*. Oxford.
Diels, H., Kranz, W. *Die Fragmente der Vorsokratiker*. Bde. 1–3. Weidmann'sche Verlagsbuchhandlung.
Dieterich, A. 1911: Über eine Szene der Aristophanischen Wolken. In: *Kleine Schriften*. Leipzig, Berlin, 117–124.
Dodds, E.1960: *Euripides. Bacchae*. Oxford.
Dover, K.1968: *Aristophanes, Clouds*. Oxford.
Dressler, J. 2014: *Wortverdreher, Sonderlinge, Gottlose. Kritik an Philosophie und Rhetorik im klassischem Athen*. Berlin; Boston.
Edmonds, R. G. 1999: Tearing apart the Zagreus myth. *Classical Antiquity* 18 (1), 35–73.
Edmonds, R. G. 2013: *Redefining Ancient Orphism*. Cambridge.
Ferrari, F. 2007: Note al testo delle colonne II–VII del papiro di Derveni. *ZPE* 162, 203–211.
Fränkel, H. 1938: A Thought Pattern in Heraclitus. *AJPh* 59, 339–337.
Furley, W. D. 1985: The Figure of Euthyphro in Plato's Dialogue. *Phronesis* XXX, 201–208.
Gagné, R. 2007: Winds and Ancestors: the *Physika* of Orpheus. *HSCP* 103, 1–24.
Gianakis, G. K. 2014: *Encyclopedia of Ancient Greek Language and Linguistics*. Vol. 2. Leiden; Boston.
Gary Miller, D. 2013: *Ancient Greek dialects and early authors*. Boston; Berlin.

Graf, F. 1974: *Eleusis und die Orphische Dichtung Athens in vorhellenistische Zeit*. Berlin.
Gray, V. 2006: The Linguistic Philosophies of Prodicus in Xenophon's «Choice of Heracles»? *The Classical Quarterly* 56 (2), 426–435.
Guthrie, W. K. C. 1969: *A History of Greek Philosophy*. Vol. 3, Part 1. *The Sophists*. Cambridge University Press.
Henrichs, A. 1975: Two Doxographical Notes: Democritus and Prodicus on Religion. *Harvard Studies in Classical Philology* 79, 93–123.
Henrichs, A. 1976: The Atheism of Prodicus. *Cronache Ercolanesi* 6, 15– 21.
Henrichs, A.1984: The Sophists and Hellenistic Religion: Prodicus as the Spiritual Father of the ISIS Aretalogies. *Harvard Studies in Classical Philology* 88, 139–158.
Henrichs, A. 1984_1: The Eumenids and wineless libations in the Derveni papyrus. In: *Atti del XVII convento internazionale di papirologia*. Napoli, 255–268.
Hussey, E. 1999: The enigmas of Derveni. *Oxford Studies in Ancient Philosophy* 17, 303–324.
Irigoin, J. (1972): Les manuscripts grecs, II. Nouveaux recueils des fac-similés. *REG* 85, 543–571.
Janko, R. 1997: The physicist as hierophant: Aristophanes, Socrates and the authorship of the Derveni papyrus. *ZPE* 118, 61–94.
Janko, R. 2001: The Derveni Papyrus (Diagoras of Melos, *Apopyrgizontes Logoi*?): A New Translation. *Classical Philology* 96, 1–32.
Janko, R. 2002: The Derveni Papyrus: An Interim Text. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 141, 1–62.
Janko, R. 2016: Parmenides in the Derveni Papyrus: New Images for a New Edition. *ZPE* 193, 1–21.
Johnston, S. I. 2014: Divination in the Derveni Papyrus. In: Papadopoulou, Muellner 2014: 89–105.
Kahn, Ch. 1981: *The Art and Thought of Heraclitus*. Cambridge.
Kahn, Ch.1997: Was Euthyphro the Author of the Derveni Papyrus, in: Laks, A., Most, G. *Studies in the Derveni Papyrus*. Oxford, 55–69.
Kapsomenos, S. G. 1964: Ο Ορφικός πάπυρος της Θεσσαλονίκης, Αρχ. Δελτ. 19, 17–25.
Kilarski, M. 2013: *Nominal classification. A history of its study from the classical period to the present*.
Konaris, M. D. 2016: *The Greek Gods in Modern Scholarship*. Oxford.
Kotwick, M. 2017: *Der Papyrus von Derveni: Griechisch-deutsch*.
Kotwick, M, 2016: Notes on PDerveni cols. XV, XIX, XXII and XXIV. *ZPE* 197, 1–4.
KPT = Kouremenos, Th., Parassoglou, G., Tsantsanoglou, K. (edd.) 2006: *The Derveni Papyrus*. Firenze (= Studi e testi per il corpus dei papiri filosofici greci e latini, 13).
Laks, A., Most, G. 1997: *Studies on the Derveni Papyrus*. Oxford.
Lebedev, A. 1978: ΤΟ ΑΠΕΙΡΟΝ: Not Anaximander, but Plato and Aristotle. *Vestnik Drevnei Istorii* [*A Journal of Ancient History*] 1, 39–54.
Lebedev, A. 1984: «ΦΥΣΙΣ ΤΑΛΑΝΤΕΥΟΥΣΑ»: Neglected Fragments of Democritus and Metrodorus of Chios. In: *Proceedings of the First International Congress on Democritus* II. Xanthi, Greece, 13–25.

Lebedev, A. 1985: A New Fragment of Xenophanes. In: Capasso, M., de Martino, Fr., Rosati, P. (ed.). *Studi di Filosofia Preplatonica. Napoli*, 13–15.

Lebedev, A. 1985_1: The Cosmos as a Stadium: Agonistic Metaphors in Heraclitus' Cosmology». *Phronesis*. *A Journal for Ancient Philosophy* 33 (2), 131–150.

Lebedev, A. 1988: Anaximander the originator of the mixis theory of matter and the founder of mechanistic physics. In: *First International Conference on Greek Philosophy. Ionian Philosophy*. Samos, 27–31 August 1988 – Pythagoreion, Abstracts of papers, p. 56–57.

Lebedev, A. 1989: *Fragmenty rannih grecheskih filosofov*. [*The fragments of the Early Greek Philosophers*]. Moscow.

Lebedev, A. 1989_1: Heraclitus in *P.Derveni*. *ZPE* 79, 39–47.

Lebedev, A. 1996: Pharnabazos the diviner of Hermes. Two ostraka with curse-letters from Olbia. *ZPE* 112, 268–278.

Lebedev, A. 1998: The Justice of Cheiron (*Titanomachia* fr. 6 and 11 B.). *Philologus* 142, 3–10.

Lebedev, A. 2010: Western Greek Philosophical Poems and the Homeric Tradition: Continuity or Rupture? *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 14, 101–110.

Lebedev, A. 2014: *Logos Geraklita. Rekonstrukciia mysli i slova. S novym kriticheskim izdaniem fragmentov* [*The Logos of Heraclitus: A Reconstruction of his Thought and Word. With a New Critical Edition of the Fragments*]. St-Peterburg: Nauka.

Lebedev, A. 2015: The «Theogony» of Epimenides of Crete and the Origin of the Orphic-Pythagorean Doctrine of Reincarnation. *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 19, 464–498 (in Russian with English summary).

Lebedev, A. 2016: *Lebedev A.V.* The Origin and Transmision of the Doxographical Tradition *Placita Philosophorum* (Arius Didymus, Ps.Plutarch, Stobaeus, Theodoret, Nemesius, Porphyrius). *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 20 (2), 573–633.

Lebedev, A. 2017_1: The Metaphor of *Liber Naturae* and the Alphabet Analogy in Heraclitus' Logos Fragments (With some remarks on Plato's «dream theory» and the origin of the concept of elements). In: E. Fantino, U. Muss, Ch. Schubert, K. Sier (Hrsg.). *Heraklit im Kontext*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 233–269 (= Studia Praesocratica 8).

Lebedev, A. 2017_2: Parmenides ΑΝΗΡ ΠΥΘΑΓΟΡΕΙΟΣ. Monistic Idealism (Mentalism) in Archaic Greek Metaphysics. *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 21, 493–536.

Lebedev, A. 2017_3: Alcmaeon of Croton on Human Knowledge, the Seasons of Life and *Isonomia*. Two Additional Frgaments from *Turba Philosophorum* and Aristotle. In: Chr. Vassallo (ed.). *Physiologia. Topics in Presocratic Philosophy and its Reception in Antiquity*. Trier, 227–257.

Lebedev, A. 2017_4: Epicharmus on God as Mind (NOOΣ). A Neglected Fragment in Stobaeus. (With some remarks on early Pythagorean metaphysics and theology). *Artisteas* XVI, 13–27.
Lebedev, A. 2019: The Derveni Papyrus: A Sophistic Treatise on the Origin of Religion and Language. The authorship of Prodicus of Ceos. In: Chr. Vassallo (ed.). *Presocratics and Papyrological Tradition.* Section VII. Berlin; Boston (forthcoming).
Long, A. 1996: *Stoic Studies*. Berkeley.
Luria, S. 1928: Wann hat Demokrit gelebt? *Archiv für Geschichte der Philosophie* 38, 205–238.
Luria, S. 1947: Ocherki po istorii antichnoi nauki [Essays on the history of the ancient science]. Moscow; Leingrad.
Luria, S. 1970: *Democritea*. Leningrad.
Mansfeld, J. 1980: The chronology of Anaxagoras' Athenian period and the date of his trial II. *Mnemosyne* 33, 88.
Mansfeld, J. 1983: Cratylus 402 A-C: Plato or Hippias? In: *Atti del Symposium Heracliteum 1981*. Roma, 43–55.
Mayhew, R. 2013: *Prodicus the Sophist. Texts, Translations, and Commentary*. Oxford.
Montanari, F, Matthaios, S., Rengakos, A. (edd.) (2015): *Brill's Companion to Ancient Greek Scholarship*. Vol.1, Leiden; Boston.
Mouraviev, S. N. 1985: The Heraclitean Fragment of the Derveni Papyrus. *ZPE* 61, 131–132.
Müller, F. M. 1885: *Lectures on the Science of Language*. Vol. 1, London.
Nails, D. 2002: *The people of Plato. A prosopography of Plato and other Socratics.* Indianapolis; Cambridge.
Nestle, W. 1936: Die Horen des Prodikos. In: Classen C. J. (Hrsg.) *Sophistik*. Darmstadt, 425–451.
Obbink, D. 1994: A Quotation of the Derveni Papyrus in Philodemus' «On Piety». In: *Cronache Ercolanesi* 24, 110–135.
Obbink, D. 1996: *Philodemus On Piety. Part I: Critical Text with Commentary*. Oxford.
Obbink, D. 1997: Cosmology as Initiation vs. the Critiques of Orphic Mysteries. In: Laks and Most (eds.), 39–54.
Papadopoulou I. and Muellner L. (edd.). 2014: *Poetry as Initiation*. Washington D.C.
Parker, Robert (1992): The Origins of Pronoia: A Mystery, in: Apodosis, London, 84-94.
Penella, R. J. (tr.). 2000: *The Private Orations of Themistius*. Berkeley.
Piano, V. 2016: P. Derveni iii–vi: una riconsiderazione del testo, *ZPE* 197, 5–16.
Pendrick, G. J. 2002: *Antiphon the Sophist. The Fragments*. Cambridge.
Reesor, M. 1983: The Stoic Idion and Prodicus' Near-Synonyms. *AJPh* 104 (2), 124–133.
Riedweg, C. (1987): *Mysterienterminologie bei Platon, Philon und Klemens von Alexandrien*. Berlin and New York.
Rijlaarsdam, J. C. 1978: *Platon über die Sprache*. Utrecht.
Rogers, B. B. 1930: *The Clouds of Aristophanes*. London.
Roubekas, N. 2016: *An Ancient Theory of Religion: Euhemerism from Antiquity to the Present*.

Roux, J. 1972: *Euripide, Les Bacchantes II, Commentaire*. Paris.
Rubel, A., Vickers, M. 2014: *Fear and Loathing in Ancient Athens: Religion and Politics During the Pelopponesian War*. Routledge.
Rusten, J. S. 1985: Interim Notes on the Papyrus from Deeveni. *HSPh* 89, 121–140.
Sansone, D. 2004: Heracles at Y. *The Journal of Hellenic Studies* 124, 125–142 .
Santamaria, M. 2010: Tiresias in Euripides' *Bacchae* and the author if the Derveni papyrus. In: Schubert, P. (ed.). *Actes du 26e Congrès international du papyrologie.* Genève, 677–684.
Santamaria, M. 2016: A Phallus Hard to Swallow: the Meaning of ΑΙΔΟΙΟΣ/-ON in the Derveni Papyrus. *Classical Philology* 111, 139–164.
Scholten, H. 2003: *Die Sophistik: eine Bedrohung für die Religion und Politik der Polis*. Berlin.
Sedley, D. 2003: Plato's *Cratylus*. Cambridge.
Sedley, D. 2013: From the Pre-Socratics to the Hellenistic Age. in: Bullivant, S., Ruse, M. (edd.). *The Oxford Handbook of Atheism.* Oxford.
Sider, D. 1997: Heraclitus in the Derveni Papyrus. In: Laks, A., Most, G. (edd.). *Studies in the Derveni Papyrus*. Oxford, 129–148.
Sider, D. 2014: The Orphic Poem of the Derveni Papyrus. In: Papadopouloou, I., Muellner, L. (edd.). *Poetry as Initiation. The Center of Hellenic Studies Symposium on the Derveni Papyrus*. Washington, DC.
Starkie, W. J. M. (ed.). 1911: *The Clouds of Aristophanes*. London.
Taillardat, J. 1962: *Les images d'Aristophane*. Paris.
Tzifopoulos, Y. 2014: The Derveni Papyrus (*PDerveni*) and the Bacchic-Orphic *Epistomia.* in: Papadopolulou, Muellner 2014, chapter 8.
Usener H., Gigante M., Schmid W. 1977: *Epicurus. Glossarium Epicureum*. Rome: Edizioni dell' Ateneo and Bizzarri.
Vassallo, Chr. 2018/2019: Anaxagoras from Egypt to Herculaneum: A Contribution to the History of Ancient Atheism. In: Doxographica Anaxagorea in Papyris Reperta, collegit, Disposuit et restituit Christan Vassallo. In: Vassallo, Chr. (ed.). *Presocratics and Papyrological Tradition*. Berlin; Boston.
West, M. 1983: *The Orphic Poems*. Oxford.
West, M. 2013: The Writing Tablets and Papyrus from Tomb II in Daphni. In: *Greek and Roman Musical Studies* 1, 73–92.
Willi, A. 2010: Attic as the Language of the Classics. in: Caragounis, C. (ed.). *Greek: A Language in Evolution*. Hildesheim, 101–118.
Willink, C. W. 1983: Prodicus, «Meteorosophists» and the «Tantalos paradigm». *Classical Quarterly, New Series*, 33 (1), 25–33.
Winiarczyk, M. (ed.). 1981: *Diagoras Melius. Theodorus Cyrenaeus (BT)*. Lipsiae.
Winiarczyk, M. 2016: *Diagoras of Melos. A Contribution to the History of Ancient Atheism*. Berlin.
Winspear, Alban D. and Silverberg, Tom (1960): Who was Socrates?, New York.
ZPE 1982 = Anonymi. Der orphische Papyrus von Derveni. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 47, 1*–12* (following 300)

Summary. Section (1) explains why the Deveni papyrus has often been misunderstood: among the main reasons are the wrong label «Orphic» and the confusion of two types of pantheism in Greek thought: the ethico-religious and the naturalistic. The Orphic hymn to Zeus is a classical example of the first type, the Derveni commentary – of the second which is incompatible with the immortality of the soul and afterlife. Section (2) deals with the literary genre, the general purpose and the hermeneutical method of the Derveni treatise, and draws a preliminary intellectual portrait of its author describing his peculiar features, a kind of a «composite image». In the section (3) we argue for Prodicus as the author of *PDerv* and present 18 *testimonia* on which this attribution is based. These include both the *verbatim* quotations with Prodicus' name that find an exact correspondence in the text of *PDerv* and the common peculiar features of the language and style. In the section (4) we propose a reconstruction and interpretation of the text of the col. IV that contains a quotation from Heraclitus. This column is of primary importance for the understanding of the aims and allegorical method of the author in general as well as for his theory of names. Section (5) detects a neglected (polemical) peritrope of Prodicus' benefaction theory of the origin of religion in Xenophon's *Memorabillia* 4.4. In the section (6) the problems of the original title and date of the Derveni treatise are addressed, its relation to the *Psephisma* of Diopeithes (432 BC) as well as to the trial and death of Anaxagoras. The last section (7) clarifies our use of the term *peritrope* and explains the Derveni treatise as a polemical naturalistic *peritrope* of a religious text (Orphic theogony).

Key-terms: Ancient philosophy, Derveni papyrus, Prodicus, Sophists, Orphism, Orpheus, Anaxagoras, Archelaus, Heraclitus, theogony, origin of civilisation, origin of religion, origin of language, origin of mythology, allegory, psephisma of Diopeithes, ancient atheism, Greek Enlightenment, philosophy of language, ancient Athens.

СПИСОК АВТОРОВ
первого полутома

Александров Борис Евгеньевич – канд. истор. наук, доцент исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ. alexandrov_b@mail.ru

Андреев Артем Викторович – науч. сотрудник ИЛИ РАН. artem@iling.spb.ru

Архангельский Тимофей Александрович – канд. филол. наук, постдокторант Университета Гамбурга / Фонда Александра фон Гумбольдта. timarkh@gmail.com

Афиногенов Дмитрий Евгеньевич – доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН, профессор Кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. logotheta@mail.ru

Ахунова (Левинская) Ольга Леонидовна – доктор филол. наук, Кафедра классической филологии ИВКА РГГУ (Москва). levinskaja@mail.ru

Балашевич Диана Дмитриевна – аспирант СПбГУ (научный руководитель А. Н. Соболев). dianad13@yandex.ru

Беликов Алексей Евгеньевич – канд. филол. наук, доц. кафедры классической филологии МГУ имени М. В. Ломоносова, с. н. с. лаборатории античной культуры Школы актуальных гуманитарных исследований (ШАГИ) РАНХиГС. belikov.smu@gmail.com

Белянкин Юрий Сергеевич – канд. ист. наук, зав. Сектором изучения особо ценных фондов Центра изучения проблем развития библиотек в информационном обществе, РГБ; ст. н. с. Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. bys86@yandex.ru

Blažienė Grasilda – doctor of humanities (HP), professor, chief research fellow of the Institute of the Lithuanian Language, Institute's deputy director for research, grasilda.blaziene@lki.lt

Боброва Ольга Борисовна – аспирант 3 года обучения, кафедра византийской и новогреческой филологии, филологический факультет МГУ им. Ломоносова. boberdober88@mail.ru

Bodniece Līva – University of Latvia, Faculty of Humanities, liva.bodniece@lu.lv

Бокова Нина Сергеевна – аспирант кафедры Истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ, nsbokova@mail.ru

Болотов Сергей Григорьевич – Москва, baltaitis@yandex.ru

Бондарко Николай Александрович – доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН.

Бондарь Владимир Анатольевич – канд. филол. наук, доцент кафедры делового иностранного языка, ВШМ, Факультет иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9. alstar@inbox.ru

Брагинская Нина Владимировна – доктор истор. наук, главный научный сотрудник Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, профессор кафедры классической филологии Института восточных культур и античности РГГУ. 1satissuperque@gmail.com.

Братухин Александр Юрьевич – доктор филол. наук, доцент кафедры мировой литературы и культуры Пермского гос. национального исследовательского ун-та (ПГНИУ). Bratucho@yandex.ru.

Братухина Людмила Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры мировой литературы и культуры ПГНИУ, Bratucho@yandex.ru

Буклагина Ирина Сергеевна – аспирант кафедры Истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ. irbuk89@yandex.ru

Ванюков Андрей Сергеевич – преподаватель кафедры древних языков ИЛ РГГУ. a_van_97@mail.ru

Васильева Ирина Эдуардовна – канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы СПбГУ. i.vasileva@spbu.ru

Васильков Ярослав Владимирович – доктор филол. наук, гл. научн. сотр., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. yavass011@gmail.com

Верещагина Ангелина Васильевна – канд. филол. наук, доцент кафедры классической филологии ФГБОУ ВО МГЛУ. linaanghelina@mail.ru

Виноградов Андрей Юрьевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотр., доцент. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Школа исторических наук, Лаборатория медиевистических исследований. auvinogradov@hse.ru

Волошина Оксана Анатольевна – канд. филол. наук, доц. кафедры Общего и сравнительно-исторического языкознания филол. факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. oxanav2005@mail.ru

Воробьев Григорий Михайлович – PhD, канд. филол. наук, научн. сотр. ИЛИ РАН. grisparrow@gmail.com

Ганина Наталия Александровна – доктор филол. наук, проф. кафедры германской и кельтской филологии МГУ им. М. В. Ломоносова. ganina@philol.ru

Гимадеев Ильяс Рустэмович – аспирант кафедры классической филологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. eliasgimad@mail.ru

Гнатишак Марта Юрьевна – ассистент кафедры классической филологии Львовского национального университета имени Ивана Франко. mhnatyshak@gmail.com

Григорьева Елена Васильевна – MA, докторант, Humboldt-Universität zu Berlin, Theologische Fakultät, Seminar für Kirchengeschichte. elena.grigoryeva.2@cms.hu-berlin.de

Грошева Антонина Васильевна – доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН.

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович – доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка Дагестанского государственного университета, г. Махачкала. garun48@mail.ru

Дмитриева Софья Игоревна – канд. филол. наук, научн. сотр. ИЛИ РАН. s.i.dmitrieva@gmail.com

Домосилецкая Марина Валентиновна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН. marinaling@mail.ru

Дувакин Евгений Николаевич – канд. филол. наук, науч. сотр. отдела Америки Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. e.duvakin@gmail.com

Евдокимова Александра Алексеевна – канд. филол. наук, науч. сотр. Институт языкознания РАН, arochka@gmail.com

Еселева Анастасия Александровна – канд. филол. наук, научн. сотр. ИЛИ РАН. eselana@mail.ru

Желтова Елена Владимировна – канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой классической филологии СПбГУ. e.zheltova@spbu.ru

Жолудева Любовь Ивановна – канд. филол. наук, старший преподаватель каф. романского языкознания филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. l.zholudeva@gmail.com

Жугра Альвина Венедиктовна – канд. филол. наук, ст. научный сотрудник ИЛИ РАН.

Забудская Яна Леонидовна – канд. филол. наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. yanazabud@mail.ru

Иваненко Александр Владимирович – канд. филол. наук, науч. сотр. отдела истории украинского языка и ономастики Института украинского языка НАН Украины (Киев, Украина): skifetym@gmail.com

Иванов Сергей Валентинович – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН. serge0ivanov@gmail.com

Илиади Александр Иванович – доктор филол. наук, проф. кафедры перевода, прикладного и общего языкознания Кировоградского гос. пед. университета им. Вл. Винниченко, г. Кировоград, Украина. alexandr.iliadi@gmail.com

Илюшечкина Екатерина Викторовна – канд. ист. наук, PhD (Groningen, The Netherlands), старший научный сотрудник Лаборатории античной культуры ШАГИ ИОН РАНХиГС, доцент кафедры всеобщей истории ШАГИ ИОН РАНХиГС. ilyushechkinae@gmail.com

Исаенко Роман Андреевич – аспирант Санкт-Петербургского гос. университета, филологический факультет, кафедра классической филологии. isaenkora@mail.ru

Казанская Мария Николаевна – канд. филол. наук, PhD, научный сотрудник ИЛИ РАН.

Казанскене Ванда Пятровна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего языкознания СПбГУ. v.p.kazanskiene@mail.ru

Каштанов Денис Викторович – независимый исследователь. kastanon@gmail.com

Кириллова Мария Николаевна – м. н. с. ИВИ РАН, ассистент кафедры «История» МГТУ им. Н.Э. Баумана. marikirillowa@yandex.ru

Кисилиер Максим Львович – канд. филол. наук, доцент кафедры общего языкознания СПбГУ, старший научный сотрудник ИЛИ РАН, директор Греческого института СПбГУ. m.kisilier@spbu.ru

Клейнер Светлана Дмитриевна – канд. филол. наук, ст. научный сотрудник ИЛИ РАН. anthars@gmail.com

Корнеев Олег Валентинович – старший преподаватель кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ; kov85@yahoo.com.

Корсо Антонио (Antonio Corso) – PhD, Italy.

Корчагин Алексей Олегович – канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры древних языков исторического факультета Московского Гос. Университета им. М. В. Ломоносова. megistos@mail.ru

Котова Анастасия Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургской государственной академии ветеринарной медицины. anastakot@gmail.com

Кочаров Петр Александрович – канд. филол. наук, ст. научный сотрудник ИЛИ РАН.

Крючкова Евгения Родионовна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН. erkryuchkova@mail.ru

Кузьменко Юрий Константинович – доктор филол. наук, профессор, гл. науч. сотр. ИЛИ РАН. jk7559873@gmail.com

Курилова Анна Дмитриевна – канд. филол. наук, доцент кафедры литературы Астраханского государственного университета, akurilova@mail.ru

Kučinskienė Audronė – Doctor of Humanities, associate professor of the Institute of Anglicistics, Romantics and Classical Studies, Vilnius University, Lithuania. audronekucinskiene@hotmail.com

Лебедев Андрей Валентинович – канд. филол. наук, ведущий науч. сотр. Института философии РАН (Москва); University of Crete. anlebedev@gmail.com

Lotman Maria-Kristiina – PhD, lecturer, University of Tartu, Эстония. maria.lotman@mail.ee

Мугумова Анна Львовна – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и истории русского языка Дагестанского государственного педагогического университета, г. Махачкала. garun48@mail.ru

Понарядов Вадим Васильевич – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Ин-та языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар). vadim.ponaryadov@yandex.ru

Романюк Ирина Арсеньевна – ассистент Львовского национального университета им. Ивана Франко, г. Львов, Украина. dumans@i.ua

Рыбакова Ирина Викторовна – канд. филол. наук, доц. кафедры общего языкознания филол. факультета МПГУ Rybakova_irina@mail.ru

Сафронов Александр Владимирович – канд. исторических наук, доцент Московского государственного областного университета, старший научный сотрудник Отдела истории и культуры древнего Востока Института востоковедения РАН. safronov1477@yandex.ru

Шмаина-Великанова Анна Ильинична – доктор культурологии, профессор Центра изучения религии РГГУ. anna.shmaina@gmail.com

Научное издание

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ-XXII (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 18–20 июня 2018 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. Первый полутом (с. 1–794). СПб.: Наука, 2018. – 794 с.

ISSN 2306-9015 Indoevropejskoe âzykoznanie i klassičeskaâ filologiâ
ISBN 978-5-02-040351-2

Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН

Подписано к печати 15 мая 2018
Формат 60x90 1/16
Тираж 500 экз.
Санкт-Петербургская издательско-кноготорговая фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1.
main@nauka.nw.ru
www. naukaspb.com

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21.
тел./факс: (812)6220123
menager_nestor@list.ru

Подписка осуществляется по интернет-каталогу «Книга-сервис»
http://www.akc.ru/goods/1558086950

Материалы доступны в электронном виде на сай те ИЛИ РАН
https://tronsky.iling.spb.ru/en/issues.html